

ДЛМ 40

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Труды Отдела древнерусской литературы

L

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ

1996

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
«ТРУДОВ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Генрик Бирнбаум (Лос-Анджелес), Санте Грачотти (Рим), А. С. Демин (Москва), Н. С. Демкова (С.-Петербург), Стефан Кожухаров (София), Лудольф Мюллер (Тюбинген), Анджеей Поппэ (Варшава), Н. Н. Покровский (Новосибирск), Е. К. Ромодановская (Новосибирск), Ганс Роте (Бонн), Л. И. Сазонова (Москва), Антониос-Эмилиос Н. Тахиаос (Фессалоники), О. В. Творогов (С.-Петербург), В. Л. Янин (Москва).

Редколлегия:

*А. А. Алексеев, О. А. Белоброва, Д. М. Буланин,
Н. В. Поньрко, М. А. Салмина*

Рецензенты:

В. В. Колесов, Г. М. Прохоров

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту 96-01-16299*

Серия основана в 1934 г.

ISBN 5-86007-072-1

© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской Академии
наук, 1996
© Издательство «Дмитрий Буланин», 1996

*К 90-летию академика
Дмитрия Сергеевича
Лихачева*

Настоящий том «Трудов Отдела древнерусской литературы» его участники посвящают 90-летию Дмитрия Сергеевича Лихачева, который более 40 лет возглавляет Отдел и столько же времени является главным редактором «Трудов».

Этот том собрал далеко не всех авторов, кто мог бы с пользой для науки и читателя в нем участвовать, и вместил лишь небольшую часть статей, которые по праву могут и должны быть посвящены юбилею. В течение нескольких последних десятилетий отражение его личности можно видеть в подавляющем большинстве работ, посвященных русской литературе, искусству и культуре XI—XVII вв., во многих работах, посвященных литературе и искусству других славянских народов. Но очень часто влияние его выходит и за эти хронологические пределы, и за эти географические границы, оно становится фактом научной теории, интеллектуальной действительности и духовной жизни.

Масштабный возраст юбиляра уже не раз давал повод для чествований, не первый раз его чествуют и «Труды», но в последние годы мы узнали о себе и стране много нового, и это позволяет нам увидеть в новом свете Дмитрия Сергеевича Лихачева и заново оценить результаты его научной деятельности и общественного служения.

В конце прошлого и начале текущего столетия филологическая наука в России пережила совершенно исключительный по размаху период творческого самораскрытия. Его начало было ознаменовано дерзким выступлением гимназиста Алексея Шахматова на диссертационном диспуте молодого магистранта Алексея Ивановича Соболевского в 1882 г. Юный критик отметил несколько промахов, обязанных тому, что в работе были использованы печатные публикации текстов, а не рукописные источники. Урок великого Шахматова пошел на пользу не только великому Соболевскому, но всей русской науке. За три десятилетия обследованию, описанию, иногда весьма тщательному изучению подвергнуты были почти все источники древнерусской письменности. Казалось, следующим поколениям оставались лишь крохи со стола грандиозного пиршества, т. е. скромная инвентаризация, уточнения и поправки. Но даже эта мало увлекательная перспектива исчезла в свете революции. Новая власть не шутя повела наступление на старые культурные традиции, на христианство и другие верования, а вместе в ними — на независимую науку, как если бы именно она служила опорой «религиозному невежеству».

При образовании в 1934 г. Отдела древнерусской литературы директор Пушкинского Дома академик А. С. Орлов указал спасительный путь, который давал легальное прикрытие историко-филологическим исследованиям. Это был путь эстетической критики. После блистательного успеха «формальной школы» новые идеи носились в воздухе. Методы литературного анализа древнерусских текстов уже применял сам А. С. Орлов, а рядом с

ним П. Н. Сакулин, Н. К. Гудзий, В. Н. Перетц, В. П. Адрианова-Перетц, И. П. Еремин, когда в двух диссертациях (1941, 1947) Д. С. Лихачев разработал вопрос об истории и литературных формах летописи. Это наиболее прагматический, документальный источник. по своему функциональному использованию в наименьшей степени обращенный к читателю и слушателю; тем важнее было открытие в его организации признаков литературного жанра. Так нашел Д. С. Лихачев, по крайней мере для себя, новый подход к древнерусским текстам. В течение двух следующих десятилетий он сумел распространить его почти на весь физический объем сохранившихся от средневековья письменных источников. Обычно такие задачи решает научная школа, здесь с нею справился один исследователь. Его путь лежал через текстологию в двух направлениях: к происхождению литературных форм, т. е. возникновению древнерусской литературы, и к их функционированию, т. е. поэтике и стилистике. После этого сделалось возможным определять древнерусскую литературу как единое целое в ее художественном методе и в различных ее проявлениях.

Вовлечение летописи в круг литературных произведений привело к структурным переменам в предмете. Прежде всего оказалось возможным объединение местных литератур в единый древнерусский литературный процесс, поскольку по своим историческим судьбам именно летопись является главным общерусским произведением, в составлении и редактировании ее приняли участие все книжные центры. Далее, летопись дала средства для построения единой хронологии древнерусской литературы, нашедшей опору в хронологии летописания. Наконец, практика текстологических исследований сложилась в России именно на материале летописи, прежде всего в работах А. А. Шахматова, так что перемещение летописи в центр научных интересов обусловило развитие текстологических приемов исследования.

Широкое применение методов современной текстологии и современного литературоведения к древнерусским текстам имело поразительные результаты. В несвободной стране, при тирании цензуры в сфере литературной деятельности и научного исследования открылась область вольного творчества, поскольку литературно оформленными оказываются не только описания природы и любовных переживаний у классиков реализма, но также и хроникальные заметки летописца, визионерские откровения агнографа, рассудочные или же патетические увещания проповедника, полемические трактаты и молитвенные обращения к Господу. Лучшие филологические силы собрались вокруг Лихачева, и скоро стало возможным говорить о новой школе в текстологии, о новой школе литературного анализа. Даже после эпохи «Sturm und Drang'a» начала века этой школе нашлось чем заняться в древнерусской письменности. Полномасштабное применение текстологического анализа привело к тому, что из вспомогательной дисциплины по розыскам «лучшего списка» текстология превратилась в средство создания литературной истории отдельного произведения. В результате объем научных знаний о древнерусской книжности возрос многократно. Литературный быт и литературный процесс Древней Руси сделались в той же мере доступными исследованию, как ее литературные шедевры. В поле зрения науки вошли региональные книжные центры и вместе с ними много новых имен писателей средневековья. Возникли предпосылки не только для составления каталога сохранившихся письменных источников, но и для выяснения отношения между ними, а это уже начало научной истории предмета. Пожалуй, школа не восприняла от своего основателя способности к широким обобщениям и глубине эстетического анализа, ибо это искусство дается как дар, а не навык. И все же стремление к вскрытию эстетической природы литературного произведения, равно как потребность рассмотреть отдельный ли-

тературный факт во всем многообразии его связей знакомы в той или иной степени всем исследователям постлихачевской формации.

Ни одно другое литературоведческое направление в истории нашей страны не имело столь сильного влияния на общество. Идеи, рожденные при изучении древней письменности, нашли применение в сфере искусства, связь слова и образа сделалась зримой и слышимой. Лингвисты также взялись за освоение текстологических методов, чтобы надежнее связать языковые изменения с хронологией и исторической диалектологией. История литературного языка Древней Руси стала не только предметом университетских лекций, но и академических исследований.

Пропасть, отделившая древнерусскую культуру от культуры новой России, была углублена и расширена эпохой воинствующего атеизма, — и ничто другое не способствовало в такой мере ее преодолению, как труды Д. С. Лихачева. В сфере эстетических категорий, в сфере духовности, свободной от ритуала, оказалось возможным преодоление исторически обусловленного разрыва. В конце XX в. образованное русское общество стало ближе к культуре Древней Руси, чем это было в два предшествующих столетия. То, что прежде, по строгим оценкам, трактовали как несовершенное отражение византийской образованности, получило свое самостоятельное значение и заняло законное место в культурной истории Европы. Для красоты и духа нет столицы и провинции, потому произведения древнерусской литературы теперь переводят на другие языки.

Пробуждение нашей страны от кошмара тоталитаризма, от обморока застоя было одним из немногих событий, которые носили поистине всенародный характер. Блестящая, хотя и недолгая, политическая карьера в это время академика Лихачева свидетельствует о том, в какой мере распад, казалось, вечных устоев был следствием его трудов по освобождению общественного сознания от тяжелой болезни. В политической истории недавнего прошлого нам запомнилось несколько мгновений, когда именно он воплощал в себе совесть нации, был символом гуманности и чести. Историко-филологическая наука в России знает немало блистательных имен, среди них были честные труженики гражданской нивы — А. А. Шахматов, И. А. Бодуэн де Куртене, однако никто из наших говарищей по профессии не достиг таких внушительных результатов в своей общественной работе, как Д. С. Лихачев. Правда, лучшие его достижения на этом поприще обязаны вовсе не Фонду культуры, который ему пришлось возглавлять несколько лет. Он действует увереннее, когда не связан аппаратом и казенщиной. Крупным деятелям культуры присущ стихийный анархизм, поразительная эффективность их индивидуальных действий поддерживает нашу утопическую веру в царство свободы и справедливости на земле.

В эти последние годы с особой отчетливостью стало видно, что самым ценным созданием Дмитрия Сергеевича Лихачева является его личность и что его жизнь — одно из поучительнейших его произведений. Судьба не оставила его в стороне от главных событий страны, но Соловки и блокада, равно как темные десятилетия эпохи сталинских наследников, нашли в нем не замученную жертву, а верного свидетеля и строгого судью. Нет, он не был выше страданий, но Иов на гноище и сгорающий в мучительном огне Феникс говорят нам не о безысходности горя, а о возможности его преодоления. Кажется, эти образы могут дать правильное понимание характера Лихачева и его судьбы.

Долголетие невозможно без известных физических предпосылок и счастливой наследственности. Однако долгая жизнь Дмитрия Сергеевича несет на себе печать особой исключительности. Людям, которые близко знают его, открывается в нем одна замечательная черта — отсутствие равнодушия

к миру. Упрек, который заслужила Лаодикийская церковь — «ты не холоден, ни горяч», — меньше всего может быть обращен к нему. В этой горячности берут исток исключительная широта интересов, способность увлекаться людьми, идеями, мыслями. Потому в течение многих десятилетий так притягательна для русских и зарубежных славистов кафедра Отдела древнерусской литературы, где знают они, что слова их будут услышаны, поняты и истолкованы самым благожелательным образом. Но столь же резко и определенно проявляется его холодность, в которой берут исток его общественный темперамент, позиция борца. Потому не рассеивается толпа его посетителей, идущих к нему с заботами, жалобами, а порой и капризами. Эти горячность и холодность как два большие крыла поддерживают высокий и долгий полет.

Редакционная коллегия

Д. С. Лихачев и отечественная медиевистика

Ученики и сотрудники Д. С. Лихачева, вероятно, лучше, чем кто-либо другой, способны оценить его вклад в изучение древнерусской литературы, выделить те направления исследований, которые более всего его привлекали, те научные методы и принципы, которым он следовал. Эта статья — попытка из огромного количества книг и статей, написанных ученым, выделить то, что, по мнению автора, быть может и субъективному, имеет особенно принципиальное значение, вошло в золотой фонд отечественной филологии.

Свой научный путь Д. С. Лихачев начал несколько необычно — не с серий статей по частным вопросам и мелких публикаций, а с обобщающих трудов: в 1945—1947 гг. вышли одна за другой три книги, охватившие историю русской литературы и культуры за несколько веков,¹ и монография, предложившая во многом новую концепцию возникновения русского летописания и эволюции летописи как жанра вплоть до XVI в.² В этих книгах проявилась характерная для многих работ Лихачева черта — стремление рассматривать литературу в ее теснейших связях с другими областями культуры — просвещением, наукой, изобразительным искусством, фольклором, народными представлениями и верованиями. Этот широкий подход позволил молодому ученому сразу же подняться к тем высотам научных обобщений, которые являются преддверием концепционных открытий. Одно из них содержится в небольшой, но насыщенной интересными фактами и интерпретациями книге о русской культуре XIV—XV вв., в которой Д. С. Лихачев выдвинул и убедительно обосновал гипотезу о русском Предвозрождении.³ Именно здесь проявилась продуктивность того широкого подхода к явлениям культуры, о котором уже говорилось: Д. С. рассматривает и идейные веяния, пришедшие на Русь из Византии или от южных славян, и учение о букве и слове Константина Костенческого, и влияние новых стилей и манер в изобразительном искусстве, и, конечно, новые явления в литературе, принесенные на Русь волной второго южнославянского влияния «Могучие токи нового предвозрожденческого движения, — пишет автор, — захватили собой не только всю Западную Европу, Византию, но также Псков, Новгород, Москву, Тверь, весь Кавказ и часть Малой Азии. На всем пространстве этой колоссальной территории мы встречаемся с однородными

¹ Лихачев Д. С. 1) Национальное самосознание Древней Руси. Очерки из области русской литературы XI—XVII вв. М., Л. 1945, 2) Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. Л. 1945 3) Культура Руси эпохи образования Русского национального государства (конец XIV — начало XVI в.) Л. 1946

² Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., Л. 1947

³ Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.) М., Л. 1962

явлениями, вызванными развитием демократической жизни в городах и усиленным культурным общением стран».⁴ «Новое движение, — пишет далее Лихачев, — выработало вкусы, определившие форму и содержание литературных произведений двух ближайших столетий <...> В результате этой всей огромной совместной работы славянских ученых были выработаны литературные принципы, способные передать пышность, торжественность тем и подъем чувств своего времени».⁵ Наблюдения Д. С. Лихачева над эволюцией доминирующих стилей (эпоха русского Предвозрождения — лишь один этап этого движения) обобщены в его блестящей книге «Человек в литературе Древней Руси»,⁶ в которой были окончательно разрушены прежние представления о косности, однообразии русской средневековой литературы. Постепенно Д. С. Лихачев подходил к мысли о необходимости создать теоретическую историю литературы, в которой были бы исследованы «характер (литературного. — О Т) процесса, его движущие силы, причины возникновения тех или иных явлений, особенности историко-литературного движения данной страны сравнительно с движением других литератур» — так определены цели такого историко-литературного исследования в новой книге Д. С. — «Развитие русской литературы X- XVII веков: Эпохи и стили».⁷ Двумя годами ранее в совместной с В. Д. Лихачевой книге Д. С. публикует статью «Пути к новой русской литературе»,⁸ в которой охарактеризованы основные направления развития русской литературы, т. е. представлена все та же теоретическая история древнерусской литературы. Эти направления сформулированы с предельной четкостью и лаконичностью («развитие от великих стилей эпохи к литературным течениям», «постепенное снижение прямолинейной условности искусства», «возрастание личного начала в литературе», «расширение социальной среды литературы»), и всякий раз, обращаясь к анализу тех или иных явлений в литературе Древней Руси, убеждаешься в правомерности и универсальности предложенных Лихачевым формулировок. Теоретическая история — книга «Развитие русской литературы...» не смогла, разумеется, в равной мере охватить все стороны семивекового литературного процесса. Наиболее удачным, на мой взгляд, является раздел, посвященный возникновению и первым векам развития литературы с убедительным объяснением процесса «трансплантации» общеславянской литературы-посредницы на русскую почву, и обоснование важного понятия о «стиле эпохи». Именно в формулировках этого термина как бы подводится итог многолетним разысканиям ученого, направленным на обнаружение того «взаимопроникновения» литературы и искусства, о котором он писал еще в своей первой книге. «Итак, специфика отдельных искусств (в том числе и искусства слова), — пишет Лихачев в главе «О стиле эпохи», — в средние века выражена слабее, чем в новое время, — одновременно сильнее, чем в новое время, сказывается общность всех искусств, их объединенность „стилем эпохи“».⁹ Д. С. показывает наличие общих «стилеобразующих элементов» у таких, казалось бы, отдаленных друг от друга сфер, как литература и архитектура, как фресковая живопись и сочинения историографии, как естественнонаучные сочинения и достижения политической и общественной мысли. Исследователь не ставит точку своими наблюдениями: признавая чрезвычайную сложность обозначенного им феномена,

⁴ Там же С 15

⁵ Там же С 47

⁶ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., Л., 1958, 2-е изд. — М. 1970

⁷ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л. 1973

(4

⁸ См. Лихачева В. Д. Лихачев Д. С. Художественное наследие Древней Руси и ее современность. Т. 1971 С. 71—112

⁹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков С. 64

он призывает к его дальнейшим углубленным исследованиям объединенными усилиями «многих исследователей разнообразных специальностей».¹⁰

Параллельно с анализом историко-литературных процессов Д. С. Лихачев выделяет как особую тему исследования художественную специфику древнерусской литературы. Вслед за серией статей по частным вопросам Д. С. публикует большую обобщающую статью в ТОДРЛ,¹¹ сохраняющую свое значение и по сей день как наиболее исчерпывающее, несмотря на лаконичность, описание основных особенностей древнерусской литературы. В расширенном варианте эти же проблемы рассмотрены в книге Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы», выдержавшей три издания и переведенной на ряд языков.¹²

Но вернемся к обобщающим работам по истории древнерусской литературы. Сила исследовательского таланта Д. С. Лихачева в его способности к глобальным обобщениям, в умении выявить определяющие ход развития литературные процессы, магистральные направления развития. Ученый словно бы смотрит на литературу Древней Руси с высоты, охватывая ее «панорамным зрением» (это термин Д. С. Лихачева). Любуясь из иллюминатора современного авиалайнера расстилающейся внизу землей, мы видим лишь величественную панораму, оживляемую голубыми лентами полноводных рек, бескрайние зеленые ковры лесов, величественные вершины гор. Но даже зоркому взгляду недоступны рассыпанные внизу городки и села, неразличимы паутинки проселочных дорог, ничтожки маленьких речушек, квадратички огородов; так и при панорамном обозрении литературы мы рискуем не заметить частностей, оторваться от самой плоти — конкретных произведений, изучение которых порой способно в корне изменить традиционные «общие представления». Так, блестяще нарисованная в книге «Культура Руси времени Андрея Рублева...» картина развития русской литературы эпохи Предвозрождения (повторенная затем в книгах «Человек в литературе Древней Руси» и «Развитие русской литературы X—XVII веков») потребовала существенных коррективов после передатировки ряда памятников, служивших опорными точками всей конструкции: переводы Сербской Александрии, Троянских сказаний, житий сербских святых пришли на Русь на полвека позднее, чем представлялось ранее; в начале XVI в., а не в середине XV, был создан «Русский хронограф», и его стиль, так ярко описанный Д. С. Лихачевым, — это слегка подретушированный составителем стиль Хроники Манассии, ставшей известной на Руси, вероятно, лишь в самом конце XV в. «Повесть о Петре и Февронии», определившая структуру главы «„Психологическая умиротворенность“ XV в.» в книге «Человек в литературе Древней Руси», оказалась написанной, как доказала Р. П. Дмитриева, Ермолаем Еразмом в 40—50-х гг. XVI в. Естественно, что один исследователь не в силах охватить все стороны литературы, насчитывающей в своем репертуаре тысячи произведений и многие десятки писательских имен. Но маленькие частности способны вызвать глубокие трещины в монументальных общих построениях.

Эту опасность «отрыва от земли» прекрасно понимает и сам Лихачев. Во-первых, наряду с обобщающими работами о литературе Древней Руси на всем протяжении ее развития он обращается к изучению конкретных памятников — летописей, «Слова о полку Игореве», цикла повестей о Николе Заразском, сочинений Ивана Грозного, «Повести о Горе-Злочастии» и мн.

¹⁰ Там же. С. 67.

¹¹ Лихачев Д. С. К изучению художественных методов русской литературы XI—XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 5—28.

¹² Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967; 2-е изд. — Л., 1971; 3-е изд. — Л.: М., 1979.

др.¹³ Во-вторых, он обратил особое внимание на саму «плоть» литературы, начав с рассмотрения ее организующего начала — системы литературных жанров. В докладе о жанрах древнерусской литературы, прочитанном в 1963 г. на V Международном съезде славистов,¹⁴ Лихачев специально остановился на чрезвычайной сложности задаче, стоящей перед исследователями средневековой славянской книжности. Если общие курсы литературы и обобщающие труды обычно «высвечивают» в основном шедевры — горные вершины, если вернуться к нашей метафоре с панорамой, открывающейся с восточного берега, — то уже само перечисление жанров (пока еще только жанров!) заставляет воскликнуть вместе с Ломоносовым: «Открылась бездна звезд полна; Звездам нет числа, бездне дна». Показав сложности, характерные именно для средневековых литератур (неустойчивость жанровых определений, вариативность заглавий произведений, сложные «сцепления» в жанровых ассоциациях и т. д.), Д. С. Лихачев невольно подводил к мысли (хотя прямо и не высказанной в данной работе) о необходимости создания своего рода энциклопедии древнерусской литературы, которая ввела бы в научный оборот сотни произведений «второго ряда», ибо только это обогащение новыми фактами позволило бы более объективно изучать и саму жанровую систему Древней Руси, о которой говорилось в упомянутом докладе.

Так родился замысел создания монументального «Словаря писателей, деятелей книжной культуры и литературных памятников Древней Руси».¹⁵ Д. С. Лихачев сумел вместе со своими сотрудниками — редакторами томов — организовать большой авторский коллектив, и в результате многолетний труд, значительно превзошедший по объему предполагавшийся первоначальный проект, уже близок к завершению.¹⁶

Теоретические построения Д. С. Лихачева подкреплены теперь новым обширным фактическим материалом, причем «Словарь» явился не только сводом суждений, накопленных за два века интенсивного изучения древнерусской литературы, но содержит и множество новых археографических открытий, и результаты текстологических и историко-литературных разысканий, осуществленных его авторами, среди которых, естественно, и сам Д. С. Лихачев.

Представления о древнерусской литературе и путях ее развития, разработанные в обобщающих трудах Д. С. Лихачева, нашли отражение и в коллективных трудах его сотрудников, соавтором и ответственным редактором которых выступал сам Д. С. Я имею в виду прежде всего раздел о древнерусской литературе в академической истории русской литературы,¹⁷ а также вышедший двумя изданиями учебник для вузов под редакцией Д. С. Лихачева¹⁸

¹³ Работы этого рода собраны в книге Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986.

¹⁴ Лихачев Д. С. Система литературных жанров Древней Руси // Славянские литературы V Международного съезда славистов (София, сентябрь 1963 года). Докл. сов. делегации. М., 1963.

¹⁵ См. Буланин Д. М., Дмитриев Л. А. Задачи и принципы издания «Словаря писателей, деятелей книжной культуры и литературных памятников Древней Руси» // РЛ. 1980. № 1. С. 109—120.

¹⁶ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI первая половина XIV в.) Л., 1987; Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.) Ч. 1—2. Л., 1988—1989; Вып. 3 (XVII в.) Ч. 1—2. Л., 1992—1993. Ч. 3—4 находятся в производстве.

¹⁷ История русской литературы. В 4 т. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века / Отв. редакторы Д. С. Лихачев и Г. П. Макогоненко. Л., 1980. С. 11—407 (авторы глав — Л. А. Дмитриев, Я. С. Лурье, Г. Н. Моисеева, А. М. Панченко, О. В. Творогов, автор Введения и Заключение — Д. С. Лихачев).

¹⁸ История русской литературы X—XVII веков. Уч. пособие для студентов пед. ин-тов. М., 1980. 2-е изд. — М., 1985 (авторы разделов — Л. А. Дмитриев, Я. С. Лурье, А. М. Панченко, О. В. Творогов, автор Введения и Заключение — Д. С. Лихачев).

Стоит подчеркнуть, что Лихачев является неустанным пропагандистом древнерусской литературы, стремясь сделать ее шедевры неотъемлемой частью филологического и историко-культурного кругозора самого широкого читателя. В этой связи необходимо особо выделить прекрасную книгу Д. С. Лихачева «Великое наследие», знакомящую читателя с наиболее значительными произведениями древнерусской литературы, с ее самыми знаменитыми писательскими именами,¹⁹ раздел о древнерусской литературе в книге «Земля родная»,²⁰ книгу «Культура русского народа»²¹ и ряд научно-популярных книг о «Слове о полку Игореве».²²

Популяризация научных знаний — исключительно трудное дело: она требует не только знаний, но и немалого литературного таланта, и в то же время ученому, отдающему дань пропаганде любимой науки, может грозить в глазах неосведомленных людей «подмена облика»: так, Д. С. Лихачев может предстать в их глазах прежде всего переводчиком и издателем «Слова о полку Игореве».

Действительно, ученый посвятил «Слову» немало работ, десятки раз издавался его перевод памятника, десятками исчисляются его статьи в журналах и газетах, бесчисленны интервью, добытые настойчивыми журналистами и телекомментаторами. И важно, чтобы в этой суете, вызванной то очередным юбилеем, то насущными потребностями школы (должен отметить, что Д. С. Лихачеву принадлежит прекрасная книга о «Слове», адресованная непосредственно учителю²³), то очередными страстями вокруг подлинности памятника, не забылся огромный научный вклад Лихачева в исследование «Слова».

В-первых, он, как никто из его предшественников, основательно разработал вопрос о «Слове» как историческом источнике, — но не в том приливном смысле, каковой содержит любой исторический комментарий к изданию памятника. Лихачев показал, что «Слово» отражает не только и не столько факты русской истории XII в., сколько позволяет нам заглянуть в ее глубинные процессы: оценки князей и их поступков, самих событий отражают представления и пристрастия современников, в «Слове» перед нами предстает Русь XII в. глазами мудрого автора-патриота с его неизбежной субъективностью и пристрастиями. И этот взгляд изнутри, удивительно тонко высветленный и объясненный Лихачевым, как нельзя лучше отмечает любые предположения о возможности позднего создания «Слова».²⁴

Во-вторых, именно Лихачев в своей статье 1957 г. по-новому поставил вопрос о точности первого издания «Слова». Произведенное им сопоставление оригинального текста «Поучения» Владимира Мономаха с изданием его, осуществленным тем же А. И. Мусиным-Пушкиным, убедительно показало наличие совершенно иных принципов передачи древнерусских текстов, противопоставило закипаниям о тексте, будто бы переданном «буква в букву», основанный на фактах иной подход с учетом эдиционных принципов рубежа XVIII—XIX вв.²⁵

¹⁹ Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975, 2-е изд. — М., 1979.

²⁰ Лихачев Д. С. Земля родная. М., 1983. С. 193—252.

²¹ Лихачев Д. С. Культура русского народа X—XVII вв. М., Л., 1961.

²² Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы. М., Л., 1961. 2-е изд. Л., 1967.

²³ Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк. М., 1976, 2-е изд. М., 1982.

²⁴ Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве (6 исследований и статей). М., Л., 1950. С. 5—52.

²⁵ Лихачев Д. С. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. // ЮДРЛ. М., Л., 1957. Т. 13. С. 66—89.

В-третьих, именно Д. С. Лихачеву принадлежат работы, в которых «Слово» рассматривается в контексте эстетических представлений своей эпохи. Чаще всего пытались подчеркнуть необычность, уникальность «Слова» (что могло легко привести к уклонению в «ересь скептицизма»), Лихачев же, напротив, показал, что «Слово» при всем исключительном мастерстве своего автора все же вполне соответствует литературным нормам XII в., отвечает требованиям литературного этикета, неразрывно связано с традициями древнерусской поэзии.²⁶ Не обошел Лихачев и «большого вопроса» слововедения — проблемы автора «Слова». Решительно отвергнув бесплодные поиски конкретного лица (имя, назовите нам имя! — наивно, но настойчиво требуют от ученых многочисленные поклонники «Слова»), он привел ряд весомых аргументов в пользу мнения, согласно которому автором «Слова» был княжеский певец-профессионал.²⁷

В-четвертых, Лихачеву принадлежит серьезный «прорыв» в изучении взаимоотношений «Слова» и «Задонщины» как одного из важнейших доказательств древности «Слова». Он обосновал существование особой «поэтики подражания», которая позволяет почти безальтернативно утверждать первичность «Слова».²⁸ Более убедительной представляется и аргументация Лихачева в его споре с Д. Феннелом о «текстологическом треугольнике» — взаимоотношениях рассказов о походе Игоря Святославича в «Слове», «Задонщине» и Ипатьевской летописи.²⁹

В-пятых, Д. С. Лихачев был инициатором и участником двух монументальных трудов, посвященных «Слову»: он поддержал идею создания словаря-справочника «Слова о полку Игореве», а затем стал его основным редактором, придавшим этой лингвистической по сути работе тот литературоведческий ракурс, который особенно необходим при изучении такого памятника, как «Слово».³⁰ Лихачеву принадлежит и идея создания «Энциклопедии „Слова о полку Игореве“», редактором и одним из авторов которой он являлся.³¹

В золотой фонд отечественной филологии несомненно входит сборник работ Д. С. Лихачева — «„Слово о полку Игореве“ и культура его времени».³² Мы встретим уже в названии книги знакомое словосочетание: памятник литературы и культура его времени. И действительно, входящие в сборник статьи по своей совокупности как нельзя лучше подтверждают любимую идею ученого: понять литературное явление можно, только обладая глубокими знаниями о духовном мире той эпохи, в которую оно создано, ибо на автора оказывало влияние множество факторов: и политическая реальность — взаимоотношения князей и представления о ближнем и дальнем

²⁶ Этой теме посвящено несколько работ Лихачева. Наиболее ценные из них статьи «„Слово о полку Игореве“ и особенности русской средневековой литературы» (в сб. «Слово о полку Игореве» — памятник XII века М., Л., 1962 С. 300—320) и «„Слово“ и эстетические представления его времени» (в кн. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени Л., 1985 С. 39—75).

²⁷ См., например Лихачев Д. С. 1) Размышления об авторе «Слова о полку Игореве» // РЛ 1985 № 3 С. 3—6, 2) Тип княжеского певца по свидетельству «Слова о полку Игореве» // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени С. 230—233.

²⁸ Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины» (К вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве») // РЛ 1964 № 3 С. 84—107.

²⁹ Лихачев Д. С. «Текстологический треугольник» «Слово о полку Игореве», рассказ Ипатьевской летописи о походе князя Игоря в 1185 г. и «Задонщина» // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени Л. 1978 С. 293—309.

³⁰ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова М., Л., 1965 1984 Вып. 1—6. См. также Богородский Б. А., Ларин Б. А., Лихачев Д. С. О словах и комментарии «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ М., Л., 1960 Т. 16 С. 424—441.

³¹ Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб. 1995 Т. 1—5.

³² Л., 1978, 2-е изд. — Л., 1985.

зарубежье, и книжность в целом (репертуар наиболее читаемых книг), и ученые эстетические принципы (что считалось в кругу книжников-современников нормой, эталоном литературного совершенства), и живая реальность «словесности», в которую мощным потоком вливался фольклор во всех своих многообразных жанровых формах, и властный мир религиозных воззрений, сила воздействия которых многократно усиливалась величественной степенностью богослужения, строгостью форм храмовой архитектуры, одухотворенностью ликов на иконах и фресках, завораживающей прелестью заставок и миниатюр в книгах. Все это в своей совокупности и определяло творческие принципы древнерусского книжника, воссоздать которые в своей душе и должен попытаться современный исследователь.

К этой полноте восприятия далекой эпохи призывает нас и одна из главных книг Д. С. Лихачева — «Текстология».³³ Разумеется, основной задачей автора было предложить современному исследователю-медиевисту стройную систему взглядов на принципы изучения литературных памятников средневековья — как собирать и датировать списки, как восстанавливать историю текста, как готовить тексты к изданию и т. д. Эти основные темы капитального труда Лихачева хорошо известны каждому древнику. Но я бы хотел обратить внимание на другую, как бы отнесенную на второй план практическими проблемами, но не менее важную тему книги: на многочисленные примеры, основанных на собственном опыте и опыте своих коллег-древников, Лихачев создает необычайно выпуклый портрет древнерусского книжника. Иногда этот портрет совершенно конкретен (глава «Работа древнерусского книжника»), иногда же возникает лишь в результате текстологических наблюдений или археографических разысканий исследователей: перед нами то книжник-редактор (когда речь о редакциях произведений), то книжник-переводчик (раздел об изучении текста переводных произведений), то книжник-исследователь, историограф (глава об изучении текста летописей), то книжник-изограф (глава об изучении иллюстрированных рукописей). Важный урок «Текстологии» Лихачева состоит в том, что нельзя издавать, переводить, комментировать текст до тех пор, пока ты не попытаешься проникнуть в творческую лабораторию конкретного древнерусского книжника — автора, редактора или даже переписчика. И еще один, незаметный на первый взгляд, урок этой книги. В ней нет традиционного именного указателя. Вместо этого — «Указатель исследований и изданий памятников». Почему? Потому, пояснил мне Д. С. Лихачев, поручая составить указатель к первому изданию книги, что важно не имя исследователя (сколько раз он упомянут), а его работы, осуществленные им издания и исследования. Во-вторых, пусть для начинающего древника этот указатель будет своего рода рекомендательной библиографией. И действительно, указатель к «Текстологии» можно читать как книгу (чего не сделаешь с указателем именованным) — книгу об истории изучения древнерусской словесности учеными XIX — XX вв.

Все сказанное характеризует Д. С. Лихачева как исследователя по преимуществу. Но большой заслугой является то, что именно Лихачев превратил древнерусскую литературу из вузовской учебной дисциплины в непреходящий компонент духовной жизни современного гражданина, не только своими книгами и статьями, о чем уже шла речь, но прежде всего через организацию ряда публикаций памятников древнерусской литературы. Разумеется, переводы и переложения отдельных памятников существовали раньше: достаточно вспомнить возросший интерес к «Слову о полку Иго-

³³ Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.). М.: Л., 1962; 2-е изд., перераб. и доп. — Л., 1983.

реве» во время юбилея 1938 г. Но это были издания ограниченного и жанрово и тематически узкого круга памятников — «Слова о полку Игореве», воинских повестей, произведений демократической сатиры.

Д. С. Лихачев начал популяризацию произведений древнерусской литературы в рамках серии «Литературные памятники»: он участвовал в изданиях «Воинских повестей Древней Руси»,³⁴ а затем в 1950 г. осуществил самостоятельные издания «Повести временных лет»³⁵ и «Слова о полку Игореве»³⁶ — издания, сохранившие свою научную ценность до сего времени и прежде всего из-за исключительного богатства комментариев и из-за сопровождающих публикацию научных статей. И все же подлинное «открытие» древнерусской литературы во всем разнообразии ее памятников и жанров произошло в 1967 г., когда вышел в свет «Изборник»,³⁷ впервые в после-революционную эпоху познакомившей широкого читателя не только с летописью, с воинскими и бытовыми повестями,³⁸ но и с такими недоступными прежде массовому читателю жанрами, как жития и апокрифы. Хотя идеологический лед был сломан и «Изборник» вызвал неподдельный интерес (о чем с радостью и гордостью любил говорить Д. С. Лихачев), прошло еще несколько лет, прежде чем было решено издать в том же издательстве «Художественная литература» десяти томную (том десятый вышел в трех частях) серию «Памятники литературы Древней Руси».³⁹ Все издание шло не без трудностей: не удалось Д. С. Лихачеву добиться возможности открыть первый том «Словом о Законе и Благодати» Илариона,⁴⁰ мучительно подбирался состав второго тома, посвященного XII в., с тем чтобы «светская» и «религиозная» тематика уравнивали друг друга, и т. д. Но с каждым последующим томом авторитет серии нарастал, она была благополучно завершена⁴¹ и удостоена в 1993 г. Государственной премии Российской Федерации. Значение серии трудно переоценить: если не считать «Изборника», впервые перед читателем предстала древнерусская литература во всем многообразии своих жанров — летописи и жития, апокрифы и повести, памятники публицистики и политической мысли, философские и богословские сочинения, естественнонаучные сочинения и путевые очерки, послания и личные письма, словарные материалы и тексты берестяных грамот, силлабические стихи и драматические произведения. Всего в 12 книгах серии опубликовано около 300 произведений (не считая стихов, составивших последний том). Переводы и обстоятельные комментарии сделали памятники средневековой литературы доступными для любого читателя-неспециалиста. Издание «Памятников» позволило убедительно опровергнуть еще бытующее представление о бедности и однообразии русской средневековой литерату-

³⁴ Воинские повести Древней Руси М, Л 1949 Д С Лихачеву принадлежит издание в этой книге «Повести о разорении Рязани Батыем» в 1237 г

³⁵ Повесть временных лет Ч 1 Текст и перевод / Подгот текста Д С Лихачева, Пер Д С Лихачева и Б А Романова, Ч 2 Приложения Статьи и коммент Д С Лихачева М Л, 1950

³⁶ Слово о полку Игореве М, Л, 1950

³⁷ «Изборник» (Сб произведений литературы Древней Руси) М, 1969 (Б-ка всемирной литературы Сер первая) Книгу открывает вступительная статья Д С Лихачева «Первые семьсот лет русской литературы»

³⁸ Так, в 1958 г вышел сборник «Русские повести XV—XVI вв» в 1954 г вышел сборник «Русская повесть XVII века»

³⁹ Первый том серии (Памятники литературы Древней Руси Начало русской литературы XI—начало XII века / Вступ статья Д С Лихачева Сост и общая ред Л А Дмитриева Д С Лихачева) вышел в свет в 1978 г За ним последовали тома посвященные литературе XII в (1980), XIII в (1981) XIV—XVI вв (1981—1987) и XVII в (четыре книги 1988—1994)

⁴⁰ «Слово» было опубликовано в последней книге серии См ППДР XVII век Кн 3 М 1994 с 379—619

⁴¹ Предпоследний том серии вышел в 1989 г Выход последнего тома задержался лишь по техническим причинам

ры. Напротив, серия как бы явилась наглядной иллюстрацией к тем определениям самобытности и специфики древнерусской литературы, которые мы найдем в работах Лихачева. Он, с частности, предложил удивительно лаконичное и точное определение литературы XI—XVII вв.: «Древнерусскую литературу можно рассматривать как литературу одной темы и одного сюжета, — пишет Д. С. Лихачев. — Этот сюжет — мировая история, и эта тема — смысл человеческой жизни».⁴² Эта верная по существу характеристика как бы подготавливает нас к тому, что древнерусская литература однолинейна и суха. Но это не так, и Лихачев объясняет, в чем же истинное величие этой литературы и чем объяснимо ее многообразие: «Перед нами литература, которая возвышается над своими семью веками как единое грандиозное целое, как одно колоссальное произведение, поражающее нас подчиненностью одной теме, единым борением идей, контрастами, вступающими в неповторимые сочетания. Древнерусские писатели — не зодчие отдельно стоящих зданий. Это — градостроители. Они работали над одним, общим грандиозным ансамблем».⁴³ Этот ансамбль и воспроизводит в неизбежно сокращенном виде (ведь литературных произведений в Древней Руси были тысячи!) серия «Памятников». У нее есть еще одна ценная черта. Каждый том непременно открывается вступительной статьей Д. С. Лихачева, содержащей характеристику представленного в данном томе литературного периода или группы публикуемых текстов. Эти вступительные статьи в сумме своей представляют как бы очерк истории древнерусской литературы, однако адресованной не столько специалистам, сколько рядовым читателям, для которых он, возможно, явился первым окном в недоступный ему прежде храм древнерусской словесности.

Мне хотелось бы завершить свой обзор трудов и открытий Д. С. Лихачева-медиевиста (вероятно, субъективный, определяемый в какой-то мере знаниями и интересами пишущего) некоторыми замечаниями о школе Лихачева.

У него были прямые ученики, но вокруг него сложился и коллектив сподвижников, намного больший, чем число штатных сотрудников Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома. Они учились у Лихачева не только по его печатным трудам, но в значительной мере и в процессе общения с ним на заседаниях Отдела, которые в прежние годы были особенно регулярны, радовали интересными докладами профессионалов (и рядом с ними — первыми опытами аспирантов и студентов). Но всегда самым интересным на этих заседаниях были выступления самого Д. С. Лихачева.

Не раз он рассказывал нам в назидание о своем старшем коллеге — В. Л. Комаровиче. По словам Д. С., Комарович очень тщательно готовился к своим выступлениям в прениях, и как пример особой ответственности ученого проводился такой случай: однажды Комарович не пришел на заседание и объяснил это тем, что не успел подготовиться к выступлению по докладу. Я почти уверен, что сам Д. С. далеко не всегда «готовится» к предстоящему выступлению. Но он обязательно выступает, и эти выступления являются настоящей школой: они демонстрируют подлинную (а не по шпаргалке) эрудицию ученого, они восхищают умением в любом сообщении не только найти сильные или слабые стороны, но почти всегда предложить перспективу дальнейшего исследования, дать основательный методический совет. В выступлениях Лихачева всегда присутствует необычайная свобода движения мысли: древнерусская литература, да что там литература, сама средневековая Русь для него хорошо знакома, словно десятилетиями обжи-

⁴² Лихачев Д. С. Первые семьсот лет русской литературы // Изборник. С. 9.

⁴³ Там же С. 7

тая квартира, в которой даже ночью, без света, найдешь любую дверь, в которой известен каждый предмет. Вот так знать свою эпоху (протяженностью семь веков, заметим!), свою область знаний, литературу вопроса учил и учит своим примером Лихачев. Он учит нас, как говорить и писать о науке: удивительно просто, без щеголяния узкоспециальной терминологией, так, чтобы доступная любому форма изложения помогла глубже проникнуть в суть тех сложных проблем, о которых идет речь.

Личность Д. С. Лихачева многообразна. Он и писатель, и публицист, и общественный деятель. Но мне дороже всего Лихачев-ученый. Этому и посвящена моя статья.

В постоянном общении с Лихачевым, в совместных трудах, в научных дискуссиях и спорах складывался тот широкий научный коллектив, который вправе называть себя школой Лихачева.

Д. А. ГРАНИН

Постоянство

Десять лет назад я писал о феномене Д. С. Лихачева. О том, что не так его научные открытия, как нравственный образ, вся его жизнь русского интеллигента создали ему совершенно необычный авторитет.¹

За эти десять лет, пожалуй, главным чувством в нашем сознании стало разочарование. Беспомощность демократов, продажные чиновники, заграничные счета, участие в мафиозных делах... Почти ни один недавний герой не удержался, не устоял. Перерождение происходило непонятно быстро, словно гангрена поразила общество. Те, на кого мы возлагали надежды, — обманули, предали, купились на выгодную должность. Произошло массовое падение понятий чести, достоинства. Люди невольно оглядываются — неужели в России не осталось никого из тех, кого мы так любили, кому верили?

Эти десять лет Д. С. Лихачев провел в самой гуще общественной жизни, его не охраняли стены академического кабинета, он подвергался тем же страстям, тем же влияниям, что и остальные деятели. Но никакая порча не коснулась его, ни в чем он не изменил себе, я бы сказал, что он стал относиться к себе еще строже. В написанном мною в 1986 г. можно ничего не подправлять, и в том не моя заслуга.

Благодаря телевидению образ Дмитрия Сергеевича Лихачева стал широко известен. Экран телевизора разоблачает или подтверждает. То, что Лихачев рассказывал о своей семье, детстве, учебе, — принималось всей душой, это была история моральных основ его среды, он вводил нас в мир подлинной культуры, высших ценностей жизни. Делкатность, учтивость — полузабытые сегодня понятия — для Лихачева правила, воспринятые от его родителей и учителей. Он следует им неотступно.

За многие годы нашего общения я не помню, чтобы он кому-то грубил, завидовал, кого-то поносил, не помню, чтобы он льстил властям предрезающим, славословил, даже «во имя интересов дела». Когда его преследовали ленинградские власти, пытались уничтожить не только морально, но и физически, избивали, поджигали квартиру, он не сгибался, не искал примирения. Об этом он не рассказывает. В рассказах о Соловках, где он сидел в лагере, он описывает не личные свои невзгоды, а интересных людей, с которыми соседствовал. Грубость жизни не ожесточила его, можно подумать, что она сделала его мягче и отзывчивей.

Легко изобразить его судьбу как цепь репрессий, несправедливостей, народных бедствий, которые настигали и его, ему пришлось вместе в семье перенести тяжесть ленинградской блокады, эвакуации. А все же не это опре-

¹ Гранин Д. А. В служении Отечеству: Мастера культуры // Правда. 1986. 12 окт.

деляло его жизнь, стержнем ее было счастье творчества. «Какой главный итог вашей деятельности?» — спрашиваю я. «Возрождение интереса к семи векам древнерусской литературы», — отвечает он без колебаний. Именно это всегда стояло перед ним как цель. Счастлив тот, у кого есть ясная цель его деятельности. Лихачев осуществлял ее из года в год, десятилетиями. Его библиография — это во многом его биография. Около двух тысяч работ, более двадцати книг, в том числе: «Поэтика древнерусской литературы», «Развитие русской литературы X—XVII веков», «Человек в литературе Древней Руси», книги про «Слово о полку Игореве», о текстологии. Порой возникали неожиданные отклонения. Так появилась книга «Поэзия садов (к семантике садово-парковых стилей)», «Смех в Древней Руси».

Древность, которой он занимался, не уберегала его от столкновений с советской действительностью. Партийному начальству мешала его нравственная, его научная позиция, она противоречила большевистской идеологии, — слишком много разумного, доброго видел он в древних, дореволюционных устоях России.

По специальности, да и по характеру, он типичный кабинетный ученый. С годами же, против своей воли, он становился все более активным общественным деятелем. Не хотел, а отвлекался от научной работы, выступал то в газетах, то по телевидению, на всякого рода общественных форумах, наконец, согласился стать депутатом Верховного Совета СССР. Зачем? Я думаю, его понуждала боль за убогое, нищенское состояние нашей культуры, за разрушение памятников, за издевательства над историей.

Вспоминается, как в 1965 г. Д. С. Лихачев выступил на совещании в Ленинграде. Готовился проект коренной реконструкции Невского проспекта, проект грозил превратить Невский в подобие московского Нового Арбата. Лихачев сумел показать губительность этой идеи. В таких случаях надо уметь найти аргументы. Невский спасли. В том же году эрудиция Лихачева, его умение убеждать сохранили от вырубки Пушкинский парк.

Список того, что удалось Лихачеву защитить, отстоять от разрушения, включает многие регионы и республики. В Чернигове это лесной район Лескович, в городе Мышкине — библиотека, в Плесе на Волге остановили разработку песчаных карьеров.

По его инициативе был создан Фонд культуры, он придал высокий уровень деятельности Фонда. Личность Лихачева, его международный авторитет во многом определяли любое дело, за которое он брался. Он создал журнал «Наше наследие». Двадцать лет он возглавлял выпуск серии книг «Литературные памятники».

Многое сейчас уже забылось, никто не ведет счет этим делам, сам Лихачев помнит прежде всего то, что ему не удалось защитить и спасти. Этот список печально велик. Его письма, обращения, телеграммы далеко не всегда дают результаты. Устало сетует он на директоров библиотек, которые ведут себя как владельцы — продают раритеты, «чтобы помочь деньгами сотрудникам». Ему пишут краеведы, обращаются к нему защитники старины, памятников архитектуры, парков, вызывают как к последней инстанции — спасите, остановите вандалов, нужны средства, нужно постановление.

По сравнению с лавиной просьб сделанное им кажется слишком малым. Как Сизиф, он продолжает толкать свой камень. Когда я начинаю жаловаться на безнадежность, он говорит мне:

— Даже в случаях тупиковых, когда все глухо, будьте добры высказывать свое мнение. Поэтому не отмалчивайтесь, надо выступать. Я заставляю себя выступать, чтобы прозвучал хоть один голос, пусть люди знают, что кто-то протестует, что не все смирились. Каждый человек должен заявлять свою позицию, хоть в семье, хоть в учреждении.

Будучи депутатом, Лихачев трижды выступал на съездах народных депутатов СССР о положении культуры. Всякий раз его ласково поддерживали, каждый ведь числит себя приверженцем культуры. Однако закон о культуре так и не был принят. Нынешний парламент так же глубоко чужд проблемам культуры. Они отговариваются тем, что все решает сейчас экономиста. Твердят, что нынешнее состояние умов определяют лишь цены на рынке. Бытие, мол, определяет сознание, их сознание во всяком случае. Они материалисты. Лихачев в этом смысле идеалист, для него сознание определяет бытие. Без нравственного сознания не действуют ни право, ни законность. В стране воров нельзя провести ни один закон, тем более закон о культуре. Опыт его жизни заставляет его настаивать на приоритете культуры. С нес надо начинать.

А. Д. Сахарова упрекали в политической наивности, оказалось, что его политические проекты наиболее дальновидны, его государственное мышление куда мудрее политики профессионалов. У Лихачева примерно то же самое. Его никогда не сбивали с толку демагогия, обещания, хитроумные ходы властолюбцев.

Меня поражало, как во времена нашей депутатской работы Д. С. Лихачев быстро и дальновидно оценивал ход событий, его нравственное чутье было ориентиром куда более верным, чем расчеты политиков.

Лихачев не переставал показывать, как нравственность зависит от культуры. Его собственная жизнь, его быт никогда не расходились с тем, что он проповедует. В дачном поселке Комарово его обитель в крыше общего дома более чем скромная. Она вполне его устраивает, здесь он работает, здесь принимает гостей из всех стран. Крохотный палисадник, ни забора, ни сауны, никаких принадлежностей нынешних вилл.

Долгие годы ему не разрешали выезжать за границу. Сейчас он почетный академик и доктор многих университетов и академий: Американской, Итальянской, Геттингенской и прочих, Оксфордского, Эдинбургского, Цюрихского и других университетов. Нет смысла перечислять Международные премии, награды, не этими регалиями держится интерес к нему во всем мире. Хотелось бы понять, почему его так приглашают и принимают за рубежом. Президент Египта Мубарак обстоятельно беседует с ним о библиотеке в Александрии, с папой римским у Лихачева происходит долгий разговор о русском искусстве, с Вацлавом Гавелом — об истории культурных отношений.

Президенты Италии, Финляндии, других стран стали его собеседниками за эти годы. Могут лишь догадываться по собственным впечатлениям, как прельщает их его мысль, свежая, независимая, оснащенная примерами, всегда конкретная, его идея о единстве культуры. Прежде всего он выступает как миссионер русского искусства, великого явления мировой культуры. Он поглощен идеей всеобщей Декларации прав культуры. Не так важно ее принять, как повсеместно обсудить. Памятники культуры, величайшие произведения искусства принадлежат всему миру, они общее достояние, их сохранность — всемирная забота.

Думаю, что визиты этого русского академика с тихим голосом, неторопливой речью запоминаются больше, чем осторожные переговоры с главами держав.

Его просветительская деятельность приносит результаты, которые он и не имел в виду. Так, после знакомства с Лихачевым принц Чарлз предпринял факсимильное издание рукописных тетрадей А. С. Пушкина. Впервые рукописи Пушкина по-современному сдублированы.

Принц Чарлз пригласил Д. С. Лихачева в свое английское имение, интерес к творчеству русского гения возрос, и в частности к болдинской осени

поэта, принц Чарлз так же факсимильно намерен повторить болдинские рукописи.

Признаться, более всего радуется неистощимая творческая энергия Лихачева. На исходе девятого десятка лет мысль его не тускнеет, не повторяется.

В нашей культурной среде появилось немало талантливых ученых, авторов интересных идей, догадок, новаторских исследований, среди них не хватает лишь людей, к которым можно отнестись с полным доверием, как к духовным учителям. Авторитет духовного учителя приобрел Д. С. Лихачев. Авторитет его выросал не на побочной общественной деятельности, историческая наука, его родное дело, раскрылась у него в таких формах, когда она помимо своей академической ценности стала необходимой частью духовного существования для нас, неспециалистов. Он оживил трепетное чувство связи с исторической традицией, с чувством долга по отношению к обществу. Уважение к прошлому он перевел из квасного, хвастливого патриотизма в понимание красоты древней русской литературы, архитектуры, ремесла.

По-молодому горячо опровергает он модничанье и популизм некоторых историков. Примечательны его две последние работы: «О русской интеллигенции» (1993 г. «Новый мир») и «Нельзя уйти от самих себя» (1994 г. «Новый мир»). В первой он показал, что для России проблема «Восток—Запад» играет куда меньшую роль, чем связи «Юг—Север». «На это как-то никто не обращал внимание, но это именно так», — пишет Лихачев. Он решительно отвергает евразийство России. Россия не Евразия. «Россия несомненная Европа по религии и по культуре».

В следующей своей статье он фактами опрокидывает звонкую соблазнительную идею о некой особой миссии России: «Никакой особой миссии у России нет и не было!».

Не могу удержаться от соблазна привести цитаты этой статьи:

«...Центристские позиции тяжелы, а то и просто невыносимы для русского человека.

Это предпочтение крайностей во всем в сочетании с крайним легковесием, которое вызывало и вызывает до сих пор появление в русской истории десятков самозванцев, привело к победе большевиков. Большевики победили отчасти потому, что они (по представлениям толпы) хотели больших перемен, чем меньшевики, которые якобы предлагали их значительно меньше... Это было уже на моей памяти».

Он категорически отрицает расхожие ссылки на «миссию» русского народа, на «тяжелое наследство рабства», которого не было, крепостного права, которое было у многих, на якобы отсутствие деловых качеств, которых было сверхдостаточно (одно освоение Сибири чего стоит), и т. д. «У нас была история не хуже и не лучше, чем у других народов».

Стиль — это человек. Стиль Лихачева многое говорит о нем. Природа щедро наделила его какой-то счастливой гармонией внешнего и внутреннего. Как он был красив в молодости, так и ныне, в старости, четко обозначилось в его облике благородство, с каким прожита эта нелегкая жизнь. Он никак не похож на богатыря, но почему-то все же напрашивается это определение. Богатырь духа, великолепный пример, заслуженная слава, почет, чувство удовлетворения... Человек, который сумел, несмотря ни на что, осуществить себя, и тому подобное. Казалось бы... Откуда же эта печаль? От того ли, что долгие насажденные усилия не смогли остановить растущей кругом него безнравственности, хамства и злобы. От того ли, что мало единомышленников и много оставивших его. У него нет чувства завершенности, но, может, это и есть истинный оптимизм.

Д. Н. АЛЬШИЦ

...И свеча не погасла!
К вопросу о масштабе и значении
научного подвига Д. С. Лихачева
в историко-культурной жизни эпохи

Да, именно — «к вопросу». Так как поставить такой вопрос, говоря о Д. С. Лихачеве, пора и необходимо, а исчерпать его в краткой статье невозможно. Следует сразу же оговорить: речь о личном вкладе Д. С. Лихачева в науку здесь не пойдет. Это другая тема. И тоже неисчерпаемая. Не будет здесь рассматриваться и такая главная научная и общекультурная заслуга Д. С. Лихачева, какой является возглавляемая им и достигшая полного успеха титаническая работа по воскрешению для наших современников и потомков древнерусской литературы. Благодаря усилиям его самого и возглавляемой им большой когорты ученых, древнерусская литература всплыла из тьмы веков на поверхность современной культурной жизни во всей своей красе, во всем своем величии. Об этом уже пишут и будут писать.

Мне представляется весьма важным сказать о той исключительной роли, которую сыграл Д. С. Лихачев в спасении традиционно славившихся научных школ изучения многовековой истории России допетровского периода. По существу это означало сохранение научной традиции изучения истории России в целом, поскольку методология исследования и публикации исторических источников, сложившаяся в науке о древней истории, накладывала отпечаток, можно сказать, определяла и помогала удерживать научный уровень изучения отечественной истории всех ее периодов в целом.

Было время, когда жизнь исторической науки, посвященной дореволюционной истории России вообще, а древнерусской истории в особенности, могла превратиться, а отчасти и стала превращаться, в жалкое прозябание, в «ненужное» и даже «вредное» занятие, со всеми вытекающими из такого подхода последствиями. На моей памяти наиболее острый в этом отношении момент — конец 30-х гг. Я учился тогда на историческом факультете Ленинградского университета. Время, как известно, было грозное. В январе 1938 г. на глазах у сотен студентов истфака, среди бела дня, группа сотрудников ежовского НКВД с наганами в руках арестовала и увела заместителя декана Черницкого. Вскоре стало известно, что он расстрелян. Один за другим стали исчезать «оказавшиеся врагами народа» профессора, преподаватели и даже студенты. Чуть ли не ежедневно то одного, то другого студента шумно исключали из комсомола «за связь с врагами народа» — собственным опцом, другом или учителем...

На фоне массовых репрессий уже тогда официозные историки начали разворачивать борьбу против «ухода в прошлое», против занятий «неакту-

альными» темами и проблемами. В газете «Ленинградский университет» 1939 г. появилась статья «Защитим источник от источниковеда». Ее автор издевался над «архивными червями» — профессорами и студентами, копающимися в древности вместо того, чтобы заниматься животрепещущими проблемами современности — историей партии, коллективизацией и т. п. По истфаку, гремя палкой, шаггал известный в те времена официальный историк СССР профессор Корнатовский, который запрещал студентам задавать ему вопросы, касающиеся досоветской истории. Выдавая свое невежество за доблесть, он даже хвалился тем, что не знает и не желает знать историю России до реформ 1861 г. В действительности он наверняка мало что знал из того, что происходило до 1905, а то и до 1917 г. Соответственно, он презирал своих коллег-историков, которые занимаются более ранней, т е уже «феодальной» и «буржуазной», историей.

Вполне понятно, что этот бдительный страж партийной чистоты исторической жизни выражал общепартийные, а значит, общегосударственные подходы к исторической науке. До прямого запрета изучать, издавать статьи и книги по истории Древней Руси ни тогда, ни позже, правда, не доходило. «Допартийная» история была для казенных идеологических служб чем-то вроде сундука, где на всякий случай сохранялись старые одежды. Иногда некоторые из них вытаскивали на свет Божий. То вдруг понадобится посох Ивана Грозного, то дубинка Петра Великого, то шпага Суворова, то мундир Пестеля... Но в принципе занятия собственно историей — изучение более или менее отдаленных времен — клеймили как «уход в прошлое», как отказ от актуальных, полезных нашему обществу тем. При этом казенных идеологов не смущало, что такое обвинение в адрес истории звучит так же абсурдно, как, скажем, упрек водолазам за «уход» в глубины вод.

Был в этой абсурдной ситуации и положительный момент. Занятия ранними периодами истории не сулили будущему специалисту никаких радужных перспектив. Печатать свои будущие труды ему — молодому ученому — будет негде. Прием в аспирантуру по данным разделам истории ограничен предельно. Устройство на работу по специальности будет тем более сложно. Именно поэтому на специализации, связанные с «неактуальной», древней тематикой, в порядке естественного отбора шли только те, для кого занятия древнерусской историей были чистым и сильным увлечением. И более того. Занятия древностью требовали изучения целого ряда вспомогательных наук — палеографии, сфрагистики, текстологии, археографии и, наконец, изучения древнерусского языка. Тот, кто выбирал «актуальную» специализацию — историю партии, революции, индустриализации, коллективизации и т. п., был от всего этого освобожден. В результате ряды историков — специалистов по древнерусской истории — пополнялись, как правило, людьми, готовыми к серьезному кропотливому труду.

Моему поколению древников было у кого поучиться. В Ленинграде в 30-е гг. и позже работали такие выдающиеся ученые-историки, как М. Д. Приселков, С. Н. Валк, Б. А. Романов. В Москве — С. Б. Веселовский, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, А. Н. Насонов, С. В. Бахрушин. Под их руководством выросла целая плеяда историков Древней Руси — ныне хорошо известных ученых, достойно продолживших дело своих учителей и вписавших яркую страницу в историографию отечественной истории. В С.-Петербурге это В. Т. Пашуто, М. И. Белов, А. И. Копанев, Н. А. Казакова, Я. С. Лурье, Н. Н. Масленикова, Р. Г. Скрынников, А. Г. Мазьков, И. П. Шаскольский, Ю. Г. Алексеев, Н. А. Дворецкая, В. М. Панеях. В Москве — Н. Н. Покровский, С. О. Шмидт, В. И. Буганов, В. Б. Кобрин, В. Л. Янин, В. И. Корепкий, А. А. Зимин. Всех и не

перечислишь. Каждый из них — автор значительных научных открытий, многих тонких и точных исследований по отдельным темам. Спектр их научных интересов очень широк и разнообразен. Все они историки разные и, как было сказано, ученики разных учителей. Но при этом — случай в истории науки уникальный — есть у них у всех и одна общая школа, и один общий учитель. Эта школа — отдел древнерусской литературы Института русской литературы РАН, а этот учитель — многолетний руководитель отдела (с 1954 г. и поныне) — Дмитрий Сергеевич Лихачев. Да, в те годы историку-«феодалу» почти некуда было приткнуться. Опубликовать книгу и даже статью, посвященную ранним периодам истории, было крайне трудно. Редакции даже исторических журналов, как правило, отказывались публиковать работы на «неактуальные» темы. В этих условиях «свеча» древнерусского раздела отечественной исторической науки слабо мерцала и могла вовсе погаснуть под прессом казенной «актуальной» науки.

Но судьбе было угодно распорядиться иначе. В те самые годы сначала медленно, а потом стремительно, словно ракета, взмывающая ввысь из морской глубины, поднимался и набирал высоту авторитет Д. С. Лихачева как ученого всесоюзного и мирового значения. В этом смысле простой перечень дат его жизни и деятельности производит поразительное впечатление.¹ Он член редколлегий многих отечественных и иностранных научных изданий, член многих отечественных и зарубежных ученых советов, почетный доктор, член-корреспондент и действительный член ряда самых известных в мире университетов и академий, лауреат высоких премий, кавалер многих орденов... И тут сравнение с ракетой, совершающей свой полет в одиночку, уже не годится. Д. С. Лихачев всегда и постоянно использовал все свои возможности, весь свой авторитет, все свое влияние на поддержку и на помощь своим ученикам, своим коллегам... Наверяд ли он сам сможет упомянуть всех, кого он поддержал и в научной работе, и в практических делах. Это черта деятельности Д. С. Лихачева общеизвестна. Я же хочу здесь подчеркнуть то, что именно он в тяжелые для историков-«феодалов» времена протянул им руку спасительной помощи и поддержки. Их статьи и книги стали постоянно печататься в изданиях, которыми руководил или в редакциях которых состоял Д. С. Лихачев. Прежде всего, в продолжающемся капитальном научном издании — «Труды Отдела древнерусской литературы» Института русской литературы АН СССР (ныне РАН).

Я уже назвал имена наиболее крупных ученых-историков моего поколения, ставших известными не в малой степени благодаря помощи и поддержке Д. С. Лихачева.

При этом нельзя не сказать, что участие каждого из нас в работе Отдела древнерусской литературы и сама публикация наших работ в «Трудах» была и замечательной школой текстологии. Требования к докладам на заседаниях Отдела и к публикациям всегда были предельно высоки.

Постоянно печатались в «Трудах» и работы историков старшего поколения — наших учителей — С. Н. Валка, Л. В. Черепнина, М. К. Каргера, К. В. Кудряшова, В. Г. Геймана, В. В. Мавродина, А. Н. Насонова, М. Н. Тихомирова и мн. др. Но не только в печатании трудов историков сказалась столь своевременная и необходимая помощь Д. С. Лихачева исторической науке. Назову хотя бы некоторые наиболее масштабные его усилия в этом направлении.

¹ Дмитрий Сергеевич Лихачев / Вступ статья В. П. Адриановой-Перетц и М. А. Салминой: Библиография составлена М. А. Салминой и Г. Н. Финишиной. 3-е изд., доп. // Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. литературы и языка. М., 1989. Вып. 17.

Д. С. Лихачев во многих случаях сам организовал, в других поддержал экспедиции по разысканию и собиранию в различных районах страны исторических источников — старинных рукописных книг. Всем хорошо известна героическая работа знаменитого собирателя древнерусских книг В. И. Мальшева. Не менее важно напомнить о поддержке Д. С. Лихачевым того, что он сам позднее назвал археографическим открытием Сибири. Речь идет о многолетнем и героическом труде историка (ныне академика РАН) Н. Н. Покровского и его коллег, о собирании ими на огромных сибирских пространствах древнерусских рукописных книг. Это дела хорошо известные. Но пока мало кому известна и мало кем оценена еще одна огромной важности история спасения бесценного фонда исторических и культурных ценностей.

Д. С. Лихачев сыграл исключительную роль в спасении от гибели крупнейшего в мире собрания русских рукописей и вообще неоценимого хранилища мировых рукописных сокровищ — Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне РНБ — Российская национальная библиотека). Сегодняшний читатель знает, какую боль и какой резонанс во всем мире вызывают хищения отдельных рукописей из этого хранилища. Таким образом он может себе представить в какой-то степени (полностью это невозможно себе представить, как невозможно представить себе бесконечность), каков был бы масштаб того ущерба русской и мировой науке, русской и мировой культуре, к которому привела бы ликвидация Отдела рукописей целиком как такового. Но именно такое преступление, способное затмить подвиг Герострата, практически подготовили в 1962 г. тогдашняя дирекция Публичной библиотеки и Министерство культуры. В целях освобождения, опять же под «актуальные книжные фонды», нескольких залов было решено вывезти и сдать в разные архивы МВД все фонды Отдела рукописей. Если бы это дикое намерение осуществилось, его последствия оказались бы катастрофическими. Все шифры, все ссылки на рукописи Публичной библиотеки во всех книгах и статьях, опубликованных за полторы сотни лет во всем мире, разом стали бы недействительными. Доступ ученых и читателей к рукописям прекратился бы полностью. И не только из-за специфического режима архивов МВД. Но уже из-за того, что на их новую расстановку, шифровку, каталогизацию потребовались бы десятилетия. Если бы вообще этим стали заниматься. На это потребовались бы многочисленные специалисты, в том числе десятки знающих различные языки народов мира...

Мы, тогдашние сотрудники Отдела, организовали сопротивление страшному замыслу своего начальства. Кстати сказать, у меня (поскольку случилось так, что во главе этого движения сотрудников Отдела оказался я) сохранились подлинники и копии документов этой страшной эпопеи. Первым, к кому мы кинулись с просьбой о помощи, был Д. С. Лихачев. Он мгновенно оценил ситуацию и «поднял по тревоге» многих академиков и выдающихся ученых Ленинграда и Москвы. Думаю, что без его энергичной и мощной помощи нам не удалось бы остановить надвигающуюся на русскую и мировую культуру беду.

Нет возможности даже перечислить все то, что сделал Д. С. Лихачев для историков и для исторической науки. Но можно с полным основанием сказать, что в значительной степени благодаря ему «свеча» изучения истории России древнего периода, зажженная нашими великими предшественниками — Н. М. Карамзиным, С. М. Соловьевым, В. О. Ключевским, С. Ф. Платоновым, не погасла на колючих ветрах казенных идеологических бурь.

Поэтому с большим, чем у кого бы то ни было правом и пониманием, Дмитрий Сергеевич мог от души хохотать на тех сатирических представлениях, в которых высмеивались последователи щедринского губернатора, мечтавшего, чтобы «история прекратила течение свое».

Хорошо помню его сидящим рядом с Николаем Павловичем Акимовым в первом ряду битком набитого лектория исторического факультета на юбилейных «капустниках» в мае 1959—1964 гг. (25 и 30 лет истфака). В обоих случаях на сцене появлялся персонаж — журнал «Вопросы истории» в образе нищего, просящего подавания. На хорошо известной обложке журнала, подвешенной к шее нищего, в обычное название было добавлено слово — «без». И получалось — «Вопросы без истории».²

Дмитрий Сергеевич залиvisto смеялся, откидываясь назад, и бурно аплодировал. Точно так же он смеялся в театре Н. П. Акимова на премьере сатирической комедии «Опаснее врага», написанной двумя историками (автором этих строк и Л. Раковым). Сатирический персонаж — начальник отдела кадров научно-исследовательского института кефира Мальков явно выдавал свое «происхождение», когда на стук в дверь его кабинета отвечал — «Введите!.. Ой... Войдите». «Зачем нам история? — спрашивал Мальков на совещании. — История нужна только актуальная, за последний год. А то, что было раньше, — это уже не история!» — «А что же это, по-вашему?» — спрашивал его другой герой. — «Уход в прошлое. Древность», — отвечал Мальков. После чего он потребовал уволить историка Иззагардинера «как не подходящего по профилю».

Почему Дмитрий Сергеевич отдавал столько времени и сил поддержке исторической науки и ученых-историков? Только ли по доброте душевной, из желанья помочь ближнему? Нет, не только из этих побуждений, хотя черты характера Д. С. Лихачева именно таковы: его готовность помочь, поддержать, научить, поделиться опытом слишком хорошо известны. Я говорю — слишком, потому что эти его черты иногда очень уж широко, порой безжалостно (чтобы не сказать — бессовестно) эксплуатировались людьми, платившими ему потом черной неблагодарностью...

В основе постоянной активной связи Д. С. Лихачева с исторической наукой и с историками, в основе его постоянной озабоченности судьбами исторической науки лежит объективная причина, вполне очевидная для тех, кто знаком с его научной деятельностью.

И в самом деле. Если спросить — какова научная профессия академика Лихачева? — многие, наверное, ответят: литературовед, лингвист, текстолог, специализирующийся в области древнерусской литературы. Между тем такой ответ был бы, мягко говоря, не точен. Д. С. Лихачев не литературовед. В том смысле, что это не вмещает в себя то, чем он занимался и

² Нищий-журнал пел под баян песню на мотив «Разлука ты, разлука»:

Историки-братишки,
Не стало терпезу
Нет на меня подлиски,
По году в кносках лежу

А профиль наш похвальный —
Сомнений в этом нет,
Журнал стал актуальней
Сегодняшних газет

История, нам кажется,
Излишне велика
И греки в нси толкаюся,
И средние века

Зачем нам эти средние?
Какой от греков прок?
Мы пишем про последний,
Про нынешний денек

Молчим об утопистах,
Молчим про буйный Рим
О древних декабристах
Совсем не говорим

С историей разлука
Была нам не страшна
Наука ты, наука —
Чужая сторона

занимается. Он историк литературы, он историк языка. Он в каждом случае — историк текста. Более того, он в течение всей своей научной жизни ведет неустанную — порой очень нелегкую — борьбу за то, чтобы литературоведение стало именно историей литературы, лингвистика — историей языка, текстология — историей текстов. Это направление его научной деятельности уже давно заметила Варвара Павловна Адрианова-Перетц, сама являющаяся замечательным исследователем древнерусской литературы. Лучше и авторитетнее, чем она, об этом не скажешь. «Все теоретические работы Д. С. Лихачева стремятся направить изучение своеобразной художественной системы литературы XI—XVII вв. на путь подлинного историзма <...> Ученый настойчиво напоминает своими теоретическими трудами, что лишь в историческом подходе к изучению художественного своеобразия древнерусской литературы лежит прочное основание для определения самой сущности литературного процесса...».³

В этой связи небезынтересно отметить, что само слово «история» постоянно встречается в названиях работ Д. С. Лихачева. Что же касается существования его сочинений, в названии большинства которых слова «история» нет, например «Русские летописи», они все, без исключения, историчны по своему содержанию. Начиная от самого первого его исследования — «Черты первобытного примитивизма воровской речи» (1935 г.) — и до только что вышедшей книги «Воспоминания».

Недавно мне случайно в библиотеке поселка Комарово попала в руки книга — «Справочник», посвященный памятным местам Петербурга. На ее титульном листе значилось: «Издана при поддержке академика Д. С. Лихачева». Невольно подумалось: если бы составить реестр, всего лишь перечень тех добрых и полезных дел для науки, для культуры, для многих и многих конкретных людей, которые совершались «при поддержке академика Дмитрия Сергеевича Лихачева», — получился бы целый том солидного объема.

Не могу не сказать здесь с искренней и глубокой благодарностью, что в течение всей своей научной и литературной жизни я постоянно пользовался помощью и поддержкой Дмитрия Сергеевича. Разумеется, я мог бы немало рассказать о моем многолетнем, с 1938 г., общении с Дмитрием Сергеевичем. Возможно, в этом рассказе оказалось бы много интересного. Полагаю, однако, что статьи, очерки, а порой и целые книги, посвященные тому или иному большому человеку, но при этом скроенные по принципу — «Я и Эйнштейн», «Я и Шостакович» или, соответственно, «Я и Лихачев», — далеко не лучший вариант биографического жанра. Я ограничусь лишь одним, самым свежим фактом из моих собственных встреч с Дмитрием Сергеевичем.

Ярким солнечным днем 7 августа 1995 г. на диком пляже (других теперь и не видно) поселка Комарово по песку возле берега Финского залива бегала шумная ватага детей. Они «при поддержке» академика Д. С. Лихачева запускали змея. Дмитрий Сергеевич учил их, как это надо делать. Делился опытом. Он запускал змея именно на этом берегу еще лет 80 тому назад. И с тех пор, поддерживая традицию, передает опыт детям, внукам и правнукам.

Ленинград—С.-Петербург—Комарово
1938—1995

³ Дмитрий Сергеевич Лихачев. С. 28.

Р. П. ДМИТРИЕВА, М. А. САЛМИНА

**Дмитрий Сергеевич Лихачев —
преподаватель исторического факультета
Ленинградского университета (1946—1953)**

О Дмитрие Сергеевиче Лихачеве как о преподавателе университета еще не писали.

К концу Отечественной войны и на протяжении 50-х гг. многие профессора совмещали преподавание в вузах с выполнением исследовательской работы в научных учреждениях. В 40-х гг. Дмитрий Сергеевич был старшим научным сотрудником Института русской литературы АН СССР. Судьба и научная карьера Д. С., как известно, в течение многих лет сопровождались различными препятствиями, система которых, видимо, была хорошо отработана партийно-академическим начальством, а выполнялась по преимуществу всякого рода неудачниками и лицами, стремившимися угодить начальству путем организации так называемых «проработок» и доносов. Одной из причин преследования Дмитрия Сергеевича был факт его пребывания на Соловках. Но немалую роль играл и все более выявлявшийся талант ученого, непоколебимого в осуществлении своего права серьезно заниматься наукой.

Ко времени первого приглашения Д. С. к преподаванию на филологическом факультете Ленинградского университета, сделанного заведующим кафедрой русской литературы профессором Г. А. Гуковским, он сумел успешно защитить кандидатскую диссертацию (1941). Тем не менее на работу не был принят, так как этому воспротивились партийные органы. Не был он принят и в Педагогический институт им. А. И. Герцена, хотя и получил приглашение от профессора В. А. Десницкого. Профессор В. В. Мавродин нашел в себе мужество не послушаться партийных властей и предложил Д. С. Лихачеву проводить занятия на историческом факультете университета при кафедре истории СССР.

Как преподаватель Д. С. Лихачев выступил именно на историческом факультете, где проработал с 1946 по 1953 г. Все его ученики-историки, кончившие исторический факультет, затем пришли на работу в архивохранилища, на преподавательскую работу в вузы и в Сектор (ныне Отдел) древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (ныне РАН). Для нас, пишущих эти строки, Дмитрий Сергеевич был прежде всего преподавателем на историческом факультете. Здесь он на протяжении ряда лет читал курсы по истории летописания, палеографии, истории культуры Древней Руси и вел спецсеминар по источниковедению русского средневековья.

И лекции по культуре Древней Руси, и лекции по летописанию Дмитрий Сергеевич читал с большим увлечением, и его увлеченность передавалась студентам, которые старались не пропустить ни одного занятия.

Вообще к Дмитрию Сергеевичу, к курсам, читаемым им, к проводимым им занятиям отношение студентов-древников всегда было несколько восторженным. Конечно, это объяснялось и личным обаянием Дмитрия Сергеевича, очень красивого внешне и при этом несколько застенчивого, но главное заключалось в том, что в Д. С. Лихачеве студенты нашли ученого, великолепно знающего свой предмет и видящего в нем главное дело своей жизни. Студенты, еще слабо разбиравшиеся в области древнерусской литературы, никогда не имевшие дела с древними рукописями, благодаря педагогическому таланту Д. С. Лихачева начали приближаться к настоящей науке и постепенно проникаться верой в свои силы.

Однако годы работы Д. С. на историческом факультете были отнюдь не спокойными. Преследования и «проработки» тогда особенно усилились. Многие преподаватели в эти годы вынуждены были покинуть факультет. Перестали работать на истфаке Б. А. Романов, В. И. Равдоникас, С. Я. Лурье, О. Л. Вайнштейн, А. И. Молок. Был арестован М. А. Гукровский. В. В. Мавродину пришлось уехать в Петрозаводск. Книга одного из любимых преподавателей — Б. А. Романова «Люди и нравы Древней Руси», опубликованная в 1947 г. (в 1966 г. вышедшая вторым, а в 1990 г. — третьим изданием), на Ученом совете исторического факультета в 1948 г. была подвергнута несправедливой критике. И в этой обстановке Д. С. Лихачев имел мужество выступить в защиту книги Б. А. Романова, за что его выступление было названо «квазиобъективистским».¹

Трудно было работать на факультете и самому Д. С. Лихачеву. С темой по летописанию конкурентом выступил профессор А. И. Попов, географ по специальности. Это было настолько разительно плохо, что нам, студентам, на его занятиях становилось более чем скучно. Зато он опубликовал на вышедшую совместно с Б. А. Романовым книгу Д. С. Лихачева резко отрицательную рецензию. В ней говорилось: «К сожалению, в нашей науке до сих пор заметна сильная струя гиперкритического отношения к древнерусским источникам. Это течение в настоящей его форме ведет начало от А. А. Шахматова, применявшего к русским летописям в корне неверное положение о тенденциозности каждой строчки хроники, выполнявшейся будто бы по специальному заказу того или иного феодального центра, с особыми целями возвеличивания его руководителей и принижения его врагов и соперников».² Рецензент называл труды А. А. Шахматова по изучению летописания «примитивной социологизацией», строго выдержанной «в духе буржуазных воззрений».³ По его мнению, Д. С. Лихачев еще далеко не полностью отказался от направленности шахматовского учения.⁴

Кажется, в том же году, когда вышла рецензия, на кафедре истории СССР университета была предпринята попытка устроить «проработку» исследований Д. С. Лихачева. С этой целью на заседании кафедры выступили А. И. Попов, С. С. Степанищев, С. А. Уродков. Однако специалисты по древнерусской истории С. Л. Пештич и Н. А. Казакова легко оспорили доводы оппонентов Д. С. Лихачева.

Чтобы представить себе обстановку на факультете, в которой работал Д. С. Лихачев, расскажем о таком характерном случае. Одна из нас вела занятия в школьном кружке, организованном при кафедре истории СССР. Предметом занятий была тема, посвященная культуре Древней Руси. На

¹ Зегжда Н. Покончить с объективизмом в исторической науке (с заседания Ученого совета) // Ленингр университет 1948 12 мая № 18

² Попов А. И. «Повесть временных лет» в новом издании Академии наук СССР (1950) // Вестр ЛГУ 1951 № 5 С 131

³ Там же

⁴ Там же

столе лежала книга «История культуры древней Руси» (под редакцией Н. Н. Воронина и М. К. Каргера), в которой Д. С. Лихачевым написан раздел о «Литературе». Неожиданно в помещение, где шли занятия, вошел С. С. Степанищев, человек, внушавший тогда страх многим (впоследствии он был уволен с исторического факультета за склонничество и клевету). Увидев книгу и взяв ее в руки, он постучал ею по столу и, указав на растерявшихся школьников, торжественно произнес: «Бедные детские головки! Что Вы им преподносите? Ведь Лихачев же немарксист!». Почему Д. С. Лихачев немарксист и что давало основание Степанищеву считать себя авторитетом в области марксизма, оставалось неясным. Но это было и не важно: в то время ярлыки «антимарксист», «космополит» и т. д. приклеивались с необычайной легкостью и без всяких оснований. Любопытно, что школьники, не понимая, о чем говорит Степанищев, но почувствовав, что руководителю кружка грозят какие-то неприятности, решили прийти ему на помощь и стали объяснять, что они сами выбирали тему для занятий. К счастью, эта история для руководителя кружка осталась без неприятных последствий, так как вскоре книга «История культуры древней Руси» получила Государственную премию и обвинять Д. С. Лихачева в антимарксизме стало неудобно.

В этой обстановке было чрезвычайно важно то обстоятельство, что Д. С. Лихачев учил нас точности научного знания, необходимости доказательств и развернутой аргументации в гуманитарных науках.

Основной школой, в которой воспитывались ученики Дмитрия Сергеевича, был организованный им семинар по источниковедению русского средневековья. Каждый курс занимался в этом семинаре отдельно, в нем помимо студентов-историков принимали участие и русисты-искусствоведы. Для старших из нас в 1946 г. был объявлен семинар по изучению «Повести временных лет». Тематика занятий, которые проходили в форме беседы, оказалась чрезвычайно интересной. Дмитрий Сергеевич в то время готовил комментарий и занимался толкованием и интерпретацией отдельных летописного текста. И мы, начинающие изучение древнерусской истории, невольно приобретали первые навыки научной работы. На других курсах истфака темы были также всегда сложны и увлекательны. Предлагая их, Дмитрий Сергеевич предварительно расспрашивал каждого о его склонностях и заботился о том, чтобы впоследствии студенческие работы могли перерасти в настоящее исследование.

Основной задачей Дмитрия Сергеевича было вызвать интерес к предмету и научить самостоятельно работать. Перспективы исследования тем, затронутых в работах студентов, намечались самим Д. С. Лихачевым, но решение этих вопросов и пути исследования мы должны были находить и осуществлять самостоятельно и обязательно на основании тщательного изучения источников. Поэтому Д. С. Лихачев придавал большое значение занятиям в рукописных хранилищах. Рукописный отдел Гос. Публичной библиотеки (ныне Российской национальной библиотеки), в котором студенты проводили все свободное время и даже воскресенья, стал их второй *alma mater*; работе над рукописями помогал читаемый Д. С. Лихачевым курс палеографии.

В назначенное время студенты читали доклады, иногда лишь по одному разделу темы, и каждый участник семинара обязан был по этому докладу выступить. Дмитрий Сергеевич, как правило, высказывался последним: он делал замечания и хвалил иногда, но главным в подведении итогов было его обобщающее заключение, и эти его выступления всегда поражали свежестью мысли, каким-то совершенно новым подходом к материалу.

Д. С. Лихачев доброжелательно и радостно относился ко всякому научному открытию своих учеников. Не случайно то, что многие работы, написанные студентами семинара, Д. С. впоследствии сумел опубликовать.

Дмитрий Сергеевич очень увлекался своей преподавательской работой и смущался не менее своих учеников, когда их ответы оказывались неправильными. Он был строг и требователен и добивался от учеников постоянной активности в работе. Всякий исследователь, говорил Д. С. Лихачев, должен быть коллективным организатором по своей теме. Работать надо не в одиночку, а постоянно консультироваться не только с историками, но и с археологами, литературоведами, искусствоведами и лингвистами, обсуждая вопросы при любом удобном случае. Д. С. стремился развить у своих учеников интерес к широкому кругу смежных наук, любил повторять, что открытия делаются на стыке наук.

Проникновенно в тайны исследовательской работы во многом помогали лекции Д. С. Лихачева, с которыми он выступал на научном студенческом кружке исторического факультета, тогда еще руководимом Б. А. Романовым. Обычно эти лекции читались в переполненной аудитории, так как темы их живейшим образом интересовали студенчество. Так, например, одно из выступлений Д. С. Лихачева было посвящено структуре научной работы. Д. С. Лихачев рассказывал о различных типах научной работы (диплом, диссертация, статья, работы реферативные и исследовательские), о том, как в зависимости от этого они должны строиться, что должно быть взято в основу каждой такой работы, с чего нужно начинать, как строить завязку и мн. др. Другая его лекция была посвящена научной стилистике, вопросу о том, каков должен быть язык научной работы. Д. С. Лихачев останавливался на проблеме цитации, на употреблении в работе метафор, обращал внимание студентов на язык работ русских историков — В. О. Ключевского, С. М. Соловьева. Совершенно особый интерес вызвала лекция Д. С. Лихачева «О культуре научной полемики», которую ему пришлось прочесть несколько раз. Суть ее состояла в том, как вести научный спор, какие виды споров существуют, что нужно учитывать, начиная полемику, в какой манере следует вести полемику и мн. др.

Дмитрий Сергеевич прививал своим ученикам вкус не только к древнерусской литературе, но и к русской культуре вообще. Иногда в хорошую погоду после занятий он совершал с нами прогулки по городу, рассказывал об архитектурных достопримечательностях, интересных литературных и исторических событиях. Расширению кругозора студентов в области древнерусской культуры помимо лекций Д. С. способствовали наши летние поездки. Одни, изучая архитектуру и живопись русского средневековья, отправлялись в путешествие по древнерусским городам, другие уезжали с древнерусскими археологическими экспедициями. Осенью каждый отчитывался о своей поездке, и это происходило обычно очень оживленно, сопровождалось показом фотографий, а кто не ездил — должен был доложить о прочитанных и проанализированных им за летнее время книгах.

Все вместе взятое: и отличавшиеся глубиной семинарские занятия, и яркие, содержательные лекции Д. С. Лихачева, и публикация работ, и интереснейшие летние поездки — вызывало воодушевление и способствовало росту научных интересов студентов.

В 1953 г. Д. С. Лихачев перестал преподавать на историческом факультете. Нападки на него на заседаниях кафедры истории СССР все продолжались. В. В. Мавродин в то время был в опале, и Д. С. на заседания кафедры ходить перестал. Без уведомления его, имевшего звание профессора, перевели на должность ассистента, о чем он случайно узнал от кассира. В «Вестнике ЛГУ» поместили статью И. П. Лапницкого, целиком посвящен-

ную политическим обвинениям некоего профессора, в котором легко узнавался Д. С. Лихачев. Так университет потерял талантливого преподавателя.

К счастью, общение Дмитрия Сергеевича со студенческой средой, с аспирантами не прекратилось: школой для них стали руководимые им заседания Сектора древнерусской литературы в Пушкинском Доме. Научные заседания и конференции Д. С. всегда считал одной из важных форм научного творчества и неоднократно ссылался на В. Л. Комаровича, который, по его словам, всегда тщательно готовился к выступлениям. Одно из проявлений деятельной натуры Д. С. Лихачева сказалось в том, что он сумел привлечь к участию в заседаниях Сектора специалистов разных направлений и разных возрастов. Заседания Сектора древнерусской литературы приобрели характер научной школы. Необходимо, однако, подчеркнуть, что ведущим в этих заседаниях был и остается сам Дмитрий Сергеевич. Он необыкновенно внимательно умеет слушать докладчиков, очень интересно выступать с огромным количеством дополнительных мыслей и соображений, давать доброжелательные советы; подчас его выступления являются как бы содокладом.

Сегодня Дмитрию Сергеевичу исполняется 90 лет. Те, кто учился у него в аудиториях университета, тоже далеко не юны. И вспоминая годы учебы в университете, мы вспоминаем нашу молодость и по-прежнему испытываем по отношению к Дмитрию Сергеевичу чувство неизменной и глубокой благодарности.

Ф. ЛЕСУР

Труды Д. С. Лихачева во французском восприятии

Деятельность Д. С. Лихачева с давних пор пользуется известностью во Франции. Особый резонанс имели на Западе его общая культурная концепция, его переоценка развития русской культуры и ее взаимоотношений с Европой. Свидетельство тому — многочисленные отклики французских славистов на его труды и в еще большей степени — влияние последних на изучение русской культуры во Франции.

Интерес к деятельности Д. С. Лихачева возник очень рано: еще в 1936 г. в «*Revue des Etudes Slaves*» Андре Вайян и Борис Унбегаун обратили внимание на его первую публикацию «Черты первобытного примитивизма воровской речи».¹

После выхода известной книги Андре Мазона «*Le Slovo d'Igor*» (Париж, 1940), где оспаривалась подлинность этого памятника, объявленного им подделкой XVIII в. в духе Оссиана, вспыхнула научная полемика, породившая множество работ противников французского ученого. Среди них были Р. Якобсон и А. Грегуар (переводчик этого текста на французский язык),² а также целый ряд советских исследователей с Д. С. Лихачевым во главе.

В 1951 г. Мазон приветствует издание под редакцией Д. С. Лихачева того списка «Слова», который предназначен был для Екатерины II.³ Однако в том же году в связи с появлением сборника исследований и статей, посвященных «Слову» (М.; Л., 1950), Мазон, восхищаясь смелостью и оригинальностью новых гипотез, выдвинутых участниками книги, тем не менее тут же суммирует все свои предубеждения по поводу этого произведения: «...отсутствие рукописной традиции, сплетение языческих элементов с христианской традицией, беспрецедентное обилие обожествленных героев, черты оссианизма, отмеченные еще первыми читателями, но здесь решительно отвергнутые, явные следы воззрений, характерных для образованной среды XVIII века...».⁴

Впрочем, Мазон отдает справедливость огромной работе Д. С. Лихачева по изучению и пропаганде «Слова». В 1959 г. в рецензии на сборник «„Слово о полку Игореве“ в иллюстрациях и документах» (Л., 1958) он пишет: «Оригинала „Слова“ читатели здесь не найдут. Зато найдут они интересное введение Д. Лихачева, разные статьи о Руси домонгольского периода и об открытии памятника, вместе с самыми блестящими его перело-

¹ RES 1936 T 16 P 81, 101

² *La geste du prince Igor, epee russe du douzieme siecle / Texte etabli, traduit et commente sous la direction d'Henn Gregoire, de Roman Jakobson et de Marc Szeftel, assistes de J A Joffe* New York, 1948

³ RES 1951 T 28 P 188

⁴ *Ibid* P 189

жениями и адаптациями...». Но все это, по словам Мазона, некое «порождение романтических настроений». На самом деле «в очередной раз, вместо самого памятника, нам предлагают плоды воображения его восторженных читателей. И все же, пока время не развеет ложные представления и критическое отношение к памятнику не одержит верх, сборник этот по крайней мере будет самым типичным отражением мифа или, вернее, литературной легенды, более долговечной, чем поэмы Оссиана, хотя и не менее иллюзорной...»⁵

Все эти иронические наблюдения неизменно сочетаются у Мазона с самыми высокими оценками научной деятельности Д. С. Лихачева и вдохновенного им коллектива. Однако, иронизируя над множеством интерпретаций «Слова», Мазон приводит фразу Вольтера: «То, что объясняется столькими разными способами, не заслуживает вовсе никакого объяснения».⁶ Это — прежде всего свидетельство принадлежности Мазона к определенной интеллектуальной традиции, скептической, рационалистической, антиромантической, как это верно подметил А. Грегуар.⁷

Интересно, что слегка пренебрежительное отношение к «Слову» неотделимо у Мазона от общего пренебрежения к народному словесному творчеству, с которым он настойчиво связывает «Слово». В фольклоре он видел лишь «смесь разнородных элементов без особой оригинальности».⁸ Связывая научную позицию защитников «Слова» с интересом к народному творчеству, он иронизировал над «чудесами находчивости и веры, растраченными Д. С. Лихачевым ради эпохи, не слишком богатой памятниками...».⁹

Как ни странно, в его глазах принадлежность того или иного памятника к древним периодам или же к народному творчеству — явления как бы противоположные. «Слово» он называл «произведением якобы средневековым, а на самом деле прямо вышедшим из былин и сказок».¹⁰ А ведь в наши дни многочисленные исследования, не только Д. С. Лихачева, но и Р. Якобсона, П. Цумфора¹¹ и других, показали близость этих двух областей словесного творчества.

Наконец, можно констатировать принципиальный скептицизм Мазона по отношению ко всему культурному наследию Древней Руси. Характерно, что по поводу книги Д. С. Лихачева «Национальное самосознание Древней Руси...» он отмечает «горячее стремление» автора «осваивать *предполагаемые богатства культуры Киевской Руси...*» (Курсив мой. — Ф. Л.).¹²

После ухода Мазона эта рационалистическая традиция была продолжена Жозе Жоанне — видным французским славистом, посвятившим большую долю своей деятельности древнерусской литературе. В его рецензиях звучат те же ноты скептицизма — пожалуй, еще более решительного, чем у Мазона.

Но какие бы сомнения ни продолжало вызывать «Слово» у иных исследователей, общая точка зрения на него все же существенно изменилась, весь литературоведческий контекст стал другим, а эта новая обстановка и есть результат основополагающей деятельности Д. С. Лихачева и всей той школы русской медиевистики, которую он создал. Отношение к художе-

⁵ RES 1959 T 36 P 157

⁶ RES 1958 T 35 P 151

⁷ Gregoire H // Uspenskiĭ M I Quelques donnees historiques sur le Slovo d'Igor et Tmoutorokan Paris 1965 Appendice, 165

⁸ Gruel-Apert L La tradition orale russe Paris 1995 P 9

⁹ RES 1954 T 31 P 163

¹⁰ Mazon A Le Slovo d'Igor P 49

¹¹ Zumthor P Essai de poetique medievale Paris 1972 то же в сб. Langue Texte, Enigme Paris, 1975

¹² RES 1947 T 23 P 206

ственному наследию Древней Руси, к устной народной поэзии не идет ни в какое сравнение с тем, которое существовало и казалось вполне закономерным в эпоху Мазона.

Сама по себе полемика вокруг «Слова» характеризовалась богатым разнообразием научных подходов. Она одарила нас яркими страницами, которые и поныне увлекают и радуют своим остроумием, из какого бы лагеря они ни исходили и чьего бы мнения ни придерживался читатель.

Впрочем, еще в 1960 г. Мазон с восторгом отзывался о книге Д. С. Лихачева «Человек в литературе Древней Руси»: «Превосходный труд Д. Лихачева представляет равную ценность как для литературоведов, так и для искусствоведов — так много новых перспектив открывает он для них всех». ¹³ Каждая глава, по мнению рецензента, содержит оригинальную точку зрения на русскую литературу с XI по XVII в. В рецензиях Ж. Жоанне, так же как и ранее у Мазона, звучит неизменно восхищение работой Д. С. Лихачева над литературным наследием Древней Руси.

Благодаря «Хронике» в «Revue des Etudes Slaves», можно проследить год за годом, как закладываются основы новой русской медиевистики. Особенно насыщены в этом отношении 1965, 1966 и 1968 гг. Среди открытий Д. С. Лихачева Ж. Жоанне особенно выделяет следующие: «литературный этикет», «древнерусский писатель как церемониймейстер», смерть Бориса и Глеба как «чин убийства...». ¹⁴ Все эти поразительные формулы помогают лучше определить «художественную природу древнерусской литературы». ¹⁵

«Сдержанный тон Д. С. Лихачева, — пишет Ж. Жоанне, — далеко уводит нас от слишком знакомого бахвальства. Его тонкий и глубокий анализ охватывает все главные аспекты древнерусской литературы: последовательность и стихийность художественного метода, проявление индивидуальности творца в рамках традиции, сосуществование разных литературных жанров и, наконец, пресловутый вопрос о древнерусском реализме, по поводу которого пролиты уже целые потоки чернил...». ¹⁶

Среди трудов Д. С. Лихачева внимание Ж. Жоанне особенно привлекают исследования по текстологии. В 1962 г. он приветствует появление книги «Текстология. На материале литературы XI—XVII веков». В ней проявляется «основательный опыт [автора] в области палеографии и эпиграфии, способность к конструктивной критике, знание людей того времени и данных сюжетов, наконец, определенное литературное чутье и просто-напросто здравый смысл...». ¹⁷

В 1964 г. появляется новый труд Д. С. Лихачева «Текстология. Краткий очерк», где сформулированные им принципы текстологии применяются к текстам новой литературы. В нем ставится под вопрос так называемая «последняя воля» автора и, напротив, придается особое значение творческой истории, художественной «цельности» и литературным достоинствам произведения — такой радикализм вызывает опасение рецензента, поскольку он мог бы теоретически оправдать произвольное обращение редактора с текстом. ¹⁸ Впоследствии станет ясно, что цель Д. С. Лихачева, напротив, — предотвратить возможные опасности, нависшие над текстами писателей в условиях советской цензуры (или автоцензуры). Текстология — первый этап на пути к «Экологии культуры».

¹³ RES 1960 T 37 P 201

¹⁴ RES 1966 T 45 P 238

¹⁵ Ibid

¹⁶ RES 1965 T 44 P 206

¹⁷ RES 1963 T 42 P 195

¹⁸ RES T 45 P 237

Ж. Жоанне шутя предлагает организовать «текстологическое состязание» наподобие «стихотворных состязаний» времен Елизаветы Петровны — поручить двум «командам» (Д. С. Лихачеву с одной стороны, Б. Бухштабу и Е. Прохорову — с другой) отредактировать одни и те же тексты, желательно с «коварной» творческой историей: например, «Демон», «Письмо Берлинского к Гоголю»... и, конечно, «Слово о полку Игореве».¹⁹

Последовательная «Хроника» «Revue des Etudes Slaves» прекращается в 1968 г. Одна из последних рецензий Ж. Жоанне в этом журнале отмечает появление «Поэтики древнерусской литературы», подчеркивая оригинальность раздела о «художественном времени».²⁰

До начала 70-х гг. о трудах Д. С. Лихачева писали прежде всего в специальных журналах, ссылаясь главным образом на выпущенные под его редакцией публикации древнерусских текстов, например, «Повесть временных лет» или «Переписку Ивана Грозного с Курбским».

Начиная же с 70-х гг. концепции Д. С. Лихачева оказывают все более заметное влияние на французских славистов: в статье Д. Гольфранка «Утопизм в России Ивана Грозного» представления о писательском даре Ивана Грозного, о социальной утопии, осуществляемой посредством политического террора, прямо связаны с исследованиями Д. С. Лихачева.²¹ Д. Шаховской, отчасти опираясь на изучение Д. С. Лихачевым духовного мира Древней Руси, а также на его определение характера Ивана Грозного, выявляет идеологические позиции ряда русских государственных деятелей XI—XVII вв.²²

Термин «трансплантация», означающий у Д. С. Лихачева перенесение византийской культуры на Русь через Болгарию, сейчас настолько вошел в научный обиход, что стал совершенно естественно употребляться в ином контексте: в «Истории русской литературы», издаваемой в настоящее время у Артема Файяра, автор статьи о Третьяковском²³ приводит выражение «культурная трансплантация», имея в виду перенесение «культуры французских салонов на русскую почву» в XVIII в. Но самый сильный отклик мысль о «культурной трансплантации» получает у Владимира Водова в его книге «Рождение русского христианства»: в главе о «письменной культуре»²⁴ он, широко используя этот термин, последовательно раскрывает панораму киевской культуры первых веков ее существования.

В 1972 г. в журнале «Poétique» Ц. Тодоров, один из ведущих французских литературоведов-семиотиков, поместил статью о «Поэтике в СССР», а вернее, — о трех ведущих представителях советской литературной науки: Ю. Лотмане, Б. Успенском и Д. Лихачеве. Все трое, полагает Ц. Тодоров, каждый по-своему, выступают как участники постформалистического движения, наметившегося в СССР в 60-е гг.

Снова, как в 20-е гг., перед советскими учеными встал вопрос о специфике литературы.²⁵ Что же касается «Поэтики древнерусской литературы», то, по мнению Ц. Тодорова, задача осложняется тем, что «литературы» как таковой в древнерусской культуре не было и древняя письменность по своему назначению отличалась от письменности нового времени. Ц. Тодоров отмечает также, что у Д. С. Лихачева стирается грань не только между литературными и нелитературными текстами, но и между разными видами ис-

¹⁹ Ibid P 238

²⁰ RES 1968 T 47 P 228

²¹ RES 1984 T 56/4 P 591

²² RES 1991 T 63/1 P 217—227

²³ Histoire de la littérature russe Paris 1992 T 1 P 373

²⁴ Vodoff W Naissance de la chretiente russe Paris 1988 P 328 et suiv

²⁵ Poétique 1972 N 9 P 105

куства, особенно между живописью и литературой. Однако в этом совмещении и таится, по мысли Ц. Тодорова, некоторая опасность размывания границ самого предмета, возможного исчезновения понятия «литературности».²⁶

В этой статье отмечается совпадение концепции «литературного этикета» с семиотическим представлением о литературе как о некоем «коде». Древнерусская литературная система базируется на ожиданиях, узнавании и повторении одних и тех же традиционных формул. Но, в отличие от литературной системы нового времени, ее «код» — надличностный. Она сводится к «обряду».

В концепции Д. С. Лихачева, замечает Ц. Тодоров, спор о древнерусском «реализме» освещается по-новому. Несмотря на существование обязательного «кода», в функционировании данной системы просматриваются зародыши будущего «реализма». Появляются они там, где старые каноны разрушаются под воздействием внелитературных факторов (необходимость зафиксировать какое-то из ряда вон выходящее событие), и в традиционное повествование вторгается другая форма — непосредственная запись. Новая формула «стихийный реализм» не упоминается в этой статье. Однако Ц. Тодоров излагает теорию Д. С. Лихачева, согласно которой суть реализма в том, что «способы изображения приближаются к изображаемому», и заключает, что «Д. С. Лихачев проявил новаторское отношение к тысячелетней проблематике реализма».²⁷

В этой статье особенно подчеркивается значение Д. С. Лихачева как одного из тех ученых, которые заложили «основы истории литературных структур».²⁸ Данная статья была написана в 1972 г. Итогом же его исследований в этом направлении явилась его следующая книга, «Развитие русской литературы XI—XVII веков». Статья Ц. Тодорова сопровождалась переводом (выполненным Клод Кан) главы «Поэтики древнерусской литературы», где идет речь о «литературном этикете».

Тем временем возрастал интерес к другой области деятельности Д. С. Лихачева — к его размышлениям над русским национальным характером. В 1981 и 1984 гг. его имя возникало на страницах литературно-политического журнала, издающегося у Галлимара, — «Le Débat» — в статьях известного французского слависта Жоржа Нива.

В эти годы на Западе начинает привлекать к себе все большее внимание возрождающееся славянофильство. В таком контексте высокая оценка Д. С. Лихачевым традиционных черт русского национального характера и достижений русской культуры могла показаться родственной неославянофильским настроениям.

Ж. Нива здесь доказывал, что точка зрения Д. С. Лихачева существенно отличается от позиций неославянофилов. Исходя из того, что в годы советской власти русская культура претерпела страшные потери (разрушения религиозных архитектурных памятников, гонения на авангардистские движения в области изобразительных искусств, преследования писателей...), он подчеркивал опасное положение, в которой оказалась эта культура, и прямо ставил «вопрос о ее возможной смерти».²⁹ Исторические бедствия XX в. сделали интеллигенцию Восточной Европы особенно чувствительной к этой опасности.

Но этот вопрос был тогда чужд французской публике. Идеологические схемы, преобладавшие во французском менталитете по отношению к Совет-

²⁶ Ibid P 106—107

²⁷ Ibid P 110

²⁸ Ibid P 114

²⁹ Nivat G D'une Russie l'autre // Le Débat 1981 № 12 (mai) P 35

скому Союзу, заслоняли специфические проблемы русской культуры. Между тем любое проявление национального чувства, даже та его разновидность, которая у Д. С. Лихачева называется «патриотизм», непременно расценивалось как «реакционное». К тому же в глубоко секуляризованном обществе, каким и является французское общество, «духовная жажда», вызванная крахом марксистской идеологии, оставляла образованную публику довольно равнодушной.

Как писал Ж. Нива, для французского читателя «СССР был частью идеологического [и политического] контекста, а Россия сама по себе почти исчезла из его сознания». Для углубленного восприятия России недоставало определенного «культурно-духовного посредничества» («une affectivité médiatrice»).³⁰ В этой статье были убедительно показаны и самобытность позиций Д. С. Лихачева, и роль, которую они могли сыграть в восстановлении понимания русской культуры, и препятствия, с которыми они должны были обязательно сталкиваться в французской интеллектуальной среде.

Беседа с Д. С. Лихачевым, опубликованная в широкотиражном еженедельнике «Le Nouvel Observateur», особенно показательна в этом отношении: само название статьи — «Интеллектуал третьего типа», верно найденное К. С. Каролем, сразу обращает внимание на то, что личность Д. С. Лихачева не укладывается в рамки традиционных французских представлений о России: издавна вовлеченный в процесс сохранения культурного наследия страны, часто вопреки советским властям, бывший каторжник, в сдержанном тоне поведавший о своем лагерном опыте, затем долгое время президент Советского фонда культуры, Д. С. Лихачев показывает, как явление, названное «перестройкой», уже давно готовилось в недрах народного сознания, вопреки всем и всяческим преследованиям свободной мысли. Себя он называет «человеком непредвиденным». ³¹ Один из вопросов, ему заданных, выдает, однако, некоторую традиционную предубежденность французской аудитории: «Неужели марксизм уже не имеет основополагающего значения для политического сознания советских людей? По вашим словам, молодые люди часто обращаются к вам с вопросом — в чем смысл жизни? Очевидно, перспективы коммунистического общества для них не совсем ясны...». ³² Этот вопрос обнаруживает, как далека еще французская образованная публика от понимания актуальных проблем русской духовной жизни и как много препятствий ей еще предстоит преодолеть для того, чтобы представить себе живое лицо России. Тем не менее эта статья предоставляла широкой публике возможность достаточно полного ознакомления с разнообразной деятельностью Д. С. Лихачева.

Таких возможностей оказывалось все больше за последние годы. Осенью 1986 г. литературный журнал «La quinzaine litteraire» опубликовал статью, посвященную его многогранной деятельности. ³³ В 1987 г. журнал «Les cahiers du monde russe et soviétique» поместил статью о русских истоках его теории культуры. ³⁴ В 1992 г. сборник статей под названием «Русский вопрос» включил статью «Д. С. Лихачев и вопрос о русском национализме». ³⁵ В 1987 г. журнал «Всемирное Слово» опубликовал перевод его предисловия к роману В. Пастернака «Доктор Живаго». ³⁶ Сборник статей, написанных

³⁰ Ibid P 37

³¹ Le Nouvel Observateur 1987 8—14 mai P 54

³² Ibid P 55

³³ Lesourd F Dmitri Likhatchov Une memoire retrouvée // La quinzaine litteraire 1986 Sept P 16—17

³⁴ Lesourd F Une expression nouvelle de l'idee nationale russe Dmitri Lihacev // Les cahiers du monde russe et soviétique 1987 1 28 (3—4) P 323—346

³⁵ Lesourd F Dmitri Likhatchov et le nationalisme russe // La question russe Paris, 1992

³⁶ Lettre Internationale 1987 N 15 Hiver 87

главными деятелями перестройки, выпущенный по-французски под заглавием «La seule issue», включает статью Д. С. Лихачева.³⁷

В 1988 г. франко-швейцарское издательство «L'Age d'Homme» опубликовало сборник избранных трудов Д. С. Лихачева «Poétique historique de la littérature russe». ³⁸ Новаторские представления о целостности русской культуры, о взаимоотношениях русской и западной культур должны были привлечь к себе внимание французских читателей, в особенности медиевистов. Однако, несмотря на то что книга прочно вошла в основной фонд крупнейших парижских книжных магазинов, все же следует констатировать, что ожидаемая встреча Д. С. Лихачева с его предполагаемой французской аудиторией не вполне состоялась. Настоящий успех может прийти к этой книге лишь после более глубокого ознакомления французского читателя с древнерусской литературой и русской культуроведческой наукой. Во Франции мало переводов древнерусских литературных памятников, и совсем нет переводов трудов А. Н. Веселовского, Л. П. Карсавина, Н. Анциферова...

Впрочем, существует одна недавняя публикация во Франции, где вклад Д. С. Лихачева в науку получил должное отражение: это монументальная «История русской литературы», которая уже упоминалась нами. Там ему посвящено подробное исследование И. З. Сермана, охватывающее разные стороны его культурной деятельности, где он провозглашается «первооткрывателем» древнерусской литературы.³⁹ Самому Д. С. Лихачеву принадлежит глава о древнерусском искусстве: в ней суммируются его главные концепции в этой области от «синтеза искусств» в Древней Руси вплоть до петровского барокко.⁴⁰

Фактически нет ни одной главы (включая введение) в первом томе (X—XVIII вв.) этой «Истории русской литературы», которая многократно не ссылалась бы на издания Д. С. Лихачевым древнерусских литературных памятников (русские летописи, переложение «Слова о полку Игореве», «Повесть о Николe Зарайском»...), на основные его труды (чаще всего встречаются названия книг «Человек в литературе Древней Руси», «Смеховой мир Древней Руси», «Текстология», «Поэтика древнерусской литературы»...), на ключевые понятия, им выработанные, — «жанры-вассальи» и «жанры-сюзерены» в жанровой системе древнерусской литературы, значение «этикета» в культуре Киевской Руси, коренной пересмотр значения XVII в. в истории русской культуры, наличие «временной перспектив» в «Житии» протопопа Аввакума...⁴¹ Основным его культурным обобщением (стилю исторического монументализма, древнерусским представлениям о человеке, отношениям между письменностью и изобразительным искусством, «безмолвию» древнерусского искусства, месту и значению устного словесного творчества...) посвящена значительная часть наблюдений В. Водова в главе под названием «Историографический обзор исследований по русскому средневековью».⁴²

Все вышесказанное свидетельствует о постоянном присутствии трудов Д. С. Лихачева во французской славистике, а порой и за ее пределами, с 1936 г. по настоящее время.

Известные препятствия, с которыми продолжает сталкиваться их рецепция у широкой публики, связаны с тем, что восприятие России уже давно затруднено для большей части французского общественного мнения: период «застоя» нанес чувствительный ущерб образу России, но после него в связи с перестройкой исчезли политические шаблоны и идеологические схемы,

³⁷ La seule issue Paris, 1989

³⁸ Poétique historique de la littérature russe Lausanne, Paris, 1988

³⁹ Histoire de la littérature russe 1e Xxe s T 3 P 605—614

⁴⁰ Des origines au XVIIIe s // Ibid P 583—601

⁴¹ Histoire de la littérature russe T 1 P 42 308 293

⁴² Ibid P 693—725

иногда отрицательные, но все же помогавшие ориентироваться (пусть и обманчиво) в русской жизни. Они, пожалуй, пока ничем не заменены.

Между тем русская музыка, русский театр, литература, русское искусство XX в. по-прежнему занимают очень большое место в культурной жизни Франции. Но тем не менее Россия сама по себе неизмеримо удалась. Живая сегодняшняя Россия становится почти «белым пятном» для французского сознания.

Эти обстоятельства затрудняют доступ широкого круга читателей к культурной деятельности Д. С. Лихачева, тогда как именно она, доказывая непрерывность и самобытность русской культуры вместе с ее непререкаемой принадлежностью к Европе, и должна была бы восстановить в глазах французской публики «необщее выражение» этой культуры.

**Литература о жизни и трудах
академика Дмитрия Сергеевича Лихачева
за 1988—1996 гг.¹**

(Продолжение)²

- Адрианова-Перетц В П Салмина М А* Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности [Д С Лихачева] // Дмитрий Сергеевич Лихачев / Вступ статья В П Адриановой-Перетц и М А Салминой, Библиогр сост М А Салминой и Г Н Финашиной — 3-е изд, доп — М Наука, 1989 — С 11—42 (Материалы к биобиблиогр ученых СССР Сер лит и яз, Вып 17)
- Азеран Р Ильина М Потемкин И* Почетное гражданство // Ленинградская правда 1991 8 янв, № 6 С 3
- Д С Лихачев назван первым почетным гражданином С-Петербурга Академику Лихачеву — 85 лет // Труд М, 1991 28 нояб № 275—276 С 6, портр Поздравление Д С Лихачева редакцией газ «Труд»
- Академия молчала, ученые — нет // Московские новости 1991 1 сент № 35 С 2
- О выступлении Д С Лихачева на многотысячном митинге 20 августа в Ленинграде во время августовских событий 1991 г
- Алейник Л* «Нечего смотреть на голые стены» Так говорят тем, кто приходит к дому Бориса Пастернака // Строительная газета М, 1988 11 февр, № 34 С 4
- Д С Лихачев о создании музея в доме Б Л Пастернака
- Алекаева Г* Пушкинское начало // Вечерний Петербург 1994 2 июня, № 120 С 1, фото Вручение юбилейных «пушкинских» медалей Д С Лихачеву в Пушкинском Доме
- Алешина И* Милицейская обитель // Вечерний Петербург 1995 19 окт, № 195 С 3
- Обращение Д С Лихачева в Министерство внутренних дел России о возвращении монахам монастыря Свято-Троицкой Сергиевой пустыни в пос Стрельна под С-Петербургом
- Альшиц Д Н* И свеча не погасла! К вопросу о масштабе и значении научного подвига Д С Лихачева в историко-культурной жизни эпохи // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН Ин-т рус лит — СПб Дмитрий Буланин, 1996 Т 50 — С 21—26
- Андреева А* Из племени зубров // Ленинградский рабочий 1988 4 нояб, № 44 С 16, фото О телефильме «Д С Лихачев Я вспоминаю»
- Асланов В* Поговорим по-азербайджански Слова для повседневной речи // Бакинский рабочий 1990 28 апр № 93 С 4, 12 мая, № 103 С 4, 19 мая, № 109 С 4 26 мая, № 115 С 4, 2 июня № 121 С 4
- Разговор с собеседником о книге Д С Лихачева «Письма о добром и прекрасном»
- Баиц А* Накануне выборов представители творческой интеллигенции обсуждают «Декларацию прав культуры» // Северная столица СПб, 1995 13—19 окт, № 35 С 7
- Проект «Декларации прав культуры» написан Д С Лихачевым
- Белодубровскии Е* «Небесная линия города на Неве» — так называется юбилейный, сотый вечер Фонда культуры // Вечерний Петербург 1993 23 окт, № 238 С 3
- Выступление на вечере Д С Лихачева
- Березанская С* «Власть Соловецкая Свидетельства и документы» // Советский фильм М, 1989 № 4 С 12—14
- Д С Лихачев — участник фильма

¹ Составитель М А Салмина

² См кн Дмитрий Сергеевич Лихачев / Вступ статья В П Адриановой-Перетц и М А Салминой Библиогр сост М А Салминой и Г Н Финашиной — 3-е изд, доп — М Наука 1989 С 43—103 (Материалы к биобиблиогр ученых СССР Сер лит и яз Вып 17)

- Беспалова Л* «Личность на телеэкране, Д С Лихачев» // 7 дней Программы телевидения и радио 1992 9—15 марта С 11 (Ленингр вып еженед «Говорит и показывает Москва», № 11)
- Бирюков В* По предложению академиков // Вечерний Ленинград 1991 20 апр, № 92 С 1
Обращение Д С Лихачева и Ж И Алферова к председателю Ленсовета А А Собчаку о формировании консультативного совещания по созданию в «Новой Голландии» центра культуры
- Богданова О* Василий Леонидович Комарович // Вопросы литературы М 1988 № 9 С 130—151
Воспоминания Д С Лихачева о В Л Комаровиче
- Богомолов Н* О покаянии // Советская культура М, 1989 2 февр, № 14 С 1
К словам Д С Лихачева о вине каждого в прошлых и нынешних народных бедах
- Бычков С* Свет и воздух голубой Заметки о творчестве Дмитрия Лихачева // Московский комсомолец 1988 9 сент, № 207 С 4, фото
- В дар фонду* // Вечерний Ленинград 1989 17 окт, № 238 С 1, фото
Д С Лихачев принимает коллекцию старинного русского литья А Г Евдокимова
- В зале Карлова университета* // Санкт-Петербургские ведомости 1991 20 дек № 90 С 3
Присуждение Д С Лихачеву почетной степени доктора философии Карлова университета (Прага)
- В Советском фонде культуры* // Советская культура М, 1990 29 сент, № 39 С 2
Д С Лихачев в деятельности фонда должно быть меньше бюрократии, больше компетентности
- Вагнер Г К* От Соловков до планеты 2877 // Русское подвижничество / РАН Науч совет по истории мировой культуры, Сост Т Б Князевская, Отв ред Б В Раушенбах — М Наука, 1996 — С 13—22
- Валк С Н* Отзыв о рукописи Д С Лихачева «Текстология» (М, Л, 1962) // Валк С Н Избранные труды по археологии Научное наследие / АН СССР Отд-ние истории Археогр комиссия, Архив АН СССР, Ин-т истории СССР, Отв ред М П Ирошников — СПб Наука, 1991 — С 263—265
- Варшавский Я* Лишь собственной трусости надо бояться! // Советская культура М, 1989 17 янв, № 7 С 4
Рец на фильм В Виноградова «Д С Лихачев Я вспоминаю »
- Великий Д* Возрождение чуда // Известия М, 1990 27 февр, № 58 С 5
О выступлении Д С Лихачева в Асуане на заседании Международного комитета по возрождению Александрийской библиотеки
- Виноградов В Б* [О телефильме] «Д С Лихачев Я вспоминаю » // 7 дней Программы телевидения и радио 1988 21 окт С 8, портр (Ленингр вып еженед «Говорит и показывает Москва»)
- Виноградов В* Три новеллы о Лихачеве // Вечерний Петербург 1991 27 нояб, № 272 С 1, 3, фото
К 85-летию Д С Лихачева комментарии к фотографиям, сделанным в 1988 г при съемке фильма «Д С Лихачев Я вспоминаю »
- Владимирова Г* Культура против халтуры // Советская культура М, 1991 15 июня, № 24 С 8
По мнению Д С Лихачева, культуру нужно развивать прежде всего на периферии
- Выступление проф В Е Соколова, члена Кураториума, к награждению Академика, проф Д С Лихачева премией имени А П Карпинского 4 ноября 1991 г в Санкт-Петербурге* // Stiftung F V S zu Hamburg Alexander — Petrowitsch — Karpinskij — Preise I und II 1991 [о О, о D] С 29—32, С 33—36 то же на нем яз, С 38—39 публикуется текст диплома, врученного Д С Лихачеву за 1991 г
- Герасимов В* Два лика Северной Пальмиры // Правда М, 1988 20 марта, № 80 С 3
Д С Лихачев о культурных ценностях Ленинграда Выступление на заседании бюро Ленингр обкома КПСС (Краткое изложение)
- Гидасов Б* По письму председателя правления Советского фонда культуры Д С Лихачева о передаче историко-культурных памятников Валаамского монастыря Русской православной церкви и замене генерального проектировщика по Валаамским островам // Известия ЦК КПСС М, 1990 № 1 С 121—122
- Голицын С М* Записки уцелевшего // Дружба народов М, 1990 № 3 С 103—165
С 143—145 Д С Лихачев о Г М Осоргине, находившемся вместе с ним в лагере на Соловках (в записи Г С Голицына — сына С М Голицына)
- Горбовский Г* Стихи разных лет // Аврора Л, 1988 № 12 С 8
Стихотворение, посвященное Д С Лихачеву «В Комарове, где воздух брусничныи »
- Горская М* Почетное гражданство // Ленинградская правда 1990 9 дек № 282 С 4
К выдвижению Д С Лихачева на звание «Почетный гражданин города»
- Горчакова Э* Сохранить для потомков! // Советская культура М, 1988 29 марта № 38 С 4
Д С Лихачев на Совещании в Гл архитектурно-планировочном управлении Ленинграда исторический центр города должен рассматриваться в связи с его окраинами

- Гранин Д А В служении отечеству // Гранин Д А Милосердие — М Сов Россия, 1988 — С 41—50 (Писатель и время)
О Д С Лихачеве
То же // Книги не молчат Из публицистики восьмидесятых / Сост И Скороходова — М Дет лит, 1989 — С 132—138
То же Шаги М, 1989 Вып 13 С 162—165
- Гранин Д Мастера культуры у порога Думы об отношениях интеллигенции и власти // Известия М, 1995 29 сент, № 184 С 6
Д С Лихачева приглашали в блок «Наш Дом — Россия», но он отказался
- Гранин Д А Постоянство // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН Ин-т рус лит — СПб Дмитрий Буланин, 1996 Т 50 — С 17—20
О феномене Д С Лихачева
- Грачев С Это наша с вами культура // Санкт-Петербургские ведомости 1995 6 окт, № 191 С 1
Принятие «Декларации прав культуры», разработанной Д С Лихачевым, на Всероссийской научно-практической конференции «Наука, культура, образование на рубеже XXI века»
- Григорьев И Н, Морозкина Е Н, Гусев А И, Голубева М Б, Скобельцын С и др Открытое письмо академику Д С Лихачеву // Молодой ленинец Псков, 1990 12 июня, № 70 С 3
В защиту сохранения исторического центра Пскова от местных властей
- Губин Д Символ веры // Огонек М, 1991 № 47 С 1—2, фото Л Шерстенникова
Академик Д С Лихачев
- Гусейнов Р Боль соловецкая // Комсомольская правда М, 1988 2 нояб, № 251 С 4
О фильме «Власть соловецкая» М Голдовской с участием Д С Лихачева
Д С Лихачев — Лауреат ЛГ-88 // Литературная газета М, 1988 28 дек № 52 С 4
[Д С Лихачев — самый популярный ленинградец 1988 г.] // Ленинградская правда 1989 1 янв, № 1 С 3
- Дарькина Н Без Лихачева фонд культуры не выживет // Московский комсомолец 1993 25 марта, № 56 С 2
О заседании Российского фонда культуры
- Дегтярев А О письмах академика Д С Лихачева по сохранению памятников Валаамского и Соловецкого архипелагов // Известия ЦК КПСС М, 1990 № 1 С 124—125
- Демин А С Филологическая держава академика Дмитрия Сергеевича Лихачева (К 85 летию со дня рождения) // Известия АН СССР Сер лит и яз М, 1991 Т 50, № 5 С 486—490, портр
- День культуры и письменности // Телевидение Радио Ленинград, программы передач 1991 20—26 мая № 20 С 2, портр
О выступлении Д С Лихачева по телевидению 24 мая
- Диников П Избранные произведения на acad Д С Лихачев [Рец на кн Лихачев Д С Избранные работы в трех томах Л Худож лит, 1987 1674 с.] // Palaeobulgaria — Старобългаристика София, 1988 № 4 С 115—118
- Диников П Д С Лихачев Избранные творби в три тома [Рец на кн Лихачев Д С Избранные работы в трех томах Л Худож лит, 1987 1674 с.] // Книгосвят София, 1989 № 9 С 148—152, портр
- Диников П Научният път на Дмитрий С Лихачев // Palaeobulgaria — Старобългаристика София, 1991 № 4 С 3—10, портр
- Дипломы — ученым // Вечерний Петербург 1996 11 апр, № 69 С 1
Вручение Д С Лихачеву диплома Международной академии информатизации
- Дмитриев Л А Филологические труды Дмитрия Сергеевича Лихачева // Лихачев Д С О филологии — М Высш школа, 1989 — С 6—9
- Дмитриев Л А Егоров Б Ф Лихачев Дмитрий Сергеевич // Российская педагогическая энциклопедия — М Большая Российская энциклопедия, 1993 Т 1 А—М — С 520
- Дмитриева Р П Салмина М А Дмитрий Сергеевич Лихачев — преподаватель исторического факультета Ленинградского университета (1946—1953) // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН Ин-т рус лит — СПб Дмитрий Буланин, 1996 Т 50 — С 27—31
- Дмитрий Лихачев // Культура М, 1993 29 мая, № 21 С 1, портр
О присвоении звания первого «Почетного гражданина С-Петербурга»
- Дмитрий Сергеевич Академику Лихачеву — 85 лет // Советская культура М, 1991 30 нояб, № 12 С 2, портр
- Дмитрий Сергеевич Лихачев // Вестник Российской Академии наук 1994 Т 64 № 4 С 378—380, портр
В связи с присуждением Президиумом РАН Большой золотой медали им М В Ломоносова за выдающиеся достижения в области гуманитарных наук
- Дмитрий Сергеевич Лихачев / Вступ статья В П Адриановой-Перетц и М А Салминой Библиогр сост М А Салминой и Г Н Финшиной — 3-е изд доп — М Наука 1989 — 301 с (Материалы к биобиблиогр ученых СССР Сер лит и яз Вып 17)

- Дмитрий Сергеевич Лихачев Этим сказано все! // Вечерний Петербург 1993 31 мая, № 121 С 1, фото
Торжественная церемония вручения Диплома № 1 почетному гражданину С-Петербурга
- То же Смена СПб, 1993 1 июня, № 124 С 1, фото (сообщ И Юлин), Санкт-Петербургские ведомости 1993 1 июня, № 122 С 1, фото
- Дмитрию Сергеевичу Лихачеву — 85 // Смена СПб, 1991 29 нояб, № 276 С 1
В Бонне Д С Лихачев удостоивается звания почетного члена Немецкого Пушкинского общества
- Дмитрию Сергеевичу Лихачеву исполнилось 85 лет // Учительская газета М, 1991 3—10 дек, № 49 С 2, портр
- Древнерусская литература Изображение общества / АН СССР Ин-т мировой лит Отв ред А С Демин — М Наука, 1991 — 244 с
Сборник посвящен 85-летию Д С Лихачева
- Душкина Е Академику Лихачеву вручен болгарский орден // Санкт-Петербургские ведомости, 1995 28 сент, № 185 С 2
Орден «Мадарски конник» первой степени вручен за исключительные заслуги в развитии болгаристики, за выдвижение роли Болгарии в развитии мировой культуры
- Егоров Б Ф Дмитрий Сергеевич Лихачев (К 85-летию со дня рождения) // Русская литература СПб, 1991 № 3 С 190—192
- Егоров Б Живое слово гражданина К выходу в Ленингр отд-нии изд-ва «Худож лит» «Избр работ» в 3 т акад Д С Лихачева // Книжное обозрение М, 1988 22 янв, № 4 С 5
За большие заслуги // Ленинградская правда 1988 24 сент, № 222 С 3
О присвоении Д С Лихачеву звания «Почетный доктор Софийского университета»
- Золотусский И Поклон высокому примеру К 85-летию Д С Лихачева // Литературная газета М 1991 27 нояб, № 47 С 9, портр
- Иванова И Одобрил и Лихачев // Вечерний Петербург 1994 3 марта, № 47 С 1
Раздел о культуре в предвыборной программе объединения «Демократическое единство Петербурга»
- Иванова Л Д С Лихачев не будет баллотироваться ни от «зеленых», ни от любой другой партии // Час Пик СПб, 1993 3 нояб, № 43 С 2
Беседа с Д С Лихачевым в преддверии выборов в Гос Думу
- Ивина Н Зачем нам отреченья // Литературная газета М, 1988 6 апр, № 14 С 2
О Совете по топонимике, созданном по инициативе Д С Лихачева
- Избраны депутатами // Советская культура М, 1989 4 апр, № 40 С 2
Избрание Д С Лихачева народным депутатом СССР от Советского фонда культуры
- Исюмова Н Стол // Московские новости 1988 23 окт, № 43 С 16, портр
Д С Лихачев — участник фильма М Годдовской «Власть соловецкая»
- Ильиченко С У культуры есть шанс получить права // Вечерний Петербург 1996 3 янв, № 1 С 3
О «Декларации прав культуры» Д С Лихачева
- К Е Представлен негодный проект // Культура М, 1992 21 марта, № 10 С 1
Об отрицательном отношении Д С Лихачева к проекту Закона «О музейной деятельности и музейных организациях на территории Российской Федерации»
- Князевская Т Б Дмитрий Сергеевич Лихачев // Русское подвижничество / РАН Науч совет по истории мировой культуры, Сост Т Б Князевская, Отв ред Б В Раушенбах — М Наука, 1996 — С 7—12
- Князевская Т Б Литература, искусство, культура в трудах Д С Лихачева // Литература и искусство в системе культуры / АН СССР Науч совет по истории мировой культуры, Сост Т Б Князевская, Отв ред Б Б Пиотровский — М Наука, 1988 — С 7—11
- Колосова Г Мж Заходом і Сходом // Радянська освіта Кив, 1990 4 вересня, № 71 С 2
О выступлении Д С Лихачева на VII Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы
- Кондратьев В И Незамкнутый цикл (Размышления о роли книги в эстетическом воспитании подростка) // О литературе для детей — Л Дет лит, 1988 Вып 31 — С 42—60
Книги Д С Лихачева «Письма о добром и прекрасном», «Земля родная»
- Кононенко В Президент встретился с авторами письма в «Известиях» [от 28 окт 1994 г] // Известия М, 1994 19 нояб, № 223 С 1—2, фото
На встрече Д С Лихачев предложил принять «Декларацию прав деятелей культуры» и концепцию развития и сохранения российской культуры
- Корневский М Он переживал даже за своих гонителей // Вечерний Петербург 1996 22 мая № 95 С 1 фото
Д С Лихачев об академике А Д Сахарове на церемонии посвященной его 75 летию
- Кэри С Понятия «действительности» и «стиля» в Д С Лихачева // Муза Осака 1991 Июнь С 65—75 — На япон яз
- Коротцев О Н Ленинградские звезды // Смена Л 1989 2 февр № 27 С 4
Малой планете № 2877 присвоено имя Д С Лихачева

- Коротцев О Н* Планета Лихачев // Вечерний Ленинград 1989 4 апр., № 79 С 2
Малая планета в созвездии Девы названа Л И Черных именем Д С Лихачева
- Коротцев О Н Дахье М Ю* Созвездие памяти — СПб Терция, 1995 — С 215—216
О Д С Лихачеве и планете, названной его именем
- Кувано Т* Поэтика «памяти» // *Кувано Т* Незавершенная полифония — 2-е изд — Токио Ми-
раиша, 1991 — С 267—278 — На япон яз
О Д С Лихачеве
- Культура, нравственность, милосердие // Ленинградская правда 1989 21 февр., № 43 С 1
Программа Д С Лихачева при выборах в народные депутаты СССР от Советского
фонда культуры
- Ланцова Н* Гуманитарный и профсоюзный — синонимы // Вечерний Петербург 1993 18 мая,
№ 110 С 1
Вручение Д С Лихачеву диплома почетного доктора Гуманитарного ун-та проф-
союзов в С-Петербурге
- Ланцова Н* «Невский список» — дитя времени // Санкт-Петербургские ведомости 1995
20 июня, № 109 С 1
Опрос общественного мнения в С-Петербурге в июне показал, что наибольшей по-
пулярностью в городе пользуется Д С Лихачев
- Ленская Л* «Д Лихачев Я вспоминаю» Премьера телевизионного документального филь-
ма // 7 дней Программы телевидения и радио 1988 7 дек., № 50 С 4, фото (Ленингр
вып еженед «Говорит и показывает Москва»)
- Лесур Ф* Труды Д С Лихачева во французском восприятии // Труды Отдела древнерусской
литературы / РАН Ин-т рус лит — СПб Дмитрий Буланин, 1996 Т 50 — С 32—39
- Леусская Л* Флот для России больше, чем победы // Санкт-Петербургские ведомости 1995
31 окт., № 208 С 2
Д С Лихачев о научной стороне деятельности Российского флота, о своей точке
зрения на празднование его юбилея
- Лисицына А* Уникальное собрание — в дар библиотеке // Смена СПб, 1994 7 мая, № 85 С 2
Д С Лихачев передал библиотеке Института русской литературы РАН свое собра-
ние книг и статей по «Слову о полку Игореве»
- Литература и искусство в системе культуры / АН СССР Науч совет по истории мировой куль-
туры, Сост Т Б Князевская, Отв ред Б Б Пиотровский — М Наука, 1988 —
501 с, портр
- Литература о жизни и трудах академика Д С Лихачева за 1988—1996 гг // Труды Отдела
древнерусской литературы / РАН Ин-т рус лит — СПб, Дмитрий Буланин, 1996
Т 50 — С 71—82
Составитель М А Салмчна
- Лихачев Дм Сер // Большой энциклопедический словарь — М Сов энциклопедия, 1991
Т 1 — С 720
- Лихачев Дмитрий Сергеевич // Кто есть кто в России и ближнем зарубежье Справочник —
М Издательский дом «Новое время», «Все для Вас», 1993 — С 375—376
- Лихачев Дмитрий Сергеевич // Кто есть кто в русском литературоведении Справочник / РАН
Ин-т науч информации по обществ наукам, Ин-т мировой лит М, 1992 Ч 2 К—О
С 124—131
- Лихачев Дмитрий Сергеевич // Кто есть кто в Санкт-Петербурге '95 Биографический справоч-
ник / Сост В К Васильев, О С Кузин, В Б Угрюмов — СПб Культ-информ-пресс,
1995 — С 119—120
- Лихачев Дмитрий Сергеевич // Литература и культура Древней Руси Словарь-справочник /
О М Анисимова, В В Кусков, М П Одесский, П В Пятнов, Под ред В В Кус-
кова — М Вышш школа, 1994 — С 223—224
- Лихачев Дмитрий Сергеевич // Славяноведение в СССР Изучение юных и западных славян
Биобиблиографический словарь / АН СССР Ин-т славяноведения и балканистики Intro-
duction by E Kasinec and R H Davis, Jr Ross New York Publishing Inc New York
1993 С 274—275
- Лихачев // Шкляревский И И Мне все понятней облака Стихи, поэмы, «Слово о полку Иго-
реве», заметки о поэзии и природе — М Сов писатель 1990 — С 339—341
- Лихтенштейн Е С* Корректор — академик Дмитрий Лихачев // Литература и искусство в сис-
теме культуры / АН СССР Науч совет по истории мировой культуры, Сост Т Б Кня-
зевская, Отв ред Б Б Пиотровский — М Наука, 1988 — С 11—16
- Ляско К* Когда рассеялся дым // Книжное обозрение М, 1988 15 июля, № 29 С 4—15
Отклики сотрудников Библиотеки АН на публикацию Д С Лихачева «Горькие
мысли после пожара» (Книжное обозрение М, 1988 18 марта)
- М И Академик Д Лихачев «Вражду создает отсутствие культуры» // Культура М 1992
15 февр № 7 С 6
- Маиская Г* «На чем растет культура» // Литературная Россия М 1989 24 марта № 12 С 7
О предвыборной программе Д С Лихачева как кандидата в народные депутаты
СССР от Советского фонда культуры
- Максимов М* Приношение // Смена Л 1989 12 сент № 210 С 1

- Д С Лихачев передает рукопись «Отцов и детей» И С Тургенева, приобретенную Советским фондом культуры в Великобритании, Пушкинскому Дому
- Мамедзаде С* Чем слово отзовется Открытое письмо академику Д С Лихачеву // Бакинский рабочий 1990 28 марта, № 66 С 4
- По поводу интервью Д С Лихачева в «Литературной газете» от 7 марта 1990 г («Свет Александрийской библиотеки»)
- Манн Ю* Движущая теория // Вопросы литературы М, 1988 № 5 С 226—233
- Рец на кн Д С Лихачева «Избранные работы В 3 т» (Л, 1987)
- Маркова Н* Что сказал бы Пушкин о факсимильном издании своих рабочих тетрадей // Невское время СПб, 1995 25 мая, № 93 С 1
- Резюме ответов Д С Лихачева на пресс-конференции в Пушкинском Доме, посвященной выходу т 1—2 факсимильного издания рабочих тетрадей Пушкина
- Мейлах М* Академик Лихачев на Соловках и в Ленинград [Рец на телефильм «Дмитрий Лихачев Я вспоминаю»] // Русская мысль Париж, 1989 27 янв, № 3760
- Меликянц Г* Академик Д Лихачев уходит с должности в Фонде культуры, но остается его почетным председателем // Известия М, 1993 19 марта, № 51 С 7
- Д С Лихачев подводит итоги деятельности Фонда и предлагает программу его работы в будущем
- Меликянц Г* Два фонда — две культуры // Известия М, 1991 19 окт, № 249 С 4
- О реорганизации Советского фонда культуры, возглавляемого Д С Лихачевым, в Фонд культуры России и Всероссийский фонд культуры П Проскурина
- Меликянц Г* Культура — наше общее прошлое и даже Господь Бог не в силах изменить этого, говорит академик Д С Лихачев // Известия М, 1992 15 февр, № 38 С 3
- О выступлении Д С Лихачева на заседании Российского фонда культуры необходимости создания программы по культуре и основные ее положения
- Михайловский А* Академик Лихачев // Советский воин М, 1990 № 14 С 1, 2, 3, 26—27
- Беседа
- Мишина Н* Русский Леонардо // Правда М, 1989 26 янв, № 26 С 6
- О размышлениях Д С Лихачева по поводу П А Флоренского
- Молоков А* Возвращение «Отцов и детей» // Советская Россия М, 1989 12 сент, № 210 С 4
- Д С Лихачев — Председатель Президиума Советского фонда культуры передает в Пушкинский Дом рукопись романа И С Тургенева «Отцы и дети» и два неизвестных письма — Пушкина и Тургенева, купленных Фондом на аукционе «Сотби»
- Молоков А* Возвращение рукописи [романа И С Тургенева «Отцы и дети»] // Советская Россия М, 1989 4 мая, № 103 С 1
- Д С Лихачев ознакомился с рукописью романа во время пребывания в 1988 г в Англии
- Мы благодарны Вам! Сегодня исполняется 85 лет академику Д С Лихачеву // Санкт-Петербургские ведомости 1991 28 нояб, № 71 С 3, фото
- Поздравление с юбилеем от редакции газеты, правления и секретариата С-Петербургского отделения Союза писателей
- «Мы обязаны предупредить Вас об ответственности» Письма президенту России Б Н Ельцину // Независимая газета М, 1992 2 апр, № 64 С 7
- В Лакшин, Б Раушенбах, М Ростропович, Н Михалков, М Гаспаров, В Гаевский, А Битов, С Ямщиков, Ю Лотман (особое письмо) по поводу выступлений Д С Лихачева об антинародной политике правительства в области культуры (см Независимая газета М, 1992 25 марта, № 58, Культура М, 1992 22 февр, № 8, 21 марта, № 10, Московские новости 1992 23 февр, № 8)
- На приеме в Ватикане — академик Лихачев // Санкт-Петербургские ведомости 1993 22 янв № 15 С 3
- Вручение диплома доктора наук «Хонорис кауза» и почетного перстня Сиенского ун-та
- То же Привет, Петербург 1993 3 февр, № 3 С 1
- Навстречу выборам // Телевидение Радио Ленингр программы передач 1989 11 марта, № 11 С 1, портр
- Д С Лихачев, выдвинутый кандидатом в народные депутаты СССР от Советского фонда культуры
- Награды академики // Вечерний Петербург 1993, 1 дек, № 271 С 1
- Награждение Большой золотой медалью им М В Ломоносова Российской АН 1993 г за выдающиеся достижения в области гуманитарных наук
- Названы имена лауреатов // Санкт-Петербургские ведомости 1993 9 дек № 262 С 3
- О награждении Д С Лихачева Гос премией Российской Федерации в области литературы 1993 г
- То же Вечерний Петербург 1993 9 дек, № 278 С 1
- Наущное дело культуры // Московский комсомолец 1988 5 февр № 30 С 3
- Д С Лихачев о деятельности Советского фонда культуры
- Невельский В Краюхин С* Книги ждут помощи Послесловие к пожару [в БАН 14 15 февр 1988 г] // Известия М 1988 24 февр № 55 С 6

- Д С Лихачев о сохранности фондов ленинградских музеев и библиотек
Неверов А Решал каждый голос // Правда М, 1989 9 янв, № 9 С 4
- О выдвижении Д С Лихачева кандидатом в народные депутаты СССР от Советского фонда культуры
- Ненашев С* Академик Лихачев возглавил «Невский список» // Санкт-Петербургские ведомости 1995 15 июня, № 110 С 2
- На основании опроса общественности в С-Петербурге в конце мая Д С Лихачев заслуживает наибольшего признания и уважения
- Нерознак В П* Любителям российской словесности // Русская речь М, 1993 № 1 С 43
- О докладе Д С Лихачева посвященном старой орфографии и прочитанном им в 1928 г
- Николаев А* Всемирный клуб петербуржцев открыл сезон // Смена СПб, 1995 16 сент, № 215, портр
- Первое заседание (пятого года существования клуба), в котором участвовал Д С Лихачев
- Никольский Б Н* Съезд разрушил стереотип сознания // Диалог Л, 1989 № 20 С 4
- О выступлении Д С Лихачева на Съезде народных депутатов СССР
- Нодель Ф* Прошлое, которым можно гордиться // Народное образование М, 1988 № 12 С 96
- Рецензия на книгу Д С Лихачева «Великий путь Становление русской литературы 11—17 вв» (М Сов писатель, 1987)
- О времени и о себе // Советская культура М, 1988 8 дек, № 147 С 8, портр
- О премьерe документального телефильма «Д Лихачев Я вспоминаю»
- [О выступлении Д С Лихачева в Гамбурге по вопросам экологии природы и культуры] // Hamburger Abendblatt 1989 12 September, portr
- [О присвоении Д С Лихачеву звания почетного члена Немецкого Пушкинского общества (Бонн) в день его 85-летия] // Смена СПб, 1991 29 нояб, № 276 С 1
- Одинцова Н* Культура тоже имеет право // Вечерний Петербург 1995 4 окт № 184 С 1
- На конференции «Наука, культура образование на рубеже XXI века» (СПб, 4 окт) обсуждался проект «Декларации прав культуры», составленный Д С Лихачевым
- Одинцова Н* «Лихачев» уходит в оппозицию // Вечерний Петербург 1996 3 апр, № 63 С 1
- О планете, названной в честь Д С Лихачева
- Одинцова Н* Страна ученых или «сникерсопребляющая территория?» // Вечерний Петербург 1995 19 окт, № 195 С 2
- На встрече в Доме ученых в Петербурге обсуждался проект «Декларации прав культуры», разработанный Д С Лихачевым
- Осинский В* Беседы с Лихачевым // Ленинградская правда 1988 8 нояб, № 257 С 4
- О телевизионном фильме В Виноградова «Д Лихачев, Я вспоминаю»
- Осинов С* Власть соловейка // Тихоокеанская звезда Хабаровск, 1989 23 мая, № 117 С 4
- О фильме М Голдовской «Власть соловейка» с участием Д С Лихачева
- К 90-летию академика Д С Лихачева // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН Ин-т рус лит — СПб Дмитрий Буланин, 1996 Т 50 — С 3—6
- Приветствие Д С Лихачеву к его 90-летию
- [От составителя] // Литература и искусство в системе культуры / АН СССР Науч совет по истории мировой культуры Сост Т Б Князевская, Отв ред Б Б Пиотровский М Наука 1988 — С 5—6
- О сборнике статей, посвященном 80-летию Д С Лихачева
- [От составителя] // Русское подвижничество / РАН Науч совет по истории мировой культуры Сост Т Б Князевская, Отв ред Б В Раушенбах — М Наука, 1996 — С 3—6
- Ошеверова Л* В России теперь два фонда культуры Станет ли культуры вдвое больше? // Известия М, 1991 14 сент, № 219 С 7
- О предложении Д С Лихачева преобразовать Советский фонд культуры в Фонд культуры России
- Ошеверова Л* Теперь в России два фонда культуры // Известия М, 1991 17 сент № 221 С 2
- О переходе Советского фонда культуры под юрисдикцию России без Всероссийского фонда культуры, возглавляемого П Проскуриным
- Панях В М* «Люди и нравы древней Руси» Бориса Александровича Романова судьба книги // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН Ин-т рус лит СПб Дмитрий Буланин, 1996 Т 50 — С 825—839
- Б А Романов и Д С Лихачев
- Первая награда — Дмитрию Лихачеву // Вечерний Петербург 1994 1 июня, № 119 С 1
- Награждение Д С Лихачева юбилейной Пушкинской медалью
- Петербург 19 депутатов подписали заявление // Санкт-Петербургские ведомости 1992 17 марта № 64 С 1
- О неучастии в VI чрезвычайном Съезде народных депутатов СССР подписал заявление и Д С Лихачев
- Пехливанов И* Доброта // Руска беседа София 1992 № 2 С 30—31
- О книге Д С Лихачева «Письма о добром и прекрасном» на болгарском языке
- Пирожков А* «Д Лихачев Я вспоминаю» // Смена Л 1988 3 нояб № 253 С 4 портр

- О фильме режиссера В Виноградова с участием Д С Лихачева
Письмо из 1980 года С заметками «О русском» Д С Лихачева спорит историк культуры Леонид Михайлович Баткин // Независимая газета М, 1991 13 авг, № 95 С 5, фото Платонова Н Тихонов И Ученый, художник, высочайшей марки гражданин // Ленинградский университет 1989 6 янв, № 1 С 5
Опубликована телеграмма Д С Лихачева М И Артамонову с поздравлением по случаю его 90-летия
- Пленум Советского фонда культуры // Советская культура М, 1990 27 янв, № 4 С 1
По предложению Д С Лихачева решено обратиться в Верховный Совет СССР принять Закон о культуре и вернуть прежние названия историческим городам
Плутник А У Академик Д Лихачев «Патриотизм неотделим от любви к истине» // Плутник А У Что-то случилось — М Известия, 1988 — С 172—184
Беседа 1986—1987 гг
- [Поздравление от редакции с 85-летием Д С Лихачева] // Псковская старина Вестник истории и культуры Приложение к газ «Мифы и реальность» Псков, 1991 № 2 С 4
Поздравляем! // Вечерний Петербург 1991 28 нояб, № 273 С 1
Депутаты С-Петербургского городского Совета народных депутатов поздравляют Д С Лихачева с 85-летием
- Полушко В День Университета // Санкт-Петербургские ведомости 1993 19 мая № 111 С 1
Присвоение звания Почетного доктора С-Петербургского Гуманит ун-та профсоюзам и вручение диплома Д С Лихачеву Лекция Д С Лихачева «Петербург в истории русской культуры»
- Поляновский Э По ту сторону (Парижский дневник) // Известия М, 1989 4 марта, № 63 С 6, 7 марта, № 66 С 5
Д С Лихачев о русской эмиграции и культурных ценностях
- Потемкин В Академия без Д С Лихачева? // Советская культура М, 1990 20 янв, № 3 С 1
Заявление Д С Лихачева о выходе из состава АН СССР в связи с тем, что ленинградские власти не могут обеспечить сохранность культурных ценностей
- Почетное гражданство [Ленинграда — Д С Лихачеву] // Ленинградская правда 1991 8 янв, № 6 С 3
- Представление юбилейных Пушкинских медалей // Санкт-Петербургские ведомости 1994 2 июня, № 103 С 1
Юбилейные медали (золотая и серебряная) были вручены Д С Лихачеву в Пушкинском Доме
- Премия Д С Лихачеву // Советская культура М, 1989 10 июня, № 69 С 4
Международная журналистская премия Модены за вклад в развитие и распространение культуры вручена Д С Лихачеву 2 июня 1989 г в итальянском городе Модена
- Пригожин Л А Минувшее Воспоминания — Л Сов композитор, 1991 — 93 с
О встрече с Д С Лихачевым С 87—89
- [Присвоение звания «Почетный гражданин С-Петербурга» решением сессии городского Совета] // Санкт-Петербургские ведомости 1993 26 мая, № 117 С 3, портр
То же Известия М, 1993 26 мая, № 97 С 1
- Прокофьев Ю Пожар на экране // Литературная газета М, 1988 6 апр, № 14 С 1
О фильме «Дым Отечества» с участием Д С Лихачева
- Рубашкин А Спросить с себя // Литературная газета М, 1991 3 июля, № 26 С 10
Д С Лихачев о покаянии всех за «заблуждения» в «застойные времена»
- Русское подвигничество / РАН Науч совет по истории мировой культуры Сост Т Б Князевская, Отв ред Б В Раушенбах — М Наука, 1996 — 572 стр
- Рыжова Т «Красно глаголай — лжу глаголешь» // Горьковский рабочий 1989 27 марта, № 72 С 3, 28 марта, № 73 С 3, 29 марта, № 74 С 3
Д С Лихачев о А М Горьком в фильме «Власть соловейка» М Голдховской
- Рябчиков В Подарки для Сахалина // Правда М, 1989 7 апр, № 97 С 8
Поздравление Д С Лихачева сахалинцев с открытием Художественного музея
- Самойлис С Судьба рукописи // Ленинградская правда, 1989 9 апр, № 84 С 2
О роли Д С Лихачева в возвращении рукописи «Отцов и детей» И С Тургенева в СССР
- Самойлис С «Тетради Пушкина» издадут в Великобритании // Санкт-Петербургские ведомости 1994 19 мая, № 93 С 1
Встреча Д С Лихачева с принцем Уэльским в Пушкинском Доме
- Сегодня Дмитрию Сергеевичу Лихачеву исполняется 85 лет Поздравляем от всей души! // Рабочая трибуна М, 1991 28 нояб, № 230 С 6
- Сенин В Горькое бесчувствие // Ленинградская правда 1989 23 февр, № 45 С 3
Об отношении к Д С Лихачеву ленинградских властей в 70-е гг
- Сергеев А По программе Д С Лихачева // Вечерний Петербург 1991 21 сент № 218 С 2
В Центральном лектории общества «Знание» начал занятия ун-т старших школьников — «Классика», программы которого посвящены изучению традиций отечественной культуры
- Сергеев А Премии академикам // Вечерний Петербург 1991 4 нояб № 254 С 1

- Вручение премии им академика А П Карпинского фонда «ФФС» (Гамбург, ФРГ)
Д С Лихачеву и Ю А Осипьяну
Сердобольский О Возродим культуру Ленинграда! // Ленинградская правда 1989 3 нояб,
№ 252 С 3
О выступлении Д С Лихачева на пленуме творческих союзов Ленинграда 1 ноября
Сердобольский О Все круги жизни // Социалистическая индустрия М, 1988 14 дек, № 286
С 4
Д С Лихачев в фильме В Виноградова «Д Лихачев Я вспоминаю»
Сердобольский О Первый почетный гражданин // Санкт-Петербургские ведомости 1993 27 мая,
№ 118 С 2
О присвоении 25 мая сессией городского Совета звания почетного гражданина
С-Петербурга Д С Лихачеву
Сердобольский О Реликвии возвратились на Родину // Ленинградская правда 1989 10 сент,
№ 209 С 3
Авторская рукопись романа И С Тургенева «Отцы и дети» в торжественной об-
становке была передана Институту русской литературы АН СССР председателем правления
Советского фонда культуры Д С Лихачевым
Сигитов С Памяти Люциана Пригожина // Невское время СПб, 1994 24 февр, № 36 С 5
О встрече композитора с Д С Лихачевым, о его двух ораториях — «Слово о полку
Игореве» и «Повесть о Горе-Злочастии»
Сидорова Д Долги наши // Вечерний Ленинград 1989 20 февр, № 43 С 1
О программе в области культуры кандидата в народные депутаты СССР Д С Ли-
хачева
Симанович Г И все же, все же // Советская культура М, 1989 6 июня, № 67 С 4, портр
О кинофильме «Власть соловецкая» с участием Д С Лихачева
Слуцкий Б Болгарский орден академика Лихачева // Вечерний Петербург 1995 27 сент,
№ 179 С 1
Указом президента Болгарии Ж Желева Д С Лихачев награжден орденом «Ма-
дарски конник» I степени за исключительные заслуги в развитии болгаристики
Служение Отечеству // Телевидение Радио Ленингр программы передач 1989 9 дек, № 50
С 1, портр
Излагается краткая биография Д С Лихачева и сообщается о дне передачи по
радио очерка Д А Гранина «Служение Отечеству», рассказывающего о Д С Лихачеве
Сменовцы Дмитрию Сергеевичу Лихачеву — 85 // Смена СПб, 1991 29 нояб, № 276 С 1
Смирнов К Проишут ли Рерихов в усадьбе Лопухиных? // Известия М, 1994 29 марта, № 58
С 7
Приводится отрывок из письма Д С Лихачева Б Н Ельцину о сохранении особ-
няка Лопухиных для музея Н К Рериха
Смирнов Ю Остров в Ладого стоит // Ленинградская правда 1990 26 июля, № 172 С 1, 3
Д С Лихачев от имени Советского фонда культуры обратился к Президенту СССР
М С Горбачеву с ходатайством о передаче монастырского комплекса и всей террито-
рии Валаама — церкви
Собчак А Прорыв Интервью без единого вопроса / А Головкин, А Чернов // Московские но-
вости 1991 1 сент, № 35 С 10
О выступлении Д С Лихачева на Дворцовой площади 20 августа в Ленинграде во
время событий 1991 г
Собчак А А «Я не политик, я прежде всего профессор» // Аргументы и факты — Петербург
1995 Сентябрь, № 37 С 1
О Д С Лихачеве и его книгах, беседа с корр К К
Создать народный фонд 200-летия А С Пушкина предлагает академик Дмитрий Лихачев //
Известия М, 1993 13 авг, № 152 С 7
Соколова Л В Дар ученого // Русская литература СПб, 1994 № 2 С 281—282
Д С Лихачев передал в библиотеку Отдела древнерус лит Пушкинского Дома
свое собрание книг и статей по «Слову о полку Игореве»
Соколова Л В Чтения по истории и культуре Древней Руси // Русская литература Л, 1991
№ 1 С 224—226
Доклад Д С Лихачева «К вопросу о жанре „Слова о полку Игореве“», прочитан-
ный 4 сент 1990 г в Ярославле
Соломонов Ю Ах, эти девушки в Бостоне Журналистское послесловие к некоторым эпизодам
официального государственного визита [в Америку] // Советская культура М, 1990
9 июня, № 23 С 9
Д С Лихачев в Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне на открытии выставки
древнерусе рукописей
[Сообщение о присуждении Д С Лихачеву Большой золотой медали Российской Академии
наук им М В Ломоносова 1993 г за выдающиеся достижения в области гуманитарных
наук] // Санкт-Петербургские ведомости 1993 1 дек № 256 С 3
Сорокин Е Лично Вам Заметки сделанные в ходе сессии Верховного Совета СССР // Совет-
ская Россия М 1989 10 дек, № 283 С 4

- О выступлении Д С Лихачева по вопросу культуры
- Соснов А* Кто ответит за гибель культуры? // Невское время СПб, 1995 6 окт, № 186 С 2
На конференции в Петербурге «Наука, культура, образование на рубеже XXI века»
Д С Лихачев представляет «Декларацию прав культуры»
- Сперанская Н М* Первая Международная Пушкинская конференция «Пушкин и мировая культура» // Русская литература СПб, 1991 № 4 С 235—241
Приведен текст приветственной телеграммы Председателя президиума Советского фонда культуры Д С Лихачева
- Сталева Т В* Пусть узнают живущие Художественно-документальные очерки — М Изд-во МПИ, 1991 — 176 с
С 15—22 в очерке « для окопного чтения» рассказывается о пережитой Лихачевыми блокаде Ленинграда 1941—1942 гг и написанной Д С Лихачевым брошюре «Оборона древнерусских городов» (совместно с М А Тихановой)
- Стетнов В* Разное о главном [Изложение разговора участников беседы (В Захаров, В Семенов, М Салес, Б Шоу, Д Лихачев)] // Театральная жизнь М, 1989 № 7 С 19 21
Д С Лихачев об идеале и действительности в культуре Древней Руси, о взгляде Феодосия Печерского на произведение искусства
- Столяров Б К* 85-летию со дня рождения академика Д С Лихачева // Миниатюра Газета коллекционеров СПб, 1991 Вып 6 С 2
Эскиз медали Г Постникова «Д С Лихачеву 85 лет»
- Тартышный В* Еще раз о поэте [Юрии Казарновском] Академик Д С Лихачев в ответ на публикацию в «Комсомольце» // Комсомолец Ростов, 1989 15 марта, № 50 С 1—2
Приведен текст письма Д С Лихачева автору статьи
- Теорогов О В* Д С Лихачев и отечественная медиевистика // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН Ин-т рус лит — СПб Дмитрий Буланин, 1996 Т 50 — С 7—16
- Телевизионное знакомство // 7 дней Программы телевидения и радио 1990 29 авг С 3
портр (Ленингр вып еженед «Говорит и показывает Москва» 3— 9 сент, № 36)
Беседа Д С Лихачева с эстон журналистом У Оттом
- Тиунов Е* Письмо одного по поводу письма девяти // Литературная Россия М, 1990 12 янв, № 2 С 8—9
По поводу письма «Кто мешает возрождению «Ленинграда» (см Ленинградский литератор 1989 8 дек, № 2)
- Труды Отдела древнерусской литературы / РАН Ин-т рус лит, Отв ред Л А Дмитриев — СПб Наука, 1992 Т 45 — 273 с
Том посвящен 85-летию Д С Лихачева (см с 3)
- Уберечь, воссоздать, приумножить* // Ленинградская правда 1988 9 дек, № 283 С 2
О выступлении Д С Лихачева на брифинге для сотрудников зарубежных консульств о деятельности ленинградского отделения Советского фонда культуры
Университетские будни // Привет, Петербург СПб, 1993 3 февр, № 3 С 1
Сообщение о награждении Д С Лихачева дипломом доктора наук и почетным перстнем Сненского ун-та, о приеме его папой римским Иоанном Павлом II
- Федоров В И* здравствует Тверь // Советская культура М, 1990 30 июня № 26 С 1
Публикуется письмо Д С Лихачева к председателю горисполкома г Калининна по поводу возвращения городу исторического наименования — Тверь
- Филатов С* Хлеб духовности // Известия М, 1993 11 дек, № 238 С 7
Награждение Д С Лихачева и сотрудников Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома Гос премией Российской федерации в области литературы 1993 г за серию «Памятники литературы Древней Руси»
- Фоняков И* «Бог помочь вам, друзья мои » // Литературная газета М, 1992 18 нояб, № 47 С 7
Создан Гос Пушкинский Театральный центр в С-Петербурге, в худож совет кото рого входит и Д С Лихачев
- Фоняков И* И снова на Мойке, 12 // Ленинградская правда 1990 19 июля, № 167 С 4
Д С Лихачев о Всесоюзном музее А С Пушкина
- Хацкевич И* О высказывании академика Д С Лихачева // Советская культура М, 1989 25 марта, № 36 С 1
Об упразднении Академии педагогических наук
- Хилтунен Р* Академик Лихачев в Финляндии // Санкт-Петербургские ведомости 1994 27 мая № 99 С 2
Сообщение финской газеты «Хельсингин Саномат» о прибытии в Хельсинки Д С Лихачева и его лекции в Университете
- Хозиков В* Фрески исчезают Петербургские ученые и мастера предлагают способы их спасения // Санкт-Петербургские ведомости 1994 5 мая № 84 С 5
Д С Лихачев — первый спонсор мастерской церковной живописи при Институте им Репина Российской Академии художеств
- Хопта Ю* Тихий вердикт // Недвижимость Петербурга 1995 9—16 нояб № 44 С 6—7 портр
Д С Лихачев предлагает программу подготовки к празднованию 300 летия Российского флота
- Хорошилова Т* Воспитание истиной // Комсомольская правда 1988 29 дек № 298 С 1

- Д С Лихачев и общество «Классика»
Хорошилова Т Дмитрию Сергеевичу Лихачеву 85 лет Это событие // Комсомольская правда М, 1991 29 нояб, № 275 С 1
- Д С Лихачев — защитник ценностей русской культуры
 Хронологический список трудов академика Д С Лихачева за 1988—1996 гг // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН Ин-т рус лит — СПб, Дмитрий Буланин, 1996 Т 50 — С 40—70
 Составитель М А Салмина
- Чаицкая О* Академик Лихачев Наши бесы не тонут // Век М, 1992 6—12 июня С 10
 Д С Лихачев о бескультурии властей Беседа
- Чайковская О* Сопротивление // Шаги Ежегодник Союза писателей СССР Очерк и художественная публицистика — М Известия, 1988 — С 36—39
 С 38 Д С Лихачев о бедственном положении дел в Российской Государственной библиотеке (б ГБЛ)
- Чернов А* Легкая ноша академика Лихачева // Московские новости 1988 18 сент, № 38 С 13, фото
 Феномен Лихачева
- Чернов А* Пробный посев ада // Советский экран М, 1989 № 14 С 14—15
 О фильме М Голдовской «Власть соловейца» с участием Д С Лихачева
- Чуковская Л К* Куоккала — Переделкино // Русское подвижничество / РАН Науч совет по истории мировой культуры, Сост Т Б Князевская, Отв ред Б В Раушенбах — М Наука, 1996 — С 415—456
- Шагиева Г* Из Нижнего в Горький и обратно // Горьковский рабочий 1990 28 мая, № 121 С 3
 Об участии Д С Лихачева в конференции «Исторические наименования — память народа», посвященной возвращению г Горькому наименования Нижний Новгород
- Шервуд О* Какое голубое небо! // Вечерний Ленинград 1988 3 нояб, № 252 С 3, фото
 Беседа с режиссером телефильма «Д Лихачев Я вспоминаю » В Виноградовым «600 секунд» не должны быть реанимированы // Известия М, 1993 15 окт, № 197 С 2
 О письме Президенту, министру печати, генеральному прокурору, подписанном Д С Лихачевым и др
- Шиманская М* Год «Слова» // Северный рабочий Ярославль, 1990 7 сент, № 206 С 1, 2, фото
 Д С Лихачев — участник «Чтений» по древнерус лит и культуре в Ярославле (доклад «О жанре „Слова о полку Игореве“»)
- Шмакова Е* «Дело № 195 Дмитрия Лихачева» // Телевидение Радио С-Петербургские программы передач 1993 20 нояб, № 4 С 1, портр
 Телефильм об аресте Д С Лихачева в 1928 г
- Шмидт С О* К изучению истории советской археографической культуры // Литература и искусство в системе культуры / АН СССР Науч совет по истории мировой культуры, Отв ред Б Б Пиотровский М Наука, 1988 С 487—493
 Деятельность Д С Лихачева в области археографии
- Шошин В* Из «Повести о встречах» // Псковская старина Вестник истории и культуры Приложение к газ «Мифы и реальность» Псков, 1991 № 2 С 4—5, портр
 Из книги, посвященной Д С Лихачеву
- Шошин Р* С именем Пушкина // Морская газета СПб, 1995 23 дек, № 148—149 С 4
 Д С Лихачев и Пушкинский Дом
- Ямщиков С* Вокруг аукциона // Советская культура М, 1991 3 авг, № 31 С 11
 Отрывки из переписки С Ямщикова и Д С Лихачева по поводу продажи ценностей на зарубежных аукционах
- Ямщиков С* Хранить — вечно чтобы погубить // Известия М, 1991 12 апр, № 87 С 3
 О письме Д С Лихачева М С Горбачеву по поводу произведений живописи, принадлежавших до войны коллекционерам Венгрии
- Яхлакова Т* К духовному возрождению // Советская культура М, 1989 21 марта, № 34 С 2
 О выборах Д С Лихачева в народные депутаты СССР от Советского фонда культуры
- Avola P* Dmitri Lihatshev on Venajan omatunto, oikeastaan muinaisjaanne // Helsingin Sanomat 1995 26 marraskuuta S D 15 portr
 О передаче по телевидению «Фрагменты России академика Лихачева»
- Bivans M* Conversations With The Man Who Put the «Saint» in St Petersburg // St Petersburg Press 1993 July 6—12 № 9 P 8 Portr
 Излагаются взгляды Д С Лихачева по поводу русской литературы и культуры
- Branca V* Un francescano a Mosca // Il Messaggero Roma 1991 28 Dicembre P 17 portr
 Беседа
- Clair W S* A Cultural Chernobyl // Financial Times London 1988 16 April
 Dimitri Likhaciov // 5ª edizione «Premio Giornalistico Citta di Modena» Modena 1989 S 26
 К награждению Международной журналистской премией Модены

- Dmitry Likhachev // *The Hellenic Journal* San Francisco, 1990 June 21 Vol 16, № 13 P 4—5, portr
Hansen H Auch im Alter für frischen Wind sorgen // *Kieler Nachrichten* 1989 15 September
 № 215, portr
 Беседа о культуре, экологии на «Неделе советской культуры» в Киле
- Hayden P* [Рец на кн Жак Делиль / Изд подгот Н А Жирмунская, Д С Лихачев
 Ю М Лотман, И Я Шафаренко Л, 1987] // *Garden History* Hereford, 1990 Vol 18,
 № 2 P 195—197
- Isham H* The Man, Who Embodies Glasnost // *Connoisseur* New York, 1990 July Vol 220
 № 942 P 72—75, portr
- Izumova N* Le camp des Solovki // *Les nouvelles de Moscou* 1988 23 oct., № 43 P 16
 Д С Лихачев — участник фильма М Голдовской «Власть соловецкая»
 «Legt euch in eure Sarge» // *Der Spiegel* Gamburg, 1991 23 Dezember, Nr 52 S 108—109, foto
 Д С Лихачев и блокада Ленинграда (1941—1942 гг)
- Lesourd F* Dimitri Likhatchov et le nationalisme russe // *La Question russe* Essais sur le nationa-
 lisme russe sous la direction de Michel Niqueux Paris Editions Universitaires, 1992 P 147—
 163 (Centre de recherche sur l'évolution de l'URSS de l'Université de Caen)
- Lesourd F* Dimitri Likhatchov, historien et theoricien de la litterature // *Likhatchov D* Poetique histo-
 rique de la litterature russe (X-e—XX-e siecle) Lausanne, 1988 P 255—328
 Introduction // *Ibidem* P 7—8
- Likhachev Dmitry Sergeyeovich // *The International Who's Who* 52—56 Ed 1988—1993 London
 Europa Publications, 1988—1992
- Likhachev Dmitry Sergeyeovich // *Who's Who in the World* 11—13th Ed 1993—1996 New Provi-
 dence 1992—1995
- Lobanov N D* Cutting Through the Bureaucratic Tangle in Soviet Culture? // *Apollo* London, 1988
 February P 123—124, foto
- Małek E* Profesor Dymitr Lichaczow — doktor honoris causa Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w
 Toruniu (w osiemdziesiątą rocznicę urodzin) // *Acta Universitatis Nicolai Copernici Filologia*
 Rosyjska I — Nauki humanistyczne — społeczne Torun, 1990 Zes 202 S 5—29
- Nakamura Yo* A Great Russian Scholar's First Impressions of Japan // *Shincho* 45 (Синте 45)
 Tokyo, 1993 № 11 P 112—121 — На япон яз
 Заметки сопровождавшего Д С Лихачева
- Nivat G* [Выступление по докладу Д С Лихачева «Statement The Russian Intelligentsia»] // *The*
End of the Century The Future in the Past The Japan Foundation Center for Global
Partnership Tokyo Kodansha International, 1995 P 75—76
- Ponzi M* La cronaca // *L'Osservatore Romano* Citta del Vaticano 1993 21 Gennaio, № 16 P 4,
 foto
- Remnick D* Defending the Faith (Reflections on Russia by D Likhachev, ed by N N Petro
 transl by Ch Sever Westview Press, Zаметki i Nabludenija Iz Zapisnikh knuzhek raznykh
 Lyet (Notes and Observations From Notebooks Over the Years) by D Likhachev Sovietski
 Pisatel, Bibliographia Dimitri Sergeyeovich Likhachev, ed by V P Adrianov-Perets
 M A Salmnoi et al Nauka Publishers) // *The New Yorks Review of Books* 1992 May 14
 Vol 39, № 9 P 44—47
- Remnick D* // *Washington Post* 1990 30 May, 1 jun, 16 dec
 Американская пресса о пребывании Д С Лихачева в США в 1990 г
- Ronchetti B* Teoria della letteratura nel pensiero di Dimitry Sergeevic Lichačev // *Ricerche Slavistiche*
 Roma 1989 Vol 32—35 (1985—1988) P 137—211
- Russel J* Redrawing the Cultural Map of Russia, Inch by Laborious Inch // *The New York Times*
 1991 September 1 Section 2 S 23
 О Д С Лихачеве
- Samvelian N* Dimitri Likhatchev Esquisse d'un portr Moscou APN, 1990 — 60 p
- Sheppard H* Positive Negatives People Behind the Portraits // *The Hellenic Journal* San Francisco
 1990 June 21 Vol 16, № 13 P 4—5, portr
 О Д С Лихачеве
- Spadolini G* Con Lichacév a San Pietroburgo // *La Stampa* Turin, 1992 19 mar P 17
- Stehle H* Messe in Moskau? // *Die Zeit* Hamburg 1988 22 Januar № 4 S 7
- Stern F* [Выступление по докладу Д С Лихачева «Statement The Russian Intelligentsia»] // *The*
End of the Century The Future in the Past The Japan Foundation Center for Global
Partnership Tokyo Kodansha International, 1995 P 72
- Strada V* Cittadinanza onoraria a un grande russo Lichaciov, vivere per l'arte da San Pietroburgo
 a Milano // *Corriere della Sera* Milano, 1993 9 Febbraio № 33 P 29
- Strada V* «In URSS promuovo beneficenza culturale» // *Corriere della Sera* Milano, 1989 30 Gen-
 naio, № 5 P 3, foto
 Беседа с Д С Лихачевым
- Strada V* Memorie di un combattente Dal lager alla serenita // *Corriere della Sera* Milano 1995
 25 Settembre № 38 P 19
 О встрече с Д С Лихачевым в С -Петербурге и о его работе над «Декларацией
 прав культуры»

ПОЭТИКА И СТИЛИСТИКА

А. А. АЛЕКСЕЕВ

«Невѣглась», или Похвала невежеству

Под 980 г. Летопись рассказывает о вступлении на киевское княжение Владимира. Характеристика, которую получает здесь этот русский святой, выдержана в суровом нелюдском тоне: «...не хочу розути робичича» (это слова Рогнеды о нем), «Володимеръ же посла къ Блуду, <...> с лестью глаголя», «Володимеръ же залеже жену братьню, <...> от грѣховнаго бо корени золь плодъ бываетъ», «сольстил еси нами» (слова обманутых варягов к Владимиру), «постави кумиры на холму, <...> и осквернися кровьюми земля руска», «бѣ же Володимеръ побѣжень похотью женскою», «бѣ несѣтъ блуда» и, наконец, известное «невѣглось» (цитируется Лаврентьевская летопись). Портрет киевского князя находится в резком контрасте с обликом равноапостольного крестителя Руси, написанным энергичной кистью митрополита Илариона.

Особо строг летописец к гарему Владимира, заключавшему, по его сведениям, триста наложниц в Вышгороде, триста в Белгороде и двести в Берестове. Гарем дает повод для сравнения князя с библейским Соломоном: «Бѣ бо женолюбѣць, якоже и Соломанъ. Бѣ бо, рече, у Соломана жен 700 а наложницъ 300.¹ Мудръ же бѣ, а наконецъ погибе; се же бѣ невѣглось, а наконецъ обрѣте спасенье».

Что Соломон погиб не из-за множества жен, а из-за языческих культов (3 Цар. 11:10), летописцу не кажется важным. В глазах феодально-дружинной Руси как раз моногамия оказалась наиболее уязвимой чертой нового религиозного и общественного устройства; она мало приличествовала высокому рангу князя. Когда Ольга склоняла своего сына Святослава к христианству, он отвечал ей: «Како аз хочу инъ закон пряти единъ? А дружина сему смѣяться начнуть». В той же статье под 955 г. сообщается, что при Святославе не было запрета на принятие христианства, но все крестившиеся осмеивались, «невѣрнымъ бо вѣра хрестьяньска уродство естъ» (слова из 1 Кор. 1:18). Смешным мог казаться отказ от идеалов богатырского мужества, от видимых знаков социального благополучия.

Возможно, что сладострастие не было личным свойством Владимира, но условием его общественного положения в качестве кагана, как об этом свидетельствует арабский путешественник Ибн-Фадлан. По его сообщению, царь руссов, находясь в замке в окружении дружины, «не спускается со своего ложа. <...> Он не имеет другого дела, кроме как сочетаться (с девушками), пить и предаваться развлечениям.² По мнению некоторых исто-

¹ Эта фраза представляет собой цитату, на что показывает отсылочное слово «рече» Источником является Песнь песней, но цифры там другие: шестьдесят жен и восемьдесят наложниц

² См. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 - 922 гг. Харьков, 1951. С. 146

риков, у киевских славян в IX—XI вв. существовало двоевластие, характерное для государственных форм на Востоке, в частности и для Хазарии, откуда оно было заимствовано славянами. Государственные дела вершил в качестве соправителя воевода, тогда как князь (каган) являлся ритуальным и сакральным символом власти.³ Значит, только он и мог принимать ответственные решения по вопросам религии.

Летописец не помнит сущности ушедших социальных форм, потому дает им этическую интерпретацию. Он завершает сравнение Владимира и Соломона пространными выписками из книги Притч Соломоновых, любуясь мудростью библейского царя и забывая о мотивах введения в рассказ его фигуры. И как бы в доказательство преимуществ христианской моногамии преобладающее место в этих выписках занимают похвалы добродетельной жене.

Особую парадоксальность в этом контексте приобретает тезис о том, что не мудрость обеспечивает спасение, что она всего лишь одна из дорог, ведущих к гибели, зато путем спасения может стать прямо противоположное ей невежество неведгласа.

В текстах древней славяно-русской письменности слова «невѣгласъ», «невѣголось», «невѣгласство», «невѣжество» и другие, образованные от этих корней, обозначают невежество, неосведомленность, нередко они применяются в сфере религиозных понятий, при этом язычество понимается как состояние невежества. Например, Олега называли «вѣщим», потому что «бяху людье погани и невѣгласи» (летопись под 907 г.). Можно думать, что по языческим представлениям «вѣщи» и «невѣгласъ» были антонимами, обозначая предельную близость к ведовству и предельное от него удаление. Первое из этих слов, дающее позитивную оценку язычеству, не могло быть использовано для изложения христианской доктрины. В историческую эпоху оно употреблялось для обозначения волхвов и изредка, начиная со «Слова о полку Игореве», в фольклорно-поэтических текстах, так или иначе связанных с языческим мироощущением. Но второе слово нередко употреблялось в текстах церковного содержания, ибо состояния невежества и язычества не отождествлялись, а невежество обнаруживалось в самой христианской среде. Например, как утверждает в 1551 г. Стоглав: «Невѣгласъ попы в великий четверг соль под престоль кладут».⁴ Кроме того, неведгласом мог быть назван мирянин (о чем ниже).

Связь невежества со спасением, а ложной мудрости с гибелью вовсе не чужда христианским представлениям, взять лишь одно противопоставление нищих духом книжникам и фарисеям, проходящее сквозной нитью по Новому Завету. Но за Мудростью, Премудростью, Софией признается безусловная ценность, немало можно привести выписок из Ветхого и Нового Заветов, где говорится об этом, ср. хотя бы «Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмъ» (Прит. 9:1), лежащее в основе христианской софиологии.

Безусловно, князь Владимир не отнесен летописцем к числу нищих духом, поэтому для его спасительного невежества следовало бы поискать более основательных причин. Оказывается, что та же мысль включена в Житие Феодосия, созданное в ту же эпоху и в той же культурной среде: «Благодать Божия съ нимъ и Духъ святыи измлада въселися въ нь. Къто

³ См. Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 20 и след.; Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск, Москва, 1995. С. 130–131; Bogachev M. О диархии в Древней Руси (IX—X вв.) // *Jews and Slavs Jerusalem*, 1995. Vol. 3. P. 69–87.

⁴ Царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинех (Стоглав) М., 1890. С. 193.

исповѣсть милосердіе Божіе? Се бо не избра отъ премудрыхъ философъ, ни отъ властелинъ градъ пастуха и учителя инокимъ, нъ да о семь прославиться имя Господне, яко грубъ сы и невѣжа премудрѣи философъ явися». ⁵ Эта похвала, непосредственно следующая за рассказом о крещении новорожденного Феодосия, нарушает логику повествования: младенец характеризуется как неотесанный невежда, оказавшийся мудрее философов. В дальнейшем, как свидетельствует агиограф, он «хожаше по вся дни в цркъвь Божию, послушая божественныхъ книгъ», а после определения его к учителю «въскорѣ извыче вся грамматикія». ⁶ Утверждение о врожденном невежестве младенца Феодосия нужно рассматривать, таким образом, как литературный прием. ⁷

Известно, что авторское самоуничижение путем объявления собственного невежества имело хождение в агиографической письменности. Это был единственный формальный прием домогательства благосклонности читателя (*captatio benevolentiae*), нашедшей себе регулярное использование. То ли невежественный по природе читатель не был расположен к образованным авторам, то ли невежество автора должно было служить доказательством правдивости. Предполагается, что справедлива вторая половина дилеммы, ибо риторика легко могла увлечь образованного автора в мир фантазий, далеко от достоверного рассказа. Прием этот парадоксален по своей сути, потому что прибегают к нему более образованные авторы. Возникает вопрос: не является ли литературным ходом указание на невежество крестившего Русь князя Владимира?

Известно, что некоторые идеи, некоторые культурные формы не возникают спонтанно в разных исторических и социальных условиях, что для их появления нужны особые условия; раз появившись, они передаются из одной культурно-исторической среды в другую и так обретают историческое существование. Другие идеи и формы, напротив, лишены истории, потому что возникают независимо в сходных условиях или вообще не нуждаются в особых социально-исторических предпосылках, имея источником индивидуальную психику или коллективную психологию. Такова, например, с одной стороны, судьба монотеизма, поистине исторической религии, которой, с другой стороны, противопоставлено разнообразие форм язычества, лишенных какой-либо исторической перспективы. Точно так и распространение некоторых интеллектуальных концепций осуществляется путем заимствования, такова, например, судьба риторических фигур *translatio imperii*, *translatio studii*. ⁸ Напротив, на основании разобранных мест из Летописи и Жития следует, скорее, допустить, что вера в достаточность или спасительность невежества относится к спонтанно порождаемым идеям, так что ее можно назвать *ignotatio rediviva*. Интерпретация странствующих идей не связана с непреодолимыми трудностями, обычно имеются сведения о их смысле в момент их возникновения. Напротив, истолкование спонтанных идей не имеет прочной опоры в сравнительном материале, потому что и совпадения и различия не носят здесь закономерного характера.

Летописец сообщает, что в 986 г. Владимир с удовольствием слушал мусульманских послов, пока они рассуждали о многоженстве на этом свете и в будущей жизни: «...самъ любя жены и блуженьє многое, послушаше

⁵ Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 73 (л. 276).

⁶ Там же. С. 74, 75 (л. 27г, 28а).

⁷ Сходно оценивает слова Нестора о Феодосии Д. М. Буланин в статье Несколько параллелей к главам III—IV Жития Константина-Кирилла // Кирило-Методиевски студии. София. 1986. Кн. 3. С. 100.

⁸ См. о них Буланин Д. М. *Translatio studii*. Путь к русским Афинам // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 87—154.

сладко». В этой же — мусульманской — культуре мы находим параллель к невежеству Владимира. Вот что пишет по этому поводу современный знаток Корана: «Мухаммед был неграмотен и потому как бы особо чист и открыт для божественного откровения. Основой для этой концепции послужила кораническая формула „ан-наби аль-умми“: „пророк, простец“. Слово „умми“ принимает при таком толковании свое самое бытовое значение „невежда, неграмотный“».⁹ Для летописца, знавшего весь ход событий в том виде, как он их изложил, было бы невозможно забвение того факта, что спасительный подвиг Владимира не ограничился его личным приобщением к христианству и что он привел ко Христу целый народ. Таким образом, не исключено, что, в глазах летописца, невежество Владимира придает особую значимость его свидетельству, ибо это — свидетельство простеца. Противоположный подход к такому рода ситуациям найти нетрудно; некоторые талмудические источники, например, настаивают на том, чтобы показания простеца, невежды не принимались в суде.¹⁰

Но слово «невѣгласъ» применено к Владимиру еще раз в статье под 988 г. В рассказе о крещении киевлян его произносит дьявол: «Наутрия же изиде Володимерь с попы царишины и с корсуньскими на Днѣпръ, и сидеся бе-щисла людий <...> И бяше си вѣдѣти радость на небеси и на земли, толико душъ спасаемыхъ, а дьяволъ стена глаголаше: Увы мнѣ, яко отсюда прогоним есмь, сде бо мнѣя жилище имѣти, яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога <...> И се уже побѣжень есмь от невѣгласа, а не от апостоль, ни от мученикъ, не имам уже царствовати въ странах сихъ». Можно видеть и здесь использование значения «невежда», но в данном контексте в противопоставлении апостолам и мученикам у слова возникает новый смысловой оттенок. Простец, простой человек это часто мирянин в противопоставлении членам церковного клира, религиозным подвижникам. Семантическая оппозиция в словах дьявола очень схожа с той, какую мы видим в толковании Феофилакта Болгарского на притчу о соли, потерявшей силу (Лк. 14:34—35): «Аще ли соль отложитъ свое существо, не требѣ всему бываетъ, ни в земли, ни в гною ключима. Азь убо всякому христианину полезну и растворену велю быти, не токмо учителяства даръ поручень, сици же быша: апостоли и учителя и пастуси, — но и невѣгласы ползеваша», греч. соответствие λαϊκός.¹¹ Славянский перевод не очень удачен, смысл высказывания заключается в том, что к служению призваны не только апостолы, учителя и пастыри, но и миряне. Едва ли реплика дьявола восходит к Толковому Евангелию, она, однако, отражает ту же систему представлений.

Похоже, что вопрос о надежном свидетеле представлен в истории крещения Руси в остаточной форме, однако в рамках повествования он должен рассматриваться не как дань литературной традиции, а как отражение жизненно значимых проблем. Осколками его являются два маленьких эпизода. В конце статьи под 987 г. после испытания вер бояре говорят Владимиру: «Аще бы лихъ законъ гречьский, то не бы баба твоя прияла, Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человекъ». А в статье под 988 г. после распоряжения Владимира собраться всем на Днепре «шюдьс с радостью идяху, радующеся и глаголюще: аще бы се не добро было, не бы сего князь и бояре прияли». Если крещение князя было результатом рационального исследования («испытания вер»), а также личного религиозного опыта при возвращении ему зрения под Корсунью, то крещение подвластного ему народа было осуществ-

⁹ Пиотровский М. Б. Коранические сказания М., 1990 С. 169

¹⁰ Каценельсон Л. Ам-гаарец // Еврейская энциклопедия СПб 6 т Т 2 Стб 380

¹¹ ВМЧ 18 окт Стб 1341

влено в традициях архаической социальной модели, основанной на принципе семейно-правовых отношений. Таким образом, в момент крещения Руси Владимир выступает свидетелем истинности новой религии, его положение простеца, «невъгласа» делает его свидетельство особенно надежным. И подвиг Владимира не равен апостольскому, а противопоставлен ему, — в этом приходится согласиться с дьяволом. Апостольский путь крещения состоит в рациональном изложении религиозных и нравственных основ и призыве к непосредственному личному религиозному опыту (пропорции двух элементов различны у разных апостолов). Здесь снова напрашивается параллель с основателем мусульманства, который не призывал соплеменников к личному религиозному опыту, а предлагал свой собственный в качестве достаточной основы нового религиозного устройства. Но сам Мухаммед напоминает Моисея в его встречах с Богом на Синае, пока народ Израиля томится ожиданием в пустыне.

В истории крещения Руси, как она изложена в летописи, преобладает государственно-юридический подход к вопросу. Он может быть связан либо с ухोдившим языческим сознанием, о котором нам ничего не известно и с которым, следовательно, можно связывать любые идеи неясного источника, либо с государственно-политическим отношением к религии, характерным и для византийского правительства, и для языческих властей.

Несмотря на открыто панегирический тон Слова митрополита Илариона, его характеристика князя Владимира как «учителя и наставника нашеа земли» кажется более уместной в данном случае, чем летописный «невъгласъ». Великий авторитет императора Константина, введенного христианство в качестве официальной религии своего государства, вовсе не пострадал от того, что сам он долго еще оставался язычником. Приняв крещение в числе первых, Владимир должен был отказаться от тех исключительных религиозных и социальных привилегий, какими пользовался верховный вождь славян-язычников. Как раз они позволяли рассматривать его как символ язычества, но сам летописец идет иным путем, когда невежеству Владимира противопоставляет мудрость Соломона, не язычника, но все же и не христианина. Едва ли князю Владимиру среди его современников на Руси были присущи какие-то особо заскорузлые формы невежества, вызвавшие злополучный эпитет. Заслугам перед язычеством скорее соответствовало бы прозвание «вѣщего», чем «невъгласа». Между тем свидетельство Ольги оценено обычным путем: его надежность основана на ее мудрости.

Вновь с полной силой противопоставление мудрости и спасения звучит в Киево-Печерском патерике. В 25-м слове о Никите Затворнике тот же дьявол советует затворнику: «Ты убо не молися, но буди почитаа книги, и сими обрящешися съ Богом бѣсѣдуя».¹² Под «книгами» разумеется Св. Писание, причем чтение Никиты ограничивается Ветхим Заветом, тогда как Новый Завет отвергается. Это осложнение мотива привлекает внимание историков, которые именно в нем видят причину постигшей Никиту катастрофы, объявляя его первым жидовствующим на Руси.¹³ Эпизод заканчивается следующим образом. после соборной молитвы дьявол оставляет Никиту, а он, который «прежде умѣаше изоусть жидовскыа книги, нынѣ же ни единого слова не свѣсть, и спроста рещи, ни единого слова знаяше. Си же прѣблагени отци едва научиша его грамотѣ».¹⁴ Конечно, они учили его славянской азбуке, а не древнееврейскому письму. Так освобождение от власти дьявола произошло в условиях полного отчуждения от книжной мудрости.

¹² Абрамович Д. Киево-Печерский патерик. У Києві, 1930. С. 125.

¹³ Малышевский И. Евреи в Южной Руси и Киеве X—XII вв. // Тр. Киевской духовной академии. 1878. № 9. С. 474.

¹⁴ Абрамович Д. Киево-Печерский патерик. С. 126.

В слове 26-м о Лаврентии Затворнике говорится о бесноватом, который «нача глаголати жидовськыи и потом латыньскы, таже греческыи, и спроста рещи, всѣми языкы, ихже николиже слышати, яко боятися и водящим его измѣненно языка и разногласію».¹⁵ В слове 28-м о Григории Чудотворце рассказано, что после попытки воров украсть у него книги он их немедленно продал, а деньги нищим раздал, ибо сказано: «...не скривайте собѣ съкровища на земли» (Мф. 6:19).¹⁶ Эта оценка книг исключительно с точки зрения их рыночной стоимости находится в вопиющем контрасте с похвалами книгам и книжному чтению, которыми усеяна русская литература со времени ее возникновения.¹⁷ Но контраст этот возник не игрой случая, и речь дьявола к Никите Затворнику представляет собой саркастическое извращение знаменитой похвалы книжному ученью, включенной в Летопись под 1037 г. Фактически дьявол цитирует следующую летописную фразу: «Иже бо книги часто четь, то бесѣдуеть с Богомъ или святыми мужи».¹⁸ Полемика Патерика с Летописью может быть правильно понята лишь через историю монастырского строительства на Руси.

По мнению И. П. Еремина, в патериковых рассказах Поликарпа звучат «характерные отголоски богомильских взглядов на бесов, покровителей учености: вместо молитвы бес советует Никите заняться чтением и поучением, другого монаха обучает латинскому, греческому и еврейскому языкам».¹⁹ До И. П. Еремина о богомильских склонностях Поликарпа говорил Л. К. Гетц, а позже Д. Оболенский.²⁰ Однако стремление связать с какой-нибудь ересью всякое необычное суждение, исходящее из уст русского книжника XII—XIII вв., может привести к серьезным искажениям при реконструкции культурно-исторической обстановки. Тогда и в Символе веры, преподанном Философом князю Владимиру в 986 г., вместо малограмотной описки придется видеть торжество монофизитства.²¹ Тогда бесноватого из 26-го слова, говорящего языками, придется считать намеренной пародией на апостолов, исполнившихся Св. Духа в день Пятидесятницы (Деян. 2:4—13). Естественнее думать, что осложнение эпизода с Никитой антииудейской темой представляет собой его рационалистическое переосмысление, приспособление к господствующему взгляду на книги как источник мудрости и спасения; выражение «жидовские книги» применительно к Ветхому Завету следует понимать при этом вполне положительно как указание на то, что этот раздел Св. Писания является основной иудаизма, что это — «еврейская Библия». Как результат рационалистического компромисса возникает предостережение от исключительного использования одной формы благочестия в ущерб другим.

¹⁵ Там же. С. 127—128.

¹⁶ Там же. С. 134.

¹⁷ С чем-то похожим сталкиваемся мы в 178-м слове Синайского патерика, где описана долгая история продажи книг Нового Завета за три златицы. См.: Синайский патерик / Изд. подгот. В. С. Гольшенко, В. Ф. Дубровина. М., 1967. С. 223—225. О сожжении книг и их рыночной стоимости говорится в Деян. 19:19, но там речь идет о письменных руководствах для чародеев.

¹⁸ Эта параллель уже отмечена С. Франклином при рассмотрении эпизода с Никитой, некоторые мысли и подход к теме у нас оказываются общими. См.: Franklin S. Booklearning and Bookmen in Kievan Rus': A Survey of an Idea // Harvard Ukrainian Studies 1988—1989. Vol. 12—13. P. 831—848.

¹⁹ История русской литературы. М., Л., 1941. Т. 1. С. 345.

²⁰ Goetz L. K. Das kiever Hohlenkloster als Kulturzentrum des vormongolischen Rußlands. Passau, 1904 S. 64; Obolensky D. The Bogomils Cambridge, 1949 P. 278.

²¹ См. по этому вопросу. Thomson F. J. Les cinq traductions slavonnes du «Libellus de fide orthodoxa» de Michel le Syncelle et les mythes de l'arianisme de saint Methode, apôtre des Slaves, ou d'Hilarion, métropolitte de Russie, et de l'existence d'une Église arienne a Kiev // RES 1991. T. 63 P. 19—54.

Вероятно, среди источников рассказа о Никите Затворнике была история из Сводного патерика «о мнись, бывшимъ въ горѣ Синаистѣи, потомъ же шедъ и бысть еврейнь». ²² Этот монах также начал с многолетнего затворничества, дело обошлось без книг, но закончилось присоединением героя к иудейской синагоге и совершенной его гибелью. Поведение дьявола в обоих случаях сходно в том, что он воздействует на свою жертву умелыми пророчествами. Место иудейской общины в киевской истории занимают иудейские книги.

Мнение о том, что чтение Библии может привести к умственному расстройству, имеет до сих пор хождение в русской «народной» культуре. Раннее свидетельство о нем сохранил князь Андрей Курбский в своем предисловии к переводу Небес Иоанна Дамаскина: «А для Бога не потакаемъ безумнымъ, паче же лукавымъ, мнящимъ ся быти учителями, паче же прелесникомъ, яко самъ азъ отъ нихъ слышахъ еще будуще во оной русской землѣ, яже под державою московскаго царя есть. Глаголють бо они, прельщаючи юношь, тщаливыхъ ко науцѣ, хотящихъ навькати Писания (понеже во оной землѣ еще многие обрѣтаются, пекущиеся о своемъ спасеніи), и со прещениемъ заповѣдуютъ имъ, глаголюще: „Не читайте книгъ много“. И указуютъ на тѣхъ, аще кто ума изступилъ: „Онсица, рече, въ книгахъ зашелся, а онъсица въ ересь впалъ“». ²³ На поле одной из рукописей Небес записан вариант этого же сообщения: «Ся ерись въ московской земли носится между нѣкоторыми безумными, блядословятъ бо: не потреба, рѣче, книгамъ много учитесь, понеже въ книгахъ заходятъ чловѣцъи, сиречь, безумцютъ, або в ерись впадаютъ». ²⁴ Апология невежества начинается прикрываться заботой о православии.

Плодотворную почву для бдительного недоверия к ложной мудрости создавала деятельность апостола Павла. Его стычка с языческими философами в Ареопаге, в которой приняли участие «неции же и от епикурии и от стоикъ философъ» (Деян. 17:18—33, по тексту Геннадиевской библии), отразилась в Послании к колоссянам 2:8: «...блгодѣте же, еда кто вы есть крадодовдѣи философию и тѣщю лъстию по преданию чловеческу, по стухиямъ сего мира, а не по Христѣ Исоусѣ» (по тексту сербского Шишатовцакого апостола 1324 г.). Лишь в этих двух стихах Нового Завета употреблены слова *φιλόσοφος* и *φιλοσοφία*, ставшие известными славянам в форме заимствований или словообразовательных калек «любомудрецъ», «любомудрие», «любомудрство». Впрочем, в Геннадиевской библии и в других известных на Руси списках Апостола термин *φιλοσοφία* был передан непрозрачным соответствием «хытрость»; некоторую ясность вносил лишь заголовок, которым сопровождался в толковом Апостоле соответствующий пассаж: «...яко не подобает послушати чловѣцъски прѣмудрости лестны имущим прѣмудрость Христову» (РНБ, собр. Погодина 30, л. 198 об.). Во многих византийских сочинениях соответствующие слова и понятия окружены обычным для круга софиологических представлений пиететом, что становилось известно через переводы славянам. С другой стороны, прямое противопоставление знания и спасения, как это, например, в учении Исаака Сирина, получало все большее распространение в аскетической письменности. ²⁵ Оно находило себе отражение у славянских авторов. Например, старец Артемий

²² См. Николова С. Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980. С. 346—347, ВМЧ 31 дек. Стб. 2761—2762.

²³ Оболенский М. О переводе князя Курбского сочинений Иоанна Дамаскина // Библиографические записки 1858. Т. 1, № 12. С. 361—362. На эту заметку любезно указал мне А. А. Пеханович.

²⁴ Оболенский М. О переводе князя Курбского. С. 362.

²⁵ Вилинский С. Г. Послания старца Артемия (XVI века). Одесса 1906. С. 190 и след.

в письме ученому оппоненту Симону Будному пишет: «Паки о науцѣ писалъ еси, якъ бы многи языки имѣти учителемъ добро. Но не въ словеси, рече апостоль, царство Божие, но въ силѣ добрыхъ дѣлъ. <...> Се бо обрѣтаемъ многи научены во всѣхъ языкѣхъ напротивъ стоящихъ правыя вѣры и въ нечестия и хулы и различныя ереси уклоншихся, и ничтоже ползова ихъ многое учение <...> Можеть бо истинное слово просвѣтити и умудрити въ благое правымъ сердцемъ безъ грамотициа и риторика». ²⁶ Ссылаясь на апостола, старец Артемий имеет в виду 1 Кор. 4:20, и понятно, что слова апостола Павла не могли оставаться без отклика в той среде, которая лишь понаслышке знала о языческой философии. ²⁷ Известные своим неистовством филиппики протопопа Аввакума против учености продолжают линию старца Артемия. ²⁸ В «Книге толкований и нравоучений» он говорит: «Не ищите риторика и философия, ни краснорѣчя, но здравым истинным глаголом послѣдующе, поживите. Понеже риторъ и философъ не можетъ быть христианинъ <...> Ни на прагъ церковный риторъ и философъ достоинъ внити <...> Риторство и философство вѣшняя блядь, свойственна огню негасимому». ²⁹ Его пятая беседа «О вѣшней мудрости» посвящена обличению ложной мудрости, в качестве темы выставлены следующие цитаты из Св. Писания: «Погублю премудрость премудрыхъ и разума разумныхъ отвергуся» (Ис. 29:14), «Где премудр, где книжник, где совопросникъ века сего? Не обуя ли Богъ премудрость мира сего? Понеже бо не разуме мир премудростию Бога, благоизволи Богъ буйствомъ проповеди спасти верующия» (1 Кор. 1:20—21). В самом тексте беседы есть такие характерные слова: «...таже по нихъ бывше Платон и Пифагор, Аристотель и Диоген, Иппократ и Галин: и вси сии мудры быша, а во адъ снidoша, угодиша». ³⁰

Сословие, поставленное историей на роль единственного просветителя русского общества, в согласии со своим церковным назначением стремилось к аскезе, к отрицанию положительного знания и следовало по мере сил наставлениям аввы Макария: «...млъчи, своя дѣлай, елико моги дръжи языкъ, и имѣи съмѣрение велико, <...> буди яко невѣглазь и рядникъ, имѣи кротость къ всѣмъ». ³¹ Через попа-белѣца эти общественные идеалы входят в светский быт с претензией на характер национальной философии. Остается констатировать, что рядом с *ignotatio rediviva* в истории древней русской литературы существует и *translatio ignorationis*.

Итак, отмеченное летописным повествованием невежество князя Владимира играет положительную роль в развитии исторического сюжета крещения Руси, возможно, что оно представляет собой редкий вариант *captationis benevolentiae*. В отличие от классических риторических образцов автор ищет благосклонности читателя не для себя, а для своего героя. Это же наблюдается в Житии Феодосия. История Мухаммеда дает объяснение внутренне-

²⁶ РИБ 1878 Т 4 Стб 1324—1325 Столетием раньше о позиции католических монахов говорил Эразм Роттердамский в 54-й главе «Похвалы глупости» «Они уверены, что высшее благочестие состоит в строжайшем воздержании от всех наук, и лучше всего — вовсе не знать грамоты»

²⁷ См. Thomson F. J. *The Distorted Mediaeval Russian Perception of Classical Antiquity The Causes and the Consequences* // *Mediaeval Antiquity* Leuven, 1995 P. 303—364.

²⁸ Взгляды этих двух писателей сближает А. Н. Робинсон (Борьба идей в русской литературе XVII века М., 1974 С. 323, примеч. 26) который дает также подборку высказываний Ивана Вишенского в пользу простоты и против учености (С. 319—326). Непосредственным источником идеи о превосходстве невежества могла быть для Аввакума «Книга о вере» (1648), см. об этом у А. Н. Робинсона (С. 336).

²⁹ Памятники истории старообрядчества XVII в. П., 1927 Кн. 1 С. 547—548. На эти слова Аввакума в связи с вопросом о личном спасении обращает внимание А. М. Панченко (Русская стихотворная культура XVII века Л., 1973 С. 191—193).

³⁰ Памятники истории старообрядчества С. 289.

³¹ Синайский патерик С. 398.

му смыслу этого приема. В эпизодах Киево-Печерского патерика мы встречаемся, по всей вероятности, с тем, что убеждение в достоинствах невежества служит сторонникам общежительного устройства в их безуспешной борьбе с укоренившейся на Руси скитской организацией монашеской жизни.³² Но противопоставление мудрости и спасения не имеет устойчивой языковой формы, у него нет сюжетно закрепленного места, поэтому его нельзя оценивать в терминах поэтики как топос, *locus communis*. Правильнее понимать это явление как мотив, возникающий спонтанно и легко вытесняемый при попытках рационалистического истолкования.

³² См. Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. М., 1991. Т. 1. С. 224–238.

В. В. КОЛЕСОВ

Средневековый текст как единство поэтических средств языка

Непосредственной данности нет, а есть
интуиция: интуиция — Слово, со-
здавшее мир.

Андрей Белый

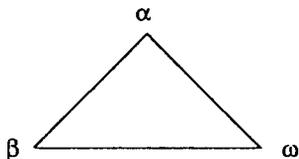
На истории изучения древнерусской литературы можно видеть последовательность в развитии самой филологии. Собираание и классификация текстов сменились их изданием и комментированием, затем — текстологическим их изучением в связи с первоисточниками, наконец, — исследованием сначала идейно-исторических, а затем и художественных особенностей древних памятников, поэтики и стилистики. Последовательная смена точек зрения в научной рефлексии о средневековых памятниках определялась объективно самим материалом, была дана, но также и заданностью научного метода, который и сам развивался по мере углубления в объект исследования. Нельзя не заметить, что логика развития отечественной филологии в этом смысле укладывается в традицию петербургской филологической школы, для которой всегда было важно движение от смысла к знаку, от содержания — к форме: она изучала *содержательные формы текста*.

Содержательность формы становится гарантией исторически адекватного, а не типологически вероятного соответствия научных реконструкций реальному развитию древнерусской литературы.

Старшее поколение медиевистов многое сделало для осмысления художественных средств древнерусской литературы, основанной на традиционных топосах, на христианском идеологическом субстрате и на славянских языковых формах. Таково именно было соединение всех трех компонентов средневековой литературы, и каждый новый шаг в исследовании *формы* способствовал оживлению, казалось бы, забытых наук — поэтики и риторики прежде всего.

В развитии научного изучения древней литературы значение трудов Д. С. Лихачева невозможно переоценить. В мировой практике мало примеров деятельности ученого, который в одном лице мог бы представить сразу несколько периодов развития своей науки, причем всегда — открывающим новую ее страницу. В своих беглых заметках на заявленную тему я хочу коснуться вопроса, уже сегодня выходящего на первый план исследовательского интереса медиевистов: о роли языка как средства воплощения художественных форм в средневековом тексте. Более того — как средства, создающего целостность и цельность такого текста.

Напоминая известное открытие Д. С. Лихачева о языке-посреднике в создании русской литературной традиции, замечу, что восприятие христианской культуры через язык-посредник (как его ни называть — он генетически близок к древнерусскому) способствовало не только активной *ментализации* славянского мира в рамках *Slavia Orthodoxa*, благодаря этому вошедшего в круг христианских народов, и не только развитию литературного языка славян, но и формированию собственного *стиля художественного текста*. В триединстве *язык—текст—идея* не было лишнего члена ни в один из моментов истории нашей художественной культуры, каждый из них, испытывая воздействия со стороны соседних, и сам способствовал их развитию. *X*, *y* и *z* становились *a*, *b*, *c*, высветляя различные стороны техники, методики и идеологии художественного и научного знания. Вслед за Григорием Сковородой можно сказать, что первоначально неопределенные *икс*, *игрек* и *зет* проявляли внутренние свои связи в смысловом треугольнике, обозначенном им так:

где отношение $\alpha \neq \beta$ есть связь между идеей и словом, отношение $\alpha \neq \omega$ — между идеей и текстом, а отношение $\beta \neq \omega$ — между словом и текстом (выражение слова в тексте). Если в XII в. Климент Смолятич «зналь алфу <...> и виту», а после Епифания Премудрого книжники искали путь «от алфы до омеги», сегодня актуальным становится соотношение между словом и текстом. Последним и займемся.

Д. С. Лихачев говорит о важности древнерусских текстов анфиладного типа, например летописей. Совмещение исходно разностильных жанров в композиционно цельном памятнике действительно привело к возникновению идеи стиля. Соединение старых и новых, заимствованных и собственных языковых средств всегда смущало историков литературы. Возникал соблазн — в угоду типологическим «прозрачной» гипотезе признать тот же летописный стиль либо безусловно «церковнославянским», либо однозначно «русским», связанным с разговорной стихией древнерусской речи. Первая точка зрения присуща московским «славянофилам» — от Константина Аксакова до Бориса Успенского, вторая — петербургским исследователям, всегда изучавшим язык летописи как проявление народного русского языка. И те и другие забывали, что *литературный язык напрямую не связан с разговорной речью*, такого никогда не было.

Сравнение с другими жанрами древнерусской литературы показывает, что и взаимоотношение между различными источниками литературного языка Древней Руси было сложнее, чем это кажется.

Например, в житиях, во многом также текстах анфиладного типа, замечается органически внутреннее развитие разностильных текстов, но не по причине столкновения разножанровых его источников, как в летописи, а из-за *разносюжетности* в рамках общего жанра (святой-воин, святой-мних и под.). Третий ведущий жанр средневековой литературы, связанный с торжественным красноречием, Слово при общности жанра и сюжетном единстве предстает столь же разностильным, что и нарративное житие, но разностильность языковых средств в этом случае *вариантна*, т. е. в разных образцах жанра проявляются различные стилистические возможности языка.¹

¹ Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989.

Таким образом, жанр, сюжет, идея требовали различающих их оттенков словесного оформления, что и сказывалось на подборе соответствующих средств языка. Роль анфиладных текстов в этом процессе исключительно важна. В подобных текстах выявлялись и определенным образом соединялись в общей системе *инвариантные*, т. е. типичные, образцовые и всеобщие признаки того или иного стиля, особенности, которые и до того уже существовали и были разбросаны по самым разным текстам в границах определенных, выработанных традицией употребления поэтических формулах. Путаница в понятиях мешает современным исследователям разграничивать язык, литературный язык, язык литературы, стиль, «живую» речь современников и т.п. Все известные нам открытия стилей в средневековой литературе заключаются либо в намеренном смещении жанров, либо в перенесении стилистических особенностей одного жанра в другой. Открытие Епифания Премудрого заключается в том, что стилистические особенности риторических жанров он перенес в агиографию, тем самым *слово* сделав *Текстом*. *Плетение словес* в определенной перспективе изложения и есть ТЕКСТ, *textus* — ткань, плетение. Словесная ткань средневекового произведения многомерна, и настоящий мастер слова, каким был Епифаний, буквально (вот именно буквально) сплетает слова в их горизонтальном и вертикальном соответствии; горизонтальная последовательность слов дана как традиционная формула, а вертикальное их наложение образует «новые смежности»; это хорошо заметно, например, в текстах Кирилла Туровского, у которого читаются и вертикальные ряды слов в их взаимном соответствии, позволяющем выявить все новые признаки высказывания:

*Велика и ветха сокровища
Дивно и радостно откровение
Добра и сильна богатства*

так что в конечном счете, учитывая исконное значение приведенных лексем и смену грамматических форм, в которых они представлены, можно прочесть построенную в ампликативном усилении фразу:

значительное дряхлое сокрытое
удивляющее удовлетворяющее открывающее
имение изобилие богатство ²

«Выход на вертикаль» словесного плетения позволяет преодолеть ограничения линейного членения традиционных формул (которые Кирилл перерабатывает лексически), так что трижды три раза повторенная, как в преломлении зеркал, мысль о восхваляемом в Слове празднике становится поэтическим зачином Слова:

Значительное — удивляет — имение
дряхлое — удовлетворяет — изобилие
сокрытое — открывает — богатство

Возможностей прочтения множество, особенно учитывая многозначность древнерусского слова. Столкновение многих значений потенциально многозначного слова-знака создает необходимую художественную глубину целостного текста, и возникает нетривиальное прочтение символа, который и сегодня может варьировать в широких пределах смысла.

² Колесов В В К характеристике поэтического стиля Кирилла Туровского // ТОДРЛ Л 1981 Т 36 С 44 —48

Поэтическая формула в средневековом тексте традиционна, потому что она когерентна топосу, т. е. соотносена с ним по форме и по употреблению в тексте. Топика — общие места — позволяет сохранить образцовый текст во времени и пространстве, одновременно создавая структуру повествовательных форм. Пришедшие из риторики, топосы стали способом организации *устного* текста, но вместе с тем обусловили и рождение новых словесных формул в текстах изначально *письменных* жанров. Традиционные формулы русских былин дают пример таких поэтических формул в дискурсе типических топосов. Действительно, синтагменное сцепление слов в определенной последовательности выражаемого смысла вполне традиционно и отражает присущую средневековой устремленность к метонимической смежности форм.

Цельность поэтической формулы в древнерусском тексте формально организуется тремя средствами. Такая формула синтаксически представлена как *синтагма*, ритмически — как *хелиандус*, семантически — как *символ*. Текст вообще предстает как совокупность синтагменных, рядоположенных формул, поскольку средневековое сознание еще не имеет представления об отвлеченно парадигмальных связях между отдельными словами (как лексической системой) или их формами (как парадигмы склонения или спряжения) вне конкретного текста. Это культуры метонимического мышления, и Д. С. Лихачев прекрасно это показал на разборе поэтических средств «Слова о полку Игореве».

Столкновение различных значений потенциально многозначного слова-знака образует необходимую художественную глубину целостного текста, и возникает нетривиальное прочтение символа, который как бы *рождается непосредственно в тексте*. Например, все эпитеты в «Слове о полку Игореве» построены на метонимической основе и в пределах своей поэтической формулы кроме прямого значения *получают* добавочное, переносное, но важное только в данном контексте значение. «Сребрении съдинѣ», «сребреными струями», «на своихъ сребреныхъ брезѣхъ», «сребрено стружие» — не просто 'сделанный из серебра, украшенный серебром' в последнем примере или 'серебряный по цвету' во всех остальных (как показано в словарях), но и результат внутреннего сравнения, т. е. символическое уподобление *серебру: как серебро* (Р. О. Якобсон говорил о скрытом *противопоставлении* темному, мрачному: отрицательное сравнение), *белое серебро* как символ света (ср. греч. параллели *ἀργός* — ἄρ ≠ ὑρός, приведенные еще Ф. И. Буслаевым). Контекстное совмещение прямого значения слова с переносным создает символический смысл формулы в целом. Это «приращение смысла» в поэтической формуле А. А. Потехина называл *символическим уподоблением*.

В законченном ее виде — семантически — мы и сегодня воспринимаем такую формулу как единый по содержанию отрезок — *концепт*. Идиомы нашей речи сложились таким же образом — в единстве формы и смысла, на общей ритмической основе. Пословицы и поговорки окончательно сложились только в результате слияния всех трех форм: многозначность семантики в единстве словесной формулы и ритмики.

Ритмическая организация текста при этом обязательна, поскольку только в этом случае он запоминался и воспроизводился, становился образцом для других словесных комбинаций того же рода. В известном смысле можно сказать, что иллюзия ритмичности средневекового текста при его прочтении сегодня создается реальным синтагменным членением, которое ритмически обогащено различными эвфоническими средствами речи.

По мере того как поэтическая формула складывается, возникает синкретизм ее смысла — нерасчленимая множественность значений, которые воспринимаются каждый раз, исходя из смысла широкого контекста. Отсюда

множественность (однозначно понятийных) переводов на современный язык и многообразии терминов, с помощью которых исследователи пытаются *определить* различные стороны нерасчлененного по смыслу понятия: *устойчивый словесный комплекс, словесная группа, словесное сращение, бином, период, синтагма, синтаксема, постоянные формулы, устойчивые формулы, повествовательные формулы, традиционные формулы, стереотипные формулы* и т. п.

Типологическая особенность формулы — формально-семантическая связанность слова с контекстом. Формула, а не отдельное слово, являясь важным художественным элементом произведения, исполняет примерно ту же функцию, что и библейская цитата в некоторых переводных текстах. Не случайно сразу же после опубликования «Слова о полку Игореве» стали подыскивать параллели из других древнерусских, переводных и оригинальных, текстов. В соответствии с развитием филологии сначала такие параллели искали среди поэтических формул скандинавской (Ф. И. Буслаев), византийской (А. С. Орлов), библейской (В. Н. Перетц) поэтики, вплоть до недавних безуспешных попыток связать их с тюркским эпосом. Затем параллели стали искать в летописных текстах (Е. В. Барсов), в народной поэзии (А. И. Никифоров; впрочем, начиная с А. А. Потебни), пока, уже в наше время, не стали склоняться к мысли, что большинство формул «Слова» — «типично книжные обороты» (Н. И. Прокофьев). Воззвание к неопределенному общему термину предстает как прямая капитуляция перед сложной проблемой, которая, конечно же, не может быть решена без помощи языкознания.

С точки зрения функции средневековые формулы также определяют различным образом. Поэтические формулы «Слова», например, понимались как художественный прием (поэт Иван Франко), как «художественный шаблон» (А. С. Орлов), как отражение былинной поэтики (Е. В. Барсов и Е. Гоффман), как художественное средство для подновления словесных ассоциаций в устаревающем по прямому своему значению слове. Однако с недавнего времени возобладало суждение о поэтической формуле как о фразеологическом единстве, исходящем (новосозданном) из реального термина (Д. С. Лихачев, В. П. Адрианова-Перетц, Б. М. Гаспаров), или как обычной реалии быта, представленной в поэтическом ракурсе (Н. И. Прокофьев). По-видимому, обе точки зрения справедливы, но одинаково неполны. Верно заметил в этой связи Д. С. Лихачев, что формульные расширения текста служат для *абстрагирования мира*, создаются как гиперонимы общего, родового значения с целью обозначить возникающие в сознании и требующие своего оформления понятия (идеи) самого широкого смысла.

Справедливость такого мнения подтверждается многими формулами, которые неоднократно обсуждались. Так, *честь и слава* для Ю. М. Лотмана — просто формула, для Д. С. Лихачева — неполностью словесная формула, еще не вырванная из ритуала и дружинного быта, для А. А. Зимина она вообще не имеет никакой художественной ценности. Единство словесно-формульного и ритуально-действенного ряда есть важная особенность древнерусской поэтики, обуславливающая и семантический ее синкретизм, и ритмическую цельность. Это объясняет, почему именно «народные формулы» «Слова» не получили развития вообще или недостаточно развились в традиции древнерусской письменности. Сравнение формулы боя в летописи и в «Слове» показывает различия в подходе к изобразительной стороне описания в деловом и в художественном тексте. В «Слове» нет извлеченных из цельности текста и потому безразличных к контексту формул. Описание боя в «Слове» очень конкретно и полностью соответствует данной ситуации. Кроме *копье приломити*, ни одна из формул «Слова» впо-

следствии не вошла в языковые парадигмы и не стала текстообразующей формулой, поскольку сопряженность формулы этого текста с конкретным действием (событием, лицом, предметом и т. п.) препятствовала ее обобщению в качестве речевого штампа. По этой же причине «Слово» навсегда останется своеобразным ключом к расшифровке самых разных особенностей древнерусской поэтики в ее заветной, *живой* реальности как проявление языка и даже типа мышления. Своеобразие этого памятника заключается в своеобразии способа образования и построения словесных формул текста на основе традиционных для культуры символов: художественная свежесть образа определяется полным отсутствием привычных словесных сочетаний уже законченной, завершенной созданием культурной традиции. По той же причине невозможно найти в древнерусской литературе близкие формулам «Слова» выражения. Параллели с летописными и паремийными текстами (А. С. Орлов) свидетельствуют скорее об общности ситуационных топосов, чем о связи с книжной традицией; сближение со «Словом о Лазаревом воскрешении» (Ив. Франко) указывает скорее на некоторую аллюзию, чем на заимствования; соотнесение формул «Слова» с внешне сходными формулами древнерусских переводных текстов (В. Н. Петец) свидетельствует о художественной основе всех вообще средневековых текстов, которые, конечно, исходили из топки и фигур образцовых произведений.

Соотнесенность всех уровней языка и поэтических его средств сохраняется на всем пространстве средневекового текста: иерархия смысловых форм функционально однотипна. Древнерусский текст мало пользуется сложно-подчиненными предложениями (в основном это кальки с греческих конструкций при старославянских союзах), но в нем широко представлены сложносочиненные, а потому в словосочетаниях здесь чаще согласование, чем управление, уподобление, чем сравнение, метонимия, чем метафора. Все такие противоположности, коррелирующие по функции, отражают древнейший способ формального и семантического соединения слов, необходимого для обозначения нового признака, свойства или возникающего по ходу описания отношения. Так, для «Слова о полку Игореве» характерными являются иерархически выстроенные средства организации текста: *сочинение* — *согласование* — *уподобление* — *метонимия*.

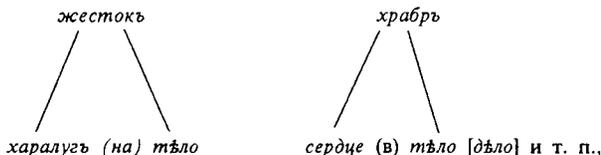
Объемности содержательной структуры текста поддерживалась также риторическими приемами его построения. Ключевые слова текста, которые обрести присущими им формулами, разбросаны по всему тексту и таким образом организованы риторически, что сознание неизбежно вовлекает их в общую цепь соответствий.

Например, в «Слове» использовано несколько средств для выявления семантических признаков при описании реальных предметов. Признак *воссоздается* в данном контексте путем сталкивания разных явлений предметного мира, представленных в словесных формулах: это *катахреза* (признак опускается), *металепсис* (признак предполагается), *гипаллага* (признаки совмещаются) или *олицетворение* (признаки уподобляются). Во всех случаях семантическое сгущение высказывания (поэтическая формула на риторической основе заменяет целое высказывание: энтимема вместо силлогизма) приводит к созданию актуального символа, образует тот неопределенный, неустойчивый и, казалось бы, многозначный смысловой фон повествования, который так поражает современного читателя.

Несколько примеров.³

³ Besharov Ju. Imagery of the Igor' Tale in the Light of Byzantino-slavic Poetic Theory. Leiden, 1956

Катахреза: *ваю храбрая сердца въ жестоцѣмъ харалузѣ съкованѣ, а въ буети заколенѣ (=мечи) — чувства и сталь соотносятся через возможные сочетания с одними и теми же глаголами, одновременно организуется серия смысловых комбинаций типа:*

т. е. одновременно и реально собственное значение, и переосмысленное в сопоставлении со смежными формулами. Неоднократные повторения в тексте тех же ключевых слов в различных комбинациях с эпитетами создает сложное пересечение слов в образном их смысле, поскольку и опущенный в катахрезе член в других контекстах воссоздается, ср. *дрѣзо тѣло, храбро тѣло, жестоко тѣло* и т. д.

Металепсис: в многочисленных сочетаниях типа *звонит слава, звонѣ слыша, звоняче в прадѣдную славу, позвони своими острыми мечи о шеломи, рашибе славу Ярослава* и пр. предполагается ключевое слово *колокол*, которое соединяет многообразно отраженные в тексте слова *звон, слава*. Поскольку катахреза и металепсис построены на уподоблении признака в опущенном или предполагаемом третьем (в свою очередь эксплицированном словесно в других контекстах), одно определяется через другое, а это принцип действия символа, не метафоры. Метафора организуется на сравнении отделенных признаков, здесь же признаки именуются на основе уподобления цельных вещей (предметов зримого мира).

Гипаллага в древних текстах может быть обнаружена часто. *Страшивы мужь страшивы мысли имать* — прилагательное предстает как гипаллага, т. е. слово со взаимобратимым смыслом: субъект страшится, поскольку объект страшен. Употребление многих имен в тексте «Слова о полку Игореве» определяется тем же приемом (ср. *страна, земля* и под.).

Примеры **олицетворения** приводить излишне, поскольку они общеизвестны, да к тому же здесь и выражены всем понятным термином.

С. НИКОЛОВА

Влияние библейского текста на историю текста похвальных слов св. Климента Охридского

Похвальные слова св. Климента Охридского связаны теснейшим образом с текстом Священного Писания. Это утверждение основывается не только на существовании многочисленных цитат, точных и приблизительных, на заимствовании ряда понятий, образов и выражений, но также на том факте, что некоторые из его слов целиком построены на основе библейских текстов. Связь творчества св. Климента Охридского с библейским текстом в этом направлении достаточно хорошо изучена.¹ До сих пор, однако, никто не обращал внимания на другой аспект влияния текстов Священного Писания на творчество этого выдающегося древнеболгарского писателя конца IX—начала X в. в процессе его распространения в эпоху средневековья, а именно — на изменения в тексте его похвальных слов, появившиеся в результате сознательного стремления средневековых переписчиков устранить различия между текстом св. Климента и соответствующим библейским текстом, а также — вследствие ошибок, явившихся под влиянием хорошо знакомого переписчикам паримейного и четьего текста соответствующей эпохи.

Чтобы проиллюстрировать этот тип влияния библейского текста на списки похвальных слов св. Климента Охридского, в качестве примера приведу несколько случаев из истории текста самого распространенного слова св. Климента — Похвального слова св. пророку Илье, сохранившегося в 176 болгарских, сербских и русских списках, возникших с XII по XIX в.² Естественно, здесь невозможно рассмотреть изменения всей рукописной традиции. Я ограничусь наиболее ранними представляющими ее текстами и текстами, находящимися на самом верху генеалогической стеммы рукописной традиции этого слова. Это — четыре среднеболгарских списка с конца XIII—начала XIV в. до XVI в.; 1. Охридский список священника Теодора конца XIII—начала XIV в., который находился в конце XIX в. в церкви св. Климента в Охриде, пропал неизвестно когда, но до этого был опубликован в 1901 г. П. Лавровым;³ 2. Список в так называемом Златоусте

¹ См напр Naumow A *Biblia w strukturze artystycznej utworow cerkiewnosłowiańskich* Krakow, 1983 S 95—122 (и цитированную там литературу), Николова Св Някои текстологически проблеми в панегиричното творчество на Климент Охридски (По материали от «Похвално слово за пророк Илия») // Кирило-Методиевски студии София, 1984 Кн 1 С 63—118 (и цитированную там литературу), Наумов А Библијата во творештвото на св Климент Охридски // XIII научна дискусија (Охрид 25—28 август 1980) Скопје, 1987 С 147—149, Славова Т Евангелските и апостолските цитати в словата на Климент Охридски и преславската книжнина // Кирило-Методиевски студии София, 1991 Кн 8 С 60—83 (и цитированную там литературу)

² Николова Св Някои текстологически проблеми С 65

³ Лавров П Похвала Илье пророку Новое слово Климента Словенского // ИОРЯС 1901 Т 6, № 3 С 249—253

Ягича первой четверти XIV в., находящийся в РНБ в Санкт-Петербурге под шифром 0.1.56;⁴ 3. Список в сборнике Германа 1356 г., в рукописном собрании Румынской патриархии в Бухаресте (л. 235а—240а);⁵ 4. Клужский список XVI в., находящийся в рукописном собрании университетской библиотеки в г. Клуже (Румыния) под шифром 4202.⁶

История текста Похвального слова св. пророку Илье показывает, что Охридский список — это архетип сохранившегося до сих пор текста слова. Списки Германова сборника, Златоуста Ягича и Клужский список восходят к архетипу посредством общего протографа, возникшего не позднее 1359 г. Со своей стороны текст списков Германова сборника и Клужской рукописи прошел и через новую, общую для обоих списков ступень в развитии текста не позже 1359 г., а список Ягича восходит непосредственно к общему протографу трех списков.⁷

Обращаясь к проблеме влияния текстов Священного Писания на изменения текста Похвального слова св. пророку Илье Климента Охридского, сначала нужно указать, что само слово построено главным образом на 17-й, 18-й и 19-й главах Третьей книги Царств и на 1-й и 2-й главах Четвертой книги Царств (а точнее — полностью на 17-й главе, стихи 1—24; на 18-й главе, стихи 19—45; на 19-й главе, стихи 10, 14; на 1-й главе, стихи 1—2, 9—15; на 2-й главе, стихи 1—4, 6—14) и именно эти тексты влияют на изменения слова в процессе его переписывания. В качестве представляющих библейские тексты я использую два болгарских текста Паримейника — Паримейник Григоровича конца XII—начала XIII в. (РГБ, собр. В. Григоровича 2/М.1685) и Лобковский паримейник 1294—1320 г. (ГИМ, Хлуд. 142) в изданиях Р. Брандта⁸ и П. Лаврова,⁹ а также список четьего болгарского текста второй половины XIV в., хранящегося в РНБ, F.1.461.¹⁰

Развитие текста Похвального слова св. пророку Илье дает нам возможность предполагать не очень широкое, но достаточно определенное воздействие как паримейного, так и четьего текста Книг Царств. Примеры такого воздействия можно обнаружить в самом раннем тексте — в общем протографе списков Германова сборника, Клужской рукописи и сборника Ягича. Так, например, текст Охридского списка «въкоушоу ѿ него, и с дѣтми моими ѿмоу»¹¹ в протографе трех списков уже читается как «въкоушж ѿ него, и съ дѣтми своими оумрж» (л. 236а).¹² Соответствующее место Третьей книги Царств, гл. 17, ст. 12, в паримейном тексте гласит «створа себѣ и чадомъ своимъ и снѣмы и оумремы»,¹³ а в четьем — «сътвора тебѣ и себѣ, и дѣтемъ своимъ. и гмы и оумремъ» (л. 97а, 3 Цар.17:12).¹⁴ Очень вероятно, что форма «своими» появилась вместо формы «моими» именно под влиянием библейского текста.

⁴ Список опубликован Лавров П. А. Стоянович Л. Новые слова Климента Словенского // ИОРЯС 1906 Т. 11, № 1 С. 443—448, Климент Охридски Събрани съчинения София, 1970 Т. 1 С. 690—702

⁵ Фотокопия этого списка была любезно предоставлена мне проф. Д. Мирчевой

⁶ Список опубликован Николова Св. Някои текстологически проблеми С. 108—111

⁷ О ранней истории текста Похвального слова св. пророку Илье см. Николова Св. Някои текстологически проблеми

⁸ Брандт Р. Григоровичев паримейник в сличении с другими паримейниками М. 1984 Вып. 1, 2 М., 1901 Вып. 3

⁹ Лавров П. Похвала С. 253—254

¹⁰ По микрофильму и изданию Лавров П. Похвала С. 258—271

¹¹ Лавров П. Похвала С. 250

¹² В качестве представителя этого протографа цитирую текст Германова сборника

¹³ Лавров П. Похвала С. 254

¹⁴ Там же С. 259

В том же самом протографе выражение «велии ѡбо зовѣте да вы воуѣтъ изъсплн вознн ваши»¹⁵ Охридского списка уже звучит как «велии оубо зовѣте еда къвѣждѣтъ изъсплн взнн ваши» (л. 237а). Это изменение направляет наше внимание на четый текст, в котором можно прочесть: «зовѣте гласомъ гласомъ (sic!) великомъ. Ꙗко бгъ есть непрадѣ. еда что ино стронтъ, и не оупражнѣетса. или оуснѣлъ вѣдѣ» (л. 98б, 3 Цар.18:27).¹⁶

Далее, в Охридском списке читается «ѡжестилъ кси испросити»¹⁷ в протографе трех указанных списков — «ѡжестилъ еси просити» (л. 238а) и точно так же «оужестилъ кси просити» в паримейном и «оужестилъ еси просити» в четьем библейском тексте (л. 108а—108б, 4 Цар.2:10).¹⁸

Дальнейшая история текста Похвального слова св. пророку Илье приводит нас к общему протографу списков в сборнике Германа и в Клужской рукописи.¹⁹ В нем также можно найти некоторые разночтения, возникшие, по всей вероятности, из-за желаня книжника приблизить текст св. Климентя к современному ему библейскому тексту. Например, «въше же оубо нхъ до тысоущюу»²⁰ здесь читается как «въшаше же швои до тисжцин» (л. 236б). Сразу же нужно вспомнить Третью книгу Царств, гл. 10, ст. 19: «и нигѣ послн и съверн къ мрѣ въ Исранль, на горѣ кармилъскѣ. и прркы вестоуныж, ѡже тн. и прркъ мръзкый. нхже четьриста» (л. 98а).²¹ Совершенно ясно, что переписчик хорошо знал четый библейский текст и хотел указать категорически — здесь подсчитано число именно двух групп людей — группы жрецов и группы лжепророков, о которых идет речь в этом месте слова.

Протограф Германова и Клужского списков содержит и несколько примеров разночтений в порядке слов, словообразований и лексике, в которых мы можем предположить влияние библейских текстов. В первом случае имеется аналогия только с паримейным текстом: выражение «въстави и н дасть мѣри свои»²² в нем представлено как «възъстави. и да и мѣри свои» (л. 236б); в паримейном тексте — «и да и мѣри свои»,²³ а в четьем тексте Третьей книги Царств, гл. 17, ст. 28 — совсем другой текст: «и вѣдасть и матерн его» (л. 97б).²⁴ Во втором случае «оумрътвость» передается в протографе списках в сборнике Германа и в Клужской рукописи как «ѡмрътне» (въ третик же лѣто по оумрътвостн);²⁵ «въ третие же лѣто. по ѡмрътн», л. 236б), и это разночтение совпадает полностью с соответствующим библейским текстом в Четвертой книге Царств, гл. 1, ст. 1: «по оумрътнн Ахаавли» (л. 107а).²⁶ Третий случай — это замена «разлоуцише га»²⁷ на «разѣлншж га» (л. 238б). И в паримейном, и в четьем тексте в этом месте Четвертой книги Царств, гл. 2, ст. 11, засвидетельствована форма «раздѣлншж»,²⁸ «раздѣлнша» (л. 108б).²⁹

¹⁵ Там же С 250—251

¹⁶ Там же С 263

¹⁷ Там же С 251

¹⁸ Брандт Р Григоровичев паримейник Вып 1 С 26, Лавров П Похвала С 270

¹⁹ В качестве представителя этого протографа цитирую текст Германова сборника

²⁰ Лавров П Похвала С 250

²¹ Там же С 262

²² Там же С 250

²³ Там же С 254

²⁴ Там же С 260

²⁵ Там же С 250

²⁶ Там же С 268

²⁷ Там же С 251

²⁸ Брандт Р Григоровичев паримейник Вып 1 С 27

²⁹ Лавров П Похвала С 271

Необходимо обратить внимание также на тот факт, что в Ягичевом списке Похвального слова св. пророку Илье засвидетельствованы несколько индивидуальных различий, позволяющих думать, что переписчик вносил изменения в текст слова под влиянием известного ему библейского текста. Во-первых, это пропуск «въ нем» в выражении «и се колесница вгнѣна и кони въ нем вгнѣни».³⁰ Таким образом в списке Ягича текст имеет следующий вид: «и се колесница вгнѣна и кони вгнѣни».³¹ Этот текст полностью совпадает с паримейным («и се колесница вгнѣна, и кони вгнѣни»³²) и четвым библейским текстом («и се колесница вгнѣна и коніе вгнѣни» (л. 1086)³³ Четверной книги Царств, гл. 2, ст. 11. Второй пример — «надъклонивъ се надъ нь трици дъноу на лице клоу»³⁴ — в списке Ягича звучит «натъклонивъ сѧ трици. и доунѣ на лице емѣ».³⁵ И в паримейном, в четвѣм тексте Третьей книги Царств, гл. 17, ст. 21, употребляется глагол «дѣунѣти»: «дѣунѣ на втрочица трократы, доунѣ на втрока трици» (л. 976).³⁶ Влияние библейского текста просматривается и в добавлении слова «малъ» в выражении «иди и створи ми впрѣснѣкъ»,³⁷ звучащее в списке Ягича как «иди и створи ми впрѣснокъ малъ»,³⁸ так как соответствующий текст Третьей книги Царств, гл. 17, ст. 13, в Паримейном — «и створи мѣгѣ ѿтѣдоу впрѣснѣкъ малъ»,³⁹ а в четвѣм тексте — «сѣтвори ми ѿ него впрѣснѣкъ малъ» (л. 97а).⁴⁰

Наконец, нет сомнения, что «крѣжажьць маслень»⁴¹ изменилось в Клузском и Ягичевом списках на «чванецъ масльни»,⁴² «чванецъ маслы»,⁴³ так как и в паримейном, и в четвѣм тексте Третьей книги Царств, гл. 17, ст. 12, 14, 16, употребляется только форма «чванецъ» «мало влѣта в чванцы», «чванецъ влѣта» (2 раза) — в паримейном тексте⁴⁴ и «мало масла въ чванци», «чванецъ масла» (2 раза) — в четвѣм тексте (л. 97а).⁴⁵

Очень трудно определить, в каких случаях переписчик сознательно стремился внести в текст слова св. Климента формы соответствующих библейских текстов и в каких случаях изменения производились ненамеренно. Легче мы можем найти ответ на вопрос — каким образом вносились эти изменения в тексты — посредством использования списков Священного Писания или опираясь на тексты, которые запомнил переписчик. Вряд ли можно думать, что переписчик слылчал текст слова с соответствующим библейским текстом и, обнаруживая различия, устранял их в некоторых случаях. Скорее всего, книжник руководствовался текстами, находящимися в его памяти.⁴⁶ Свидетельство тому — факт, что почти во всех случаях текст при-

³⁰ Там же С 251

³¹ Климент Охридски Събрани съчинения Т I С 696, 701

³² Брандт Р Григоровичев паримейник Вып I С 27

³³ Лавров П Похвала С 271

³⁴ Там же С 250

³⁵ Климент Охридски Събрани съчинения Т I С 692, 700

³⁶ Лавров П Похвала С 254, 260

³⁷ Там же С 249

³⁸ Климент Охридски Събрани съчинения Т I С 691 700

³⁹ Лавров П Похвала С 254

⁴⁰ Там же С 260

⁴¹ Там же С 250

⁴² Николова Св Някои текстологически проблеми С 109

⁴³ Климент Охридски Събрани съчинения Т I С 692, 700

⁴⁴ Лавров П Похвала С 254

⁴⁵ Там же С 260

⁴⁶ В связи с изменением новозаветного текста в составе новонайденной части Синайского евология на подобную возможность недавно было указано в статье Bakker M The New Testament Lectons in the Euchologium Smaticun // Полата књигописна Amsterdam 1994 Т 25—26 Р 167

сутствует в паримейниках, которые использовались в богослужении и, без сомнения, по этой причине были хорошо знакомы всем переписчикам.⁴⁷ Только этот способ работы может объяснить, почему разночтения, приближающие текст св. Климента к библейскому тексту, являются в списках довольно редко, а также — почему некоторые из них можно отнести к категории бессознательных изменений.

Несмотря на это, сам факт влияния текстов Священного Писания на изменения в процессе переписывания слова св. Климента св. пророку Илье, по моему мнению, не подлежит сомнению. Исследованный материал дает нам основания утверждать, что влияние такого типа имело место преимущественно в более раннюю эпоху, главным образом до XIV в. Исходя из того, что все рассмотренные этапы истории текста слова практически относятся к XIV в., можно считать, что в этот период болгарские книжники знали довольно хорошо тексты Книг Царств. Поэтому мы не можем сомневаться, что будущие исследования рукописной традиции похвальных слов св. Климента Охридского, в особенности периода до конца существования Второго болгарского царства (1396 г.), должны принимать во внимание влияние библейских текстов на историю текста произведений.

В заключение мне хочется подчеркнуть, что нельзя пренебрегать возможностью обнаружения такого типа влияния библейских текстов в процессе распространения не только похвальных, но и поучительных слов св. Климента Охридского, а также — и творений других средневековых болгарских и древних славянских авторов вообще. В связи с этим мне думается, что проблема взаимодействия текстов Священного Писания с другими славянскими текстами эпохи средневековья будет приобретать в дальнейшем все большее и большее значение для текстологических исследований рукописного наследия православных народов.

⁴⁷ Интересно отметить, что в Григоровичевом и Лобковском паримейниках есть чтения из 3 Цар. 8:1, 3—7, 9—11; 17:8—24; 18:30—39; 19:3—16 и 4 Цар. 2:6—14, 19—22; 4:8—37; 5:1, 9—14. Видно, что только в двух случаях нет соответствующего паримейного текста (3 Цар. 18:27; 4 Цар. 1:1).

Царь Давид, царь Симеон и вещей Боян

100 лет назад, в 1895 г., А. И. Яцимирский обнаружил в Кондрицком Свято-Николаевском скиту в Бессарабской губернии (в Молдавии) рукопись сер. XVII в., в которой была запись о книжной мудрости и о болгарском царе Симеоне как ценителе и собирателе святых книг.¹ Эта запись, восходящая к Похвале царю Симеону в «Изборнике 1073 г.», после публикации А. И. Яцимирского стала хорошо известна всем славистам: «А се многы царие мудры бѣшу и книги многы написашу...». Далее называются царь Соломон, Ориген-еретик, Исидор Пелусиотский, Птоломей-книголюбец и Симеон, царь болгарский, который «исписа многы книги и яко Давид царь на златы струи (!) играаше и книги паче всех любѣаше». «В этой записи, — отмечал А. И. Яцимирский, — интересны последние слова, дающие известный намек на участие болгарского царя Симеона в составлении «Златоструя».² Вопрос этот — предмет давних научных споров, и сейчас мы не будем его касаться. Как на некоторую аналогию приведенной записи А. И. Яцимирский указал на Послесловие к «Златострую», изданное в исследовании В. Н. Малинина:³ «Сиа книги Златоструя нарекыше, ельма же Духа Святаго учения, акы златыми струями чловеку сладкыми рѣчьми омываа<...> къ Богу приводит». В 1980 г. вопрос о возникновении названия сборника «Златоструй» был разобран Пейо Димитровым⁴ и сделан обзор всей предшествующей литературы.

А. И. Яцимирский высказал предположение о русском происхождении записи в молдавской рукописи XVII в. В дальнейшем, рассматривая Похвалу царю Симеону в «Изборнике» и ее следы в средневековой славянской книжности, многие авторы обращались к записи в рукописи А. И. Яцимирского, но не ставили вопрос о ее происхождении. Однако, как кажется, никто не обратил специального внимания на то, что фраза «А Симеон царь болгарский исписа многы книги и яко Давид царь на златы струи играаше и книги паче всего любѣаше...» только внешне совпадает или, во всяком случае, приближается к текстам Похвалы Симеону и Послесловия к Златострую. Прямой аналогии в них нет. Правда, П. Димитров заметил, что в записи XVII в. переписчик невольно спутал слова «струньи» и «струи». По

¹ Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе. СПб, 1908. Вып. 1. С. 4.

² Там же.

³ Малинин В. Н. Исследование Златоструя по рукописи XII в. Имп. Публичной библиотеки. Киев, 1878. См. также Малинин В. Н. Десять слов Златоструя XII в. СПб, 1910.

⁴ Димитров П. Около предисловия и названия на «Златоструй» // Език и литература, 1980, № 2. С. 17—28. См. Thomson F. Chrysostomica paleoslavica. A preliminary study of the sources of the Chrysorrhoeas (Zlatostruj) collection // Cyrillomethodianum Thessalonique, 1982. Vol. 6. P. 1—65.

нашему мнению, выражение «яко Давид царь на златы струи играаше» предполагает, конечно, не «струи», а «струны», и в первоначальном тексте этой записи, скорее всего, читалось именно «струны», о чем свидетельствуют предлог «на» и глагол «играаше». В других близких текстах сравнения Симеона с Давидом вообще нет. Так ли уж «невольню» переписчик спутал слова, и что стоит за этой путаницей?

Смешение слов «струны» и «струи» не простая ошибка. Их образно-семантическую близость хорошо чувствовали древнеславянские переводчики, ориентирующиеся на тексты Псалтыри царя Давида. И. И. Срезневский в своем «Словаре»⁵ дал главное значение слова «струна» — «волос, упругая нить». В качестве примера И. И. Срезневский привел цитату из Псалтыри в майской Минее XII в.: «Оустынама движа яко же струнами, яко бряцаниемъ язъкомъ движа». Царь Давид — составитель и исполнитель псалмов под струнный аккомпанемент. Его речи, конечно, могли быть сладкими (ибо сладка премудрость!) и изливаться златыми струями. Но ведь такой характеристики Давида в записи молдавско-бессарабской рукописи нет. Однако запись находит очень близкое соответствие в двух других известных древнерусских памятниках: в «Слове на воскресение Лазаря» и в «Слове о полку Игореве». Эти аналогии позволяют подтвердить предположение о первоначальном чтении «струны» вместо «струи» в рукописи А. И. Яцимирского. Оба сочинения были сопоставлены между собой в небольшой заметке Боню Ангелова в 1983 г.⁶ В ней автор опирается на комментарии «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“»,⁷ где составители приводят в качестве лексической и образной параллели к фрагменту «Слова о полку Игореве» о песнях «вещего Бояна» текст о царе Давиде из «Слова на воскресение Лазаря». Кроме упомянутого Б. Ангелова А. Н. Пыпина, указавшего на эту параллель, ее отмечали И. Я. Порфирьев, И. Я. Франко, В. Н. Перетц, В. П. Адрианова-Перетц, И. П. Еремин. Б. Ангелов добавил сравнительный материал из «Слова на воскресение Лазаря» по спискам, не учтенным в свое время комментаторами «Словаря-справочника». Это списки «Слова» из собрания РГБ, ф. Ундольского, № 574 и 575, оба XVI в., и РНБ, собр. Погодина, 871, нач. XVII в.

В качестве еще одной параллели к выражению «живые струны» «Слова о полку Игореве» болгарский исследователь привел «Задонщину». Мотив игры на гусях, выраженный в сходных словах, отмечен автором как общий для трех древнерусских памятников — «Слова о полку Игореве», «Слова на воскресение Лазаря» и «Задонщины». Этот мотив присутствует и в «Предисловии» к Хронографу 1641 г., опубликованном А. С. Деминым⁸ и рассмотренном мною в 1987 г.⁹ В «Предисловии» к Хронографу 1641 г. фразы об игре царя Давида на гусях, в которых встречаем выражения «живые струны» и «многоочитая персты», восходят к упомянутым древнерусским памятникам. Б. Ангелов не рассматривал подробно совпадения во фразах об игре Давида, он был склонен считать образ играющего царя-певца общим для многих восточно- и южнославянских памятников. С этой точки зрения в его статье были впервые сопоставлены «Слово о полку Игореве», «Слово на воскресение Лазаря», «Задонщина» и запись в молдавской рукописи

⁵ Срезневский, Материалы СПб., 1912 Т 3 Р—М

⁶ Ангелов Б За изрза «Живия струны» в «Слове о полку Игореве» // Език и литература 1983 Кн 5 С 89—92

⁷ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост В Л Виноградова Л, 1967 Вып 2 (Д — копые) С 82

⁸ Демин А С «Слово о полку Игореве» и предисловие к «Хронографу» 1641 г // «Слово о полку Игореве» Памятники литературы и искусства XI—XVII веков М, 1978 С 87—94

⁹ Рождественская М В Об одной записи к «Зерцалу богословия» Кирилла Транквилиона // Исследования по древней и новой литературе Л, 1987 С 190—194

А. И. Яцимирского. Попробуем рассмотреть их более внимательно. По-видимому, совпадение выражения «живые струны» или «золотые струны» в разных текстах не случайно. Это выражение оказалось устойчивым, и то, что оно связало между собой имена царя Давида, царя Симеона и «вещего Бояна», свидетельствует о его многозначности.

Болгарского царя Симеона сближает с ветхозаветным Давидом то, что, во-первых, он тоже царь, во-вторых, он тоже воплощает собой книжную премудрость и его эпоха, эпоха царя Симеона, — это время расцвета болгарской книжности: царь Симеон понимает значение книжного знания для процветания страны. В-третьих, подобно царю Давиду, «устроившему» Псалтырь и гусли, царь Симеон — предполагаемый переводчик и составитель книг.¹⁰

Обратимся теперь к образу царя Давида. В памятниках древнерусского искусства царь и пророк Давид имеет еще одну черту. Играющим на струнах гусель в окружении фантастических (райских?) птиц и растений он изображается на фасадах владимиросудальских храмов Северо-Восточной Руси или на заставках древнерусских рукописей (в виде буквицы Д — добро).¹¹ Этот Давид вызывает у исследователей и зрителей прежде всего логическую аналогию с «вещим Бояном» из «Слова о полку Игореве». В основе такого сближения лежит, конечно, образ поэта-певца-прорицателя, присущий и эпической (языческой по своему происхождению), и книжной (христианской) традициям. Соответственно, и мудрость этих певцов и прорицателей разная по сути своей: это мудрость земная и мудрость божественная, когда первая провидит конец одного человека, а второй ведом конец света. И тем не менее определенное сходство образов «вещего Бояна» и царя Давида очевидно и заслуживает более пристального внимания.

Расширив тот поневоле ограниченный материал, которым располагал Б. Ангелов, можно подтвердить текстовую связь между «Словом о полку Игореве», «Словом на воскресение Лазаря» и «Задонщиной». Дело в том, что сходство фрагмента об игре вещего Бояна в «Слове о полку Игореве» с фрагментом о царе Давиде в «Слове на воскресение Лазаря» отмечали многие исследователи, но обычно это сравнение «струнным эпизодом» и ограничивалось. Наши наблюдения показывают, что оба этих литературных текста связаны между собой более важными сюжетными, стилистическими и смысловыми связями,¹² но сейчас нас интересует только одна из множества других параллелей: Боян и царь Давид. Напомню совпадающие в обоих текстах фрагменты, касающиеся только Бояна и Давида.

1. «Слово о полку Игореве»: «Боянь же, братие, не 10 соколовь на стадо лебедѣй пуцаше, но своя вѣщца прѣсты на живая струны въскладаше»¹³

¹⁰ Вопрос о роли царя Симеона в составлении «Златоструя» имеет обширную научную литературу, и мы сейчас его не рассматриваем. Совсем недавно болгарский ученый Рашо Рашев сопоставил царя Симеона по его исторической миссии и территориально-политическим претензиям, по идее богоизбранности своего народа с библейским пророком Моисеем (царь Симеон — новый Моисей). См. Рашев Р. Цар Симеон, пророк Моисей и болгарский златен век // 1100 години Велики Преслав Великопреславски научен събор (16—18 септември 1993 г.) Шумен, 1995 Т 1 С 55—73. Благодарю Елену Коцеву, указавшую мне на эту статью. Кстати, может быть рассмотрена еще одна параллель к образу царя Симеона как собирателя книг и покровителя книжного дела — это Ярослав Мудрый и знаменитая «Похвала книгам» в «Повести временных лет» под 1037 г.

¹¹ Даркевич В. П. Музыканты в искусстве Руси и вещей Боян // «Слово о полку Игореве» и его время. Сб статей М. 1985 С. 322—342. Вспомним об образе соколиной охоты, сопровождающей Бояна во Вступлении «Слова».

¹² Рождественская М. В. «Слово на Лазарево воскресение» в его отношении к «Слову о полку Игореве» // Русская и грузинская средневековые литературы. Тбилиси, 1992 С. 157—164.

¹³ Текст «Слова» цитируется по изданию «Слово о полку Игореве» Л. 1990 С. 47—68 (Б-ка поэта. Малая сер. 4-е изд.)

2. «Слово на воскресение Лазаря»: «Глаголаше Давыд: <...> накладая читая (многоочитая) персты на живыя струны» (Пространная ред. по списку сер. XV в.) или «Удари, рече, Давид, в гусли и возложи персты своя на живыя струны, и иныя накладая...» (Краткая ред., по списку нач. XVI в.)

3. Третий текст, включаемый в этот сравнительный ряд, — «Задонщина». При сравнении с ним выясняется, что во фрагменте о «струнах» «Слово на воскресение Лазаря» ближе к «Задонщине», чем к «Слову о полку Игореве». Рассмотрим совпадающие фразы.

Имя Бояна в «Задонщине», как известно, сохранилось только в Кирилло-Белозерском списке, переписанном книгописцем Ефросином (1470 г.). Здесь персты Бояна названы «златыми», тогда как в других списках «Задонщины» встречается чтение «горазныя» (список Ундольского) и «гораздыя» (список И—1). В Синодальном списке вместо перстов читаются «белыя руци». О. В. Творогов предположил, что, «видимо, уже в архетипе Синодального извода этот эпизод подвергся правке: „гораздыя“ персты были заменены „златыми“, в Синодальном списке этот эпитет был перенесен на струны, а на место златых перстов стали фольклорные „белые руци“». ¹⁴ Автор «Задонщины» не передал всю полноту этого образа, отметив только быстроту передвижения пальцев Бояна по струнам. Эпитет «златой» присутствует в разбираемом фрагменте «Задонщины» еще в одном случае, когда златыми названы уже не персты, а струны — в Синодальном списке: «Накладает свои белыя руцы на златыи струны». Слова «живые» здесь вообще нет, тогда как во всех других списках «Задонщины» встречаем чтение «живыя струны», как и в «Слове о полку Игореве» и как во многих списках «Слова на воскресение Лазаря». Напомню, что в первых двух памятниках речь идет о Бояне, в третьем же — о пророке и царе Давиде.

Сочетание слов «златыя» и «живыя» в одной фразе, правда, по отношению к разным предметам («златыя» персты и «живыя» струны), дает Кирилло-Белозерский (Ефросиновский) список «Задонщины». Такое же сочетание, но примененное уже только к струнам (златыя и живыя), встречаем в Пинежском списке 1533 г. «Слова на воскресение Лазаря»: «Тогда рече великий царь, пророк Давид, сидя в преисподнем аде, накладая многоочитыя перьсты на златыя и живыя струны». Данное чтение в «Слове на воскресение Лазаря» индивидуально. Это и неудивительно, так как Пинежский список (ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, собр. Пинежское, № 280. По нашему обозначению — П2) вообще содержит ряд индивидуальных чтений. Он принадлежит к той группе списков Пространной редакции «Слова на воскресение Лазаря», которая полнее других отразила его архетипные черты. Пинежский список выделяется и в своей группе: переписчик использует особые источники, текст носит черты своеобразной «фольклоризации» и т. п. Можно поэтому предположить, что именно чтение Пинежского списка, вместе с текстом «Задонщины», хотя в нем речь идет о Бояне, а не о Давиде, стало источником записи в молдавско-бессарабской рукописи А. И. Яцимирского.

Но не только фразы о перстах и струнах, а текст, сопровождающий этот фрагмент о пророке Давиде в «Слове на воскресение Лазаря», обнаруживает параллели с «Задонщиной», прежде всего по смыслу, по синтаксическому построению и по противопоставлению темы печали теме веселия. Сравним:

1. «Слово на воскресение Лазаря»: «Воспоим весело, дружино, днесь, а плач отложивше, утешимся» (Краткая ред.); «И воспоим песни тихи и ве-

¹⁴ Творогов О. В. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М., Л. 1966 С. 316

сельца, о друзи мои, днесь положим плач и скорбь (или: тугу и печаль), но утешимся Господом и Богом нашим» (Пространная ред.).

2. «Задонщина»: «Снидемся, братия, и друзи, и сынове рускии, составим слово к слову, возвѣсем Рускую землю и возвѣрзем печаль на восточную страну в Симов жребий...».¹⁵

Итак, «отложим (положим) печаль (тугу, скорбь)» в первом случае; «возвѣрзем печаль» — во втором. Соответственно, «воспойм весело; воспойм песни тихи и веселья; утешимся» в первом примере; «составим слово к слову, возвѣсем Рускую землю» — во втором. Можно было бы привести еще ряд близких конструкций. Значит ли это, что автор «Задонщины» обращался как к источнику не только к «Слову о полку Игореве», но и к «Слову на воскресение Лазаря»? Не занимает ли последнее промежуточное положение между «Словом о полку Игореве» и «Задонщиной»? При ответе на этот вопрос необходимо учесть следующее: «Слово на воскресение Лазаря» обнаруживает столь явные параллели с сочинениями Климента Охридского, Кирилла Туровского, с кругом святоотеческой и апокрифической литературы на тему Воскресения и Сошествия во ад, что, кажется, нет сомнения в его раннем (рубеж XII—XIII вв.) происхождении. Более того. Одним из важнейших мотивов «Слова о полку Игореве», которого нет в «Задонщине» (или он там отчетливо не выражен), является мотив Гибели/Воскресения.¹⁶ Тот же мотив лежит в основе и «Слова на воскресение Лазаря».

Одним из проявлений типологической и смысловой близости двух «Слов» и явилась параллель: вещий Боян — пророк Давид. Боян и Давид связаны не только описанием их струнной игры. Оба наделены пророческим-провидческим даром: Давид томится в аду и предвещает рождение Христа и скорое спасение пленников. Оба — и Боян, и Давид — переходят мыслью от прошлого к настоящему и будущему, пересекая границы времени. Оба определяют композицию текстов, способ авторского повествования, их художественную систему. Воспринятые древнеславянскими книжниками как единый мифологический образ, они вместе с тем оба — поэты своего мира: Боян — мира языческих представлений, Давид — библейско-христианской мудрости. В последующей русской литературной традиции образ псалмопевца Давида стал символом книжного поэта-гимнографа, а имя вещего Бояна уже в конце XVIII в. воспринималось, скорее, в эпическом плане, «как имя первого „барда“ Древней Руси и как нарицательное обозначение древнерусских поэтов вообще».¹⁷

Итак, вернемся к «струнам и струям». Предполагаемый А. И. Яцимирским русский источник записи о царе Симеоне в молдавской рукописи XVII в.¹⁸ следует искать в кругу трех древнерусских памятников — «Слова на воскресение Лазаря», «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». Смешение слов «струн» и «струнь», конечно, не было случайной ошибкой писца. Зная конкретную фразу о царе Давиде, возглавившем персты на «златыя струнь», он сравнил с Давидом болгарского царя Симеона, в той или иной степени причастного к созданию «Златоструя». Он хорошо чувствовал эту игру смысловых оттенков близких по звучанию слов.

¹⁵ Текст «Задонщины» цитируется по изданию Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачев. Л., 1982. С. 7—13 (В основу реконструкции положен список Ундольского)

¹⁶ См. Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien, 1984.

¹⁷ Дмитриев Л. А. Литературная судьба «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Л., 1985. С. 52 (Б-ка поэта Большая сер.)

¹⁸ А. И. Яцимирский предположил это на основании того, что имя царя Симеона сохранилось в Похвале только в рукописи РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 5/1082, 1445 г.

Итак, перед нами процесс, когда один образ постепенно заменяется другим, теряя некоторые прежние функции и приобретая новые. Так, вещий Боян — это поэт, певец и языческий предсказатель; Давид — это поэт, певец, христианский (в средневековом восприятии) пророк и царь, несущий слово веры. Симеон — это не певец и не пророк, но царь и насадитель христианской книжной премудрости. Поэтому нет ничего удивительного в том, что при описании Симеона «золотые струны», этот атрибут певца, исчезли, и появились «золотые струи» — эта аллюзия на «Златоструй».

О. П. ЛИХАЧЕВА

Яко бисер в кале

Когда израильский народ под предводительством Иисуса Навина возвращался из египетского плена в землю Ханаан, обетованную Богом израильтянам, но заселенную язычниками, город Иерихон стал препятствием на его пути. Хананеяне сопротивлялись, и предстояла битва за город. Иисус Навин послал в город своих соглядатаев (шпионов). Сogleдатаи остановились в доме блудницы, хананеянки Раави, которая спрятала их и потом помогла уйти из города (Книга Иисуса Навина, гл. 2). За это после взятия Иерихона Иисус Навин пощадил Раавь и всю ее родню. Раавь осталась жить среди израильтян, приняла их веру и была весьма почитаемой.¹

Поступок Раави свидетельствует о необычных качествах этой женщины. Будучи язычницей, она знала, что Божий промысел ведет израильтян в Хананейскую землю, и она помогла им, предав свой народ. Она слышала голос Бога и поступила по его повелению. Может быть, поэтому ее можно считать пророчицей. Во всяком случае, христианское богословие видит в ней ветхозаветную праведницу, чей образ может быть воспринят символически в разных аспектах, и прежде всего это пример живой веры, спасительной веры, которая жива делами. Об этом писал апостол Павел (Евр. 11:31) и апостол Иаков во второй главе своего послания, посвященной теме «вера без дел мертва». Он приводит два ветхозаветных примера живой веры — Авраама, возложившего на алтарь своего сына, и Раавь, спрятавшую у себя соглядатаев по слову Божию. В толковании на Иак. 2:25, где говорится о Раави, в славянском толковом Апостоле² содержится интересная для нас похвала прославленной хананеянке, приписываемая Севериану:³ «Толк. Севирианово. Слыши Писания, свидетельствующая ея оправдания, яже бѣ в блуде: бисерь в калѣ свѣтятся, злато в тимѣнии повержено, цвет благочестия в тѣрнии подавляем, благочестная душа, в злочестной стране заточена» (цит. по ркп. РНБ, F п. I. 24, XIV в.).

Здесь: *бисер в кале* — μαργαρίτης ἐν βορβόρῳ
злато в тимени — χρύσος ἐν πηλῷ

Значение слова *бисер* однозначно (*жемчуг*). Вспомним лишь, что это слово означало не только нечто прекрасное, но и весьма ценное — с жемчужиной, ради которой купец продает все свое имение, сравнивается Царствие Небесное (Мф. 13:45—46). И неоднократно в текстах Христос имену-

¹ Подробнее об этом см. Толковая Библия СПб., 1905 Т I (ч 2) С 43

² Толкования в толковом Апостоле написаны в виде катен, составленных, по-видимому, византийским богословом Никитой Ираклийским в XI в. В катенах используются выдержки из сочинений известных богословов и толкователей Священного Писания. См. Алексеев А. А. Из истории русской переводческой школы XII в. // ТОДРЛ Л., 1988 Т 41 С 154—186

³ Севериан Гавальский византийский богослов живший ок. 400 г

ется *предрагоценным бисером*. Приведем один пример: «Сии бо камень многоцвѣнныи бисеръ в въображение есте Господа нашего Иисуса Христа».⁴

Слова *каль*, *тимение* и *брение* в текстах до XIV—XV вв. употреблялись как синонимы (соответствующие греческим словам \acute{o} $\pi\eta\lambda\acute{o}\varsigma$ и \acute{o} $\beta\acute{o}\rho\beta\omicron\rho\omicron\varsigma$). Нюансы в отличиях значений этих как греческих, так и славянских синонимов трудно различить без специального очень тонкого исследования.

Греческие словари⁵ дают такие значения:

\acute{o} $\pi\eta\lambda\acute{o}\varsigma$ — глина, болото, грязь, пыль (Коссович);

— глина, грязь, слякоть, топь, трясуна (Дворецкий).

\acute{o} $\beta\acute{o}\rho\beta\omicron\rho\omicron\varsigma$ — болото, грязь, навоз, нечистота (Коссович);

— грязь, нечистота (Дворецкий).

Посмотрим славянские словари — словарь Срезневского⁶ и словарь Чехословацкой Академии наук:⁷

каль — $\pi\eta\lambda\acute{o}\varsigma$, $\kappa\acute{o}\lambda\iota\sigma\mu\alpha$, *soenut*, *volutabrum*, *lutum* (Срезневский);

— *kal*, *blato*, *грязь*, *schlam*, *kot*, $\pi\eta\lambda\acute{o}\varsigma$, $\beta\acute{o}\rho\beta\omicron\rho\omicron\varsigma$, *lutum* (словарь Чехословацкой Академии).

тимение — *тина*, *грязь*, $\beta\acute{o}\rho\beta\omicron\rho\omicron\varsigma$ (Срезневский);

— *balno*, *kal*, *blato*, *грязь*, *schlam*, *kot*, $\iota\lambda\acute{\eta}\varsigma$, $\acute{\upsilon}\lambda\eta$, $\beta\acute{o}\rho\beta\omicron\rho\omicron\varsigma$, *lutus*, *lutum* (словарь Чехословацкой академии).

брение — $\pi\eta\lambda\acute{o}\varsigma$, *lutum*, *тина* ($\acute{\iota}\lambda\omicron\varsigma$) — (Срезневский);

— *blato*, *грязь*, $\pi\eta\lambda\acute{o}\varsigma$, $\pi\lambda\acute{\alpha}\sigma\mu\alpha$, *lutum* (словарь Чехословацкой Академии).

Иногда в текстах синонимы объединяются, так что один из них становится определением к другому (*в каль тинье*, *в тимѣнии кальнем*).

Вероятно, в выражении *бисер в кале* слово *каль* употреблено в значении *глина, грязь*. Сравним с приведенным в словаре Срезневского выражением из Евангелия XII в. (ссылку на конкретную рукопись Срезневский не дает, есть ссылка на словарь Востокова) — Ин. 9:6: «Плюну на землю и сотвори каль» (в греч. $\pi\eta\lambda\acute{o}\nu$). В других списках этого текста и в церковнославянском печатном тексте в этом месте *брение*. По-видимому, уже ощущалось «низкое» в стилистическом отношении значение слова *каль*.⁸ Впрочем, все равно ничего хорошего это слово не означает (то, в чем валяется свинья; то, чем можно испачкаться). Смысл, таким образом, ясен: бисер (нечто весьма прекрасное и ценное) находится в неподобающем окружении, в неправильной плохой среде. В примере с Раавью выражение *бисер в кале* распространено: «цвет, подавляемый тернием, благочестивая душа в злочестивом граде».

В «Повести временных лет» выражение *яко бисер в кале* употреблено в отношении княгини Ольги:⁹ «Си бысть предътекущая крестьянѣсти земли, аки деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ. Си бо съяше, аки луна в нощи, тако и си в невѣрныхъ чловѣцехъ свѣтящеса аки бисеръ в катѣ, кальни бо бѣша грѣхомъ, неомовени крещеньемъ святымъ. Си бо омыся купѣлю святою и совлечеса греховные одежа...» (т. е. Ольга среди язычников сияла как луна в ночи, как жемчужина в грязи, ибо язычники были грязны грехом...).

⁴ Послание Илариона XI в в списке XIV в Цит по Словарь русского языка XI—XVII веков М, 1975 Т I С 186

⁵ Греческо-русский словарь, изданный иждивением департамента народного просвещения / Сост И А Коссович М, 1848 Ч 1—2 (далее Коссович), Древнегреческо-русский словарь / Сост И Х Дворецкий М, 1958 Т 1—2 (далее Дворецкий)

⁶ Срезневский, Материалы СПб, 1912 Т 1—3

⁷ Slovník jazyka staroslověnskeho Praha 1992 Т 4 (вып 43)

⁸ Ср Словарь церковнославянского и русского языка СПб, 1847 Т 2 С 154 *помет испражнение дермо*

⁹ Повесть временных лет 6477 (969) г // ПЛДР XI—нач XII в М 1978 С 82

В варианте этого текста, включенного в похвалу княгине Ольге в Степенной книге,¹⁰ содержание отрывка изложено иначе, более пространно и, может быть, более понятно: «Сия праведная Ольга первая бысть русское познание к Богу и примирения начатокъ, и предтекущая Христовы благодати, аки звѣзда предъ солнцем и яко заря предъ свѣтомъ, и яко луна в нощи сияше, тако блаженная в невѣрных челоуѣдехъ свѣтлѣе и яко бисер в тимѣнии кальнем блещася, емуже скверна не прикасашася. Быша бо сквернии тогда русстие людие и неомовены святымъ крещениемъ, сия же омывшеся святою купѣлю...».

Составитель «испортил» образ, заменив слово *кал* на более благообразное, с его точки зрения, *тимение*; кроме того, он стремится подчеркнуть не ценность жемчуга, а то, что к нему не пристаёт грязь.

Итак, княгиня Ольга восхваляется как «предтеча русского народа к Богу». Среди «неомовенных святым крещением» язычников она была драгоценным бисером. Параллель с Раавью очевидна — та, язычница среди язычников, услышала голос Бога и поступила по его велению, и потому прославлена как праведница и спасена со всем своим родом. Кроме того, по еврейским преданиям, Раавь была прародительницей пророков Исаяи и Иеремии, а по христианским (Мф. 1:5) — матерью Вооза, предка Давида, т.е. вошла в родословие Иисуса Христа.

Ольга, княгиня язычников, не стала смотреть, «какo верует» ее народ (как это делал ее сын Святослав, не принимавший крещения), а смело выбрала истину и по слову Божию пошла за Христом. И тем спаслась не только она сама, но и весь ее род, и весь народ русский. Княгиня Ольга прославляется как «начаток» христианства на Руси не только потому, что она приняла святое крещение и жила и умерла христианкой в языческое время, но и за то, что она — бабушка равноапостольного князя Владимира, при котором было крещение Руси.

Надо полагать, что сравнение *яко бисер в кале* не просто заимствование эффектного выражения. Оно тянет за собой сравнение с библейской Раавью. Таким образом и княгиня Ольга признается примером живой веры, которая без дел мертва.

Интересно отметить, что толковый Апостол появился у восточный славян,¹¹ и не ранее XII в.¹² Древнейший список толкового Апостола — 1220 г. (ГИМ, Синод. 7). И то, что именно этот текст является источником для составителя начальной летописи, заставляет задуматься о многом.

Библейские параллели, в век библейских переводов особенно, характерны для произведений этой эпохи, и особенно для исторического повествования, которое летописец воспринимал равноценным Священному Писанию, поскольку история есть проявление промысла Божия.

На библейских параллелях построено знаменитое «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона. По силе использования библейских образов и глубине богословской мысли рассматриваемое нами место в «Повести временных лет» сопоставимо с великим творением Илариона.

Однако выразительность этого сравнения могла быть причиной и не столь глубокомысленных заимствований — начиная с Даниила Заточника («нишь бо мудръ аки зерно злато в калъ свѣтитсѣ») до литературы нового времени («навозну кучу разрывая, петух нашел жемчужное зерно»).

¹⁰ ПСРЛ СПб, 1908 Т 21, ч 1 С 25

¹¹ Соболевский А. А. История русского литературного языка Л 1980 С 146—147

¹² Алексеев А. А. Из истории русской переводческой школы XII в

С. ФАЛЬ, Ю. ХАРНЕЙ, Г. ШТУРМ

Адресат и отправитель в древнерусских письмах*

Viro venerabili

В настоящей статье представлены различные наименования, использованные в древнерусских письмах для обозначения отправителей и адресатов, — прежде всего существительные с абстрактным значением и образованные от тех же основ прилагательные.

На эпистолярный стиль всех европейских языков ощутимо повлияли греческие или латинские образцы для обозначения отправителя и адресата. В греческой эпистолографии лица обозначались абстрактными существительными (далее: АС) только начиная с III в. н. э., но при этом можно было опираться на устоявшуюся уже со времен античной трагедии традицию привлекать абстрактные наименования при упоминании и, соответственно, обозначении лиц (Zilliacus, 1949. S. 23 и след.).

В одном письме, относящемся к 263 г., содержится первое в греческой папирусной литературе абстрактное наименование, которое в качестве почетного эпитета обозначает адресата (Zilliacus, 1949. S. 40). Но слово *μέγεθος* может здесь определять также сан адресата. Этот пример характерен для начинавшегося таким образом развития значения абстрактных слов: вначале они обозначали свойства лиц, а позднее — собственно лиц; в большой группе примеров, как и в приведенном случае, между этими значениями нет четкого различия. Начиная с IV в. в греческой эпистолографии значительно увеличивается «употребление прилагательных в превосходной степени и абстрактных почетных титулов» (Zilliacus, 1949. S. 44), так что уже один из самых ранних письмовников (Псевдо-Прокла), датированный IV—VI вв. и содержащий сорок один образец писем, рекомендует для общего употребления шесть АС-почетных титулов в качестве обращения: *ἀρχίνοια, γνησιότης, διάθεσις, ἐπιείκεια, καλοκάγαθία, κτῆμονία* (Zilliacus, 1948. S. 48 и след.; Zilliacus, 1964. S. 175).¹ Пока неясно, как классифицировать некоторые из названных здесь форм обращения (подобно вышеприведенному примеру), поскольку контекст позволяет понимать их также и в качестве особенностей лиц, к которым обращаются; другие уже недвусмысленно указывают на собственно лиц. Разумеется, не все упомянутые АС остались в дальнейшем в регулярном употреблении.

Когда в IX в. был создан славянский литературный язык, греческий и латинский уже достигли совершенства в искусстве эпистолографии — с целостной системой форм для обращения и обозначения отправителя, отточенной и сформулированной в правилах риторическими школами. Христи-

* Пер. с нем. Е. Г. Водолазкина. — *Ред.*

¹ По поводу датировки ср.: Hunger. S. 200.

анское влияние, оказываемое апостольскими посланиями и сочинениями отцов церкви, издавна соединялось с античной эпистолярной традицией. Так, под христианским влиянием возрождались и достигали высочайшего расцвета тенденции выражать почтение к адресату не только посредством вежливых форм обращения, но и через проявление смирения и покорности отправителя, что встречается уже в древневосточном эпистолярном стиле.

Через некоторое время после упрочения и стабилизации византийской эпистолярной традиции славяне могли уже в самых ранних своих письмах обращаться к имеющемуся богатому фонду — насколько он был им знаком и доступен.

Что касается древнерусской эпистолярной литературы, то по поводу того, насколько это знакомство было реальным, высказывались очень разные мнения; противоположные полюса представлены, вероятно, Д. М. Буланиным (Буланин, 1991. С. 184 и след.) и Броги Беркофф. Возможно, исследования частных вопросов, подобные предлагаемому, помогут пролить свет на этот спорный вопрос.

Изучение самых ранних древнерусских писем показывает, что использование абстрактных форм (так же как и относящихся к ним прилагательных) для обозначения отправителя и адресата в собственной традиции, очевидно, уже не требовало прохождения всего пути, проделанного в греческой эпистолярной традиции. В древнейших письмах Руси в указанной функции АС уже употреблялись; вплоть до XVII в. мы встречали исключительно такие обращения-АС, для которых имеются греческие (а в большинстве случаев еще и латинские) эквиваленты² (см. нижеприведенную таблицу). Это обстоятельство позволяет сделать заключение об очень сильном греческом влиянии, которое до сих пор не было доказано для частных случаев. Тексты, переведенные на славянский с греческого (Послания апостолов — еще без АС в рассматриваемой здесь функции, но уже с прилагательными, которые позднее могли бы примкнуть к АС; письма в Кормчей и др.), которые на сегодняшний день существуют как по-гречески, так и в славянском переводе, в первую очередь, вероятно, подходят для изучения влияния норм.

Для начала рассмотрим более подробно письмо, написанное римскому папе киевским митрополитом-греком.

После крещения Руси киевский митрополитский престол был важным центром русско-греческого сближения, включавшего и культурные связи. Поэтому можно исходить из того, что это сближение повлияло, среди прочего, и на древнерусскую эпистографию: письма первых киевских митрополитов греческого происхождения вначале составлялись на их родном языке, а потом были переведены на древнерусский. По счастливому стечению обстоятельств, в нашем случае сохранились и русский, и греческий варианты письма. На одном этом примере мы рассмотрим не только абстрактные, но и все остальные формы обращения к адресату и самообозначения отправителя. Можно видеть, что в древнерусском варианте отражаются и эти формы, и другие особенности греческого эпистолярного стиля. Эти явления мы обнаружим также и в письмах последующих столетий. В качестве дополнения к сопоставлению текстов греческого и древнерусского писем мы привлечем к исследованию также латинский перевод этого же письма, относящийся к XVI в., что позволит выявить известную общность средневековых эпистолярных стилей.

² Разумеется, приведение латинских, греческих и церковнославянских или древнерусских терминов в соответствие друг с другом вместе с тем часто неоднозначно и подразумевает наличие вариантов, которые служили и стилистическому разнообразию. Для прилагательных, помещенных в наших таблицах, греческих и латинских эквивалентов мы не приводим.

Составитель рассматриваемого здесь письма (Поньрко. С. 30—35) — киевский митрополит Иоанн II, который около 1088 г. ответил на послание «антипапы» Климента III. Климент попросил Иоанна изложить свою точку зрения на спорные для Восточной и Западной церквей вопросы веры с тем, чтобы обе стороны вновь сблизились. Иоанн II упоминается в «Повести временных лет» под 1089 г. в связи с его смертью: «Бысть же Иоанъ мужъ хытръ книгамъ и ученью..., и сякого не бысть преже в Руси, ни по немь не будетъ сякъ» (ПВЛ. С. 137). То, что он был умен и начитан, подтверждает также и его письмо к Клименту.

Греческая версия письма возникла, вполне вероятно, в 80-е г. XI в., не позднее 1088 г. Русский перевод был выполнен вскоре вслед за этим, но не ранее рубежа веков. В пользу такой датировки говорит то, что в конце текста греческого письма среди лиц, которые передают Клименту свое приветствие, названы митрополиты (Μητροπολίται), в то время как в этом месте древнерусского перевода упоминаются епископы («епископи»); латинская версия, которая базируется на версии древнерусской, говорит также о епископах («Епискори»). Разница в обозначениях чина объясняется предположительно тем, что во второй половине XI в. помимо киевской митрополии существовали две титулярные митрополии в Чернигове и Переяславле, которые, однако, до конца столетия вновь были преобразованы в епископии.

Греческий текст письма дошел до нас в рукописях XIII—XV вв., древнерусский текст — в рукописях начиная с XIV в., и латинская версия представлена в печатных изданиях начиная с середины XVI в. Мы цитируем эти тексты соответственно по греческому изданию С. К. Икономоса (Икономос. С. 1—13), по русскому изданию Н. В. Поньрко (Поньрко. С. 30—35) и по латинскому изданию С. фон Герберштейна (Herberstein. S. 30—33).

В своем послании Иоанн неоднократно обращается к своему адресату, используя слова «любь»/«любовь»:

— Ἀπεδεξάμην τὴν ἐν Κυρίῳ ἀγάπην σου // Възлюбих юже о Господи любовь твою // *Dilexi decorem tuum domine...*

— τῇ ἀγάπῃ σου ἐγράψαμεν // напишемъ любви твоєи [дважды] // *ad charitatem tuam scribemus, et в другом месте: scribemus charitati tuae.* [В греческом тексте во втором случае отсутствует обращение ἀγάπη].

— παρακαλῶ τὴν ἐν Χριστῷ ἀγάπην σου // молю о Господѣ любовь твою // *Rogo te Domine* [здесь отсутствует дополнение *charitatem tuam*].

В начале письма Иоанн обращается к адресату посредством формулы: ὦ τοῦ Θεοῦ ὡς ἀληθῶς ἄνθρωπε, καὶ τῆς καθολικῆς ἅξει καθέδρας καὶ κλήσεως // человече Божии и апостольскаго достоинь сѣданья и званья // *...domine et pater beatissime. Apostolica sede ac vocatione dignissime.*

Далее мы находим в письме следующие формы обращения:

— προσαγορεύω σου τὴν ἱερὰν κεφαλὴν // целую тя... чєстную главу // *saluto te, honorando caput tuum.*

— ἐπίσκοπος τῆς σῆς ἱερότητας // епископъ вашєго священства // *beatitudinis tuae Episcopus.*

— χρῆ τὴν σὴν ἱερότητα ἐπιστεῖλαι // подобаетъ твоему священству послати // *tua beatitudo... referte... deberet.*

— ὦ ἱερὲ Πάπα // о священнии папо // [латинское соответствие отсутствует].

О себе самом Иоанн говорит, используя известные формулы покорности.

— πόρρω... τῆς ἡμετέρας εὐτελείας καὶ χθαμαλότητος // далече... нашає худости и смѣренья // *ex remotis.. ad humilitatem et paupertatem nostram.*

— κάγω, ὁ τὰ πάντα ἐλάχιστος, προσαγορεύω σου // худши азъ цѣлую тя // *ego pauper saluto te.*

— ἐν ὑστέρω γράψεις καὶ τῷ ἐλάχιστοτέρῳ, πάντων ἐμοί // проче напиши и хужышему паче всѣхъ, мнѣ // Deinde..., mihi minimo inter alios omnes rescribas.

В заключительной формуле читается следующее: Προσαγορεύω σου τὴν ἀγάπην ἐγὼ Ἰωάννης ὁ ἐλάχιστος Μητροπολίτης Ῥωσσίας // Цѣлюю тя и азъ, Иванъ худыи, митрополить руский // Saluto te ego Metropolita Russiae.

Кстати, греческая превосходная степень в русском и латинском текстах, как правило, не отражается; это касается и прилагательных, характеризующих не отправителя и адресата, а других лиц. (Вообще в исследованных нами письмах третьи лица часто обозначаются точно таким же образом, как адресат.) Такое же явление наблюдается при сопоставлении греческих и церковнославянских форм в посланиях, содержащихся в Кормчей (вероятно, к этому времени ἐλάχιστος можно относить к превосходной степени лишь формально — ср. цитированную выше вульгарную сравнительную степень ἐλαχιστότερος; но и характеризующие других лиц прилагательные превосходной степени переданы в славянском в положительной степени: ἀγιώτατος — дважды в нашем тексте, πιστότατος, θεοσεβέστατος, εὐλαβέστατος, ὀσιώτατος, θεοφιλέστατος, ποθεινότατος в церковнославянских переводах писем Кормчей). Превосходные формы исследованных нами прилагательных распространяются в текстах писем только начиная с XVI в. (например, у Максима Грека).

В рамках настоящей статьи мы не можем учитывать в привлекаемых далее эпистолярных текстах все обозначения адресатов и отправителей, отчего важные и часто встречающиеся формы существительных и прилагательных (например, такие топосы, как «грѣшникъ/азъ грѣшный»; такие титулы, как «царь», «государь», «владыка»; или же метонимические обращения вроде «свѣтъ мой», «утроба моя», «глава моя» и т. д.), которые по большей части имеют также греческие параллели (а некоторые из них — библейского происхождения), в дальнейшем не будут рассматриваться.

Было изучено около 120 текстов эпистолярной формы XI—XVII вв.; содержащиеся в них АС, обозначающие адресата или отправителя, включая прилагательные с теми же основами, были зарегистрированы и сопоставлены с соответствующими греческими, а частично и латинскими, параллелями. Приводимые ниже таблицы представляют из всего исследованного только те 86 текстов, в которых были обнаружены такие формы.³

Как и следовало ожидать, при этом оказалось, что в обращении главную роль играют выражающие почтение АС и соответствующие им прилагательные (см. приводимую ниже таблицу, например, «благородие», «величество», «святительство» и т. д.). АС и соответствующие прилагательные, которые (иногда в соединении с дальнейшими определениями) в противоположность этому должны унизить или оскорбить получателя послания, обнаруживаются лишь начиная с XVI в. (например, «твоя царская высота», «твое величество», иронически использованные Андреем Курбским, «ваше темное державство» в письме из Троице-Сергиева монастыря осаждающим полякам). С этого времени говорить о самом себе при помощи АС, выражающих почтение, может и отправитель (например, развернуто и обстоятельно указывать и свой титул), чего не допускали приняты в прежние времена топосы самоуничижения для определения отправителя (ср. ниже прежде употребительные обозначения, такие, как «наше смирение (смирный)» или «мое окаянство (окаянный)» с обозначениями, которые применяют к себе, скажем, Иван IV, вроде «честные нашия степени величества»).

³ В таблицах, а также в дальнейшем, обращения и обозначения отправителей представлены в полногласной форме, поскольку в большинстве текстов они встречаются именно так.

Обозначение как отправителя, так и адресата в некоторых случаях тесно связано с определенными группами лиц. Так, называть себя «наше смирение» могли, очевидно, только высокопоставленные духовные лица (см. таблицу: патриархи, митрополиты,⁴ архиепископы, настоятели); «мы смиренные» указывает на тот же самый круг лиц, в который, однако, включил себя однажды и Иван IV (указание на его склонность к духовному маскараду или на возникавшее иногда истинное стремление принять духовный сан?). Соответствующие греческие АС *ταπεινωσις*, *μετρίότης* и *οὐθένεια* в подобной функции появляются уже у отцов церкви, особенно часто *ταπεινωσις* используется в письмах Василия Великого. Здесь, возможно, лежат истоки такого употребления АС в греческом, поскольку в некоторых местах, например у Василия, нельзя еще четко различить, что означает уничижительная формула — особенность или личность. В качестве обычного самообозначения патриархов преобладает *μετρίότης*; *ταπεινωσις* часто употребляли митрополиты. В латинском языке АС подобного значения (*humilitas*, *medicitas*, *mediocritas*) как самоопределение духовных лиц использовались гораздо раньше, а именно уже в I и II вв. н. э. (ср.: Ziliacus, 1949. S. 77 и след.). Возможности дифференциации, которые возникают в силу наличия упомянутых синонимов греческих и латинских АС, почти сводятся на нет из-за стереотипного употребления «смирение (смиранный)» в древнерусском. Общественное положение отправителя в отношении положения адресата может быть, правда, частично, установлено при помощи других критериев, таких, например, как обозначение адресата посредством обращения «сын (нашего смирения)». Это в исследованных нами письмах имеет место лишь тогда, когда отправителем является патриарх или митрополит (в этом случае «сыном» вполне мог именоваться и великий князь, как, например, в 10). Когда же епископ или настоятель говорит о себе «наше смирение», то высокопоставленного адресата (например, великого князя в 33) он «сыном» не называет.

До XVI в. древнерусские АС, определяющие адресата и отправителя, в целом довольно тесно привязаны к определенным общественным слоям, а также топосам.⁵ Это отражает картину, наблюдающуюся в греческом языке, где уже после VI в. (кроме исключений) симпатии к многообразию форм обращения заметно уменьшились. Редуцировавшись, это изобилие отразилось в древнерусских формах, прежде всего в АС-обращениях, уменьшившись, правда, еще на несколько вариантов. Игра многогранными античными риторическими формами в России была заново открыта лишь в XVI в., о чем писал Д. М. Буланин по поводу дружеских посланий (Буланин, 1991. С. 186 и след.). Это относится и к обозначениям адресата и отправителя.

Некоторые обозначения адресата и отправителя, таким образом, преимущественно встречаются в соответствии с определенным временем или определенным лицом (см. вышеуказанные древнерусские формы превосходной степени, начиная с XVI в. распространенные шире). Такие связанные со временем формы характерны в особенности для XVII в. (см., например, диссертацию М. Брелоер). Какие формы принадлежат к эпистолярному стилю отдельных лиц, можно предполагать, основываясь на некоторых примерах из нашей таблицы (см., например, «художество» как обозначение от-

⁴ По поводу выражения «наше смирение» в самонаименовании митрополита в начале письма ср. Дмитриева С. 82 и след.

⁵ К примеру, общие средневековые топосы авторского заверения в собственной несостоятельности и смирении (ср. Curtius S. 410 и след.) являются устоявшимися литературными формулами (ср., например, в таблице АС для отправителя «неразумие») которые можно обнаружить и вне эпистолярной литературы. Подобными топосами письмо (так же как и другие литературные жанры) особенно богато в начале и конце

правителя у Епифания) или же на формах, встречающихся особенно часто (например, «нищий» как систематическое обозначение отправителя у Иосифа Волоцкого). Специальные исследования на этот счет отсутствуют.⁶

В противоположность тем обозначениям отправителя, которые могут быть «локализованы», существуют другие — такие, как, например, рассмотренное выше «смирение» или же частое обращение «благородие» для лиц, принадлежащих к княжескому роду — которые, как можно видеть, регулярно встречаются на всем исследованном временном отрезке (см. таблицу).

При исследовании обозначений для отправителя и адресата наиболее интересны, естественно, начала писем,⁷ поскольку в большинстве случаев отправитель и/или адресат упоминаются в начале письма, и поэтому большая часть представленных материалов содержится в начальной части писем (непосредственно, без такого упоминания, начинается менее 10% исследованных текстов). В начале письма к адресату обращаются по имени почти в двух третях случаев; без имени, но посредством какого-либо другого обозначения адресата (например, титулом) начинается менее 10% писем. Звательные формы в обращении регулярно встречаются до XIII в.; отдельные случаи, однако, известны и около 1500 г. Примерно в половине писем в начальной части отправитель называет себя по имени, только чуть более 5% писем называют в начале отправителя без упоминания его имени (например, посредством его титула или уничижительного оборота). Приветствия или добрые пожелания передаются в начальных фрагментах чуть более 40% писем, причем «типичное эпистолярное приветствие» «челомъ бити» в исследованном материале встречается лишь начиная с последней четверти XV в.

Окончания писем здесь отдельно не рассмотрены, поскольку для исследования данной темы они представлялись менее продуктивными.⁸

ИССЛЕДОВАННЫЕ ТЕКСТЫ

1 Игумен Киево-Печерского монастыря Феодосий — князю Мстиславу Ярославичу (между 1062 и 1074) // Понырко С 14—16

2 Игумен Киево-Печерского монастыря Феодосий — князю Изяславу Ярославичу (1069?) // Понырко С 16 и след

3 Митрополит киевский Иоанн II — папе Клименту III (до 1089) // Понырко С 30—35

4 Князь Владимир Мономах — князю Олегу Святославичу (1096) // Понырко С 45 и след

5 Епископ юрьевский Даниил — великому князю Владимиру Мономаху (между 1113 и 1121) // Понырко С 56 и след

6 Митрополит киевский Никифор — великому князю Владимиру Мономаху (между 1113 и 1121 — «О посте») // Понырко С 66—71

7 Митрополит киевский Никифор — великому князю Владимиру Мономаху (между 1113 и 1121 — «О вере латинской») // Понырко С 71 и след

8 Патриарх константинопольский Николай IV Музалон — архиепископу новгородскому Нифонту (ссылка на 1147) // Макарий (Булгаков) Т 3 С 297

9 Митрополит киевский Климент — пресвитеру Фоме (между 1147 и 1154) // Понырко С 124—137

10 Патриарх константинопольский Лука Хризверг — великому князю Андрею Боголюбскому (1166?) // Макарий (Булгаков) Т 3 С 298 и след

⁶ Ср например, Vrogi Vercoff об эпистолярном стиле Нила Сорского

⁷ Здесь мы исследуем в отдельности лишь начала писем и при этом терминологически ограничиваемся этим общим понятием чтобы избежать дальнейшей путаницы ввиду принятой и непринятой в научной литературе сложной и очень разной терминологии относительно строения письма — разной у византинистов, антиковедов славистов источниковедов и исследователей эпистолярки (ср например Jerg S 205)

⁸ За сотрудничество и консультации мы благодарим г на О В Панченко (АРАН С Петербург) за техническую подготовку машинописного варианта статьи мы благодарим г жу Штефани Рымарович (Берлин)

- 11 Кирилл Туровский — игумену Киево-Печерского монастыря Василию (1182) // Поньрко С 166 и след
- 12 Епископ александрийский Афанасий — Руфиняну (пер XII в) // Бенешевич С 554 и след
- 12а Епископ александрийский Афанасий — иноку Амуну (пер XII в) // Бенешевич С 547—553
- 13 Архиепископ александрийский Кирилл — Максиму Диакону из Антиохии (пер XII в) // Бенешевич С 560 и след
- 14 Архиепископ александрийский Кирилл — пресвитеру и архимандриту Геннадию (пер XII в) // Бенешевич С 562 и след
- 15 Архиепископ александрийский Кирилл — Домну из Антиохии (пер XII в) // Бенешевич С 564—567
- 15а Архиепископ александрийский Кирилл — епископам Ливии и Пятиградия (пер XII в) // Бенешевич С 568 и след
- 16 Епископ нисский Григорий, Каноническое послание епископу (пер XII в) // Бенешевич С 612—631
- 17 Епископ владимиристо-суздальский Симон — иноку Киево-Печерского монастыря Поликарпу (1225/26) // Поньрко С 181—186, ПЛДР Т 2 С 494, 498
- 18 Инок Киево-Печерского монастыря Поликарп — своему игумену Акиндину (до 1231) // Поньрко С 186, ПЛДР Т 2 С 514 и след, 528 и след
- 19 Инок Иаков — князю Дмитрию Борисовичу (между 1281 и 1294) // Поньрко С 199—202
- 20 Новгород — Любеку (1301) // Валк С 62 и след
- 21 Архиепископ новгородский Василий — епископу тверскому Феодору (1347) // ПЛДР Т 4 С 42—48
- 22 Патриарх Филофей — игумену Сергию Радонежскому (ок 1355) // ПЛДР Т 4 С 366
- 23 Митрополит Киприан — игуменам Сергию Радонежскому и Феодору (1378) // ПЛДР Т 4 С 430—442
- 24 Архимандрит Досифей — игумену Пахомию (после 1392) // Никольский С 142—144
- 25 Игумен Кирилл Белозерский — князю Юрию Дмитриевичу (ок 1400) // Прохоров, 1993 С 174—178
- 26 Игумен Кирилл Белозерский — князю Андрею Дмитриевичу (ок 1400) // Прохоров, 1993 С 178—182
- 27 Епифаний Премудрый (?) — своему заказчику (ок 1400) // Прохоров, 1987 С 89 и след
- 28 Епифаний Премудрый — епископу тверскому Кириллу (1415) // ПЛДР Т 4 С 444—446
- 29 Архиепископ новгородский Евфимий — в Ригу (1435?) // Валк С 108
- 30 Митрополит киевский и всея Руси Иона — князю Михаилу Андреевичу Верейскому-Белозерскому (частично анонимная версия) (между 1451 и 1460) // РФА Т 1 С 208 и след
- 31 Архиепископ ростовский Феодосий (Бывальцев) — некоему князю (письмовник) (между 1454 и 1461) // РФА Т 1 С 177 и след
- 32 Патриарх иерусалимский Иоаким — великому князю Василию Васильевичу (Темному) (1462) // РФА Т 2 С 307 и след
- 33 Архиепископ ростовский Вассиан (Рыло) — великому князю Ивану III (1480) // ПЛДР Т 5 С 522—536
- 34 Патриарх иерусалимский Иоаким — митрополиту московскому и всея Руси Геронтию (1480) // РФА Т 2 С 306 и след
- 35 Дмитрий Траханиот — архиепископу новгородскому Геннадию (1488/89) // Естеств С 71—75
- 36 Великий князь Иван III Васильевич — королю Максимилиану I (в версии письмовника) (22 з 1489) // РФА Т 2 С 239
- 37 Архиепископ новгородский Геннадий — бывшему архиепископу ростовскому Иоасафу (1489) // ПЛДР Т 5 С 540—552
- 38 Игумен Иосиф Волоцкий — епископу суздальскому Нифонту (между 1492 и 1494) // Зимин и Лурье С 160—168
- 39 Игумен Нил Сорский — игумену Гурию Тушину (прибл кон XV в) // Прохоров, 1974 С 138—141
- 40 Игумен Нил Сорский — иноку Герману Подольному (прибл кон XV в) // Прохоров, 1974 С 141—143
- 41 Игумен Иосиф Волоцкий (?) — иконописцу (ок 1500) // Казакова и Лурье С 323 и след
- 42 Королева польская Елена Ивановна — своему отцу великому князю Ивану III (1503) // ПДС С 368—372
- 43 Старцы Кириллова монастыря — Иосифу Волоцкому (кон 1504) // ПЛДР Т 6 С 358—362
- 44 Игумен Елизааровой пустыни Памфил — псковскому наместнику и всему православному христианству (ок 1505) // ПЛДР Т 6 С 318 и след

45. Игумен Иосиф Волоцкий — митрополиту Симону (1509) // Зимин и Лурье. С. 185—186.
46. Игумен Иосиф Волоцкий — великому князю Василию III (между 1513 и 1515 — О премнике) // Зимин и Лурье. С. 239 и след.
47. Игумен Ватопедского монастыря (Афон) Анфим и вся братия — митрополиту московскому и всяе Руси Варлааму (1516) // РФА. Т. 2. С. 339.
48. Старец Филофей — великому князю Василию III (между 1511 и 1521) // ПЛДР. Т. 6. С. 436—440.
49. Спиридон-Савва — своему заказчику (между 1513 и 1523) // Дмитриева. С. 159—166.
50. Максим Грек — некоему иноку (между 1516 и 1556) // ПЛДР. Т. 6. С. 456—464.
51. Федор Карпов — Максиму Греку (1518/19) // ПЛДР. Т. 6. С. 502 и след.
52. Максим Грек — Федору Карпову (1518/19) // ПЛДР. Т. 6. С. 498 и след.
53. Максим Грек (?) — великому князю Василию III (1521/22) // Ржига. С. 111—116.
54. Федор Карпов — митрополиту Даниилу (до 1539) // ПЛДР. Т. 6. С. 504—518.
55. Иван Пересветов — царю Ивану IV (1548/49) // ПЛДР. Т. 6. С. 596—600.
56. Иван Пересветов — царю Ивану IV (1548/49) // ПЛДР. Т. 6. С. 602—624.
57. Изосима — инокине Настасье (до 1550) // Соболевский. С. 3—9.
58. Максим Грек — царю Ивану IV (1551) // Ржига. С. 117 и след.
59. Андрей Курбский — царю Ивану IV (май 1564 — первое письмо) // ПЛДР. Т. 8. С. 16—21.
60. Царь Иван IV — Андрею Курбскому (1564 — первое письмо) // ПЛДР. Т. 8. С. 22—73.
61. Царь Иван IV — английской королеве Елизавете I (1570) // ПЛДР. Т. 8. С. 108—115.
62. Царь Иван IV — шведскому королю Юхану III (1572) // ПЛДР. Т. 8. С. 116—121.
63. Андрей Курбский — царю Ивану IV (70-е гг. XVI в. — второе письмо) // ПЛДР. Т. 8. С. 74—77.
64. Царь Иван IV — Андрею Курбскому (1577 — второе письмо) // ПЛДР. Т. 8. С. 78—83.
65. Андрей Курбский — царю Ивану IV (1577—1579 — третье письмо) // ПЛДР. Т. 8. С. 84—107.
66. Защитники Троице-Сергиева монастыря — осаждающим полякам (1608) // ПЛДР. Т. 9. С. 178 и след.
67. Дворянин — дворянину (письмовник) (1608/09) // ПЛДР. Т. 9. С. 533 и след.
68. Царь Михаил Федорович — английскому королю Чарльзу (13 февр. 1628) // Kononov. С. 133 и след.
69. Стефан Горчак — иноку-справщику Арсению Глухому (1636/37) // ТОДРЛ. Т. 17. С. 404 и след.
70. Царь Алексей Михайлович — митрополиту Филиппу (1652) // ПЛДР. Т. 10. С. 499 и след.
71. Царь Алексей Михайлович — князю Никите Ивановичу Одоевскому (21 нояб. 1653) // Баргнев. С. 227—236.
72. Ф. П. Морозова — протопопу Аввакуму (прибл. 1669) // ПЛДР. Т. 10. С. 580 и след.
73. Ф. П. Морозова — Анастасии Марковне (1669) // ПЛДР. Т. 10. С. 583 и след.
74. Ф. П. Морозова — протопопу Аввакуму (1669) // ПЛДР. Т. 10. С. 585.
75. Протопоп Аввакум — Ф. П. Морозовой (1669) // ПЛДР. Т. 10. С. 585 и след.
76. Патриарх Никон — царю Алексею Михайловичу (1671) // ПЛДР. Т. 10. С. 514—522.
77. Е. П. Урусова — своим дочерям Евдокии и Анастасии (прибл. 1672/73) // ПЛДР. Т. 10. С. 589.
78. Е. П. Урусова — своим дочерям Евдокии и Анастасии (прибл. 1672/73) // ПЛДР. Т. 10. С. 589 и след.
79. Е. П. Урусова — своему сыну Василию (прибл. 1672/73) // ПЛДР. Т. 10. С. 587 и след.
80. М. Борщов — А. И. Безобразову (прибл. посл. четв. XVII в.) // ПРНРЯ. С. 52 и след.
81. В. Фрей — А. И. Безобразову (прибл. посл. четв. XVII в.) // ПРНРЯ. С. 104 и след.
82. Калязинская челобитная (1677) // Адрианова-Перетц. С. 51—54.
83. Царь Петр I — курфюрсту бранденбургскому Фридриху III (1696) // Письма и бумаги. С. 85—88.
84. Царь Петр I — курфюрсту бранденбургскому Фридриху III (1697) // Письма и бумаги. С. 178.

Перечень обращений-АС

Обращения АС	Местонахождение	Прилагательные с теми же основами	Местонахождение	Примечания
архиерейство	В письме Мих Фед и Марфы к митрополиту Филарету (Breloer S 68, 84)			
благобоязнь-ство — εὐλαβεῖα — pietas	12	благобоязливый	12а, 15а	* В 12 εὐλαβεῖα дважды переведено как «благобоязньство» * В отн εὐλαβεῖα ср благоговѣйство» * В 15а εὐλαβῆς и в 12а εὐλαβέστατος (превосх степень) переведены как «благобоязливый»
благовѣрие — εὐσεβεῖα — pietas	6, 58	благовѣрный	6, 25, 26, 30, 33, 55 56 В письме патриарха Никона к Алексею Мих и его семье (Breloer S 27) Часто в письмах к Мих Фед (Breloer S 72)	* εὐσεβεῖα исполъз в обращении отцов церкви исключительно к кесарю (Ziliacus, 1964 S 177), * «благовѣрие», «благовѣрный» употребляется здесь применительно к князьям, вел князьям и царям, превосх степень — применительно к царю
благоговѣйство — εὐλαβεῖα — pietas	У Максима Грека (Буланин, 1984 С 119)	благовѣрнѣйший	58	* εὐλαβεῖα у отцов церкви самое частое обращение к духовным лицам, иногда к женщинам и даже к кесарю (Ziliacus, 1964 S 177) Встречается как обращение к мирским лицам, но также и к монастырям еще в X в (Datouzès P 133, 148) и позднее
благоразумие — εὐνομοσύνη εὐνοία θεογνώστια — (библейское benevolentia)	9, 18	благоразумивый	16	* Здесь — обращение к священнику и игумену * АС и прилагат в Библии многократно используются, но не как обращение * Греч АС (как и лат) в письмах в качестве обращения не обнаружены * В 16 пер для εὐνομοσων — «благоразумивый» * В 9 помимо обращения может также иметься в виду особенность того к кому обращаются «зѣло дивихся благоразумию твоему» (ср также «благоумие»)
благородие — εὐγενεία nobilitas	10 30, 31, 32, 33 67 69 У Максима Грека (Буланин 1984 С 119) В письме Мих Фед к своей матери (Breloer S 24) Часто — к Мих	благородный	30 31, 32, 33, 36 46 Часто в письмах к Мих Фед (Breloer S 72) В письме Мих Фед к своей матери (Breloer S 13)	* Здесь — обращение только к князьям, вел князьям, царям королям с XVII в также и к вышестоящим лицам (дворянам и священникам) прилагат с усилит приставкой — для вел князя * nobilitas в письмах папы исполъз подобным обра

(продолжение)

Обращения-АС	Местонахождение	Прилагательные с теми же основами	Местонахождение	Примечания
благородствие благородство	Фед (Breloer S 73 и след) 31 7, 33	пр̄благород- ный	10	зом — как мирской сослов- ный титул; εὐγενεῖα у отцов церкви часто использует как обращение к мирянам и женщинам, иногда также и к духовным лицам (Zilliacus, 1964 S 177, 1949 S 68)
благоумие — εὐδαμονία εὐνοία εὐγνώμοσυνη	9			* Из контекста не может быть однозначно иденти- фицировано как обращение «но на въпрос твое благоумие понужаю» (ср также «благоразумие») * Греч формы в качестве обращений не обнаружены
благоутробие — εὐσπλαγχνία — clementia	18 У Максима Гре- ка (Буланн, 1984 С 119)			* В качестве обращения εὐσπλαγχνία использует толь- ко Василий Великий и то лишь раз (Zilliacus, 1949 S 68 и след)
благочестие — θεοσεβεία εὐσεβεία — pietas	12, 18	благочестивый	48, 73, 74 В письме Фила- рета к Евдокии (Breloer S 21) Часто в пись- мах к Мих Фед (Breloer S 72) 53, 58	Прилагат читается в Биб- лии, но не в обращении * В 12 θεοσεβεία переводится как «благочестие» * εὐσεβεία у отцов церкви использ как обращение исключительно к кесарю, θεοσεβεία — к высшему духо- венству (Zilliacus, 1949 S 177) * «благочестие» в наших источниках является обраще- нием к духовному лицу, «благочестивый» — к вел князю, царю, священнику и двум женщинам, превосх степень оба раза — к вел князьям
боголюбие — θεοφιλεῖα θεοφιλία θεοσεβεία — religio pietas reverentia	15, 37, 41	боголюбивый	1, 33, 37, 69	* В 15 «боголюбие» является пер для θεοφιλεῖα * «Боголюбие» в наших источниках является обра- щением к духовным лицам, «боголюбивый» — к духов- ным лицам и вел князьям * В ранний период θεοφιλεῖα /θεοφιλία использ редко, в X в чаще и служило обра- щением только к духовным лицам (Jerg S 163, 173, Dargouzés S 100 и след, 106, 139, 299)
богочестие — θεοσεβεία — pietas	13, 15			* В 13, 14, 15 церк -слав АС переведено θεοσεβεία (ср «благочестие»), тексты обра- щены к духовным лицам
богочестивие	14			* В др -рус эпистолярных текстах не обнаружено
велетпие — μεγαλοπρε- πεῖα	У Максима Гре- ка (Буланн, 1984 С 119)			* μεγαλοπρεπεῖα — наиб частый мирской сословный титул у Феодорита (Zilliacus,

(продолжение)

Обращения-АС	Местонахождение	Прилагательные с теми же основами	Местонахождение	Примечания
— magnificen- tia amplitudo gravitas				1964 S 177), часто вообще для высоких чиновников (Jerg S 124, Dargouzes S 336) * Посредством «велеупие» обращается Варлаам к Иоасафу в ркп XIV—XV вв (Словарь древнерусского языка Т I С 379), в качестве обращения это АС приводит также Срезневский Т I Стб 233
велеумие — μεγαλονοια — magnan- imitas	У Максима Гре- ка (Буланин, 1984 С 119)	велеумный	33, 69	* μεγαλονοια у отцов церкви и позже было обращением к высокопоставл мирянам (Zil-lacus, 1964 S 177) * «велеумие» как обращение зафиксировано у Срезневско-го Т I Стб 234
величество — μεγαλειότης μεγαλοπρεπεια μεγεθος — magnitudo	33, 47, 48, 54, 62, 63, 65, 68, 83	великий	11, 30, 33, 47, 56, 65, 69, 70, 76, 82	* Двойные АС в качестве обращения, особенно частые в лат (ср Bonifatus N 31, 32, 51 и др), представляют 47 («величество святительст-ва») и 65 («величество высо-ты», здесь уже иронически) * «величество» использовано здесь для обращения к правителям и высокопоставл духовенству * «великий» часто входит в титул правителя, и в наших текстах также чаще встре-чается в этом сочетании * Ср «величество» в табл АС, обозначающих отпра-вителя
власть — εξουσια — celsitudo auctoritas	44			* εξουσια у отцов церкви — обращение к высокопоставл мирянам (Zillacus, 1964 S 177), как и «власть» в нашем примере * auctoritas, напротив, Бони-фаций (Bonifatus N 109) использует как обращение к папе К самому Бонифацию обращаются посредством celsitudo (N 47) (ср также табл АС, обозначающих отпра-вителя)
высота — υπεροχη υψος — celsitudo culmen eminentia	53, 65	пръвысочайший	Многократно к Филарету (Breloer S 61)	* «высота» здесь относится к правителю * Порой встречается «высо-костолнейший государь» в обращении к царю (от-носящееся к данному случаю АС нам неизвестно)
господство — αυθεντια — auctoritas господарство	30 32			* Титул правителя в лат чаще чем в греч и др рус

(продолжение)

Обращения-АС	Местонахождение	Прилагательные с теми же основами	Местонахождение	Примечания
держава — κρατος — maiestas державство	33, 34, 48, 53, 59 66	державный всдержавный	5, 18 33	* κρατος в Византии обозначало величие кесаря (Zilliacus, 1949 S 89), такое же значение в письме Мелетия Александрийского Федору Иоанновичу в 1597 г (Analecta S 108) * «держава» здесь обращено к правителю, один раз к наместнику, прилагат — также один раз к игумену, прилагат с усилит приставкой — к вел князю * Пример в 66 («ваше темное державство») следует Лк 22 53, где в греч читается εξουσια, в лат — potestas, в церк -слав — «область»
жалование	В письме старца Фомина к его матери (Breloer S. 33)			
кротость — επιεικεια ἡμερότης πραότης γαληνότης (?) — mansuetudo	13 69	кроткий	В письме Алексея Мих к митрополиту Никону (Breloer S 31)	* В 13 «твоя кротость» является пер употребленного в абстрактном значении субстантивир прилагат το σον ἐπιεικέс
любомудрие — φιλοσοφια — philosophia	69			* В лат и греч в качестве обращения не зафиксировано (σοφια как обращение в письме из среды схоластиков засвидетельствовано у Freisigke S 199)
любы (любовь) — ἀγαπη φιλα — caritas dilectio	3, 10 (?), 39, 41	любезный любезнѣйший прѣлюбезный любимый любивый любительный возлюбленный прѣвозлюбленный возлюбленѣйший вселюбнѣйший	77, 78, 79, 84 50 78, 79 10, 69 В письме старца Инокентия Корсакова к сыну (Breloer S 28) 12a 68 9, 12, 12a, 32, 34, 41, 50, 51, 69, 77, 78, 79 В письме Алексея Мих к митрополиту Никону (Breloer S 31) 78 В письме Филарета к Мих Фед (Breloer S 73) В письме Филарета к Мих Фед (Breloer S 74)	* АС здесь отнесено к духовным лицам и один раз к вел князю, этот случай (10), правда, лежит в пограничной сфере, где нельзя в точности определить, имеется в виду адресат или его особенность * В 12a «любивый» является пер превосх степени θεοφιλεστατος * В 12 и 12a «возлюбленный» является пер ποτεινότεατος и αγαπητός Последнее, вслед за Фил 4 i и др фрагментами апост писем, было частым * αγαπη отцами церкви исполз преимущественно в отношении епископов (Zilliacus, 1964 S 176) * В 3 «любовь» является пер αγαπη

(продолжение)

Обращения АС	Местонахождение	Прилагательные с теми же основами	Местонахождение	Примечания
мерзость	66			* В этом частном случае дословно цитируется Мф 24 15 (ср Мк 13 14, Дан 9 27, 11 31, 12 11) «мерзость запустѣнія», греч το βδελυγμα της ερημοσεως, лат abominatio desolationis
милость — φιλανθρωπια — benevolentia clementia humanitas mansuetudo affectio	42	милый милостивый	11, 71, 80 81 69 В письме Алексея Мих к митрополиту Никону (Breloer S 31) В письме Федора Андропова к литовск канцлеру Сапеге (Breloer S 29)	* φιλανθρωπια содержится уже в ранних письмах на папирусе (Zilliacus, 1949 S 76), в церк-слав этому соответствует слово «человѣколюбие», следует, однако, учитывать, что вследствие его употребления в литургич текстах как обращения к Богу в др-рус оно вряд ли исполыз как обращение к людям
мудролюбие — φιλοσοφια — philosophia	28			* Наш пример в 28 — обращение, но не к адресату, а происходит из цитаты одной беседы в письме, где оно относится к Феофану Греку * Относительно греч и лат эквивалентов ср «любомудрие»
остроумие — αἰχμησια — subtilitas providentia	33, 38	окаянный	60	* Относительно «окаянство» ср табл АС, обозначающих отправителя
прѣмудрость — σοφια φρόνησις — prudentia sapientia	33, 38	мудрый прѣмудрый	20 70	* φρόνησις у отцов церкви было обращением к епископам, шире было распространено prudentia (Zilliacus 1964 S 178)
прѣподобие — οσιότης — sanctitudo sanctitas sanctimonia прѣподобство	15 В письме Мих Фед и Марфы к Филарету (Breloer S 51, 68) 11, 18 27 50 В письме Мих Фед и Марфы к Филарету (Breloer S 68)	прѣподобный	22 В письме Мих Фед к его матери Марфе (Breloer S 13)	* οσιότης как почетный титул епископа проходит через всю патристич литературу применялся иногда и для духовных лиц более низкого ранга, sanctitas было наиб частым лат соответствием (Zilliacus, 1949 S 73) Наши примеры относятся к лицам разных духовных званий (ср Срезневский Т 2 Стб 1682)
разумѣние — συνεσις — intelligentia — eruditio	69			* У отцов церкви συνεσις чаще чем σοφια и παιδευσις (Zilliacus 1949 S 75) относится обычно к епископам * В 69 из обилия иных почетных обращений выделено посредством позиции в начале письма

(продолжение)

Обращения-АС	Местонахождение	Прилагательные с теми же основами	Местонахождение	Примечания
свѣтлость — λαμπρότης — claritas claritudo — прѣсвѣт- лѣйшество (в греч лишь прилагат υπερλαμπρος)	36, 52 83	свѣтлѣйший прѣсвѣтлѣйший	36 33, 48, 59, 83 В письме Алексея Мих к митро- политу Никону (Breloer S 28)	* λαμπρότης рассматривалось как универсальный мирской сословный титул (Zilliacus, 1964 S 177), так это и в наших примерах * С усилит приставкой «прѣ-» здесь отмечено только в обращении к правителю
святительство, — ιεράτευμα — sacerdotium	34, 35, 37, 47 В письме Мар- фы к ее сыну, митрополиту Филарету (Bre- loer S 19, 50 и след), а также в письме Мих Фед и Евдокии к Филарету (Breloer. S 50 и след.)			* Это АС распространилось как обращение к иерархам (очевидно, только в сла- вянском) вслед за 1 Пет 2 5 и 9, где оно было использо- вано уже как обращение Греч и лат внебиблейских примеров мы не нашли
святыня (свя- тыни) — αγιωσυνη αγιότης — sanctitas sanctitudo sanctimonia	34, 39, 40, 54	святѣй прѣсвятѣй святѣйший всесвятѣйший	52 В письме Никона к Алек- сею Мих (Bre- loer S 53) и наоборот (Breloer S 68) 52 54 В письме Алексея Мих к патриарху Ни- кону (Breloer S 34) Часто в пись- мах Мих Фед, Марфы и Евдо- кии к Филарету (Breloer S 61)	* αγιός, частое обращение в апост посланиях, в др-рус мы, однако же, встречали редко В 52 так обращаются к мощам митрополита Филиппа, уже почитавшегося как святого Любопытное отражение греч обычая порой обращаться к пра- вителю и членам правящей фамилии посредством αγιός мы видим в обращении Никона к Алексею Мих * «святыня», напротив, отно- сится к духовным лицам раз- ных рангов, так же как и αγιότης / αγιωσυνη, напр, у Феодорита (Zilliacus, 1964 S 176) * «святѣйший» (αγιωτατος), принятое до наст времени обращение к патриархам
священство — ιεροσυνη ιερότης — sacerdotium beatitudo священѣй- шество	3, 21 В письме Фео- лепта (1516/17) к митрополиту Варлааму (Срезневский Т 3 Стб 317)	всесвящен- нѣйший прѣсвященный прѣосвященный	47 34, 35, 38, 70, 82 В письме Алексея Мих к митрополиту Никону (Bre- loer S 28, 68) В письме Ива- на Романова к его брату ми- трополиту Фи- ларету (Breloer S 30)	* Вслед за Евр 7(?), где, однако, «священство» (iero- συνη) sacerdotium использ еще не как обращение, в наших примерах так обра- щаются к иерархам * В 3 beatitudo и «священ- ство» является пер ιερότης * Beatitudo является обраще- нием к епископам (Jerg S 159) * «прѣосвященный» (ιερωτα- τος), подобно АС, было обычным обращением к иерархам, прежде всего к ми- трополитам, но не к патри- архам

(продолжение)

Обращения-АС	Местонахождение	Прилагательные с теми же основами	Местонахождение	Примечания
совершенство — τελειότης — perfectio	54	совершеннѣй- ший	54	* τελειότης было частым обращением к епископам особенно у Василия Великого (Ziliacus, 1964 S 178), 54 также относится к митрополиту Еще в XII—XIII вв это греч АС читается в письме Мих Хониата к игумену Лукиану (Chomates S 114) * Ср также «несовершенство» в табл АС, обозначающих отправителя
царствие — βασιλεια — maiestas царство	53, 76(?) 5	царский	Начиная с XVI в часто в письмах к царям	* В Евр 18 βασιλεια (церк - слав «царствие») использовано как обращение к Богу (по образцу Пс 44 7 — Септуагинта) * У отцов церкви βασιλεια отмечается как обращение к кесарю В 1592 г его использует также патриарх Александрийский Мелетий в письме к царю Федору Иоанновичу (Analecta S 95) * В 76 трудно решить, имеется в виду адресат или его власть
честность — τιμιότης — dignatio dignitas honorificentia	51	честный честнѣйший всечестный прѣчестный прѣчестнѣйший всечестнѣйший	3, 8, 18, 20, 23, 51 30, 69 Многократно в письмах к Филарету (Breloer S 61 и след) 11 18, 30, 69 51 Многократно в письмах к Филарету (Breloer S 61) Многократно в письмах к Филарету (Breloer S 61)	* τιμιότης у Василия Великого наиб частое универс АС-обращение, кроме того, примеры его употребления находятся среди прочих у Иоанна Златоуста, Григория Великого (Ziliacus, 1949 S 75 и след), хорошо представлены они и позднее (Dargouzès S 127, 138, 357, 368)

Перечень АС, обозначающих отправителя

АС, обозначающие отправителя	Местонахождение	Прилагательные тех же основ	Местонахождение	Примечания
величество	68, 83	великий	42, 60, 61, 62, 64, 68, 71, 83	* Как и в обращениях, начиная с XVI в. «великий» и «величество» в наименовании отправителя принадлежат титулу вел. князя или царя, напр., «пресвѣтѣйший и державнѣйший великий государь, царь и великий князь Петръ Алексѣевич» в 83. * Ср. также «величество» в табл. АС-обращений.
власть — auctoritas	75 (?)			* Переходная форма от высказывания об отправителе к самонаименованию Аввакума: «бѣдная, бѣдная моя духовная власть». * Ср. церковный свод правил XIV в.: «повелѣваетъ наша власть...» (Словарь древнерусского языка Т. I. С. 445). * В письме к Бонифацию (N 60) в качестве самонаименования папа использует auctoritas. * Ср. также «власть» в АС-обращениях.
грубость — ἰδιωτισμός — rusticitas	18, 44	грубый	40, 48, 69	* Греч. и лат. эквиваленты как наименования отправителя нами не обнаружены.
		державнѣйший	83	* В соединении с титулом вел. князя и царя. * Ср. «держава» в табл. АС-обращений.
		возлюбленный	В письме Алексея Мих. к митрополиту Никону (Vreloer. S. 32).	* Ср. «любовь» в табл. АС-обращений.
младоумие	18			* В 18 Поликарп пишет Акиндину: «Да слышитъ твое благоумие моего младоумия и несовершена смысла».
недостойнство — ἀναξιώτης — indignitas	11, 37, 41	недостойный	17, 25, 72, 74	* В 1 Кор. 15:9 ὅς οὐκ εἰμι ἰκανὸς καλεῖσθαι ἀπόστολος (qui non sum dignus vocari apostolus) переводится как «иже нѣсмь достоинъ нарецися апостоль». * В одном лат. письме к Бонифацию содержится уничижит. наименование отправителя, священника: indignus et ultimus famulorum Dei famulus (Bonifatius N 36). * Это греч. АС в качестве уничижит. наименования в письмах X в. мы не обнаружили (Dargrouzès. S 96 и след., 108)

(продолжение)

Обращения-АС	Местонахождение	Прилагательные с теми же основами	Местонахождение	Примечания
неразумие — ἄγνοια	39, 41	неразумный	39	* Это подчеркивание собственного неразумия как авторский топос в христ литературе вообще (не только в письмах) восходит к Павлу (2 Кор 111 и 16, церк-слав 2 Кор 11 «безумие», греч ἀφροσύνη)
несовершенство — imperfectio	54 (?)	несовершенный	18, 19, 54	* В 54 Федор Карпов пишет митрополиту Даниилу «только исповѣдую моему не-свершению отстоаги от твоего съвршениа», после того, как им было сказано «мнѣ несвершеному» и «свершѣнѣйшему тебѣ» Здесь также мы имеем дело с переходной формой от обозначения особенности к обозначению лица (ср также «совершенство» в табл АС-обращений)
нищета — πτωχεια πενια πενιχρότης — paupertas	11, 26 (?)	нищий	25 (?), 38, 46	* «нищий» в 2 Кор 6 10 отражает πτωχός, которое равным образом обозначает не только материальную бедность; ср также Пс 39 18 (Септуагинта) «бѣдный» и «нищий» для πτωχός и πένης * Иосиф Волоцкий использует «нищий» как самонаименование почти во всех своих посланиях * В греч нам удалось найти лишь πενιχρότης в качестве самонаименования Феодора Студита (посл 387)
окаянство — ταπεινωσις — ταλαπρωια — humilitas	41, 73	окаянный	9, 25, 48, 58	* В письмах на папирусе VI в ταλαπρωια является самонаименованием (Zilliacus, 1949 S 108) * Как самонаименование Павла «окаянень» (ταλαπωρος) в Рим 7 24 и «окаянѣйший» (ἐλεεινότερος) в 1 Кор 15 9
		прѣсвѣтлѣйший	83	* См также «прѣсвѣтлѣйше-ство» в табл АС-обращений * В 83 — часть самонаименования царя
		прѣсвѣщенный	29	* В 29 — часть самонаименования новгородского архиепископа
самодержавство — αυτοκρα- τηα самодержание самодержав- тельство	60 60 В письме Ива- на Вас к патри- арху Иоакиму (Срезневский Т 3 Стб 249)			* Греч оригинал слав кальки в качестве самонаименования нам не встречался

(продолжение)

Обращения-АС	Местонахождение	Прилагательные с теми же основами	Местонахождение	Примечания
смѣрение/смирение — μετρίότης τολεινωσις ἡθαλαλότης — humilitas paupertas	3, 8, 10, 21, 22, 24, 32, 33, 34, 37, 47, 49, 60 У митрополита Филарета (Breloer S 23 и след., 76)	смѣренный/ смиранный	24, 31, 47, 49, 60, 76 У митрополита Филарета (Breloer S 76)	* Это др.-рус. АС в нашем материале встречается лишь как самонаименование высшей церковной иерархии (от архимандрита и архиепископа, за исключением вышеупомянутого случая в 60 в тексте Ивана IV) * В то время как μετρίότης у отцов церкви можно найти редко, в письмах греч. патриархов и митрополитов оно очень часто использовано как самонаименование * τολεινωσις, среди прочих, часто использовано Василием Великим и Феодором Студитом как замена «я», у первого оно иногда отражает лишь переход к этому (Ziliacus, 1949 S 78, Феодор Студит, напр., в посл. 32) * В 3 ἡθαλαλότης переводится как «смѣрение» и paupertas
убожество	67	убогий	65	* Этот пример («нашего убожества») взят из одного письма нач. XVII в., вошедшего в письмовник
художество	27			* Текст 27, по Прохорову (1987 С 89 и след.), может быть приписан Епифанию Премудрому * Эта цитата читается в начале письма «Преподобство твое испроси у нашего художества слова» Разные списки текста представляют, кроме того, варианты «худовѣство»/«худобство»/«худоство», значение вызывает споры (ср. Прохоров, 1987 С 91 и след.)
худость — ευτελεια οψικρότης — tenuitas parvitas exiguitas humilitas	3, 17, 18, 28, 39, 40, 41	худый хужьший	1, 2, 3, 41, 57 3, 17	* Все примеры являются уничтожены наименованиями в переписке духовных лиц * В 3 «хужьший» соответствует греч. ελαχιστότερος и лат. minimus, кроме того, «худость» и humilitas являются здесь пер. ευτελεια
худоумие	33	честный	62	* Этот пример в письме Вассиана Рыло к Ивану III является также пограничным случаем между обозначением особенности и уничтожены самонаименованием * Иван IV в начале письма именует себя среди прочего «обладатель честные нашия степени величества» * Ср. также «честность» в табл. АС обращений

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адрианова-Перетц — Русская демократическая сатира XVII века / Подгот текстов, статья и коммент В П Адриановой-Перетц 2-е изд М, 1977
- Бартенев — Собрание писем царя Алексея Михайловича / Издал П Бартенев М, 1856
- Бенешевич — Бенешевич В Н Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований СПб, 1906 Т 1 (Subsidia Byzantina II b Leipzig, 1974)
- Буланин, 1984 — Буланин Д М Переводы и послания Максима Грека Л, 1984
- Буланин, 1991 — Буланин Д М Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв München, 1991 (Slavistische Beiträge, Bd 278)
- Валк — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред С Н Валка М, Л, 1949
- Дмитриева — Дмитриева Р П Сказание о князьях Владимирских М, Л, 1955
- Естество — Естественнаучные представления Древней Руси М, 1988
- Зимин и Лурье — Послания Иосифа Волоцкого / Подгот текста А А Зимина и Я С Лурье М, Л, 1959
- Икономос — Οἰκονόμος Σ Κ Του οσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου, μητροπολίτου Ῥωσσίας, ἐπιστολῆ πρὸς Κλήριενα, παλαμ Ῥωθίης Ἀθηνησι, 1868 Σ 1—13
- Казакова и Лурье — Казакова Н А, Лурье Я С Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в М, Л, 1955
- Макарий (Булгаков) — Макарий (Булгаков) История русской церкви СПб, 1857—1883 Т 1—12 (переизд Düsseldorf, 1968—1969)
- Никольский — Никольский Н К Материалы для истории древнерусской духовной письменности // СОРЯС СПб, 1907 Т 82, 4 С 1—168
- ПВЛ — Повесть временных лет / Подгот текста Д С Лихачева М, Л, 1950 Ч первая ПДС — Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранных — СПб, 1882
- Письма и бумаги — Письма и бумаги императора Петра Великого I 1681—1701 СПб, 1887
- ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси М, 1978—1994 Т 1—12
- Поньрко — Поньрко Н В Эпистолярное наследие Древней Руси XI—XIII вв СПб, 1992
- ПРНРЯ — Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия М, 1965
- Прохоров, 1974 — Прохоров Г М Послания Нила Сорского // ТОДРЛ Л, 1974 Т 29 С 125—143
- Прохоров, 1987 — Прохоров Г М Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков Л, 1987
- Прохоров, 1993 — Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Изд Г М Прохоров и др СПб, 1993
- Ржига — Ржига В Ф Опыт по истории русской публицистики XVI века Максим Грек как публицист // ТОДРЛ Л, 1934 Т 1 С 5—120
- РФА — Русский феодальный Архив XIV—первой трети XVI века М, 1986—1992 Т 1—5
- Словарь древнерусского языка — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв) М, 1988—1991 Т 1—4
- Соболевский — Соболевский А И Послание епископа Симона // ИОРЯС 1909 Т 14, 1 С 1—11
- Срезневский — Срезневский И И Материалы для словаря древнерусского языка СПб, 1903 Т 1—3 (переизд 1958)
- Analecta — Analecta Byzantino-Russica / Ed W Regel Petropoli, 1891
- Bonifatius — Briefe des Bonifatius Willibalds Leben des Bonifatius Neu bearbeitet von R Rau Darmstadt, 1968 (Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters, Bd IV b)
- Breloer — Breloer M Zur Geschichte des russischen Privatbriefes in der ersten Hälfte des 17 Jahrhunderts Inaugural-Dissertation Bonn, 1964
- Broggi Bercoff — Broggi Bercoff G Zur epistolaren Kunst im russischen Mittelalter Die poslanja von Nil Sorkij // Slavistische und slavenkundliche Beiträge für P Brang zum 65 Geburtstag / Hrsg von C Goehrke, R Kemberl u a Bern u a, 1989 S 599—609 (Slavica Helvetica, Bd 33)
- Choniates — Μιχαὴλ Ἀκομινάτου του Χωνιάτου τα σωζόμενα ὑπο Σ Π Λαμπρού Groningen, 1968 Т 2
- Curtius — Curtius E R Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter 8 Aufl Bern München, 1973
- Darrouzes — Epistoliers Byzantins du Xe siècle / Edites par J Darrouzes Paris, 1960
- Herberstein — Rerum Moscoviticarum Commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein, Neyperg et Guettenhag Basiliae, 1571 S 30—33
- Hunger — Hunger H Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner München, 1978 Bd 1 S 197—239 (Handbuch der Altertumswissenschaft, 12 Abt 5, 1)
- Jerg — Jerg E Vir venerabilis Untersuchungen zur Titulatur der Bischöfe in den ausserkirchlichen Texten der Spätantike als Beitrag zur Deutung ihrer öffentlichen Stellung Wien, 1970 (Wiener Beiträge zur Theologie, Bd 26)

- Kononov — Kononov S *Twenty Russian Royal Letters (1626—34)* // *Oxford Slavonic Papers* 1958 T 8 S 117—156
- Preisigke — Preisigke F *Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden* / Bearb u hrsg von E Kiessling Berlin, 1931 Bd 3
- Theodoros Studites — *Theodorī Studitae epistulae Recensuit G Fatouros Pars prior Pars altera* Berlin, New York, 1992
- Zilliacus, 1949 — Zilliacus H *Untersuchungen zu den abstrakten Anredeformen und Hoflichkeitstiteln im Griechischen* Helsingfors, 1949 (*Societas Scientiarum Fennica Commentationes Humanarum Litterarum* 15, 3)
- Zilliacus, 1964 — Zilliacus H *Anredeformen* // *Jahrbuch für Antike und Christentum* 1964 Bd 7 S 168—182

Т. Р. РУДИ

О композиции и топике «Жития Юлиании Лазаревской»

В 1948 г. «Житие Юлиании Лазаревской» в советском литературоведении было переименовано в повесть — «Повесть об Улиянии Осорьбиной». Автор критического издания и исследователь памятника М. О. Скрипиль так сформулировал свой вывод: «„Повесть об Улиянии Осорьбиной“ была задумана и выполнена как светское повествовательное произведение — биография с элементами семейной хроники; а агиографические черты в ней — это невольная дань традиции, это свидетельство того, как трудно было писателю начала XVII в. дать идеальный образ героини без ореола „святости“». ¹ На основании этого вывода исследователь решительно отказался от общепринятых в научной литературе заглавий памятника («Житие Юлиании Лазаревской», «Житие Юлиании Муромской», «Повесть об Юлиании Муромской») и утвердил за ним условное название «Повесть об Улиянии Осорьбиной», которое, по его мнению, «точнее других передает характер этого произведения». ² К сожалению, М. О. Скрипиль не изложил в достаточной мере убедительных доводов, которые привели его к такому важному заключению, а потому его выводы не получили должного фактического обоснования. Однако в литературоведении закрепилось условно принятое им название памятника — «Повесть об Улиянии Осорьбиной». Д. С. Лихачев не раз отмечал искусственность и известную условность такого переименования. Говоря о двух муромских памятниках, «Повести об Улиянии Осорьбиной» и «Повести о Марфе и Марии», он заметил, что это все же «два агиографических произведения, которым литературоведы не совсем точно присвоили название „повестей“». ³ Возражения против трактовки жанра и переименования «Жития Юлиании Лазаревской» в «Повесть об Улиянии Осорьбиной» высказывались в последние годы и зарубежными исследователями Т. Гринаном ⁴ и Ю. Алиссандратос. ⁵

Наличие таких различных точек зрения — одновременно следствие и свидетельство жанровой неординарности «Жития Юлиании Лазаревской», с одной стороны, и неразработанности проблемы жанровой специфики

¹ Скрипиль М. О. Повесть об Улиянии Осорьбиной (Исторические комментарии и текст) // ТОДРЛ М., Л., 1948 Т. 6 С. 257

² Там же С. 272

³ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков (Эпохи и стили) Л., 1973 С. 152 См. также Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси М., Л., 1958 С. 116

⁴ Greenan T. A. *Juliana Lazarevskaya* // Oxford Slavonic Papers (New Series) 1982 Vol. 15 P. 28—45

⁵ Alissandratos Ju. 1) *New Approaches to the Problem of Identifying the Genre of the Life of Juliana Lazarevskaja* // *Cyrillicomethodianum VII Thessaloniki*, 1983 P. 235—244, 2) *A Re-assessment of the Life of Juliana Lazarevskaja in the History of Russian Literature* // *Studia Slavica Mediaevalia et Humanistica / Riccardo Picchio Dicata I Estratto Roma*, 1986 P. 1—17

древнерусской повести и жития — с другой.⁶ Безусловная жанровая синкретичность жизнеописания Ульянии Осорьиной переводит вопрос о его жанровой принадлежности из «объективной» плоскости в «субъективную»: важно не то, какие черты в нем реально преобладают — жития или повести, а то, что же писал Дружина Осорьин — житие подвижницы или светскую биографию своей матери. Ведь в средневековой литературе принадлежность памятника к тому или иному жанру определяется не только его литературными признаками и функциями, но и, в большей степени, внелитературными — его предназначением.⁷ Решить же вопрос об авторском замысле и восприятии произведения современниками можно только при комплексном исследовании текста памятника, проанализировав взаимоотношение его редакций, композиционную структуру, языковую и образную систему, а также литературное окружение его в рукописных сборниках. В настоящей статье мы обратимся к анализу сюжетно-композиционной структуры и топике «Жития Юлиании Лазаревской» как к наиболее устойчивым величинам, характеризующим жанр средневекового произведения.

Исходя из композиционной идентичности редакций «Жития Юлиании Лазаревской»,⁸ а также учитывая большую близость Краткой редакции к архетипу, изберем для нашего анализа этот вариант текста памятника.

Краткая редакция не имеет вступления и представляет собой плавно выстроенный текст, хронологически повествующий о жизни героини:

- 1) рождение блаженной Ульянии от благоверных и нищелюбивых родителей;
- 2) раннее сиротство, воспитание у родственников; стремление к аскезе с детских лет, смирение и послушание, прилежание в посте и молитвах;
- 3) замужество в 16 лет, рождение детей, ведение «домовного строения», постоянные труды, молитвы и милостыня;
- 4) первое «прещение» бесов; явление и помощь Николы Чудотворца;
- 5) гибель двух сыновей, — Ульяния просит мужа отпустить ее в монастырь; после его отказа они соглашаются жить без «плотского совокупления», а Ульяния усиливает аскезу;
- 6) глас от иконы Богородицы иерею о «домовной молитве» Ульянии и о том, что «Дух Святой на ней почивает»;
- 7) вторая сцена борьбы с бесами, помощь и благословение святого Николая;
- 8) страшный голод при царе Борисе, безмерная милостыня и обнищание Ульянии;
- 9) переселение Ульянии в «пределы нижеградские», оскудение дома Осорьиных; Ульяния отпускает холопов на волю, эпизод со сладким хлебом из лебеды и древесной коры;
- 10) болезнь и предсмертное наставление Ульянии;
- 11) честное преставление Ульянии и погребение ее у церкви праведного Лазаря;
- 12) обретение через 10 лет после смерти мощей праведной Ульянии;
- 13) исцеления и чудеса у гроба новой чудотворицы.

⁶ См. об этом Буланин Д. М. Из опыта работы над «Словарем книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ Л., 1985 Т. 39 С. 15, Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск, 1985 С. 41 и др.

⁷ См. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979 С. 55

⁸ «Житие Юлиании Лазаревской» известно в трех редакциях: Краткой, Пространной и Сводной. См. об этом Руди Т. Р. Повесть об Ульянии Осорьиной (литературная история произведения). Автореф. дис. канд. филол. наук Л., 1989 С. 7

Нетрудно видеть, что композиция жизнеописания Ульянии в основных своих элементах четко накладывается на агиографическую схему,⁹ в нем присутствуют все обязательные топосы жития святого: рождение от благочестивых родителей, стремление к аскезе с детских лет, добродетельное житие в посте и молитвах, борьба с бесами, честное преставление, исцеления у гроба. Рассмотрим подробнее некоторые составляющие житийной топикой «Жития Юлиании Лазаревской», опираясь, в основном, на агиографическую схему, предложенную исследователем греческих житий Х. М. Лопаревым.¹⁰

Заглавия всех сохранившихся вариантов текста «Жития Юлиании Лазаревской» носят агиографический характер. В Краткой редакции заглавие краткое и наиболее схематичное: «Месяца гевваря во 2-й день. Успение святыа праведныа Ульяней, муромьские чудотворицы» (л. 59).¹¹ Оно полностью укладывается в схему заглавий житий, пришедшую из византийской агиографии: название месяца и день памяти святого — название жанра памятника («успение» в Краткой и Сводной редакциях, «преставление», «житие и преставление», «житие и пошение и еже отзде преставление» в вариантах Пространной редакции) — эпитет и имя святого. Эпитет Юлиании Лазаревской — праведная¹² соответствует представляемому ею типу святости: «название ὁ δίκαιος (праведный) означает, что святой жил в мире, был мирянином».¹³

Описание рождения героини выдержано в традиционно агиографических формулах: «Во дни благовернаго царя и великого князя Иоанна Василевича всея Руси от его царьского двора бе мужь благоверен и нищелюбивъ именем Иустинъ, порекломъ Недоревъ, саномъ ключник, имея жену такову же боголюбиву и нищелюбиву именем Стефаниду Григориеву дщерь Лукина¹⁴ от града Мурома. И живяста во всяком благоверии и чистоте и имяста сыны и дщери и много богатства и рабъ множество. // От нею же родися сия блаженная Ульяния» (л. 59—59 об.). Этикетные характеристики, которыми здесь наделены мать и отец Ульянии («мужь благоверен и нищелюбивъ», «жена такова же боголюбива и нищелюбива», «живяста во всяком благоверии и чистоте»), с одной стороны, создают облик благочестивых родителей блаженной, а с другой — как бы превосходят будущие добродетели самой Ульянии — любовь к Богу («от младых ногтей Бога возлюби и Пречистую его Матерь») и нищелюбие («ни единого от просящих не отпусти тща»). Одновременно с традиционными формулами рассказ о родителях Ульянии содержит и конкретно-биографические сведения о них: отец Ульянии Иустин Васильев сын Недорев действительно служил ключником во Владимире в 1542 г.,¹⁵

⁹ О житийной композиции см Лопарев Х. М. Греческие жития святых VIII и IX веков Ч. I. Современные жития Пг, 1914 С. 15—36, Mertel H. Die biographische Form der griechischen Heiligenlegenden Diss. Munchen, 1909 S. 90 и а, Полякова С. В. Византийские легенды М., Л., 1972 С. 247—248, Боева Л. И. Проблемы русской литературы XI—XVII веков София 1985 С. 249—251, и др.

¹⁰ Лопарев Х. М. Греческие жития святых VIII и IX веков С. 15—36

¹¹ Здесь и далее Краткая редакция цитируется по списку РНБ, Q. I. 355 как основному и наиболее раннему, лист указывается в скобках

¹² Встречающийся во многих списках эпитет «преподобная» (т. е. святая из монашествовавших) возник, вероятно, из-за неверно раскрытого при переписке титла в слове «пр^вдная», однако в дальнейшем он мог восприниматься переписчиками и читателями Жития и как верный, ведь Ульяния зачастую изображается как мирянка ведущая иноческую жизнь «томит тело», творит беспрестанно Иисусову молитву и т. п.

¹³ Лопарев Х. М. Греческие жития святых VIII и IX веков С. 17

¹⁴ Исправлено по списку РНБ О. I. 25 В списке РНБ, Q. I. 355 — ошибочное чтение «Церлукина»

¹⁵ См. об этом Лихачев Н. П. Грамоты рода Осоргиных // Изв. Рус. генеалогического об-ва СПб. 1900. Вып. 1. С. 4

а мать, Стефанида, дочь Григория Лукина, была уроженкой муромской земли.¹⁶

Следующий обязательный житийный топос — стремление святого с детских лет к богоугодной жизни — также выдержан в этикетных формулах: «Сия блаженная Уляния от младых ногтей Бога возлюби и Пречистую его Матерь, помногу чтяше тетку свою и дщери ея, и имея во всем послушание и смирение, и молитве и посту прилежаше. // И того ради от тетки много сварима бе, а от дщерей посмехаема. И глаголаху ей: „О безумная! Что в толлицей младости плоть свою изнуряеши и красоту девъственную погубиши?“. И нуждаху ю рано ясти и пити. Она же не вдаяшеся воли ихъ, но все со благодарением приимаше и с молчаниемъ отхождаше, послушание имея ко всякому человеку, бе бо измлада кротка и молчалива, небуява, невеличава и от смеха и всякия игры отребашеся. Аще и многажды на игры и на песни пустошные // от сверъстницъ нудима бе, она же не приставаше к совету их и недоумение на ся возлагаше и тем потаити хотя своя добродетели» (л. 59 об.—60 об.).

Х. М. Лопарев так излагал требования агиографического канона применительно к данному топосу: «Житийный шаблон требовал говорить, что святой в юношеском возрасте не любил ни детских игр, ни зрелищ, ни конских ристалищ, ни светских песен, ни плясок, а усердно изучал Псалтирь и вообще Св. Писание, и наука давалась ему очень легко».¹⁷ Топос этот, содержащий предписания поведения житийного героя в детские и юношеские годы, состоит, как видим, из двух тем-составляющих: аскетического отречения от разного рода мирских развлечений и, второе, — постижения грамоты. Первое из этих предписаний, с естественной корректировкой на русскую среду, нашло каноническое воплощение в Житии Юлиании: «...от смеха и всякия игры отребашеся. Аще и многажды на игры и на песни пустошныя от сверъстницъ нудима бе, она же не приставаше к совету их...». Со вторым элементом топоса дело обстоит сложнее. Как показал Д. М. Буланин, обязательный для греческих житий рассказ о постижении грамоты будущим святым в русской агиографии адаптировался в соответствии с культурно-исторической средой страны.¹⁸ В «Житии Юлиании Лазаревской» этот топос тоже получил своеобразный отзвук, но лишь в форме оттапливания от требования жанрового канона. Краткая редакция Жития сообщает о том, что Уляния была неграмотна, что, вероятнее всего, и соответствовало действительности: «И вселися в ню страхъ Божий, не бе бо в той веси церкви близ, но яко два поприща, и не лучися // ей въ девичестемъ возрасте в церковь приходити, ни слышати словесъ Божиихъ почитаемых, ни учителя учаща на спасение николиже, но смысломъ бо Господнимъ наставляема нраву добродетельному» (л. 60 об.—61). Нам известна одна близкая параллель. В популярном на Руси переводном «Житии Марии Египетской» интересующий нас топос также присутствует в «отраженном» виде, привычные формулы даются как бы со знаком минус: Мария неграмотна, но ей дарованы свыше разум и знание священных текстов. Вот как она сама повествует об этом: «А книгамъ николиже не учихся, ни поюща же никогоже слышаша, ни

¹⁶ Фамилия Лукиных не раз встречается в муромских актовых материалах и Писцовых книгах XVII в. Так, в Писцовой книге г. Муром 1625 г. писца Григория Федоровича Киреевского читается имя Григория Лукина «Двор пуст же(е) муромца Григорья Яковлева сына Лукина В длину 5 сажен с четью Поперег пол 3 саж(е)ни» (РНБ, собр. А. А. Титова № 3645, л. 25 об.)

¹⁷ Лопарев Х. М. Греческие жития святых VIII и IX веков. С. 24—25

¹⁸ См. работу Буланин Д. М. Несколько параллелей к главам III—IV Жития Константина-Кирилла // Кирилло-Методиевски студии. София, 1986. Кн. 3. С. 91—107

чтуще. Слово Божие живущее, то учить человека всякому разуму».¹⁹ На наш взгляд, можно предположить, что этот рассказ послужил непосредственным источником для соответствующего фрагмента «Жития Юлиании Лазаревской», поскольку, как мы покажем далее, «Житие Марии Египетской», вне всякого сомнения, было известно Дружине Осорьину.

Рассказ о неграмотности Ульянии Осорьиной интересен двумя содержащимися в нем моментами: с одной стороны, дается вполне конкретное бытовое объяснение неискренности юной Ульянии в Священном Писании — отсутствие церкви в их селе, с другой стороны, отсутствию «внешней мудрости» героини, как и в «Житии Марии Египетской», противопоставляется внутренний благой «смысл», дарованный ей свыше. «Разум и благоверие» Ульянии еще не раз подчеркиваются в Житии: «...всемъ дивитися о ней и многимъ искушающимъ ю в речах и во ответехъ, она же ко всякому вопросу благочинень и смыслень ответ даяше. И вси дивляхуся разуму ея и славяху Бога». Пространная редакция еще более акцентирует мысль о ценности внутреннего «смысла», подкрепляя ее авторитетами церкви: «Но смысломъ благимъ наставляема нраву добродетельному, // яко же глаголет великий Антоний: „Имеющимъ цель умь не требовати Писания“. Сие слово блаженная собою исправи, и не учився книгамъ, ни учителемъ наставляема, еще в девственномъ возрасте вся заповеди исправи и аки бисерь многоценень посреде цветящесе тины, о благочестии подвизаяся, и желаше слышати слово Божие, но сего никакоже в девичестве получи».²⁰ В другом же эпизоде Ульяния изображается даже как толкователь божественных книг, не уступающий в мудрости философам и книжникам: «Книгамъ бо аще и не училася, но любя Божественныхъ книгъ чтения послушати, и еже аще кое слово слышаше, и толковаше вся неразумная словеса, аки премудр философъ или книжникъ».²¹ Здесь, по-видимому, мы имеем дело с прямым отголоском традиционной формулы византийского агиографического канона об освоении святым «внешних наук», хотя и в трансформированном, «отраженном» виде. «Топика, составляющая наиболее устойчивый, статичный элемент культуры, редко исчезает бесследно: этикетные формулы обладают удивительной способностью долго существовать подспудно, на периферии культурного сознания, проявляясь неожиданно в прежнем или модифицированном виде».²² В подтверждение тезиса о том, что византийский «топос о высшем образовании святого, опускавшийся в древнерусских житиях, сохранился в этикетном мышлении русского средневекового писателя», Д. М. Буланин показал и прокомментировал отражение этого топоса в различных интерпретациях в житиях Стефана Пермского, Евфросинии Суздальской, инока Епифания, Андрея и Семена Денисовых.²³

Интересную трактовку получил в «Житии Юлиании Лазаревской» топос об отношении святого к браку. Известно, что «подавляющее число святых бежало брака <...> и жило полными аскетами».²⁴ Ульяния же, как мы знаем из Жития, в 16 лет была выдана замуж и родила в браке 13 детей.²⁵ Казалось бы, факты реальной биографии Ульянии Осорьиной дела-

¹⁹ Цит по ВМЧ Апрель Дни 1—8 Тетрадь 1 М, 1910 Стб 27

²⁰ РНБ, Ф 1 261, л 735 об —736

²¹ Там же, л 744 об

²² Буланин Д М Несколько параллелей к главам III—IV Жития Константина-Кирилла

С 100—101

²³ Там же С 101—107

²⁴ Лопарев Х М Греческие жития святых VIII и IX веков С 25

²⁵ Из текста Жития известно, что из 13 детей Ульянии и Юрия Осорьиных 6 умерли в младенчестве, а остались в живых только 7 дочь инока-схимница Феодосия и шестеро сыновей. Имена пяти из них нам известны из Родословной Осоргиных XVIII в, хранящейся в Российской государственной библиотеке Дружина, Юрий, Иван, Дмитрий, Никита (РГБ ф 215 (фонд Осоргиных), III ед хр 7, л 1 об —2)

ли совершенно невозможным для ее агиографа-сына использование в этом случае житийной топики, однако мотив безбрачной жизни в «Житии Юлиании Лазаревской» все же звучит: из предсмертного слова святой мы узнаем, что она внутренне стремилась к иноческой жизни: «Желаниемъ возжелаша ангельскаго образа иноческаго, не сподобихся грех моих, нищеты ради, понеже недостойна быхъ, грешница съи убогая» (л. 72 об.). В Пространной редакции Жития этот мотив еще более усилен: цитированная фраза расширена словами «еще от юности моя», тем самым «желание ангельскаго образа» распространено на всю жизнь героини, из чего следует заключить, что Уляния, как и другие святые, мечтала в юности о безбрачной монашеской жизни. Бесспорная литературная «этикетность» этого последнего монолога снимает вопрос о соотношении этого рассказа с действительностью: независимо от того, произносила ли эти слова перед смертью Уляния Осорьина, их должна была произнести, в соответствии с агиографическим каноном, блаженная Юлиания Лазаревская. Впрочем, в Житии есть еще один эпизод, в котором говорится о стремлении Улянии к иноческой жизни: после смерти двух взрослых сыновей она «моли мужа отпустить ю в монастырь, и не отпусти, но совещашия вкупе жити, а плотнаго совокупления не имети» (л. 66). Такой тип отношения супругов — воздержание в браке по взаимному соглашению — является одной из традиционных моделей реализации в житиях топоса об отношении святого к браку. Интересно, что Х. М. Лопарев, особо выделивший эту «вариацию», привел в пример помимо греческих святых имена трех русских подвижников: Макария Калязинского, Евфросинии Полоцкой и Юлиании Лазаревской.²⁶

Обращает на себя внимание наличие в Житии Юлиании еще одного традиционно-агиографического мотива, несколько неожиданного в жизнеописания мирянки, — аскезы. С ранней юности Уляния строго соблюдала посты, молилась ночи напролет, «томила тело». С годами она только усиливала прилежание в посте и молитвах, а после «разлучения плотня» с мужем уподобилась в своем подвижничестве монахам-аскетам: спала «на печи без постели, // точию дрова острыми странами к телу подстилалаше, и ключи железны под ребра своя подлагаше, и на тех мало сна приимаше, дондеже рабы ея усыпаху, и потом вставаше на молитву во всю ночь и до света» (л. 66—66 об.). Когда же муж ее умер, Уляния «и паче мирская отверже», усилив аскезу еще больше: стала ходить зимой без теплой одежды, обувать сапоги на босые ноги, подкладывая вместо стелек «ореховы скорлупы и чрепие острые». Интересно, что в Пространной редакции Жития этот мотив «томления тела» получил дополнительный акцент на композиционном уровне. Во всех трех редакциях памятника рассказывается о том, что юная Уляния была «посмехаема» своими сестрами за добродетели: «О безумная! Что в толлицей младости плоть свою изнуряеши и красоту девьственную погубиши?». В Пространной редакции этот их вопрос получил «зеркальное отражение» в рассказе о старости героини. Соседи, знающие, что Уляния подкладывает в сапоги ореховую скорлупу и черепки, говорят ей: «Что в такой старости тело свое томиши?». Образующаяся таким образом кольцевая композиция и сюжетная симметрия²⁷ безусловно усиливали мотив аскезы, распространяя его звучание на всю жизнь героини.

²⁶ Лопарев Х. М. Греческие жития святых VIII и IX веков. С. 25—26.

²⁷ В «Житии Юлиании Лазаревской» есть и другие симметрично расположенные парные эпизоды: и в юности, и в старости Уляния вынужденно не ходит в церковь по одной и той же причине: «не бе бо в веси той церкви близ, но яко два помрища» (примечательно, что речь идет о двух разных селах, одно из них — в муромских землях, другое — в нижегородских), дважды нарисована сцена борьбы с бесами и заступничество святого Николая, с той лишь разницей, что в первом случае действие происходит во сне героини, а во втором — наяву Ин-

Описывая один из последних обязательных этикетных моментов житийной схемы — предсмертное наставление святого, Х. М. Лопарев дал его характеристику только в отношении святого — настоятеля монастыря: «В случае, когда идет речь о святом настоятеле монастыря, риторические руководства полагали необходимым говорить, что святой, чувствуя близость кончины, собирал к своей постели братию и преподавал ей наставление и завещание о том, как надо жить, молиться, в точности исполнять устав монастыря и пр.»²⁸ Ульяния Осорьина не была ни настоятельницей монастыря, ни даже простой инокиней, тем более удивительно то соответствие требованиям канона, с которым описаны в Житии ее предсмертные часы: «Генваря въ 2-й²⁹ день, свитающу дню, призва отца духовнаго и причастия святыхъ тайнь, и седь, призва дети и рабы своя, и поучая о любви, и о молитве, // и о милостыни, и о прочихъ добродетелех. <...> И тутъ повеле уготовити кадило, и фимиям положить, и целова вся суцая ту, и всемъ мир и прощение дасть, возлеже, и прекрестися 3-ж(ды), обьявивъ четки около руки своя» (л. 72—72 об.). Все традиционно в этом описании, только вместо монастырской братии Ульяния призывает для последнего наставления своих детей и слуг — тех, чьей наставницей она была в жизни. Есть в этом фрагменте и еще один штрих, выходящий за рамки этикетных требований, — последний жест Ульянии: перекрестившись трижды, она обвила четки вокруг своей руки. Эта трогательная деталь, конечно же, вызывает в памяти еще один «женский» жест другой муромской святой, Февронии Муромской. В сцене преставления Феврония шьет воздух для церковного потира, но, услышав троекратный зов своего супруга Петра о том, чтобы им умереть вместе, она оставляет шитье незаконченным, воткнув иглу и аккуратно обернув вокруг нее нить: «Она же остаточное дело воздуха того святого шияше, уже бо единого святого риз еще не шив, лице же нашив, и преста, и вотче иглу свою в воздух, и преверте нитью, еюже шияше. И послав ко блаженному Петру, нареченному Давиду, о преставлении купнем. И, помоливши, предаста святая своя душа в руке Божии месяца июня в два десять пятый день».³⁰ Д. С. Лихачев назвал этот «лаконичный и зрительно ясный» жест Февронии драгоценным: «Чтобы оценить этот жест Февронии, обвертывающей нить об иглу, надо помнить, что в древнерусских литературных произведениях нет быта, нет детальны́х описаний — действие в них происходит как бы в сукнах. В этих условиях жест Февронии драгоценен, как и то золотое шитье, которе она шила для святой чаши».³¹ Дружина Осорьин, житель Муром, не мог не знать Жития Петра и Февронии, самых почитаемых святых муромской земли. Но даже вне зависимости от того, осознанно или нет автор «Жития Юлиании Лазаревской» передал своей героине жест Февронии Муромской, в читательском сознании невольно возникает эта параллель, сближающая образы двух муромских святых жен.

Последний топос, завершающий сюжетную часть всякого жития, — описание кончины святого. Х. М. Лопарев пишет, что после последнего

тересно отметить, что принцип симметричного построения сюжета и композиции является основным стилистическим приемом в другом муромском памятнике — «Сказании об Унженском кресте» («Повести о Марфе и Марии») См об этом Буслаев Ф И Идеальные женские характеры Древней Руси // Буслаев Ф И Исторические очерки русской народной словесности и искусства СПб, 1861 Т 2 С 249, Истоки русской беллетристики Л, 1970 С 515, Брун Т А К вопросу о возникновении Сказания об Унженском кресте (Повести о Марфе и Марии) // Источниковедение литературы Древней Руси Л, 1980 С 216—220

²⁸ Лопарев Х М Греческие жития святых VIII и IX веков С 30—31

²⁹ Исправлено в рукописи РНБ, Q I 355 ошибочное чтение «4-й»

³⁰ Повесть о Петре и Февронии / Подгот текста и исследование Р П Дмитриевой Л, 1979 С 221

³¹ Лихачев Д С Человек в литературе Древней Руси М 1970 С 95

напутствия святой «умирал обыкновенно с евангельскими словами на устах: „в руки Твои предаю дух мой“. От тела распространялось благоухание, и над телом почившего с наступлением ночной темноты появлялся свет, иногда слышалось ангельское пение. Весь город или все иноки и жители окрестных весей стекались на погребение святого и многие из недужных тут же получали исцеление».³² Обратимся к Житию Юлиании. После наставления ближних святая «последнее слово рече: „Слава Богу всех ради. В руке твои, Господи, предаю дух мой, аминь“. И предать душу свою в руке Божии, // егоже возлюби. И вси видевше около главы ея круг златъ, яко же на иконах околь глав святых пишется. И омывше, положыше ю в клетѣ, и в ту ночь видеша свет и свеча горяща, и благоухание велие повешаше ис клетки тоя» (л. 72 об.—73). В этом описании находим три обязательных элемента, составляющих первую часть топоса о преставлении святого: Ульяния повторяет предсмертное восклицание Христа «Отче! в руке Твои предаю дух Мой» (Лк. 23:46),³³ заменив лишь обращение «Отче» на «Господи»; от гроба с ее телом «благоухание велие повешаше», а ночью рядом с ним виден свет и горящие свечи. Вторая часть топоса — о стечении ко гробу людей и исцелениях также присутствует в «Житии Юлиании Лазаревской», но читается чуть позже, в сцене обретения мощей: «В ту же ночь мнози слышаху у церкви тоя звонъ и мнеша пожаръ и, прибежаше, не видеша ничтоже, точию благоухание исхождаше. И мнози слышавше, и приходядаху, и мазахуся миром тем, и облегчение от различных недуговъ приимаху. Егда же миро то раздано бысть, нача подле гроба исходити персть, аки песок. // И приходять болящии различными недуги, и обтираются пескомъ темъ, и облегчение приемлютъ и до сего дня» (л. 74 об.—75).

Сцена обретения мощей, важная в агиографической схеме, в «Житии Юлиании Лазаревской» интересна соотношением в ней реальных и этикетных черт. Один из эпизодов этой сцены, собственно момент обретения гроба, уже привлекал внимание исследователей. Напомним этот эпизод: «И бысть в лето 7122-го августа в 8 день преставися сынъ ея Георгий. И начаша въ церкви копати ему могилу в притворе между церковию и пещию, бе бо притворъ той без моста, и обретьше гробъ ея на верху земли цель, невреждень ничимъ. И недоумеваху, чий есть, яко от многихъ лет не бе ту погребяемаго» (л. 73 об.). По мнению А. М. Панченко, здесь «автор жития совершил этикетное насилие над реальностью».³⁴ Описание недоумения присутствующих в данном случае — дань канону, который «в такой ситуации предусматривал „недоумение“ (никто из присутствующих не помнит, кого и когда здесь погребли) и благоговейный „ужас“ (от знаменья, удостоверяющего святость мощей, покоящихся в гробу)».³⁵ Канон выдержан, пишет А. М. Панченко, однако «мы вправе не доверять „недоумению“ автора», ведь не мог сын забыть, где зарыто тело его матери.³⁶ Д. М. Буланин отметил также, что в этой сцене «перед нами налицо этикетный мотив, возможно, впрочем, отражающий этикетное поведение средневекового человека в самой жизни».³⁷ Действительно, сцена обретения мощей в «Житии Юлиании Лазаревской» написана в полном соответствии с этикетом: Дружина Осорбин должен был описать недоумение присутствующих в момент обретения мощей его матери — и он описал его. Отметим лишь, что «эти-

³² Лопарев Х. М. Греческие жития святых VIII и IX веков. С. 31—32.

³³ Ср. Пс. 30, 6.

³⁴ История русской литературы. В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 308.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 308—309.

³⁷ Буланин Д. М. Из опыта работы над «Словарем книжников и книжности Древней Руси». С. 12.

кетному» чувству автор дал вполне реалистическое, бытовое объяснение: гроб был найден на поверхности земли целым, ничем не поврежденным, а потому все недоумевали — чей бы это? — ведь уже многие годы здесь никого не хоронили.

Итак, «Житие Юлиании Лазаревской» композиционно выстроено по агнографическим законам и включает в себя все основные агнографические топосы. Кроме того, оно содержит и такие обязательные атрибуты житийного жанра, как видения (явление Николая Чудотворца) и глас (от иконы Богородицы), борьба с бесами, чудесные предзнаменования у гроба (золотой круг над головой Ульянии, «яко же на иконах околь глав святых пишется»), явления святой (в Пространной редакции повествуется о том, что Ульяния после смерти явилась в ту же ночь «единой рабыни и повеле отвезти тело свое въ пределы муромския»), чудеса и исцеления у гроба.

Одновременно с этим необходимо отметить, что традиционные агнографические топосы в «Житии Юлиании Лазаревской» иногда получают конкретно-бытовые, психологические или реалистические трактовки и комментарии. Так, в описании первой сцены борьбы с бесами Ульяния ведет себя отнюдь не в соответствии с агнографическим каноном: «Во едину же нощь воставъ по о//бычаю на молитву без мужа, беси же страхъ и ужась великъ напущаху ей. Она же, млада еще и неискусна такой, убоясь и ляже на постели, усну крепко» (л. 62 об.—63).

Основная черта, которая выделяет «Житие Юлиании Лазаревской» в ряду агнографических памятников, — характер подвига героини: как святая прославляется женщина-мирянка за каждодневные труды и безмерную милостыню:³⁸ «Она же в те времена по вся нощи без сна пребываючи, в мольбахъ и в рукоделии, в прядиве и в пяличном деле. И то продавъ, нищимъ цену даяше и на церковное строение» (л. 62). Такое уравнивание домашних трудов и молитвы как равных подвигов благочестия было бы вряд ли возможно в традиционном похвальном житии.³⁹ С другой стороны, вспомним, что труд является одной из самых важных добродетелей таких почитаемых русских святых, как митрополит Филипп, Пафнутий Боровский, Сергей Радонежский, что неоднократно и акцентированно подчеркивается в их житиях. Поэтому устоявшееся мнение о нетрадиционности подвига Юлиании Лазаревской в известной мере относительно. Ведь вообще трудолюбие — характерная черта, отличающая русских святых.⁴⁰

Думается, что перечисленные агнографические топосы, которые в «Житии Юлиании Лазаревской» подчас получали конкретные бытовые или психологические трактовки, являлись, по всей видимости, не только элементами

³⁸ Юлиания Лазаревская — своего рода исключение в перечне святых жен Древней Руси, большинство из которых либо были инокинями, либо принадлежали к княжескому роду. Ф. И. Буслаев в статье «Идеальные женские характеры Древней Руси» дал «перечень всех святочтимых женщин Древней Руси», составленный им на основании «Книги глаголемой о Российских святых, где в коем граде, или области, или в монастыре, или в пустыни поживе и чудеса сотвори, всякого чина святых». По окончании этого списка он отметил: «Из перечня русских женщин, местно чтимых, явствует следующее. Во-первых, почти все они княжеского рода. Исключения так ничтожны, что кажутся чистою случайностью. Во-вторых, при святочтимом супруге чувствуется очень часто и его жена. В-третьих, иногда чествование простирается на целую фамилию, на сестер, дочерей, даже на снох» (Буслаев Ф. И. Идеальные женские характеры Древней Руси. С. 244—245). Действительно, из 29 названных им святых жен лишь 5 не являются княгинями или инокинями, причем о двух из них ничего не известно (Гликерия Новгородская и Евфросиния Шуйская), две другие чтятся совместно — с мужем (Иоанн и Мария Устюжские) или с братом (Гавриил и Анастасия Василевские), пятая же — Юлиания Лазаревская.

³⁹ См. об этом: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 105—106.

⁴⁰ Приношу глубокую благодарность Д. С. Лихачеву, обратившему мое внимание на эту особенность русских житий.

жанрового канона, но и отражали в определенной степени этикетное поведение Ульянии в жизни.

Проведенный анализ композиционной структуры памятника, а также использованных в нем житийных топосов позволяет заключить: вывод М. О. Скрипиля о том, что «„Повесть об Ульянии Осорьиной“ была задумана и выполнена как светское произведение — биография с элементами семейной хроники»,⁴¹ не обоснован.⁴² Интересно, что одним из доводов в пользу своего вывода М. О. Скрипиль считал фразу «Скажу же вам повесть дивну, бывшую в роде нашем», которая, по его предположению, могла начинать «записки» Дружины Осорьина.⁴³ В другом случае исследователь писал: «В ряде списков повести мы читаем: „Скажу же вам повесть дивну, бывшую в роде нашем“. Принадлежат ли эти слова Дружине Осорьину или они написаны позже одним из редакторов повести — решить трудно, но они прекрасно характеризуют одну из особенностей повести: жизнь Ульянии описана в ней в связи с жизнью ее предков, родных ее мужа и ее детей — „рода“. Эта особенность еще больше отдаляет повесть от агиографического жанра, тем более, что все это родственное окружение — чисто светские люди».⁴⁴ На наш взгляд, такая трактовка фразы о «роде нашем» (как заявки на повествование в духе семейной хроники) неправомерна, а весь пассаж М. О. Скрипиля по этому поводу требует особого комментария.

Фраза «Скажу же вам повесть дивну, бывшую в роде нашем» не была и не могла быть начальной фразой «Жития Юлиании Лазаревской». Дело в том, что она завершает собой традиционно-агиографическое предисловие, которым предваряется текст Основного варианта Пространной редакции Жития. (Отметим в скобках, что при публикации этого варианта текста Жития М. О. Скрипиль посчитал возможным опустить предисловие за исключением его последней фразы, вырвав ее тем самым из контекста и сделав «начальной» фразой памятника).⁴⁵ Предисловие это традиционно, оно содержит обычные для житийного предисловия мотивы (авторское самоуничижение, мотив евангельской притчи о рабе, скрывшем в землю данный ему Господом талант, и др.) и, безусловно, ориентировано на образцы. Один из них мы можем назвать: это предисловие к «Житию Марии Египетской». Заключительный фрагмент этого предисловия, включая фразу о «роде нашем», почти без текстуальных изменений вошел в предисловие к «Житию Юлиании Лазаревской». Приведем оба текста в сопоставлении:

«Житие Марии Египетской»

«Не буди бо мнѣ лгати на святѣа Аще ли суть етери и чтуеши книги сиа, и высотѣ чудесѣ⁴⁶ дивящеся, и не хотяще вѣровати, — да будет милость Господня Тѣ бо, немощи челоуѣчскыа помышляюще, не приатна творят нам глаголемаа о челоуѣцех То уже подобно ми есть начати повѣсть и вещь предивну, бывшую в родѣ нашемъ»⁴⁷

«Житие Юлиании Лазаревской»

« не буди бо ми лгати на святѣа Аще ли етери, написание сие слышавше и высоте словес дивящеся, не восхотят веровати, буде им милость Господня Тии бо немощь челоуѣческую помышляют и неприятно творят глаголемое о челоуѣцех < > // Скажу же вам повесть дивну, бывшую в роде нашем»⁴⁸

⁴¹ Скрипиль М. О. Повесть об Ульянии Осорьиной С. 257

⁴² Полемизируя с М. О. Скрипилем, мы в полной мере осознаем существование в 1948 г. того экстранаучного фактора, который в той или иной степени неизбежно определял общую тональность его работы

⁴³ См. Скрипиль М. О. Повесть об Ульянии Осорьиной С. 272

⁴⁴ Там же С. 260

⁴⁵ Там же С. 284–323

⁴⁶ Вариант чтения в списках — «словеси» что соответствует греческому τοῦ λόγου

⁴⁷ Цит. по ВМЧ Апрель Дни 1—8 Тетрадь 1 Стб. 7

⁴⁸ Цит. по ркп РНБ F 1 261 л. 734—734 об.

Таким образом, очевидно, что фраза о «роде нашем» в предисловии к «Житию Юлиании Лазаревской» — это реминисценция, а потому она не должна рассматриваться в непосредственной связи с родом Осорьиных. В житиях обеих святых речь, по-видимому, идет о роде человеческом вообще, что более соответствует средневековому мировосприятию. Подтверждением этому может служить заглавие другого варианта Пространной редакции — варианта с послесловием. Вариант этот вторичен по отношению к Основному, предисловие переработано в нем в послесловие, а интересующая нас фраза переместилась в заглавие в значительно измененном виде: «Скажу же вам повесть дивну в последнем сем роде в нынешняя времена суетная».⁴⁹

В заключение хотелось бы высказать еще одно соображение. При характеристике жанра средневекового памятника помимо литературных критериев непременно должны учитываться и критерии внелитературные: на наш взгляд, невозможно представить себе причину, по которой в первой трети XVII в. древнерусский книжник решил бы написать светскую биографию своей матери после того, как были обретены ее нетленные мощи, обладающие даром исцеления. Жизнеописание Ульянии Осорьиной создавалось, вне всякого сомнения, как агиографическое сочинение — «Житие Юлиании Лазаревской», призванное достоверно и убедительно описать и прославить жизнь и чудеса муромской подвижницы.

Думается, настало время вернуть произведению Дружины Осорьина право на жанровое самоопределение: возратить его первоначальное название — «Житие Юлиании Лазаревской».

⁴⁹ Цит по ркп. ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 124(225), л. 500.

Е. В. МАРКАСОВА

К вопросу о соотношении древнерусской литературной традиции и поэтики польского барокко в виршах Симеона Полоцкого

В процессе становления русского литературного языка важную роль сыграли межславянские языковые и культурные контакты. Исследователи указывали, в частности, на большое значение юго-западной книжности и, соответственно, влияние польского и белорусского языков на языковую ситуацию в России XVII в.¹ Одной из интереснейших фигур в истории русской литературы представляется Симеон Полоцкий — первый писатель-профессионал, создававший тексты и на польском, и на церковнославянском, и на латинском языках, каждый из которых был понятен просвещенному читателю XVII в.

Симеон Полоцкий, обучавшийся в Киево-Могилянской Академии и Виленской иезуитской Академии,² в 1664 г. обосновался в Москве, где и развернулась его просветительская, литературная и книгоиздательская деятельность. Писатель получил широкое признание современников и потомков, оставаясь даже в XIX в. в поле зрения литераторов: известны, например, случаи использования его произведений В. А. Жуковским (две стихотворные повести 1841 г.), А. Н. Майковым (стихотворная сказка «Три правды»), П. И. Мельниковым-Печерским (роман «В лесах»³).

Мы сопоставим некоторые тематически близкие тексты, написанные Симеоном на церковнославянском и польском языках, в контексте проблемы их популярности в России. Весьма примечательно, что в Юго-Западной Руси польский язык являлся более легким для понимания,⁴ чем церковнославянский, а при дворе Алексея Михайловича были равно понятны оба языка. Отметим, что популярность произведений Симеона Полоцкого распространялась и на старообрядческую среду. «Жезл правления», изданный в 1667 г. тиражом 1200 экземпляров, был интересен старообрядцам не только как объект для критики, но и вследствие включения в него фрагментов Челобитной Никиты Добрынина и «Свитка» попа Лазаря, полные тексты которых не были доступны массовому читателю.⁵ Вирши Симеона Полоц-

¹ Берков П. Н. Русско-польские связи в XVIII в. М., 1958; Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1982; Успенский Б. А. Краткий очерк истории литературного языка (XI—XIX вв.) М., 1994 С. 70—77

² См. подробнее Юсим М. А. Книги из библиотеки Симеона Полоцкого — Сильвестра Медведева // ТОДРЛ. Л., 1993. Т. 47. С. 312—328

³ Сидорова Л. П. «Повесть о Варлааме и Иоасафе» в издании Симеона Полоцкого // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 134—140

⁴ Успенский Б. А. Краткий очерк. С. 82

⁵ Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. СПб., 1995. С. 112, 236

кого переписывались как анонимные и включались старообрядцами в сборники духовных стихов. Среди светских песен, пришедших на Русь в середине XVII в., можно, вслед за А. В. Позднеевым,⁶ назвать две песни, автором которых был Симеон: «Отроче юный, от детства учися» (о школьной учебе) и «Радуйся Богу Господеви, помощнику прѣвѣлико» (поздравление). Критика современников была направлена на содержание (отзывы протопопа Аввакума, соловецких книжников Никанора и Геронтия о «Жезле правления»); манеру изложения (мнение Лудольфа о «Псалтири рифмотворной», «Вертограде многоцветном», «Обеде душевном» и «Вечере душевной»);⁷ выбор жанра и темы (отношение ряда авторов к самому замыслу «Псалтири рифмотворной» как к ереси). Вся эта критика в общем не препятствовала популярности указанных произведений, а, скорее, свидетельствовала о росте интереса читателей к творчеству книжника. Примечательно, что наличие полонизмов в его текстах критических замечаний, как правило, не вызывало. Частично это объяснялось близостью некоторых установок Симеона Полоцкого древнерусской литературной традиции, которая предполагала использование этикетных формул, обилие библейских цитат, морализаторство, обращение к «вечным темам», афористичность. Например:

Монаху подобает в келии съдѣти,
во постѣ молитися, нищету терпѣти,
Искушения врагов силно побѣждати,
и похоти плотския труды умерщвляти.⁸

«Свою европейскую схоластическую ученость Симеон легко приспособил к русским традициям, уважая приверженность „старинному благочестию“».⁹ Однако наше внимание привлекло стихотворение, оставшееся неизвестным русскому читателю. Сам автор не предпринял никаких шагов к тому, чтобы сделать его популярным, при том, что возможности организатора Верхней типографии, пользовавшегося расположением Алексея Михайловича, в этом смысле кажутся практически неограниченными. Рассматриваемый текст относится к раннему периоду творчества писателя.

Człowiek jest bombol, szkło, lod, bajka, proch, siano,
sen, punel, głas, dzwięk, wiatr, kwiat, nic by go krolem zwano

(«Homo»)¹⁰

Написанное в духе поэтики барокко стихотворение Симеона Полоцкого «Homo» — картина «пестрого мира», элементы которого равноправны и изменчивы. Поскольку Симеон Полоцкий, выпускник Киево-Могилянской Академии, следуя традициям ораторского искусства, стремился к максимальному использованию ресурсов языка, для понимания текста необходим анализ этимологических связей и возникающих на их основе семантических единств. Стихотворение включает в себя семантические ряды, понятные всякому поэту эпохи барокко. Bombol символизирует быстротечность жизни,

⁶ Позднеев А. В. Польско-русские литературные связи М., 1970 С. 56—70

⁷ Лудольф Генрих Вильгельм Русская грамматика Оксфорд 1696 / Переизд., пер. вступ. статья и примеч. Б. А. Ларина // Материалы и исследования по истории русского языка Л., 1937 Т. 1

⁸ Симеон Полоцкий Вертоград многоцветный // ПЛДР XVII век Кн. 3 М., 1994 С. 108

⁹ Былинин В. К. Poesia docta Симеона Полоцкого // Естественнонаучные представления Древней Руси М., 1988 С. 260

¹⁰ ЦГАДА, ф. 381, № 1800, л. 113 об., Симеон Полоцкий. Вирши / Под ред. В. К. Былиннина. Минск, 1990 С. 193. Перевод В. К. Былиннина передает идею равноправности и равновеликости составляющих текста, однако барочная специфика стихотворения не предполагает однозначности характерной для перевода «Человек есть пузырь, стекло, лед, небыллица, прах, сено, сон, грош, глас, звук, ветр, цветок, ничто, чтоб его и королем называли»

«он сходен еще и с хрустальной сферой, а значит, с человеческим сознанием; жизнь исчезает, как мыльный пузырь, и, как цветок, увядает»¹¹ (ср.: «и что же суть титулы: мрак, тма, вѣтр, и сѣни, пузырь водный, пыщащая скорья отмыны», — Стефан Яворский).¹² Текст актуализирует семантические связи, опирающиеся на этимологию: *bombol* — пузырь на коже, в литовском ср. *bumburas* — бутон, почка; *bumbulas* — пузырь на воде.¹³ В стихотворении «Номо» жизнь человека — развитие от бутона, почки к цветку.

В ряде *bombol—szkło—lód* объединяющие семы — «прозрачность», «недолговечность», «зеркальность». Человек, таким образом, предстает недолговечным существом, «отражающим», как зеркало, предметный мир.

В ряде *bajka—proch—siano—sen* объединяющие семы — «принадлежность к отвлеченной сфере» (байка и сон), «переход в иное состояние» (байка, сон, сено, прах), причем все четыре элемента выражают идею «не сущего» (ср. в «Вертограде многоцветном»: «Сон брат есть смерти»; в «Псалтири рифмовторной»: «Да некогда усну в смерти сном невозбужденным». Пс. 12).¹⁴

При наличии польского варианта (*głos*) пара *glas—dzwiek* могла быть рассмотрена как синонимическая, но, поскольку автор предпочел церковнославянский вариант (*glas*), рассматриваем их как элементы с разной стилистической маркированностью: *glas* — глас — глас Божий и глас народа (в «Вертограде многоцветном») и *dzwiek* — звук, звон, отголосок. Это пример характерной для польской поэтики барокко нетождественности тождественного.

Ряд *proch—siano—kwiat—wiatr* — заимствованное из Псалтири единство, хорошо знакомое читателю XVII в. Пс. 102: «Яко же щедрить отец сыны, ущедрит Господь боящихся его. Яко той позна сздание наше, помяну яко персть есмь. Человек яко трава, дние его, яко *цвѣт* селный тако оцвѣтеть... и не познает к тому места своего». Пс. 101. «...дние мои яко сѣнь уклонишася, и азъ яко *сѣно* иссох» (цит. по: Библия. Острог., 1581). (См. также: «Якоже трава утро красно прозябает, / таже цвѣтеть, на вечер падши иссыхает... Якоже пучина ветром ся терзает, / тако удобно вѣкъ нашъ пресѣчен бывает» Пс. 89).¹⁵

Ряд перечисления заканчивается обобщением: «*nic by go królem zwano*». Возможны следующие варианты толкования текста: 1. Ничто, чтобы его королем называли; 2. Всего этого недостаточно, чтобы человека называть королем; 3. Все это ничего не значит, чтобы человека назвать королем; 4. Все это ничто, хотя и было бы названо королем. Обратимость каждого компонента ряда в «ничто, не сущее» понятна, как, впрочем, понятно и безразличие автора к социальной иерархии: «из королей ли кто или из простых людей, с этого света всяк выманится» («Песенка о смерти» Симеона Полоцкого). Словесная игра с тем, что является поводом для печальных размышлений, построена на библейских реминисценциях. Это «двойная игра»: с тем, что традиционно маркируется как «высокое», и с традиционной для европейского барокко темой *memento mori*. Барокко «требовало от читателя не сопереживания, а восхищения той свободой, с которой оно обращалось с формой».¹⁶

¹¹ Морозов А. А., Софронова Л. А. Эмблематика и ее место в искусстве барокко // Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979. С. 25.

¹² Стефан Яворский «О титулы, пропасти паче вас назвати» // ПЛДР XVII век. Кн. 3. С. 270.

¹³ Brukner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Wyd. 3. Warszawa, 1973.

¹⁴ ПЛДР XVII век. Кн. 3. С. 165.

¹⁵ Там же. С. 176.

¹⁶ Софронова Л. А. Некоторые проблемы поэтики польского барокко // Советское славяноведение. 1974. № 1. С. 68.

В. К. Былинин сравнивает текст Симеона со стихотворением Д. Наборовского «Краткость жизни», указывая на общность формы: асиндетон — риторическая фигура, использованная в обоих текстах. Однако в этом проявляется лишь формальная близость произведений. Перефразируя мысль Л. А. Софроновой, можно сказать, что сходство в области формы улавливается быстрее, чем различие в значении.¹⁷ В произведении Наборовского нет загадки: доминантой каждого представленного элемента ряда является «быстротечность». Ряд заканчивается «пунктом» — точкой, мигом, мгновением.

Godzina za godziną niepojęcie chodzi.
 Był przodek, byłeś ty sam, potomek się rodzi
 Krotka rozprawa jutro — cos dzis jest, nie będziesz.
 A zes był, nieboszczyka imienia nabędziesz,
 Dźwięk, cien, dym, wiatr, błysk, głos, punkt 18

Текст же Симеона Полоцкого, совмещающий собственно барочную символику с текстом псалма, завершается символом «квіат» — человек украшение Божьего сада, по М. К. Сарбевскому. (Известно, что последний читал курс поэтики в Полоцке и Вильне в 1626—1628 гг.)¹⁹

Именно М. К. Сарбевский вошел в историю культуры как теоретик «острой мысли» («акумена», «пуанта»). В работе П. Левин, посвященной восприятию барокко слушателями духовных училищ в России, описывается судьба учения о пуанте в России: М. К. Сарбевский видел в «острой мысли» «соприкосновение чего-то несогласного и согласного, т.е. это выраженное словами соответствующее несоответствие или несоответствующее соответствие».²⁰ Впоследствии подлинная дефиниция Сарбевского затерялась в русских риториках и была заменена «неожиданной игрой воображения», «удивительными сравнениями», «изысканной метафоричностью».²¹ Мы считаем, что именно проанализированный текст Симеона Полоцкого — пример острой мысли по Сарбевскому, но вряд ли сложная система соответствий/несоответствий в художественной технике Симеона могла быть оценена русским читателем в эпоху борьбы между сторонниками конвенционального и неконвенционального отношения к тексту. Это подтверждается интерпретацией сходной тематики в «Вертограде многоцветном», где не наблюдается примеров подобной словесной игры в духе польского барокко:

Различныя цвѣты поле прозябает,
 Ими же ся зѣло лѣпо украшает,
 Цвѣт цвѣта изряднѣй, весело есть зрѣти
 Количеством разни и качеством цвѣти
 Различна в них воня и силы различны,
 Яже от благодсти прияху Владычны
 Но едина коса вся ты уравниет,
 Егда без избора косец посящает
 Равно увѣдают, сохнут, и во пищу
 Отдаются скотску < >
 Ин разума исполнь, ни мало что знает
 Всяк же косы смерти неизбежно част
 Яже вся во гробѣх имать уравнити,
 В тление и во прах земный преложити < >
 Не хвалися убо, человекѣ тленный,
 Аще выше инѣх еси вознесенный

¹⁷ Ср Там же

¹⁸ Nabogowski D Poezje Warszawa, 1961 S 158

¹⁹ Панченко А М Русская стихотворная культура XVII века Л, 1973 С 173

²⁰ Левин П Барокко в литературно-эстетическом сознании преподавателей и слушателей русских духовных училищ XVII века // Wiener Slavistisches Jahrbuch 1977 Bd 23 S 184—192

²¹ Там же С 189—192

Но благодарствие да твориши Богу,
Яко благодать ти сотворил есть многу...²²

Выделенное в тексте свидетельствует об эксплицитности смысла, в противоположность имплицитности смысла в стихотворении «Ното», несмотря на идейную общность двух произведений. Неоднократно отмечавшаяся исследователями «малооригинальность» литературного творчества С. Полоцкого²³ может быть объяснена сознательной профессиональной ориентацией на традиционные запросы русского читателя и соответствующую образную систему.²⁴ Стихотворение «Ното» демонстрирует следование иной литературной традиции, более изощренной в формальном и смысловом отношении.

²² Вертоград многоцветный // БАН, 31.7.3.

²³ См., напр.: Юсим М. А. Книги из библиотеки... С. 327 (с отсылкой к С. М. Соловьеву).

²⁴ Ср.: Робинсон А. Н. Зарождение концепции авторского стиля в украинской и русской литературах конца XVII—XVIII века: Иван Вишневский, Аввакум, Симеон Полоцкий // Русская литература на рубеже двух эпох: XVII—начало XVIII в. М., 1971. С. 65.

С. МАТХАУЗЕРОВА

Барочный славизм

Термин, выдвинутый славистами 30-х гг., в особенности Франком Вольманом,¹ Рудо Бртанем,² Андре Андьялом,³ Дмитрием Чижевским⁴ и другими, содержит в себе два литературно-исторических понятия, составлявших главный предмет интереса всех возможных отраслей гуманитарных наук того времени. Что касается барокко, то его изучение находилось на стадии переоценки предыдущих — в основном отрицательных — восприятий; славистика в свою очередь продолжала развиваться, опираясь на то, что было сделано в XIX столетии в связи с культурой, сопровождавшей национальное возрождение западных и южных славян. Сочетание двух научных дисциплин в 30-е гг. XX в. принесло некоторые новые аспекты и в изучении сущности барокко, и в изучении славистики, чего касаются наши следующие размышления.

Барокко, выразительный художественный стиль XVI—начала XVIII вв., сменившийся далее строгим классицизмом, не сразу был XIX в. воспринят во всей своей эстетической ценности и историческом значении. Век реализма считал барокко искажением умеренных форм Ренессанса и его оптимистического рационализма. «Движение мировой культуры к постепенному расширению понимания культур прошлого и инонациональных культур с целью обогащения культурного настоящего не было легким», — пишет Д. С. Лихачев в заключении своей «Поэтики древнерусской литературы».⁵ Раннее христианство ненавидело античность, опасаясь ее языческой основы; на римском Капитолии в средние века была устроена каменоломня; только Ренессанс раскрыл эстетическую цену античного искусства; новый век не сразу стал понимать искусство средневековья; даже Н. М. Карамзин, которого нельзя подозревать в недостатке интереса к истории, не чувствовал художественной цены некоторых архитектурных построек старой Москвы, например храма Василия Блаженного; а В. И. Григорович прямо заявил, что «художества водворены в России Петром Великим».⁶

Непонимание искусства барокко длилось на протяжении почти целого XIX столетия. Только в начале XX в., в связи с наступлением новых реалистических направлений, искусствоведы стали принимать барокко как

¹ Wollman F. 1) Slovesnost Slovanů. Praha, 1928; 2) K metodologii srovnávací slovesnosti slovanské. Brno, 1936; 3) «Baroko» v slovanských literaturách // Slavica. Praha, 1959. Roč. 28; 4) Гуманизм, ренессанс, барокко и русская литература // Русско-европейские литературные связи. М., 1966

² Břtáň R. Barokový slavismus. Liptovský Mikuláš, 1939.

³ Angyal E. Die slavische Barockwelt. Leipzig, 1961

⁴ Čuževskij D. O ceskem baroku slovesném. Praha, 1932.

⁵ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 354.

⁶ См. Там же С. 355

особое выражение эпохи, как неизбежный факт в истории культуры. Первым, кто предложил эстетически обоснованное оправдание барокко, был искусствовед Гейнрих Вельффлин в своей работе «Ренессанс и барокко», изданной еще в конце XIX в.⁷ Вельффлин воспринимает барокко как растворение Ренессанса, как некий его пустоцвет, как одичание и произвол изобразительных средств. На смену линейности и созвучия всех элементов в Ренессансе приходит художественный беспорядок архитектурных принципов барокко, и ренессансная классическая плоскость и абстракция заменяются барочной кривизной и конкретностью материи. Интерес к материи побеждает гармонию, и движение берет верх над спокойствием. Параллель этому процессу растворения самых совершенных форм Вельффлин находит в позднем периоде античного искусства, которое «умирало» при подобных условиях как Ренессанс, дегенерируя в «античное барокко».

Может казаться, что Вельффлин в своем иманентизме оценивает барокко отрицательно. Но это не так. Как раз необходимость характеризовать барокко на основе Ренессанса заставила Вельффлина поднять значение формообразующих элементов барокко, и те — выявленные, обособленные и взятые сами по себе — представляют первое позитивное определение барокко.

К этим новым формообразующим элементам, указанным Вельффлином, принадлежит свобода стиля, противостоящая предыдущему долженствованию, многократное повторение перспективы, ориентированной до сих пор прямолинейно к единому наблюдателю, а также отмеченное исследователями стремление выразить движение, а не спокойствие, действие, а не остановку, недовольство, а не успокоение. В целом все это значит выражение новой активизации позиции человека барокко по отношению к миру. Человек, будь он субъектом или объектом действия, чувствует себя среди искусства барокко не завершенным, не спокойным, а, наоборот, оказывается в центре страстного напряжения, побуждаемый на соучастие в мировом действии.

Объединение всех морфологических элементов, сделанное Вельффлином, соответствовало эстетике «конца столетия», *fin de siècle*, которая как раз соответственным образом отражала все напряжения своего времени в искусственных художественных формах.

Характеристики Вельффлина относились к изобразительным искусствам, представляя также возможность аппликации на словесность. Это имело исторически позитивное значение, так как этим преграждался путь до той поры применяемым идеологическим анализам, которые к искусству барокко подходили как к творчеству идеологически реакционному, как к художественному выражению контрреформации или, наоборот, — как к прославлению иезуитизма.

Морфологический аспект анализов Вельффлина и возможность их использования в литературоведении показали путь из безвыходной ситуации. Оказалось, что объем барочных литературных памятников шире, чем можно было думать.

В 20-е и 30-е гг. развернулся второй фазис изучения искусства барокко, на этот раз уже и литературного. Объяснения значений форм барокко вызвали совсем новые интерпретации: будучи посвященными морфологическому анализу, они были направлены к более высоким ступеням человеческого духа.

Для немецкой литературной истории коренное значение имели две работы межвоенного периода, а именно книги Э. Эрматингера⁸ и Г. Цысаржа.⁹ Зна-

⁷ Wolfflin H Renaissance und Barock Munchen, 1888

⁸ Ermatinger E Barock und Rokoko in der deutschen Dichtung Leipzig 1929

⁹ Cysarz H Deutsches Barock in der Lynk Leipzig, 1936

чительны они были тем, что не связывали барокко с католической контрреформацией, а, наоборот, объясняли его как стиль эпохи, распространенный по всей общественной жизни, не заторможенный никакими идеологическими препятствиями. Ведь не были исключены переходы поэтов из лагеря протестантов в католический — и наоборот — при соблюдении одного и того же поэтического стиля барокко. Также и национальные границы не могли задержать распространения выразительного стиля.

Не без влияния мировой литературной науки развивалось и чешское понятие барокко. Постепенно терял убедительность взгляд об упадочности искусства XVII в., и безоговорочно негативная оценка барокко теряла свою правдивость. Интерес к художественной форме выявил, что в этой во многом отрицательной оценке были виноваты эстетические нормы XIX в.: они недостаточно были раскрыты для восприятия искусства барокко. Морфологический аспект новых анализов показал, что художественные формы барокко понятны и применимы к народному искусству — музыкальному, зодческому и театрально-обрядовому.

Все достижения новых анализов могли быть использованы и в других областях литературоведения, а именно в компаративистике, что и случилось в межвоенное время на поле сравнительной славистики.

Так мы подошли ко второй теме нашей статьи, озаглавленной как барочный славизм. Славистика, сравнительная научная дисциплина, впитавшая в себя все результаты новых подходов к барокко, принесла не только расширение территории, овладеваемой активным стилем, но и дальнейшие раскрытия сути этого направления. При помощи последовательного применения морфологическо-сравнительного анализа славянских литератур слависты 30-х гг. пришли к убеждению об общности словесного искусства в них и таким образом — к заключению о существовании «межславянской словесности» как составной части «генеральной» литературы европейской и мировой.

Проблемы барокко тут сыграли роль камня преткновения. В случае польского, чешского, словацкого и южнославянского барокко можно было показать на ряд примеров параллельного развития, мотивированного единым базисом общественной, культурной и духовной жизни. Более сложным оказалось присоединение восточнославянского региона к потоку развития других славянских культур XVII в. Слависты 30-х гг. не только не исключили восточнославянскую литературу из комплекса славянских культур, но, наоборот, морфологическим сопоставлением подтвердили существование литературы барокко в украинской культуре, где насыщенность барочных творений была обусловлена близостью к польской культуре, а также в литературе русской, специфический путь которой в XVII в. казался совсем отличающимся от развития западных и южных славян. Советские литературоведы в своем большинстве придерживались традиционного взгляда и полагали, что литературное барокко надо считать западным явлением, идущим от контрреформации, которой на Руси не было, так же как и не было здесь Ренессанса, который — в соответствии с традиционными представлениями — должен был быть предпосылкой барокко.

Только постепенно удалось преодолеть эти взгляды. Русские искусствоведы доказали уже в 1926 г. наличие русского барокко в книге «Барокко в России», где свои аргументы привели М. В. Алпатов, Н. И. Брунов, А. Некрасов. В. В. Згура и Г. В. Жидков.¹⁰ Из литературных историков до-

¹⁰ Барокко в России. М., 1926.

военного периода термином «барокко» воспользовались Л. В. Пумпянский в связи с анализом сочинений В. Тредиаковского¹¹ и позже И. П. Еремин, характеризующий стиль Симеона Полоцкого.¹²

В послевоенный период ускорению изучения русского барокко способствовали работы Д. С. Лихачева и его открытие того, что в русской культуре XV и XVI вв. проявились все-таки определенные черты Ренессанса.¹³

Ученики И. П. Еремина и Д. С. Лихачева развернули большую работу по изучению русского барокко. А. М. Панченко,¹⁴ Л. И. Сазонова¹⁵ и другие¹⁶ собрали богатый материал, помогающий узнать весь объем литературы русского барокко и понять смысл разнообразных литературных сочинений, неодинаковых по жанру и по назначению.

Сравнение русской и чешской литератур барокко показало не только общность внешних признаков, какими являются образы сада, лабиринта или огорода, но и внутренних системных сдвигов, например, внутренних напряжений, стремления к поляризации и в то же время к единению идей, и др.

В России барочным стилем отличались и сочинения реформаторов церковных обрядов, вносивших изменения в православную церковь, например, Симеона Полоцкого, и также сочинения их противников, защитников старых обрядов, вдохновляемых протопопом Аввакумом. В чешской культуре такой же антагонизм существовал между последователями реформации, каким был Ян Амос Коменский, и их католическими антиподами, например, Богуславом Бальбином и Фридрихом Бриделем, т. е. представителями контрреформации. То, что их объединяло, был как раз стиль барокко, противодействующий к динамическим движениям, к расхождениям, к разведениям, но все под одной крышей христианской религии. В этом общем покрове главную роль играл родной язык.

Всеми указанными авторами чешской и русской культур XVII в. более всего ценится язык, т. е. славянский язык, как объект усовершенствования, прославления и обороны. В этом смысле можно говорить о «барочном славизме», который содержит в себе уважение к своему языку, размышления о его связи с народом, нацией и также с историей. Чешский литератор Б. Бальбин написал в 1672 г. «Разговор об обороне языка славянского, в особенности чешского», где под понятием славянского языка имеется в виду его историческое свойство.¹⁷ В отличие от этого термин «славенский», используемый русскими авторами XVII в., имел значение конфессиональное, обозначая язык православия. Но общим было то, что в русском и чешском барочном славизме язык воспринимался как исторический феномен.

Близкими — в одном смысле слова — оказываются Ян Амос Коменский и Симеон Полоцкий, так как они оба стремились к усовершенствованию

¹¹ Пумпянский Л. В. Тредиаковский и немецкая школа разума // Западный сборник М., Л., 1937. Вып. 1. С. 166—167.

¹² Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. М., Л., 1948. Т. 6. С. 125—163.

¹³ Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Елифания Премудрого. М., Л., 1962. С. 15—20, 35.

¹⁴ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.

¹⁵ Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко. М., 1991.

¹⁶ В частности, большой новый материал, раскрывающий характер старообрядческой литературы, связанной с кризисным XVII в., содержится в работах Н. С. Демковой. Ср. ее издание Жития протопопа Аввакума, анализы старообрядческих текстов и также анализы русских повестей XVII в., напр. Неизвестные и неизданные тексты из сочинений протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М., Л., 1965. Т. 21. С. 212—239, и др.

¹⁷ Balbin B. Obrana jazyka slovanckeho, zvlaste ceskeho (написано в 1672 г., издано только в 1775 г. в Праге под первоначальным латинским названием «Dissertatio apologetica pro lingua slavonica praecipue bohematica»).

языка на основе образованности, рационального познания и сопоставления с другими языками. Симеон Полоцкий, воспитанный на польском гуманизме и последующей барочной поэзии, написал в предисловии к своему «Вертограду многоцветному», что он использовал славянский язык с целью обогатить его, не потому, что он был бедным, но потому, что, примененный к новым темам, он может стать еще богаче.¹⁸ Ян Амос Коменский, ученый европейского масштаба, пишет свои произведения на латыни, но произведения, с которыми он обращается к своему народу, пишет на чешском языке, подчеркивая значение материнского языка для педагогических и исторических целей. Принадлежность чешского к более широкому контексту славянских языков он подчеркнул в своем написанном на латыни произведении «Ecclesiae Slavonicae brevis historiola» («Краткая история славянского вероучения») и еще втором сочинении, названном «Славянское вероучение, распространенное святыми Еронимом, Кириллом и Мефодием, внедренное в Чехии», которое вышло в Амстердаме в 1660 г.

Оба автора широкого, хотя и неодинаково ориентированного кругозора, Коменский и Симеон Полоцкий, стремились к тому, чтобы включить свой язык в более требовательное содружество взаимно соревнующихся сообществ и подготовить его к новым коммуникативным задачам.

В обеих культурах — чешской и русской — против них стоят авторы, руководимые чувством опасности утраты народной идентичности или вообще родного языка, которые писали так называемые «обороны», требуя сохранения его первичных видов и функций. К чешскому стороннику защиты родного языка Б. Бальбину и его другу Ф. Бриделло, писавшему на чешском языке жития чешских святых и соотносившему их с традицией Кирилла и Мефодия,¹⁹ можно приравнять также и русские защиты своего культурного языка. Б. Бальбин озаглавливает свою защиту чешского языка словами: «О счастливым когда-то, ныне грустно состоянии королевства Чешского, в особенности об отношении к языку чешскому, то есть словенскому, в Чехии, также о попытках истребить его... размышление краткое, но правдивое».²⁰ Как близко к заботе о языке Бальбина стоят слова протоппа Аввакума, обращенные к царю Алексею Михайловичу: «Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не уничтожай его и в церкви и в дому, и в пословицах».²¹ В этом отношении показательна цитата из «Христианопасного щита веры», которую заимствовал старец Авраамий, оправдывающий «словенский», т. е. церковнославянский, язык в том виде, какой он имел в России XVII в.: «Мнози ж ныне, гордостно превознесиши, языком словенским гнушаются, в нем же крестися и сподобишася благодати Божия, иже широк есть и великославен, совокупителен и умилен, и совершен паче простаго и лятцаго обретается, и имеет в себе велико похвалу».²²

Еще в начале XVIII в. моравский автор Я. Й. Стржедовский написал житие святых Кирилла и Мефодия под названием «Sacra Moraviae Historia sive Vita SS. Cyrilli et Methodii»,²³ где подчеркивается значение деятельности Кирилла и Мефодия для развития славянских языков. В доказательство

¹⁸ Симеон Полоцкий Избр соч /Подгот текста, статья и коммент И П Еремина М, Л, 1953 С 206

¹⁹ Bridel F Život svateho Ivana (1656), Život svateho Prokopa (1662) Переиздано в кн Bridel F Basmicke dilo Praha, 1994

²⁰ Цит по Balbin B Obrana jazyka ceskeho Praha 1923 См сноски 17

²¹ Житие протоппа Аввакума М, 1960 С 159

²² Цит по Панченко А М Русская стихотворная культура XVII века С 97

²³ Středovský J J Sacra Moraviae Historia sive Vita SS Cyrilli et Methodii Solisbaci

мощи и широты распространения славянских языков автор приводит молитву «Отче наш» в переводе на 14 славянских языков.

В последнее время мы часто слышим и читаем, что некоторые из славянских языков, возрожденных к новой жизни идеями романтизма, в особенности его девизом свободы и самоутверждения, являются искусственными выдумками, не имеющими реальной основы. Но наличие барочного славизма, которое мы стремились показать, свидетельствует о непрерывном историческом существовании чувства исторической близости славянских культур и их языков.

Н. Д. КОЧЕТКОВА

Библейский мотив «милость и суд» в русской литературе XVIII в.

«Русская литература, — писал Д. С. Лихачев, — всегда отличалась особой серьезностью, пыталась отвечать на основные вопросы жизни, звала к ее преобразованиям, обладала разнообразными, но всегда высокими идеалами».¹ В XVIII в., как и в предшествовавший период, одним из средств выражения этих идеалов было использование библейских сюжетов и текстов, в особенности текста Псалтири. Стихотворные переложения псалмов, цитаты и реминисценции из них — все это оказывалось тесно связано с осуждением насущных общественных и нравственных проблем.² Примером может служить и использование русскими писателями XVIII в. текста 100-го псалма: «Милость и суд воспою Тебе, Господи...».

Уже Феофан Прокопович сопоставлял Александра Невского с библейским Давидом, мудрым и справедливым правителем: «...могл Александр наш неложно о себе с Давидом воспевати: „Милость и суд воспою Тебе, Господи“ и прочая словеса псалма того, в котором государских должностей аки зеркало представляется» («Слово в день святаго благовернаго князя Александра Невского», 1718).³

Спустя девять лет Феофан Прокопович использовал этот же псалом при создании латинской «Оды Петру II» (1727), замечательной в художественном отношении и особенно интересной как одно из первых в России применений эзоповского языка.⁴ Назвав эту оду «Парафразисом псалма 100», Феофан достаточно вольно перелагал библейский текст, придавая ему злободневный политический смысл. Весьма искусно используя текст псалма, автор обращался к юному государю с наставлением. «Судии праведного примеры покажеш, и купно образ милостивейшего государя явиши», — говорилось в прозаическом переводе оды, приложенном Феофаном к его статье «Пришествие в Новгород его императорского величества государя императора Петра Второго 1728 генваря 11 дня».⁵ Анализируя этот прозаиче-

¹ Лихачев Д. С. Своеобразие исторического пути русской литературы X—первой четверти XVIII века // История русской литературы. В 4 т. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л., 1980. С. 13.

² См. Levitsky A. The Sacred Ode (Oda Duxovnaja) in Eighteenth-Century Russian Literary Culture. Michigan, 1977.

³ Феофан Прокопович Соч. / Под ред. И. П. Еремина. М., Л., 1961. С. 101.

⁴ См. Берков П. Н. 1) Русские — новолатинские и греческие поэты XVII—XX вв. (Период первый — с 30-х годов XVII в. по 30-е годы XVIII в.) // L'Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves (Bruxelles) 1966—1967. Т. 18. P. 38—42, 2) Одно из первых применений эзоповского языка в России (латинская «Ода Петру II» Феофана Прокоповича, 1727) // Проблемы теории и истории литературы. Сб. статей, посвященный памяти проф. А. Н. Соколова. М., 1971. С. 74—82.

⁵ Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. 1789. Т. 9. С. 492—493.

ский перевод оды и соотнося его с текстом 100-го псалма, П. Н. Берков пришел к убедительному выводу о том, что здесь содержалась «практическая политическая программа»: «одновременно это была форма и самозащиты и яростного нападения на „законопреступников“, „злых и лживых человек“, „хитроклеветующих“».⁶

Заслуживает внимания восторженный отзыв В. К. Тредиаковского в «Рассуждении о оде вообще» (1734) об «Оде Петру II» Феофана Прокоповича: «В ней самое начало важно, середина великолепна и прямого энтузиазма пиитического конец удивителен и достоин во всем языка священноначальнического; а наипаче Парафразис сотого псалма, толь кстати, толь хитро, толь с мудрым избранием слов, равняющихся почти подлинных высоте, наконец, толь рассудительно и остро от его преосвященства положен, что сим самым, кажется, и Пиндара и Горация и Боало и Малгерба превзошел он и почти отнял у них всегда зеленеющий лавр лиричества. Я когда приехал из Франции в Санктпетербург, <...> лишь впервые стал читать сообщенную мне ту оду и почувствовал энтузиазм ее превысокий, то в толь великий энтузиазм удивления и сам пришел, что не мог, свидетельствуюся совестью моею, удержаться, что сдважды или стрижды не вскричать: „Боже мой! Как эта ода хороша и мастерски сделана!“».⁷

Неудивительно, что Тредиаковский, на которого ода произвела такое сильное впечатление, использовал опыт Феофана Прокоповича в собственном поэтическом творчестве. Обращаясь к Анне Иоанновне в стихах, написанных в 1730 г. к ее коронации, он предлагал ей следующую программу правления:

Правда, Благочестие Анну окружают
Любовь к подданным, Суд и Милость
Из всех сердец гонят унылость⁸

Слова «Суд» (т. е. правосудие) и «Милость» (т. е. милосердие) представляют собой не что иное, как реминисценцию из того же 100-го псалма, к которому обращался Феофан Прокопович.

Хорошо зная текст Псалтири, Тредиаковский в течение ряда лет трудился над ее стихотворным переложением, завершив его в 1753 г. Поэт давал заглавие каждому псалму и предварял свой стихотворный текст кратким прозаическим изложением его содержания. Примечательно, что 100-й псалом он озаглавил «Милость и суд» и далее разъяснял: «Сей псалом есть Извет Давида Царя, что он правил своими людьми справедливо: а особливо, что он наказывал и отдалял от себя злых, но милость являл к добрым».⁹

Среди псалмов, выбранных для переложения М. В. Ломоносовым, 100-й псалом отсутствует, однако его мотивы получают косвенное отражение в «Оде императрице Екатерине Алексеевне» (1762):

Услыште, судии земные
И все державные главы:
Законы нарушать святые
От буйности блюдитесь вы
И подданных не презирайте,
Но их пороки исправляйте
Ученьем, милостью, трудом,

⁶ Берков П. Н. Одно из первых применений эзоповского языка в России. С. 81

⁷ Цит. по Пекарский П. П. История императорской Академии наук в Петербурге СПб., 1873. Т. 2. С. 46

⁸ Тредиаковский В. К. Избр. произведения. М., Л., 1963. С. 55—56 (Б-ка поэта Большая сер. 2-е изд.)

⁹ Vasilij Kirillovic Trediakovskyj Psalter 1753 / Besorgt und kommentiert von A. Levitsky, Hrsg. von R. Olesch und H. Rothe. Paderborn, München, Wien, Zürich, 1989. S. 257 (Biblia Slavica)

Вместите с правдою щедроту,
 Народну наблюдайте льготу,
 То Бог благословит ваш дом ¹⁰

В приведенных стихах, содержащих прямое наставление царям, присутствует и тема правосудия: поэт призывает монархию к соблюдению справедливости-«правды», но одновременно напоминает ей и о «щедроте», «милости».

Эта же тема получает дальнейшее развитие в творчестве А. П. Сумарокова, в трагедиях которого проблема верховной государственной власти стала одной из центральных. В трагедии «Хорев» (1747) князь Кий размышляет о необходимости мудрого сочетания строгости и милости в правлении. Не желая сделаться тираном, он одновременно не хочет поддаваться жалости и шадить тех, кого считает врагом страны:

Потребно множество монарху проицанья,
 И если хочет он во славе быти тверд,
 Быть должен праведен, и строг, и милосерд ¹¹

Как и его предшественники, Сумароков тоже обращался к переложению псалмов. Почерпнутые из них идеи и образы постоянно присутствовали в его сознании и получали дальнейшую интерпретацию и в трагедиях и в похвальных одах. Интересующая нас формула в несколько измененном виде появилась, в частности, в его «Оде императрице Елисавете Петровне» (1743):

Тобою правда днесь сияет,
 И милосердие цветет,
 Щедрота скипетром владает
 И всех сердца к тебе влечет ¹²

«Правда» — это и есть правосудие, «суд»; «милосердие» и «щедрота» — «милость».

Простая и вместе с тем удивительно емкая библейская формула повторялась и варьировалась не только в поэзии. Примечательно, что она появляется в наиболее злободневных публицистических произведениях Д. И. Фонвизина. Первым из них было «Слово на выздоровление великого князя Павла Петровича», написанное в 1771 г. и имевшее ярко выраженный политический характер. Говоря о всеобщей радости по поводу выздоровления наследника престола, который несколько недель был серьезно болен, Фонвизин осторожно, но недвусмысленно выражал взгляды тех, кто был оппозиционно настроен к правительству Екатерины II и возлагал надежды на Павла Петровича. Писатель высказывает свои пожелания ему как будущему правителю и, в частности, призывает: «Буди правосуден, милосерд, чувствителен к бедствиям людей, и вечно в их сердцах ты будешь обитати». ¹³ Нетрудно заметить, что здесь снова варьируется все та же формула «милость и суд», причем Фонвизин явно выделяет вторую часть: «милость», «милосердие».

Дальнейшее развитие политические идеи Фонвизина получили в знаменитом трактате, известном под названием «Рассуждение о непременных государственных законах», над которым писатель работал в начале 1780-х гг.

¹⁰ Ломоносов М. В. Избр. произведения. Л., 1986. С. 173 (Б-ка поэта Большая сер. 3-е изд.)

¹¹ Сумароков А. П. Избр. произведения. Л., 1957. С. 356 (Б-ка поэта Большая сер. 2-е изд.)

¹² Там же. С. 62.

¹³ Фонвизин Д. И. Собр. соч. В 2 т. М., Л., 1959. Т. 2. С. 193.

под руководством Н. И. Панина. Здесь ставится вопрос о доверии народа к государю. Чтобы заслужить это доверие и любовь, монарх должен обладать двумя основными качествами: «правотой» и «кротостью». Далее автор «Рассуждения» заявляет: «Государь ни на один миг не должен забывать ни того, что он человек, ни того, что он государь. Тогда бывает он достоин имени премудрого. Тогда во всех деяниях вмещает суд и милость». Вернувшись к исконной библейской формуле «суд и милость», Фонвизин далее кратко излагает и содержание 100-го псалма: «Словом, государь, правоту наблюдающий, исправляет всечасно пороки, являя им грозное чело, и утверждает добродетель, призывая ее к почестям». ¹⁴ Таким образом, «Рассуждение о непременных государственных законах», отражающее всестороннее знакомство автора с идеями европейского и отечественного Просвещения, имеет еще один источник, к которому по традиции обращались русские писатели, — Псалтирь. Кстати, именно к этой книге Библии Фонвизин обратился и в самом конце жизни, будучи уже тяжело болен: получив известие о смерти Г. А. Потемкина-Таврического, он написал «Рассуждение о суетной жизни человеческой», содержащее своеобразный комментарий к псалмам Давида, названного здесь «богодухновенным мужем». ¹⁵

Известно, какую значительную роль играла Псалтирь в творчестве Г. Р. Державина. Его переложения псалмов — «это летопись его настроений». ¹⁶ Наиболее замечательный пример использования библейского текста в его гражданской поэзии — стихотворное переложение 81-го псалма — знаменитое стихотворение «Властителям и судиям». ¹⁷ Среди других псалмов, привлечших внимание поэта, был и 100-й. В программном произведении Державина, принесшем ему известность, — в оде «Фелица» вновь встречаем столь излюбленную русскими литераторами формулу «милость и суд». Фелица уподобляется Богу,

Которого закон, десница
Дают и милости и суд ¹⁸

Спустя несколько лет Державин непосредственно обратился к переложению 100-го псалма, акцентируя внимание на постоянно волновавшей его теме правосудия. Показательно, что стихотворение имеет заглавие «Праведный судия» (1789):

Я милость воспою и суд
И возглашу хвалу я Богу,
Законы, поученье, труд,
Премудрость, добродетель строго
И непорочность возлюблю ¹⁹

В каждой конкретной ситуации формула получала новое применение. Примечательно, что в годы начавшихся правительственных репрессий особую актуальность приобретает первая часть формулы — «милость». Когда А. Н. Радищев летом 1790 г. находился в Петропавловской крепости в ожидании смертной казни, он работал над «Житием Филарета Милостивого». Обращаясь здесь к своим детям, писатель настойчиво говорил им о

¹⁴ Там же С 261—262

¹⁵ Там же С 79

¹⁶ Ильинский Л Из рукописных текстов Г Р Державина // ИОРЯС 1917 Т 22 кн 1 С 311

¹⁷ См Lehmann U G R Derzavins Paraphrase des 81 Psalms «Властителям и судиям» Zum 150 Todestag des Dichters // Zeitschrift für Slawistik 1960 Bd 11 N 4 S 550—555

¹⁸ Державин Г Р Стихотворения Л, 1957 С 103 (Б-ка поэта Большая сер 2-е изд)

¹⁹ Там же С 132

«мягкосердии» как о «физическом корне добродетели»: «Милосердие, человеколюбие, благодеяние, милость будут обыкновенные души ваша движения».²⁰ Это напутствие имело достаточно широкий смысл: слова были предназначены не только для детей, но и для власть имущих, для той, в которой поэты хотели видеть «человека на троне» и «праведного судию».

Спустя два года, когда шел процесс над Н. И. Новиковым и его соратниками, Н. М. Карамзин смело выступил в их защиту со стихотворением «К Милости» (1792). Восхваляя императрицу за якобы присущие ей «милость», доброту, милосердие, поэт осторожно, но настойчиво напоминал:

Доколе всем даешь свободу
И света не темнишь в умах,
Пока доверенность к народу
Видна во всех твоих делах, —
Дотоле будешь свято чтима,
От подданных боготворима
И славима из рода в род²¹

Понятие «милость» приобретало самостоятельное значение, связь с библейским текстом постепенно утрачивалась, но порожденный им комплекс идей, имевших и конкретное политическое значение и общий нравственный смысл, — все это составило целую традицию в русской литературе XVIII в. С этой традицией непосредственно соотносятся и строки А. С. Пушкина «...И милость к падшим призывал».²²

²⁰ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М., Л., 1938. Т. 1. С. 399.

²¹ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М., Л., 1966. С. 111 (Б-ка поэта Большая сер. 2-е изд.)

²² См. Вацуро В. Э. Из историко-литературного комментария к стихотворениям Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 305—323 (Глава 4 «„Милость“ и „правосудие“ в системе социально-этических представлений Пушкина» С. 314—319).

Л. М. ЛОТМАН

Еще раз о «мнении народном» в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина

В обширном пространстве исторических и литературных явлений русской культуры, ставших объектом научных исследований, размышлений и теоретической интерпретации Дмитрия Сергеевича Лихачева, русский XVII век занимает особое место. Это драматическая эпоха жизни страны, переломная и в ее истории, и в ее культуре, постоянно привлекала внимание ученого. Ему принадлежит немало капитальных открытий, смелых концепций и оригинальных наблюдений, связанных с анализом исторического процесса, литературного стиля, психологии и типологии людей этого времени.

Я, конечно, знала об этом устойчивом интересе Д. С. Лихачева, а также о его постоянном и сочувственном обращении к литературе нового времени, в частности к поэзии пушкинской эпохи и литературе XIX в., и, занимаясь историей драматургии XIX в., в частности исторической драматургии, не могла преодолеть соблазна поговорить с ним об истолковании событий XVII столетия в драматургии и исторической науке нового времени. Эти разговоры были для меня крайне интересны и в высшей степени полезны. Люди, конфликты, трагические эксцессы, борьба интересов в обществе конца XVI—начала XVII в. составляли излюбленные сюжеты исторической драматургии XIX в. Помню, как на одном из заседаний, проходивших в актовом зале Пушкинского Дома и посвященных «проработке» неугодных начальству ученых, к числу которых относились и я, и Дмитрий Сергеевич, мы, отвлекаясь от гнетущей атмосферы этого «шоу», стали обсуждать вопрос о политике и личности Ивана Грозного, о современном истолковании этой темы и об исторической реальности. Наша заинтересованность «частным» разговором вызвала недовольство президиума, в котором находились не только представители дирекции и общественности, но и ответственные лица из Москвы. Председательствующий обратился к нам и заявил: «Что-то Лотман и Лихачев некстати оживились». Таким образом он намекнул, что «гроза» нас еще не миновала. Эти старые воспоминания внушили мне мысль предложить в сборник, посвященный юбилею Д. С. Лихачева, этюд об истолковании одного из важнейших мест «Бориса Годунова» А. С. Пушкина, касающийся настроений народа в начале XVII столетия.

В статье рассматривается вопрос о значении и смысле слов одного из персонажей пьесы — Гаврилы Пушкина, истолкование которых влияет на интерпретацию произведения в целом.

Вот эти слова (сцена «Ставка». Ст. 33—35), обращенные к Басманову, которого Гаврила Пушкин склоняет к переходу на сторону Лжедмитрия:

Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
 Не войском, нет, не польскою помощью,
 А мнением, да! мнением народным

Это веское, важное заявление одного из наиболее активных участников изображенного в трагедии исторического кризиса неизменно цитируется при анализе произведения и интерпретируется как выражение принципиальной точки зрения народа, его приговора участникам конфликта, его твердой позиции. При этом игнорируется то обстоятельство, что в слове «мнение» для Пушкина мог слышаться оттенок смысла, во многом меняющий значение сообщения персонажа.

Конечно, Гаврила Пушкин — заговорщик и сторонник Лжедмитрия внушает Басманову, что народ на стороне его «патрона». Однако из разговора их вовсе не следует, что собеседники верят в правоту претендента на престол. Даже убеждающий Басманова клевет Лжедмитрия допускает: «Быть может он Димитрий настоящий, / Быть может он и самозванец». Его собеседник решительно отвергает всякие колебания в вопросе о правах «царевича» на престол. Он говорит Гавриле Пушкину: «Пустого мне не говори; я знаю, / Кто он такой». Басманов знает о расследовании, которое было произведено по распоряжению Бориса Годунова, что не мешает ему склониться к предательству.

Таким образом, «мнение народное», как следует из разговора этих двух деятелей «смуть», для них не имеет никакого отношения к тому, на чьей стороне правда и ради чего народ поддерживает мнимого наследника Ивана Грозного. Оно используется ими как средство в политической борьбе.

Слово «мнение» имеет далеко не однозначный смысловой ореол. В словарях оно ставится в связь с родственными ему однокоренными словами, такими, как «мниться», которое В. И. Даль поясняет: «думаться, казаться, представляться, видаться, мерещиться».¹ М. Фасмер существительное «мнение» производит от «мнить».² П. Я. Черных к распространенному в словарях объяснению слова «мнить» — «думать, считать, полагать» делает существенное дополнение: «надеяться (обычно ложно, напрасно)».³ Даль помещает слово «мнимый» в рубрику производных от слова «мнить» и дает ему важное для нас объяснение: «*мнимый, на одном только мнении основанный, неистинный, неподлинный, призрачный и воображаемый, видимый и обманчивый*» (Курсив мой. — Л Л). Такое понимание слов «мнение», «мнимый» и «мнить», связанное с убеждением в обманности, шаткости представлений, возникающих на основе «только мнения», без других, более прочных, оснований, особенно ценно для нас, так как наблюдения Даля над живой русской речью складывались в пушкинскую эпоху. Даль в этом отношении может нами цениться как особенно авторитетный «свидетель».

В произведениях Пушкина глагол «мниться» используется в различном значении. Когда поэт в стихотворении «Полководец» говорит об участниках Отечественной войны, изображенных на портретах в галерее Зимнего дворца:

И, мнится, слышу их воинственные клики
 Из них уж многих нет —

речь идет о чистой иллюзии, когда же в стихотворении «Мирская власть» обращается к «рачительным» «стражам порядка» с инвективой:

Иль мните важности придать царю царей? —

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка М., 1955 Т. 2 С. 334

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка В. 4 т. М., 1967 Т. 2 С. 632

³ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка М., 1993 Т. 1

то «мните» в данном контексте означает гневное обличение нелепого, заведомо ложного мнения (ср. у Тютчева: «Не то, что мните вы природа», у Лермонтова: «Пороки юности преступной / Я мнил страданьем искупить»).

В другом контексте поэт или лицо, которое выражает свое мнение в его поэтических строках, верят в свои слова, и мнимость этой уверенности может проявиться лишь впоследствии.

В стихотворении «19 октября 1831», говоря

И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый

поэт верит в провиденциальное значение своего предчувствия.

В сатирической оде «На выздоровление Лукулла» Пушкин сопоставляет то, что «мнит» уверенный в своем преждевременном расчете наследник умирающего богача, с объективным ходом событий:

Уже скупой его сургуч
Пятнал замки твоей конторы;
И мнил загресть он злата горы
В пыли бумажных куч.
Он мнил: «Теперь уж у вельмож
Не стану нянчить ребятишек;
Я сам вельможа буду тож;
В подвалах, благо, есть излишек».

В трагедии «Борис Годунов» Пушкин употребил слово «мнить» несколько раз, и всегда в значении «поддаться обманчивой, несбыточной надежде, ложной мысли, самообольщению».

В сцене «Царские палаты» в своем центральном монологе, вспоминая свои разочарования, Годунов Пушкина дважды произносит слово «мнил» и оба раза в одном значении:

В семье моей я мнил найти отраду,
Я дочь мою мнил осчастливить браком —
Как буря, смерть уносит жениха.

В обоих случаях «мнил» значит «попусту надеялся».

В диалоге Марины и Самозванца в сцене «Ночь. Сад. Фонтан» при взаимном разрушении иллюзий честолюбивые «партнеры» перебрасываются словом «мнить» как знаком ложных упований собеседника. После опасных откровений Лжедмитрия Марина бросает ему презрительно:

Не мнишь ли ты коленопреклоненьем,
Как девочки доверчивой и слабой
Тщеславное мне сердце умилишь?

На угрозы разоблачений с ее стороны Самозванец возражает:

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь? —

и далее, разъяря ей свое место в политической борьбе, в расчетах короля, папы, польских магнатов и в ставке их на него в борьбе с Россией, Самозванец доказывает ей беспочвенность ее агрессивной позиции. Свою неуязвимость он объясняет тем, что он как бы «не существует»:

...знай,
Что ни король, ни папа, ни вельможи
Не думают о правде слов моих.
Димитрий я иль нет — что им за дело?
Но я предлог раздоров и войны.

В подлинность мнимого Дмитрия-царевича не верят и в России ни враги Годунова — родовитые «природные» князья и бояре, ни сам Годунов, на минуту усомнившийся в возможности такой наглой авантюры.

Афанасий Пушкин (лицо вымышленное), сообщающий в трагедии Шуйскому о появлении Лжедмитрия в Польше, поясняет:

Кто б ни был он, спасенный ли царевич,
Иль некий дух во образе его,
Иль смелый плут, бесстыдный самозванец...

Василий Шуйский произносит со своей стороны окончательное суждение о ситуации:

Сомненья нет, что это самозванец,
Но, признаюсь, опасность не мала.
Весть важная! и если до народа
Она дойдет, то быть грозе великой.

Сообщающий это известие Годунову Василий Шуйский не скрывает от царя, что опасность, которая грозит державе, исходит от народа. В своем доме с другом он видит источник склонности народа к мятежу в его недовольстве тяготами своего положения, постепенном закреплении:

...Попробуй самозванец
Им посулить старинный Юрьев день,
Так и пойдет потеха.

Царю он говорит о политической опасности, ссылаясь на особенности народа:

Но знаешь сам: бессмысленная чернь
Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится бесстыдная отвага.
Так если сей неведомый бродяга
Литовскую границу перейдет,
К нему толпу безумцев привлечет
Дмитрия воскреснувшее имя.

Эта характеристика народа — ход в очередной политической игре старого интригана, но действительно Годунов, как его изображает Пушкин, «знает сам», что народ «изменчив» (выбрав его, он затем полностью отказывает ему в доверии), равнодушен к объективной оценке его политических усилий, но готов верить любой клевете о нем. Однако то, что Годунов не может в полной мере оценить, это насколько «легко пустой надежде предана» народная толпа, насколько «суеверна» и «баснями питается она», т. е. слухами и легендами. Характеристика, которую дает обывателю Шуйский в трагедии, по мысли автора, не глупа и содержит ряд верных наблюдений. В своих замечаниях на «Анналь» Тацита Пушкин, по поводу политической ситуации в древнем Риме, аналогичной той, которая сложилась в России в конце XVI в., пишет, говоря о захватившем престол после смерти Августа Тиберии: «Первое злодеяние его (замечает Тацит) было умерщвление Постумы Агриппы, внука Августова. Если в самодержавном правлении убийство может быть извинено государственной необходимостью, то Тиберий

был прав. Агриппа, родной внук Августа, имел право на власть и нравился черни необычайною силою, дерзостью и даже простотою ума. Таковые люди всегда могут иметь большое число приверженцев — или сделаться орудием хитрого мятежника».⁴

Самозванец «хитрый мятежник», авантюрист, но многие черты этого героя и в пьесе, и в реальности, которые отметил Пушкин («он храбр, великодушен и хвастлив», любит «удовольствия и войну»),⁵ могут сделать его популярным. Вместе с тем в политической борьбе он не более как «знак», орудие сталкивающихся сил и интересов.

В незаконченном вольном переводе оды Горация Пушкин вложил в уста римлянина, вспоминающего труды и опасности времени своего участия в боях, слова:

Когда за призраком свободы
Нас Брут отчаянный водил

Самозванец, скрывая от поддерживающего его народа свои подлинные намерения, ведет против Годунова войско, часть которого отстаивает свои, эгоистические интересы, большая же часть находится в ослеплении, верит одновременно и в злодейство Годунова, убившего Димитрия, в святость убиенного отрока и в чудесное его спасение в лице Самозванца.⁶

Авантюрист ведет их за их мечтой о легитимном, нравственно безупречном царе, мечтой, которая породила в народе легенды о возвращающемся царе-избавителе, святом царе и гонимых царских детях.⁷

В моменты больших социальных и политических кризисов «эпидемии» самозванства и охватившие народные массы мифологические повести наблюдались уже в древнем мире (в древнеперсидском государстве, в Риме), в средние века и в XVIII в. в Европе (легенды о Карле Великом, Фридрихе Барбароссе и Фридрихе II — в германских государствах, легенды о короле Себастиане в XVII—XVIII вв. — в Португалии), на Востоке (легенды о «скрытом имаме» в мусульманских арабских и персидских государствах)

Исследователь народных социально-утопических легенд и мифов К. В. Чистов, опираясь на В. О. Ключевского, утверждает, что «ни одна страна, кроме России, не знала столь многократного самозванчества, игравшего столь значительную роль в истории народа и государства».⁸

Страстные поиски социальной справедливости и фантастическая вера в возможности мгновенного воплощения нравственного идеала делали в России «взрывоопасным» бытование подобных легенд. К. В. Чистов отмечает, что легенда о «воскресшем», «спасенном» царевиче Димитрии возникла не сразу после смерти его, но через несколько лет, в момент, когда решался вопрос о престолонаследии, таким образом, ее зарождение предшествовало аванюре Отрепьева.⁹ В другой части своей монографии исследователь отмечает, что в конфликте Петра I и его сына Алексея «народный вымысел значительно обогнал реальное развитие событий»,¹⁰ и, констатируя парадоксальность данного феномена, напоминает, что сходное явление уже замечено

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. 4-е изд. Л., 1978. Т. 8. С. 93—94.

⁵ Там же. Т. 7. С. 113, 520.

⁶ Об этом см. Серман И. Парадоксы народного сознания в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Russian Language Journal 1981. Т. 35, № 120. P. 83—88.

⁷ См. Чистов К. В. Русские народные и социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М. 1967. С. 24—48.

⁸ Там же. С. 29.

⁹ Там же. С. 36—38.

¹⁰ Там же. С. 117.

и явилось предметом научного обсуждения в отношении песни о Грозном, в которой «предвосхищено убийство этим царем своего сына».¹¹

Политические «партии» и группы использовали «тлевшие» в сознании народа мифологические и легендарные сюжеты как мощное средство воздействия на настроение общества, возбудитель его активности.

Борис Годунов обвинил бояр, в частности Романовых, в подготовке Григория Отрепьева к авантюре. Вместе с тем народ, хранитель и носитель старинных, древних «сюжетов», готовый всегда воспринять их и поверить им, был источником схем, «моделей» слухов, безошибочно возбуждающих «мнение» толпы, и даже самих поступков. Правда, последствия этих «возбуждений» не мог предвидеть никто из участников борьбы.

В 30-е гг. Пушкин сформулировал мысль о соотношении случайного и закономерного в историческом процессе. Обращаясь к современным ему интерпретаторам истории, он высказал важную для него и глубокую мысль: «Не говорите: *иначе нельзя было быть*. Коли было бы это правда, то историк был бы астрономом и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но Провидение не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может вывести из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая*, мощного мгновенного орудия Провидения».¹²

Пушкин создал в своей трагедии поле драматического напряжения, показав жестокие конфликты, возникающие в ходе борьбы за власть в высших слоях общества, которые сами пришли в движение в процессе социальных и исторических сдвигов и кризисной ситуации. При этом одной из оригинальных особенностей драматического действия в его трагедии явилось то, что народ в ней предстает не только как активный участник этого процесса, но как разнородная масса, все время меняющая свои настроения и направление своей активности, генератор движений, которые можно осмыслить как проявления случая — «мощного мгновенного орудия Провидения».

Как и власть имущие, простые люди — крестьяне, городские жители озабочены своими материальными интересами, однако, если богатые бояре и даже дворяне хотят сохранить и умножить свои богатства, простые люди бедствуют и вынуждены думать о спасении своей жизни. Поэтому в их среде легенда о спасенном царевиче-«освободителе» мгновенно получает широкое распространение. Пушкин продемонстрировал это наглядно в сцене «допроса» пленного дворянина Рожнова Самозванцем о положении в Москве и в войске. Рожнов дает понять, что в Москве слух о «воскресшем» Димитрии имеет успех и что Годунов вынужден принимать жестокие меры, чтобы остановить распространение этого слуха. Совершенно иначе, без мистического воодушевления, к этому слуху относятся в войске:

Самозванец

Ну, войско что?

Пленник

Что с ним? одето, сыто

Довольно всем

¹¹ Пропп В Я «Песня о гневе Грозного на сына» // Вест ЛГУ 1958 № 14 Сер истории, языка и лит-ры Вып 3 С 75—103, Путилов Б Н «Песня о гневе Грозного на сына» // Русский фольклор М, Л, 1959 Т 4 С 5—32

¹² Пушкин А С Полн собр соч В 10 т Т 7 С 100

Самозванец

Ну! обо мне как судят в вашем стане?

Пленник

А говорят о милости твоей,
Что ты, дескать (будь не во гнев), и вор,
А молодец

Самозванец (смеясь)

Так это я на деле
Им докажу.

(сцена «Севск»)

Самозванцу более близка эта характеристика, чем взятая им на себя роль царевича (Марине он в пылу спора без всякого уважения к тому, имя которого себе присвоил, говорит: «твой Димитрий / Давно погиб, зарыт — и не воскреснет» — сцена «Ночь. Сад. Фонтан»). Вместе с тем он делает главную ставку на «мнение народа», распространение слуха о царевиче и влияние этого слуха на умы: «Что? ждут меня?», — спрашивает он Рожнова после его сообщения, что в Москве пока «все, славу Богу, тихо».

Изображение путей получения знаний, информации о происходящем, знания, которое затем приобретет форму слуха, мнения, убеждения, а затем предубеждения, не приемлющего опровержений, проходит через всю трагедию Пушкина. При этом подобные знания приходят в высшие слои общества из достоверных источников, в народе же распространяются иными путями и, обращаясь в массе передающих и слушающих, обрастают массой мифологических подробностей и поэтических клише.

Уже в первой сцене трагедии не информированный во всех подробностях политической карьеры Годунова именитый боярин Воротынский получает точную информацию от ближнего к правителю лица — Василия Шуйского, который непосредственно вел следствие в Угличе после гибели царевича, допрашивал свидетелей. Постоянно общаясь с Годуновым, пережив гонения на Шуйских, в ходе которых были коварно умерщвлены выдающиеся представители рода, он характеризует Воротынскому нрав претендента на престол Бориса Годунова по личным впечатлениям и опираясь на факты.

Этой сцене противопоставлены две сцены (во всяком случае, в тексте трагедии 1825 г.), изображающие активность народа («Красная площадь» и «Девичье поле. Новодевичий монастырь»). В обеих сценах народ, убеждаемый представителем боярской Думы и духовенством, напуган опасностью безвластия и просит Годунова принять царский венец. Для народа это действие обобщается впечатляющим зрелищем, участием в массовом, захватывающем выступлении, в ходе которого толпа от полного безразличия и привычного, ставшего как бы обязательным непонимания происходящего («А как нам знать? то ведают бояре, / Не нам чета») постепенно, но быстро «заражается» эмоциональным порывом. Те, кто ближе к действующим лицам политического спектакля, скорее, те, кто дальше, медленнее. «Дальние» сначала наблюдают приближающиеся к ним круги от эмоционального взрыва, но затем поддаются под его влияние, сохраняя, однако, сознание своей неосведомленности:

Один

Что там за шум?

Другой

Послушай! что за шум?

Народ завыл, там падают, что волны,
За рядом ряд еще еще Ну, брат,
Дошло до нас, скорее! на колени!

Н а р о д (на коленях *Вой и плач*)

Ах, смилуйся, отец наш! властвуй нами!
Будь наш отец, наш царь!

О д и н

Все плачут,

Заплачем, брат и мы

Н а р о д

Венец за ним! он царь! он согласился!
Борис наш царь! да здравствует Борис!
(сцена «Девичье поле Новодевичий монастырь»)

В сцене «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» инок Григорий (он же Юрий Отрепьев) узнает правду об углической трагедии от очевидца летописца Пимена. Но эту правду он совсем не хочет сделать общим достоянием, хотя и грозит царю «мирским судом». Более того, вскоре он использует эту правду для того, чтобы создать опасную ложь и заменить «мирской суд» мирским заблуждением. Вся дальнейшая его блистательная карьера основана на этой лжи, на обмане и циничном попрании правды.

Носитель правды Пимен свое свидетельство, свой «донос ужасный» обращает не к современникам, признавая, что «владыкою себе цареубийцу мы нарекли», а к потомкам («Да ведают потомки православных / Земли родной минувшую судьбу»).

В дальнейшем в пьесе сцены, где власть имущие узнают из достоверных источников правду, перемежаются также со сценами, где ложные сведения сознательно распространяются в народе.

В сцене «Москва. Дом Шуйского» весть о появлении Самозванца в Польше приходит к боярам от непосредственного свидетеля успехов Лжедмитрия при польском дворе, вскоре ставшего его главным пособником, Гаврилы Пушкина. Сведения о «польских новостях» Василий Шуйский передает Годунову, все время пытаясь установить, что ему самому известно. Тут же царь узнает точные сведения о смерти царевича Димитрия от такого непосредственного свидетеля углических событий, как Шуйский, возглавлявшего на месте следствие.

В сцене «Царская дума» Шуйский обещает царю сказать народу правду — из политических соображений выступить перед ним и удостоверить смерть Димитрия.

Сам вижу я необходимо слух,
Рассеянный расстригой, уничтожить,

Я сам явлюсь на площади народной,
Уговорю усевещу безумство
И злой обман бродяги обнаружу

Однако семена заблуждения, посеянные интригой, уже дали бурные всходы Народ охвачен верой в явление «спасенного царевича» (сцена «Площадь перед собором в Москве»)

П е р в ы й

Что, уж проклинали *того?*

Пускай себе проклиняют, царевичу дела нет до Отрепьева

Другой

А царевичу поют теперь вечную память.

Первый.

Вечную память живому! Вот уже им будет, безбожникам.

И тут же в толпе народа выразитель ее мнения Юродивый высказывает мысль прямо противоположного свойства — Борис Годунов — убийца царевича: «Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича. <...> нельзя молиться за царя Ирода — богородица не велит».

Так «народное мнение» сложилось во всей своей противоречивости и взрывной силе. Отсюда прямой путь к «энтузиазму» толпы в сцене «Лобное место», когда после «агитационной» речи клеветы Самозванца Гаврилы Пушкина народ приходит в бурное движение:

Народ.

Что толковать? Боярин правду молвил.
Да здравствует Димитрий, наш отец

Мужик на амвоне.

Народ, народ! в Кремль! в царские палаты!
Ступай! вязать Борисова щенка!

Народ (*несется толпою*).

Вязать! топить! Да здравствует Димитрий!
Да гибнет род Бориса Годунова!

От обаяния этого мифологического поветрия, породившего «мнение» народа, он начинает освобождаться в трагедии Пушкина в сцене «Кремль. Дом Борисов. Стража у крыльца». Сцена эта существует в двух редакциях. В 1825 г. поэт закончил ее тем, что народ, присутствующий при расправе с Федором Годуновым и его матерью и слышавший женские крики из дома, отвечает на преподносимую ему ложь об их самоубийстве тем, что «в ужасе молчит» и лишь по принуждению выкрикивает слова, которые до того провозглашал с энтузиазмом: «Да здравствует царь Димитрий Иванович!».

Публикуя в 1830—1831 г. «Бориса Годунова», Пушкин изменил концовку. Народ, осознавая свое заблуждение, «безмолвствует». В обоих вариантах «мнение народа» вызывает у самого народа критическую реакцию, хотя в первой редакции говорилось об «ужасе» толпы, но и о ее покорности окрику боярина, а во второй редакции автор ограничивается формулой «Народ безмолвствует».

Можно отметить, что таким окончанием, свидетельствующим о разочаровании в своих убеждениях и глубокой задумчивости действующих лиц, весьма редким в драматургии, Пушкин завершил также две из четырех своих маленькие трагедии «Моцарт и Сальери» и «Пир во время чумы».

В оставшемся вне пределов пьесы Пушкина, ввиду временного ограничения действия его «Бориса Годунова», историческом эпизоде Самозванец ошибочно оценил народное мнение, и эта его ошибка имела для него роковые последствия.

Лжедимитрий, захватив престол и уверившись, что народ видит в нем живого, избегшего рук убийцы царевича, пожелал логически воплотить такой взгляд и уничтожить могилу подлинного царевича Димитрия. Это решение глубоко оскорбило Марию Нагую, всенародно признавшую до того в нем своего сына, явилось толчком, подтолкнувшим оформление заговора против него, приведшего к его гибели.

Содержание трагедии и исторические факты, которые были известны поэту, давали ему основание интерпретировать слова «мнение народное» не как выражение окончательного, осознанного приговора народа участникам исторического конфликта, не как обозначение мудрости простых людей, а как обозначение рокового заблуждения.

Проявления специфического интереса поэта к некоторым сторонам грамматики русского языка могли обострить у него ощущение живой связи слова «мнение» с родственными ему однокоренными с ним словами «мнить», «сомнение», «мнимый».

Интерес к «корнесловию», к этимологии слова, ее «актуализация», которая в XX в. стала важной составной частью «поэтической работы», был присущ Пушкину. Он нашел свое отражение в некоторых записях поэта, в его рассуждениях о правописании отдельных слов на основании их корня, например, о том, как должно писать слово «телега», о том, каково значение слова «богадельня» и каково должно быть его написание, о том, как надо правильно понимать некоторые слова в пословицах.¹³ Склонность поэта к «корнесловию» сказалась и в истолковании им слова «смерд» как производного от глагола «смердить» (письмо Пушкина П. А. Вяземскому от 7 ноября 1825 г.).¹⁴ С. А. Фомичев обратил внимание на то, что в стихотворении «Лицейская годовщина» выражение «смущенные народы» употреблено так, что эпитет «смущенные» ассоциируется с понятием «смута».¹⁵ Это наблюдение фиксирует один из фактов особенного характера словоупотребления у Пушкина, к разряду проявлений которого относится и выражение «мнение народное» в «Борисе Годунове».

В заключение следует отметить не указанный до сих пор в специальной литературе факт заимствования выражения «мнение народное» Ф. В. Булгариным из не опубликованного в то время «Бориса Годунова» Пушкина в его романе «Дмитрий Самозванец». Рукопись трагедии была задержана в III Отделении, чтобы Булгарин успел опубликовать свой роман прежде, чем Пушкину будет дано разрешение напечатать свою трагедию. С. П. Шевырев писал 15/27 февраля 1830 г. С. А. Соболевскому: «В канцелярии задерживают Годунова, потому что выходит Самозванец Булгарина. Ему хочется опередить. В напечатанном отрывке есть, говорят, кража».¹⁶

Действительно, роман Булгарина «опередил» публикацию трагедии Пушкина на несколько месяцев. Обнаружив в этом романе явные заимствования из рукописи своего неопубликованного произведения, Пушкин убедился, что Булгарин был причастен к злоключениям его трагедии в недрах III Отделения. Свое возмущение фактом литературного плагиата Булгарина Пушкин изложил в статье «Опровержение на критики», которая не была им закончена. Здесь Пушкин перечислил ряд заимствований в романе «Дмитрий Самозванец» из «Бориса Годунова», не отметив, однако, присвоение Булгариным выражения «мнение народное». Между тем Булгарин вложил в уста Иваницкого, польского агента, выдающего себя за царевича Дмитрия, слова о положении царя Бориса: «Я возбудил против него неприятеля — мнение народное».¹⁷ В главе XXVI Бучинский в разговоре с Самозванцем

¹³ Там же Т 7 С 122, 357, 365

¹⁴ Там же Т 10 С 146

¹⁵ Фомичев С. А. Драматургия А. С. Пушкина // История драматургии XVII—первой половины XIX вв. Л., 1982 С 265

¹⁶ Литературное наследство М., 1934 Т 16—18 С 744

¹⁷ Булгарин Ф. Полн. собр. соч. СПб., 1842 Т 2 С 65

говорит ему: «...вся сила твоя — мнение народное, которым трудно управлять без верных, умных, преданных помощников».¹⁸

Выражение «мнение народное» неоднократно повторено в оглавлении романа. Булгарин использует это словосочетание в аннотациях к XXIV, XXVII и XXXI главам. Однако в его интерпретации «мнение народное» — это толки, сплетни, предположения, бытующие в толпе. Булгарин передает народные толки в форме драматических сцен. Так, в XXVII главе романа «мнение народное» предстает как панегирическое восхваление на многие голоса нового царя. В XXX главе народ восхваляет Василия Шуйского и передает слухи о «еретическом» образе жизни царя, затем участвует в восстании и расправе с Лжедмитрием, причем автор спешит заверить читателя: «...простолыдины в мятеже следовали только внушению бояр».¹⁹

Заключение романа (глава XXXI) в подзаголовке обозначено также словами «Мнение народное». Тут опять в своеобразной народной сцене москвичи единодушно одобряют свержение Дмитрия-самозванца, гордятся своим участием в избиении поляков из его свиты и поют песню о гибели чернокнижника расстриги Гришки. Автор собирает в отдельный кружок лиц, оставивших воспоминания о московских событиях начала XVII столетия (пастора Бера, капитана Маржерета, Авраамия Палицына и др.) и передает их мнения о Самозванце, которыми они якобы обменивались в живой беседе на площади среди народа, — ситуация, конечно, совершенно нереальная.

Внезапно «толпа всадников прискакала на площадь». Они сообщили об избрании Василия Ивановича Шуйского на царство. «Народ молчал и как будто оцепенел».²⁰

Но Авраамий Палицын и «престарелый схимник Вассиан» предрекают, что только с воцарением Романовых Россия успокоится и возвеличится.

Такова интерпретация понятия «мнение народное», которую дает Булгарин.

¹⁸ Там же. С. 277.

¹⁹ Там же. С. 332.

²⁰ Там же. С. 338.

С. А. ФОМИЧЕВ

**Смеховой мир
в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович
с Иваном Никифоровичем»**

«История русской культуры XVIII—XX столетий, — заметил академик Д. С. Лихачев, — это по существу постоянный и чрезвычайно интересный диалог русской современности с Древней Русью, диалог далеко не мирный. В ходе этого диалога культура Древней Руси как бы росла, становилась все значительнее и значительнее»; «...история „открытия“ художественных ценностей древней русской литературы должна стать предметом особого исследования».¹ Вполне очевидно, что для такого исследования необходимо накопить материал конкретных наблюдений о преломлении традиций древнерусской словесности в классических произведениях нового времени.

«Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» самим «звучным» названием своим отчетливо ориентировала читателя на восприятие ее в контексте диалога средневековья и современности. Отнюдь не в пользу последней. И этот контраст определил художественную концепцию всей книги Гоголя «Миргород», работа над которой шла одновременно с историческими занятиями писателя.

Повесть о ссоре написана ранее всех остальных, вошедших в эту книгу, и здесь были уже намечены темы трех предшествующих (но созданных позже) миргородских повестей. Рассказ о трогательной дружбе Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича — в иной, конечно, тональности — отзовется в идиллии «Старосветских помещиков». Героическая эпопея «Тарас Бульба» возникнет как «антипародия» повествования о ничтожной ссоре.² Мрачная фантастика и комический колорит «Вия» тоже в какой-то мере будут соотношены с «фантастическим» эпизодом похищения бурой свиньей прошения Ивана Ивановича и с рядом других деталей, как-то: сравнением его с «римским трибуном», рассуждением о ведьмах в связи с нелепыми слухами о хвосте у Ивана Никифоровича, постоянной путаницей «Бога» и «чорта» в репликах действующих лиц: «Бога бойтесь! бросьте просьбу, пусть она пропадет (сатана приснись ей!)» и т. п.³ Закрывающая «Миргород» повесть о ссоре будто бы в контрапункте сводила все эти темы, подводя под ними окончательную черту: «Скучно на этом свете, господа!» (II, 276).

¹ Лихачев Д. С. Прошлое — будущему Статьи и очерки Л, 1985 С 158—167

² Ср. позднейшее сближение подобных ситуаций «Тогда на просторе свободно и безнаказанно разыгрывалось казацкое молодечество < > И теперь в Малороссии тяжба в моде, но только на бумаге, а тогда же та же вечная тяжба, только на шабельках» (Кукольник Н. Вольный гетман пан Савва СПб, 1852 Т 2 С 455)

³ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Изд-во АН СССР 1937 Т 2 С 250 Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страниц

При первой публикации в альманахе «Новоселье» (ч. 2, 1834) повесть была помечена 1831 г. Может быть, зарождению ее замысла содействовала статья Пушкина (Феофилакта Косичкина) «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов», с которой Гоголь ознакомился летом 1831 г. и которая написана в тоне комического воодушевления, близком к стилистике повести о ссоре. Эта переключка могла бы показаться случайной, если бы мы не имели внятного подтверждения того, как живо откликнулся Гоголь именно на это качество пушкинской статьи. 21 августа 1831 г. он писал Пушкину: «Знаете ли, как бы хорошо написать эстетический разбор двух романов, положим „Петра Ивановича Выжигина“ и „Сокол был бы сокол, да курица съела“ <...> На одном из них, т. е. на Булгарине, означено направление чисто Байроновское (ведь это мысль не дурна сравнить Булгарина с Байроном). Та же гордость, та же буря сильных, непокорных страстей, резко означившая огненный и вместе мрачный характер британского поэта, видна и на нашем соотечественнике; то же самоотвержение, презрение всего низкого и подлого принадлежит им обоим. Самая даже жизнь Булгарина есть больше ничего, как повторение жизни Байрона; в самих даже портретах их заметно необыкновенное сходство. На счет Алек<сандра> Анфим<овича> можно опровергать мнение Феофилакта Косичкина; говорят, что скорее Орлов более философ, что Булгарин весь поэт...» (X, 203—204). В ответном письме Пушкин деликатно отвел подспудный гоголевский совет «усовершенствовать» статью, предоставляя ему самому написать нечто подобное: «Проект Вашей ученой критики удивительно хорош. Но Вы слишком ленивы, чтобы привести его в действие».⁴ Любопытно, что спустя два года Пушкин не узнал своей манеры в повести Гоголя, пометив 3 декабря 1833 г. в своем дневнике: «Вчера Гоголь читал мне сказку „Как Ив<ан> Ив<анович> поссорился с Иваном Тимоф<еевичем>“ (так! — С Ф) — очень оригинально и очень смешно» (XII, 316). Дело в том, что жанр трагедийной похвальной речи, которому следует в своем фельетоне Пушкин, в гоголевской повести существенно преобразуется.

Обращенный к ничтожным предметам, но сохраняющий все риторические приемы панегирика, жанр этот зародился еще в античной литературе («Похвальное слово плещи» Синесия Киренского — 300-е гг. н. э.; «Похвальное слово мухе» Лукиана — II в. н. э. и т. п.) и в эпоху Возрождения представлен знаменитой «Похвалой глупости» Эразма Роттердамского (1469—1536). Подобные произведения были широко представлены в русской сатирической журналистике XVIII в., в частности — в творчестве И. А. Крылова («Похвальная речь в память моему дедушке...», «Похвальная речь науке убивать время...» и др.).

Рассказчик же в повести Гоголя — болтливый миргородец, вовсе не желающий шутить; «очень смешна» повесть не только ничтожеством самого предмета, служащего поводом восторженной патетики, но прежде всего насыщенностью саморазоблачительными алогизмами — ср.: «Детей у него (Ивана Ивановича. — С Ф) не было. У Гапки есть дети и бегают просто по двору <...> А какой богомольный человек Иван Иванович!» — несколько позже один из этих мальцов просит его: «тятя, тятя, дай пряника» (II, 224—225, 240). И. Е. Мандельштам отмечал в повести «прием сопоставлений суждений, не имеющих никакой логической связи, ни внутренней, ни внешней, в сфере ли свойств человека, в сфере ли качеств предметов, характеров явлений, событий или нравственных понятий»⁵ Предхлесаковская «лег-

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Изд-во АН СССР 1941 Т. 14 С. 215 Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страниц

⁵ Мандельштам И. Е. О характере гоголевского стиля Гельсингфорс 1902 С. 280

кость необыкновенная в мыслях» провоцирует своеобразные провалы памяти у повествователя: начиная очередную фразу или период, он сам, кажется, не знает, чем кончит. Приемы подобного «грубого комизма» можно найти в литературе конца XVIII—начала XIX в. — ср., например, пассаж из повести третьестепенного литератора А. Кропотова «Юлия»: «Благочинный Вавила Всеведов, который знал людей не хуже полицейского устава, и уголовной палаты протоколист Мухоморов, которого рыжий парик был неоспоримым знаком наблюдательного духа, часто говаривали мне, что Юлия по красоте и разуму своему есть необыкновенная диковина». ⁶ Но Гоголь, конечно, не только наследовал литературную традицию, но прямо погружался в народный смеховой мир, обращаясь к жанрам анекдота, расшника, вертепного театра, бытовой сказки, лубка. «В балагане, — замечал М. Бахтин, — он находил и стиль вмешивающегося в ход действия балаганного зазывалы, с ее тонами иронического рекламирования и похвал, с ее алогизмами и нарочитыми нелепицами <...>. Смеховое слово организуется у Гоголя так, что целью его выступает не простое указание на отдельные отрицательные явления, а вскрытие особого аспекта мира как целого». ⁷

Характеризуя сущность смехового мира, Д. С. Лихачев пишет: «Перед нами изнанка мира. Мир перевернутый, реально невозможный, абсурдный, дурацкий». ⁸ Таков мир и в гоголевской повести о ссоре (ссора в Миргороде); безобразия представляется в нем прекрасным, ничтожное — великим: «Чудный город Миргород! <...> Если будете подходить к площади, то, верно, на время остановитесь полюбоваться видом: на ней находится лужа! единственная, какую только вам удавалось когда видеть! Она занимает почти всю площадь. Прекрасная лужа! Дома и домики, которые можно принять за копына сена, обступивши вокруг, дивятся красоте ее» (II, 244). Ср. в песне «Агафонущка»:

Высока ли высота потолочная,
Глубока глубота подпольная,
А и широко раздолье — перед печью шесток,
Чисто поле — по подлавечу,
А и синее море — в лохани вода .. ⁹

«Смех, — по наблюдению Д. С. Лихачева, — делит мир надвое, создает бесконечное количество двойников, создает смеховую „тень“ действительности, раскалывает эту действительность. Эта „смеховая работа“ имеет свою инерцию...». ¹⁰ Так и у Гоголя наряду с Иваном Ивановичем возникает Иван же Никифорович. А далее появляется еще «не тот Иван Иванович, а другой», а вместе с ним Тарас Тарасович, Евтихий Евтихиевич, Елевферий Елевфериевич... В свою очередь кривой Иван Иванович наряду с хромым городничим — тоже из иного мира, опрокинутого, безобразного, и эта деталь обыгрывается Гоголем снова и снова, по законам балагурства — ср.: «Городничий даже бился с кривым Иваном Ивановичем, что не придет (Иван Никифорович. — С. Ф), но разошелся только потому, что кривой Иван Иванович требовал, чтобы тот поставил в заклад простреленную свою ногу, а он кривое око...» (II, 270). В том же значении в повести постоянно происходит замещение абстрактно-духовного конкретно-бытовым, плотским — ср.: «Иван Иванович имеет необыкновенный дар говорить чрезвы-

⁶ Демокрит 1815 Кн 2 С 132

⁷ Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики М, 1973 С 488, 493

⁸ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понирко Н. В. Смех в Древней Руси Л, 1984 С 15

⁹ Там же С 257

¹⁰ Там же С 35

чайно приятно. Господи, как он говорит! Это ощущение можно сравнить только с тем, когда у вас ищут в голове или потихоньку проводят пальцем по вашей пятке» (II, 226). Как заметил В. В. Виноградов: «В большинстве случаев эти словосочетания создают иллюзию смыслового уравнивания названий частей или вообще принадлежностей человеческого организма с именами обособленных вещей».¹¹

Под стать этому и портреты гоголевских героев: «Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз; голова Ивана Никифоровича на редьку хвостом вверх» (II, 226), — здесь и удвоение и перевертыш; «Весь стан ее (Агафии Федосеевны. — С. Ф.) похож был на кадущку <...> Ножки ее были коротенькие, сформированные на образец двух подушек» (II, 241) — опять удвоение и рифмовка; «У судьи (Демьяна Демьяновича! — С. Ф.) губа находилась под самым носом <...> Эта губа служила ему вместо табакерки» (II, 245). Таковы портреты и в народной сатире:

У нашего свата
Голова кудрява и хохлата,
Рожа — как кринка,
Нос — как дубинка,
Вместо рук — два ухвата,
Вместо ног клюка да лопата. ¹²

Среди миргородских обывателей по-особому выделен Антон Прокофьевич Пупопуз (так первоначально обозначена его фамилия, комически удвоенная — см. II, 225): «Антон Прокофьевич был совершенно добродетельный человек во всем значении этого слова: даст ли ему кто из почетных людей в Миргороде платок на шею или исподнее — он благодарит; щелкнет ли его кто слегка в нос, он и тогда благодарит. Если у него спрашивали: отчего это у вас, Антон Прокофьевич, скюртук коричневый, а рукава голубые? — то он обыкновенно отвечал: „А у вас и такого нет...“» (II, 266). Он не просто шут, в миргородском обществе он занимает место юродивого. Как отмечает А. М. Панченко, «юродивый постоянно провоцирует зрителей, прямо-таки вынуждает их бить его», живет подаянием; «Рубаха юродивого не только покрывала срам, она была театральным костюмом. В описании этого костюма бросается в глаза одна повторяющаяся деталь, а именно лоскутность, „многошвейность“ рубахи»; «Знаменательно, что многие подвижники получили прозвание „нагой“»¹³ — это, вероятно, объясняет второе прозвище Антона Прокофьевича в повести: Голопузь (см.: II, 266).

Используя традиции смехового мира средневековья, Гоголь воссоздает современный мир. В Древней Руси жизнь была раздвоена на божественно-совершенную и нелепо-реальную, не отвечающую религиозному идеалу, верховному Закону. В мире Гоголя несколько иная антитеза. Если в средневековой смеховой литературе церковь уподоблялась кабаку («Служба кабаку», «Калызинская лелобитная», «Праздник кабацких ярыжек» и пр.), то в повести о ссоре в трактир превращается миргородский суд (см. особенно главу «О том, что произошло в присутствии миргородского поветового суда») — по всем привычкам этого кромешного антимира, вплоть до того, что «крыша на нем вся деревянная, а была бы даже выкрашена красною краскою, если бы приготовленное для того масло канцелярские, приправивши луком, не съели, что было как нарочно во время поста...» (II, 244). Если в древнерусских «изнаночных» произведениях искажаются церковные тексты,

¹¹ Виноградов В. Этюды о стиле Гоголя. Л., 1925. С. 80.

¹² Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. С. 272.

¹³ Там же. С. 90, 94–92.

то в ябедах Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича в крошечный (теневой) мир опрокидывается закон. И все нелепое разбирательство их прошений строится по принципу алогизма. Из жизни выхолощена суть, душа, и законы превращаются в антизаконы, отчужденные от истины и человека. Да и люди здесь — на кого они похожи? «Свиньи хрю, поросята гии, гуси гого...».¹⁴

В этом «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» уже предвещала «Мертвые души».

¹⁴ Там же. С. 249.

И. П. СМЕРНОВ

Глухонемой демон

(Об одном автошарже Б. Л. Пастернака в романе «Доктор Живаго»)

Если бы роман был написан в совершенно новой форме, он был бы более понятен. Но роман Пастернака, его язык кажутся традиционными, принадлежащими к традициям русской романной прозы XIX в. < > Между тем < > перед нами вовсе не роман, а род автобиографии самого Пастернака

Д. С. Лихачев

1.1. Встреча Юрия Живаго в поезде с Максимом Аристарховичем Клиновым-Погоревших никак не влияет на сюжет пастернаковского романа, не детерминирует судьбу его персонажей. Погоревших появляется в тексте, чтобы бесследно покинуть его (врученный Юрию Живаго селезень, подстреленный Погоревших, торжественно съедается в революционной Москве, знаменуя тем самым исчезновение дарителя). Но тему анархизма, намеченную при изображении Зыбушинской республики и одного из ее зачинщиков, Пастернак не обрывает. Она повторяется по ходу развития романного действия, составляя один из важных смысловых планов «Доктора Живаго».

Клинова-Погоревших сменяет в партизанских главах Вдовиченко-Черное знамя — средоточие истории анархизма, как мы постараемся доказать.

По внешности, темпераменту и биографии Вдовиченко напоминает прежде всего С. М. Кравчинского (Степняка), разделявшего в пору его бытности в кружке Н. В. Чайковского анархические убеждения П. А. Кропоткина: «Не зная ни минуты покоя, вставал с полу и садился на пол, расхаживал и останавливался посреди сарая столп русского анархизма Вдовиченко-Черное знамя, толстяк и великан с крупной головой, крупным ртом и львиной гривой, из офицеров чуть ли не последней русско-турецкой войны и, во всяком случае, — русско-японской, вечно поглощенный своими бреднями мечтатель. По причине беспредельного добродушия и исполинского роста, который мешал ему замечать явления неравного и меньшего размера, он без достаточного внимания относился к происходившему и, понимая все превратно, принимал противные мнения за свои собственные и со всем соглашался».¹

В «Записках революционера» Кропоткин отмечает энергичность и необычайную физическую силу Кравчинского (позволявшую ему разыгрывать роль пыльника во время хождений в народ), его инфантилизм (чайковцы

¹ Пастернак Б. Собр. соч. В 5 т. М., 1990 (1989—1992) Т. 3 С. 315. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страницы.

прозвали его «Младенцем») и его беззаботное нежелание считаться с реальностью (так, он не принимал мер предосторожности, необходимых для конспиратора). Как известно, Кравчинский закончил Михайловское артиллерийское училище, а в 1875 г. оказался среди южных славян, поднявших Герцеговинское восстание против турок (что соответствует пастернаковским мотивам офицерского прошлого Вдовиченки и его вероятного участия в русско-турецкой войне). Фамилию *Вдовиченко* носил один из махновцев, командир Азовской армии. Но почему Пастернак выбрал из всех фактических имен анархистов именно это? Не потому ли, что оно может быть прочитано как анаграмма, сложенная из названия романа *«Овод»* и фамилии его автора *Войнич*? (Кравчинский дружил с Э. Л. Войнич).

Вдовиченко наделен внешними чертами не только Кравчинского, но и М. А. Бакунина. Телесная полнота и львиная голова — характерные приметы, подчеркнутые в разных словесных портретах Бакунина, начиная с того, который набросал в своих мемуарах А. И. Герцен. Но у Герцена нет словосочетания «львиная грива»,² которое Пастернак перенял из парафразирования герценовских мемуаров, предпринятого А. А. Блоком в его очерке «Михаил Александрович Бакунин».³ Впрочем, и те признаки Вдовиченки, которые в первую очередь совпадают, как кажется, с особенностями Кравчинского, не противоречат отождествлению Вдовиченко = Бакунин (например, Бакунин был офицером русской армии и сторонником панславизма, хотя и не боролся с турками непосредственно, как, возможно, Вдовиченко и, на самом деле, Кравчинский).

Третий зачинатель русского анархизма, Кропоткин, становится опознаваемым в качестве прототипа Вдовиченки, если обратить внимание на «полубурята» (3, 315) Свирида. Всегдашний спутник Вдовиченки, таежный охотник Свирид — представитель стихийного народного анархизма. По признанию Кропоткина, сделанному им в «Записках революционера», его обращение в анархическую веру произошло тогда, когда он занимался этнографическими и топографическими исследованиями в пойме Амура и знакомился с социальной жизнью тамошних аборигенов, определявшейся, с его точки зрения, волей народной массы, а не лидеров. Пастернак придал Свириду ярко выраженный монгольский тип лица, соответствующий расовым признакам тех народностей, с которыми сталкивался в Сибири Кропоткин, и вменил своему персонажу роль проповедника войны: «Теперь наше дело воевать да переть напралом» (3, 318), — что интертекстуально мотивировано: Кропоткин писал о том, сколь решающей оказывается инициатива низов по ходу военных приготовлений, наблюдавшихся им у не затронутых «цивилизацией» племен.

Революционная кличка «столпа русского анархизма» отправляет читателей к следующему за эпохой Бакунина, Кравчинского и Кропоткина периоду в истории русского анархизма. Журнал «Черное знамя» был основан в Женеве в 1905 г. И. С. Гроссманом (Роциным). Во время первой русской революции члены группы «чернознаменцев» явились сторонниками самых крайних форм террора.⁴

Описание гибели Вдовиченко нацелено на то, чтобы вызвать в памяти читателей факты разгрома большевиками анархистского движения. История русского анархизма прослеживается Пастернаком на примере Вдовиченки от начала до ее вынужденной приостановки. Вдовиченко показан главным конкурентом пробольшевистски настроенного партизанского вожака Ливерия:

² Герцен пишет о Бакунине в «Былом и думах» « сам он — исполин с львиной головой, с всклокоченной гривой» (Герцен А И Собр соч В 30 т М, 1957 Т 11 С 360)

³ Блок А А Собр соч В 8 т М, Л, 1962 Т 5 С 32

⁴ Об этой группе см подробно Avrich P The Russian Anarchists Princeton, 1967 P 46 ff

«...его влияние, соперничавшее с авторитетом Ливерия, вносило раскол в лагерь» (3, 355).

Эта романная ситуация соответствует той действительной, которая сложилась в Москве к весне 1918 г., где малочисленные большевики (насчитывавшие всего 8000 членов партии) вступили в вооруженную схватку с анархистами, быстро набиравшими общественное влияние.⁵ То обстоятельство, что Вдовиченко расстреливают вместе с настоящими пособниками белогвардейцев, затеявших заговор против Ливерия, отражает собой обычную тактику большевиков, использованную ими особенно бесцеремонно в дни Кронштадтского восстания, когда поднявшие его матросы-анархисты были обвинены государственной властью в том, что они поставили себя в услужение якобы руководившему ими бывшему царскому генералу Козловскому.⁶

Вот речь Вдовиченки перед смертью, обращенная к его другу, Бонифацию Ржаницкому: «— Не унижайся, Бонифаций! Твой протест не дойдет до них. Тебя не поймут эти новые опричники, эти заплечные мастера нового застенка. Но не падай духом. История все разберет. Потомство пригвоздит к позорному столбу бурбонов комиссародержавия и их черное дело. Мы умираем мучениками идеи на заре мировой революции. Да здравствует революция духа. Да здравствует всемирная анархия» (3, 351).

Фразеология Вдовиченки обнаруживает детальное знакомство Пастернака с московской анархической печатью и документами анархистского движения. Клеймя большевиков «опричниками», Вдовиченко перекликается с протестами, которыми газета «Анархия» заполнилась после массовых арестов анархистов, совершенных в Москве 12 апреля 1918 г. В статье из этой газеты за подписью «Андрей» читаем: «...коммунизм социалистов-государственников <...> — это монашеская скуфейка, в которую ридились Иоанн Грозный и его опричники».⁷ Несколькими днями позднее «Анархия» упрекнула Троцкого (инициатора ликвидации анархистских особняков) за то, что он «пошел <...> по стопам Грозного».⁸ Анархистский неологизм «комиссародержавие» перекочевал в речь Вдовиченки, скорее всего, из прокламации «анархистов подполья», предпринявших 25 сентября 1919 г. взрыв Московского комитета РКП в Лаврентьевском переулке: «Наша задача — стереть с лица земли строй комиссародержавия и чрезвычайной охраны...». Этот документ мог быть известен Пастернаку по издававшейся в 1920—1922 гг. «Красной книге ВЧК», посвященной разоблачению анархо-терроризма.⁹

Параллели к заключительной здравнице Вдовиченки в честь «революции духа» и «всемирной анархии» отыскиваются в сочинениях братьев Гординых. Одно из них (стихотворная книга) носит название «Анархия Духа (Благовест безумия в XII песнях)» (М., 1919).¹⁰ В другом они развили теорию «пананархизма», которая включала в себя, среди прочего, надежду на то, что в будущем осуществится «коммунальное владение земным шаром»¹¹ (в обоих случаях кур-

⁵ См. подробно, например Maximoff G. P. The Guillotine at Work. Twenty Years of Terror in Russia (Data and Documents). Chicago, 1940. P. 407 ff.

⁶ Ibid. P. 161 ff., разоблачение большевистской пропаганды, направленной против кронштадтцев, началось сразу же вслед за подавлением их восстания см., например Bergman A. Der Aufstand von Kronstadt (1922) // Anarchismus Theorie Kritik Utopie Texte und Kommentare / Hrsg. von A. v. Bornes und I. Brandies. Frankfurt a. M., 1970. S. 182 ff.

⁷ Анархия 1918. 21 апр. № 43. С. 1.

⁸ Там же 1918. 24 апр. № 45. С. 1 (статья подписана псевдонимом «Н. Гордый», за которым скрывался, вероятно, А. Л. Гордин).

⁹ Цит. по Красная книга ВЧК. 2-е изд. М., 1989. Т. 1. С. 329.

¹⁰ Эту интереснейшую апологию безумия, как нам кажется, предвосхищавшую обзриутское творчество, братья Гордины закончили уже в 1914 г.

¹¹ Братья Гордины. Манифест анархистов. М., 1918. С. 4. Некоторые из идей братьев Гординых проанализированы, см. Ударцев С. Ф. Власть и государство в теории анархизма в России // Анархия и власть. М., 1992. С. 59 и след.

сив мой. — И. С.). Но имел ли Пастернак в виду здесь только братьев Гординых? Идеей «анархии Духа» они были обязаны Г. Ландауэру, застреленному в мюнхенской тюрьме после поражения Баварской советской республики: «Wo Geist ist, da ist Gesellschaft. Wo Geistlosigkeit ist, ist Staat. Der Staat ist das Surrogat des Geistes».¹² Похоже, что обращение Вдовиченки в его последней речи к *Бонифацию* было призвано ввести в роман немецкую тему: св. Бонифаций крестил германцев и был убит язычниками в 755 г. Площадку в лесу, на которой расстреливают анархистов, Пастернак изобразил как языческую святыню: «...гранитные глыбы <...> были похожи на плоские отесанные плиты доисторических дольменов <...> Здесь могло быть в древности какое-нибудь языческое капище неизвестных идолопоклонников, место их священнодействий и жертвоприношений» (3, 349).

Соблазнительно предположить, что Пастернак ассоциировал замученного солдатней Ландауэра с «апостолом Германии», ее христианским перво-мучеником. Но настаивать на этом соображении не приходится: сравнивая Вдовиченку и Ландауэра, мы остаемся в области догадки (ведь «анархия Духа» наша себе и русских адептов). Оказались ли мы в данном случае не в состоянии точно раскрыть замысел автора, пропустив в его тексте некую деталь, которая позволила бы нам без колебаний увидеть в Ландауэре один из прототипов Вдовиченки, или же сам пастернаковский замысел был в том, чтобы построить роман, снабжающий будущего исследователя по временам принципиально недостаточными аргументами, поддающийся в каких-то из своих смысловых звеньев лишь гипотетической дешифровке, лишь гадательному прочтению, заманивающий в ловушку предположений с тем, чтобы заставить сомневаться в них?

1.2.1. Итак, Клинецов-Погоревших, теряясь по мере развития романа как индивид, все же продолжает находиться в нем как идея — анархизма. При всей традиционности, о которой писал Д. С. Лихачев, роман Пастернака скрытно инновативен: он представляет собой попытку создания **неантропоморфного текста**.

Антропоморфизм устанавливает сходство с нами всего, что нами не является, т.е. природного и божественного миров, на том основании, что предполагает автоморфизм человека, его — хотя бы относительное — равенство самому себе. Иначе говоря, антропоморфизм исходит из того, что человеческое тело самоотчужденно даже там, где его нет, где оно должно бы уступить себя низшему или высшему, чем оно, миропорядкам. В конечном счете мы хотим сказать, что проецирование человеческого во внечеловеческое имеет психологическую подоплеку, что оно не могло бы состояться, если бы мы не были озабочены самосохранением, доведенным нами — в максимуме — до сохранения себя за нашим пределом, за границей наших тел.

В противоположность глубоко укоренившемуся в литературе (сотериологически настроенной и потому доставляющей наслаждение читателю) антропоморфизму Пастернак сконструировал роман, который отнял у человеческого тела его претензию на расширяющуюся вовне, экспансионистскую автоидентичность. Персонаж (Погоревших) выбрасывается прочь из романа, даже несмотря на то, что он воплощает собой идею, которая и после его исчезновения будет актуальной для текста.¹³ Позитивный смысл в романе

¹² Landauer G. Aufruf zum Socialismus (1911). Zweite vermehrte und verbesserte Auflage. Berlin, 1919 S 18.

¹³ Из романного сюжета после недолгого участия в нем изымаются и многие иные действующие лица, см. подробно: Faryno Jerzy О разночтениях и об исчезновениях в «Докторе Живаго» (Кто куда девался и что остается в силе?) // Pasternak-Studien. I Beiträge zum Internationalen Pasternak-Kongress 1991 in Marburg / Hrsg von S. Dorzweiler und H.-B. Harder München, 1993 S 41 ff. (Marburger Abhandlungen zur Geschichte und Kultur Osteuropas Bd 30)

(эпизод сна Юрия Живаго в лесу) обретает натуроморфность человека, его способность стать неотличимым от природы. Конечно же, в своей неантропоморфности роман отвечает никогда не покидавшему Пастернака убеждению в том, что утрата себя ценнее для индивида, чем желание во что бы то ни стало законсервировать «я». ¹⁴ Думая таким образом, Пастернак полемизировал со Спинозой, выдвинувшим в «Этике» тезис, по которому первопродетелью человека выступает самосохранение, противостоящее страстям. ¹⁵ Убранный из романа Погоревших и культивировавший разрыв с собой автор этого романа имеют нечто общее. Что именно?

1.2.2. Прежде чем ответить на этот вопрос, заметим, что положительная сторона пастернаковского отказа от антропоморфизма не исчерпывается только натуроморфизмом. Пастернак утверждает примат темы героя над телом героя. Связность романного текста обеспечивается не за счет единства персонажа, попадающего в разные ситуации, но благодаря помимолочной сопоставимости разных персонажей в почти одних и тех же обстоятельствах (например, идейный анархист Погоревших — охотник-любитель, а стихийный анархист Свирид — охотник-профессионал). Слово с абстрактным значением ('анархист', 'охотник' и т.п.) превосходит в «Докторе Живаго» по своему сюжетному весу слово, изображающее человека в его неповторимости, индивидуальности. Роман написан как бы надчеловеческим словом, каковое есть Логос (не случайно Живаго видит в Откровении Иоанна, в передаче Божьей речи, прообраз всякого большого искусства). Будучи сопоставлено Логосу, пастернаковское слово хотя и не творит мир, как подлинно божественный глагол, но все же охватывает данное нам в истории в наибольшем объеме: так, Вдовиченко концентрирует в себе анархизм в самых разных его персональных проявлениях. Неантропоморфный по одному счету, текст Пастернака **геоморфен** — по другому. Религиозно-философский роман нашел у Пастернака соответствующую содержанию словесно-сюжетную форму — свое **завершение**.

И «Доктор Живаго» оказался при этом **анархией** текста. Не в том смысле, разумеется, что роман хаотичен. Но в том, что он не воссоздает устроенный человеком, институционализованный порядок. «Доктор Живаго» есть текст, где нет власти. Анархический текст не аналогичен государству, в отличие от традиционных романов, — во многих случаях он не властен над населяющими его индивидами, — во многих случаях неведомую читателям судьбу, как Погоревших, где-то вне литературы. Пастернаковский человек анар-

¹⁴ О значении самоотказа для Пастернака см подробно Гаспаров Б. Gradus ad parnasum (Самосовершенствование как категория творческого мира Пастернака) // Wiener Slavistischer Almanach. 1992. Bd 29 S 75 ff

¹⁵ Здесь не место рассматривать все этапы долгой тяжбы Пастернака со Спинозой по поводу страстей (аффектов), укажем лишь на то, что этот спор открылся в «Сестре моей — жизни» («Определение творчества»), был продолжен в «Охранной грамоте» (там, где была поставлена проблема поколений) и нашел завершение в романе — в суждениях Юрия Живаго о революции как о Боге, спустившемся на землю и тем даровавшем людям свободу безумной саморастраты. Напомним в связи с мыслями Живаго, касающимися революции, о главных положениях контрастного им нравственного учения Спинозы, который считал, что Бог не ведает страстей, что задачу человека в его разумной любви к Богу (Amor Dei intellectualis) составляет преодоление аффектов и, следовательно, спасение себя в приближении к бесстрастному вечному Началу всего сущего. Бог революции в пастернаковском романе страстен (и поэтому эквивалентен вызывающей страсть заглавного героя Ларе «За своим плачем по Ларе он (Живаго — И С) оплакивал также то далекое лето в Мелюзее, когда революция была тогдашним < > Богом» (3, 448)), пастернаковский человек в верховном своем (бунтующем) проявлении безрассуден и не подчинен общему принципу разумной нравственности «каждый сумасшествовал по-своему и жизнь каждого существовала сама по себе, а не пояснительно-иллюстративно, в подтверждение правоты высшей политики» (Там же)

хический мультииндивидуален (он — и Погоревших, и Вдовиченко), коллективен, социален вне государственной (по Гоббсу) сверхличности.

Постмодернизм нашел бы в Пастернаке и врага, и союзника. Тогда как постмодернисты отрицают логоцентризм (Ж. Деррида, «О грамматологии, 1967), Пастернак руководствуется Логосом. В то же время пастернаковский индивид точно так же, как шизоидный человек, проанализированный Ж. Делезом и Ф. Гаттари («Анти-Эдип», 1972), расколот, множествен, анархичен в своей несводимости к одному телесному облику и в следующей отсюда нетрансцендируемости индивидуального в государственное.

Пастернак — анархист? Да, религиозный (сектантски-православный) анархист в традиции Льва Толстого. Чтобы доказать сказанное, разберемся в Клинцове-Погоревших.

2.1.1. Погоревших — одна из самых загадочных и сложно задуманных фигур в пастернаковском романе, образованная из отсылок как к литературным, так и к фактическим прототипам.

О литературных предшественниках этого персонажа в романах Достоевского мы уже писали.¹⁶ Когда Устинья на митинге в Мелозееве сравнивает глухонемого Погоревших с вещающей Валаамовой ослицей, она воспроизводит слова Федора Павловича Карамазова, сказанные им Алеше: «„ — У нас валаамова ослица заговорила, да как говорит-то, как говорит!“. Валаамовою ослицей оказался лакей Смердяков».¹⁷

На сходство Погоревших с младшим Верховенским пастернаковский роман наводит нас без обиняков: «Опять запахло Петенькой Верховенским, не в смысле левизны, а в смысле испорченности и пустозвонства» (3, 162).

Пастернак сделал Погоревших уголовной тенью революционера (Ивана Карамазова) и отрицательным революционером (списанным Достоевским с анархиста Нечаева). Обреченные Пастернаком на глухонемому «бесь» Достоевского (ср. в «Докторе Живаго»: «Что за чертовщина? <...> что-то читанное, знакомое» (3, 158)) становятся в один ряд с «демонами глухонемыми» Ф. И. Тютчева. Тем самым Пастернак связывает Погоревших с тайной высшего ранга (*magnum ignotum*):

Одни зарницы огневые,
Воспламенясь чередой,
Как демоны глухонемые
Ведут беседу меж собой

И вот опять все потемнело,
Все стихло в чуткой темноте —
Как бы таинственное дело
Решалось там — на высоте!¹⁸

Тексты Достоевского и Тютчева только отчасти объясняют Клинцова-Погоревших. Еще одно смыслообразующее начало состоит здесь в том, что Погоревших — собирательный образ футуриста (ср.: «„Сейчас он футуристом отрекомендуется“, — подумал Юрий Андреевич, и действительно, речь зашла о футуристах» (3, 162)). Свое редкое отчество, *Аристархович*, Погоревших перенял у Большакова, которого Пастернак прославил как второго Маяковского в «Охранной грамоте».¹⁹ Одна из двух фамилий пастернаков-

¹⁶ Смирнов И П Порождение интертекста (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б Л Пастернака) Wien, 1985 S 62 ff (Wiener Slawistischer Almanach Sonderband 17)

¹⁷ Достоевский Ф М Полн собр соч В 30 т Л, 1976 Т 14 С 114

¹⁸ Тютчев Ф И Лирика М, 1965 Т 1 С 205

¹⁹ См также Смирнов И П Двойной роман (о «Докторе Живаго») // Wiener Slawistischer Almanach 1991 Bd 27 S 121—122

ского героя, *Погоревших*, соотносима по смыслу с названием сборника стихов эгофутуриста Рюрика Ивнева «Самосожжение» (1913, 1917), деятельного автора газеты «Анархия». Имя Погоревших, *Максим*, не следует толковать однозначно, но если уж приняться интерпретировать его, то нельзя не упомянуть, среди прочего, псевдоним *Махт*, которым пользовался Рюрик Ивнев в «Анархии». Морфологически фамилия *Погоревших* близка фамилии *Крученых*. Дядя-революционер объединяет пастернаковского героя с В. Шершеневичем (племянником видного члена кадетской партии²⁰).

В главе о Погоревших Пастернак возвращается к тому, в чем он однажды уже обвинил Шершеневича. В статье Пастернака «Вассерманова реакция» (1914) Шершеневич был выставлен «самозванцем», представителем «ложного футуризма», подражателем, который, сообразно своему имитационному (осужденному Пастернаком вслед за «Политеией» Платона) дару, прибегает к необязательным переносам значений по сходству, вместо того чтобы отдать предпочтение смежности (4, 350—353). В статье Пастернак вел речь о «сурьезной глухоте» (4, 353) Шершеневича и о его неспособности ни к чему, кроме «праздной симуляции» (Там же), — ср. глухонему Погоревших, который тем не менее воспроизводит и воспринимает речь.²¹ Рисуя Погоревших, Пастернак прибегает к редчайшему в мировой литературе приему преодоленной немой сцены.²²

2.1.2. Анархистствующий футуризм, персонифицированный Клинцовым-Погоревших, Пастернак возводит к сочувствовавшему анархизму Герцену Пастернаковский глухонемой, научившийся распознавать движение губ собеседника, совпадает с сыном Герцена, преодолевшим тот же недостаток, что и у Погоревших, в специальной щорихской школе, где он начал говорить по-немецки. Становится понятным, почему в фонетику Погоревших примешивается то ли французская, то ли немецкая: «...по всему русский, он одну гласную, а именно „у“, произносил мудреннейшим образом. Он ее смягчал наподобие французского „u“ или немецкого „u Umlaut“» (3, 158).

Не различая разрушение и творчество, Погоревших следует знаменитому бакунинскому афоризму, но считая, что русская революция пока не была безоговорочно деструктивной («Общество развалилось еще недостаточно. Надо, чтобы оно распалось до конца, и тогда настоящая революционная власть соберет его на совершенно других основаниях» (3, 163)), он почти буквально цитирует антибольшевистские вариации на тему Бакунина из газеты «Анархия»: «Но разрушение и теперь еще не кончено, не все камни рассыпались <...> надо стараться разрушить возможно больше камней, чем больше их будет разрушено, тем больше будет материала для созидания»²³

Третья выдающаяся фигура в истории мирового анархизма, которой Погоревших причастен, как Герцену и Бакунину, хотя и иначе, чем этим

²⁰ Шершеневич В. Великолепный очевидец. Поэтические воспоминания 1910—1925 гг. // Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариненгофа, Шершеневича, Грузинова М., 1990. С. 497—498. Шершеневич (в «Раннем утре») и Рюрик Ивнев (в «Анархии») связали себя в 1918 г. литературной полемикой, разыгравшейся по поводу статьи Шершеневича, которая порицала Блока и Маяковского за их сотрудничество с большевиками.

²¹ Увлечение Клинцова-Погоревших анархизмом, футуризмом, а также спортом передает то содержание, которым была наполнена издававшаяся в 1918 г. в Москве газета «Жизнь и творчество русской молодежи» (ср. настойчивое именование Клинцова-Погоревших «молодым человеком») Пастернаковский роман о революции газетов, как и произведения о ней Достоевского. К вопросу «Пастернак и газета» см. подробно Флейшман Л. Борис Пастернак в тридцатые годы. Jerusalem, 1984. *passim*.

²² Немые сцены (*aprosopese*) тщательно исследованы, см. Kotzinger S. Der Diskurs des Erhabenen bei Gogol und die longinsche Tradition. 1994 (ms).

²³ Коробка Б. «Дух разрушающий есть в то же время и дух созидующий» // Анархия. 1918. 5 марта. № 11. С. 2.

двум, — Г. Ибсен. На то, что подбитые Клинцовым-Погоревших утки интертекстуально соотносятся с пьесой Ибсена «Дикая утка», уже давно обратил внимание Р. Л. Джексон.²⁴ Наше толкование ибсеновского подтекста в «Докторе Живаго» несколько отступает от того, что было дано прежде. В пьесе Ибсена девочку-подростка уговаривают пожертвовать живой уткой с тем, чтобы она могла вернуть любовь того, кого она считает отцом, — вместо этого она кончает самоубийством. Проведенную Ибсеном анархистскую критику буржуазной семьи, чьей жертвой становится ребенок, Пастернак обращает на анархизм. Погоревших несет идейную ответственность за то, что в его анархистской республике было совершено убийство юного комиссара Гинца («в делах младенца», «еще ребенка» (3, 144)). Соответственно интертекстуальному переходу от женской жертвы к мужской (intertextual genderschift) Погоревших дарит Юрию Живаго «дикого селезня» (3, 165).

Почему Живаго принимает этот подарок?

2.2.1. Раскроем, наконец, наши карты. Изображая Клинцова-Погоревших, Пастернак рассчитывался и со своим анархо-футуристическим прошлым. Автобиографизм пастернаковского романа распространяется на его отрицательных персонажей.

Пастернак снабдил Клинцова-Погоревших рядом собственных черт. Как и автор романа, Погоревших из-за физического недостатка не был призван в солдаты. Но он меткий стрелок — опять же, как Пастернак, отличавшийся на стрелковых учениях в Переделькине в 1941 г.²⁵ В этом освещении глухонмота Погоревших может быть сопряжена не только с дефектом сына Герцена, но и с отсутствием абсолютного слуха у Пастернака и с вызванными крахом его композиторской карьеры стихами: «Я в мысль глухую о себе Ложусь, как в гипсовую маску» (1, 503).²⁶ Косвенный автобиографизм Пастернак вкладывает во вторую фамилию Погоревших, *Клинцов*. В Клинцах (посаде Сурожского уезда Черниговской губернии, основанном старообрядцами Епифановского согласия) проводил свои летние каникулы близкий друг Пастернака, К. Г. Локс, которому было посвящено стихотворение со значимым для нас названием «Близнец на корме». Клинцов, следовательно, — и Пастернак, и его студенческий товарищ. Зыбушино в «Докторе Живаго», будучи местом действия Клинцова²⁷ («Зыбушино всегда было источником легенд и преувеличений. Оно стояло в дремучих лесах <...> Притчей

²⁴ Jackson R. The Symbol of the Wild Duck in «Dr Zhivago» // Comparative Literature 1963 Vol 15, N 1 P 39 ff. Изучение мотива уток и охоты у Пастернака было продолжено, см. Vishniak V. Pasternak's Roslyj strelok and the Tradition of the Hunter and the Duck // Irish Slavonic Studies 1986 N 7 P 53 ff.

²⁵ О Пастернаке-стрелке и охотнике см. Флейшман Л. Борис Пастернак в двадцатые годы. Munchen, [1981] S 55—56.

²⁶ «Погоревших был феноменально способным воспитанником школы Гартмана или Остроградского» — значит в романе (3, 162) А. Ф. Остроградский — известный директор училища глухонемых в конце XIX—начале XX в. Нам не удалось, однако, разыскать Гартмана среди тех, кто прославился в России борьбой с глухонмотой. Даже если в их числе и был некий Гартман, он не был столь популярен, как А. Ф. Остроградский. Какого Гартмана называет здесь Пастернак? Не своего ли марбургского учителя, философа Н. Гартмана? Это предположение не покажется безудержной фантазией, если обратиться к «Охранной грамоте». Мысль о разрыве с марбургской философией вызывает у героя этого текста в поезде, в котором он едет вместе с охотником, чиновником «лесного департамента с ягдташем через плечо и ружьем на дне вешевой сетки» (4, 183). Охотник в «Охранной грамоте» — alleg ego студента автор жертвует философией, первый приносит в жертву животных. Оглядываясь на ранний автобиографический очерк Пастернака, мы получаем право сказать, что в «Докторе Живаго» воспроизводится двойничество разочаровавшегося в своем призвании философа, воспитанника Н. Гартмана, с охотником.

²⁷ В Клинцах, кстати сказать, существовала сильная анархистская ячейка.

во языках были состоятельность его купечества <...> Некоторые поверья <...> отличавшие эту, западную часть прифронтовой полосы, шли именно из Зыбушина. Теперь такие же небышцы рассказывали про главного помощника Блажейко» (3, 133)), пересекается во многих своих признаках с Клинциами, как их описал Локс в мемуарах «Повесть об одном десятилетии»: «В Клинцах <...> можно было <...> обозреть <...> несколько суконных фабрик <...> Они-то и были одним из звеньев благосостояния местного населения <...> Кругом высоким тыном стояли глубокие брянские леса, раскольники обосновались в их дебрях и <...> занялись рукоделием и торговлей <...> В лесу Гавриила <...> завел речь о пожарах и вспомнил бабушку Федосью, заговаривавшую огонь. Горела деревня, подожженная молнией, бабушка Федосья провела прутом по стене горевшего амбара, и огонь, дойдя до указанной ему черты, остановился (ср. еще раз вне футуристического контекста: *Погоревших*. — И. С.). Я слушал обо всех этих чудесах, вспоминая „мифотворчество“, произносившееся в московских салонах...»²⁸

Привнесение автобиографичности в карикатуру на анархиста объясняется тем, что Пастернак опубликовал в 1918 г. в газете «Знамя труда» проникнутую анархистской идеологией сценку «Диалог».

Герой «Диалога» попадает из коммунистической России, где нет собственности, в буржуазную Францию и, забывшись, съедает на рынке дыню, не заплатив за нее, что полицейские принимают за кражу. Во Франции пастернаковский герой объясняется, среди прочего, жестами (ср. карточку с изображением жестовой азбуки глухонемых, которую вручает Юрию Живаго Погоревших). Буржуазной «оседлости духа» (4, 492) анархист из «Диалога» противопоставляет свободно блуждающую по миру духовность (точно так же несущественно местонахождение и для Погоревших, который заявляет, что Зыбушино было «безразличной точкой приложения его <...> идей» (3, 163)).

«Диалог» реализует сюжетную формулу Прудона, которая сделалась первотолчком для европейского анархизма XIX—XX вв.: «Qu'est-ce que la propriété? <...> C'est la vol». Проблема гения, над которой бился Прудон, проектируя общество равных в «Что такое собственность?», решается Пастернаком в «Диалоге» так, что гениальным в анархическом мире оказывается каждый: «Все гениальны, потому что <...> отдают всего себя...» (4, 492). В романе Пастернак возвращается к Прудону, когда Погоревших заявляет: «У меня нечего красть» (3, 159).

2.2.2. Живаго наследует Клинцову-Погоревших по мере движения романских событий как анархисту. Он тоже анархист, но не бакуинец или анархо-индивидуалист, а толстовец. Попав к партизанам, он говорит их начальнику о программе его курсов для бойцов: «Все, что у вас сказано об отношении воина народной армии к товарищам, к слабым и беззащитным, к женщине, к идее чистоты и чести, это ведь почти то же, что сложило духоборческую общину, это род толстовства, это мечта о достойном существовании, этим полно мое отрочество» (3, 334).

Но Ливерий не отвечает идеалам Живаго. Может показаться странным, что религиозный Живаго, озлобясь на Ливерия, называет его именем одного из отцов церкви: «Завел шарманку, дьявол! Заработал языком! <...> Заслушался себя, златоуст, кокаинист несчастный <...> О, как я его ненавижу. Видит Бог, я когда-нибудь убью его» (3, 336). Пейоративное использование имени Иоанна Златоуста не будет, однако, удивлять, если учесть толстов-

²⁸ Локс К. Повесть об одном десятилетии (1907—1917) / Публикация Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова // Минувшее. Исторический альманах, 15 М., СПб., 1994 С. 84, 86

ский анархизм Юрия Живаго. В трактатах «В чем моя вера?» и «Царство Божие внутри вас» Толстой обвинил Иоанна Златоуста в том, что именно он извратил учение Христа в реформаторском учении о церкви воинствующей.²⁹ Выводя Ливерия-Златоуста наркоманом, Пастернак усматривает в официальной религии то же, что Маркс («...опиум для народа») и Новалис (источник Маркса): «Ihre sogenannte Religion wirkt bloß, wie ein Opium...»³⁰ Дезертируя из партизанского лагеря, Живаго откликается на духоборство³¹ и на пацифистские призывы Толстого, склонявшего своих сторонников к непослушанию в случае воинской повинности.

Живаго — не только Пастернак, но все же, бесспорно, рупор пастернаковских идей. Как религиозный анархист Живаго извиняет Пастернака за его увлечение в молодости Прудоном. Но будучи вторым Клинцовым-Погоревших, удерживая в себе, а не просто зачеркивая отрицая, пастернаковскую молодость, Живаго умирает не как толстовец, а как анархо-коммунист 1918 г.³² Смерть Живаго в трамвае синтезировала множество литературных и философских ассоциаций Пастернака, которые в значительной части уже раскрыты.³³ Но помимо них, есть здесь и фактичность: умирая в трамвае около Никитских ворот в давке, Живаго разделяет судьбу Мамонта Дальского (М. В. Неелова). Мамонт Дальский погиб в том же месте Москвы, где и Живаго, хотя и не рядом с трамваем, а под его колесами. Приведем выдержку из одного из некрологов, посвященных этой ярко анархической личности (участника группы анархо-коммуниста и борца против войны Александра Ге): «Когда артист проезжал на трамвае по Б. Никитской ул., против Чернышевского пер., то вследствие сильной тесноты его кто-то столкнул с площадки, и он попал под колеса вагона».³⁴

Анархический текст Пастернака сопротивляется стараниям однозначно идентифицировать смысл его героев.³⁵

²⁹ См., в первую очередь Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1957. Т. 23. С. 343 и след.

³⁰ *Novalis Werke in einem Band*. München, Wien, 1981. S. 460.

³¹ Когда Живаго старается стрелять мимо наступающих на партизан белых, он исполняет духоборское правило, по которому призванные в армию не должны были целиться в людей (ср. Wright J. F. C. *Slava Bohu. The Story of the Dukhobors*. New York, Toronto, 1940. P. 48).

³² Приобщенный авторскому началу в романе, Живаго оказывается в почти той же ситуации, что и рассказчик в «Бесах» Достоевского, один из «бесов», человек из кружка Верховенского-старшего, который бросается подбирать «портфельчик», нарочно уроненный Кармазиновым (Тургеневым). Живаго спасает «видного политического деятеля» (3, 187), у которого бандиты украли портфель.

³³ Ср. Смирнов И. П. Антиутопия и теодицея в «Докторе Живаго» // *Wiener Slavistischer Almanach* 1994. Bd. 34. S. 177 (здесь приведена литература вопроса).

³⁴ Раннее утро 1918. 9 июня (27 мая). № 103. С. 3.

³⁵ Автор сердечно признателен И. Р. Деринг-Смирновой, Е. Г. Водолазину, Е. В. и Е. Б. Пастернакам, Г. Г. Суперфину и Л. С. Флейшману за разнообразную помощь в работе над этой статьей.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЖАНРЫ И ФОРМЫ

О. В. ТВОРОГОВ

Древнерусская переводная гомилетика как предмет исследования

Древнерусская переводная гомилетика, изучение которой начато трудами А. В. Горского, В. Малинина, Е. Петухова, А. С. Архангельского, А. С. Орлова и других ученых, затем на несколько десятилетий совершенно выпала из поля зрения ученых. Именно поэтому в обобщающих трудах по древнерусской литературе этому жанру уделялось порой всего по несколько строк. Характерно, что в обстоятельнейшем обзоре древнерусской жанровой системы, принадлежащем Д. С. Лихачеву, по существу лишь упомянуты сборники гомилий — «Златоструй», «Златая цепь», «Златоуст» и «Горжественнику».¹

Освоение этого обширнейшего материала, входившего в основной круг чтения древнерусского книжника, о чем, применительно к «Измарагду», напомнила В. П. Адрианова-Перетц,² возобновилось лишь с конца 70-х гг. настоящего столетия. Достижением последних лет явилось установление основных разновидностей и «традиционного состава» сборников «Златоуст», «Златоструй», «Златая цепь», «Горжественнику» и др.³ Важной вехой на пути изучения древнерусской гомилетики явился каталог гомилий, составленный Т. В. Черторицкой.⁴

Благодаря всем этим разысканиям мы можем сейчас конкретизировать не только задачи будущих исследований — а это прежде всего описание (с учетом возможно большего числа списков и установлением, когда возможно, атрибуций) всего репертуара гомилий, известных в древнерусской книжности, — но и выдвинуть некоторые первоочередные проблемы изучения.

¹ Лихачев Д. С. Система литературных жанров Древней Руси // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе Л, 1986 С. 64 См также Лихачев Д. С. Текстология На материале русской литературы X—XVIII веков 2-е изд., перераб и доп Л, 1983 С. 247

² Адрианова-Перетц В. П. К вопросу о круге чтения древнерусского писателя // ТОДРЛ, Л, 1974 Т. 28 С. 3—29

³ Результаты этих разысканий нашли отражение в статьях «Словаря книжников и книжности Древней Руси» (Вып. 1—2 Л, 1987—1989) «Златая цепь» (авторы М. С. Крутова и Н. Н. Невзорова), «Златоструй» (М. С. Фомина), «Златоуст» (О. В. Творогов и Т. В. Черторицкая), «Маргарит» и «Горжественнику» (Т. В. Черторицкая) См также статьи М. С. Фоминой «Златоуст в славянской письменности XII—XVI вв.», Т. В. Черторицкой «Горжественник и Златоуст в русской письменности XVI—XVII вв.» и Б. М. Пудалова «Сборник „Измарагд“ в русской письменности XIV—XVIII вв.» в третьем выпуске «Методических рекомендаций по описанию славяно-русских рукописных книг» (М. 1990)

⁴ Vorläufiger Katalog Kirchenslavischer Homilien des beweglichen Jahreszyklus / Zusammenge stellt von T. Čertoričková unter der Redaktion von Heinz Miklas Westdeutscher Verlag, 1994 (Предварительный каталог церковнославянских гомилий подвижного календарного цикла по рукописям XI—XVI вв. преимущественно восточнославянского происхождения Составлен Т. В. Черторицкой)

Во-первых, заслуживает анализа и осмысления вариативность сборников устойчивого состава: несмотря на существование традиционного ядра гомилий, входящих в состав «Златоуста» и «Торжественника», наличие «добавочных» статей в отдельных списках сборников исключительно велико. Так, по данным каталога Т. В. Черторицкой, в расписанных ею 128 рукописях сосуществуют, например, 23 различных слова, приуроченных к неделе мытаря и фарисея, 37 слов на Страстную пятницу, 35 слов на Страстную субботу, 110 слов на Пасху и т. д. Возникает вопрос: чем вызвано это разнообразие вариантов? Стремлением книжников всемерно расширять свой репертуар, хотя в традиционный состав сборников входили достаточно авторитетные произведения высокочтимых авторов? Или это объяснимо множественностью источников, разными путями приходивших на Русь и независимо друг от друга оказывавшихся в поле зрения книжников различных скрипториев? Для ответа на этот вопрос следует провести большую работу по классификации самих сборников, выделению сходных по составу групп, установлению взаимоотношений между ними.

Во-вторых, предстоит еще уяснить причины сосуществования нескольких текстуальных вариантов одного и того же текста. Так, наиболее распространенный вариант гомилии Иоанна Златоуста на Пасху имеет следующее начало: «Иже кто благочестив, и говенин, и смирен, и христоробец, придете и насладитесь доброго сего праздника. Аще кто раб благоволен, да внидет в радость Господа своего...». Но вместе с этим мы встретим и такие варианты начала: «Иже кто боголюбив и христоролюбив, придете, насладитесь праздника сего. Елико рабии блазии, вернии, да внидут радующесе в радость Господа своего...»; «Аще кто благоверен и христоролюбив, да насладитса доброго нынешняго торжества. Аще кто от раб благонаравных, да внидет в радость Господа своего, радуяся...»; «Аще кто благочестив и благолюбив, да насладитса доброго торжества. Аще кто раб благоразумен есть, да внидет, радуяся, в радость Господа своего...». Встречаются и иные варианты, в которых налицо несомненное тождество композиции и сюжетных мотивов, постоянная переключка отдельных выражений и образов, и в то же время регулярные лексические отличия на протяжении всего текста. Что перед нами: результат деятельности инициативного редактора, дерзнувшего систематически «править» самого Иоанна Златоуста, либо перед нами независимо друг от друга возникшие переводы одного и того же греческого оригинала, или же переводы вариантов, существовавших уже в византийской традиции? Ответ на эти вопросы можно будет попытаться получить, лишь сравнивая не только отдельные тексты, но и включающие их в свой состав сборники.

В-третьих, чрезвычайно сложна проблема атрибуции гомилий. Словам, написанным именем Иоанна Златоуста, посвятила свои разыскания Е. Э. Гранстрем. Две ее работы были опубликованы,⁵ но подготовленная ею книга о творениях Златоуста в русской письменности, которая включает сведения о нескольких сотнях гомилий, в большинстве своем действительно ему принадлежащих, осталась незавершенной. В настоящее время она дорабатывается по черновикам исследовательницы и, будем надеяться, увидит свет. Изучение «златоустовых» гомилий сопряжено с немалыми трудностями; особенно загадочно происхождение слов и поучений, которые в единичных порой списках дошли до нас в сборниках или отдельных списках Пролога. Среди них, несомненно, могут оказаться творения русских книжников,

⁵ Гранстрем Е. Э. 1) Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI—XIV вв.) // ТОДРЛ Л., 1974. Т. 29. С. 186—193. 2) Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI—XV вв.) // Там же Л. 1980. Т. 35. С. 345—375.

лишь надписанные именем Златоуста. Стоит упомянуть, что среди отраженных в «Предварительном каталоге» Т. В. Черторицкой гомилий около 350 анонимны, и среди них, скорее всего, могут оказаться русские или болгарские произведения.

Итак, древнерусская переводная гомилетика (творения русских и болгарских авторов изучены и изданы несравнимо лучше) — чрезвычайно перспективная для исследования часть древнеславянской книжности. На основе изучения памятников гомилетики можно сделать немало наблюдений, которые помогут лучше изучить этапы и характер русско-болгарских и русско-византийских литературных и книжных связей, обогатить наши представления об истории сложения и бытования на Руси сборников устойчивого состава, формирования репертуара Пролога и Великих Миней Четых, о переводческой и редакторской деятельности древнерусских книжников и, наконец, расширить наши сведения о круге чтения на Руси в эпоху средневековья.

А. Д. МИХАЙЛОВ

О жанровом составе средневековой литературы и его эволюции

(Предварительные замечания)

Жанр, как известно, является одним из самых фундаментальных и древних понятий литературной теории, но из-за непрерывной изменчивости и сложности денотата (а также и из-за своей «фундаментальности») — понятием очень спорным и все еще неустоявшимся. Поэтому представляется полезным обратиться с этой точки зрения к такому периоду истории литературы, когда это понятие не приобрело достаточно четких параметров (как это было, скажем, в литературе классицизма), но не было еще размыто и стерто всей сложностью дальнейшей литературной эволюции, хотя и в интересующую нас эпоху понятие это воспринималось довольно широко и непоследовательно.

Наши замечания и выводы сделаны на основании изучения литературы прежде всего французского средневековья; вместе с тем в других литературах эпохи, как нам представляется, набор жанров будет приблизительно таким же, лишь их соотношение и хронологические рамки бытования будут несколько иными. Кроме того, в отдельных литературах (особенно таких периферийных, как, например, ирландская или каталонская) не все жанры реализуют себя или же представлены смешанными или синтетическими формами. Весьма показательны, что В. М. Жирмунский в одной из известных своих работ по средневековой литературе писал о последовательно сменяющихся друг друга «доминирующих» жанрах эпохи.¹ Здесь обращает на себя внимание определение «доминирующие». Было бы ошибкой полагать, что имеется в виду их взаимное отношение друг к другу: нельзя же сказать, что, например, бытовая новелла «доминирует» в XIII в., так как в то же самое время куртуазная лирика достигает больших художественных высот (достаточно назвать имена Вальтера фон дер Фогельвейде или Тибо Шампанского), а рыцарский роман и рыцарская эпопея («жеста») продолжают свое существование. Как нам кажется, речь в данном случае должна идти о жанрах «монументальных» («макрожанрах», по определению Е. М. Мелетинского²). В. М. Жирмунский добавлял, что существование «доминирующих» жанров происходит «в рамках прочной социальной традиции».³

Итак, предполагается, что героический эпос, рыцарский роман, куртуазная лирика, бытовая новелла, являясь жанрами доминирующими для своего

¹ См. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л., 1979. С. 162.

² Проблема жанра в литературе Средневековья. М., 1984. С. 25.

³ Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. С. 162.

времени, отнюдь не исчерпывают жанровую систему эпохи. Здесь возникает по меньшей мере четыре вопроса, на которые мы попытаемся ответить. Во-первых, действительно ли в научной литературе с необходимой четкостью очерчены границы и структуры означенных жанров на синхроническом уровне? Во-вторых, не происходит ли изменения и ломки этих границ при диахроническом изучении упомянутых литературных феноменов? В-третьих, каковы эти иные, не вошедшие в основной перечень жанры? Наконец, в-четвертых, какие связи существуют между разными составляющими всей жанровой системы средневековья?

На синхроническом уровне четкая отграниченность одного жанра от другого кажется неоспоримой. В самом деле, рыцарский роман, как он сложился под пером гениального Кретьена де Труа и его старательных эпигонов, не может быть спутан с произведениями современного ему героического эпоса, к каким бы памятникам его мы ни обращались. Действительно, поэтическая система, бытовое назначение, сюжетный фонд, формы исполнения и даже музыкальный строй⁴ эпоса и романа не просто различны, но даже порой противоположны. Но перечисленные конститутивные признаки жанра не равнозначны. Героический эпос и роман (как основные повествовательные формы) отличаются каждый присущими только ему поэтическими системами. У них свой, отличный от «соседнего» образный строй, набор героев и сюжетов, принципы организации фабульного материала, не говоря уже о том, что роман в своих наиболее классических и характерных формах бывал написан восьмисложным стихом с парной рифмой и без деления на строфы, тогда как «жесты» (за редкими исключениями) написаны десятисложным стихом и разбиты на лессы (или тирады) произвольной длины, связанные ассонансами. Между тем мы постоянно сталкиваемся в эпической традиции с проникновением в поэмы рифмы. Наиболее красноречивый пример — поэма «Рауль де Камбре», первая часть которой зарифмована, во второй же присутствуют ассонансы. Видимо, каждая часть имела своего автора или переписчика.⁵ Но вот что заслуживает внимания: первая часть поэмы представляет собой типичную «жесту» с ясно просматриваемой исторической основой,⁶ со свойственной жанру стилистикой и принципами организации фабульного материала,⁷ тогда как вторая часть, по замечанию В. Ф. Шишмарева, — «это авантюрный роман обычного типа».⁸ С последним трудно согласиться: несмотря на различия в метрике, обе части на содержательном уровне хорошо пригнаны друг к другу. Так что содержание произведения оказывается важнее его внешней (в данном случае стихотворной) формы.

В сфере притяжения куртуазного романа оказались, конечно, и небольшие стихотворные повести — так называемые «лэ». Их роднит с классическими образцами романа и внешняя форма (восьмисложный стих с парной рифмой), и выбор сюжетов (как правило, любовные коллизии), набор персонажей (рыцари короля Артура). Признанным мастером этого жанра была Мария Французская,⁹ но не менее значительными были и анонимные «лэ».¹⁰

⁴ См Пропп В Я Фольклор и действительность Избр статьи М, 1976 С 36—39 46

⁵ См Matarasso P Recherches historiques et litteraires sur «Raoul de Cambrai» Paris, 1962 P 316—327

⁶ См Шишмарев В Ф Избр статьи Французская литература М, Л, 1965 С 271—314

⁷ См Rychner J La Chanson de geste Essai sur l'art epique des jongleurs Geneve, Lille, 1955 P 102—110, 140—149

⁸ Шишмарев В Ф Избр статьи С 274

⁹ Menard Ph Les Lais de Marie de France Contes d'amour et d'aventure du Moyen Age Paris 1979 Sienaert E Les lais de Marie de France Du conte merveilleux a la nouvelle psv chologique Paris, 1978

¹⁰ Tobin P M Les lais anonymes bretons des XIIe et XIIIe siecles Geneve 1976

В памятниках этого жанра обращает на себя внимание напряженность развития сюжета и нередкий трагизм развязки. Так что «из» мы должны рассматривать как самостоятельный жанр. Однако среди «из» подчас встречаются и такие произведения, которые некоторые исследователи склонны относить к «бытовой новелле» (во Франции она получила название «фаблио»). Так, короткая повесть «О плохо скроенном плаще»¹¹ выводит на сцену всех славных Артуровых рыцарей, но изображение нравов королевского двора лишено здесь куртуазности. Создание таких произведений не раз озадачивало ученых; некоторые из них, например П. Нюкрог,¹² выводили это произведение из корпуса жанра фаблио. Тем самым оно оказывалось вне какого бы то ни было жанра. И таких произведений, стоящих на некоем жанровом пограничье, значительно больше, чем это может показаться. Но подобные произведения могут появиться только тогда, когда основная жанровая система уже сложилась и происходит межжанровый обмен.

Что касается «бытового назначения», то здесь мы постоянно сталкиваемся с жанровой путаницей. Не приходится говорить, что в репертуар жонглеров входили произведения разных жанров, которые могли исполняться ими не только попеременно, но и перед разной аудиторией. Дошедшие до нас перечни жонглерского репертуара убедительно свидетельствуют об этом. Устная форма исполнения предопределяла такое смешение жанров и их адресатов. Дело несколько изменилось, как показал П. Галле,¹³ при переходе от напевной речитации к обычному чтению и особенно к чтению личному. Однако анализ сохранившихся рукописных кодексов являет нам достаточно пеструю картину. Здесь как бы борются две тенденции. Одна связана со стремлением к достаточно нормативному осознанию жанра. Другая — к размыванию его границ, что подчас диктовалось весьма практическими соображениями (при высокой цене на пергамент его надо было расходовать экономно и чем-то заполнять свободные листы или же вообще составлять разношерстные конволюты). Первая тенденция особенно четко прослеживается в циклических рукописях, содержащих памятники, скажем, героического эпоса, например, поэм о Гильоме Оранжевом.¹⁴ Не столь последовательно выдержано это в жанре романа.¹⁵ И рядом с этим мы сталкиваемся с рукописными кодексами, в которых скабрзные фаблио соседствуют с нравоучительными баснями, рыцарскими повестями и рядом других сочинений. Такова, например, одна из рукописей парижской Национальной библиотеки, подробно изученная Э. Фаралем.¹⁶

Итак, мы можем сказать, что при явно выраженной тенденции к конституированию определенного жанра происходила и их взаимная интерференция, что становится особенно очевидным при изучении рукописной традиции, изучении, связанном уже не столько с синхроническим, сколько с диахроническим уровнем анализа. Вместе с тем рукописная традиция в известной мере и сопротивляется этой интерференции жанров, размыванию их границ и структурных признаков. Так, в процессе эпической циклизации ядро большой серии поэм о Гильоме Оранжевом, его братьях, их потомках и предках постепенно обрастает произведениями, не только «достаивающими» цикл, но наряду с такими и поэмами иного рода, по своей фабуле,

¹¹ Recueil général et complet des Fabliaux des XIIIe et XIVe siècles Paris, 1872—1890 T. 3. P. 1—29

¹² Nykrog P. Les Fabliaux. Geneve, 1973. P. 15

¹³ Gallais P. Recherches sur la mantalité des romanciers français du Moyen Age // Cahiers de civilisation médiévale 1964. T. 7; 1970 T. 13.

¹⁴ Tyssens M. La Geste de Guillaume d'Orange dans les manuscrits cycliques. Paris, 1967.

¹⁵ Micha A. La tradition manuscrite des romans de Chretien de Troys Geneve, 1966

¹⁶ Faral E. Le Manuscrit 19152 du Fonds français de la Bibliothèque nationale Paris, 1934.

стилистике, отбору персонажей и т. п. резко отличающимися от традиционной «жесть». Но они, эти квазикуртуазные романы, не попадают (или почти не попадают) в циклические рукописи; лишь иногда ими «затыкаются» зияющие пробелы в фабульной эволюции цикла. Т. е. интересы фабулы одерживают верх над самоощущением жанра. Но если уже имеющаяся в цикле поэма становится объектом нового, романного пересказа или переработки, то предпочтение всегда отдается старому тексту, более соответствующему традициям эпоса. Так, например, во второй половине XIII столетия северофранцузский трувер Адене-ле-Руа создал поэму «Бёв де Коммарши», тем самым переписав заново поэму рубежа XII и XIII вв. «Осада Барбастра»; однако во все циклические рукописи, созданные даже достаточно поздно, неизменно входило более раннее произведение. Впрочем, подобная приверженность средневековых переписчиков устойчивой жанровой традиции выдерживалась далеко не всегда. Что же касается собственно литературного обихода, то ощущение целостности жанра, незыблемости его границ и структурных признаков не могло не стираться по мере того, как время возникновения жанра все больше уходило в прошлое. Жанр испытывал все более мощное давление со стороны новых (или других) жанров, и это давление не могло не быть деструктивным. Наиболее плохо сопротивляющимися были малые жанры. Но это можно показать и на примере макрожанра, скажем, романа. Достаточно сказать о переломном характере перехода от стиха к прозе, что в жанре романа произошло дважды: сначала, в первой половине XIII в., появился рыцарский роман на артуровские сюжеты, постепенно сложившийся в обширную «Вульгату», затем, уже накануне Возрождения, все старые романы, а также и эпические поэмы, были вновь пересказаны прозой, отвечающей вкусам своего времени.¹⁷ Что касается поздних памятников героического эпоса, они, внешне оставаясь в рамках эпической традиции, являют собой если не окончательное разрушение структурных признаков жанра, то его существенную модификацию. Такова, например, обширная поэма XIV в. «Лион де Бурж»,¹⁸ широко вобравшая в себя типично романские мотивы.

Перейдем теперь к третьему из поставленных нами вопросов. В каком же литературном окружении находились «доминирующие» жанры средневековья? Они столь разнородны и их так много, что было бы невыполнимой задачей попытаться дать полный их перечень.

Отметим, что во французском литературоведении вопрос о жанровом составе средневековой литературы продолжает оставаться разработанным явно недостаточно. Так, если все более или менее ясно с «жестами» и куртуазным романом (особенно с романом на античные и бретонские сюжеты), если подробную и даже, может быть, слишком дробную классификацию лирических жанров дал П. Бек¹⁹ (для более позднего периода мы находим ее в не утратившей своего значения работе В. Ф. Шишмарева²⁰), то в остальных случаях принципы выделения того или иного жанра различны. Нам представляется, что по верному пути в своей классификации жанров пошел Ж.-Ш. Пайен.²¹ Он не дает дробного и громоздкого перечня жанров, а при-

¹⁷ См.: Doutrepont G. Les mises en prose des Epopees et des Romans chevaleresques du XIVe au XVIe siecle. Bruxelles, 1939.

¹⁸ Lion de Bourges, poeme epique du XIVe siecle / Edition critique par W. W. Kibler, J.-L. Pichent et T. S. Fenster Geneve, 1980 Т. 1—2

¹⁹ Вес P La Lyrique française au Moyen Age (XIIe—XIIIe siecles) Contribution a une typologie des genres poetiques medievales. Vol 1a. Etudes Paris, 1977.

²⁰ Шишмарев В. Ф. Лирика и лирики позднего Средневековья. Очерки по истории поэзии Франции и Прованса Париж, 1911.

²¹ Payen J.-Ch Litterature française: Le Moyen Age: I. Des origines a 1300 Paris, 1970 P 131—207

меняет «кустовой» принцип. В данном случае он идет не от априорных схем, а исходит из самого конкретного материала. Рассмотрим некоторые принципы выделения жанров, предложенные Ж.-Ш. Пайеном в этой работе отнюдь не теоретического характера.

Так, в одну рубрику он выделяет фавлю и «Роман о Лисе». Здесь же рассмотрена и басенная традиция. Подобное объединение очень разнородного литературного материала представляется нам весьма оправданным. Между фавлю и баснями немало общего: во-первых, совпадает время их возникновения (конец второй трети XII в.), совпадают во многом присущая и басням, и фавлю сатирическая направленность и дидактические задачи; во-вторых, и фавлю, и басни могут быть сближены генетически (они восходят к достаточно древней традиции апологов и «примеров»), в-третьих, стилистика их очень сходна (вплоть до общего для них восьмисложника с парной рифмой). Вот почему относительно целого ряда произведений нельзя однозначно решить вопрос о их жанровой принадлежности. Правильнее было бы говорить о их «полижанровости»: они на законном основании фигурируют в сборниках басен (например, Марии Французской), не переставая быть типичными фавлю.

Точно такую же жанровую открытость обнаруживают и отдельные «ветви» (или же их составные части) «Романа о Лисе». Многие из рассказанных здесь историй по способам организации фабульного материала ничем не отличаются от фавлю: перед нами разворачиваются картины проделок и каверз типичного трикстера-Лиса, неизменно одерживающего верх над злобным, но одновременно простоватым и доверчивым волком Изенгрином, и т. п. И на все это наслаивается столь свойственная басенной традиции антропоморфная перекодировка поведения животных²² и одновременно — настойчивое выявление параллелизма между миром животных и человеческим обществом. Последнее не может не носить пародийного характера, но стихией пародии в очень сильной степени отмечен и жанр фавлю.²³

Но нельзя забывать, что и фавлю, и «ветви» «Романа о Лисе» оказываются открытыми и для иных жанровых соприкосновений. Это связано с их нарративностью, с одной стороны, с дидактизмом — с другой. И фавлю, и «Роман о Лисе» воссоздают определенную «картину мира», нередко не только сатирическую, но и гротескную. В этом они сближаются с целым рядом произведений эпохи, которым очень трудно дать жанровое определение, кроме как «сатирической картины действительности» (это достаточно расплывчато и условно). Таких книг в эпоху средних веков было немало. Наиболее талантливая и популярная из них — это сочинение Этьена де Фужера.²⁴ Поучительный и — неизбежно — религиозный характер подобных произведений несомненен (что и дало Ж.-Ш. Пайену основание зачислить их в «куст» религиозно-наставительных жанров²⁵). Это сближает их с серией иных произведений XII—XIII вв., которые получили общее название «чудес Богоматери». Структура подобных стихотворных повестей или новелл несложна. Сначала рассказывается о каком-либо персонаже, чье поведение резко отклоняется от общепринятых норм, — о развратной аббатисе, о рыцаре, из-за своего вздорного характера навившем много врагов, о вишлане, не соблюдавшем постов, о монахине, сбжавшей из монастыря, о клирике, который завел любовницу, и т. д. Но все эти явные грешники, благодаря божественному заступничеству, в

²² Гаспаров М. Л. Античная литературная басня. М., 1971. С. 101.

²³ См. Nykrog P. Les Fabliaux. P. 72—104, Lee Ch, Riccadonna A, Limentani A, Miotto A. Prospettive sui fabliaux. Contesto, sistema, realizzazioni. Padova, 1976. P. 3—41.

²⁴ Fougeres Etienne de Le Livre des Manieres / Edite par R. A. Lodge. Geneve, 1979.

²⁵ Payen J.-Ch. Litterature française. P. 185—198.

конце концов спасаются, что и составляет смысл чуда и неожиданность развязки произведения. Как видим, большинство описанных прегрешений, изобретенных очень зримо и достоверно, связано с утратой благочестия и благонравия. Таковы, например, «чудеса», описанные неким поэтом последней четверти XII в., называвшим себя Адгаром или Эдгаром.²⁶ И в совокупности своей все эти «чудеса», особенно принадлежащие талантливейшему поэту рубежа XII и XIII вв. Готье де Куэнси,²⁷ воссоздают очень пеструю и, видимо, верную картину эпохи, причем с несомненными сатирическими интенциями, что сближает их с фавлю, с «Романом о Лисе», а также со второй частью «Романа о Розе», написанной Жаном де Меном, у которого сатира, подчас горькая и нелегиприятная, берет верх над дидактикой.

Сюда же мы можем отнести и пересказы на французском языке (в стихах) знаменитой книги латинского средневекового писателя Петра Альфонса «Наставление клирику». Эти пересказы — так называемые «Наставления отца сыну»²⁸ — рядом с обычными поучениями широко включают «моральные» примеры, представляющие собой не что иное, как сатирические зарисовки действительности, в которых прямолинейный морализм отступает на задний план перед непрядвзтой и горькой картиной жизни.

Французские стихотворные обработки книги Петра Альфонса выводят нас еще к одному значительному памятнику литературы XII—XIII вв. Мы имеем в виду стихотворные, а затем и прозаические парафразы известной восточной легенды о семи мудрецах, зародившейся, вероятнее всего, в Индии и через персидские, арабские, еврейские переделки дошедшей и до средневековой Европы, отозвавшись едва ли не во всех ее литературах, не исключая и русской.²⁹ Различные манифестации этой легенды, используя приемы обрамленной повести,³⁰ основной акцент делают не на обрамлении, а на вставных новеллах, которые по мере эволюции этой сюжетной структуры все в большей степени приобретают самоценный характер. Как нам уже приходилось это показывать,³¹ в некоторых случаях «Роман о семи мудрецах» (вернее, его продолжения) постепенно вливался в жанровую систему рыцарского романа. Но был и другой путь: не к роману, а к остросюжетной сатирической новелле, утрачивающей навязчивое морализаторство и смыкающейся с жанром фавлю.

Если здесь перед нами трансформация религиозной дидактики в некое подобие рыцарского романа, то в известной мере из последнего (из некоторых его поздних образцов) вырастает еще один популярный жанр литературы зрелого средневековья. Мы имеем в виду аллегорическую поэму Аллегорическое переосмысление куртуазных идеалов легло в основу первой части «Романа о Розе», написанной Гильомом де Лоррисом.³²

Аллегория, столь типичная для средневекового мышления, становилась и своеобразным поэтическим приемом. С его использованием связаны многие жанры литературы эпохи. Некоторые из них целиком построены на его разработке. Таковы, например, так называемые «бестиарии»³³ — описания

²⁶ См. Adgar Le Gracial / Publie par P. Kunstmann Ottawa, 1982.

²⁷ См. Coinci Gautier de Les miracles de Nostre Dame / Publies par V. F. Koenig Geneve, 1955—1970 T. 1—4.

²⁸ Nilka A., Soderhjelm W. Petri Alphonsi Disciplina Clericalis III. Franzosische Versbearbeitungen Helsingfors, 1922.

²⁹ Булгаков Ф. История семи мудрецов СПб. 1878—1880. Вып. 1—2.

³⁰ См. Гринцер П. А. Древнеиндийская проза (обрамленная повесть) М. 1963.

³¹ См. Михайлов А. Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе М., 1976 С. 289—291.

³² См. Etudes sur le Roman de la Rose Guillaume de Lorris / Textes recueillis par J. Dufournet Paris, 1984.

³³ См. McCulloch F. Mediaeval Latin and French Bestiaries Chapel Hill 1960.

пестрого животного мира, окружавшего средневекового человека. Впрочем, не только окружавшего: в «бестиариях» рассказано и о тех животных, которые никак не могли водиться в лесах Европы, а также о существах совершенно фантастических — единорогах, кентаврах, огнедышащих змеях и т. п.³⁴ Но в «бестиариях» животные — вполне реальные или же вымышленные — описываются не ради самих этих описаний. Каждое из животных амбивалентно: оно и самосузно и олицетворяет какой-либо порок или добродетель, или же то или иное положение религиозной догматики или символики (таковы символы евангелистов — лев, агнец, орел, телец; Иисуса Христа, Святого Духа и т. п.).

Но аллегоризм в средневековой литературе вел и к возникновению памятников иных жанров или жанровых разновидностей. Такова, например, аллегорическая поэма, под видом описания реального путешествия рассказывающая о трудном и полном опасностей «пути» человеческой души. Подобных псевдопаломничеств стало особенно много на исходе средневековья, в пору острейшего духовного кризиса феодального общества.³⁵

Эволюции жанра как постоянному размыванию его границ противостояло в изучаемую эпоху мощное сдерживающее начало, которое Д. С. Лихачев удачно назвал «литературным этикетом».³⁶ В самом деле, в каждом жанре определенный персонаж мог нести лишь ему присущую смысловую и фабульную нагрузку. При переходе в иной жанр он непременно должен был сменить амплуа: из неустрашимого рыцаря (в романе и эпосе) превратиться в трусливого бахвала и т. д. (в фавлю, в «Романе о лисе»).

Другим важным фактором, защищающим жанр от смешения с другими (при несомненном наличии его эволюции) был сюжет и способы его трактовки. Наконец, на устойчивость жанра, очерченность его границ указывало и появление пародий, о чем нам уже приходилось писать.³⁷

³⁴ Clébert J.-F. Bestiaire fabulour. Paris, 1971

³⁵ См.: Bell D. M. Etude sur le Songe du vieil pelerin de Philippe de Mézieres (1327—1405). Geneve, 1955.

³⁶ См.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967 С. 84—108.

³⁷ См.: Михайлов А. Д. Старофранцузская городская повесть (фавлю) и вопросы специфики средневековой пародии и сатиры. М., 1986. С. 284—313

С. В. ФРОЛОВ

Новые аспекты изучения Стихираря 1380 г. собрания Троице-Сергиевой лавры № 22

Стихирарь месячный 1380 г. из собрания Троице-Сергиевой лавры (РГБ, ф. 304, № 22) давно и достаточно хорошо известен науке.¹ Принято считать, что его писцом был выдающийся древнерусский писатель Епифаний Премудрый, а одна из сопровождающих Стихирарь писцовых записей рассматривается как «самое раннее из дошедших до нас произведений Епифания».² Наше внимание в свою очередь привлекли два фрагмента рукописи, которые, кажется, еще не были исследованы.

Первый такой фрагмент содержится в дополняющих основной корпус Стихираря 11 традиционных подборках песнопений на евангельские сюжеты (Светилен, Богородичен и Стихира Евангельская в каждой подборке) и является первой Стихирой Евангельской (далее: Ст. Ев.) первого гласа (л. 136). Уникальность этой стихиры заключается в том, что она, будучи единственным нотированным песнопением³ рукописи, принадлежащей перу Епифания Премудрого, дает повод для рассуждений о степени его причастности к ее роспеву и для постановки вопросов относительно ее музыкально-поэтической стилистики.

Впрочем, остальные тексты рукописи, очевидно, также были предназначены для пения. Все они последовательно сопровождались соответствующими профессионально-певческими пометами и характеризуются отсутствием выносных букв и сокращений и другими особенностями. Из этого следует, что, по крайней мере как писец текста Стихираря и евангельских песнопений, Епифаний вполне профессионально готовил его к нотировке. При этом текст и столбовая знаменная нотация Ст. Ев. написаны хорошо наработанным уверенным почерком и чернилами, идентичными почерку и чернилам всей рукописи.⁴ Поэтому можно предполагать если и не идентификацию писцов обеих строк (текста и нотации), то по крайней

¹ Библиографию рукописи см. Вздорнов Г. И. Искусство книги Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII—начала XV веков. М., 1980 [70].

² Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. Л., 1987. С. 16. Ср. с его же работой Епифаний Премудрый (Писатели и книжники XI—XVII вв.) // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 78 и 87.

³ Единственное известное нам ранее упоминание о нотировании Ст. Ев. в этой рукописи (см. Иларион и Арсений, ирмонахи. Описание рукописной библиотеки Свято-Троицкой лавры // ЧОИДР. 1878. Ч. 1, кн. 2. С. 36), вероятно, осталось незамеченным позднейшими описателями и исследователями рукописи.

⁴ Даже принимая во внимание, что чернила нотации, на первый взгляд, кажутся чуть светлее текста первой Ст. Ев., следует учесть, что в некоторых предшествующих разделах Стихираря меняющиеся оттенки основного цвета чернил содержат и этот тон.

мере их единство в осмыслении записываемого музыкального произведения. Что же в таком случае представляет собой музыкальное произведение на текст первой Ст. Ев. в рукописи Епифания Премудрого 1380 г.?

Занимая важное место в воскресной утренней службе, цикл из 11 подборок евангельских песнопений, и прежде всего Стихир Евангельских, сохранился в крюковой письменности во многих сотнях списков XII—XX вв. И хотя текстологическое изучение этих стихир началось совсем недавно, уже первые самые общие наблюдения позволили М. В. Бражникову предположить существование 4 самостоятельных произведений на их тексты.⁵ Более целенаправленное исследование цикла Ст. Ев., произведенное позже З. М. Гусейновой на базе 53 списков XII—начала XVIII вв., стало основанием для предположения о наличии в них уже 7 произведений.⁶ При этом ею была отмечена важная закономерность: «Список Стихир Евангельских XII в. не совпадает по нотному знаковому составу со списком середины XV в., а он в свою очередь отличается от списков начала XVI в. и последующего времени».⁷ Сказанное хорошо иллюстрирует нашу гипотезу о необратимости, по крайней мере в XI—XVI вв., эволюционных процессов в древнерусском певческом искусстве и соответствующем необратимом характере движения в исторической последовательности все новых и новых музыкальных интерпретаций традиционных текстов.⁸ Тем самым несколько проясняется то обстоятельство, что в поздних, поддающихся дешифровке рукописях XVII в. принципиально отсутствуют древнейшие и нечитаемые ныне произведения на тексты Ст. Ев.

Ограничив свои интересы материалами одной только первой Ст. Ев. эпохи XII—XV вв., т. е. времени возможного бытования роспева Стихираря 1380 г., мы провели еще более подробный анализ уже известных списков, дополнив их новыми. В результате подтвердилось, что древнейшее произведение на текст этой стихире сохранилось в единственном списке рубежа XI—XII вв. Благовещенского кондакаря (РНБ, Q.п.I, № 32, л. 121 об.—122), известном еще М. В. Бражникову. Для удобства далее будем называть его «Благовещенским» роспевом этой стихире. Полная публикация этого роспева, необходимая для сравнения его с произведением из епифаниевской рукописи, осуществлена в Примере I в так называемом «аналитическом» воспроизведении.⁹

Второе по времени своего бытования произведение было выявлено в трех списках, старейшим из которых как раз и оказался список 1380 г.

⁵ Бражников М. В. Федор Крестьянин: Стихирь / Публикация, расшифровка и исследование // Памятники русского музыкального искусства. М., 1974. Вып. 3. С. 132 и далее.

⁶ Гусейнова З. М. Стихирь Евангельские — один из видов Праздничных Стихир: (Опыт текстологического исследования) // Проблемы русской музыкальной текстологии: (По памятникам русской хоровой литературы XII—XVIII веков). Л., 1983. С. 82. Поскольку текстология памятников древнерусского певческого искусства все еще находится в зачаточном состоянии и не выработала единых принципов, методов и т. п., в целях преодоления терминологической разногласности здесь и далее мы будем приводить все исследовательские материалы в терминах, восходящих к методологическим установкам М. В. Бражникова.

⁷ Гусейнова З. М. Стихирь Евангельские... С. 81.

⁸ Фролов С. В. Многогласность как типологическое свойство древнерусского певческого искусства // Проблемы русской музыкальной текстологии: (По памятникам русской хоровой литературы XII—XVIII веков). Л., 1983. С. 46—47.

⁹ Для этого произведение записывается в построчной разбивке, соответствующей сопровождающим его знакам («высокими» точками, запятыми, кадансами в нотации и т. д.) с нумерацией строк и указанием числа образуемых в них слогознаков, а так же с возможным сохранением особенностей графики в крюковой строке. (Образец «аналитического» воспроизведения см.: Фролов С. В. Певческие рукописи Карельского собрания Древлехранилища им. В. И. Малышева (в контексте истории русской музыки) // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 434—436).

125 его слогознаков приходится всего 23 «стопицы» — 18,5% — знака простой речитации на одной высоте,¹² да и те встречаются только в 8 из 18 образующих это произведение строк. Весьма показательной с точки зрения музыкальной композиции представляется группировка в середине Благовещенского распева нескольких строк (5, 7, 8 и 9), начинающихся с «параклита», т. е. подчеркнутых особым инициальным знаком устойчивого звучания, и обилие вокруг них строк, начинающихся со знаков, предполагающих достаточно подвижный внутрислоговой распев (2, 3, 4, 6 и 13, 14, 16, 17), т. е. в какой-то степени снижающих вес первых слогов этих строк.

Не менее важны различия между тремя произведениями, обнаруживаемые в логике построчной разбивки их общего текста. С одной стороны, эта разбивка, очевидно, должна была отражать какие-то малоизученные пока общие закономерности стилистики ранней знаменной монодии, в которой еще не сложилось попевочной структуры и сегментация мелоса, вероятно, определялась простым чередованием распевных и речитативных элементов. С другой же стороны, эта разбивка наводит на ряд рассуждений относительно ее осмысления в контексте исследований ранних форм русского стихосложения, и прежде всего переводных гимнографических текстов, к числу которых принадлежат и тексты Стихир Евангельских.

Принято считать, что в древнейших переводах гимнографических текстов на церковнославянский язык была полностью нарушена стиховая форма греческих оригиналов. Несмотря на все попытки найти в отдельных примерах славянских переводов точные стиховые аналоги византийской гимнографии, стиховеды в лучшем случае обнаруживали в них лишь некоторые закономерности иных — несиллабических и т. п. систем стихосложения.¹³ Однако, как считает Г. М. Прохоров, «говорить о славяноязычных гимнах и молитвах просто как о прозаических или даже ритмико-прозаических представляется чрезмерно упрощенным...», и если «измерение длины строчек славяноязычных гимнов и молитв не дает, как правило, возможности прийти к выводу, что это поэзия, но чтение — дает».¹⁴ Опираясь далее на дефиницию поэтического текста Ю. М. Лотмана — «...чтобы текст мог функционировать как поэтический, нужно присутствие в сознании читателя ожидания поэзии, признания ее возможности, а в тексте — определенных сигналов, которые позволили бы признать этот текст стихотворным»,¹⁵ Г. М. Прохоров рассматривает систему таких сигналов в древнерусской переводной гимнографии сквозь призму концепции К. Тарановского относительно поэтической природы так называемого «молитвословного стиха». Согласно этой концепции, «основным определителем молитвословного стиха является система ритмических сигналов, отмечающих начало строк. В первую очередь в этой функции выступают две грамматические формы — звательная форма и повелительное наклонение... Особой важностью начального сигнала объясняется тяготение этого стиха к анафорическим повторам и к акростиху... Вообще

¹² Напомним, что, по подсчетам М. В. Бражникова, в среднестатистическом плане «стопицы» составляли в распевах XII в. 61,5% всех употребляемых тогда знаков (Бражников М. В. Пути развития и задачи расшифровки знаменного распева XII—XVIII веков Л., М., 1949 С. 32—33).

¹³ См. Прохоров Г. М. К истории литургической поэзии гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина // ТОДРЛ Л., 1972 Т. 27 С. 128—130, Панченко А. М. Русская стиховая культура XVII века Л., 1973 С. 12—16, и др.

¹⁴ Прохоров Г. М. К истории литургической поэзии С. 130

¹⁵ Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста Л., 1972 С. 54

синтаксический параллелизм в молитвословном стихе является основным конструктивным приемом в организации текста».¹⁶

Так вот, разбивка классического переводного текста Ст. Ев. в Благовещенском распеве на музыкально-текстовые (поэтические?) строки высокими точками, запятыми и соответствующими знаками нотации как раз и не обнаруживает каких-либо признаков следования системе «ритмических сигналов», должествующих обозначать «начала строк». Скорее, наоборот, разбивка осуществлена как будто с целью опровергнуть эту систему. Писец (переводчик, редактор?) этого текста (или создатель распева, его редактор?), кажется, специально не замечает возможных анафорических повторов и синтаксического параллелизма, возникающих при попарном соединении 10—11-й и 12—13-й строк. Более того, нередко он проводит свою построчную разбивку просто на уровне отдельных слов. Достаточно безразличной к стиховой природе текста выглядит музыкальная структура произведения, отраженная в знаменной нотации. Если не считать трех центральных строк — 7, 8, 9, начала которых маркированы особым инициальным знаком «параклит», системы здесь не просматривается. Таким образом, для разговора о каких-то проявлениях «ожидания поэзии» в «сознании» творцов Благовещенского распева нет оснований...¹⁷

Конечно же, сказанным вовсе не исчерпываются возможные ракурсы, в которых можно анализировать и оценивать Благовещенский распев. Более того, для серьезных выводов относительно случайности или закономерности «внестиховой» построчной разбивки в этом произведении крайне важно учесть особенности такой разбивки во всех других Ст. Ев. и Светильнах в списке Благовещенского кондакаря. Однако обсуждение этого специального исследования никак не укладывается в рамки данной публикации. Кратко о нем можно сказать, что однозначных результатов оно не принесло. Поэтому, приняв как данность специфику отмеченной построчной разбивки и характеристику знаменной строки Благовещенского распева, перейдем к сравнению с ним произведения из епифаниевской рукописи 1380 г.

Существенные изменения ритмо-интонационного контура, происшедшие в Епифаниевом распеве, отразились и в уже упоминавшейся утрате в нем архаических знаков, и в общей смене знакового состава нотации большинства слов (слогов) текста, и в изменении некоторых приемов композиции. Наиболее заметны изменения в пропорциях между распевными и речитативными элементами мелодии в пользу последних. На 128 слогознаков Епифаниева распева приходится уже 42 «стописы», т. е. 32%. В центральном же разделе на 66 слогознаков выпадает 28 «стопис», т. е. 42,1%, контрастно противопоставленных здесь ярким мелодическим узлам фитных начертаний (строки 4, 5 и 8). В значительной степени благодаря этому более выпуклой стала трехчастная музыкально-графическая композиция этого произведения. Первую часть образуют строки (1—3), маркированные «параклитами» и отличающиеся относительно ровной внутрислоговой распевностью; среднюю часть составляют контрастно-речитативные строки (4—10), а в заключительной части опять преобладают равномерно мелодизированные строки (11—13). Столь же заметны в Епифаниевом распеве и признаки нового отношения к построчной разбивке текста. Его распевщик использовал, кажется, все возможности, чтобы осуществить такую разбивку, которая отвечала бы главным требованиям молитвенного стиха. Прежде всего — это синтаксический параллелизм 9-й и 10-й строк:

¹⁶ Цит по Прохоров Г. М. К истории литургической поэзии. С. 130.

¹⁷ Ср. с замечанием Д. С. Лихачева о «младенческой неопределенности форм, характерной для эпохи XI—XIII вв.» (Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и процесс жанрообразования в XI—XIII вв. // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 71).

9 **Ю—ЖЕ ИЗ МЬ—РТВЫ—И—ХЪ ВО—СКРЕ—СЕ—НИ—Ю** 12
 10 **И Ю—ЖЕ НА НЕ—БЕ—СА ВО—ЗНЕ—СЕ—НИ—Ю** 12

Здесь же можно говорить и о рифме — «воскресение» — «вознесение», и о равенстве количества слогознаков, т. е. о силлабизме. В какой-то степени, как проявление синтаксического параллелизма, может рассматриваться и сочетание 3—4-й строк:

3 **ПРЕ—ДЪ—СТА ГО—СПО—ДЬ** 6
 4 **И ПО—КЛО—НЬ—ШЕ—СЯЮ—МУ** 8

Столь же исчерпывающе используются и возможности построчной разбивки согласно начальным оборотам с союзом «и» (строки 4, 5, 10, 11 и 13).

Отсутствие же в тексте Ст. Ев. явных анафорических повторов распевщик Епифаниева произведения компенсирует музыкальными средствами. В частности, начальные три строки он маркирует распеваемым в один звук «параклитом». Тем самым он, кстати, еще и выделил эти строки как особую часть внутри всей формы песнопения. Начала следующих семи строк (4—10) он также отметил, хотя и различными, но опять же распеваемыми в один звук знаками. Так оказалась выделенной центральная часть песнопения. А вот конечную часть — строки 11—13 — он отделил от остальных единственным крюковым «инициалом», распеваемым в два звука. Представляется знаменательным, что это трехчастное деление песнопения и, естественно, его текста, заданное впервые в Епифаниевом распеве, в той или иной степени сохраняется в последующих произведениях на этот текст вплоть до наших дней и отражено в новейшем переводе на русский язык.¹⁸

Наконец, стоит обратить внимание и на то, что построчная разбивка в Епифаниеве распеве в сравнении с Благовещенским отличается заметной выравниваемостью количества слогознаков в каждой строке. В среднем на строку приходится примерно около 10 слогознаков, что фактически совпадает с числом слогов в древнеславянском эпическом стихе.¹⁹ Все сказанное можно расценить если и не как явное проявление существующего в «сознании» распевщика (редактора напева?) Епифаниева произведения «ожидания поэзии», то по крайней мере как ощущение здесь определенного интереса к упорядочению музыкально-текстовой построчной (стиховой) природы этого произведения. Впрочем, судя по всему, этот интерес был присущ далеко не всем представителям музыкально-певческого цеха эпохи Епифания Премудрого. Так, уже в списке Епифаниева распева 1437 г., сохраняя почти полностью состав знаменной нотации, писец смягчает в ней черты анафорических повторов, а в тексте разрушает наиболее явное стиховое единство 9—10-й строк, разделив последнюю из них на две. В этом же контексте просматривается и выделение в списке 1437 г. первой интонационной синтагмы на слове «На гору» знаком сегментации (высокая запятая), вероятно, восстанавливающее первую строку по схеме Благовещенского распева, но принципиально нарушающее общее равновесие и даже своего рода изящество строк Епифаниева произведения.²⁰

¹⁸ В редакции М В Бражникова этот текст выглядит так «Ученикам, восходящим на гору, в знак возвышения от земли (на небо), предстал Господь Они поклонились (ему) и, быв научены о данной (ему) повсюду власти, были посланы в поднебесную проповедать (его) воскресение и на небеса вознесение И он, непреложный, обещал пребывать с ними, — Христос Бог и Спас (Спаситель) душам нашим» (Бражников М В Федор Крестьянин Стихирь С 156)

¹⁹ Колесов В В Ритмика «Слова о полку Игореве» (К вопросу о реконструкции) // ТОДРЛ Л 1983 Т 37 С 19

²⁰ Дефектное состояние третьего списка Епифаниева распева не позволяет включить его в данное сравнение

Третье произведение — Зрелый распев на текст Ст. Ев., пришедшее на смену Епифаниеву распеву во второй половине XV в., помимо своей общей новой стилистики зрелого монодического стиля отличается совершенно новой знаменной строкой, наиболее яркой особенностью которой служит почти полное отсутствие в ней речитативности. На 114 образующих его слогзнаков приходится всего 10 почти всегда одиночных «стопис», т. е. 8,77%! С точки зрения построчного деления Зрелый распев характеризуется относительным равнодушием своего создателя к «системе ритмических сигналов». Более того, в нем «снимаются» все самые яркие проявления свойств молитвословного стиха, обнаруженные в Епифаниевом распеве: разрушается стройная последовательность маркированных общим знаком нотации первых трех строк, преодолевается тенденция к регулярности более или менее равных стиховых строк и полностью отрицается возможность синтаксического параллелизма, рифмы и силлабики, продемонстрированная на соответствующих словах 10—11-й строк Епифаниева распева. Благодаря всему этому складывается впечатление, что основной творческой задачей творцов Зрелого распева было создание произведения, в котором на первом месте стояли бы выразительные особенности нового распевного мелоса.

Завершая анализ музыкально-поэтической стилистики Епифаниева распева по списку 1380 г. и сравнение его с предшествующим и последующим произведениями на текст первой Ст. Ев., в качестве главного итогового вывода можно сказать, что создатели этого распева в наибольшей степени были склонны к прочтению его текста именно как стихового.

* * *

Вторым заинтересовавшим нас фрагментом рукописи 1380 г. из собрания Троице-Сергиевой лавры является стих, помещенный на л. 148 об. в числе многих других дополнительных записей, проб пера и т. п., сделанных на двух последних листах различными почерками XV—XVII вв. Этот стих выделяется среди других записей своей смысловой завершенностью и определенной художественно-поэтической ценностью. Он оформлен чуть укрупненной первой буквой, которую можно расценить как инициал, и заключительными тремя точками с характерным хвостиком-росчерком. Стих сопровождается указанием гласовой принадлежности, наводящей на мысль о его возможном певческом предназначении, которое, скорее всего, следует связать с жанром стихов покаянных. Этому не противоречит и датировка полууставного, с элементами скорописи, почерка стиха первой половиной XV в. (ближе к его середине), т. е. временем, когда в условиях развития в новых общежительских монастырях внебогослужебной обрядовости предположительно должен был формироваться этот жанр.

Стих публикуется ниже без современных знаков приписания, но с заполнением выносных и пропущенных под титлами букв, в построчной разбивке, сделанной нами согласно сохраняемым разделительным точкам, запятой и стилевым нормам молитвословного стиха. В подсчете слогов в каждой строке, по аналогии с «аналитическим» воспроизведением списков Ст. Ев., в качестве полноценных учитывались слоги, образуемые не только гласными,

л. 148 об.

глас. а.

1	Грѣхѡмѡвезен нравъ.	7
2	И нисправлено житіе	9
3	И грѣшнѣ д{ч}шѣ.	5

4 И с[ѣ]рдце осквернено	7
5 Имѣю влѣдным азъ.	8
1 Припадаю ти вл[а]д[ы]чнице	9
2 Помози ми,	4
3 И исправленіе дан же.	9
4 Преж даж[е] не постигнет мене	9
5 См[ѣ]рт[е]ное постѣченіе	9

но и редуцированными — в данном случае «ъ», так как в случае предполагаемой певческой интерпретации по традиции XI—XV вв. и эти слоги были бы распеты отдельными знаками нотации. Благодаря этому наглядно проявилась стройная поэтическая структура, образуемая двумя пятистрочными строфами, каждая из которых имеет достаточно заметные структурно-смысловые отличия. Первая строфа состоит из одного предложения, построенного из повторений синтаксической формулы — «прилагательное — существительное», прерываемых в пятой строке единственным глаголом. Строки второй строфы также образуют одно предложение, но более опосредованно обнаруживают свойства синтаксической повторности. Их на сей раз глагольные формы, опять же в пятой строке, прерываются единственным прилагательным.

Интонационно-психологическую динамику первой строфы составляет постепенное накопление экспрессии средствами «нанизывания синонимических сравнений»²¹ — «грѣхоловезеН», «ниисправеНо», «грѣшНү», «осквернеНо», «влѣдНый». Эти своего рода «постоянные эпитеты»²² традиционных уничижительных формул посредством приема эпифоры — повторения конечных слогов с буквой «Н» («наш») — создают здесь эффект аллитерационной игры. В свою очередь во второй строфе эта игра продолжается в повторах приставок с буквой «П» («покой») в словах «Припадаю», «Помози», «Постигнет», «Постѣченіе» или в иных формах употребления этой буквы в словах «исправленіе» и «Преж», но обязательно в каждой строке. При этом динамическое напряжение, накопленное в первой строфе, разряжается во второй «взрывом» глагольных восклицательных обращений, из которых главное — «Помози ми» выделено среди окружающих его равных девяти-сложных строк не только своей краткостью или единственной здесь запятой, но и местоположением на точке «золотого сечения» в структуре всего стиха.²³ Благодаря этому возглас «Помози ми» оказывается эмоционально-смысловой кульминацией всего этого стиха.

Таким образом, средствами приемов амплификации,²⁴ различных видов звуковых аллитераций и установки ярчайшей кульминации в точке «золотого сечения» стиха его творец создал незаурядное произведение, которое вполне может быть поставлено в ряд наиболее интересных образцов поэтического творчества в древнерусской литературе конца XIV—первой половины XV в., исследованных и опубликованных в последние годы Г. М. Прохоровым.²⁵

²¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М., 1962. С. 57.

²² Коновалова О. Ф. Изобразительные и эмоциональные функции эпитета в Житии Стефана Пермского // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 327—331.

²³ См. Розенов Э. К. Закон золотого сечения в поэзии и в музыке // Розенов Э. К. Статьи о музыке. Избранное. М., 1982. С. 119—157.

²⁴ Коновалова О. Ф. Об одном типе амплификации в Житии Стефана Пермского // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 73.

²⁵ Прохоров Г. М. 1) Повесть о Митяе Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 66—67, 2) Книги Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 50—70, 3) Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков, 4) Преподобный Кирилл Белозерский — деятель Православного Возрождения // Преподобный Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Изд. подгот. Г. М. Прохоровым, Е. Г. Водолазким и Е. Э. Шевченко. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1994. С. 37—41, и т. п.

В целом же оба рассмотренных фрагмента из рукописи Епифания Премудрого 1380 г. в определенной степени по-новому освещают некоторые аспекты стилистической эволюции как древнерусского певческого искусства, так и словесности. При этом они дают повод задуматься над тем, что проблемы стиховой природы древнерусской гимнографии еще ждут своего разрешения, которое, вероятно, будет достигнуто при совместных усилиях литературоведов и музыковедов. Наконец, они предоставляют возможности для новой интерпретации вопросов культурного единства Руси эпохи Епифания Премудрого и Андрея Рублева, о котором говорит в своей книге Д. С. Лихачев.²⁶

²⁶ Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. С. 40.

Пример I

л. 121 об.

- 1 На го роу. 3
- 2 оу уе ни ко мз и доу не мз за зе мь но не вх зне се ни не. 19

л. 122

- 3 прѣ аз ста го спо аб. 6
- 4 и по кло нь ше са не моу. 8
- 5 и вх да ноу ю. 5
- 6 вля сть. 2
- 7 вь съ аз на оу уи вх ше. 8
- 8 вь по аз не бе съ ноу ю по сзг ла ю ть сн. 14
- 9 про ю вх да ти. 5
- 10 не же из мь ртвы и хж. 7
- 11 вх скрѣ се ни не. 5
- 12 же на не бе са. 5
- 13 вх зне се ни не. 5
- 14 и мь же и сз прѣ бы ва ти. 9
- 15 не аз жь ны и. 5
- 16 о бѣ ца са. 4
- 17 хри сто сз бо гз. 5
- 18 и сз па сз доу ша мз на ши мз. 10

Пример II

л. 136

- 1 На го рѣ оубе ни ко мѣ и ду ши и мѣ. 13
- 2 За же мѣ но ꙗвѣ се ни ꙗ.
- 3 Пре дѣ ста го спо дѣ.
- 4 и по кло нь ше са ꙗ му.
- 5 и вѣ да ну ю вѣ стѣ.
- 6 вѣ сѣ де на оу ци вѣ ше.
- 7 вѣ по дѣ не бе сѣ ну ю по сы ла ю тѣ са. 14
- 8 про по вѣ да ти.
- 9 ꙗ же и з мѣ ртвы и хв во скре се ни ꙗ. 12
- 10 и ꙗ же на не бе са во зне се ни ꙗ. 12
- 11 и мѣ же и сѣ пре бы ва ти не ло жь ны и обѣ ца га. 18
- 12 хри сто сѣ бо гѣ. 5
- 13 и сѣ па сѣ ду ша мѣ на ши мѣ. 10

Пример III

л. 106

- 1 На го роу, оу венни ко мз и доущи и мз за земе но е вознесе ние. 22
- 2 пре дъ сѣа го спо дѣ. 6
- 3 и по кло ньша са е моу. 7
- 4 и въз да ноу ю вла сть. 5
- 5 все съ дѣ на оу чи въз ше. 7
- 6 въз по дъ не бе сноу ю по сы ла ю те са. 10
- 7 про по вѣ да ти. 5
- 8 е же из мь ртвы хъ. 6
- 9 въз скрь се ние, 5
- 10 и е же на не бе са воз не се ние. 12
- 11 и мь же и сѣ пре бы ва ти. 8
- 12 не ло же ны и ѡ бѣ ща са. 9
- 13 Хри сто сѣ бо гъ и сѣ па сѣ доущамъ наши мъ:† 12

А. Н. ВЛАСОВ

Сказание о грамоте и пермской азбуке в истории книжной культуры Древней Руси

(Некоторые аспекты изучения)

Зырянская (или пермская) азбука дошла до наших дней в немногих образцах древнего письма. Известно до 28 списков XV—XIX вв. (с более древних и не дошедших до настоящего времени памятников). При этом только некоторые из них дают полное начертание знаков пермского алфавита, а в других встречаются лишь незначительные, как правило, фрагменты текстов или отдельных слов на полях рукописей.¹

Пермскую азбуку закономерно относить к типу миссионерских азбук, ею завершается средневековый период алфавитотворчества в православном христианском мире.² Стефан Пермский, русский по рождению, из города Устюга решился на этот исключительный подвиг — распространение христианского учения среди языческих народов Севера, подобно первым апостолам и славянским учителям.

Осуществление этой миссии объективно входило в разряд важнейших государственных задач. Становление единого Русского государства в период XIV—XV вв., укрепление государственности происходили также благодаря колонизационной политике в северных пределах Московской Руси.

Создание Пермской епархии в Усть-Выми устюжанином Стефаном явилось значительным вкладом русской православной церкви в этот процесс и в какой-то степени закономерным этапом на пути культурного освоения северо-восточных земель.

Основание епископии в 1383 г. и рукоположение Стефана на кафедру в Великой Перми митрополитом Пименом позволило создать скриптории, школы для обучения грамоте местного (пермского) населения. Сама историческая обстановка и действия миссионера напоминали деяния и время первых христианских учителей.

Необходимо отметить, что возникновение древнепермской письменности происходило в период «второго южнославянского влияния», что способствовало обостренному вниманию со стороны древнерусских книжников к языковой политике того времени. Характеризуя эту эпоху, Д. С. Лихачев пишет, что «для определения сущности второго южнославянского влияния в России большое значение имело бы выяснение философского смысла проникшей на Русь евфимиевской книжной реформы — реформы принципов

¹ Подробный разбор этих надписей см. Лыткин В. И. Древнепермский язык. Л., 1950.

² Прохоров Г. М. Глаголица среди миссионерских азбук // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 178.

перевода с греческого, реформы литературного языка, правописания и графики, — произведенной в Болгарии, но распространившейся и в других южнославянских и восточнославянских странах».³ В настоящей работе мы попытаемся показать культурно-историческое значение азбуки Стефана Пермского в истории древнерусской письменности XIV—XVII вв.

Несомненно, что Стефан ориентировался на кирилло-мефодиевскую направленность в решении вопроса трансляции христианского учения среди иноязычного населения.⁴ Изучение им древнегреческого языка в Ростовском монастыре Григория Богослова («Братском затворе») ясно показывает, что для русского миссионера было важно установить преемственность своего дела от греческой и славяно-русской православной традиции. Хотя азбука и церковная служба на пермском языке после смерти Стефана не получила широкого распространения и уже в XV в. пермский язык не использовался в богослужбной практике,⁵ тем не менее сам факт создания азбуки и ее сочинитель оставили глубокий след в древнерусской книжности всех последующих столетий. Несомненно, такому вниманию способствовало написание Епифанием Премудрым Жития Стефана, в котором одна из глав специально посвящена описанию просветительского подвига Пермского епископа.

Собственно, эта глава и явилась основным источником составления сказаний о пермской азбуке для последующих поколений древнерусских книжников.

Епифаний составил текст главы на основании известных в древнерусской традиции памятников «О письменах» Черноризца Храбра и Житий Кирилла и Мефодия. Епифаниевский текст «О азбуке пермской» представляет собой развернутое в стиле «плетения словес» похвальное слово Стефану, создателю новой письменности. Заимствуя у Черноризца Храбра главным образом те места, где подробно рассказывается о самом факте сложения алфавитов, автор Жития Стефана исключил полемическую направленность древнеболгарского памятника⁶ и своеобразно «обыграл» факт сложения азбуки Стефаном как продолжение просветительской миссии Кирилла и Мефодия среди языческого народа («Не токмо бо святым крещением просвети, а но и грамоту сподоби я и книжный разум дарова им и писание предать им, еже новую грамоту сложи, еже незнаемую азбуку Пермскую съчини, и теми писменными словесы книги мнози написав, предать им, его же до толе век свой не стяжаша»)⁷. Прославляя просветительский подвиг Стефана, Епифаний придает его труду провиденциальный характер: «Бог, не оставляя рода человека без разума», «пощаде и помилова люди Пермскаго языка», послал к ним «мужа добра и благоговейна» Стефана. В характерной для стиля Жития риторической стихии заимствованные фрагменты текста «О письменах» теряют первоначальную идейную направленность и выступают в качестве аргументов, с помощью которых автор доказывает несравненность подвига святого («Коль много лет мнози философи еллинстии сбирали и составляли грамоту Греческую, и едва уставили мнозему труды, и мно-

³ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII в. Эпохи и стили. Л., 1973 С. 84

⁴ Р. Пиккио, обращаясь к анализу известного древнеславянского памятника «О письменах» Черноризца Храбра, указывает наличие двух тенденций в миссионерско-языковой политике Византии. Кроме того, он считает, что создание новой языковой общности укрепляло саму мессианскую идею еще первых славянских апостолов, именно она впоследствии отразится в политическом лозунге «Москва — Третий Рим». См. Пиккио Р. Православное славянство и старобългарската културна традиция. София, 1993 С. 300

⁵ Прохоров Г. М. Стефан, епископ пермский // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2 С. 411—416

⁶ Куев К. Черноризец Храбр. София, 1964

⁷ Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана бывшего в Перми епископа // Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 4. С. 151

гими времена едва сложили! А Пермскую грамоту един чернец сложил, един составил, един счинил, един калогер, един мних, един инок, мнимии епископ, един в едино время, а не во многа времена и лета, якоже и они, но един инок, един во единеньи уединися, един, уединенный, един единого Бога на помощь призываа...»⁸.

Полемическая направленность Сказания «О письменах» в вопросе о праве существования славянского книжного языка наряду с еврейским, греческим и латинским в эпоху Епифания Премудрого теряет свою остроту. Поэтому данный фрагмент текста даже опускается в главе «О азбуке пермской» («А друзии мнят яко Бог сам ест створил писмена и не ведят ся что глаголюще окааннии. И яко трими языки ест Богъ повелель книгам быти, якоже и в евангелии пишеть: И бе дьска написана жидовьскы и римьскы и эллиньскы, а словеньскы несть тоу. Тем же не суть словеньскы у книги от Бога. Къ тем что глаголем? Или что речем къ тацем безумнымъ? Обаче рече от святых книг якоже научихомся, яко вьсе по рядуу бывауть от Бога, а не иногдоу...»⁹). Полемичность главы «О азбуке пермской» заключается в иной постановке вопроса — о целесообразности изобретения Стефана. Вопрос этот Епифаний формулирует таким образом: «Неции же, скудни суще умом, реша: почто ли сътворени суть книги Пермския, или что ради со- ставлена бысть азбука Перския грамоты? И прежде бо сего издавна в Перми не было грамоты, пошлина сущи такова, не имущим им издавна у себе грамоты, и тако ижжившим имъ век свой без нея, ныня же въ скончания лет, в последняя дни на исход числа седмыа тысящи, паче же мала ради времени, точию за 120 лет до скончания веку, грамота замышляти! Аще ли и се тебе ест, достояше паче Рускаа, готова сущи грамота, юже предати им и научи я, суть ли писмена книжная, иже издавна по пошлине имуще язпы у себе, якоже се жидовски, елински, римски...»¹⁰.

Без сомнения, вопрос этот не остался без внимания русских книжников и особенно остро обсуждался в церковных кругах в связи с возникновением стефановской азбуки. Косвенно об этом свидетельствует дошедший до нас в переработанном виде список Сказания «О письменах» (Син. собр., № 6) в составе Сборника XIV—XV вв., содержащем, кроме того, известный памятник древнерусского права «Митрополичье Правосудье».¹¹

Этот список (Син. собр., № 6) попал в поле зрения болгарской исследовательницы произведений Черноризца Храбра А. Джамбелука-Коссовой. В результате сравнительного текстологического анализа она пришла к выводу, что этот список является осознанной переработкой русским книжником болгарского памятника, сам же отредактированный текст возник в связи с учебными нуждами.¹² Интересен этот список прежде всего тем, что в нем содержатся уже некоторые сведения об азбуке Стефана: «Преже всех грамот жидовьская, а потом елиньская снята с тое же, а потом римьская и друзии потом грамоты, а по мнозех летех грамота русская снята с греческия грамоты. Жидовьские грамоты 1-е с аз, ино алфа. А греческие грамоты прьвое с алфа, 2 русския грамоты прьвое с аз, б, в, г, д. А перемские грамоты прьвое с бур, гаи, дои».¹³

Этот текст возник на рубеже XIV—XV вв. одновременно с «Митрополичьим Правосудьем», т. е. после Двинской грамоты (1397 г.), и входил в общий комплекс письменных памятников, связанных с образованием Перм-

⁸ Там же С 152—153

⁹ Тихомиров М Н Правосудье митрополичье // АЕ за 1963 г М, 1964 С 34—35

¹⁰ Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана С 152

¹¹ Тихомиров М Н Правосудье митрополичье С 44

¹² Черноризец Храбр О писменехъ София, 1980 С 78—79

¹³ Тихомиров М Н Правосудье митрополичье С 34

ской епархии. Текст списка занимает промежуточное положение между древнеболгарским Сказанием «О письменах» и главой «О пермской азбуке» из Жития Стефана. В нем еще сохранен как исторический анахронизм полемический пассаж о священности трех языков и о равенстве с ними других языков. Для Епифания же, как мы видим, это уже было малоактуально, и обращается он к этой теме совсем по другому поводу.

Возможно, такая постановка вопроса и проясняет последующую судьбу древнепермской письменности. Действительно, оппоненты Стефана (120 лет до наступления конца света показывают нам, что 1372 г. датируется создание пермской азбуки, следовательно, спор возник еще при жизни Стефана и именно с ним) выражают сомнение в необходимости и полезности труда по составлению новой азбуки, так как ввиду близости конца света в этом нет необходимости, но если даже в этом и ощущается потребность, то не лучше ли просветить языческий народ при помощи русских книг, ставя они вопрос.

Можно предполагать, что в послестефановское время эта точка зрения нашла больше сторонников и как такового развития письменного языка у пермяков не последовало. В течение XV в. (до упразднения в Усть-Выми епископской кафедры) происходит затухание древнепермской письменности. Этим же объясняется и то, что сохранившиеся рукописи с начертанием пермских знаков и отдельные фрагменты текста и слов датируются преимущественно именно этим временем.¹⁴ Ни книг Священного Писания, ни отдельных служб на древнепермском языке практически не сохранилось до нашего времени. Таким образом, можно констатировать, что древнепермский язык не состоялся как язык письменный. И как показывает в своих исследованиях на материале богослужебных текстов более позднего времени К. Редей, пермская (зырянская) письменная речь находилась в теснейшей связи с церковнославянским языком.¹⁵

Таким образом, созданный Стефаном алфавит и, возможно, переведенные им некоторые образцы богослужебных и священных текстов противоречили последующему ходу языковой политики Русского государства: в едином государстве должен быть и единый государственный язык. Другой причиной забвения стефановского алфавита могла быть и внутренняя языковая ситуация на территории Перми. Созданная на основе одного из диалектов пермского языка финно-угорских народов, расселенных в бассейне р. Вычегды, письменность не отражала всего многообразия этнолингвистических особенностей новопросвещенного народа и, очевидно, не имела желаемого быстрого распространения по всей территории среди разных этнических групп финно-угров.¹⁶

Епифаний отстаивает правоту дела Стефана при помощи тех же аргументов, которые приводятся в Сказании «О письменах» Черноризца Храбра. Он обращается к истории возникновения письменности и азбук. Однако если автор Сказания старается отстоять статус славянской письменности как равной трем другим священным языкам, то для Епифания создание пермской письменности является воплощением гуманистической идеи просвещения народов, равных перед Богом. Поэтому он вкрапляет в заимствованный из текста «О письменах» фрагмент о разделении между народами ремесел цитату из Бытия: «...ею же грамотою и Моисей потом писаше о бытии всего мира бытйиска книги, в нихже писано, яко Бог сътвори небо и землю и вся яже на нею, и человека и прочее все по ряду...».¹⁷ Надо признать, что

¹⁴ Некрасов И. С. Пермские письмена в рукописях XV века. Одесса, 1890.

¹⁵ Redei K. Syrische Chrestomathi Vit Grammatik und Glossar. Wien, 1978.

¹⁶ Лыткин В. И. Древнепермский язык. С. 19—22.

¹⁷ Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана. С. 152.

гуманистический пафос произведения Епифания был рожден временем конца XIV—начала XV в., периодом, в который древнерусская культура находилась на подъеме. Одной из характерных черт ее была попытка осмыслить Древнюю Русь в контексте мировой культуры и ощутить себя наследницей и хранительницей ценностей православного мира. Русская культура впервые приняла и попыталась осознать свои миссионерские задачи, вплотную подошла к идее «Москва — Третий Рим». На этой идее основывается гуманизм Епифания и его пафос при описании просветительской деятельности Стефана, в нем содержится прославление человека («собеседника своего»), совершающего подвиг миссионера среди языческих народов.

Своеобразное пробуждение интереса к миссионерскому подвигу Стефана Пермского возникает в XVI в., середина которого характеризуется сосредоточенной работой древнерусских книжников над составлением Макарьевских Миней Четых. Инок Герасимо-Болдинского Троицкого монастыря Иосиф снимает для митрополита Макария отдельный список с главы «О азбуке пермской» из Жития Стефана.¹⁸ Текст «Сказания о сложении азбук и о составлении грамот, како и когда и в кое время и от которых святых отец и дивных и премудрых философов» претерпел некоторую редакторскую правку. Об этом писец в самом начале предупреждает адресата: «Списано вкратце от жития святого отца нашего Стефана епископа Пермского».¹⁹

Сам текст начинается с библейской цитаты из Бытия («Искони сотвори Бог небо и землю и первого человека от земли и жену ево...»), которая приводится в Житии в сокращенном виде и выступает в качестве одного из аргументов в споре с противниками дела Стефана.²⁰ Очевидно, Иосиф начинает с нее свое Сказание, чтобы выразить последовательность исторического хода событий и значение в нем изобретения письменности. Таким образом вообще устраняется епифаниевский элемент полемики. Сказание становится чисто историческим сочинением. Оно как бы «вырывается» из контекста эпохи Стефана Пермского и Епифания Премудрого. Текст его становится значительно суше стилистически: утрачивает характерный для Жития стиль «плетения словес».

Документальность Сказания подчеркивается строгим следованием за фактами. Так, начало письменности связывается с фактом разделения народов после столпотворения, с именем Адамова сына Сифа. Выстраивая рассказ о постепенном распространении письменности у разных народов (сначала у евреев, затем у греков, римлян, русских и позже всех у пермяков), Иосиф дополняет его новыми фактами и комментариями. Он обращается к вопросу о происхождении трех разных названий еврейского народа и считает, что название «евреи» произошло от имени Евера, «иудеи» — от Иуды, а «жиды» связано с известной историей о Иосифе Прекрасном, которого оклеветала жена Потифара.²¹ Начало русской (славянской) письменности он, как и Епифаний в Житии, относит к 855 г., т. е. за 120 лет до крещения Руси (ко времени княжения Рюрика). Создание пермской азбуки Стефаном он датирует тремя годами позже, чем Епифаний (за 120 лет до конца света, т. е. 1372 г., а у Иосифа названа точная дата — 1375 г.).²² Правда, эта дата в тексте не подкреплена никакими фактами.

¹⁸ Дмитриева Р. П. Иосиф // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 432—434.

¹⁹ ГИМ, собр. Хлудова, № 147, Д. л. 396—399 об. См. публикацию текста в кн. Бодянский Н. О времени происхождения славянских письмен. М., 1855. Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. Т. 1. С. 44.

²⁰ ГИМ, собр. Хлудова, № 147, Д. л. 396 об.

²¹ Там же.

²² Там же, л. 399 об.

К дополнительным сведениям можно также отнести сообщение, что перевод книг с еврейского на греческий язык был сделан во времена Птолемея и Симеона Богоприимца.²³

Названия пермских букв в обоих памятниках даны в русской транскрипции без начертания их по-пермски. Судя по написанию их названий, можно заключить, что ни Иосиф, ни переписчики Жития Стефана Пермского не знали пермской азбуки.

Стремление к строгому отбору фактов из текста Жития и попытка расположить эти факты в той же хронологической последовательности делают Сказание, скорее, похожим на краткую историческую справку.

Отметим, что кроме Сказания о сложении азбук перу Иосифа принадлежат еще два близкие по жанру и тематике произведения: Летописец и сказание ко учению и рассуждению, Рассуждение ко учению вкратце.²⁴ Все три памятника входят в состав одного Сборника XVI в., который, возможно, принадлежал самому Иосифу.²⁵ Своего рода «научно-филологическая» тематика его отвечала одному из основных направлений творческой деятельности Иосифа, который был учеником Максима Грека.²⁶

Еще один список Сказания о грамоте и о пермской азбуке сохранился в Сборнике середины XVII в.²⁷ Содержание Сборника отражает интерес его составителя к языковым проблемам. Кроме Сказания о грамоте и о пермской азбуке в его состав включены отдельные словарные статьи из латинско-греческо-русского Лексикона, Сказание неведомым речем, Написание словенским языком о буковнице, Грамматика Лаврентия Зизания, О краеграниях Максима Грека.²⁸

Обращение неизвестного переписчика ко времени создания пермской азбуки следует объяснять, очевидно, общим интересом русских книжников к лингвистическим проблемам своего времени и связывать с книжной реформой середины XVII в., правкой богослужебных книг. Этими причинами обуславливается интерес и к более ранним периодам в развитии письменности на Руси.

Текст Сказания о грамоте и о пермской азбуке ближе к житийному тексту, чем Сказание Иосифа. Он состоит из отдельных фрагментов текста житийной главы «О азбуке пермской». Новый редактор только поменял местами отдельные фрагменты и существенно сократил сам текст главы жития, практически ничего не дополнив от себя.

Сказание начинается с отрывка о разделении языков и ремесел после столпотворения, затем следует выписка о создании греческой азбуки и письменности. Сведения о возникновении пермской письменности писец выделяет под особым названием «О пермской азбуке» и тем самым как бы делит весь текст Сказания на две части.²⁹ В начало второй части из житийного текста переносятся сведения о создании славянской письменности и приводятся названия букв разных алфавитов. Затем следуют названия, без начертания по-пермски, всех букв пермского алфавита. Заключительный фрагмент Сказания представляет собой своеобразную похвалу просветительско-

²³ Там же, л 400

²⁴ Шляпкин И Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Грозного // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели Сб науч трудов СПб 1911 С 567—568, Лопарев Х Новый памятник русской литературы Произведения монаха Иосифа 1559 г // Библиограф 1888 № 2 С 66—74

²⁵ Лопарев Х Описание Хлудовской рукописи № 147, Д // ЧОИДР 1887 Кн 3 С 1—18

²⁶ Дмитриева Р П Иосиф С 434

²⁷ ГИМ собр Уварова, № 187, л 309 об—317 об

²⁸ См Леонид, архим Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания А С Уварова М, 1894 Ч 4 С 181—183

²⁹ ГИМ собр Уварова, № 187, л 312 об

му подвигу Стефана, также выписанную фрагментарно из житийного текста. На этом основании можно заключить, что текст Сказания о грамоте и о пермской азбуке непосредственно восходит к тексту Жития и является новой версией XVII в., не связанной прямо с текстом Иосифа. Следовательно, епифаниевский текст житийной главы «О пермской азбуке» в обоих случаях был основным источником при создании самостоятельных памятников о пермской азбуке.

Составление сказаний о пермской азбуке в XVI и XVII вв. разными редакторами показывает, насколько был устойчив интерес русских переписчиков к выдающемуся деянию Стефана Пермского. В их текстах не приводятся начертания самих пермских знаков, очевидно, что вопрос о сохранении и функционировании письменности на пермском языке в их время не ставился вообще. Однако сам факт ее создания воспринимался как величайшее культурное достояние Древней Руси, как одна из важных вех на пути осознания Россией своей выдающейся миссии в православном христианском мире.

А. В. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Служебная Псалтирь в восточнославянском книгопечатании XVI—XVIII вв.

История печатной Псалтири — это главным образом история служебно-го ее типа. Несмотря на то что толкования на Псалтирь были известны на Руси с древнейших времен, впервые толковая Псалтирь была напечатана лишь в конце XVII в. в Киеве (1697 г.) и в дальнейшем издавалась только еще несколько раз, в основном там же. Случаи включения толкований в предисловия изданий служебной Псалтири и употребление особых, истолковывающих содержание псалмов, надписаний, как представляется, нельзя рассматривать как факты истории толковой Псалтири.

Не получил широкого распространения в XVI—XVIII вв. и четый тип Псалтири. При этом даже в составе Библии ее текст обычно делился на 20 кафизм и дополнялся библейскими песнями. Именно так Псалтирь была напечатана в Библии Франциска Скорины. В Острожской Библии текста песней нет, однако сразу после псалмов приведен их список с указанием, в каких главах каких книг Священного Писания их текст может быть обнаружен. Разделение Псалтири на кафизмы исчезло только в елизаветинской Библии,¹ хотя и в ней по-прежнему вслед за текстом псалмов находится список библейских песней. Разделение на кафизмы и наличие помимо текста псалмов текста библейских песней было характерно и для изданий Нового Завета с Псалтирью. Эта книга, которую, без всякого сомнения, нужно рассценивать как чужью, имела особую судьбу. Она была напечатана впервые в 1580 г. в Остроге Иваном Федоровым и затем неоднократно издавалась в Белоруссии и на Украине.² Попадая в руки читателей, Новый Завет с Псалтирью часто разделялся на две книги: Новый Завет и Псалтирь³ Этому, впрочем, способствовало и появившееся в послефедоровских изда-

¹ Это изменение было внесено в книгу вполне сознательно. Исключение разделения Псалтири на кафизмы специально объясняется в предисловии к Библии отсутствием его «во всех Греческих составах» (см л 20 первого счета).

² Следует отметить факт издания Нового Завета с Псалтирью в 1740 г. в С-Петербурге. В Москве эта книга, по крайней мере до конца XVIII в., так и не была напечатана, хотя издание Нового Завета (без Псалтири) было впервые осуществлено на московском Печатном дворе еще в 1702 г.

³ См к примеру Петров С О, Бирюк Я Д, Золотарь Т П Славянские книги кирилловской печати XV—XVIII вв. Описание книг, хранящихся в Гос публичной библиотеке УССР Киев, 1958 № 82, 324, 534, Горфункель А Х Каталог книг кирилловской печати 16—17 вв Л, 1970 № 217, Лобанов В В Славянские книги кирилловской печати XVI—XVIII веков Томск, 1975 № 28, 44, Поздеева И В, Кашкарова И Д, Леренман М М Каталог книг кириллической печати XV—XVII вв Научной библиотеки Московского университета М, 1980 № 95, 143, 144, 477, Грицевская И М Книги кириллической печати XVI—XVII веков в фондах Нижегородской областной библиотеки Каталог Нижний Новгород 1992 № 5

ниях обыкновение печатать книгу с отдельной фолиацией для этих двух ее частей. Другой важной особенностью бытования Нового Завета с Псалтирью стали попытки приспособить эти книги для богослужения, в связи с чем Новый Завет мог снабжаться маргиналиями с указанием чтений,⁴ Псалтирь же — дополняться статьями, приличествующими: служебной Псалтири.⁵ Эта практика, как кажется, нашла отражение и в истории печатания Нового Завета с Псалтирью. Уже в виленском издании 1623 г. наряду с псалмами и библейскими песнями обнаруживаются статьи, содержащие сведения о том, как начинать и как завершать пение Псалтири; известен также и факт выпуска из типографии Киево-Печерской лавры в 1658 г. наряду с изданием Нового Завета с Псалтирью отдельно его части, Нового Завета, для чего был напечатан специально особый титульный лист.⁶

Приспособление Псалтири, части Нового Завета с Псалтирью для богослужебного употребления кажется совсем не случайным, поскольку сочетание разделенных на кафизмы псалмов с библейскими песнями было тем, что нужно считать основой служебной Псалтири. Подобное понимание основы служебной Псалтири представляется наиболее приемлемым, по крайней мере для эпохи, в которую зарождалось и делало свои первые шаги восточнославянское книгопечатание. Об этом свидетельствует, в частности, то, что псалмы избранные, которые нередко рассматриваются в качестве обязательной статьи служебной Псалтири,⁷ включались в состав далеко не всех изданий XVI—XVII вв.⁸ Так, их нет в анонимном московском издании, напечатанном около 1564—1565 гг. и считающемся, возможно как раз из-за этого, дошедшим в дефектном, неполном виде. Однако нет их и в виленской Псалтири 1592 г., которую никак нельзя расценивать как неполную или незавершенную. Нет их также в острожном Правиле истинного живота христианского 1598 г., в виленском Полууставе 1622 г., в кутейском Брашне духовном 1639 г. Кроме того, при решении вопроса об основе служебной Псалтири необходимо учитывать традицию располагать уставные статьи о начале и завершении пения Псалтири, одну — непосредственно перед текстом псалмов, вторую — сразу после библейских песней, а также то, что в неодинаковости редакций псалмов избранных заключалось одно из самых серьезных различий между ранними московскими и украинскими Псалтирями.⁹

Характер дополнений к основе служебной Псалтири является определяющим для типологии этой книги. Именно он лежит с основания деления как списков, так и изданий Псалтири на две большие группы: на представ-

⁴ См Лукьяненко В И Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI—XVII вв Л, 1975 Вып 2 № 75 С 164, № 128 С 256, Поздеева И В, Кашкарова И Д, Леренман М М Каталог книг кириллической печати № 27 С 40, Грицевская И М Книги кириллической печати № 4

⁵ Подобные дополнения обнаруживаются, к примеру, в экземплярах издания 1580 г., принадлежащих РНБ (Исаевич Я Д Литературна спадщина Івана Федорова Львів, 1989 С 158), или в экземпляре виленского издания ок 1596 г из собрания библиотеки СПбГУ (Инв ОРК 6739)

⁶ См Запаско Я П, Исаевич Я Д Пам'ятки книжкового мистецтва Каталог стародруків виданих на Україні Львів, 1981 Кн 1, № 392 и 393

⁷ Употребление книги Псалтирь в древнем быту русского народа // Православный собеседник 1857 Кн 4 С 846, Лихачева О П Служебная псалтирь как особого рода сборник // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности Л, 1981 С 224, Алексеев А А, Лихачева О П Библия // Словарь книжников Вып 1 С 73 Громов М Н Культурно-историческое и философское значение славянской псалтири Статья первая // Общественная мысль исследования и публикации М, 1993 Вып 3 С 24

⁸ См Амосов А А, Черторицкая Т В Старопечатная кириллическая книга в русской книжной культуре // Грицевская И М Книги кириллической печати С 7

⁹ Барвинок В И Никифор Влеммид и его сочинения Киев, 1911 С 203, 206—208

ляющие собою Псалтирь простую и являющиеся Псалтирью следованной, т. е. обязательно дополненной Часословом.

Что касается печатных изданий, то характер дополнений в них во многом зависит от местных традиций книгопечатания, от развития типа книги внутри традиции, а также от взаимодействия различных традиций.

Так, следованная Псалтирь в XVI—XVII вв. могла быть издана как Псалтирь с Часословцем (ее первое издание было осуществлено в 1570 г. в Заблудове Иваном Федоровым и Петром Тимофеевым Мстиславцем), как Правило истинного живота христианского (впервые — в Остроге в 1598 г.), как Полуустав (впервые — в Вильне в 1622 г.), как Псалтирь с воследованием (впервые — в Москве в 1625 г.), наконец, как Брашно духовное (впервые в Кутейне в 1639 г.). Отличают все указанные книги не только их названия, однако уже и в названиях можно видеть отражение некоторых общих тенденций, свойственных в XVII в. каждой из ветвей восточнославянского книгопечатания.

Московское книгопечатание уже в эту эпоху характеризовалось наличием четкой и стройной системы видов богослужебных книг; причем это справедливо, даже если принимать во внимание непрекращающийся процесс развития этой системы и выработки типов богослужебных книг разных видов, выразившийся в выборе их формата, состава, редакции текста. Поэтому московские издания имели вполне определенное и, как правило, традиционное название; поэтому, если говорить о московской Псалтири с воследованием, то речь может идти только об издании большого формата (в 2-ю долю листа), соединяющем в себе Псалтирь, Часослов, Канонник и Святцы.

На Украине и в Белоруссии (что, вероятно, следует связать с меньшей регламентацией там церковной жизни, а также с тем, что книгопечатание там не имело такой жесткой централизации, как в Москве) не было строгой и до конца определенной системы видов богослужебных книг. Это особенно заметно при обращении к книгам, предназначенным для частного богослужения и домашней молитвы, которые, в их первых изданиях, должны рассматриваться, скорее, как богослужебные сборники. В названии этих книг чувствуется некоторая неуверенность, которая только и могла заставить их издателей пояснять название печатаемой книги, указывать ее содержание. Так, к примеру, название виленской следованной Псалтири 1622 г. — Полуустав — поясняется словом Требник (замечу, что в Москве требниками назывались только книги, содержавшие только требы, т. е. чины венчания, исповедания, освящения воды и т. п.);¹⁰ на титульном листе киевского Полуустава 1643 г. также обнаруживается двойное название: Полуустав, или Правило истинного живота христианского, — и вслед за этим разъяснение: «содержай в себе псалтир, часослов, месяцеслов и прочия различныя молитвы и каноны». Другой особенностью следует считать употребление для богослужебных книг необычных, оценочно-иносказательных названий, в чем, кажется, можно видеть отголосок развития на Украине и в Белоруссии культурных традиций барокко. К числу таких наименований нужно отнести и применяемые к следованной Псалтири, а именно: Правило истинного живота христианского (это название ведет свою традицию от восторженного восклицания, которое находится на титульном листе острожского издания

¹⁰ В предисловии издания 1622 г. дается обоснование названия книги Полууставом, заключающееся в том, что в ней есть выборка наименее необходимых церковных справ из полного свода этих справ — Устава (л 9н об). Традиция названия богослужебных книг Полууставом, кажется, не начиналась этим изданием, однако этот вопрос требует дополнительного изучения. Важно отметить, что в XVII в. в Белоруссии и на Украине издавались Полууставы, представляющие собою Часословы (Каменева Т. Н. Черниговская типография, ее деятельность и издания // Тр Гос б-ки СССР им В. И. Ленина М., 1959 Т. 3 С. 281).

1598 г. — «Сия книга правило истинаго живота христианского нарицатися достойна», — и впоследствии использовалось в качестве второго в киевских Полууставах и однажды в качестве основного в незавершенном и поэтому довольно странном московском издании 1656 г.) и Брашно духовное (по мнению А. С. Зерновой, и состав и название книги были изобретены Спиридоном Сободем¹¹).

Неодинаковость книг, издаваемых в пределах разных печатных традиций, подчеркивавшаяся порою довольно ярко, как в случае с Брашном духовным, которое за «неисправностью патриарх Никон запретил выпускать иверским монахам,¹² или в случае с новгород-северской Псалтирью, из которой патриарх Иоаким требовал выдрать два листа,¹³ заставляет рассматривать историю каждой из них как особую, хотя в конечном счете являющуюся лишь частью общей истории печатной Псалтири. Вместе с тем при изучении отдельных книг, к примеру — Брашна духовного, которое, как подчеркивает В. И. Лукьяненко, подчинялось собственным литературным традициям, основания для появления таких традиций следует в первую очередь искать не в культивировании в этой книге особой редакции псалтирного текста (а это обстоятельство заставило В. И. Лукьяненко предположить, что могилевская Псалтирь начала 1640-х гг. тоже должна рассматриваться как Брашно духовное¹⁴), а в особенностях состава книги. Поэтому только характер дополнений к основе служебной Псалтири, и в частности нахождение среди них плачей покаянных святогорца Фикары, которые отсутствовали в других типах Псалтири и, по мнению А. С. Зерновой, как раз и могли вызвать «осуждение московского духовенства»,¹⁵ объединяет кутейнское и иверское издания Брашна духовного, несмотря даже на то что в иверском издании по сравнению с кутейнским есть изменения, свидетельствующие об учете московской традиции дополнений к основе служебной Псалтири, — к числу их можно отнести наличие в нем псалмов избранных, канона Богородице Одигитрии, помянника.

Приведенный пример показывает также необходимость принимать во внимание возможное взаимодействие разных печатных традиций, отразившееся на развитии типов служебной Псалтири во второй половине XVII и особенно в XVIII в. Не останавливаясь долго на этой проблеме, требующей специального большого исследования, замечу, что процессы взаимодействия разных печатных традиций происходили и в более раннюю эпоху, причем не только в случаях, подобных тому, когда не свойственный определенной традиции тип книги печатался из-за ориентации на другой книжный рынок, как это было характерно для ряда изданий Мамоничей.¹⁶ Так, контакты во второй половине 30-х гг. XVII в. между типографами, принадлежащими к двум разным традициям, Василием Бурцовым и Спиридоном Сободем, несомненно имели результатом (и это общепризнанно) появление в изданиях Бурцова типографских особенностей, не встречавшихся до этого в московских изданиях. Вместе с тем здесь можно говорить и об ином воздействии, которое, в частности, замечается в появлении в издании Псалтири, осуществ-

¹¹ Зернова А. С. Белорусский печатник Спиридон Сободе // Книга Исследования и материалы Сб 10 М, 1965 С 137 Ярким примером того же рода является и львовское издание Апостола 1666 г., названного типографами «Таблицей невидимой сердца человека» (Петров С. О., Бирюк Я. Д., Золотарь Т. П. Славянские книги № 236)

¹² Харламович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь Казань, 1914 Т 1 С 438

¹³ Там же С 446

¹⁴ Лукьяненко В. И. Каталог белорусских изданий № 94 С 187

¹⁵ Зернова А. С. Белорусский печатник Спиридон Сободе С 137

¹⁶ Зернова А. С. Типография Мамоничей в Вильне (XVII век) // Книга Исследования и материалы Сб 1 М, 1959 С 184

вленном Соболе в 1637—1638 гг., дополнительных припелов на 9-й песни канона на Сретение. Источником этого дополнения, без всякого сомнения, стало или третье бурцовское издание Псалтири (1636 г.), или же Псалтирь, напечатанная в том же году Печатным двором, с которой Спиридон Соболев также имел возможность ознакомиться.

Наконец, еще одним фактором, имевшим большое значение в истории Псалтири, была возможность развития типа книги в пределах одной печатной традиции. Такое развитие определялось целым рядом причин, к числу которых можно отнести, к примеру, учет несоответствия текста книги современной ей литургической практике. Именно этим, как кажется, следует объяснять добавления, которые получила глава «Псалмы избранные» на московском Печатном дворе в первой половине XVII в., а именно: уже упоминавшиеся дополнительные припелы на Сретение (они вводились в текст дважды, первый раз — в издании 1636 г., повторно — в декабрьском издании 1645 г.) или текст 17-й кафизмы с припелами к каждому стиху для Великой субботы, включенные в книгу впервые в издании 1624 г. Определенное воздействие на состав Псалтири имело его соотнесение с тем, как функционировала книга в народном быту, и появление в издаваемой в Москве простой Псалтири канона за единоумершего (впервые в издании 1624 г.) было несомненно связано с обыкновением употреблять Псалтирь для чтения над усопшим. Оказывало влияние на развитие богослужебных книг и состояние духовной жизни общества, в связи с чем те обширные дополнения книги, которые можно обнаружить в составе московской простой Псалтири в середине XVII в., должны безусловно выводиться из просветительских тенденций, характерных для части русского общества этого времени, в частности для кружка ревнителей благочестия.¹⁷ Только этим, а вовсе не желанием улучшить образование детей, следует объяснять включение в Псалтирь Собрания толкований Никиты Ираклийского или статьи «Какое писати в синодики», которую ни в коем случае нельзя считать грамматической.¹⁸

Все сведения, получаемые при изучении печатной Псалтири, конечно, относятся к довольно позднему периоду ее истории, тем не менее они представляются чрезвычайно важными, поскольку любое изменение в печатной традиции типа книги, несомненно, с большей объективностью свидетельствует о направлении в ее развитии и изменении отношения к ней в обществе, чем факты необычности одного или однообразия ряда рукописных изданий той же книги.

¹⁷ См Каптерев Н Ф Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов Время патриаршества Иосифа 2-е изд Сергиев Посад, 1913 С 95 и след

¹⁸ Подобное понимание существа этой статьи было свойственно П Ф Николаевскому и Н Ф Каптереву (см Вознесенский А В Канонник как тип книги у старообрядцев // ТОДРЛ СПб, 1993 Т 48 С 362, сноска 46), между тем статья «Какое писати в синодики» посвящена в первую очередь разъяснению того, что поминать следует не усопшего человека, в его бессмертную душу

Г. В. МАРКЕЛОВ, Ф. В. ПАНЧЕНКО

О литургическом творчестве выговцев

Во второй половине XVIII в. в Выголексинском старообрядческом поморском общежительстве были предприняты беспрецедентные попытки создания пантеона собственных местночтимых святых. В их число выговцы включили первых старообрядцев-мучеников, а также страдальцев за веру, подвизавшихся в близлежащих олонецких пределах, чьи имена освящены ореолом мученичества и благоговейной известностью по всей старообрядческой России. Однако выговцы включили в этот пантеон и собственных киновиархов, представившихся с миром в окружении скорбящих единоверных братии и учеников в стенах созданной ими процветающей крепкой обители.

К этому времени на Выгу сложился своеобразный агиологический комплекс для почитания местных отцов-основателей, который включал особо устроенные гробницы с мощами преподобных, их иконописные изображения, создаваемые по устоявшейся иконографической традиции. На Выгу были созданы жития и жизнеописания местных подвижников, им же было сочинено большое количество надгробных и воспоминательных слов, стихов и плачей. Выговцы писали особые молитвы своим чтимым отцам, и наконец, им были сочинены специальные церковные службы, как общие, так и индивидуальные.

Сочинение церковных служб на Выгу до сих пор не становилось предметом научного изучения, хотя и упоминалось в ряде публикаций.¹ Между тем этот вид литературного творчества представляется важным для понимания роли и значения выговской литературной традиции, в котором раскрывается новая грань в многообразном духовном наследии поморцев.

Настоящая статья является первой публикацией авторов на данную тему и содержит предварительный обзор и краткий анализ литургических произведений выговцев по источникам, хранящимся в фондах РГИА, БАН и ИРЛИ. К настоящему времени нами выявлены 9 церковных служб, 3 канона и 29 тропарей и кондаков, принадлежащих выговским авторам.² Рукописи, содержащие выявленные тексты, относятся к периоду между серединой XVIII и концом XIX в. Наиболее полным по составу служб является Сборник, хранящийся в Синодальном собрании РГИА, ф. 834, оп. 1, № 841 (далее: Синод. № 841). В этой рукописи имеется оглавление, составленное известным поморским деятелем Ф. П. Бабушкиным (1752—1842). В оглав-

¹ Бывшего беспоповца Григория Яковлева Извещение праведное о расколе беспоповщины. М., 1888. С. 111 (далее: Извещение праведное); Островский Д. Выговская пустынь и ее значение в истории старообрядческого раскола. Петрозаводск, 1914. С. 56.

² Часть текстов так или иначе отмечена В. Г. Дружининым в «Писаниях русских старообрядцев» (СПб., 1912).

лении Бабушкин указал авторов некоторых выговских служб. На основании этих указаний тексты были атрибутированы и В. Г. Дружининым в полстных примечаниях на рукописях из его собрания, хранящегося в БАН. При детальном изучении списков нам пришлось внести коррективы в черновые атрибуции Дружинина. Свой обзор мы начнем с рассмотрения текстов, принадлежащих к разряду общих церковных служб.

Старейшая из известных нам выговских служб имеет название «Служба святым исповедником новым росийским страдальцем, пострадавшим от новолюбителей за древлевосточное церковное апостольское и отеческое благочестивое предание» (далее: «Служба исповедникам новым»). В. Г. Дружинин приписывает авторство этого текста Семену Денисову.³ Эти сведения содержатся и в оглавлении Сборника выговских служб Синод. № 841. Тогда дата составления службы ограничивается 1741 г., годом кончины Семена Денисова. Из известных нам шести списков старейший относится к 50-м г. XVIII в.⁴ Списки не содержат серьезных текстовых разночтений. Данная служба относится к типу средних церковных праздников, без малой вечерни. Перед канонем службы указано краегранесие «Защитники отеческих законов почитаю», которое читается, однако, от конца канона к началу по первым буквам тропарей и богородичных.⁵ В тексте «Службы исповедникам новым» Семен Денисов использовал прием лексической анафоры в стихирах, следуя устойчивой гимнографической традиции. Например, подобен пятого гласа «Радуйся...» определяет начальные слова стихир на стиховне: «Радуйся, мысленный раю...», «Радуйся, невесто Иисусова церкви...», «Радуйтесь, страдальцы всесестии...» и т. д.

Содержанием «Службы исповедникам новым» является прославление приверженцев отеческой веры, претерпевших страдания и пытки, принявших мучительную смерть от «новолюбцев-никониян». Текст службы, насыщенный свойственными Денисову стилистикой и риторическими оборотами, привлек внимание И. И. Срезневского, который опубликовал без указания автора канон этой службы в качестве уникального образца выговской гимнографии.⁶ Ирмосы для этого канона Денисов почерпнул из великопостных ирмосов, исполняемых на Страстной четверг, что придало канону особо скорбный характер. Стихиры службы не содержат исторических реалий и имен, но изобилуют яркими описаниями всевозможных горестей и мучений, которым были подвергнуты «исповедники новые».

В отличие от других рассматриваемых нами текстов, «Служба исповедникам новым» содержит стихиры, распетые на крюках. Это стихиры-славники (самогласные), известны нам по двум спискам XVIII в.⁷ Можно предположить, что автором распевов этих стихир, как и самих текстов, является Семен Денисов, так как известно, что он был знатоком знаменного пения и автором надгробной стихиры Андрею Денисову.⁸ Пять стихир службы

³ Дружинин В. Г. Писания С 435, № 719

⁴ РГИА, ф 834, оп 1, № 841 л 1 Другие списки ИРЛИ, Древлехранилище, Новгородско-Псковское собр., № 9, л 253, XVIII в (80-е гг), БАН, 33 13 16, XIX в (вторая четв), собр Дружинина, № 827, л 29, XIX в (30-е гг), № 63, л 54 об, XIX в (посл четв), собр Строганова, № 45, л 83, XIX в (30-е гг)

⁵ Этот же прием обратного чтения краегранесия применен выговцами в заключительных строках текста «Поморских ответов»

⁶ Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в рукописное отделение Библиотеки Императорской Академии наук в 1904 г СПб, 1907 С 322—326 (по рукописи БАН, 33 13 16)

⁷ ИРЛИ, Новгородско-Псковское собр., № 9, л 288, РГИА, ф 834, оп 1 № 841 л 255

⁸ Среди сочинений Семена Денисова Григорий Яковлев указывает «Стих надгробный брату своему Андрею на два распева, ему же начало Приидите, восплачем вси Сочинен весь в подражании точном по метру стихотворному стихир Великия Субботы, еже Приидите, убажым» (Извещение праведное С 108)

распеты знаменным распевом, тексты истинноречные, некоторые фиты разведены прямо в тексте. Кроме стихир в рукописях службы имеется величание в знаменном и путевом распевах.

Вторая выговская общая служба также посвящена прославлению старообрядческих мучеников,⁹ но отличается исторической конкретикой. В одном из ее старейших списков¹⁰ текст имеет развернутое заглавие: «Кратковоспоминательного похваления стихословие, сочиненное в подобие службы святым новым российским страдальцем», в шести других списках она обозначена как «Служба общая святым новым российским страдальцем».¹¹ В оглавлении синодального Сборника Ф. П. Бабушкин приписывает авторство этой службы Ивану Антонову, о датах жизни которого нам ничего не известно. Между тем в текстах этой службы каждая стихира посвящена конкретным историческим персонажам: Павлу Коломенскому, протопопу Аввакуму, Никанору Соловецкому, дьякону Федору, Игнатию Палеостровскому, Феодосии Морозовой, Евдокии Урусовой и другим мученикам старой веры. Именно такую службу с перечислениями по именам страдальцев видел Григорий Яковлев.¹² Если предположить, что речь идет об одном и том же тексте, то есть основания считать, что данная служба сочинена до конца 40-х гг. XVIII в.

«Служба новым российским страдальцам» относится к типу средних церковных праздников со всеобщим бдением, литией и полиелеем. Крайности в тексте нет, зато перед канонам имеется четверостишие:

Страстотерпцы Христовы, вас пою,
Песнословия Бога, вам крепость давшаго
Молю прияти от мене песнь мою,
Величаю Его в страсти вас утвердившаго

Прославление исторических деятелей первоначальной эпохи раскола, сожженных или принявших добровольно огнепальную мученическую смерть, составляет содержание этой службы. Обратим внимание, что кроме уже упомянутых персонажей в тексте особо выделены страдальцы олонецкие, что, вероятно, было важно для выговцев. Особенности службы являются витиеватое многословие, пространность тяжеловесных текстов, их обилие и объем. Автор последовательно использует прием звуковой анафоры не только в стихирах, но и в каноне. Первые буквы ирмосов канона в каждой песне определяют первые буквы тропарей:

Песнь 3 Ирмос «Небесному кругу »,
Тропарь «Небеснаго нетленнаго .»,
Тропарь «Ничтоже вас .»,
Тропарь «Не един »

Термин «в подобие», использованный в заглавии службы, предполагает, как нам кажется, двоякую трактовку. С одной стороны, автор этим термином указывает на преемственность уже существующей на Выгу традиции. Например, на опыт Семена Денисова, сочинившего «Службу исповедникам

⁹ Дружинин В Г Писания С 435, № 718

¹⁰ БАН, собр Дружинина, № 65, л 56, XVIII в (конец)

¹¹ РГИА, ф 834, оп 1, № 841, л 24, XVIII в (конец), БАН, собр Дружинина, № 328, л 43, XIX в (перв четв), № 827, л 45 об, XIX в (30-е гг), № 63, л 75, XIX в (конец), № 64, л 89, XIX в (конец), собр Строганова, № 45, л 105, XIX в (30-е гг)

¹² В 1748 г Григорий Яковлев извещал «Что видел он < > службу новосочиненную (неизвестно кем) раскольническим мнимым новым страдальцам и самосоженцом, по именам их, стихиры и паремии и прочее со славниками (о каноне же не упомяну)» (Извещение праведное С 111)

новым российским страдальцам» (см. выше). Начальные слова текста «Входящим в Виноград овощный...» прямо ассоциируются с «Виноградом Российским» Семена Денисова, а содержание службы воспринимается как своеобразное гимнографическое переложение денисовского «Винограда». Тогда термин «в подобие» определяет литературного предшественника службы, и не более того.

С другой стороны, выражение «в подобие службы» можно понять как указание автора на подражание художественной форме и структуре жанра церковной службы в данном произведении, которое, в сущности, не претендует на священнодействие как таковое, а является «кратковоспоминательного похваления стихословием». Отметим, что ни одна из исконных церковных служб данного типа не явилась собственно образцом для выговской «Службы новым страдальцам», в которой все стихиры самогласны, что подтверждает наше предположение о самостоятельном значении данного произведения.

Третья общая выговская служба носит во всех списках следующее название: «Служба блаженным и приснопамятным отцем нашим премудрым последнего христианска рода учителем пресловущим и с яже от них всем праведно Господеви угодившим»¹³ (далее: «Служба учителям пресловущим»). В Синодальном Сборнике Ф. П. Бабушкин приписал авторство этой службы Григорию Ивановичу Корнаеву-Романовскому (1748—1796).¹⁴ В. Г. Дружинин датирует время написания этой службы 1795 г.¹⁵ Служба относится к типу средних церковных праздников. Перед каноном службы помещено краегранесие с именем автора «Григорий», переданным простой литореей:

Вси време не сего святии ближайшии
Хвалившого чмо чимое помянит

Служба посвящена четырем основателям Выгорези: Корнилию Выговскому, Даниилу Викулину, Андрею и Семену Денисовым. В службе прославляются учительство и строительство выдающихся выговских подвижников. В тексте службы каждая из стихир на «Господи, воззвах...» посвящена каждому из персонажей. Особых литературных приемов автора в тексте не усматривается.

Перу того же Г. И. Корнаева принадлежит целый ряд гимнографических сочинений, указанных в каталоге Павла Любопытного.¹⁶ Нами обнаружено 29 текстов тропарей и кондаков разным святым и канон Зосиме, Савватию и Герману Соловецким в Сборнике № 841 из Синодального собр. (л. 156 и след.). Данная часть сборника является авторской рукописью Г. И. Корнаева на бумаге 1788 г. Авторство данных текстов обозначено Ф. П. Бабушкиным в оглавлении сборника. Тропари и кондаки Корнаева посвящены общеправославным святым, дни памяти которых приходятся на июль—август—сентябрь. Выделяются четыре текста, в которых особо упоминаются тезоименитые выговским деятелям святые: Даниил, Симеон, Петр, Андрей, Иоанн и др. Текст завершает обращение ко всем российским чу-

¹³ Дружинин В. Г. Писания С 434, № 716

¹⁴ РГИА, ф 834, оп 1, № 841, л 178, XVIII в (посл четв)

¹⁵ В пометях Дружинина на поле л 14 об рукописи БАН, собр Дружинина, № 63, XIX в (конец) читаем «Канон сочинен Г И Романовским в Москве в 1795-м г, наверн[ое] на Преображенском кладбище» В остальных списках — БАН, собр Дружинина, № 827, л 1 об, XIX в (30-е гг), собр Мордвинова, № 46, 1884 г, собр Строганова, № 45, л 1, XIX в (30-е гг) — автор не указан

¹⁶ Исторический словарь и каталог или Библиотека старовойсковской церкви Соч П О Любопытного Изд Н И Попова М, 1866 С 88 № 227—229

дотворцам и «новым последним страстотерпцам и богомудрым и премудрым и предстателем и учителем нашим...». Аналогичное содержание в кондаке и тропаре, посвященных святым женам. Канон соловецким чудотворцам Корнаева содержит краегранесие, выписанное на полях: «Блажу Зосиму, Саватия же и Германа дивнаго» (читается по первым буквам всех песнопений, за исключением ирмосов и последнего богородична).

Оригинальным памятником выговской гимнографии является «Канон благодарственный вкупе же и молительный о православней вере Господу Иисусу Христу», известный по одному списку 1770-х гг.¹⁷ и по гектографическому изданию конца XIX в.¹⁸ Список представляет собой копию рукой Ф. П. Бабушкина. Он же приписывает сочинение канона двум поморским авторам — Андрею Борису и Гавриилу Скачкову. В подробном «Извещении» (л. 224), завершающем текст канона, сообщается: «Канон сей Всемилостивому Спасу сочинен до 7-й песни кир Андреем, а 7-я, 8-я и 9-я песни сочинена кир Гавриилом в четырьдесят стоп ямбически, совмещением спондея и пиррихия, а тропарь и богородичен, два седална и кондак со икосом тем же ямбом, но без равномерия, как в песнях стихами сочинены». В «Писаниях...» В. Г. Дружинина это сочинение не упоминается, но в «Каталоге» Павла Любопытного, между прочим, засвидетельствовано наличие целой книги переписки выговского настоятеля Андрея Борисова (1734—1791)¹⁹ и настоятеля московской Монинской старообрядческой молельни, известного полемиста Г. Л. Скачкова (1745—1821),²⁰ что косвенно подтверждает возможность их совместной авторской работы.

В каноне благодарственном имеется краегранесие: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас», и все тропари и междопесния подчинены этому акростиху по первым буквам. Главными темами канона являются изложение и прославление догматов староверия: двуперстие, трисоставный крест Христов, трипогрузательное крещение и т. п. Судя по всему, в конце XIX в. издателями канона о вере была предпринята попытка внедрить в богослужебную практику поморских общин догматически важный текст для утверждения выработанных выгорецкими авторитетами вероисповедных основ, подкрепленных именем киновиарха Андрея Денисова. В гектографическом издании канону предшествует панегирическое слово об «авторе».

Наконец, упомянем известный пока по одному списку «Канон за упокой различными образы за отеческия в вере Христове бывшия древле обычаи и законы усердно умерших. Глас 8».²¹ В этом выговском заупокойном каноне имеется общее помяновение умерших старообрядцев, о чем свидетельствует и краегранесие, читаемое по начальным буквам тропарей: «Умерших за Тя, Спасе, усердно покой души». В каноне нет вступительного тропаря, а также богородичнов и троичнов. В содержании канона особо выделяются темы добровольной жертвы: «Широчайши ада отверзошася уста хулящих отеческия законы, нетерпяще же сего слышати, раби твои, изволиши за них

¹⁷ РГИА, ф. 834, оп. 1, л. 221

¹⁸ ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Заволоко, № 319, л. 226, БАН, собр. Чуванова, № 53 собр. Дружинина, № 1062 В гектографах канон ошибочно приписан издателями Андреем Денисову

¹⁹ Исторический словарь С. 54, № 132 «Пространная книга переписок с московским пастырем Гавриилом Ларионовым Скочковым, состоящая из богословских и философских составлений, вопросов-ответов, касательно всей церкви и мира»

²⁰ Там же среди сочинений Г. Л. Скачкова упомянуты каноны Господу Богу (С. 93 № 249) О Г. Скачкове см. Старообрядческий церковный календарь на 1971 год Рига, 1971 С. 74—75

²¹ БАН, собр. Дружинина, № 65, л. 90, XVIII в. (конец) У В. Г. Дружинина в «Писаниях » не отмечен

умерети». В рукописи канону предшествуют обычные статьи поморского Синодика с поминаниями выгорецких настоятелей. С текстами общеупотребительных заупокойных канонов данный канон роднят только припев и междопесня, тропари же имеют особые авторские черты выраженной старообрядческой направленности.

Вторую группу выговских литургических текстов составляют шесть служб, посвященных отдельным чтимым деятелям Выгореции. Все эти службы составлены по типу преподобнических служб, средних церковных праздников со всенощным бдением, литией и полиелеем. Тексты их оригинальны, не имеют заимствований ни из общих преподобнических служб, ни из служб тезоименитым святым. Предположительно время их составления устанавливается в период не ранее середины и не позднее конца XVIII в. Рассмотрим их по хронологии персонажей.

I. Служба Корнилию Выговскому (ум. 1695 г.)²² во всех пяти сохранившихся списках имеет заглавие: «Месяца марта в 30 день. Преставление преподобного отца нашего Корнилия Выгопустынного».²³ Текст службы завершается особой молитвой²⁴ преподобному Корнилию. Один из списков этой молитвы, как определил В. Г. Дружинин, принадлежит перу выговца Ивана Антонова и имеет существенную авторскую правку текста.²⁵ Этот факт позволяет предполагать Ивана Антонова не только автором молитвы Корнилию Выговскому, но также автором и всего текста службы преподобному Корнилию.

В пользу этого предположения свидетельствует ряд стилистических приемов, характерных для служб, сочиненных Иваном Антоновым и использованных в службе Корнилию. Таковым приемом является анафоричность текстов стихир и канонов. К характерным художественным особенностям творчества Антонова можно отнести внебогослужебные тексты стихов, включенных автором перед каноном.²⁶ В службе Корнилию имеется стих перед каноном:

Днесь почитаю память честную
Преподобного отца Корнилия,
Молитвами его да свободен буду
Вечнаго моления²⁷

II. Служба епископу Петру Прокопьеву (ум. 1719 г.)²⁸ озаглавлена как «Память преподобного отца нашего Петра епископа бывша обители Богоявления Господа нашего Иисуса Христа, яже на Выгу реце». В выговском Уставе память преподобного Петра совершалась 16 января: «...после веч[ерни] панахида соборная. Поминают отца Петра Прокопьевича на день памяти его. И утром пред часами панахида, поминают единого, а после часов на горку с литиею ходят».²⁹ Автор этой службы ни в одном из списков³⁰ не обозначен. В каноне по первым словам текстов читается следующее

²² Дружинин В. Г. Писания С 181, № 1
²³ РГИА, ф 834, оп 1, № 841, л 67, XVIII в (конец), БАН, собр Дружинина, № 827, л 15, XIX в (30-е гг), № 63, л 30, XIX в (конец), № 64, л 119, XIX в (конец), собр Строганова № 45, л 54 об, XIX в (30-е гг)

²⁴ Дружинин В. Г. Писания С 181, № 2
²⁵ БАН, собр Дружинина, архив, лист с пометами В. Г. Дружинина, бумага с «белой» датой 1788 г

²⁶ Ср со стихами перед каноном в службе новым страдальцам Ивана Антонова

²⁷ Стих читается только в одном списке конца XVIII в РГИА, ф 834, оп 1, № 841 л 78 об

²⁸ Дружинин В. Г. Писания С 240, № 17

²⁹ Устав Круг вселетнаго богослужения поморскаго Выгорецкаго монастыря Саратов 1913 Л 95 об

³⁰ РГИА ф 834 оп 1, № 841, л 128, XVIII в (конец), БАН, собр Дружинина № 322 XVIII в (конец) № 64 л 50 об XIX в (конец)

краегранесие: «Отверзи, Господи, устне воспети твоего раба Петра многоплачевнаго, подвигоносца, истовый целомудрия хранитель беаше сей, его же молитвами Христе Спасе помилуй нас дати, яко Создателю, песнь ангельскую». Как и во многих других службах выговцев, здесь используется прием звуковой и лексической анафоры, но лишь в двух группах стихир: на Стиховне на малой вечерне и на Хвалитех.

III. Служба настоятелю и киновиарху Андрею Денисову (ум. 1730 г.)³¹ озаглавлена: «Месяца августа 19 день. Память преподобного отца нашего Андрея Выгопустынного, учителя премудраго, бывша киновиарха обители Богоявления Господа нашего Иисуса Христа, иже на Выгу реце». В выговском Уставе подробно говорится о поминании Андрея Денисова 19 августа: «По отпусте веч[ерни] поют понахида большую собором в часовне, поминают отца Андрея Дионисевича для памяти его. Тропарь поют на глас и канон носят. И о после сказывают братии о помяновении настоятеля по своей силе и усердию. А обычай был таков: поклоны клались в нощи по 200 поклонов <...> Пред часами в соборе бывает понахида за настоятеля одного, канон на понахиде носят и тропарь конархают. После часов ходят собором во гробницу и поют литию, поминают настоятеля единого».³² В имеющихся у нас списках³³ автор не указан. Однако, судя по последовательному использованию анафорического построения текстов служб (стихир и канона), а также включенного в службу стиха:

Колена сердца моего преклоняю
Ко владыце моему создателю,
Пение песенно отцу начинаю
Воспети церковному учителю —

мы можем предположить, что служба эта была написана тем же Иваном Антоновым либо кем-то из его последователей.

IV. Служба киновиарху Даниилу Викулину (ум. 1734 г.)³⁴ имеет название «Месяца декабря 17 день. Память преподобного отца нашего Даниила, создавшего пречестен монастырь на Выгу реце во имя Богоявления Господа нашего Иисуса Христа». В выговском Уставе на 17 декабря о поминании киновиарха говорится: «После вечерни по отце Данииле Викуличе понахида соборная. Тропарь на ней поют на глас, а канон носят. На каноне запевают просто. А на статях и на отпусте поминают киновиархом... Пред часами понахида за настоятеля, на ней тропарь говором. А канон носят... По отпусте часов ходят собором с литиею по настоятели на горку и поют за упокой литию, поминают единого Даниила. За столом на трапезе чтение отцу Даниилу».³⁵ В имеющихся двух списках³⁶ автор не указан. В службе перед канонем есть стих:

Припадаю умиленне ко всех творцу,
Яко Господу всех и Зиждителю,

³¹ Дружинин В Г Писания С 132, № 206

³² Устав Круг вселетнаго богослужения Л 179, 179 об Память Андрея Денисова указывалась и в некоторых рукописных поморских святцах Например, в месяцеслове из БАН, собр Дружинина, № 131, л 264 об, приписка на полях сделана рукой Ф П Бабушкина в 20-х гг XIX в

³³ РГИА, ф 834, оп 1, № 841, л 109, XVIII в (конец), БАН, собр Дружинина, № 64 л 26, XIX в (конец)

³⁴ Дружинин В Г Писания С 76, № 11

³⁵ Устав Круг вселетнаго богослужения Л 74 об, 75

³⁶ РГИА ф 834 оп 1, № 841 л 90, XVIII в (конец) БАН собр Дружинина № 64 л 4 XIX в (конец)

Да подаст ми смысл песнь принести отцу
Постынику и пустынному жителю

Наличие этого стиха, а также изобилие лексических анафоров в тексте, сходных с использованными в вышеупомянутых службах, позволяют предположить и в данном случае авторство Ивана Антонова.

Служба настоятелю Семену Денисову (ум. 1741 г.)³⁷ озаглавлена «Мясца мая в 24 день. Память преподобнаго отца нашего Симеона Выгупустыннаго». В выговском Уставе память его отмечается дважды: 25 сентября на день преставления и 24 мая на день ангела. В день преставления «по заутрени за отца Симеона Дионисьевича панахида соборная. Зажигают три свечи больших. Тропари поют и канон носят. А на статиях и вечной памяти вечер и утро поминают настоятелем, а в каноне запевают просто <...> По отпусе часов ходят братия собором на горку и поют в часове литию, а поминают единого Симеона.³⁸ В день тезоименитства 24 мая «по отпушению веч[ерни] поют понахиду большую собором за настоятеля Симеона Дионисьевича, к понахиде зовут по кельям, свечи зажигают местные все и в малом паникадиле 6 свеч. На панахиде тропарь поют на глас и канон носят. На ект[енье] поминают настоятеля, а в каноне запевают просто. Павеч[ерицей?] братии сказывают о поминовении <...> По отпусе часов ходят собором на горку и поют по настоятели литию, поминают одного Симеона. За столом преже читали житие Симеона Дионисьевича».³⁹ В списках службы⁴⁰ указано: «В каноне зри в тропарех перваго речения от первыя и до 9-я песни кроме ирмосов, кондака и икоса, и обрящещи краегранесие», которое читается так: «Благословением благоподвижнаго Выговския обители Божоявления Спаса боголюбива инока Ионы написася рукою многогрешнаго мужа Иоанна, воспоминание, иже похвалу пречестнаго отца исповедника Симеона, его же молитвами». В. Г. Дружинин полагал, что под именем «Иоанна» в краегранесии подразумевается Иван Филиппов (ум. 1745), историк Выга,⁴¹ нам же представляется более вероятной атрибуция данной службы все тому же выговскому литургисту Иоанну Антонову, использовавшему и в данном тексте излюбленный прием звуковой анафоры.

VI. Служба Геннадию Боровскому (дата кончины неизвестна)⁴² имеет развернутый заголовок: «Сказание о трудех и страдании в постнических подвигах священнаго отца Геннадия инока бывша честныя и многословутыя киновии преподобных отец Зосимы и Саватия Соловецких чудотворцев во время же гонительное на святую веру Христову и святоотеческое древнее благочестие многотерпеливно за исповедание истиннаго православия темницы и узы приимшаго послещде благоволением Божиим постническим житием в выговской пустыни близ речки Немены яже на Бору Тихвинском у Спаса в хранении истинныя православныя христианския веры о Господе святоскончавшася». В выговском Уставе память Геннадию не отмечена. Ни стиха, ни краегранесия в службе не имеется. Однако Ф. П. Бабушкин при-

³⁷ Дружинин В. Г. Писания С 161, № 89

³⁸ Устав Круг вселетнаго богослужения Л 40, 40 об

³⁹ Там же Л 136, 136 об.

⁴⁰ РГАДА ф 834, оп 1, № 841, л 139, XVIII в (конец) В этом списке ошибочно указана память 24 июня и 1736 г как год преставления Семена Денисова БАН, собр Дружинина, № 64, л 65

⁴¹ БАН собр Дружинина, № 64, л 1, 74

⁴² Дружинин В. Г. Писания С 81, № 2, с 82, № 3 Упомянутые автором две службы на самом деле являются одним текстом

писал авторство ее Ивану Антонову,⁴³ что подтверждается приемом анафоры в стихах.

К сожалению, никаких достоверных источников о выговце Иване Антонове нам обнаружить пока не удалось. Для уверенной атрибуции ему целого комплекса выговских служб необходим тщательный текстологический и стилистический анализ. То же необходимо провести и для служб, приписываемых Семену Денисову и Григорию Корнаеву. Тем не менее отмеченные нами приемы лексической и звуковой анафоры в текстах, использование разных форм краегранесия, включения внебогослужебных четверостиший перед канонами служб, типовые заголовки текстов дают представление о характерных приемах и структурных закономерностях литургического творчества выговских авторов, принадлежавших к единой литературной школе.

⁴³ РГИА, ф. 834, оп. 1, № 841, л. 1, Оглавление. Текст службы см.: Там же, л. 48, XVIII в. (конец); БАН, собр. Дружинина, № 328, л. 64, XIX в. (перв. четв.); № 827, л. 8, XIX в. (30-е гг.) (список дефектный); собр. Строганова, № 45, л. 36, XIX в. (30-е гг.).

Е. А. МАЙМИН

О второй волне русского сентиментализма

Традиционный (а отчасти и примитивный) взгляд на литературные направления предполагает последовательную смену одного направления другим: сперва классицизм, потом сентиментализм, потом романтизм, далее — реализм. При этом многие исследователи придерживаются мнения, что каждое последующее направление выше предыдущего. Романтизм выше классицизма, реализм выше всего другого и т. д. В результате характерное для многих пушкинистов стремление доказать, что Пушкин стал реалистом в начале 20-х гг., и Радищев был реалистом, и Лермонтов от начала и до конца реалист. Реализм возводится в высшее достоинство, а в классицизме или романтизме ищут черты ущербности.

Все это неверно, далеко от жизни, далеко от реальной сложности явлений. Классицизм мог быть не только в XVII и XVIII вв., но яркие черты его можно обнаружить и в годы расцвета реализма, в XX в. (например, в литературе социалистического реализма). Романтизм классический, т. е. начала XIX в., был продолжен и развит в начале XX в., например, в литературе символистов. Классицизм и романтизм в литературе не только со временем преодолеваются, но и продолжают и развиваются, и в известном смысле обновляются. Все это имеет отношение и к сентиментализму.

Известно, что сентиментализм возник в Англии в XVIII в. Его представители — Л. Стерн, С. Ричардсон, О. Голдсмит. Во Франции крупнейшим представителем сентиментализма был Жан-Жак Руссо, в Германии — автор «Страданий молодого Вертера». Сентиментализм, как, кстати, и другие направления, был не только явлением собственно литературы, но и общечеловеческой культуры. Он был открытием новых путей и новых областей художественного познания, он означал обращение к миру общечеловеческих чувствований и переживаний. Предметом художественного изучения для сентименталистов становится не герой и героические (часто также и трагические) деяния, а просто человек, с его человеческими мыслями и делами, в обыденной жизни его сердца и души.

Сентиментализм означал повышенное внимание к человеческим переживаниям. Одна из первостепенных целей, которые он ставил перед собой, — воспитание в читателе умения сочувствовать. Сочувствовать — значит чувствовать вместе, ощущать человеческое чувство, чужое чувство как свое собственное. В этом заключалось великое значение того, что называлось сентиментализмом. Для сентименталистов подлинный человек — это человек, способный к сочувствию, к сопереживанию. Человек — это и есть существо, способное к сочувствию.

Это более всего и прежде всего выразилось и проявилось в английском сентиментализме. Стерн, Голдсмит, в поэзии — Юнг создали произведения

высочайшего художественного уровня, исполненные новых идей и важных художественных открытий. О человеке они писали с любовью, они более, чем писатели в других странах, проявили умение выразить добрые чувства к человеку через комическое, они были создателями высокого искусства юмора. Юмор — это сердечное комическое, это смешное, исполненное любви. Он оказался замечательным художественным средством, позволяющим максимально приблизить к читателю героя-человека и его мир чувств.

Мир человеческих чувств английские и другие сентименталисты изображали преимущественно в жанре романа. Часто это был роман в письмах. Через письма литературных героев происходило самое полное и вместе с тем предельно живое выражение их чувств и переживаний. Герои как бы исповедовались в своих чувствах, и это позволяло читателю увидеть их изнутри, увидеть их со всюю достоверностью и глубоко.

Английскому сентиментализму обязана мировая литература и появлением особого рода произведений, которые назывались путешествиями. Жанр путешествий существовал и раньше, еще до сентиментализма. Но у сентименталистов не обычное путешествие, а путешествие особого рода. Они интересны не описанием стран и народов, а раздумьями героя, размышлениями, его чувствами. Стерн назвал свое путешествие «сентиментальным». Слово «сентиментальное» определило новое в жанре, определило главный интерес писателя не к внешнему миру, а к внутреннему, не к описанию внешних предметов, а к проникновению в человеческие чувства.

Помимо европейского сентиментализма существовал и сентиментализм русский. Он возник в конце XVIII в. и был представлен именами Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева. Карамзин в сентиментальном ключе написал свои «Письма русского путешественника». Он написал также повесть «Бедная Лиза», одно из ведущих произведений русского сентиментализма и одно из самых характерных.

Главная героиня повести — крестьянка, или, как называет ее писатель, «селянинка». Тема повести — любовь крестьянки к богатому человеку, дворянину Эрасту. Эта поначалу счастливая любовь кончается трагически: Эраст бросает Лизу, и она кончает жизнь самоубийством. Своей повестью Карамзин показывает, что и «крестьянки любить умеют».

«Бедная Лиза» по выходе в свет произвела большое и сильное впечатление. История, рассказанная Карамзиным, трогала, в нее верили. Нашлись люди, которые в своей собственной судьбе видели сходство с судьбой бедной Лизы и, подобно ей, кончали жизнь в Лизинем пруду.

Но так было сравнительно недолго. Довольно скоро повесть Карамзина потеряла свою живую действенность, ее стали забывать, перестали читать. Для читателя последующих лет — тем более для современного читателя — повесть стала неинтересной, отчасти манерной, скучной. Это в отличие от романов Стерна и Голдсмита, которые и по сию пору исполнены большого художественного интереса.

Карамзин был подлинно велик как автор «Истории государства Российского», но не своими сентиментальными повестями. Повести уступали в силе своего воздействия соответствующим европейским романам — и сильно уступали. То же можно сказать и о поэзии И. И. Дмитриева. Его знаменитое стихотворение «Стонет сизый голубочек» сейчас воспринимается едва ли не как пародия. Русский сентиментализм конца XVIII в., как бы ни относиться к отдельным произведениям, уступает по своему художественному воздействию и особенно значению сентиментализму английскому, французскому, немецкому.

Но так было только в отношении раннего русского сентиментализма, сентиментализма Карамзина и Дмитриева. Между тем история русского сен-

тиментализма не ограничивается только этими именами и этим ранним временем. Русскому сентиментализму суждено было снова возродиться в 30—40-е гг. XIX в., и теперь он появляется обновленным, богатым великими именами и великими общественными идеями. Об этом почти ничего не написано в научной литературе, и это мало учитывается, хотя и имеет большое историко-литературное и культурное значение.

Вторая волна русского сентиментализма — это некоторые произведения А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Д. В. Григоровича, Ф. М. Достоевского. Это то, что Аполлон Григорьев (едва ли не единственный) отнес к роду «сентиментального натурализма». Аполлон Григорьев не вдавался в подробности, но он употребил слово «сентиментальный», что доказывает его глубокое понимание вещей.

Новая волна сентиментализма — мы уже касались этого — начинается с Пушкина. Пушкин писал не только на разные темы и в разных жанрах, но и в разных направлениях. Он был зачинателем реализма, когда создавал «Евгения Онегина» и «Графа Нулина» и другие свои произведения, но одновременно он бывал и романтиком и сентименталистом.

Яркие черты сентиментализма в поэтике мы встречаем в повести «Станционный смотритель». Это этапное произведение для русской литературы. Достоевскому приписывают слова: «Все мы вышли из гоголевской „Шинели“». То же самое, но с еще большим правом, можно было бы сказать: «Все мы вышли из „Станционного смотрителя“ Пушкина».

Что делает «Станционный смотритель» произведением сентиментального рода и направления? Прежде всего выбор героя. Это человек не высокого ранга, не герой, а просто человек. Его переживания, мир его чувств становятся предметом авторского изображения. Важно не то, что в действительности случилось с его дочерью Дуней, а то, как это представляется Вырину, что он об этом думает, что чувствует.

В повести Пушкина нет прямо отрицательных героев, никого автор персонально не обличает. Гусар, который похитил дочь Вырина, отнюдь не злой человек. По всему видно, что он действительно любит Дуню. Но ведь этого не может знать Вырин. Зато он хорошо знает другое: как в таких случаях бывает. «Не ее первую, — рассуждает он, — не ее последнюю смалил проезжий повеса, а там подержал, да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе и бархате, а завтра поглядишь, метут улицу вместе с голюю кабацкой. Как подумаешь порою, что Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согрешишь да пожелаешь ей могилы...».

Что и как чувствует Вырин — вот что интересует Пушкина более всего. И это-то и делает повесть Пушкина в значительной мере сентиментальной. Как делает ее сентиментальной и сильный, господствующий над всем авторский голос, голос авторского сочувствия и сострадания.

Сентиментальный характер имеют и повести Гоголя «Шинель» и «Старосветские помещики». Они тоже являются этапными в истории русской литературы. В «Шинели» в центре нашего внимания опять же человек из малых сих. Он беззащитен, безволен, до крайности унижен и забит. Акакий Акакиевич Башмачкин, герой повести, представляет собой крайнее выражение униженного человека. Но Гоголю как раз и нужен был такой герой, чтобы довести до сознания читателя со всею ясностью, что во всяком человеке заключено человеческое, что каждый человек есть наш брат по человечеству.

В повести, как и во всех произведениях сентиментального направления, постоянно слышится сочувствие автора к своему герою. Оно ощущается в самой интонации повествования, в особой музыке слова. За интонацией —

скрытая теплота авторского сопереживания. Сочувствие автора к герою становится не скрытым, а явным, оно звучит в полный голос, когда Гоголь рассказывает о молодом человеке, посмеявшемся над Башмачкиным: «Только если уж слишком была невыносима шутка, когда толкали его под руку, мешая заниматься своим делом, он произносил: „Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?“. И что-то странное заключалось в словах и в голосе, с каким они были произнесены. В нем слышалось что-то такое преклоняющее на жалость, что один молодой человек, недавно определившийся, который, по примеру других, позволил было себе посмеяться над ним, вдруг остановился как будто пронзенный, и с тех пор как будто все переменилось перед ним и показалось в другом виде <...> И долго потом, среди самых веселых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысинкой на лбу, с своими проникающими словами: „Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?“, и в этих проникающих словах звенели другие слова: „Я брат твой...“».

К сентиментальному роду близка и прекрасная повесть Гоголя «Старосветские помещики». Эта повесть о немудреных, ничем особенно не примечательных людях — Афанасии Ивановиче и Пульхерии Ивановне. Но она производит впечатление поэмы во славу этих непритязательных людей. По многим внешним признакам прямые обыватели на поверку оказываются настоящими людьми. Они всегда вместе, они не могут быть друг без друга — это и есть та привязанность, которая превышает иной высокой, романтической любви.

Повесть исполнена глубокого юмора. Герои одновременно и смешные, и великие. Смешное неотделимо от нескрываемого, сильного сочувствия. Тут есть все признаки сентиментальной поэтики.

На той же линии, что и «Шинель» Гоголя, и «Старосветские помещики», находятся и драма Тургенева «Нахлебник», и повесть Григоровича «Антон-горемыка», и повесть Достоевского «Бедные люди», которой открывается его литературный путь.

«Бедные люди» — это повесть о простых, незаметных и прекрасных людях. Она написана в форме писем. Такие романы (или повести) в письмах писали во времена классического сентиментализма, во времена Достоевского они стали редкостью. Форма романа в письмах сама по себе была свидетельством возвращения к сентиментализму.

Это подлинный сентиментализм. Это русский сентиментализм в его самом высоком выражении. Повесть «Бедные люди», как и указанные повести Пушкина и Гоголя, воспитывали в читателе человеческие чувства, учили его человеческому умению сопереживания. Они приобщали читателя к незримому миру слез и радостей человеческих — и тем самым безмерно обогащали его духовно.

Макар Девушкин, герой повести «Бедные люди», внешне похож на гоголевского Акакия Акакиевича Башмачкина. Но, в отличие от Башмачкина, он показан не со стороны, не от автора, а изнутри, предельно близко и ощутимо. Герой Достоевского сам рассказывает о себе и раскрывает себя. В результате в неприметном герое Достоевского открываются такое внутреннее богатство, такая красота, тонкость и щедрость души, что читатель не только сострадает герою, но и готов перед ним преклониться.

Достоевский в своей повести идет от Пушкина, идет от Гоголя — и сам в этом признается. Варенька Доброселова в целях педагогических посылает Девушкину для прочтения повесть «Станционный смотритель». Девушкин прочел повесть и совершенно потрясен прочитанным. Он пипет Вареньке: «Теперь я „Станционного смотрителя“ здесь в вашей книжке прочел. Ведь вот скажу я вам, маточка, случается же так, что живешь, а не знаешь, что под боком там у тебя книжка есть, где вся жизнь твоя, как по пальцам,

разложена. Да и что самому прежде невдогад было, так вот здесь, как начнешь читать в такой книжке, так сам все помаленьку и припомнишь, и разыщешь, и разгадаешь <...> я не могу слишком важных сочинений читать; а это читаешь, — словно сам написал, точно это, примерно говоря, мое собственное сердце, какое уж оно там ни есть, взял его, людям выворотил наизнанку, да и описал все подробно — вот как!».

Красота души героя раскрывается Достоевским более всего через любовь. Достоевский, горячо любивший Шиллера и как художника и как тип человека, называл идеальных людей «Шиллерами». Макар Девушкин и есть один из «шиллеров». Он, тихий и незаметный в своем обыденном поведении, в сердце и мыслях своих герой, воистину человек. Не ропшущий на судьбу, давно и накрепко смирившийся со своим положением, он, однако, способен и взбунтоваться, если дело касается не его самого, а любимой им Вареньки. Когда он узнает, что у Вареньки появился недостойный соискатель, гневом наполняется его душа, он, слабый, идет против сильного.

Степень воздействия повести Достоевского на читателя велика. Она объясняется не только трагической судьбой героев, но и близостью к ним автора, слиянностью автора с героями. Когда Достоевский говорит о душевных муках Девушкина или Вареньки Доброселовой или других героях повести — Покровских, Горшкове, он и сам истинно мучается. У него самого сердце кипит и душа «от слез дрожащая».

Позднее в романе «Идиот» Достоевский скажет: «Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества». Для Достоевского этот закон бытия становится и основным законом его творчества. С самого начала его пути — и до конца: и в «Бедных людях», и в «Униженных и оскорбленных», и в «Преступлении и наказании», и в «Подрутке», и в «Братьях Карамазовых» и т. д.

Прочитав повесть Достоевского, впечатлительный читатель не перестает думать о ее героях. Эти маленькие и бедные люди силою гуманнейшего таланта Достоевского остались надолго в сердцах и мыслях читателей. И они со всею очевидностью доказали читателю, что нет «маленького человека», что всякий человек заслуживает внимания и уважения и что те, кого в жизни называют «маленькими», часто бывают большими — людьми великодушными, с «вместительным» сердцем. В сущности в этом и заключено основное содержание, основная мысль всей темы «маленького человека».

Тема «маленького человека» — одна из вездущих, главных тем русской литературы. Русской классической литературы вообще. Однако возникла она в недрах сентиментализма — а именно второй волны русского сентиментализма, — она обязана своим бытием сентиментальному взгляду на вещи. Сентиментальное — это не нечто сладенькое и ущербное, как представляется обывательскому, слишком прямолинейному сознанию, сентиментальное — это в основе своей истинно человеческое. И оно в максимальной степени присуще русской культуре, русской мысли, русской духовности.

В. Е. БАГНО

«Коэффициент узнавания» мировых литературных образов

В стремлении проследить, как новое содержание «проникает старые образы», видел одну из важнейших задач сравнительного литературоведения Александр Веселовский. Парадоксально заостряя мысль, он писал: «Не ограничено ли поэтическое творчество известными определенными формулами, устойчивыми мотивами, которые одно поколение приняло от предыдущего, а это от третьего, которых первообразы мы неизбежно встретим в эпической старине и далее, на степени мифа, в конкретных определениях первобытного слова? Каждая новая поэтическая эпоха не работает ли над истари завещанными образами, обязательно вращаясь в их границах, позволяя себе лишь новые комбинации старых, и только наполняя их тем новым пониманием жизни, которое собственно и составляет ее прогресс перед прошлым?»¹ Не надо понимать эти слова буквально, однако тенденция здесь угадана безошибочно. Правоту ученого подтверждают писатели, сознательно ориентирующиеся в своем творчестве на воссоздание завещанных прошлым сверхтипов, устойчивых мотивов, вечных тем.

Любопытно, что данная позиция особенно четко сформулирована писателем-реалистом — И. А. Гончаровым. По его мнению, все человеческие образы, созданные великими писателями прошлого, принадлежат к вечным творениям человеческого ума и «останутся навсегда». Но живая литература не выполняет своего долга, если не прослеживает дальнейшего развития художественных типов, созданных предшествующими литературами, и не отражает в новых произведениях новый период истории. Писатели новых поколений должны обновлять в своих творениях эти вечные типы, воссоздавать в новых образах «основные черты нравов и вообще людской природы, облекая их в новую плоть и кровь в духе своего времени».²

Судьбе по нраву повторения, варианты, переключки — в биографиях людей, философских системах, поэтических метафорах. Чем значимее то или иное явление, тем вероятнее его повторяемость. Х. Л. Борхес был не только убежден в этом, но свое призвание видел в том, чтобы выявлять эти сцепления и переключки. Через все его творчество проходит идея об ограниченном числе переходящих из уст в уста историй, циклов, метафор. Назначение человека и культуры в целом — без конца пересказывать их заново, на свой лад, со своей, новой интонацией. «Историй всего четыре, — писал Борхес в 1972 г., когда за плечами его были тысячи прочитанных книг и сотни про-

¹ Веселовский А. Н. О методе и задачах истории литературы как науки // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 51.

² Гончаров И. А. Собр. соч. В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 11.

заических и поэтических «вымыслов». — И сколько бы времени нам ни осталось, мы будем пересказывать их в том или ином виде».³ Своя неповторимая интонация при произнесении метафоры — уже в этом, согласно Борхесу, — подвиг поэта и его неоспоримая победа.

В этом ограниченном ряду «историй, циклов и метафор» ключевое значение имеют так называемые мировые образы. Их бытование в мировой литературе во многом отвечает тем закономерностям, которые, применительно к древнерусской литературе, были выявлены Д. С. Лихачевым и описаны в книге «Поэтика древнерусской литературы»: «Повторяющиеся формулы и ситуации вызываются требованиями литературного этикета, но сами по себе еще не являются шаблонами. Перед нами творчество, а не механический подбор трафаретов — творчество, в котором писатель стремится выразить свои представления о должном и приличествующем, не столько изобретая новое, сколько комбинируя старое».⁴ И далее: «В новой литературе в традиционной формуле или в традиционном мотиве отмирает, перестает быть действенной прежде всего сама внешняя сторона формулы или мотива, а в древнерусской литературе содержание отмирает, формула и мотив *окаменевают*. Формула и мотив могут наполняться другим содержанием, в связи с чем отмирает их этикетность, строгость их употребления в определенных случаях. Исчезает функция этикетных формул и мотивов раньше, чем исчезают сами эти формулы и мотивы. Происходит наполнение литературных произведений *беспризорными* формулами и традиционными мотивами, лишившимися своих традиционных, стабилизирующих их *причалов*».⁵ Знаменательно при этом, что «этикетность» мировых образов, ставших особенно в литературе XIX и XX вв. во многом «беспризорными» и лишившимися «причалов», оказывалась значительно более живучей, чем в иного рода «историях, циклах и метафорах». Тем самым описанный Д. С. Лихачевым принцип применительно к мировым образам, несмотря на постепенное отмирание внешних — фабульных или стилистических — атрибутов мифа, оказывается универсальным, не ограничивающимся рамками средних веков. Более того, «мировыми» или «вечными» образы или сверхтипы становятся именно благодаря наследуемой ими «этикетности», вовсе не противоречащей ни все возрастающему личностному началу в творческом процессе, ни столь характерной для литературы нового времени борьбе динамичных элементов литературы с автоматизацией, о которой писал Ю. Н. Тынянов.⁶

При отсутствии терминологической ясности тем не менее очевидна разница между *великими образами*, раз и навсегда запечатленными тем или иным художником и сопровождающими нас в одном, начертанном им обличье, — и *образами мировыми*: Прометеем, Медеей, Эдипом, Каином, Иудой, Агасфером, Дон Жуаном, Фаустом, Дон Кихотом, Гамлетом. Повидимому, бессмертие мировых образов — в том, что они одновременно вызывают симпатию и внутренний протест, что в них заложено некое неразрешимое противоречие. Размышляя о природе мифов, К. Леви-Строс писал: «Если справедливо предположение, что цель мифа — дать логическую модель для разрешения некоего логического противоречия (что невозможно, если противоречие реально), то мы будем иметь теоретически бесконечное число слоев, причем каждый будет несколько отличаться от предыдущего. Миф будет развиваться как бы по спирали, пока не истощится интеллекту-

³ Борхес Х Л Коллекция Рассказы, Эссе, Стихотворения СПб, 1992 С 425

⁴ Лихачев Д С Поэтика древнерусской литературы М, 1979 С 91

⁵ Там же С 95

⁶ См Тынянов Ю Н Литературный факт // Тынянов Ю Н Поэтика История литературы Кино М 1977 С 255—270

альный импульс, породивший этот миф. Значит, *рост* мифа непрерывен в отличие от его *структуры*, которая остается прерывистой». Вечные загадки человеческой природы, тайна человеческого предназначения — и попытки разгадать их сквозь призму этих не поддающихся однозначной оценке образов: Дон Кихот хочет помогать людям, не нуждающимся в его помощи; Фауст стремится к недостижимому — любой ценой.⁸ Одновременно притягательно и ужасно долготелетие Каина и Агасфера. Скрытую пружину преступления Каина истолкователи библейской легенды увидели не только в зависти (в эфиопской «Книге Адама» имя Каина связывается со словом *qinpe* — «завидовать», «ревновать»), но и в совершенной по отношению к нему несправедливости. Согласно В. Я. Проппу, «в облике Эдипа ясно чувствуется двойственность. Он — величайший герой и благодетель своего города и царства и вместе с тем он величайший злодей».⁹ «Если отвлечься от конкретной фабулы пьесы, — пишет о гамлетовской ситуации Ю. Д. Левин, — основная трагическая коллизия ее состоит в том, что герой, осознавший бесчеловечность и враждебность окружающей его действительности, понимает, что его долг бороться с ней и — одновременно — что он бессилен это сделать».¹⁰ Тем самым бессмертие образа коренится в живом отклике в душах все новых и новых поколений читателей и зрителей на неразрешимые противоречия, терзающие душу Гамлета. Трудно поэтому согласиться с И. М. Нусиновым, утверждавшим, что заложенное в миф о Прометее противоречие ограничено во времени — эпохой его зарождения.¹¹ Правы, скорее, те исследователи мифа, которые склонны акцентировать извечную неоднозначность отношения к одному из самых притягательных героев античной литературы.¹²

Универсальность и бессмертие образа Дон Жуана, как и других мировых образов, — в неразрешимости вечного спора, в него заложенного. Поэтому все, кто прикасался к мифу, интуитивно или сознательно полемизировали со своими предшественниками, тем самым не отменяя друг друга, а обогащая миф, расширяя его границы, либо углубляя, насыщая новыми гранями и оттенками. Что предпочтительнее: своеволие или народная мудрость? Свобода или закоснелые догмы? И прежде всего в миф о Дон Жуане заложен вечный спор между коллективной моралью — основой общечеловеческой нравственности и сокровищницей общечеловеческой ценности, с одной стороны, и личной моралью — стремлением человека к неизвестному, основой, источником развития человека, его истории и культуры, главным гарантом перемен и обновления — с другой.

Убедительным доказательством необходимой для мирового образа двойственности служит генезис мифа об Агасфере, факт его происхождения из

⁷ Леви-Строс К. Структурная антропология М., 1983 С. 206

⁸ Следует отметить, что, как показывают испанские и русские версии мотива о союзе человека с дьяволом, наряду с появившейся в XVI столетии и развивавшейся по особому руслу немецкой легендой о Фаусте, в новую эпоху в обновленном, переосмысленном, обогащенном и углубленном виде продолжают жить и византийские раннехристианские сказания на эту тему, давая творческий импульс авторам таких ярких произведений XVII в., как «Маг-чудодей» Кальдерона и «Повесть о Савве Грудцыне» (см. Valbuena Prat A. El tema del Fausto en el teatro español // Valbuena Prat A. Historia del teatro español Barcelona, 1965 P. 206–216, Bittner K. Die Faustsage im Russischen Schrifttum Reichenberg, 1925. Багно В. Е. Договор человека с дьяволом в «Повести о Савве Грудцыне» и в европейской литературной традиции // ГОДРЛ Л., 1985 Т. 40 С. 364–372

⁹ Пропп В. Я. Эдип в свете фольклора // Пропп В. Я. Фольклор и действительность М. 1976 С. 294

¹⁰ Левин Ю. Д. Шекспир и русская литература XIX века Л., 1988 С. 158

¹¹ См. Нусинов И. История литературного героя М., 1958 С. 5

¹² Подробный анализ бытования образа Прометея в мировой литературе см. в кн. Лосев А. Ф. Проблемы символа и реалистическое искусство М., 1976 С. 226–312 (Гл. VII — «Историческая конкретность символа Мировой образ Прометея»)

контаминации различных палестинских легенд об апостоле Иоанне, награжденном долговечностью за любовь к Спасителю, и рабе первосвященника Малхе, наказанном ею за ненависть к нему. По справедливому мнению А. В. Костицина, дореволюционного исследователя легенды, «фантазия народа или благочестивое усердие какого-нибудь книжника соединили два противоположных предания, и Малх, усвоивший себе некоторые черты апостола Иоанна, сразу был преобразен и облагорожен настолько, что мог сделаться героем вечно развивающегося мифа».¹³

Определима, на наш взгляд, и общая для всех мировых образов доминанта. Каждый из них затрагивает некие тайные пружины, скрытые импульсы или даже подавленные страсти и влечения, в которых человек не всегда склонен признаваться. В целом же речь идет о потребности жить своим умом, в нарушение общепринятых норм и установлений, нравственных или идейных, готовности к бунту. Данному тезису не противоречат и два самых поздних по происхождению образа — Гамлет и Дон Кихот. Каждый из них апеллирует к нашей потребности в поступке, благородном порыве. Причем по-разному отрицательный опыт обоих — и изначально и безоговорочно готового к подвигу Дон Кихота, и рефлектирующего Гамлета — не приглушает этой нашей потребности, а, наоборот, поддерживает ее.

Отметим попутно, что общим для мировых образов является либо долговечность, либо смерть-прозрение. Применительно к мировым образам, зародившимся в период античности, емкую характеристику смерти-прозрения героя мифа дает О. М. Фрейденберг: «Человек не все видит, не все знает. Он узнает о главном перед смертью — своей или своих близких. Прозрение героя наступает в гибели. И каждая гибель есть прозрение. Каждое прозрение — гибель».¹⁴

Тяготение мировых образов одного к другому, как при их зарождении, так и в дальнейшей истории их бытования в мировой культуре, подтверждается постоянной контаминацией мотивов, заимствований, переключками или даже тем обстоятельством, что на какое-то время один из них выполняет функции другого. Перешлетенность мировых образов, генетическая сводимость более поздних к более ранним — библейских к античным, средневековых к библейским — отмечалась неоднократно, «Еще не зная Сатаны, древние создали благородный и страдальческий образ Бунтовщика и одали нас величайшим мифом о мятежном разуме», — писал А. Камю.¹⁵ С другой стороны, очевидно, что с образом Прометея контаминируется образ Иуды в поздних версиях; подчас он предстает в них богоборцем, дерзнувшим выступить против Христа. Трагедия Эдипа нередко воспринималась сквозь призму истории Иова. Мотив вечного странничества стирал границы между мифами о Каине и Агасфере.

В литературе нового времени нередки случаи пересечения в одном образе линий Дон Жуана и Фауста, Гамлета и Дон Кихота. Это и герои Тургенева, совмещающие в себе отмеченные писателем в речи «Гамлет и Дон Кихот» особенности (за исключением Инсарова, почти лишнего гамлетовских черт). Дон Кихотом, Гамлетом и Дон Жуаном одновременно, по замыслу Гончарова, являлся Райский, герой «Обрыва». Наиболее характер-

¹³ Костицин А. В. Вечный жид. Очерки по истории легенды. Смоленск, 1909. С. 11—12. См. также Веселовский А. Н. К вопросу об образовании местных легенд в Палестине // ЖМНП. 1885. Ч. 239, май. С. 166—183. Killen A. M. L'Evolution de la legende de Juif Errant // Rev. de lit. comparee. Paris. 1925. N 5. P. 5—36. Zirus W. Ahasverus der ewige Jude. Leipzig, 1930.

¹⁴ Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 474—475.

¹⁵ Камю А. Человек бунтующий // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990. С. 138.

ным в этом отношении оказывается разговор между Райским и Аяновым в начале романа: «А ты был и Дон-Жуан и Дон-Кихот вместе. Вот умудрился! Я не удивлюсь, если ты наденешь рясу и начнешь вдруг проповедовать <...> И я не удивлюсь, — сказал Райский, — хоть рясы и не надену, а проповедовать могу — и искренне, всюду, где замечу ложь, притворство, злость — словом, отсутствие красоты, нужды нет, что сам бываю безобразен...».¹⁶

Фаустовской темой, на наш взгляд, обогащен «Каменный гость» Пушкина. В судьбу Дон Гуана Рок вторгается именно в ту минуту, когда он, в сущности, говорит «остановись, мгновение, ты прекрасно», когда он наконец-то обретает гармонию и полноту счастья, но изменяет донжуановскому принципу, суть которого — вечное движение. Намек на фаустовскую тему, в основе которой лежат раннехристианские легенды о человеке, продавшем душу дьяволу, в том числе за обладание женщиной, есть в самом тексте «Каменного гостя». Вспоминая долгие, длившиеся целых три месяца, безуспешные попытки Дон Гуана обольстить Инезу, Лепорелло говорит: «Насилу-то помог Лукавый».¹⁷ Отметим также, что самое неожиданное в пушкинском Дон Гуане, удаляющее его от традиции куда больше, чем замена Севильи на Мадрид, — это его тайная верность прошлому, способность к возвратам. Первым сигналом его последующей способности к измене донжуановскому принципу служит немислимое в предшествующих трактовках сюжета воспоминание о любимой им прежде женщине. Ни один из предшествующих вариантов мифа не допускает также сознательного возвращения Дон Жуана к прежней любовнице, вместо того чтобы искать все новые приключения. В сущности, уже это является отказом от донжуановского принципа. Не только возможным, но даже закономерным тогда оказывается и третий — решающий — аккорд, готовность остановить мгновение, прервать порочный круг, бесконечную череду все новых увлечений.

Л. Е. Пинский предложил следующую классификацию мировых образов: те, которые, сохраняя в целом пространственно-временные координаты мифа, его «реквизит», дают возможность построить на их основе «сюжет-фабулу», и те, которые в каждом случае оформляются по более зыбким законам «сюжета-ситуации». К первым относятся образы Фауста и Дон Жуана, ко вторым — Гамлета и Дон Кихота.¹⁸ В целом концепция Л. Е. Пинского чрезвычайно продуктивна и верна. Однако, как любая схема, она корректируется беспокойным и своенравным литературным материалом, как в случае с «ситуациями», так и в случае с «фабулами». Например, как показала история творческого усвоения романа Сервантеса, в чем заключается донкихотовская ситуация — вопрос, на который однозначно ответить невозможно. Под донкихотством понималось и глупое сумасбродство, и опасное для общества стремление повернуть историю вспять, и героический энтузиазм одиночки, и высокие порывы духа, способные спасти людей, погрязших в прагматизме, и многое другое. В то же время разговор о единой *фабуле* сомнителен не только в связи с «Сонатами» Р. М. дель Валье-Инклана, но и случае с «Саламанкским студентом» Эспронседы, «Дон Жуаном» Байрона или Б. Зайцева.

В целом же история мировых образов шла по линии отказа от имени героя в случае с «сюжетами-ситуациями» и размытия пространственно-временных границ мифа в случае с «сюжетами-фабулами». Истолковывая эпиграф Байрона к «Дон Жуану» «Difficile est propè communa dicere»,

¹⁶ Гончаров И. А. Собр. соч. В 8 т. М., 1953. Т. 5. С. 40.

¹⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [М., Л.], 1935. Т. 7. С. 139.

¹⁸ Пинский Л. Е. Магистральный сюжет. М., 1989. С. 322–328.

Пушкин писал): «*Commedia* значит не обыкновенные предметы», но общие всем (дело идет о предметах трагических, всем известных, общих, в противоположность предметам вымышленным)».¹⁹ Воспользовавшись метким определением Пушкина, можно сказать, что в XIX и XX вв. происходил постепенный переход мировых образов из «общеизвестной вещи» в «обыкновенный предмет». Тем более значимыми становятся критерии, исходя из которых, мы можем соотносить новые образы с архетипом. Само собой разумеется, что несколько в стороне от нашей темы оказывается разговор о донкихотстве, гамлетизме или донжуанстве как бытовым поведением или как явлениях культуры. Другой пример расширительного, при этом вполне правомочного понимания интересующих нас мифов находим в книге И. П. Смирнова «Психодиахронология». Справедливо отмечая, что «понятие Эдипова комплекса, по-видимому, самое авторитарное среди категорий гуманитарного толка, выработанных в XX в.», автор рассматривает сквозь призму Эдипова комплекса всю русскую литературу эпохи реализма.²⁰ Еще меньшее отношение к теме *узнавания* литературных мифов имеет использование имени героя литературного мифа для образного обозначения тех или иных тенденций в истории мировой культуры. Вспомним знаменитую доктрину О. Шпенглера, согласно которой «фаустовская» душа, представляющая западную культуру, противопоставлена душе «аполлоновской» и «магической».²¹ С. де Мадариага, определяя контуры и роль мировых образов в развитии европейской цивилизации, утверждал, что Фауст и Дон Жуан оказались символами двух путей — интеллектуального и эротического, на которых европеец мог реализовать себя.²² Расширительное толкование сверхтипов и первообразов позволяет нам увидеть Эдипов комплекс в смене культурных эпох и литературных стилей, сутью которого является агрессивность новых тенденций по отношению к старым, господствующим, стремление занять их место, овладеть при этом вниманием публики, вождельной как для новых, так и для старых направлений в искусстве.

Контуры мифов сотрутся, если все произведения на тему предателя будут рассматриваться как новые версии истории Иуды, на тему распутника — в связи с легендой о Дон Жуане. Не говоря уже о том, что, причисляя к мифу о Прометее произведения нового времени о человеке, приносящем себя в жертву людям, нельзя забывать о богоборце, а видя первообраз героев, посвятивших себя рыцарскому служению женщине, в Дон Кихоте, мы забываем о его верности идеалам прошлого и о его сумасбродстве. Бесспорным критерием, конечно, является авторская отсылка — в заголовке или в самом тексте произведения, даже в тех случаях, если герой развивает какую-либо одну грань многогранного мирового образа. Таковы, например, многочисленные произведения XVIII—XIX вв., призванные покончить с той или иной разновидностью донкихотства: «Духовный Дон Кихот», «Адский Дон Кихот», «Дон Кихот театров», «Наполеон или истинный Дон Кихот», Дон Кихоты романтические, женские, масонские, деревенские и многие другие.²³

¹⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., Л., 1949. Т. 11. С. 176.

²⁰ Смирнов И. П. Психодиахронология. Психистория русской литературы от романтизма до наших дней. М., 1994. С. 82—105.

²¹ См. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 259 и далее.

²² См. Madariaga S., de Don Juan as a European Figure. Nottingham, 1946. P. 10.

²³ Литература о восприятии сервантесовского романа в различные эпохи и разных странах необъятна. Обобщающими работами о бытовании «Дон Кихота» в мировой литературе являются следующие исследования: Bardon M. «Don Quichotte» en France au XVII et XVIII siècle. 1815. Paris, 1931. Vol. 1—2; Cervantes across the centuries. New York, 1947; Bertrand J. J. A. Cervantes en el pais de Fausto. Madrid, 1950. Русская судьба мифа о Дон Кихоте наиболее полно освещена в следующих работах: Buketoff-Turkevich L. Cervantes in Russia. Princeton, 1950; Айхенвальд Ю. Дон Кихот на русской почве. New York, 1982, 1984, Т. 1, 2; Багно В. Е. Дорогами «Дон Кихота». М., 1988.

В иных же случаях критерием, по-видимому, должно быть сочетание мотивов, их система, позволяющая усматривать соотношенность образов, развитие в новом произведении заложенных в мировом образе тенденций. Так, одним из самых глубоких у Н. С. Лескова (и, возможно, во всей русской литературе) воплощений идеи донкихотства является образ Савелия Туберозова из «Соборян». Хотя сам автор, в отличие от многих других своих романов и рассказов, героя Дон Кихотом не называет. В Савелии Туберозове больше общего с его прототипом, сервантесовским героем, прежде всего потому, что среди всех персонажей Лескова, отмеченных печатью донкихотства, он, отстаивая во многом авторскую точку зрения на мир, являясь в то же время воплощением сомнений автора в способности таких людей, как его прототип, изменить мир к лучшему, живет наиболее напряженной духовной жизнью. При этом он нисколько не перестает быть натурой активной, готовой к подвигу во имя утверждения своих идеалов. В образе Савелия Туберозова, в его «подвиге» просматривается сложная система мотивов и черт, роднящих его с героем Сервантеса: он борец за истину, за человеческие души, за свои идеалы, которым не место в окружающей его действительности; в своей непреклонности он непонятен, подчас смешон.

Оппозиция «баловень судьбы» и «завистник», лежащая в основе библейского мифа об Авеле и Каине, была не только творчески переосмыслена Пушкиным в «Моцарте и Сальери», но была одной из сквозных, ключевых тем пушкинского творчества на протяжении всей его жизни. Безоговорочной реабилитации *угрюмца*, осуществленной Байроном в поэме «Каин» и подхваченной не только мировой литературой, но и в целом европейским либерально-демократическим сознанием, Пушкин противопоставил свое понимание коллизии, свою интерпретацию *угрюмства*. Он не столько вернулся к изначальной библейской модели, испровергающей *завистника*, устранившего со своего пути «баловня судьбы», сколько художественно и философски обосновал недопустимость *угрюмства*, фанатизма и непреклонности в борьбе за попорченную справедливость, следствием которой могут быть убийства и перераспределение всевозможных благ и даров, *пересотворение* мира.

Каиновой печатью угрюмца и завистника отмечен не только Сальери, но и многие другие пушкинские герои. Далеко не всегда оппозиция заявлена столь четко, как в «Моцарте и Сальери» и «Выстреле»; подчас антагонист «баловня судьбы» оказывается весьма условным, как в паре Руслан—Рогдai или Дон Гуан—дон Карлос. Нередко верх одерживает как раз «гуляка праздный», или вообще внутренний конфликт интересующих нас антиномий имеет косвенное отношение к сюжету и не имеет трагического разрешения, как в паре Германн—Томский. Однако чаще (вспомним также Гринева и Швабрина) противники сходятся в поединке.

Если не считать Достоевского, пушкинское предостережение — еще одна грань его неунаследованного наследия — не было услышано. Именно угрюмец, бунтующий против неравенства и несправедливости, стал центральным героем русской литературы и русской истории.²⁴

По существу, бесчисленные повествования о мужчинах, посвятивших себя погоне за плотскими радостями, не имеют никакого отношения не только к донжуановской «фабуле», но и к донжуановской «ситуации». Однако если уж речь идет о «ситуации», то, пожалуй, своеволие Дон Жуана более всего сродни своеволию некоторых героев Достоевского. В мифе о

²⁴ Подробнее см.: Багно В. Е. Оппозиция «гуляка праздный» (Авель) и «угрюмец» (Каин) как сквозная тема творчества Пушкина // Россия — Запад — Восток: встречные течения: Сб. к 100-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева (в печати).

Дон Жуане заложена главная христианская тема Достоевского: если Бога нет, то все дозволено. С предельной ясностью она выражена героями-сладоустрасниками: Свидригайловым, Ставрогиним. В Подготовительных материалах к «Бесам» Ставрогин прямо назван Дон Жуаном: «Скептик и Дон-Жуан, но только с отчаяния».²⁵ С Дон Жуаном его роднит неверие, скептицизм, мужество, красота, невероятная жизненная сила, делающая покорными ему не только женщин, но и мужчин, его неспособность к любви, его извращенность. Любопытно, что при всей «ситуативной» соотнесенности сюжетов подчас дает о себе знать и «фабульная» память: подобно сеvilьскому насмешнику, ухватившему из озорства статую командора за бороду, Ставрогин однажды в клубе из озорства сделал «невозможную дерзость»: ухватил за нос одного из почтеннейших старшин клуба и два-три шага протянул его за собой по залу.²⁶ Миф о Дон Жуане — миф, рожденный христианской цивилизацией.²⁷ Достоевский придал второе дыхание его глубинной сути, а не поверхностной эротической интриге.²⁸ Пожалуй, образ Ставрогина — самая крупная фигура в истории бытования в новое время мифа о Дон Жуане, понятого как «сюжет-ситуация». Подобно тому, как образ князя Мышкина стал самым глубоким воплощением идеи донкихотства.

²⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1974. Т. 11. С. 118.

²⁶ Там же. Т. 10. С. 38—39.

²⁷ Вопреки распространенному мнению, основой для мифа послужила главным образом легенда об оскорблении черепа, а рассказы о распутном дворянине несли лишь вспомогательную функцию. См., например Менендес Пидаль Р. Об источниках «Каменного гостя» // Менендес Пидаль Р. Избр. произведения. Испанская литература Средних веков и Возрождения. М., 1961. С. 742—762; Said Armesto V. La leyenda de don Juan Origenes poeticas de El Burlador de Sevilla y Convidado de Piedra. Madrid, 1968.

²⁸ При этом немаловажно, что последняя непременно присутствует как в старинной легенде, так и в современной ее трактовке. Ставрогин совратил девочку.

ТЕКСТОЛОГИЯ

Р. ПОП

Некоторые мысли по поводу издания средневековых славянских текстов*

« критика текста не является ни ветвью математики, ни какой-либо точной наукой вообще. Она имеет дело с материей не строго постоянной, как строчки и числа, но текучей и изменяющейся. Конкретно говоря, со сложностями и преувеличениями человеческого разума и с его непослушными слугами — человеческими пальцами. Таким образом, эта наука не подчиняется жестким правилам. Было бы намного легче, если бы она таким правилам подчинялась, и вот почему люди пытаются претендовать на то, что она им подчиняется, или, по крайней мере, делают вид, что они так думают»

А. И. Хаузман

(Housman A. E. The Application of Thought to Textual Criticism // The Classical Papers of A. E. Housman / Ed. J. Diggle, F. R. D. Goodyear. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. Vol. 3 (1915—1936). P. 1058—1059)

Существуют два основных типа рукописной традиции, через которые передаются классические и средневековые тексты, — закрытые традиции и открытые традиции.¹ Когда планируется издание текста, необходимо как можно раньше установить путем критического разбора (*recensio*), к какому виду традиции текст принадлежит и, соответственно, выбрать дальнейшую методологию. Даже такая важная вещь, как выбор *основного (лучшего) списка (codex optimus)*, зависит от того, с каким видом традиции мы имеем дело.

В закрытых традициях тексты передаются «вертикально» в том смысле, что каждый список является наследником единственного оригинала, с которого он непосредственно копируется и с которого он является более или менее верной копией. Так же и сам этот оригинал является в свою очередь копией единственного списка, являющегося его оригиналом, и так далее, вплоть до существующего или гипотетического архетипа, который в некоторых случаях может быть исходным текстом, но всегда является формой текста, настолько близкой к исходному тексту, насколько это возможно. В такой традиции мы можем, с некоторой претензией на научную строгость, построить стемму или генеалогическое древо, работая преимущественно на основе очевидных ошибок в списках. Следуя этой стемме, мы можем выбрать *основной список (codex optimus)* и последующие лучшие списки и реконструировать архетип или древнейший из возможных текстов более или

* Пер с англ. А. Г. Боброва — *Ред*

¹ Это термины, которые использует Джорджно Паскуали (Giorgio Pasquali) в его «Storia della tradizione e critica del testo» (2 ed. Florence: Felice le Monnier, 1952)

менее надежно. Ключевое предположение в этом случае, однако, заключается в том, что любой взятый манускрипт был скопирован только с одного оригинала — с ошибками, изменениями и, возможно, с некоторыми другими незначительными вольностями, но тем не менее в результате являясь копией того или иного оригинала. Такие случаи мы можем рассматривать в качестве девственной или неконтаминационной традиции. Но нужно иметь в виду, однако, что как в жизни, так и в текстологии, многие вещи, которые кажутся девственными, на самом деле таковыми не являются.

В открытых традициях тексты передаются не только «вертикально», но и «горизонтально», в том смысле, что каждый список является не только «прямым последователем оригинала и непосредственным его отражением, но также косвенным образом отражает по крайней мере один (а часто больше) дополнительный список, из которого чтения были заимствованы писцом, который слыхал чтения двух или более протографов, находившихся перед ним. Иногда он мог только изредка консультироваться с дополнительным списком (*consultatio*), а в других случаях он мог широко смешивать два имевшихся у него текста (*conflatio*), но в любом случае он производил гибридный текст и вводил контаминацию в традицию.

Если в закрытых, неконтаминационных традициях теоретически возможно построить генеалогическую стемму, показывающую соотношение списков между собой, то в контаминационных традициях невозможно конструировать стеммы или генеалогии «научно» или даже систематически разобраться в традиции,² потому что вся генеалогическая теория покоится на предположении, «что чтения и ошибки передаются „вертикально“ из одной рукописи в другую, то есть прямо переходят из одной книги в те копии, которые с нее сделаны...».³ Не следует подходить к контаминационным традициям, используя технику классической критики текста (*Textkritik*), и просто закрывать глаза на контаминации. В открытых традициях, как утверждает Дж. Б. Холл в своем исследовании «*De Raptu Proserpinae*» Клавдиана, «строгая элиминация (*eliminatio*), возможная в так называемых „закрытых традициях“, непригодна, и следует пользоваться более приблизительными имеющимися под рукой методами».⁴ Здесь подход Паскуали может многому нас научить.⁵

Этот вопрос поднимается здесь потому, что, по моему мнению, контаминация — значительно более распространенное явление при передаче средневековых славянских текстов, даже самых древних, чем это обычно допускается. Насколько это обычно в греческих рукописях,⁶ и греческая, латинская и романская средневековые традиции очень часто это отражают, настолько же и средневековая славянская традиция вполне проникнута контаминацией, и было бы исключительным явлением, если бы это не было так. Средневековые славянские тексты часто переписывались с нескольких оригиналов. Как пишет Д. С. Лихачев, «работа по выверке текстов по различным рукописям производилась древнерусскими переписчиками сплошь и рядом...».⁷ Более того,

² «Там где контаминация существует, — пишет Паул Маас, — наука составления стемм в прямом смысле терпит неудачу» (Maas P. *Textual Criticism* / Transl. Barbara Flower. Oxford Clarendon Press, 1963 P. 48)

³ Reynolds L. D., Wilson N. G. *Scribers and Scholars. A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature*. 3 ed. Oxford Clarendon Press, 1991 P. 214

⁴ Introduction // *Claudian De Raptu Proserpinae* / Ed. J. B. Hall. Cambridge University Press, 1969 P. 62

⁵ См. его «Storia della tradizione e critica del testo»

⁶ См. например Collomp P. *La critique des textes*. Paris Les Belles Lettres, 1931 P. 83—

104 Лихачев Д. С. *Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков*. Л. Наука, 1983 С. 94

именно в наиболее хорошо известных текстах мы можем ожидать наибольшую степень контаминации. «Там, где тексты много читались, — пишет Паул Маас, — существовала тенденция к возникновению контаминации».⁸ «Тексты, которые наиболее часто читались <...> более всего дают примеров значительной контаминации», — замечают Рейнолдс и Вилсон.⁹ Чезаре Сегре указывает на три причины, почему распространенность какого-либо произведения увеличивает степень контаминации: «1) существуют большие шансы, что большее количество списков произведения будет собрано в одном и том же *скриптории*; 2) существует большая вероятность, что те списки, которые были использованы для контаминации, уже сами были контаминированными; 3) человек, который отвечает за сличение текстов, неизбежно замечает возрастающую разницу между списками».¹⁰ Это означает, что мы должны ожидать большую степень контаминации в славянской традиции для таких произведений как летописи, сказания, жития и апокрифы, т. е. те тексты, над которыми преимущественно работали исследователи и которые наиболее часто публиковались.

Как много изданий ранних славянских текстов за последние 50 лет учитывали контаминацию и сличение рукописей в достаточной мере? Д. С. Лихачев писал, что «с возможностью такой работы текстолог обязан считаться в каждом отдельном случае».¹¹ Но кто следовал этому совету? Обычно к славянским текстам подходят, недостаточно учитывая эту возможность. Существует тенденция обращаться с контаминированными текстами так, как будто они все же таковыми не являются, и исходить из того, что контаминация не имела большого значения при создании стеммы, выглядящей вполне удовлетворительно, но игнорирующей текстологические аргументы «против», словно стемма так или иначе остается уместной и в этом случае.¹² Это действительно плохо, потому что, как отмечает Морис Бевенот в своем исследовании рукописной традиции трактатов святого Киприана, «не заметить факта контаминации или отнестись к нему как к чему-то неважному и, несмотря на это, создавать стемму, означает издать стемму, которая безусловно вводит в заблуждение».¹³ Конечно, когда такое случается, и дело именно в этом, все в исследовании от стеммы и истории текста вплоть до выбора основного списка и последующего издания становится в лучшем случае сомнительным и напрасной тратой сил.

Некоторые (возможно, многие) традиции, которые рассматривались как закрытые теми, кто издавал в XX в. средневековые славянские тексты, в действительности могли быть открытыми традициями, в разной степени подверженными контаминациям. И этого следует ожидать, глядя на мучительно усложненные стеммы во многих наших изданиях, полные пунктирных линий, кружков, стрелок и воображаемых, но несуществующих промежуточных стадий, необходимых для того, чтобы придать смысл всему этому хаосу, вызванному контаминацией. Вертикальное копирование, несомненно, имело место, и некоторые из текстов принадлежали к закрытым традициям, но многие славянские книжники, так же как их греческие, латинские и романские коллеги, просто не работали подобным

⁸ Maas P Textual Criticism P 48

⁹ Reynolds L D, Wilson N G Scribes and Scholars P 214

¹⁰ Segre C The Problem of Contamination in Prose Texts // Medieval Manuscripts and Textual Criticism / Ed Christopher Klemhenz Chapel Hill University of North Carolina Department of Romance Languages 1976 P 119 (North Carolina Studies in Romance Languages and Literatures No 4)

¹¹ Лихачев Д С Текстология С 94

¹² Д С Лихачев верно отмечает что в текстологии «одно „против“ перетягивает десятки и сотни „за“» (Там же С 240)

¹³ Bevenot M Tradition of Manuscripts A Study in the Transmission of St Cyprian's Treatises Oxford Clarendon Press 1961 P 6

путем и предпочитали проверять чтения в других списках и выбирать те, что казались лучшими. Уже сам А. А. Шахматов ясно осознал это и основывал большую часть своих поздних работ по летописям именно на таком предположении.

Предположение, что контаминация является нормой для средневековой южно- и восточнославянской традиции, — то, к чему меня привела моя работа над патериками и апокрифами, — имеет большое значения для издания славянских текстов. Какую методологию мы должны применять для того, чтобы изучать и издавать хорошо известные тексты, принадлежащие к открытым традициям?

Оставляя в стороне издания факсимильные и дипломатические, воспроизводящие отдельные списки, в действительности существуют только две основные разновидности критических изданий, которые использовались для средневековых славянских текстов. Первая разновидность — это издание с разночтениями (*editio cum notis variorum*). Здесь мы говорим не о таком типе издания, которым мы издаем таких писателей как Шекспир, но о том типе изданий, которые выходят, например, в Пушкинском Доме (школа Лихачева), где, согласно Бедье, издательская практика консервативна и характеризуется изданием одного хорошего текста — лучшего списка — с разночтениями из других рукописей, заслуживающих внимания. Вторая разновидность — это сводное издание (*collated edition*) того типа, который сейчас распространен среди исследователей греческой, латинской и романской литературы, не являющихся приверженцами школы Бедье. Обычно используется метод, являющийся усовершенствованием метода Лахмана (который так высмеивает Лихачев), и метод, описанный Маасом в его «*Textkritik*», согласно которому издатель выбирает лучший список для передачи основного текста (как и в первом методе), но затем систематически сравнивает его чтения с чтениями всех других источников, исключая описки (*non descripti*), и исправляет основной текст в тех случаях, когда это кажется необходимым. Здесь цель заключается в том, чтобы реконструировать текст настолько близко к оригиналу, насколько это возможно (*constitutio textus*), и предложить его читателю.*

У обеих этих разновидностей издания на практике есть свои позитивные и негативные стороны.

Первый недостаток критических изданий — основных изданий в нашей области за последний век — связан с тем, каким образом выбирается основной список. Это главная проблема, потому что текст списка, который был выбран как основной и на котором затем базируется издание, склонны рассматривать как собственно *текст* и сам публикатор, и последующие исследователи. Именно этот текст впоследствии перепечатывается отдельно в других изданиях или выбирается для перевода и включения в различные антологии. Прочитавшие монументальную «Текстологию» Лихачева знают, что не следует просто выбирать рукопись с наименьшими ошибками и искажениями, или древнейший список (*codex vetustissimus*), или даже наиболее типичный и общераспространенный вариант текста, или *принятый текст* (*textus receptus*). «Лучшим» списком для российских издателей за последние 50 лет был тот, который считался сохраняющим текст в его старейшей форме, насколько это определялось обязывающей на вид стеммой. Это не

* В отечественной традиции выражению *editio cum notis variorum* соответствует термин «критическое издание», тогда как *collated editions* обычно называют реконструкциями или «сводными изданиями»; эти термины и употребляются в дальнейшем изложении. Следует иметь в виду (см. ниже), что критическое издание также может опираться в качестве основного текста не на лучший список, а на реконструкцию — *Примеч. ред*

представляет проблемы для произведений, сохраняющихся в закрытых традициях. Но что, если некоторые из традиций, которые считались закрытыми и упрямо подвергались традиционной стемматологии, в действительности являются открытыми традициями? Во всех этих случаях стемма сама по себе волей-неволей окажется фиктивной, и, вероятно, основной список вовсе не будет лучшим (*optimus*), и многие возможно худшие списки (носители разночтений) должны были бы быть исключены или отнесены в примечания из-за ложных стемматических оснований, каждое из которых будет чрезвычайно компрометировать чистоту издания. С чем же мы тогда останемся? Это будет публикация одного списка (не обязательно лучшего) плюс разночтения из ряда других списков (не обязательно наиболее уместных). Если в традиции имеет место контаминация, то мы не должны пытаться пользоваться тем, что Хаузман называл «незыблемыми правилами», и начинать отбор (*eliminating*) списков согласно некоей стемме, скорее мы должны помнить об изречении Паскуали: «изменения не порча» (*«recentiores non deteriores»*), и быть уверенны, что некоторые варианты могут сохранять уникальные первоначальные чтения. В этом случае нам следует забрасывать наши сети, которые иначе приходится держать свернутыми при наших генеалогических опытах.

Таким образом, первая проблема критических изданий заключается в том, что они не подходят для контаминированных традиций, где *любой* список в *любое* время может сохранить первоначальное чтение — один или наряду с любым другим списком. Слишком большое количество потенциально «гучших» чтений игнорируется вместе со своими рукописями на стемматологической стадии критического разбора текста (*recensio*). Во-вторых, с этим связана проблема, когда иной раз слишком мало списков отбирается для подведения разночтений. Очевидно, в случае с контаминированными текстами, чем больше списков используется (в пределах физических возможностей), тем лучше. Третья проблема, которая часто отмечается теми, кто пользуется критическими изданиями, — это то, что в *критическом аппарате* (*apparatus criticus*) пользователь не всегда получает всю необходимую информацию для того, чтобы принять решение о любом данном чтении текста. Во многих изданиях мы не снабжены последовательно *всеми* разночтениями, даже из выбранных списков. Иногда нам даются только те, которые были важны с точки зрения публикатора, у которого могло не быть соображений относительно того, что окажется впоследствии важным другим исследователям в иных областях знания. Большинство из нас, работающих с рукописями, обращались к манускриптам и находили, что ситуация отличается от той, которую мы могли бы реконструировать на основе разночтений к опубликованному основному списку. Таким образом, предубежденный выбор основного списка и списков, привлекаемых для разночтений, недостаточное привлечение последних и недостаточная полнота в представлении вариантов, ведущая к неясности критического аппарата, — все это дефекты такой разновидности издания.

Лучшее, что можно сказать о критическом издании, — это то, что даже если стемма окажется фиктивной (а так, конечно, и будет, если контаминация присутствует, но была проигнорирована), по крайней мере один список будет опубликован полностью. Следует быть благодарными за многие ранее не опубликованные тексты, которые вышли в свет в Пушкинском Доме в критических изданиях. Хорошо еще и то, что в изданиях, где в вариантах были должным образом приведены разночтения *без сокращений*, читатель может проверить все свидетельства и осуществить свои собственные эззерсисы в реконструкции текста (*constitutio textus*), даже если он и не знает, какие чтения существуют во многих проигнорированных списках. Критиче-

ское издание может дать много полезных сведений, даже если зачастую, к сожалению, предоставляет их далеко не в полном объеме.

Основной недостаток сводных изданий (*collated editions*) или реконструкций — это не сам процесс, вопреки Лихачеву, который очень настроен против него,¹⁴ но тот факт, что, как бы ни был тщательно разработан (вплоть до нечитабельности) критический аппарат,¹⁵ читатель постоянно сталкивается с путами решений, принятых публикатором (который мог сверяться с большим количеством списков) без приведения всех необходимых данных для проверки выбора (*selectio*) и догадок (*divinatio*), которые позволил себе издатель. Всегда ощущается, что было рассмотрено несметное число альтернатив, но приведено недостаточно различий, и от читателя обычно ожидают слепого доверия. Более того, как и в случае с критическими изданиями, если в традиции имеет место контаминация, но ее проигнорировали, стемма будет неправильной и основной текст, к которому относятся с большим доверием, вероятно, будет неправильно отобран, и много хороших списков могут быть ошибочно проигнорированы, в результате чего многие хорошие чтения будут утеряны, и в целом чистота сводного текста как представителя лучших чтений станет сомнительной.

Что хорошего можно сказать о сводных изданиях (когда они сделаны как следует), — это то, что реконструируемый текст сохранит минимально возможное количество контаминаций, поскольку публикатор, работая как средневековые писцы, будет пытаться сохранить текст в самой старой его форме. Более того, предлагаемый текст будет ближе к оригиналу, чем любой существующий текст; с одной стороны, он будет гипотетическим, а с другой — он будет просто самым последним существующим списком, сделанным издателем, работающим таким же способом, как работали писцы ранее. Реконструированный текст будет представлять собой текст настолько, насколько возможно, близкий к тому тексту, который был изначально. Вот почему А. А. Шахматов и М. Д. Приселков потратили столько времени на реконструкции соответственно «Повести временных лет» и Троицкой летописи. У этого типа изданий, однако, есть еще одно преимущество, о котором я не имел представления до тех пор, пока не попытался сам сделать полную реконструкцию текста: только в ходе реконструкции, вынужденный напряженно думать фактически о каждом слове и каждом различии, исследователь может на самом деле прийти к знанию текста и пониманию всех его проблем. После завершения реконструкции можно вновь связать исходный критический разбор (*recensio*) с новыми знаниями и достичь точки зрения на историю текста, которая будет наиболее близка к истине.

Учитывая вышесказанное о плюсах и минусах двух основных разновидностей издания, как же должен вести себя публикатор, работающий над средневековым славянским текстом, особенно если традиция этого текста контаминированная (что, как я уверен, чаще всего и бывает) и текст принадлежит открытой и хорошо засвидетельствованной традиции?

Ни один из двух вышеописанных методов не является полностью удовлетворительным. Оба имеют серьезные недостатки, и ни один метод не может быть рекомендован по отдельности. Похоже, что лучшим решением является подготовка сначала критического издания и затем основанная на сопоставлении реконструкция, *одно за другим в одном томе*, что по неко-

¹⁴ См. например Лихачев Д. С. Текстология С. 462—478.

¹⁵ Р. Д. Дэйв отмечает что «обычный критический аппарат бывает обременен ошибками и вводящей в заблуждение информацией всех видов, какие только можно себе вообразить» (Dawe R. D. *The Collation and Investigation of the Manuscripts of Aeschylus* Cambridge Cambridge University Press 1964 P. 6)

торым причинам мы редко, если вообще когда-либо, находим в наших публикациях текстов.¹⁶

Вот как можно было бы наилучшим образом проводить работу по изданию любого средневекового текста. Сначала следует собрать списки и представить свой предварительный критический разбор (*recensio*), оптимальный на этом раннем этапе исследования, обращая особое внимание на то, к открытой или закрытой традиции принадлежит текст. Затем, если традиция закрытая, выбрать дающий самые лучшие чтения список в качестве основного и следующие по сохранности чтений списки как главные для подведения разночтений. Если существует большое количество редакций текста, можно затем выбрать дающие самые лучшие чтения списки каждой отдельной редакции для подведения разночтений, особенно если нет намерения публиковать редакции по отдельности. В другом случае, если традиция открытая и контаминированная, можно по-прежнему выбрать текст, который, как представляется, дает самые лучшие чтения, в качестве основного, но затем привлечь для подведения разночтений как можно больше списков, начиная с лучших и работая по направлению к худшим (*deteriores*), исключая, конечно, все описания (*descripti*). Чем больше привлечено списков для подведения разночтений, тем более обоснованно критическое издание контаминированного текста. Это не всегда столь трудоемко, как кажется, ибо, вопреки принципу «изменения не порча» (*recentiores non deteriores*), существует закон уменьшения повторяемости изменений по мере их накопления, и хотя одно хорошее первоначальное уникальное чтение *может* встретиться где угодно, большинство разночтений в истинно контаминированных традициях, как правило, дает относительно мало оригинальных чтений и очень мало (а может и вовсе не давать) уникальных первоначальных чтений. Когда имеется множество или сотни разночтений, то не имеет практического смысла использовать их все — эти данные не оправдывают потраченного на них труда.

Выбрав основной список и списки для подведения разночтений при критическом издании, следует представить основной список так, чтобы читатель мог *точно* знать, как читается оригинал. Здесь желательно продвигаться в направлении дипломатического издания. Нормализованная орфография здесь совершенно неприемлема. Далее, варианты должны быть даны в такой форме, которая позволяет действительно реконструировать отрывки в списке, по которому приводятся разночтения, путем работы с основным текстом и вариантами (за исключением, конечно, орфографии тех слов, которые совпадают в привлеченном для разночтений и основном списках и, следовательно, не добавлялись как варианты). Идея представления только разночтений, которые имеют «смысловое и языковое значение», и игнорирования «орфографических разночтений, перестановки слов, пропущенного или вставленного союза и, междометия же» в зависимости от «значения издаваемого памятника, времени его создания и сохранности текстов»¹⁷ должна быть отвергнута. Один из тестов с лакмусовой бумажкой на приемлемость критического издания — это возможность точной реконструкции любого цельного фрагмента в каждом из списков, по которым подведены разночтения. Неприемлемо давать неполные данные в некоей гипотетической стандартизированной форме и орфографию, которая не соответствует действительному тексту рукописи. Это *может* быть достаточно для одного типа специалистов, скажем историков, но это будет далеко не удовлетворительно

¹⁶ Критические издания редко встречаются в практике филологов-классиков, а реконструкции теперь редки в славистике

¹⁷ Дмитриева Р. П. Проект серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы // ТОДРЛ М., Л., 1955 Т. 11 С. 496

для других, например лингвистов. Неприемлемо и далее делать издания, рассчитанные «только на литературоведов и историков, но не на лингвистов».¹⁸ Р. П. Дмитриева писала, что «различные типы публикаций не должны смешиваться»,¹⁹ подразумевая, к примеру, издания для литературоведов и для лингвистов. Мне кажется, однако, нет никакой серьезной причины, почему они не должны быть смешаны и почему не следовать высоким лингвистическим стандартам при всех изданиях средневековых славянских материалов. За исключением популярных изданий, полагаю, все научные издания должны отражать стандарты, которые делают их приемлемыми для всех исследователей. При том, что к настоящему времени существует так мало приемлемых изданий славянских текстов и так много еще следует издать, в нашей области вряд ли можно позволять себе роскошь изданий только для определенной группы исследователей, и действительно, такие издания кажутся неоправданными сейчас, когда есть компьютерные технологии для воспроизведения рукописей в форме настолько близкой к оригиналу, насколько мы этого хотим.

Окончательная цель любого критического издания заключается в том, чтобы текст и разночтения были представлены как можно точнее, так как издатель не знает, кто будет использовать получившееся издание и для каких целей. Имея в виду исследования по классической филологии, Р. Д. Дэйв писал, что «до самого недавнего времени приведение разночтений всегда было в какой-то мере поверхностным делом, это были отдельные чтения, приведенные тут и там, вместо детального отчета о каждом обнаруженном расхождении».²⁰ Неполное сопоставление ведет к бесполезности любого издания. Если издатель точно не дает всех разночтений или, по крайней мере, не прилагает усилий в этом направлении, когда-нибудь придется снова делать эту работу по-настоящему. Один метод, который полезен для обеспечения полноты выявления разночтений, — это нумерация каждого слова в основном тексте и приведение затем всех вариантов, как только они возникают. Могут возразить, что номера будут загромождать текст, но и не предполагается, что издания должны легко читаться. Большое преимущество этой системы заключается в том, что можно включить все разночтения из новых списков, когда они появляются, без разрушения системы нумерации и без необходимости начинать все сначала; после подготовки и даже публикации издания текста можно публиковать разночтения из вновь найденных списков в приложении или более поздней статье, используя нумерацию исходного основного текста.

Завершив критическое издание на этой стадии, теперь и только теперь следует готовить сводное издание, — шаг, который становится возможен, поскольку уже есть достаточно сведений для читателя, чтобы он мог проверить выбор (*selectio*) издателя и оспорить решения, если на то есть основания. Каким бы ни был исчерпывающим критический аппарат, невозможно предлагать критическую реконструкцию текста без предшествующего издания с разночтениями и просто ожидать от читателя, что он примет на веру постоянную корректность публикатора во всех случаях выбора (*selectio*) и догадок (*divinatio*).

Подготовка сводного критического издания — ответственная задача. Реконструкция текста (*constitutio textus*) для этой разновидности издания постоянно требует критических способностей и знаний на каждом шагу и гораздо больших интеллектуальных усилий, чем все вместе взятое издание с

¹⁸ Там же. С. 491.

¹⁹ Там же.

²⁰ Dawe R. D. The Collation and Investigation of the Manuscripts of Aeschylus. P. 2.

разночтениями, которое является результатом в большей мере технических, а не критических усилий. Можно начать с использования основного списка издания с разночтениями, положив его текст в основу, и затем идти дальше, сравнивая слово за словом основной текст со всеми разночтениями из издания с разночтениями, а далее как с максимальным количеством оставшихся проигнорированными там списков, так и с любыми выписками или цитатами из текста в древних средневековых произведениях, выбирая те чтения, которые представляются древнейшими и лучшими для сводного текста. Если изучаемое произведение является переводным, конечно, следует реконструировать текст, глядя сквозь пальцы на оригинал перевода, обычно отбирая и сочетая те славянские чтения, которые кажутся древнейшими, и те, которые наиболее близки оригиналу. Хотя Лихачев категорически возражает против этого процесса, примечательно, что даже Шахматов, которого Лихачев глубоко уважает, в своем критическом издании «Повести временных лет», войдя в прямое противоречие установленными прежде принципами и вопреки большинству своих суждений, не смог удержать себя от того, чтобы «нередко подчиняться влиянию очевидно лучшего чтения» в списках, содержащих варианты, и «заменять чтения основных списков этими „лучшими“ чтениями».²¹ Подобно многим ученым, предпринимавшим критические реконструкции, Шахматов не мог ограничиться заменой лишь очевидно испорченных чтений бесспорно лучшими, но вместо того он постоянно включал лучшие чтения в свой основной текст, когда он не мог удержаться от того, чтобы не признать какой-либо вариант текста лучшим чтением. Казалось, *nolens volens*, он разделял точку зрения Мааса, что «если традиция оказывается испорченной, мы должны исправлять ее конъектурой...».²² Тогда как Шахматов лишь «нередко» выбирал лучшие чтения в своем издании, в сводном критическом издании или реконструкции необходимо делать так постоянно от начала и до конца, или же не предпринимать вообще такую публикацию.

Сводный текст в критическом издании — это действительно один список, дающий возможно лучшие чтения, и те, кто настаивает, что мы должны ограничить себя исключительно изданиями «реальных» текстов в форме публикации основного списка с разночтениями, должны обдумать мнение Уайтхеда и Пикфорда, которые отметили: «Было бы преувеличением думать, что рукопись представляет состояние текста, обладающего аутентичным существованием, поскольку то, с чем мы имеем дело, в большинстве случаев является такой же компиляцией, как и любой реконструированный критический текст, созданный ученым в тиши его кабинета».²³ Благоговение перед «реальными» текстами, даже перед лучшими списками, не должно позволять нам забывать, что они могут содержать текст, далекий от оригинала, и могут отражать «тяжелую руку» редакторов, чьи интересы были далеки от представления текста в его древнейшем или даже наиболее влиятельном виде. Когда кто-либо находит изолированное, но полезное чтение, которое хорошо подходит к некоей излагаемой им теории, то оказывается очень соблазнительным забыть, что это чтение, возможно, было единственным в редко (если когда-либо) читаемом списке, представляющем текстологический тупик, находившемся в полурассыпавшемся виде в каком-нибудь монастыре, не отражая обычных взглядов того времени, не влияя каким-либо образом на общественную мысль эпохи.

²¹ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. С. LXII.

²² Maas P. Textual Criticism. P. 11.

²³ Whitehead F. Pickford C. The Introduction to the «Lai de l'ombre» Half a Century Later // Medieval Manuscripts and Textual Criticism. Chapel Hill, 1976. P. 112.

Критический сводный текст может лучше отвечать запросам таких людей, как исследователи религии, историки литературы, фольклористы и даже иногда историки, которые нуждаются в чем-то вроде идеи первоначального текста, какой она может быть сформулирована до того, как нечто интеллектуальное будет сказано о его изменениях и их причинах на протяжении всей истории текста. В этом смысле реконструкция является важной ступенью на пути к осознанию литературной истории текста, причем ступенью, которая может помочь избежать смущающих ошибок, происходящих из ложных предположений (например, что вызывающее интерес слово или отрывок, читаемые в одном или нескольких лучших списках, непременно или предположительно были представлены в оригинале за века до появления в содержащем их старшем списке).

В заключение я бы хотел подчеркнуть, что издатель любого средневекового славянского текста должен сперва выбрать лучший список (в духе Бедье и Лихачева), затем опубликовать его как можно лучше с исчерпывающими разночтениями. После того как этот первый основной этап завершен, издатель должен перейти к своей следующей обязанности и дать реконструкцию по возможности лучшего текста — настолько близкого к оригиналу, насколько этого можно достичь, опираясь на критические возможности и свидетельства списков, взятые в целом. Имея такое двойное издание, сопровождаемое, конечно, детальным критическим разбором (*recensio*) с описанием всех списков и текстологическим исследованием их взаимоотношений, читатель получает лучшее от обоих миров, а публикатор действительно выполняет свои обязательства перед своим читателем и делает лучшее из того, что может быть сделано, для всех будущих исследователей любого направления, дабы дать им возможность обращаться к тексту с известным доверием.

М. КОЛУЧЧИ

**Первоначальная редакция
«Жития Александра Невского»:
заметки по истории текста¹**

0.1. Текстологическое исследование первоначальной редакции «Жития Александра Невского» (далее: ЖАН) ведется уже более ста лет. В той или иной степени ученые стали затрагивать текстологические проблемы ЖАН начиная с 1882 г., когда архимандрит Леонид осуществил первое издание текста. И хотя историко-культурные интересы часто преобладали в этих трудах над текстологическим анализом как таковым, они, без сомнения, сохранили до сегодняшнего дня свою ценность. Следует упомянуть в этой связи работы В. И. Мансикки, С. А. Бугославского, Н. И. Серебрянского и, в ближайшее время, В. И. Мальшева, А. Стендер-Петерсена, В. Фритце, И. П. Еремина, Н. В. Водовозова, А. В. Соловьева и Г. Н. Моисеевой.

Итоги в изучении ЖАН были подведены в работе Ю. К. Бегунова «Памятник русской литературы XIII века: Слово о погибели Русской земли» (Л., 1965) (далее: СПРЗ). В книге анализируется история текста ЖАН, рассмотренная преимущественно в отношении его к «Слову о погибели Русской земли», в ней содержится и критическое издание обоих текстов.

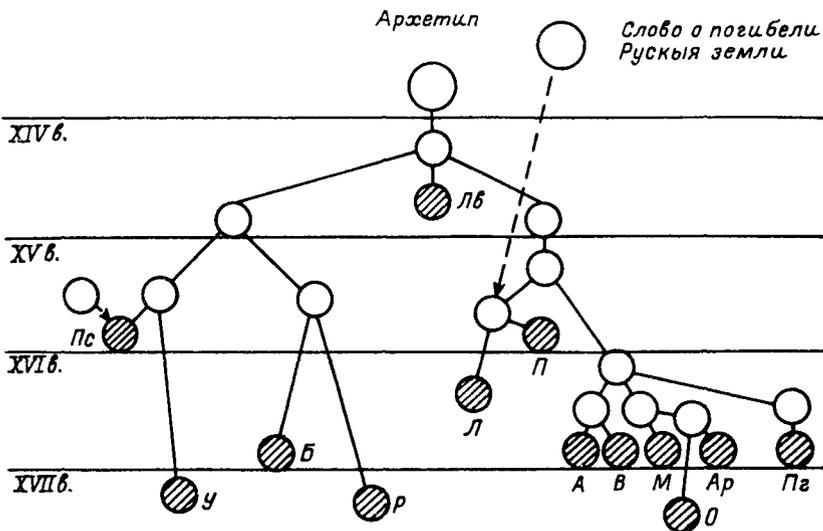
С того времени, несмотря на появление ряда ценных исследований ЖАН, в текстологическом изучении этого памятника не было сделано ничего особенно нового. Издание ЖАН, подготовленное в 1981 г. для серии «Памятники литературы Древней Руси» В. И. Охотниковой, имело совсем иные цели и задачи по сравнению с изданием СПРЗ. Дело в том, что Охотникова издает ЖАН, основываясь на Псковской II летописи (далее: Пс), — подобно Ю. К. Бегунову,² но, в отличие от него, ограничивается лишь минимальными исправлениями.

0.2. Издание Бегунова отличается образцовой точностью и скрупулезностью палеографического анализа. Главное достоинство работы заключается в сопоставлении известных уже рукописей и открытии нескольких новых. Таким образом, традиция ЖАН представлена на сегодняшний день 13 рукописями. Бегунов выработал новую *stemma codicum*, ее результаты синтезированы следующей графической схемой:³

¹ В основе данной статьи лежит дипломная работа Барбары Ботталушо, защищенная уже достаточно давно. Полагаю своей обязанностью дать ход работе, начатой доктором Ботталушо

² См. выше

³ СПРЗ С. 65

Издание Ю. К. Бегунова, несмотря на свои несомненные достоинства, не свободно от изъянов. Возражения, с нашей точки зрения, могут быть сформулированы следующим образом:

— автор предпочитает заниматься документальным аспектом текста, не его реставрацией, не *constitutio textus* ЖАН, а проблемой его датировки, его функционированием в историко-литературном контексте эпохи и, естественно, его отношением к «Слову о погибели Русской земли»;

— как следствие, анализ текстовой традиции оказывается поверхностным. Определение генетических связей между рукописями часто построено на зыбких основаниях.

История текста ЖАН в интерпретации Ю. К. Бегунова вызывает ряд сомнений:

— *stemma codicum* содержит в себе избыточные элементы, так как часто Ю. К. Бегунов предполагает существование между рукописью (или группой рукописей) и ее протографом *codex interpositus*;

— критическое издание текста, основанное, как говорилось выше, на рукописи Пс, которая в лакунах дополнена по Р и исправлена по другим рукописям, часто не согласуется со стеммой самого исследователя.⁴

Задача данной работы — выяснить, в какой мере убедительны определения генеалогической связи, предложенные Ю. К. Бегуновым, и какие поправки в них можно внести. Размеры нашей работы не позволяют углубляться в детали, поэтому мы обращаемся к примерам и к аналитической классификации только в случаях необходимости.

1.1. Отметим сразу, что общий анализ текста подтверждает существование двух из трех ветвей традиции, выделенных Бегуновым:⁵ левой, образованной списками ПсУБР (далее: ур), и правой, образованной списками ПЛАВМАрОПг (далее: па). Обоснованными представляются также те позиции, которые занимают в стемме ПсУ и Бр, с одной стороны, и ПЛ,⁶ с другой стороны. Более сложным представляется вопрос о том, какое место

⁴ Ср.: СПРЗ. С. 187—194.

⁵ Оставляем в стороне вопрос о том, насколько может быть выявлен архетип всей традиции. Из-за своей сложности эта проблема не может быть здесь рассмотрена. Сохраняем сокращенные обозначения списков, принятые Ю. К. Бегуновым в его книге.

⁶ Это две рукописи, содержащие «Слово о погибели Русской земли».

в стемме занимают АВОМАр: с нашей точки зрения, эти рукописи, хотя и восходят к тому же протографу, что и Пг (далее: а), занимают в стемме другое положение, нежели какое им отвел Ю. К. Бегунов.⁷ Но этот вопрос, второстепенный для критики текста ЖАН, мы можем пока оставить в стороне.

Сейчас мы рассмотрим две проблемы: местоположение Лв и наличие общих чтений в ПЛ и ПсУ, не отмеченных Бегуновым и противоречащих положению этих рукописей в стемме.

1.2. Начнем с Лв. Это рукопись Лаврентьевской летописи 1377 г., которая под 1263 г. приводит приблизительно половину текста ЖАН. В своей схеме на с. 65 Ю. К. Бегунов обозначает Лв как третью ветвь традиции. Однако если мы обратимся к тому, что автор пишет о Лв, то узнаем, что «в большинстве своих чтений список сближается с архетипом ПсБРУ». Но «в ряде чтений список сближается с архетипом АВМАрОПг», даже если он «не содержит поздних добавлений и искажающих чтений, свойственных архетипу этих списков». Таким образом, оказывается, что «Лв содержит текст, находящийся посредине между архетипом списков ПсБРУ и архетипом списков АВМАрОПг <...> однако виду дефектности списка Лв мы не можем определить, к какому виду, первому (т. е. правой ветви стеммы. — М. К.) или второму (левой ветви. — М. К.) следует его отнести.⁸

Как видим, эти строки не могут служить образцом ясности. Кроме того, указывая чтения, которые сближают Лв то с ур, то с а, Бегунов объединяет важные в эдиционном аспекте варианты с малозначительными, не делая между ними никаких различий. Наконец, он рассматривает чтения, не подтверждающие выдвинутые им тезисы.

Следует поэтому заново рассмотреть проблему и систематически исследовать весь материал, который может определить позицию Лв в стемме.

Следующие чтения дают основание присоединить Лв к правой ветви (па) традиции:

Лв+ПАВМОАрПг=па⁹
(162:8—11) прииде в реку Неву] [М]

(166: 92—99) Се наѣха на снекъ, видев королевича мча под руку, възѣха (Л изъехав; АВАрМ възѣхав) по досце до самого корабля (АВМАрПг короля), по ней же (АВМАрОПг по ней же досце) хожаху

(167:42—43) похвали его князь

(167:45—47) Лв Се пещ натече на корабли и с дружиною своею (Л Сей пещь с дружиною своею натече; АВМАрОПг Сей пещ с дружиною своею) погуби три корабля Римлян

(167:51) Пятый от молодых люди

(168:62—63) Полцы <...> видеше падение шатра (АВМАрО шатра того) возрадовашася

(168:88—92) егда прииде Сенахирим <...> на Иерусалим

хотя пленити святыи град Иерусалим, внезапно изыде ангел господень (МАр егда прииде Сенахирим на Иерусалим внезапно...)

прииде в Неву + О

Сии наеха на шнек и възѣха по доскѣ и до самого корабля [ППсУ]

и похвали Бога и похвали его князь [ППсУ]

Сѣи наѣхавъ с дружиною своею погуби три корабли Римлян [ППсУ]

Пятый от молодых люди [ППсУ]

Полцы <..> видеша (Р видѣвшѣ) падение шатерное возрадовашася [ППсУ]

егда прииде Нахирим (Р нет) на святыи град и внезапно изыде аггелъ господень [ППсУ]

⁷ Ср. в конце статьи нашу stemma codicum

⁸ СПРЗ С. 56

⁹ Здесь и ниже исключены чтения, не имеющие значения для эдиционных целей, как-то графические различия, инверсии, эквивалентные морфологические формы, lectiones singulares различных рукописей и т. д. Цифры в круглых скобках указывают, соответственно, номер страницы и примечания в издании Ю. К. Бегунова. В квадратные скобки заключены условные обозначения рукописей, в которых в соответствующем месте находится лакуна

1.3. Следующие чтения дают основание присоединить Лв к левой ветви (ур) традиции:

Лв+ПсУБР=ур

(160 53) Съй бѣ князь Александръ родися от отца милостнлюбца (У милостволубца)

(161 17) исполчися к граду

(161 28) остася един

(161 51) нѣкто силенъ < > от тѣх прииде

(163 97—100) ти спяти быша и падоша, мы же встахом и прости быхом

(163 1—2) си рекъ, поиде (БР прииде) на ны (БР на них)

(165 41) и слышавъ таковый глас от мученику (Б мученик)

(165 52) он же, видев князя Александра (Пс нет)

(166 93) възеха по доске Пг

(166 6) божию милостью изыде отголъ

(166 12) бися с самѣмъ воеводою

(167 18) Другий новгородец < > наѣха многажды

(168 12) множество избieno от аггела

ПЛ боголюбива, а благочестива

ПЛ исполчився к граду, АВМАрО ополчився гражане

ПЛ воста, а оста

некто < > от тѣх прииде

тии спяти быша и падоша [П]

Л иде на них, а поиде на ня [П]

от святую мученику

Л он же видев его, АВМАрО Пелгусиа же виде его (Пг видев) [П]

Л изъехав, АВМАр възъехав [ППсУ]

Л волею, а благодатью [ППсУ]

бися крепко с самѣмъ воеводою [ППсУ]

наехав [ППсУ]

Л избieno от ангел, а от архааггела

1.4. Чтобы завершить картину, надлежит исследовать индивидуальные чтения Лв, противопоставляющие этот список всем прочим. Вряд ли необходимо перечислять стилистические варианты, характерные для *usus scribendi* агиографа, а также минимальные пропуски или дополнения. Они не могут служить основой для сколько-нибудь значимых выводов. Ограничимся поэтому теми чтениями, которые имеют реальное эдиционное значение:

Лв

(166 82—86) Здѣ явишася 6 мужъ храбрыхъ с самем с ним ис полку его

(166 1—5) И втекоша пред ним в корабль, а самого емше свергоша и с конем в воду з доски

(166 97—99) до самого коробля, по ней же хожуху, с королевичем иже текоша перед

(167 25—26) не имея страха в души своей

Здѣ явишася въ полку Александровѣ 6 мужъ храбрыхъ иже мужествоваша с нимъ крѣпко

И втекоша пред ним в корабль, и паки обротившеся свергоша его з доски (БЛ с цки, Пг нет) с конемъ в Неву (ЛАВМАрОПг море)

до самого коробля, по ней же хожуху

не имѣя страха в сердцы своем

1.5. Приведенные *varia lectio* заставляют отказаться от третьей ветви в стемме, ветви, которую выделил Ю. К. Бегунов неясным и противоречивым образом. Вспомним, кстати, что *stemma* *codicum* с тремя ветвями вообще довольно редки в рукописной традиции как классической эпохи, так и эпохи средневековья. Рукописная традиция православного славянства не составляет в этом отношении исключения.

Предполагать существование третьей ветви можно лишь в том случае, если есть хотя бы одна несомненная и существенная ошибка, которая, присутствуя в списках двух ветвей, не обнаруживается в списках третьей ветви. Если речь идет об открытой традиции (какова древнерусская), мы предполагаем наличие третьей ветви, по крайней мере убедившись в наличии текстуального материала, который по своему качеству и количеству значительно

отрывается от всего известного по остальным спискам памятника. Если ничего подобного не обнаруживается — а именно таков наш случай, то чтения, перечисленные в 1.4, доказывают лишь то, что в некотором определенном пункте текст Лв содержит новации. Данные чтения не могут быть определены иначе, как *lectiones singulares*, засвидетельствованные в рукописи, чьи генетические отношения с другими рукописями традиции уже определены.

2.1. К какой из двух ветвей следует в таком случае присоединить Лв? Ответить на этот вопрос не так просто, так как наличествуют данные в пользу как одной, так и другой гипотезы.

Прежде всего рассмотрим чтения, которые, по Ю. К. Бегунову, особенно ярко свидетельствуют о близости Лв к а. Вот их перечень:

Лв+а

(159:10—11) Азь худый <...> недостойный начинаю писати житие великого князя

(160:48) начат положю

(164:37) слыща таковый глас

(167:36) Иаков родом полочанин

(167:55) шатер великий королев

ПЛР малосмысленный; Пс мало смысла, (Бнет) покушаюся <...> великого князя [БПг]

начатокъ

слышав таковый глас [П]

Ияковъ (Пг именем) полочанин

шатер великий [ППсУ]

Здесь, как можно видеть, расхождения стилистического характера и, вообще говоря, достаточно случайные. Единственное значимое чтение — начат подожду: начат, без сомнения, является ошибкой, которая, однако, в Лв может иметь совершенно независимое происхождение. Решив проблему, которая оказалась надуманной, обратимся к вопросу о том, что соединяет Лв с ур, с одной стороны, и с па — с другой.

2.2. Рассмотрим отношения Лв—ур, мы убедимся, что разночтения типа милостилюбца // боголюбива / благочестива; от мученику // от святую мученику; милостью // волею / благодатию не имеют большого веса: перед нами лексемы, характерные для агиографической традиции, с «функциональной» точки зрения они однозначны. Более существенными представляются чтения си рек, отсутствующее в правой ветви, и князя Александра на месте его, засвидетельствованное в а и Л, а также крепко, на этот раз отсутствующее в ур. Безусловную документальную ценность имеет чтение некто силен: здесь Лв совпадает с ур в засвидетельствовании эпитета силен, который, без сомнения, нельзя считать элементом топики. То же следует сказать и о чтении мы же встахом и прости быхом, которым в Лв и ур завершается цитата из Священного Писания (Пс. 19:8—9) и которое па представляет в дефектной форме. (Но в этом последнем случае нельзя исключить, что перед нами поновление, независимое от генетического ряда.)

Подобного рода свидетельства имеют, очевидно, ограниченное значение: они могут доказать разделенность, но не способны подтвердить единство. Не являясь несомненными ошибками, они показывают, что ур отделена от па, но не доказывают принадлежность Лв к этой ветви. Однако, как было уже сказано, в случае, когда мы имеем дело с открытой традицией, нужно прибегать к неолохамановским критериям, другими словами, когда отсутствует материал, дающий существенные основания для выводов, необходимо принимать во внимание все значительные текстуальные соответствия.

Более сложной является проблема, касающаяся отношения Лв и па. В двух случаях перед нами, вероятно, настоящие ошибки, присущие данной группе списков: первое чтение — шатра — кажется *lectio facilior* по сравнению с чтением шатерное, засвидетельствованное в ур. Второе чтение — хотя

пшениги святыи град Иерузалим — представляется нам ненужным повторением.

В других случаях, напротив, именно правая ветвь демонстрирует верные чтения. Показателен в этом отношении текст видев королевича мча под руку <...> по ней же хожашу. Отсутствие этого места в ур делает весь контекст довольно алогичным: почему без определенной причины один из шести «храбрых мужей» должен был в одиночку напасть на корабль? В том, что касается чтения се пещь, натече на корабли..., данные Л и а только частично поддерживают Лв, но такие чтения, как похвали Бога в ур и его в Лв и па, противостоящие люди в ур, как бы их ни интерпретировать, представляют собой текстуальные несоответствия, требующие внимания.

Итак, можно утверждать, что варианты, объединяющие Лв и па, в целом имеют бóльший удельный вес, чем те, которые свидетельствуют об обратном. Кроме того, можно подозревать, что между Лаврентьевской летописью и правой ветвью традиции существует какая-то связь, не обусловленная ни восхождением к общему архетипу, ни простой случайностью. К этому вопросу мы вернемся далее.

2.3. Итак, есть основание отнести Лв к правой ветви традиции (будем называть ее теперь пал). Каково же ее место в стемме?

Выше мы перечисляли общие чтения, объединяющие Лв и а; укажем теперь те, которые сближают Лв и п:

Лв+п

(166 69) Лв в лето 6748, бысть съча велика над Римляны

бысть съча велика над Римляны [П]

Л+Пг се же бысть в лето 6745, бысть съча велика над Римляны

(167 21) бъшется единым топором

Р бится, Ба бъшеся [ППсУ]

(167 40) Се наеха на полкъ с мечемъ

наѣхавъ [ППсУ]

(167 45—47) Лв Се пещь натече на корабли и погуби три корабли Римлянъ, Л Сий пещь < > натече и погуби Римлян три корабли

а Сей пещь < > погуби три корабли Римлянъ, БР Сей наѣхавъ < > погуби три корабли Римлянъ [ППсУ]

(167 73) тако скончася + Пг

скончася [ППсУ]

(168 75) Си же вся слышах

Р Си вся слышахомъ, Б слышаху, а слышав

(168 98) от полка асурийска

Ра асирийска, Б+Пг асирьска

Из вариантов, здесь сгруппированных, лишь два или три имеют некоторое эдиционное значение, но и в этом случае совпадения, по всей видимости, случайны. Так, например, Лв и Л во фрагменте, повествующем о битве на Чудском озере, в отличие от всех других рукописей, приводят год сражения, однако этот год в обоих случаях разный.

Таким образом, рассматриваемые рукописи связаны между собой только принадлежностью к одной ветви традиции. Принимая во внимание, что Лаврентьевская летопись является древнейшей рукописью всей традиции, мы считаем правильным соединить ее непосредственно с протографом правой ветви

3 1. Ранее говорилось об общих чтениях в ПЛ и ПсУ. Вот они:

ПЛ+ПсУ

(169 70) по побѣдѣ жѣ Александровѣ яко же побѣди корабля

короля [ЛвП]

(169 9) они же гордици совокупишася

Б города Р грады, АВМАрО во град, Пг из город [ЛвП]

(172 77 78) иже именуютъ себе божии ритори (11 божии ротори)

БР блытери АВМАрО рьдели Пг рьдали [ЛвП]

(173 46) и нача слыти имя его < > до моря Хонужьскаго (Л Хуложьскаго)

(173 59) умножися языка литовьскаго

(175 95—97) не презря кровь праведничю

(175 37) прислахом к тобѣ от двоюнадесять кардиналу (Пс кординалу)

(176 59—62) до разделения языкъ, от разьмѣшени (Л разделения) языкъ до начала Авраамля

(176 73—79) до Христова рожества, от роже- ства Христова до страсти и воскресения

(178 100) сподоби же его Богъ и болший чин приати

(178 8) Богови духъ свой предасть с миромъ месяца ноября

БР Египетьскаго, АВАрПг Пешескаго, О Вонтейскаго [ЛвП]

язык литовский [ЛвП]

Б крови праведничи, РАВМАрПг крови пра- веднича [ЛвП]

Б кардильяну, Р кардильяну АВМАрОПг ко- лену [ЛвП]

до разделения азыкъ до начала Авраамля [ЛвП]

до Христова рожества до страсти и воскре- сения (БР до смерти и до воскресения) [ЛвП]

БР прияти, АВМАрПг вьсприати [Лв]

БР Богови духъ предасть, скончася месяца ноября, АВМАрОПг Богови духъ предасть, с миром скончася месяца ноября [Лв]

Малозначительными представляются такие варианты, как кровь правед- ничию // кровь праведничи, приати // прияти / вьсприати, пропуск с миром в БР или добавление скончася в этих двух рукописях и в а. То же самое можно сказать о чтениях от расмѣшени (разделения) языкъ и от Рожества Христова, которые в БР и а опущены ради сохранения гомеотелевтона. Другие варианты, напротив, представляются в высшей мере значимыми. Таковы чтения Божии ритори (Л ротори) и кардиналу, — лексемы, которые по понятным причинам деформируются или упрощаются (колену) другими рукописями традиции. Таково, в случае дифракции, чтение Хонужскаго (Л Хуложскаго), противостоящее Египетьскаго / Пешескаго / Вонтейскаго. Того же рода чтение гордии, исправляющее lectio facilior городы / грады / во град, / из город, которое допускают все остальные рукописи, в то время как чтение коробля, даваемое Л и ур, является упрощением короля всех других рукописей.

Исходя из того, что П почти во всех рассмотренных случаях, в силу своей неполноты, не помогает реконструкции, можно было бы задаться вопросом, является ли данный текстуальный материал общим, помимо УПс, только для Л или также для протографа обеих рукописей п. Решение должно быть в пользу протографа п, потому что: 1) два чтения, хотя и мало- значительные (прияти и с миром), свойственны также и П; 2) Л, вместо Божии ритори и Хонужскаго ПсУ, имеет Божии ротори и Хуложскаго, т. е. формы хотя и близкие, но не тождественные.

Таким образом, все заставляет думать, что между у, протографом ПсУ, с одной стороны, и п — с другой, наличествуют горизонтальные отношения, т. е. отношения контаминирования.

3.2. Если дело обстоит таким образом, необходимо задагься следующим вопросом, в каком направлении развивалось контаминирование: у заимст- вовал из п или же, наоборот, п из у?

Исходить следует из обстоятельства, на наш взгляд, решающего. общие чтения между у и п начинаются приблизительно в середине текста, точ- нее, — там, где Лв обрывается. На этом основании можно предположить, что

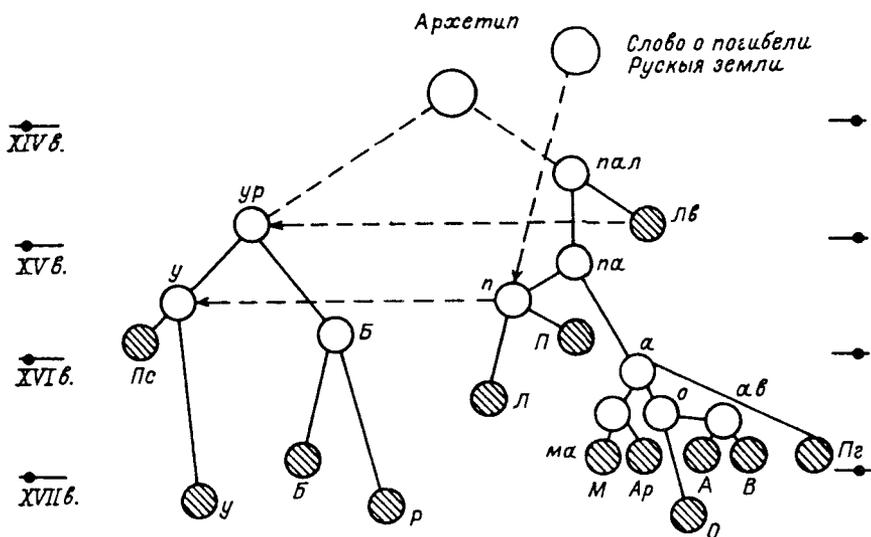
– ур сверяет собственный текст с текстом Лв, перенимая из него неко- торые чтения, вплоть до того места, где этот последний перестает оказывать помощь;

убедившись в пользе такого рода сверки, у стремится продолжить ее и обращается к п

Такая гипотеза, предполагающая двойное контаминирование, может объяснить одновременно и присутствие чтений, общих для Лв и ур, и тот на первый взгляд удивительный факт, что общие чтения между п и у возникают только с середины текста.

Разумеется, все это возможно, если допустить, что лакуна в Лв, связанная с потерей листов, возникла не позднее последней четверти XV в., того времени, к которому восходят древнейшие из исследованных рукописей, т. е. Пс и П. Но если отсутствуют свидетельства в пользу этого предположения, то нет и свидетельств против него. Примечательно, что А. Н. Насонов (хотя его оспаривает Бегунов, 1971) полагал, что эти листы были утрачены уже в своде 1305 г., к которому восходит Лаврентьевская летопись.

Все сказанное можно синтезировать в следующей схеме:

4. Следует сразу признать, что наши рассуждения оставляют открытыми немало вопросов. Например, мы не можем объяснить, почему все чтения, кроме одного (притом незначительного), объединяющие Лв и пал и отделяющие их от всех других рукописей традиции, сосредоточены во фрагменте о шести «мужах храбрых»? Или почему ур, сверенный, как мы предполагаем, с Лв, не исправил такие очевидные ошибки, как пропуск текста видев королевича мча под руку?

На нынешнем этапе изучения ЖАН мы не можем ответить на эти вопросы. Разрешить эту, как и другие, проблему может только углубленное исследование *vario lectio* рукописей ЖАН, целью которого будет критическое издание памятника. Этого издания уже давно ждет русская медиевистика.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бегунов, 1965 — Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли» / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М., Л., 1965.
 Бегунов, 1971 — Бегунов Ю. К. Когда «Житие Александра Невского» вошло в состав Лаврентьевской летописи? // Die Welt der Slaven. 1971. N 2.

- Бугославский — Бугославский С А К вопросу о первоначальном тексте «Жития Александра Невского» // ИОРЯС 1915 Т 19
- Водовозов, 1957 — Водовозов Н В Повесть XIII в об Александре Невском (К вопросу о составе повести и ее авторе) // Учен зап Моск гор пед Ин-та им В П Потемкина 1957 Каф рус лит-ры Вып 6 Т 68
- Водовозов, 1958 — Водовозов Н В Русская воинская повесть XIII в / Под ред А И Ревякина М, 1958
- Еремин — Еремин И П «Житие Александра Невского» // Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв / Сост, пер и примеч И П Еремина и Д С Лихачева М, 1957
- Леонид — Леонид, архим (Л А Кавелин) Сказание о подвигах и жизни Св благоверного великого князя Александра Невского // ПДП 1882 Т 36
- Мальшев, 1947 — Мальшев В И «Житие Александра Невского» (по рукописи XVI в Гребеницкой старообрядческой общины в г Риге) // ТОДРЛ М Л, 1947 Т 5
- Мальшев, 1959 — Мальшев В И О втором списке «Слова о погибели Рускыя земли» (История открытия) // Slavia Praha, 1959 Рос 28
- Мансикка — Мансикка В И «Жигие Александра Невского» (Разбор редакций и текста) // ПДП 1913 Т 180
- Моисеева — Моисеева Г Н Новый список повести об Александре Невском // РЛ 1964 № 1
- Насонов — Насонов А Н Лаврентьевская летопись и владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в // Проблемы источниковедения М, 1963 Т 11
- Охотникова — Охотникова В И «Житие Александра Невского» // ПЛДР XIII век М 1981
- Серебрянский — Серебрянский Н И Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты) М, 1915
- Соловьев — Соловьев А В По поводу Рижского списка «Слова о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ М, Л, 1960 Т 16
- Стендер Петерсен — Stender-Petersen F Anthology Of old Russian Literature New York, 1954
- Фритце — Fritze W Die Iegende des Heiligen Aleksandr Nevskij // Russische Heiligenlegenden / Hrsgb von E Benz Zurich, 1953

Н. Ф. ДРОБЛЕНКОВА

«Сказание» о Вавилоне Минейной редакции и «опыт свода» А. Н. Веселовского

120 лет тому назад вышла в свет работа А. Н. Веселовского, посвященная циклу Сказаний о Вавилонском царстве «Отрывки византийского эпоса в русском».¹ Она была основана на известных к тому времени 20 списках древнерусских памятников этого цикла, 6 из которых тогда уже были изданы. Однако А. Н. Веселовский с сожалением отмечал, что публикации эти выполнялись «всякий раз по одной какой-нибудь рукописи» и что «многие списки остаются до сих пор еще не исследованными и не определены их взаимные генеалогические отношения».² Подчеркивая необходимость текстологического изучения цикла Сказаний о Вавилонском царстве и важность избранной темы, исследователь относит эти памятники «к числу тех византийских повестей, с которыми Древняя Русь знакомилась при посредстве южнославянских переводов и переделок», — и так мотивирует свой взгляд: «На византийское происхождение Повести указывает уже то обстоятельство, что весь ее интерес исчерпывается идеей политического значения Византии; южнославянский отпечаток остался, быть может, в именах Находа, Болгаристра, Далматинских царей и т. п.».³ Известные А. Н. Веселовскому списки Сказаний о Вавилонском царстве (которые представляют собой как отдельные произведения, так и сводные тексты) исследователь рассматривает как «отрывки византийского эпоса в русском» и на их материале создает свой гипотетический «опыт свода» (I раздел работы — «Текст») и комментарий, вводящий сводный текст «в среду так называемой „странствующей литературы“» (II раздел — «Объяснения»), но неоднократно подчеркивает при этом «временное значение» «опыта свода».⁴

В своем «опыте свода» А. Н. Веселовский расположил материал списков в хронологической последовательности развития сюжетной линии, выделив в нем четыре эпизода (§ I—IV).⁵ Первый эпизод (§ I) начинается царствованием Артаксеркса («Аксеркса») и Навуходоносора и повествует о происхождении имени Навуходоносора, чудесном избрании его на царство, сотворении им града Вавилона, с изображением повсюду знака змей, и победах Навуходоносора над иноземными царями с помощью «меча-самосека аспид-змея». Второй эпизод (§ II) посвящен правлению сына Навуходоносо-

¹ Веселовский А. Н. Отрывки византийского эпоса в русском. Повесть о Вавилонском царстве // Славянский сборник. Изд. Петербургского отдела Славянского комитета. Пб. 1876. Т. 3. С. 122—165.

² Там же. С. 122.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 122—140.

⁵ Там же. С. 125—140.

ра и гибели «Василия Навуходоносоровича» от заколдованного «меча-самосека» как причине запустения Вавилоня от оживших змей. Третий эпизод (§ III) о «Послании византийским императором Львом в Вавилон»⁶ трех посланцев — «греченина», «обежанина» и «из русских словянина» за «знамением» к трем вавилонским отрокам. Посланцы возвращаются с царскими регалиями, венцами Навуходносора и его «царишь», а также «крабицей сердоликовой», и теми венцами венчаются на царство «греческий царь», «во святом крещении Василий», и его супруга, «царица Александра». (Под «греческим царем» А. Н. Веселовский подразумевает византийского императора Льва VI Философа.)⁷ Сюжетную линию «опыта свода» завершает четвертый эпизод (§ IV), в котором повествуется о передаче «греческим царем» «Василием» «даров великих», «сердоликовой крабицы со всем виссоном царским, <...> великому князю Владимиру киевскому», прослывшему «с того часа» Мономахом.

Раздел «Объяснения» А. Н. Веселовский начал предположением о возможности изначального существования в прошлом единого сводного текста, состоявшего из первых трех «частей» (§ I—II—III): «Первая часть <...> составляла, быть может, вместе со второю одно легендарное целое: Сказание о построении и запустении Вавилоня, о Навуходносоре и сыне его Василии. Таков был, вероятно, состав иранско-семитической сказки, перешедшей в Византию, где она получила своеобразное продолжение в эпизоде о послаках греческого императора Льва (нашем § III)».⁸ Однако И. Н. Жданов, который обратил внимание на существование в отдельных списках текстов I—II эпизодов (§ I—II; он объединял их одним названием «Притча о Вавилоне граде», либо «Притча о Навуходносоре»), а также списков только с текстом III эпизода (§ III; условно назван им «Повесть о послаках царя Льва»), считал такое предположение А. Н. Веселовского неубедительным: «Притча о Навуходносоре и Повесть о послаках царя Льва принадлежат, конечно, к одному и тому же кругу Сказаний о пустынном Вавилоне, но нет достаточных оснований утверждать, что Притча и Повесть составляли когда-то одно литературное целое».⁹ Признавая полную справедливость критической направленности этого замечания, следует, однако, внести в формулировку И. Н. Жданова некоторое уточнение, так как именно такой список, в котором «Притча о Навуходносоре» и «Повесть о послаках царя Льва» «составляли <...> одно литературное целое», существует в действительности (РГАДА, ф. 181, № 849), правда, это уже сочинение XVIII в. — цикл Сказаний о Вавилонском царстве, включающий Сказание о царе Артаксерксе, о Соломоне и царице Южской, о Навуходносоре и его сыне Василии и позднюю сказочную обработку Сказания о Вавилоне.

Большинство списков (за редким исключением), на основе которых А. Н. Веселовский воссоздал текст своего «опыта свода», — поздние или передают тексты поздних редакций. Так, текст «редакции» f (термин А. Н. Веселовского),¹⁰ который отражен в трех эпизодах «опыта свода» (§ I, III и IV), является поздним сводным текстом Сказаний о Вавилонском царстве «Особого» типа. Сам А. Н. Веселовский так характеризует «редакцию» f: «Особая редакция „Сказания“, своеобразная в § I, опускающая § II и за § III прибавляющая еще один эпизод, § IV, не встречающийся в других,

⁶ Там же С 157

⁷ Там же С 132—133, 157 Кроме имени «Лев», «во святом крещении Василий» А. Н. Веселовскому известны и другие вариации имени «греческого царя», которые он приводит по всем спискам «Алевуи», «Олеви», «Ливуи» «Ливон» «Улев» «Волуи», «Василий Иванович»

⁸ Веселовский А. Н. Отрывки византийского эпоса С 140

⁹ Жданов И. Н. Русский былевой эпос СПб, 1895 С 151

¹⁰ Веселовский А. Н. Отрывки византийского эпоса С 132

перечисленных выше пересказах. Эта редакция представлена текстом рукописи гр. Уварова, № 66, нач. XVIII века, напечатанной Тихонравовым, „с вариантами по рукописи Забелина“.¹¹ Список, привлеченный А. Н. Веселовским для воссоздания сюжета IV эпизода, датируется началом петровской эпохи: «И доньне та шапка Мономахова в Русском государстве богохранимом, в царствующем граде Москве, у великих князей Иоанна Алексеича, Петра Алексеича всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержцев».¹² Следует, однако, учитывать не только позднее происхождение списка, но и позднее появление самой «Особой» редакции Сказания о Вавилонском царстве, уже испытавшей влияние «Послания» Спиридона-Саввы или «Сказания о князьях владимирских», идеи которых получили широкое распространение и важную общественно-политическую значимость только начиная с 10—30-х гг. XVI в., особенно в царствование Ивана IV Грозного.¹³ Да и в литературной истории «Особой» редакции этот текст, вошедший в состав цикла Сказаний о Вавилонском царстве, занимает далеко не первоначальное место.

В изложении сюжета III эпизода «опыта свода» также встречаются поздние чтения. Этот центральный эпизод воссоздан А. Н. Веселовским на основе четырех «редакций» с, d, e, f, тексты которых, как он пишет, «трудно согласить между собою», и ряд из них — поздние (f — близка сводному тексту «Особого» типа, e — «раскольничьей» (старобрядческой) редакции), а текст d (он выбран за основной) — «сходен с текстом, занесенным в Макарьевские Миннеи Чепы, декабрь, по списку Московского Успенского собора, об. 367 л.».¹⁴ Так, в тексте § III первоначальное название греческой монеты передано как «50 златниц злата», имя посланца «русина Лавер» заменено именем «Исавля словянина», опущено упоминание об «армянском роде» «царицы Александры», а в перечень царских регалий включена «крабица сердоликовая».

«Временное значение» «опыта свода» А. Н. Веселовского стало очевидным после открытия древнейшего списка «Слова о Вавилоне» — ГИМ, Музейное собр., № 2952, который зафиксировал в конце XV в. состояние текста памятника как отдельного произведения и дал возможность скорректировать по нему изложение сюжета III эпизода (§ III). Этим шифром начинался библиографический перечень списков всего цикла Сказаний о Вавилонском царстве в книге В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской.¹⁵ По этому древнейшему списку текст «Слова о Вавилоне» был опубликован в 1953 г. М. О. Скрипилем¹⁶ в сопровождении обзора сводных текстов цикла Сказаний о Вавилонском царстве и их датировки. Отметим два его наблюдения: 1) «...в сводах мы встречаемся уже с более молодыми текстами» «Сказания о Вавилоне граде» и 2) «...к раннему периоду московской литературы, к XV веку, возможно отнести только „Сказание о Вавилоне граде“ (рассказ о греческом посольстве в Вавилон). Остальные же про-

¹¹ Там же С 123 Дается отсылка к изданию Н С Тихонравова «Летописи русской литературы и древности» М, 1859 Т 2 С 161—165

¹² Веселовский А Н Отрывки византийского эпоса С 140

¹³ Дмитриева Р П Сказание о князьях владимирских / Отв ред Д С Лилачев М, Л, 1955 С 108—109, 110 и др

¹⁴ Веселовский А Н Отрывки византийского эпоса С 123, 132 139 Даны отсылки к изданиям А Н Пыпина (ИОРЯС СПб, 1898 Т 3 С 313—320), Н И Костомарова (Памятники старинной русской литературы СПб 1860 Т 2 С 394 396) Н С Тихонравова (Летописи русской литературы и древности М, 1859 Т 2 С 161 162, примеч)

¹⁵ Адрианова Перетц В П Покровская В Ф Древнерусская повесть / Отв ред А С Орлов М Л 1940 (Сер «Библиография истории древнерусской литературы» Вып 1)

¹⁶ Скрипиль М О Сказание о Вавилоне граде // ТОДРЛ М Л 1953 Т 9 С 119

изведения этого цикла, сводные тексты, могли возникнуть никак не раньше второй половины XVI—начала XVII века».¹⁷

Однако и древнейший список «Слова о Вавилоне» не адекватен тому «первичному тексту», о котором писал и который пытался восстановить А. Н. Веселовский.¹⁸ В нем уже утрачены некоторые первичные чтения (искажено, например, название греческой монеты времен крестовых походов: «верапра» вместо «перпер»), еще сохранившиеся в группе списков, относящихся, по нашей классификации, к 1-му виду Первоначальной редакции «Слова о Вавилоне» (хотя они и более поздние); текст его принадлежит к списку 2-го вида Первоначальной редакции.¹⁹ (Литературной истории Первоначальной редакции «Слова о Вавилоне», установлению в ней первичных чтений, возможной датировки ее рубежом XIV—XV вв. и археографическому обзору списков мы посвящаем особую работу.)

В дальнейшем изложении используются краткие итоги текстологического исследования Минейной редакции «Сказания» о Вавилоне.

Как уже отмечалось, среди списков, на основании которых А. Н. Веселовский изложил сюжет III эпизода «опыта свода» (§ III), им упоминался и список Московского Успенского собора — ГИМ, Синод. собр., № 989 (Протасьева — № 787), текст которого под названием «О Вавилоне Сказание» (далее: «Сказание» о Вавилоне) читался в декабрьской книге Великих Миней Четых митрополита Макария в 17-й день. А. Н. Веселовский не отмечал в нем особых отличий от других списков и сближал его сюжет с текстом выбранной за основную «редакции» d. Между тем текст Успенского списка «Сказания» о Вавилоне имеет общие чтения с целой группой списков (всего их нам известно 8 — см. Приложение), отличия которых от текстов Первоначальной редакции «Слова о Вавилоне» имеют, по нашему мнению, все признаки новой редакции памятника, которая была создана в процессе формирования макарьевских Миней Четых около середины XVI в. и еще не привлекала внимания исследователей.

Тексты «Слова о Вавилоне» и «Сказания» о Вавилоне отличаются, на первый взгляд, незначительными искажениями, случайными пропусками и поправками отдельных слов и выражений. Однако эти отличия приводят к стиранию первоначального замысла памятника, влияю на развитие сюжетной линии и носят характер целенаправленного и последовательного редактирования, которое, как правило, проводилось при включении памятников в состав Великих Миней Четых. «О Вавилоне сказание» было включено в годичный круг церковного чтения в день памяти трех святых вавилонских отроков Анании, Азарии, Мисаила и пророка Даниила — 17 декабря. Текст при этом подвергался грамматической и стилистической правке: исправлялись библейские названия, употребление двойственного падежа, сокращались некоторые тавтологические обороты и просторечные выражения, а первоначальное жанровое определение памятника — «Слово...» было заменено на «Сказание...».

Сопоставим несколько основных разночтений «Слова о Вавилоне» Первоначальной редакции и «Сказания» о Вавилоне Минейной редакции. Выше уже приводился пример точного воспроизведения в «Слове о Вавилоне» названия греческой монеты, которой «греческий» царь одаривал своих посланцев в Вавилон: «...еще дать им по 3 перпера злата». В тексте «Сказания»

¹⁷ Там же. С. 125 и 129.

¹⁸ Веселовский А. Н. Отрывки византийского эпоса. С. 122

¹⁹ Текст «Слова о Вавилоне» издан нами по рукописи ГИМ, Музейное собр., № 2952 с исправлениями по спискам 1-го вида в кн. ПЛДР Вторая половина XV века М., 1982 С. 182—187. 596—597 и вновь подготовлен к печати в сер. «Библиотека литературы Древней Руси»

греческое название монеты (очевидно, испорченное или непонятое) заменено поздним чтением: «...еще дать им по три пера злата». В первой фразе «Слова о Вавилоне», восходящей к тексту первоисточника (Жития Макария Римского), говорится о намерении «греческого» царя сначала послать в Вавилон «3 человекы крестьяньскаго роду и сурьскаго», а в «Сказании» первичное чтение истолковано по-новому: «...три человекы христианскаго роду сурожскаго». Замена в «Сказании» «сирийского» — «родом сурожским» вполне объяснима тем весомым значением, которое к XVI в. получили «гости-сурожане», прославленные в Сказании о Мамаевом побоище и в Житии «святого Стефана Нового, архиепископа Сурожскаго», включенном для чтения в ту же декабрьскую книгу макарьевских Миней Четых, в 15-й день.

В результате пропуска слова «рече» и замены чтения «во Индею» Первоначальной редакции написанием «во Иудею», в концовке Успенского списка «Сказания» о Вавилоне (а за ним и в остальных списках Минейной редакции) происходят изменения в развитии сюжетной линии. Сопоставим тексты концовки по древнейшему списку «Слова о Вавилоне» (ГИМ, Музейное собр., № 2952) и Успенскому списку «Сказания» (ГИМ, Синод. собр., № 989/787):

Царь же отголе восхоте ити во Индею. Давид же, царь критский, рече: «Понде на страны полуношныя, на врагы иноверныя, за род крестьянск».

Царь же отголе въсхоте итти в Иудею. Давид же, царь критский, понде на страны полуношныя, на врагы иноверныя, за веру и за род христианский.

Проследим, как эти, кажущиеся незначительными, разночтения влияют на замысел памятника. В обеих редакциях — и в «Слове о Вавилоне», и в «Сказании» «греческий» царь, венчанный на царство венцами, унаследованными от Навуходоносора, дает обещание «близ Вавилона за 15 дней» пути:²⁰ «Аще будет зднамение святых zde, да не отлучюся от Ерусалима, но буду подобник вере крестьянстей и поборник на врагы иноверныя за род крестьянский» (так — в ГИМ, Музейное собр., № 2952; в «Сказании» — вставлено «сих» («святых»), но пропущено — «зде»).

По тексту «Слова о Вавилоне», «греческий» царь, получив от святых отроков знамение, выполняет лишь первую часть своего обещания — не отлучаться от Иерусалима — и, почтив патриарха Иерусалима драгоценными дарами, ограничивается загадочным намерением «ити во Индею». Лишь в конце «Слова о Вавилоне», как совет от имени «царя критскаго» Давида, ему напоминает о необходимости выполнить полностью данное им обещание — быть «поборником на врагы иноверныя, за род крестьянск», и вместо Индии пойти «на страны полуношныя».

В Минейном тексте «Сказания» о Вавилоне, благодаря пропуску слова «рече» и замене «Индею» на «Иудею», происходит изменение сюжетного замысла «Слова о Вавилоне»: «греческий» царь выражает желание вслед за своими дарами и сам идти «во Иудею», а данное им обещание быть «поборником на врагы иноверныя» вместо него выполняет некий «царь критский» Давид. Картину постепенного преобразования текста концовки Первоначальной редакции в Минейную позволяет воспроизвести Новосибирский список «Сказания» (ГПНТБ, собр. М. Н. Тихомирова, № 280), который является архетипом Минейной редакции и, сохраняя еще первичное чтение «Индию», пропускает по ошибке слово «рече». Однако благодаря этому сюжетный замысел «Слова о Вавилоне» полностью разрушался: «греческий» царь ограничивался желанием «итти в Индию», а вместо него дан-

²⁰ Число 15 для создателя «Слова о Вавилоне» — сакраментальное: оно было роковым в судьбе грех вавилонских отроков, их отца, царя Иудеи Иезекии, и Вавилона.

ное им обещание выполнял «Давид, царь критский». Порча текста становится очевидной, и самый простой выход — произвести в слове «Индию» замену букв — был найден при внесении текста «Сказания» в состав макарьевских Великих Миней и его окончательном редактировании. Чтение «Июдею» принято всеми остальными (кроме Новосибирского) списками Минейной редакции, которые так или иначе восходят к списку Московского Успенского собора, очевидно, более доступному, чем Царский. Таким же образом оказываются внесенными в Успенский список (вероятно, через несохранившийся Софийский) все вставки, сделанные на полях и над строкой в Новосибирском списке.

Новосибирский сборник, включающий архетипный текст «Сказания» о Вавилоне, тоже принадлежит к сборникам Минейного типа. Подбор памятников и расположение их в трех частях сборника в хронологической последовательности дней декабря месяца, а также данные палеографического и кодикологического анализа свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что этот сборник является ранней черновой редакцией декабрьской книги Великих Миней Четых митрополита Макария и может быть датирован приблизительно 30—40-ми гг. XVI в.²¹ Новосибирский текст «Сказания» о Вавилоне (под 17 декабря) сопровождается «Словом Кирилла, архиепископа Александрийского, на скончание святых триех отрок и Даниила пророка» так же, как и в Успенском и Царском списках макарьевских Миней; по сравнению с Новосибирским сборником состав Успенской и Царской Великих Миней Четых за 17 декабря был значительно пополнен текстами из Библии (в том числе 14 главами Книги пророка Даниила), переводами Мартирологов из греческих Служебных Миней и Минология императора Василия, Похвальными словами (включая «Слово похвальное» Григория Цамблака, отсутствующее еще в Новосибирском сборнике) и другими памятниками, связанными с днем поминовения «святых мученик триех отрок Анании, Азарии, Мисаила и святого пророка Даниила».

«Конвой» из произведений, сопровождающих «Сказание» о Вавилоне Минейной редакции, существенно отличается от «конвоя» «Слова о Вавилоне» Первоначальной редакции. Древнейший список «Слова о Вавилоне» окружен полемическими Словами «отцов церкви», Посланиями против «еретиков», Индексом «отреченных» книг (с упоминанием «Паралипомена Иеремиина» о пленении Иерусалима, «что орла слали в Вавилон с грамотою ко Иеремии», и книг, «присмелых апостольской церковью»), Видениями (включая Повесть о видении новгородскому архиепископу Иоанну об иконе «Знамение святой Богородицы на Ильине»), а в поздних списках 1-го вида Первоначальной редакции «Слова о Вавилоне» встречается в сопровождении летописных выписок.

В тексте «Слова о Вавилоне» находят отражение некоторые вопросы современной внешней политики Византии, которые утрачивают свою остроту в «Сказании» о Вавилоне Минейной редакции: уходит тема «Индии» и пропадает смысл данного «греческим» царем обещания быть «поборником на враги иноверных» и пойти «на страны полунощныя». Все эти моменты теряют свою актуальность в «Сказании» о Вавилоне, сливаясь с идейной направленностью окружающих его библейских и византийских легендарно-исторических сказаний о прошлом.

В тексте Минейной редакции «Сказания» о Вавилоне еще сохраняется чтение Первоначальной редакции «Слова о Вавилоне» с упоминанием

²¹ Подробнее о составе Новосибирского сборника см. Дробленкова Н. Ф. Ранний вариант декабрьской Великой Миней Четых // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Традиции. М., 1976. С. 386—390.

имени и армянского рода супруги «греческого» царя, «блаженнии» «царици Александрии», «родом арменья наречеся».²²

Однако под 16 декабря в Великие Минеи Четьи включены и трижды повторены тексты с другим именем супруги Льва Премудрого, посвященные «Памяти присновъспоминаемыя царица и чудотворица Феофании, супружницы Льва Премудраго царя», переведенные с греческого из Минология императора Василия, Службных Миней и Пролога.²³ Такое сочетание в составе Великих Миней Четьих под 16 и 17 декабря двух различных памятников с разными именами супруги «греческого» царя Льва Премудрого стало, вероятно, возможным лишь при отсутствии понимания составителями (или редактором?) сути исторического замысла «Сказания» о Вавилоне.

В данной работе нами затронут лишь один из поставленных в «опыте свода» А. Н. Веселовским вопросов, который касается только раннего периода литературной истории цикла Сказаний о Вавилонском царстве. На материале сопоставления двух ранних редакций — Первоначальной и Минейной, тексты которых зафиксированы довольно точно датированными списками («Слово о Вавилоне» — списком конца XV в., а старшие Минейные списки «Сказания» о Вавилоне — серединой XVI в.), мы пытались показать, что это — редакционное преобразование текста одного памятника, находящегося вне «свода». Претерпев на протяжении длительного времени новые редакционные изменения, «Слово о Вавилоне» становится центральным связующим звеном (§ III «опыта свода»), вокруг которого постепенно формируется цикл Сказаний о Вавилонском царстве «Особого», «Сказочного», «Контаминированного» типов

Вне поля нашего зрения остался вопрос и об устной (начальной и поздней) традиции цикла Сказаний о Вавилонском царстве, изучением которого занимались А. Н. Веселовский, И. Н. Жданов и другие исследователи XIX в. и к решению которого в наше время обращались А. А. Зимин, Е. А. Тудоровская, Г. Л. Вендиктов, но это — особая тема.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«О ВАВИЛОНЕ СКАЗАНИЕ»

(Минейная редакция)¹

Основной текст по списку (архетип) ГПНТБ, собр. М. Н. Тихомирова, № 280 (Декабрьская черновая ВМЧ), л. 470 об — 472 Н

Разночтения по спискам

ГИМ, Синод. собр., № 989 (П — 787) (ВМЧ за декабрь, список Успенского собора), л. 307 об — 308 об У

ГИМ, Синод. собр., № 177 (П — 799) (ВМЧ за декабрь, Царский список), л. 439—440 Ц

БАН, Ахангельское собр., № Д 193, л. 375 об — 379 Д

РГБ, ф. 304 (Троице-Сергиева Лавра), № 672 (Четья Минея за декабрь Германа Тулупова), л. 214—217 Г

²² По поводу предположения А. Н. Веселовского, что под «греческим» царем следует подразумевать Льва VI Философа (Льва Премудрого), см. выше, дополнительные наши наблюдения о рукописной традиции и причине исчезновения имени «царици Александрии» из текстов древнерусских памятников после появления в середине XVI в. Никоновской летописи осудившей «армянскую ересь», изложены в статье Дробленкова Н. Ф. «Царица Александрия, родом арменья» в древнерусском легендарно-политическом Сказании // Русская и армянская средневековые литературы. Л. 1982. С. 375—386.

²³ ВМЧ. Декабрь. Дни 6, 17. М. 1904. Стб. 1046, 1047, 1079—1082, 1084.

¹ Список РНБ Q.XVII.198 (O) («Сказание о Вавилоне о хождении»), с его механическими пропусками и поновлениями представляет поздний вариант Минейной редакции (судя по пропуску в трехчастной подписи, восходит к списку Д) и в разночтениях не подводится

ИРЛИ, Р IV, колл Пухальского, № 3, л 217—222
РНЕ, ф 487 (собр Н М Михайловского), Q, № 95, л 58 об —63 об

П
М

^{1а}О ВАВИЛОНЕ СКАЗАНИЕ²

Послание от Ливуя царя, а в³ крещении Василиа, иже посла в Вавилон испытати и взяти знамение у святых трех отрок Анании, Азарии, Мисаила

Первое посла три человеки христианскаго роду сурожскаго. Они же рекоша⁴ «Неподобно нам тамо итти, но послѣ из Грек гречина, из Обеж обожанина, из Руси русина». И посла я, яко же хотяхуть.

Бяше бо близ Вавилона за 15 дний, рече им Василей: «Аще будеть знамение сих святых, да не отлучюся от Иерусалима, но буду подобник о вере христианстей и поборник на врагы иноверныя за род христианский».

Пойдоша 3 мужи Юрий гричин,⁵ Яков⁶ обежанин,⁷ Лавер русин. Ехаша 3 недели до Вавилона. И приидоша тамо и не видѣша града: обрсл бо бяше былием, яко не видети полаты. Они же попустиша коне и наши бяху путь, малаго зверя хождение. Бяше бо в⁸ былии том⁹ елико¹⁰ гравы, а две части гада. Но не бысть страха.

И приидоша к змию. И бяше ту¹¹ лествица от древа кипариса предложена чрез змиа. И написано бяше на ней 3 слова: ¹²гречски,¹³ обезски,¹⁴ руски.¹⁵ Первое слово: // «Котораго человека Бог приведет к лествице...». 2 слово обезски.¹⁶ «Да лезет чрез змиа без боязни...». 3-е слово¹⁷ руски.¹⁸ «Да идет с лествице чрез полаты до часовнице». Бяше бо лествица 18¹⁹ степеней: тако бо бяше толстота змиа того.

Взыдоша горе, оже тамо другая лествица внутрь. Написано тако же. Пойдоша чрез полаты. Бяху полаты полны гада, но не сътвориша им ничто же.

Они же пришедше, влезоша в церковь. Наполнишася благоухания уста их. Бяхут бо многа деяния в церкви написана. И поклонишася гробом святых трех отрок²⁰ Анании, Азарии и Мисаила и рекоша: «Приидом²¹ к вам по Божю изволению и от великаго царя Василиа богохранимаго просити от вас знаменна».

Кубок²² стояше на гробе Ананиине⁶ злат⁸ з каменнем драгим и с жемчюгом украшен, полн мира и ливана, и стекляница,²³ того же не ведахом.²⁴ Мы же вземше²⁵ ис купка того²⁶ быхом весели. И вставше от сна, мыслихом взяти кубок с вином и нести к царю. И бысть глас от гроба в⁹ 27 час дни: «Не възмете знаменна зде,²⁸ но идете в царев дом и възмите знамение». Они ж ужасни быша велми. И бысть им²⁹ глас второе: «Не ужасайтесь, но идите». Они же вставше, идоша.

Бяше бо царева полата в часовнице. И видоша в цареву полату. Видѣша ту⁴ одр стоящ, и ту лежаша два венца царя Навходоносара и царици его. Они же вземше, видѣша грамоту, написану греческим языком. «Сии венци съворени быша, егда Находоносор царь сътвори^с тело злато и постави на поле Деирамьсте.³⁰ // Бяху бо³¹ венци ти от камени самфира, и измаргда, и жемчюга великаго, и злата аравита.³² Сии венци съкравене быста^{*}

¹Перед заглавием на полях ркп зри УЦ, доб Месяца декабря в 17 день М ⁶Конечный слог не написан над строкою ⁸Испр по УЦГДП в ркп зла злата П ⁷Написано над строкою ⁴Написано над строкою ²Далее в ркп следует зачеркнутое слово царь ^{*}Буквы сла написаны над строкой

¹⁻²Сказание о граде Вавилоне Д ³Доб святом П ⁴реша ГП ⁵греченин М ⁶Ияков ДГП ⁷бежанин Д ⁸⁻⁹былистом П ¹⁰ели М ¹¹Нет УЦГДПМ ¹² ¹⁷Нет Д ¹³греческии П ¹⁴обеский П ¹⁵русский П ¹⁶обезский П ¹⁸русский П ¹⁹Доб на десять Д, нет Г ²⁰Нет Д ²¹Идохом Д ²²Доб убо Д ²³сгкляница П ²⁴спяница М ²⁵ведехом П ²⁶Доб и пиша Г испиша П ²⁷Нет П ²⁸Доб день М ²⁹Нет М ³⁰ми Д ³¹Деираме Г, Деире М ³²Доб сокровенне П ^{*}аравитскаго а М

доселе, а ныне положена будета на богахранимом цари Василии и на³³ царици блаженнии Александрии молитвами святых трех отрок¹ Анании, Азарии и Мисаила.⁴

И вшедше в другую палату, видиша запоны и памфиры³⁴ царския, где же приаша руками, то^к все бысть, аки прах. И бяху ту ларци³⁵ с золотом и серебром, украшени зело. И отверзше,³⁶ видевше золото, и серебро, и камени многоценное,³⁷ драгое.³⁸ И взяша^а каменей великих числом³⁹ 20 довести цареви, а себе взяша,⁴⁰ яко же могут отнести. И взяша кубок таков же, яко же три⁴⁰ отрок. И приидоша в церковь и вшедше, поклонишася. И не бысть им гласа, начаша тужити. И взяше от купка⁴¹ и весели быша. И бысть глас заутра свитающи дни неделному,⁴² и рекоша: «Чим умыем лица своя?»⁴³ И узреша⁴⁴ кубок церковный с водою, умывше лица своя⁴⁵ и воздаша хвалу Богу и трем отроком. Отпевше заутренюю и часы, и бысть им глас, яко: «Взяте знамение, поидите путем своим, Богом водими, к царю Василию». Они же поклонишася, испивше по три чаши, поидоша.

И приидоша к змию и прислонивше лествицу, полезоша чрех змиа того. Сын же обежанскы, именем Иаков, запенся с пятыя на десять степени, полете⁴⁶ долу и убуди⁴⁷ змиа. Вьсташа на нем чешуа,⁴⁸ аки волны морския. Они же взяше друга своего, поидоша сквозе⁴⁸ былие, яко с полудне. И видиша⁴⁹ коня своя⁵⁰ и други.⁵¹ Егда начаша вьскла//дати бремя⁵² на своя⁵³ кони, и свистну змий. Они же от страха того^а быша, яко мертви.

А где стояше царь Василей, ожидая детей своих (бяхе бо нарекл себе аки дети), бяхе бо змиа того свист тамо. Падше от страха, ослепли бяху, мнози от стад их измроша, яко до⁵⁴ трех 1000⁵⁵: подошел бо бяхе⁵⁶ за 16 дний. И рече: «Уже дети мои мертви». ⁵⁷ Василей рече: «Еще пожду мату».⁵⁸

Сии же вьставше, аки от сна, поидоша, и постигоша царя за 16 дний. Пришедше, поклонишася ему. Рад бысть царь и вси вои его. И сказаша ему вся по⁵⁹ единому.

Патриарх⁶⁰ же взем два венца, прочте грамоту, возложи⁶¹ на⁶² царя Василии и на царицо Александрию,⁶³ родом⁶⁴ армянныя⁶⁵ наречеса.

Царь же⁶⁶ взем кубок, повели⁶⁷ наполнити сухим золотом и⁶⁸ каменей драгих⁶⁹ 5 и посла в Иерусалим к патриарху. А что⁶⁹ себе принесоша и поведаша все⁷⁰ цареви⁷¹: злаго, и серебро, и камение драгое, и жемчуг великий. Царь же⁷² не взя^{от них} ничто же, но еще дасть им по три пера злата. И отпусти я⁷³ и рече им: «Поидете с миром, где сугь⁷³ отцы ваши и матери. Прославите Бога, и святых трех отрок, и царя Ливуя,⁷⁴ а в⁷⁵ крещении Василии».

Царь же отголе вьсхоте итти в Индию.⁷⁶ Давид же, царь критский,⁷⁷ поиде на страны полунощныя, на враги иноверныя, за веру и за род христианский.

¹ - ⁴ Вписано на полях ркп, в верхнем правом углу листа, наискось книзу ^к Написано над строкой ⁷ Испр по УЦГП, в ркп взязаша ^м Написано над строкой ^н Испр по УЦГПДМ, в ркп шешуа ^о Последний слог на написан над строкой ^п Написано над строкой ^р Испр, в Н драгих ^с - ⁷ Написано на полях ркп со знаком вставки. ^у Испр по УГПД, в ркп а ³³ Нет Ц ³⁴ порфиры ГД ³⁵ Нет Д ³⁶ отверзше М ³⁷ многоценное V ³⁸ златое ГПМ ³⁹ Нет Д ⁴⁰ трих М ⁴¹ Доб испиша П. ⁴² Нет М ⁴³⁻⁴⁴ Нет УЦГПДМ ⁴⁵ Нет УЦГПД ⁴⁶ лете П ⁴⁷ убудися М ⁴⁸ вьквозе Д ⁴⁹⁻⁵¹ кони свои и другия П ⁵⁰ своего Г ⁵¹ другия Г ⁵²⁻⁵³ своя на Д ⁵⁴⁻⁵⁵ тридесять тысяч Г. 30 000 П ⁵⁶ Нет П ⁵⁷ Доб Царь же П ⁵⁸ мало УЦГПДМ ⁵⁹ Нет П. ⁶⁰ Патриарх П Патриарх Д ⁶¹ возложша ГПМ ⁶² Нет П ⁶³ Александру П ⁶⁴ Нет Д ⁶⁵ армянны Г, армянская М ⁶⁶ Доб Василий П ⁶⁷ повеле и УЦГП ⁶⁸ а П ⁶⁹ Доб к УЦГ ⁷⁰ се УЦП ⁷¹ царь П ⁷² Доб великий П ⁷³ Нет ГП ⁷⁴ Ливуя П ⁷⁵ Доб святом П ⁷⁶ Индией УЦГПДМ ⁷⁷ иритский Д, критский П

И. А. ЛОБАКОВА

«Житие митрополита Филиппа»

1. Соотношение Краткой и Пространных редакций Жития

«Житие митрополита Филиппа» привлекало к себе внимание многих исследователей. Правда, обращались к нему, как правило, историки,¹ используя его с большей или меньшей степенью критичности в качестве одного из основных источников при изучении событий 50—70-х гг. XVI в.² Однако традиционно исследователи анализировали текст Пространной редакции Жития. И этому факту есть объяснения.

Во-первых, в рукописной традиции Пространная редакция представлена более чем 130 списками (Краткая существует в единственном,³ по крайней мере пока других ее списков обнаружить не удалось).

Во-вторых, печатались фрагменты текста лишь Пространной редакции.⁴ Только в 1881 г. И. Яхонтов напечатал начальный эпизод Краткой редакции.⁵ В описаниях жизни митрополита Филиппа историками церкви изложение также велось по тексту Пространной редакции.⁶

Специального исследования, в котором сопоставлялись бы Пространная и Краткая редакции, проведено не было. Однако по сложившейся традиции считалось очевидным, что Пространная редакция является первоначальной.

¹ См. Ключевский В. О Древнерусские жития святых как исторический источник. М. 1871. С. 311—312; Уманец Ф. Митрополит Филипп // Древняя и новая Россия. СПб., 1877. Т. 3, № 11. С. 193—210; Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 566—575; Яхонтов И. Жития святых северно-русских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 135—154; Знаменский П. В. Произведения словесной письменности, относящиеся к личности святого Филиппа-митрополита // Православное обозрение. 1882. № 4 (апр.) С. 768—785; Федотов Г. П. Святой Филипп, митрополит Московский. Париж, 1928; Латышева Г. Г. Публицистический источник по истории опричнины (К вопросу о датировании) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974. С. 30—62.

² Садилов П. А. Очерки по истории опричнины. М., Л., 1950. С. 27—29, 32—33; Зимин А. А. 1) Митрополит Филипп и опричнина // Вопросы истории религии и атеизма. М. 1963. Т. 11. С. 269—292; 2) Колычевы и русское боярство XIV—XVI вв. // АЕ за 1963 г. М. 1964. С. 56—71; 3) Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 212—259; Скрынников Р. Г. Начало опричнины // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1966. Т. 294. С. 340—343, 381—410; Латышева Г. Г. Публицистический источник. С. 30—62.

³ РНБ, собр. Соловецкое, № 191/191, посл. треть XVII в., л. 1—24.

⁴ Жития святых Российской церкви. Также иверских и славянских. Месяц январь. СПб., 1857. С. 50—150; Начертание Жития, подвигов и изречений святителя Филиппа II, митрополита Московского и всея России чудотворца. М. 1860; Леонид (Краснопевков). Жизнь святого Филиппа митрополита Московского и всея России // Душеполезное чтение. 1861. Ч. 2. С. 21—83, 127—194.

⁵ Яхонтов И. Жития святых. С. 376—377.

⁶ Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. 3-е изд. СПб., 1884. С. 125, 162; Макарий (Булгаков). История русской церкви. 2-е изд. СПб., 1887. Т. 6. С. 301—312.

При этом исследователи, обращавшиеся к тексту Краткой редакции, отмечали, что собственно фактическая часть в Краткой и Пространных редакциях совпадает.

И. Яхонтов писал: «Рассмотренное житие св. Филиппа, довольно обширное по объему, но бедное по содержанию, неизвестно когда и кем было пересмотрено и подверглось значительному сокращению. Составитель краткой редакции нашел возможным выпустить не только пространное витиеватое предисловие, но и из самой биографии вычеркнул все типические места, разного рода амплификации и риторические фигуры, оставив единственно чисто исторические показания <...> Считаем излишним делать особое сличение этих двух редакций, так как примесь неисторического элемента в пространном, нами уже разобранном, сама собою становится очевидною при прочтении сокращенной редакции. Как исторический источник краткая редакция вполне и с большим удобством может заменить собою пространное Житие; в ней историческая истина представляется прямо взору читателя, тогда как, чтобы узнать ту же истину в житии пространном, требуется умение отличить ее от произвольных измышлений биографа, типических и искусственных черт».⁷

П. В. Знаменский отмечал: «При сравнении этого жития с пространным известной редакции оно оказывается простым сокращением последнего. Когда такое сокращение было произведено, неизвестно, но произведено оно рукою довольно искусною; из старой редакции здесь выпущено сначала все витийственное предисловие автора и таковое же послесловие, затем, в самом рассказе вычеркнуты всякого рода общие фразы и типические черты, обрисовывающие не личность святого, а лишь общий идеал святости, все, служащее только для одного риторства и без нужды тормозящее рассказы; и оставлены одни исторические показания без лишних прибавлений. Переделыватель очевидно желал своим трудом помочь читателю изучить жизнь святителя Филиппа во всевозможной полноте ее фактов, но с большей легкостью и с меньшей потерей времени, чем это возможно было при обширной редакции жития, и надобно отдать ему справедливость — достиг этой цели успешно».⁸

В «Описании рукописей Соловецкого монастыря» читаем: «Краткая редакция, составленная из Пространной. Сокращения особенно велики в изложении досвятительского периода жизни св. Филиппа, потом рассказ делается пространней и ближе к обыкновенной редакции Жития».⁹

И более нигде вопрос о соотношении Краткой и Пространной редакций Жития не ставился.

Хотя еще В. О. Ключевским было отмечено, что Пространная редакция представлена двумя видами: «обыкновенной» редакцией и особой, текст которой дошел в одном списке. Г. Г. Латышева, сравнив тексты Пространной редакции, пришла к выводу, что известная ей в единственном списке (РГБ, собр. Ундольского, № 380) Кольчевская Пространная редакция является первоначальной по отношению к Пространной Тулуповской (зафиксированной более чем 130 списками), которая была дополнена выдержками из «Поучения благого царства» Агапита. Сам факт использования этого публицистического сочинения VI в. была отмечен И. Шевченко,¹⁰ Г. Г. Латышевой было рассмотрено, как включались фрагменты Поучения в текст Тулуповской редакции. Создание Кольчевской редакции Г. Г. Латышева датировала периодом между 1591 г. (датой перенесения мощей Филиппа в Соловецкий монастырь) и 1598 г. (датой смерти царя Федора Ивановича); создание Тулуповской отнесено ею к

⁷ Яхонтов И. Жития святых. С 153—154

⁸ Знаменский П. В. Произведения соловецкой письменности. С 777—778

⁹ Описание рукописей Соловецкого монастыря СПб., 1881 Ч. 1 С. 331

¹⁰ Ševčenko I. A. Neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology // Harvard Slavic Studies. 1954. Vol. 2. P. 166—173

20-м гг. XVII в. (тенденциозность подчеркивания приоритета духовной власти над светской, как решила исследовательница, оказывается вполне в русле идей, складывавшихся при патриархе Филарете).¹¹

При сравнении текстов двух Пространных редакций доказательства Г. Г. Латышевой казались убедительными и не могли вызвать возражений. В обобщающих статьях в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» Р. П. Дмитриевой, писавшей о «Житии митрополита Филиппа», и Д. М. Буланина, статья которого была посвящена Филиппу как автору грамот и посланий, этот уровень решения текстологической проблемы и был зафиксирован.¹²

Тем не менее без привлечения выпавшего из поля зрения (в последние сто лет) текста Краткой редакции вряд ли можно делать окончательный вывод о результатах текстологического исследования.

Данная статья не претендует на исчерпывающую полноту и является лишь этапом в большой работе, которую еще предстоит проделать.

Для сопоставления текстов были использованы рукописные материалы. Текст Краткой редакции приводится по рукописи РНБ, Соловецкое собр., № 191/191;¹³ текст Тулуповской — по рукописи Древлехранилища ИРЛИ — колл. Амосовой-Богдановой, № 12;¹⁴ сверялся по рукописи из колл. ИМЛИ, № 6,¹⁵ колл. Лукьянова, № 41;¹⁶ текст Кольчевской редакции — по подготовленному к печати Г. Г. Латышевой по рукописи РГБ, собр. Ундольского, № 380.¹⁷ При сравнении учитывался также дефектный список Кольчевской редакции, не имеющий начала (рассказ в нем начинается со строительства Филиппа в Соловецком монастыре, чуть более подробного, чем в основном списке по списку Ундольского. Вероятно, ограниченная временем, Г. Г. Латышева не смогла идентифицировать текст и ошибочно посчитала его самостоятельным произведением, которое назвала Повестью о митрополите Филиппе), — РНБ, О.ХVII.15.¹⁸

Проделанный анализ позволяет утверждать, что текст Краткой редакции не является сокращением ни одной из Пространных.

В Краткой редакции не только нет деления на главы (которое есть и в Кольчевской, и в Тулуповской), но сам синтаксический порядок в каждой из редакций самостоятелен. Это прослеживается по всему тексту. В качестве примеров можно привести два фрагмента:

Краткая ред

*Пространные ред*¹⁹

1) «И егда же достиже возраста, вданъ бысть в научение грамоте»

«По времени же родители его своим изрядным представителем повелеваот его вручити художной хитрости — еже божественному Писанию. В том же он со всякою своею сердечною правостию повсядневно во благом том

¹¹ Латышева Г. Г. Публицистический источник. С. 30—62.

¹² Дмитриева Р. П. Житие Филиппа митрополита (Кольчева) // Словарь книжников. Вып. 2. ч. 1. С. 342—344; Буланин Д. М. Филипп // Там же. Ч. 2. С. 466—470.

¹³ Конволют XVII—XVIII вв., л. 1—24, где читается текст Жития, имеют филигрань «голова шута». Точного аналога обнаружить не удалось. Причем, если по форме колпака, выделенному двумя линиями вороту с пятью зубцами, завершенными колокольчиками, филигрань Соловецкой рукописи оказывается близка тем, что имелись на бумаге, датированной 1639—1659 гг., то по завершению пирамиды из пяти шариков и начертанию двух с трудом просматривающихся букв она ближе бумаге 1660—1680 гг. (однако сама пирамидка с буквами во всех указателях встречается только у шута с воротником с 7 зубцами).

¹⁴ Рукопись 40-х гг. XVII в.

¹⁵ Рукопись середины XVII в.

¹⁶ Рукопись 1-й половины XVII в.

¹⁷ Рукопись второй трети XVII в. Пользуясь случаем благодарю Г. Г. Латышеву за любезно предоставленный машинописный текст Кольчевской редакции.

¹⁸ Рукопись конца XVII в.

¹⁹ В приводимых фрагментах тексты Кольчевской и Тулуповской редакции совпадают.

училиши простираяся, на игры же пустошныя, яко же обычай есть детям, никакко же устремяшеся. Но паче же благоу часть избираше, его же благодать Божия осеняше, и ясно вразумляется книжному учению. От него же сокровища премудрости и разума, сокровенно веселия причащается, яко же святопеленцу вкус: „коль сладка словеса твоя, паче меда устом моим“».

2) «По неколице же времени преставися великий князь Василей Иванович, во иноцехъ Варлаамъ. По нем же приемлетъ отчее достояние сынъ его Иванъ Васильевичъ — скипетръ царствия».

«Предварившая же светозарная та звезда от нашего зрениа сокрывается выспрь, къ праведному Солнцу-Христу в вечныя сияния: кроточюдный и в добродетелех пресветлый великий государь и великий князь Василей Ивановичъ всея Росии, во ангельском образе Варлаамъ, изводит от жития сего общий долг смертный, облак и гроб покрываетъ ему любодаровитыя очи. И яко есть останок человеку мирну, и семя его в благословении будет, два убо прекрасна цвета своя он зде возводит во отчее и деднее наследие, благочестивого своего царьскаго корени две отрасли оставляет: величайшаго Ивана Васильевича всея Росии и юнейшаго Георгия Васильевича всея Росии. И по мале времени восприя царския скипетр, отчее наследие, — достохвалный Иван Васильевичъ всея Русии».

Хотя принято говорить о риторической украшенности вступления и заключения в Пространных редакциях, но очевидно стремление создателя Пространных обо всем «в лепоту рещи».

Несмотря на то что в значительном числе фрагментов тексты Тулуповской и Кольчневской редакций совпадают (часто — дословно), что позволяет возвести их к общему источнику, но между ними есть и существенные отличия, которые уже были отмечены исследователями. Составителем Кольчневской редакции были опущены эпизоды — и иногда довольно значительные по объему: рассказ о жизни Федора на озере Онего (на пути из Москвы к Соловецкому монастырю), о мольбе новгородцев заступиться за них перед царем Иваном Васильевичем, о лжи анагноста на Филиппа, о столкновении Филиппа с царем в Новодевичьем монастыре, о долгих размышлениях игумена Иакова перед написанием послания к Федору Ивановичу о возвращении тела Филиппа на Соловки и само послание его царю; отсутствует список иерархов, принимавших участие в Соборах, и др.

Краткая редакция по своей сюжетной схеме совпадает с Тулуповской: рождение Федора — его учение — уход в Соловецкий монастырь через Онежскую землю — труды в монастыре — принятие пострига — поставление в игумены — строительная деятельность Филиппа — призвание его в Москву после смерти Макария и ухода Афанасия с митрополичьей кафедры — мольбы новгородцев о заступничестве — торжественная встреча Филиппа в Москве — нежелание быть митрополитом — наставление Филиппом царя — решение государя об учреждении опричнины — созыв Священного собора — отказ благословить царя на разделение царства — столкновение в Успенском соборе — обличение Филиппом царя — ложь анагноста — столкновение в Новодевичьем монастыре — посольство на Соловки за ложными слухами о Филиппе — прибытие лжесвидетелей и «злосмрадных» свитков в Москву и чтение их пред царем — срывание с Филиппа риз в Успенском соборе и его пророчество — унижительная отправка Филиппа в Богоявленский монастырь — поставление Филиппа перед лжесвидетелями и его отповедь — заточение и чудесное избавление от оков в обители Николы Старого — принесение Филиппу головы его казненного брата Михаила Кольчневца — заточение в Твери — предчувствие смерти — появление Малоты Скуратова с требованием благословить поход на Новгород Ивана Грозного — отказ Филиппа — его смерть от руки опричника — спешное захоронение Малотой Филиппа — решение соловецкого игумена Иакова обратиться

к Федору Ивановичу с просьбой передать тело Филиппа соловецкой братии — проезд в Тверь — обретение мощей Филиппа — захоронение у стены Преображенского собора Соловецкого монастыря.

По сравнению с Краткой в Тулуповской редакции есть эпизоды (которые содержатся и в Кольчешеской) о том, что Филипп был поставлен в игумены дважды (после первого поставления он отпросился у игумена Алексия в пустынь), о праведности соловецкой братии, а также содержащийся только в Тулуповской редакции эмоционально-напряженный рассказ о решении Иакова писать царю Федору послание, повествование о трех чудесах у мощей Филиппа в Соловецкой обители (которое сохранено подавляющим большинством списков).

Нельзя считать Краткую редакцию и лаконичным пересказом ни одной из Пространных.

Так, пересказом Кольчешеской Краткая быть не может, ибо в ней содержатся эпизоды, в Кольчешеской отсутствующие (уже названные — рассказ о жизни Филиппа на Онежском озере по пути к Соловецкому монастырю; ложный донос анагоста на Филиппа; сцена столкновения Филиппа с царем в Новодевичьем монастыре; список церковных иерархов, принимавших участие в Соборах, и др.).

Нельзя считать Краткую редакцию и пересказом Тулуповской (как аргумент полагали исследователи XIX в.): в тексте Краткой содержатся некоторые общие чтения с Кольчешеской в тех фрагментах, которые в двух Пространных редакциях не совпадают:

Краткая ред

1) «Святый же Филипп-митрополитъ нача молити царя, еже престати от такового начинания И начати ко царю от божественнаго Писания глаголы предлагати и по семь рече „Никако же на таково дело несть и не будет нашего благословения!“»

2) «Царской убо синьклитъ обязали ся куплями житейскими, изъделели славы тленныя и мира!»

3) «Долготерпеливый же страдалец и пастырь словесных овец не бояся прещения, ни мукъ предложения но полагаше душу свою за порученное ему от волки стадо словесных овец и рече Благий царю “»

Кольчешеская ред

«Истинный же пастырь, Филипп-митрополит нача молити благочестиваго государя, дабы государь престал от такового неугоднаго начинания Богу и всему православному христианству И вспомяну ему евангельское слово „Аще царство на ся разделится, запустеет“ И ина многа глагола со многими слезами „И никако же на таково дело несть и не будет наше благословение!“»

«И на се ли взираете, еже молчит весь царской синьклит — все бо суть обязалися куплями житейскомми и вожделени мира тленнаго! Нас же Господь »

«Долготерпеливый же пастырь не бояся прещения ни мукъ предложения но полагаше душу свою за порученное ему стадо Владыки своего словесное стадо моля и запрещаю »

Тулуповская ред

«Блаженный же Филипп приступль к царю и рече „Благочестия хранителя свемь тя, и истинне поборника, и православию снабдителя, и своєю державы смотрителна правителя И никто же, ничто же иже на твою державу зло совещиваетъ свидетель есть — всевидящее Око! О царю, мы бо от отец нашихъ прияхомъ, еже обчно есть — царя чтити, и еже к нему благоразумие — паче всего почитати Престани от такового начинания Держися еже от начала твоего изволения, и хотения, и разума, стани крепче на камени веры, на немъ же добре от Господа основанъ еси подражай добротелемъ “»

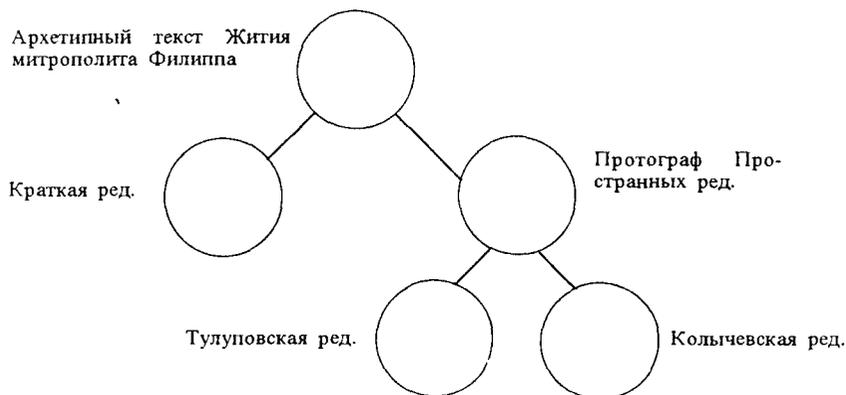
«И на се ли взираете, еже молчитъ царской синьклитъ — они бо обязалися куплями житейскими Нас же Господь »

«Долготерпеливый же пастырь не бояся прещения ни мукъ предложения и рече Царю благий! Вашемъ повелению »

Совершенно очевидна близость Краткой редакции к Кольчевской в этих фрагментах.

Таким образом, можно сделать вывод, что в тексте, к которому восходят обе Пространные редакции, эти чтения были.

Проведенное сопоставление делает возможным предложить следующую стемму:

Можно с известной долей уверенности предположить, что в архетипном тексте «Жития митрополита Филиппа» присутствовала новгородская тема (просьба новгородцев заступиться за город, ввапший в немилость к государю), рассказ о строительстве Филиппа в монастыре имел хронологическую последовательность (рассказ о постройке Успенского собора, гидротехнических работах, строительстве Преображенского собора), содержались эпизоды с наговором анагноста и сцена столкновения Филиппа с царем в Новодевичьем монастыре, упоминались имена церковных иерархов, принимавших участие в соборах, обличения Филиппом царя.

Соловецкий список Краткой редакции подверг текст своего источника очень незначительной переработке.²⁰

Поскольку в обеих Пространных редакциях читаются дополнения к архетипному тексту, источником которых, как уже вскользь отметил И. Яхонтов, были «Житие Александра Свирского», «Житие Александра Ошевенского», «Житие Михаила Тверского», то очевидно, что в протографе Пространных редакций и были сделаны эти добавления.

Тулуповская редакция подвергла текст своего источника меньшей обработке, Кольчевская — большей, при том, что редактором Тулуповской в текст протографа оказались введены обширные речи Филиппа, в которых было использовано «Поучение благого царства» Агапита.

Необходимо отметить, что в каждой из трех редакций Жития — Краткой, Кольчевской и Тулуповской совершенно по-разному осмысливаются и роль Филиппа, и образ Ивана Грозного.

«Слышав же отрокъ Феодоръ о Соловецкомъ монастыри в морскомъ отце во стране северной — о обители преподобных отецъ Зосимы и Саввatea, и отиде от царствующаго града Москвы...» — так повествуется о решении Федора в Краткой редакции. Федор покидает Москву в июле 1537 г. Историками отмечалось, что толчком для его ухода стали события апреля — июня 1537 г., когда Кольчевы оказались в опале: были каз-

²⁰ В нем очень мало вторичных чтений: они отмечены в подготовленном к изданию в «Библиотеке лигатуры Древней Руси» тексте Жития.

нены сторонники князя Андрея Старицкого двоюродный дядя Федора Гаврила Владимирович, родные дяди Андрей и Василий Ивановичи. Иван Иванович Умной-Колычев, конюший князя Георгия Васильевича, пытан, брошен в тюрьму. Позже был освобожден, принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре под именем Сергия (упоминается в известном Послании Ивана Грозного). Однако вероятно, что Федор с юности готовил себя к монашескому служению: представитель знатного, богатого, могущественного рода, не обладавший «телесными пороками», он до 30 лет не был женат.

В Пространных редакциях (и в Колычевской, и в Тулуповской) решение приходит к Филиппу внезапно. «Егда же приспе в совершенство мужа — в тридесат лет возраста своего, во един убо от дней вшедшу ему в церковь во время божественнаго гласования и слыша чтуща иерея на литургии святое Евангелие: „Не мощно убо человеку едином оком на землю зрети, а другим — на небо, ни двема господинома работати“ (в Тулуповской добавлено «шобо единого возлюбить, а другога возненавидити, или единого держитя, о друзем же нерадети начнеть»). — *И.Л.*) обаче убо уязвися сердцемь премудрый Федорь, яко к нему се речеса...». После этого в Пространных редакциях Федор «вспоминает о лавре преподобных и богоносных отець нашихь Зосимы и Саватия». Создатель Пространных редакций подробно описывает праведность и истовость служения иноков Соловецкой обители (причем эта многословная похвала читается дважды — после «вспоминания» Федора и в описании его прихода в Соловецкий монастырь): «Бяше убо тамо шум празднующих и глась радованен в крове праведных тех мужь Зосимы и Саватия и спостника их Германа, иде же духовнаго сада добродлиствия красни отрасли воцвѣтают от негиблющих аромать, еже от божественных Писании и о Бозе исправляют агтелообразное свое воображение, иже многи к тому добросадному и не завистному селу с верою притекають на исправление своим единокродным и безсмертным душам, не токмо иноцы, но и мирстии людие ту же всякое истерзають терние греховное и о душе просвящаются избобильно же, и богатномысленным масломь, и изрядно выспрь к Богу взирають...».

В Краткой редакции о трудах Федора в Соловецкой обители перед пострижением говорится как об обыденно тяжелой работе: «...дрова секий, и землю копая, и камене нося, и всяку работу монастырскую работаше». В Колычевской его труды лишены какой-либо конкретности: «...повелено бысть сему Феодору тружатися в монастырских службах со инеми благородными придящеми тружающимися. Онъ же нача тружатися Бога ради со всяцем усердиемь и послушанием, аможе повелено бысть ему до полутору году. И многи скорби и труды подья, яко безискупный раб, никим же неведом бяше». В Тулуповской труды Федора описываются как великий подвиг смирения, кротости и тяжести: «...и многи скорби и труды подья, яко бе изкупный раб работая, лето и поль. И вящше и бе удивлено видети, яко такову родителю честну чадо и славьну, и в мяхкости и въ покое воспитанъ, таковымъ жестокиимъ деломъ себс вдаваше: дрова убо секий, и землю копая во ограде, и камене преноса, и в рыбных ловитвахъ всяку тяготу подья. И на вся таковая со тщаниемъ делаше, многощи же и гной на плещу своею нося, и на устроение зелию полагаше, и на мельницы со всяким тщаниемъ работаше многощи ж от неразумных человекъ уничижаемъ и биемъ, но и правомъ всемъ подражая владыки своего Христа, унижаемъ — не гневашеся, биемъ — радовашеся, со смиренномудриемъ вся терпяше. И не бе знаемъ ни оть кого же, кто и откуду естъ».

В Краткой редакции рассказ о поставлении Филиппа игуменом лишен всяких подробностей: «Гоя же обители игумень Алексий в то время уже престарая, поручает же сему Филиппу власть свою. Такожде и вси братия возлюбиша его и избраша. И идоша с нимъ в великий Новъградъ ко архиепископу Феодосию. И тамо поставлень бысть игуменомъ от архиепископа Феодосия, и отпушень вскоре во обитель».

В Кольчезской и Тулуповской редакциях в пространным повествовании о поставлении Филиппа переплетаются подробно разработанные мотивы избранничества Филиппа («Архиепископъ же рече: „Почто его не вижу?“. Бе бо ему и преже пришествия его ведомо, каковъ бе!»; «Се отецъ вашъ. Имейте его во Христовъ образъ, и со всякимъ послушаниемъ покарайтесь ему!») и его полнейшего смирения (Филипп долго отказывается от игуменства, когда его молят Алексий и братия; став игуменом, уходит в пустынь, и после смерти Алексия его благословляют на игуменство во второй раз, вновь преодолевая его сопротивление). Мотив этот в Пространных редакциях оказывается сквозным (так же подробно описываются плач и отказы Филиппа от митрополичьего престола, сетование на недостойность и т. п.).

Во всех трех редакциях рассказывается о строительной деятельности Филиппа в Соловецкой обители. Не останавливаясь сейчас на вопросах собственно строительства (быстроты, высочайшего уровня мастерства, точной реализации передовой не только для XVI, но и XVII в. технологии и принципов гидротехнических работ), подчеркнем зафиксированную Житием добрую связь монастыря с московским государем. Хотя в текстах ничего не говорится о пожертвованиях Ивана Васильевича в Соловецкую обитель (и денег, и крестов, и одеяний, и книг), но отмечено, что в храме Успения Богородицы Филипп «прегради престоль Иоанна Предтечи» — во имя небесного покровителя Ивана Васильевича; в Преображенском соборе наряду с престолами 12 и 70 апостолов, собора Михаила Архангела, Зосимы и Савватия создаются престолы во имя Иоанна Лествичника (небесного покровителя старшего сына Ивана Грозного) и Федора Стратилата (покровителя младшего сына от Анастасии Романовой Федора Ивановича). Филипп «украши святыми иконами, и священными сосуды, и книгами, и всякимъ церковнымъ украшениемъ» построенную церковь. Т. е. начальные отношения царя и Филиппа строятся на основе «нелицемерныя любви», взаимной приязни и уважения (во всех трех редакциях об этом говорится в описании первой встречи государя с соловецким игуменом, призванным в Москву «для исправления духовных»). Но далее во всех трех редакциях о развитии взаимоотношений царя и святителя повествуется по-разному.

В Кольчезской редакции Филипп выступает в роли просителя: обращения его к царю чаще всего предваряют слова: «и моли», «нача молити», «и глагола со многими слезами», «и припаде с тихою дерзостию, умилно веща» и т. п. Оппонентом Филиппа в этой редакции выступает не царь (он в ней везде именуется как «благоверный», «благочестивый», «достохвальный»), а сам дьявол и «греховное, нерадивое» человеческое естество. «Исконному злодею, началопагубному пресиятому змию, лукавому хищнику, древнему завистнику, прелестному шепотнику, сатане проклятому» (обличению дьявола и его тмообразных бесов отводится два рукописных листа) удастся подчинить себе людей. «...та вражие наветы и до самыя царевы советныя полаты дойде. И велможи межъ себя содеявше ненависть за возлюбление, и гордость вознесоша, и злами своими гнусными умышлениями друи на друга, аки змии, распыхаются... И самого благочестивого, и кроткого, и всещедрого державного государя-царя и вели-

кого князя Ивана Васильевича вся Русии возмутиша зелне на гнев, и ярость сами на ся воздвигоша, и человеконенавистием подстрекашешя...». Речи Филиппа к царю в Колычевской редакции по форме чаще всего — оправдания и мольбы: «О царю-свете, сиречь православия вседержавный наш государь! Умилися! Разори, государь, многолетное свое к миру негодование напрасное, призри милостивно, помилуй нас, своих безответных овец!», «А тебе, государю, мы не изменники», «Умилосердися, светлейший и многохвалный государю ко своим подручником и повинным нам, сиротам... Аще, государь, не велиши престати от сея крови и обиды, взыщет сего Господь от руки твоя. Сам ты, государь, мудрый царь, наипаче меня, многогрешнаго, вся сия веси... имею попечение о твоей единокровной и безсмертной души».

Текст Тулуповской редакции на первый взгляд кажется наиболее остропублицистическим. Однако необходимо отметить, что главный предмет обличений Филиппа — злые советники: «наветники хитры», «злу исповеднищы». Именно они все время подвигают царя на гнев: «Наваднищы же безумнии, соблазнь имеяху, богомерьская угождения творяху, не радуются о благочестии и о смиреннии мира, но паче тщатся озлобити православное христианство и на гнев превратити православнаго царя для своея мотекущая чести и славы». «Убойся, о царю, Божия суда!.. Добре рече богогласный песнопевец: „Отвращайся ласковцевъ лестных словес, яко и врановъ хитателных нравы. Они бо телесных ископовають очеса, сии же — душевныя. Ослепляють мысли, не погуцающе видети вещемъ истинны. Овии бо хвалят суцая хулы достойны, друзии же хулят многожды хвалы достойныя...“». Во всех обращениях Филиппа к царю в Тулуповской редакции наблюдаются два основных мотива — обличение злых советников и призыв к милосердию и любви («Аще убо царю и образом Божиимъ почтень еси, прощения греховъ требуеши. Прощай и к тебе согрешающыя, яко прощению дается прощение...»), «Христос бо сказа: „Заповедаю вам — да любите другъ друга“. Болше сия заповеди никто же имать! И божественнымъ его учеником сему же согласующу...», «Государь яко ратнымъ показуеть власть, покоривымъ же даеть человеколюбие» и т. п.). Главными врагами Филиппа в Тулуповской редакции становятся «шотии же предстателие, нечестия сокровеннии, плевелы сеятелие, теплии злобы служителие». Государь, в известном смысле, такая же жертва их, как и Филипп.

В Краткой редакции нет стремления перенести большую часть вины с Ивана Грозного на его окружение, ибо единственно он — главная сила творимого зла: и Малюта, и Грязной, и Пимен, и Басманов — лишь покорные исполнители его воли. Не имея возможности привести много примеров (ограниченные объемом статьи), отметим маленький, но, на наш взгляд, достаточно яркий фрагмент. Все три редакции содержат рассказ о том, как Филипп отказал царю в благословении. В Колычевской этот эпизод читается так: «...прииде ту в соборную церковь пречистыя Богородицы благоверный государь-царь к соборному пеню. Святителю же...». В Тулуповской этот фрагмент имеет следующий вид: «Та же прииде ту в соборную церковь пречистыя Богородицы царь к соборному пеню в черные ризы оболчен. Тако же и прочии одеяни». В Краткой сказано иначе: «Царь же прииде к соборному пеню, оболчен в черные ризы. Тако же и прочии подобницы злу». Филипп нравственно противостоит царю Ивану, причем противостоит без злобы и ненависти, борясь с самим Иваном за доброе в его душе. Неизменный противник крови, ненависти и беззакония Филипп в Краткой редакции ведет с царем диалог, причем в этом диалоге реплики обусловлены друг другом. «Царь <...>

рече: „Что тебе, чернцу, дело до наших царских советов? Не веси ли того, что мои меня хотят поглотити?“. Святый же рече: „Чернецъ моему владыце — Христу, якоже глаголеши. По данней же нам благодати от Пресвятаго Духа, по избранию Священнаго собора и по вашему изволению — пастырь есмь Христовы церкви. И едино есмь с тобою, еже должно имети о благочестии“. Царь же рече: „Едино ти, отче святой и честный глаголю: «Молчи!». А нас на се благослови по нашему изволению“. Святый же рече: „Наше молчание грехъ души твоей налагаетъ и смерть наноситъ! Егда убо корабленикъ соблазнится — малу приноситъ пакость, а егда кормчий соблазнится — всему кораблю творитъ погибель!“...». В Тулуповской редакции диалога нет: реплики царя становятся толчком для новых монологов Филиппа. Ответ Филиппа царю в Тулуповской редакции в этом эпизоде читается так: «Благочестивый царю! Наше молчание грехъ души твоей налагаетъ, и всеродную наноситъ смерть. Яко же и о плавающих речеся: „Егда корабленикъ соблазнится — малу и худу приноситъ пакость плавающимъ с нимъ, егда ли кормчий — всему кораблю творитъ погибель“. Аще ли же мы воли человечестей последовати будемъ, како речем в день пришествия Господня: «Се аз, Господи, и дети, яже ми еси даль!» Ибо Господу рекшу во святемъ Евангелии: «Си есть заповедь моя — да любите другъ друга, яко же возлюбихъ вы. Больше сея любве никто же имать»“». И далее (на протяжении одного рукописного листа) следуют рассуждения о заповеди христианской любви и обличения «пъстецъ злопыхателныхъ», хвалящих «хулы достойно».

Филипп в Краткой редакции — равный противник царя: автор, словно подводя итог столкновению митрополита с Иваном Васильевичем, говорит: «...где убо ни сошедшимся има — словеса мирна не глаголаша, доблий же страдалецъ сего не убоися и не умолча!» — т. е. молчать не могли оба. В Тулуповской этот фрагмент имеет вид: «...где убо ни сошедшеся — слово мирно ко святому не глаголаше. Доблий же страдалецъ ни сего убоися, умолча» — т. е. царь не произносит добрых слов. В Кольчевской читаем: «И многа словеса промежь има быша жестока, и неудобъ писанию предати» (нужно отметить, что автор Кольчевской пользуется этой таинственной фразой «неудобъ писанию предати» несколько раз, и в большинстве случаев не совсем к месту).

В Краткой редакции традиционный для житийной литературы конфликт царя-мучителя и святого перенесен в область нравственно-политическую: именно отсутствие нравственного начала в политике и делает Ивана Грозного в изображении автора Жития царем-мучителем.

Интересно, что в этом Житии большое значение придается «историческому фону»: так, строительство в Соловецком монастыре помогает раскрыть созидательную силу в образе Филиппа; трагически звучит в Краткой (чуть более размыто в Тулуповской) тема Новгорода (мольбы к Филиппу о заступничестве на его пути в Москву — тема предательства Филиппа новгородским архиепископом Пименом — гибель Филиппа, отказавшегося благословить поход на Новгород Ивана Грозного, который завершился гибелью самого Новгорода как центра культуры Северной Руси); тема мучения и гибели людей «разделенного царства» (и добрых, и злых) и др.

Создание архетипного текста — Краткой редакции «Жития митрополита Филиппа» может быть отнесено ко времени между 1591 (временем перенесения на Соловки мощей Филиппа) и 1597 г. (датой перевода игумена Иакова, постриженника Филиппа, с 1579 г. — игумена Соловецкого монастыря, главного инициатора перенесения мощей Филиппа из Соловецкого в Костромской Ипатьевский монастырь).

Поскольку в Краткой достаточно точно передан текст архетипа, то в ней нет оговорки: Филипп ведет строительство храма Зосимы и Савватия в Москве не «в патриархии» (как в Пространных), а «в митрополии». Не именуется и Соловецкий монастырь «лаврой». И еще одно. В пророчестве Филиппа о будущих митрополитах говорится: «Ниже аще хто от нихъ погребен имать быти» (речь идет об Успенском соборе). Известно, что после низложения Филиппа митрополитом в ноябре 1568 г. стал Кирилл, до того бывший архимандритом Троице-Сергиева монастыря, оказавшийся безмолвным свидетелем жестокостей царя. В 1572 г. он был погребен в Новинском монастыре. Антоний, сменивший его на митрополичьей кафедре (а до того бывший архиепископом Полоцким), умер в начале 1581 г. и был погребен вне Москвы; Дионисий, хиротонисанный из игуменов Хутынского монастыря под Новгородом в 1581 г., в феврале 1586 г. был «отослан» туда же, в Хутынь, где и умер. Иов через два года после поставления на митрополичий престол стал патриархом (в 1589 г.) и был похоронен в Успенском соборе в июне 1607 г. В Тулуповской также содержится это пророчество, поэтому, вероятно, и протограф Пространных редакций был создан до 1607 г.

О. А. БЕЛОБРОВА

Две редакции жития Антония Дымского

В трудах по отечественной агиографии, вышедших с 1860-х гг.,¹ неизменно сообщалось о редкости списков жития Антония Дымского, «ученика Варлаама Хутынского», и о позднем происхождении этого сочинения. Историки отмечали присущие житию анахронизмы, вымышленные имена персонажей XII и XIII вв., ставили под сомнение вопрос, были ли Варлаам Хутынский и Антоний Дымский современниками, существовал ли вообще последний. И в наше время остаются неостребованными убедительные соображения историка И. П. Мордвинова: «Житие Антония, сочиненное в конце XVII в. или в начале XVIII в., <...> представляет собою наивный вымысел, канвою для которого послужило сказание о хождении Добрыни Ядрейковича, впоследствии архиепископа Новгородского Антония в Царьград Составитель, пользуясь позднейшею редакциею жития Варлаама Хутынского, <...> отождествил дымского подвижника с Добрынею, — и отсюда получился целый ряд несообразностей, особенно в датах...».² В неопубликованном труде И. П. Мордвинов отметил: «Живучесть имени Антония, донесенного устным преданием, далее закрепленного письменными памятниками, уверяет все-таки, что Антоний действительно существовал».³ Уместно вспомнить здесь следующие соображения Д. С. Лихачева: «Если в древнерусских произведениях и встречаются вымышленные лица, то древнерусский писатель стремится уверить своего читателя в том, что эти лица все же были. Вымысел — чудеса, видения, сбывающиеся пророчества — писатель выдает за реальные факты, и сам в огромном большинстве случаев верит в их реальность».⁴

Время составления жития Антония Дымского одни относили к XVII в. (Филарет, Мордвинов), другие к концу XVIII—началу XIX в. (Ключевский, Леонид). В распоряжении ученых находились сравнительно поздние единичные списки, впервые отмеченные в печатных каталогах: Ключевский, напри-

¹ Филарет архиеп Русские святые чтимые всею церковию или местно Опыт описания жизни их // Черниговские епархиальные известия 1861 Приложение Месяц январь С 80—82, Ключевский В. О Древнерусские жития святых как исторический источник М, 1871 С 144 Барсуков Н. П. Источники русской агиографии СПб 1882 Стб 44 Леонид, архим Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и местно чтимых Справочная книжка по русской агиографии СПб, 1891 С 48 49 и 52 53 Голубинский Е. Е. 1) История канонизации святых в русской церкви 2-е изд испр. и доп М 1903 С 142 2) История русской церкви М 1881 Т 1, ч 2 С 637 638

² Мордвинов И. П. Старый Гихвин и Нагорное Обонежье Исторический очерк Тихвин 1925 С 13

³ Архив ФИРИ РАН ф 89 (И П Мордвинов) оп 1 № 18 Мордвинов И. П. Мо настырь Антониев на Дымях (автограф) Л 8в (далее Мордвинов Монастырь Антониев)

⁴ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д. С. Избр работы В 3 т Т 1987 Т 3 С 109

мер, знал только одну рукопись из собр. Ундольского;⁵ Барсукову были известны два списка (он ссылался еще на киевскую рукопись, указанную Н. Петровым).⁶ Долгое время оставались почти неизвестными списки жития, оседавшие в коллекциях собирателей и знатоков старинных рукописей (И. П. Сахарова, А. С. Уварова, И. А. Шляпкина, князей Мьппецких, П. А. Тиханова, Е. В. Барсова, Е. Е. Егорова и др.). Некоторые списки жития бытовали на Севере; одни стали достоянием археографов старшего поколения, другие выявлены при каталогизации архивохранилищ. В настоящее время нам известно не менее 35 списков жития Антония Дымского⁷ в Петербурге — 17, в Москве — 13, в Новгороде — 3, по одному в Киеве и Саратове.

Списки жития Антония Дымского, происходящие определено из новгородских пределов, долгое время не привлекали внимания. В известном обзоре архим. Макария⁸ вообще не упоминаются рукописи Дымского монастыря. А между тем об их существовании неоднократно сообщалось при описании этой отдаленной обители. Так, иером. Иоанн отмечал еще в 1860-е гг.: «Главным источником сказаний о нем (Антоний Дымском. — О Б.) и руководством при составлении Историко-статистического описания обители Дымской служила мне рукописная книга XVII века с житием преподобного Антония (разрядка моя. — О Б.), заменяющая ныне монастырский летописец, утраченный в эпоху нашествий шведов на наше Отечество»⁹ Несмотря на это сообщение, подкрепленное обширной цитатой из жития, долгое время никто не обращался к этой рукописи; о ней напомнил, пожалуй, только священник Михаил Смелков, пересказавший в 1905 г. содержание брошюры Иоанна (по ее 11-му изданию, 1901 г.).¹⁰ Нам удалось обнаружить эту и вправду редкую рукопись в собрании историка-архивиста и этнографа И П Мордвинова в РО БАН: это сборник под № 11 кон. XVII — нач. XVIII в. (далее: сборник М) — самая ранняя рукопись со списком Тропаря Антонию Дымскому и его жития, с подписью: «Сия книга Антония Дымскаго, угодника Божия, казенная»;¹¹ ряд помет на полях сборника совпадает с замечаниями иеромонаха Иоанна, возможно, они сделаны его рукой.

⁵ Виктор А Е Славяно-русские рукописи В М Ундольского М 1870 Стб 216 Шифр РГБ, собр Ундольского, № 281

⁶ Петров Н Описание рукописей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии Киев, 1879 Вып 3 С 577—578, № 584 Шифр ГПБ АН Украины, собр Киевской духовной академии, № 584

⁷ В С-Петербурге БАН, собр Мордвинова, № 11, 33 6 13, собр М И Успенского, № 116, собр Устюжское, № 84, собр Тихвинского монастыря, № 11 и 13, РНБ, собр ОЛДП, Q 189, Q 11354, собр Тиханова, № 200, 596 и 782, собр Александро-Невской лавры А-51, собр Новгородской духовной семинарии, № 6814, ИРЛИ, Древлехранилище, оп 23, № 195 и 232, РГИА, ф 834, оп 3, № 3871, Науч 6-ка СПб духовной академии, № 20 В Москве РГБ собр Ундольского, № 281, собр Егорова, № 1220, 1462, 1314, 1417, Музейное собр., № 4306, 9106, ф 218, № 875, ГИМ, Музейное собр., № 1196, 1510, собр Уварова, № 251, собр Барсова, № 880, РГАЛИ, ф 1388, оп 1, д № 10, Новгородский музей-заповедник КП № 25982/12087, КП № 30056-42 и ОПИ № 23982/12087, ГПБ АН Украины, собр Киевской духовной академии, № 584, Саратовская библиотека (шифр неизвестен)

⁸ Макарий, архим Обзорение древних рукописей и книг церковных в Новгороде и его окрестностях // ЧОИДР 1861 Кн 2 Отд 3 С 1—40

⁹ Иоанн, иером Историко-статистическое описание Дымского монастыря с изложением подвижнического жития начальника оного преподобного Антония СПб 1861 2-е изд Эта книжка переиздавалась много раз на протяжении полувека например, издание 12-е (Тихвин 1906), ничем не отличается от более ранних Сохранились два монастырских Пролога XVI в., один с записью «Сия книга глаголемая Пролог Онтонова монастыря Дымского» (РНБ, Софийское собр., № 1339 и 1342). Абрамович Д И Софийская библиотека СПб 1907 Вып 2 С 264—265

¹⁰ Смелков М Несколько страниц из истории Дымского монастыря и жизни его основателя преподобного Антония Дымского // Новгородские епархиальные ведомости 1905 № 12 Ч неофиц С 722—729

¹¹ Бумага с филигранью «голова шута» датируется 1681—1700 гг Клепиков Шут тип IV А А Амосов допускает датировку рукописного сборника последним десятилетием XVII в Пользуясь случаем отметит его щедрую помощь

Сопоставление жития Антония из сборника Дымского монастыря с более поздними единичными его списками показало, что перед нами разные тексты, которые представляют две различные и разновременные редакции (назовем их А и Б) агиографического произведения, посвященного одному и тому же лицу. Общим в обеих редакциях остается отнесение жизни Антония Дымского к домонгольскому времени: Антоний назван более молодым сверстником Варлаама Хутынского. По воле хутынского игумена Антоний якобы совершает хождение к константинопольскому патриарху Афанасию (имя недостоверно) «неких ради церковных вин» или «потреб». Варлаам перед смертью обращается с речью к братии и оставляет Антония игуменом Хутынского монастыря; вместо действительной даты смерти Варлаама (1192 г.) в обеих редакциях приведена более поздняя — 1243 г.¹² Из Хутынского монастыря Антоний удаляется в уединенные и глухие места близ Тихвина — при Дымском озере. Здесь цитируется псалом Давида (54:8—9): «Се удалихся бѣгая и водворихся в пустыни». Антоний строит церковь во имя Антония Великого с приделом. Здесь Антоний проводит конец жизни и умирает, а затем у его гроба совершаются различные чудеса и исцеления.

В чем же разница между редакциями А и Б? Она проявляется уже в заглавиях и в начальных фразах:

А

Вкратце о житии и хождении во Царьград преподобнаго Антониа, сверстника чудотворцу Варлааму, потом бывшаго Дымския пустыни первоначалника. Нач.: В преименитом славном великом Новеграде славна и честна обитель всемилостива Спаса на Хутыни

Б

Месяца ианнуариа в 17 день Житие преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антониа, Дымския обители начальника Нач Преподобный и богоносный отец наш Антоний Дымский родился в великом Новеграде в лето 1206, во дни благочестивыя державы великаго князя Димитрия Юрьевича и при великом князе новгородском Мстиславе Мстиславиче...

В А отсутствует год рождения Антония (иногда он опущен и в Б), нет описания его детства, нет приведенного в Б известия о его пострижении игуменом Варлаамом в Хутынском монастыре (иногда этот монастырь назван в Б «лаврой»). Только в Б патриарх Афанасий и Антоний в Царьграде «много <...> беседоваху», только в А Антоний «от святейшаго же церковныя некия вещи приносит <...> чудотворцу же на благословение вручает», только в Б Антоний молится Богу и Богоматери перед уходом из Хутынского монастыря. Зато в А упоминается погост на Тихвине¹³ и косвенно указывается дата прибытия туда Антония: «за сто четыредесять лет» «до славнаго пришествия чудотворныя <...> иконы пресвятыя Богородицы на Тихвину» (т. е. опять-таки в 1243 г.: 1383 г. — 140 лет). К 1243 г., по редакции Б, относится и основание Дымского монастыря. Цитирование Псалтыри в А шире, чем в Б (кроме более пространной цитаты 54: 8—9 приведен псалом 26:8—9). В Б Антоний выкапывает себе пещеру, ставит келью,

¹² В 1243 г умер на Хутыни другой Варлаам, в мире Вячеслав Прокшинич. Это важное уточнение, внесенное впервые В О Ключевским, отмечалось И П Мордвиновым и Л А Дмитриевым (Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII XVII вв Л, 1973 С 72)

¹³ По мнению И П Мордвинова, «Дымский монастырь возник при погосте как прицерковное монашеское поселение — описанным в писцовых книгах 1583—84 гг, недоразвившимся окончательно в форму организованных обителей < > Антоньевский Дымский погост мог возникнуть в XIII в или даже несколько ранее Церковь его была посвящена Антонию Великому, отсюда взялось его прозвище < > на Дымах жил какой-то Антоний, который в древние времена основал здесь церковь и положил начало Дымскому погосту, а при последнем в XV в возник монастырь» (Мордвинов в Монастырь Антониев Л 10--11)

изнуряет плоть железной шляпой, в то время как в А он тихо устраивает обитель и помимо собора с приделом ставит другой храм во имя Рождества Иоанна Предтечи; кроме того, Антоний устраивает еще одну малую обитель.¹⁴ В А сообщается и о дальнейшем строительстве (видимо, эти более поздние известия и дали основание иером. Иоанну назвать дымский сборник М «монастырским летописцем»): в 1655 г. воздвигнута при монахе Филарете соборная церковь во имя иконы Богоматери Казанской¹⁵ с приделами во имя Антония Великого (над гробом Антония Дымского) и Николая Мирликийского. Между тем в Б строительство обители Антония объясняется вмешательством «великого князя новгородского» Александра Ярославича Невского (якобы приславшего жалованную грамоту), а также по благословению архиепископа новгородского Исаяи (имя вымышлено). В Б церковь Антония Великого деревянная, придел ее во имя Покрова Богородицы, «обитель <...> исполняеся всяким изобилием». В А подчеркивается «смирномудрие и безмолвие», окружавшие Антония. По-разному сообщается и о его кончине: в Б игумен перед смертью призывает подобно Варлааму монастырскую братию, «всех лобзае» и т. д. Здесь приведена дата его смерти — 1273 г., 24 июня; указан и возраст — 67 лет. Иное дело в А, где отсчет времени предлагается в следующем виде: «По преставлении же его до нынешних настоящих лет пятое сто лет грядет,¹⁶ якоже сверстнику его преподобному Варлааму Хутынскому чудотворцу, такоже и сему» Несколько дальше в редакции А говорится, что Антоний «не желая славы от человек <...> все свое благое <...> жигие <...> ни во что же вмени <...> и преставление свое и вечную память непамятно всем учини. в кое лето, и в кий месяц, и день и час — токмо всеведец Бог <...> незабвенна творит...». Повествователь как будто сознательно уклоняется от указания точной даты кончины Антония. Только в Б сообщается об обретении мощей Антония — через 97 лет, т. е. в 1370 г., «в княжение великаго князя Иоанна Даниловича», и о защитных мерах — «да не поругаеми будут от врагов мощи святаго» (по Б, их предали земле около 1409 г., при великом князе Василии Дмитриевиче, во время нашествия татар). Тогда же церковную утварь, колокола и железную шляпу Антония, которая даже не упоминается в А, опустили в озеро Дымское, а разоренную и сожженную Дымскую обитель отстроили заново уже при царе и самодержце Иоанне Васильевиче. Сообщается в Б и о втором разорении Дымского монастыря — «в смутное время», «именно в лето 1611», когда Новгородская земля подверглась нашествию шведов. Возобновление Дымской обители отнесено к 1626 г., при царе Михаиле Федоровиче.

В А почти не отражена тема о вражеских нашествиях на Дымскую обитель. Здесь читается: «Аще что от чудес его (Антония. — О Б.) и писанию предано бысть, но от велия забвения и нерадения все истребися, еще же и от бывших пожаров и всяких воинских людей буести и находов и от своих во обители живущих, всякия скудости и просторы» Таким образом, конкретно не упоминаются ни набеги татар, ни подступившие к монастырю шведы. И. П. Мордвинов считал легендарными известия редакции Б об этих событиях, поскольку

¹⁴ Имеется в виду Вырдомская пустынь. См. Мордвинов И. П. Письмо в редакцию // Новгородский Север 1915 № 33

¹⁵ В дымском сборнике М читаются статьи «Явление иконы Богоматери Казанской» и «Рождество Иоанна Предтечи», связанные с местным почитанием в Дымском монастыре. Имя «Дымского монастыря строителя Филарета» Мордвинов нашел в документах XVII в. (Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства, изданные Археографическою комиссиею СПб., 1838 С. 376-377 № 350)

¹⁶ В списках редакции А, относящихся к XVIII в. (их не менее 15) вместо «пятое сто лет грядет» читается «шестое сто лет грядет». Таким образом редакция А (в списке кон XVII в.) дает возможность установить дату ее составления 1273+400 лет = 1673 г. или вскоре после 1673 г.

кв «нет никаких указаний ни в летописях, ни в иных сказаниях <...> никаких предании в Тихвине»; а если Дымский монастырь «после нашествия шведов был вполне пригоден для жительства монахов», переселенных из разоренной шведами Валаамской обители, значит, он «не подвергся разорению».¹⁷

Что же показывает сопоставление чудес Антония Дымского? В редакции А их восемь, они датированы только XVII в. (1671, 1680, 1686, 1687 и 1689 гг.), и о них сообщается как о «при нашей памяти бывших». В редакции Б их одиннадцать,¹⁸ их даты от 1680 г. по 1802 г. (добавлены события 1744, 1796, 1800 и 1802 гг.). В А исцеления и чудеса сопровождаются видениями, в которых «соединяются устное начало и письменное».¹⁹ В Б пропущено чудо 2 с видением. В А в чудесах фигурируют монахи Дымского монастыря, житель Тихвинского посада, крестьянин деревни Фоминской в вотчине дворянина Саввы Палицына, отрок «от града Устюжны Железопольского», клирик «от белозерских стран». В Б появляются купцы — из С.-Петербурга, из Тихвина и некий дворянин Василий. Чудеса в Б нередко завершаются выборкой — перечнем основных дат в жизни Антония («Вкратце о житии преподобного...») и «Краткой повестью о обители преподобного Антония Дымского». Здесь сообщается об упразднении монастыря в 1763 г. и о его возобновлении в 1794 г.

Судя по всему, редакция А возникла еще в XVII в. в местной новгородской среде, где жили предания о Варлааме Хутынском и об архиепископе Антонии, где почиталась икона Богоматери Тихвинской, где летописные сказания переплетались с народной молвой; возникновение же редакции Б относится к периоду возобновления заброшенной на треть века обители, для чего понадобилось всячески приукрасить ее прошлое, придать ему героико. Наивный составитель редакции А не скрывает от читателей, что архив монастыря пуст, что «от велия забвения и нерадения все истребися...». Сочинитель же кон. XVIII—нач. XIX в. среди утраченного называет жалованную грамоту князя Александра Невского, а среди чудом сохранившегося — железную шляпу Антония Дымского, которую «во измождение плоти своея ношаше преподобный Антоний на главе своей»

Нам представляется, что переработка редакции А в редакцию Б была выполнена по образцу жития Феодосия Тотемского. В. О. Ключевский считал его редким и относил к кон. XVIII в. Но еще Н. П. Барсуков, Н. Коноплев и Г. П. Георгиевский знали списки кон. XVII в., а в настоящее время в Вологодском историко-архитектурном музее-заповеднике выявлены списки Службы и жития Феодосия Тотемского 1729 и 1760-х гг.²⁰ Стало быть, житие Антония Дымского в редакции Б определено вторично и зависимо от жития Феодосия Тотемского (дошедшего в устойчивой традиции). Редакция Б жития Антония Дымского возникла под пером человека, имевшего время для своего труда как в Тотемском Суморине монастыре, так и в Дымской обители. Воз-

¹⁷ Мордвинов Монастырь Антониев Л 9 10

¹⁸ При пересказе жития в редакции Б иером Иоанн (см примеч 9) приводит только 4 чуда В ряде списков даты чудес XVII в отнесены к XVI в (пропущена буква-цифра 100)

¹⁹ Лихачев Д С Развитие русской литературы X—XVII веков // Лихачев Д С Избр работы В 3 т Л, 1987 Т 1 С 174—175 Особенно примечательно чудо 2, в котором исцеляемый «видит < > храмину свою < > до нижних окон всю сняту » и получает исцеление от святой воды из рук Антония Дымского

²⁰ Ключевский В О Древнерусские жития святых С 349, Барсуков Н П Источники русской агрографии Сгб 605—607 Коноплев Н Святые Вологодского края // ЧОИДР 1895 Кн 4 (175) Отд 4 С 102—105, Георгиевский Г П Рукописи Г Ф Большакова Пг 1915 С 23 № 28 (датировка сборника кон XVII в подтверждена Н Б Тихомировым, о чем любезно сообщил К Д Рыков), Памятники письменности в музеях Вологодской области Каталог-путеводитель Ч 1, вып 2 Рукописные книги XIV—XVIII вв Вологодского областного музея Вологда, 1987 С 191—193, № 80 с 240 242 № 113 Пользуюсь случаем выразить благодарность хранителю рукописей Н Н Малининой, сверившей более ранние списки с списком кон XVIII в и установившей их идентичность

можно, это связано с Герасимом Гайдуковым, который был строителем Дымского монастыря в 1800—1803 гг. и где он пробыл еще три года, несмотря на свое назначение именно в Тотемский Спасо-Суморин монастырь.²¹ Позднее Г Гайдуков составил описание Клопского монастыря,²² свидетельствующее о том, что литературный труд был ему не чужд.

Каждая из двух редакций жития Антония Дымского принадлежит своей эпохе. Обе редакции построены по анфиладному принципу, отмеченному Д. С. Лихачевым,²³ как типичному для древнерусской житийной традиции. Но в А сильнее влияние преданий, связанных с местным культом имени Антония и Варлаама Хутынского, с почитанием иконы Богоматери Тихвинской, с своеобразной местной (?) системой расчета даты того или другого события, в том числе кончины Антония Дымского и времени составления записок «Вкратце о житии...». Эта редакция вполне соответствует поздней средневековой агиографии кон. XVII—нач. XVIII в.: она создана опытным, начитанным автором. В XVIII в. это сочинение переписывалось в сборниках житий новгородских святых, а также и в житийных сборниках, составленных на Выгу. Текст редакции А был опубликован (без чудес) в кон. XIX в., по списку сборника кон. XVIII в., но остался почти незамеченным.²⁴ Редакция Б использует текст редакции А. Ее изложение также имеет главной целью похвалу и прославление святого и его обители. Но в редакции А подчеркивалась скромность Антония, его стремление к уединению, молитве, безмолвию. В Б Антоний и его память приобщены к миру духовных и светских властей, благодаря которым к 1794 г. монастырь был возобновлен.

Большинство сведений об Антонии Дымском до сих пор черпалось из жития в редакции Б, в том числе составителями справочных изданий.²⁵

При сопоставлении редакции Б с текстом «Повести о обретении мощей преподобного отца нашего Феодосия по реклу Суморина, Тотемскаго новаго чудотворца...»,²⁶ которая относится к рубежу XVIII и XIX вв., обнаруживается ряд прямых совпадений: про Антония и про Феодосия сообщается в сходной манере: «Преподобный <...> отец наш <...> родился в Великом Новеграде / Вологде во дни благочестивых державы великаго князя / государя <..> от благоверных и христоробивых родителей...». В близких выражениях упоминается о детстве каждого святого, о приходе в монастырь, о молитвах, о стремлении к уединению («положи во уме своем еже уклонитися на безмолвное пребывание <...> избрати уединенное некое место» / «нача помышляти, како бы уединитися (любяще бо безмолвие) <..> нача искати место»). А вот совершенно одинаковое чтение в обоих текстах: «Се покой мой в век века, zde вселюся. И ископа себе пещеру зимнюю ради пребывания...». На создание монастыря испрашиваются жалованные грамоты великого князя / царя; основатель монастыря «во измождение плоти» в одном случае носит «на главе своей железную шляпу», в другом же — «ве-

²¹ Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви СПб 1877. Стб 67, 68, 71, 92—94

²² Краткое описание новгородского третьеклассного мужского Клопского Троицкого монастыря, составленное тщанием настоятеля обители сей, игумена Герасима Гойдукова М 1815 Здесь приведены тексты 11 жалованных монастырю грамот в списке игуменов и в Описании о Герасиме Гойдукове сообщается в третьем лице

²³ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Избр работы В 3 т. Л 1987. Т 1 С 538

²⁴ Новгородские епархиальные ведомости 1898 № 12 Ч неофиц С 725 733

²⁵ Словарь исторический о святых прославленных в Российской церкви СПб 1836 С 34—35 Русский биографический словарь СПб, 1900 Т 2 С 210 211 Энциклопедический словарь Изд Ф А Брокгауз И А Ефрон СПб, 1890 Т 1а С 856

²⁶ Текст Жития читается в изд С тужба преп отцу нашему Феодосию Тотемскому чудотворцу СПб 1798 М 1806, М 1823 М, 1846 Т 38 48 (словарь книжников Вып 3 ч 3 (в печати))

риги железны». Одинаково говорится о процветании монастыря: «Множащейся же братии, обитель его исполняшеся всяким изобилием», и о кончине святого: «проувидев отхождение свое ко Господу, призва <...> братию <...> он же яко чадолюбивый отец всех лобызаше и всем прощение / благословение подаваше». Далее приводится дата кончины святого, говорится о каменной плите над гробом, следуют чудеса и исцеления.

Таковы два этапа в литературной истории жития Антония Дымского — от анонимной редакции А кон. XVII в.²⁷ до подражательного сочинения редакции Б кон. XVIII в. Местное почитание Антония Дымского проникло и в область иконографии.²⁸

Ниже приводится текст редакции А по сборнику М (подготовлен по правилам передачи текста, принятым в ТОДРЛ).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВКРАТЦЕ О ЖИТИИ И ХОЖДЕНИИ
ВО ЦАРЬГРАД ПРЕПОДОБНАГО АНТОНИА,
СВЕРСТНИКА ЧУДОТВОРЦУ ВАРЛААМУ,
ПОТОМ БЫВШАГО ДЫМСКИЯ ПУСТЫНИ ПЕРВОНАЧАЛНИКА

л 125

Глава 1. В преименитом славном великом Новеграде славна и честна обитель всемилостиваго Спаса на Хуьтнн. В сей же обители всесчестен и игумен, тих и праведен, свят и преподобен // именем Варлаам, по обители Хуьтннский. Сему же преподобному игумену к кончине жития пришедшу, уразуме преподобный ко Господу Богу свое отхождение. Сверстник же преподобнаго сего Варлаама преподобный Антоний, из царьствующаго Константина града тогда пришедый. Шествие же его бысть не вотще, но всяко по Бозе благочестно. Понеже преподобный Варлаам неких ради церковных вин моли сего // Антония, яко да путешествие во Царьград сотворит ко вселенскому Афанасию патриарху. Сей же со усердием и великим тщанием сичево послушание исполняет, ко святейшему благоговейно приходит. От святейшаго же церковныя некие вещи приносит, на похвалу церкви и обители, чудотворцу же на благословение вручат. Сей же желанно и радостно приемлет, благодарствие Господу Богу воздае. Сего же Антония // видя преподобный таковыя труды и подвиги, на старейшинство всей братии приче глаголя: «Се уже, братие, конец жития моего приближися, отхожду жития сего, вас же предаю в руце Божии: наставник же будет вам в мое место Антоний, сверстник мой». И братию ему вручи глаголя: «Се убо с Богом оставляю тя, Антоние, строителя и правителя святому сему монастырю. И

л 125 об

л 126

л 126 об

²⁷ См. Белоброва О. А. Житие Антония Дымского время его составления // Новгород в культуре Древней Руси. Материалы Чтений по древнерусской литературе (Новгород, 16—19 мая 1995 года). Новгород, 1995. С. 128—135.

²⁸ Не ранее второй половины XVII в. появляются изображения Антония Дымского, в рост, в позе предстоящего, на фоне архитектурных построек монастыря, сначала деревянных, а потом и каменных. Некоторые из них знал И. П. Мордвинов. См. Архив ФИРИ РАН, ф. 89, оп. 1, карт. 2, № 18, л. 167—171. Наиболее полный их перечень и характеристика принадлежат Е. П. Варакину и М. И. Мильчику, которые собирали их много лет и недавно совместно опубликовали воспроизведения наиболее примечательных образцов Мильчик М. И., Варакин Е. П. 1) Иконография деревянного Антониева монастыря и его графическая реконструкция // Народное зодчество. Сб. науч. трудов Петрозаводск, 1992. С. 141—152, 2) Иконография Антониево-Дымского монастыря // Чтения по исследованию и реставрации памятников художественной культуры Северной Руси, посвященные памяти художника-реставратора Николая Васильевича Перцова (1902—1981). Архангельск, 1992. С. 137—154.

л 127 Господь наш Иисус Христос да сохранит и // утвердит ны в любви его. Аз же еще и телесно отхожду от вас, но духом с вами неотступен буду». И тако преподобный Варлаам преставися ко Господу Богу в вечный живот лета 6751 (1242)-го месяца ноемвриа в 6 день.

По сем преподобный Антоний не ослушался преподобнаго начальника бывшаго игумена Варлаама благословения, но во Христе Бозе нача во обители труды и подвиги монастырскими подвизатися // усердно, работати человеколюбю Богу неленостно, славы же человеческия и тщеславия отнюд ненавида; Многолюдства же ради и крамол и прекословия, все разсудив быти неблагополучно, сие положив на разуме невозвратно, еже ити на уединение в непроходимую пустыню, умными очима взирая на едину некончаемую жизнь, еже во царствии небеснем; евангельски последуя подвигоположнику своему Христу, на его человеколюбивую помощь уповав, оставя все, пустыни непроходимыя ищя, а не славна места, ниже многолюдна, — на Тихфину прииде, тамо же бе погост. Понеже до славнаго пришествия чудотворным и аггелы говейныя иконы Пресвятыя Богородицы на Тихфину, преподобный Антоний за сто четьредесят лет прииде. От Тихфины же за блатная и непроходимая места забежа, при Дымском озере вселися, благочестно поя и слава от души Господа Бога сице: // «Се удалихся бегая и водворихся в пустыни, чаях Бога спасающаго мя от малодушия и бури». И паки: «Взыска Тебе лице мое, лица Твоего, Господи, взыщу, не отврати лица Твоего от мене и не уклонися гневом от раба Твоего, помощник мой буди. Буди имя Господне благословенно отныне и до века».

И тако преподобный своими слезными подвиги и усердными труды душеспасительную правоверным обитель устрои на отвержение мира и всех злых, // паче же на безмолвие и горнее рачение, на смиренномудрие и веселие духовное, и радость превысокую.

За духовную же радость сам преподобный чудотворец Антоний благочестно понудися, постави соборную церковь во имя преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антония Великаго. Вверху же церкви сея придел во имя чуднаго святителя Николаа чудотворца. Во общее же упокоение братии постави другой храм теплый с трапезою, во имя честнаго Рождества Иоанна // Предтечи.

По сем же его, преподобнаго чудотворца Антония, милосердым снабдением и молитвами устроися соборная церковь во имя пресвятыя Богородицы чудотворныя иконы Казанския при строители обители тоя монахе Филарете лета 7163 (1655). На правой же стране над гробом преподобнаго Антония Дымскаго чудотворца устроися придел во имя преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антония Великаго. На другой стране такожде со//вершися придел во имя великаго святителя Николаа чудотворца Мирликийскаго. И прочая обители подобная.

На вяшшее же братии упокоение за поприще от обители сея и мелчая устроися.

Сие смиренномудрому начальнику поспешает и снабдевает Бог. Ей, смиренномудрие благоумиленное, всегда к горнему рачению непостыдное! Ей, молчание сокрушенное, всегда к вышнему желанию готовое! Молчанию друг прибли//жается Богу, и отай собеседуя Ему, просвещается от Него, вся земная ни во что же вменяет, вся попирает, вся отметае, единого Бога токмо видети желает, и Того благодатию вечно просвещатися жадае.

Сие преподобный Антоний Дымския пустыни начальник всю свою жизнь в пустынном месте во смиренномудрии и безмолвии благочестно сконча и в некончаемую радость и вечное наслаждение богоугодно // преселися.

По преставлении же его, до нынешних настоящих лет пятое сто лет грядет. якоже сверстнику его преподобному отцу Варлааму Хутынскому чудотворцу, тако же и сему.

В та же глубочайшая лета, аще что от чудес его и писанию предано бысть, но от велия забвения и нерадения все истребися. Еще же и от бывших пожаров и всяких воинских людей буести и находов, и от своих во обители живущих, всякия // скудости и простоты.

л. 131 об.

Тако преподобный Антоний Дымския обители начальник не благоволи славна места, не желая славы от человек, все свое благое по Бозе житие и крепкое пребывание и всякую добродетель ни во что же вмени. И не токмо сие, но и преставление свое и вечную память непамятно всем учини, в кое лето и в кий месяц и день и час, — токмо един всеведец Бог по благим его бывшим делам незабвенна творит, дивны//ми чудесы прославляет, верных и немощных исцеляет и укрепляет, с верою притекающих к честному гробу его. Их же ныне отчасти поне мало воспомянем — при нашей памяти бывших, — велию милость нам подавших.

л. 132

ЧЮДЕСА ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА АНТОНИЯ, ДЫМСКИЯ ПУСТЫНИ НАЧАЛНИКА

ЧЮДО 1 О БОЛЕЗНУЮЩЕМ МУЖЕ ОЧИМА. ГЛАВА 2

Человек некий именем Симон // Тихфинскаго посада житель Божиим посещением впаде в болезнь очную, зело лютую и тяжкую. По два лета очи его кровию скорбно натекаху, и кровь и гной тяжко из себе испущаху. От слышания же преподобнаго Антония, Дымския пустыни начальника, бывающих верным милости и чудес, прииде и сей во обитель ко преподобному с верою, желая милости от него. Разстояние обитель сия имеет от Тихфины 12 поприц. Прииде же // немощный и ко церкви, иже над гробом преподобнаго стоит и взяв рукама своима травныя росы, иже у церкви той трава возрастает, и утерся по очима своима тою, и благосердием преподобнаго от таковыя росы очима своима здравие получи, благодарствуя Господа Бога и хвалу преподобному воздая о сичевой чудесной милости.

л. 132 об.

л. 133

ЧЮДО 2 О БОЛЕЗНУЮЩЕМ МУЖЕ ОГНЕННОЮ БОЛЕЗНЮ. ГЛАВА 3

И паки: в лета 7179 (1671) случися сему Симеону еще впасти // в болезнь, зело тяжкую и лютую, нарицаемую огненную. И бе в той болезни слезаше седьм седмиц, претерпевая лютость ея, никакова покоя приемля себе, ни днем ни ношью. В день же некий осмыя седмицы тако люто страждущу ему, ожидая смертнаго часа, сподобися к сему приготовитися благоговейно, со страхом причастия пресвятых и животворящих тайн, пречистаго тела и крови Спасителя нашего Господа Иисуса // Христа от священноиерея Иоанна. И по исходе иерея с божественными дары из храмины его усердно благодаряше и моляше Господа Бога болезненный сиче: «Благодарю Тя, Господи, Иисусе Христе, Царю небесный, яко сподобил мя еси грешнаго и недостойнаго, пречистаго Твоего тела и крови причаститися желанно. Сих ради Твоих безсмертных и животворящих тайн и молитвами пречистыя Твоея матере и преподобнаго угодника Твоего Антония, // Дымския обители начальника, помилуй мя недостойнаго, возстави от смертныя сея болезни, якоже и прежде сего молитвами его, очима моима исцеление и здравие даровал еси. Сиче и ныне сих ради преждереченных удиви милость Свою на мне грешнем». И тако помолвися преклонися на одр болезненный, и в тонце дремания, аки наяве видит всенно храмину свою, в ней же лежаше, до нижних окон всю сняту и со всеми // стенами тако округ ея. И от всех храмин едину токмо сию стоящу видиму, и

л. 133 об.

л. 134

л. 134 об.

л. 135

до пречестных обители Тихфинския ничтоже кроме сей храмины и святых обители тогда видимо ему бысть. К тому же видит из пречестных обители агелы принесенныя иконы Владычицы, преподобнаго Антония Дымския пустыни начальника, не низу по земли, но аки по воздуху чудесно к нему идуща: чашу велику из обители небесных // Царицы святых воды несуща, от края во край видимо колеблющуюся, и к болезненному принесша и глаголюща: «Востани, Симеоне, и сяди, что тако лежиши просто?». Он же рече: «Господи, велми желаю такового здравия. Грех же ради своих изнемогаю». Паки же преподобный к нему рече: «Востани и седи». И взем кропило преподобный и окропи его принесенною из обители небесных Царицы святою водою. И от такового кропления слыша он // болезненный, яко дождь небесный на себе летящ и слышит падающ на вся одежды его. И от сиеваго кропления ужаснуса и устрашися болезненный, борзо воста со одра своего, нечаянное скорое здравие себе и крепкое хождение Божию милостию и Богоматере, ходатайством же угодника их, преподобнаго Антония, Дымския пустыни начальника благодатно получи, яко ничто же лютых пострадав // в радости и веселии Господу Богу и Пречистой Богородице благодарствие воздая и преподобному Антонию, Дымския обители начальнику незабвенно хвалу принося.

ЧУДО 3 ПРЕПОДОБНАГО АНТОНΙΑ ДЫМСКАГО О БОЛЕЗНЕННОМ ГЛАВА 4

В лета 7188 (1680) при державе благочестиваго царя и великаго князя Феодора Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца прииде в монастырь преподобнаго начальника Антония Дымскаго от белозерских стран некий // клирик именем Петр, моля усердно строителя обители тоя монаха Симона и прочию братию, еже ему повелят ко церкви Божии приходити и псалмом внимати, и повинущася его прошению. Он же некое время псалмопением поработав. И егда хотяше отгуду изыти, тогда впаде в некий недуг, объят быв болезнию зело тяжкою, нарицаемою трясавишею, никакo покоя приемля ни днем ни ноцию // многое время. В некую же ночь тонким сном уснувшу ему: явися ему преподобный Антоний, Дымския пустыни начальник, глаголя ему сице: «Востани, человек, иди и искупися zde во езере, и получиши исцеление». Он же возбнув от радости востав во время утренняго пения, доиде до езера и искупався в нем, и от того часа здрав бысть, благодатию света Христа, и милостивым призрением угодника его преподобнаго // Антония Дымскаго.

ЧУДО 4 ПРЕПОДОБНАГО АНТОНΙΑ ДЫМСКАГО НАЧАЛНИКА О БОЛЕЗНУЮЩЕМ ТРЯСАВИЧНОЮ БОЛЕЗНИЮ ГЛАВА 5

В лета 7195 (1687) отрок некий именем Никифор из веси Никифорова, иже не в далном разстоянии от града Устюжна Железополскаго. Притече и сей во обитель преподобнаго Антония Дымскаго чудотворца прилежно моля строителя и братию обители тоя, да повелят ему во церкви Божии псалмопением трудитися. И сице ра//ботавшу ему три месяцы и мыслящу изыти из монастыря, внезапно впаде в болезнь трясавичную. Зелне скорбя, близ смерти бяше, последяго часа ожидаше, но абие преподобнаго милость возстави его сице: прииде ему во ум помолитися прилежно преподобному чудотворцу, и поклонитися благочестно честному гробу его. И взяти персти у святого гроба его на исцеление свое. И тако борзо воста со одра своего притече ко гробу преподобнаго, и по//молився взяв персти у гроба его и налив водою умыся тою. И от того часа Христовою благодатию здравие получи молитвами преподобнаго Антония Дымскаго чудотворца.

ЧЮДО 5 ПРЕПОДОБНАГО АНТОНИА ДЫМСКАГО О КЕЛЕЙНОМ ПОЖАРЕ ГЛАВА 6

В лета 7195 (1686) октовриа 2 день милости ради Божии и человеколюбия явитися благоволи преподобный Антоний, Дымский начальник, в вечернее время строителю обители тоя // монаху Симону, тонко ему уснувшу. Видит л 139 об во сне пришедша к нему в келлию преподобнаго Антониа, Дымския пустыни начальника, страшно к нему глаголюща и громогласно вещающа сице: «Востани, окаянне, згориш безделно». Он же устравився сего, скоро возбнув, узре пламень огненный, свирепо в келлии носящийся немолчно, понеже печи падшейся, плинфам* не устоявшим. Сей же борзо шед // удари во благовестник, л 140 и стекошася бывшии во обители, молящеся Господу Богу и Богоматере и преподобнаго на помощь призывающе. Его же ходатайством и молитвами скоро погасиша пламень огненный, и все учиниша попрежнему.

ЯВЛЕНИЕ И ЧЮДО 6 ПРЕПОДОБНАГО АНТОНИА ДЫМСКАГО,
О ТРАПЕЗНОМ ПОЖАРЕ ГЛАВА 7

Того же лета ноемвриа месяца в 14 день по вечернем пении во обители сей понамарь монах Пахомий, строяше // и трапезную службу монастыря л 140 об сего, печь нагревая и кутая и все управляя в ней. В преждереченный же вечер все сие исполнив, вышел из трапезы и пришел в хлебопекарню готовить братии ко ужине пищу. Того же часа загореся трапезная труба, также и прочая стена великим пламенем запалися досаждающим трапезе конечно. Строитель же тогда также усну. И виде во сне преподобнаго Антониа, // Дымскаго начальника, пришедша к нему в келлию и ткнувша его в ребра, л 141 сице глаголюща: «Востани, монастырь горит». Он же трепетен быв, воззрев на монастырь и видев пламенем великим трапезу горящу, борзо бежа удари во благовестник. И стекошася скоро монаси и работники, просяще милости со умилением у всемилоствиваго Бога, и Богоматере, и у преподобнаго Антониа помощи и молитв на угашение огня. И тако вернии борзо // трапезную л 141 об кровлю разбиша, и пламень огненный погасиша, славяще Спасителя всех Бога и пресвятую Богородицу, крепкую помощницу, и явления ради и заступления преподобнаго Антониа, пустынного начальника, благочестно восхвалиша, спасающаго от всяких бед и навет вражиих.

ЧЮДО 7 О БОЛЕЗНУЮЩЕМ МУЖЕ, И УМА ИЗСТУПИВШЕМ ГЛАВА 8

Лета 7197 (1689) апрелиа месяца в 23 день Дымския обители начальника, преподобнаго // Антониа чудотворца клирик некий именем Лука, Божиим л 142 посещением, случися ему въпасти в тяжкую болезнь, нарицаемую огненную, от тоя лютости и ума изступися, нача по обители свирепо бегати, и с храмин по окнам неопасно метатися, и вся нелепая творити. И тако люте стражда, пребысть в той болезни две седмицы, ни от кого помощи приемля. Обаче чудотворцово милосердие возстави его сице. Прииде ему во ум, // еже ради облегчения л 142 об искупатися ему во езере. И по сиевому желанию искупався. И трудно келлии дошед ко сну преклонися. И в тонце сне слышит в келлию древним образом незнаема инока пришедша, носяща с собою мечь остр и ужасно глаголюща сице: «Что ты, человеце, лежиши тако безчеловечно? почто тако обезумился еси ненадежно? Не от людей и ни от кого своих, но от себе и своего безумия поги//баеши напрасно: ко церкви Божии приходиш аки церковник, а л 143 не церковная мыслиш, со страхом в ней предстояти не хочеш. Тако ли церковным клириком подобно? Все прекословиш, все в шептании и празднословии и в скверных помышлениях помрачаеши».

* На полях кирпичом

Болезненный же слышав сия, хотяше двинути ся на одре своем, но никако
 л. 143 об. же можаше. Слышит же: и нозе свои тяжко связаны узами железными // не-
 весть от кого, и где таковая тяжкая восприят. Инок же он держа у себе мечь,
 рече ему: «Аз тебе, человеце, ныне болезни облегчение подам, токмо ты сие
 памятуй, страха Божия держися, паче же во церкви, да не будеши всем на
 соблазн собирающимся на молитвы и пение и крайнее молчание, а не на пре-
 кословие и шептание и прочая неподобная». И пришед коснуся ногам его и
 л. 144 мечем удари по железам // и пресече ему железа тяжкие. И от такового тяжкаго
 пресечения лютя болезни его бысть облегчение. Сотворивый же сие глагола
 ему: «Сие тебе, человеце, за твое дерзновенное безумие малое наказание, аще
 же впредь не вразумишия и не целомудришия. Еже ко церкви Божии не
 благоговейно приходити и не со страхом тамо предстояти, и людем на соблазн
 л. 144 об. быти, то тебе не таковое наказание будет. // И не токмо тебе, но и прочим
 всем в велий страх и наказание будет».

Болезненный же возбнув утрашися и удивися сему, слыша себе от великия
 болезни нечаянно облегчена, тече ко гробу преподобнаго Антония чудотвор-
 ца, благодарствуя Господа Бога и его пречистую Матерь и чудотворца Анто-
 ния, Дымския пустыни начальника, яко его ходатайством и призрением сицевое
 л. 145 чудо и наказание содеяся и болезненному страх // и милость подадеса.

ЧУДО 8 ПРЕПОДОБНАГО АНТОНΙΑ ДЫМСКАГО НАЧАЛНИКА
 О БОЛЕЗНЕНОМ НОГАМИ. ГЛАВА 9

В лета 7195 (1687) в пределех великаго Нова-града в недалном расто-
 янии от чудотворцова Дымскаго монастыря за тридесять поприщ, в Черен-
 ском погосте, деревни Фоминском, в вотчине дворянина Саввы Палицына
 крестьянин его, именем Лаврентий, Яковлев сын, был скорбен ногами, с
 полгодишное время не возмог двинути ся ни вступить на ноги. И в той //
 л. 145 об. болезни отчаявся жития своего и мало въздрема, в тонце сне бысть. И
 слыша себе глас глаголющ: «Человеце, что ты тако лежиши безчеловечно,
 обезумился еси? Обещайся Богородице в пещеры помолитися и к преподоб-
 ному Антонию Дымскому чудотворцу и молебная пети у гроба его — и по-
 лучиши здравие». Он же пробудився от сна, никого виде от человек. И
 л. 146 прииде ему во ум, что не просто сие видение. И в той час въздохнув со
 слезами, обещася ко пресвятей // Богородице в пещеры и к преподобному
 Антонию помолитися. И от того времени здравие получи.

МОЛЕНИЕ КО ПРЕПОДОБНОМУ АНТонию, начальнику Дымскому. ГЛАВА 10

О пастырю добрый, и учителю, наставниче наш, и святыя сея Дымския
 обители начальниче! ты убо преподобне, яко имея дерзновение ко Владыце
 Христу и ко пречистой его Богоматери, буди о нас, недостойных рабех
 л. 146 об. твоих, живущих во святей обители сей, и иже отвсюду с верою // к тебе
 притекающим ходатай и молитвенник теплый, и помощник и заступник от
 всяких бед и напастей, да твоими молитвами и предстательством на месте
 сем пребывающих и иже с верою к тебе приходящих пребудем невредимы
 от бесов и от злых человек и душам нашим и телесем исцеление получим
 и простыню грехов приемем, да славу и благодарение возсылаем Отцу и
 л. 147 Сыну // и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

По сем три поклоны, глаголюще: Преподобне отче Антоние, помилуй мя,
 помолися о мне, грешнем, Господу Богу и помози ми ныне в жизни сей и во
 исход души моя и в будущем вѣце. И прощение: Прости мя, отче святыи,
 грешнаго, елико согрѣших словом, делом, помышлением и всеми моими чвѣ-
 ствы. Поклон.

Т. И. ОРНАТСКАЯ

**«Необыкновенная история»
с «Обыкновенной историей» И. А. Гончарова
(К проблеме выбора источника основного текста)**

Уникальность творческого метода Гончарова бесспорна. Столь же уникальна и сама «гончаровская текстология». Скрупулезное изучение движения текстов отдельных его произведений, проведенное в последние годы, показало, что, например, окончательный текст книги-путешествия «Фрегат „Паллада“» сложился не в 1858, а лишь в 1879 г.,¹ а роман «Обломов» был радикально переработан в 1862 г., что позволило Л. С. Гейро прийти к выводу о существовании двух редакций текста романа.² Новое обращение к тексту «Обыкновенной истории» выявило не менее интересную картину, привлекающую за собой вопрос о том, какой же из прижизненных текстов романа считать источником основного.

Характер движения печатного текста «Обыкновенной истории» не раз привлекал внимание исследователей (рукописи романа не сохранились). Основания для такого внимания были: после журнальной публикации в 1847 г. он выходил пятью изданиями (в 1848, 1858, 1862, 1868 и 1883 гг.), а затем дважды включался в прижизненные собрания сочинений. Последний раз он вышел в свет отдельным изданием в 1887 г. Находили, что текст «Современника» «оставался без изменения в отдельных изданиях 1848, 1858, и 1862 годов»,³ отмечали, что текст 1868 г. представляет собою новую редакцию произведения,⁴ выделяли, наконец, три редакции романа — журнальную, 1868 и 1883 гг.⁵ Все эти выводы, разумеется, делались на основании сопоставления разных изданий романа, но они были в значительной мере субъективными — в том смысле, как трактует такой «субъективизм» Д. С. Лихачев. Он пишет: «Субъективизм возникает в результате недостаточного понимания явления, в результате незавершенного научного исследования».⁶ А «только научное понимание приво-

¹ Гончаров И. А. Фрегат «Паллада» Очерки путешествия В 2 т / Изд. подгот. Т. И. Орнатская Л., 1986 (Сер. «Лит. памятники»)

² Гончаров И. А. Обломов Роман в четырех частях / Изд. подгот. Л. С. Гейро Л., 1987 (Сер. «Лит. памятники»)

³ Демиковская О. А. И. А. Гончаров в работе над романом «Обыкновенная история» // И. А. Гончаров Материалы юбилейной конференции 1987 г. Ульяновск, 1992 С. 127

⁴ Вопреки справедливому наблюдению А. Г. Цейтлина, оценившего эту правку как «значительную» в результате которой лишь были «устранены излишние бытовые и психологические подробности», см. Цейтлин А. Г. Комментарий // Гончаров И. А. Собр. соч. В 8 т. М., 1952. Т. 1. С. 270

⁵ Краснощекова Е. А. Комментарий // Гончаров И. А. Собр. соч. В 8 т. М., 1977. Т. 1. С. 511

⁶ Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. Л., 1983. С. 500

дит к объективной истине и, следовательно, к объективным результатам».⁷ Такое «научное понимание» дается лишь в результате выведения исчерпывающего свода вариантов всех прижизненных изданий произведения. Эта работа, проделанная по отношению к «Обыкновенной истории»,⁸ со всей полнотой показала, во-первых, исключительную требовательность писателя к тексту романа, снискавшему уже при первом появлении в свет неслыханный успех, и обнаружила, во-вторых, что правка велась от издания к изданию, принимая все более углубленный характер, хотя стилистика всего произведения почти не вызвала нареканий критики. Действительно, уже в журнальный вариант Гончаров вносит хоть и значительные, но частные исправления, вторгаясь в основном в текст первой части и сокращая отдельные эпизоды, фразы, излишне подробные описания, некоторые авторские сентенции, оттачивая диалоги, и т. п. При этом, к примеру, все сделанные им сокращения, даже если они касаются отдельного имени, вызваны причинами глубоко творческого характера. Так, в гл. II части первой перечень известных имен, приводимых Петром Ивановичем («Ньютон, Гутенберг, Ватт...»), содержал еще и имя французского педагога Жакото (Jacotot, 1770—1840), автора книги «Langue étrangère» (1829), в которой утверждалось, что в основе изучения всех наук должно лежать заучивание наизусть. Еще в 1818 г. Жакото выступил со своим методом преподавания, направленным на развитие активности и самостоятельности обучающихся; его основные сочинения: «Всеобщее обучение. Родной язык» (1823) и «Иностранный язык» (1829). Система Жакото была популярна в Западной Европе и в России, однако лишь в 1830-е гг. В заметке В. Ф. Одоевского «О системе Жакото (Замечания на статью, помещенную в «Journal des Debats», 1829, дек. 13-го)», помещенной в № 9 пушкинской «Литературной газеты» за 1830 г., говорится, что эта метода заслуживает «уважение или, по крайней мере, внимание ученого мира» России, и сообщается, что «на русском языке готовится особенное сочинение о сей методе», которая «обошла Англию, завела споры в Германии и произвела необыкновенное действие во Франции, где в начале 1829 года заведено уже было пять школ по методу *всеобщего обучения* <...>, коих число ежедневно умножается и где мы насчитали по журналу уже до 16 отдельных сочинений, вышедших в прошлом году по сему предмету, кроме периодического издания, составляемого сыновьями изобретателя...».⁹ Однако к 1848 г. популярность Жакото уже не шла в сравнение с известностью других названных в романе ученых, и Гончаров снимает это имя. Такой же творческий характер носит и большинство проведенных замен. Так, в описании бала в гл. II первой части выражение «гром мазурки»¹⁰ заменяется словами «гремела музыка», — вероятно, не только потому, что на бале танцевали не одну мазурку, но и потому, что Гончаров заметил далее в этом же абзаце слова «рев мазурки».

Шлифовка текста романа продолжалась и для издания 1858 г., хотя объем правки несколько уменьшился. Гончаров правил текст в том же русле, что и раньше. Сокращения, отдельные добавления и замены касаются в основном архитектоники и стиля произведения.

В издании 1862 г. характер исправлений сохраняется — но с тою только разницей, что, например, сокращения проводятся в гораздо большем объеме, чаще касаясь авторских рассуждений и ремарок, пространных описаний

⁷ Там же.

⁸ В целях установления основного текста романа для начатого Пушкинским Домом академического двадцатитомного издания «Полного собрания сочинений и писем» И. А. Гончарова.

⁹ Литературная газета А. С. Пушкина и А. А. Дельвига. 1830 год. № 1—13. М., 1988. С. 132.

¹⁰ Несомненно связанное со строкой из «Евгения Онегина»: «Когда гремел мазурки гром» (гл. пятая, строфа XLII).

во второстепенных линиях сюжета; более короткими становятся диалоги и монологи персонажей. Характерно, что в этой правке почти не ощущается новое время; в ней нет признаков бурных 1860-х гг. Исключение составляет, пожалуй, лишь такая деталь: оценивающий повесть Александра приятель дяди, журналист, видевший «причины зла», т. е. появления так называемых «разочарованных», в «самолюбии», «мечтательности», в «преждевременном развитии сердечных склонностей и неподвижности ума», теперь знает «средства» «к исправлению» этого зла: «Наука, труд, практическое дело — вот что может отрезвить нашу праздную и большую молодежь» (гл. II части второй).

Казалось бы, тщательно переработанный в 1862 г. текст должен был теперь удовлетворять писателя. Однако предпринятое им в 1868 г. четвертое издание романа оказалось не только тщательно, но и во многом кардинально переработанным, причем внешне работа велась по тем же направлениям, что и раньше. Крупных по объему сокращений немногим более десяти, и сделаны они преимущественно тоже в части первой романа. Так, из наставлений Анны Павловны сыну в гл. I этой части снимается «пассаж», начинающийся со слов «На мужних жен не зарься...». Вероятно, излишними показались Гончарову слова матери в ответ на уверение Александра о том, что его Бог накажет, если он ее забудет: «Перестань, перестань, Саша <...> пусть я одна страдаю». Продолжается переработка страниц текста, посвященного Антону Ивановичу, начатая еще для издания 1848 г. и продолженная в 1858 и 1862 гг. Сокращает Гончаров и довольно обширный эпизод из диалога дяди и Александра о «секрете супружеского счастья» (гл. VI части первой).

Появился в тексте 1868 г. и целый ряд более или менее пространств вставок. Наиболее заметная из них — размышление Петра Ивановича о своем безотрадном прошлом. А наиболее поразительная — введенные в читаемые дядей стихи Александра одиннадцать новых строк, заменившие прежние «и т. д.». Возможно, что новые нарочито маловыразительные строки понадобились писателю для другого сделанного следом дополнения — резкой оценки стихов Петром Ивановичем; тем более, что некоторые из предыдущих стихов племянника были признаны им «недурными».

Количество подобных примеров можно было бы увеличивать, так же как и число примеров дальнейшей стилистической правки. Отметим только, что в новом издании появилось значительное количество исправлений искаженного текста, причем исправлений очень серьезных (об этом далее).

Следующее издание романа появилось в 1883 г., и набиралось оно по тексту 1862 г., а не по тексту 1868, как естественно было бы думать. При этом в текст было внесено немалое количество новых исправлений и изменений, однако почти ни одно из сокращений, дополнений, замен и уточнений 1868 г. в новое издание не попало.

Можно было бы предположить, к примеру, что внутренний монолог Петра Ивановича о своем прошлом в гл. II части первой разрушал четкое построение всего эпизода, в котором мысль дяди о том, «не будет ли он отвечать перед совестью» за невнимание к племяннику, влекла за собой строки: «Тут кстати Адуев вспомнил, как, семнадцать лет назад, покойный брат и та же Анна Павловна отправляли его самого». Ведь новая длинная вставка могла показаться автору по прошествии времени явным нарушением архитектоники произведения, о которой Гончаров постоянно заботился и о которой писал в статье «Лучше поздно, чем никогда»: «Всего более затрудняла меня архитектоника, сведение всей массы лиц и сцен в стройное целое <...> Одной архитектоники <...> довольно, чтобы поглотить всю умственную деятельность автора: соображать, обдумывать участие лиц в глав-

ной задаче, отношение их друг к другу, постановку и ход событий, роль лиц, с неусыпным контролем и критикой относительно верности или неверности, недостатков, излишества и т. д.»¹¹ Что же касается размышлений Лизаветы Александровны по поводу неожиданных теплых нот в словах мужа, к ней обращенных, то они явно нарушали это «участие лиц в главной задаче» и были очевидным «излишеством». Не попало в текст 1883 г. и появившееся в сцене дяди с Александром (гл. VI части первой) в 1868 г. слово «секундант» (вместо «свидетель»). Но эта, на первый взгляд кажущаяся бесспорной, замена оказалась автором не учтенной отнюдь не случайно. И дело не только в том, что далее в этом же эпизоде было дважды сохранено слово «свидетель» (параллельно с «секундантом»): ведь оба эти слова истари были синонимами; в русле этой традиции употреблял их и Пушкин («Выстрел»). Следовательно, Гончаров, скорее всего, сам снял необязательное исправление «секундант», которое в 1868 г. могло быть следствием некоторого недосмотра.

Но если по отношению к названным случаям еще можно высказать сомнения относительно причин, по которым Гончаров не ввел их в новый текст, то нуждается в объяснении тот факт, что в большинстве своем остались неучтенными варианты 1868 г., улучшавшие, а иногда явно исправлявшие неблагоприятный текст. Закономерно возникает предположение, не забыл ли Гончаров об этой правке или сознательно ею пренебрег? Так, в 1878 г. он уже не совсем четко помнил последовательность переизданий романа (об этом говорит его переписка с переводчиком П. Г. Ганзенем).¹²

Но и то и другое предположение оказываются зыбкими, тем более что в текст издания 1883 г. (а потом и в текст 1884 и 1887 гг.) вошел целый слой исправлений, впервые проведенных именно в издании 1868 г.; особенность этих исправлений в том, что они являются мелкими уточнениями, которые трудно, если не невозможно, восстановить по памяти. Так, к 1868 г. восходят исправления: «водой» вместо «водицей»; лишь в 1868 г. в тексте появилось добавление: «Александр слушал с некоторым нетерпением и взглядывал по временам в окно, на дальнюю дорогу», также вошедшее в текст 1883 и 1887 гг.; вместо «начала потом опять» — «продолжала она»; «лучше чемодан вдоль» вместо «лучше чемодан вниз»; «не видывал» вместо «я не видывал»; «потом ребяческая выходка» вместо «то ребяческая выходка»; «Согласитесь ли вы быть» вместо «Согласитесь ли быть»; «Нет» вместо «Нет, нет, нет!»; «нашел что» вместо «нашел чего»; «в небеса» вместо «на небеса» и т. п. И еще один пример: в реплике Александра из разговора Петра Ивановича с ним об изменившей Надиньке: «Я ее слишком глубоко презираю, — сказал Александр, тяжело вздохнув» (гл. VI части первой) — последние два слова появились именно в 1868 г.; по этому изданию они и были введены в текст, который в целом, как уже говорилось, готовился по изданию 1862 г.

Что же касается новой правки, то она велась по тем же направлениям, что и ранее, в 1848—1868 гг. Самый большой ее пласт — дальнейшее сокращение текста, начавшееся буквально с первых страниц романа первой части. Вообще глава I первой части подверглась в 1883 г. самым значительным сокращениям. Был снят отрывок, занимавший целую страницу, входивший во все предыдущие издания и правившийся до 1868 г. включительно. Имеется в виду авторское отступление, содержащее противопоставление непостоянной любви «красавиц» и материнской любви, которая «век свой одна и та же», мать «плачет и смеется, и шепчет: „это мой!“». А затем

¹¹ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 7. С. 112.

¹² Лит. архив. Л., 1961. Т. 6. С. 56.

затеplit лампадку перед образом Спасителя и молится долго и жарко». Снял Гончаров, вернее, сократил до одной короткой фразы: «Ему было двадцать лет» — пространный текст, начинавшийся этими же словами и содержащий далее авторское рассуждение: «а это — пора волнений, мечтательности, жажды нового и неизвестного. В эту пору осторожные родители не дают детям ни вина, ни кофе, потому что у них де и без того кипяток в крови. Как же тут усидеть на одном месте? Особенно надо представить себе в этой поре Александра Федорыча». О том, насколько такого рода изменения улучшали текст главы, красноречиво свидетельствует замена следовавшей за словами: «В аттестате его сказано было, что он знает» — тяжелой фразы: «двадцать две науки, три искусства и еще два, три предмета — ни науки, ни искусства, а так, Бог знает что» такою: «с дюжину наук да с поддюжины древних и новых языков» (гл. I части первой). Еще одно значительное сокращение — опять-таки рассуждение о любви, на этот раз о любви мужчины, который «любит и одну женщину и многих женщин вдруг, и почести, и кло-де-вужо...»,¹³ о любви женщины и о любви детей, которые «почти никогда не платят в возврат родителям тою же любовью, а ищут впереди себя другой, не короткой и мирной, а с волнениями, страданиями и слезами». Наконец, была продолжена правка текста, связанного с Антоном Иванычем. Первая часть этого вновь правленного текста, относящаяся ко «многим еще у нас на Руси», для которых «написать несколько строк» настоящая мука. «Вот, скажет он, поди, отыскивай чернильницу <...> еще и бумаги не найдешь в доме, а главное — сиди часа три и выдумывай слова. Бог знает, как и ставить их: иное можно поставить рядом и тем и этим, а где именно нужно, Бог весть <...> а чуть обмакнул перо в чернила — и не то, и нейдет! или все слова вдруг случатся, не знаешь, которое первое написать, — или ни одно нейдет, да и написать надо гораздо мудренее, нежели говоришь, а вот тут-то и надо выдумывать слова!» — очень напоминает сцену мучений Ильи Ильича Обломова над письмом к старосте. Ниже снимаются также две длинноты из «речей» Антона Иваныча: первая следовала за словами: «нахватает там чинов!» (гл. I части первой), вторая — рассказ Антона Иваныча о вредном сынке Никанора Михеича (там же); снял Гончаров и появившееся в 1868 г. дополнение, в котором было пространно выражено отношение Костякова к намерению Александра послушать приезжего музыканта: «Так уж лучше в Падкин трактир пойти: там один орган десять тысяч стоит. Вы едите, пьете, а он впридачу — вам так и гудит!» (гл. V части второй).

К некоторым сокращениям автора побудили перемены в жизни общества: ведь со времени публикации романа в «Современнике» прошло 35 лет. За эти годы, например, не раз изменилась мода, в частности давно перестали носить манишки, — и Гончаров в сцене укладывания чемодана снимает слова Анны Павловны: «Теперь манишки. Посмотри, как вымыты и выглажены. Ну где им там выгладить так?» (гл. I части первой). Но чаще всего сокращения были связаны со стилистической правкой. К примеру, в долгом монологе Анны Павловны при упоминании о неловкости тетки Александра, севшей на тарелку с вареньем, после слов «такого сраму надела!» — было снято следующее замечание, существовавшее до 1883 г.: «а еще ученая: все книжки читает» (там же); лишними, вероятно, показались Гончарову и сопровождавшие фразу «от людей зверского вида удаляйся» — слова: «Есть такие злодеи, что ничего нет святого для них: они и этакой

¹³ Кло-де-вужо — популярное в России в 1820—1830-х гг. дорогое изысканное вино, названное по местности (Clos Vougeot) в Бургонии: оно готовилось из смеси темного и зеленого винограда (но было и белое вино этой марки), разливалось только на месте, запечатывалось особой печатью с обозначением года и имело этикетку с подписью владельца фирмы.

драгоценности не пожалеют» (там же), так же как и слова, уточняющие маменькино обещание беречь деньги Александра. После слов: «две тысячи пятьсот рублей в год» — было: «Буду беречь твое добро пуще глазу, а там, как воротиться, женишься — сам как хочешь и распоряжайся». Снимается и странная сентенция Анны Павловны по поводу книг: «Книг много не покупай — зачем? <...> не все же учиться, когда-нибудь надо и бросить <...> Ты не учитель какой-нибудь! Я без тебя книги-то велю в чулан спрятать» (там же). Возможно, это сокращение также было сделано под влиянием времени: ведь даже в Обломовке поняли пользу ученья. Справедливо и утверждение Е. А. Краснощековой, что при переработке романа в 1883 г. «Гончаров смотрел на него с высоты опыта уже трех реалистических романов, поэтому он вычеркивал те „куски“, в которых ему изменяло чувство меры: реплики Александра Адуева, слишком уж в „лоб“ обнаруживающие его наивный романтизм, обличительные заявления Петра Адуева, в которых откровенно утрируется облик его оппонента».¹⁴

Именно этим «чувством меры» вызваны, очевидно, и отдельные перемены, которым «подверглось» в 1883 г. описание внешности Петра Ивановича. В гл. II первой части претерпел значительное изменение его портрет. Из 23 строк текста «Современника», сохранившихся до 1868 г., осталось лишь 8. «Ушли» упоминания Аполлона Бельведерского и сравнение с центавром. Вместо детального портрета: «Черты лица его были крупны и правильны, но в них не выражалось ни добродушия, ни злости, ни великого ума и еще менее глупости, а какое-то холодное спокойствие, которое, впрочем, не пугало и не отталкивало никого» — появилась лаконичная, но очень емкая характеристика: «В лице замечалась — также сдержанность, то есть умение владеть собою, не давать лицу быть зеркалом души. Он был того мнения, что это неудобно — и для себя и для других» (гл. II части первой).

Замены проводились по всему тексту, касаясь как целых эпизодов и фраз, так и отдельных слов. Так, в начале гл. I первой части перестраивается диалог Александра с маменькой: теперь обещанный завтрак отодвигается настолько, что Александр не выдерживает и дважды прерывает монолог матери напоминанием о еде; вновь изменяется, по сравнению с исправленным в 1868 г., восклицание Александра, делаясь короче и выразительнее (вместо: «Забить вас, маменька: какой вопрос! — Он горячо поцеловал руку матери. Лицо у ней просияло» — стало: «Забить вас! Как могли вы подумать! Бог накажет меня...» — там же).

Многие замены носят характер чисто стилистической правки, которая имела своей целью дальнейшую шлифовку текста (вместо «как-то ласковее» стало «кажется, ласковее»; вместо «в зрелой поре» стало «на склоне жизни»; вместо «у другого какого-нибудь» стало «у какого-нибудь»). Подчас эта «шлифовка», внешне как будто бы незначительная, придает тексту действительно «окончательный» характер. Стоит только проследить, как менялась, например, характеристика Сонички в устах Анны Павловны: сначала «Деревенская девка!»¹⁵ (1848, 1858, 1862), затем «Деревенская девочка!» (1868) и, наконец, в 1883 г. «Деревенская девушка!» (гл. I части первой), или рассмотреть следующие примеры: вместо «и образование груди» стало «и пышность груди»; вместо «ручьём текущие слезы» стало «капавшие слезы»; вместо устаревшей формы «прозябение», прошедшей по всем предыдущим изда-

¹⁴ Гончаров И. А. Собр. соч. В 8 т. М., 1977. Т. I. С. 511

¹⁵ Слово «девка», еще в XVIII—нач. XIX в. звучавшее нейтрально («девкой» именовали всякую незамужнюю девушку, в том числе и из знатной фамилии тоже к примеру Сумароков мечтал об идеальном нарцете, где «учатся в школах и девки» «Хор ко превратному свету» 1762—1763), в устах Анны Павловны приобретает оттенок грубости, пренебрежения ведь Соничка из бедной, хотя и дворянской, семьи

ниям, стало «прозябание»; вместо «фигурировать» стало «фигурировать»; вместо «к ресторатеру» стало «к ресторатору»; вместо «из-за облаков» становится «из-за облаков»; «до замужства» стало «до замужества»; вместо «по-латыне» стало «по-латыни» и т. д. Гончарова долго не удовлетворяла фраза-воспоминание Александра о счастливых днях в его скромной комнате, в которой «жили с ним тогда мечты», а «будущее было одето туманом, но не тяжелым, удушливым туманом, предвещающим ненастье» (таким был этот текст до 1858 г. включительно). В 1862 г. (и в 1868 г.) фраза уже выглядит иначе: «будущее было одето туманом, предвещающим не ненастье...». В 1883 г. Гончаров выбирает иной, «средний» вариант: «будущее было одето туманом, но не тяжелым, предвещающим ненастье» (гл. VI части первой).

Появились в тексте 1883 г. различного рода дополнения, правда в меньшем количестве, чем раньше. Рассерженная Аграфена при упоминании ненавистного Евсею Прошки восклицает: «Подле него и сидеть-то тошно — свинья свиньей!» (гл. I части первой); монолог Анны Павловны прерывается словами Александра: «Какая „чужая“ сторона, Петербург: что вы маменька!» — и ее ответом: «Погоди, погоди — выслушай, что я хочу сказать!», а также двумя новыми авторскими ремарками: «Она вздохнула» (там же); «и опять вздохнула»; в портрете Петра Ивановича, подвергнувшись сокращению, появляются и дополнительные штрихи, вроде: «Иногда лишь видны были на нем (лице. — Т. О.) следы усталости — должно быть, от усиленных занятий» (гл. II части первой). В текст 1883 г. было внесено и еще одно, на первый взгляд малозаметное, уточнение. Гончаров внимательно отнесся к указанию о числе лет, проведенных Александром в Петербурге до его возвращения в Грачи. В трех первых изданиях романа (в «Современнике», в 1848 и 1858 гг.) было: «Так! Я здесь десять лет»; в 1862 г. фраза упрощается: «Я здесь десять лет»; в таком виде переходит она и в текст 1868 г., а в 1883 г. число лет изменяется: «Я здесь восемь лет» (гл. V части второй). Гончаров, очевидно, исходил из того, что в гл. I части первой герою 20 лет, в Грачи он приезжает 28 лет, проводит там «года полтора», уезжает обратно в Петербург в возрасте 30 лет, а в «Эпизоде», действие которого происходит еще через четыре года, ему идет 35-й год.

Все сказанное свидетельствует как о том, что правка текста для издания 1883 г. была и не меньшей по объему, и не менее значимой в смысловом отношении, чем в предыдущих изданиях, так и о том, что текст 1868 г., подготовленный столь тщательно, не может считаться окончательным текстом, в котором с наибольшей полнотой проявилась последняя творческая авторская воля. Таковым является лишь текст 1883 г., который в дальнейшем более не перерабатывался. Единственное заметное вмешательство — это сокращение фразы: «Ветер врывался в камин и завывал унылую песню», присутствовавшей во всех изданиях. Но в этом случае нельзя исключить и простого выпадения фразы на стадии набора текста 1887 г., так же как нельзя исключить и того, что разного рода мелкие исправления могли быть сделаны и не Гончаровым (во всяком случае, часть из них), а лишь по согласованию с ним (в настоящее время неизвестно, кто держал корректуры собраний сочинений).

Проникли в текст обоих собраний сочинений и разного рода погрешности и опечатки, не замеченные Гончаровым. Что же касается необходимых серьезных исправлений в тексте, выбранном в качестве основного для академического издания, то их число довольно значительно. При самом строгом подходе, тщательно избегая соблазна заменять «„худшие“ чтения „лучшими“»,¹⁶ в основной текст романа потребовалось ввести 64 исправле-

¹⁶ Игнатьев Д. С. Текстология. С. 506

ния. Причем 19 из них вносятся именно по изданию 1868 г., 18 — по всем изданиям вплоть до издания 1883 г., 10 — по всем изданиям до 1868 г. Некоторые из этих исправлений нуждаются в обоснованиях, особенно в тех случаях, когда текст или распространяется, или заменяется другим. Одно из таких исправлений касается фразы из письма к купцу Дубасову, которое Петр Иванович диктует Александру (после слов: «о скорейшей высылке остальных денег») (гл. II части первой) — в тексте 1868 г. следовало: «за посуду»; эти слова восстанавливаются, потому что они возвращают читателя к упоминавшемуся ранее стеклянному заводу дяди, без которого диктуемое письмо представляется совершенно непонятным и случайным). Другое, казалось бы незначительное, исправление — замена обращения «Посмотри» на «Посмотрите» (там же) (тоже по тексту 1868 г.): ведь Александр обращается к Надиньке исключительно на «вы». ¹⁷ И третье исправление — добавление к фразе: «ты бы лучше мать полюбил» — продолжения из текста 1868 г.: «с бородавкой-то: та надежнее» (гл. VI части первой). Без этого уточнения можно было принять слова дяди за совет племяннику «полюбить» собственную мать, а не мать Надиньки.

Одно из самых заметных исправлений касается «сердца» Юлии Тафавой и фразы: «...но беда была в том, что сердце у ней было развито донельзя, обработано романами и приготовлено не то что для первой, но для той романтической любви, которая существует в некоторых романах» — обратила на себя внимание писателя уже при подготовке текста 1848 г.: вместо слова «романтической» появляется характерное для эпохи 1830—1840-х гг. слово «романической», напрямую связанное со словом «романы». ¹⁸ Готовя текст 1868 г., Гончаров, очевидно, не удовлетворенный дважды употребленными в этой фразе словами «романами», «романах» да еще и «романической» (а кроме того, еще и соседствовавшими «была» и «было») перепишет всю фразу наново, избегая необходимости выбирать между «романической» и «романтической» любовью и вводя для характеристики сердца Юлии, которое было «обработано» романами, несомненно более удачное выражение: «воображение, а за ним и сердце у ней были развиты донельзя, *вскормлены романами*» (курсив мой. — Т. О.), тем более что слово «обработать» присутствовало абзацем ниже, где оно действительно было необходимо, так как речь шла именно о сердце, «обработанном» триумvirатом педагогов (гл. III части второй).

Еще одна замена была сделана в тексте, в котором описывается круг чтения Юлии, рекомендованный ей учителем-французом. До 1868 г. фраза «Какими героями казались ей герои Жанена, Бальзака, Друино» (там же) читалась: «Какими героями казались Жанены, Бальзаки, Друино — и целая вереница великих мужей!» (при чем здесь «герои» и что за «вереница великих мужей!», оставалось читателю непонятным). Правда, следующая за этой фразой строка: «Что перед их дивными изображениями жалкая сказка о Вулкане?» — поясняет: речь идет не о самих Жанене, Бальзаке и Друино. Но тогда все-таки остается неясным выражение: «и целая вереница великих мужей». Столь же непонятной была дальнейшая фраза: «Венера, перед этими новыми героинями, просто невинность!» (О новых героинях выше не

¹⁷ Аналогичный пример относится к беседе Анны Павловны с Антоном Ивановичем: последний, передавая Анне Павловне свой разговор с Евсеем о похуевшем в Петербурге Александре, добавляет: «Дело-то все выходит оттого, что пицца там была, слышишь, плоха» Исправление (по тексту 1868 г.) «слышишь» на «слышь» (гл. VI части второй) позволяет не только избежать невозможного со стороны Антона Ивановича обращения к Анне Павловне на «ты», но и восстановить чисто русский оборот речи.

¹⁸ Эти две формы, очень часто употреблявшиеся Пушкиным, никогда им не смешивались (см.: Словарь языка Пушкина. М., 1959. Т. 3. О — Р. С. 1042—1043 и 1044).

было сказано ни слова.) И Гончаров вносит следующее исправление: «И сама Венера, перед новыми героинями — просто жалкая невинность!».

Что же касается единственного исправления, сделанного по изданиям «Современника», 1848 и 1858 гг., то оно объясняется просто: Александра Адуева, человека штатского, за дуэль нельзя было отдать в солдаты. И до 1862 г. этот текст читался так: «...да! в солдаты: ну хоть в солдаты и не отдадут, да ведь после этой истории...». В 1862 г. фраза стала выглядеть иначе: «...да! в солдаты; кроме того, после этой истории...». В таком виде фраза перешла и во все последующие издания. Вероятнее всего, в 1862 г. при наборе выпали слова «ну хоть в солдаты и не отдадут» и в корректуре это место было «сглажено» с помощью слов «кроме того» (гл. VI части первой). Восстанавливая прежний текст, мы возвращаем прежнее правильное чтение.

Все приведенные исправления вновь возвращают нас к вопросу о том, почему текст 1868 г. не был положен Гончаровым в основу при подготовке собрания сочинений. Как уже было показано, он не забывал о серьезной правке, сделанной им ранее. Вероятнее было бы предположить, что писатель предпочитал видеть в своем первом романе произведение начального этапа своего творчества, именно 1840-х гг. Не случайно позднее в статье «Лучше поздно, чем никогда» он утверждал, что в его трех романах следовало видеть, «как в капле воды, периоды русской жизни». А о периоде, отразившемся в «Обыкновенной истории», Гончаров писал так: «Крепостное право, телесное наказание, гнет начальства, дикость нравов в массе — вот что стояло на очереди в борьбе и на что были устремлены главные силы русской интеллигенции тридцатых и сороковых годов. Нужно было с критической трибуны, с профессорской кафедры, в кругу любителей науки и литературы, под лад художественной критики призывать к первым, вопиющим принципам человечности, напоминать о правах личности, собственности и т. п.» («Предисловие к роману „Обрыв“»). Вот почему, возможно, отдельные «реалии», внесенные Гончаровым в текст в 1868 г., были отброшены позднее. Так, до 1868 г. Петр Иванович говорит о своих фабричных: «если задурят, так посечешь», в 1868 г.: «если задурят, так посадишь в часть», а в 1883 г. Гончаров восстанавливает первый вариант. Не ставя под сомнение авторитетность издания 1868 г., все-таки нельзя считать этот текст основным. Тем более что всегда будет оставаться неразрешимым вопрос: как в тексте более раннем отразить позднейшую серьезную правку? Да и сам факт правки 1883 г. не есть ли уже акт творческой воли писателя, отменившего тем самым более ранний текст? Можно было бы, правда, поместить в академическом издании оба текста: в качестве основного — текст последнего авторизованного издания, а в качестве другой редакции — текст 1868 г. Но в таком случае встал бы вопрос о подобном решении и в отношении текста романа «Обломов» 1862 г. и текста «Фрегата „Паллада“» 1858 г.

Закономерен и вопрос: представляет ли текст «Обыкновенной истории» 1868 г. другую редакцию? По-видимому, все-таки нет: правка 1868 г., подобно правке во всех пяти переизданиях (не считая журнальной публикации и текстов собрания сочинения), не касается ни композиции романа в целом, ни построения отдельных глав и не меняет сущности ни одного из основных персонажей произведения, т. е. всего того, что касается гончаровского «мира творческих типов» («Лучше поздно, чем никогда»). (Признаки «другой редакции» можно обнаружить лишь в отдельных переработанных частях текста или эпизодах.) Писатель относится очень бережно к главным героям и линиям романа и сохраняет их, невзирая ни на какие упреки и пожелания критики. (Эта бережность распространяется, например, и на

имена его героинь. Несмотря на изменившуюся со второй половины XIX в. систему правописания, он с 1848 до 1887 г. продолжает именовать героиню «Обыкновенной истории» Надинькой (в отличие от Александра Адуева, которого всюду называет Сашенькой), а деревенскую любовь Александра — Соничкой, героиню «Обрыва» Марфинькой и т. п., отдавая тем самым дань давней русской традиции, восходящей, вероятно, к обычаю называть русских барышень на французский манер: Надин, Катишь (Катрин, Кити), Софи, Долли и т. п. (ср. с неосуществленным замыслом Пушкина «Надинька»).

Детальное рассмотрение характера правки во всех изданиях «Обыкновенной истории» свидетельствует лишь о присущей Гончарову уникальной требовательности к тексту своего романа и позволяет сделать единственно правильный, на наш взгляд, выбор основного текста для академического издания — текста последнего прижизненного собрания сочинений писателя с рядом необходимых исправлений, введенных в него из более ранних изданий.

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЗМ В ЛИТЕРАТУРЕ

В. В. КУСКОВ

Проблемы историзма древнерусской литературы XI—XII вв.

Принципы исторического подхода к фактам и явлениям древнерусской литературы начали разрабатывать русские ученые культурно-исторической и сравнительно-исторической школ литературоведения второй половины XIX—начала XX в. (А. Н. Пыпин, Н. С. Тихонравов, Ф. И. Буслаев, А. Н. Веселовский, М. Н. Сперанский и др.). В исследование историзма древнерусской литературы большой вклад был внесен В. Н. Перетцем, И. П. Ереминым, А. С. Орловым, Н. К. Гудзием, В. П. Адриановой-Перетц, Л. А. Дмитриевым, А. Н. Робинсоном и особенно Д. С. Лихачевым.¹ Благодаря трудам этих ученых древнерусская литература стала рассматриваться в процессе исторического развития, в тесной связи с историей русского общества и государства, становлением национального сознания, художественных форм.

Однако до сих пор остаются невыясненными вопросы: как формировалось понятие историзма в древнерусском обществе, что понималось тогда под историческим фактом, каковы были способы его изложения и оценки, что понималось под вымыслом и каково было соотношение факта и вымысла, прибегали ли средневековые писатели к обобщениям фактов и как соотносился «документализм» с занимательностью.

Исчерпывающие ответы на поставленные вопросы невозможно дать в пределах небольшой статьи, и предлагаемый этюд является лишь попыткой наметить некоторые общие контуры их решения.

Когда и как возникает историческая память о прошлом? Еще на стадии первобытно-общинного строя человек ощутил свою неразрывную связь с родом-племенем и начал осознавать преемственность поколений, временную связь потомков с предками — родоначальниками, свою общность с сородичами.

Эта ранняя ступень формирования историзма сознания у восточнославянских племен получила свое отражение в «Повести временных лет». Повествуя о восточнославянских племенах, населявших равнины Восточной Европы, летописец отмечает: «Имяху бо обычай свой и законъ отец своих и преданья, кождо свой нравъ».² Родовые, племенные обычаи, предания —

¹ См. Лихачев Д. С. 1) Человек в литературе Древней Руси М., 1970, 2) Развитие русской литературы X—XVII веков Л., 1973, Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI—XIII вв. М., 1980, Еремин И. П. Литература Древней Руси М., Л., 1966

² Повесть временных лет Ч. I Текст, перевод/Подгот. текста Д. С. Лихачева Пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова, Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц М., Л., 1950 С. 14 Ч. 2 Приложения/Статьи и коммент. Д. С. Лихачева, Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц М., Л., 1950 Далее ссылки на это издание в тексте сокращенно П.В.Л. с указанием части и страниц

эти первые элементы исторической памяти, передававшиеся из поколения в поколение, постепенно закрепились традицией. Хранителями этих традиций были старейшины рода. Культ предка-родоначальника скреплял невидимыми нравственными нитями прошлое с настоящим, укреплял авторитет старейшины, хранителя чести и славы своего рода.

Культ рода, связанный с язычеством, длительное время сохранялся в сознании русского общества на протяжении XI—XIII вв.³ По принципу родового старшинства наследовался князьями великокняжеский престол в Киеве. Этот принцип окружался ореолом христианской святости путем прославления страстотерпческого подвига св. князей Бориса и Глеба.⁴

Все князья были связаны родственными узами и происхождении, как утверждала «Повесть временных лет», от единого родоначальника — князя Рюрика. Подчеркивалась постоянная родовая связь князей и преемственность поколений. Так, митрополит Иларион в «Слове о Законе и Благодати», прославляя «великааго кагана нашеа земли Володимера», подчеркивает, что он «внук старааго Игоря», «сын славнааго Святослава».⁵ Именуя Игоря «старым», Иларион отмечает его временную удаленность от своего («нынешнего») времени, т. е. середины XI столетия. К «храброму Олегову гнезду» относит автор «Слова о полку Игореве» северских князей, участников похода на половцев, тесно связывая Игоря Святославича с его дедом Олегом Святославичем (Гориславичем). На родовые связи князей с отцами, дедами и даже прадедами указывают также летописцы.

Родовые связи являлись, вероятно, первой формой постижения временной связи и преемственности поколений. В качестве предков-родоначальников выступают легендарные герои. Так, родоначальниками племен радимичей и вятичей летописец называет двух братьев Радима и Вятку, выходцев «из ляхов». «...держати почаша <...> княженье в полях» род Кия (ПВЛ, 1, 13). В 882 г. хитростью захватив Киев и убив Аскольда и Дира, Олег заявляет: «„Вы нѣста князя, ни рода княжа, но аз есмь роду княжа“, и вынесоша Игоря: „А се естъ сынъ Рюриковъ“» (ПВЛ, 1, 20).

С образованием военно-племенных союзов, их объединением в государственные образования на первый план выступают военачальник-князь и его дружина. Объектом исторической памяти становятся военные походы, битвы, героические подвиги военачальников. Дружинные певцы создают песни о достопамятных воинских походах. Эти устные военные «саги» — «летописи»⁶ затем составили основное ядро повествований о князьях-язычниках.

Новые принципы историзма в древнерусское общество внесло христианство. Книги Священного Писания — Евангелия, Апостол, а затем и Апокалипсис воспринимались не только как книги догматические, но и исторические, излагавшие судьбы человечества от «сотворения мира» до его «конца» — Страшного суда. В этих книгах «великая драма греха и искупления развернулась во времени, т. е. в истории».⁷

С принятием христианства в сознание древнерусских людей начинал постепенно входить календарь и хронологические представления о последова-

³ Комарович В Л Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв // ТОДРЛ М Л, 1960 Т 16 С 84—104

⁴ Сказание и страсть и похвала святую мученику Борнса и Глеба // Успенский сборник XII XIII вв / Изд подгот О А Князевская В Г Демьянов М В Ляпон, Под ред С И Коткова М 1971 С 58—71 Жития святых мучеников Борнса и Глеба и службы им / Пригот к печати Д И Абрамович Пг 1916

⁵ Молдован А М Слово о законе и благодати Илариона Киев, 1984 С 91

⁶ Лихачев Д С Русские летописи и их культурно-историческое значение М Л 1947 С 58—76, 100—114

⁷ Блок М Апология истории или ремесло историка М, 1986 С 6

тельной смене лет, начиная с крайней точки отсчета времени — от марта месяца (древнееврейского месяца ниссана) первых дней творения мира. Конечным пунктом отсчета ветхозаветной истории явилось рождение Бого-Человека Иисуса Христа. Памятные, знаменательные события его жизни церковь вспоминает в круге годичном непрерывающихся и переходящих праздников. Однако в Древней Руси непрерывная цепь времен в сознании общества не прерывалась от дня сотворения мира и время продолжало двигаться от своего «начала» к «концу», к седьмой тысяче лет, т. е. «последнему веку», ведь христианство утверждалось на Руси св. Владимиром, когда седьмая тысяча уже достигала своей половины. Однако это не вселяло никакого пессимизма. Нестор, создавая Житие преподобного Феодосия Печерского, опровергал взгляд на то, что слабым должен быть «последний род». Иларион видел в принятии христианства-благодати акт всемирно-исторический: Русская земля, «знаема и слышима во всех концах мира», вошла равноправной христианской державой в семью христианских народов и обрела «спасение».

Формирование историзма древнерусской литературы происходит путем синтеза «историзма» родовых преданий, военной саги и христианского представления об истории, направляемой волею Творца. Этот синтез и был осуществлен в начальной русской летописи — «Повести временных лет».

Не касаясь сложного и до сих пор не решенного вопроса генезиса «Повести временных лет», обратим внимание на то, что сам факт появления летописи — результат высокого уровня исторического самосознания древнерусского общества XI—XII вв.

Своей задачей летописцы поставили выяснение важнейшего вопроса «откуда есть пошла Руская земля <...> и откуда Руская земля стала есть».

Историю Руси летописец включает в общую мировую историю, начиная повествование от всемирного потопа, когда «от Адама до Потопа» прошло 2242 года, и рассматривает славян в качестве потомков сына Ноя Иафета, причисляя славян, таким образом, к единой семье европейских народов.

Библейское сказание о разделении земель между тремя сыновьями Ноя — Симом, Хамом и Иафетом истолковывается летописцем в тех юридических и правовых понятиях, которые сложились в XI в. между русскими князьями-братьями, возводившими свой род к Рюрику. Они, подобно русским князьям, делят землю «по жребию» и обязуются «не преступати нико-му же въ жребий братьень» (ПВЛ, 1, 10).

Славянские племена включаются летописцем в общий перечень народов, населяющих землю на востоке, юге, западе и севере. Но постепенно это обширное «мировое» пространство сужается до бассейна Дуная, Вислы, Моравы и, наконец, Днепра, Припяти, Десны, Двины, Полоты, Сейма, Сулы, Буга, озера Ильмень и реки Волхов.

Объектом описания летописца становятся восточнославянские племена, места их расселения, нравы и обычаи. При этом из всех восточнославянских племен особо выделяется племя полян, живущее в среднем Поднепровье с центром в Киеве, основанном тремя братьями — Кием, Щеком, Хоривом и сестрой Лыбедью.

В летопись включаются сведения о переселении на Дунай болгар, угров, нашедших на племя дулебов («суших славян») обрив-аваров, о зависимости полян от хазар. При этом оценка этих событий дается с позиций христианского мироздания.

Первая историческая дата, которую фиксирует летописец, — 6360 г., т. е. 852 г., когда «нача ся прозывати Руска земля» при византийском царе Михаиле, когда «приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется в лѣтописаньи гречьстѣмь» (ПВЛ, 1, 17). Летописание греческое — это продолжение

византийской хроники Георгия Амартола, и этот документ служит русскому летописцу неоспоримым свидетельством появления Руси на мировой исторической арене. «...отселе почнем и числа положим, — решительно заявляет летописец и дает свою хронологическую выкладку событий от Адама до потопа, от потопа до Авраама, от Авраама до исхождения Моисеева, от исхождения Моисеева до Давида царя, от Давида царя до царя Соломона и пленения иерусалимского, т. е. вавилонского плена, от пленения до Александра Македонского, от Александра до Рождества Иисуса Христа, а от Рождества Христова до царя Константина, а от Константина «до Михаила сега» (см. там же).

Как известно, все эти хронологические выкладки восходят к краткой редакции «Летописца вскоре» патриарха Никифора (ум. в 829 г.), а общий итог лет от сотворения мира до Рождества Христова определен ошибочно в 5454 г., а не в 5508 лет (ПВЛ, 2, 231—233).

Таким образом летопись дает первую попытку периодизации «всемирной истории», продолжением которой служит периодизация русской истории по княжениям, начиная «от первого» князя Олега (Рюрик в этом перечне отсутствует, что свидетельствует о позднем происхождении сказания о призвании князей, т. е. по составлении этой «периодизации»). В общий перечень русских князей включены: Олег, Игорь, Святослав, Ярополк, Владимир, Ярослав, Святополк Изяславич, а имена Ярославичей отсутствуют.

С лета 6360 (862) г. начинается последовательная хронологическая канва положенных «по ряду» чисел, т. е. не прерываемый ни на единый год мерный ход лет, что ярко отражает представление средневекового автора об истории как о непрерывной движущейся во времени цепи событий. Когда известие о событии отсутствует, дата остается незаполненной, «пустой». Количество таких «пустых» дат особенно велико в летописном тексте, относящемся ко второй половине IX—первой половине X в. К концу X—началу XI в. их количество постепенно уменьшается.

Что же понимается летописцем под историческим фактом? Это прежде всего *событие*, «што ся здѣя в лѣта си» (ПВЛ, 1, 17). Это безусловно событие неординарное, не повседневное, не обыденное, а имеющее важное государственное значение, связанное с военными походами, отражением набегов степных кочевников, заключением мирных договоров, княжескими усобицами, крамолами, т. е. темы «войны и мира» с явным преобладанием тем «войны».

Сравнительно редко летописец сообщает о брачных союзах князей, рождении у них детей, ограничиваясь при этом лаконичной констатацией факта и не давая ему никакой оценки.

Известия о смерти князей порой сопровождаются небольшим некрологом-похвалой. Однако некрологов удостаиваются далеко не все князья, а сами некрологи различны по своему стилистическому оформлению. Как правило, тело князя хоронят в церкви, «оже бе сам созда», и его погребение сопровождается всенародным плачем.

Летописцы не проходят и мимо фактов, связанных со строительством князьями каменных храмов: Десятинной церкви в Киеве, Софийских соборов в Киеве и Новгороде, церкви Спаса Преображения в Чернигове и др. (Заметим, что воздвигаемые князьями храмы в свою очередь являются своеобразной каменной летописью Русского государства, поскольку их воздвижение связано с знаменательными памятными историческими событиями.)

Известия о церковных делах, сведения о митрополитах, епископах занимают в летописи довольно скромное место. Однако поскольку летопись родилась в стенах Киево-Печерского монастыря, то известия, связанные с основанием обители, повествование о преставлении ее игумена преподобного

Феодосия Печерского, рассказы о достопамятных черноризцах печерских занимают в летописи подобающее место. Кроме того, летопись отводит большое место прославлению страсготерпческих подвигов св. князей Бориса и Глеба и сказанию о перенесении их мощей из старого Вышгородского храма в новый.

Не проходят летописцы и мимо таких фактов, как знамения небесные: затмения солнца, луны, появления кометы Галлея, землетрясения, распространения моровых поветрий, нашествия саранчи. Эти явления потрясали умы древних русичей, тем более что в их сознании еще длительное время после принятия христианства удерживались древние языческие представления. Фиксируя эти явления, летописец опровергал эти представления и истолковывал небесные знамения в провиденциальном духе в качестве Божьего знамения, предостережения людям о необходимости отказаться от беззаконий и обратиться к покаянию.

Какое же словесное оформление получал факт в летописи? Простейшей повествовательной единицей летописи является погодная запись. Она предстает в виде простой констатации события без всякой его оценки.⁸ В подавляющем большинстве таких записей на первое место ставится само *действие*, т. е. *глагол*, при помощи которого и подчеркивается значимость того или иного события — «деяния». Например: «Поиде Мьстиславъ на Ярослава с козары и съ касогы» (ПВЛ, 1, 99); «В лѣто 6549. Иде Ярославъ на мазовъшаны, вѣ лодьяхъ» (ПВЛ, 1, 103).

Другой, более сложный, тип летописной записи близок к предыдущему. Здесь фиксируется не только «деяние», но и его результаты. Например: «Въ лѣто 6391. Поча Олегъ воевати деревляны, и примучивъ а, имаше на них дань по чернѣ кунѣ» (ПВЛ, 1, 20); «В лето 6555. Ярославъ иде на мазовшаны, и побѣди я, и князя ихъ уби Моислава, и покори я Казимиру» (ПВЛ, 1, 104).

Подобные типы летописных погодных записей следует отнести к простому, *документальному* летописному *стилю*.

Однако наряду с этими простейшими единицами повествования в летописи широко представлены более подробные описания событий с элементами сюжетного повествования.⁹

Д. С. Лихачев обратил внимание на наличие в летописи различных жанров повествования: легенды, топонимического предания, сказаний, связанных с могильниками, дружинным и народным эпосом, исторических и агиографических сказаний и, наконец, повестей.¹⁰

Порой на устный источник своих сказаний о далеком прошлом летописец указывает сам. Так, помещая в летописи сказание об основании Киева тремя братьями, летописец отвергает версию о Кие-перевозчике и доказывает его княжеское происхождение, рассказывая о походе Кия на Царьград, почестях, возданных греческим царем русскому князю, а также существованием на Дунае городища Киевец, якобы основанного Кием при возвращении из военного похода.

По мере того как летописец переходит от повествования о событиях «давно минувших лет» к событиям близким ему хронологически, его рассказы становятся более подробными и более тенденциозными.

Сам характер отбора фактов в летописи — свидетельство пристрастий летописца, его симпатий и антипатий. Эти пристрастия продиктованы не личными интересами составителя сказаний, а теми социальными группами,

⁸ Пурье Я. С. К изучению летописного жанра // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 94–108.

⁹ Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 35–36.

¹⁰ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 100–114.

интересы которых он представляет и защищает: князя, монастырской братии, старшей дружины, «ксиян». Вычленив эти «интересы» из общего потока летописных известий, создающих впечатление «беспристрастия», бывает подчас нелегко. Однако летописец отнюдь не внимает равнодушно добру и злу. Он судит исторических деятелей-князей не только «Божьим», но и «людским» судом — судом праведным и нелицеприятным. Он осуждает ложь, лицемерие-«неправду» и подчеркивает силу добра, «милости Божией». Он осуждает княжеские крамолы, которые ослабляют Русскую землю, приводят к нарушению ее целостности, единства и торжеству «поганных» (язычников) — степных кочевников. С точки зрения интересов Русской земли и оценивает летопись деяния ее правителей-князей.

В то же время летописец прочно стоит на христианской провиденциальной позиции и рассуждает так: «Аще бо кая земля управится пред Богом, поставляет ей цесаря или князя праведна, любяща суд и правду, и властеля устрояет, и судью, правящаго суд. Аще бо князи правдиви бывають в земли, то многа отдаются согръшенья земли; аще ли зли и лукави бывають, то болше зло наводит Бог на землю» (ПВЛ, 1, 95). Считая, что источником зла является дьявол, летописец в то же время отмечает, что зло таится и в самом человеке, в его злой воле. Он подчеркивает, что «зол человек», «злая жена» хуже беса, ибо бес креста боится, а злой человек «ни креста не боится, ни людей не стыдится».

Как правило, летописец не устанавливает причинно-следственных связей между событиями. События излагаются подчас фрагментарно,¹¹ их объединяет только время: последовательность либо одновременность.

Однако в отдельных случаях летописец пытается указать на причины тех или иных поступков князей. Так, например, причиной распри Ярополка с Олегом летописец считает убийство Олегом Свинодича Люта во время охоты; причину властолюбия Святополка Окаянного видит в его происхождении «от двою отцу».

Средством обобщения фактов служат в летописи стилистические словесные формулы, связанные с изображением битвы,¹² погребением князя, сопровождающимся «обычными пеньями» и всенародным плачем.

Важным средством обобщения и оценки события — факта, деяний князей является прием исторической ретроспективной аналогии, прием цитирования текстов Священного Писания.¹³

События и героев отечественной истории летописец сопоставляет с событиями и героями истории библейской — «мировой». Так, например, оценивая поведение Владимира-язычника, его женолюбие, летописец дает сопоставление русского князя с царем Соломоном, подчеркивая превосходство Владимира над царем-язычником: ведь Владимир стал христианином и тем самым обрел спасение в отличие от Соломона.

Преступление братоубийцы Святополка Окаянного осуждается в летописи путем его сопоставления с Каином. Подвиг крестителя Руси Владимира сопоставляется с подвигом римского императора Константина Великого. Сказание о хазарской дани — с историей взаимоотношений Моисея и фараона.

¹¹ Еремин И. П. Повесть временных лет как памятник литературы // Еремин И. П. Литература Древней Руси. С. 42—97

¹² Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) М., 1902; Творогов О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ М., Л., 1964 Т. 20 С. 29—40

¹³ Кусков В. В. Ретроспективная историческая аналогия в произведениях Куликовского цикла // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980 С. 10—38

Эти аналогии служат средством моральной и даже политической оценки исторических деятелей русской истории и приобретают обобщенно-символический характер. Соломон в восприятии древнерусских писателей и читателей становится символом мудрости, царь Давид — кротости, Иосиф Прекрасный — красоты, Самсон — силы, Каин — братоубийства.

Интерпретация факта, его словесно-стилистическое оформление в летописи также зависят от избранного жанра. Достаточно сопоставить летописную статью 6523 (1015) г. о смерти Владимира Святославича и «О убыении Борисове» со статьей 6605 (1097) г. — повестью об ослеплении Василька Тербовльского. Первая статья обнаруживает тесную связь с агиографическим жанром, ставящим своей целью «идеальное преобразование жизни»; вторая скрупулезно излагает факт, достоверность которого свидетельствует очевидец-автор — поп Василий.

Следует обратить внимание на то, что элементы художественного вымысла появляются уже в начальной летописи. Их содержат народные предания о событиях далекого прошлого, рассказы о чудесах, видениях, небесной помощи русским воинам. Однако эти «факты» в средние века не воспринимались в качестве вымысла, они рассматривались как достоверные события, засвидетельствованные «самовидцами», и являлись важным средством прославления святости героя, святости подвига.

Однако уже в агиографических сказаниях летописцы пытаются показать внутренние помыслы человека, его побуждения, и с этой целью создаются вымышленные монологи, раскрывающие благочестивые помыслы (князя Бориса, Глеба) или нечестивые побуждения (Святополка). Внутренние монологи Бориса приобретают характер лирической благочестивой медитации. Здесь на первое место выступали требования жанра. «Прелесть простоты вымысла» стала прежде всего проявляться в житии, патериковом рассказе (сказание о черноризцах печерских).

Таким образом, историческое повествование в «Повести временных лет» лишено стилистической однородности. Здесь намечаются те тенденции, которые затем получают свое развитие в летописном повествовании XIV—XVI вв.

Р. Г. СКРЫННИКОВ

Исторический факт и летопись

«Повесть временных лет» занимает особое место среди древнерусских источников. Ее сведения по ранней истории Руси уникальны. Их значение возрастает, когда имеется возможность сопоставить ее свидетельства с более ранними источниками византийского и еврейско-хазарского происхождения.

Киевская летопись сообщает сведения о деятельности вдовы князя Игоря Святославича Ольги в середине X в. С ее именем связывают первые в русской истории реформы, упорядочившие систему государственного управления. Реформаторская деятельность Ольги подтверждается следующим летописным известием: «В лето 6455 [947]. Иде Вольга Новугороду, и устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знамянья и места и повосты, и сани ее стоять в Плескове и до сего дне».¹ Для верной интерпретации приведенного отрывка следует сравнить его с записками императора Константина Багрянородного, написанными во времена Ольги в середине X в. С приближением зимы, писал император, русские «архонты выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полюдия, что именуется „кружением“, а именно в земли древлян, дреговичей, северян и прочих данников славян. Кормясь там в течение зимы, они в апреле, когда тает лед на Днепре, возвращаются в Киев».²

«Поездка» Ольги в Новгород как две капли воды напоминала полюдь, описанное Константином VII. Различие заключалось в том, что император имел возможность использовать материалы, тщательно подобранные для него чиновниками и основанные на показаниях русских послов и лиц, ездивших по дипломатическим и торговым делам в Киев, тогда как Нестор трудился над летописью в начале XII в. и руководствовался историческими припоминаниями, дружинным эпосом и преданиями. Летописец XII в. озаглавил свое известие «Иде Ольга Новугороду». Но полюдь не было путешествием. Византийский писатель очень точно описал его как «кружение». Именно таким «кружением» была описанная летописцем поездка. В Новгород Ольга отправилась бы обычным путем («из греков в варяги») — по Ловати на Волхов. Вместо этого она прошла через землю ильменских славян с востока на северо-запад по Мсте и Луге, после чего в конце зимы повернула на юг в Псков. Судя по тому, что Ольга оставила свои сани в Пскове, ее полюдь закончилось весной. Но зима как раз и была временем полюдя.

¹ Повесть временных лет Ч 1 Текст и перевод/Подгот текста Д С Лихачева, Пер Д С Лихачева и Б А Романова, Под ред чл-корр АН СССР В П Адриановой-Перетц М, Л, 1950 С 43 Далее ссылки на это издание в тексте сокращенно ПВЛ, с указанием страниц По А А Шахматову, эта запись была включена в новгородский свод 1050 г (Шахматов А А Разыскания о древнейших русских летописных сводах СПб, 1908 С 613)

² Константин Багрянородный Об управлении империей М, 1989 С 51

Мудрой правительнице княгине Ольге приписывают установление на Руси новой системы административного деления — «повостов», а также системы поборов — «оброков». Слово «оброки» позднего происхождения, а понятие «погост» имело в X в. совсем иное значение, чем в XII в. При Ольге погост обозначал языческое святилище и место торго славян («погост» от слова «гость» — купец). С принятием христианства власти стали разорять капища и на их месте ставить церкви. Крупнейшие погосты превратились к XII в. в центры управления округой. Но при Ольге погосты оставались языческими святилищами по преимуществу.

Летопись заключает в себе одну любопытную деталь. Рассказ о посещении Ольгой ильменских словен летописец завершает словами: «...ловища ея суть по всей земли, знамяня и места и повосты» (ПВЛ, 43). Не следует считать, что Ольга сумела соединить административную реформу (учрежденные погосты) с заведением княжеской охоты (устройством ловищ по всей земле). Во время «полюдьа», как обнаруживается, русы не только собирали дань со славян, но и кормились охотой.

Помощники Константина Багрянородного собрали подробные и точные данные о полюдье киевского князя в Южной Руси. Карта, составленная Б. А. Рыбаковым на основе «Записок» Константина VII, обнаружила, что князь во время полюдьа действительно совершал «кружение», проходя через земли древлян, поворачивая на Смоленск и возвращаясь в Киев по левому берегу Днепра через Чернигов.³ В полюдье уходили «все русь». Понятно, что они не рисковали оставлять надолго пустой город и заходить далеко на север. При Ольге господство русов в Киеве упрочилось, и она впервые предприняла далекое полюдье и стала собирать дань с наиболее населенных земель на Северо-Западе.

Обмен мирными посольствами между Византией и Русью, поездки Ольги в Царьград и ее беседы с Константином Багрянородным благоприятствовали тому, что в византийских источниках появились первые точные данные о славянских племенах и русских городах. В императорских «Записках» подробно описан путь из Константинополя в Киев, при этом особое внимание уделено наиболее опасному участку пути — днепровским порогам, воспроизведены русские (скандинавские) и славянские названия большинства порогов. По мнению лингвистов, славянские названия порогов подверглись в византийской записи меньшему искажению, чем скандинавские. Это указывало на то, что составители «Записок» использовали славянские источники информации.⁴ Знания лица, представившего императорским чиновникам сведения о Руси, ограничивались преимущественно киевской округой. Из семи славянских городов, названных в «Записках», четыре располагались в Южной Руси. Их названия (Киова, Чернигога, Вусеград и Витичев) переданы более точно, тогда как наименования двух городов вне киевской округи искажены до неузнаваемости (Мелински и Телиуцы). Последнее название, видимо, относилось к Полоцку или Полтеску. Среди славянских племен названы кривитины (кривичи), лендзанины (лендзяне) и дервленины (вервианцы, древляне). Об этих племенах авторы «Записок» получили более подробную информацию и потому упоминают о них дважды. Кроме них названы северяне (севериин), другувиты (дреговичи) и ультины (уличи). Название племен словен, полочан, вятичей, вольнян, тиверцев, обитавших вдали от Киева, в «Записках» не фигурируют.⁵ Составители «Записок» проявили

³ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и ее русские княжества XII—XIII вв. М., 1982 С. 317

⁴ Obolensky D. Commentary // Constantine Porphyrogenitus. De administrande imperio. London, 1962 Vol. 2 P. 19, Bury J. B. The Treatise De administrando imperio // Byzantinische Zeitschrift München, 1906 Bd 15 S. 541

⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 45, 51, 157

большую осведомленность в отношении Киева и киевской округи. Однако в византийском списке славянских племен отсутствуют поляне, жившие в Киеве и его окрестностях. В то же время авторы «Записок» повествуют о неких лендзянах, отсутствующих в «Повести временных лет». Возникает предположение о тождестве этих племен. Как установлено в литературе, имя «лендзяне» воспроизводит самоназвание поляков (lendjane; рус. «лядский, ляхи»).⁶ То же самое значение имеет название «поляне». Имя полян великопольских земель и полян из киевской округи совпадает. Примечателен порядок перечисления племен в «Записках» Константина Багрянородного. Лендзяне упомянуты в одном случае рядом с кривичами, в другом — рядом с уличами и древлянами.⁷ При Несторе поляне жили в Поднепровье неподалеку от Киева, имея соседями на севере — кривичей, на юге — уличей, на западе — древлян. Эти данные соответствуют византийским сведениям о местоположении лендзян.⁸ Ближайшими соседями полян на востоке были радимичи. Это небольшое племя так же осталось неизвестно Константину Багрянородному, как и племя полян. Можно высказать предположение, что малочисленные племена полян и радимичей были осколками большого племени, сохранившего единство в середине X в., но распавшегося в XI—XII вв. Отражением этого факта были припоминания об общих родоначальниках и общем происхождении племен, записанные летописцем. «...радимичи бо и вятичи, — утверждал Нестор, — от ляхов. Бяста бо 2 брата в ляхех, — Радим, а другой Вятко, — и пришедша седоста Радим на Съжу, и прозвашася радимичи, а Вятко седе с родом своим по Оце, от него же прозвашася вятичи» (ПВЛ, 43). Рядом был одним из старинных городов Польши. Имена «Радим» и «радимичи» соотносятся с этим топонимом.

Жители Киева считали себя полянами, что и определило отношение киевских летописцев в этом племени: «Мужи мудри и смыслени, нарицахуса поляне, от них же есть поляне в Киеве и до сего дни». Мудрые поляне имели обычай «кроток и тих», к родственникам «велико стыденье имеху», имели «брачный обычай». Напротив того, радимичи, вятичи и их соседи «живяху в лесе, яко же и всякий зверь, ядуще все нечисто, и срамословье в них пред отцы...» (ПВЛ, 14—15). Очевидная пристрастность суждения ставила Нестора в затруднительное положение. Если бы он признал, что поляне имеют общих предков с радимичами и вятичами, тогда рассуждения об особой мудрости и добродетелях полян лишились бы основания. Становится понятным, почему летописец решил обойти молчанием вопрос о происхождении полян и их князя Кия, хотя этот вопрос относился к числу самых злободневных. Поляки, записал Нестор, поселились на Висле, и «от тех ляхов прозвашася поляне»; «также и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, седоша в ляхех»; «поляном же жившим особе по горам сим» и пр. (ПВЛ, 11, 13, 14—15). Объяснив, что древляне получили свое имя, потому что жили в лесу, летописец оставил читателя в полном неведении, почему будущие киевляне, поселившись «на горах», стали именоваться «поляне». Назвав на одной странице польских полян и полян киевских, ученый книжник не стал пояснять, в каких отношениях между собой находились эти племена. Между

⁶ Lehr Splawinski T Ledzice—Ledzanie—Lachowic // Opuscula Casimiro Tymie niecki septuagenario dedicata Poznan, 1959 S 195—197

⁷ Константин Багрянородный Об управлении империей С 45, 157

⁸ Некоторые исследователи отождествляли лендзян с воляинянами (Dowmianski H Ledziane // Slavia Antiqua 1953 T 4 S 97—114, Wasilewski T Dulebowie — Ledziane-Chorwaci // Przegląd Historyczny 1976 R 67 N 2 S 181—187) Но воляиняне обитали вдали от Киева и Поднепровской Руси Константин Багрянородный сообщает что Печенеги находится на расстоянии дня пути от Руси т е в 30—35 км от русской границы проходившей под самым Киевом Наименование «воляиняне» «дудебь» «бужане» очевидно не имеет точек соприкосновения с названием «лендзяне»

тем название великопольских ляхов-полян строго соотносилось с названием киевских лендзян-ляхов-полян. Имя Киова (араб. Куявия) близко топониму Куявия в Польше. В договоре киевского князя Игоря 944 г. один из старших киевских «архонтов» (конунгов) носил характерное для полян-поляков имя Володислав.

Исследователи выражали удивление по поводу того, что крохотное племя полян сыграло столь выдающуюся роль в истории Руси. В самом деле, малочисленное племя едва ли могло выжить, а тем более подчинить себе куда более могущественные племена, окружавшие его и занимавшие огромные территории. По признанию Нестора, поляне были «обидимы» ближайшими соседями древлянами, племенем отнюдь не крупным (ПВЛ, 16).⁹ «Записки» Константина Багрянородного объясняют дело. До середины X в. поляне, радимичи, а может быть, и вятичи сохраняли принадлежность к единому племени лендзян, которое не уступало по численности и могуществу союзу кривичей или ильменских словен. Норманское завоевание ускорило распад этого племени. Жившие в Поднепровье лендзяне подчинились русам, тогда как вятичи еще долго оставались под властью хазар. Старые племенные связи подверглись разрушению на славянских землях, которые были освоены норманнами в первую очередь. Эти земли первыми подверглись также и христианизации.

Константин Багрянородный подробно описал полудье русов. В его описании отсутствуют поляне и радимичи. Русы не ходили в полудье к лендзянам (полям, радимичам) по той причине, что земли лендзян в Поднепровье стали местом их обитания, тогда как вятичи еще оставались данниками хазар.

Нестор был образованным монахом, талантливым и добросовестным писателем. Его описание быта и нравов древних славян отнюдь не было вымыслом. Летописец лишь следовал впечатлениям современной ему жизни. К началу XII в. киевские поляне не только приняли крещение, но и прониклись христианским духом, тогда как их соплеменники радимичи и вятичи еще оставались язычниками. В середине X в. лендзяне на всей территории от Киева до земель радимичей за Днестром и вятичей на Оке оставались язычниками. Лишь после принятия христианства различия между столицей и периферией выступили наружу.

Предание о польском происхождении полян было известно Нестору. Но над ним тяготела злоба дня — трения между христианской столицей и языческими окраинами, споры, чья волость — Киевская или Новгородская была древнее, «кто в Киеве нача первее княжити» и пр. Отвечая на все эти вопросы, киевские летописи изложили легенду о Кие. Авторы киевских летописей не преминули сообщить о происхождении Рюрика, Радима, Вятко и пр., но умолчали о происхождении родоначальника всех киевлян — первого киевского князя. Это значительно снижает историческую ценность легенды о Кие.

Когда возник Киев? Вопрос этот относится к числу наиболее запутанных и спорных в литературе. Некоторые историки без достаточных к тому оснований утверждают, будто Киев был основан князем Кием в V в. н. э. Археологические данные исключают столь раннюю дату. Киев был намного моложе таких городов, как Ладога в Северной Руси, существовавшая уже в VIII в.

Летописные предания о Киеве были записаны лишь в XI—XII вв. К более раннему времени относятся иностранные свидетельства о Киеве, датируемые серединой X в. Это «Записки» императора Константина Багрянородного, составленные не позднее 952 г., и письмо на древнееврейском языке X в., подписанное членами еврейско-хазарской общины Киева.¹⁰ Оба

⁹ Ср.: Медьникова Е. А., Петрухин В. Я. Комментарии // Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 317.

¹⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 45; Golb N., Pritzak O. Khazarian-Hebry Document of the X Century. London, 1982. P. 9-19.

источника одинаково передают славянское наименование города: Киоава, Киав — в «Записках», и Кийув — в еврейском источнике. Еврейское письмо было сугубо деловым документом, «Записки» — политико-географическим трактатом. Неудивительно, что в «Записках» приведены географические подробности, ненужные в деловой переписке. Из материалов, подобранных для императора его канцелярией, следует, что Киев имел помимо славянского также хазарское название. В «Записках» фигурируют данные о «крепости Киоава, называемой Самватас». Слова sam («высокий») присутствовало в наименовании ряда хазарских крепостей.¹¹ Применительно к Киеву sam указывало на то, что хазарское укрепление располагалось на высоком месте — на киевских «горах». Отсутствие хазарского наименования в хазарско-еврейском письме X в. не подрывает доверия к византийскому свидетельству. К X в. Киев превратился в обширное поселение, а название «Самватас» сохранила, видимо, лишь та его часть, где располагалось небольшое хазарское укрепление.

Обращение к наиболее ранним и достоверным источникам дает основание связать возникновение Самватаса-Киева с хазарским завоеванием Нижнего Поднепровья. Как полагают, основателями Киева были хазары (О. Прицак).¹² Малочисленное племя полян не могло основать свою «столицу» на самой границе с «великой степью», так как их город был бы немедленно сметен кочевниками. Норманны, не опасаясь нападений, основывали свои неукрепленные «торговые места» — вики посреди славянских земель.¹³ В отличие от вигов хазарская фактория на Днестре была крепостью. Впрочем, безопасность Киева обеспечивалась не хазарскими укреплениями, а военной мощью Хазарии, контролировавшей причерноморские степи. Собирая дань со славян, Хазарский каганат ограждал свою днепровскую факторию от набегов степняков.

Описывая пороги на Днестре, Константин Багрянородный приводит их скандинавские и славянские названия. Среди городов лишь один фигурирует в «Записках» под двойным названием. Это Киев. Но в этом случае употреблен не скандинавский, а хазарский топоним. Хотя информаторами Константина были норманны-русы и их подданные славяне, скандинавские наименования «Каенугард» (Киев) и «Хольмгард» (Новгород) остались ему неизвестны. Упомянутое императором название «Немогард» близко к славянскому «Новгород» и не имеет ничего общего со скандинавским топонимом «Хольмгард». (Происхождение названия «Хольмгард» не поддается объяснению, поскольку «хольм» обозначает остров, между тем как Новгород стоит на материке, но никак не на острове.)¹⁴

В ранний период ни скандинавы, ни хазары не склонны были придавать исключительное значение днепровской фактории Самватасу. По традиции Хазария использовала древние пути в Византию, пролежавшие через хазарские города в Крыму, а со Скандинавией торговала через Верхнюю Волгу. В географическом комментарии к письму хазарского

¹¹ Мельникова Е А, Петрухин В Я Комментарий С 315 Некоторые исследователи связывают наименование Самватас с мифической рекой Самбатон (Субботня) из средневековой еврейской литературы (Архипов А А Об одном древнем названии Киева // История русского языка в древний период М, 1984 С 224—240) Эта гипотеза недостаточно обоснованна

¹² Golb N, Pritzak O Khazarien-Hebry Document P 44—59

¹³ Булкин В А, Дубов И В, Лебедев Г С Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. М, 1978, Лебедев Г С Эпоха викингов в Северной Европе Л, 1985 С 104—105

¹⁴ О значении указанных топонимов см Мельников Е А 1) Восточноевропейские топонимы с корнем gard в дневнесеверной письменности // Скандинавский сборник 1977 № 22 С 205 2) Древнескандинавские географические сочинения М 1986 С 46—48

царя Иосифа, составленном в неизвестное время, приведены важные сведения о многих городских и торговых центрах Хазарии, но наименование Самватас в нем отсутствует.¹⁵

По летописи, власть хазар распространялась на земли полян, радимичей и вятичей, иначе говоря, охватывала преимущественно область лендзян. Хазарам не удалось покорить ни одно крупное племя (кривичей, словен, уличей, древлян), жившее вне территории лендзян. Исключение составляли северяне, занимавшие местность к югу от радимичей, непосредственно на хазарской границе.

Для русов хазарский пост Самватас-Киев имел значительно более важное значение, чем для хазар, так как был крайним торговым пунктом на пути «в греки».

Судя по скандинавским источникам, Киев пользовался куда меньшей известностью, чем Новгород. В рунических надписях и памятниках древнескандинавской письменности топоним «Хольмгард» появляется уже в первой половине XI в., тогда как «Каенугард» — лишь во второй половине XII в.¹⁶

Скандинавы освоили Северную Русь много раньше, чем Южную. В их глазах Хольмгард сохранил значение главного города даже после того, как он утратил значение основной базы норманнов в Восточной Европе. Исландские саги нередко изображали всю Русь как владения конунга Хольмгарда.¹⁷

Хорошо известна традиция, в силу которой киевские князья сажали на княжение в Новгород старшего сына-наследника. Традиция, без сомнения, восходила к тому времени, когда Новгород оставался основным опорным пунктом русов в их походах на юг. Судя по «Запискам» Константина Багрянородного, к середине X в. архонты русов имели ставку в Киеве, но при этом старший из них князь Игорь продолжал держать сына-наследника в Новгороде. Отмеченный факт не означает того, что Новгород оставался «столицей» Руси. Ни Новгород, ни Киев, никакой другой город не были и не могли быть княжеской столицей в собственном смысле слова, поскольку в середине X в. само Древнерусское государство еще находилось в процессе становления и не имело ни сформировавшейся княжеской династии, ни столицы.

Согласно русским летописям, Олег пришел в Киев, не задерживаясь в Смоленске. В действительности Верхний Днепр был важнейшим рубежом на пути продвижения норманнов к границам Восточно-Римской империи. В городище Гнездово под Смоленском возник едва ли не самый крупный в Восточной Европе скандинавский некрополь.¹⁸ Как видно, русам в их движении на юг не сразу удалось преодолеть сопротивление Хазарского каганата. Длительное время Гнездово сохраняло значение опорного пункта русов, что объясняет наличие в его некрополе норманнских захоронений всего периода с начала X до начала XI в.

У русов, значится в «Записках» Константина Багрянородного, есть данники славяне, «а именно, кривитеины, лендзянины и прочие Славинии». Информаторы византийских чиновников назвали кривичей первыми среди «прочих славиний» не случайно. Кривичи жили в центральной полосе на огромном пространстве от Смоленска до Полоцка и Изборска¹⁹

¹⁵ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 98—99.

¹⁶ Древнерусские города в древнескандинавской письменности М., 1987. С. 18. Джек-сон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе М., 1994. С. 205, 208—209.

¹⁷ Лебедев Г. С. Эпоха викингов. С. 189.

¹⁸ Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы (Славяно-русские древности). Л., 1988. Вып. 1. Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. Смоленск и Гнездово. М., 1991. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. Лебедев Г. С. Эпоха викингов.

¹⁹ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 158—166.

В городище на Гнездово располагалось крупнейшее поселение русов. Земля кривичей могла стать ядром «Росии». Однако норманнское завоевание бесповоротно раскололо племя кривичей на три части: кривичей смоленских, полоцких (они были включены в состав норманнского Полоцкого княжества и стали именоваться полочанами) и изборских (вошли в состав Псковского княжества). Уже ко времени византийских походов Игоря центр жизнедеятельности норманнов переместился в Южную Русь. Гнездово уступило первенство Киеву, Смоленская округа стала обычным районом полудья для русов.

Автор «Повести временных лет» Нестор был первым из летописцев, получивших доступ к документам княжеского архива. Он включил в текст летописи три ранних договора между Русью и Византией. Сопоставление их позволяет судить о внутреннем строе Киевского княжества. Договор 911 г. заключили послы от Олега, «великого князя русаго, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих бояр» (ПВЛ, 25—26). Судя по договору 944 г., послов в Царыград направил великий князь Игорь, «и князи и боляри его, и людье вси рустии». Варварская Русь еще не выработала собственного дипломатического этикета, и ее иерархическая формула была зеркальным отражением византийской. Империю представляли «великие цари» и их «болярство». Протокол требовал, чтобы Русь представляли особы столь же высокого ранга — великий князь русский и «всякое княжье» и «боляри» (ПВЛ, 35). Кунунги из Приднепровья претендовали на титулы «хаканов». Но окрестные государства не признавали их титулов. В византийских дипломатических документах Игоря именовали «великим князем» или «князем руским». Но в тех случаях, когда греки не были стеснены дипломатическим этикетом, они отказывали Игорю даже в этих титулах. В Киеве, отметил Константин Багрянородный, живет Игорь, «архонт Росии», а также другие архонты.²⁰ Термином «архонт» византийцы обозначали правителей провинций, военных командиров, очень богатых людей, чужеземных правителей и племенных вождей.²¹ «Записки» Константина Багрянородного доказывают, что в середине X в. ни династия, ни княжеско-боярская иерархия на Руси еще не сложились.

За время длительной войны со Святославом в 968—971 гг. греки лучше узнали русские порядки. В пресамбуле мирного договора 971 г. значилось, что «великий царь» Иоанн Цимисхий заключает соглашение с «великим князем» Святославом. Но в тексте договора Святослав именовался просто князем. Вторжение на Балканы возглавили четыре военных предводителя: Святослав, Сфенкл, Свенельд и Икмор. В живых остались лишь Святослав и Свенельд, которые и представляли русскую сторону на переговорах с греками. В 911 г. лиц, занимавших столь высокое положение в норманнском войске, как Свенельд, именовали «великими и светлыми князьями» под рукой Олега, в 944 г. — «князьями» под рукой Игоря. В 971 г. византийцы не знали, как именовать Свенельда, и не наделили его ни княжеским, ни боярским титулом. Святослав скрепил договор присягой от имени всего войска — «иже суть подо мною Русь, боляре и прочии» (ПВЛ, 52). «Княжье» в этом перечне отсутствовало.

Летописные тексты договоров X в. отразили не столько реальные порядки Руси, сколько условности византийского дипломатического протокола, а кроме того, представления киевского книжника — переводчика грече-

²⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 45

²¹ Бибииков М. В., Шушарин В. П. Комментарии // Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 291

ских оригиналов X в. Книжник XI—XII вв. не мог перевести текст древнего договора иначе, как в терминах своего времени. Летописец видел великого князя киевского в окружении «княжья» и «боляр» и не сомневался, что такой порядок существовал извечно.

Договоры X в. дают наглядное представление о попытках норманнов найти устойчивые формы организации власти на завоеванных славянских землях в период, когда в Киеве не было ни великокняжеской династии, ни «болярства», опоры династии.

Среди «мужей» (русов), заключивших вместе с Олегом договор 911 г., не отмечено ни одного его родственника. Это кажется необъяснимым, если следовать традиционному представлению об Олеге как основателе династии. Главными «архонтами» при Олеге были Карлы, Инегельд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуды и др. Полагают, что по крайней мере один или два «мужа» со временем стали служить Игорю.²² В договоре Олега упомянут Гуды, в договоре Игоря — «Алвад (посол. — Р. С.) Гудов» (ПВЛ, 34). Гуды попал в число шести старших предводителей при Олеге. По прошествии 33 лет службы Гуды значился на 22-м месте в списке Игоря. Скорее всего, речь идет о разных лицах.

Договор 944 г. называет русских «архонтов» по именам и дает возможность составить более точное представление об их взаимоотношениях. Чтобы управлять обширной территорией, князь должен был разделить Русь между родственниками и союзными «архонтами» или конунгами. В дележе участвовали не только «мужи», но и жены князя и старших конунгов. «Архонты» и «архонтессы», владевшие городами («ярлствами»), получили право послать своих особых послов в Царьград для заключения мира. Богатые скандинавские купцы-гости не имели «ярлств» и подчиненных им воинских сил и потому не могли назначать послов, а сами участвовали в заключении договора. Новгород находился под управлением малолетнего сына Игоря Святослава, и это было самое крупное на Руси «ярлство». Вышгород был отдан в управление жене Игоря. Послы от Игоря, его сына, жены и племянника Игоря считались старшими послами. Сразу за именами старших послов в тексте договора названы послы Володислава и Передславы. То, что Володислав был вторым после Игоря «архонтом» в Киеве, не будучи его родственником или, во всяком случае, близким родственником, не подлежит сомнению.

В договоре 944 г. обозначены имена трех «архонтесс»: Ольги, Передславы и Сфандры. Лишь против имени последней имеется помета: «Шихъбернь (посол. — Р. С.) Сфандр(ы), жены Улебле». Сам конунг Улеб в заключении договора не участвовал.

Составители договора не дали пояснений насчет мужей Ольги и Передславы, видимо, потому, что мужья старших «архонтесс» принадлежали к высшему правящему кругу Киева и их имена названы в тексте перед именами жен. Мужем Ольги был Игорь, мужем Передславы, по-видимому, записанный перед ней Володислав. Принцип родства лишь отчасти определял структуру киевской «иерархии», что указывало на незавершенность процесса формирования киевской династии. Володислав числился четвертым в списке (после Игоря, его сына Святослава и племянника Игоря). Зато второй племянник Игоря Якун занимал лишь одиннадцатое место, уступая не только старшим архонтам, но и трем военным предводителям более низкого ранга — Турдуву, Фасту и Сфирьку. Если бы в середине X в. в Киеве сформировалась княжеская династия, киевская «иерархия» выглядела бы иначе.

²² Лебедев Г. С. Эпоха викингов... С. 246. Г. С. Лебедев отождествляет также «боляр» Фоста с Фастом и Труана с Туадом.

Норманны не могли вести крупные войны без опоры на славянскую знать и славянские племенные ополчения. Володислав и Передслава, возможно, представляли могущественную лендзянскую знать.

В договоре 944 г. приведен список гостей, прибывших в Византию вместе с послами от Игоря и других конунгов. Все гости носят скандинавские имена. Лишь в конце списка названы имена двух купцов, по всей видимости, славянского происхождения — Синко и Борич. Имя Борич можно сопоставить с топонимами, распространенными на Киевщине. Переправа через Днепр под Киевом носила название «Боричев увоз». В 945 г. послы древлян пристали «под Боричевым в лодьи» (ПВЛ, 13, 40).

Выделение «Игорева рода» из прочей массы «великих князей» (конунгов) и завоевание им исключительного права на киевский трон имело характер длительного процесса (А. Е. Пресняков).²³ Решающими факторами этого процесса было становление новой системы управления и формирование опоры династии — боярства.

Полагают, что норманны ассимилировались в славянской среде очень быстро, едва ли не в самый момент их появления на Руси. В доказательство ссылаются на чисто славянские имена Олега и его преемников Игоря и Святослава. Однако надо иметь в виду, что сведения об этих именах почерпнуты из сравнительно поздних источников, являющихся памятниками исключительно славянской письменности. Греческие и еврейские источники середины X в. обозначали имена предводителей русов значительно точнее, чем киевские источники конца XI—XII вв. «Царь» русов Олег фигурировал в них как Хелгу, княгиня Ольга — как Елга, Игорь — как Ингор от шведского Ингвар, Святослав — как Сфендослав (от скандинавского Сфендислейф). Сподвижниками Игоря были конунги Асмуд и Свенельд, Сфендослава — Сфенкл, Икмор и тот же Свенельд. Мать князя Владимира Святославича, по преданию, звалась Малушей. Но киевская летопись сохранила также ее подлинное скандинавское имя Малфред. Один из братьев Владимира носил имя Сфенг.²⁴

«Записки» Константина Багрянородного свидетельствуют, что в середине X в. киевское общество было двуязычным.²⁵ Для русов основным языком оставался скандинавский язык. Однако они не могли бы управлять своими славянскими данниками, если бы не освоили их язык. Предводители русов отказались от титула «хакан» в пользу титула «князь», каким славяне издавна именовали своих старейшин и военных вождей. Не только титулы, но и имена правителей должны были быть понятны народу, признавшему их власть. Двойные имена князей возникли вследствие двуязычия общества.

Норманнская дружина слагала саги о своих героях — викинггах. Но саги не были записаны из-за отсутствия письменности у скандинавов. В дальнейшем героический эпос русов претерпел метаморфозу, обычную для памятников фольклора. Дружина киевского князя забыла собственный язык, саги превратились в славянские былины. Имена героев дружинного эпоса были окончательно переделаны на славянский лад.

Ранние киевские летописи были продуктом не скандинавской, а греко-славянской культуры. Они были составлены в то время, когда верхи киевского общества окончательно забыли скандинавский язык, а двуязычие

²³ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М. 1993. С. 28—29.

²⁴ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка. С. 120. Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 45. См. также Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М. 1968. С. 77.

²⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 45. Греческое написание сохраняет носовой согласный, что позволяет прочесть это имя как «Ингор» (Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Комментарии. С. 311—312).

сошло на нет. Саги остались неизвестны русским книжникам XI—XII вв. Составители первых киевских сводов XI в., не имея в своем распоряжении текстов русско-византийских договоров X в., описали деяния первых киевских князей, следуя былинам, устным преданиям. Но в былинах эти князья фигурировали уже не под своими собственными норманнскими именами, а под славянскими прозвищами.

Когда в руки Нестора в начале XII в. попали тексты договоров с греками (греческие оригиналы или их славянские переводы), летописец подверг их литературной обработке, прежде чем включить в «Повесть временных лет». При этом он прилежно переписал имена всех слов «от рода русско-го» (Карлы, Инегельд, Свенельд и пр.), но оставил князьям те имена, под которыми они фигурировали в исторических песнях, былинах и летописях XI в. Славянизированные имена князей стали привычными, тогда как подлинные скандинавские оказались давно забытыми.

Предположение, будто киевская династия ославянилась раньше дружины, не более чем миф. Князья имели возможность заключать династические браки, тогда как рядовым воинам приходилось выбирать жен из окружавшей их славянской среды. Дружина князя, со времен Игоря пополнявшаяся славянскими воинами, подверглась ассимиляции в первую очередь. Своими славянскими именами первые киевские конунги были обязаны своим славянским данникам, но в еще большей мере фольклору и книжникам XI—XII вв.

Многие страницы «Повести временных лет» посвящены крещению Руси. В связи с этим Нестор привел некоторые подробности личной жизни князя Владимира Святославича. Крещение было результатом договора между князем Владимиром и императором Василием II. В соответствии с условиями договора киевский князь отправил войско в помощь Василию II и принял тайнство крещения, по-видимому, как частное лицо. Со своей стороны византийский император обязался выдать за князя свою сестру Анну, но своего обязательства не выполнил.

Византия с успехом насаждала христианство в варварских странах, попадавших таким образом в орбиту политического влияния империи. Крещение Руси отвечало высшим интересам Византии, но политические цели пришли в столкновение с династическими, что на два года задержало крещение.

Нарушение договора не было следствием прихоти или произвола императора Василия II. У князя Владимира было много языческих жен и десять сыновей от них, которые претендовали на киевский трон. Император не желал, чтобы его сестра пополнила гарем языческого князя. Он мог отпустить царевну в Киев при одном непременном условии. Все предыдущие браки князя Владимира должны были быть расторгнуты с тем, чтобы христианский брак был признан единственно законным. Однако скандинавское семейное право оказалось несовместимым с христианским правом Византии. С точки зрения христианской религии сыновья Владимира, рожденные вне христианского брака, были незаконнорожденными и не имели никаких прав на трон. Для Владимира такая точка зрения была неприемлема: старшие сыновья были опорой его власти. Переговоры о брачном контракте, по-видимому, закончились провалом, после чего Владимир разорвал союз с Василием II и захватил Корсунь. Лишь затем император прислал на Русь царевну Анну.

Христианская жена князя Анна и ее греческое окружение много сделали для просвещения языческой Руси. Но киевской трон заняли не потомки Анны, а потомки язычницы Рогнеды, и придворный летописец не уделил внимания ни первой православной «царице» с детьми, ни окружавшим ее просветителям (ПВЛ, 56—57, 83). Эпитафия на смерть Анны отличалась

редким лаконизмом и равнодушием: «В лето 6519 [1011]. Преставися царица Володимеряя Анна» (ПВЛ, 88).

Получив доступ к архивам, Нестор включил в «Повесть временных лет» договоры с греками языческих князей Олега, Игоря и Святослава. Решающую роль при крещении Руси сыграл договор с греками первого христианского князя Руси Владимира. Но этот договор определял права на трон потомков греческой царевны Анны, а потому он не был скопирован составителем «Повести временных лет» и погиб вместе с другими документами из княжеской казны. «Христианские» договоры конца X—XI в. имели значительно больше шансов сохраниться до начала XII в., чем договоры первой половины X в. Они представляли неизмеримо большую ценность в глазах христианского летописца, чем договоры князей-язычников. Нестор понимал значение документов, попавших в его руки. Есть основание полагать, что он попытался сохранить фрагменты этих договоров.

После раздела Руси Ярославичами особую актуальность приобрел вопрос о внешних сношениях трех главных столиц — Киева, Чернигова и Переяславля. Статьи, определявшие порядок приема послов от названных столиц, включены в договор Игоря 944 г. Послам вменялось в обязанность по прибытии в Царьград вручить верительные грамоты, после чего они могли поселиться возле монастыря св. Мамы и получить «месячное свое, сълы (послы — *P. C.*) слобное, а гостье месячное, первое от города Киева, паки из Чернигова и ис Переяславля» (ПВЛ, 36). Давно отмечено, что приведенный отрывок производит впечатление вставки, датированной временем никак не ранее XI в. При Игоре послы от русских городов не могли предъявить грекам княжеские грамоты за отсутствием письменности, а послы от Переяславля вообще не имели возможности путешествовать куда бы то ни было, так как Переяславль еще не существовал. Константин Багрянородный старательно перечислил главные русские города, существовавшие при князе Игоре. Переяславля среди этих городов нет. Археологические данные подтверждают сделанное наблюдение. Древнерусские укрепления все без исключения имели небольшую площадь. На Городище под Новгородом укрепленная часть поселения составляла немногим более 1 га, в Киеве — 11, в Чернигове — около 8, тогда как в Переяславле — около 80.²⁶ Все эти данные подтверждают сообщение летописи о том, что Переяславль был основан князем Владимиром в 992 г. (ПВЛ, 85—86). Наименование Переяславль не могло появиться ранее похода Святослава на Балканы, когда князь перенес свою столицу в болгарский Преслав (Переяславль). Владимир отказался от мысли о завоевании Преслава, но основал свой собственный Переяславль на Днестре.

Статья, определявшая порядок приема послов от Киева, Чернигова и Переяславля, повторно использована летописцем в рассказе о походе Олега на Царьград в 907 г. На этот раз цитата из договора переработана в «речь» греческих царей и бояр, обращенную к Олегу. Послы и гости, значилось в речи, пусть «возмут месячное свое <...> первое от города Киева и паки из Чернигова и ис Переяславля и прочии городи» (ПВЛ, 25). Из летописи следовало, будто Переяславль существовал уже в начале X в. В тексте договора 944 г. ситуация с послами и гостями обрисована просто и ясно: русы сначала входят, а затем выходят из города («сълы» и «купцы» входят в город «творять куплю, яко же им надобе, и паки да исходят»). При переделке статьи договора в «царскую речь» летописец отбросил последние

²⁶ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище; Древняя Русь. Город, замок, село С. 53.

слова, заменив их: «не платяче мыта ни в чем же» (ПВЛ, 25, 35—36). Так возник миф о том, что Олег добился исключительной привилегии беспошлинной торговли на рынках Константинополя. Это утверждение соответствовало представлению летописца о грандиозной победе Олега, но не отвечало истине.

Не следует думать, будто Нестор сам сочинил «посольские» статьи договора 944 г. Отсутствие литературных штампов указывает на то, что он списал отрывок из подлинных документов — текстов первых договоров христианской Руси с греками.

Киевский князь Святополк открыл перед печерскими старцами двери государственного архива. Русские летописи превратились в серьезный исторический труд. Но их составители оказались в положении придворных историографов. Это роковым образом сказалось на судьбах печерского летописания. После смерти Святополка князь Владимир Мономах и его наследники, понимая значение летописания, поспешили изъять «Повесть временных лет» из Печерского монастыря и передать ее в Михайловский Выдубицкий монастырь, семейную обитель Всеволодовичей.

М. Б. СВЕРДЛОВ

Феодализм на Руси X—XIII вв.

Известный бельгийский историк Ф. Л. Ганшоф опубликовал в 1944 г. книгу «Что такое феодализм?». Эта книга привлекла внимание специалистов, и уже в 1957 г. вышло ее третье издание.¹ Ф. Л. Ганшоф предложил в ней свое понимание феодального строя, впрочем, в круге идей своего времени. Основное достоинство этого труда заключалось в том, что он обращал особое внимание историков на необходимость глубокого и обоснованного анализа понятия «феодализм», раскрывающего природу средневекового общества. Это условие, необходимое для исследователей всех направлений, было актуально при изучении средневековой Руси и для советской исторической науки. Она была скована догматизмом и деформирована сталинскими «указаниями». Но и тогда продолжали работать ученые, которые делали замечательные открытия, хотя и в ограниченном общественно-политическими условиями исследовательском пространстве.

В 30—50-е гг. сложилась напряженная, хотя, видимо, до конца не осознанная ситуация в определении социального строя Руси X—XIII вв. Исследователи характеризовали его как феодальный (некоторые историки относили X столетие к периоду, по сталинской терминологии, «дофеодальному»). Но видели они в феодализме в соответствии с позитивистской и марксистской традицией, поддержанной сталинскими «указаниями», преимущественно социально-экономическое содержание в виде крупного землевладения и крепостничества. Между тем в отечественной литературе появились исследования, в которых феодальное содержание общественного строя Руси раскрывалось во всем многообразии личностных отношений, в быте и нравах, в мышлении, в особом восприятии и художественном воспроизведении мира. Исследуя связи духовной жизни общества, литературного и, шире, художественного творчества с их материальными основами, Д. С. Лихачев рассмотрел фундаментальные проблемы воздействия социального строя на культуру: развитие феодальной культуры на Руси как следствие формирования феодализма в результате разложения родоплеменного строя, внутренние потребности общества и страны в принятии христианства, «трансплантация» обширных пластов культуры других народов и, шире, взаимодействия с другими культурами, формирование «стиля эпохи», собственного феодальному строю на разных стадиях его развития, существование в XI—XIII вв. «стиля монументального историзма», идейные основы которого отражали отношения вассалитета—сюзеренитета, феодальные нормы поведе-

¹ Ganshof F. L. Qu'est-ce que la féodalité? 3e éd. Bruxelles, 1957.

ния и морали, этикет, символизм и другие нормы жизни общества.² Такой подход создавал новые возможности цивилизационного изучения истории общества.

Отсюда следует особая важность давнего и сложнейшего вопроса: что такое феодализм, и каким он был в древнерусский период? Ответ на этот вопрос дает опыт мировой, по преимуществу европейской, и в частности отечественной исторической литературы.

Анализ институтов феодального строя — «феода», «верности», «оммажа», «держания» и других — был начат в странах Западной Европы в XVI—XVII вв.³ Особое научное и общественно-политическое значение приобрел он в середине—второй половине XVIII в. в период кризиса феодального строя прежде всего во Франции.⁴ В книге «О духе законов», изданной в 1748 г., Ш. Монтескье установил, что основу средневекового общественного строя стран Западной Европы составляли феодалы, основанные на них отношения собственности и социальных связей. Он отметил начало феодалов (по-французски — фьефов) и бенефициев в королевских пожалованиях почетных имуществ в виде коней, оружия, денег, а позднее земли, за которыми следовали сословные привилегии. Фьефы за службу становились со временем наследственными аллодами — полными владениями, обеспеченными королем податным и судебным иммунитетом. Государственные должности превращались в наследственные и соединялись с землевладением. Формировалась система сюзеренитета—вассалитета с феодальными обязанностями и правом.⁵

Значение этих открытий стало ясно уже самому Монтескье: они раскрыли происхождение и развитие того общественного строя, который существовал в современной ему Франции. Поэтому Монтескье, барон и президент парламента в Бордо, осознанно ограничил анализ феодального строя средневековым периодом. Однако радикально настроенные сотрудники «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера продолжили эти наблюдения. Они показали развитие феодальной системы от первоначальных королевских пожалований в виде боевых коней, оружия, пиров дружинникам-вассалам к земельным феодалам, сохранившимся до XVIII в. неземельным денежным и натуральным феодалам за королевскую службу. Была отмечена также иерархия видов земельной собственности — верховная собственность (*dominium directum*) общества и королевства и частное держание в виде фьефов.⁶ Последовательным стало выделение «Энциклопедией» существования особого строя социально-политических и правовых отношений, материальную основу которых составляли феодалы в разных их видах — «феодализм» — *féodalité*, букв. «феодальность».

Учение о феодализме привлекло самое пристальное внимание просветителей в разных странах. Различаясь подчас в объяснении этого общественного строя, они показывали разные его проявления. Вольтер писал о ши-

² Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси (историко-бытовые очерки XI—XIII вв.) Л., 1947; Лихачев Д. С. 1) Русские летописи и их культурно-историческое значение М., Л., 1947; 2) Возникновение русской литературы М., Л., 1952; 3) Человек в литературе Древней Руси М., Л., 1958; 4) Поэтика древнерусской литературы Л., 1967; 5) Развитие русской литературы Эпохи и стили Л., 1973, см. многочисленные другие издания этих монографий и последующие исследования.

³ Kelly D. R. Origine Feodorum The Beginnings of an Historical Problem // *Speculum* 1964 Vol. 39, N 2 P. 207—228; Boutruche R. Seigneurie et feodalite Le premier âge des liens d'homme a homme Paris, 1968 Vol. 1 P. 12—14.

⁴ Здесь и далее учтено основное содержание историографического процесса, которое рассмотрено в еще не изданной монографии.

⁵ Монтескье Ш. Избр. произведения М., 1955 С. 656—661.

⁶ Encyclopedie Paris 1756 T. 6 P. 696—717; История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера / Пер. и примеч. Н. В. Ревуненковой Л., 1978 С. 124—129.

роком распространении в Европе «феодалного правления», а как его следствие (вместе с «Энциклопедией») — ослабление центральной королевской власти и всеобщность сеньориально-вассальных отношений.⁷ Мабли показал, что в процессе разложения племенного строя значение народных собраний и демократии ограничивалось советом старейшин и властью князя. Возникновение бенедиктинец-фьефов он связывал с военной службой и имущественным расслоением, а начало зависимости людей — с возникновением земледельческой знати.⁸ Адам Смит отметил свойственное для средневековья объединение крупной земельной собственности с верховной судебной и военной властью, что стало составной частью феодального права,⁹ тогда как И. Г. Гердер показал целостность структуры феодального строя в ленных отношениях, рыцарстве, церкви, архитектуре и искусстве.¹⁰

Эти гениальные открытия имели большое научное значение. Они раскрывали процесс формирования феодализма в результате разложения племенного строя, выявляли его сущность в феоде (фьеф, лен) в виде денег, должностей, земли как материального обеспечения за службу сюзерену. Вместе с тем эти научные идеи имели прямые связи с общественно-политической жизнью в феодальных западноевропейских странах середины—второй половины XVIII в., особенно во Франции, поскольку они указывали на истоки и традиции феодальных институтов. Показательна в данной связи судьба брошюры П.-Ф. Бонсерфа «Неудобства феодальных прав». Она была осуждена на сожжение, а ее автор привлечен к суду, хотя в ней предлагалась только умеренная программа выкупа баналитетов и феодальных сервитутов, но происхождение и история феодальной земельной собственности и феодальных прав излагались по Монтескье и Вольтеру.¹¹

Внешняя и внутренняя политика Петра Великого, историко-философская концепция «просвещенного абсолютизма» Екатерины II, просветительская мысль о единстве исторического прогресса составили материальные и теоретические основы идей европейской принадлежности России, закономерности в ней общеевропейских процессов, а как следствие этого — существование на Руси феодального строя. В соответствии с этими принципами о «феодалном правлении» в русской истории писали И. Н. Болтин, И. П. Елагин, М. Н. Муравьев, иностранные авторы — Ф. М. Вольтер, П.-Ш. Левек, Н. Г. Леклерк, А. Л. Шлецер. Его содержание раскрывалось не только в политической раздробленности государства,¹² но также во фьефах-кормлениях, в удельных княжествах — апанажах (от понятий «хлеб», «кормление» — часть владений суверена, выделенная сыновьям или братьям в наследственное владение, но возвращающаяся суверену при отсутствии у них сыновей), в раздачах областей и городов княжам мужам-ленникам.¹³ И. Н. Болтин устанавливал тождество русских поместий и западных феодалов-фьефов, превращение поместий в вотчины, «должностей» — в наследственные титулы. «Полное феодальное право» «древних удельных князей», «феодалное правление» он рассматривал вслед за Монтескье и Вольтером

⁷ Voltaire *Essai sur les moeurs et l'esprit des nations // Oeuvres completes de Voltaire* S 1 1785 T 16 P 413—414, 417

⁸ Mably de, l'abbé *Observations sur l'histoire de France* Kehl, 1788 T 1 P 202—251

⁹ Smith A *An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations* London, New York, 1911 P 364—366

¹⁰ Herder J G *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit* Riga Leipzig, 1792 T 4 S 175—180, 213, 230—233 289—292

¹¹ Boncerf P-F *Les Inconvemens des droits feodaux* Londres, 1776

¹² Voltaire *Essai sur les moeurs* P 479

¹³ Levesque *Histoire de Russie* Paris 1782 T 1 P 90, 163, 199, Le Clerc *Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne* Paris, Versailles, 1783 T 1 P 99, 320 376—377 Schlozer A L *Hecrop Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache* Gottingen 1802 T 2 S 207—210

как вассальные отношения, господскую юрисдикцию и феодальную анархию.¹⁴ Обобщая опыт, накопленный французскими просветителями, И. Г. Гердером и А. Л. Шлецером, И. Н. Болтиньим и М. Н. Муравьевым, Н. М. Карамзин связал появление «системы феодальной, поместной или удельной» с установлением «верховой княжеской власти» при Рюрике. «Систему уделов», понимаемую как «систему феодальную», он распространил до XV в.¹⁵

Идеи о феодальном строе радикально настроенной французской историографии конца 10-х—20-х гг. XIX в., прежде всего Ф. Гизо и О. Тьерри, были поддержаны в русской общественно-политической и научной мысли. Идеолога декабризма П. И. Пестеля привлекала в них концепция борьбы классов. Отмечал он также близость «феодальной системы» в западноевропейской и русской истории.¹⁶ Разночинца и либерального историка Н. А. Полевого привлекала история «народа», идея единства исторического прогресса России и «системы европейских государств». Следствием этой идеи стала теория «феодализма» на Руси, его развитие в «семейный феодализм».¹⁷

Изучение феодального строя на Руси стало в русской исторической науке формой анализа общественных отношений, сущности явлений вместо их описания в названиях древнерусских общественных категорий. Оно стало средством утверждения единства исторического развития России в общеевропейском контексте. Однако в 30—40-е гг. оно было прекращено до середины 90-х гг. XIX столетия. Причин тому было много.

Внутренняя и внешняя политика императора Николая I в связи с революциями 1830 г. во Франции и Бельгии, широким революционным движением в странах Западной и Центральной Европы в 1848—1949 гг. способствовала появлению правительственной идеологической концепции, согласно которой страны Западной Европы, потрясаемой революциями, противопоставлялись России, основы общественной жизни которой составляли «православие, самодержавие, народность», как разъяснял граф С. С. Уваров, «народное начало в видах правительства».¹⁸ Консервативные историки и общественные деятели, М. П. Погодин, С. П. Шевырев, Ф. В. Булгарин и другие, упреждая подчас формулирование правительственной концепции, развили ее идеи в историческом аспекте, оставляя феодализм, классы и классовую борьбу, конституции, революции Западу и отрицая их в русской истории и действительности.¹⁹ Как следствие такой идеологической политики широко распространились в 30-е—первой половине 50-х гг. официальные и добровольные гонения на идею феодализма на Руси (в частности, в подцензурной печати²⁰), которая являлась одним из обоснований единства исторического процесса в России и странах Западной Европы.

¹⁴ Болтин И. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка СПб, 1788 Т 1 С 318, Т 2 С 298—300

¹⁵ Карамзин Н М История государства Российского СПб, 1818 Т 1 С 116

¹⁶ Восстание декабристов М, 1958 Т 7 С 295—296

¹⁷ Полевой Н История русского народа М, 1829 Т 1 С XXVII, XLII—XLIII, 38

61—65 285

¹⁸ Барсуков Н Жизнь и труды М П Погодина СПб, 1895 Кн 9 С 236

¹⁹ См Погодин М Исследования, замечания и лекции о русской истории М, 1848 Т 3 С 493—497

²⁰ Редактор журнала «Отечественные записки» А А Краевский, официально предупрежденный в разгар революционных событий во Франции о необходимости изменения направления журнала под угрозой его закрытия, опубликовал статью без подписи «Россия и Западная Европа в настоящую минуту», где было написано, что «феодализм был одной из причин, которые в развитии своем вели к борьбе государственных стихий», а позднее к революции, тогда как в истории России феодализма не было и следствия этого совершенно противоположные (Отечественные записки 1848 Т 59, № 7 Отд III С 3)

Такое идеологическое и административное давление имело следствием исключение учения о феодализме в русской истории из теоретических обобщений западников (мнение К. Д. Кавелина, а позднее А. Лакиера о феодализме в Древней Руси в период николаевской реакции продолжения не нашло). Славянофилы, П. Я. Чаадаев, социалист А. И. Герцен с противоположных позиций, но в равной мере утверждали особые пути исторического развития России и стран Западной Европы. «Скептическая школа» во главе с М. Т. Каченовским, архаизировавшая культуру Руси, отрицала существование феодального строя в русской истории. Для такого отрицания помимо общественно-политической ситуации в России были и теоретические основания: поиски в 20—40-е гг. философской школой Шеллинга особенностей «народного духа» и все более распространяющееся в России с 40-х гг. воздействие позитивизма с его отказом «от исследования происхождения и назначения существующего мира и от знания внутренних причин явлений», со стремлением, «правильно комбинируя рассуждение и наблюдение, к познанию действительных законов явлений» при понимании под этими законами «неизменных отношений последовательности и подобия».²¹ Такие общественно-политические и идейные основания для отрицания в русской науке 30—40-х гг. феодализма на Руси были дополнены сравнением древнерусской исторической действительности с ограниченным по содержанию художественно-образным представлением о феодализме (рыцари, бароны, замки) как сопоставлением неких моделей, но не выявлением содержания феодального строя.

Во второй половине 50-х—первой половине 90-х гг. XIX в. поздние славянофилы, панслависты, почвенники, народники, руководствуясь разными принципами, но в равной мере, сохранили противопоставление исторического развития России и стран Западной Европы. Идеи местного самоуправления в виде общин, земства, межсословных городских собраний и суда во время подготовки и проведения либеральных реформ 60-х гг. стали широко использоваться при объяснении древнерусского общественного строя. Отсюда в обширнейшей литературе 60-х гг. XIX—начала XX в. княжеская власть на Руси соотносилась с общинно-вечевым или земско-вечевым строем городских волостей со свободным населением, полусвободными (полурабами) зависимыми и рабами, при аналогиях древнерусских городов и античных городов-государств. В понимаемой таким образом русской древности многочисленные либеральные и революционные направления указывали истоки и историческое обоснование своих социально-политических программ. Эти идеи сохраняли противопоставление средневековой Руси феодальному Западу, в чем они совпадали с идеологической политикой царской власти. Еще в разгар революционных событий 1905 г. на заседании Совета министров Николай II утверждал: «У нас не было феодализма, всегда было единение и доверие».²² Тем самым снимались противоречия между властью и народом, историческое развитие России противопоставлялось западноевропейскому. Отсюда понятны причины заданности отрицания феодального строя на Руси в отечественной науке. Как писал Н. П. Павлов-Сильванский, «отрицание какого бы то ни было сходства между русской древностью и западной стало у нас господствующей предвзятой мыслью, как бы признаком учености хорошего гона»,²³ а Н. И. Кареев дополнял это наблюдение: «У нас не было феодализма такова была господствующая точка зрения наши историографии. Среди историков было как бы неприлично

²¹ Конт О Курс положительной философии СПб, 1899 Т 1 С 4

²² Заседания Совета Министров 3 и 11 февраля 1905 г в записях Э Ю Нольде / Подгот Р III Ганелин // АЕ за 1989 г М, 1990 С 297

²³ Сильванский Н П Феодализм в древней Руси СПб 1907 С 19

находить феодализм в России».²⁴ Лишь Н. И. Костомаров, Н. Г. Чернышевский, С. М. Соловьев, Н. И. Хлебников, М. Д. Затыркевич по аналогии или в отдельных институтах отмечали на Руси феодализм, да с развитием русской исторической науки объективно накапливались наблюдения, свидетельствовавшие о феодальном строе в древнерусский период.

Прорыв из такого тушканового состояния в изучении феодального строя средневековой Руси совершил в середине 90-х—начале 900-х гг. Н. П. Павлов-Сильванский. Используя опыт, накопленный крупнейшими западноевропейскими и отечественными медиевистами, Ф. Гизо, Г. Л. Маурером, Фюстелем де Куланжем, К. Лампрехтом, П. Г. Виноградовым, М. М. Ковалевским, Д. М. Петрушевским, Н. И. Кареевым в изучении социально-экономической истории западноевропейского средневековья, а также массовый источниковый материал, прежде всего акты, он показал существование в русской истории XIII—XVI вв. феодализма, под которым он понимал: 1) «раздробление верховной власти или тесное слияние верховной власти с землевладением», 2) иерархическую организацию вассалитета—сюзеренитета, объединяющую раздробленную на домены-сеньории территорию, 3) условное землевладение — феодалы-поместья, с которыми сосуществовала крупная феодальная аллодиальная собственность — вотчины.²⁵ Такое утверждение единства исторического развития Руси и стран Западной Европы идейно опиралось на быстрое индустриальное развитие России того времени, на открытую экономическую политику правительства, в результате чего страна оказалась в числе передовых мировых держав, а это свидетельствовало о единстве исторического пути России и Запада.

Несмотря на решительные возражения сторонников прежних теорий, среди которых были крупнейшие специалисты по русской истории, В. О. Ключевский, В. И. Сергеевич, М. Ф. Владимирский-Буданов, идеи Н. П. Павлова-Сильванского, хотя и ограниченно по содержанию, распространились в российской исторической науке либерального направления. Впрочем, позитивистский подход не позволил Павлову-Сильванскому использовать весь опыт, накопленный в изучении феодального строя. Увлеченный исследованием экономических процессов, он не оценил важнейшего значения в формировании феодального строя хорошо известных ему феодальных отношений и феодал-денег, которые он решительно противопоставил «настоящему феодалу-земле». Более того, вслед за М. М. Ковалевским, К. Лампрехтом, А. Люшером, Н. И. Кареевым он считал экономической основой феодализма крупное землевладение. Поэтому, по его мнению, «где нет крупного землевладения, там не может быть и феодализма».²⁶ Такое понимание феодального строя как статичной модели стало причиной характеристики Павловым-Сильванским общественного строя Руси до XIII в. как «дофеодальной эпохи»²⁷ и традиционно для русской исторической литературы того времени как общинно-вечевого.

Экономическое содержание теории Павлова-Сильванского было поддержано русскими марксистами, М. Н. Покровским, Н. А. Рожковым и др. Хотя сам К. Маркс, используя опыт просветителей XVIII в. в изучении феодализма, отмечал на Руси второй половины IX—X вв. «вассалитет без фьефов или фьефы, состоящие только из даней», а Русь IX—XI вв. он характеризовал, привлекая опыт русских ученых, как «империю Рюриковичей»,²⁸ русские исто-

²⁴ Кареев Н. В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России? По поводу теории Павлова-Сильванского СПб, 1910 С 6

²⁵ Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси С 68—70

²⁶ Там же С 44—45, 71—72

²⁷ Там же С 104

²⁸ Marx K. Secret diplomatic history of the eighteenth century London, 1899 P 76, 77

рики-марксисты, стремясь к «материалистическому» объяснению исторических процессов, значительно ограничивали содержание феодального строя крупным землевладением, крепостничеством, феодальной иерархией. М. Н. Покровский, ученик В. О. Ключевского, в соответствии с теорией своего учителя допускал большое значение рабства и рабовладения в домонгольской Руси.

В советский период широко распространилось именно такое ограниченное понимание феодального строя. Поэтому, когда в 1933 г. Б. Д. Греков поставил вопрос об изучении общественного строя Киевской Руси как процесса развития феодализма в результате разложения племенного строя, он был уже целенаправлен на такое понимание феодализма.²⁹ Но его исследования показывали конкретно-историческое содержание многообразных форм феодальных экономических отношений, формирования государства, которые пришли на смену племенам и племенным связям. Поэтому Б. Д. Греков оказался во главе значительного научного направления, раскрывающего в самых различных областях жизни древнерусского общества воздействие феодальных социальных отношений. Однако в условиях режима личной власти на развитие исследовательского процесса деформирующе воздействовали с 1933 по 1952 г. теоретические «указания» Сталина, которые инициировали идеи обязательного рабовладельческого строя или развитого рабовладения, предшествовавших феодализму, крайне ограниченные представления о феодализме как о крупном землевладении, соединенном с крепостничеством, противопоставление феодального периода «дофеодальному», что являлось следствием мнения о феодализме как о статичной по содержанию модели. Хотя С. В. Юшков и отметил тождество кормления и фьефа-должности, но это наблюдение не развилось в его работах в использование большого западноевропейского опыта по анализу неземельных феодалов, а теория о неразрывно связанной с ними феодальной ренте была трансформирована в мнение о превращении в ренту дани.³⁰ При этом в условиях авторитарного строя и догматизма сталинское понимание феодализма вынуждало к искусственному удревлению крупного землевладения и крепостничества, если исследователь признавал феодальный строй в Киевской Руси (некоторые исследователи противопоставляли такой тенденции другой сталинский тезис о «дофеодальном» периоде), но в то же время оно содержало возможности элементарно простого его «опровержения» в случае их отрицания.

Впрочем, официальное признание получило и мнение П. И. Лященко об общинно-вечевом строе Руси до XII в. («вече городских и сельских общин как орган верховной власти народа в решении государственных дел»), эклектично соединенное с идеями «дофеодального» периода, развитого рабовладения и развивающихся феодальных отношений.³¹ Это мнение было изложено в учебном пособии для высших учебных заведений, награжденном Сталинской премией, подобно работам, в которых разрабатывались идеи феодального и рабовладельческого строя в Киевской Руси. Такой «плюрализм» свидетельствовал, что при сталинском режиме любому из исследовательских направлений могло быть отдано предпочтение в качестве официального. В то же время материалистическое изучение истории переродилось

²⁹ Греков Б. Д. Начальный период в истории русского феодализма // Вест АН СССР 1933 № 7

³⁰ Юшков С. В. 1) Очерки по истории феодализма в Киевской Руси М., Л., 1939 С. 154—156, 2) Общественно-политический строй и право Киевского государства М., 1949 С. 285—287

³¹ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР 2-е изд. М., 1950 Т. 1 Докапиталистические формации С. 104—106, 131—157

в экономический детерминизм, вследствие чего изучение социально-политических процессов, истории духовной культуры были вытеснены на периферию исследований, а многие из таких научных работ прекращены, хотя одновременно накапливался огромный конкретно-исторический материал для их анализа в археологии, истории литературы, искусства, архитектуры.

Такая двойственность в изучении древнерусского общественного строя сохранилась в отечественной литературе середины 50-х—середины 90-х гг. В многочисленных исследованиях изучались источники, совершенствовалось их издание, делались на их основе новые конкретно-исторические наблюдения. Но в обобщающих характеристиках общественного строя Руси при всем многообразии исследования сохраняли прежнее свое содержание 20—50-х гг. или их внутреннюю, иногда трансформированную и зеркально отраженную логику при внешнем их отрицании. Феодализму, понимаемому как крупное землевладение, соединенное с крепостничеством, противопоставлялись мнения о широком распространении рабовладения, о развитии феодализма в результате разложения рабства, о тождестве налога и ренты, воспринимаемых как экономическая реализация верховной собственности государства на землю, и, напротив, как «дофеодальный» период, «общинность без первобытности» или мнения еще более ранние: общинно- и земско-вечевой строй, города-государства на Руси XI—начала XIII в. с «чертами сходства» с античным полисом.

Как свидетельствует историографический анализ, в отечественной науке нет, в отличие от западной литературы, традиции постоянного изучения феодального общественного строя. Эта концепция, раскрывающая единство содержания исторического развития Руси и других европейских стран в общих закономерностях и особых чертах исторического процесса, прямо или опосредованно была связана с общественной и идейной жизнью России в XVIII—XX вв. Поэтому она воспринималась ограниченно в случае использования ранее выполненных исследований, разрабатывалась целенаправленно под воздействием идеологических факторов или подвергалась гонениям официальным и добровольным.

Между тем прогресс в изучении феодального строя на Руси, включая древнерусский период, несомненен. Все исследовательские направления внесли определенный вклад в разработку данной концепции, включая отдельные наблюдения и отрицательный опыт, вопреки стремлению к абсолютизации сделанных частичных наблюдений и к исключительности мнений.

Если объединить наблюдения над феодальным строем на Руси X—XIII вв., то он раскрывается как целостная система социально-политических и социально-экономических отношений, основу которых составляет феод — материальное и денежное обеспечение за службу сюзерену в системе государства, а также натуральных, отработочных или денежных доходов, получаемых от разных категорий феодально зависимого населения в господском хозяйстве. Феоды развиваются от почетных даров и пиров к феодам-деньгам и феодам-должностям — корму, кормлению в натуральной и денежной форме за исполнение на княжеской службе военных, административных и судебных функций с обеспечением через казну или в виде непосредственных отчислений от населения части или всех податей и пошлин, а позднее к феоду-земле в виде вотчины — наследственного владения с предоставлением полного или частичного податного и судебного иммунитета.³² Феоды, получаемые на княжеской службе, и долоды

³² В 50—60-е гг данное направление в отечественной исторической литературе возобновил с частичным привлечением древнерусских материалов А. Я. Гуревич (обобщающее исследование см. Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе М. 1970), но тогда вследствие многочисленных причин оно было поддержано лишь немногими специалистами по западноевропейской средневековой истории

в господском хозяйстве являются рентой — доходом, не требующим предпринимательской деятельности, но основанным на внеэкономическом принуждении. Налог при феодализме обладает двойственной структурой. Одна его часть обеспечивала общегосударственные потребности (содержание войска, строительство городов, укреплений и т. д.), другая — становится феодем-рентой для содержания иерархически организованной служилой части правящего класса. При этом различия в социальной иерархии соответствуют различию сословных прав — определенного социально-правового статуса в соответствии с общественным положением и местом в системе отношений собственности.

Учитывая накопленный исследовательский опыт, можно считать, что в восточнославянских землях VII—IX вв. шел распад племенного строя, а на Руси X—XIII вв. — процесс формирования и развития феодализма, что определило содержание ее политической истории, культуры.

Л. МЮЛЛЕР

«Темное место» в договоре русских с греками от 2 сентября 911 г.*

Не только «Слово о полку Игореве» имеет свои «темные места», но и так называемая летопись Нестора («Повесть временных лет»).¹ Таким «темным местом» является вступление к предписаниям по уголовным делам в мирном и торговом договоре русских с греками от 2 сентября 911 г., в 9-м и 10-м предложениях летописной статьи 6420 (911/912) г. по изданию ПСРЛ 1926 г.² Я цитирую текст в упрощенной орфографии по списку Р, так как список Л имеет в этом месте большую лауну, и привожу немногие существующие разночтения по спискам А, Ип, Х. Чисто орфографические варианты я оставляю без внимания, выносные буквы выделяю полужирным шрифтом.

«А о главах^а ижес ключит^б проказа урядими^в сице. Да елико явѣ боудѣ показании явлеными^г да имѣют вѣрное. о тацѣх явлении. а емуж начнуть не ати вѣры. да^д кленется часть та. иж^е ищеть неятю вѣры^ж. да егда кленетс по вѣре своеи. и боудѣ казнѣ. якож явите согрешеньѣ».

В языковом отношении текст не представляет особых трудностей. Не совсем ясен во втором предложении оборот «да имѣют вѣрное о тацѣх явлении» «Явлении» синтаксически повисает в воздухе. По-видимому, Миклошич и Шахматов³ справедливо исправили здесь на «явление». Это слово взаимосвязано с «вѣрное» и образует вместе с ним дополнение к «имѣют».

* Пер с нем Н В Савельевой — *Ред*

^а головахъ *Ип* ^б ключють *Ип* ^в урядимъ *А* урядимся *И* ^г явленными *А* ^д да не *Ип* ^е яже *Микл* *Шахм* ^ж В Никоновской летописи, Софийской I и Новгородской IV отсутствуют слова от «да (не) кленется» до «вѣры» (см ПРП С 26) — очевидно, механическая описка произошедшая из-за пропуска части текста перед употребленным во второй раз словом «вѣры»

¹ Ср название сообщения Я К Эрбена в Отделении русского языка и словесности Российской Академии. Объяснение и исправление некоторых темных и испорченных мест древнейшей русской летописи // Зап Имп Академии наук СПб, 1870 Т 16 С 117—130

² ПСРЛ 2-е изд Л, 1926 Т 1 Стб 34 Строки 5—11 Я цитирую текст летописи Нестора по этому изданию и в дальнейшем использую следующие сокращения ПРП — Памятники права Киевского государства X—XII вв / Сост А А Зимин М 1952 (Памятники русского права Вып 1)

Для списков летописи Нестора

А	— Академический список	Микл	— Chronica Nestoris Textum russico-slovenicum / Edidit Fr Miklosich Vindibona 1860
Х	— Хлебниковский список		
Ип	— Ипатьевская летопись		
П	— Паврентьевская летопись	Шахм	Шахматов А А «Повесть временных лет» Т 1 Вводная часть Текст Примечания Пг 1916
Р	— Радзивилловский список		

³ Микл С 17 Шахм С 35

Вариант Ип и Х «да не кленется» вместо «да кленется» рассматривался, как я полагаю, правильно, большинством исследователей не как первоначальное чтение, а, скорее, как попытка смысловой коррекции трудно понимаемого текста. К этому вопросу мы еще вернемся.

Однако затрудняет понимание этой статьи договора не второе предложение, несколько неясное в языковом отношении, а совершенно понятное лингвистически заключительное предложение, если толковать его так, как оно до сих пор почти всегда понималось. Согласно господствующей до сих пор интерпретации оно значит следующее: в случае, если показания истца не совсем ясны и убедительны, сторона, которая оспаривает эти показания, т. е. обвиняемый, должен принести клятву, что он не совершал преступления, в котором его обвиняют. Смысл этой клятвы может состоять только в том, чтобы обвиняемый, при отсутствии абсолютно ясных показаний, имел возможность клятвой подтвердить свою невиновность и чтобы после этого процесс против него был прекращен. Но последнее предложение указывает все же, что обвиняемый, несмотря на свою клятву, подлежит наказанию соразмерно преступлению, которое он (будто бы, согласно недоказанному обвинению) совершил. Для чего его заставляли клясться, если его преступление, несмотря на клятву, считается доказанным, и ему за это преступление определяется соответствующее наказание? Каким образом различные переписчики, издатели, переводчики и комментаторы справлялись с этой трудностью?

Август Людвиг Шлецер в 1805 г. в 3-й части своего «Нестора»⁴ издает текст статьи по списку Р, однако переводит только вводное предложение: «Wegen vorfallender Schaden [Frevel] setzen wir Folgendes fest». Далее он добавляет в угловых скобках: «Сам я не рискую здесь переводить». Затем он приводит шесть имеющихся у него переводов, очень сильно отличающихся друг от друга, однако отвергает все эти переводы, характеризуя их следующими словами: «Все это переводы одного и того же текста: видели ли вы когда-нибудь столь странных переводчиков, которые вставляют, пропускают, изменяют текст, как им заблагорассудится?».

Осторожность Шлэцера в отношении непонятого ему текста делает честь его критическому уму, ясно показывает трудности параграфа, но не дает помощи для его понимания.

Не столь осторожен Н. М. Карамзин. В 1-м томе его «Истории государства Российского», вышедшей в 1816 г., он передает содержание нашего параграфа следующими словами: «В случае же преступления и вины да поступают тако: вина доказывается свидетельствами; а когда нет свидетелей, то не истец, но ответчик присягает — и каждый да кленется по Вере своей».⁵

Выделенные курсивом слова являются дополнением Карамзина. Однако он умалчивает о том, что опускает следующее предложение, в котором собственно и заключается трудность. Он считает также, что параграф не заслуживает примечания, хотя Шлецер указал на его проблематичность.

В 1851 г. С. М. Соловьев издал 1-й том своей «Истории России с древнейших времен». Содержание интересующей нас статьи он передал следующими словами: «При каждом преступлении должно основываться на ясных показаниях, но при заподозрении свидетельства пусть сторона подозревающая клянется в том, что свидетельство ложно; пусть всякий клянется по своей вере и пусть примет казнь, если клялся ложно».⁶

⁴ Schlozer A. L. Nestor: Russische Annalen in ihrer slavonischen Grundsprache verglichen / Von Schreibfehlern und Interpolationen gereinigt, erklärt und übersetzt von August Ludwig Schlozer Göttingen, 1805 Tl 3 S 312 f

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского / Под наблюдением проф. П. Н. Полевого СПб., 1892 Т. 1 С. 91

⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен М., 1956 Кн. 1 С. 143

Я полагаю, что Соловьев с такой интерпретацией был на пути к верному пониманию параграфа, но он не поясняет, каким образом приходит к такому пониманию; остается также неясным, кто подразумевается под словом «всякий»: должен ли истец еще раз клясться, или же это должно просто обозначать, что всегда, когда встречается подобная ситуация, клянущийся (т. е. обвиняемый) должен клясться «по своей вере», что собственно само собой разумеется и что, если это имеется в виду, выражено все же несколько странно и как будто бы не к месту. Наконец, остается неясным, каким образом может быть доказано, что он поклялся ложно, и какому наказанию он в таком случае должен быть подвергнут. Из-за всех этих неясностей интерпретация Соловьева и не нашла сторонников и последователей.⁷

В 1860 г. Франц Миклошич опубликовал в своей книге «Chronica Nestotis» текст летописи, реконструированный на основании различных списков и орфографически нормализованный. Он меняет, как уже было сказано, «явлении» на «явление», а кроме того, «имѣють» на «имѣемъ».⁸ Эта последняя поправка кажется мне безосновательной. Стороны, заключающие договор, говорят здесь не о себе, а о судьях в возможно совершившемся уголовном деле. Однако в примечаниях к тексту своей реконструкции Миклошич вносит и дальнейшие предложения по изменению текста. Вместо «да кленется часть та, иже ищетъ неятю вѣры» он предлагает читать: «да не кленеть ся часть та, не ятъ (бывѣши) ей вѣръ», и помещает при этом следующий латинский перевод: «ne iuret pars illa, quae actionem instituit, quin fides ei habeatur». Это, по-видимому, должно обозначать: «Не должна клясться та сторона, которая возбуждает дело, ибо ей [или после того как ей] не было выражено доверие (судом)». Но эта конъектура уводит все же слишком далеко от дошедшего до нас текста. Остается также непонятным, кто же в следующем предложении должен клясться «по своей вере»: обвиняющей стороне это запрещено (по Миклошичу) предыдущим предложением, обвиняемой стороне такая клятва бесполезна, ибо эта сторона все же, несмотря на свою клятву, признается виновной, и эта (мнимая) вина соответствующим образом наказывается. Неудовлетворительное в языковом отношении и по существу неясное предложение Миклошича не могло быть признано убедительным и так же, как предложение Соловьева, не нашло сторонников и последователей. В то же время оно показывает, что Миклошич считал непонятным смысл содержащегося в летописи текста.

В 1882 г. В. Сергеевич в замечательной работе «Греческое и русское право в договорах с греками X века» также интерпретирует интересующий нас параграф договора 911 г.⁹ «Текст статьи не совсем ясен», — пишет он. Однако, по его мнению, несомненным является то, что здесь противопоставлены два рода доказательств. С одной стороны, это — «показания явленные» (материальные следы события и показания сторонних лиц), с другой — клятвы (присяги). Но кто может быть допущен к присяге? Договор определяет: «Да кленется часть та, иже ищетъ неятю вѣры». Относительно этого Сергеевич говорит: «Выражение „иже ищетъ неятю вѣры“ нам совершенно непонятно». В отличие от Сергеевича я нахожу эти слова вполне понятными. Это та сторона, которая добивается, чтобы предоставленным доказательствам не было выражено доверия. Какая же сторона может под этим

⁷ Хотя М. В. Левченко в «Очерках по истории русско-византийских отношений» (М., 1956. С. 123) повторяет почти дословно формулировки Соловьева, однако он не выходит за их рамки.

⁸ Микл. С. 17; примеч. к этому пункту на с. 201.

⁹ ЖМНП. 1882. Ч. 219, янв.—февр. С. 82—115. Интерпретация интересующего нас параграфа — на с. 110—112.

подразумеваться? Сергеевич полагает, что это может быть как ответчик, так и истец, и клятва, таким образом, может служить как дополнительной присягой (если ее приносит истец), так и очистительной клятвой, если клянется ответчик. А кто может быть допущен к присяге, по мнению Сергеевича, решает судья. Сергеевич обосновывает эту точку зрения ссылкой на слова «да кленется часть та». Выражение «часть та», как он считает, показывает, что здесь имеется альтернатива, что, таким образом, как одна, так и другая сторона процесса могут быть допущены к присяге.

Я согласен, что само по себе выражение «часть та» может быть истолковано таким образом. Но тем не менее в общем контексте параграфа такое объяснение мне кажется неправдоподобным. Ведь «показания» все же дает истец, а не ответчик. И даже если обе стороны процесса могут быть допущены к присяге, остается непреодоленной основная трудность параграфа: содержащееся в последнем предложении положение, согласно которому ответчик в любом случае подвергается наказанию, так что его клятва является напрасной.

Не так давно Ирен Сорлин в своем очень основательном исследовании¹⁰ присоединилась к точке зрения Сергеевича. На с. 333 она переводит нашу статью следующим образом: «Pour ce qui est des articles concernant les délits, convenons de la sorte: S'il y a des preuves évidentes, que l'on tienne pour vrai ce qu'elles prouvent, mais si on ne leur prête pas foi, que la partie plaignant et celle qui cherche à démentir prêtent serment, et quand elles auront prêté serment selon leur foi, que le châtement soit mesuré au crime tel qu'il apparaîtra».

Хотя мадам Сорлин ссылается на Сергеевича, она изменяет его концепцию по двум пунктам: 1) по Сергеевичу, судья может допустить ту или иную сторону к присяге; у мадам Сорлин, напротив, обе стороны должны присягать всегда, когда «та» («он»), что обозначает, по-видимому, судья, не высказывает доверия представленным доказательствам; и 2) она полагает, что слово «часть» является, по мнению Сергеевича, «terminus technicus» для обвиняющей стороны в процессе. Однако Сергеевич не говорит этого. Согласно его точке зрения, «часть» может обозначать и ту и другую сторону — и истца и ответчика. Что касается первого пункта, то присяга, если ее должны принести оба участника процесса, еще более лишена смысла; ибо и тот и другой будут укреплять клятвой свою позицию в споре, и судья после этой клятвы еще менее, чем до нее, будет способен разобраться, кто же из двоих прав. Кроме того, и по интерпретации мадам Сорлин также остается неясным, почему же ответчик, несмотря на свою клятву, признается виновным и подвергается соответствующему наказанию.

Ощущение непонятности текста впоследствии как будто пропало. Лингвистически ясный текст переводился так, как он есть, смысловая трудность, содержащаяся в нем, опускалась. Карел Яромир Эрбен переводит его в своем чешском переводе летописи Нестора следующим образом: «A o člancích, když se přihodí nějaká škoda, ustanovujeme takto: Pokud na jevě bude k oznámení z jevnýmú pútahy, at' se nám podá věrné jich vyličení; a nebudou-li čemu chtítu věřiti, tehdy at'přisahá část ta, která chce, aby nebylo věřino; a když přisahne podlé viry své, uložen bude trest, jakož se v tom jeví provinění».¹¹

В английском переводе Самуэля Х. Кроцца читаем следующее: «In the atter of stipulations concerning damage, we subscribe to the following provisions: If lear proofs exist, there shall be a true declaration of such proofs. But

¹⁰ Sorlin I Les traites de Byzance avec la Russie au Xe siecle // Cahiers du monde russe et sovietique 1961 T 2 P 313–360 447–475

¹¹ Nestoruv letopis ruský Povest davnych let / Z originalu preložil Karel Jaromir Erben Praha 1954 C 42

if no credence attach to such declaration, the dissenting party shall take oath to this effect, and after he shall have taken oath according to his faith, a penalty shall be assessed in proportion to the trespass committed».¹² Во втором издании перевода Кросса начало третьего предложения улучшено: «But if this declaration is contested...». В последнем предложении добавлено: «in proportion to the apparent trespass committed». Словом «apparent» переведено неуместно пропущенное в первом издании слово «явиться».

Немецкий перевод Рейнольда Траутмана, опубликованный в 1931 г., звучит следующим образом: «Was aber das Verfahren betrifft, wenn sich ein Verbrechen ereignet, vereinbaren wir folgendes: Wenn es offenbar wird durch augenscheinliche Beweise, so soll man die Beschuldigung für richtig halten, wenn man einer Beschuldigung nicht Glauben schenkt, soll der Teil schworen, der sich bemüht, daß man dem Beschuldiger nicht glaubt. Wenn er aber gemäß seinem Glauben schwort, soll eine dem Vergehen angemessene Strafe erfolgen».¹³

Перевод Д. С. Лихачева 1950 г.: «А о главах, касающихся возможных совершиться злодеяний, договоримся так: те злодеяния, которые будут явно удостоверены, пусть считаются бесспорно совершившимися; а какому злодеянию не станут верить, пусть клянется та сторона, которая домогается, чтобы злодеянию этому не верили; и когда поклянется сторона та, пусть будет такое наказание, каким окажется преступление».¹⁴

Особенность перевода Лихачева состоит в том, что он относительное местоимение «ему же» раскрывает существительным «злодеянию», в то время как в древнерусском тексте оно, скорее, должно относиться к слову «показание»: «Если показанию не верят...». Однако поскольку речь здесь идет о показании в пользу преступления, то смысл этих слов сводится к одному и тому же. В последнем предложении слова «по вѣре своеи» при переводе не учтены.

Польский переводчик летописи Франтишек Силицкий полностью следует за переводом Лихачева.¹⁵ Не учтенные в переводе Лихачева слова переведены соответственно: «wedle wiary swojej».

Готфрид Штурм в своем переводе Радзивилловской летописи, опубликованном в 1986 г., довольно точно передает древнерусский текст, не обращая внимания на его смысловые трудности.¹⁶

Три современных переводчика ясно осознают — точно так же, как интерпретаторы от Шлецера до Миклошича в прошлом столетии — смысловые трудности, имеющиеся в тексте, и пытаются сделать текст понятным путем внесения в него изменений.

В 1952 г. А. А. Зимин в 1-м выпуске «Памятников русского права» также издает, переводит и комментирует текст договора 911 г.¹⁷ Зимин пуб-

¹² The Russian Primary Chronicle / By Samuel H Cross Cambridge, Harvard University Press 1930 P 152 Neuauflage hsg von Olgerd P Sherbowitz-Wetzor Cambridge, Mass., 1953, 3-е изд 1973 P 66

¹³ Die altrussische Nestorchronik Povest' vremennyh let / Übersetzung herausgegeben von Reinhold Trautmann Leipzig, 1931 S 20

¹⁴ Повесть временных лет Ч 1 Текст и перевод / Подгот текста Д С Лихачева, Пер Д С Лихачева и Б А Романова, Под ред чл-корр АН СССР В П Адриановой-Перетц М Л 1950 С 223 Параллельно в изд Начало русской литературы XI—начало XII века М 1978 С 49

¹⁵ Powiesc minionych lat / Opracowal Franciszek Sielicki Wroclaw Warszawa, Krakow 1968 S 235

¹⁶ Rauchspur der Tauben Radziwill-Chronik / Aus dem Altrussischen übertragen und herausgegeben von Helmut Grasshoff Dietrich Freydank und Gottfried Sturm Leipzig Weimar 1986 S 43 f «Якож явиться согрешенью» Штурм переводит «Wie das Vergehen erfordert» Однако «явиться» не может быть собственно переведено как «erfordert»

¹⁷ ПРПГ (6—29

ликует текст по списку Р со всеми существенными вариантами по другим рукописям и изданиям. Он переводит текст в том виде, в каком тот дошел до нас в списке Р (С. 11), однако в примечаниях (С. 16 и след.) обращает внимание на смысловые трудности и предлагает устранить их, опустив предложение «да кленеться чзсть та, иже ищеть неятю вѣры», отсутствующее в списках группы С (Софийская I и Новгородская IV). В обосновании он пишет (С. 16 и след.): «Эту фразу мы склонны считать позднейшей вставкой, неудачно объясняющей текст статьи. Получилась несуразица: присягает (идет на «фоту») обвиняемый (очевидно, с целью снять с себя обвинение), затем присягает обвинитель и <...> обвиняемый наказывается («будет казнь») соответственно степени его виновности или характера преступления («якоже вивится согрешение»). Присяга обвиняемого в данном случае не имеет смысла».

Во-первых, что касается отсутствия указанного пассажа в списках группы С, то этот аргумент не имеет важного текстологического значения, так как данная группа списков более поздняя по своему положению в стемме. Этот пропуск, как уже было сказано, текстологически можно легко объяснить: писец при переписке перескочил от первого слова «вѣры» ко второму случаю употребления этого слова. Однако и тот текст, который остается после исключения этого пассажа, также не может считаться удовлетворительным в языковом и в смысловом отношении. Тогда в предложении «да егда кленеться по вѣре своеи» отсутствует подлежащее: непонятно, кто должен клясться. В цитированном выше примечании Зимина этот теперешний текст списка Р (который, по его мнению, не может быть понят) выглядит таким образом, что согласно ему сначала должен присягать обвиняемый, затем истец. Однако этого нельзя почерпнуть из текста. Ни одним словом не указывается, что подлежащее для слов «да егда кленеться» иное, чем в предыдущем предложении. Согласно ясному тексту клятву приносит один и тот же — в обоих случаях обвиняемый. «Несуразица», которую Зимин справедливо усматривает в тексте, состоит не в том, что один так, а другой иначе клянется и что клятве одного верят больше, чем клятве другого, а в том, что обвиняемого заставляют поклясться в своей невиновности и все же после этого наказывают, как если бы его вина была доказана. Последнее предложение Зимина в таком случае еще более справедливо: «Присяга обвиняемого в данном случае не имеет смысла».

Примерно так же, как Зимин, переводит Манфред Гельман в своем вышедшем в 1987 г. сочинении «Die Handelsverträge des 10. Jahrhunderts zwischen Kiev und Byzanz», не уделяя, правда, в отличие от Зимина, внимания «несуразице» в данном тексте или вообще не замечая ее.¹⁸ Его перевод гласит: «Aber über die Paragraphen, die möglicherweise auftretende Missetaten berühren, emigen wir uns so: Die Missetaten, die eindeutig bewiesen werden, sollen als unstreitig aufgeklärt gelten. Wenn man aber beginnt, an eine Missetat nicht zu glauben, so soll diejenige Seite, die sich darum bemüht, daß man nicht an diese Missetat glaubt, einen Eid leisten; und wenn diejenige Seite, die von der Missetat überzeugt ist, einen Eid leistet (und damit überzeugt), so soll eine der Missetat entsprechende Bestrafung erfolgen».

Гельман, как и Зимин, распределяет, таким образом, оба предложения, в которых говорится о принесении присяги, между двумя сторонами процесса: между обвиняемым и истцом. Однако он делает это не в виде предположения в примечании, как у Зимина, а включает без комментариев в

¹⁸ Hellmann M Die Handelsverträge des 10. Jahrhunderts zwischen Kiev und Byzanz // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa Göttingen, 1987 Tl 4 S 658

свой перевод. Так как слова «по вѣре своеи» в его переводе не имеют соответствия, я предполагаю, что оборот «die von der Missetat uberzeugt» нужно считать переводом этих слов. Однако такой перевод совершенно не соответствует другим местам в подобных летописных статьях.¹⁹

В качестве последнего перевода нашего параграфа следует процитировать перевод Леониды Махновца на украинский язык.²⁰ Он отличается от всех вышеназванных тем, что в основу здесь положен не текст Р, а текст Ипатьевской летописи, в которой смысл предложения, имеющийся в Р, передан прямо противоположно, так как здесь вместо «да кленется» читается «да не кленется». Уже Миклошич принимал во внимание такой вариант, очевидно не зная, что он читается в тогда еще не опубликованной Ипатьевской летописи. Махновец переводит: «А про справи щодо злочинів, які можуть статися, урядимося так: [злочин] нехай настільки явно буде доведений доказами, щоб [судді] мали віру до цих доказів; а коли вони йому, [доказові], будуть не йняти віри, нехай не клядеться та сторона, яка прагне, щоб [доказові] не вірили; а коли поклянуться [позивач] по вірі своїй — буде [такою] кара, якою й виявиться провина».

Перевод верно передает текст Ипатьевской летописи. Проблематично только то, что в качестве подлежащего в предложении «да егда кленется по вѣре своеи» выступает истец, хотя это слово и вставлено как добавление в квадратных скобках. Возможно, если обвиняемому запрещают клясться, то вообще клятводателем остается только истец. Однако сам текст не содержит этого смысла. Так как в предыдущем предложении в качестве подлежащего выступил обвиняемый, в следующем подлежащим несомненно должен был бы быть обозначен истец, если бы он имелся в виду. Сам Махновец чувствует, что его перевод и интерпретация сомнительны, и добавляет в примечании: «В Ип. 1 Хл. „да не кленется“, у Радз. навпаки — „да кленется“; перекладаємо за Ип., хоча немає цілковитої певності щодо того, чи точно перекладено цю ключову статтю».

После подробного изложения существующих на сегодняшний день попыток перевода и трактовки текста я могу относительно кратко сформулировать и обосновать свое собственное предложение по толкованию этого важного параграфа. Его подлинный смысл, по моему представлению состоит в следующем:

Если заявлено о преступлении («проказа»), подлежащем наказанию, оно должно быть абсолютно («явѣ») доказано или подтверждено убедительными показаниями. Если такие показания имеются, то преступление должно считаться несомненно доказанным фактом. Однако если обвиняемая сторона оспаривает достоверность предложенных показаний (и таким образом эти показания не являются «явными»), то она может подтвердить свою невиновность клятвой. Если она принесла клятву, ей верят до такой степени, что процесс прекращается. Такой порядок соответствует правовому закону «In dubio pro reo» — «Сомнительный случай решается в пользу обвиняемого». Однако перед правосознанием теперь возникает вопрос: значит, если обвиняемый клянется в своей невиновности ложной клятвой, то преступление остается ненаказанным, вина неискупленной? На этот вопрос отвечает последнее предложение параграфа. Так как клятва совершается «по вѣре», т. е. «по религии» клянущегося, то это религиозный акт, его гарантом является Бог, перед вышним Судом которого все мы должны предстать (ср. 2 Кор 5: 10) и перед всеведением которого явны все человеческие согрешения.

¹⁹ ПСРЛ Т 1 Стб 33 Строки 19 34 27 37, 19 Глагол «начнут» в предыдущем предложении являющийся вспомогательным словом для образования формы будущего времени, также неверно переведен выражением «wenn man aber beginnt»

²⁰ Литопис руський за ипатьским списком / Переклав Леонид Махновець Київ, 1989 С. 20

шения. Кто избежит земного наказания, принеся ложную клятву, тот должен будет нести ответ перед Судом Божиим не только за содеянное им преступление, но и за более тяжкий грех клятвопреступления. Этой клятвой обвиняемый апеллирует к высшей инстанции — Суду Всевышнего. Тем самым низшая инстанция — земной суд — избавлена от обязанности и права искать истину и выносить приговор и может следовать закону земного правосудия «In dubio pro geo».

Следует обратить внимание на то, что в конце параграфа вина преступника обозначена иным словом, чем в начале: в начале это была «проказа», в конце — «согрешенье».²¹ Это последнее слово в церковнославянской литературе почти всегда, в летописи Нестора постоянно употребляется в религиозном значении, как согрешение, как вина перед Господом.²²

Проявившиеся в этом параграфе правовые представление и практика подтверждены также и другими местами из договоров русских с греками. В одном из следующих параграфов этого же договора в качестве наказания за нанесение человеку раны каким-либо оружием установлен денежный штраф в «пять литр серебра». Если преступник не может внести эту сумму, то он должен заплатить, сколько может, но затем поклясться по своей вере, что не имеет большей возможности. После этого, т. е. после клятвы, уголовное дело не должно более продолжаться.²³

О том, что санкции по нарушению клятвы находятся в распоряжении Бога, особенно явно свидетельствует договор от 945 г., в котором христианину-клятвопреступнику угрожают, «что он не получит помощи от Бога, что он будет рабом в этом веке и в будущем», а язычнику — «что он будет проклят Богом и Перуном, если нарушил свою клятву».²⁴

Без какого-либо существенного изменения текста²⁵ параграф утрачивает при данной интерпретации свою «несуразицу» и становится совершенно понятным как в языковом отношении, так и по смыслу. На немецкий язык я перевожу его следующим образом:

«Aber hinsichtlich der Punkte^a, wenn ein Verbrechen geschieht, vereinbaren wir folgendes: Wenn es offenkundig ist durch offen vorgewiesene Beweismittel^b, so soll man das durch solche [Beweismittel] offenkundig Gemachte^c für erwiesen

²¹ Некоторые переводчики передавали оба слова одним и тем же эквивалентом Зимин — «преступление», Силицкий — «przekroczenie», Гельман — «Missetat» Другие различали эти понятия Траутман и Штурм «Verbrechen» — «Vergehen», Эрбен «škoda» — «grovineni», Лихачев «злодеяние» — «преступление», Махновец «злочин» — «провина» Однако, даже когда переводчики употребляли разные слова для двух русских понятий, качественное различие между «проказа» и «согрешение» выступало не совсем отчетливо, удачнее всего у Кросса «damage» — «trespass»

²² См примечание к слову «согрешение» в кн Grober B, Müller L Vollständiges Wörterverzeichnis zur Nestorchronik München 1977—1986 S 762

²³ ПСРЛ Т 1 Стб 34 Строка 29

²⁴ Там же Стб 53 Строки 3 и след, 15 и след

²⁵ Изменено только «явление» на «явление», «иже» на «яже», см выше, в начале статьи, при рассмотрении вариантов к тексту

^a «глава» я перевожу словом «Punkt» в смысле «предмет обсуждения» Наш параграф является введением к перечисленным далее преступлениям убийство, телесное повреждение, кража, разбойное нападение Параграф упорядочивает судопроизводство по этим преступлениям

^b «Beweismittel» — по-русски «показания» Это могут быть как показания свидетелей, так и вещественные доказательства

^c «offenkundig Gemachte» — по русски «явление» Я перевожу несколько обстоятельно, так как хотел бы три слова, образованных от корня «яв» — «яве», «явление», «явится» и по-немецки произвести от одного корня, тем самым показав их взаимосвязанность В греческом оригинале договора могло бы стоять «δῆλον» «δῆλον ποιεῖν» «δηλωσις» или «φανερός», «φανερον ποιεῖν», «φανερούν», «φανερωσις» Ср места из Библии 1 Кор 3 13, 4 5, 2 Кор 5 10, на которых основывается правовое представление в этом параграфе «Явление» в рукописи я изменяю как уже было сказано, согласно предложению Миклошича и Шахматова на «явление»

erachten.^d Wenn man aber einem Beweismittel nicht Glauben schenkt,^e so soll die Partei, die zu erreichen sucht, daß man dem vorgewiesenen Beweismittel nicht Glauben schenkt, schworen; und wenn sie schwört nach ihrem Glauben,^f so wird Strafe erfolgen, wenn^g die Versündigung^h offenbar wirdⁱ».

^d «явление вѣрно имѣти» — двойной аккузатив, как в греческом «εχειν» с дополнением в винительном падеже и прилагательным в качестве сказуемого Ср Bauer W Wörterbuch zum Neuen Testament 4 Aufl Berlin, 1952 Sp 603

^e «Man» в этом предложении (в древнерусском — 3 л мн ч «начнут») относится к судьям Этот оборот исключает, что в любом случае очистительной клятвы обвиняемого должно быть достаточно, чтобы прекратить процесс Судьи при неудовлетворительном состоянии показаний истца, сами должны иметь сомнения в достаточности предъявленных доказательств и вместе с тем в виновности ответчика Только в этом случае допускается очистительная клятва

^f «Вѣра», «Glaube» — то же самое, что «религиозное вероисповедание», «религия» Ср ПСРЛ Т 1 Стб 34 Стр 27, Стб 38 Стр 7—8, Стб 49 Стр 23, Стб 52 Стр 10, Стб 82 Стр 14 и т д Подлежащее в предложении «да егда кленеться по вѣре своей» то же, что и в предыдущем предложении обвиняемая сторона Лингвистически другой вариант в имеющемся у нас тексте невозможен В смысловом отношении это при нашей интерпретации совершенно понятно Оборот «wenn sie aber schwört nach ihrem Glauben» не имеет значения «в случае, когда она так клянется» (ибо любая клятва совершается «по вере» клянущегося), но употребляется в смысле «так как она клянется по своей вере», т е «так как присяга происходит с призыванием Бога в свидетели»

^g «якоже» — по-видимому, перевод греческого «ως» или «ως ἄν» До сих пор почти всегда это слово рассматривалось как сравнительный союз и соответственно переводилось «jakož» (Эрбен), «in proportion» (Кросс), «соответственно» (Зимин), «odpowiedana» (Силицкий), «angemessen» (Траутман), «so wie» (Штурм), «entsprechend» (Хеллман), «якою» (Махновец) Однако «ως» или «ως ἄν» имеет также функцию временного союза, ср Bauer W Wörterbuch Sp 1630

^h «согрешенье» в летописи постоянно и в древнецерковнославянском языке почти всегда употребляется в религиозном смысле, как согрешение перед Господом Ложная клятва в отличие от «проказа» — это не преступление, нарушающее исключительно земной закон, а согрешение перед Господом Поэтому эти два понятия не должны передаваться при переводе одним и тем же словом, как это часто происходило См примеч 21

ⁱ «wenn die Versündigung offenbar wird» — т е на высшем Суде, где все «согрешения очевидны», ср Рим 2 16, 2 Кор 5 10

В. П. ГРЕБЕНЮК

**Святитель и князь.
К вопросу о роли митрополита Киприана
и великого московского князя Василия Дмитриевича
в событиях 1395 г.**

События 1395 г., связанные с нашествием Тимура на русские земли и перенесением для защиты Москвы от могущественного завоевателя иконы Владимирской Богоматери, своеобразно отразили отношения митрополичьей и великокняжеской власти.

Как известно, московский великий князь Василий Дмитриевич продолжил политику своего отца Дмитрия Ивановича Донского, направленную на консолидацию русских земель вокруг Москвы. В этой деятельности он встретил полную поддержку митрополита Киприана, который в свою очередь также рассчитывал на поддержку московского князя в деле упрочения авторитета митрополичьей власти, в частности в борьбе со своеволием новгородского архиепископа Иоанна. Правда, этот союз московского князя и святителя, получившего в свое время титул «Киевского и всея Руси» против воли московского князя Дмитрия Ивановича, не был столь безоблачен. Между ними не было открытых ссор, какие бывали у митрополита Киприана с отцом Василия Дмитриевича, но своего рода соперничество и вмешательство в дела друг друга, связанные в первую очередь со стремлением утвердить свой первенствующий авторитет в русской земле, остались. Эти отношения проявились в целом ряде событий. Прежде всего московский великий князь вмешивался в дела, находившиеся в прямой компетенции митрополита. Еще при Дмитрии Ивановиче в московских соборах перестали помянуть при богослужении византийского императора. Такое отступление от традиционной формы вызвало немедленный отклик константинопольского патриарха, который в данном случае конечно был инспирирован Киприаном.¹

Для нас важно то обстоятельство, что митрополит Киприан сам не мог совладать с таким вмешательством в церковные дела великого князя и вынужден был прибегнуть к авторитету патриарха. Нужно отметить, что политика Василия Дмитриевича и его окружения была также направлена на то, чтобы всячески подчеркнуть значимость власти московской династии князей. Это проявилось, например, при создании высокого иконостаса Благовещенского собора, где в деисусном чине помимо обычного

¹ «Говорят, ты не позволяешь митрополиту помянуть божественное имя царя в диктихах и хочешь дела совершенно невозможного и говоришь мы имеем церковь а царя не имеем и знать не хотим Это нехорошо» (РИБ С'ІБ, 1908 Т 6 ч 1 Приложение (Стб 272))

деисуса помещены шесть икон с изображением святых, соименных московским великим князьям, начиная от князя Даниила Александровича и кончая заказчиком иконостаса — князем Василием Дмитриевичем.²

Об этом свидетельствует и саккос митрополита Фотия (1409—1417), где, по краям сцены, изображающей сошествие Иисуса Христа в ад, помещены изображение императора Иоанна VIII Палеолога с женой Анной, дочерью Василия Дмитриевича, с одной стороны, а с другой стороны — изображения Василия Дмитриевича и его жены Софии Витовтовны.

Особенно ярко проявились отношения великого князя и митрополита в событиях 1395 г., которые подверглись соответствующей интерпретации в памятниках литературы. Весной 1395 г. Тимур в сражении у реки Сенгчи (горный Карабах) разбил золотоордынского хана Тохтамышша, разрушил его столицу Сарай-Берке, затем появился в пределах русских земель, взял Елец и стал на Дону с явным намерением двинуться в глубь русских земель. Стихотворные хроники, ведшиеся походными панегиристами Тимура, говорят не только о намерении взять Москву, но и утверждают, что Москва, была взята, и описывают богатые северные трофеи. Угроза, нависшая над Москвой, была очень серьезна. Не только хорошо наслышанный о силе и могуществе непобедимого Тимура, но и сам бывший свидетелем сражений Тимура с Тохтамышем, московский великий князь Василий Дмитриевич понимал всю опасность положения. Он собрал войско, двинулся навстречу Тимуру и стал на берегу Оки в ожидании врага. Во главе обороняемого города остался его дядя князь Владимир Андреевич. «Воеводам градным» было приказано укрепить городские стены и подготовиться к осаде. Митрополит Киприан прерывает свою поездку в Новгород, куда он направился вместе с патриаршими посланцами для увещевания новгородского владыки Иоанна. В отличие от 1382 г., когда митрополит бежал от Тохтамышша из осажденной Москвы в Тверь, теперь он принимает деятельное участие в подготовке Москвы к осаде. Заповедав пост, он молитвою и увещеванием укрепляет дух москвичей. В московских соборах звучат каноны патриарха Филофея против «иноплеменных», которые были переведены самим Киприаном. Тогда же было решено для спасения Москвы перенести чудотворную икону Владимирской Богоматери из старой столицы Владимира в Москву. В день встречи иконы в Москве 26 августа Тимур неожиданно, без объяснения причин своего решения, повернул войска в Орду. Москва посчитала, что эта бескровная победа над могущественным агарянином произошла благодаря заступничеству Богоматери ради «чудотворных иконы Ея». На месте встречи иконы был заложен Сретенский монастырь, а день 26 августа стал праздноваться в воспоминание этого события.

Естественно, и светская, и церковная власть попытались использовать бескровную победу над врагом для укрепления своего авторитета.

В связи с этим представляется убедительным предположение Г. К. Вагнера, который соотносит рельеф воина-змееборца из Спасского собора Спасо-Андроникова монастыря с великим князем Василием Дмитриевичем. Рельеф изображает воина-змееборца, стоящего фронтально. В его правой руке копьё, которым он поражает извивающегося под ногами змея. В левой руке — сабля. На голове воина корона типа ребристой стеммы с четырехгранными шишечками-пирамидками по краям. Рельеф довольно убедительно датирован концом XIV в. Как отмечает Г. К. Вагнер, на саккосе Фотия

² Бетин Л. В. Исторические основы древнерусского высокого иконостаса // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств XIV—XVI вв. М., 1970. С. 63.

Василий Дмитриевич изображен почти в такой же «короне», в какой представлен воин на андрониковском рельефе.

Г. К. Вагнер, предполагая, что на рельефе изображен великий князь Василий Дмитриевич, отмечает смелую политику князя по отношению к Орде: «Хотя сын Дмитрия Донского не стяжал воинских лавров своего отца, но его политика в отношении к Золотой Орде была очень смелой. Он первым из князей перестал ездить на поклон в Орду и не посылал туда ни своих детей, ни князей, ни бояр. В 1395 году Василий I выдержал противостояние страшному Темир-Аксаку, что уже могло создать вокруг него ореол Змеборца. Не отразилась ли эта тема в андрониковском рельефе? Мы придерживаемся этого мнения впрямь до появления более убедительного».³

У нас есть дополнительное свидетельство в пользу такого предположения. В службе на «Сретение иконы Пресвятая Богородица Владимирская» Темир-Аксак называется змием: «О преславное чудо, иже Превечная Царица Богомати милостивным своим образом змия смири и своим рабом заступление явися».⁴ Великий князь Василий Дмитриевич оказался в центре повествования, посвященного чудесному спасению Москвы от нашествия Темир-Аксака заступничеством Богоматери ради «чудотворныя иконы Ея».

По тексту службы Богоматерь «милостивым своим образом», т. е. иконою Владимирской Богоматери, «смири змия» — Темир-Аксака. В рельефе это персонифицируется в фигуре воина-змеборца. В Повести, специально посвященной этому событию, произошедшее чудо — спасение Москвы — как церковная власть в лице митрополита Киприана, так и светская власть в лице великого князя Василия Дмитриевича пытаются интерпретировать со своей позиции, использовать для укрепления своего авторитета. До нас дошли две первоначальные основные редакции Повести, которые по их тенденциозности можно назвать Княжеской и Митрополичьей. Время создания Повести относится нами к 1402—1408 гг.⁵

Митрополичья редакция представлена только в летописных списках, которые в конечном счете восходят к тексту Троицкой летописи. Наиболее полно передает текст этой редакции, как нам представляется, Московский свод конца XV в. Текст княжеской редакции дошел в более чем 200 списках в составе рукописных сборников и летописей.

Повесть имеет прямые заимствования из текста «Молитвы к Пречистой Владычице Богородице» Ефрема Сирина, который иногда приписывают Филофею. В княжеской редакции по сравнению с митрополичьей редакцией заимствования из текста Молитвы вторичны.

³ Вагнер Г. К. От символа к реальности. Развитие классического образа в русском искусстве XIV—XV вв. М., 1980. С. 186—187. Отметим одну фактическую неточность в цитируемом тексте: Василий Дмитриевич неоднократно бывал в Золотой Орде и даже был свидетелем сражения Тохтамыша с Темир-Аксаком в 1391 г.

⁴ ФИРИ РАН (СПб), собр. Н. П. Лихачева, № 24, л. 167.

⁵ По вопросу о времени создания «Повести о Темир-Аксаке» существуют разные точки зрения. Ряд историков (см. об этом Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 52—54) относит создание Повести ко второй половине или последней трети XV в. Рамки статьи не позволяют вступать в полемику и останавливаться на этой важной проблеме. Заметим только, что, на наш взгляд, нельзя игнорировать прямые указания текста Повести отмеченные еще А. А. Шахматовым, о том, что автор ее был современником описываемых событий.

Молитва к Богородице

«Избави, Владычице, молитвами си изрядиѣ возлежущее Ти сие стадо и всѣхъ градъ и страну от глада, губительства, труса, потопа, от меча, нашествия иноплеменикъ и междусобныхъ брани и всѣхъ гнѣвъ, иже на нас движуишися.»⁶

Митрополичья ред

«Нихтоже нас может избавити от нужда сея и печали, развѣ Владычици наша Богородици и Приснодѣвы Мариа, Та бо приложитъ печаль нашу на радость, Та бо есть Заступница наша и града нашего, и всякого града и страны, и всего рода человеческого, идѣже с верою призываютъ Ея на помощь Сия бо избавляетъ вся христианы от глада и от пагубы, от труса и потопа, от огня и меча, и от нахождения поганыхъ, и от нападения иноплеменикъ, и от нашествия ратныхъ, и от междусобныхъ рати, и от напрасныя смерти, и от всякаго зла, находящегося на нас»⁷

Княжеская ред

«Хошу послати во градъ Владимиръ по икону Пречистыя Владычица наша Богородица; Та можетъ преложити печаль нашу въ радость, можетъ заступити нас и градъ нашъ Москву от нахождения иноплемениныхъ, от нападения вражия, от нашествия ратныхъ, от междууособныхъ рати и кровопролития всякого, и от мирския печали, от напрасныя смерти, от всякого зла, находящая на ны»⁸.

В Повести Темир-Аксака предстает как гонитель и мучитель христиан, что, конечно, не соответствует истине. Если рассмотреть перечень завоеванных Тимуром стран, приведенный в Повести, то видно, что христианские страны занимают здесь далеко не первое место. Чтобы усилить впечатление о масштабах завоеваний Тимура, а следовательно, о его потенциальной угрозе, автор приводит не только современные для него географические обозначения завоеванных мест, но и исторические. В качестве аналогии Темир-Аксаку выступают первые гонители христиан — римские императоры Юлиан, Диоклегиан, Максимиан, Деций, Лициний. Эти аналогии подсказаны автору, скорее всего, проложной статьей под 26 августа об Андриане и Наталье, где описываются гонения, которым подвергали христиан императоры-язычники. В такой тревожной обстановке, навеянной слухами и грозными вестями о намерениях Темур-Аксака идти на Москву, митрополит Киприан «заповедал поститися и молитися и молебны пѣти». Великий князь, митрополит и другие князья решают для защиты от Темир-Аксака перенести чудотворную икону Богоматери из Владимира в Москву. Посланные в «славный и стольный» град Владимир повелели совершить молебен перед иконой Владимирской Богоматери. На проводы иконы, как отмечает Повесть, вышел весь Владимир от мала до велика, ее проводили далеко за город, не имея сил расстаться со своей святыней. В Москве икону встречал митрополит Киприан, духовенство, князья, бояре и «все множество бесчисленное народа христианска», встречали ее «далече за градом на поле». Автор рисует картину всеобщего единения народа. Это достигается путем исчерпывающего перечисления категорий встречающих, синонимической полнотой, «всякъ возрастъ мужеска полу и женска». Уход Темир-Аксака объясняется тем, что в момент общей молитвы к Богоматери во время встречи Ее иконы его обуял страх и трепет, «мнѣти ему яко нѣкому многу въинству грядущу на ны от рускыя земли», и он возвратился в Орду. Престарелый митрополит Киприан выступает с поучением к 24-летнему великому князю: «Не подобаше, о сыну, забвенъ быти толщій Божьей милости и помощи святыя Богородици и заступлению на роде чловѣчествѣмъ, да не останеть без праздника бывшее сие преславное чюдо Богоматери пред

⁶ Сырку П. А. Из истории исправления книг в Болгарии в XV в. Т. 1. Литургические труды патриарха Евфимия Терновского. СПб., 1890. С. 89—90.

⁷ ПСРЛ М., Л., 1949. Т. 25. С. 233 (Московский свод конца XV в.)

⁸ ПСРЛ СПб., 1853. Т. 6. С. 126 (Софийская II летопись)

очима нашими». Подчеркивается, что церковь, сооруженную на месте встречи иконы, освящал сам митрополит, и была она украшена иконами и книгами.

Повесть, где центральное место занимал митрополит, который наставлял, успокаивал москвичей перед лицом опасности нашествия Темир-Аксака, который сам много потрудился, переводя молитвы и каноны патриарха Филофея, и, наконец, выступал наставником и учителем великого князя, не могла удовлетворить великого князя и его советников, может быть, тех самых юных бояр, о которых с укоризной пишет автор «Сказания о нашествии Едигея». Великий князь отводил себе другую роль в событиях 1395 г.

«Повесть о Темир-Аксаке» в Митрополичьей редакции, где на первом плане был митрополит Киприан, основательно переделывается — в центр повествования ставится великий князь Василий Дмитриевич. Это проявляется в ряде принципиальных моментов:

1) Для переделки Повести привлекается «Повесть о нашествии царя Хоздроя на Царьград», в привлеченных отрывках место патриарха Сергия, который обращался к Богу и Богородице с молитвой о спасении Царьграда и обходил с иконой Богородицы стены города, занял великий московский князь;

2) Вместо оценочных эпитетов, данных Темир-Аксаку (окаянный, безбожный), приводится его развернутая легендарная биография, история его возвышения и захвата власти. Биография строится как антитеза княжескому житию;

3) В начале Повести, где сообщается, что события происходят «во дни княжения благоверного и христалобиваго великаго князя Василья Дмитриевича», московский князь назван самодержцем, его род возводится к самодержцу Иоанну Даниловичу;

4) Великий князь называется господином по отношению к митрополиту, а не сыном, он повелевает не только воеводам укрепить осаду, но и митрополиту Киприану перенести икону Владимирской Богородицы в Москву;

5) Темир-Аксак сравнивается не с римскими императорами, гонителями христиан, которые, конечно, воспринимались как книжно-легендарные злодеи давно минувших времен, а с ханом Батыем, горькая память о злодеяниях которого передавалась из поколения в поколение российских людей. Сравнение несомненно емкое и исторически оправданное;

6) В Княжеской редакции упоминается новый факт о пленении «царя Крещия» — турецкого султана Баязида Молниеносного, грозы европейцев и Византии, которого Тимур разбил в 1402 г. при Ангоре. Сообщается о том, что Тимур-Аксак возил Крещия в железной клетке, «того ради, да еще бы видѣли многи земли таковую силу и славу безбожнаго врага и гонителя»;

7) Во вступлении, рассматривая хронологию событий, автор подчеркивает, что нашествие Темир-Аксака произошло «в третьенадесять лѣто по татарщинѣ, по московском взятии», т. е. взятие в 1382 г. Тохтамышем Москвы рассматривается как горькая вежа: через два года после Куликовской победы Москва вновь попала под «татарщину»;

8) Уточняется время стояния Темир-Аксака — не две недели, как было сказано в Митрополичьей редакции, а 15 дней;

9) Автор Княжеской редакции был современником описываемых событий, что он указал в следующих фразах, на которые в свое время обратил внимание А. А. Шахматов: «Мы же встяхомъ и прости быхомъ, онъ же заиде и изчезе, мы же ожихомъ и цѣлени быхомъ»;⁹

⁹ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV—XV веков // ЖМНП 1901 Ноябрь. С. 62

10) В Княжеской редакции появляется упоминание о святителе Петре как о «заступнике» и «молебнике» града Москвы;

11) В Княжеской редакции впервые появляется аналогия избавления Москвы от нашествия Темир-Аксака и спасения Иерусалима от нашествия Сеннахирима, когда город был спасен молитвою к Богу библейского царя Иезекииля и пророка Исаяи. Эта библейская аналогия, вероятнее всего, была подсказана автору уже упоминавшимся нами каноном «К Господу нашему Иисусу Христу и къ Пречистѣй Его Матери на поганья».

Княжеская редакция «Повести о Темир-Аксаке» не является единственной, где проводится идея преемственности власти московского великого князя. Подчеркивая общерусское значение Москвы, которая находится под покровом Богоматери, автор заостряет внимание на самом факте признания бывшей столицей Русской земли Владимиром ее новой столицы — Москвы. Стремление выдвинуть Москву и московского великого князя на главенствующую роль в русской земле было для XV в. актуальным. Далеко не случайно «Повесть о Темир-Аксаке» не была включена в новгородские летописи, в Рогожский летописец, Симеоновскую летопись. По вопросам государственного устройства в начале XV в. единства не было, в литературе утверждались разные точки зрения.

В «Повести о нашествии Едигея» единство Руси представлялось как союз русских княжеств под главенством великого князя Владимирского, получающего этот титул независимо от ханского пожалования, в силу принадлежащей ему чести. Свои представления о власти автор укрепляет ссылками на «летописца киевского», и в качестве примера приводятся первые наши «властодръжцы» (киевские князья). В Повести князь призывает внимать советам старцев: «властодержецъ наших дозрящих сих, таковым вещам да внимають, юнии старцев да почитають и сами едни без искуснейших старцев всякого земльскаго правления да не самочиннують, ибо красота граду есть старчество». Этот идеал политического устройства, выраженный представителем кругов старого боярства, был чужд автору Княжеской редакции «Повести о Темир-Аксаке» с его представлениями о князе-самодержце, самолично решающем дела. Он принимает решение перенести икону Богоматери из Владимира в Москву, не посоветовавшись «со князи и бояре свои», а только приглашает их для того, чтобы сообщить о принятом решении. Изменение ситуации в первой половине XVI в. привело к тому, что в Никоновской редакции «Повести о Темир-Аксаке» роли великого князя и митрополита кардинально переменились: великий князь только сообщает «свой помысл», что хорошо бы послать во Владимир по икону Богоматери. А «великий же начальник и пастырь пресвященный Киприан <...> заповеда людем пост и покаяние <...> и посла въ Володимерь по икону Пречистыя Богородици».¹⁰ В «Сказании об иконе Владимирской Богоматери» решение перенести икону Богоматери приходит «Божиим промыслом» одновременно князю и митрополиту. Произошедшее чудо — спасение Москвы от нашествия Темир-Аксака как церковная, так и светская власть на протяжении почти двух веков пытались использовать для укрепления своего авторитета. В Митрополичьей редакции «Повести о Темир-Аксаке» Темир-Аксак прежде всего сравнивается с языческими императорами — гонителями христиан. Его задача воспринимается однозначно — искоренить христианство. Митрополит Киприан, наказующий народу принять пост и покаяние, выступает здесь прежде всего как духовный руководитель. Решение перенести икону Владимирской Богоматери в Москву принимает великий князь Василий Дмитриевич вместе с Киприаном и другими князьями. Далее опять в центре пове-

¹⁰ ПСРЛ СПб, 1897 т. 11 с. 159

ствования Киприан — он встречает во главе всех московских христиан на Кучкове поле икону Владимирской Богоматери и, «благодарение въздавше», переносит икону в Успенский собор Московского Кремля.

Совсем иная картина предстает в Княжеской редакции «Повести о Темир-Аксаке». В центре повествования князь, он повелевает митрополиту перенести в Москву икону Владимирской Богоматери, он обращается к Богу о заступничестве от имени всего русского народа. Князь Василий Дмитриевич в Княжеской редакции «Повести о Темир-Аксаке» называется господином по отношению к митрополиту, а не сыном, это является отступлением от традиционного литературного этикета, он повелевает не только «воеводам градным», но и митрополиту, что также является отступлением от этикета. Эти отступления понадобились автору для того, чтобы провести идею единовластия великого князя. Обычно же в исторической повести XV—XVI вв. князь советовался с митрополитом и получал его благословение на все важные дела. Из повести в повесть переходит общая ситуация: князь, узнав о приближении врага, в «смирении» приходит к архиерею, получает от него благословение и выступает во главе войска на врага. Эти общие ситуации являются не столько отражением реального, сколько представлением о должном, и в подобных случаях, как указывал Д. С. Лихачев, не было стремления «обмануть читателя».¹¹ Для древнерусского писателя было не важно, что митрополит Киприан отсутствовал в Москве во время Куликовской битвы, важно было то, что князю надлежало, по представлению писателя, заручиться поддержкой церкви в лице митрополита. Вот почему фигура Киприана появляется в «Сказании о Мамаевом побоище». Поэтому же редактор Тверской летописи, которая имеет общий протограф с Софийской II летописью (Свод 1518 г.) переделал тот отрывок «Повести о Темир-Аксаке», где идет речь о решении князя перенести икону, добавив слова «поиде вскоре (к митрополиту. — В Г.) <...> и поведа ему свое помышление».¹² Редактора Тверской летописи не смутило то, что произведенные им вставки противоречат реальности. Зато они соответствовали представлению о должном в поведении великого князя.

Такое отступление автора Княжеской редакции «Повести о Темир-Аксаке» от литературного этикета, касающегося отношений князя и митрополита, подтверждается и характером заимствований из «Повести о нашествии царя Хоздроя на Царьград», в которых в соответствующих фрагментах от имени народа к Богу обращается уже не святитель, как в византийской повести, а московский великий князь. Стремление митрополита Киприана поучать великого князя наталкивается на сопротивление последнего. Это своеобразное соперничество отразилось и на истории текста «Повести о Темир-Аксаке» в редакциях XV—XVI вв. В «Сказании об иконе Владимирской Богоматери» (XVI в.) представлены уже идеальные отношения великого князя московского и митрополита Киевского и всея Руси, идея перенесения иконы Владимирской Богоматери приходит «Божиим помышлением» одновременно тому и другому. Тем самым проводится идея равнозначности церковной и светской власти.

¹¹ См. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. С. 94.

¹² См. Гребенюк В. П. «Повесть о Темир-Аксаке» и ее литературная судьба в XVI—XVII веках // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.) М., 1971. С. 201.

В. А. КУЧКИН

О термине «дети боярские» в Задонщине

Время создания Задонщины — самого поэтического памятника Куликовского цикла — до сих пор вызывает ученые споры. В последнем по времени обобщающем труде по истории древнерусской книжности и литературы написание Задонщины отнесено к 80-м гг. XIV в. Датировка аргументирована следующим образом: «Эмоциональность восприятия событий — вот основной довод в пользу того, что в Задонщине нашло отражение непосредственное восприятие Куликовской битвы современником, а возможно, и участником ее».¹ И хотя подобный довод имеет известный смысл, все же думается, что степень эмоциональности в описании исторических событий — не очень надежный научный критерий, могущий свидетельствовать о времени возникновения того или иного литературного произведения. Гораздо более весомыми представляются прямые или косвенные датирующие указания, сохранившиеся в самом тексте памятника.

В 1985 г. в статье «К датировке Задонщины» автор этих строк остановился на упоминаниях в различных списках Задонщины городов Торнова (Тырнова) и Орнача (Ургенча), до которых дошла, согласно памятнику, слава о победе московского великого князя Дмитрия над ордынским правителем Мамаем на Куликовом поле, выяснил, что списки в обоих случаях сохранили протографичные чтения и что упоминание Орнача ведет ко времени или до весны 1380 г., когда он оставался центром самостоятельного государства Суфидов, или до февраля 1388 г., когда он был захвачен и до основания разрушен Тимуром. В итоге время написания Задонщины определялось первыми месяцами или первыми годом-двумя после Куликовской битвы.² Однако в 1994 г. Я. С. Лурье высказал довольно категоричное суждение, что попытки датировать Задонщину «концом XIV в. не представляются достаточно убедительными».³ Исследователь полагает, что упоминание в памятнике городов Торнова и Орнача отразило не живую реальность, а ученые разыскания автора Задонщины, знавшего и об уничтожении Ургенча Тимуром в 1388 г., и о завоевании в 1393 г. турками Второго Болгарского царства с его столицей Тырновом, но тем не менее ясно представлявшего, что в год Куликовской битвы эти города были важными политическими центрами, жители которых непременно должны были узнать о победе на берегах Дона и Непрядвы московского князя. Подобная трактовка упоминания в Задонщине Торнова и Орнача требует определенных разъяснений. Из каких источников автор произведения смог почерпнуть точное знание о

¹ Дмитриев Л. А. Задонщина // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 347

² Кучкин В. А. К датировке Задонщины // Проблемы изучения культурного наследия Л., 1985. С. 118

³ Лурье Я. С. Две истории Руси XV в. СПб., 1994. С. 27

том, что в 1380 г. оба названных города были столицами самостоятельных государств? Зачем было в позднем памятнике упоминать именно эти города, если современники автора Задонщины, читатели или слушатели его сочинения, о былом значении Торнова и Орнача ничего не знали или знали мало и такое знание не было для них актуальным? Ответить на возникающие вопросы крайне сложно, и в исследовании «Две истории Руси XV в.» ответов на них нет. К тому же Я. С. Лурье не принял во внимание еще один аргумент в пользу раннего происхождения Задонщины, приведенный в статье 1985 г. Там указывалось, что ранней датировке памятника не противоречит «родословная Ольгердовичей».⁴ Сказано было глухо, но все-таки сказано. Имевшееся же в первоначальном варианте статьи развернутое обоснование такого непротиворечия было снято цензурой, поскольку в те годы ввиду событий в Польше было запрещено ссылаться на работы польских исследователей, даже опубликованные ранее в Советском Союзе. Неважным было и то, имели ли такие ссылки критический или позитивный характер. Поэтому в 1985 г. в публикации пришлось ограничиться лишь намеком, ныне же опущенный тогда текст следует привести полностью, чтобы можно было располагать всеми данными, проливающими свет на время создания Задонщины.

Дополнительные свидетельства об этом времени могут быть извлечены из статьи польского историка Е. Охманьского, посвященной родословию упоминаемых в Задонщине двух литовских князей: Андрея Полоцкого и Дмитрия Брянского, незадолго до Куликовской битвы перешедших на сторону Дмитрия Московского. В Задонщине приводится такая генеалогия этих князей: «...сынове Олгордовы, а внуки мы Доментовы, а правнуки есми Сколомендовы».⁵ В этом генеалогическом ряду имена отца Андрея и Дмитрия Ольгерда и имя их деда Домент-Гедимины названы совершенно правильно. Что касается Сколоменды, то, как показал Е. Охманьский, он не мог быть прадедом Андрея и Дмитрия (таковым был Пукувер-Путавир), но он был их предком, дедом Гедимины. Заклучив, что родословие литовских князей в Задонщине исторически точно, Е. Охманьский поставил вопрос, каким образом оно могло попасть в этот памятник древнерусской литературы. Отвечая на него, польский исследователь пришел к весьма правдоподобному предположению, что источником рассказов о предках Ольгердовичей были они сами или их окружение. При этом более вероятно, что сведения исходили от князя Андрея Ольгердовича или лиц, ему близких. Андрей был старше своего брата Дмитрия, он был первенцем Ольгерда, родился, когда еще был жив его дед Гедимин, а к моменту смерти последнего достиг совершеннолетия. Он-то и мог услышать от деда рассказы о Сколоменде — своем прапрадеде.⁶

Хотя работа Е. Охманьского не лишена недостатков,⁷ основная ее мысль представляется верной. Если польский исследователь прав, определяя источник родословных сведений о литовских князьях в Задонщине, тогда время оставления этими князьями Руси и возвращения в Литву в опреде-

⁴ Кучкин В. А. К датировке Задонщины. С. 118.

⁵ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М., Л., 1966, Приложение С. 536 (список Ундольского).

⁶ Охманьский Е. Гедиминовичи — «правнуки Сколомендовы» // Польша и Русь. М., 1974. С. 359—362.

⁷ Полный текст о предках Ольгердовичей сохранился только в Кирилло-Белозерском и Ундольского списках Задонщины. Но Е. Охманьский цитировал не реально дошедшие тексты, а реконструированный текст Исторического первого списка (ср. Охманьский Е. Гедиминовичи. С. 359, Воинские повести древней Руси. М., Л., 1949. С. 35). Отсюда его ошибочные утверждения об упоминании Сколоменды в списке XV в. (с. 360 и 364, примеч. 14), удивление по поводу того, откуда взялось имя Сколдимера (с. 364, примеч. 11), и т. п.

ленной степени может подсказать и время написания Задонщины. Относительно Андрея Ольгердовича известно, что уже к октябрю 1385 г. он вернулся на родину и получил назад свое Полоцкое княжество.⁸ Дмитрий оставался в Москве дольше. Сохранился его договор от 16 декабря 1388 г. со своим братом, королем польским и великим князем литовским Ягелло, относительно перехода в вассальную зависимость от короля. Договор этот заключался в Молодечно боярами Дмитрия Ольгердовича. Сам же Дмитрий, по-видимому, находился тогда еще в Москве, связанный «целованием» с Дмитрием Донским.⁹ Но после смерти последнего (19 мая 1389 г.), вероятно, и этот Ольгердович вернулся в Литву.¹⁰ Таким образом, если сведения о предках Андрея и Дмитрия Ольгердовичей были занесены на страницы Задонщины со слов этих князей или и.л. ближайшего окружения, можно думать, что Задонщина была написана примерно в конце 80-х гг. XIV в. А если свою родословную помнил только князь Андрей, то автор Задонщины мог получить эти сведения до 1385 г. и около того же времени внести их в свое произведение.¹¹ Таким образом, общее заключение о написании Задонщины вскоре после Куликовской битвы остается в силе.

Однако, признавая раннее происхождение памятника, нельзя не поставить вопроса о том, есть ли поздние наслоения в дошедших до нашего времени его текстах. В этой связи обращает на себя внимание встречающийся в различных списках Пространной редакции Задонщины термин «дети боярские». В первой публикации Задонщины, осуществленной в 1852 г. по списку В. М. Ундольского, данный термин фигурировал в обращении Дмитрия Ивановича к своему войску: «Братия бояра и воеводы и дѣти боярские...».¹² С обнаружением Синодального списка, списков Исторического первого и Исторического второго выяснилось, что указанный термин содержится и в их текстах, в том же самом обращении великого князя Дмитрия к воинам.¹³ Наличие во всех списках Пространной редакции Задонщины данного термина (за исключением списка Ж, где сохранилось только начало памятника) свидетельствует о том, что выражение «дети боярские» было уже в общем протографе этих списков. Когда же появилось данное выражение и когда оно превратилось в социальный термин, использованный в Пространной редакции Задонщины?

Ответ на этот вопрос пытался дать один из первых исследователей памятника И. Назаров. «Здесь, как видно из хода речи, — писал он, — детьми боярскими обозначен высший класс служилых людей, которые до 1433 года назывались просто боярами, а с 1566 года — дворянами. <...> Поэтому удовольствием теми данными, которые не подлежат сомнению: Слово о Дмитрии (так в 50-е гг. XIX в. назвали Задонщину, поскольку опубликованный тогда список Ундольского имел заголовок, начинавшийся словами «Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче». — В К.) написано <...> вероятно в период от половины XV до половины XVI столетия».¹⁴ Если хронологические рамки появления Задонщины, указанные И. Назаровым, оказались слишком широкими, то сама его попытка датировать памятник по упоминанию в нем «детей боярских» заслуживала всяческого внимания. К сожалению, она оказалась плохо реализованной из-за неразработанности в тогдашней науке вопроса о времени появления и распространения термина «дети боярские». В 40—50-е гг.

⁸ Хорошкевич А. Л. Полоцкие грамоты XIII—начала XVI вв. М., 1977. Вып. 1. № 8. С. 45, 47.

⁹ Грамоты XIV в. Киев 1974. № 47. С. 98.

¹⁰ Polski słownik biograficzny. Kraków 1946. T. 6/1, z. 26. S. 58.

¹¹ Здесь кончается текст снятый в издании 1985 г.

¹² «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. Приложение. С. 539.

¹³ Там же. С. 544, 546, 555.

¹⁴ Назаров И. Сказания о Мамаевом побоище // ЖМНП. 1858. № 8. Отд. II. С. 84—85.

XIX в. существовали только работы И. Д. Беляева о составе служилых людей Московского государства. В этих работах И. Д. Беляев приходил к выводам о том, что «дети боярские» впервые появляются в источниках в 1433 г., что до 1566 г. этот термин обозначал лиц высшего служебного сословия, а после указанного года — «низший класс служилых людей». Высший же класс с 1566 г. стал называться дворянами.¹⁵ Выводами И. Д. Беляева и воспользовался И. Назаров. Между тем в этих выводах многое было неверным. Так, термин «дети боярские» обозначал не высший, а низший разряд служилых людей. 1566 год никакого перелома в положение этой категории лиц не внес. 1433 год действительно является первым годом упоминания «детей боярских», но только в актовых источниках. Возможно, под влиянием нечетких исторических представлений о формировании такого слоя населения средневековой Руси, как «дети боярские», филологи, изучавшие Задонщину после И. Назарова, оставили попытки датировать памятник по этому термину и вообще перестали объяснять его присутствие в произведении, посвященном Куликовской битве. Историки же, особенно в советское время, продолжили работы по изучению социальной структуры русского общества XIV—XVI вв. Так, Л. В. Черепнин, характеризуя перестройку феодальной собственности на землю в XV в. и связывая с ней появление новых групп в господствующем классе, писал, что уже со второй четверти XV в. «распространяются термины „бояре“ и „дети боярские“».¹⁶ Последние в таких официальных документах, как княжеские договорные грамоты, впервые упоминаются в 1433 г. (здесь Л. В. Черепнин подтвердил давнее наблюдение И. Д. Беляева, но без ссылки на него), однако в 30-е гг. XV в. данный термин еще был неустойчив.¹⁷ Тем не менее он употреблялся не только в официальной документации, но и в летописании — рассказе о событиях 1433 г. Ермолинской летописи.¹⁸

Л. В. Черепнина поддержал Б. Н. Флоря. Он приходил к заключению, что «весь обширный слой вотчинников, не входивших в состав думы, начиная со второй четверти XV в. получает наименование „детей боярских“. Во второй половине XV в. эти термины («бояре» как члены боярской думы и «дети боярские». — *В К.*), по-видимому, утверждаются окончательно в своем новом значении...».¹⁹ При этом исследователь указал на одну жалованную грамоту 30-х гг. XV в., где, как и в договорной грамоте 1433 г. и летописной статье того же года, фигурировали «дети боярские», и на две правые грамоты 60-х и 90-х гг. XV в. на земли в Суздальском уезде, где два лица в более ранней грамоте назывались «боярами», а в более поздней они же — «детьми боярскими»²⁰ Хотя сделанные Л. В. Черепниным и Б. Н. Флорей наблюдения относительно употребления в различных и разновременных источниках термина «дети боярские» весьма ценны, они являются приблизительными, поскольку не основываются на исчерпывающем анализе всего материала. Между тем учет всех упоминаний «детей боярских» как в нарративных, так и в документальных источниках до начала XVI в. включительно позволяет существенно скорректировать имеющиеся представления и о формирова-

¹⁵ Беляев И. Д. 1) Жигели Московского государства. Статья вторая // ВООИДР М., 1849 Т. 3 С. 21—22, 2) Служилые люди в Московском государстве. Слуги, или дворяне, а впоследствии дети боярские // Московский сборник М., 1852 Т. 1 С. 371, 373, 376

¹⁶ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960 С. 208

¹⁷ Там же С. 207—208

¹⁸ Там же С. 208

¹⁹ Флоря Б. Н. Кормленые грамоты XV—XVI вв. как исторический источник // АЕ за 1970 г. М., 1971 С. 115

²⁰ Там же С. 115 и примеч. 32 и 33

нии определенного сословия в русском средневековом обществе, и о распространении термина, его обозначающего.²¹

Впервые выражение «дети боярские» встречается в Новгородской I летописи старшего извода в статье 1259 г.²² Однако здесь эти слова характеризовали не социальный слой, а непосредственно детей новгородских бояр. Но то же выражение в статье 1386 г. Новгородской I летописи младшего извода скорее употреблено в значении социального термина, чем в значении «сыновей бояр».²³ Во всяком случае, отправившиеся во главе с новгородскими посадниками Федором Тимофеевичем и Тимофеем Юрьевичем в Заволочскую землю для взимания штрафа в 5000 р. «боярский дѣти» едва ли могли быть именно детьми бояр. В рассказе о военных действиях новгородцев в Двинской земле в 1398 г. вновь фигурируют «дети боярские», причем летописный контекст: «и бояри и дѣти боярские и житии люди и купечкии дѣти» — уже не оставляет сомнений в том, что данное словосочетание обозначало определенный социальный слой.²⁴ Последний раз интересующий нас термин встречается в статье 1445 г. Новгородской I летописи младшего извода.²⁵ К сожалению, приведенный материал не позволяет сделать однозначный вывод, что термин «дети боярские» впервые появляется в источниках в конце 80-х или в конце 90-х гг. XIV в. Во внимание должно быть принято время написания самих списков Новгородской I летописи младшего извода. Поскольку старшие списки этой летописи датируются серединой XV столетия,²⁶ возникновение термина «дети боярские» может быть отнесено ко времени между 1386 г. и серединой XV в.

С этой точки зрения весьма показательным представляется разбор свидетельства Ермолинской летописи о «детях боярских» в статье 1433 г., которое приводил Л. В. Черепнин. Ученый полагал, что запись этой летописи синхронна самому событию, и заключал, что анализирувавшийся им термин применялся в 1433 г. не только в официальных документах, но и в летописании. Между тем наличие одинакового с Ермолинской летописью рассказа о событиях 1433 г. в Сокаренных сводах 1493 и 1495 гг.²⁷ позволяют возводить выражение «дети боярские» лишь к общему источнику этих сводов — своду начала 70-х гг. XV в.²⁸ Показательно, что в Московском своде 1479 г. (или конца XV в.) при описании тех же событий 1433 г. термин «дети боярские» отсутствует, там фигурируют просто «люди».²⁹

Более четкую картину появления и развития этого термина дают свидетельства документальных материалов. И. Д. Беляев был прав, когда указывал на то, что термин «дети боярские» впервые появляется в грамоте 1433 г. Действительно, в договоре, заключенном, как выяснил Л. В. Черепнин, в январе—феврале 1433 г. между великим князем Василием Васильевичем и серпуховско-боровским князем Василием Ярославичем, устанавливалось, что «бояря и дѣти боярские» великого князя и его братьев, жившие в владениях Василия Ярославича, должны были ходить на войну под предводительством

²¹ Началом XVI в приходится ограничиваться потому, что до правления Василия III (до 1505 г.) изданы все сохранившиеся русские средневековые документы. Это позволяет вести исследование не на выборочном, а на полном материале дошедших до нашего времени источников. К тому же широкая распространенность термина «дети боярские» в XVI в. не требует особых доказательств.

²² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова М., Л. 1950 С. 82

²³ Там же С. 380

²⁴ Там же С. 391

²⁵ Там же С. 425

²⁶ Там же С. 7-9

²⁷ ПСРЛ СПб., 1910 Т. 23 С. 147, ср. ПСРЛ М., Л. 1962 Т. 27 С. 270, 344

²⁸ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л. 1976 С. 188

²⁹ ПСРЛ М. Л. 1949 Т. 25 С. 251

великого князя, его воевод и воевод его братьев, а бояре и дети боярские, служившие Василию Ярославичу, но жившие на территориях, принадлежавших великому князю или его братьям, должны были отправляться в походы под командованием Василия Ярославича и его воевод.³⁰ Это положение конкретизировало норму, которая впервые была зафиксирована в докончании великого князя Василия Васильевича со своим дядей звенигородским и галицким князем Юрием Дмитриевичем от 11 марта 1428 г.: «А хто которому князю служит, гдѣ бы ни жил, тому с тѣм княземъ ходити».³¹ В конце XIV в. нормы были иными. Бояре, служившие определенному князю, но жившие во владениях других князей, должны были ходить на войну под командованием воеводы того князя, на земле которого они жили.³² Позднее такие бояре собирались под стяги воевод тех князей, которым они служили, но такие воеводы обязаны были подчиняться воеводам князей, что владели землей, на которой проживали бояре другого князя.³³ Договор января—февраля 1433 г. впервые в дипломатической практике московских Калитовичей содержал достаточно развернутую социальную характеристику составлявших княжеское войско лиц и порядок их военной службы в зависимости от места нахождения их владений. Более тщательная регламентация военных обязанностей служилого класса и вызвала в таком документе упоминание «детей боярских».

После этого «дети боярские» начинают фигурировать в договорных грамотах московских князей постоянно. Так, в договор между великим князем Юрием Дмитриевичем и его племянниками Иваном Андреевичем Можайским и Михаилом Андреевичем верейским и белозерским, заключенный после 31 марта 1434 г., была внесена статья, согласно которой князь Михаил Андреевич должен был вернуть великому князю пленных, которые были захвачены им, его боярами и «детьми боярскими» во владения Юрия Дмитриевича в начале марта 1434 г., а великий князь со своей стороны обязывался вернуть захваченных в плен людей князя Михаила, будь они «у мене, и у моих дѣтей, и у наших бояр, и дѣтей боярских».³⁴ Отсюда становится ясным, что определенная прослойка служилых землевладельцев как во владениях Юрия Дмитриевича, так и во владениях Михаила Андреевича называлась «детьми боярскими».

В соглашении, составленном после 5 июня 1434 г., великий князь Василий Васильевич договаривался с детьми Юрия Дмитриевича галицкими князьями Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным о возврате имущества, захваченного ими при занятии Москвы в самом конце марта 1434 г. «у меня, и у моеи матери, и у моихъ князей, и у бояръ у моихъ, и у детей у боярских». Кроме того, в этой договорной грамоте впервые несколько иначе было сформулировано известное положение о вольности боярской службы: «бояром и детем боярским межи нас волным воля».³⁵

Перемирная грамота между великим князем Василием Васильевичем и галицким князем Василием Юрьевичем, составленная, скорее всего, в конце марта 1436 г.,³⁶ упоминает «детей боярских» в статье о попечении над теми

³⁰ ДДГ № 27 С 70 О дате грамоты см Черепнин Л В Русские феодальные архивы XIV—XV веков М, Л, 1948 Ч 1 С 107

³¹ Там же № 24 С 65

³² Там же № 11 С 32

³³ Там же № 13 С 38

³⁴ Там же № 32 С 83

³⁵ Там же № 34 С 88, о времени составления грамоты см Черепнин Л В Русские феодальные архивы Ч 1 С 120

³⁶ ДДГ № 36 Поскольку в грамоте упоминаются «инятци устьжские» (с 102, определенная «устьжские» нет в противне этой грамоты — см с 104) очевидно, что она была отредактирована после 19 марта 1436 г, когда Василий галицкий взял Устюг, и до ареста в конце марта великим князем Василием Васильевичем Дмитрием Шемяки, который в разбираемом до кончания фигурирует как союзник великого князя О времени взятия Устюга (Гледена) см ИСРЛ Л 1982 Т 37 С 86

военно-служивыми людьми одного князя, которые живут во владениях другого князя, и о праве взимания с них дани князем-владельцем³⁷

В докончании от 13 июня 1436 г. великого князя Василия Васильевича с Дмитрием Шемякой снова упоминаются «дети боярские». Они названы в двух статьях соглашения: об обоюдном возвращении захваченного имущества (одно из условий упомянутого выше договора после 5 июня 1434 г.) и о вольности боярской службы.³⁸

В договорных грамотах великого князя Василия Васильевича 40—50-х гг. XV в. «дети боярские» фигурируют в тех же статьях, что и в докончаниях 30-х гг. Исчезает только статья о возврате чужого имущества, взятого в Москве в 1434 г. Но при этом в договорах Василия Васильевича с князем серпуховским и боровским Василием Ярославичем «дети боярские» упоминаются только в статье о порядке военной службы, как это было в договоре 1433 г.,³⁹ в договорах с Иваном или Михаилом Андреевичами те же «дети боярские» названы исключительно в статьях о попечении над ними во владениях других князей и о вольности их службы (соответствующие статьи договора 1436 г. с Василием Юрьевичем, но без регламентации сбора дани, и договора после 5 июня 1434 г.),⁴⁰ а в договоре с Дмитрием Шемякой — только в статье о вольности службы.⁴¹ Следует подчеркнуть то обстоятельство, что статьи о попечении и вольности службы есть и в договорах великого князя Василия с Василием Ярославичем, но там вместо «детей боярских» фигурируют «слуги»: «имет жити моих боярь и слуг», «бояром и слугам межи нас волным воля».⁴² В то же время статья о порядке военной службы есть в докончаниях великого князя Василия с Андреевичами и Шемякой, однако там она формулировалась без упоминания «детей боярских»: «гдѣ хто жьвет в нашихь отчинах, и хто кому служат, тот съ своим осподарем и ъдет»;⁴³ «А кто, брате, которому князю служат, и гдѣ бы ни жил, тому с тѣмъ ъхати, которому служит».⁴⁴ Эти наблюдения свидетельствуют о том, что термин «дети боярские» еще не получил в 30—50-е гг. XV в. широкого распространения, хотя начавшееся употребление его в таких достаточно специфических источниках, какими являются договорные грамоты московских князей, говорит о его прочном бытовании по меньшей мере в высших кругах московского общества той поры.

С этой точки зрения показательным является употребление данного термина в договорных грамотах московских князей с нижегородскими (суздальскими) князьями. В докончании 1445 г. Дмитрия Шемяки с князьями Василием и Федором Юрьевичами Шуйскими выражение «дети боярские» включено в статью о вольности службы.⁴⁵ Договор между великим князем Василием Васильевичем и князем Иваном Васильевичем Горбатым, заключенный между 15 декабря 1448 г. и 22 июля 1449 г., содержит этот термин в статьях о вольности службы и о попечении.⁴⁶ Очевидно, что и князья суздальского дома вполне признавали этот термин.

³⁷ ДДГ № 36 С 102, 104

³⁸ Там же № 35 С 91, 93, 94, 96, 97, 99

³⁹ Там же № 45 С 130, 133, 136, 139, № 56 С 170, 173, 174, № 58 С 180, 181, 184, 185

⁴⁰ Там же № 41 С 122, № 42 С 124, № 43 С 126, № 44 С 128, № 48 С 148, № 55 С 166, 168

⁴¹ Там же № 38 С 109, 111

⁴² Там же № 58 С 182, 185, 186

⁴³ Там же № 38 С 109, ср с 111

⁴⁴ Там же № 57 С 168, ср с 166

⁴⁵ Там же № 40 С 120

⁴⁶ Там же № 52 С 157, 159

О дальнейшем распространении термина свидетельствуют завещания матери великого князя Василия Васильевича Софьи Витовтовны и его самого. В первом из них, составленном в июне—июле 1451 г., содержится указание на «детей боярских», которые «служили мнѣ, великою княгинѣ». ⁴⁷ В духовной грамоте великого князя Василия Васильевича, написанной в дополнение к основной грамоте, по-видимому, в начале 1462 г., говорится о «детях боярских», которые служат его жене. ⁴⁸ Таким образом, данный термин в 50-х—начале 60-х гг. XV в. прилагается ко все большей массе вольных служилых людей, составлявших военное и административное окружение не только различных русских князей, но и княгинь.

Обращение к другим источникам показывает, что и в них термин «дети боярские» впервые появляется во времена великого княжения Василия Васильевича. Как установил Б. Н. Флоря, самым ранним документом, где он встречается, является указная грамота Василия Васильевича в Нерехту, адресованная «князем моим, и бояром, и дѣтем боярским, и всѣмъ моим дворяном». Грамота датируется временем около 1438 г. ⁴⁹ Две другие грамоты были выданы между 1448 и 1461 гг. Одна была дана великим князем Василием Васильевичем митрополиту Ионе на владения митрополичьей кафедры в Юрьеве-Польском, ⁵⁰ другая — князем верейским и белозерским Михаилом Андреевичем архимандриту Воскресенского монастыря в Череповеси Геннадиию на его людей. ⁵¹ Обе грамоты запрещали постой в соответствующих митрополичьих и монастырских владениях различных великокняжеских и княжеских людей, в том числе «детей боярских». Несколько позднее Михаил Андреевич выдал еще одну грамоту аналогичного содержания череповецкому монастырю. ⁵² Между 1448 и 1470 гг. тот же князь дал две жалованные грамоты Кирилло-Белозерскому монастырю, освобождавшие от постоя его владения в слободах Уломе и Романовой. ⁵³ Среди лиц, которым запрещался постой, названы и «дети боярские». К тем же годам относится указная грамота Михаила Андреевича на Белоозеро, адресованная в числе других «детем боярским». ⁵⁴ Великий князь Василий Васильевич около 1451—1462 гг. дал жалованную грамоту суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю на с. Торки близ Суздаля, освобождавшую жителей села от постоя разных лиц, в том числе и «детей боярских». ⁵⁵ 27 ноября 1452 г. великий князь освободил от постоя тех же «детей боярских» владения шартомского Никольского монастыря в г. Плесе и плесской округе. ⁵⁶ 28 февраля 1453 г. он послал грамоту в г. Владимир с запрещением «бояром и детем боярским» ездить во владимирские митрополичьи села. ⁵⁷ Наконец, около 1455—1456 гг. по приказу великого князя Василия Васильевича было проведено разграничение земельных владений в лужских волостях, при котором в качестве свидетелей присутствовали шесть местных «детей боярских». ⁵⁸ Таким образом, актовый материал 30—60-х гг. XV в. фиксирует существование термина «дети боярские» в Нерехте, Юрьеве-Польском, Белоозере и его волости Череповеси, слободах Уломе и Романове, а также Суздале, Плесе,

⁴⁷ Там же № 57 С 177

⁴⁸ Там же № 61 С 199

⁴⁹ АСЭИ М, 1952 Т 1 № 136 С 105

⁵⁰ АФЗиХ М, 1951 Ч 1 № 145 С 130

⁵¹ Там же № 278 С 244

⁵² Там же № 279 С 244

⁵³ АСЭИ М, 1958 Т 2 № 110 С 68, № 121 С 74

⁵⁴ Там же № 138 С 81

⁵⁵ Там же № 454 С 494

⁵⁶ АСЭИ М, 1964 Т 3 № 96 С 133

⁵⁷ АФЗиХ Ч 1 № 187 С 169

⁵⁸ АСЭИ Т 1 № 257 С 187

Владимире и Луже. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что такой материал довольно редок (11 документов на отрезок времени более чем в три десятилетия) и представляет собой преимущественно упоминание «детей боярских» в той статье иммунитетных грамот, что запрещает постоя во владениях иммунистов различных категорий служивших князьям лиц. При этом имеются грамоты 20—40-х гг. XV в., где в статьях о запрещении постоя «дети боярские» вообще не упоминаются.⁵⁹

С 60-х гг. XV в. начинается существенное увеличение числа документов, в которых фигурируют «дети боярские». К 60-м гг. XV в. относится 10 актов,⁶⁰ 5 актов датируются 60—70-ми гг. XV в.,⁶¹ 2 акта написаны в широких хронологических рамках 60—80-х гг. XV в.,⁶² 1 акт — в 60-е гг. XV—начале XVI в.⁶³

К 70-м гг. XV в. относится 15 актов,⁶⁴ а к 70—80-м гг. того же столетия — еще 6 актов.⁶⁵

80-ми гг. XV в. датируется 14 актов,⁶⁶ 2 акта относятся к 80—90-м гг. XV в.⁶⁷ и еще 2 — к 80-м гг. XV—первому десятилетию XVI в.⁶⁸

К 90-м гг. XV в. относится 17 актов,⁶⁹ а к 90-м гг. XV—началу XVI в. — 2 акта.⁷⁰

Наконец, первым десятилетием XVI в. датируется 15 актов.⁷¹ Они относятся главным образом ко времени правления Ивана III.

Акты, относящиеся к 60-м гг. XV в., а также датируемые 60-ми и последующими годами XV в., вплоть до начала XVI в., упоминают «детей боярских» в волостях и станах Бежецкого Верха, Вереи, Владимира, Вологды, Галича, Дмитрова, Костромы, Москвы, Переяславля, Плеса, Ростова, Соли Великой, Суздаля, Ярославля. Акты 70-х гг. XV в. пополняют этот список волостями Белоозера, Волока Ламского, Муром, Пошехонья, Рузы, Твери, что особенно показательно, поскольку Тверь в те годы была совершенно самостоятельным княжеством и наличие там «детей боярских» свидетельствует о распространении данного термина за пределы владений князей московского княжеского дома, Торжка и Углича. В документах 80-х гг. XV в. «дети боярские» упоминаются еще в волостях тверских городов Зубцова и Кашина. Акты 90-х гг. XV в. дополнительно называют такие центры, как Гороховец, Нижний Новгород, отошедший к Москве вяземский Хлепень и Юрьев. В начале XVI в. «дети боярские» фиксируются также в подмосковном Звенигороде, в еще сохранявшей свою независимость Рязани и граничившей с новгородскими землями Устюжне. Становится очевидным,

⁵⁹ Ср. Там же № 50, 55, 93

⁶⁰ АСЭИ Т 2 № 363, 364, 459, 461, Т 1 № 307, 320, АФЗиХ Ч. 1 № 123, АСЭИ Т 3 № 97, АФЗиХ Ч. 1 № 188, АСЭИ Т 1 № 393 (здесь и далее грамоты указываются в хронологической последовательности)

⁶¹ АСЭИ Т 3 № 196, Т 1 № 354, 356, 360, 363

⁶² АСЭИ Т 2 № 177, Т 1 № 378

⁶³ АФЗиХ Ч. 1 № 6

⁶⁴ АСЭИ Т 1 № 400, 401, 405, Т 2 № 194, 201, 206, Т 1 № 409, Т 3 № 155, Т 1 № 416, 418, АФЗиХ Ч. 1 № 251, 212, АФЗиХ М., 1956 Ч. 2 № 3, АСЭИ Т 2 № 254, АФЗиХ Ч. 2 № 14

⁶⁵ АФЗиХ Ч. 1 № 5, 80, 249, АСЭИ Т 2 № 242, 243, 250

⁶⁶ АСЭИ Т 1 № 493, 494, 497, 498, АФЗиХ Ч. 2 № 17, АСЭИ Т 2 № 479, Т 3 № 160, Т 1 № 516; Т 2 № 400, Т 3 № 226, 109, 22, 181, АФЗиХ Ч. 1 № 190

⁶⁷ АСЭИ Т 1 № 559, Т 3 № 183

⁶⁸ АСЭИ Т 2 № 406, Т 3 № 184

⁶⁹ АСЭИ Т 3 № 112, 249, Т 1 № 567, 568, АФЗиХ Ч. 2 № 18, АСЭИ Т 1 № 582, 607 Т 2 № 490, 491, 492, 493, АФЗиХ Ч. 1 № 466, АСЭИ Т 2 № 418, 419, Т 3 № 105, 305 АФЗиХ Ч. 1 № 157

⁷⁰ АФЗиХ Ч. 1 № 197, 155

⁷¹ АСЭИ Т 3 № 250, АФЗиХ Ч. 1 № 254, АСЭИ Т 2 № 426, Т 3 № 227, АФЗиХ Ч. 1 № 134, АСЭИ Т 1 № 652, Т 3 № 173, Т 1 № 659, Т 2 № 61, Т 1 № 660, Т 3 № 472, 346, 27, 338, 374

что данный термин в рассмотренный отрезок времени получил распространение не только в центральных районах Северо-Восточной Руси, но и на ее окраинах: Бежецком Верхе, Вологде, Галиче, Белоозере, Торжке, Нижнем Новгороде и Устюжне. Даже в Муроме и Рязани, не входивших в состав северо-восточных земель, было хорошо известно значение термина «дети боярские». Следует подчеркнуть, что уже акты конца 40-х—70-х гг. XV в. указывают на широкое территориальное бытование данного выражения.

Виды актов 60-х гг. XV—начала XVI в., в которых встречается термин «дети боярские», весьма многообразны. Это жалованные заповедные грамоты (всего таких грамот насчитывается 17); жалованные тарханские несудимые заповедные грамоты (16); правые грамоты (11); указные заповедные грамоты (8); кормленые грамоты так называемого «пространного» типа, сложившегося после 1485 г., во всяком случае, до принятия Иваном III добавления к своему титулу «великий князь» определения «всяя Руси» (7); разъезжие грамоты (7); жалованные льготные тарханские несудимые и заповедные грамоты (3); жалованные тарханские несудимые оброчные и заповедные грамоты (2); указные заповедные дорожные грамоты (2); жалованные уставные грамоты (2); подписные докладные судные списки (2) и по одному экземпляру таких видов актов, как данная и отводная грамота, докладной судный список, грамота с прочетом, жалованная грамота на взимание платы на речном перевозе, жалованная грамота на обмен землями, жалованная грамота на покупку земли, жалованная грамота на переход в Юрьев день, жалованная несудимая заповедная грамота, запись на владение помещением от монастыря, меновная докладная грамота, мировая запись о размежевании земель, отводная грамота, разъезжая писцовая запись, разъезжая полюбовная запись, разъездной список, указная грамота о даче пристава, указная грамота об отводе земли. В целом, такое многообразие видов актового материала свидетельствует о широком внедрении термина «дети боярские» в русскую делопроизводственную практику 60-х гг. XV—первого десятилетия XVI в. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что данный термин содержится преимущественно в различного вида жалованных грамотах, непременно включавших заповедные статьи, в указных грамотах с такими же статьями, а также в правых и разъезжих грамотах. Это заставляет проанализировать употребление данного термина более дифференцированно, не только по видам актов, но и по годам, чтобы выяснить, не ограничивалось ли его применение лишь в специфических клаузулах весьма узкого по составу круга источников.

Оказывается, в 60-е гг. XV в. термин «дети боярские» употреблялся почти исключительно в жалованных заповедных грамотах, других видах жалованных грамот, содержавших заповедные статьи, и очень редко — в указных грамотах, за единственным исключением — тоже заповедных. Заповедь заключалась в запрещении великим или удельным князем постоя, требования кормов, подвод и проводников на землях княжеских иммунитетов: «мои князи и бояре и дѣти боярские и всякие ѣздоки не ставятся никто, ни толмачи, не приставове, ни кормов, ни подвод, ни проводников не емлют».⁷² В 70-е и 80-е гг. XV в. картина начинает меняться. «Дети боярские» по-прежнему продолжают упоминаться в заповедях-запрещениях останавливаться или въезжать в села иммунитетов, но акты с подобными постановлениями уже не преобладают, они составляют примерно половину актов указанных годов, где фигурирует данный термин. В другой половине актов «дети боярские» выступают в качестве адресатов (в кормленных грамотах), свидетелей в поземельных спорах или просто упоминаются. В актах 90-х гг.

⁷² АСЭИ Т. 2. № 363 С. 357

XV в. «дети боярские» фигурируют в основном как свидетели в поземельных спорах (в 13 актах из 19), в двух кормленных грамотах как адресаты, в одной правой грамоте только упоминаются и лишь в трех жалованных грамотах они, как и раньше, названы в заповедных статьях актов. В первом десятилетии XVI в. продолжает преобладать употребление термина «дети боярские» в грамотах, отражавших поземельные споры (правые, разъезжие и подобные им), но такое преобладание перестает быть явным: 6 из 15 случаев. В 5 жалованных грамотах «дети боярские» упоминаются в их заповедных статьях. При этом следует отметить, что 4 из 5 таких грамот были выданы удельными князьями. В 3 других грамотах названного времени «дети боярские» просто упоминаются, а в одной кормленной грамоте они названы в качестве адресата. Можно было бы думать, что колебания в употреблении интересующего нас термина на протяжении рассмотренных пяти десятилетий объясняются весьма узким его распространением в 60-х гг. XV в. (только в княжеских грамотах, запрещавших постой во владениях иммунитетов или въезд туда) и постепенным его внедрением по меньшей мере в делопроизводственный язык различных регионов Северо-Восточной Руси в 70-е гг. XV—первое десятилетие XVI в. Однако такие колебания должны объясняться не степенью распространенности термина, а степенью распространенности определенных видов актового материала, что в свою очередь напрямую зависело от правительственной политики тех лет. Следует напомнить, что с 80-х гг. XV в. правительство Ивана III начинает проводить политику резкого ограничения феодального иммунитета, что влекло за собой как сокращение прав иммунитетов, так и прекращение выдачи им жалованных грамот.⁷³ Представляется, что именно этот процесс нашел отражение в изменении характера актовых источников, содержавших термин «дети боярския», а отнюдь не изменение характера самого термина.

В этом отношении кажутся бесполезными статистические подсчеты употребления данного термина в актовом материале 60-х гг. XV—начале XVI в. по десятилетиям. При этом к определенному десятилетию отнесены акты, начальная дата которых в данное десятилетие укладывается, а конечная нет. При некоторой условности подобного подсчета общая картина, думается, получится достаточно корректной и репрезентативной. Итак, к 60-м гг. XV в. могут быть отнесены 18 документов, в которых встречается термин «дети боярские»; к 70-м гг. — 21; к 80-м гг. — 18; к 90-м гг. XV в. — 19 и к первому десятилетию XVI в. — 15 (данные неполные). Такое равномерное распределение встречаемости исследуемого термина по десятилетиям, несмотря на подчас радикальное изменение видов источников, его содержавших, может свидетельствовать о том, что данный термин, появившись в московском делопроизводстве в начале 30-х гг. XV в., в 60-е, может быть, в 60—70-е гг. XV столетия уже прочно вошел в обиход. С этой точки зрения весьма показательны свидетельства двух указных грамот Ивана III. Одна из них адресовалась «моим князем, и воеводам, и бояром, и дѣтем боярским, и всѣмъ людем ратным, хто ни поидут на мою службу к Великому Новгороду».⁷⁴ Грамота выдана при организации похода Ивана III на Новгород в 1471 г. или в 1477 г. Другая грамота была адресована «моим князем, и бояром, и дѣтем боярским, которые пошли на мою службу во Псков».⁷⁵ Эта грамота датируется примерно 1473 г. Таким образом, в официальных грамотах 70-х гг. XV в. при обозначении состава войска

⁷³ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М. 1951. Ч. 2. С. 185, 194. Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. М., 1967. С. 12.

⁷⁴ АСЭИ Т. I № 405. С. 296—297.

⁷⁵ Там же № 418. С. 308.

Ивана III применен термин, характеризующий целую социальную прослойку лиц, обязанных принимать участие в военных походах московского великого князя. Это не может расцениваться иначе, как свидетельство окончательного сложения в первые 10—15 лет правления Ивана III важной социальной базы русского самодержавия, опираясь на которую, первый великий князь всея Руси добился больших внешне- и внутривосточных успехов, а также прочного внедрения термина «дети боярские» в язык того времени.

Теперь, после предпринятого анализа выражения «дети боярские» в раннем летописном и актовом материале, можно вернуться к трактовке этого термина в Задонщине. Конечно, он мог попасть туда еще во времена своего первого появления, т. е. в 80—90-е гг. XIV в. (при допущении, что приведенные выше показания Новгородской I летописи младшего извода относятся именно к этим годам), распространения в 30-е гг. XV в., упрочения в последней трети XV в. и даже позже. Но логичнее это связывать с 60—70-ми гг. XV в., когда данный термин стал совершенно привычным для разных лиц в разных волостях и городах Северо-Восточной Руси. Если так, то речь должна вестись, конечно, не о создании Задонщины, а о переписывании ее списка, легшего в основу всех сохранившихся списков Пространной редакции памятника. Список при этом не только переписывался, но и редактировался, в него вносились новая лексика, новым, в частности, был и термин «дети боярские». Список — общий протограф Пространной редакции Задонщины, по-видимому, был современен Кирилло-Белозерскому списку памятника, скорее, несколько старше последнего. Его появление и редактирование, так же как переписывание и редактирование Кирилло-Белозерского списка, следует связывать не со столетним юбилеем Куликовской битвы, на чем иногда настаивают исследователи, а с активизацией политики Ивана III в отношении государств — преемников Золотой Орды: Казанского ханства и Большой Орды. Начавшаяся в 1468 г. война с Казанью,⁷⁶ нападение летом 1472 г. хана Большой Орды Ахмата на Алексин,⁷⁷ прекращение около того же года выплаты дани Большой Орде,⁷⁸ видимо, возбудили в русском обществе той поры интерес к прошлым взаимоотношениям Руси и Орды, результатом чего и стало переписывание по меньшей мере некоторых памятников Куликовского цикла.

⁷⁶ ПСРЛ Т 25 С 279

⁷⁷ Там же С 297—298

⁷⁸ Согласно Вологодско-Пермской летописи, в 1480 г Иван III не платил дань Большой Орде девятый год, т е с 1472 г (ПСРЛ М, Л, 1959 Т 26 С 265)

А. Г. БОБРОВ

Новгородско-псковские отношения и Флорентийская Уния

1. Непонятное решение митрополита Исидора (декабрь 1437 г.).

Псков, как известно, в церковном отношении был наместничеством новгородского архиепископа. Источники не сохранили упоминаний новгородских владычных наместников в Пскове до XIV в. Известны «печати архиепископа новгородского», которые по сфрагистическому типу отнесены к XIV—XV вв., а по месту находок — только к Пскову. Их считают принадлежащими новгородским владычным наместникам в Пскове.¹ Наиболее ранняя среди известных наместничьих печатей Пскова датируется началом XIV в. и имеет надпись «Плесковъшкаг намешник(а)».² Сфрагистические данные свидетельствуют о той большей, той меньшей степени подчиненности наместника новгородскому владыке,³ но постоянные попытки псковичей добиться церковной независимости от Новгорода не имели успеха вплоть до декабря 1437 г., когда, как отмечает Новгородская I летопись младшего извода (далее: НIмл.), митрополит Исидор по дороге на Флорентийский собор проезжал Псков и «постави имъ анхимандрита Геласья и дасть ему суд владычнь и вси пошлины»,⁴ т. е. вывел псковскую церковную организацию из-под юрисдикции новгородского архиепископа.

Несомненно, Исидор этим ослабил позиции новгородской архиепископии, существенно урезал ее доходы. Почему митрополит решился на такую акцию накануне Флорентийского собора, когда, казалось бы, ему незачем было портить отношения с самым влиятельным и могущественным русским иерархом?

Исследователи не дали пока вполне удовлетворительного аргументированного ответа на этот вопрос. Так, например, по мнению А. В. Карташева, митрополит «устроил себе <...> новый источник доходов».⁵ А. А. Зимин без каких-либо доказательств предположил, что Исидор сделал это, «стремясь упрочить власть Московской митрополии, в пику Евфимию».⁶ А. С. Хорошев и Я. С. Лурье, напротив, говорят о новгородской ориентации Исидора.⁷

¹ Янин В. Л. Вислые печати Пскова // СА 1960 № 3 С 252—256

² Белецкий С. В. Сфрагистические данные о взаимоотношениях Пскова и Софийской кафедры в 14—начале 15 вв // Древний Псков. Исследования средневекового города СПб, 1994 С 82—83

³ Там же С 84—85

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов М., Л., 1950 С 419

⁵ Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви М., 1991 Т 1 С 351

⁶ Зимин А. А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в М., 1991 С 87

⁷ Хорошев А. С. Церковь в социально-политической истории Новгородской феодальной республики М. 1980 С 90, Лурье Я. С. Две истории Руси XV века СПб 1994 С 105

А. И. Плигузов и Г. В. Семенченко показали, что решению митрополита Исидора о выводе Пскова из церковного подчинения Новгороду предшествовала специально проведенная подготовительная работа — создание Сборника посланий церковных иерархов (преимущественно митрополитов Киприана и Фотия) во Псков.⁸ По мнению этих исследователей, Исидор решил воспользоваться обострением взаимоотношений Пскова и Новгорода для «переподчинения псковской церкви непосредственно митрополичьей кафедре».⁹

Объяснение загадочного решения Исидора вряд ли следует искать в московско-новгородских или новгородско-псковских отношениях (ранее они неоднократно бывали значительно более напряженными) или в корыстолюбивых соображениях митрополита — перед ним стояла задача, несопоставимая по масштабам с перераспределением церковных налогов. Исидор ехал на Ферраро-Флорентийский собор, который должен был преодолеть многовековое разделение католического и православного миров. Как воспринималась идея объединительного собора и его решения на Руси, этим вопросом задавались многие исследователи (только в XX в. — А. Я. Шпаков, О. Пирлин, А. Зиглер, М. Чернявский, А. В. Карташев, Г. Штекль, Л. В. Черепнин, Г. Алеф, О. Халецки, Дж. Джилл, А. А. Зимин, Н. А. Казакова, И. Мейендорф, Я. С. Лурье и др.). И все же некоторые аспекты этой проблемы, в первую очередь касающиеся позиции и роли новгородского архиепископа Евфимия II в событиях 1437—1441 гг., могут быть пересмотрены.

2. Митрополит Исидор и архиепископ Евфимий II.

Первая встреча Исидора и Евфимия состоялась в Москве летом 1437 г., вскоре после прибытия митрополита на Русь. Очевидно, эта встреча была в определенном смысле значимой для Евфимия: известием о его отъезде в Москву 7 июля 1437 г. завершается основной текст Новгородской IV летописи первой редакции (общий для обоих списков — Новороссийского и Голыбельского).¹⁰ Уже 7 или 9 октября того же года¹¹ посольство во главе с Исидором на пути в Италию остановилось в Новгороде. «Летописец епископа Павла» упоминает, что суздальский епископ Авраамий, а следовательно, и остальные суздальцы, участники поездки, прибыли вместе с митрополитом.¹² Как справедливо заметил Г. Штекль,¹³ судя по тому, что, согласно псковским летописям, делегация прибыла в Псков только «на память святого отца Николы, в Рождественное говенье»¹⁴ (т.е. 6 декабря 1437 г.), в Новгороде она пробыла не «семь дней», как утверждает автор «Хождения на Флорентийский собор»,¹⁵ а целых семь недель.

⁸ Плигузов А. И., Семенченко Г. В. Новгородско-псковские отношения во второй половине 1430-х годов и формулярник митрополита Исидора // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в. Тез докл и сообщ науч симпозиума Новгород, 1986 С 11

⁹ Там же

¹⁰ ПСРЛ Л 1925 Т 4, ч 1 Вып 2 С 453

¹¹ Дата 7 октября содержится в анонимном «Хождении на Флорентийский собор» (см Казакова Н. А. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // ТОДРЛ М., Л., 1970 Т 25 С 63), дата 9 октября — в НІМл (Новгородская первая летопись С 419)

¹² «Приехал[и] в Новгород митрополит Сидор, владыка Суздальский» — БАН собр Доброхотова, № 18, л 47 об. Об этом же свидетельствует и анонимный автор «Хождения на Флорентийский собор» (см Казакова Н. А. Первоначальная редакция С 62)

¹³ Reissenbericht eines unbekanntenen Russen (1437—1440) / Übersetzt, eingeleitet und erklärt von Gunther Stokl // Europa im XV Jahrhundert von Byzantinern gesehen Graz, Wien, Köln, 1954 S 175 (A 17) (Byzantinische Geschichtsschreiber Bd 2)

¹⁴ Псковские летописи / Пригот к печати А. Н. Насонов М., Л. 1941 Вып 1 С 44

¹⁵ Казакова Н. А. Первоначальная редакция С 63

Разумеется, главным предметом переговоров на обеих встречах (в Москве и в Новгороде) был грядущий объединительный собор. Хотя пребывание Исидора в Новгороде описывается летописцем как бесконфликтное («и почестиша его владыка и посадники, и бояръ, и купчи, и весь Великий Новъград»¹⁶), это выражение представляется в большей степени этикетным, чем действительно отражающим ход и содержание переговоров.

К встречам летом и осенью 1437 г. два бывших игумена, ставших выдающимися церковными деятелями и политиками, пришли с разным жизненным опытом, воспитанием и образованием. Исидор и Евфимий II были представителями двух различных направлений в культурной жизни первой половины XV в.

Исидор был человеком широкого кругозора, и его интересы не замыкались в кругу церковных проблем. Он занимался астрономией,¹⁷ оставил после себя географическое сочинение о плавании из Константинополя в Сиракузы,¹⁸ состоял в дружеской переписке с итальянским гуманистом Гуарино Гуарини,¹⁹ любил читать сочинения Гомера, Софокла и Цицерона.²⁰ По воспитанию и убеждениям Исидор был гуманистом. Он был опытным дипломатом и ревностным сторонником идеи Унии: еще в 1433 г. по поручению византийского императора он, тогда еще игумен константинопольского монастыря св. Дмитрия, ездил на Базельский собор для переговоров о соединении церквей.²¹

Новгородский архиепископ Евфимий II взошел на новгородскую кафедру из игуменов Лисицкого монастыря, известного традиционными крепкими связями со Святой горой, интересом к переводным мистическим и исихастским сочинениям.²² Взгляды Евфимия II в первое десятилетие его правления (1429—1438 гг.) были достаточно широки, чтобы пригласить «немецких» мастеров строить архиепископскую палату (не культовое здание!) и соорудить первую в Новгородских землях часовню,²³ чтобы впервые в широких масштабах соединить официальное традиционное узконовгородское летописание с митрополичьим общерусским (Новгородская IV летопись). Для Новгорода в целом тогда были характерны культурные контакты не с Константинополем, как у Москвы, а с Афоном.²⁴ «Святогорская» ориентация Евфимия II сказалась, конечно, и в том, что в 30-х гг. с Афона в Новгород приезжает Пахомий Логофет, и в том, что архиепископ начинает распространять в своей епархии Иерусалимский церковный устав Афонской редакции.²⁵

Парадоксальные встречи и переговоры 1437 г. между новгородцем — «грекофилом» Евфимием и греком — «западником» Исидором не нашли отражения в источниках, но дальнейшие события позволяют думать, что про-

¹⁶ Новгородская первая летопись С 419

¹⁷ Гук ова С Н Естественнаучные знания в палеологовский период // Культура Византии XIII—первая половина XV в М, 1991 С 367

¹⁸ Бородин О Р Развитие географии в поздней Византии // Там же С 385

¹⁹ Карташев А В Очерки по истории Т 1 С 353

²⁰ Зимин А А Витязь на распутье С 85

²¹ Карташев А В Очерки по истории Т 1 С 349

²² Бобров А Г Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (Конец XIV—первая половина XV в) // Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв Разные аспекты исследования СПб, 1991 С 78—98

²³ Новгородская первая летопись С 416, 418

²⁴ Вздорнов Г И Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв // ТОДРЛ Л, 1968 Т 23 С 181

²⁵ Бобров А Г Из истории летописания первой половины XV в // ТОДРЛ СПб, 1993 Г 46 С 12—13

ходили они непросто, и первым знаком разногласий между ними явилось изъятие митрополитом Пскова из новгородской юрисдикции.

Пока огромная делегация во главе с Исидором на двухстах лошадях медленно двигалась в Италию, и позже, когда шли заседания Ферраро-Флорентийского собора, православный мир как бы замер в ожидании вестей. И в Византии и на Руси многие ожидали, что «латиняне» покаются в своих догматических заблуждениях и признают правоту ортодоксии. В 1438 г. новгородские летописцы отметили только два события: приезд на княжение 3 марта Юрия Семеновича и новую попытку строительства церкви Николая в Вяжищском монастыре, обрушившейся годом раньше. В первой половине следующего 1439 г. летопись отмечает еще несколько незначительных «строительных» мероприятий Евфимия.²⁶ 28 августа 1438 г. в Перыньском монастыре игумен Дионисий Шестник заканчивает переписывать ноябрьскую служебную Минею «при благовѣрнѣмъ и велицѣмъ князи Василии Василиевиче Московствѣмъ, при архиепископѣ нашемъ Исидорѣ митрополитѣ Киевствѣмъ и всея Роуси, повелѣниемъ господина моего архиепископа владыкы Еуфимиа Великаго Новгородорода».²⁷ Для нас важно, что в официальных выходных данных рукописи 1438 г. упоминается митрополит Исидор. В ожидании вестей с собора он по-прежнему признается в Новгороде законным главой русской церкви.

3. Отношение Новгорода к известию о провозглашении Флорентийской Унии (осень 1439 г. — лето 1440 г.).

Известие о провозглашении (6 июня 1439 г.) и, главное, о содержании решений Флорентийского собора должно было достичь Новгорода к началу осени, и реакция на него последовала незамедлительно. Согласно Житию Иоанна Новгородского, 4 октября 1439 г. в паперти Софийского собора «камень <...> отпаде от верхние стеньи» и разбил надгробную плиту. Под плитой был обнаружен некий архиепископ в нетленных ризах, который по молитве Евфимия II явился ему (это и был Иоанн) и повелел установить в этот день память по преставившимся князьям и архиепископам новгородским «и всем православным христианомъ».²⁸ К этой же дате (4 октября 1439 г.) следует относить и «Видение пономаря Аарона», которому явились «преже отшедшая архиепископы», и Евфимий, узнав об этом, «гробъ позлати князя Владимирера <...> и матери его гробъ подписа, и покровъ положи, и память им управи творити на всяко лѣто мѣсяца октября 4».²⁹ Аналогичным известием об установлении памяти князю Владимиру 4 октября 1439 г. завершается основная часть Комиссионного списка НМл. (далее текст написан другой рукой и на бумаге с другой филигранью).³⁰ Как отметил Д. С. Лихачев, «выходило так, что не Евфимий II насаждал почитание новгородских святых и воскрешал память о забытых временах новгородского расцвета, а само прошлое как бы напоминало о себе».³¹ После чудесных

²⁶ ПСРЛ Т 4, ч 1 Вып 2 С 436

²⁷ РНБ, Соф 191, л 299 Наименование Исидора здесь одновременно архиепископом и митрополитом не должно смущать в рукописи 1433 г о предыдущем митрополите вообще говорится «при архиепископѣ нашемъ Герасимѣ Киевствѣмъ и всеа Русѣи» (ГИМ, собр Чертова, № 230-1')

²⁸ О датировке чуда см Бобров А Г Из истории летописания С 14

²⁹ ПСРЛ Т 4, ч 2 Вып 2 С 491

³⁰ Новгородская первая летопись С 7—8 420 На этом рубеже основного и дополнительного текста НМл сменяется и календарный стиль последний год основной части — 6947 (1439/1440 мартовский год), а первый в дополнительной части — 6948 (1439/1440 сентябрьский год) См Бережков Н Г Хронология русского летописания М 1963 С 303

³¹ Лихачев Д С Новгород Великий Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв М 1959 С 69

событий осени 1439 г. Евфимий II уже по собственной инициативе в 1440 г. освидетельствовал мощи Варлаама Хутынского.³² Начиная с 1439 г. в писцовых записях на рукописях, переписанных «повелением» Евфимия, полностью исчезают упоминания как великого князя, так и митрополита.³³ Наконец, участник русского посольства иеромонах Симеон Суздальский, принявший сторону противников Флорентийской Унии, уже после ее подписания, во время остановки в Венеции 9 декабря 1439 г. бежит из «крепости» и весной 1440 г. прибывает в Новгород, где проводит все лето при дворе Евфимия II.³⁴ Очевидно, отношение архиепископа к готовившейся Унии Симеон мог понять еще при первых встречах в Новгороде осенью 1437 г.

Создание культа новгородской «старины» Евфимием II начинается только с осени 1439 г.,³⁵ а до этого он занимал иную, «общеправославную» позицию.³⁶ Впрочем, по сути дела он ей и не изменил: вовсе не «новгородский сепаратизм» и западническая ориентация, как полагают многие исследователи, а, напротив, неприятие Унии определяло его действия.

О всплеске антизападных настроений в конце 1439 г. можно судить по письму ганзейских купцов из Новгорода бургомистрам и магистрату Ревеля от 28 декабря 1439 г.³⁷ В этом письме подробно описывается, как при установке новых ворот Готского двора на Михайловой улице плотник стесал мостовую на ширину ладони, так как новые косяки были толще прежних. В результате разгорелся конфликт с участием старост Михайловой улицы, новгородского тысяцкого и посадника, а также «большого числа возбужденных людей».³⁸ Раздавались даже угрозы повесить приказчика Готского двора. Незначительный бытовой вопрос перерос в серьезное столкновение, видимо, под влиянием антизападных настроений новгородцев вскоре после получения известия о заключении Флорентийской Унии. В дальнейшем этот конфликт привел к полному разрыву отношений и отъезду всех западных купцов из Новгорода, причем сам Евфимий II даже отказался принять на хранение ключи от немецкой церкви.³⁹

³² Об этом повествуется в распространенной редакции Жития Варлаама Хутынского (см. Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний Л., 1973 С. 54—55)

³³ См., например, записи на рукописных книгах 1441—1443 гг. РНБ, Соф. 196 (1441 г.), Соф. 200 (1441 г.), Соф. 1248 (1441 г.), РГБ, собр. Румянцева (ф. 256), № 273 (1441 г.), № 438 (около 1441 г.), ГИМ, Син. 332 (вкладная запись 1441 г.), собр. Шукина, № 9 (1442 г.), БАН, 16.14.15 (1443 г.) и др.

³⁴ Этот факт Я. С. Лурье сопоставил с тем, что первое известие о неприятии унии появилось именно в новгородских летописях, и объяснил тем, что «латинская» опасность осознавалась здесь сильнее, чем в Москве (Лурье Я. С. Две истории Руси С. 107)

³⁵ Джозл Раба обратил внимание на тот факт, что в области строительства Евфимий 1430-х гг. был новатором, обогатившим новгородскую архитектуру новыми, доселе неизвестными образцами, а Евфимий 1440-х гг. обращается к прошлому (Raba J. *Archiepiscopal authority and Novgorodian culture in the fifteenth century* // *IJSLP* 1985 Vol. 31—32 P. 356) Отметим также, что с начала 1440-х гг. в новгородских рукописях наблюдается расцвет тератологического декора, казалось бы, уже ушедшего в прошлое и вытесненного балканским орнаментом (см. Смирнова Э. С. Лицевые рукописи Великого Новгорода XV век М., 1994 С. 65)

³⁶ См. Бобров А. Г. Из истории летописания С. 11—15

³⁷ Клейненберг И. Э., Севастьянова А. А. Уличане на страже своей территории (По материалам ганзейской переписки XV в.) // Новгородский исторический сборник Л., 1984 Вып. 2 (12) С. 157—164

³⁸ Там же С. 161

³⁹ Рыбина Е. А. Ганзейская контора в Новгороде в XV в. // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в. Тез. докл. и сообщ. науч. симпозиума Новгород 1986 С. 8

4. Возвращение митрополита Исидора (осень 1440 г.).

Следующий этап развития событий наступил после возвращения митрополита. Приезд Исидора из Италии псковским летописцем был отмечен вполне благожелательно: «Того же [6949] лѣта на осень приѣха митрополитъ киевский Сидоръ, на Покровъ святѣи Богородицы, из собора от Риму, из Флорентея града, от вселеньскаго собора, и от римскаго папе Евѣнгения, и присла во Псковъ свое благословение и грамотъ». ⁴⁰ Дата 1 октября 6949 г., несомненно, соответствует 1440 г., так как здесь применено сентябрьское летосчисление (в предыдущей годовой статье последняя точная дата — 29 августа, а первая в анализируемой — 5 сентября). ⁴¹

Хотя псковский летописец не говорит прямо, куда именно прибыл Исидор, известно, что в августе 1440 г. он был уже в Вильно. ⁴² Действительно, в дальнейшем Псковская I летопись утверждает, что Исидор весной следующего 1441 г., «в вербную неделю», прибывает в Москву из Литвы, ⁴³ а Псковские II и III летописи прямо уточняют, что «на Покров» 1440 г. он прибыл именно в Литву, ⁴⁴ откуда, очевидно, и осуществлял руководство своей митрополией: «...позва свего намѣстника Галасѣя псковьскаго архимарита; онъ же поѣха изо Пьскова на Николинъ день на осеннин; и по томъ присла митрополит иного архимарита во Псковъ Григориа по Петрове дни зимнем». ⁴⁵

Новгородский летописец, правда, считает, что Исидор «той же зимѣ приѣха <...> съ осмого собора на Русь из Рима», ⁴⁶ но следует отметить, что представления новгородских летописцев о «Руси» весьма неоднозначны: иногда для них что не Новгород — то и Русь (ср.: «бысть пожаръ в Руси: погорѣ город Москва, Вологда, Витебско»). ⁴⁷

Возможно, подобно своему предшественнику Герасиму, Исидор обосновался в Смоленске. Для такого предположения у нас есть достаточно веские основания. Согласно первоначальной авторской редакции сочинения Симеона Суздальского о Флорентийском соборе, сторонник митрополита Исидора князь Юрий Семенович (Лугвениевич) обманом вызвал иеромонаха из Новгорода в Смоленск, где противник Унии просидел всю зиму 1440/1441 г. «въ двоих железех». ⁴⁸ Симеон так описывает события, случившиеся после его возвращения в Новгород: «В то же время прииде княз Юрьи Семеновичъ Лугвениевич, и сѣде въ Смоленску въ своети вотчинѣ. И тому митрополиту пришедшу Исидору со збора. И присла по мене княз Юрьи к Новугороду, и мнѣ пошедшу къ Смоленску, надѣющися, яко христианинъ есть. <...> И руку свою дасть ми на томъ, яко „ничтоже ти будетъ, токмо честь тебе будетъ от мене и от всѣх христианъ“. И мнѣ у него пребывшо немного дни, и ту быша грекове митрополчичи черныци, и выдать мя имъ, глаголя на мя много. Мнѣ же всю зиму сѣдѣвшу въ двоих железѣх в велицѣ нужи въ единой свитцѣ и на босу ногу». ⁴⁹ Далее в своем сочинении Симеон вновь возвращается к

⁴⁰ Псковские летописи Вып 1 С 45

⁴¹ Н Г Бережков предполагает, что «1 октября датировано здесь прибытие Исидора в тот город великого княжества, из которого митрополит прислал грамоты во Псков» (Бережков Н Г Хронология русского летописания С 346)

⁴² Карташев А В Очерки по истории Т 1 С 354

⁴³ Псковские летописи Вып 1 С 45

⁴⁴ Псковские летописи / Под ред А Н Насонова М 1955 Вып 2 С 46, 134

⁴⁵ Псковские летописи Вып 1 С 45

⁴⁶ Новгородская первая летопись С 421

⁴⁷ Там же С 346

⁴⁸ Малинин В Старец Елсазарова монастыря Филофей и его послания Киев 1901

Прил С 98

⁴⁹ Там же Прил С 97—98

описанию приезда митрополита Исидора с Флорентийского собора и замечает: «...много злата папа дал ему, и тою областию папешкою преиде вси земли, и Литовскую землю, доиде и до Киева, и до Смоленска. А в то лето въ Смоленску на княжение князь Юрьи Лугвениевич». ⁵⁰

Хотя суздальский иеромонах не говорит напрямую, что Исидор обосновался именно в Смоленске, это следует из общего смысла его рассказа: князь Юрий «седе» в Смоленске, и Исидор вернулся с собора (почти подразумевается — туда же); в Смоленске находится аппарат (двор) митрополита — его чернецы, причем не проездом, так как всю зиму Симеон находится у них в заточении и позже отсюда они повезут его в Москву; наконец, Смоленск назван как конечный пункт маршрута Исидора с собора. Следует также отметить, что в поздней польско-белорусской «Летописи Панцьрного и Аверки» находится указание, хотя и довольно туманное, на пребывание Исидора в Смоленске после возвращения с Флорентийского собора. ⁵¹

В том, что Смоленск тогда мог быть избран резиденцией митрополита, есть определенная логика компромисса между Вильно и Москвой. Еще смоленский епископ Герасим, избранный в 1433 г. митрополитом «Киевстѣмь и всеа Русѣи», ⁵² по свидетельству псковской летописи, «на Москву не поѣха, зане князи руския воюются и сѣкутся о княжении великомъ», ⁵³ а стал жить в Смоленске. После его гибели в 1435 г. митрополичий двор, очевидно, находился здесь в ожидании нового иерарха.

Если наши рассуждения верны, то становится ясной причина расхождения информации псковского и новгородского летописцев о том, куда приехал Исидор — в Литву или на Русь, так как Смоленск, в зависимости от точки зрения, мог быть назван в это время и литовским, и русским городом. ⁵⁴

5. Сторонники Исидора (зима 1440/1441 г.).

Обосновавшись, вероятнее всего, в Смоленске, Исидор вел тонкую политику и добился заметных успехов. О. Пирлинг так описывает его тактику: «Митрополит, видимо, заранее решил подолгу останавливаться в славянских землях, чтобы всюду вербовать сторонников Унии и сломить сопротивление ее врагов. Можно сказать, что, пропагандируя идею Унии, Исидор хотел прилететь в Москву как на крыльях. Переходя от успеха к успеху, он мечтал этим подготовить свою окончательную победу в Кремле». ⁵⁵

⁵⁰ Там же Прил С 98

⁵¹ В разделе летописи, переписанной Михаилом Панцьрным из Витебска (не позже 1768 г.), содержится следующее известие «Roku 1439 Izydor, metropolit knowski, jezdił na sobor do Florencyi, tam go wczynił ościs swienty kardynałem, lecz za przybyciem do Kiowa powrociwszy z Florencyi tego kniaz moskowski nieulubiwszy, kazał osadzić go w Smolensku w wienzieniu, skond do Polski salwował sie u usiekł» (ПСРЛ М, 1975 Т 32 С 194) Перевод на русский язык «В лето 1439 Киевский митрополит Исидор ездил на собор во Флоренцию Там святой отец сделал его кардиналом Но когда возвратился он из Флоренции и прибыл в Киев, тогда Московский князь, негодуя на него велел послать его в Смоленск, в заточение, откуда он спасся бегством в Польшу» (Сапунов А Витебская старина Витебск, 1883 Т 1 С 457) По мнению С Г Жемайтиса, высказанному в личной беседе, фраза «kazał osadzić go w Smolensku w wienzieniu» может быть переведена и по-другому «велел осадить его в Смоленске в окружение» В обоих случаях известие не может быть признано исторически достоверным, однако указание на пребывание Исидора в Смоленске может восходить к местной устной традиции

⁵² ГИМ собр Черткова № 230-1, л 424

⁵³ Псковские летописи Вып 1 С 42

⁵⁴ Ср упомянутое выше причисление летописцем-новгородцем Витебска к русским городам Москва же в XV в неоднократно заявляла права на свою «вотчину» — Смоленск (см Насонов А Н История русского летописания XI—начала XVIII века Очерки и исследования М, 1969 С 301)

⁵⁵ Пирлинг О Россия и папский престол Кн 1 Русские и Флорентийский собор М 1912 С 95

Поддержкой Пскова митрополит заручился при помощи предоставления церковной независимости от Новгорода еще по пути в Италию. Вернувшись с собора, он отозвал архимандрита Геласия и прислал другого — Григория,⁵⁶ значит, Псков продолжал признавать законность власти Исидора.⁵⁷ По возвращении с собора Исидор получил союзников в лице православных западнорусских князей — Юрия Семеновича в Смоленске и Александра Владимировича в Киеве; последний даже дал ему грамоту, в которой подтвержались все права митрополита.⁵⁸

Особо следует сказать об отношении к Унии двух русских великих княжеств — Твери и Москвы. Я. С. Лурье уже отмечал, что в «Слове похвальном» великому князю тверскому Борису Александровичу, написанном иноком Фомой, «нет никакого осуждения Унии».⁵⁹ К этому следует добавить тот факт, что в первой, видимо, наиболее ранней части «Слова похвального» греческие иерархи, подписавшие Унию, восхваляют тверского князя, но среди них нет похвалы того, кто единственный не подписал ее, — Марка Ефесского.⁶⁰ Если это не следствие дефектности списка, то перед нами уже не «отсутствие осуждения», а ясно выраженная позиция.

Кроме того, существует московско-тверской мирный договор, заключенный «по благословению отца нашего Исидора, митрополита Киевского и всея Руси».⁶¹ Я. С. Лурье считал на основании этого документа, что «после возвращения Исидора митрополит рассматривался в Москве не как отступник», а как законный глава русской церкви.⁶² Датировка договора, однако, не может считаться окончательно установленной,⁶³ возможно даже, что он остал-

⁵⁶ В 1995 г во Пскове был обнаружен фрагмент печати, поступившей через антикварный рынок в одну из частных коллекций Санкт-Петербурга, с надписью на реверсе «[Гри]гория [наме]стник[а митро]полита» (см подробнее Белецкий С В Новые данные о псковско-новгородско-московских церковных отношениях в 30—40-е годы XV в // Церковная археология Материалы Первой Всероссийской конференции Псков 20—24 ноября 1995 года СПб, Псков, 1995 Ч 2 Христианство и древнерусская культура С 50—52

⁵⁷ В послании Филиппа Петрова новгородскому архиепископу Геннадию говорится о существовавшей в то время грамоте митрополита Исидора во Псков, подписанной следующим образом «Благословение Исидора митрополита Киевского и всея Руси, легатоса и от ребра апостольского съдалища лятскаго и литовскаго, и немецкого, въ Псков о Святъм Дусъ» (РНБ Q XVII 50, л 94 Сборник XVI в) Об этом послании см Будовниц И У Словарь русской, украинской и белорусской письменности и литературы до XVIII века М, 1969 С 356

⁵⁸ Карташев А В Очерки по истории Т I С 355

⁵⁹ Лурье Я С Две истории Руси С 106

⁶⁰ ПЛДР Вторая половина XV века М, 1982 С 274—278 В единственном списке «Слова», правда, как раз в этой части вырван лист Это позволило Н В Поньрко и Я С Лурье предположить, что на нем могли быть записаны недостающие речи митрополитов Марка Эфесского, Исидора Русского и Досифея Монемавсийского (Там же С 610)

⁶¹ ДДГ С 105 (№ 37)

⁶² Лурье Я С Две истории Руси С 107

⁶³ Л В Черепнин находил указание на связь с событиями 1438—1439 гг (походом Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного против Улу-Махмета к Белеву и нашествием Улу-Махмета на Москву) в следующих словах докончания «А что ся есте воевали со царемъ, а положить на вас царь вину в том, и мнѣ вам, брате, не дати ничего в то, и моеи братьи молодшии, и моимъ братаничем, ни нашимъ дѣтем, ни внучатом, а вѣдаться в томъ вамъ самимъ» — ДДГ С 106 (Черепнин Л В Русские феодальные архивы XIV—XV веков М, Л, 1948 Ч 1 С 124) Этот текст, однако, вряд ли может быть использован для датировки договора, так как схожий с ним встречается в московско-тверском договоре, заключенном около 1396 г «А что есмь воевал со царемъ, а положит на нас в томъ царь вину, и тобѣ, брате, в томъ намъ не дати ничего ни твоимъ дѣтем, ни твоимъ внучатом, а в томъ намъ самимъ вѣдаться» — ДДГ С 41 Вероятнее всего, благословенный Исидором договор Москвы и Твери следует датировать 1437 г, когда митрополит находился еще на Руси, а не 1440—1441 гг, как я полагаю ранее (см Бобров А Г Церковные отношения Пскова с Новгородом и Флорентийская уния // Церковная археология Материалы Первой Всероссийской конференции Псков 20—24 ноября 1995 года СПб Псков, 1995 Ч 2 Христианство и древнерусская культура С 55) Датировать его временем после возвращения Исидора на Русь затруднительно ибо в нем упомянут как здравствующий «Жигимонт» (Сигизмунд), убитый 19 марта 1440 г (Бережков Н Г Хронология русского летописания С 303) когда Исидор был еще в Венгрии или Польше (на это обстоятельство обратила мое внимание О А Абеленцева)

ся только проектом,⁶⁴ подготовленным еще в 1437 г., но сам факт существования этого текста, благословленного Исидором, показателен.

Единственный довод, который может трактоваться как свидетельство негативного отношения Твери к Унии, — это утверждение Симеона Суздальского, что тверской посол на соборе Фома якобы бежал вместе с ним от Исидора во время остановки на обратном пути в Венеции. Однако еще А. Я. Шпаков заметил, что охранный лист, выданный папой послу Фоме, служит доказательством его независимости от митрополита.⁶⁵ Фома не был членом делегации Исидора и мог самостоятельно выбирать свой маршрут на Русь. Забегая вперед, заметим, что бегство Исидора из Москвы именно в Тверь осенью 1441 г. показывает, что даже после разрыва с Кремлем митрополит ожидал встретить здесь союзников. В Твери Исидор пробыл почти полгода (до 12 марта 1442 г.). Как справедливо указал Э. Клюг, «тверичам явно потребовалось время, чтобы определить свою позицию по отношению к Исидору».⁶⁶ Что же касается более раннего момента, зимы 1440/1441 г., то поддержка Унии Тверью представляется бесспорной.

Наконец, Москва. Согласно «Повести» Симеона Суздальского, Исидор еще в Италии говорил римскому папе, «яко вси в твои руце, вси князи и епископи: ни един со мною не может глаголати; а сам князь великий млад есть и в моеи воли есть».⁶⁷ Вряд ли это было лишь пустое бахвальство, и московско-тверской договор тому подтверждение.

Один из пунктов этого договора касался отношений с Новгородом: «А с Новымъ ти городомъ жити по старинѣ...».⁶⁸ Очевидно, с точки зрения Москвы, «старина» была нарушена. Зимой 1440/1441 г. без всяких видимых причин Василий II «възверже нелюбие на Новѣгород Великий, присла грамоту розметную и повоева волостей новгородчких много».⁶⁹ Псковичи выступают заодно с москвичами, и псковский летописец сразу за известиями о приезде Исидора и сношениях с ним помещает подробный отчет о военных действиях. В соответствии с благословленным Исидором московско-тверским договором, тверские войска также приняли участие в военных действиях против Новгородской республики зимой 1440/1441 г.: «...а съ нимъ (Василием Васильевичем. — А Б) была сила Тверскаа, а воевода быть Александръ Романовичъ да Карпъ Федоровичъ».⁷⁰

Насколько летописцы дружно молчат о причинах этой московско-псковско-тверской агрессии против Новгородской республики, настолько теряются в догадках исследователи, предполагавшие, что либо Василий II просто «искал <...> добавочных доходов»,⁷¹ либо совершал «карательный поход» за заключение новгородско-литовского мирного договора,⁷² — но такой же договор с Литвой в разгар боевых действий 30 декабря 1440 г. заключили союзники Василия II — псковичи.⁷³ Разгадку, очевидно, надо искать в самом Великом Новгороде.

⁶⁴ Черепнин Л. В Русские феодальные архивы Ч 1 С 125

⁶⁵ Шпаков А. Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве от Флорентийской унии до учреждения патриаршества Киев, 1904 Ч 1 Княжение Василия Васильевича Темного С 92

⁶⁶ Клюг Э. Княжество Тверское (1247—1485 гг.) Тверь, 1994 С 329

⁶⁷ Черепнин Л. В К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии // Средние века М, 1964 Вып 25 С 182

⁶⁸ ДДГ С 107

⁶⁹ Новгородская первая летопись С 421

⁷⁰ ПСРЛ СПб, 1863 Т 15 (Летописный сборник именуемый Тверской летописью)

Стб 491 (Репринтное переизд. М, 1965)

⁷¹ Бернадский В. Н Новгород и Новгородская земля в XV веке М, Л, 1961 С 247

⁷² Зимин А. А Витязь на распутье С 90

⁷³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова М, Л, 1949 С 321—322 (№ 335)

6. Новгород против Унии (1440—1441 г.).

В отличие от своего псковского коллеги, новгородский летописец сразу говорит о возвращении Исидора с явным осуждением: «Тои же зимѣ приѣха митрополитъ Исидоръ съ осмого сбора на Русь из Рима, и нача зватися легатосомъ от ребра апостольскаго, сѣдалища римьскаго власти, и митрополитомъ римьскимъ, и нача поминати папу римьскаго въ службѣ, и инья вещи новья, их же николиже слышахомъ от крещения Руския земля; а повелѣ в лячких божницах рускимъ попом свою службу служити, а в руских церквахъ капланомъ. Литва же и Русь за то не изымашеся».⁷⁴ Существенно, что эта оценка дана новгородским летописцем ранее (в предшествующей годовой статье) рассказа о приезде митрополита Исидора в Москву.

Отношение новгородского архиепископа к сложившейся в 1440—1441 гг. политической и конфессиональной ситуации проявилось, на наш взгляд, в его строительной и иконописной программе. В конце летописной статьи 6948 г. (это соответствует для данного случая примерно осени 1440 г.⁷⁵) содержится, на первый взгляд, ничем не примечательное известие: «Постави владька церковь камену святую Анастасию».⁷⁶ Строительство этой церкви, однако, представляется делом далеко не случайным. Э. С. Смирнова в статье об иконах с изображением Богоматери «Знамение» (помогшей новгородцам одержать победу над суздальцами в XII в. при архиепископе Иоанне) отметила повторяемость на них определенных избранных святых, и среди них — великомученицы Анастасии.⁷⁷ Уже на самой ранней иконе этого типа (со святыми и «Знамением»), которую исследовательница датирует 30-ми гг.—серединой XV в., изображены Илья, Никола и Анастасия.⁷⁸ Присутствует ее изображение и на многих других иконах этого типа XV—XVI вв. В чем же причины такой распространенности почитания Анастасии в Новгороде начиная с эпохи Евфимия II?

Размышляя о значении отдельных персонажей и составе фигур в каждой иконе со святыми и «Знамением», Э. С. Смирнова говорит об Анастасии, что она — «святая-целительница; во время эпидемии чумы в 1417 г. новгородцы общими усилиями построили за один день деревянную церковь Анастасии».⁷⁹ В средневековом Новгороде известна только одна церковь Анастасии, значит, осенью 1440 г. каменная церковь была сооружена на месте деревянной 1417 г. О первоначальной деревянной церкви в Нѣмл. говорится, что она была поставлена «в память ея»,⁸⁰ т. е. в день ее церковного почитания. Известно три отдельно почитаемые святые Анастасии: две мученицы — так называемые Анастасия Старшая (память 29 октября) и Младшая (память 22 декабря), а также преподобная Анастасия (память 10 марта). «Святая-целительница», которую имеет в виду Э. С. Смирнова, — это великомученица Анастасия Младшая, или Узорешительница.⁸¹ Обращение к тексту Новгородской IV летописи позволяет уточнить, что церковь 1417 г. была посвящена «мученицы Анастасии в память ея мѣсяца ок-

⁷⁴ Новгородская первая летопись С 421

⁷⁵ Предыдущее известие этой годовой статьи (о бегстве Юрия Семеновича из Литвы в Москву), как показал Н Г Бережков, уже выходит за пределы сентябрьского 6948 г т е относится к осени 1440 г (см Бережков Н Г Хронология русского летописания С 304)

⁷⁶ Новгородская первая летопись С 421

⁷⁷ Смирнова Э С О местной традиции в новгородской живописи XV в Иконы с избранными святыми и Богоматерью «Знамение» // Средневековое искусство Русь Грузия М 1978 С 193 211

⁷⁸ Там же С 194—196

⁷⁹ Там же С 211

⁸⁰ Новгородская первая летопись С 408

⁸¹ Христианство Энциклопедический словарь М, 1993 I I А К С 72

тября 29»,⁸² т. е. речь идет об Анастасии Старшей. Хотя в XV—XVI вв. постоянно наблюдается смешение двух Анастасий-мучениц⁸³ (так, например, в Великих Минях Четых оба их жития помещены под 29 октября⁸⁴), обращение к текстам житий позволяет думать, что в Новгороде эпохи Евфимия II особо почиталась именно Анастасия Старшая.

Ее житие известно по древнейшему датированному списку октябрьской Четый Миней 1490 г.⁸⁵ В нем рассказывается следующее: «Въ времена Диоклитияна царя <...> бѣ гонение велико христьяномъ в Римѣ». ⁸⁶ Старейшине Прову доносят, что «есть монастырь, иже прямо граду, христьяннихъ женъ, еже наричаються преподобныя Софiя»,⁸⁷ и в нем живет Анастасия, возвещающая повсюду учение Христа. Посланные в монастырь воины, «влѣзше, рѣша къ игумени, еи же имя Софiя: „Еи, старице, даждь ны отроковищю, юже имаши zde, нарицаемую Анастасiю“». ⁸⁸ Игуменья Софiя просит дать ей немного времени и напутственно поучает Анастасию: «„...прельстятъ тя словесы многими, и имѣнии, <...> но стани крѣпко, якоже поистинѣ Христована вѣста“. И инѣми мнозѣми утверди ю словесы учителница ея Софiя». ⁸⁹ Когда святыю привели в Рим, «стариштина рече: „Почто ся наричаеши Анастасiя?“ — „Яко въстави ми Господь и Богъ мои трудатися предъ тобою, да негде побѣжду отца твоего сотону“». ⁹⁰ Старейшина уговаривает Анастасию отречься от веры: «Дамъ ти имѣние и ризы многы, и бисерь, и челядь многу...». ⁹¹ Она отказывается, и после ужасных мучений Анастасию выводят за город, казнят и бросают ее тело. «Великой Софiи, учителнице ея»,⁹² как именуется агиограф игумену, явился ангел и сказал: «Въстани и возми тѣло чада своего Анастасiя, процвѣте бо трудъ учения твоего <...> имаши ю молящююся за тя и за вся печалныя». ⁹³

Некоторые параллели между сюжетом жития и сложившейся в эпоху Флорентийской Унии ситуацией (гонение на христиан в Риме, попытки материальными благами склонить к отказу от веры) относятся к настолько распространенным топосам, что не могут пролить свет на расцвет почитания Анастасии в евфимиевском Новгороде. Существенной в этом житии представляется роль «великой» Софiи, чей «трудъ учения процвете», благоговяющей Анастасию принять венец мученичества. Не только игумену в житии зовут Софией, но и сам монастырь посвящен преподобной Софii (в другом списке: «рекомыи Софiинь»⁹⁴). Известно, что Софiя для Новгорода — это не только кафедральный собор, но также символ и небесный хранитель республики и ее церковной организации.

Сочетание имен Софii и Анастасии, столь важное именно для Жития Анастасии Старшей, зримо воплощается в строительстве церкви, посвященной мученице Анастасии, не просто в Детинце, но вплотную к Софийскому собору, непосредственно у его южного фасада.⁹⁵ Осенью 1440 г., когда ко-

⁸² ПСРЛ Т 4, ч 1 Вып 2 С 418.

⁸³ Э С Смирнова отмечала запутанность и взаимозависимость культов Анастасий-мучениц (см Смирнова Э С, Лаурина В К, Гордиенко Э А Живопись Великого Новгорода XV век М, 1982 С 240—241)

⁸⁴ ВМЧ Октябрь Дни 19—31 СПб, 1880 Стб. 1987—1996

⁸⁵ РНБ, Соф 1385, л 432 об — 437 об

⁸⁶ Там же, л 432 об

⁸⁷ Там же

⁸⁸ Там же, л 433 об

⁸⁹ Там же

⁹⁰ Там же, л 434

⁹¹ Там же, л 434 об

⁹² Там же, л 437

⁹³ Там же

⁹⁴ ВМЧ Октябрь Дни 19—31 Стб 1987

⁹⁵ Гордиенко Э А Владычная палата Новгородского Кремля Л, 1991 С 15

алиция всех соседних русских княжеств собиралась начать войну против Новгорода, такое строительство должно было означать готовность новгородцев по благословиению Софии принять мученический венец за веру, отказавшись от возможных приобретений земных благ, по примеру Анастасии, чье имя толкуется в житии как «восстание» («Яко въстави ми Господь и Богъ мои труждатися пред тобою, да негле побѣжду отца твоего сотону»⁹⁶). Понятным становится и тот ряд ассоциаций, который вызывал древнейший тип иконы Богородицы «Знамение» с избранными святыми Ильей, Николой и Анастасией: старинная победа над великим княжеством («Знамение») при архиепископе Иоанне (Илья) вспоминается сейчас, при Евфимии (монастырь, где он принял постриг, вел строительство и впоследствии погребен, — см. *Николай Вяжичский*), когда новгородцы готовы во имя учения Софии принять даже мученичество (*Анастасия*).

С 1441 г. начинается ряд летописных известий о воссоздании Евфимием церковей XI—XII вв. «на старой основе». Первая из таких «воссозданных» церковей посвящена святым Борису и Глебу: «Того же лѣта постави архиепископъ Еуфимей церковь свягъи Борисъ и Глѣбъ, на старой основѣ, во Околоткѣ; и быша ему пособъници новъгородци».⁹⁷ Эта церковь, по размерам равная Софийскому собору, построенная в XII в. знаменитым Сотко Сытиничем и находившаяся на территории новгородского Детинца, ранее неоднократно перестраивалась, а в последний раз перед восстановлением сгорела в 1405 г.⁹⁸ Как показал В. Л. Янин, в XIV—XV вв. борисоглебский культ в Новгороде тесно связан с идеей небесного заступничества в военных столкновениях.⁹⁹ Заметим, что во всех отмеченных исследователем случаях, когда Борис и Глеб помогают одерживать военные победы, противниками являются шведы или немцы, что придает новгородскому борисоглебскому культу «антизападный» или, точнее, «антикатолический» оттенок.

Таким образом, воссоздание церкви Бориса и Глеба в контексте событий 1441 г. и общего отношения Евфимия II к Флорентийской Унии может быть соотнесено с обращением к небесным заступникам православной республики, а фраза летописца «и быша ему пособъници новъгородци», видимо, свидетельствует о поддержке не только самого строительства, но и позиции архиепископа горожанами.

Частью широкой культурной программы Евфимия II было и создание знаменитой иконы «Битва новгородцев с суздальцами».¹⁰⁰ Лежащий в ее основе сюжет на протяжении XIV—первой половины XV в. неоднократно вновь и вновь становился актуальным (например, в 1340, 1393, 1398, 1401, 1417 гг.), что порождало новые версии и переработки исходного повествования. Не мог он не вызвать исторических сопоставлений и в 1441 г. Опять, как и в XII в., на Новгород двинулась «вся земля Русская»; вновь столкновения происходили как вблизи города, так и на Двине. При всей повторяемости исторических событий, на иконе есть два мотива, которые находят объяснение лишь в контексте войны 1440—1441 гг. Во-первых, в центре

⁹⁶ РНБ, Соф. 1385, л. 434.

⁹⁷ Новгородская первая летопись... С. 421.

⁹⁸ Там же. С. 398.

⁹⁹ Янин В. Л. Церковь Бориса и Глеба в Новгородском детинце: (О новгородском источнике «Жития Александра Невского») // Культура средневековой Руси: Посв. 70-летию М. К. Каргера. Л., 1974. С. 91.

¹⁰⁰ Икона известна в целом ряде списков, из которых два древнейших (из Третьяковской галереи и из Новгородского музея) датируются по стилистическим признакам приблизительно серединой—второй половиной XV в. Современные исследователи предполагают, что сюжет возник при архиепископе Евфимии II, после 1439 г., когда было установлено церковное почитание архиепископа Иоанна (см.: Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода: XV век. С. 83—86, 100—101, 150—154, 217—220, 229—230).

среднего регистра иконы изображены переговоры (две группы всадников и надписи: «послове»; «суздальцы»¹⁰¹), о которых, как установил Л. А. Дмитриев, письменные источники до середины XV в. ничего не упоминают. Только в Новгородской V летописи, созданной около 1447 г., появляется фраза: «...и слы съезжахуся по три дни и не умиришася».¹⁰² Вероятно, этот мотив послов и переговоров проникает в летопись из иконы, а в нее в свою очередь — из реальных событий 1441 г., в которых переговоры, как мы увидим, сыграли ключевую роль.

На иконе «Битва новгородцев с суздальцами» есть еще один мотив, неизвестный письменным источникам (в том числе и поздним): только здесь мы видим Бориса и Глеба, помогающих осажденному городу.¹⁰³ Характерно, что святые князья выступают здесь против своих «сродников» — Рюриковичей. Упомянувшийся «антикатолический» характер новгородского борисоглебского культа и восстановление церкви Бориса и Глеба именно в 1441 г. позволяют связать появление этого мотива также с войной Новгорода против благословенной Исидором коалиции русских княжеств.

Итак, в вопросе об Унии Евфимий II занял ту же позицию, что и его духовные учителя и сподвижники — афонские монахи, наотрез отказавшиеся признать решения Флорентийского собора. Известно, что святогорские иноки отправили на Русь послание, в котором выступали против решений объединительного собора,¹⁰⁴ и новгородский архиепископ, возможно, был знаком с ним. Поддержка далеких афонских монахов, однако, мало что значила с военной точки зрения. Вопреки традиционному мнению о неуспехе дела Унии на Руси,¹⁰⁵ Исидор был близок к полной победе, а положение Новгорода было критическим.

7. «Странный» мир (конец зимы 1441 г.).

Тем временем военные действия продолжались. После того как псковские отряды повоевали на порубежных землях и дошли до Порхова, как Василий II в Деревской пятине подступил к Демону, а новгородские воеводы «с заволочаны» повоевали великокняжеские земли, возле города Демона состоялась встреча «на высшем уровне» между великим князем и новгородским архиепископом, и был заключен не менее «странный» мир, чем сама война.

Новгородский летописец пишет только следующее: «...докончаща с ним (Василием II. — А. Б.) миръ по старинѣ, и даша ему 8000 рублевъ».¹⁰⁶ Пскович хотя и более подробно излагает ход переговоров, но ясности добавляет

¹⁰¹ Как заметила В. К. Лаурина, в композиционном и геометрическом центре иконы «Битва новгородцев с суздальцами» из Новгородского музея дана рука одного из суздальцев (послов) с указующим перстом (Лаурина В. К. О новгородской иконописи XV в. // Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода: XV век. С. 151). Несомненно, этот требовательный жест принадлежит великому князю, возглавлявшему, согласно данной иконописной версии, переговоры в XII в., и является смысловым стержнем всего изображения. Невозможно, однако, согласиться с мнением В. К. Лауриной, что «острожный иконописец», изобразив этот жест в центре композиции, «уважительно изображает» противника Новгорода, «отдавая тем самым дань и могущественной Москве» (Там же). «Московская» аллюзия здесь очевидна, но именно противостояние Новгорода повелительному жесту великого князя определяет композицию иконы.

¹⁰² Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера... С. 145.

¹⁰³ Там же. С. 144—145.

¹⁰⁴ Карташев А. В. Очерки по истории... Т. 1. С. 355—356.

¹⁰⁵ См., например, Макарий, архим. История русской церкви. СПб., 1866. Т. 5, кн. 2. С. 363—367; Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV веках. М.; Л., 1959. С. 233—236, и др.

¹⁰⁶ Новгородская первая летопись... С. 421.

му канону. Лишь одна фраза Пахомия, возможно, косвенно намекает читателю, хотя и в самых общих выражениях, на роль Евфимия II в ситуации 1440—1441 гг.: «Аще бо нѣщи, иже богатствомъ и саномъ велицы, законопреступно дѣяти хотяще, зѣло тѣмъ запрещаше».¹¹³

Политическая победа Евфимия над Исидором и неприятие Флорентийской Унии Русью предопределили в какой-то степени многие дальнейшие события и тенденции — неуспех как идеи Унии в целом, так и антитурецкой военной кампании 1443—1444 гг., и падение Константинополя, так и не получившего реальной военной помощи, и автокефалию русской церкви, и постепенное затухание в русской культуре предвозрожденческих гуманистических веяний. Как справедливо заметил в статье о Флорентийском соборе И Мейендорф, «московское религиозное и политическое самоутверждение, которое вскоре приобрело мессианские формы, <...> является не причиной, а следствием событий середины XV в.».¹¹⁴

Что же касается церковной независимости Пскова от Новгорода — разменной монеты в игре политиков, то она продолжала существовать какое-то время после Демонского мира 1441 г. и бегства Исидора, так как и в 6950 (1442) г. псковская летопись упоминает архимандрита Григория.¹¹⁵ Возможно, юридически отменить решение предыдущего митрополита смог только следующий — Иона, избранный собором русских епископов лишь в 1448 г.¹¹⁶ Во всяком случае, когда в 1449 г. после 14-летнего перерыва состоялся традиционный приезд новгородского архиепископа Евфимия II во Псков, ни о каком архимандрите речь уже не идет. В псковско-новгородских отношениях воцаряется идиллическое согласие до следующего «розмирия» ..

¹¹³ Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко СПб, 1862 Вып 4 С 20

¹¹⁴ Мейендорф И Ф Флорентийский собор Причины исторической неудачи // ВВ М, 1991 Т 52 С 97

¹¹⁵ Псковские летописи Вып 1 С 46

¹¹⁶ С В Белецкий считает, что «возвращение псковского наместничества в состав новгородской епархии произошло вскоре после потери архимандритом Григорием статуса наместника митрополита, то есть — вскоре после 1442 г» (Белецкий С В Новые данные С 52) Неясно, однако, почему исследователь дату последнего упоминания архимандрита Григория источниками отождествляет с датой потери им своего статуса

М. В. КУКУШКИНА

К вопросу о месте происхождения Радзивилловской летописи в списке XV в.

В настоящее время, когда факсимиле Радзивилловской летописи (БАН.34.5.30) наконец увидело свет,¹ появилась реальная возможность изучения конкретных сюжетов, связанных с созданием уникального памятника, кодикологических и художественных его особенностей, значения в целом для истории русской культуры. Из всех возможных аспектов исследования рукописи мы остановимся лишь на одном, а именно: где и когда мог быть изготовлен список Радзивилловской летописи (далее: Р.Л.). Последний вопрос не вызывает у исследователей сомнения: тип полууставного письма и филиграней позволяют почти без колебаний датировать рукопись 90-ми гг. XV столетия. Сложнее обстоит дело с определением места создания летописи. Как нам уже приходилось писать в предисловии к факсимильному изданию, исследователи называли следующие города, где мог быть изготовлен список XV в.: Смоленск, Новгород, Тверь, Москва. Уже при чтении корректур мы обратили внимание на неадекватность текста Р.Л. чтениям в других летописях при изложении рассказа в «Повести временных лет» под 862 г. о призвании трех братьев «из варяг» на княжение в Руси. Миниатюра № 15 (л. 8 об.) должна изображать Рюрика в Ладоге (ср. ниже, с. 382), Синеуса на Белоозере и Трувора в Изборске. При этом только в Р.Л. писец, имя которого остается неизвестным, внес изменение в текст летописи, важное для исследуемого вопроса. Он опустил в данной фразе имя князя «Синеус», а вместо этого написал «сиде оу нас». Позднее, вероятнее всего, при снятии Петровской копии в 1713 г. (БАН. 31.7.22), другой писец (возможно, более осведомленный) вставил сверху над словами «сиде оу нас» — «Синеус».

¹ Радзивилловская летопись В 2 т Т 1 Факсимильное воспроизведение рукописи Издание подготовлено по рукописи, хранящейся в Библиотеке РАН Т 2 Текст, исследование, описание миниатюр Авторский коллектив А А Амосов, О А Белоброва, М В Кукушкина, О П Лихачева, Г М Прохоров, акад Б А Рыбаков, И Н Сергеева Отв ред М В Кукушкина, общ ред Г М Прохоров СПб, 1994 Подготовленные к печати в факсимильном варианте материалы Радзивилловской летописи были утверждены на Ученом совете Библиотеки АН СССР в 1981 г и на следующий год переданы в издательство «Искусство» в Москве Среди документов, сопровождавших рукопись, было много писем авторитетных ученых-академиков (М П Алексеева, Д С Лихачева, Б А Рыбакова В В Меннера и др), которые были адресованы председателям Госкомиздата СССР, сменявшим друг друга на протяжении почти 10 лет Б И Стукалину, М Ф Ненашеву, Б Н Пастухову Самым ярким было письмо Д С Лихачева (1980 г), написанное от руки на собственном бланке Он убеждал чиновника в том, что издание Радзивилловской летописи является «нашим патриотическим долгом» (Архив Библиотеки РАН) Однако летопись удалось опубликовать лишь в 1994 г благодаря издательству «Глаголь» (С.-Петербург), при содействии финансовой корпорации «Арман» Считаю своим приятным долгом как инициатор и ответственный редактор данного издания выразить руководителям издательства В И и Д В Чернышевным сердечную благодарность

Таким образом фраза «а другой, Синеус, сиде оу нас на Белеозере» уже без исправлений вошла в Петровскую копию 1713 г. Однако первым, кто заметил особое чтение текста Р.Л. под 862 г., был акад. А. А. Шахматов. В статье 1904 г., исследуя рассказ о призвании варяжских князей на Русь, он писал: «...не подлежит сомнению», что в основе сказания о варягах «лежат не выдумки, не ученые истории, а народные предания». В другом контексте той же статьи ученый вернулся к интересующему нас тексту и осторожно заметил: «Не напрасно, по-видимому, явилось чтение Радзивиловского списка „другий сиде оу нас на Белеозере“». Акцентируя внимание на варяжском князе Синеусе, Шахматов пишет, что «еще важнее свидетельство одного небольшого летописца XVI в.», который принадлежал Кирилло-Белозерскому монастырю, а в начале XX в. хранился в Археографической комиссии. В этом летописце сказано, что Синеус сидел «у нас» на Кистеме (Кистема — значительный центр Белозерья) и, как сообщают другие источники, был якобы похоронен в кургане Белозерска.² В 1913 г. акад. Шахматов посвятил вопросу о месте происхождения летописи особую статью.³ В ней он обобщил свои наблюдения над лингвистическими особенностями списка Р.Л. в 15 пунктах. Видимо, одновременно он поручил своему ученику-дипломанту В. М. Ганцову продолжить исследование с тем, чтобы убедиться в предположениях о западнорусском происхождении списка. Поручая Ганцову конкретное исследование, Шахматов, вероятно, руководствовался двумя целями: иметь более веские доказательства своих предположений, с одной стороны, и определить исследовательские возможности своего ученика — с другой.

Статья Ганцова, который позднее отошел от занятий Р.Л., была опубликована уже после смерти А. А. Шахматова — в 1927 г. В ней Ганцов дополнил наблюдения учителя о языковых особенностях летописи своими примерами и фактически присоединился к выводам Шахматова о месте создания списка.⁴ Между тем у самого Шахматова полной уверенности в западнорусском происхождении рукописи не было. Наблюдения ученого в результате изучения летописания позволили ему констатировать следующие положения: «На основании всех данных казалось бы возможным признать, — писал он, — Радзивиловский список белорусским памятником. Но этому препятствует то, что здесь находятся типичные великорусизмы, из которых некоторые едва ли могут быть возведены к оригиналу нашего списка». Наличие в одном списке «скрещения» в тексте летописи белорусских лингвистических особенностей с великорусскими заставило Шахматова быть крайне осторожным в выводах. Ученый сделал компромиссное заключение: Радзивиловский список «составлен в области, пограничной между обоими наречиями». Учитывая, однако, что протограф Р.Л. и Московско-Академической, по мнению Шахматова и последующих исследователей, был иллюстрированным, а Московско-Академическая летопись имеет также некоторые западнорусские особенности (например, *есмо, за ся, до Переяславля, и, напротив, меня, тебя, себя* вместо белорусизмов *мене, тебе, себе, при этом единого себя* — 47 случаев, *от меня* — 43, *хочем тебя* — л. 175 об., *межы собя* — л. 83 об., *за себя* — л. 42 об.), Шахматов заключает свою статью таким образом: «Следовательно, иллюстрированный оригинал был изготов-

² Шахматов А. А. Сказание о призвании Варягов (Посвящается памяти А. Н. Пыпина) // ИОРЯС СПб., 1904 Т. 9, кн. 4 С. 333–336

³ Шахматов А. А. Заметка о месте составления Радзивиловского (Кенигсбергского) списка летописи // Сб. в честь 70-летия Д. Н. Анучина М., 1913 С. 1–6

⁴ Ганцов В. М. Особенности языка Радзивиловского (Кенигсбергского) списка летописи // ИОРЯС Л. 1927 Т. 32 С. 177–242

лен в Западной Руси и, согласно предыдущему, вероятнее всего, в Смоленске».⁵

Позднее Ганцов, приведя целый ряд звуковых, морфологических и синтаксических особенностей Р. списка, сделал тот же вывод, определив памятник как западнорусский. При этом, как и Шахматов, он не мог не отметить великорусские особенности: 1) окончание *-ой* в именительном падеже прилагательных мужского рода единственного числа; 2) сочетания *ро, ре* вместо белорусских *ры (ри)*; 3) местоименные формы *меня, тебя, себя* и т. д. Подводя итог своим наблюдениям, Ганцов писал: «Первая из этих особенностей, отмеченная в памятнике лишь в трех случаях, могла бы быть сводима к оригиналу Радзивиловского списка, но едва ли все они могут быть объяснены заимствованием из оригинала. Взятые вместе, они свидетельствуют о несомненном великорусском влиянии в языке исследуемого списка».

Однако вывод, сделанный Шахматовым и Ганцовым, не может считаться доказанным или, как полагает Д. С. Лихачев в своей первой книге о летописях, «абсолютно достоверным». Думается, Смоленск не вполне обоснованно был назван местом создания Р.Л. Как известно, этот город с 1404 по 1514 г. входил в состав Великого княжества Литовского. И если предположить, что список Р.Л. был создан в Смоленске почти одновременно с летописью Авраамки (1495) «при державе великаго князя Александра изволением Божиим и повелением <...> епископа Смоленскаго Иосифа...», вероятно, текст летописи претерпел бы некоторые изменения, как это случилось с летописью Авраамки. Авраамка для ранней русской истории использовал новгородские, а возможно, и псковские летописи, но, как замечают А. А. Шахматов и Д. С. Лихачев, «вместо краткого извлечения из Новгородской пятой, содержащей зародыш смоленского летописания, в Виленском списке помещена обширная „Летопись великих князей литовских“ и сделаны некоторые другие изменения».⁶ Факт примечательный для выявления условий формирования текста.

В своей последней книге, изданной посмертно в 1938 г., Шахматов отмечает, что Московско-Академический список с точки зрения языка оказывается исправнее Радзивиловского на всем своем протяжении.⁷ Это понятно и неудивительно: хотя оба списка восходят к одному протографу, но их копирование происходило с разными целями, в разных местах и разными писцами. Известно, что Московско-Академический список принадлежал Троице-Сергиевой лавре и, вероятно, именно там был переписан с протографа, созданного во Владимире в начале XIII в. О Владимирском протографе или летописном своде 1205/1206 г. весьма обстоятельно с текстологической точки зрения пишет в своей статье Г. М. Прохоров. При этом он ссылается на статью Н. И. Милпотенко, которая предполагает, что летописцем во Владимире мог быть игумен Рождественского монастыря (1203—1212 гг.) Симон, духовник княгини Марии, первой жены Всеволода Большое гнездо, и автор Киево-Печерского патерика.⁸

⁵ Однако и в данном выводе А. А. Шахматов счел необходимым сделать следующую важную оговорку «Ряд особенностей графических, встречающихся в Р. списке, известны и из других западнорусских памятников, куда они проникли из южнославянских оригиналов» (Шахматов А. А. Заметка о месте составления Радзивиловского (Кенигсбергского) списка летописи С 5 6)

⁶ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение М, Л, 1947 С 435, 467

⁷ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв М, Л, 1938 С 368

⁸ Прохоров Г. М. Радзивиловский список Владимирской летописи по 6714 (1205/6) год // Радзивиловская летопись В 2 т Т 2 С 279

В «Обозрении русских летописных сводов» главу о Р.Л. Шахматов начал с абзаца, в котором сказано: «по палеографическим признакам» летопись составлена в какой-нибудь великорусской области. В примечании к этой фразе уточнялось: «Быть может, на Белоозере», ибо чтение под 862 г. «сиде оу нас» заменило имя Синеус. Поскольку книга была издана уже без участия автора, можно лишь предполагать, что ученый пришел к такому выводу в результате долгих колебаний и размышлений. Кроме Шахматова наиболее обстоятельно анализировала фразу «оу нас на Белоозере» О. И. Подобедова.⁹ Однако малая изученность книжных центров не позволила ей в то время поставить вопрос о Кирилло-Белозерском монастыре как о наиболее вероятном месте создания Р.Л., нежели Тверь, которая уже в середине 80-х гг. XV в. полностью потеряла свою независимость и была поглощена Москвой. Справедливо предполагая, что слова «оу нас» могут указывать на место создания одного из источников Р.Л., О. И. Подобедова не придавала значения тому, что таким источником была «Повесть временных лет» и только в данном списке, который завершается 1205/1206 г., в отличие от других ранних летописей, имевших общий оригинал, присутствует это уточнение. Следует в этой связи отметить важное замечание Д. С. Лихачева в его блестящем очерке, посвященном в целом истории изучения русских летописей.

Опираясь на опыт А. А. Шахматова, он подчеркивает, что «переработка предшествующего летописного материала могла быть допущена лишь по очень веским основаниям». Но «иногда случайные обмолвки летописцев, хронологические ошибки личных записей и т. д. представляли возможность определить время создания списка или свода и личность летописца».¹⁰ «Летописцы как бы сознавали документальный характер записей своих предшественников, сознавали свою ответственность перед грядущими поколениями и важность исторической памяти», — пишет Д. С. Лихачев в другой работе, обобщая свои наблюдения.¹¹

Постараясь обосновать свою версию о происхождении Р.Л. из Кирилло-Белозерского монастыря, версию, опубликованную в предисловии к факсимильному изданию летописи. Как ясно из сказанного, наше предположение совпадает отчасти с мнением акад. А. А. Шахматова, высказанным весьма осторожно в его последней книге.

Прежде всего несколько исторических экскурсов обзорного характера о Кирилло-Белозерском монастыре, который был основан в XIV в. (1397 г.) монахом Симонова монастыря Кириллом. Монастырь расположен на Сиверском озере в 7—8 км от реки Шексны, истоком которой является Белое озеро. Как пишет исследователь Кирилло-Белозерского монастыря А. И. Копанев, в Белозерском крае «скрещивались важные торговые пути».¹² Если учесть к тому же, что верховья трех крупнейших рек (Волги, Зап. Двины, Днепра), сходящиеся в районе Смоленска, издревле связывали территорию Древней Руси на юге с Киевом, в центре с Владимиро-Суздальской и Ростовской землями, на севере с Новгородом и Белозерьем, то понятно, почему уже в XI в. район Белого озера был достаточно населенным. При этом в нем наряду со славянами жило финское племя — весь. В XV в. монастырь принадлежал Ростовской епархии, а само Белоозеро с 1389 г. находилось во владении сына великого князя Дмитрия Донского Андрея

⁹ Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических летописей к истории русского лицевого летописания М., 1965 С. 90—100

¹⁰ Лихачев Д. С. Русские летописи С. 18

¹¹ Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого М., Л., 1962 С. 98

¹² Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М., Л., 1951 С. 6

Дмитриевича. К концу XV в. эта территория стала Московским уездом. Естественно, что наличие в этом районе водных путей обеспечивало возможность активного передвижения ремесленников и разного рода мастеровых. Среди них были и книжники: писцы, переплетчики, «изографы», умевшие «прописывать» золотом заставки, строки и слова в рукописях. Например, по документам XVI в. нам известно, что в Иосифо-Волоколамском монастыре месяцами, а иногда и годами жили «служебники» и крылошане из разных монастырей, преимущественно северных; они за деньги или иное вознаграждение выполняли книжные работы.¹³

Основатель и первый игумен Кирилло-Белозерского монастыря Кирилл был родом из боярской семьи, «тесно связан» с Сергием Радонежским, а по сведениям Степенной книги, входил наряду с ним и митрополитом Алексеем в число «благих советников князя».¹⁴ Это обстоятельство обеспечило монастырю главенствующее значение в Белозерском крае. Его удаленность от военных событий и устойчивое экономическое положение позволили в 1481 г. вел. княгине Софье Палеолог, второй жене Ивана III, укрыться в монастыре с детьми во время нашествия татар на Москву.¹⁵ Кириллов монастырь наряду с другими центральными монастырями — Троице-Сергиевым, Иосифо-Волоколамским — был одним из крупнейших на Руси, а в конце XV в., можно сказать, — самым крупным книжным центром и притом «ярким, передовым выразителем происходивших в книжности явлений».¹⁶

С Кирилло-Белозерским монастырем исследователи связывают создание ряда летописных памятников — кратких летописцев,¹⁷ летописей, хронографов или их списков.¹⁸ В монастыре постоянно велась переписка рукописных книг, и было составлено самое раннее на Руси их библиографическое описание.¹⁹ В настоящее время известны имена выдающихся книжников Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина (2-я пол. XV в.—до 1491 г.)²⁰ и Гурия Тушина (1452—1526 гг.),²¹ оставивших о себе и своей книгописной деятельности 500-летнюю, а можно сказать, вечную память. К сожалению, по наблюдениям Н. К. Никольского, в монастырском «Описании рукописных книг», созданном, в основном, до 90-х гг. XV в., нашла отражение преимущественно богослужебно-уставная книжность. В нем нет ряда келейных книг и отсутствует, например, описание «Сборничка Ефросинова с Александрией» (РНБ, Кир.-Бел. собр., № 11/1088),²² нет и летописных текстов, хотя

¹³ Кукушкина М В К вопросу об организации книгописного дела на Руси в XVI веке // Книга в России в XVI—середине XIX в Материалы и исследования Сб науч трудов Л, 1990 С 35

¹⁴ Копанев А И История С 44—48

¹⁵ Казакова Н А Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина // ТОДРЛ М, Л, 1961 Т 17 Приложение С 200 Летописец русский

¹⁶ Седелников А Д Несколько проблем по изучению древней русской литературы Методологические наблюдения // Slavia Praha, 1929 Roč 8, seš 3 S 515

¹⁷ См., в частности Зимин А А Краткие летописцы XV—XVI вв // ИА М, Л, 1961 Т 5 С 22—27

¹⁸ Насонов А Н История русского летописания XI—начала XVIII века Очерки и исследования М, 1969 С 321, 353, 546, Лурье Я С Общерусские летописи XIV—XV вв Л 1976 С 204—209, 274

¹⁹ Никольский Н К Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в СПб, 1897 Предисловие С 55

²⁰ Лурье Я С Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина в конце XV в // ТОДРЛ М, Л, 1961 Т 17 С 130—168 См также Каган М Д, Лурье Я С Ефросин // Словарь книжников Вып 2, ч 1 С 227—236

²¹ Казакова Н А 1) Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина С 174—175, 192—194, 198—200, 2) Очерки по истории русской общественной мысли первая треть XVI века Л, 1970 С 244—254

²² Дмитриева Р И Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры) // ТОДРЛ Л, 1968 Т 23 С 147—149

известно, что 9 ед. из них Кириллова монастыря еще в 1682 г. были отправлены в Москву для дополнения Степенной книги и хранятся в Синодальном собрании.

Вернемся к вопросу о достоверности краткого сообщения писца — «оу нас на Белеозере» в Р. списке. На данном этапе исследования достоверность его не может быть подтверждена документально, но наше предположение находит некоторое отражение в следующих фактах и наблюдениях.

1) Буквально двумя строками ниже, под той же миниатюрой № 15, рукой того же писца в иной фразе упомянуто имя Синеус, и это обстоятельство опровергает существующее в науке мнение, что писец неправильно прочел слово в оригинале, с которого делал копию. Такое предположение маловероятно, поскольку рукопись, за некоторыми мелкими исключениями, написана одним полууставным почерком, свидетельствующим о высокой квалификации писца, которому могла быть доверена переписка летописного текста.

2) Палеографическая характеристика Р.Л. включает в себя прежде всего датировку по филиграммам и по типу письма. Датировка по водяным знакам была произведена с большой тщательностью Н. П. Лихачевым, позднее нами на основе справочника Г. Пиккара. Она совпадает и с первоначальной датировкой, предложенной А. И. Ермолаевым еще в 1806 г.²³

Просмотр нами почерков в сборниках Ефросина и Гурия Тушина создает лишь общее впечатление о большом разнообразии и сходстве некоторых полууставных почерков, идентифицировать которые в разных сборниках либо невозможно, либо крайне трудно. Если почерки Ефросина и Гурия отличаются от почерков других писцов каждый своей индивидуальностью, то полууставное письмо их учеников или других малоизвестных писцов снивелировано и зачастую не поддается идентификации.

Мы обратили внимание на полууставное письмо, в котором использованы черные чернила, а почерк близок по типу к почерку Гурия Тушина, но без его индивидуальных особенностей. Это тексты к миниатюрам Р.Л. № 88, 90 на л. 38 и 38 об., где сделаны вставки в связи с наклейкой миниатюры на пустое место. Рядом на поле «галка», поставленная черными чернилами, вероятно, редактором.

3) Для нашего исследования важно, что в Ермолинской летописи Н. П. Лихачев увидел те же водяные знаки (голова быка с крестом), что и в Р.Л. Обе летописи датируются на основании этих знаков последним десятилетием XV в.²⁴ А. Н. Насонов предполагал, что источником Ермолинской летописи был ростовский владычный свод, доведенный до 1472 г. Эта мысль была высказана А. А. Шахматовым, который считал ростовские «владычные своды общерусскими». Можно полагать, что это был Московский свод, принадлежавший, как и Ермолинская летопись, Троице-Сергиеву монастырю. По мнению Насонова, аналогом этого свода, дополненным московским материалом из архива митрополита, был Владычный летописный свод, принадлежавший Кирилло-Белозерскому монастырю.²⁵ Я. С. Лурье полагал, что в 70-х гг. XV в. в Кирилло-Белозерском монастыре был составлен свод, основанный на общерусском и местном материале, и именно он был использован Сокращенными сводами и отразился в «Летописце руском» и Ермолинской летописи. Это лишь предположение ученого, но следует полностью согласиться с тем, что наблюдения Я. С. Лурье «свидетель-

²³ Письмо к графу А. И. Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамане в 1792 г. С описанием картин к письму, приложенных А. О. [А. Олениным] СПб., 1806. С. 44—45. За напоминание об этой книге благодарю Ю. В. Андрушайтите.

²⁴ Лихачев, Вод. зн. Ч. I. С. 455—456. № 3893—3906.

²⁵ Насонов А. Н. История русского летописания. С. 321.

ствуют о тесной связи между этим сводом и историографической деятельностью кирилловских иноков, о тождестве их летописных источников».²⁶

Взаимозависимость текстов в сводах позволяет представить размах летописной работы в Кирилло-Белозерском монастыре, а также связь этой работы с книгописанием в Ростовской епархии и Троице-Сергиевом монастыре. Ростовское княжество выделилось из Владимиро-Суздальского в 1207 г. и только в 1474 г. воссоединилось с Москвой. Во время нашествия Батя в 1237 г. многие памятники из Владимира могли быть спасены в результате их перемещения в Ростов, остававшийся единственным епископским центром во всей Ростово-Суздальской земле. Как свидетельствуют источники, в отличие от Владимира, Ростов и Суздаль сравнительно мало пострадали от нашествия татар. Уже в 70—80-х гг. XIII столетия возобновляются культурные связи Ростова с Киевиной.²⁷

4) Для нашего исследования имеет значение, что два памятника, которые объединены под одним переплетом с Р.Л. (л. 246 об.—249 об.; 250 об.—251 об.), представлены в сборниках Ефросина в отличных редакциях и в отрывках. При описании сборника (РНБ, Кир.-Бел. собр., № 53/1130) М. В. Рождественская заметила, что в «Слове о крещении земли Руския и о князи Володимире» (л. 122—129) «лексические чтения» во многих случаях «ближе» к аналогичному рассказу в Р.Л. и Московско-Академическом своде, чем к Лаврентьевской летописи.²⁸ На л. 246 непосредственно за текстом Р.Л. в рукописи следует текст «Сказания Данила игумена смиренного, иже походи ногами своими и очами виде». Поскольку в печатном описании Р.Л. не было дано в свое время необходимой характеристики данного списка «Хожения», скажем попутно, что список назван М. А. Веневитиновым «отрывочным»; при публикации памятника этот список использован в качестве вариантов IV редакции.²⁹ В сборнике Ефросина находится древнейший текст «Хожения» (РНБ, Кир.-Бел. собр., № 9/1086, л. 130—135 об.), однако текст памятника был сокращен кирилловским книгописцем. На л. 250 об. Р.Л. помещен текст: «Слово святого Епифания, сказание о пророцех и пророчицах». Известен тот же памятник, но в другой редакции, Ефросина (РНБ, Кир.-Бел. собр., № 122/1099, л. 18 об.—19). Наличие одних и тех же памятников в разных редакциях хотя и осложняет их отождествление, но свидетельствует о разнообразии репертуара рукописной книжности в монастырской библиотеке. Это важно, если наше предположение о месте создания Р.Л. соответствует действительности.

5) К сожалению, мы почти не знаем по именам живописцев XV в., которые иллюстрировали рукописную книжность. Как правило, это были иконописцы, способные использовать свой талант в художественном оформлении рукописных книг, преимущественно богослужебного содержания (евангелия и апостолы или жития святых). Широко известно Евангелие Хитрово начала XV в., иллюстрированное, по предположению исследователей, великим Андреем Рублевым или его учителем Даниилом Черным, а возможно, тем и другим вместе.³⁰ Р.Л. — единственный светский памятник XV в., укра-

²⁶ Лурье А. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 207

²⁷ Насонов А. Н. История русского летописания. С. 194—195

²⁸ Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ Л., 1980. Т. 35. С. 201 «Слово о крещении» внесено как самостоятельный памятник в библиографическое описание, составленное в Кирилло-Белозерском монастыре

²⁹ Веневитинов М. А. Житие и хождение Данила Руския земли игумена 1106—1108 // ППС СПб, 1883. Г. 1, вып. 3. С. 13. См. также Рузский Н. В. Сведения о рукописях (описание сборников), содержащих в себе Хождение в святую землю русского игумена Даниила в начале XII века // ЧОИДР. 1891. Кн. 3. Отд. 2. С. 39

³⁰ Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII—начала XV веков. М. 1980. С. 109

шенный живописными миниатюрами. Эта великокняжеская летопись, по словам Г. М. Прохорова, занимала «очень важное место в истории не только владимирского, но всего русского летописания» и, вероятно, потому была богато иллюстрирована.³¹

В летописи 618 миниатюр, исполнителями которых были разные мастера. В. И. Сизову, например, удалось выявить руки 5 мастеров. При подготовке факсимильного издания летописи в цвете научная сотрудница ОРК БАН И. Н. Сергеева, при участии А. А. Амосова (оба ныне покойные), попыталась проанализировать технику каждого из этих живописцев и установила три группы разностильных рисунков. Сложность изучения миниатюр состоит прежде всего в том, что они почти все в той или иной степени подверглись правке, которую можно увидеть в перерисовке первоначальных рисунков, обводке контуров действующих персонажей, а также лошадей, их сбруи и т. д. Исследователи определили и орудия (перо, кисть, трость), с помощью которых художники создавали миниатюры. В результате удалось разделить все миниатюры на три основные группы: 1-я группа рисунков (л. 3—95 об.), манера исполнения которых связана с оригиналами, основанными на византийских образцах, композиция статичная; 2-я группа рисунков (л. 96 об.—194 об.), манера исполнения которых более свободная, фигуры «пропорциональные», «полны движения, лица — выразительности»; 3-я группа рисунков (л. 194 н.—245 об.), манера которых связана с мастером, создавшим «оригинальные, полные динамики композиции». Он был знаком с западноевропейским искусством, вероятно, хорошо знал древнерусскую и византийскую живопись, ибо его руке принадлежат рисунки на наклейках и правка более ранних миниатюр.³²

Характеризуя последнего мастера, исследователи техники исполнения миниатюр опирались на высказывания крупнейших историков искусства. Еще Н. П. Кондаков заметил, что вопреки общему правилу последняя треть лицевых изображений в Р.Л. превосходит предшествующие, ибо «оказывается наиболее разработанною в художественном отношении...».³³ Б. А. Рыбаков конкретизировал замечание Кондакова, привел собственные наблюдения и сделал вывод, с которым мы не можем не согласиться. Он пишет, что начиная с 1169 г. западные готические элементы встречаются в полноценном комплексе: рыцарский доспех XV в., своеобразные вычурные щиты XV в., пушки в амбразурах крепостей, и при этом миниатюры XV в. с избытком западных черт «нарисованы в совершенно иной манере — рисунок широк, выдвигается на поля, композиция свободная, не скованная старыми образцами». Далее автор объясняет, что эта часть рисунков является оригинальным творчеством художника XV в., ибо соответствующие иллюстрации в подлиннике отсутствовали, и копист XV в. становился «художником своей эпохи, сохраняя лишь присущую ему манеру эскизного, небрежного изображения лиц персонажей».³⁴ Однако копист XV в. мог стать художником только в том случае, если он обладал талантом живописца. Таким художником мог быть в Кирилло-Белозерском монастыре в конце XV в. книжный иллюстратор и иконописец, к тому же квалифицированный писец, работавший по заказу, — Ефрем Требес (?).³⁵

³¹ Прохоров Г. М. Радзивилловский список Владимирской летописи. С. 280

³² Радзивилловская летопись. Т. 2. С. 302—303

³³ Кондаков Н. П. Заметка о миниатюрах Кенигсбергского списка начальной летописи Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. II. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи СПб., 1902. С. 124

³⁴ Рыбаков Б. А. Миниатюры Радзивилловской летописи и русские лицевые рукописи X—XII веков // Радзивилловская летопись. Т. 2. С. 282

³⁵ Соловьева И. Д. Книжник и иконописец Ефрем — современник Ефросина // ГОДРЛ. Л. 1989. Т. 42. С. 268—279. Автор воспроизводит две миниатюры и икону

С именем Ефрема связаны две рукописи, хранящиеся в собрании Кирилло-Белозерского монастыря, — Синаксарь и Сербская Александрия. В первой из рукописей (РНБ, Кир.-Бел. собр., № 56/1295) на л. 1 об. можно видеть запись Ефрема мелкой красивой скорописью: «По благословению господина и отца нашего начах писати Синаксарь сий игумена Венедикта (1486—1489 гг. — *М. К.*) в обители пречистые Кирилове монастыри Ефремишко изугараф...». Рукопись в 4°, написана красивым полууставом, густыми черными чернилами. На л. 1 тоже полууставным письмом, но более небрежным — полагаю, что рукой того же Ефрема, — записано обращение с молитвой к Богу о помощи в попытке «пера киноварнаго». В другой рукописи Ефрем выступает в качестве художника, высоко квалифицированного и талантливого. В тексте Александрии, которая находится в сборнике Ефросина (РНБ, Кир.-Бел. собр., № 11/1088), на л. 19 помещено изображение Александра Македонского, нарисованное, как свидетельствует запись на обороте 19 л., тем же Ефремом: «В лето 7000-е [1491] октября 20, сии Александр написан бысть Ефремом Ефросину». Запись, как единодушно утверждают все исследователи этого сборника, сделана почерком Ефросина. В сборнике имеется и вторая миниатюра на л. 127 — изображение кентавра (Китавраса), т. е. не автора, что было бы, по мнению Соловьевой, традиционным, а героя повествования. Фамилию Ефрема исследовательница выявила в результате атрибуции ему иконы «Распятие», которая хранится в Русском музее (инв. № 274). Икона была изготовлена для вклада в Никитский монастырь, расположенный на Шексне недалеко от Кириллова монастыря. Все эти факты свидетельствуют, что художник мог работать в разных жанрах и художественных стилях. В Синаксаре, например, ему принадлежат киноварные инициалы, которые варьируются от простого геометрического до сложного растительного декора.³⁶ Наше предположение о причастности художника к иллюстрированию Р.Л. отчасти подтверждает и тот факт, что в собрании книг профессора Ф. Г. Баузе находилась Александрия, «не позже начала XV в. в 4°, с рисунками, совершенно подобными тем, каковые находятся в известном Кенигсбергском списке Нестора».³⁷ Книга, как и все собрание рукописей Баузе, погибла в пожаре 1812 г. Остается только предполагать, насколько рисунки в рукописи Баузе были близки к рисункам Ефрема в рукописи Ефросина.

Любопытно еще одно наблюдение, сделанное Б. А. Рыбаковым безотносительно к нашей версии о месте происхождения Р.Л. На миниатюре (л. 8 об. № 15), изображающей трех варяжских князей, в центре нарисован старый князь Рюрик, а слева и справа его братья Синеус и Трувор,³⁸ которые через два года вокняжения умерли и «прия всю власть Рюрик один» (л. 9). Судя по рисунку и подписи к нему, можно думать, что художник и писец сознательно связали начало единовластия Рюрика с Белоозером: он изображен в центре, где нарисована башня и сделана подпись к ней: «Белоозеро».

Итак, по нашему мнению, Р.Л. в списке 90-х гг. XV в. была переписана в Кирилло-Белозерском монастыре, возможно, белорусом,³⁹ а художественно

³⁶ Там же С. 187

³⁷ Моисеева Г. Н. «Собрание российских древностей» профессора Баузе // ТОДРЛ Л., 1980 Т. 35 С. 319, № 92

³⁸ Рыбаков Б. А. Миниатюры С. 284.

³⁹ Нам кажется, что ссылкой на В. Н. Татищева можно разрешить отчасти вопрос, который был рассмотрен А. А. Шахматовым в 1913 г., — вопрос о лингвистических особенностях Р.Л. в связи с местом ее происхождения. В «Истории Российской» говорится «Весь или Белоозеро, в котором первый князь Синеус, брат Рюриков, умер без наследства Сие, хотя под власть белорусских князей приобщено было, но положением включается в границы Великой Руси» (Татищев В. Н. История Российская М., Л., 1962 Т. 1 С. 352).

оформлена изографом Ефремом. В недавно вышедшей книге известного искусствоведа Э. С. Смирновой о Ефреме говорится следующее: «Сохранившиеся его миниатюры (речь идет об Александрии. — М. К.) исполнены контурным рисунком и носят характер книжной графики, они не похожи на „иконки в рукописи“, в отличие от традиционных темперных многокрасочных миниатюр. Хотя он, видимо, и гордился своей художественной профессией, все же занимался ею от случая к случаю. Иначе трудно понять, почему в неплохо сохранившейся монастырской библиотеке до нас дошла лишь единственная украшенная рукопись».⁴⁰ А может быть, именно потому, что он увлеченно занимался многотрудным иллюстрированием Р.Л., от него и дошли помимо икон всего две художественно оформленные рукописи?

Мы не ставим точку в нашем исследовании, предполагая, что издание цветного факсимиле Р.Л. и наши наблюдения позволят углубить изучение памятника другим специалистам, и прежде всего искусствоведам.

⁴⁰ Смирнова Э. С. Лицевые рукописи Великого Новгорода XV века. М., 1994. С. 166-167.

О. Л. НОВИКОВА

К истории изучения Супрасльского летописного сборника в первой трети XIX в.

Среди рукописных книг РГАДА в фонде библиотеки МГАМИД находится сборник летописей из Супрасльского монастыря, созданный в первой половине XVI в.¹ Согласно записи, рукопись, озаглавленная как «Киевская летопись», принадлежала А. Ф. Малиновскому и была внесена им в библиотеку архива.²

Сборник состоит из двух частей. В первой части (л. 1—59 об.) помещена общерусская летопись, близкая Новгородской IV, но сокращенная. Летопись, следующая за ней (л. 59 об.—74 об.), в своей оригинальной части посвящена событиям в Киеве и на Вольни. Первое издание сборника было задумано А. Ф. Малиновским и в 1836 г. осуществлено его преемником на посту директора архива А. М. Оболенским под названием «Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи».³ В 1980 г. вторая летопись была изучена и отдельно опубликована Н. Н. Улащиком в комплексе белорусско-литовских летописей, который не только сделал ее описание, но и дал другое название — Вольнской краткой.⁴

Однако Супрасльский сборник интересен не только благодаря необычному составу. Очень любопытна жизнь рукописи в первой трети XIX в., до ее издания в 1836 г., тем более что этот период ознаменован созданием Н. М. Карамзиным «Истории Государства Российского» и активными разысканиями членов Румянцевского кружка, положившего основание отечественной археографии.

На полях рукописи находятся пометки Н. М. Карамзина, на которые и обратил внимание в 1824 г. управляющий архивом А. Ф. Малиновский. 10 октября 1824 г. он отправил сборник К. Ф. Калайдовичу с сопроводительной запиской, в которой просил последнего выяснить, «под каким она именем у г. Карамзина в ссылках упоминается»,⁵ Судя по этой записке, А. Ф. Малиновский нуждался в этих сведениях для графа Н. П. Румянцева, которому обычно сообщал обо всех любопытных рукописях библиотеки архива, какие могли бы заинтересовать бывшего канцлера для снятия копии. Использование летописи историографом в качестве источника для его труда

¹ РГАДА, ф 181, № 21/26

² Там же, л 1

³ Оболенский А. М. Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи М, 1836

⁴ ПСРЛ Т 35. Летописи белорусско-литовские М, 1980 С 10, 118—125 Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания М, 1985 С 57

⁵ РНБ ф 328, д 401, л 29

могло быть лучшей рекомендацией и для ее издания. 12 ноября К. Ф. Калайдович уже проинформировал Малиновского обо всех своих наблюдениях относительно летописного сборника. Это письмо представляет собой подробную характеристику рукописи и помещено прямо в ее конце на л. 76—77.⁶

В своем описании Калайдович коснулся состава рукописи, ее палеографических особенностей и, что очень важно, подробно остановился на принципах использования Карамзиным второй части сборника, которую, по его наблюдениям, историограф называл «кратким киевским летописцем», а в примечаниях условно обозначал следующим образом: «Архив. Киев. летоп. № 70». К. Ф. Калайдовичем были найдены практически все места «Истории», в которых Н. М. Карамзин основывался на этом источнике, причем сверку текста летописи он проводил со вторым изданием «Истории Государства Российского». Обоснование использования летописного текста из Супрасльского сборника при изложении событий конца XV—начала XVI в. Калайдович видел в том, что «подробная Киевская летопись, найденная г. Историографом (т. е. Ипатьевская), прерывается концом XIII столетия».⁷

Описание рукописи, сделанное исследователем, было использовано при издании 1836 г., уже после смерти Калайдовича, однако имя автора упомянуто не было.⁸

В исследовании, посвященном «Киевской летописи» Супрасльскаго сборника, В. А. Арнаут, доказывая смоленское происхождение памятника, заметил, что она неправильно называется Карамзиным, Калайдовичем, а за ними и издателем Оболенским «Киевской».⁹ Нельзя считать это замечание правомерным, поскольку и Карамзин и Калайдович следовали названию, помещенному в начале рукописи. Н. М. Карамзин — для ссылки на конкретную рукопись из библиотеки архива, К. Ф. Калайдович — следуя просьбе А. Ф. Малиновского. Проницательность управляющего архивом может быть оценена по достоинству, ибо ответ на его запрос в настоящее время является едва ли не единственным доказательством того, что использованная Н. М. Карамзиным в качестве источника «Архивская Киевская летопись» и изданная недавно под названием Вольнской краткой — один и тот же памятник. В последнем, еще не завершеном издании «Истории Государства Российского» подобного отождествления осуществлено не было.¹⁰

Наблюдения Калайдовича над «Киевской летописью» были сразу же переданы графу Румянцеву, которого рукопись очень заинтересовала. Уже 25 ноября 1824 г. Н. П. Румянцев, находившийся в Гомеле, писал А. Ф. Малиновскому о своем желании «получить с нее полный список», но при этом граф вспоминал, что в его библиотеке находится рукопись с аналогичным названием, поэтому считал необходимым, прежде снятия копии, провести сверку текста.¹¹

Какая же рукопись под названием «Киевской летописи» находилась в коллекции Н. П. Румянцева? В письме к А. Х. Востокову от 27 ноября, в котором граф просил передать список А. Ф. Малиновскому, он дал ему следующую

⁶ РГАДА, ф. 181, № 21/26 л. 76—77

⁷ Там же, РНБ, ф. 328, д. 271, л. 19

⁸ Оболенский А. М. Супрасльская рукопись. С. 151—157

⁹ Арнаут В. А. «Киевская летопись» Супрасльского сборника (К вопросу о смоленском летописании) // ИОРЯС. 1909. Т. 14, кн. 3. С. 2

¹⁰ См. Комментированный список источников и литературы, использованных Н. М. Карамзиным в «Примечаниях» / Подгот. В. Ю. Афиани и В. П. Козловым // Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1993. Т. 5. С. 406

¹¹ Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными // ЧОИДР. 1882. Кн. 1. С. 296

характеристику: «...довольно толстый in folio».¹² Согласно «Описанию Румянцевского музеума», бывший канцлер мог в данном случае иметь в виду только «Летописец русский и киевский».¹³ Эта рукопись находилась в его библиотеке уже в 1823 г.¹⁴ Следуя просьбе Румянцева, Востоков передал ее управляющему архивом для сверки.¹⁵ По своему составу она не имела ничего общего с памятником из Супрасльского сборника. Однако копия «Киевской летописи» для коллекции графа по какой-то причине снята не была. Во всяком случае, когда осенью 1828 г. митрополиту Киевскому Евгению (Болховитинову) для его научных изысканий понадобилась подобная летопись и он, обратившись к А. Х. Востокову с просьбой прислать ее в Киев «для списания»,¹⁶ получил характеристику лишь вышеупомянутого «Летописца русского и киевского», то был вынужден признать, что ошибся, «искавши Киевской летописи в Канцелярской библиотеке».¹⁷

Весной 1829 г. в Киев приехал К. Ф. Калайдович.¹⁸ Часто бывая в гостях у митрополита Евгения, он, видимо, и посоветовал последнему обратиться за «Киевской летописью» в библиотеку архива. По просьбе Болховитинова в письме от 30 марта 1829 г. рукопись была доставлена митрополиту и с нее была снята копия.¹⁹ Возвращая Супрасльский сборник А. Ф. Малиновскому, 13 июля 1829 г. он писал: «Киевских происшествий сверх находящихся в прочих летописях здесь очень мало, а больше Литовских. Я думаю, что она Киевской может быть названа потому, что в Киеве найдена. Как бы то ни было, но Киев обязан Вашему Превосходительству за доставление случая иметь с нее список».²⁰ Оба письма митрополита Евгения были вклеены в начале сборника, где находятся и по сей день.

Эта копия «Киевской летописи» была обнаружена мной в Государственном архиве Курской области, где она хранится под № 16861. В рукописи 1 + 74 + V л., 4° (21,8 x 17,5). Список писан скорописью. Филигрань — типа Клепиков, Филигр. и штемп. № 12 (1828 г.). Переплет — картон, оклеенный мраморной бумагой. Корешок и уголки крышек кожаные. На верхней крышке находится ярлычок овальной формы с красной каемкой и № 166. На л. 1верху, слева: «22/11750», ниже заглавие: «Киевская Летопись от пришествия славян по 7025 (от Р. Х. 1547) год беспрерывно продолжающаяся старинного письма на 75 листах». Ниже: «Внесена в Библиотеку Государственной Коллегии иностранных дел Московского Архива Коллежским Ассессором Алексеем Малиновским». Ниже тем же почерком: «Списано с того подлинника в Киеве 1829 г.». Далее другой рукой: «а с того в Дерпте 1830 года». На двух из пяти последних нумерованных листов помещена копия письма К. Ф. Калайдовича к А. Ф. Малиновскому от 12 ноября 1824 г.

Доказательством того, что именно эта рукопись является списком, сделанным по поручению митрополита Евгения, может быть не только запись переписчика о «списании» ее в Киеве в 1829 г., но и тождественность бумаги, использованной при изготовлении копии, с бумагой, на которой было написано второе письмо Болховитинова Малиновскому, сопровождающее Супрасльский сборник в Москву.

¹² Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского // Сб статей, читанных в ОРЯС имп Академии наук 1873 Т. 5 вып. 2 С. 150

¹³ Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума СПб., 1842 С. 355

¹⁴ Козлов В. П. К истории комплектования Румянцевского собрания русских и славянских рукописей // Зап. отдела рукописей ГБЛ М., 1980 Вып. 41 С. 22

¹⁵ Переписка А. Х. Востокова С. 153

¹⁶ Там же С. 263—264

¹⁷ Там же С. 264—265

¹⁸ Там же С. 273

¹⁹ РГАДА, ф. 181, № 21/26 л. 1

²⁰ Там же, л. 1—11

Я. С. ЛУРЬЕ

К изучению летописной традиции об Александре Невском

Летописные известия об Александре Невском постоянно привлекаются в специальных исследованиях и общих трудах по истории Древней Руси. Однако источники используются в этом случае односторонне: авторы опираются в основном на Житие Александра, присоединенное к первоначальному летописным известиям; эволюция летописных рассказов об Александре изучена совершенно недостаточно.

Первым исследователем, попытавшимся связать изучение Жития Александра Невского с историей летописания, был В. Мансикка, опиравшийся в значительной степени на труды А. А. Шахматова. Он отметил, что тексты Жития были соединены с известиями Новгородской I старшего извода (Синодальный список) в Псковских летописях (в Псковской II летописи был помещен и самый текст Жития) и в летописном своде первой половины XV в. («своде 1448 г.»), отразившемся в Новгородской I летописи младшего извода, Новгородской IV и Софийской I летописи, текст которой лег в основу большинства более поздних летописей. Обратил внимание В. Мансикка и на модификации житийных (но не собственно-летописных) текстов в более поздних летописях.¹ Ю. К. Бегунов, писавший спустя полвека после В. Мансикки, продолжил, в основном, его исследования различных редакций Жития, но эволюцию летописных рассказов осветил небрежно и с рядом ошибок.² Наиболее ранние летописные источники об Александре Невском — Новгородская I летопись старшего извода (далее: Н I ст. и.), последняя часть которой, доведенная до 1337—1352 гг., была написана по черком XIV в., и Лаврентьевская летопись (далее: Лавр.), доведенная до 1305 г. и переписанная в 1377 г. (южнорусская Ипатьевская летопись не упоминает Александра ни разу). Еще более ранним источником можно считать «Летописец вскоре патриарха Никифора», но в этом летописце чита-

¹ Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст СПб, 1913 С 52—53, 59—99 (ГДПИ Т 180)

² Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в составе Новгородской I-й и Софийской I-й летописи // Новгородский исторический сборник Новгород, 1959 Вып 9 С 229—238, Biegunow J. Utwory literackie o Aleksandze Newskim w skladzie latopisow ruskich // Slavia Orientalis 1969 № 3 S 293—308 Автору была уже известна работа А. Н. Насонова, установившего существование общего протографа Московского свода и Ермолинской летописи (в разделе до 1418 г.), однако Ермолинскую и близкие к ней летописи он возводил почему-то к «своду 1484 г.» (протографу Типографской летописи) и определял их непосредственный источник и источник Тверской и Львовской летописи как «Сокращенный свод» хотя «Сокращенный свод конца XV в.» это совершенно иная летопись (см. ниже, примеч 32), не имеющая в этой части ничего общего с Ермолинской, Тверской и Львовской. Игнорировал автор также связь свода 1471 г. с Московским сводом 1479 г. (ср. Biegunow J. Utwory literackie S 304 и 309)

ется только перечень князей после Ярослава Всеволодовича: «По немь седе в Володимери Святослав брат его лет[о] 1, и прогна Андрей сын Ярославль и княжа лет 5 и приде Неврюнь от Адама лето 6760 и прогна ѥ за море. Того же лета[а] седе Олександр брат его лет 12, в четвертое лето княжения его бысть от Адама 6765».³

В Н I ст. и.⁴ ранние известия об Александре связаны с его пребыванием в Новгороде в роли княжича, посаженного его отцом Ярославом Всеволодовичем, и его походы на Новгород. Далее следуют такие известия: 6748 (1240) г. — поход «свеев» на Неву с целью захвата Новгородской земли; «велика сеча» и уход «посрамленных» противников, перечисление убитых новгородцев; захват немцами Изборска и Пскова; уход Александра («роспревся с новгородшью»), нападение Немцев, Води и Чуди, а затем Литвы на новгородские земли и отправление Ярославом сына Андрея, а после новой просьбы новгородцев — Александра. 6749 (1241) г. — возвращение Александра в Новгород, его поход на Копорье и расправа над Вожаками и Чудью; 6750 (1242) г. — отвоевание Александром Пскова, сражение «на Чюдском озере, на Узмени, у Воронья камни», победа Александра. 6753 (1245)—6754 (1246) гг. — победа Александра над Литвой и его поездка «в Татарь» (эта тема была предварена известиями о завоевании татарами Рязани и Владимира в 6746 (1238) г. и о поездке Ярослава в Орду в 6750 (1242) г.). 6758 (1250) г. — возвращение Александра из Орды. 6763 (1255) г. — спор Александра с новгородцами о князе в Новгороде: новгородцы хотели его брата Ярослава Ярославича, Александр пошел походом на Новгород и утвердил свою власть над ним. 6764 (1256) г. — нападение шведов с союзниками на Новгород в отсутствие Александра, его возвращение, поход «на Емь» и посажение в Новгороде сына Василия. 6756 (1257) г. — новый конфликт: новгородцы отказались от требования татар выплачивать «тамгы и десятины», их поддержал и Василий Александрович; Александр, придя с татарскими послами, изгнал сына и казнил непокорных новгородцев: «овому носы урезаша, а иному очи вынимаша, кто Василья на зло навел...»; 6767 (1259) г. — в Новгороде «издвоишася люди» («вятпшие» за «число» — перепись); Александр «дал сторожи» татарам, осуществлявшим «число». 6770 (1262) г. — «поиде князь Олександр в Татары, и удержа и Берка, не пушта в Русь; и зимова в Татарех, и разболеся». 6771 (1263) г. — возвращение Александра из Орды, «вельми не здравя», и его смерть.

Летописные известия об Александре, читающиеся в Лавр.,⁵ также не очень многочисленны. О Невской битве здесь вообще не упоминается. Далее следуют: 6750 (1242) г. — краткая запись о Ледовом побоище, где в главной роли выступает не Александр, а его брат Андрей: «Великий князь Ярослав посла сына своего Андрея в Новьгород Великий, в помочь Олександрови на Немци, и победилша я за Плесковом на озере, и полон мног пленища, и возвратился Андрей к отцю своему с честью». 6755 (1247) г. — смерть Ярослава Всеволодовича и плач Александра «по отце своем», вокняжение дяди Александра Святослава, поездка Александра, вслед за братом Андреем, «к Батьеви»; отправление его Батьем «к Каневичам» (т. е. в Монгольскую империю). 6757 (1249) г. — возвращение обоих братьев «от Кановичь», «приказавших» Александру «Киев и всю Руськую землю», а Андрею — престол во Владимире. 6759 (1251) г. — «болезнь тяжка князю Олександрю» и его выздоровление. 6760 (1252) г. — «Иде Олександр князь Новгородский Ярославичь в Татары; и отпустиша ѥ с честью великою, давше ему старей-

³ Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности // АФ за 1960 г. М., 1962. С. 234—239.

⁴ Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950. С. 65—84.

⁵ ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 470—477 (Фототип воспроизведение М., 1961).

пшньство во всей братьи его»; с этим известием, очевидно, как-то связано последующее: «В то же лето здума Андрей князь Ярославичь со своими бояры бегати, нежели цесарем служити, и побеже на неведому землю с княгинею и с бояры своими...», нападение татар на Андрея под Переяславлем; «...приде Олександр князь великий ис Татар в град Володимерь; <...> и бысть радость в граде Володимери и во всей земли Суждальской». 6763 (1255) г. — Александр посадил своего сына Василия в Новгороде, 6764 (1256) г. — его сношения с татарами и война с «Емью», под 6765 (1257)—6766 (1258) гг. — поездка Александра и Андрея к Улавчею (Улагчи, преемнику Батяя); приезд татарских «численников» в Суздальскую землю, Владимир и Новгород: «Александр не удержаша ноугородци, и чтиша и много, Олександр же дав им ряд, и поеха с честью в свою отчину». Несколько странной выглядит после этого следующая статья 6767 (1259) г.: Александр, приехав в Ростов, кланялся епископу Кирилу, чьею молитвою «и тамо в Новгород ехал есмь здоров, и семо приехал есмь твоею молитвою здоров»; Александр «чтиша» княгиня Марья и другие родичи. 6770 (1262) г. — всеобщее восстание в Ростовской земле, «не терпяще насиья поганых, изволиппа вечь», изгнание татар «из Ростова, с Суждаля, из Ярославля»: казнь изменника Зосимы; 6771 (1263) г. — «того же лета престависи великий князь Олександр, сын Ярославль».

Этим, собственно, и заканчиваются летописные известия об Александре в Лавр. Далее в этой летописи помещен памятник совсем иного характера, вновь возвращающий читателя к началу княжения (и даже к рождению) Александра — его Житие. В Лавр. текст его обрывается на середине,⁶ но до нас дошли другие, многочисленные его тексты, в частности в Псковской II летописи, во множестве отдельных списков⁷ и в летописях (о которых будет идти речь ниже), где известия раннего летописания соединены с фрагментами Жития.

Житие Александра, хотя оно и посвящено светскому лицу, — не летописная повесть, а житийный памятник.⁸ Сетки годов здесь нет (единственная дата — 6748 г. — вставлена в Житие в Лавр., в остальных списках она отсутствует), хронология относительная («в второе лето», «в то же время» и т. д.) или по церковным праздникам. Важное место в повествовании занимает уподобление святого князя библейским персонажам, видения и чудеса. Противником Александра выступает «король части Румьския от полуночная страна», объявляющий князю: «Аще можещи противитися мне, то се есмь уже zde, пленяя землю твою». О предстоящем нашествии «ратных» Александр узнает от «старейшины в земле Ижерстей», Пелгуя (Пелгусия), которого известили об этом святые Борис и Глеб, приплывшие по морю помочь «сроднику своему князю Александру». Далее следует описание битвы, во время которой Александр «самому королю възложи печать на лице острымь своимь копиемь», и перечисление шести «мужь храбрых», участвовавших в битве (в Псковской II этого перечисления нет), — иных, чем те, которые упоминаются в Н I ст. и. (двое из них — предки виднейших московских боярских фамилий).⁹ После битвы на другом берегу Ижоры, где не было «проходно полку Александрову», нашли «много множество избьенных от ангела Господня». Дальнейшая часть Жития (не сохранившаяся в Лавр.) не отличается по характеру от его начала. Ссылаясь на «самовидца»,

⁶ ПСРЛ Т 1 вып 2 Стб 477—481

⁷ Ср ПЛДР XIII век М 1981 С 426—438

⁸ О жанре Жития Александра ср Лихачев Д С Русские летописи и их культурно-историческое значение М, Л, 1947 С 251—267

⁹ Ср Веселовский С Б Исследования по истории класса служилых землевладельцев М 1969 С 45—46, 50, 68—70, 96

автор Жития утверждает, что в Ледовом побоище также участвовал «полк Божий на воздухе, пришедши на помощь Александрови». После рассказа об освобождении Пскова читается обращение: «О невегласи псковичи! Аще сего забудете <...> уподобитесь Жидом, их же препита Господь <...> и сих всех забыша...». Далее упоминается «царь силен в Восточной стране» (Батый), призывающий Александра к себе; на пути Александра «начаша жены моавитския полошати дети своя, ркуще: Александр едет». Тема соперничества Александра и Андрея в Житии не затрагивается, говорится только, что «по сем же разгневался царь Батый на брата его меньшого Андрея, и посла воеводу своего Неврюня воевати землю Суздальскую», после «пленения Неврюнева» Александр восстановил разрушенные земли. Рассказав о решительном отказе Александра от предложения послов папы принять его «учение», автор Жития рассказывает, что «бе же тогда нуждь велика от иноплеменик и гоняхуть христиан, веляще с собою воинствовати, князь же великий Александр поиде к цареви, дабы отмолити люди от беды тоя. А сына своего Дмитрия посла на Западныя страны <...> к городу Юрьеву». Завершается Житие рассказом о смерти Александра: уже мертвый князь «распростер руку свою и взят грамоту от руки митрополита».

Когда было написано Житие и когда оно проникло в летописание? Автор его не претендовал на то, что он современник Александра, — он лишь ссылался на сообщение «самовидцев». М. Д. Приселков высказал предположение, что Житие было включено в летопись сразу после смерти Александра в 1263 г., как «особое приложение».¹⁰ Однако текстологических данных для выделения в составе Лавр. особого свода 1263 г. нет; А. Н. Насонов предполагал, что свод, соединивший владимирское и ростовское летописание XIII в. был составлен в 1281 г. во владимирском Рождественском монастыре, где был погребен Александр Невский,¹¹ но и эта дата остается предположительной. Текст Лавр. доведен до 1305 г., и в основе его лежит свод, связанный с великим князем владимирско-тверским Михаилом Ярославичем. Читалось ли Житие Александра в составе этого свода, или оно было добавлено в Лавр. при ее переписке в 1377 г.? Ю. К. Бегунов предлагал датировать Житие 1281 г., но думал, что в летописный свод 1305 г. оно вставлено еще не было.¹² У нас нет данных, чтобы предполагать, что оно читалось в Троицкой летописи начала XV в. (далее: Тр.), опиравшейся на тот же свод 1305 г.; в Тр., как мы можем полагать, читались те же известия об Александре, что и в основном тексте Лавр. (до Жития). Правда, рукопись Тр. до нас не дошла, и реконструкция ее может быть основана главным образом на выписках Н. М. Карамзина из Симеоновской летописи конца XV в. Однако Карамзин, упоминая «Описание Александровых подвигов», не ссылается ни на Лавр., ни на Тр.¹³ В Симеоновской же летописи тексты, связанные с Александром, вставлены из Московского свода 1480 г. и отражают контаминацию летописных известий с Житием, восходящую к летописному своду первой половины XV в.¹⁴ Очевидно, даже если в Тр. (своде 1408 г.) под 1263 г. читалось Житие, то составитель Симеоновской мог его опустить как дублирующее предшествовавший текст из того же источника. Во Владимирском летописце XVI в.,¹⁵ опиравшемся на Тр. и

¹⁰ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1960. С. 98.

¹¹ Насонов А. Н. История русского летописания XI—нач. XVII вв. М., 1969. С. 193—201.

¹² Бегунов Ю. К. 1) Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли» М., Л., 1965. С. 60—61, 2) Когда Житие Александра Невского было включено в состав Лаврентьевской летописи? // Die Welt der Slaven 1971. Jg. 16, N. 2. S. 111—120.

¹³ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1992. Т. 4. Примеч. 109. (р. Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., Л., 1950. С. 321—328.)

¹⁴ См. ниже, примеч. 27.

¹⁵ ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 90—93.

летопись XV в., близкую к Новгородской IV, известия об Александре в основном совпадают с летописными известиями Лавр.—Тр., но упоминание о чуде при погребении Александра в 6770 г. восходит (прямо или косвенно) к Житию.

Никаких черт близости и текстуальных совпадений между летописными известиями Н I ст. и., Лавр. и Житием не обнаруживается. Единственный автор, пытавшийся найти такие совпадения, — Дж. Линд. Он возражал в этом случае против утверждения Ю. К. Бегунова, что «сличение Синодального списка (Н I ст. и. — Я Л) с тремя списками Новгородской 1-й летописи младшего извода <...> показывает, что ни летописные известия Синодального списка не послужили источником для жития князя Александра, ни известия Жития не были источниками известий Синодального списка».¹⁶ Линд справедливо заметил, что сличение Н I ст. и. с Н I младшего извода (далее: Н I мл. и.), включающей тексты из Жития, не помогает решить вопрос о соотношении Н I ст. и. и Жития. Сличение Н I ст. и. и Н I мл. и. обнаруживает не только фактические, но и текстуальные совпадения между ними; не менее чем половина текста Н I мл. и. дословно совпадает с Н I ст. и. Но, вопреки Линду, это обстоятельство не доказывает близости текста Жития к Н I ст. и.: совпадения, о которых упоминал Линд, обнаруживаются среди летописных известий Н I мл. и., заимствованных из Н I ст. и.; среди фрагментов Жития, включенных в Н I мл. и., никаких совпадений с Синодальным списком Дж. Линд привести не смог. Он указал лишь на то, что в известии о Невской битве в Н I обоих изводов упоминается воевода с невозможным для шведа именем Спиридон, а в Житии фигурирует новгородский архиепископ Спиридон: «..невроятно, чтобы такая ошибка могла быть совершена независимо дважды».¹⁷ Но двойной ошибки здесь не было: в Житии нет никакого воеводы Спиридона, а есть исторически реальный архиепископ Спиридон, который многократно упоминается и в Н I ст. и. (6737, 6738, 6740, 6751). Даже если считать, что составитель Н I ст. и. дал шведскому воеводе имя Спиридон под влиянием имени новгородского архиепископа (что довольно сомнительно), то Житие здесь было ни при чем: имя это и без того было на слуху у новгородца. Житие, очевидно, основывалось на устных известиях об Александре Невском; никаких данных о летописных источниках этого памятника у нас нет.¹⁸

До составления свода, лежащего в основе Н I мл. и., Софийской I и Новгородской IV (Новгородско-Софийского свода), попыток контаминации летописных известий с текстами Жития не было. Летописный рассказ, независимый от Жития, мы обнаруживаем кроме упомянутых летописей еще в своеобразном ростовском летописном своде, доведенном до 1419 г. — Московско-Академической летописи (далее: МАк).¹⁹ Невской битвы здесь, как и в летописных известиях Лавр., нет, о сражении 6750 г. «на Чюдском озере, у ворония камени» сообщается иначе, чем в Лавр., но так же кратко; под 6760 г. сообщается, что «приде Неврюй, и прогна князя Андрея за море» (об Александре ничего не говорится); под 6765 г. сообщается о по-

¹⁶ Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописи С. 230

¹⁷ Lind J. N. Early Russian-Swedish Rivalry The Battle of the Neva in 1240 and Birger Magnussons Second Crusade to Tavastia // The Scandinavian Journal of History 1991 Vol 16 P. 274 (п. 19)—276, Линд Дж. Невская битва и ее значение // Князь Александр Невский и его эпоха СПб. 1995 С. 46—47

¹⁸ Влияние Н I ст. и. на Житие можно было бы предполагать в известии о погребении шведских воинов после Невской битвы «и накладше корабля два вятских мужь преже себе лустыща и к морю» (Н I ст. и.) — «трупиа мертвых своих наметаша корабля и потопиша в мори» (Житие). Но текстуального совпадения здесь нет, сходство известия может быть объяснено общей устной традицией.

¹⁹ ПСРЛ Л, 1928 Т. 1, вып. 3 Стб. 523—524

ходе «князей» в Орду и о «числе» в Русской земле. О взаимоотношениях Александра с Новгородом в связи с «числом» в МАК не упоминается, но под 6767 г. содержится чрезвычайно интересное известие: «Князь Александр бежа из Новгорода, приеха на Ростов на средохрестье, крест честный целова <...> блаженный же Кирил епископ и княгини Василиева Марья <...> почтоша его...». Дальнейшие известия так же кратки: в 6770 г. «изгнаша поганых от всех градов, не терпя насилья их»; в 6771 г. «преставися князь Александр Ярославичь, ноября 14». Ранняя летописная традиция, сохранившаяся в МАК, почти не получила отражения в последующем летописании. Однако известие 6767 г. о том, что Александр «бежа из Новгорода» и был торжественно встречен во Владимире, было воспроизведено в «Летописце Русском» конца XV в., отражающем традиции независимого северного летописания.²⁰

Компилятивный рассказ об Александре Невском, объединивший известия Н I ст. и., Лавр. и Жития, как отметили уже А. А. Шахматов и В. Мансикка, появился в летописном своде первой половины XV в., отразившемся в Н I мл. и., Новгородской Карамзинской (далее: НК) и близкой к ней Новгородской IV (далее: Н IV), Новгородской V (далее: Н V) и Софийской I (далее: С I) летописях.²¹ Свод этот, составленный, как можно полагать, между 1425 (последнее совпадающее известие С I и НК) и 1446 г. (окончание Н I мл. и., использовавшей этот свод) и получивший в научной литературе наименование Новгородско-Софийского (далее: НСС), представлял собой один из важнейших этапов русского летописания. На нем (через С I и частично — Н IV и Н V) основывались почти все летописи последующего времени. Он впервые соединял различные ветви предшествующего летописания — владимирско-московское, южнорусское, новгородское, тверское и псковское — и включил в свой состав ряд важнейших памятников: пространную повесть о Куликовской битве, Слово о житии Дмитрия Донского, Повесть о нашествии Тохтамыша. Здесь появился компилятивный (основанный на владимирском и южнорусском летописании) рассказ о нашествии Батыея, из разных источников были заимствованы повести об убийстве в орде князей Михаила Всеволодовича Черниговского (совпадающая с Ипатьевской летописью) и Михаила Ярославича Тверского. Таким же соединением различных источников было и повествование об Александре Невском в НСС. Наиболее полно эта компиляция отразилась в С I, несколько короче — в Н I. мл. и., в сокращении — в НК, Н IV и Н V.

Летописно-житийная компиляция НСС (вероятно, через Н IV) отразилась и в начальной части Рогожского летописца, не связанной с Тр., под 6748 г. (перечисление павших воинов-новгородцев из новгородского рассказа; «много множество избивеных от ангела Господня» из Жития).

Житие Александра, в отличие от Лавр. и Псковской I летописи, не было помещено в НСС отдельно, как особая статья, а распределено в комбинации с известиями Н I ст. и. и Лавр.—Тр. по разным годам. Начало Жития, включая повествование о Невской битве, было помещено в Н I мл. и. и С I под 6748 г. (в НК — Н IV — Н V этот текст сокращен и включает только статью «Невское побоище»); рассказ о «шести храбрых» из Жития был дополнен фрагментами из Н I ст. и., включая перечисление убитых новгородцев и известие о ссоре Александра с новгородцами, его

²⁰ Летописный свод XV в. (по двум спискам) // Материалы по истории СССР Вып 2 Документы по истории XV—XVII вв М., 1955 С 224—225

²¹ С I — ПСРЛ СПб., 1851 Т 5 С 176—194, 2-е изд. — Л., 1925 Вып 1 С 220—240 (изд. не окончено), Н IV—Пг., 1915 Т 4 ч 1 вып 1 С 223—234, Н V — Пг. 1917 Т 4 ч 2 вып 1 С 214 224 Н I мл. и Новгородская летопись старшего и младшего изводов С 239—313 НК (ГПБ, F IV 603) в настоящее время публикуется

отъезде и присылке в Новгород сперва Андрея, потом Александра (в С I о ссоре с новгородцами упоминается после известия о нападении немцев; в Н I мл. и., НК, Н IV и Н V, как и в Н I ст. и., — до этого известия). Статья 6749 г. о походе на Копорье взята была из Н I ст. и.; в С I известие о расправе над Вожанами и Чудью дополнено словами из Жития о том, что «иных пожаловав отпусти, бе бо милостив паче мерь», и что на третий год после победы над королем, «в зимнее время», немцы пришли в Псков и посадили наместников; далее в С I следует текст, отсутствующий в предшествующих источниках: «Се же слышав князь великы Александр, велми оскорбе за кровь христианскую <...> и прииде к Новугороду и поклонися святой Софии с молбою и плачем». В Н I мл. и. этих слов нет; в НК — Н IV — Н V вся статья сокращена до одной фразы. Статья 6750 г. о Ледовом побоище вновь представляет собой соединение соответствующей годовой статьи Н I ст. и. («Поиде князь Олександр с новгородцы и низовци...»); описание военных действий, гибель Домаша «на Чудском озере, на Узмене, у Воронья камени», немцы «прошибошася свињью»; подробности победы; обращение немцев в Новгород с предложением мира и перемирие) с текстом Жития (божественная помощь Александру, «о невелигаси псковичи»). В С I текст несколько подробнее, чем в Н I мл. и. (читается фрагмент из Жития о столкновении с Литвой — «и начаша <...> блюстися имени его» и известие о присылке Ярославом на помощь Александру брата Андрея, близкое к Лавр.). В НК — Н IV — Н V вся статья 6750 г. кратка и близка к Н I ст. и., но начинается с анахронистического известия: «Иде Александр к Батью царю, а Олег рязанский к канови иде» (в конце статьи, в соответствии с ранними летописями, сообщается, что к Батью ездил отец Александра Ярослав). Под 6753 г. в С I и под 6754 г. в Н I мл. и., НК — Н IV — Н V приводится известие Н I ст. и. о войне Александра с Литвой. Но в Н I мл. и. известно этому предшествовало известие из Жития о поездке Александра в Орду; в НК — Н IV — Н V оно сокращено до лаконичной фразы, явно примыкающей к анахронистической статье 6750 г.: «Езди Александр второе к Батью». В С I статья 6754 г. наиболее обширна, и если считать, что именно она отражает текст НСС, то становится понятным новое осмысление этой поездки в своде, где впервые было дано развернутое изложение темы борьбы с Ордой. Постоянные сношения Ярослава и Александра с ханами требовали теперь оправдания: в С I разъяснялось, что «по первом взятии Батьева великий князь Ярослав Всеволодич обнови землю Суждальску, церкви оцистив от трупия мертвых <...> многи пришельцы утешив <...>. Поганым же силу деюци над крестьяны, того ради сам себе не пощаде и иде в Орду, в великую пагубную землю татарскую. Обажен бо бысть Феодором Яруновичем царю. И многие дни претерпев <...> преставился <...> нужною смертию...». Известие об оклеветании Ярослава неким Федором Яруновичем появилось здесь в летописании впервые — в XIII в. о насильственной смерти Ярослава сообщал лишь итальянский автор Плано Карпини. Далее писалось о поездках Александра: «Тако же и сын его, велики князь Александр, не оста пути отца своего, посылая царю в Орду за люди своя, еже пленени быша от безбожных татар...». После этого в С I, как и в Н I мл. и., следовал житийный текст о поездке Александра к Батью и о страхе перед ним «моавитьских жен». Под 6758 г. в НСС было помещено известие о возвращении Александра из Орды, заимствованное из Н I ст. и. Но далее сведчику предстояло рассказать, при каких обстоятельствах Александр стал великим князем владимирским. В Лавр., как мы знаем, рассказывалось (под 6760 г.), как Александр поехал в Орду и получил «старейшинство во всей братии его», как брат его Андрей не захотел «цесарем служити» и подвергся нападению татар, а Александр поехал во

Владимир. В Житии сообщалось, что Батый «разгневался на Андрея» и послал Неврюя. Но в глазах составителя НСС сотрудничество с «цесарем» было уже не обязанностью князей, а, скорее, пороком, и статью о нашествии Неврюя он начинал уже без всякого упоминания об Александре. НСС повествовал, что в 6759 г. «приде Неврюй и Котья и Олабуга храбрый на землю Суждальскую <...> на великаго князя Андрея Ярославича» (только здесь впервые упоминалось, что Андрей был великим князем владимирским). Далее приводился ряд подробностей прихода татар и их победы: «Гневом бь Божиим за умножение грехов наших поганьми побежени быша»; Андрей бежал в Новгород, оттуда в Псков, в Кольвань и в Свейскую землю и там «на рати убиен бысть от немецъ. Безбожнии же татарове <...> възратишеся в землю свою». После этого рассказа, восходящего к неизвестному источнику и противоречащего более раннему летописанию (где не упоминалась смерть Андрея «от немецъ»), в С I следует текст из Жития о том, как «по пленении же Неврюеве» Александр «церкви совьздвигнув и град людий исполни», и об отказе Александра папским послам.

В С I старшей редакции статья 6759 г. имеет еще завершение: «Того же лета преставление великаго князя Александра, напреди чти преставление великаго князя Александра» и далее следует текст из Жития «О, горе тебе...» и о чуде после смерти князя (в С I младшей редакции такого завершения здесь нет). В Н I мл. и. рассказ об Андрее значительно короче, чем в С I, — говорится лишь о приходе Неврюя, бегстве Андрея «в Свискую землю, и убиша и». Но текст из Жития, включая рассказ о смерти Александра (без заголовка «Того же лета...»), читается и здесь. В НК — Н IV — Н V статья эта (она помещена под 6760 г.) совсем сокращена — осталось лишь упоминание о Неврюе и смерти Андрея — «и убиша его чюдъ». Отсутствие известия о смерти Александра в НК — Н IV — Н V и в младшей редакции С I устраняло явную хронологическую путаницу С I старшей редакции и Н I мл. и.: о смерти Александра в них сообщалось еще раз под 6770 (С I ст. ред.) и 6771 (Н I мл. и.) гг. Но наличие этой дублировки и в С I, и в Н I мл. и. дает основание предполагать, что она присутствовала и в НСС, а в С I мл. ред. и НК — Н IV — Н V была устранена как противоречащая дальнейшему тексту. Под 6763 гг. в С I, Н I мл. и., Н IV — Н V читается известие Н I ст. и. о споре Александра с новгородцами из-за того, кто будет там князем, о походе Александра на Новгород и спорах между новгородцами, о «совете злом» «вятших» против «меньших» (С I ст. ред., Н I мл. и. и Н IV — Н V в этом случае следуют тексту Н I ст. и.; но в С I мл. ред. — «совет благ»), о готовности «меньших» стать «за правду Новгородскую» и об утверждении власти Александра над Новгородом. Под 6764 г. НСС сообщается о походе Александра на Емь и о посадении в Новгороде Василия; под 6765 г. — о расправе Александра над новгородцами, восставшими против «числа»; под 6767 г. — о «раздвоении» в Новгороде из-за «числа» и помощи Александра татарам. Но под 6770 г. НСС обращается к другому источнику — к Лавр. (или Тр.), заимствуя из него рассказ о восстании против татар в Ростовской земле. В С I рассказ этот передан наиболее подробно — отмечается еще один, кроме названных в Лавр., город, где было восстание, — Переяславль; более подробно описана казнь изменника Зосимы; завершается рассказ словами: «И полком посланным бывшим пленити християны...»; далее следует текст из Жития о том, что Александр хотел пойти в Орду, «дабы отмолит людей от бед», и послал своего брата и сына на «западные страны»; далее следует известие Н I ст. и. о походе в Орду, пребывании там, болезни и смерти (в С I мл. ред. здесь помещена концовка: «О, горе тебе...»). В Н I мл. и. рассказа о восстании нет, но в НК — Н IV — Н V он читается, хотя и в сокращенном виде, и

это дает основание предполагать, что в С I он восходит к НСС. Смерть Александра отнесена в Н I мл. и. к 6771 г.; в НК — Н IV — Н V — к 6772 г.

Следующим этапом в летописной традиции об Александре Невском стал общерусский свод 1471 г., легший в основу Никаноровской (далее: Нкр) и Вологодско-Пермской (далее: ВП) летописей.²² Отличительной особенностью этого свода было сокращение и переделка тех статей, которые были заимствованы в НСС из новгородского летописания и потому неприемлемы для великокняжеского летописца. Своеобразной была и композиция этого свода: хронологический порядок изложения был нарушен здесь тем, что ряд статей помещался в начале летописи (так они расположены в древнейшем Лондонском списке ВП — в Нкр эти начальные статьи отсутствуют). В числе этих статей была и статья «Преставление <...> великаго князя Александра Ярославича».²³

Статья 6748 г. (Нкр; в ВП — 6749 г.) «О велицем князе Александре» была, как и в НСС, основана на житийном рассказе о Невском побоище, но упоминание об убитых новгородцах опущено; переделаны были и ключевые известия новгородского происхождения: вместо ссоры («роспревся») с новгородцами и присылки Андрея и Александра дана такая концовка: «...князь Александр Ярославич взложи на них нелюбие и отыде в свой град Переславль. И в то время наиде на Новгород Литва, Немци и Чюдь и поимаша <...> кони; не на чем бяше орати. Новгородцы же послаша с челобитьем к великому князю Ярославу Всеволодовичю <...> И вдаст им опять князя Александра Ярославича». В статье 6749 г. было опущено упоминание, что Александр был «милостив паче меры», и о том, что Александр, скорбя «за кровь христианскую», прииде к Новгороду и поклонися святой Софии...». В статье 6750 г. о Ледовом побоище сохранен контаминированный текст НСС, но нет предостережения псковичам («о, неведгасы псковичи») и обращение немцев с предложением о мире (восходящее в НСС к Н I ст. и.) заменено «поклоном ко псковичем» и примирением с ними. Статья 6754 г. воспроизводит текст С I с описанием обновления Ярославом Суздальской земли, его «нужной» смерти и поездок Александра в Орду. Статья 6759 г. о нашествии Неврюя воспроизводит соответствующую статью С I, сокращен лишь текст ответа Александра папским послам. В статьях 6763 г. в соответствии с общими тенденциями свода 1471 г. переделаны все формулы НСС, относящиеся к взаимоотношениям Новгорода с князьями: вместо «выведоша новгородци из Пскова Ярослава Ярославича и посадиша в Новгороде на стол» — «выеде князь Ярослав Ярославич <...> И биша ему челом новгородци»; в описании споров в Новгороде совет «вятиших» против «менших» охарактеризован, вслед за С I мл. ред., как «совет благ»; опущено упоминание о стремлении «менших» «стать за правду новгородскую»; подробный рассказ о колебаниях новгородцев сокращен и завершен краткой формулой: «И добиша челом новгородци князю». Статья 6765 г. воспроизводит соответствующую статью С I, но статья 6767 г. о помощи Александра татарам при проведении «числа»

²² ПСРЛ М Л, 1959 Т 26 С 77—90, М, Л, 1962 Т 27 С 42—49

²³ Ср. Буганов В. И. О списках Вологодско-Пермского свода конца XV—начала XVI в // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран М 1963 С 159—160. Сходны с ВП были и статьи об Александре Невском в Музейном летописце (РГБ, ф 178, № 3271), где «Сказание об Александре Невском» и примыкающие к нему летописные статьи 6748—6753 гг. были помещены во вводной части, а известия 6754—6759 гг. — в основном летописном тексте (ср. Кудрявцев И. М. Сборник последней четверти XV - начала XVI в. из Музейного собрания // Зап. Отдела рукописей Государственной библиотеки им. Ленина М, 1962 Вып. 25 С. 228).

перенесена на 6766 г. и упоминание о позиции «болших» оборвано («а кто не хошет...»). Сокращена в Нкр — ВП и статья 6769 (в С I 6770) г. о восстании в городах против татар, упоминается только убийство «Изо-симы преступника» и намерение Александра идти в Орду, чтобы умолить «людей от беды», и поход «на Западные страны», пребывание Александра в Орде, недуг и смерть. Статья 6771 г. о «преставлении великого князя Александра» помещена, как мы уже знаем, в древнейшем списке ВП вне основного летописного рассказа (в Нкр отсутствует) и лишь в более поздних списках введена в текст.

Свод 1471 г., отразившийся в Нкр — ВП, можно считать памятником великокняжеского летописания. Следующим этапом в истории этого летописания был Московский свод 1480 г. (далее: Моск.). А. Н. Насонов установил, что в основе Моск. лежал свод, отразившийся также с рядом сокращений в Ермолинской летописи (далее: Ерм.).²⁴ Он склонен был определять его как общерусский митрополичий свод Феодосия—Филиппа (1464—1472),²⁵ но представляется, что памятник был скорее светским (великокняжеским) сводом и уже использовал свод 1471 г. в качестве одного из своих источников. Условно назовем его Московско-Софийским сводом (далее: МСС). Наряду со сводом 1471 г. при составлении МСС вновь привлекались НСС и Лавр.—Тр.; использовались и другие источники. Это видно из известий МСС об Александре Невском. Известия об Александре Невском даны в МСС в общем полнее, чем во всех предшествующих сводах; здесь опущено лишь начало рассказа 6749 г., взятое из Жития, и повествование начинается непосредственно с заголовка «О Невском побоище». Но под 6755 г., после известия о поездке Александра к Батью, в Моск. и Ерм. читается особый рассказ об убиении Батя в Уграх. Рассказ этот, неизвестный предшествующему летописанию, был, по предположению ряда авторов, составлен сербским агиографом Пахоимом Логофетом, трудившимся на Руси в середине и конце XV в. (до 1484 г.).²⁶ Помещение этого рассказа, в котором Батый выступил уже не в роли «цесаря», а в качестве «злочестивого» и «злоименитого мучителя», отражало новый этап в восприятии событий прошлого. МСС составляется, видимо, незадолго до «стояния на Угре», знаменовавшего падение татарского ига, во время покорения Новгорода в 1478 г. Из свода 1471 г. в МСС, как можно полагать, было включено известие о том, что в 6749 г. (после Невской битвы) Литва, Немцы и Чудь захватили новгородских коней и не на чем было пахать (есть и в Моск. и в Ерм.); после рассказа о походе Неврюя в 6760 г. в Моск.—Ерм., как и в Нкр—ВП (там 6759 г.), опущен ответ Александра папским послам. Но тщательное исключение упоминаний о прежних новгородских вольностях было составителю НСС, в отличие от свода 1471 г., уже не нужно; под 6748 г. читалось известие о том, как Александр «роспревся с новгородци»; под 6751 г. было восстановлено предостережение псковичам (так в Моск.; в Ерм. текст сокращен) и упоминание о том, что немцы обратились с поклоном в Новгород (а не в Псков, как в Нкр—ВП); под 6763 г. восстановлено: «выведоша <...> Ярослава Ярославича и посадища в Новгороде», но совет «вьящих» был, как и в Нкр—ВП, охарактеризован как «совет благ» (так в Моск.; в Ерм. статья сокращена). Текст известий об Александре, как и другие тексты МСС, был пополнен по Лавр.—Тр. В конце статьи 6753 г.

²⁴ ПСРЛ. М.; Л., 1949 Т. 25 С. 132—145 (в печатном издании опубликована редакция Моск., доведенная до 7000 г., текст редакции 1480 г. см. РНБ, Эрм., 4165, л. 193—208 об.) Ерм. — ПСРЛ СПб., 1910 Т. 23 С. 78—86.

²⁵ Насонов А. Н. История русского летописания XI—нач. XVIII в. С. 260—274.

²⁶ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М. 1871 С. 147, ср. Насонов А. Н. История русского летописания XI—нач. XVIII в. С. 272.

было добавлено из Лавр. известие о поездке Ярослава с сыновьями в «Орду к Батыеву». Под 6757 г. было восстановлено известие Лавр. о том, что Александр получил «от Канович» Киев и всю Русскую землю, а Андрей — Владимир. В начале статьи 6760 г. сообщалось о походе Александра в Орду к царю Сартаку, но известие Лавр. о том, что Александр получил «старейшинство во всей братии его», как и следовавшее за этим сообщение о нежелании Андрея служить «царем», опущено. В соответствии с Лавр. отсутствует в МСС и легендарное известие НСС и Нкр — ВП об убийстве Андрея «от Немець». Рассказав о возвращении Александра из Орды после нашествия Неврюя, летописец добавляет: «И тако от злобления поганых утешилися людие». Под 6767 г. известие о споре в Новгороде стало более осмысленным, чем в своде 1471 г.: «большие веляху меншим ятися по число, а они не хотяху». Под 6770 г. содержится подробный рассказ из НСС о восстании против татар (в Ерм. он сокращен), но известия НСС о попытке татарских полков «пленити христианы» здесь нет.

Известия об Александре Невском, содержащиеся в МСС, были воспроизведены рядом более поздних летописей. В Симеоновской летописи (далее: Сим.)²⁷ текст 6749 («О Невском побоище») — 6755 гг. заимствован из Моск. (конец 6754 и начало 6755 г. в рукописи Сим. пропущено), текст 6757 — 6771 гг. совпадает с Лавр. и, очевидно, восходит к Тр. (своду 1408 г.). К Тр., возможно, восходит и некрологическая статья об Александре 6771 г. («много мужество показав на ратех и за христианы с погаными татары перебогался»). В Типографской летописи,²⁸ отражавшей ростовский владычный свод 80-х гг. XV в., читаются в сокращенном виде статьи Моск. за 6749 (в Моск. 6746), 6750, 6760, 6770, 6771 гг.; рассказ об убиении Батыея в 6755 г. был воспроизведен полностью. Воскресенская летопись XVI в.²⁹ в основном следовала Моск.; лишь в статье 6749 г., в отличие от Моск., дано начало житийного рассказа об Александре. Полностью воспроизведен текст Ерм. об Александре во Львовской летописи:³⁰ единственным отступлением от Ерм. оказывается здесь вставка в конце статьи 6767 г. известия (из Лавр. или МАк) о приезде Александра в Ростов из Новгорода и о встрече его епископом Кириллом и родичами. Вполне идентичен тексту Ерм. соответствующий текст «Летописца от 72-х язык» (Прилуцкой и Уваровской летописи).³¹

В Сокращенных сводах (далее: СС) конца XV в.³² содержится лишь несколько кратчайших известий об Александре: 6750 — «...Александр Ярославич немцев поби»; 6760 — «...приде Неврюй <...> и прогна князя Андрея Суждалского за море...», 6770 — «...вече бысть на бесермены по всем градам рускым...», 6771 — «...преставися <...> Александр Ярославич в чернецах». В Устюжской летописи XVI в. (далее: Уст.),³³ восходящей к той же традиции, что и СС, сохранилось лишь известие 6760 г. о походе Неврюя и добавлено несколько странное сообщение под 6767 г.: «Князь Александр Васильевич (!) из Новгорода на великое княжение», представляющее собой явно искаженный текст известия МАк и «Летописца русского» о бегстве Александра Невского из Новгорода во Владимир. Но статья 6770 г. о «вече на бесермены» была в Уст. значительно расширена. Здесь сообщалось, что «приде на Устюг грамота Александра Ярославича, что татар бити» и дальше приводилась история татарского ясащика Буги, спасенного русской де-

²⁷ ПСРЛ СПб, 1913 Т 18 С 61 72

²⁸ ПСРЛ Пг 1921 Т 24 С 95-99

²⁹ ПСРЛ СПб, 1856 Т 7 С 146-164

³⁰ ПСРЛ СПб, 1910 Т 20 С 159 165

³¹ ПСРЛ М, Л, 1963 Т 28 С 54-58, 212-217

³² ПСРЛ Т 27 С 235 и 320-321

³³ ПСРЛ Л, 1982 Т 37 С 30 и 70

вушкой Марией от расправы, крестившегося и удостоившегося во сне видения «Иванна Предтечи», повелевшего ему поставить храм. Фольклорный характер этого сказания очевиден.³⁴

Своеобразная компиляция из житийных текстов об Александре и известий С I и Моск.—Ерм. читается в Тверском сборнике XVI в.³⁵

Наиболее характерны для летописной традиции XVI в. были те дополнения к известиям об Александре, которые обнаруживаются в Никоновской летописи (далее: Ник.).³⁶ Рассказ об Александре в Ник. представляет собой своеобразную композицию из известий великокняжеского летописания типа Моск., из Сим. и из Н V, с небольшими дополнениями, принадлежащими самому составителю Ник. или заимствованными из других источников. Значительная часть этих известий совпадает и с Сим., и с Моск. (6749, 6750, 6751, 6754, 6755, 6756, 6757), но некоторые сходны только с Моск. (поход Неврюя в 6760, 6763, известие 6766 г. о приходе Александра в Новгород и бегство Василия в Псков — в Моск. 6765 г., 6771), некоторые — только с Тр.—Сим. (болезнь Александра в 6759 г., 6764, 6765, 6766 — начало, 6767 — частью из статьи 6785 г. Сим., 6770 — основная часть статьи без дополнений). Известие о столкновении татар с уграми в 6749 г. восходит, очевидно, к Тр., но не сохранилось в Сим. и обнаруживается во Владимирском летописце; из сходного источника заимствовано, очевидно, известие о походе Батая на западные Угры в 6755 г., отсутствующее в других летописях. Из Н V, очевидно, заимствовано известие 6766 г. о новгородских делах.

Но наибольший интерес представляют, конечно, известия Ник., имеющие отчетливо идеологический смысл. Деликатная тема роли Александра в походе татар на Андрея в 6760 г. обрела в Ник. благообразие благодаря включенному в рассказ обращению Андрея к брату: «Господи! что се есть, доколе нам меж собою браниться и наводити друг на друга татар, лутчи ми есть бежати в чьюю землю, неже дружитися и служити татарам». Рассказ 6766 г. о расправе Александра над новгородцами, восставшими против татарских «численников», дополнен неожиданным заключением: «...и тако численников татарских укроти и усмири». Иной смысл получила и история восстания против татар в 6770 г.: «Того же лета съвет бысть на татарове по всем градом Руским, ихже посажи властелей царь Батый по всем градам Руским, и по убиении Батыеве сын его Сартак и по сем инии. Князи же Русстии, согласившися меж собою, и изгнаша татар из градов своих <...> И тако князи Русстии изгнаша татар, а иных избяша, а инии от них крестяшася во имя Отца и Сына и Святаго Духа». В отличие от провинциального составителя Уст., дополнившего летописный рассказ о «вече на бесермень» местной легендой о грамоте Александра Невского, редактор официального свода 30-х гг. XVI в. не стал ссылаться на эту грамоту; обошелся он и без упоминания о вече, а инициативу в борьбе с татарами приписал коллективной воле «князей Русстиих».

И наконец, последнюю летописную версию повествования об Александре Невском предложила Степная книга 60-х гг. XVI в.³⁷ (далее: Ст. кн.), с

³⁴ Ср. Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.) 2-е изд. СПб., 1882 Стб. 123, Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200—1304 М., 1989 С. 161 Дж. Феннел противопоставлял свой вывод мнению А. Н. Насонова, высказанному в его ранней работе (Насонов А. Н. Монголы и Русь М., Л., 1940 С. 52) о достоверности этого известия, отметим, что в более позднем труде (Насонов А. Н. История русского летописания С. 346—351) Насонов к этому предположению не возвращался.

³⁵ ПСРЛ СПб., 1863 Т. 15 Стб. 375—403 С. Моск.—Ерм. текст Тверского сборника сближает текст «Об убиении Батыеве» 6754 г., в статье 6760 г. текст Ерм. перемежается с текстом С I (убийство Андрея в Свейской земле, ответ папским послан), под 6770 г. читается текст которого нет в Ерм. (восстание в Ростовской земле).

³⁶ ПСРЛ СПб., 1885 Т. 10 С. 118—143 (Фототип воспроизведение — М., 1965)

³⁷ ПСРЛ СПб. 1908 Т. 21 первая половина С. 279 295

наибольшей смелостью переделывавшая историю Руси на всем ее протяжении. Восьмая степень книги именовалась Житием и по форме больше всего приближалась к Житию, но обильно дополняла его переделанными летописными известиями из Ник. Непокорство Андрея Ярославича, повлекшее «пленение Неврюево», было объяснено здесь тем, что Андрей, «аще и преудобрен бе благородием и храбростью, но обаче правлением державы яко поделие вменяя и на ловитвы животных упражняся и советником младомным внимая, от них же бысть многое зело нестроение...». История новгородских выступлений против татар и восстания в Суздальской земле была объединена в единую статью «О утолении мятежа...»: «Потом же дважды бысть в Великом Новеграде, в нем же бысть мног мятеж и велика вражда не токмо от безбожных татарских посланников, но и от междоусобных злейших крамольников». Рассказ о наказании этих крамольников был смягчен: Александр велел их «по градскому закону судити и по делом их воздаги им». Но восстание в городах зато было прочно связано с князьями и лично с Александром: «И того ради тогда великий князь Александр и прочии князи Русьтии изгнаша бесерменен татар, а иных избиша, а инии от них крестишася...». Характеристика Андрея Ярославича как князя, склонного к «ловитвам животных», и некоторые другие дополнения Ст. кн. к рассказу об Александре Невском были воспроизведены и в особой редакции Ник.—Лицевом своде второй половины XVI в.³⁸

Вопрос об источниковедческом значении летописной традиции об Александре Невском выходит за рамки данной статьи. Необходимо отметить только опасность широко распространенной практики использования житийный сказаний, проникших в летописание, в мнимом «реалистическом» духе, когда видение Пелгусия превращается в его «разведку», из участия в которой исключаются святые Борис и Глеб, а избиение противников на другом берегу Ижоры приписывается не ангелам Божиим, а дружественным ижорцам. Столь же опасно и привлечение известий из летописей XVI в., противоречащих более ранним источникам и имеющих явно тенденциозный характер. Но это уже — тема другой работы.

³⁸ ПСРЛ. Т. 10. С. 119—139 (правые колонки).

Е. НАКАМУРА

Японец в Московии. Возможный источник легенды о Беловодье?

О первом попавшем в Россию японце, носившем христианское имя Николай, не существует никаких сведений на японском языке, а заслуживающих доверия исторических материалов о нем на русском языке ничтожно мало.¹

Наиболее подробные данные о Николае содержатся в «Жизнеописаниях великомучеников японских», изданных падре Н. Триго в Мюнхене в 1623 г., спустя 12 лет после трагической гибели Николая. С тех пор и поныне имя этого японского христианина нередко можно встретить в католической литературе.² Для различных католических повествований о великомучениках характерно, что в части, посвященной описанию событий, происшедших в России с японцем Николаем и монахом-августинцем Николаем Мело, которого он сопровождал, они основываются, главным образом, на информации, предоставленной монахом-кармелитом Иоганном Тадеушем, познакомившимся с Мело в России.

Неизвестно, когда родился японец Николай, каково было его подлинное имя, какого он был происхождения. Из католических источников следует только, что в детстве он вместе с родителями переправился из Японии на Филиппины, в Манилу, был там крещен, а в 1594 г. принял постриг, вступив в орден августинцев.

В истории Японии столетие, предшествовавшее принятию политики самоизоляции, выделяется активным проникновением японцев в различные районы Юго-Восточной Азии. Первоначально часть японцев занималась пиратством, и их боялись, но вскоре пиратов сменили мирные переселенцы из разных уголков Японии. На Тайване, Филиппинах, в Индокитае, Таиланде, Индонезии возникли японские поселения. Некоторые японские историки предполагают, что к концу XVI в. численность японцев, осевших на жительство в Юго-Восточной Азии, составляла от 7 до 10 тысяч человек.

¹ По этой теме мною были написаны две статьи на японском и английском языках в 1980 и 1981 гг соответственно. Данная статья основана на новом понимании вопроса, сложившемся в результате последующих исследований.

² Trigault N. De Christianis apud Iaponios Triumphis Munchen, 1623 P. 288—292. Помимо этого следует упомянуть такие работы Sicardo J. Christianidad del Japon, y dilatada persecucion. Madrid 1698, Castro A. Misioneros Augustinos en el Extremo Oriente 1565—1780 Madrid, 1954 (сама книга написана в 1780 г.) Недавно опубликованы Hartmann A. Father Nicolas Melo and Brother Nicolas of St. Augustine, Martyrs, OESA. Heverle-Louvain, 1959, Cieslik H. Сэкай во аруйта кириситан» (Ранние японские христиане, путешествующие по всему миру) Токио 1971. На яп. языке.

Японская колония в пригороде Манилы Дилао считалась одной из самых больших. В 1593 г. там жило 300 человек, через два года — 1000 человек, а к 1622 г. ее население достигло 3000 жителей.³

Духовником, а вместе с тем и крестным отцом японца Николая был португалец Николай Мело. Он родился в 1550 г., по-видимому, в Бельмонте и в молодости отправился на новый континент, в Америку. Мело, принявший постриг в августинском монастыре в Мексике в 1578 г., пересек в 1582 г. Тихий океан и начал миссионерскую деятельность на Филиппинах. Вскоре в его обязанности вошло руководство послушниками в монастыре в Маниле. Здесь и произошла его встреча с молодым японцем. В 1596 г. местная конгрегация ордена августинцев избрала Н. Мело своим представителем на открывавшийся в Риме капитул ордена. Тогда же было принято решение о том, что японец Николай будет сопровождать Мело в поездке.

В следующем году они, покинув Манилу на португальском судне, через Макао и Малакку прибыли в индийский порт Гоа. Все эти города в то время принадлежали Португалии. По прибытии в Гоа путники узнали, что в этом году уже не будет кораблей, следующих в Европу. Чтобы не опоздать на капитул, они решили добраться морем до Ормузского пролива, а оттуда по суше двигаться через Персию. Однако в Ормузе случилось нечто непредвиденное, и два путешественника исчезают на время из нашего поля зрения. Мы обнаруживаем их снова через два года при дворе шаха Аббаса Великого в его столице Исфахане.

Весной 1600 г. шах вынашивал план направить в Европу посольство для заключения союза против общего врага — Османской Турции. Главой посольства был назначен Хуссейн Алибек, а в роли его помощника выступал англичанин Антони Шерлей. А. Шерлей, аристократ и любитель приключений, выпускник Оксфорда, вместе со своим младшим братом Робертом годом ранее поступил к шаху на службу в качестве военного советника. В хронике,⁴ описывающей полную превратностей судьбу братьев Шерлей, Н. Мело представлен довольно жалкой фигурой. Согласно Джорджу Манверингу, автору хроники, служившему под началом у А. Шерлея, Мело, получивший аудиенцию по протекции английского аристократа, в разговоре на религиозную тему был высмеян шахом. Здесь мы, наверное, должны привлечь во внимание ожесточенную конфронтацию католицизма с англиканской церковью в этот период.

Персидское посольство отправилось в путь в начале лета 1600 г., избрав маршрут через Каспийское море и далее по Волге. К посольству присоединился Мело со своим спутником, получивший от шаха послания к папе Клименту VIII и королю Испании Филиппу III. Пока корабль с посольством поднимался вверх по течению Волги, неприязнь и вражда между католическим миссионером и английским аристократом постепенно усилилась. Ни в хронике Д. Манверинга, ни в записях Урукбека,⁵ сопровождавшего Алибека и принявшего в Испании христианство под именем дон Хуана де Персия, ни разу не упоминается японец, состоявший при Мело.

³ Ивао С. Нанье нихонмати но кэнкю (Изучение о японских городах в Южных морях) Токио, 1940 С. 215 и след. На яп. яз.

⁴ The Three Brothers, or the Travels and Adventures of Sir Anthony, Sir Robert and Sir Thomas Sherley in Persia, Russia Turkey etc London, 1825 P. 95 ff.

⁵ Испанское заглавие этой книги *Relaciones de Don Juan de Persia Dirigidas a la Magestad Catholica de Don Philippe III Rey de las Espanas, y senior nuestro Dividadas en tres libros, donde se tratan las cosas notables de Persia, la genealogia de sus Reyes, guerras de Persianos, Turcos, y Tartaros, y las que vido en el viaje que hizo a Espana y su conuersion, y la de otros dos Caualleros Persianos 1604* Часть этой книги переведена на русский язык С. И. Соколовым Из рассказов дон Хуана Персидского Путешествие персидского посольства чрез Россию от Астрахани до Архангельска в 1599—1600 гг // ЧОИДР 1899 Кн. 1

В Москву посольство прибыло поздней осенью. Мело и японец Николай остановились в доме придворного врача Бориса Годунова — миланца Паоло Цитадини. Его дом располагался внутри Кремля. Как раз в это время у Цитадини родилась дочь, и Мело крестил ребенка по католическому обряду. В «Жизнеописаниях великомучеников» Триго принята версия, что этот факт обнаружился по доносу Шерлея. С другой стороны, историк-иезуит П. Пирлинг полагает, что сначала об этом узнали английские купцы, имевшие свой торговый двор в Москве, и затем через Шерлея сообщили властям.⁶ В России того времени совершение католических таинств категорически запрещалось.

Дом Цитадини подвергся обыску, и письма шаха к папе римскому и испанскому королю были обнаружены. Как совершивший двойное преступление — и церковное, и политическое — Мело вместе с японцем Николаем был сослан по велению царя в Соловецкий монастырь на Белое море. По словам П. Пирлинга, основанным на сообщении С. Ф. Платонова, рукописный документ «О присылке в монастырь, под начал гишпанской земли чернеца Николая с человеком его», свидетельствующий о том, что монастырь на самом деле принял двух заключенных, ранее хранился в «Соловецком сборнике» Казанской семинарии.⁷

Несомненно, что Николай был первым заключенным-японцем в Соловецком монастыре. А спустя 300 с лишним лет Д. С. Лихачеву довелось встретиться в Соловецкой тюрьме с одним самураем, т. е. с последним японцем, туда попавшим.⁸

Весть о несчастье, постигшем о. Н. Мело и брата Николая, в скором времени дошла до Рима. В 1604 г. папский нунций в Кракове Рангони пытался воздействовать на польское правительство с тем, чтобы оно потребовало у России освобождения пленников, но, конечно, безрезультатно.

Как и можно было ожидать, с приходом к власти Лжедмитрия последовал указ об освобождении двух католиков из заключения. Но когда они, освободившись, прибыли в Москву в мае 1606 г., Лжедмитрия уже свергли, и на престоле воцарился Василий Шуйский. Н. Мело и японец Николай вновь принуждены были отправиться в ссылку, на этот раз в Ростов, в Борисоглебский монастырь.

Приблизительно в это же время группа поляков, включавшая жену самозванца, Марину, и ее отца, Е. Мнишека, находилась в ссылке в Ярославле. Они несколько раз обменивались с Мело письмами. Из этого обстоятельства видно, что утверждение католических источников о том, что Мело и японец Николай, закованные в ручные и ножные кандалы, содержались в монастырской темнице, не обязательно достоверно. В документе, известном под названием «Дневники Марины», где приводятся цитаты из этих писем, спутник Мело ошибочно представлен как «молодой индиец знатной и богатой фамилии».⁹

В период между 1608 г., когда прекратилась переписка Мело с поляками, и 1610 г., когда двух заключенных переслали в Нижний Новгород, политическая обстановка в России головокружительно менялась. Марина вышла замуж за второго самозванца, и их единомышленники одно время усилились, создав ставку в Тушино. Оттуда отступили к Калуге, а затем,

⁶ Пирлинг П. Исторические статьи и заметки СПб., 1913 С. 73

⁷ Там же С. 74 Поскольку в 1580 г. Португалия была присоединена Испанией нет ничего удивительного в том, что Мело назван «гишпанским монахом»

⁸ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет Л., 1989 С. 100

⁹ Устрялов Н. Сказания современников о Дмитрии Самозванце СПб., 1859 Ч. 2 С. 190

воспользовавшись изменившейся военной ситуацией, вновь угрожали Москве. Царь Василий Шуйский был сведен с престола, а в 1610 г. польские войска заняли Москву. Часть дворянства высказалась за избрание царем польского королевича Владислава.

Как хорошо известно, народное ополчение под руководством Кузмы Минина создается в Нижнем Новгороде осенью 1611 г. 30 ноября этого года в том же городе был обезглавлен японец Николай. В католической литературе причина мученической смерти Николая сводится исключительно к его отказу перейти из католичества в православие, и совершенно не упоминается специфический социальный фон Смутного времени. В ней превозносится смелость, с которой он достойно встретил смерть, не сломленный всяческими запугиваниями, и его абсолютная преданность католической вере. Однако нам, вероятно, необходимо также принять во внимание и небывалый подъем в то время среди народа антипольских, антикатолических настроений. Можно сказать, что в известном смысле японец Николай стал жертвой несчастливой для него переплетения исторических обстоятельств.

Мело каким-то образом удалось выжить и даже присоединиться к Марине Мнишек и ее сторонникам. Но в 1614 г. или же в начале 1615 г. он был пленен правительственными войсками вновь основанной российской династии, последовал за Мариной и был предан казни сожжением на костре на острове в нижнем течении Яика.

Обдумав в целом все факты, я не могу согласиться с мнением С. Н. Маркова, который рассматривал Мело и японца Николая едва ли не как шпионов и характеризовал их как «недобрых гостей Московии».¹⁰

К. Е. Черевко делает предположение, что пребывание японца Николая на Соловках могло сыграть определенную роль в возникновении легенды о Беловодье, распространившейся впоследствии среди старообрядцев.¹¹ Однако, так как Николай покинул Японию вместе с родителями младенцем и вырос на Филиппинах, сомнительно, что у него было достаточно знаний о Японии. Представляется, что, скорее, вероятно возможность того, что на зарождение предания о Беловодье оказали более или менее очевидное влияние описания Японии, содержащиеся в работе по географии «Космография 1670. Книга, глаголемая Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих»,¹² переписанной в Холмогорском монастыре на севере России. Это был перевод с латинского подлинника. Там говорилось, что в Японии добывается много золота и серебра, выращивается «сорочинское пшено», т. е. рис, бывают землетрясения.¹³ Даже если «Космография 1670» и не являлась единственным источником сказания о Беловодье, она, очевидно, была одним из них.

¹⁰ Марков С. Земной круг М, 1966 С. 329

¹¹ Черевко К. Е. Как проникли первые сведения о Японии в Россию первые известия о Японии в России // Проблемы Дальнего Востока 1977 № 1 С. 146 На яп. яз. Есть превосходное исследование на тему о легенде о Беловодье Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды 17—19 вв. М., 1967

¹² Эта книга была опубликована в СПб в 1879—1881 гг.

¹³ Космография 1670 С. 379—389

Б. А. УСПЕНСКИЙ

Свадьба Лжедмитрия

В русской истории, столь богатой невероятными событиями и удивительными людьми, трудно найти фигуру более фантастическую, чем Лжедмитрий. Кажется, что мы имеем дело не с историческим деятелем, а с литературным героем: он словно сошел со страниц плутовского романа (или же — при ином прочтении — авантюрной новеллы). Необходимо подчеркнуть, что сходное впечатление производил Лжедмитрий и на своих современников: когда он появился в Польше и на сейме, где обсуждалась возможность поддержки его притязаний на русский престол, была оглашена его история, один видный представитель сейма — гетман Ян Замойский — заявил: «Помилуй Бог! Это комедия Плавта или Теренция, что ли?» («Prze Bog! Czy to Plauti, czy Terentiuszowa comedia!» — РИБ, 1. Стб. 16). Не случайно уже у современников Лжедмитрия его история становится достоянием литературы, а сам он оказывается литературным персонажем: так, вскоре после смерти Лжедмитрия Лопе де Вега выводит его в пьесе «Великий герцог Московский» («El gran duque de Moscovia», 1617).

Такое восприятие едва ли можно признать случайным: Лжедмитрий должен был вести определенную игру, и вполне естественно, что в своем поведении он — сознательно или бессознательно — подчинялся жанру, актуальному для данной эпохи. Мы живем в сфере некоторого культурного языка, и это определяет наше видение мира: наше мировосприятие, так же как и наше поведение, по необходимости вписывается в эту семиосферу, так или иначе отражая присущие ей свойства и подчиняясь принятым здесь условиям. Взаимоотношения литературы и жизни имеют двусторонний характер: литература может влиять на жизнь подобно тому, как жизнь влияет на литературу.

Игра, которую вел Лжедмитрий, предполагала известные правила поведения: программируя свои действия, он должен был исходить из реакции того общества, с которым он вел диалог, и — более того — в какой-то мере провоцировать ту или иную реакцию. Сложность его игры состояла в том, что он одновременно вел диалог с двумя социумами — русским и польским: он, так сказать, должен был говорить на двух языках, причем иногда ему приходилось это делать одновременно, когда один и тот же текст был рассчитан на две разные аудитории, предполагающие принципиально различное восприятие, — один и тот же текст должен был читаться в этом случае на двух разных семиотических языках, и результаты этого прочтения оказывались кардинально различными (ср. в этой связи: Успенский, 1976).

Иллюстрацией сказанного может служить бракосочетание Лжедмитрия и Марины Мнишек и коронация Марины в Москве 8 мая 1606 г. Рассмотрение того, что при этом произошло, наглядно демонстрирует семиотиче-

ский характер мифотворчества Лжедмитрия; вместе с тем, как мы увидим, детальный анализ этого события позволяет обнаружить мифотворческий характер поведения не только самого Лжедмитрия, но и некоторых других деятелей русской истории.

* * *

Необходимо начать с того, что в определенном смысле Лжедмитрий и Марина к тому времени были уже женаты — именно, они были женаты с точки зрения католической церкви.

Действительно, за полгода до этого, а именно 29 ноября 1605 г. по новому стилю (19 ноября по старому стилю), в Кракове состоялось венчание Лжедмитрия с Мариной Мнишек по католическому обряду, причем Лжедмитрия замещал его посол Афанасий Власьев; обряд венчания совершил кардинал Бернард Мацейевский (см. описание церемониала: РИБ, 1. Стб. 51—72; ср.: Титов, 1906. С. 137—140; другой вариант того же текста: Немцевич, 2. С. 286—292).

С русской точки зрения этот обряд мог считаться обрядом обручения: сам Лжедмитрий в «наказе» своему секретарю Яну Бучинскому, отправляемому в Польшу осенью 1605 г. для переговоров с отцом невесты, говорил не о «венчании», а именно об «обручении» (СГГД, 2. № 105. С. 229). При этом сам факт обручения с послом жениха уже имел прецеденты на Руси; так, в 1494 г. в Москве состоялось обручение княжны Елены Ивановны (дочери Ивана III и Софии Палеолог) и великого князя литовского Александра Ягеллона, особу которого представлял его посол; примечательно, что в церемонии обручения участвовал не первый, а второй посол, по той причине, что первый посол был женат во втором браке (см.: Сб. РИО, 35. № 24. С. 124; Бережков, 1897. С. 9).

Обручение в православной церкви в описываемый период совершалось отдельно от венчания (см.: Никольский, 1907. С. 724—727).¹ Однако в католической церкви к этому времени обряды обручения и венчания уже объединились, и фактически — с формальной точки зрения — был совершен именно обряд венчания. В дошедшем до нас описании данной церемонии, как правило, употребляются выражения «slub» и «malzenstwo» (и при этом говорится о таинстве: «sacramentum»), хотя однажды встречается и слово «sponsalia» (см.: РИБ, 1. Стб. 51 след.; ср. в другой редакции: «sponsalitia» — Немцевич, 2. С. 286). Описание это содержит любопытные семиотические подробности о поведении русского посла (Афанасия Власьева), который должен был замещать жениха и поэтому, с одной стороны, произносил от первого лица слова, полагающиеся произносить жениху («я тебя беру в супруги...»), с другой же стороны, избегал любого физического контакта с невестой, подчеркивая таким образом условный характер своего участия. Так, например, «когда кардинал хотел связать эпитрахилью руки жениха и невесты, то посол послал <...> за чистым платком и хотел обернуть им свою руку и исполнить таким образом этот обряд, а не прикасаться к руке невесты своею голою рукою, но ему не позволили этого сделать, и он должен был дать свою руку от имени своего царя, князя Московского»; автор описания сообщает далее, что, «боясь царя, [посол] остерегался, как бы не дотронуться своею одеждою до ее [Марины] платья» (РИБ, 1. Стб. 58—59, 61, ср. также стб. 63, 65; Немцевич, 2. С. 289, 290, ср. с. 291).

¹ О том значении, которое придавалось обручению в Древней Руси и Византии, см.: Дмитриевский, 1899. С. 130; Бердников, 1888. С. 64; Павлов, 1887. С. 71—74.

По-видимому, он не был готов к венчанию; не исключено, что он опасался обвинения в самозванстве.²

Совершенно так же и в посвященной данному событию поэме «*Poseł moskiewski*» Яна Забчица (или Жабчица) 1605 г. сообщается, что кардинал совершил «*ślub małżenski*» (см.: Забчиц, 1900. С. 40); в аналогичных выражениях оно описывается и в письме Нери Джиральди к великому герцогу тосканскому из Кракова от 3 декабря 1605 г. (по новому стилю) («...è successo che si facciano le nozze della figlia del Palatino di Sandomiria qui nella città <...> Feciesi la cerimonia dell'anello catholica per mano del Sig. Cardinal di Cracovia, et eletto arcivescovo del regno, et l'ambasciator Moscovito a quest'effetto venuto la sposò a nome del suo signore», ср. еще: «In mentre si facevano quelle spedizioni arrivò un mandato all'ambasciator Moscovito con lettere, et ordine que detto ambasciatore dovesse restare a compiere a queste nozze regie per il sue principe» — Чампи, 1827. С. 62, 63, № 5); такого же рода описание мы находим и в анонимном рассказе о Лжедмитрии, опубликованном Бареццо Барецци в 1606 г. («...Legatus Demetrii nomine Ducis sui matrimonium cum Palatini Sandomiriensis filia Maria Anna [sic] celebravit, tradente sponsam in manus Pronubi Illustrissimo ac Reuerendissimo Cardinale Cracoviensi: acta sunt haec 22. Nouemb., secutae deinde nuptiales epulae...») — Барецци, 1847. С. 19 второй пагинации), а также в рукописи ксендза Яна Велевицкого (Муханов, 1871. Прилож., № 44. Стб. 134—135); равным образом и Маржерет называет данную церемонию свадьбой («des nocces» — Маржерет, 1982. С. 111, 198; ср.: Устрялов, 1, С. 259—260).³

Соответственно, если при отправлении в Польшу Яна Бучинского Лжедмитрий говорит об «обручении» (см. выше), то в письме Юрию Мнишку от 22 декабря 1605 г. он говорит уже о состоявшемся бракосочетании: «Z listow WM <...> takze od posłanika tam naszego mamy wiadomosc, ze, z woli Boga dobrotliwego, corka WMci, Jej Msc Panna Marina nam za Cesarzową i małzonkę przez Je^o Mci Xiendza Cardinała poslubiona iest; i ceremoniae wszy[s]tkie, według potrzeby, s przystoimem uszanowaniem nas i Najasnieiszej pianowanej Cesarzowej odprawione są» (СГГД, 2. № 110. С. 237). Равным образом в последующей переписке с Юрием Мнишком он называет Марину супругой («malzonka») (см. там же. № 118, 131, 132. С. 254, 281, 282, ср. № 110. С. 237); ср. письма Мнишка к Лжедмитрию и Станислава Бучинского к Мнишку, где говорится о состоявшейся свадьбе («ślub») (см. там же. № 112, 113. С. 241, 248), а также письмо папы Павла V к Марине от декабря 1605 г., где он поздравляет ее со вступлением в супружество («nuptiae») — Тургенев, 2. № 57. С. 75; Немцевич, 2. С. 297).

Весьма характерен в этом смысле эпизод, о котором рассказывается в так называемом Дневнике Мартина Стадницкого (или, говоря точнее, в компиляции, приписываемой Стадницкому); речь идет о том, как в 1609 г. второй Лжедмитрий — так называемый «Тушинский вор» — отправляет послов к полякам: «В королевском лагере осмеивали войско Димитрия, говоря, что их Димитрий живет вымыслами поэтов; называли Эзопами тех, которые создают воскресшего Дмитрия после убитого и сожженного. У по-

² Афанасий Васильев имел все основания проявлять сугубую осторожность при всей условности его участия в свадебном обряде произносимые им слова имели безусловный — перформативный — смысл В этой связи показательна история насильственного пострижения царя Василия Шуйского в 1610 г., когда Василий Шуйский отказался произносить монашеские обеты, и за него их произносил князь Тюфякин, в результате патриарх Гермоген продолжал считать Шуйского царем, а монахом считал Тюфякина (Соловьев, 4 С. 575)

³ Впрочем, в чешском источнике 1606 г. говорится об «обручении» («zasnaubeny»), см. Францев, 1911 С. 28 Русские повести о смутном времени могут говорить как об «обручении» так и о «женитьбе» Лжедмитрия в Польшу (ср. РИБ, 13 Стб. 737, 822), хотя летопись упоминает об «обручении» (ПСРЛ, 1978 34 С. 209)

слов спрашивали также, венчалась ли Марина, жена первого Димитрия, с теперешним. Послы отвечали: „Зачем венчаться второй раз, когда она в Кракове в присутствии короля принесла клятву в супружеской верности никому, как только этому?“» (Титов, 1906. С. 185). Как видим, совершенный в Кракове обряд понимался именно как бракосочетание.

Таким образом, Лжедмитрий и Марина были в сущности венчаны дважды — по католическому и по православному обряду. В какой-то мере это отвечает традиции межконфессиональных браков. Так, бракосочетание великого князя литовского Александра Ягеллона с княжной Еленой Ивановной в Вильне в 1495 г. было совершено как по православному, так и по католическому обряду (см.: Сб. РИО, 35. № 35. С. 185—186, ср. № 31. С. 162, 168; ПСРЛ, 1994. 39. С. 169; ПСРЛ, 1859. 8. С. 229; ПСРЛ, 1901. 12. С. 239—240; Акты Зап. России, 1. С. 234; ДРВ, 14. С. 2, 9—14, ср. с. 9, 11; Старинные свадебные обряды. С. 440; Бережков, 1897. С. 11, 17, 19—20; Церетели, 1898. С. 134—136; Макарий, 9. С. 85; Пирлинг, 1891. С. 167—168). Точно так же бракосочетание герцога Магнуса Ливонского с княжной Марией Владимировной Старицкой (двоюродной племянницей Ивана IV) в Новгороде в 1573 г. было совершено по православному и по протестантскому обряду (см.: Цветаев, 1890. С. 212—215, 426—427; Соловьев, 4. С. 8); при этом если бракосочетание Александра Ягеллона совершалось в католическом храме, то бракосочетание Магнуса Ливонского было совершено в православной церкви, но жених, как протестант, не был допущен в самую церковь и оставался на паперти: в то время как православный священник венчал в церкви невесту по православному чиноположению, на паперти, где находился жених, пастор совершал над ним лютеранский обряд.⁴ И позднее браки между представителями разных вероисповеданий могли совершаться таким же образом.⁵

В силу сказанного обряд, совершенный в Москве, приобретал принципиально различное значение для польской и для русской стороны.

Поскольку с польской точки зрения Лжедмитрий и Марина были уже мужем и женой, главное значение для польской стороны приобретала коронация Марины — ее венчание на царство, которое сопутствовало ее венчанию с Лжедмитрием (т. е. бракосочетанию).

Для русской же стороны главное значение обряда представляло, несомненно, именно бракосочетание по православному обряду. Знаменательно в этом смысле, что русские сочли необходимым повторить обручение Лжедмитрия и Марины: бракосочетанию в Москве предшествовало их обручение по православному обряду, которое было совершено в тот же день (8 мая 1606 г.) в «столовой избе» дворца. Обряд обручения совершил благовещенский протопоп Феодор; он же совершил затем обряд бракосочетания в Успенском соборе; венчание Марины на царство в том же Успен-

⁴ «А Королю стать в паперти < > и венчать Короля по ево закону, а Княжну по Христианскому закону» (ДРВ, 13 С 102)

⁵ Так, например, по православному и по католическому обряду совершено было бракосочетание цесаревича Константина Павловича с Иоанной Грузинской (будущей княгиней Лович) в королевском замке в Варшаве в 1820 г (см Шильдер, 1 С 132), так же в 1839 г. совершено было и бракосочетание Ф И Тютчева с его второй женой Э Ф Дернберг они были обвенчаны сначала в православной церкви в Берне, а затем в католическом храме в Констанце (см Пигарев и Динесман, 1989 С 204, примеч 1 и 3 к письму № 30, Осповат, 1994 С 115) Ср еще примеры, относящиеся к концу XVIII—началу XIX в Сестренцевич, 3 С 297, 299 325, 327, Соллогуб, 1931 С 256, Снегирев, 1904—1905, 1 С 235 В дополнение к приведенным здесь примерам можно сослаться еще на болгарского царя Бориса III, который был женат на итальянской принцессе Джованне они были венчаны дважды (в 1930 г), сначала по католическому а затем по православному обряду (см Невесель, 1968 С 182) В некоторых случаях венчание смешанных браков в обеих церквях было обязательным правилом именно такой порядок принят был в Великом княжестве Финляндском (см Богосл словарь, 1 Стб 403)

ском соборе совершено было патриархом Игнатием (см.: СГГД, 2. № 138. С. 289—293).⁶

* * *

Венчание Лжедмитрия и Марины по православному обряду отнюдь не снимало проблем конфессионального характера — и, напротив, создавало новые проблемы. Как известно, Рим требовал, чтобы Марина оставалась католичкой, тогда как русские настаивали на ее присоединении к православию: с точки зрения русских, бракосочетание было невозможно без выполнения этого предварительного условия.

Из этой, казалось бы, неразрешимой ситуации был найден остроумный выход, который состоял в том, что коронация была устроена перед бракосочетанием (в обычном случае ожидался бы, конечно, обратный порядок). Таким образом, Лжедмитрий сочетался браком с уже коронованной царией (см.: Карамзин, 11. С. 164).

Соответственно, при коронации и бракосочетании Марина Мнишек уже носит титул «цесарева»; при этом сам Лжедмитрий именовал себя «цесарем» или «императором» (см. в этой связи «Экскурс» к настоящей работе). Ср. речь тысяцкого боярина князя Василия Ивановича Шуйского в Грановитой палате после обручения: «А наяснейшая и великая государыня цесарева и великая княгиня Марья Юрьевна всеа Руси! Божьим праведным судом и за изволением наяснейшего и непобедимаго самодержца великого государя Дмитрея Ивановича, Божьєю милостию цесаря и великого князя всеа Руси и многих государств государя и обладателя, его цесарское величество изволил вас, наяснейшую великую государыню, взяти себе в цесареву <...> И Божьєю милостию обручанье ваше цесарское ныне совершилось <...> И вам бы <...> вступить на свой цесарской маестат и быти с ним великим государем на своих преславных государствах» (СГГД, 2. № 138. С. 290).⁷

⁶ В позднейших описаниях свадьбы Лжедмитрия говорится, что обряд бракосочетания совершил патриарх Игнатий (см. ДРВ, 13 С 116, РИБ, 13 Стб 743, 1421, Бодянский, 1847 С 21) Эта ошибка обусловлена двумя значениями глагола «венчать», относящимися к бракосочетанию и к коронации соответствующие высказывания, несомненно, восходят к сообщению о том, что патриарх Игнатий «венчал царским венцом» Марину (см., например РИБ, 13 Стб 227, ДРВ, 7 С 141, Бутурлин, 1 С 111 Прилож № XVI)

⁷ Марина именуется здесь «Марией» — так она была наречена перед коронацией, по всей вероятности при обручении (ср. Бантыш-Каменский, 2 С 75), имя «Марина» не воспринималось, по-видимому, как царское имя Это не единственный случай такого рода точно так же Зоя Палеолог перед тем как стать русской царицей (женой Ивана III), стала называться Софией (см. Чечулин, 1897 С 211, Ключков, 1909 С 149), княжна Екатерина Петровна Буйносова-Ростовская на которой женился царь Василий Иванович Шуйский, получила в царицах имя Мария (см. Бантыш-Каменский, 2 С 86, примеч.), девица Мария Хлопова, взятая на царский двор в качестве невесты для царя Михаила Федоровича, была переименована в Анастасию (возможно, в память царицы Анастасии Романовой), когда же брак не состоялся, она снова стала Марией (см. Мельников, 1845, Смирнов, 1874 Ч 1 С 193, ср. «Дело о Марии Хлоповой» 1623 г «а нарекли ее царицею, а имя ей дали Настасья» — СГГД, 3 № 63 С 261)

Равным образом в Византии иностранные принцессы, выходя замуж за византийского императора, в ряде случаев получали новое имя, так, Берта Зульцбахская, первая жена Мануила I Комнина, становится Ириной, такое же имя получает и Аделаида Брунвикская, жена Андроника III (Каждан, 1991 С 1436), в этих случаях иностранные (неправославные) имена меняются на имена православные, однако дело не сводится, по-видимому, к конфессиональным различиям Михаил Дука сообщает в своей «Турко-византийской истории», что император Мануил II Палеолог обручил своего сына Иоанна (будущего императора Иоанна VIII) с дочерью московского государя (великого князя Василия Дмитриевича), причем при обручении она переименовала имя и стала называться Анной (Дука, 1958 С 133—135), Иоанн был в это время соправителем своего отца (см. Медведев, 1995 С 145—146) Точно так же император Михаил VIII Палеолог перед бракосочетанием своего сына и соправителя Андроника (будущего императора Андроника II) и дочери венгерского короля Стефана V в 1273 г переименовал свою будущую невестку в Анну (Пахимер 1 С 318)

Марина Мнишек была вообще первой коронованной особой женского пола в России;⁸ второй была Екатерина I, которую короновал в 1724 г. Петр I после принятия императорского титула (см.: Успенский, 1996).⁹ При этом, в отличие от Екатерины, Марину короновал непосредственно патриарх, а не ее супруг, т. е. формально она была коронована не как супруга царя, а как царица, обладающая всей полнотой власти.

Эта структурная перестановка давала возможность представить дело таким образом, чтобы обе стороны — католическая и православная — остались удовлетворены происшедшим: поляки должны были понять, что Марина стала русской царицей, оставаясь при этом католичкой, тогда как русские должны были понять, напротив, что Марина перешла в православие. Ключевую роль при этом призван был играть обряд миропомазания, совершенный над Мариной.

Необходимо отметить, что обряд миропомазания совершается вообще в русской православной церкви в трех случаях. Помимо помазания после крещения, которое совершается над каждым православным христианином, помазание миром было принято при возведении на престол, т. е. при венчании на царство.¹⁰ При этом, в отличие от византийской и западноевропейской традиции, русский обряд помазания на царство в точности повторял обряд миропомазания, совершаемый после крещения: речь идет, по существу, об одном и том же обряде, т. е. о совершении того же таинства. Заметим еще, что если как на Западе, так и в Византии помазание венчаемого монарха предшествует венчанию в собственном смысле (т. е. коронации, возложению венца), то в России оно совершается после венчания на царство (см.: Успенский, 1996а. С. 185—188).

Вместе с тем помазание миром совершается еще в одном случае, а именно при присоединении иноверных христиан (так называемое присоединение вторым чином).¹¹ В этом случае обряд помазания, вообще говоря, отличается от обряда, совершаемого при помазании на царство (или же тождественного с ним обряда миропомазания, совершаемого после крещения). Тем не менее в главной своей части эти обряды совпадают: в обоих случаях при миропомазании произносятся сакраментальные слова «Печать дара Духа Святаго» и при этом помазывается чело, уши, перси и т. п., т. е.

По свидетельству С Герберштейна, первоначальным именем Василия III было Гавриил, после смерти Дмитрия-внука, который был венчан на великое княжение в 1498 г., он «завладел княжеской властью, не будучи, однако, венчан, а только переименовав имя Гавриил на Василий» (Герберштейн, 1988 С. 66)

Известны также случаи перемены отчества у царских невест (см. Успенский, 1996 С. 187—188, Семевский, 1989 С. 11, Соловьев, 7 С. 449).

⁸ Маржерет говорит о Лжедмитрии «Он первый хотел короновать женщину ни царицы, ни великие княгини по русскому обычаю не коронуются» (Маржерет, 1982 С. 79, 169, Устрялов, 1 С. 273)

⁹ Кстати говоря, и Екатерина I первоначально именовалась «цесаревой» и лишь затем титул «цесарева» был заменен титулом «императрица» См. Лотман и Успенский, 1982 С. 246, примеч. 3

В свое время намеревалась венчаться на царство Софья Алексеевна (см. Соловьев, 7 С. 450—452), однако эти намерения оказались безуспешными. В 1689 г. Софья посылала даже к вселенским патриархам с тем, чтобы получить санкцию на коронацию (Туманский, 6 С. 255—259, Дело Шакловитого, 3 Предисл. С. 3—5, ср. также Дело Шакловитого, 1 Стб. 717)

¹⁰ Впервые был помазан на царство Федор Иванович (31 мая 1584 г.), хотя соответствующий чин был составлен еще при Иване IV — по всей видимости, в середине 1550-х гг., сам Иван IV помазан на царство не был. См. Успенский, 1996

¹¹ Существуют вообще три чина присоединения к православной церкви первым чином присоединяются через крещение, вторым чином — через миропомазание, третьим чином — через покаяние и отречение от заблуждений. См. Булгаков, 1913 С. 1009 след. Алмазов, 2 С. 410—415, Серафимов, 1864

именно те части тела, которые подлежат помазанию миром после крещения или при возведении на престол (см.: Никольский, 1907. С. 678—682).

Это обстоятельство и было, по-видимому, использовано при бракосочетании Лжедмитрия и Марины Мнишек в Москве 8 мая 1606 г. (см.: Левитский, 1886—1887. С. 22—24; Дмитриевский, 1899. С. 130—131; Пирлинг, 3. С. 301—302).

* * *

Действительно, обряд миропомазания, который совершил над Мариной патриарх Игнатий — после коронации и перед бракосочетанием,¹² разными сторонами был воспринят по-разному.

С одной стороны, это выглядело как помазание на царство, которое в соответствии с русской традицией должно было следовать за коронацией,¹³ и именно так это было воспринято поляками и прежде всего самой Мариной;¹⁴ так же это понимал, по-видимому, и патриарх Иов. Так, в прощальной грамоте, разрешающей русский народ в клятвопреступлении царю Борису и его семейству (1607 г.), Иов говорит о Лжедмитрии: «...до конца хотя разорити нашу непорочную христианскую веру, прияв себе из литовския земли невесту, люторския веры девку, и введе ея в соборную и апостолскую церковь Пречистыя Богородицы и венча царским венцом, и повеле той своей скверной невесте прикладыватися и в царских дверех святым миром ея помазал» (ААЭ, 2. № 67. С. 155).¹⁵ Равным образом и Иван

¹² Ср чин поставления Маринны Мнишек на царство «А архидиакон и протодиакон зовут государыню цесареву на помазание и к причастию < > А после совершения обедни, тугож перед царскими дверми быти венчанью» (СГГД, 2 № 138 С 292)

¹³ В чине поставления Марины Мнишек обряд помазания предусмотрен именно в то время, когда по русской традиции совершалось помазание на царство согласно этому чину приготовление к помазанию и причащению начинается во время причастного стиха («как учнут пети кенаники»), т е тогда, когда причащается патриарх (СГГД, 2 № 138 С 292) Аналогичный порядок фиксируется в предшествующих по времени чинах поставления на царство Федора Ивановича и Бориса Годунова (чин поставления Лжедмитрия до нас не дошел), а также в последующих чинах поставления Василия Шуйского, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича (см Успенский, 1996) При этом чин поставления Василия Шуйского дословно соответствует в данном случае чину поставления Марины (см. ААЭ, 2 № 47 С 106)

¹⁴ В польском дневнике, автор которого принадлежал к свите Марины Мнишек (так называемом «Дневнике Марины Мнишек»), говорится «По окончании литургии брак был подтвержден, и молодые обменялись перстнями Вслед за тем была коронация с миропомазанием по греческому обряду [Po nabozenstwie konfirmacya szlubu i zamiana pierścieni, po tym kogo nasycu była i unksca more Graeco]» (Тургенев, 2 № 101 С 171 Устрялов, 2 С 157, то же в компиляции, приписываемой Мартину Стадницкому, а также в рукописи Яна Велевицкого — Титов, 1906 С 159, Муханов, 1871 Прилож № 44 Стб 169) Согласно данному источнику, коронация была совершена вслед за литургией и бракосочетанием, но это, безусловно, неверно это указание расходится как с дошедшим до нас чином поставления Марины Мнишек (СГГД, 2 № 138 С 292), так и с описаниями современников — Арсения Эласонского (Дмитриевский, 1899 С 111), Паерле (Устрялов, 1 С 186—187) и автора дневника из свиты польских послов (так называемый «Дневник польских послов» Тургенев, 2 № 77 С 106—108, Устрялов, 2 С 219—222) По всей вероятности, автор «Дневника Марины Мнишек» не различает обряды обручения и бракосочетания (такая же ошибка и у Конрада Буссова Буссов, 1961 С 117, 243—244 Устрялов, 1 С 57), однако обручение Лжедмитрия и Марины по православному обряду, как мы уже знаем, происходило до литургии и притом вне храма

А В Карташев почему-то считает, что Марина была помазана дважды — сначала перед литургией во время коронации и затем во время литургии (см Карташев, 2 С 61) Это явное недоразумение

¹⁵ Ср окружную грамоту царицы Марфы (в миру Марии) Федоровны Нагой к воеводам сибирских городов об убийстве Лжедмитрия и об избрании царя Василия Ивановича « был на Московском государстве, и церкви Божии осквернил, и веру христианскую хотел попрали, взял девку из Польши латынские веры и не крестил ее венчался с нею в соборной церкви Пречистыя Богородицы, и помазал ее миром, и венчал ее царским венцом и учинити хотел в Российском государстве люторскую и латынскую веру » (Бутурлин, 1 С 111 Прилож № XVI ср Голиков 1 С 269, примеч)

Тимофеев говорит в своем «Временнике» о кощунственном «царствопомазании и женитве» (РИБ, 13. Стб. 373).

С другой стороны, это выглядело как присоединение к православию, и так это было в основном воспринято русскими.¹⁶ При этом не все были удовлетворены способом присоединения Марины, полагая, что ее следовало окрестить, т. е. присоединить первым чином (см.: Левитский, 1886—1887. С. 582—590; Левитский, 1885—1886. С. 62—65; РИБ, 13. Стб. 227, 372, 739—740, 743, 1291, 1421; Бодянский, 1847. С. 20—21; СГГД, 2. № 146. С. 306—307; Попов, 1869. С. 416; ДРВ, 7. С. 141; ср.: СГГД, 2. № 140. С. 298; Дмитриевский, 1899. С. 106, 127).¹⁷ С этим непосредственно связан московский собор 1620 г., предписывающий необходимость перекрещивания «латин» и «белорусцев». Так, говоря о необходимости перекрещивать католиков, переходящих в православие, а не присоединять их через миропомазание, патриарх Филарет заявлял на соборе 1620 г.: «Егда в лето 7114 грех ради наших Господу Богу попустившу, и царствующий град Москву лестию и мечем прият розстрига чернец Гришка Отрепьев, патриарх же Игнатей, угрожая еретиком латыньския веры, и в церковь соборную пресвятыя владычица наша Богородицы и присно девы Мария честнаго и славнаго ея Успения, введе еретическия папезския веры Маринку. Святым же крещением совершенным християньскаго закона не крестил ю, но токмо единым святым миром помаза, и потом венчал ю с тем Розстригою, якоже Июда предатель и сей поругася Христу, и обоим убо сим врагом Божиим, Розстриге и Маринке, подаде пречистое тело Христово ясти и святую и честную кровь Христову пити. Егоже, Игнатия, за таковую вину священноначальницы великия святыя церкви росиискския, яко презревшаго правила свя-

¹⁶ Так же понимают дело и такие видные историки церкви, как митр Макарий (Булгаков) или Н. Ф. Каптерев. См. Макарий, 10 С 117, Каптерев, 1905 С 40—41, ср. еще Завитневич, 1901 С 160—161.

¹⁷ По инициативе Лжедмитрия был созван собор, который должен был обсудить вопрос о перекрещивании Марины, собор во главе с патриархом Игнатием признал католическое крещение Марины перед венчанием особенно настаивали казанский митрополит Гермоген (будущий патриарх) и коломенский епископ Иосиф, Гермоген был из-за этого удален в свою епархию и заключен в монастырь (см. Карамзин, 11 С 157, Соловьев, 4 С 449, РИБ, 13 Стб 655—656, 740, 865, ср. стб 583, 659, Муханов, 1837 С 4).

Вопрос был достаточно сложный, так как католиков в это время, по-видимому, не всегда перекрещивали. Так, например, Маржерет указывает «Русские считают истинно крещенными только тех которые крестились по греческому обряду, впрочем, католиков не перекрещивают» (Маржерет, 1982 С 63, 154, Устрялов, 1 С 259—260). Это соответствует тому, что говорил еще Нифонт, архиепископ Новгородский, отвечая на вопросы Кирика (1130—1156 гг.) Нифонт учил, что католиков следует принимать вторым чином, т. е. через миропомазание (см. РИБ, 6 № 2 С 26, ср. Герберштейн, 1988 С 96, РИБ, 6 Дополн № 3 Стб 387—388), впрочем, в особой редакции «Вопрошания Кирика» упоминается о перекрещивании католиков (см. Смирнов, 1913 Прилож № 1 С 26), в редакции, опубликованной В. Н. Бенешевичем, этот вопрос вообще не рассматривается (см. Бенешевич, 2 № 10 С 90—94).

Вместе с тем в русской богослужебной литературе XVI в. можно встретить указания на необходимость перекрещивания католиков (см. Дмитриевский, 1884 С 321 Прилож № VII С 89—100). Ср. в этой связи слова Лжедмитрия в показаниях Станислава и Яна Бучинских «по их [русскому] крестьянскому закону первое крестив, да тож ввести в церковь, а не крестив никому иных вер в церковь не входить» (СГГД, 2 № 140 С 298, то же Сб. РИО, 137 С 237, ААЭ, 2 № 48 С 109, РИБ, 13 Стб 80), о перекрещивании католиков в XVI в. сообщают Даниил фон Бухау (см. Бухау, 1877 С 37—38) и автор описания посольства Николая Варкоча (см. Гейс, 1875, С 33—34).

¹⁸ Вопрос о перекрещивании католиков возник в 1620 г. в связи с митрополитом сарским и подонским Ионой, который настаивал, что их следует присоединять к православию вторым чином (через миропомазание), после чего Ионе было запрещено священнодействовать. Собор, состоявшийся в декабре 1620 г., постановил, что не только католиков, но и «белорусцев» следует принимать через перекрещивание, т. е. первым чином. См. Гренков 1864, Смирнов, 1874 Ч 2 С 57, 68 Макарий, 11 С 30—31.

тых апостол и святых отец, от престола и от святительства по правилам святым изринуша в лето 7114» (Требник, 1639. Гл. XIV, л. 214 об.—215).¹⁹

Как видим, Филарет заявляет, что Игнатий присоединил Марину к православию через миропомазание. Свидетельство Филарета, вообще говоря, имеет для нас особое значение, поскольку Филарет в качестве митрополита ростовского принимал непосредственное участие в рассматриваемой церемонии;²⁰ в митрополиты он был поставлен при Лжедмитрии патриархом Игнатием — в апреле 1606 г., т. е. незадолго до коронации и венчания Марины Мнишек.²¹ К оценке свидетельства Филарета мы еще вернемся.

Итак, патриарх Игнатий — или сам Лжедмитрий как режиссер этого сценария — сознательно, по-видимому, обыграл функциональную полисемантическую обрядную миропомазания, в результате чего один и тот же семантический текст получал двойное прочтение.²²

* * *

Объединив коронацию и бракосочетание таким образом, что коронация состоялась перед бракосочетанием, Лжедмитрий решал еще одну проблему, возникающую в связи с отказом Марины Мнишек перейти в православие (подробнее об этом см.: Дмитриевский, 1899. С 125 след.). Русская процедура поставления на царство предполагала причащение нововенчанного монарха,

¹⁹ То же говорит затем (во второй половине XVII в) дьякон Федор «Игнатий патриарх Маринку латыньския веры не крестивши с Ростригою венчал, а за то его последи священный пастьрие извергоша, и яко второго Иуду-предателя осудиша, и имя его из поминования книг истребиша, и тако крепко стояще за православие» (Субботин 6 С 323)

²⁰ В чине поставления Марины Мнишек на царство говорится «А принять у протопопы царский сан митрополитом Новгородскому да Ростовскому, и поднести к патриарху», далее следует описание того, как оба митрополита подносят патриарху корону, которая и возлагается затем на Марину (СГГД, 2 № 138 С 291—292), новгородским митрополитом был в это время митрополит Исидор, ростовским — Филарет Ср описание той же церемонии у Арсения Элассонского « два архиерея принесли царские одежды каждый по одной, по чину Патриарх, принявши их, благословил их и возложил на царицу Марию, при помощи архиереев», то, что Арсений говорит не о митрополитах, а об архиереях, не показательно, так как и в других случаях он может называть митрополитов архиереями (см Дмитриевский, 1899 С 111, ср с 176) См еще в записках С Немоевского « двое старейших владык взяли корону, которая стояла перед алтарем на позолоченной миске, затем бармы, что на другой, и понесли на трон к патриарху » (Немоевский, 1907 С 59)

²¹ Предшественник Филарета по ростовской кафедре, митрополит Кирилл (Завидов), оставил кафедру в апреле 1606 г, удалившись в Троице-Сергиев монастырь (см Строев, 1877 Стб 333), по сообщению «Пискаревского летописца» Лжедмитрий «согнал Кирила митрополита из Ростова, блудясь от него обличения, а поставил Филарета митрополита» (ПСРЛ, 1978 34 С 208) Поставление Филарета имело место не ранее 11 апреля 1606 г, когда Кирилл Завидов еще фигурирует как ростовский митрополит (см Акты юрид № 221 III С 237) Арсений Элассонский в своем описании событий Смутного времени говорит о поставлении Филарета в митрополиты после рассказа о коронации Лжедмитрия, но до рассказа о коронации Марины (см Дмитриевский, 1899 С 106) С Немоевский, описывая аудиенцию у Лжедмитрия в Москве 3 мая (13 мая по новому стилю), сообщает, что подле патриарха (Игнатия) «стоял митрополит ростовский с владыками», отмечая при этом, что он занимает первое место в русской иерархии после патриарха (Немоевский, 1907 С 42), несомненно, речь идет о Филарете который в качестве родственника царя, по-видимому, постоянно находился в Москве после своего поставления (ср Смирнов, 1874 Ч I С 37—38) Нельзя исключать, что поставление Филарета вообще было как-то связано с предстоящей коронацией Марины Мнишек

Принято считать что Филарет был поставлен в митрополиты из иноков Антониева Сийского монастыря, однако в грамоте, данной в Троице-Сергиев монастырь около «Сборного воскресенья» (т. е. Недели православия) 1606 г, старец Филарет Романов фигурирует как инок этого монастыря и принимает участие в его управлении (см Дьяконов, 2 № 35 С 36), таким образом поставлению Филарета в митрополиты предшествовал, по-видимому, его перевод в Троице-Сергиев монастырь, что произошло не позднее марта 1606 г (Неделя православия в 1606 г приходилась на 9 марта)

²² Если самозванцем в самом деле был Григорий Отрепьев, иеродиакон Чудова монастыря, то он должен был быть хорошо знаком с деталями церковного обряда и вполне мог ими манипулировать

которое совершалось после миропомазания (см.: Успенский, 1996а. С. 187). Между тем Марина ни в коем случае не хотела причащаться по православному обряду,²³ и это могло явиться серьезным препятствием к ее коронации, т. е. могло расстроить всю процедуру возведения на престол.²⁴

Вместе с тем в практике русской церкви существовал в это время обычай приобщать преждеосвященными дарами жениха и невесту при совершении брачного обряда (см.: Дмитриевский, 1884. С. 395—396; Филарет, 1875. С. 42; Алмазов, 2. С. 416). Поскольку двукратное приобщение Святыми Тайнами в один и тот же день в православной церкви не допускается, причащение было перенесено из обряда венчания на царство в обряд бракосочетания, завершающий всю церемонию, т. е. в самый конец действия, когда Марина была уже коронованной царицей. При этом Марина (а вместе с ней и Лжедмитрий) отказалась причаститься, но это обстоятельство уже не могло отменить совершенного перед тем обряда коронации.

Вот как описывает произошедшее непосредственный участник данной церемонии, архиепископ Арсений Элассонский:²⁵ «По возложении на царицу всех одежд, когда патриарх прочитал молитвы, певцы пропели ἄξιός и многолетие. По возложении одежд и по прочтении молитв царь и царица, оба облаченные в царские одежды, сошли вниз и в предшествии патриарха вошли на высочайший царский трон, оставаясь для выслушивания божественной литургии. Патриарх начал божественную литургию, и по окончании ее певцы пропели царское многолетие по чину. После божественной литургии благовещенский протопоп Феодор повенчал их посредине церкви пред святыми вратами. И после венчания своего оба они не желали причаститься Святых Таин. Это сильно опечалило всех, не только патриарха и архиереев, но и всех видевших и слышавших. Итак, это была первая и великая печаль, и начало скандала, и причина многих бед для всего народа московского и всей Руси» (Дмитриевский, 1899. С. 111—112).²⁶

²³ В ноябре 1605 г Лжедмитрий через своего секретаря Яна Бучинского предложил Юрию Мнишку (отцу Марины), чтобы тот «у ксенжа у легата Папина промыслил и побил челом о волном позволенье, чтоб ее милость панна Марина причастилась на обедне от патриарха нашего, потому что без того коронована не будет» (СГГД, 2 № 105 С 228—229, Сб РИО, 137 С 223) 3 февраля 1606 г лалский нунций Клавдий Рангони направил Лжедмитрию послание, где говорилось о невозможности выполнения этого условия (СГГД, 2 № 105, 124 С 267—268, ср ААЭ, 2 № 48 С 115) Ср Тургенева, 2 № 70 С 85, РИБ, 13 Стб 94, ПСРЛ, 1978 34 С 209, Соловьев, 4 С 435, 443—444

²⁴ По показанию царских секретарей Яна и Станислава Бучинских, Лжедмитрий признавался им «А болши де есмя всего боялся, что Цесарева моя римския веры и нешто Митрополиты и Архиепискупы и Епискупы упрямятся, не благословят и миром не помажут, и в многолетье не станут поминати, и как де есмя вшол венчатися в церковь и яз де что хотел, то делал, все делалось по моему хотенью и воле, и в царьских дверех миром помазывали и во многолетье пели во всех церквах благоверную Цесаревую < >, а которые Митрополиты, и Архиепискупы, и Епискупы, и попы, про то учили были преж сего о том поговаривали, и яз де их поразослал » (ААЭ, 2 № 48 С 109, РИБ, 13 Стб 80—81, СГГД, 2 № 140 С 298, Сб РИО, 137 С 237) Хотя показания Бучинских в целом и принято считать недостоверными (см Карамзин, 12 С 7, Соловьев, 4 С 461), в данной части они, по-видимому, заслуживают доверия (см Дмитриевский, 1899 С 129—130)

²⁵ При короновании Марины Мнишек архиепископ Арсений с архиепископом астраханским Феодосием подносили «коруну царскую» новгородскому митрополиту Исидору и ростовскому митрополиту Филарету, которые в свою очередь поднесли ее патриарху Игнатию, после чего она и была возложена на Марину Ср в чине поставления на царство «И по молитве пошлет патриарх по царскую коруну архиепископов двух, Архангелского, Астраханского, да архимаритов двух, Симоновского да Ондриковического, а у них примут митрополиты Ноугородской да Ростовской и принесут к патриарху» (СГГД 2 № 138 С 292)

²⁶ Ср сообщение более позднего источника — «Пискаревского летописца» «А венчал их Игнатей патриарх и сам он причащался, а жена причастия не взяла» (ПСРЛ, 1978 34 С 207) Не вполне понятно утверждение, что Лжедмитрий причащался, может быть, имеется в виду не то, что он причастился во время бракосочетания, а то, что он — в отличие от Марины — вообще причащался по православному обряду

Любопытно, что, по свидетельству Арсения, для патриарха Игнатия этот отказ от причастия явился полной неожиданностью. Именно Игнатий, по всей вероятности, составил дошедший до нас чин поставления Марины Мнишек на царство и ее венчания с Лжедмитрием (см.: СГГД, 2. № 138. С. 289—293); согласно этому чину, причащение Марины было предусмотрено после миропомазания, т. е. в обряде поставления на царство, а не в обряде бракосочетания (см. там же. С. 292). Инициатива перенесения причащения в обряд бракосочетания принадлежала, можно думать, самому Лжедмитрию.²⁷

* * *

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что только что цитированное описание Арсения Элассонского кардинальным образом расходится со свидетельством патриарха Филарета, которое мы приводили выше. По утверждению Арсения, Лжедмитрий и Марина Мнишек отказались причаститься в день своего бракосочетания; между тем Филарет заявляет, напротив, что патриарх Игнатий причастил как Лжедмитрия, так и Марину, что и явилось основанием для его низложения в 1606 г. Как Арсений, так и Филарет принимали участие в рассматриваемой церемонии, т. е. их сообщения представляют собой показания очевидцев. Очевидно, что кто-то из них искажает истину — и, по-видимому, делает это сознательно (ошибка памяти в настоящем случае, как кажется, исключена). Но кто именно?

У нас нет основания не доверять в данном случае Арсению Элассонскому, и вместе с тем мы вполне можем сомневаться в искренности Филарета, во время правления которого имел место вообще тенденциозный пересмотр событий Смутного времени, т. е. в ряде случаев создавалась новая версия случившегося — иначе говоря, переписывалась история. Филарет, в частности, прилагал специальные усилия для того, чтобы были забыты его связи как с

²⁷ Равным образом, как указывает Арсений, для патриарха было неожиданным и то, что после коронации Марина сменила русское платье на польское. Вопросу об одежде Марины придавалось большое значение как русской, так и польской стороной. По сообщению Конрада Буссова, накануне свадьбы Лжедмитрий имел жаркий спор со своими боярами «Царь и польские вельможи хотели, чтобы невеста, когда ее поведут в церковь, была в польской одежде < > Московиты требовали, чтобы при венчании она была, согласно обычаям страны, одета так же, как и царь, по-русски» (Буссов, 1961 С 117, 244, ср. Устрялов, 1 С 57) Русская сторона одержала верх в этом споре, и Марина должна была короноваться в русском платье, см. об этом в «Дневнике Марины Мнишек», в «Дневнике польских послов», в записках Немоевского, а также в описаниях Буссова и Паерле и в компиляции, приписываемой Мартину Стадницкому (Устрялов, 2 С 157, 219, Устрялов, 1 С 58, 185, Немоевский, 1907 С 57, Титов, 1906 С 159, Буссов, 1961 С 117, 243—244, Тургенев, 2 № 77 С 106) Вместе с тем, когда в следующее воскресенье (11 мая) духовенство во главе с патриархом и бояре отправились во дворец для поднесения подарков царю и царице, царь был в русском наряде, но царица — в польском (см. «Дневник Марины Мнишек» Тургенев, 2 № 101 С 171, Устрялов, 2 С 159) Ср у Арсения Элассонского «Итак, не показалось приятным патриарху, архиереям, боярам и всему народу, видевшим царицу, одетую в неизвестную и иноземную одежду, имеющую на себе польское платье, а не русское, как это было принято в царском чине и как это делали цари прежде него Все это весьма сильно опечалило Это послужило причиною и поводом ко многим бедствиям, к гибели царя и всего народа обеих национальностей, русских и поляков» (Дмитриевский, 1899 С 113) При этом как патриарх Игнатий, так и Арсений Элассонский были не русскими, а греками, тем не менее и на них отказ Марины носить русское платье произвел резко отрицательное впечатление. Ясно, что речь идет не о национальном русском платье, а о традиционной царской одежде, принятой в официальном церемониале, которой придавался, по-видимому, сакральный смысл (ср. в этой связи обсуждение вопроса об одежде княжны Елены Ивановны при ее отправлении в Вильну для бракосочетания с Александром Ягеллоном в 1495 г., см. Сб. РИО, 35 № 31, 35 С 168, 187 ДРВ, 14 С 13—14, Березков, 1897 С 17)

Как видим, в отношении одежды Марина поступает так же как и в отношении причастия в обоих случаях после коронации она уже не считает нужным подчиняться принятому порядку

первым, так и со вторым Лжедмитрием. То, что Филарет стал митрополитом при Лжедмитрии и был рукоположен патриархом Игнатием, замалчивалось в это время; характерным образом в «Известии о начале патриаршества в России и о возведении на патриарший престол ростовского митрополита Филарета Никитича» 1619 г. сообщается, что Филарет был поставлен в митрополиты патриархом Гермогеном (см.: Доп. АИ, 2. № 76. С. 196).²⁸

Необходимо иметь в виду при этом, что в отличие от Арсения, мемуары которого, по-видимому, не были рассчитаны на публикацию — и во всяком случае не были предназначены для русской аудитории (они написаны по-гречески), изложение Филарета имеет откровенно обличительный характер: оно направлено против патриарха Игнатия, который обличается здесь как отступник от православия.

Обличение Игнатия в неправославии было особенно актуально, поскольку в первой четверти XVII в. многие считали еще Игнатия законным патриархом (см.: Ульяновский, 1991. С. 56).

Напомним, что после низложения патриарха Гермогена в 1611 г. Игнатий, смещенный с патриаршества в 1606 г., был вновь объявлен патриархом и действовал заодно с боярами, державшими сторону Владислава; когда в 1616 г. Владислав выступил в поход с намерением занять московский престол, он объявил, что с ним будет и Игнатий. При этом были люди, которые считали низложение Игнатия в 1606 г. незаконным; так, между прочим, полагал и Арсений Элассонский, по свидетельству которого патриарх Игнатий был низложен после убийства Лжедмитрия «без всякого законного расследования» (Дмитриевский, 1899. С. 123).²⁹

Смещение Игнатия было, видимо, произвольным актом, никак канонически не обоснованным; и вот на соборе 1620 г. патриарх Филарет предлагает свою версию случившегося, заявляя, что все было совершено надлежащим образом; по его словам, Игнатий был низложен ввиду того, что он причастил Марину, предварительно ее не окрестив. «Егоже, Игнатия, за таковую вину священноначальницы великия святых церкви росийския, яко презревшаго правила святых апостол и святых отец, от престола и от святительства по правилам святым изринуша в лето 7114» (Требник, 1639. Гл. XIV, л. 215). Таким образом, Филарет задним числом обосновывает смещение Игнатия, сообщая канонические основания этого смещения.³⁰

Как видим, вопрос о причащении Марины Мнишек является для Филарета важным аргументом. Соответственно, он должен был настаивать на том, что Игнатий причастил Марину.³¹

²⁸ Одновременно патриарх Игнатий, поставленный при Лжедмитрии 30 июня 1605 г., объявляется здесь лжепатриархом на том основании, что он был поставлен «от неправедного царя» (Доп. АИ, 2 № 76 С. 195)

Каноничность поставления Игнатия в патриархи, вообще говоря, не вызывает сомнения (см. Дмитриевский, 1899 С. 102, 116—123, ср также Левитский, 1886—1887, Ульяновский, 1993 С. 36—37)

²⁹ Следует подчеркнуть вместе с тем, что Арсений не ставит своей задачей защитить Игнатия, тогда как Филарет, напротив, ставит своей задачей его обличить. Таким образом, это замечание Арсения не дает основания заподозрить его в тенденциозном изложении того, что произошло в день бракосочетания Лжедмитрия и Марины Мнишек

³⁰ В Завитневич сообщает, что собор 1606 г «обвинил Игнатия в допущении Марины к причастию после одного только помазания» (Завитневич, 1901 С. 161) Поскольку акты собора 1606 г до нас не дошли, надо полагать, что Завитневич исходит из позднейшей трактовки, предложенной Филаретом в 1620 г

³¹ Нет никаких оснований соглашаться с теми исследователями, которые утверждают, что Марина причастилась после миропомазания, как это и было предусмотрено чином ее венчания на царство (см. Щелкин, 1901 С. 359 след., Щелкин, 1901а С. 293, Завитневич, 1901 С. 160—161, 172—173, Иванов, 1906 С. 77—80, Гиршберг, 1906 С. 14, ср., однако Васенко, 1914 С. 398—399) Эти исследователи основываются на цитированном выше утверждении патриарха Филарета и на этом основании не доверяют свидетельству Арсения Элассонского

* * *

Итак, патриарх Филарет, говоря о бракосочетании Лжедмитрия и Марины Мнишек, по-видимому, говорит неправду. Это заставляет нас вернуться к вопросу о миропомазании, ключевому для темы нашей работы. В самом деле, если считать, что Филарет сознательно искажает истину, это, вообще говоря, может лишать силы его сообщение о том, что Игнатий помазал Марину для перехода в православие.

Мы говорили о том, почему обряд коронации Марины Мнишек предшествовал обряду бракосочетания: в результате, как мы видели, помазание Марины могло восприниматься различным образом — и как помазание на царство (которое в России совершается после коронации), и как присоединение к православию (которое должно было предшествовать бракосочетанию). Такое двойное восприятие, по-видимому, и было предусмотрено Лжедмитрием.

Так обстоит дело с восприятием. Но что же произошло на самом деле?

Как мы уже упоминали, обряд миропомазания, совершаемый над иноверцами при их обращении в православие — иначе говоря, при присоединении к православной церкви вторым чином, — отличается от обряда, совершаемого при помазании на царство (или же тождественного с ним обряда миропомазания, совершаемого над православным человеком после крещения), хотя в главной своей части эти обряды и совпадают. Существенно вместе с тем, что присоединение к православной церкви через миропомазание совершалось не столь часто и обычно не при большом стечении народа. Можно предположить, таким образом, что большинство людей, присутствовавших в Успенском соборе, могло не отдавать себе отчета в различии между данными обрядами. Тем более это относится к

Р Г Скрынников цитирует записки С Немоевского, полагая, что в них описывается причащение Лжедмитрия и Марины (см Скрынников, 1987 С 191—192, ср еще Козляков и Севостьянова, 1995 С 146), однако описание Немоевского не дает оснований для такой трактовки. Вот что говорит Немоевский «Позже мы узнали, что государь приказал нам выйти затем, что устыдился брачной церемонии, которая, как передавали нам после наши дамы, что оставались при государыне, была такова оба стали перед патриархом, который, благословив, дал им по кусочку хлеба, чтобы ели, потом чашечку вина, наперед пила государыня, что осталось, то, взяв от нее, выпил государь, а чашечку бросил о землю на сукно, но она не разбилась, и патриарх ее растоптал, и такими церемониями бракосочетание закончилось» (Немоевский, 1907 С 59—60). Здесь описывается, по всей видимости, русский свадебный обряд, когда молодые в церкви пили вино из стеклянного сосуда, который потом молодой бросал на пол и растаптывал ногой (см Одинцов, 1881 С 163, Домострой, 1881 С 181, Олсгард, 1906 С 215, Середонин, 1884 С 27, Устрялов, 2 С 222, Рабинович, 1978 С 234, Рабинович, 1978а С 9, Мельников, 3 С 206 примеч ср также с 482 509), ср в описании свадьбы великого князя Василия Ивановича в 1526 г « и Митрополит их венчает, а в склянице держат вино Фряское, и венчав Митрополит, даст вино лити Великому Князю и Великой Княгине, а в другой Князь Великий выпив вино, ударит скляницу о землю, да и ногою потопчет сам Князь Великий, а иному никому не велит топтати» (ДРВ, 13 С 9—10). При патриархе Никоне этот обряд перестал совершаться в церкви, но он продолжал сохраняться в народном быту (см, например Афанасьев, 1 С 463—464, Терещенко, 2 С 598, Старинные свадебные обряды С 457—458, Шереметева, 1928 С 59, Балашов и Красовская, 1969 С 114). Тот же обычай наблюдается и у южных славян (см Филипович, 1950 С 110—116, Шнейс, 1935 С 107), между тем в католической церкви ничего подобного не было, и обряд этот не мог не казаться католикам странным. Свидетельство о совершении данного обряда на свадьбе Лжедмитрия содержится и в «Дневнике польских послов» однако здесь сообщается, что стеклянный сосуд был растоптан не патриархом, а самим Лжедмитрием, что соответствует традиции и, видимо более правдоподобно (Тургенев, 2 № 77 С 106, Устрялов, 2 С 222). Менее понятно что имеет в виду Немоевский, говоря о хлебе, который предложил молодым патриарх Игнатий однако речь несомненно, не идет здесь о причастии (Ели предположить что здесь описывается обряд причащения, мы должны были бы считать, что Лжедмитрий и Марина причащались по чину священнослужителей — отдельно телу и отдельно крови Христовой что для этого вре мени совершенно неверотно см Успенский 1996)

тем, кто не присутствовал на данной церемонии: народ узнал о том, что Марина была помазана перед бракосочетанием, и это естественно было понять как обращение в православие (присоединение вторым чином).

Так это могло быть понято народом (и во всяком случае именно на такое понимание могли рассчитывать). Однако едва ли так мог понимать случившееся Филарет: Филарет, как священнослужитель, несомненно, должен был отдавать себе отчет в различии данных обрядов.³²

Основную особенность чина присоединения к православию через миропомазание (отличающую этот обряд от обряда миропомазания, совершаемого непосредственно после крещения или же после коронации) составляет оглашение или анафематствование еретических заблуждений. Едва ли это было возможно по отношению к Марине Мнишек. Однако можно было совершить обычный обряд миропомазания — тот обряд, который совершается в обычном случае после крещения, — воспользовавшись тем обстоятельством, что в России миропомазание при коронации ничем не отличается от миропомазания, совершаемого после крещения. Это и было достигнуто той структурной перестановкой, о которой мы уже говорили, — совершением коронации до бракосочетания, а не после него. В результате обряд миропомазания, предусмотренный, согласно русскому чину поставления на царство, после коронации, одновременно должен был ознаменовать присоединение Марины к православию.

Так это должно было быть понято: такое понимание во всяком случае предусматривалось сценарием Лжедмитрия. Можно предположить, однако, что так же понимали произошедшее и священнослужители, участвовавшие в данной церемонии (такие, например, как патриарх Игнатий или митрополит Филарет). В самом деле, совершение таинства миропомазания имеет безусловную силу; обряд миропомазания (совершаемого после крещения) является основным обрядом, сообщаящим дары Святого Духа; в этом смысле он как бы покрывает обряд миропомазания, совершаемый при переходе в православие (при присоединении вторым чином), который является более специальным обрядом; оба обряда не противопоставлены друг другу как взаимоисключающие явления (по принципу «или — или»), но предстают как общий и частный случай.³³ Хотя в данном случае — в силу исключительных обстоятельств — и не было произнесено оглашение (анафематствование еретических заблуждений), это в принципе никоим образом не лишает силы тот обряд миропомазания, который был совершен над Мариной. Таким образом, не только простой народ, не осведомленный в деталях литургии, но и священнослужители могли считать, что Марина, будучи миропомазана, оказалась в лоне православной церкви. При таком понимании патриарх Игнатий мог обвиняться не в том, что он не присоединил Марину к православной церкви, а в том, что он не сделал это надлежащим образом. Кроме того, совершая над Мариной такой же обряд, который совершается над православным христианином после крещения, он фактически признавал полную действительность католического крещения. Отсюда вставал вопрос о истинности католического крещения, который и был предметом специального рассмотрения на соборе 1620 г.

³² А. А. Дмитриевский писал в этой связи: «Странным представляется, что такой начетчик и знаток церковности, каким был в свое время патриарх Филарет Никитич, в постановлении собора 1620 г., по-видимому, смешивает миропомазание в чине присоединения к православной церкви с миропомазанием при коронации царей» (Дмитриевский, 1899, С. 135, примеч. 2).

³³ Говоря более специальным языком, здесь имеет место не эквиполентная, а привативная оппозиция

* * *

Как видим, весь этот литургический казус оказался возможным благодаря особенностям русского обряда помазания на царство, отличающим его от инаугурационного помазания как византийских, так и западных монархов.

Первая особенность состоит в том, что русский обряд помазания на царство полностью совпадает с обычным обрядом миропомазания, совершаемого над каждым православным человеком после его крещения.

Вторая особенность состоит в том, что помазание на царство в России совершается после коронации (венчания), а не перед коронацией, как это имело место в Византии и на Западе.

Составители русского чинопоследования помазания на царство в середине XVI в. — митрополит Макарий и его сотрудники — существенно отклонились от предшествующей традиции, и это отклонение имело далеко идущие последствия (см.: Успенский, 1996а. С. 184—188). Во всяком случае именно это отклонение обусловило возможность той литургической игры, которая была рассмотрена в настоящей работе.

Экскурс: Титул Лжедмитрия

Лжедмитрий назывался «цесарем» и «императором»,³⁴ при этом выражения «цесарь» и «император» выступают как синонимические наименования.

Знаменательно в этой связи, что при своем поставлении на царство (7 июля 1605 г.) Лжедмитрий был коронован дважды: сначала в Успенском соборе патриарх Игнатий возложил на него корону, присланную Ивану IV австрийским императором, после чего в Архангельском соборе архиепископ Арсений Элассонский возложил на него так называемую шапку Мономаха, т. е. царский венец (см.: Дмитриевский, 1899. С. 104—105, ср. с. 92). Таким образом, Лжедмитрий венчается в первую очередь императорской короной и уже затем, дополнительно — царским венцом. Венчание шапкой Мономаха и именно в Архангельском соборе — у гробниц предков — призвано подчеркнуть наследственные права поставляемого монарха (это произошло в приделе св. Иоанна Лествичника у гробниц Ивана IV и Федора Ивановича);³⁵ между тем венчание императорской короной обнаруживает претензии Лжедмитрия на императорский титул и свидетельствует вообще о его западной культурной и политической ориентации.

Посещение гробниц предков в Архангельском соборе входило вообще в процедуру русского возведения на престол (начиная с поставления Дмитрия-внука в 1498 г., см.: РФА, 3. Прилож. № 16—18. С. 613, 619, 624—625), однако в других случаях это происходило уже после литургии и, следовательно, после миропомазания и причащения, причем цари уже не снимали здесь с себя венца; вслед за тем цари посещали Благовещенскую церковь и

³⁴ Ср. дебаты с поляками о титуле Лжедмитрия (РИБ, 1 Стб 412—417, СГГД, 2 № 102, 103, 112, 113, 121, 122, 124 С 225, 226, 243, 247—248, 258—259, 264, 268 Сб РИО, 137 С 222, 226—227, 229—230, Устрялов, 1 С 182—183, 344, Устрялов, 2 С 149—154, 209—214, Немоевский, 1907 С 45—50, Тигов, 1906 С 154—157, Тургенев, 2 № 77 С 99—102) См еще Барещи, 1847 С 15 второй пагинации РИБ, 1 Стб 410, РИБ, 13 Стб 58, 496, 741, 1421, Тургенев, 2 № 65, 73 С 81, 86, Карамзин, 11 С 143, Бантыш-Каменский, 2 С 57 Соловьев 4 С 438, 443, 445—446, Савва, 1901 С 367—378, Лакиер 1847 С 125—127

³⁵ А. А. Дмитриевский замечает в этой связи «Очевидно, Лжедмитрий настоящим исключительным актом в церемониале своей коронации желал показать русскому народу, что священнейшее наследие русских государей — корону Владимира Мономаха — он получил как бы из рук своих покойных царственных предков — отца и брата» (Дмитриевский, 1899 С 124)

уже оттуда направлялись в царские палаты (см.: Барсов, 1883. С. 65, 89, 97, 106; Идея Рима... С. 93, 120; СГГД, 2. № 51. С. 84—85; СГГД, 3. № 16. С. 86; ДРВ, 7. С. 33—34, 297—299, 365—368, 470—473; ПСЗ, 2. № 648, 931. С. 66—67, 437—438; Леонид, 1882. С. 34—35; Шпаков, 1912. Прилож. II. С. 124). Между тем Лжедмитрий отправился в Архангельский собор непосредственно после венчания императорской короной и другими царскими регалиями в Успенском соборе, но до литургии: вслед за коронацией в Архангельском соборе он, по свидетельству Арсения Элассонского, пошел в «великий храм пречистой Богородицы», и там началась литургия (см.: Дмитриевский, 1899. С. 107); надо полагать, что он вернулся в Успенский собор, где и произошло помазание на царство.³⁶ Итак, в соответствии с русской традицией венчания на царство Лжедмитрий короновался перед миропомазанием, но обряд коронации был при этом дублирован.

Показательно, что именно после коронации Лжедмитрий начинает называть себя «цесарем» или «императором»; до этого он именовал себя «царем» (см.: СГГД, 2. № 87—92. С. 197, 199, 200—207, 210—211); вместе с тем титул «царь» и после коронации может фигурировать в грамотах, предназначенных для внутреннего употребления (см.: АИ, 2. № 56—62, 64. С. 70—73, 76—77, 79). Ср. в этой связи послание Лжедмитрия королю Сигизмунду III от 5 сентября 1605 г., извещающее о том, что он короновался и помазался «не только как император обширной державы Московской, но и как король всех королевств татарских» («non modo in Imperatorem longe lateque patentium Dominiorum nostrorum, verum etiam in Regem universorum Tartariae Regnorum, quae multo ab hinc tempore Monarchiae nostrae parent, coronati et Sanctiss. Chrismate inuncti sumus» — Чампи, 1827. С. 65. № VI; РИБ, 1. Стб. 41); ср. сходное послание Юрию Мнишку от 16 августа 1605 г. (СГГД, 2. № 95. С. 212).

Первоначально Лжедмитрий называет себя «цесарем», причем слово «Caesar» фигурирует и в его латинском титуле (см.: СГГД, 2. № 95, 99, 102, 104. С. 212, 220, 224, 227; ср. № 93. С. 207); такое наименование впервые встречается в послании Юрию Мнишку от 16 августа 1605 г., сообщающем о коронации и миропомазании «по древнему обычаю нашему» (СГГД, 2. № 95. С. 212). Вместе с тем, начиная с послания папе Павлу V от 30 ноября 1605 г., в латинском титуле Лжедмитрия встречается последовательно наименование «Imperator» (СГГД, 2. № 107, 108, 109, 110, 114, 116, 118, 123, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 136, 137. С. 233, 234, 236, 237, 250, 251, 254, 265, 275, 277, 278, 279, 281, 282, 287, 288); сохранился русский документ с собственноручной подписью Лжедмитрия: «In Perator» (СГГД, 2. № 105. С. 229; Устрялов, 1. Прилож.).³⁷ В то же время по-русски Лжедмитрий продолжает именоваться «цесарем» (см., например, его грамоту клиру львовской Успенской церкви от февраля 1606 г.: СГГД, 2. № 130. С. 279; ср. еще: СГГД, 2. № 100. С. 221; Тургенев, 2. № 77. С. 96; Устрялов, 2. С. 206), хотя в грамотах, предназначенных для внутреннего употребления,

³⁶ Несомненно, речь идет в данном случае именно об Успенском соборе, а не о Благовещенской церкви (другом кремлевском богородичном храме) Маржерет ошибается, говоря, что из Архангельского собора Лжедмитрий возвратился во дворец (Маржерет, 1982 С 110, 197, Устрялов, 1 С 299)

³⁷ Соответственно, и Марина Мнишек могла, по-видимому, называть себя «императрица». В так называемом «Дневнике» Мартина Стадницкого (точнее, в компиляции, приписываемой Стадниickому), рассказывается о письме Марины к королю от 15 января 1610 г., где стояла подпись «императрица Марина», ср. «она так возомнила о себе, что < > собственноручно подписалась Императрица Марина» (Титов, 1906 С 188) Это письмо опубликовано С Чампи — к сожалению, в итальянском переводе, в итальянском тексте фигурирует другая подпись «Marina Principessa di Moscovia» (Чампи, 1827 С 69 Прилож VII)

может употребляться и форма «царь» (см.: АИ, 2. № 56—62, 64. С. 70—73, 76—77, 79).

По-видимому, форма «цесарь» воспринималась как славянский эквивалент иноязычного титула «император». Необходимо иметь в виду, что в польском языке, на который ориентировался Лжедмитрий, слово *cesarz* (*casarz*) было в это время обычным наименованием для императора: слово *imperator* было мало употребительным (см.: Сл. польск. яз. XVI в., 3. С. 164—169; ср. там же, 8. С. 520). Форму «цесарь» можно найти в древнейших русских церковнославянских текстах, особенно певческих: она восходит к форме «цъсарь», сохранявшейся до падения редуцированных, и отражает книжное произношение буквы ъ как [e] (см.: Успенский, 1987. С. 92—102. § 7.5.3; Успенский, 1988); однако во времена Лжедмитрия эта форма была прочно забыта и, несомненно, воспринималась как полонизм. Ср. в этой связи слова Лжедмитрия в показаниях его секретарей Яна и Станислава Бучинских: говоря о том, что после коронации и миропомазания Марину поминали как «благоверную цесареву», Лжедмитрий будто бы заметил: «...а сами де они то знают, что посяместа oprичь римской веры в греческой вере цесаря не бывало» (ААЭ, 2. № 48. С. 109; ср.: РИБ, 13. Стб. 80—81); таким образом, слово «цесарь», по-видимому, соотносится в это время со словом «император» и противопоставляется слову «царь».

Можно предположить, что употребление титула «цесарь» ставило Лжедмитрия в трудное положение не только в дипломатической сфере, но также и внутри России. Здесь, по-видимому, возникала одна неразрешимая орфографическая проблема. Слово «цесарь» было противопоставлено слову «царь»; вместе с тем это последнее слово могло писаться под титулом с выносной буквой с, т. е. как цръ (это объясняется тем, что форма *царь* восходит к форме *цъсарь*, ср.: Фасмер, 4. С. 290—291). Поскольку сокращенная форма цръ, так же как и форма цръ, читалась как «царь», новый титул Лжедмитрия — «цесарь» — неизбежно должен был писаться в полном, а не в сокращенном виде. При этом знак титла ставится, как известно, над сакральными словами, тогда как полное написание свидетельствует, напротив, о профанном употреблении (см.: Успенский, 1987. С. 209—211. § 11.4.2; Успенский, 1989. С. 219—220). Это должно было создавать неблагоприятный для Лжедмитрия эффект, который, по всей вероятности, способствовал представлению об антиповедении Лжедмитрия (ср.: Успенский, 1982). Ср. начало упоминавшейся уже грамоты Лжедмитрия во Львов от февраля 1606 г.: «Ѡ нагаснѣншаго і непобѣдимаго Самодержца, Белнаго ГѠра Дмитрея Ивановича, Бжїею матїю Цесаря і велцкаго Кнѣзѣа всеа Русїи і всѣхъ Татарскихъ црствъ и иныхъ многихъ гѠрствъ, Московскїе Монархі поддєглыхъ, ГѠра Црѣа і Обладатєля» (СГГД, 2. № 130. С. 279); ср. в точности такое же наименование Лжедмитрия — с такой же орфографией — в послании князей Федора Мстиславского и Ивана Воротынского Юрию Мнишку от сентября 1605 г. (СГГД, 2. № 100. С. 221); как видим, слово «царь» пишется здесь под титулом, однако слово «цесарь» представлено в полном написании. Сказанное объясняет, возможно, сохранение титула «царь» в грамотах, предназначенных для внутреннего употребления.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- ААЭ, 1—4 — Акты, собранные <...> Археографическою экспедициею Академии наук СПб., 1836 Т. 1—4
 АИ, 1—5 — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841 Т. 1—5
 Акты Зап. России, 1—5 — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею СПб., 1846—1853. Т. 1—5

- Акты юрид — Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства Изданы Археологическою комиссиею СПб, 1838
- Алмазов 1—3 — Алмазов А Тайная исповедь в православной Восточной церкви опыт внешней истории Исследование преимущественно по рукописям Одесса, 1894 Т 1— 3
- Афанасьев, 1—3 — Афанасьев А Н Поэтические воззрения славян на природу Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов М, 1865—1869 Ч 1—3
- Балашов и Красовская — Балашов Д М, Красовская Ю Е Русские свадебные песни Терского берега Белого моря Л, 1969
- Бантыш-Каменский, 1—3 — Переписка между Россией и Польшей по 1700 год, составленная по дипломатическим бумагам управляющим Московским архивом Коллегии иностранных дел Н Н Бантышем-Каменским М, 1862 Ч 1—3 Отт из ЧОИДР за 1860—1862 гг
- Барецци, 1847 — *Relazione della segnalata, et come miracolosa conquista del paterno imperio conseguita dal sereniss giovine Demetro Gran Duca di Moscoua, l'anno 1605, con la sua coronazione, et con quel che h'a fatto doppo che fu coronato l'ultimo di di luglio, fin'a questo giorno Raccolta da sincerissimi auusi per Barezzo Barezzi Firenze, MDCVI* В изд Повествование о Дмитрие Самозванце, собранное Бареццо Барецци [Публикация и предисловие М Оболенского] // ЧОИДР 1847 № 5 (отд III)
- Барсов, 1883 — Барсов Е В Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами С историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси М, 1883 Отт из ЧОИДР 1883 Кн 1
- Бенешевич, 1—2 — Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований Труд В Н Бенешевича СПб, 1906 Т 1, София, 1987 Т 2
- Бердников, 1888 — Бердников И С Краткий курс церковного права Казань, 1888
- Бережков, 1897 — Бережков М Н Елена Ивановна, великая княгиня литовская и королева польская // Тр IX Археологического съезда в Вилье (1893) М, 1897 Т 2 С 1—44
- Богосл словарь, 1—2 — Полный православный богословский энциклопедический словарь СПб б г Т 1—2
- Бодянский, 1847 — Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве и о растриге, Гришке Отрепьеве, и о похищении его [Публикация и предисл О Бодянского] // ЧОИДР 1847 № 9 (отд II)
- Булгаков, 1913 — Булгаков С В Настольная книга для священно-церковно-служителей (Сб сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства) М, 1913
- Буссов 1961 — Буссов К Московская хроника 1564—1613 М, Л, 1961 'Это сочинение опубликовалось в свое время под именем Мартина Бера (см Устрялов, I С 1—143) Как полагают, Буссов писал свою «Хронику» при участии Бера (см Буссов, 1961 С 35—38)
- Бутурлин, 1—3 — Бутурлин Д История смутного времени в России в начале XVII века СПб, 1839—1846 Ч 1—3
- Бухау, 1877 — Даниил, принц из Бухова [Даниил фон Бухау] Начало и возвышение Московнии / Пер с лат Ив А Тихомирова М, 1877 Отт из ЧОИДР 1876 Кн 3 (отд IV)
- Васенко 1914 — Васенко П Лжедмитрий I-й // Русский биографический словарь СПб, 1914 Т «Лабзина—Лашенко»
- Гейс, 1875 — Гейс С Описание путешествия в Москву поста римского императора Николая Варкова с 22-го июля 1593 года / Пер с нем А Н Шемякина с предисл и примеч переводчика М, 1875 Отт из ЧОИДР 1874 Кн 4 (отд IV)
- Герберштейн 1988 — Герберштейн С Записки о Московнии / [Пер с нем А И Маленина и А В Назаренко] М, 1988
- Гиршберг 1906 — Hirschberg A Maryna Mnischowna Lwow, 1906
- Голиков, 1—18 — Голиков И И Дополнение к Деяниям Петра Великого М, 1790—1797 Т 1—18
- Гренков 1864 — Гренков А Собор, бывший в Москве при патриархе Филарете в 1620 году и его определения // Православный собеседник Казань, 1864 Ч 1 С 153—180
- Дело Шакловитого, 1—4 — Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках Изд Археологической комиссии СПб, 1884—1893 Т 1—4
- Дмитриевский 1884 — Дмитриевский А Богослужение в русской церкви в XVI веке Ч 1 Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств Историко-археологическое исследование Казань, 1884 То же Приложения, Казань 1884
- Дмитриевский 1899 — Дмитриевский А Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезунтского Сумелийского монастыря Киев, 1899 То же в «Тр Киевской духовной академии» за 1898—1899 гг, в журнальной публикации другое название «Архиепископ Елассонский Арсений (Суздальский юж) и его вновь открытые исторические мемуары»
- Домострой, 1881 — Домострой по списку имп Общества истории и древностей российских / с предисл И Забелина // ЧОИДР 1881 Кн 2

- Доп АИ, 1—12 — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею СПб, 1846—1875 Т 1—12
- ДРВ, 1—20 — Древняя российская виллиофика < > изданная Николаем Новиковым 2-е изд., вновь испр М, 1788—1791 Ч 1—20
- Дука, 1958 — Ducas M Istoria turco-bizantina (1341—1462) / Editi \acute{e} critica de V Grecu Bucure \mathring{a} sti, 1958
- Дьяконов, 1—2 — Дьяконов М Акты, относящиеся к истории тяглового населения в Московском государстве Юрьев, 1895—1897 Вып 1—2
- Забчиц, 1900 — Poselmoskiewski Przez Iana Zabczusa pisany W Krakowie 1605 // Вержбовский Ф Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях Вып 3 «Смутное время» в современной ему польской литературе, ч 1 (1605—1607) Варшава, 1900 С 35—47
- Завитневич, 1901 — Завитневич В Отзыв о сочинении А Дмитриевский Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезунтского Сумелийского монастыря // Извлечения из протоколов совета Киевской духовной академии за 1900—1901 учебный год Киев, 1901 С 140—199
- Иванов, 1906 — Иванов Ф Церковь в эпоху смутных времен на Руси Екатеринослав, 1906
- Идея Рима — L'idea di Roma a Mosca secoli XV—XVI Fonti per la storia del pensiero sociale Russo / Direzione della ricerca P Catalano, V T Pasuto (Идея Рима в Москве XV—XVI века Источники по истории русской общественной мысли / Отв редакторы П Каталано, В Т Пашуто) Roma, [1993] («Da Roma alla Terza Roma Documenti e studi» Documenti, I)
- Каждан, 1991 — [Alexander] K[a]zhdan Names, personal // The Oxford Dictionary of Byzantium Prepared at Dumbarton Oaks (A P Kazhdan, Editor in Chief) New York, Oxford, 1991 Vol 2 P 1435—1436
- Каптерев, 1905 — Каптерев Н Власть патриаршая и архиерейская в древней Руси в их отношении к власти царской и к приходскому духовенству // Богословский вестник 1905 Т 1, апрель С 657—690, Т 2, май С 27—64
- Карамзин, 1—12 — Карамзин Н М История государства Российского СПб, 1892 Т 1—12
- Карташев, 1—2 — Карташев А В Очерки по истории русской церкви Париж, 1959 Т 1—2
- Клочков, 1909 — Клочков М София Фоминична // Русский биографический словарь СПб, 1909 Т «Смысловский — Суворина»
- Козляков и Севостьянова, 1995 — Козляков В Н, Севостьянова А А Комментарии // Дневник Марины Мнишек / Пер В Н Козлякова СПб, 1995 С 135—159 (Studiorum slavicozum monumenta Т 9)
- Лакиер, 1847 — Лакиер А История титула государей России // ЖМНП 1847 Ч 56 № 10—11 С 81—156
- Левитский, 1885—1886 — Левитский Н Лжедмитрий I как пропагандист католичества в Москве // Христианское чтение 1885 № 5—6 С 670—704, № 9—10 С 372—424, 1886 № 1—2 С 133—173, № 7—8 С 48—101
- Левитский, 1886—1887 — Левитский Н Игнатий, патриарх московский (Историко-биографический очерк) // Христианское чтение 1886 № 11—12 С 549—590, 1887 № 1—2 С 20—53
- Леонид, 1882 — Чин поставления на царство царя и великого князя Алексея Михайловича / Сообщено < > архимандритом Леонидом СПб, 1882 (ОЛДП ПДП Т 7)
- Лотман и Успенский, 1982 — Лотман Ю М, Успенский Б А Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Великого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык Средневековья М, 1982 С 236—249
- Макарий, 1—12 — Макарий (Булгаков) История русской церкви СПб, 1857—1883 Т 1—12
- Маржерет, 1982 — Россия начала XVII в Записки капитана Маржерета / Сост Ю А Лимонов М, 1982
- Медведев, 1995 — Медведев И П Русская княжна на византийском троне // ВИ 1995 № 2 С 144—147
- Мельников, 1—7 — Мельников П И [Андрей Печерский] Полн собр соч 2-е изд СПб, 1909 Т 1—7
- Мельников, 1845 — Мельников П Мария Ивановна Хлопова, невеста царя Михаила Федоровича // Нижегородские губернские ведомости 1845 № 7
- Муханов, 1837 — Рукопись Филарета, патриарха Московского и всея России [Издал Павел Муханов] М, 1837
- Муханов, 1871 — Записки гетмана Жолкевского о московской войне, изданные П А Мухановым 2-е изд СПб, 1871
- Невесель, 1968 — Neuvessel J [Иванов Д В] Jean XXIII une vie Paris, [1968]
- Немоевский, 1907 — Записки Станислава Немоевского (1606—1608) / [Публикация и предисл А А Титова, Вступл А Гиршберга] // Титов А А Рукописи славянские и русские принадлежашие И А Вахромееву М 1907 Вып 6 Отд 2

- Немцевич, 1—3 — Niemcewicz J-U Dzeje panowania Zygmunta III, krola polskiego, wielkiego księcia litewskiego, itd Krakow, 1860 Т 1—3
- Никольский, 1907 — Никольский К Пособие к изучению устава богослужения православной церкви 7-е изд, испр и доп СПб, 1907
- Одинцов, 1881 — Одинцов Н Порядок общественного и частного богослужения в древней России до XVI века Церковно-историческое исследование СПб, 1881
- Олеарий, 1906 — Олеарий А Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введение, пер [с нем изд 1656 г], примеч и указатель А М Ловягина СПб, 1906
- Осповат, 1994 — Осповат А Л Тютчев и заграничная служба III Отделения (Материалы к теме) // Тыняновский сборник Пятые Тыняновские чтения Рига, 1994 С 110—138
- Павлов, 1887 — Павлов А С 50-я глава Кормчей книги М, 1887
- Пахимер, 1—2 — Georgii Pachymeris de Michaele et Andronico Paleologis libri tredecim Recognovit I Bekkerus. Bonn, 1835 Vol 1—2 (Corpus scriptorum historiae Byzantinae № 18 Vol 1—2)
- Пигарев и Динесман, 1989 — Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / Вступ статья Т Г Динесман, Публикация К В Пигарева и Т Г Динесман // Литературное наследство М, 1989 Т 97 (Федор Иванович Тютчев), кн 2 С 171—432
- Пирлинг, 1—5 — Pierling [Paul] La Russie et le Saint-Sierge Etudes diplomatiques Paris, 1896—1912 Т 1—5
- Пирлинг, 1891 — Pierling [Paul] La Russie et l'Orient Mariage d'un Tsar au Vatican, Iwan III et Sophie Paleologue Paris, 1891 (Bibliothèque slave elzevirienne Т 9)
- Попов, 1869 — Попов А Изборник (христоматия) славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции (Приложение к обзору хронографов русской редакции) М, 1869
- ПСЗ 1—45 — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года [Собрание 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г] СПб, 1830 Т 1—45
- ПСРЛ, 1—41 — Полное собрание русских летописей СПб (Пг, Л), М, 1841—1995 Т 1—41
- Рабинович, 1978 — Рабинович М Г Очерки этнографии русского феодального города Горожане, их общественный и домашний быт М, 1978
- Рабинович, 1978а — Рабинович М Г Свадьба в русском городе в XVI в // Русский народный свадебный обряд Исследования и материалы / Под ред К В Чистова и Т А Бернштам Л, 1978
- РИБ, 1—39 — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею СПб (Пг, Л), 1872—1927 Т 1—39
- РФА, 1—5 — Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI века М, 1986—1992 Вып 1—5
- Савва, 1901 — Савва В Московские цари и византийские василевсы К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей Харьков, 1901
- СБ РИО, 1—148 — Сборник Русского исторического общества СПб (Пг), 1867—1916 Т 1—148
- СГГД, 1—5 — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел М, 1813—1894 Ч 1—5
- Семевский, 1989 — Семевский М И Царица Прасковья 1664—1723 Очерк из русской истории XVIII века М, 1989
- Серафимов, 1864 — Серафимов А О принятии неправославных христиан в православную церковь // Тр Киевской духовной академии 1864 Т 2 С 281—366, 481—516
- Середонин, 1884 — Известия англичан о России XVI в (Ченслер, Дженкинсон, Рандольф, Баус) / Пер с англ С М Середонина М, 1884 Отт из ЧОИДР 1884 Кн 4 (отд III)
- Сестренцевич, 1—3 — Journal et correspondance de Stanislas Siestrzeńcewicz-Bohusz, premier archevêque-metropolitain de toutes les eglises catholiques en Russie / Publie sous la direction de M Godlewski et W Kriksine Partie 1—3 // Старина и новизна СПб, 1913 Кн 16 (Pt 1), 1914 Кн 18 (Pt 2) 1915 Кн 19 (Pt 3)
- Скрынников, 1987 — Скрынников Р Г Самозванцы в России в начале XVII века Григорий Отрепьев Новосибирск, 1987
- Сл польск яз XVI в, 1—19 — Słownik polszczyzny XVI wieku Wrocław et al, 1966—1990 Т 1—19
- Смирнов, 1874 — Смирнов А Святейший патриарх Филарет Никитич, московский и всея России М, 1874 Отт из ЧОЛДП 1873 (январь, март, июнь, октябрь), 1874 (февраль—май)
- Смирнов, 1913 — Смирнов С Древнерусский духовник Исследование по истории церковного быта М, [1913] Отт из ЧОИДР за 1912—1914 гг, текст «Исследования» опубликован в ЧОИДР 1914 Кн 2, а приложение «Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (тексты и заметки)» — в ЧОИДР 1912 Кн 3
- Снегирев, 1904—1905, 1—2 — Дневник Ивана Михайловича Снегирева / С предисл А А Титова М 1904—1905 Т 1—2
- Соллогуб, 1931 — Соллогуб В А Воспоминания М, Л, 1931

- Соловьев, 1 15 — Соловьев С М История России с древнейших времен М, 1959—1966 Кн 1—15
- Старинные свадебные обряды — Старинные свадебные обряды // Прибавление к Московским губернским ведомостям 1843 № 35 С 439—446, № 36 С 455—460 № 37 С 467 472 № 38 С 490—495
- Строев, 1877 — Строев П Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви СПб, 1877
- Терещенко, 1—7 — Терещенко А Быт русского народа СПб, 1848 Ч 1—7
- Титов, 1906 — [Титов А А] История Димитрия, царя Московского, и Марины Мнишек, дочери Сендомирского воеводы, царицы Московской [Дневник Мартына Стадницкого] // Русский архив 1906 Кн 2, № 5 С 129—174, № 6 С 177—222
- Требник, 1639 — Требник иноческий М, 1639
- Туманский, 1—10 — Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого, изданное трудом и иждивением Феодора Туманского, СПб, 1787—1788 Ч 1—10
- Тургенев, 1—3 — Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А И Тургеневым (Historica Russiae monumenta, ex antiquis exteraarum gentium archivis et bibliothecis deprompta, ab A J Turgenewio) СПб, 1841—1848 Т 1—3
- Ульяновский, 1991 — Ульяновский В И Патриарх Игнатий в Греции, России и Речи Посполитой // Славяне и их соседи Католицизм и православие в Средние века Сб тезисов М, 1991 С 53—58
- Ульяновский, 1993 — Ульяновский В И Православная церковь и Лжедмитрий I // Архив русской истории М, 1993 Вып 3 С 29—62
- Успенский, 1976 — Успенский Б А Historia sub specie semioticae // Культурное наследие Древней Руси (Истоки, становление, традиции) М, 1976 С 286—292
- Успенский, 1982 — Успенский Б А Царь и самозванец самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык Средневековья М, 1982 С 201—235
- Успенский, 1987 — Успенский Б А История русского литературного языка (XI—XVII вв) Munchen, 1987 (Sagner's slavistische Sammlung Bd 12)
- Успенский, 1988 — Успенский Б А Русское книжное произношение XI—XII вв и его связь с южнославянской традицией (Чтение еров) // Актуальные проблемы славянского языкознания М, 1988 С 99—156
- Успенский, 1989 — Успенский Б А Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси восприятие церковнославянского и русского языка // Византия и Русь (Памяти Веры Дмитриевны Лихачевой 1937—1981) М, 1989 С 206—227
- Успенский, 1996 — Успенский Б А Литургический статус царя в русской церкви приобретение св Тайнам (Историко-литургический этюд) // Учен зап Российского православного университета ап Иоанна Богослова М, 1996 Вып 2
- Успенский, 1996а — Успенский Б А Царь и патриарх харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление) // Успенский Б А Избр труды 2-е изд, испр и перераб М, 1996 Т 1 С 184—204
- Успенский, 1996б — Успенский Б А Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Успенский Б А Избр труды 2-е изд испр и перераб М, 1996 Т 2 С 187—202
- Устрялов, 1—2 — Устрялов Н Сказания современников о Димитрии Самозванце 3-е изд испр СПб, 1859 Ч 1—2
- Фасмер, 1—4 — Фасмер М Этимологический словарь русского языка / Пер с нем и дополнения О Н Трубачева М, 1964—1973 Т 1—4
- Филарет, 1875 — Филарет, иеромонах Опыт сличения церковных чинопоследований по изложению церковно-богослужебных книг московской печати, изданных первыми пятью российскими патриархами, с указанием представляемых ими книгами важнейших различий и несогласий в изложении церковных чинов М, 1875
- Филипович, 1950 — Филипович М Мађинско разбијање судова // Научни зборник Матице Српске Нови Сад 1950 Т 1
- Францев 1911 — Историческое и правдивое повествование о том как московский князь Димитрий Иоаннович достиг отцовского престола / Чешский текст 1606 г с предисл и пер П А Францева // Старина и новизна СПб 1911 Кн 15 С 1—XII 1—35
- Цветаев 1890 — Цветаев Д В Протестантизм и протестанты в России до эпохи преобразований Историческое исследование М, 1890 Отг из ЧОИДР 1889 Кн 4, 1890 Кн 1
- Церетели, 1898 — Церетели Е Елена Иоанновна великая княгиня литовская русская королева польская Биографический очерк в связи с историей того времени СПб 1898
- Чампи 1827 — Stampi S Esame critico con documenti mediti della storia di Demetrio di Iwan Wasiliewitch Firenze 1827
- Чечулин, 1897 — Чечулин Н Иоанн III Васильевич // Русский биографический словарь СПб 1897 Т «Ибак — Ключарев»
- Шереметева 1928 — Шереметева М Е Свадьба в Гамаюншине Калужского уезда Калуга 1928

- Шильдер, 1—2 - Шильдер Н К Император Николай Первый Его жизнь и царствование СПб, 1903 Т 1—2
- Шневайс, 1935 - Schneeweiss E Grundriss des Volksglaubens und Volksbrauch der Serbo-Kroaten Celje, 1935
- Шпаков 1912 - Шпаков А Я Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве Царствование Федора Иоанновича Учреждение патриаршества в России Одесса, 1912 То же Приложения, ч 1—2 Одесса, 1912 (Зап имп Новороссийского ун-та юридического ф-та Вып 6)
- Щепкин 1901 - Щепкин Е Н Политика папского престола в Смутное время (Разбор книги Le P Pierling, S J La Russie et le Saint-Siege Etudes diplomatiques Paris, 1897 1901 Т 1—2) // Летописи Историко-филологического общества при имп Новороссийском ун-те IX Византийско славянское отделение (бывшее византийское) Одесса 1901 С 341—372
- Щепкин 1901a - Щепкин Е Рец на кн Le P Pierling S J La Russie et le Saint-Siege Etudes diplomatiques Paris, 1897 1901 Т 1—2 // Archiv für slavische Philologie 1901 Bd 23 S 291—293

Б. Ф. ЕГОРОВ

Понимание народности в окружении Николая I

Д. С. Лихачев в 1964 г. написал ценную статью «Социальные корни типа Манилова»¹ (не хрущевские ли показуха и утопии послужили толчком?), где убедительно раскрыл лицемерно-показной характер правящей верхушки России при царствовании Николая I. Развивая эту тему, я остановлюсь на истолковании понятия «народность» в николаевском окружении.

Манифест восходящего на престол Николая, изданный в день казни декабристов 13 июля 1826 г. (манифест подготовлен бывшим либералом М. М. Сперанским), не содержал никаких либеральных идей: утверждались незыблемость самодержавия и наличие единственной инициативы улучшений и исправлений в стране — инициативы сверху; подчеркивалась преданность и любовь народа к престолу. Эти идеи несколько лет спустя превратил в четкую тройственную формулу «православие, самодержавие и народность» недавно назначенный товарищем министра народного просвещения С. С. Уваров. Впервые он употребил формулу в 1832 г. в отчете об осмотре Московского университета; отчет он превратил в теоретическую декларацию основных руководящих принципов в идеологической сфере: Россия противопоставлялась губительно вредной по идеям и по нравам Западной Европе, а охранительным началом выдвигалась триединая формула. Уваров, который при Александре I проповедовал сближение России с культурной Европой, сменил курс на противоположный, и Николай I оценил это качество: в 1833 г. он назначил Уварова уже министром народного просвещения.

Лицемерная идеологическая политика, проводившаяся в предшествующем царствовании, главным образом императором, при Николае I была отдана в руки одного из самых безнравственных министров XIX в. Ярко обрисовал облик Уварова С. М. Соловьев: «...это был лакей, получивший порядочные манеры в доме порядочного барина (Александра I), но оставшийся в сердце лакеем; он не щадил никаких средств, никакой лести, чтобы угодить барину-императору Николаю; он внушил ему мысль, что он, Николай, творец какого-то нового образования, основанного на новых началах, и придумал эти начала, т. е. слова: православие, самодержавие и народность; православие — будучи безбожником, не веруя в Христа даже и по-протестантски; самодержавие — будучи либералом; народность — не прочтя в свою жизнь ни одной русской книги, писавши постоянно по-французски или по-немецки».²

¹ Впервые статья опубликована в сб. Проблемы теории и истории литературы. Сб. статей, посвященный памяти профессора А. Н. Соколова М., 1971. С. 297—307. Затем статья перепечатывалась в двух изданиях книги Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература Л., 1981. 2-е изд. — Л., 1984.

² Соловьев С. М. Избр. труды. Записки М., 1983. С. 267—268.

Конечно, все знали об этом двуличии (или даже многоличии) Уварова, но таков был общий стиль жизни николаевской верхушки. М. И. Жихарев рассказал об интересной беседе бывшего декабриста М. Ф. Орлова с всемогущим А. Х. Бенкендорфом. Когда начались гонения на П. Я. Чаадаева, Орлов пытался заступиться за своего друга и стал доказывать Бенкендорфу, что философ-публицист был суров по отношению к прошлому России, а от ее будущего он ждет чрезвычайно много. На это граф Бенкендорф произнес историческую фразу, которая в переводе с французского гласит: «Прошедшее России было очаровательно, ее настоящее более чем великолепно. Что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение».³

Казалось бы, в свете такого «благоденствия» и триединая уваровская формула должна была бы быть незыблемой и оптимистичной. Но лицемерие всегда ведет к коррозированию, проржавлению трудных, «напряженных» зон, а таковой оказался третий элемент формулы. Сам Уваров прекрасно понимал обоюдоострость понятия «народности»: «Вопрос о народности не имеет того единства, как предыдущие <...> все затруднение заключалось в соглашении древних и новых понятий; но народность не заставляет идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях... Довольно, если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий...».⁴

Тирада весьма туманная, но объясняться более четко Уваров не мог и не хотел: проблема народности, как она ставилась немецкими романтиками и, в более расширенных и разнообразных вариантах, русскими эстетиками и критиками 1820—1830-х гг., вела к изучению национального своеобразия, к исследованию жизни и идеалов народа, а Уваров отнюдь не хотел углубления и расширения такой проблематики, этим и объясняется туманная расплывчатость определения третьего элемента по сравнению со значительно более ясными православием и самодержавием.

И недаром он боялся «народности»: в период «мрачного семилетия» реакционные круги даже триединую формулу стали воспринимать как чуть ли не крамольную и возрадовались отставке графа Уварова в 1849 г. с поста министра (титул Уваров получил незадолго до отставки, в 1846 г.). А еще несколько лет спустя известный иезуит кн. И. С. Гагарин выпустил в Париже брошюру «Будет ли Россия католической?» (в подлиннике: *La Russie sera-t-elle catholique?* Paris, 1857), где, подразумевая, очевидно, славянофилов под нынешними сторонниками триединой формулы, истолковывает ее как тайный революционный призыв: «Это не что иное, как восточная формула революционной идеи XIX века <...> Когда наступит время, очень нетрудно будет отделиться от самодержавия, отыскать в народности политические доктрины свойства самого радикального, самого республиканского, самого коммунистического <...> То же и с православием...».⁵ Хомяков в полемической брошюре назвал эти рассуждения Гагарина доносом.⁶ Справедливо. Но любопытно, как народность раздражала консерваторов!

Сам Николай I, принимая формулу Уварова как официальный лозунг, был весьма равнодушен к третьей ипостаси. Он одобрял «квасной патриотизм» пьес Н. Кукольника и позднего Н. Полевого, готов был показывать

³ Жихарев М. И. Петр Яковлевич Чаадаев. Из воспоминаний современника. Статья 2-я // Вестн Европы 1871 № 9 С 38

⁴ Цит по Цимбаев Н. И. «Под бременем познания и сомнения» (Идейные искания 1830-х годов) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников М., 1989 С 30 Цитируется доклад Уварова Николаю I о деятельности министерства народного просвещения в 1833—1843 гг.

⁵ Цит по Хомяков А. С. Соч. М., 1900 Т 2 С 186—187

⁶ Там же С 187

свое понимание народных нужд вплоть до заявлений о необходимости уничтожить крепостничество, любил, бывая в Москве со двором, устраивать почти маскарадные «общения» с народом в Кремле, около соборов, кокетничал вместе со своей семьей, демонстрируя в летних петергофских домиках почти простонародную жизнь (конечно, с сотнями слуг!), но не проявлял никакого интереса к народной культуре, к фольклору, к этнографии. Николаю казалось, что он прекрасно разбирается в характере русского народа, рабски преданного царю и отечеству. Массовых крестьянских выступлений Николай не ожидал, уповая на вновь созданный корпус жандармов: он больше опасался тайных кружков интеллигенции.

А уж если речь шла о массовых народных движениях вокруг России, особенно о национально-освободительных движениях относительно малых народов, даже если эти народы по конфессиональным или племенным свойствам должны были бы быть близки России, тут царь оказывался их решительным противником. Как и Александр I, Николай не помог в 1820-х гг. восстаниям греков, румын, болгар против Османской империи. Он был державным легитимистом: целостность турецкой и австрийской империй ему была важнее судьбы угнетенных южных и западных славян. Любопытно, что термин «славянофил», широко уже распространившийся в 40-х гг., воспринимался в правительственных кругах весьма негативно, его трактовали как желание освободить революционным путем южных и западных славян, а потом, может быть, перекинуть огонь восстаний и в Россию. Революционный ореол постоянно сопутствовал славянофилам, даже во сне не мечтавшим о насильственных переворотах.

Когда молодой славянофил Ф. В. Чижов, семь лет проведенный за границей и специально изучавший южных славян, вернулся в 1847 г., то он был арестован на границе, доставлен под охраной в Петербург и подвергнут допросам относительно его славянофильских убеждений и его интереса к судьбе зарубежных славян.

Крайне характерно, что до славянофилов изучение быта, языка и фольклора зарубежных славян не вызывало никаких подозрений: в 1829 г. Российская Академия командировала Ю. И. Венелина для изучения болгар; в 1835 г. в университетах были открыты кафедры истории и литературы славянских народов, и будущие профессора получили длительные командировки в славянские земли: И. И. Срезневский (1839—1842), О. И. Бодянский (1837—1842), П. И. Прейс (1839—1842). И уж совсем параллельно с Чижовым был командирован В. И. Григорович (1844—1846), молодой профессор Казанского университета. Но к ним у правительства и жандармов, кажется, не было претензий: они не принадлежали к сомнительному кружку славянофилов!

Когда в марте 1849 г. младшего Аксакова, Ивана Сергеевича, арестовали в Петербурге и препроводили в III отделение, ему был предложен список вопросов, среди которых был один, основанный на перлюстрации письма к И. С. Аксакову его брата Григория: «Брат ваш Григорий <...> выражает надежду, что Австрия из немецкой превратится в славянскую монархию. Не питаете ли вы и родственники ваши славянофильских понятий и в чем оные состоят?». Вот где собака зарыта: Николай и его окружение трактовали славянофилов как радикальных панславистов, мечтающих о свободном объединении славянских народов.

Иван Аксаков по-честному разъяснил позицию русских славянофилов 40-х гг.: «Что касается до моих славянофильских идей, то ни я, ни родственники мои не славянофилы в том смысле, в каком предложен этот вопрос. В панславизм мы не верим, во-первых, потому, что для этого необходимо было бы единоверие славянских племен, а католицизм Богемии и Поль-

ши — элемент враждебный, чуждый, несмешиваемый с элементом православия прочих славян; во-вторых, все отдельные элементы славянских народностей могли бы раствориться и слиться в целое только в другом, крепчайшем, цельном, могучем элементе, т. е. в русском; в-третьих, большая часть славянских племен заражена влиянием пустого, западного либерализма, который противен духу русского народа и никогда к нему привиться не может. *Признаюсь, меня гораздо более всех славян занимает Русь, а брата моего Константина даже упрекают в совершеннейшем равнодушии ко всем славянам, кроме России, и то даже не всей, а собственно Великороссии*».

Николай I, внимательно читавший ответы Аксакова (фраза подчеркнута, очевидно, им), оставил на полях следующую заметку: «И дельно, потому что все прочее мечта. Один Бог может определить, чему быть в дальнем будущем; но ежели стечение обстоятельств привело бы к сему единству, оно будет на гибель России».

Любопытна последняя фраза: Николай дико боится перекраивания европейских границ!

И особенно важно развернутое резюме царя на славянскую тему: «Потому, что под видом участия к мнимому утеснению славянских племен в других государствах, тмится⁷ преступная мысль соединения с сими племенами, несмотря на подданство их соседним и частью союзным государствам; а достижения сего ожидали не от Божьего определения, а от возмутительных покушений на гибель самой России».⁸

Да, смертельно боясь революционных потрясений, Николай отворачивался от судьбы угнетенных народов, как приостановил в 1848 г. робкую подготовку крестьянской реформы внутри России. Вот почему и, казалось бы, невинное понятие «народность» воспринималось как революционный лозунг.

⁷ Редкое слово «тмится» Николай, видимо, заимствовал у любимого драматурга Н. Кукольника, у которого главный герой пьесы «Торквато Тассо» (1833) в двух монологах пятого акта повторяет рефрен: «И снова все туманится и тмится».

⁸ Цит. по: Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 2. С. 510, 505.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Р. ПИККИО

«Слово о полку Игоре» как памятник религиозной литературы Древней Руси

Мне кажется полезным, прежде чем приступить к самой теме, представить краткую историю исследований, на которых базируется моя интерпретация «Слова о полку Игоре». Наверное, я должен был написать эту небольшую заметку ориентирующего характера, которую теперь я посвящаю 90-летию юбилею Дмитрия Сергеевича Лихачева, уже много лет назад, когда я стал понимать, что «Слово» возможно толковать в перспективе, радикально отличной от принятых в то время. Но я не решался написать ее по разным причинам, среди которых был благоговейный страх и перед проблемами столь великой сложности, и перед необходимостью объять безмерный, накопившийся за два столетия объем научных трудов, посвященных «Слову».

Надеясь превратить индивидуальное и спорадическое исследование в более «органический» проект, я избрал себе в сотрудники Анджело Данти (1939—1979), блестящего филолога, моего бывшего ученика по Флорентийскому университету. Данти не только знал и принимал мои методологические положения, но и исходил из них в собственных работах. Его преждевременная смерть оборвала наше сотрудничество, обещавшее быть плодотворным.¹

Через ряд лет, уже находясь в Соединенных Штатах, я решил возобновить проект в сотрудничестве с Харви Гольдблаттом, одним из наиболее серьезных славистов по ту сторону Атлантики и моим бывшим студентом по Йельскому университету. Наше сотрудничество, хотя нередко и прерывавшееся по ряду причин, не прекращается и, надеюсь, скоро приведет к положительным результатам.

В то время, пока я пишу эти строки, Харви Гольдблатт дорабатывает нашу общую с ним статью, где описаны пройденные шаги и намечены будущие перспективы нашего «проекта».² Отсылая к этой статье, где содержатся полные сведения о работе, я сосредоточусь здесь на одном, наиболее важном аспекте исследования — на интерпретации «Слова» не как эпического светского памятника (что было бы аномалией на фоне того религи-

¹ Первый итог этого сотрудничества см. в статье Brogi Bercoff G. Studi sulla letteratura medievale della Rus // *La slavistica in Italia Cinquant'anni di studi (1940—1990)* A cura di G. Brogi Bercoff, G. Dell'Agata, P. Marchesani, R. Picchio / Ministero per i beni culturali e ambientali, Divisione editoria Roma, 1994 P. 129—130

² Goldblatt H., Picchio R. *Toward a New Critical Reading of the Igor' Tale* // *Russica Romana* [Roma], 1995 Vol. 2

озного целого, каким является древнерусская литература), но как текста, в котором присутствует религиозный лейтмотив. На эту тему мной уже опубликовано несколько отдельных статей, которые, однако, недостаточно полно передают суть моей мысли.³

Исходный методологический пункт моих исследований — сосредоточение внимания первоначально не на всей совокупности рассматриваемого текста, понимаемого как Слово — λόγος, т. е. ораторское сочинение, в котором вспоминается и аллюзивно толкуется военное предприятие князя Игоря Святославича, но на повести — διήγησις, т. е. на рассказе, описывающем соответствующее предприятие. Рассказ этот может быть экспериментальным образом вычленен из контекста «Слова о полку Игореве».⁴

Речь идет, разумеется, о техническом приеме, а не о попытке действительно отделить друг от друга историко-повествовательный и ораторский компоненты (постоянное переплетение которых составляет одну из наиболее заметных особенностей «Слова»). Цель этого приема — выявить повесть, содержащуюся в «Слове», чтобы затем сопоставить ее с передающими те же события повестями из Ипатьевской и Лаврентьевской летописей.

Первое сомнение, которое может в связи с этим возникнуть, касается реальности присутствия в «Слове» повести, т. е. самостоятельного исторического повествования о походе Игоря Святославича. Мой анализ, как будет продемонстрировано далее, ведет к утвердительному ответу на этот вопрос и показывает, что основная фабула остается той же как в «Слове», так и в его лаврентьевском и ипатьевском вариантах.

То, что можно назвать «„Повестью“ о полку Игореве», программно упомянуто в первых строчках «Слова» как экспрессивная форма, противопоставляемая «песне», т. е. поэтическому, а не историческому дискурсу Бояна. Это важнейшее теоретическое положение, однако, ускользает от внимания читателя из-за испорченности текста, не подвергнутого, на мой взгляд, достаточной конъектурной правке.

Вот этот фрагмент в издании princers:⁵

Не лѣпо ли ны бѣшеть, брате, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстей о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславича! Начати же ся тѣмъ пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленю Бояню.

Чтение «начати же ся тѣмъ пѣсни» — конъектура редакторов первого издания. В копии для Екатерины II это место читается как **начатихесять пѣсни**. Рукопись в этом месте, по-видимому, была особенно трудной для чтения, возможно, даже вовсе нечитаемой, — или по причине механического повреждения или вследствие ошибки в чтении, допущенной писцом, работавшим над рукописью А. И. Мусина-Пушкина, или его предшественником. Нам не остается ничего другого, как принимать на веру конъектурные чтения первых издателей, будь то с одобрением и, возможно, с попытками усовершенствовать их, будь то с намерением предложить свои новые конь-

³ См.: Picchio R. 1) On the Prosodic Structures of the Igor' Tale // Slavic and East European Journal. 1972. Vol. 16, № 2. P. 147—162; 2) Notes on the Text of the Igor' Tale // Harvard Ukrainian Studies. 1978. Vol. 2. P. 393—422; 3) Мотив Трои в «Слове о полку Игореве» // Проблемы изучения культурного наследия / Ред. Г. В. Степанов. М., 1985. С. 86—99; 4) L'ombra di Achab e Giosafat sull' impresa di Igor' e Vsevolod // Dalla forma allo spirito. Scritti in onore di Nina Kauchtschischwili. A cura di R. Casari, U. Persi, G. Piretto (reprint in: Picchio R. Letteratura della Slavia Ortodossa. Bari, 1991. P. 405—414.

⁴ Об отношении двух литературных «типов», которые соответствуют *narratio* и *oratio*, см.: Picchio R. *Povest' e Slovo*. Osservazioni sul rapporto fra narrativa e omiletica nella tradizione scrittoria dell' antica Rus' // Europa Orientalis. [Roma], 1990. Vol. 9. P. 26—36.

⁵ См.: Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». Материалы и исследования. М., 1960. С. 77 и далее.

ектуры. Мне кажется, что наиболее распространенная конъектура «начати же *ся тѣи пѣсни*», переводимая — «пусть начнется эта песнь»,⁶ неудовлетворительна. Не вижу, почему автор «Слова», противостоя «замышлению Бояна», т. е. способу высказывания, уводящему от реальности к вымыслу, должен был избрать жанр *пѣсни*, в той же мере открытый для игры воображения, а не способ повествования, более созвучный исторической истине — *повѣсть*.

Анализ палеографических возможностей приводит к гипотезе о возможности смещения *са / съ* и *сию / сию*, а также (учитывая одинаковое количество букв и присутствие инварианта, представленного графической группой *-ѣс-*) ошибочного чтения (текст, как мы знаем, не был разделен на слова) «...*тъпѣсни*» вместо «*повѣсть*»;⁷ отсюда — мое убеждение, что в исходном тексте здесь читалось «...начати же *сию повѣсть*».

Такая конъектура дает возможность привести текст в большее соответствие с внутренней логикой повествования. Теперь, вместо того чтобы разделять вступление «Слова» на две фразы, где первая интерпретируется как вопрос, а вторая — как ответ (современные издатели ставят вопросительный знак в конце первого периода и восклицательный — в конце второго),⁸ мы можем прочесть его как одно риторическое вопрошание, а именно:

Не лѣпо ли ны бѣшеть, братья, начати старыми словесы трудныхъ повѣстии о полку Игоревѣ. Игоря Святъславлича, начати же *сию повѣсть* по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!

В повторении «начати... начати же», имеющем эмфатическую функцию, графическое чередование *ая*, кажется, не надделено различительным значением. Ведь первое издание предлагает чтение «начати», а копия для императрицы Екатерины — «начати».

Смысл вступления-декларации делается, таким образом, ясным: замысловатый стиль (замышление) Бояна отвергнут, ибо он не подходит для того, кто намерен, рассказывая *сию повѣсть*, следовать истинным событиям («по былинамъ») эпохи Игоря Святославича (сего времени).⁹

Противопоставление *замышления* и *повѣсти* безукоризненно с литературно-теоретической точки зрения. Напротив, если, как это предполагает существующее чтение-толкование, повествователь сочиняет *пѣснь*, то его стиль не отличается от стиля Боянова, им же осужденного и отвергнутого («...а не по замышлению Бояню!»). В таком случае мифический «Боян vicenda», который «хотяше пѣснь творити...», делается, в нарушение логики, образцом для подражания. Принятая в настоящее время конъектурная правка («...начати же *ся тѣи пѣсни*...») приписывает повествователю «Слова» противоречие: он одновременно избегает «замышления» и полагается на «замышле-

⁶ Пользуюсь ставшим классическим изданием в серии «Библиотека поэта» Слово о полку Игореве / Вступ статья Д. С. Лихачева, Составление и подгот текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. Примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. Л., 1967. С. 43—57.

⁷ Исходя из чтения (дескриптивного и не претендующего на интерпретацию, т. е., как можно думать, достаточно «объективного») копии Екатерины II — «начатигесятъ пѣсни» после «начати же *ся*» можно предположить возможность прочтения *тъ* как *но*, *и* как *в*, *ни* как *тъ*, что дает «повѣсть». Палеографически это представляется возможным.

⁸ «Не лѣпо ли ны бѣшеть, братья, начати старыми словесы трудныхъ повѣстии о полку Игоревѣ Игоря Святъславлича? Начати же *ся тѣи пѣсни* по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!»

⁹ Мне кажется, что и это выражение, как многие другие сомнительные и противоречивые выражения «Слова», находит объяснение в соответствии с логикой историко-поэтического контекста, которую я стремлюсь выявить. Если речь идет о «достоверной повести», основанной на подлинных исторических фактах, то мне кажется несомненным, что подобные «действительно бывшие факты» т. е. «былины», касающиеся Игоря Святославича, должны быть «его времени» или же «сего времени».

ние». Что пение песни по образцу Бояна характеризует жанр, далекий от исторической истины, ясно из текста, непосредственно следующего после вступления: поэт фантазии Боян превращается в волка и орла, его пальцы — это «10 соколов», а струны его инструмента — «стадо лебедьй». Конечно, таким не может быть образец того, кто, не доверяя поэтической фантазии, хотел бы положить в основу своего изложения правду «былин».

Покончив со вступительной частью, перейдем к собственно повествованию. Повествователь говорит:

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію...

Подтверждая предложенную выше конъектурную правку, это эмфатическое повторение формулы *сію повѣсть / повѣсть сію* (с зеркальной инверсией) вновь выявляет логику дискурса: избрав стиль исторической повести и отказавшись от стиля песни, представленного в сочинениях Бояна, автор теперь должен указать отправной пункт своего рассказа.

Прежде всего, голос повествователя сообщает следующие историко-хронологические координаты:

...отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, ...

То обстоятельство, что «старого Владимира» затруднительно отождествить с реальным историческим лицом (ибо исторический контекст «Слова» остается неопределенным¹⁰), не имеет принципиального значения для нашего анализа. Однако не может быть сомнений касательно вопроса, более всего нас интересующего, — об устремленности повествователя к истории. Принципиально важно, что повествователь упоминает две исторические фигуры, которые воплощают соответственно какое-то время в прошлом и время настоящее. Помещая свое повествование в конкретные хронологические рамки, автор тем самым историзирует его.

Еще лучше намерения автора прояснены в следующей фразе. Если о «старом Владимире» ничего более не сообщается, то **нынѣшний Игорь** точно охарактеризован как главный герой повествования. На этой характеристике Игоря стоит задержаться, ибо она позволяет сразу увидеть суть дела. Повествователь говорит:

...иже истягну умь крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрія плъкы на землю Половѣцкую за землю Руськую.

Игорь Святославич представлен здесь как человек, не обнаруживающий в осуществляемом им военном предприятии (речь о котором начинается) достаточного владения своим «умом» и «сердцем». Уже это может позволить поместить его среди «безумных героев», которые уступают порыву, впадают в дерзость, оказываются во власти той силы, которая традиционно обозначается как *furog bellicus* и ἄβρις.

Смысл этого сообщения откроется со всей полнотой, во всей своей значительности, если мы сопоставим его с библейским текстом. Во Второзаконии 2:30 читаем:

¹⁰ Неясное указание на ключевой персонаж, который в конечном счете должен обозначать исходный пункт повествования, может обескуражить читателя-критика и навести его на предположение, что это начало не соответствует тому, что потом будет рассказано в «Слове». Подобного рода сомнения можно разрешить, если углубиться в проблему генезиса текстуального материала, а не при рассмотрении его функций внутри «Слова», что является нашей целью. В данной работе мы ограничиваемся «прямой» интерпретацией текста, оставляя в стороне историю его формирования.

« Сигон, царь Есевонский, не согласился позволить пройти нам через свою землю, потому что Господь, Бог твой, ожесточил дух его и сердце его сделал упорным, чтобы предать его в руку твою » (Курсив мой — Р П)

Не имеет смысла спорить о том, в какой мере точно эта цитата или отсылка к библейскому тексту.¹¹ Достаточно сложно уже само по себе вообразить, какими путями библейские слова достигли пера и слуха автора (или переписчика) «Слова о полку Игореве». Во всяком случае не приходится сомневаться в том, что текстуальным источником данного фрагмента является Второзаконие, хотя формула эта не уникальна. Например, она весьма близка к формуле книги Даниила, клеймящей гордость Навуходоносора.¹²

Чтобы лучше уяснить характер нашего отрывка, сопоставим интересующую нас фразу «...истягну умь крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ...» с греческой версией того же стиха из Второзакония по Септуагинте,¹³ где читаем: «...ἐσκλήρυνε... τὸ πνεῦμα αὐτοῦ, καὶ κατίσχυσε τὴν καρδίαν αὐτοῦ...».

Хотя греческое πνεῦμα («дух») не совпадает прямо с русским «умь», нет сомнения, что функциональное отношение πνεῦμα—καρδία (связанное с взаимодействием интеллектуально-духовной и сентиментально-импульсивной деятельности) соответствует отношению «умь — сердце». Что касается глаголов, мне представляется, что выражение «истягну <...> крѣпости» хорошо передает идею греческого ἐσκλήρυνε — «ожесточить, обострить крепость». Так же можно оценить и словосочетание «поостри сердца своего мужествомъ»: в греческом κατίσχυσε заключена идея «побуждать к силе / насилию» (ισχύς), понимаемому как воинская отвага (мужество).

Как я уже говорил, не столь существенно, с какой степенью точности передается библейский текст. Гораздо интереснее понять, какова контекстуальная функция библейских цитат или отсылок к Писанию. Конкретный ответ определяется тем, как вообще используют цитаты из Св. Писания другие памятники средневековой восточной и южной славянской литературы. Все говорит о том, что перед нами один из тех «семантических указателей», которые я несколько лет назад назвал «библейскими тематическими ключами».¹⁴

«Тематические ключи», встречающиеся в различных текстах средневековой христианской литературы восточных и южных славян, представляют собой цитаты или комбинации цитат (т.е. текстуальных отсылок более или менее точных, но при этом достаточно хорошо выделяемых) из Ветхого или Нового Заветов, а также — хотя это встречается реже — из других священ-

¹¹ Этим я не хочу оспорить важность исследований, имеющих целью установить «точные» соотношения между Библией и «Словом о полку Игореве» на лексическом уровне или, во всяком случае, в аспекте чисто лингвистических соответствий. Такого рода исследования предпринимали крупные ученые от П. П. Вяземского до Г. М. Бараца и В. Н. Перетца. Основой для таких работ до сих пор остается словарь, содержащийся в книге Перетца В. Н. К. изучению «Слова о полку Игореве» Л., 1926 С. 55—75.

¹² Даниил говорит царю Вавилону «Но когда сердце его [Навуходоносора] надмилось и дух его ожесточился до дерзости, он был свержен с царского престола своего и лишен славы своей» (Дан. 5:20 Курсив мой — Р П).

¹³ Цит. по кн. The Septuagint Version of the Old Testament, with an English version by Sir Launcelot Lee Brenton London, [s. a.] Греческий текст Септуагинты в некоторых пределах может ориентировать нас на изводы текстов славянской Библии.

¹⁴ См. мою статью The Function of Biblical Thematic Clues in the Literary Code of Slavic Orthodoxy // Slavica Hierosolymitana 1977 Vol. 1 P. 1—31 (итальянский вариант статьи напечатан в кн. Picchio R. Letteratura della Slavia Ortodossa Bari, 1991 P. 363—403) и, в особенности, статью Гольдблатт К. Константин Костенческий и славянский тезис о преемственности апостольства, к вопросу о тематическом ключе в «Сказании изъявленном о писменех» // Втори международен конгрес по българистика Доклади Т. II Стара българска литература Литература на българското Възраждане София, 1987 С. 166—176.

ных текстов — из святоотеческой литературы. Обратившись к библейскому контексту (который, будучи боговдохновенным, несет абсолютную истину), мы можем проникнуть в «духовный», т. е. высший, смысл текста, в котором без этого «восхождения» нам открылся бы только «исторический», т. е. буквальный и «низший», смысл. На практике, поскольку эти отсылки к боговдохновенному слову Писания помогают читателю понимать человеческие дела в свете вечной истины, «тематические ключи» служат своеобразным мостом между произвольными знаками человеческих текстов и абсолютными знаками божественного Писания.

Специфические функции, отличающие его от другого типа библейских цитат или отсылок, «тематический ключ» обретает благодаря своему структурному местоположению. Мы находим «тематические ключи» в начале того, что античные риторика называли *expositio*, т. е. в начале «изложения событий» или «повествования». «Тематические ключи» помещаются или в первых строках текста (как в Сказании о Борисе и Глебе¹⁵), или непосредственно после введения или какого-либо вводного абзаца (как в сказании Костенческого¹⁶).

«Слово о полку Игореве» в данном аспекте — один из наиболее простых случаев использования «тематического ключа». Не представляет никакой трудности локализовать начало *narratio*. После введения, открывающегося словами «Не льпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти...», где уточняется намерение «начати сю повѣсть», следуя образцу исторических сочинений («по былинам») и не подражая Бояну, автор останавливается на описании поэтической техники «ветхого» поэта. После этого автор дает читателю ясное указание («почнемъ же, братіе, повѣсть сю»), что в данном месте начинается *narratio*. Именно здесь и находится «тематический ключ».

Итак, Игорь не владеет ни своим «умом», ни своим «сердцем». В свете библейской отсылки, составляющей «тематический ключ», это сближает его с «Сигоном, царем Есевонским». Подобно символическому персонажу Второзакония 2:30, Игорь Святославич обречен судьбой потерпеть поражение и стать пленником из-за своей гордыни и воинственного пыла (в чем читатель, который понимает смысл «тематического ключа», не сомневается с самого начала). Малосущественно, что Сигон оказывается в руках избранного народа израильского, в то время как Игорь Святославич побежден неверными. Сообщение, несомое «тематическим ключом», касается не «внешней истории», не осязаемых исторических событий, но «истории внутренней», т. е. «духовной» истории героя-грешника. Победить можно лишь смирением: «ратный дух», «упорное сердце» и «мужество» являются не добродетелями, но признаками духовной патологии, происходящей от гордости и используемой Господом как наказание.

Здесь перед нами прямая отсылка к Сигону царю Есевонскому, но Сигон в свою очередь принадлежит к определенному типу «безумных героев», которые в Ветхом Завете символизируют грех гордыни. Состояния души, имеющие своими признаками «упорное сердце» и/или «жестокий дух», всегда приводят к гибели (ср., например: «...Господь ожесточил сердце фараона, и он не отпустил сынов Израилевых» — Исх. 10:20).

Сила «тематического ключа» будет все более проясняться по мере того, как другие библейские отсылки и другие «экзегетические подсказки» будут углублять первоначальное сообщение и помогать читателю воспринимать рассказываемое в свете главного принципа, изначально провозглашенного.

¹⁵ См. Picchio R. The Function of Biblical Thematic Clues

¹⁶ См. Гольдблатт К. Константин Костенческий и славянский тезис

В «Слове о полку Игореве» это постепенное развитие экзегетического мотива может быть прослежено достаточно просто.

Представив и объяснив главную тему в библейском ключе, повествователь излагает первый эпизод «исторической повести» — о солнечном затмении:

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ свои: «Братіе и дружино! Луце жь бы потягу быти, неже полонену быти, а всядемь, братіе, на свои брзьяя комони да позримь синего Дону». Спала князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго. «Хошу бо, — рече, — копие приломити конецъ поля Половецкаго, съ вами, русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону»...

Достаточно очевидно, что этот фрагмент представляет собой нечто большее, чем просто нарративный эпизод. В этой сцене все эмблематично. Затмение солнца отчетливо являет собой божественный знак. Пренебрегать им — безумие. Читатель-христианин, достаточно ориентированный в Писании, который уже отметил для себя аллюзию к «жестокости духа» и «упорству сердца» Сигона Есевонского, не может не сообразоваться и здесь с основным принципом Библии: если Бог и посылает знамение людям, то понять его могут лишь чистые духом. В самом представительном библейском повествовании, которое описывает освобождение избранного народа от египетского плена, Бог говорит Моисею: «Но Я ожесточу сердце фараоново, и явлено множество знаменій Моих и Чудес Моих в земле Египетской. Фараон не послушает вас, и Я наложу руку Мою на Египет...» (Исх. 7:3-4).

На мой взгляд, не подлежит сомнению, что воинственное безумие Игоря укладывается в систему семантических отсылок к Библии. Если «воинственная страсть» (похоти) воспламенила его «умь», то «жалость <...> искусити Дону Великаго» помешала ему понять божественные знаменія. И тотчас же автор подчеркивает желание князя достигнуть великой реки — «испити шеломомъ Дону». Чтобы осознать, насколько этот язык и символы связаны с Библией, достаточно вспомнить обличение Иеремией тех, кто, не доверяя более водительству Господа, привел Израиль к гибели: «И ныне для чего тебе путь в Египет, чтобы пить воду из Нила? и для чего тебе путь в Ассирию, чтоб пить воду из реки ее?» (Иер. 2:18. Курсив мой. — Р. П.).

Таким образом, мы в достаточной степени уяснили себе способ, каким повествователь намерен изложить эту историю. Перед нами «назидательная история». Протагонист «Слова» охарактеризован как отрицательный герой, и дальнейшие события должны быть изложены в виде назидания, которое будет преподано читателю. Таким образом нарративная схема «Слова» будет следовать концептуальной схеме дидактического сообщения. Это линейная структура, и ее существенные элементы сохраняются как в «Слове», так и в вариантах Лаврентьевской и Ипатьевской летописей.

Общая всем трем нарративным текстам *fabula* может быть сегментирована следующим образом: 1) несмотря на неблагоприятное знамение (солнечное затмение), охваченный воинственным пылом Игорь Святославич, к которому присоединяются брат Всеволод и другие русские князья, начинает военные действия против половцев; 2) предводительствуемое Игорем войско достигает первого, иллюзорного, успеха; 3) войско Игоря, слишком выдвинувшееся вперед, терпит поражение, и сам Игорь взят в плен язычниками; 4) наконец, Игорь может бежать из плена и вернуться в свой христианский мир.

Сопоставление трех текстов позволяет увидеть в них, наряду с единой схемой изложения, общий экзегетический мотив. «Высший смысл» действия (рассказанного как *παράδειγμα*, или «поучительный пример») разъяснен назидательным опытом воина-грешника, который наказан за свое высокомер-

ное поведение, но в конце спасен божественной милостью, в результате покаяния и/или молитвами других.

Дидактически-религиозное значение истории Игоря делается явнее, если мы перечтем вместе все три текста и попытаемся объединить сведения одного текста со сведениями двух других. Возникает впечатление (при отсутствии конкретных данных об истории текста можно говорить только о впечатлении), что «нарративные варианты», как мы их назвали, Лаврентьевской и Ипатьевской летописей и «Слова» составляют части цикла, который, вероятно, зависит от общей экзегетико-дидактической модели. Однако мы не будем слишком увлекаться такого рода гипотезами, а попытаемся выяснить, как и в какой мере посредством нашего интертекстуального исследования может быть выявлен контур такой «общей картины».

Мы отметили, как в начале содержащегося в «Слове» повествования Игорь проявил собственную ѿрц, не признавая в солнечном затмении божественного знамения и заявляя о готовности встретить смерть с оружием в руках («Луце жь бы потяту быти, неже полонену быти»). Параллельные места в Лаврентьевской летописи¹⁷ восполняют повествование и раскрывают духовный контекст, о котором читатель «Слова» может лишь догадываться. Повествователь Лаврентьевской летописи, который в этом кратком отрывке находит слова редкой поэтической силы, чтобы описать смятение народа, ясно объявляет, что это «знаменьє въ солнци» было сразу признано за «знаменьє Божье».¹⁸

Повествование Ипатьевской летописи¹⁹ составлено более тщательно, вместе с тем оно остается более загадочным. Игорь Святославич видит небесный знак и обращается «к бояромъ своимъ и дружине своей», желая услышать их суждение. Трудно представить себе, чтобы духовная оценка знамения могла быть более обескураживающей;²⁰ ответ дружины и бояр совершенно недвусмыслен: «княже се есть не на добро знамение се». Но князь Игорь не хочет признать себя побежденным и защищается с помощью сомнительного довода, что никому не дано знать Божьих замыслов.²¹

Объединяя эти сведения со сведениями, которые дает интертекстуальный анализ, мы можем увидеть ситуацию во всех ее подробностях. Она состоит в следующем: а) Игорь и его люди в момент, когда они отправляются в набег, видят затмение солнца; б) у них нет сомнения, что им явлен знак Божий, но, в) несмотря на это, Игорь хочет выступить, ибо, как объясняет «тематический ключ» «Слова», его «умь» и его «сердце» затмил воинственный пыл, а также и потому, что, по сообщению Лаврентьевской летописи, вместе с ним и его товарищи по аванпоре охвачены желанием воинской славы — «такы же собѣ хвалы добудемъ».

Полное исследование интертекстуальных совпадений и связей, их библейского контекста и их особенной функции в рамках единого дидактически-религиозного сообщения, носителями которого являются три повести о полку Игореве, остается за пределами данной краткой статьи. Сейчас я ограничусь лишь тем, что буду следовать за основными линиями повествовательного сюжета, основываясь на «повести» «Слова» и стараясь осветить обстоятельство, которое, на мой взгляд, должно привлечь внимание ученых. Я имею в виду совпадение в «Слове» и в летописях не только нарративных

¹⁷ ПСРЛ Л 1926 Т 1, Л, 1927 Т 2, Л, 1928 Т 3

¹⁸ «В среду на вечерни бысть знаменьє въ солнци, и морочно бысть велми, яко и звѣзды видѣти человекомъ. Въ очю яко зелено баше, и въ солнци учинился яко мѣсяць, изъ рогъ его яко угль жаровъ исходяше. Странно бѣ видѣти человекомъ знаменьє Божье»

¹⁹ ПСРЛ 2-е изд С 116, 1908 Т 2

²⁰ «Они же овзрѣвше и видѣша вси, и поникоша главами »

²¹ «Игорь же рече Братья и дружино, тайны Божия никтоже не вѣсть »

ситуаций, но и экзегетических мотивов. Если мои наблюдения хоть в какой-то мере обоснованны, то будет устранено одно из главных доказательств историко-литературной «нелегитимности» «Слова о полку Игореве» в недрах древнерусской литературы, именно его нерелигиозный характер. Мне кажется возможным доказать противоположное.

«Повесть», находящаяся в «Слове о полку Игореве», разворачивается нелинейно, с несколькими перерывами. Исторический голос повествователя в ряде случаев заглушается лирико-ораторским голосом комментатора, потом снова выходит на первый план, вновь замолкает и опять звучит в противопоставлении-контрапункте с «песнью», которая уже во введении была отождествлена со стилем Бояна. После сцены солнечного затмения и надменных заявлений Игоря поэтическая манера Бояна вновь противопоставлена манере исторического повествователя. Затем исторический повествователь останавливается на встрече двух братьев до выхода в поход войска:

Игорь ждеть мила брата Всеволода. И рече ему буй турь Всеволодь «Одинь брать, одинь свѣтъ свѣтлый — ты, Игорю! Оба есвѣ Святъславличч! Съдлай, брате, свои бръзьи комони, а мои ти готови осѣдлани у Курьска напереди А мои ти куряни свѣдоми къмети »

Эта встреча Игоря и Всеволода в летописных версиях едва упомянута: очень бегло в Лаврентьевской²² и чуть более подробно в Ипатьевской.²³ Следует задать вопрос: почему этот эпизод выделен в «Слове» особенным образом? Ответ здесь, как и в других случаях, дает Священное Писание.²⁴ Если «тематический ключ» отсылал нас к Второзаконию, то здесь все проясняется в свете 22-й главы 3-й книги Царств, содержащей повествование об Ахаве и Иосафате. Трудно представить себе параллель более красноречивую. Подобно Игорю и Всеволоду, два ветхозаветных героя Ахав и Иосафат создали крепкий союз, чтобы опрометчиво начать военные действия, полагаясь на мощь своих воинов и коней. Ахав и Иосафат так же не поверили божественному предостережению, полученному через уста праведного пророка Михея, предсказавшего им поражение и смерть. Сопоставим слова Иосафата и Ахава в 3-й книге Царств с приведенными выше словами Всеволода Игорю:

«И сказал он Иосафату пойдешь ли ты со мною на войну против Рамофа Галаадского? И сказал Иосафат царю Израильскому как ты, так и я, как твой народ, так и мой народ, как твои кони, так и мои кони» (3 Цар 22 4)

Перед нами совпадение не только ситуации и манеры поведения, не только состава военных сил (лошади и люди), но и риторических функций. Как в одном, так и в другом тексте о союзе двоих говорится с помощью формул, содержащих идею общности и взаимности. Диаде «свои бръзьи комони... / ...мои ти готови» соответствует «твои кони... мои кони..», и диаде «мои ти куряни...» соответствует «как твой народ, так и мой народ».

В данном случае также не место обсуждать границы и степень текстуральной зависимости. Что здесь существенно, это устойчивость тематического и риторико-образительного мотива, восходящего к Библии. После того как «тематический ключ» дал нам общий ориентир, эта ветхозаветная ре-

²² « И сняшася у Переяславля Игорь съ двѣма сынома изъ Новгорода Сѣверскаго изъ Трубеча Всеволодь брагъ его »

²³ « И то рекъ перебрѣде Донѣць и тако прииде ко Оскочюу и жьда два дни брата своего Всеволода тот бяше шель инемь путем ис Коурьска »

²⁴ См. в этой связи мою статью «L'ombra di Achab e Giosafat sull'impresa di Igor e Vsevolod» (см. примеч. 3)

минисценция вновь подтверждает необходимость прочтения текста в дидактическо-религиозном ключе.

Второй повествовательный сегмент, в котором рассказывается о продвижении в Половецкую землю и о первом иллюзорном военном успехе, в трех повестях обнаруживает некоторые различия. Однако как общий план повествования, так и символическо-эзегетический ореол, его окружающий, подтверждают впечатление существенного сходства, благодаря чему остается возможность читать три повести вместе, сводя воедино сведения отдельных текстов.

Полк подвигается вперед с воинственными намерениями, но во всех трех повестях чувствуется, что судьба Игоря и его товарищей предрешена. Повествование «Слова» передает мрачную атмосферу, подчеркивая мотивы тьмы, которую затмение распространило среди бела дня. «Солнце ему тьмою путь заступаше», сообщает повествователь, и не представляет затруднения увидеть здесь отсылку к Книге Иова 19:8: «Он преградил мне дорогу, и не могу пройти, и на стези мои положил тьму».

В то время как «Игорь къ Дону вои ведеть», мрак солнечного затмения открывает взгляду чудовищ, принадлежащих миру адской ночи: «...вльци грозу вьсрожать по яругамъ, орли клеткомъ на кости звѣри зовуть...» (ср. Пс. 103:20: «Ты простираешь тьму, и бывает ночь: во время ее бродят все лесные звери»).

И после первого успеха в битве небесные знаки усугубляют атмосферу мрачных предчувствий: «...кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, чръныя тучя съ моря идуть <...> Быти грому великому...» (Хотя здесь трудно определить точно текстуальные реминисценции, ясно ощущается атмосфера великих и необыкновенных библейских событий, таких, как в повествовании Книги Иоиля 2:30—31: «И покажу знамения на небе и на земле: кровь и огонь и столпы дыма. Солнце превратится во тьму и луна — в кровь...» или как в пророческом плаче Книги Софонии 1:15: «...день опустошения и разорения, день тьмы и мрака...».)

В повествовании Лаврентьевской летописи военная дерзость представлена во всей своей греховной противостоительности. «Олгови внуци» после первой стычки, где они одержали верх, говорят: «Идемъ по нихъ у луку моря, гдѣ же нз ходили ни дѣди наши, а возмемъ до конца свою славу и честь...», но повествователь немедленно отмечает: «...а не вѣдуще Божье строенъя...».

Ипатьевская версия этого же повествовательного сегмента (продвижение по вражеской территории и победа в первой стычке) отражает особый эзегетический подход, который во многом расходится с подходом, указанным «тематическим ключом» «Слова». Здесь Игорь Святославич скорее фаталист, чем дерзкий воин: «...И рече Игорь ко братьи свои: Братья, сего есмы искали а потягнемъ...». Тем не менее следует отметить, что повествование «Слова» — в противоположность тому, что часто писалось и говорилось в прошлом, — отнюдь не менее «религиозно», чем два летописных повествования. Напротив, оно отличается от них большей укорененностью в христианском законе, содержа прямые отсылки к Св. Писанию.

Особая структурированность третьего сегмента фабулы (поражение и плен Игоря) помогает характеризовать варианты и инварианты повествовательного цикла в компаративном аспекте. В «Слове» сцены последнего сражения, ранения и плена Игоря завершают собственно историческую повесть; за ними следует то, что мы можем назвать «большим отступлением». Я имею в виду структурно автономное обширное «Слово» (возможно, что от него, в результате текстуальной истории, остающейся нам неизвестной, происходит название всего сочинения), в котором в лирико-эпических тонах

вспоминаются и обсуждаются не только нелепый каприз Игоря, но и стоящие за ним сложные политические обстоятельства. Еще прежде чем исторический рассказ перетекает в большое отступление, взаимное пересечение слова и повести подчеркивается кратким ораторским отступлением, которое мы назовем «первым отступлением».

К семантической функции этих отступлений я вернусь далее. Сейчас, следуя центральной линии исторической повести, я замечу только, что мрачная атмосфера предзнаменований несчастий, которая сопровождала первые этапы военного предприятия, здесь исчезает. Войско Игоря сражается героически, и о его поражении, уже предрешенном, рассказывается в тонах скорее эпических, чем дидактических. Стоит подчеркнуть, что первое отступление прерывает повествование, вообще достаточно «гладкое». Если в качестве эксперимента изъять или удалить это первое отступление, то не трудно будет перейти от детализированного описания последнего героического сопротивления врагу тура-Всеволода к общей сцене сражения:

Камо, турь, поскочяше, своимъ златымъ шеломамъ посвѣчивая, тамо лежать поганья голвы половецкыя <...> Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола, и своя милья хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая' [«Отступление» от слов «Были вѣчи Трояни» до слов «...то было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано...»]. Съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шеломахъ, трещать копія харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подь копыты костьми была посѣяна, а кровію поляна...

Рассказ о поражении Игоря и Всеволода завершается в библейской интонации. Повествователь «Слова» говорит: «Уже бо, братіе, не веселая година вѣстала». Этим словам вторит Лаврентьевская летопись («Гдѣ бо бяше въ насъ радость, ноне же въздыханье и плачь распространися. Исаия бо пророкъ глаголетъ: Господи, въ печали помянухомъ Тя, и прочая») и Ипатьевская («наведѣ на ны Господь гнѣвъ свои, и в радости мѣсто наведѣ на ны плачь, и во веселья мѣсто желю на рѣцѣ Каялы»). Все это можно воспринять как хоральные вариации на мотив Иова 30:16: «...дни скорби объяли меня».

В то время как Лаврентьевская версия этого третьего повествовательного сегмента значительно более сдержанна и сжата по сравнению с версией «Слова», Ипатьевская версия не только является более пространной, но и содержит особые сведения, которые бросают специфический свет на все предприятие Игоря. Игорь впервые является не чистым символом, но действует как человек во плоти, который размышляет над тем, что он совершил, охвачен сомнениями и потрясен раскаянием. Начиная с этого момента, его поведение в изображении Ипатьевской летописи меняется: это уже не Игорь, одержимый страстью к завоеванию, который в соответствии с «тематическим ключом» «Слова» представляет собой аналог библейскому Сигону, царю Есевонскому. Теперь мы начинаем различать в этом Игоре истинного главного героя, который в последней части повествования из воина, обуянного сознанием своего величия, превращается в смиренного раскаившегося грешника, готового вернуться в христианскую семью.

Герой Ипатьевской летописи говорит: «...помянухъ азъ грѣхи своя предъ Господимъ Богомъ моимъ, яко много оубиство кровополитие створихъ в земли крестьянстей...». Современный читатель понимает, что, хотя грехи Игоря относятся к другим временам, а не к этому походу, начало покаяния касается его как главного героя всего цикла, в том числе как главного героя «Слова». Важнейшее наблюдение, отметим еще раз, в нашем интертекстуальном анализе — это полная подчиненность истории, рассказанной в «Слове» и в летописях, дидактически-религиозной схеме, единой для всего цикла.

Теперь мы готовы предпринять интертекстуальное исследование четвертого и последнего нарративного сегмента, в котором рассказывается о бег-

стве князя Игоря из плена и его возвращении в отечество. Экспозитивно-экзегетическую схему цикла, изложенную до сих пор, можно кратко представить следующим образом: возгордившийся воин, который не может и не хочет внимать небесным знаменам, предпринимает безнадежную военную авантюру, блуждает в вещественной и духовной ночи собственного неблагочестия, пока не терпит поражения и не попадает в плен. Однако в конце концов он освобождается и возвращается к свету свободы и веры:

Солнце свѣтитса на небеса — Игорь князь въ Руской земли < > Игорь ѣдет по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей Страны ради, гради весели

Если, с одной стороны, нет сомнения, что три повести согласуются между собой в том, что касается «фактов», т. е. бегства и конечного спасения главного героя, то, с другой стороны, не менее очевидно, что причины этого благополучного конца не вполне ясны. В частности, не ясно, можно ли возвести описанное в «Слове» спасение к тем же причинам, которые обусловили заключение истории Игоря в повествованиях Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. В символическо-аллегорическом плане духовное спасение Игоря Святославича может быть оправдано только выходом его из греховного состояния (греха гордыни), которое привело его к гибели. Остается посмотреть, как и каким образом обретается это духовное освобождение, историческим аспектом которого является физическое освобождение. По свидетельству повествователя Лаврентьевской летописи, Игорь обязан своим спасением милосердию Бога, который никогда не оставляет грешников, не допускает, чтобы безбожники подчинили себе исповедников истинной веры, и внимлет молитве верных:

« И по малыхъ днехъ ускочи Игорь Князь у Половцевъ Не оставитъ бо Господь праведнаго въ руку грѣшничю Очи бо Господни на боящася Его и уши Его въ молитву ихъ »

В Ипатьевской летописи объяснение-оправдание более сложное. Игорь не только пользуется дарами божественного милосердия, он ищет и обретает это милосердие, проходя через процесс глубокого духовного покаяния. Меѣѣвоиса князя, т. е. обращение его «ума», начинается, когда он, раненный в сражении, попадает в плен, и это обращение продолжается в плену вплоть до полного спасения его «сердца».

Этот духовный процесс будет более ясным, если следовать повествованию Ипатьевской летописи, учитывая «тематический ключ» «Слова». Когда Лавор предлагает князю бежать, гордый воин отказывается, находит такого рода предложение не достойным его воинской доблести, как комментирует повествователь: «держше мысль високоу своя оуности». Советчики обращают его на путь большего благоразумия: «И рекоша Игореву доумци его: „мысль високоу и не оугодноу Господеву имееши в собѣ“». Это духовный диагноз, который полностью подтверждает то, что нам сообщил «тематический ключ» «Слова». Выражение «мысль висока» эквивалентно меѣѣвоиса, т. е. такой тип воинственного высокомерия, который, если мы принимаем во внимание экзегетический мотив, введенный в «Слово» «тематическим ключом», объясняет все злоключения героя

Игорь в этом месте приносит покаяние и преображается. Решившийся бежать из плена, он уже не дерзкий воин, но дрожащий грешник:

« И поклонися образу Божию и крестов чьстому глаголю Господи съдрьчевидче аще спасеши мя Владыко ты, недостойнаго И возма на ся крестъ и икону и подоима стѣно, и лѣзе вонь »

На первый взгляд может показаться парадоксальным, что, в то время как «тематический ключ» «Слова» помогает нам проникнуть в религиозный

смысл Ипатьевской повести, историческое повествование «Слова» само по себе недостаточно, чтобы понять, каким образом произошло спасение князя Игоря в соответствии с нарративной логикой самого «Слова». Здесь, однако, мы можем задаться вопросом, почему тот же интертекстуальный анализ, столь хорошо действующий в одном направлении, не приносит позитивных результатов в направлении обратном.

Действительно, повествование «Слова» не сообщает, покаялся Игорь или не покаялся. Однако оно указывает, что бегство князя из плена соответствовало Божью изволению. Этот момент божественного вмешательства (его, отметим мимоходом, в принципе достаточно для того, чтобы понять высший религиозный смысл аллегорического сообщения) риторически выделен, представлен в библейском стиле при описании ночных необыкновенных событий:²⁵

Прысну море полунощи, идутъ сморци мглами Игореви князю *Богъ путь кажетъ* изъ земли Половецкой на землю Рускую, к отню злату столу (Курсив мой. — Р. П.),

Того, что можно определить как «меньшую экзегетическую ясность» или «темную аллегоричность» «Слова» — в сравнении с летописными хрониками, недостаточно, однако, чтобы усомниться в ценности дидактическо-аллегорической схемы «образцовой истории», очерченной посредством интертекстуального анализа. Исходя из данных этого анализа, можно осмелиться выдвинуть какую-либо интерпретативную гипотезу, при условии, однако, что мы будем помнить о разнице между гипотезой (даже наиболее привлекательной) и установленной истиной.

В тексте «Слова о полку Игореве» появление в повествовании Бога, который «Игореву князю <...> путь кажетъ», непосредственно следует за так называемым «плачем Ярославны». Этот «плач» можно понять как «молитву». Тот факт, что эта молитва с церковной точки зрения «неправильная», если не «языческая», функционально не имеет принципиального значения, не говоря о том, что «свѣтлое и тресвѣтлое солнце» может быть понято как выражение древнего представления о едином и троичном Боге.²⁶ Что Бог христианской Руси внял причудливой молитве простой женщины, какой является жена Игоря, приемлемо как с теологической, так и с поэтической точки зрения. Если все обстоит таким образом, то общая схема **фабулы** оказывается выдержанной и герой «Слова» возвращается в мир спасения, искупив в плену свой грех — и в этом он не слишком отличается от героя Лаврентьевской летописи.

Все то, что я изложил, чтобы обосновать и проиллюстрировать религиозный характер «Повести о полку Игореве», непосредственно касается, как я предупредил в начале статьи, только части всего текста, известного как «Слово о полку Игореве». Вне моего рассмотрения оставлена та часть сочинения, которая соответствует «отступлениям». Детального рассмотрения заслуживает прежде всего «большое отступление». В данной статье, однако, я не могу остановиться на нем. Ограничусь указанием на важные аспекты литературно-филологической проблемы, разъяснение которой, не являясь совершенно необходимым для решения вопросов, которые я рассматривал до сих пор, существенно тем не менее для оценки всего сочинения.

«Большое отступление» начинается в том месте, где повествование о военном предприятии Игоря в словах «уже бо, братие, не веселая година вьстала» достигает своей высшей точки и продолжается вплоть до появления Ярославны; ее песнь-молитва, как мы уже видели, обозначает границу

²⁵ Ср., например «Вот, идет буря Господня с яростью, буря грозная» (Иер 23 19), « в вихре и в буре шествие Господа, облако — пыль от ног Его Запретит Он морю и оно высыхает » (Наум 13 4). «Господь отвечал Иову из бури » (Иов 38 1)

²⁶ См. Якобсон Р. О. Композиция и космология плача Ярославны // ТОДРЛ. Л. 1969. Т. 24. С. 33

возобновления исторической **повести**, или эпилога. В то время как повесть имеет историческо-нарративный характер, «большому отступлению» присущ характер ораторский. Приведшая к катастрофе военная авантюра Игоря здесь не описывается, но вспоминается и комментируется как знак глубокого зла, которое подтачивает корни самого христианского общества Руси. Как мы уже отметили, не исключено, что это «большое отступление», которое в целом звучит только как политико-религиозное слово, в результате развития истории текста нам неизвестной, образовало название всего произведения, принятое в настоящее время. Однако для комплексной интерпретации всего сочинения нам важнее увидеть, до какой степени «ораторская» часть, которую мы отделили от исторической части, может подтвердить или опровергнуть впечатление, сложившееся на основании интертекстуального анализа «**Повести о полку Игоре**».

Интонация «большого отступления» заметно отличается от интонации историко-нарративной части. Однако достаточно очевидно, что между ними нет существенных противоречий, так сказать, идеологического характера. Возвещенный семантическим «спочом» мотив греха гордыни пронизывает и эту ораторскую часть. Осуждение необдуманной воинственности Игоря и Всеволода в «златом слове великого Святослава» также сурово и определено:

...О, моя сыновья, Игорю и Всеволоде! Рано есть начала Половецкую землю мечи цвѣдлити, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую проляєте. Ваю храбрая сердца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ буети закалена.

Для того, кто читает этот формально обвинительный акт великого князя в свете основных тем, уже обозначенных «тематическим ключом», не может быть сомнения, что здесь идет речь о варьировании одного и того же мотива. Как для «повествователя» (по крайней мере в пределах его фиктивной функции, вне зависимости от его отождествления с «автором»), так и для Святослава — как главного «оратора» в «большом отступлении» — Игорь и Всеволод виновны: а) в эгоистическом искании воинской славы («...себѣ славы искати...») и б) в нарушении воинского кодекса чести («нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую проляєте»). Это постыдное поведение, которое принесло Руси столько бедствий, рождается из греховного ожесточения сердца («...храбрая сердца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована...») и из буйства дерзостного ума («...въ буети закалена»). Таким образом, Святослав руководствуется ведущим мотивом гордыни, имеющим причину в ѡбръс, подтверждая тем самым правильность целостного прочтения «Слова о полку Игоре» в свете Библии, в частности Второзакония 2:30.

Эта констатация, как кажется, представляет большой интерес. Если библейский лейтмотив действительно лежит в основе всего «Слова о полку Игоре», то не трудно будет поместить немногие риторические «языческие» (или, можно сказать, «нехристианские») элементы, которые действительно присутствуют в «большом отступлении», в ораторский контекст примечания к **повести**, не меняя при этом наше прочтение самой повести в религиозном ключе в соответствии с жанровыми схемами exemplum'a, общими для всех средневековых христианских литератур.

Исследовательская работа, которую я пытался здесь кратко синтезировать, для того чтобы принять окончательную форму интерпретирующей концепции, требует более широких филологических и историко-литературных обоснований. Хотелось бы думать, что значимость рассмотренных здесь проблем не останется незамеченной международным сообществом исследователей древнерусской литературы. Если мы действительно сможем поместить «Слово о полку Игоре» в его естественный религиозный контекст, мы будем способствовать преодолению вековых предубеждений.

Н. М. ДЫЛЕВСКИЙ

**Прочтение и перевод выражения
«а злата и серебра ни мало того потрепати»
в публикациях «Слова о полку Игореве»
нынешнего столетия**

Выражение «а злата и серебра ни мало того потрепати» в тексте «Слова о полку Игореве» получило весьма ограниченное количество объяснений в публикациях нашего столетия, что повлекло за собою появление его прочтения и перевода, не соответствующих и даже противоречащих смыслу этой фразы.

Рамки статьи не позволяют охватить с исчерпывающей полнотой всех случаев его истолкования и перевода в современной литературе по «Слову» и вынуждают ограничиться их выборочным перечнем.

В раннем издании «Слова» нашего века С. Шамбинаго в «Универсальной библиотеке» (1912) перевод выражения «золота и серебра еще меньше того потрогать» оставлен без истолкования. А в «Примечаниях» лишь добавлено: «„а злата — потрепати“ — позднейшая вставка на основании других памятников» — без каких-либо доказательных пояснений.

В публикации «Слова» В. Келгуяла в «Дешевой библиотеке классиков» (1914) фраза переведена: «а золота и серебра даже потрепать» и сопровождается словами: «потрепать — трепать, трогать руками, ласкать золотые и серебряные деньги (приток которых в семью со смертью мужей должен прекратиться)».

А. Орловым в издании «Слова» (1923—1924) «а золота и серебра (и в руках) даже не подержать!» не истолковано.

В совместном переводе С. Шамбинаго и В. Ржиги (Academia, 1934) — «а золота и серебра совсем (на себе) не нашивать» — под *золотом* и *серебром* подразумеваются женские дорогие украшения, о которых как о бытовых реалиях Древней Руси многословно рассказывается в «Примечаниях», без конкретного их соотнесения с текстом «Слова», с умалчиванием о глаголе *потрепати*.

В переводах Г. Шторма — «а золотом и серебром и подавно не позвенеть» (с вариантом: «а золота и серебра и подавно уже не иметь» — «не накопить») и С. Шервинского — «А златом и серебром и вовсе не побряцать» (Academia, 1934) объяснения опущены.

В книге Е. Ляцкого «Слово о полку Игореве» (V Praise, 1934) в примечаниях к подлинному тексту этому выражению не уделено места.

Не освещено оно и в превосходном издании «Слова о полку Игореве» (1950) акад. Д. Лихачева, содержащем богатую и всестороннюю информацию.

В публикации текста «Слова» в «Библиотеке поэта. Большая серия» (1952), весьма обстоятельной, использовавшей перевод А. Орлова, в ком-

ментариях Л. Дмитриева и в примечаниях к переводу И. Новикова словосочетание это не отмечено. Об интерпретации его в объяснениях к переводу В. Стеллецкого в той же книге будет упомянуто далее.

Не обратили внимания на фразу «а злата и сребра ни мало того потрепати» в издании «Слова» (1955) Н. Гудзий, составители примечаний в публикации «Слова» во втором издании «Библиотеки поэта» (1967) О. Творогов и Л. Дмитриев и Б. Рыбаков в переводе «Слова» в книге «„Слово о полку Игореве“ и его современники» (1971). Та же участь постигла это словосочетание в книге А. Югова (1970) и в третьем издании «Слова» в «Библиотеке поэта» (1985) в комментариях Н. Мещерского и А. Бурькина.

Перечень публикаций «Слова» XX столетия с пропущенной интерпретацией может быть дополнен еще некоторыми названиями, но думается, что важнейшие из них, упомянутые выше, вполне убедительно свидетельствуют о недостаточном внимании к истолкованию занимающего нас выражения.

Не попало оно и в поле зрения исследователей языка «Слова» С. Обнорского в «Очерках по истории русского литературного языка старшего периода» (1946) и Л. Якубинского в «Истории древнерусского языка» (1953).

На общем фоне отсутствия более развернутых истолкований выражения «а злата и сребра» в литературе по «Слову» истекающего столетия выделяются лишь несколько разработок: Н. Дылевского в «Годишнике Софийского университета» (1946), В. Стеллецкого в примечаниях к его переводу в первом издании «Слова» в «Библиотеке поэта» (1952), С. Гординского в «Slavistika» (Vinnipeg, Canada, 1963), В. Адриановой-Перетц в книге «„Слово о полку Игореве“ и памятники Куликовского цикла» (1966) и в «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“» (1967. Вып. 2).

На основании показаний просмотренного и обследованного фактического материала — самого «Слова» и памятников древней русской письменности — Н. Дылевский склоняется к убеждению, что в интерпретированном контексте *золото* и *серебро* обозначают *металл* — преимущественно монеты или дорогие украшения. А глаголу *потрепати* приписывает значение *коснуться, осязать, потрогать*.

В. Стеллецкий приписывает глаголу *потрепати* значения *побрызгать, позвенеть, поиграть, потрогать, поласкать*. «Трепати в древнерусском языке означало какое-то очень легкое (ласковое) движение», — говорит он, ссылаясь на пример в «Материалах» И. Срезневского «Младую дланию по ланите *треплеши* детища, успити ѝ хотящи». Значение слов *золота* и *серебра* обойдено им молчанием.

В статье С. Гординского в канадском украинском журнале «Slavistica» — «Що значить „А злата и сребра ни мало того потрепати“?» собран большой сопоставительный фольклорный и этнографический материал, на основании которого автор приходит к умозаключению, что *злато* и *сребро* в толкуемой фразе — золотые и серебряные ювелирные подвески на головном уборе русских жен, которыми они уже не могли покрасоваться после потери мужей, соблюдая освященный традицией обычай вдовьей скромности. В своих доказательствах С. Гординский ссылается на существование подобных украшений — *трепиток* в наряде украинских и *трепетушек* — *трепеток* — болгарских женщин и девушек в Родопской области.

Значительную часть статьи занимает пространный экскурс в славянскую этнографию с древнейших времен, привлеченный автором в качестве аргументации.

Уязвимость версии С. Гординского, при моем уважении к его познаниям, состоит, однако, в том, что в анализе фразы он руководствуется преимущественно методом фольклориста и этнографа, не сочетая его с показаниями и свидетельствами языка как самого «Слова», так и памятников

древней русской письменности, и не сообразуясь с сохранным доньше языками — русским и украинским — для глагола *трепать* падежным управлением, не соответствующим конструкции *злата и сребра потрепати* в тексте «Слова». Ср. приведенную еще Д. Дубенским фразу: «Що ти там треплеш грошима?» — с дополнением в творительном падеже. Впрочем, к этому вопросу мы будем иметь возможность возвратиться в конце статьи и остановиться на нем более обстоятельно.

Отмеченные изъяны в исследовательских суждениях С. Гординьского вынуждают отнестись к ним сдержанно и противопоставить им соображения, переводящие их в план иного порядка.

В. Адрианова-Перетц в монографической работе «Фразеология и лексика „Слова о полку Игореве“», цитированной выше, считает, что выражение *злато и сребро* весьма часто употребляется в письменных памятниках XI—XII вв. как речевое клише. Что касается глагола *потрепати*, в качестве иллюстрации к которому ею приведен известный пример из «Слова о пророке Симеоне» по списку XIV в. «По ланите *треплеши* детища, успити ѿ хотящци», то в его истолковании она ссылается на статью С. Гординьского, не подвергая ее критическому разбору.

В «Словаре-справочнике» В. Виноградовой обследуемое выражение нашло объяснение в двух выпусках (2-м и 4-м). *Золото и сребро* — собир.: изделия, утварь из драгоценных металлов, золотые и серебряные монеты. Констатация эта сопровождается извлечениями из древнерусских памятников письменности без каких-либо пояснений.

В статье *потрепать* — *потрепати* упоминаются толкования В. Даля и В. Васнецова и переводы первых издателей: А. Малиновского, В. Капниста, В. Жуковского, Н. Грамматина, Н. Тихонравова, А. Орлова, И. Новикова, В. Стеллецкого и приводятся цитаты из работ Д. Дубенского, Вс. Миллера, А. Потемни, В. Перетца, Г. Ильинского, В. Адриановой-Перетц со ссылкой на С. Гординьского, без окончательного вывода.

В «Glossary of the Igor' Tale» Т. Чижевской (1966) *золото* — металл (gold), а в статье даны выдержки из работы Шамбинаго, «Задонщины» и Ипатьевской летописи без комментариев.

На очереди обзор понимания выражения «а злата и сребра ни мало того потрепати» и его передачи средствами русского литературного языка в многочисленных переводах и переложениях «Слова о полку Игореве» нашей эпохи.

Ознакомление с ними приводит к установлению трех основных разновидностей с лексическими вариантами, представленных нами в целях большей наглядности в сопоставительной таблице, облегчающей их восприятие и комментирование.

а злата и сребра... не потрогать	а золотом и серебром... не позвенеть	не нашивать шитые золотом и серебром одежды
С Шамбинаго, 1912	Г Штурм, 1934	В Перетц, 1926
В Келтуяла, 1914, 30	Н Рыленков, 1962	И Новиков, 1938, 67
С Ботвинник, 1967, 85		
не подержать	не звенеть	не носить... одежды
А Орлов, 1923, 30, 52	Н Заболотский, 1946	Г Ильинский, 1929, 30
Д Лихачев, 1949, 50, 84	Е Бирукова, 1961	а злата и сребра совсем (на себе) не нашивать
Л Дмитриев, Д Лихачев, О Творогов, 1967		С Шамбинаго и В Ржига, 1934
И Шкляревский, 1982		
не дотронуться	не побряцать	не ходить нам в золоте и серебре
Н Мещерский, 1985	С Шервинский, 1934	Л Тимофеев, 1965, 81
что-либо вроде гладить, любясь	не позвяцати	А златом-серебром Не красоваться нам!
Л Булаховский 1950	А Югов, 1945, 71	С Басов-Верхоянцев, 1937 38

не ласкать

А. Косоруков, 1986

не побренчать

Р. Якобсон, 1958

А золотом... вовек не поиграть

А. Чернов, 1978, 85

А уж злата, серебра ли — было — больше не увидим!

К. Бальмонт, 1929, 30

а златом серебром подавно не потешиться

В. Стеллецкий, 1938

Н. Гудзий, 1955

Б. Рыбаков, 1971

Уж не наши — звонкие гривны!

М. Тарловский, 1938

и уж ни золота-серебра для них

наскресть, — не вызволить

А. Степанов, 1953, 85

Брошенный на таблицу взгляд воочию убеждает в редакционной пестроте и разноголосице переводов фразы «а злата и серебра ни мало того потрепати» и в смысловой несостоятельности многих из них. Однако безусловному неприятно по причине очевидной семантической несообразности подлежат лишь единичные переводы, как *А уж злата, серебра ли — было — больше не увидим!*; *уж не наши — звонкие гривны!* или *уж золота-серебра для них наскресть, — не вызволить* и т. п. Все остальные текстовые разновидности переводов могут быть оценены в результате последовательного истолкования семантико-синтаксической природы словарных компонентов выражения — существительных *злата* и *серебра* и инфинитива *потрепати*.

Наше обследование надо начать с показаний прежде всего самого «Слова», являющихся ключевыми в ответе на поставленную задачу, подкрепив их затем свидетельствами языка древнерусской и южнославянской письменности и приводящими языковыми показателями и вытекающими из них суждениями, ставящими понимание словоформ *злата* и *серебра* на твердую почву семантико-грамматических фактов. Только при таком комплексном подходе к интерпретации упомянутых словоформ мы будем уверены в правильности достигнутых экспериментальным путем конечных выводов, зиждящихся не на авторских домыслах и поэтическом чутье, а на неопровержимых явлениях языка.

В тексте «Слова» существительные *злато* и *серебро* встречаются в следующих фразах и выражениях:

«...помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними *злато* и *паволокы*, и *драгыя оксамиты*» (С. 10—11); «Ту нѣмци и венецици, ту греци и морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы половецкя, *рускаго злата насыпаша*» (С. 22); «Се бо готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, *звоня рускымъ златомъ*, поють время Бусово, лелеють мечь Шароканю» (С. 25—26).

Контекстуальные словарные показатели этих фраз и выражений — надежные определители смыслового содержания лексем *злато* и *серебро* в цитируемых фразах «Слова о полку Игореве», на которые мы можем опереться.

В первой фразе реалия *злато* ощутимо противопоставлена реалиям — дорогим тканям *паволокам* и *оксамитам*, из чего следует, что под *златом* в ней подразумевается *металл*. Иного ответа на поставленный вопрос быть не может.

Еще ярче выражено это противопоставление во второй фразе словами *рускаго злата насыпаша*, ибо насыпать можно только золотые и серебряные монеты и предметы, что менее вероятно, но, естественно, не ткани. Доказательная убедительность словосочетания *злата насыпаша* подтверждается и бытованием выражений аналогичного типа: «...насыпали чашу чистова *серебра*, а другую чашу красна *золота*» и «И те мурзы улановья <...> тритцать телег ординских *насыпали златом* и *серебром*...» в русском фольклоре,

сохранившихся как реликт древней русской словесности. Присутствие этого словосочетания в тексте «Слова» с устойчивым смысловым значением закономерно и не вызывает сомнений.

Столь же зримо значение слова *золото* выявлено и в словосочетании «...звоня рускым златомъ» в третьей фразе, не нуждающейся в специальном объяснении. Квалификация существительного *золото* в перечисленных фразах дает полное основание приписать ему то же значение и в выражении «а злата и сребра ни мало того потрепати».

Сказанное следует отнести и к существительному *сребро* — второму компоненту устойчивого словарного комплекса *злата и сребра*, ставшего фразовым клише в течение веков.

В состав доказательств необходимо включить и наличие в тексте «Слова» наименований специальных златошвейных дорогих тканей: *паволок*, *оксамитов* и *узорочий*, не отождествляемых с *золотом* и *серебром* и выделенных как разновидность драгоценных предметов. О том, что *узорочие* в «Слове» не ценные изделия из металла, можем судить по фразе «*орьтъмами* и *япончицами*, и *кожухы* начаща мосты мостити по болотомъ и грязивымъ местомъ, и всякими *узорочы* половъцкыми».

Итак, в заключение мы вправе утверждать, что текст «Слова» дает исчерпывающий ответ, устанавливающий смысловое значение слов *злата* и *сребра* в плаче русских жен на фоне словоупотребления в других его местах.

Трудно уяснимо, однако, предметное содержание реальных *злата* и *сребра*, лишенное каких-либо побочных признаков в причете супруг павших воинов Игоревой рати. Под *златом* и *сребром* могли подразумеваться монеты восточной выработки и серебряные дирхемы, служившие иногда и женскими украшениями, находимые в древних кладах, дорогая утварь и принадлежности женского убранства — серьги и даже, по мнению одного из исследователей «Слова», подвески на головных уборах, сохранившиеся до нашего времени в одежде девушек и женщин Прикарпатя и болгарских Родоп.

Сказанное о значении словосочетания *злата* и *сребра* в тексте «Слова о полку Игореве» может быть расширено примерами его употребления в памятниках древней русской письменности, начиная с «Повести временных лет»: «*Злато и сребро*, порты, и паволокы и именье» (1075) по Лаврентьевскому и «разграбиша дом князь <...> *золото и сребро*, порты и паволокы» (1175) по Ипатьевскому спискам и другими подобными, в которых *злато* и *сребро*, как и в «Слове», противопоставляются тканям — *портам*, *паволокам*, *узорочьям* и т. п.

Обследование текста «Повести временных лет» по обоим спискам не дало ни одного примера понимания реальных *злата* и *сребра* не в значении металла (денег, сокровищ и т. п.), противопоставляемого тканям: *паволокам*, *фофудьям*, *портам*, *узорочьям* и им подобным.

Перечень может быть продолжен примерами из произведений древнерусской письменности: «оже с всякою красотою украси, *златом* и *серебром*...» (Слово о Ветхом и Новом Завете митроп. Илариона, XI в.); «Къде бо их жития <...> и багряница и брячины, *сребро* и *злато*» (Сказание о Борисе и Глебе, XI—XII вв.); «аще *злато* и *сребро* по вся дни раздавал бых» (Почучение в неделю 5-ю по Пасце Кирилла Туровского, XII в.) и т. п. Слово-сочетание *злата* и *сребра* проникло и в язык памятников Куликовского цикла, перекликающийся с языком «Слова»: «*злата* и *сребра* и богатства многого напльнися земля московская и всякого *узорочия*» (Сказание о Мамаевом побоище основной редакции); «и мы ему все *злато* и *сребро*, все *узорочие* Московские земли царю изнесем» (Сказание о Мамаевом побоище распространенной редакции), противопоставляющие *злату* и *сребру* *узорочьа*.

Проследивание возникновения словарного двучлена *злата и сребра* в русской фразеологии уводит нас в весьма давние времена. Фонетическая оболочка слов *злата* (неполногласная) и *сребра* (болгаризованная) в рассматриваемом двучлене языка «Слова» — признак его проникновения в эпоху воздействия кирилло-мефодиевской письменности на древнерусский книжный язык, в который он попал из текстов библейского и евангельского происхождения и гласил: *chrysón kai árgyron* в значении *денег, богатства, сокровищ* с расположением словарных компонентов по степени ценности обозначаемых ими металлов. Такой их порядок стал традиционным и преимущественным и в дальнейшем употреблении с встречающимися перемещениями. Неполногласная огласовка словоформы *злата* в тексте «Слова» не результат перелицовки позднейшего переписчика под воздействием болгаризованной орфографии, а изначальный факт языка, заимствованный из кирилло-мефодиевской письменности (С. Обнорский). Эти доводы убеждают в том, что словосочетание *злата и сребро* в «Слове» не окказиональное, а нормативное выражение со всеми его смысловыми признаками. Внедрилось оно и в язык народного творчества с тем же значением: «И понесли оне честные подарки *злата серебра* и скатнова жемчюга» (Кириша Данилов); «Выносили Ермаку *злата-серебра* <...> Не брал он ни *злата*, ни *серебра*» (Рыбников, Песни) и т. п.

Привлеченные нами примеры — убедительное свидетельство укрепившегося значения словосочетания *злата и сребра*, уходящего в глубь веков и естественного и закономерного для лексики «Слова».

Установленное смысловое значение существительных *злата и сребро* в «Слове» полностью отменяет переводы, приписывающие этим словам значение драгоценных тканей без достаточных оснований, в угоду стиливо-языковым предпочтениям и вкусам их авторов, не обусловленным текстовыми показателями.

Рассмотрим глагол *потрепати*, получивший в публикациях текста «Слова» и в его переводах различное понимание и толкование. Из трех или четырех смысловых значений этого глагола в переводах «Слова», нашедших место в помещенной выше таблице, отпадают глаголы типа *носить, нашивать* в контексте, подразумевающим под *златом и сребром* дорогие ткани. То же можно сказать о глаголе *ходить* (в *золоте и серебре*) при понимании под последними тканей, каковыми в языке «Слова» они не являются. Далеки от синонимичности глаголу *потрепати* и глаголы *красоваться, потешиться, наскресть, увидеть*, составляющие смысловую подгруппу третьего раздела таблицы.

Итак, остаются глаголы типа *звенеть, позвенеть, побряцать, позвяцати, побренчать* и т. п. и *потрогать, поддержать, дотронуться, ласкать* и т. п.

Разбор их, однако, необходимо предварить смысловым и синтаксическим анализом глагола *потрепати* в тексте «Слова» и в языке памятников письменности и народного творчества. Лишь при сопоставлении его с перечисленными выше семантическими вариантами мы можем рассчитывать на достижение аргументированного прочтения данного словосочетания и его более адекватного перевода.

Начнем с того, что глагол *потрепати* в «Слове» находит соответствие в его тексте во фразе «Единъ же Изяславъ <...> позвони своими острыми мечи о шеломы литовскія, *притрепа* славу дѣду своему Всеславу, а самъ под чръленными щиты на кровавѣ травѣ *притрепан* литовскими мечи» (С. 33—34). На краткое страдательное причастие *притрепан* обратил внимание Л. Булаховский (в книге «Слово о полку Игореве»: Сб. исследований и статей. М.; Л., 1950. С. 152—153), не соотнеся его с глаголом *потрепати*, с которым это причастие имеет несомненное генетическое родство.

Л. Булаховский правильно учел связь древнерусского *притрепан* с исконным корнем *треп-*, отразившимся с основным первичным значением в песенном русском фольклоре в значении *избить, убить*: «*Притреплю я дубиной вязовою: Спи, мой стар, спи отныне до веку*»; «*Я плахова мужа напаю допяна <...> Соломкой притрусывала, а дубинкой притрепывала*» и др. под., наряду, однако, с «*Притреплю я своей правой рученькой: Спи, мой млад, с вечера до утра*» — со значением ласковости («Словарь-справочник», вып. 4), ссылка на которую будет приведена в ходе доказательств.

Это значение глагола *притрепати* сохранилось и в современном просторечном и диалектном болгарском глаголе *утрепам, трепя* — «убиваю ударами», который помогает прояснению смысла словоформы *притрепан* в цитированной фразе «Слова», переводимой словами: *побит* (Ржига и Шамбинаго), *убит* (Шервинский), *прирублен* (Шторм), *прибит* (Лихачев), *изрублен* (Дмитриев, Лихачев, Творогов) и т. п. В более точном воспроизведении: *Изяслав был убит ударами литовских мечей, нанесенными несколько раз.*

От значения словоформы *притрепан* — краткого страдательного причастия от глагола *притрепати* мы увереннее можем отправиться к истолкованию значения инфинитива *потрепати* в сочетании с существительными *злата и сребра*.

Глагол *потрепати* нечастый гость в языке древних русских рукописей, что сужает наши исследовательские возможности. В их текстах встречаем образчики его бесприставочного и приставочного употребления: «*потрепав ногами*» («Lexicon» Фр. Миклошича, 645); «...младою дланию по ланите *треплеши* детица, успити ѿ хотяще» («Слово о пророке Симеоне», сп. XIV в., Ф. Буслаев, «Историческая хрестоматия...». М., 1861. 436); «слышах глас крил их, егда *трепаху ся...*» («Lexicon») и др. В наших стараниях раскрыть смысл глагола *потрепати* в выражении «а злата и сребра ни мало того потрепати» словоформы *притрепа* и *притрепан* в фразе о князе *Изяславе* — надежный ориентир с ясным смысловым содержанием, имеющим в виду представление *ударения, смертоносного прикосновения литовских мечей* во втором слове. Аналогичное действие, но только ласкового чередуящегося прикосновения выражает и глагол *треплеши (младою дланию...)*. Несомненно, что все перечисленные словоформы одного корня и выстраиваются в одну генетическую линию (общеславянского и индоевропейского по характеру — **tǫp*, выступающего в древнепрус. *trapt* ‘ступать’, ‘выступать’, литов. *trępti* ‘топать ногами’). Перегласовкой его является общеслав. глагол *тропати*, ср. рус. диал. и архаич. *тропать* ‘стучать’, ‘топать’ и т. п. и болг. *тропам* ‘ударять по чему-либо, стучать’.

Любопытный пример употребления глагола *потрепати* в словосочетании, аналогичном по структуре выражению «а злата и сребра ни мало того потрепати», являют собой фразы: «Уже нам <...> детей своих не видати, а *катун* (монг.; тур. *кадын* — жен) *своих не трепати*, а *трепати нам сырая земля*, а *целовати нам зелена мурова...*» в «Слове Софония Рязанца» — «Задонщине», «...а *катун* своих не *трепати*, <...> *трепати нам сыраа земля...*» — в Летописной повести о побоище на Дону — в текстах Куликовского цикла. Некоторые исследователи «Слова» считают это выражение неудачным подражанием ему «Задонщины». Но ничто не исключает возможности использования его как речевого оборота, не претящего языковому чутью книжного человека конца XIV в. и понятного читателям его времени. И если было возможно *потрепать* — ‘коснуться злата и сребра’, то почему неоправданным и неудачным надо считать применение того же глагола в отношении *жен - катун*, которых мужья-воины не имели возможности *потрепать - поласкать*, ласково прикоснуться к ним?

Все сказанное о значении глагола *потрепати* и *притрепа* и *притрепан* и им подобных можно подытожить следующими словами: осязательно выраженное значение слов *притрепа* и *притрепан* в тексте «Слова» — ‘прибить, жестоко прикоснуться’ вызывает представление об аналогичном смысле инфинитива *потрепати*, с семантическими оттенками, выражаемыми префиксами *при-* и *по-*, первым — полноты совершения действия и вторым — его «кратности» и смягченности осязания.

Относя эту формулировку к переводам типа: *а золотом и серебром не позвенть, не звенеть, побряцать, не побренчать* и т. п., мы в силу изложенных фактов языка должны признать их неоправданными, подкрепив эту констатацию изложенными далее соображениями и языковыми иллюстрациями.

Звяканье перебираемых монет и золотых и серебряных изделий передается в языке «Слова» звуковым глаголом *звонити*: «Се бо готскія красныя дѣвы вѣспеша на брезѣ синему морю, звоня рускымъ златомъ, поють время Бусово...» (С. 25—26); «Тѣи бо бес щитовъ <...> кликомъ плѣкы побѣждають, звонячи въ прадѣдную славу» (С. 27). Близкий пример находим и в «Задонщине»: «Уже жены рускыя *въсплескаша татарскимъ златомъ*». Семантика этих словоформ не вызывает сомнений, но спрашивается: почему автор «Слова» не воспользовался этим «звуковым» глаголом и в разбираемой нами словесной конструкции и не заменил им глагол *потрепати*? Очевидно потому, что он не вкладывал в инфинитив *потрепати* значение *звучания*, *звона* и предполагал под ним представление *касания*, *прикосновения*. Иным было и падежное управление глагола *звонити* — *звоня*, различающееся от управления глагола *потрепати*, с другим характером действия — не звуковым, а осязательным.

Здесь по ходу доказательств мы должны «на прежняя возвратиться» и подвергнуть более обстоятельному разбору упомянутую в начале статьи версию, подразумевающую под *златом* и *сребром* *трепѣтки* — привески на головных уборах русских женщин, остаточно сохранившиеся и доньше в праздничном женском наряде в некоторых уголках Украины и Гуцульщины.

Автор версии С. Гординский правомерно подразумевает в словах *злато* и *сребро* толкуемого выражения название металла, видя в нем произвольно золотые и серебряные привески головных женских уборов, не считаясь с тем, что их присутствие ничем не дает о себе знать, будучи внутренним априорным мнением. Что дает основание видеть в *злате* и *сребре* выражения именно *трепѣтки*? Ведь русские жены с одинаковым основанием могли *потрепать* дорогими *усерзями* — серьгами и подвесками и шейными украшениями из золотых монет и серебряных диргемов, находимых иногда в древних русских кладах с отверстиями или ушками для ношения. Вот почему основной тезис версии С. Гординского представляется иллюзорным, не вытекающим из смысла всего предложения и не подсказанным им. Высказанные в смысле выбора объекта действия глагола *потрепати* соображения отнюдь не убеждают в его приемлемости и доказанности.

Упущено из виду автором версии и падежное управление глагола *потрепати*, зависящее от его смысловой интерпретации, характерной для таких словосочетаний, как: *потрепав ногама* (архаич.) и сохранившее то же управление укр. *треплеши грошима*, но *треплеше по ланите детища* и т. п. Казалось бы, что по аналогии с первыми двумя примерами должна была построена и конструкция «а златом и серебром ни мало того потрепати» вместо наличной «а злата и сребра <...> потрепати» — с дополнением в творительном, а не в винительном падеже в «Слове». Конструкция с творительным падежом дополнения находила соответствие и в словосочетаниях со «звуковыми» глаголами *звонити*, *въсплескати*, *възгзрѣмети*, *зрѣмети* и т. п.

Старую форму творительного падежа встречаем и в выражении *крылы плещуще*; ср. также *обогатеем рускым златом* и др., свидетельствующие о глагольном управлении, сохраненном подобными конструкциями и сейчас. Все эти примеры свидетельствуют в пользу того, что при приписываемом С. Гординским значению словам *злато* и *сребро* — *трептки*, *привески* — дополнение в конструкции «Слова» должно было бы стоять в форме творительного падежа.

И наконец, последнее замечание, но уже житейского плана. Допустимо ли, чтобы охваченные скорбью по погибшим мужьям-воинам Игоревой дружины вдовы горько горевали об утрате возможности обогащения — чем? *Трептками* — скромными золотыми и серебряными, а может быть, позолоченными и посеребренными бляшками на головные уборы, которыми они уже не могли покрасоваться в своем вдовьем положении. Потеря таких мелких украшений едва ли могла вызвать скорбное пролитие слез, причитания и вопли. Вдовы, в особенности верхушечного разряда Игорева воинства, привыкшего получать львиную долю военной добычи, сокрушались несомненно о лишении их гораздо большего — *золота*, *серебра* и дорогих восточных изделий, к которым они уже не могли прикоснуться рукою собственности и носительниц.

Уязвимым моментом версии и аргументации С. Гординского следует признать то, что в своих изысканиях он пользуется методом этнографа и фольклориста, идущего не от фактов к выводам, а подбирающего их как доказательства предложенного им а priori тезиса, не соотносясь с показателями языка текста «Слова» и памятников древнерусской письменности. Однако собранные С. Гординским иллюстративные материалы могут сослужить службу, и за них мы ему должны быть благодарны.

Высказанные нами соображения и возражения обязывают отнестись к версии С. Гординского осмотнительно и сдержанно в ожидании откликов и отзывов на нашу статью.

В конечном счете не могу не сказать, что старания установить предметное содержание слов *злато* и *сребро* в рассматриваемом словосочетании заранее обречены на неуспех, так как в контексте «Слова» нет ни малейших доказательств любого его толкования. В расшифровке конкретного предполагаемого содержания слов *злато* и *сребро* здесь нет необходимости и потому, что оптимальным окажется их сохранение и в переводном тексте в восточнославянской звуковой огласовке. Предлагаемая переводчиками и комментаторами предметная детализация слов *злата* и *сребра* может быть уместна лишь в объяснительном тексте к переводу, но и там она окажется ни на чем не основанной.

Предшествующий критический обзор чтения и переводов инфинитива *потрепати* подводит к рассмотрению и оценке его «заместителей» — глаголов *потрогать*, *подержать*, *дотронуться*, *гладить*, *ласкать*, представляющихся наиболее приближенными по значению к подлиннику. Но, соглашаясь с их относительной языковой приемлемостью, мы не можем обойти молчанием оценку удачности их лексического и стилистического выбора и предпочтения и под этим углом зрения не подвергнуть их переоценке.

Словарный эквивалент глагола *потрепати* в нашей фразе должен соотносываться с основными семантическими, структурными и грамматическими признаками оригинала. Предлагаемый словарный «заместитель»-глагол должен предельно покрывать смысл инфинитива «Слова», быть глаголом кратного действия, содержащим приставку *по-*, вписывающимся в круг типичных префиксальных глаголов с *по-* в тексте «Слова» и имеющим тождественное падежное управление. Только при соблюдении всех этих признаков этот избранник сможет претендовать на первенствование среди других

предложенных словарных соответствий рассматриваемой разновидности. Среди них глаголы *дотронуться*, *гладить*, *ласкать* должны быть отстранены: первый как имеющий несовпадающий префикс *до-*, а два других как бесприставочные. Что касается глаголов *потрогать*, *подержать*, то они отвечают предъявленным требованиям по всем показателям, включая и управление в позитивных и негативных синтаксических конструкциях. Ср. *потрепать*, *потрогать* и *подержать* — с дополнением в винительном падеже и в родительном временного пользования и негативном контексте, примером которого может служить словосочетание «а злата и сребра ни мало того потрепати».

Возникает только соображение об их стилевом облике и его соответствии общему стилю языковой ткани текста «Слова» в воспроизведении современными словесными средствами. В поисках их я бы привлек внимание к глаголу-лексема *помиловать*, отвечающему всем поставленным условиям. Глагол этот в близком значении истари известен славянским языкам и засвидетельствован в беспрефиксном облике в Супрасльском кирилловском кодексе XI в. и в русском поэтическом фольклоре, созвучном некоторыми своими элементами народно-поэтическому настрою отдельных мест «Слова о полку Игореве». В сравнении с нейтральными *потрогать* и *подержать* *помиловать* звучит и выглядит более эмоционально, в унисон с элегическим настроением всего отрывка — плача русских жен. Впрочем, выбор и уместность этого слова в окружающем его контексте дискуссионны и должны стать предметом обсуждения текстологами «Слова».

Выбор «заместителя» словосочетания *ни мало того* в переводах дает знать о себе разномыслием и отсутствием твердого герменевтического критерия. Из всего количества собранных мною примеров лишь один *еще меньше того* (в переводе Шамбинаго, 1912) приближен к оригиналу, об уместности остальных можем судить по основному их перечню: *совсем* (Ржига—Шамбинаго, Лихачев), *вовсе* (Шервинский, Новиков, Мещерский), *подавно* (Шторм, Рыленков, Стеллецкий, Югов, Гудзий, Рыбаков, Шкляревский), *вовек* (Чернов), *пуще того* (Дмитриев, Лихачев, Творогов), *даже* (Келтуяла, Орлов), *больше* (Бальмонт), и *уж* (Степанов). В переводах Басова-Верхожанцева, Заболоцкого, Тарловского, Тимофеева, Ботвинника и Бируковой это словосочетание опущено.

Наиболее адекватным оригиналу следует признать переводное словосочетание *не меньше того*, предложенное Шамбинаго, или *еще того менее*. Но в целях архаизации перевода и стилового приближения к подлиннику я предложил бы заменить эти словосочетания нейтрального стиля старинным наречием *вмале*, несомненно более выразительным и содержащим в себе корень *мал-*, полностью совпадающий с корнем слова-наречия *мало* в тексте «Слова». В результате предлагаемой перекройки привлечшее наше внимание выражение «Слова о полку Игореве» получит в переводе следующий вид: *а злата и сребра и вмале не помиловать*. Свои текстологические доводы и в этом пункте я постарался построить на трудно оспариваемой почве языковых фактов и этим заключением считаю себя вправе закончить свою статью.

Буду удовлетворен, если мои суждения и редакция перевода обратят на себя внимание текстологов и комментаторов «Слова» и продвинут к окончательному истолкованию и языковому оформлению выражения «а злата и сребра ни мало того потрепати», долгое время не подвергавшееся более углубленному и целенаправленному анализу.

Л. В. СОКОЛОВА

«СОКОЛЬ ВЪ МЫТЕХЪ»

В «Слове о полку Игореве» широко используется символический образ сокола. Символика сокола в эпосе разных народов и средневековых литературах связана с представлением о нем как о смелой, ловкой и сильной птице, не знающей себе соперников в охоте.¹

Соколы² действительно занимают первое место среди всех боевых птиц. Птице, которую заметит сокол, почти невозможно скрыться от его глаз, обнимающих огромные пространства, ускользнуть от его скорости, противостоять его силе. Интересно, что соколы не подкарауливают свою добычу, как другие птицы, а охотятся «по-рыцарски», предпочитая внезапному нападению честный, открытый бой.³

В отличие от птиц ястребиной породы, охотящихся довольно низко над землей, в угон, т. е. догоняя птицу и схватывая ее, соколы, как правило, нападают на свою жертву сверху, и при этом на большой высоте (или с большой высоты). Поэтому соколов относят к категории ловчих птиц *высокого полета*, в отличие от птиц *низкого полета*⁴

По манере нападения различают *низового* и *верхового* сокола.⁵ Низовой сперва подтекает под птицу, взгоняя ее высоко вверх, потом внезапно взмывает позади птицы и стрелой бросается на добычу, вонзая в нее острый отлетный коготь. Верховой же сокол, усмотрев добычу, поднимается над ней кругами на значительную высоту,⁶ а затем молниеносно⁷ бросается сверху вниз со сложенными крыльями, поражая жертву силой своего удара «Самый лучший сокол, что называется первого сорта <...>, не станет бить птицы, пока не взойдет вверх на свою настоящую, определенную высоту»,

¹ О символических значениях сокола в устном народном творчестве и средневековой литературе славян см. Адрианова Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л. 1974. С. 115—118; Бернштам Т. А. Орнитоморфная символика у восточных славян // Сов. этнография. 1982. № 1. С. 30—31.

² Род соколов (лат. *Falco*) семейства соколиных составляют кречет, балобан, сапсан, дербник, кобчик и др. (см. Брем А. Э. Жизнь животных. В 3 т. М., 1994. Т. 2. С. 238—241). Слово «сокол» употребляется также в более узком, «видовом» значении так называют сапсана (лат. *Falco peregrinus* — сокол странствующий). См. Дементьев Г. П. Охота с ловчими птицами. М., 1935. С. 9.

³ Брем А. Э. Жизнь птиц. Для домашнего и семейного чтения / Пер. Н. Страхова. СПб. 1866. С. 85, 170, 430.

⁴ Дементьев Г. П. Охота с ловчими птицами. С. 7.

⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 4. Стб. 368.

⁶ Сокол держит птицу в поле зрения с высоты 1,5 км. Не случайно о зорких пронзительных глазах человека говорят «соколиные».

⁷ Быстрота падения сокола вниз такова, что его в падении почти не видно: слышно только свистящий шум и видна мелькнувшая тень. См. Дементьев Г. П. Охота с ловчими птицами. С. 15.

а «взобравшись в поднебесье, делает там ставку, то есть становится неподвижно в воздухе (парит несколько мгновений. — Л С)».⁸

Высоту взлета сокола сокольники обозначали такими терминами: *великий верх*, *малый верх*, *средний* (или умеренный) *верх*⁹ Иногда сокол взмывает так высоко, что его едва можно видеть, как темное пятнышко, стоящее в небе, — это и называется великий верх. Чем больше верх, тем сильнее удар и тем красивее нападение сокола на добычу.

С глубокой древности соколы использовались как ловчие птицы.¹⁰ Красота соколиной охоты сделала ее прежде всего княжеской, царской охотой.¹¹ По словам С. Т. Аксакова, «соколиная охота по преимуществу благородная охота. Тут дело идет не о добыче, не о числе затравленных гусей или уток, — тут охотники наслаждаются резвостию и красотой соколиного полета <...> или, лучше сказать, неимоверной быстротой его падения из-под облаков, силою его удара».¹²

Из эстетических соображений средневековыми правителями особенно высоко ценился кречет (по словам А. Брема, «самый благородный сокол»), и в первую очередь — белый. Белый кречет «очень красив, особенно потому, что чудесные черные соколы глаза его кажутся еще чернее и блещут еще ярче от белого цвета его перьев».¹³ Вероятно, в силу символики белого цвета белые кречеты почитались священными.¹⁴ Они считались ценнейшим дипломатическим подарком и посылались как «честники».¹⁵

Сказанное позволяет понять, почему сокол стал символом доблестного воина, и прежде всего князя, стоявшего во главе воинской дружины. Существовали даже предания о превращении умершего воина в сокола.¹⁶ Функция идеального воина, могучего борца с врагами объединяет символически образы сокола и князя.¹⁷ Не является исключением и «Слово о полку Игореве», в котором, по наблюдению Д. С. Лихачева, все разнообразие сравнения со зверями и птицами сделаны только по функции.¹⁸

В «Слове о полку Игореве» образ сокола неоднократно использован при характеристике русских князей, в том числе великого киевского князя Святослава. Узнав от бояр о поражении Игоря и Всеволода, Святослав горестно укоряет их в том, что они выступили тайно, не согласовав своих дей-

⁸ Аксаков С. Т. Пояснительная заметка к «Уряднику сокольника пути» // Аксаков С. Т. Избранное СПб, 1994 С 373

⁹ См. Собрание писем царя Алексея Михайловича / Изд. П. Бартев М, 1856 С 49 (Примеч. 2 к письму IX)

¹⁰ Об истории соколиной охоты см. Кутепов Н. Великокняжеская и царская охота на Руси с X по XVI век Исторический очерк 2-е изд. СПб, 1896; Зарин А. Е. Царские развлечения и забавы за 300 лет М, 1913 (переизд. Л, 1991); Дементьев Г. П. Сокола-кречеты Систематика, распространение, образ жизни и практическое значение М, 1951 С 145—155

¹¹ Д. С. Лихачев, ссылаясь на «Поучение» Владимира Мономаха, пишет, что охота наряду с походами «входила в его княжеское „дело“» («Слово о полку Игореве» и культура его времени Л, 1978 С 191) Интересно, что у воинственных тюркских и монгольских племен охота рассматривалась не только в качестве развлечения или промысла, но и как военное упражнение Существовала восточная поговорка «Соколиная охота — сестра войны» (Дементьев Г. П. Сокола-кречеты С 145)

¹² Аксаков С. Т. Пояснительная заметка к «Уряднику сокольника пути» С 373

¹³ Там же С 371 Интересно, что именно белый кречет дал основание для латинского названия кречета как одного из видов соколов (*Falco sandicans*, т. е. сокол, отливающий белозной), а также, вероятно, для фольклорного эпитета сокола — «ясный»

¹⁴ Г. П. Дементьев пишет, что на Востоке, в частности в Средней Азии, нельзя было причинить какой-либо моральный или физический вред человеку, держащему на руке белую ловчую птицу См. Дементьев Г. П. Охота с ловчими птицами С 22

¹⁵ Там же Дементьев Г. П. Сокола-кречеты С 145, 150—155

¹⁶ Дементьев Г. П. Сокола-кречеты С 145

¹⁷ Эта же функция связывает символически образ сокола с образом солнца В славянском фольклоре, народном искусстве и обрядах сокол символизировал солнце См. Топорков А. Л. Солнце // Славянская мифология Энциклопедический словарь М, 1995 С 363

¹⁸ Лихачев Д. С. Поэтика 3-е изд. М, 1979 С 180—181

ствий с ним, великим киевским князем, готовившим, как мы знаем из летописей, совместный летний поход русских князей на половцев. Словно отводя ответные упреки Игоря и Всеволода (они якобы поступили так потому, что киевский князь стар), Святослав говорит: «А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколь въ мытєхъ бываєть, высоко птицъ възбиваєть, не дасть гнѣзда своего въ обиду».¹⁹

Смысл этого фрагмента, на наш взгляд, очевиден. Святослав в форме риторического вопроса утверждает, что «старому не диво помолодиться (т. е. уподобиться молодому)», и в качестве доказательства того, что старый не уступит в сражениях молодому, ссылается на сокола «въ мытєхъ» — старого сокола, который, несмотря на свою старость, высоко птицъ възбивает, не даст гнезда своего в обиду. Это сравнение логично и убедительно: старый князь сравнивает себя со старым же соколом. Именно так предложил понимать выражение «соколь въ мытєхъ» более ста лет назад А. А. Потебня.²⁰ Его точку зрения поддержал в 1926 г. В. Н. Перетц²¹ и в 1973 г. Р. О. Якобсон.²² Ее приняли в своих переводах Янка Купала,²³ Г. Штурм²⁴ и автор лучшего стихотворного переложения на современный русский язык — Н. А. Заболоцкий.²⁵

Как ни странно, точка зрения А. А. Потебни до сих пор не стала общепризнанной, более того, она подверглась недавно развернутой критике. Это побуждает вернуться к вопросу о смысле выражения «соколь въ мытєхъ» с целью высказать некоторые дополнительные доводы в пользу точки зрения А. А. Потебни.

Слово 'мыть' (наряду с формой 'мытѣ', имеющей более широкое значение) обозначает процесс ежегодной смены оперенья ловчих птиц (по отношению к остальным птицам говорят о линьке). Таким образом, дословный перевод выражения «коли соколь въ мытєхъ бываєть» — «когда сокол в линьках бываєть» или, иначе, «когда сокол линяєть». Так переводили Н. С. Тихонравов,²⁶ Я. Малашев²⁷ и др. Однако при таком переводе во фразе возникает противоречие (впервые сформулированное А. А. Потебней): с соколом в мытєхъ связано в «Слове» представление о силе и мужественности (он высоко птицъ възгоняєть), а между тем во время линьки сокол болеєть²⁸ и потому теряет свои боевые качества. Существовала «почти все-

¹⁹ Текст «Слова» здесь и далее цитируется по изданию Слово о полку Игореве Л, 1967 (Б-ка поэта Большая сер 2-е изд.)

²⁰ Потебня А. А. «Слово о полку Игореве» Текст и примечания Воронеж 1878 С 104

²¹ Перетц В. Н. Слово о полку Игоревим Памятка феодальной Украины — Руси XII в Кив, 1926 С 270

²² Якобсон Р. О. Сокол в мытєхъ // Южнославянски филолог Београд, 1973 Кн 30 Св 1—2 С 125—134

²³ См Слово о полку Игореве Л, 1985 С 329 (Б-ка поэта Большая сер 3-е изд.) «Въ мытєхъ» Янка Купала переводит на белорусский «у годах»

²⁴ См Слово о полку Игореве Л, 1967 С 210 (Б-ка поэта Большая сер 2-е изд.) «Въ мытєхъ» Г. Штурм переводит «в летах»

²⁵ Там же С 277 Н. А. Заболоцкий переводит фразу о соколе «въ мытєхъ» так

Старый сокол, хоть и слаб он с виду,
Высоко заставит птиц лететь,
Никому не даст гнезда в обиду

²⁶ Тихонравов Н. С. «Слово о полку Игореве» Издано для учащихся М, 1868 С 61

²⁷ Малашев Я. «Слово о полку Игореве» — поэтический памятник русской письменности XII в М, 1871 С 93

²⁸ В связи с этим интересно что первоначальное значение слова 'мытѣ' — болезнь молодых домашних животных в переходном возрасте и ловчих птиц во время линьки. С развитием значения слова мытѣ оно стало означать и сам переходный процесс в жизни животных и птиц — линьку. См Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка М 1994 Т 2 Стб 956 О состоянии и поведении птиц во время линьки см Брем А. Э. Жизнь птиц С 66

общая традиция соколиных охотников не охотиться с мытящимися птицами».²⁹

Стремление выйти из этого противоречия побуждало исследователей как-то иначе истолковать выражение «соколь въ мытехъ».³⁰ Первые издатель и многие их последователи переводили выражение «соколь въ мытехъ» так: «когда сокол перелиняет».³¹ Однако, как не раз отмечали исследователи вслед за А. А. Потемней, глагол несовершенного вида «бываетъ (въ мытехъ)» нельзя переводить глаголом совершенного вида.

А. С. Шишков и В. И. Даль привлекали для объяснения выражения «въ мытехъ» слово «помытчикъ» / «помыкальщикъ» (тот, кто добывает и обучает соколов охоте), давая при этом разные переводы. А. С. Шишков понимал под соколом в мытях «выученного, выношенного сокола» (ср. перевод В. А. Жуковского: «сокол ученый»), а В. И. Даль выражение «коли соколъ въ мытехъ бываетъ» перевел так: «когда он (сокол) напускается».³² Однако предложенная этимология неверна. Слова 'мытъ' и 'помытчикъ' — не однокоренные. «Помыкальщикъ» (вар. «помытчикъ») образовано от «помыкати» — напускать ловчую птицу на другую птицу, обучая ловле³³ (ср. совр. разг. выражение: «Что ты мной помыкаешь?»).

В. П. Петрусь предположил, что, говоря о соколе в мытях, автор «Слова» использовал не слово 'мытъ' (линька), а слово 'мытъ' / 'мыто'.³⁴ Значение этого слова по словарям (его Петрусь не приводит) — пошлаина в Древней Руси за провозимый товар. Пытаясь хоть как-то приспособить слово 'мытъ' / 'мыто' к контексту «Слова», Петрусь произвольно придавал ему иное значение.

Ряд исследователей (А. А. Зимин, О. В. Творогов, О. Сулейменов, Л. А. Дмитриев) высказал, с разными уточнениями, предположение, что в оригинале «Слова» читалось «сокол трех мытей» (эту лексическую параллель к выражению «соколь въ мытехъ» из «Повести об Акире Премудром» указал в 1926 г. В. Н. Перетц).³⁵ Любая конъектура в тексте «Слова» нежелательна. Предлагаемая же конъектура еще и несостоятельна по смыслу. Святослав, говорящий о своей старости, не может сравнивать себя с соко-

²⁹ Дементьев Г П Охота с ловчими птицами С 60

³⁰ Подробную историю вопроса с критическим анализом точек зрения см Робинсон М А, Сазонова Л И Новый опыт комментирования «Слова о полку Игореве» (фрагмент «соколь въ мытехъ») // «Слово о полку Игореве» Комплексные исследования М, 1988 С 174—193 Краткий перечень основных точек зрения см Творогов О В Мытъ // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб, 1995 Т 3 С 296—298 К сожалению, имя Потемни в тексте этой статьи не упомянуто

³¹ Н В Шарлемань при этом утверждал, вопреки свидетельствам толкового, терминологического и охотничьего словарей, что 'мытъ' означает «главным образом тот период, когда молодая птица надевает оперение взрослой птицы» См Шарлемань Н В Из реального комментария к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ М, Л, 1948 Т 6 С 112

³² См об этом в обзоре Робинсон М А, Сазонова Л И Новый опыт комментирования С 176, 186

³³ Ср Словарь Академии Российской, производным путем расположенный СПб, 1793 Ч 4 Стб 358—359 Издание указано в статье М А Робинсона и Л И Сазоновой Хочется особо отметить широту привлеченного исследователями материала, в том числе специальной литературы, касающейся соколов и соколиной охоты (книги В А Левшина и Г П Дементьева)

³⁴ Петрусь В П Соколь въ мытехъ // Учен зап Киров гос пед ин-та 1957 Вып 2 С 105 Ранее эту точку зрения высказывал Я Пожарский Он перевел «когда сокол на добыче бывает» (см Барсов Е В «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружины Руси М, 1889 Т 3 С 496)

³⁵ Зимин А А Когда было написано «Слово»? // ВЛ 1967 № 3 С 145, Творогов О В «Сокол трех мытей» в «Повести об Акире Премудром» // Вопросы теории и истории языка Сб статей, посвященных памяти Б А Ларина Л, 1969 С 111—114, Сулейменов О Аз и Я Алма-Ата, 1975 С 38—44, Дмитриев Л А Два замечания к тексту «Слова о полку Игореве» II «Коли соколь въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ» // ТОДРЛ Л 1976 Т 31 С 289—290

лом трех мытей, т. е. соколом в расцвете сил (см. примеч. 66). Нельзя принять эту конъектуру и в интерпретации Л. А. Дмитриева, по мнению которого за фразой о трижды перемытышемся соколе стояло не указание на определенный возраст птицы, а предполагаемое исследователем «средневековое представление об особой храбрости и отваге, о возрождении молодой силы сокола, который прошел „три мыти“». Л. А. Дмитриев сослался при этом на рассказ Физиолога о старом орле, который обновляется, трижды погрузившись в источник чистой воды. Однако данное сопоставление лишено оснований. Отраженная в Физиологе легенда об омоложении связана именно (и только) с орлом по причине его необыкновенного долголетия (по словам А. Брема, орлы доживали в неволе до 100 лет, тогда как соколы, например, редко доживают и до 20). При этом омоложение орла в легенде связывается по традиции (ср. омоложение и оживление сказочных героев) с живой водой: когда наступает старость, орел улетает на край света и, искупавшись там в озере с живой водой (по поздним, христианизированным вариантам — в реке Иордане), снова обретает молодость.³⁶ Что же касается ежегодной линьки, мыти, то она, как биологическое явление, присуща не только соколу, но и орлу, однако с ней не может быть связано представление об омоложении, поскольку каждая мыть лишь увеличивает счет прожитым годам.

Принципиально иное решение вопроса предложили М. А. Робинсон и Л. И. Сазонова.³⁷ Они пытаются устранить противоречие между смыслом подлежащего (сокол в мытях, т. е. слабый сокол) и сказуемого (высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду) иным истолкованием не подлежащего, а сказуемого. Если все предыдущие интерпретаторы видели в рассматриваемой фразе высокую оценку боевых качеств сокола в мытях, то М. А. Робинсон и Л. И. Сазонова понимают данную фразу как характеристику временной слабости, бессилия линяющего сокола. По их мнению, смысл ее таков: слабый в линьке сокол не высоко птиц взбивает, дает гнездо свое в обиду. Чтобы придать рассматриваемой фразе этот смысл, исследователи превращают ее из утверждения в риторический вопрос (точнее, два риторических вопроса), тем самым меняя смысл фразы на противоположный. В результате речь Святослава превращается в каскад риторических вопросов (или, по выражению самих исследователей, в «тираду»): «А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколь въ мытєхъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ? Не дастъ гнѣзда своего въ обиду?». Кроме того, если все предыдущие исследователи справедливо считали, что на первый риторический вопрос (а в классическом прочтении — единственный) предполагается ответ: «Не диво», то, по мнению М. А. Робинсона и Л. И. Сазоновой, этот риторический вопрос предполагает возможность двух взаимоисключающих ответов, и читатели, исходя из своего опыта, давали на него иной ответ: «Диво» (т. е. «старик не может помолодеть»³⁸). Между тем такой ответ невозможен, ибо риторический вопрос предполагает вполне определенный ответ — противоположный тому, который был бы у фразы, будь она утвердительной. Таким образом, если дать развернутые ответы на три риторических вопроса, содержащихся, по мнению исследователей, в речи Святослава, то получится следующий текст: «Старому (т. е. Святославу) не диво помолодится. Когда сокол в линьке бывает, он не высоко птиц взбивает. Даст гнездо свое в обиду». Как видим, логика в этом тексте отсутствует. Святослав говорит о том, что он способен «помолодиться», т. е.

³⁶ Гура А. В. Орел // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 288.

³⁷ Робинсон М. А., Сазонова Л. И. Новый опыт комментирования. С. 184—193.

³⁸ Там же. С. 190.

уподобиться молодому (об ошибочности традиционного перевода — «помолодеть» будет сказано далее), способен организовать и возглавить поход русских князей на врагов. К чему же здесь сравнение князя со слабым во время линьки соколом, который не способен защитить свое гнездо?

Ошибочность точки зрения М. А. Робинсона и Л. И. Саоновой ясна и из того, что она невольно приводит исследователей к выводу, будто образу сокола в мытях «отводилась автором совершенно особая роль, отличная от той, которую выполняет в других местах произведения образ сокола — сильной охотничьей птицы, символа доблестных князей-воинов».³⁹ Между тем традиционные символические образы устойчивы, в том числе и образ сокола. Сами же исследователи в другом месте своей статьи справедливо пишут следующее: «Символика, связанная с соколами, соколиной охотой <...> широко распространена в средневековых литературах Запада и Востока. Образ сокола всегда символизировал в них красоту, гордость, свободу, благородство» (Разрядка моя. — Л. С.).⁴⁰ Показательно, что поиски исследователями образа линяющего сокола в эпосе других народов не увенчались успехом. Ими обнаружены только упоминания перелинявшего сокола. В частности, в казахском эпосе «Кобланды-богатырь» готовность героя выйти в поход сравнивается с готовностью к охоте перелинявшего сокола: «Белый сокол летает, когда надежны / И крылья его, и хвост».⁴¹

Итак, все рассмотренные попытки истолковать смысл выражения «соколь вь мытехъ» следует признать несостоятельным.⁴²

Вернемся к точке зрения А. А. Потебни. Комментируя выражение «соколь вь мытехъ», он рассуждал так: «„Сокол двух-трех мытей“ — что мытился два, три раза, двух-трехлентий; след. „соколь вь мытехъ“ — в летах, старый».⁴³

А. А. Потебня основывался, вероятно, на сведениях, приведенных в «Книге для охотников до звериной и птичьей ловли» В. А. Левшина: «Перелинявшую птицу называют мытчей сокол <...> и по числу линяний обозначают их возраст, например, сокол двух мытей, трех мытей».⁴⁴ По свидетельству Ф. И. Буслаева, про охотничьих птиц говорили также: «...„третьей мыти“, „четвертой мыти“, т. е. линяла птица три, четыре раза».⁴⁵

Число мытей у соколов соответствует числу прожитых лет, с разницей в несколько месяцев: выводятся они весной, а ежегодная линька заканчивается у них в сентябре или начале октября (она длится у соколов пять месяцев). Таким образом, мытчей (вариант: мытчий) сокол или, как его еще называли, по свидетельству В. И. Даля,⁴⁶ «перемыт» — это сокол на втором году жизни, годовалый. Сокол двух мытей — сокол на третьем году жизни, двухлетний, и т. д.

³⁹ Там же С 189

⁴⁰ Там же С 190

⁴¹ Там же

⁴² Д. С. Лихачев не останавливался специально на этом вопросе, но в его переводах чувствуется неудовлетворенность существующими точками зрения. Он использует то одно, то другое то третье прочтение «когда сокол надел оперение взрослой птицы» (Слово о полку Игореве М, Л, 1950 С 91), «когда сокол перелинял» (Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве. Пособие для учителей 2-е изд. М, 1982 С 66), «когда сокол линяет» (Слово о полку Игореве М, 1983 С 68, Слово о полку Игореве Л, 1990 С 81)

⁴³ Потебня А. А. «Слово о полку Игореве» С 104

⁴⁴ Левшин В. А. Книга для охотников до звериной и птичьей ловли М, 1813 Ч 2 С 247 Ср статью «Мыть» в «Опыте терминологического словаря» В. П. Бурнашева (СПб 1843 Т 1 С 410—411) «Мыть Линяние ловчих птиц Мытчий сокол, кречет или ястреб т е перелинявший, и по числу линяний означается их возраст, например, сокол двух мытей, сокол трех мытей и т д»

⁴⁵ Буслаев Ф. И. Историческая христоматия М, 1861 С 609 Цит по Словарь справочник «Слова о полку Игореве» Л, 1969 Вып 3 С 128 («Мыть»)

⁴⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Т 4 Стб 367

Поскольку по числу мытей обозначали возраст ловчих птиц, то, вероятно, можно говорить о «хронологическом» значении таких выражений, как «сокол двух мытей», «сокол трех мытей». Но именно выражений в целом, а не о наличии «хронологического, календарного значения» у форм множественного числа слова «мыть»: «мыти, мытей, мытех», о чем писал Р. О. Якобсон, развивая точку зрения А. А. Потемни. Неверно и другое утверждение Р. О. Якобсона, будто «в отношении сокола мыть служит синонимом года».⁴⁷

Почему возраст сокола охотники считают не по годам, а по мытям? Вероятно, учитывая, какую важную роль для характеристики охотничьих свойств птицы играло то, перемытилась ли она (впервые) и сколько раз мытилась, на что счет по годам не указывал точно.

Точка зрения А. А. Потемни подверглась развенчанной критике в статье М. А. Робинсона и Л. И. Сазоновой.⁴⁸ Они пишут прежде всего, что Потемня «подменял прямое значение слова „мыть“ (линька) переносным, при котором количество мытей у охотничьих птиц обозначает возраст, и создавал на основе его искусственное понятие „в мытех“ — „в годах, старый“».⁴⁹ Эта критика, на наш взгляд, несправедлива. Прежде всего, неверно, будто Потемня «подменял прямое значение слова „мыть“ <...> переносным». Исследователи повторяют ошибку Р. О. Якобсона. У слова «мыть» нет переносного («хронологического», «возрастного») значения,⁵⁰ и Потемня имел в виду именно прямое значение слова «мыть». Он ясно пишет: «Сокол двух-трех мытей — что мытился два, три раза», уточняя для непосвященных, что сокол двух-трех мытей — это сокол в возрасте двух-трех лет.

Во-вторых, выражение «въ мытехъ» в значении «старый» по отношению к соколу искусственно не больше, чем выражение «в годах» по отношению к человеку. Р. О. Якобсон справедливо отметил, что термины «трех мытей» и «въ мытахъ» относятся друг к другу совершенно так же, как термины «стольких-то лет» и «въ летахъ».⁵¹ Выражения «в годах», «в летах» по отношению к человеку и «въ мытехъ» по отношению к ловчей птице — фразеологизмы, значение которых — «в пожилом возрасте, пожилой», а также «старый».⁵² Поскольку «въ мытехъ» — фразеологизм, его правильнее оставлять без перевода, поясняя в примечании. Если же переводить, то в значении фразеологизма («в летах, старый»), а не дословно: «в линьках».⁵³

⁴⁷ Якобсон Р. О. Сокол в мытех С 127—128

⁴⁸ Робинсон М. А., Сазонова Л. И. Новый опыт комментирования С 177—185 В свое время В. П. Петрусь помешало согласиться с А. А. Потемней то, что он неверно понял его мысль Петрусь полагал, что Потемня предложил конъектуру («въ летехъ» вместо «въ мытехъ»), и доказывал, что ошибочная замена переписчиком «въ летехъ» на «въ мытехъ» маловероятна (Петрусь В. П. Соколь в мытехъ С 104—105)

⁴⁹ Робинсон М. А., Сазонова Л. И. Новый опыт комментирования С 177—178

⁵⁰ Показательно, что в другом месте статьи исследователи сами же доказывают обратное а именно, что в словах с корнем 'мыт' (в том числе в слове 'перемыт') нет «никакого хронологического оттенка» (Там же С 188)

⁵¹ Якобсон Р. О. Сокол в мытах С 128

⁵² См. Фразеологический словарь русского языка М., 1967 С 110 Фразеологизм «в годах» поясняется здесь так «пожилой» Понятия «пожилой», т. е. «начинающий стареть», и «старый» в новое время иногда противопоставляются (см. в указанной статье фразеологического словаря), но могут употребляться и как синонимы («немолодой») О возрастных градациях в Древней Руси см. примеч. 73

⁵³ В связи с этим стоит отметить ошибочность перевода Р. О. Якобсона, развивавшего точку зрения А. А. Потемни «Если сокол не раз линял (т. е. сокол в летах)» См. Якобсон Р. О. Сокол в мытах С 128 Такую же ошибку допускали В. Ф. Ржиги и С. К. Шамбинаго, которые пытались вывести значение выражения «соколь в мытехъ» — «старый сокол» — путем следующих рассуждений «„коли соколь въ мытехъ бываеъ“ — всякий раз, когда он линяет т. е. уже не в первый раз Поэтому Святослав говорит о себе как о старом соколе» (см. Слово о полку Игореве М., Л., 1934 С 285)

Трудно сказать, существовал ли охотничий термин «въ мытэхъ» («старый») или он «изобретен» автором «Слова» по аналогии с фразеологизмом «в годах». С утратой той роли, которую играла в древности сокольная охота, в значительной мере утрачен и особый, очень живописный и в определенной степени тайный язык сокольников.

М. А. Робинсон и Л. И. Сазонова, критикуя точку зрения А. А. Потебни, утверждают также, что ловчие птицы не различались в зависимости от возраста. При это они ссылаются на «Урядник сокольниковъ пути» царя Алексея Михайловича, где, по их словам, «мы не найдем никаких указаний на возраст птиц...», однако «единственное указание на возраст» все же приводят: «фозмыть старый Беляй...».⁵⁴ Отрицая вопреки очевидности тот факт, что охотники различали ловчих птиц по возрасту, Робинсон и Сазонова пытаются доказать, что ловчих птиц различали только в зависимости от того, в каком возрасте птица попала в неволю, стала ловчей. Такая классификация действительно существовала (птица всю жизнь носила одно из следующих определений: «гнездарь», «слеток», «фозмыт», «дикомыт», «весняк», «молодик»⁵⁵), но она вовсе не исключает различия птиц в зависимости от возраста (часто птица характеризовалась одновременно и с той, и с другой стороны: «фозмыть старый Беляй»). Возраст имел важное значение при характеристике охотничьих свойств ловчей птицы. В. А. Левшин пишет: «Перелетевшие ловчие птицы бывают уже не таковы легки, как молодые, еще не мытившиеся, особенно же соколы, чем стареют, тем больше ленивыми становятся, между тем они соделываются сильнее и хитрее в ловле. Старые соколы хороши бывают в ловле уток...».⁵⁶

Несостоятельность точки зрения А. А. Потебни Робинсон и Сазонова видят также в том, что при переводе выражения «соколь въ мытэхъ» как «сокол в летах» «метафорическая связь между вопросом и ответом отсутствует».⁵⁷ Исследователи пишут: «Вот какой получается дословный перевод текста, учитывающий толкование-правку Потебни—Яacobсона: „А удивительно ли, братья, старому помолодеть? Когда сокол в летах бывает, высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду...“. Утверждается, что старый сокол силен, и тогда неясно пожелание, содержащееся в вопросе, — помолодеть».⁵⁸

Робинсон и Сазонова неверно перевели слово «помолодиться». Это общая ошибка почти всех комментаторов и переводчиков «Слова» «Помолодиться» переводят так: «помолодеть», «молодым обернуться», «стать молодым», «омолодиться», «сбросить с плеч года», «вновь поюнеть».⁵⁹ На наш взгляд, слово «помолодиться» употреблено автором в значении «тряхнуть стариной», т. е. «сделать или поступить как раньше, в молодости».⁶⁰ Ср. совр. «омолодиться» — «стараться выглядеть моложе своих лет» (но не помолодеть!).⁶¹ Правильный перевод слова «помолодиться» встретился нам только у Марка Тарловского (1938 г.):

⁵⁴ Робинсон М. А., Сазонова Л. И. Новый опыт комментирования. С. 188. Отметим, что в «Уряднике» есть и другие указания на возраст птиц «сокол старый весняк Ядруг», «сокол старый весняк Воин» (С. 116—118).

⁵⁵ Дементьев Г. П. Охота с ловчими птицами. С. 7—8.

⁵⁶ Левшин В. А. Книга для охотников. С. 247.

⁵⁷ Робинсон М. А., Сазонова Л. И. Новый опыт комментирования. С. 184—185.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Следует отметить, что в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского слово «помолодиться» тоже переводится как «помолодеть», а в качестве примеров приводятся цитаты из «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» (СПб., 1902. Т. 2. Стб. 1161—1162).

⁶⁰ Фразеологический словарь русского языка. С. 483.

⁶¹ Словарь русского языка. В 4 т. М., 1982. Т. 2. С. 291.

Галь кружит у нашего гнезда
 Разве, что ль, тряхнуть старинкою?
 Сокол взмыл бы, если есть нужда, —
 Он ведь крепнет с каждой линкою

Но князья помочь мне не хотят!⁶²

При таком переводе слова «помолодиться» между утверждением в форме риторического вопроса и подтверждающим его примером самая прямая связь: «Разве удивительно, братья, старому помолодиться (поступить как в молодости)? Ведь когда сокол старым бывает, он высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду». «Но вот беда, — продолжает далее Святослав, — княжеское „непособие“».⁶³

Итак, М. А. Робинсон и Л. И. Сазонова не привели бесспорных аргументов, которые заставили бы усомниться в правильности точки зрения А. А. Потемни. Тем не менее выскажем некоторые дополнительные аргументы в ее пользу.

Прежде всего, следует уточнить взаимосвязь между выражением «соколь вь мытэхъ» из «Слова о полку Игореве» и выражением «сокол трех мытей» из «Повести об Акире Премудром».

Напомню, что между этими выражениями исследователи усматривали прямую зависимость. А. А. Зимин полагал, что автор «Слова» заимствовал выражение «сокол трех мытей» из «Повести об Акире Премудром», а Р. О. Якобсон устанавливал обратную зависимость. И в том, и в другом случае подразумевалось, что позднее фраза была искажена при переписке.⁶⁴ Представляется, однако, более вероятным, что авторы двух древнерусских произведений употребили разные выражения, существовавшие равноправно и обозначавшие два разных возраста сокола.⁶⁵ «Сокол трех мытей» — это, в переносном смысле, сокол в расцвете сил, боевая, могучая птица.⁶⁶ В хорватском эпосе и сербохорватской литературе XV—XVII вв., по словам Ф. Я. Приймы, образ «сокола-троемидаря» или «тричмитаря», а также «сокола-митаря» (т.е. «перемыта», ставшего взрослой птицей) служил символом «красоты, силы, отваги».⁶⁷

В отличие от сокола «трех мытей», «соколь вь мытэхъ» «Слова о полку Игореве» — это сокол, много раз перемытившийся, в годах, старый. Свято-

⁶² Слово о полку Игореве Л, 1967 С 420 Вероятно, так же понимал слово «помолодиться» и В П Петрусь Ср его объяснительный перевод рассматриваемой фразы «Да что ж удивительного, если (в таком деле, как защита родной земли) и старый почувствует себя молодым!» (Петрусь В П Соколь вь мытэхъ С 106)

⁶³ По мнению М А Робинсона и Л И Сазоновой, «героический образ Святослава» «выпадает из контекста „золотого слова“» «Если князь в апогее своего могущества, то почему возникает грустное „но“» (Робинсон М А, Сазонова Л И Новый опыт комментирования С 192) На наш взгляд, противительный союз «но» указывает именно на положительную характеристику Святослава он-то силен но удельные князья не хотят помочь ему А один в поле не воин, даже сильный и мудрый

⁶⁴ Зимин А А Когда было написано «Слово»? С 145, Якобсон Р О Сокол в мытэхъ С 127

⁶⁵ Эта мысль уже высказывалась мной ранее См Соколова Л В Сокол // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб, 1995 Т 5 С 20

⁶⁶ Молодость птицы оканчивается, по словам А Э Брема, тогда, когда она получает оперение взрослой птицы (Брем А Э Жизнь птиц С 64—67) Соколы-кречеты одевают полный «взрослый» наряд после первой линки, в возрасте 19—20 месяцев (Дементьев Г П Сокола-кречеты С 67) После этого сокол («перемыт») считается вполне сформировавшейся птицей Сокол же трех мытей — это сокол в апогее своего могущества По словам А Э Брема, «от носительство медленно развивающихся хищных и болотных птиц говорится и об годовалых двух, трех, и четырехгодовалых птицах в противоположность к старым» (Брем А Э Жизнь птиц С 64)

⁶⁷ Прийма Ф Я Сербохорватские параллели к «Слову о полку Игореве» // РЛ 1973 № 3 С 79

слав сравнивает себя со старым и потому, вероятно, с «низовым» соколом (на это указывает словосочетание «птицъ взбиваетъ»), который охотится на меньшей высоте, чем «верховой» (старые соколы не так легки, как молодые).

В «Слове о полку Игореве» изображены представители трех поколений «храброго Ольгова гнезда»: 15-летний Владимир, называемый в «Слове» «соколич», «соколец» (т. е. птенец сокола, ср. совр. «соколенок»), 25-летний Всеволод и 34-летний Игорь (они по возрасту — соколы трех мытей) и 60-летний Святослав Киевский, «отец» Игоря и Всеволода «Святославичей», — сокол в мытях, старый, матерый сокол.

Автор «Слова» дает высокую оценку боевым качествам сокола в мытях.⁶⁸ Соответствует ли она действительности?

Во-первых, в ней нет ничего необычного. А. А. Потебня, поясняя смысл этой фразы, написал: «Это пословица (sic!) в роде поль. *stary ale jagu* и мр. старый вил борозни непсуе».⁶⁹ Много подобного рода поговорок, говорящих о сохранении в старости силы, профессиональных умений и об особых достоинствах этого возраста — опытности, мудрости, и в русском языке, например: «Стар, да дож», «Старый дуб, да корень свеж», «Старый ворон не каркнет мимо», «Старый волк знает толк», «Старого воробья на мякине не проманешь», «Старого волка в тенета не загонишь», «Старый конь мимо не ступит», «Седина в бороду — ум в голову», «Молодой на битву, старый на думу» и др.⁷⁰

Во-вторых, по свидетельству охотников, старые соколы действительно по-прежнему хороши на охоте. Вот, например, что пишет С. Т. Аксаков в «Пояснительной заметке к „Уряднику сокольничья пути“»: «Я видел в моем ребячестве двух кречетов, уже немолодых, которые доживали свой век у моего отца, бывшего некогда страстным охотником до ловчих птиц <...> Я не видел этих кречетов *в поле*, то есть в деле, в охоте; но мне рассказывали ходившие за ними охотники, что оба кречета <...> ловили чудесно и что они бьют птицу по-соколиному, устремляясь на свою добычу сверху вниз».⁷¹

Еще один рассказ о ловкости старого сокола находим у Г. П. Дементьева: «Живший в начале зимы 1919—1920 г. в б. Андроньевом монастыре сокол (это была крупная старая самка), сидя на высокой колокольне, ожидал по утрам появления летящих над рекой Яузой голубей или галок и, стремительно бросаясь на них со своего высокого наблюдательного пункта, бил без промаха. В течение пяти недель ни разу не случилось, чтобы он возвращался назад на колокольню без добычи, которую он нес быстрым, но несколько тяжелым полетом».⁷²

Сравнение Святослава Киевского со старым соколом вполне логично. Князь-сокол Святослав в 1185 г. был действительно «в летах», «в мытях», — ему было 60 лет (предположительная дата его рождения — 1125 г.).⁷³ Это еще одно, на сей раз символическое, указание Святослава на свой солидный возраст, наряду с упоминанием серебряной седины («Се ли створисте моеи

⁶⁸ В Н Перетц (Слово о полку Игоревим С 270), комментируя рассматриваемый фрагмент, пишет со ссылкой на А А Потебню «Мова, очевидночки, за те, що старий сокол < >, котрий багато разів виляняв, — страшний для ворогів свого кубла»

⁶⁹ Потебня А А «Слово о полку Игореве» С 104

⁷⁰ Даль В И Пословицы русского народа М, 1989 Т 1 С 309—315

⁷¹ Аксаков С Т Пояснительная заметка к «Уряднику сокольничья пути» С 371 См здесь же (С 373) об особых достоинствах умного старого сокола Его спускают с руки сразу по выезде в поле, он идет умеренным верхом впереди охотников и сам высматривает добычу

⁷² Дементьев Г П Охота с ловчими птицами С 16

⁷³ На Руси возраст человека было принято делить на 7 седмиц (младенчество, отрочество, юность, молодость, мужество, зрелость, средовечие) Все последующие годы (после 49) относили к старости Приводится по кн Понырко Н В Эпистолярное наследие Древней Руси XI—XIII СПб, 1992 С 197

сребренеи съдинѣ») и старости («А чи диво ся, братие, стару помолодити?»). Однако Святослав с полным основанием мог сказать о том, что его почтенный возраст — не помеха для борьбы с врагами. Доказательство этому — совершенный им годом ранее победоносный поход на половцев, которым Бог дал ему, по словам летописца, «притомити поганых». ⁷⁴ Возраст не был помехой и для Владимира Мономаха, который, став в 60 лет великим киевским князем, «прочно держал всю Русь в своих руках» и, что особенно важно в данном случае, до 70 лет сохранял способность лично возглавлять войска в походах. ⁷⁵

Следует сказать, что удачеркивание Святославом своей старости не случайно. Дело в том, что указание на старость главы государства — общее место средневековых эпических произведений. В «Песне о Роланде» автор пишет о Карле Великом: «Он стар и сед, — ему за двести лет», хотя в действительности, как отметил А. Н. Робинсон, ему было 36 лет во время изображаемой битвы в Ронсевальской долине. ⁷⁶

Своего рода «общим местом» средневековых сказаний о битвах являются и упреки Святослава в адрес «молодых» князей, Игоря и Всеволода, за их стремление к личной славе, связанное «с самовольным выходом из системы иерархического феодального подчинения, независимостью действий». ⁷⁷

По словам А. Н. Робинсона, «такие сетования феодала-патриарха, олицетворявшего государственную мудрость, очень характерны. В песнях о Гесере ⁷⁸ его дядя, старый, „белоголовый“ князь Саргал тоже упрекает молодых богатырей: „Только славы своей им хотелось... / На свою уповали смелость, / И не поняли силы врага“. Узнав о гибели Роланда, „рыдая, Карл рвет бороду седую“ (и, добавим, тоже упрекает Роланда за безрассудство. — Л С)». ⁷⁹

Таким образом, в «Слове» традиционно противопоставлены мудрость, рассудительность, осторожность старого Святослава и «буйство», горячность, стремление к личной славе молодых князей — Игоря и Всеволода (именно «молодыми» названы они в конце «Слова»: «Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти...»), которые, по словам летописца, «не воздержавше уности, отвориша ворота на Русьскую землю». ⁸⁰

В заключение отметим, что характеристика, данная Святославу в рассматриваемом фрагменте, органично вписывается в созданный автором «Слова» образ великого киевского князя. Автор последовательно изображает великого киевского князя как главу государства, «отца страны». ⁸¹ Святослав сидит «въ Киевѣ на горахъ», в центре Русской земли, в великокняжеской резиденции, он «отец» Игоря и Всеволода (а следовательно, и всех других русских князей). Святослав старый и седой (в полном соответствии со средневековой традицией изображения главы государства), грозный и великий (ибо средневековый государь — это государь-воин): в недалеком про-

⁷⁴ ПСРЛ Т 2 Ипатьевская летопись 2-е изд СПб, 1908 Стб 645

⁷⁵ Рыбаков Б А Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв М, 1982 С 462

⁷⁶ Робинсон А Н «Слово о полку Игореве» среди поэтических шедевров средневековья // Слово о полку Игореве Комплексные исследования М 1988 С 25

⁷⁷ Лотман Ю М Об оппозиции «честь» — «слава» в светских текстах Киевского периода // Тр по знаковым системам Тарту, 1967 Вып 3 С 109 (Учен зап Тартус ун-та Вып 198)

⁷⁸ Бурятский героический эпос М, 1973 С 327 (Примеч А Н Робинсона)

⁷⁹ Робинсон А Н «Слово о полку Игореве» среди поэтических шедевров средневековья С 24

⁸⁰ ПСРЛ Т 2 Ипатьевская летопись Стб 645

⁸¹ Ср образ идеального правителя как «отца страны» (pater patriae) в «Vita Caroli» Карла IV (1346—1378) См Непомнящая Р В Образ идеального правителя в «Vita Caroli» Карла IV // Человек в контексте культуры Славянский мир М 1995 С 65

шлом он, возглавив коалицию русских князей, «наступи на землю половецкую» (автор рисует эпическую картину победоносного похода Святослава), за что славят его европейские народы, противопоставляя Игорю; и теперь он, «соколь въ мытехъ», способен не дать гнезда своего (Русскую землю) в обиду, возглавив новый совместный поход русских князей на половцев.

Особая роль, отводимая автором «Слова» Святославу Киевскому, подчеркнута тем, что ему посвящена вся центральная часть произведения (включаящая сон и «злато слово» Святослава), в которой он изображен как глава государства.

Сон Святослава — это традиционный для средневековой литературы художественный прием «вещего» сна. Святославу снится «государственный» сон. Мистическим путем, свыше киевскому князю дается знать о походе Игоря, его поражении и нашествии на Русь врагов: со Святославом во сне происходит то, что на символическом языке означает поражение русских князей на Каяле и нашествие на Русь врагов (именно так и толкуют его сон бояре).⁸² Тем самым подчеркивается роль великого киевского князя как главы русских князей и всей Русской земли. Художественная функция сна Святослава — обосновать право последнего на «злато слово», в котором великий киевский князь как глава государства выступает объединителем русских князей в борьбе с врагами, обращаясь к ним с призывом встать на защиту Русской земли.⁸³

Образ Святослава Киевского (как и образы других персонажей «Слова») символичен. Это символ мудрого феодала-патриарха, грозного и великого главы государства. Все сказанное о Святославе в «Слове» подчинено созданию именно такого образа-символа.⁸⁴ В том числе и сравнение его с соколом в мыгях.⁸⁵

Исследователи спорят о том, насколько Святослав «Слова» соответствует образу исторического Святослава, той роли, которую великий киевский князь играл в конце XII в. в междукняжеских отношениях. Оставим решение этого вопроса историкам. Несомненно одно: автор «Слова о полку Игореве» являлся сторонником могущества власти великого киевского князя. В верховной власти, объединяющей и координирующей роли великого киевского князя видел он спасение Руси.

⁸² Анализ сна Святослава см. Соколова Л. В. Сон Святослава // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб., 1995. Т. 5. С. 30—39.

⁸³ Исследователи спорят о том, от чьего имени звучат в «Слове» призывы к князьям от имени Святослава Киевского в его «златом слове» или уже от имени самого автора, как бы продолжающего речь Святослава. На наш взгляд, есть убедительные аргументы в пользу того, что эти призывы вложены автором «Слова» в уста Святослава. Изложить их мы предполагаем в следующем томе ТОДРЛ.

⁸⁴ Это еще одно проявление характерного для «Слова», по наблюдению Д. С. Лихачева, стремления к художественной полноте образа. См. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» как художественное целое // Слово о полку Игореве 800 лет. М., 1986. С. 268—292. Особенно 270, 283 (Альманах библиофила. Вып. 21).

⁸⁵ Уместно вспомнить здесь справедливое требование, предъявляемое Н. М. Дылевским к исследователям «Слова» при истолковании темных мест: учитывать «диктат широкого контекста». См. об этом Дылевский Н. М. «Слово о полку Игореве» — актуальные задачи изучения и публикации текста. Докл. на X Съезде славистов. София, 1988 г. // Славянска филология. София, 1988. Т. 19. С. 120 (Български национален комитет по славистике. Българска Академия на науките). Символичность, одноплановость образа Святослава — еще одно свидетельство того, что он не мог быть изображен в одной из сцен слабым, беспомощным.

Следы «Слова о полку Игореве» в памятнике XV в.?

В небольшой книжке, изданной в научно-популярной серии Академии наук СССР почти полвека тому назад, Д. С. Лихачев писал: «„Слово о полку Игореве“ время от времени давало о себе знать в различных областях Руси. Его читали и переписывали, в нем искали вдохновения для собственных произведений».¹ Это высказывание находит, возможно, подтверждение в памятнике, созданном в середине XV в. в Тверском великом княжестве — «Слове похвальном о благоверном великом князе Борисе Александровиче», приписываемом «иноку Фоме».² Среди многочисленного и разнообразного материала, использованного, часто без разбора, тверским книжником,³ немецкий славист Д. Чижевский указал на два возможных заимствования из «Слова о полку Игореве»,⁴ на которых хотелось бы остановиться.

Первое из них находится в пятой части памятника, посвященной событиям 40-х гг. XV в., борьбе Василия Темного, в союзе с Борисом Александровичем Тверским, против галицкого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки. Зимой 1446 г. тверской великий князь, согласно свидетельству своего придворного панегириста, предъявил последнему ультиматум — вернуть Василию II его отчину, Москву. Перепуганный галицкий князь, не дождавшись истечения указанного ему срока, «побеже неготовыми дорогами».⁵ Эта фраза встречается буквально, если не считать неправильной формы творительного падежа прилагательного, в которой, вероятно, виноваты издатели XVIII в., в «Слове о полку Игореве». После выступления в поход северского князя и описания появившихся при этом знамений «половци неготовыми дорогами побѣгоша к Дону».⁶

Однако Д. Чижевский не заметил, что то же выражение встречается в двух памятниках Куликовского цикла. Первый из них — «Задонщина» (про-

¹ Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве историко-литературный очерк М., Л. 1950 С. 156—157

² Инок Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче Изд. Н. П. Лихачев // ПДПИ СПб., 1908 Т. 168 (далее Слово инока Фомы) Об авторе см. Philipp W. Ein Anonymus der Tverer Publizistik im 15. Jahrhundert // Slavistische Veröffentlichungen der Abteilung für Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts der Freie Universität Berlin Berlin 1954 Bd. 6 S. 230—237

³ См. Poljakov F., Vodoff V. Un auteur tverien du XVe siècle et ses sources // RES Paris, 1992 Т. 64/3 P. 413—431

⁴ Čizevski D. History of Russian Literature from the XI century to the End of the Baroque // Slavistic Printings and Reprintings The Hague, 1960 Т. 12 P. 189—190

⁵ Слово инока Фомы С. 45

⁶ Ироническая Письмо о походе на Половцовъ Игоря Святославича М. 1800 С. 9 Издание воспроизведено в кн. Слово о полку Игореве М., Л. 1950 (Сер. «Лит. памятники»)

странная редакция): после поражения на Куликовом поле «поганые разлучишася розно и побѣгше неуготованными дорогами в лукоморье». ⁷ Второй — пространная летописная повесть; Мамай, увидев свое поражение, обращается к своему войску в следующих словах: «...братья измаиловичи, безаконнии агаряне, побѣжите неготовыми дорогами». ⁸ Тут сразу возникает вопрос: из какого именно памятника «инок Фома» мог заимствовать это выражение?

По своей конструкции дальше всего от «Слова похвального» стоит цитата из летописи: глагол «бѣжати» употребляется тут не в 3-м л. мн. ч. изъявительного наклонения, а во 2-м л. мн. ч. повелительного наклонения. Однако есть указания, что, может быть, летописная повесть, составленная за несколько лет до «Слова похвального», ⁹ была известна автору последнего: в той же пятой части, в двух местах текст тверского памятника схож с текстом летописи:

«Слово похвальное»

Воеводы великого князя Бориса Александровича < > начаша вооружатися в мѣстныя браня [= броня]

Намѣстници тогда в Кашине были < > ркуще в собѣ и аще ли нас мало, но поидем противу ихъ, но силенъ бо естъ Богъ милостю своею ¹⁰

Пространная летописная повесть

Велиции его [= Дмитрия Ивановича] воеводы облачишася во одѣжди мѣстныя

[Дмитрий Иванович] иде къ зборней церкви < > и рече силенъ еси, Господи, кто противится тебѣ? ¹¹

Следует все же заметить, что эти выражения, общие для обоих памятников, довольно шаблонные, поэтому зависимость «Слова похвального» от летописной повести в этих двух случаях нельзя считать доказанной. Следовательно, заимствование из этого памятника предложения «побеже неготовыми дорогами» не обязательно.

Возможно ли оно из «Задонщины»? Формальных препятствий тут нет, но до сих пор нам не удалось обнаружить других заимствований из этого памятника. Добавим, что если принять это предположение, то приходится признать, что пространная редакция «Задонщины» уже существовала в середине XV в., что противоречит одному из утверждений ученых «скептической школы», согласно которому эта редакция возникла лишь в конце XV—начале XVI в., ¹² как, впрочем, противоречит поздней дате «Сказания о Мамаевом побоище»; заимствование из этого памятника в «Слове похвальном» было установлено уже А. А. Шахматовым. ¹³

Остается гипотеза Д. Чижевского о заимствовании рассматриваемого места из «Слова о полку Игореве». Чтобы судить о ее правомерности, необходимо рассмотреть вопросы, связанные с другим заимствованием из этого памятника, установленным немецким исследователем.

В первой части «Слова похвального» среди похвал великому князю Борису Александровичу, которые автор вложил в уста греческих митрополитов, участников Флорентийского собора, заимствованных большей ча-

⁷ Сказания и повести о Куликовской битве Л, 1982 С 12 (Сер «Лит памятники»)

⁸ Там же С 21

⁹ См Там же С 332

¹⁰ Слово инока Фомы С 46, 53

¹¹ Сказания и повести о Куликовской битве С 20, 17

¹² Mazon A. Le Slovo d'Igor // Travaux publies par l'Institut d'etudes slaves Paris, 1940 Т 20 Р 37

¹³ Шахматов А А Отзыв об издании Н П Пихачева «Инока Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче» СПб 1909 С 20—21 Отд отт из ПДПИ СПб 1911 Т 176 Приложение

стью из «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона,¹⁴ встречается следующее выражение: «седмьтисещень еси смысломъ».¹⁵ Д. Чижевский сопоставил его с известным местом из «Слова о полку Игореве»: «Галычкы Осмомыслѣ Ярославѣ! Высоко съдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ»,¹⁶ добавляя, что и то и другое словосочетание в равной мере непонятно.¹⁷

Последнее утверждение не совсем верно: происхождение прозвища «Осмомысл» было объяснено в свое время П. В. Булычевым; тут могло сказаться влияние одного святоотеческого памятника, известного в славянском переводе на Руси под заглавием «Евагрия мниха ко осми мысли».¹⁸ Но тогда как объяснить замену в «Слове похвальномъ» числительного «восемь» числительным «семь»? Ответ на этот вопрос мы находим в самом контексте: в следующей фразе читаем «хвала еси и слава въ всѣхъ языцехъ седмьдесятихъ еже на земли»;¹⁹ тут заимствование — с заменой цифры семьдесят два цифрой семьдесят — из рассказа о рассеянии народов, читающегося в «Повести временных лет».²⁰

Но контекст объясняет также употребление слова «смысл»: в предыдущей фразе мы читаем «воистину еси другъ правдѣ и [с]мыслу мѣсто»,²¹ еще одну цитату из Илариона, но в искаженном виде, начальное «с» в слове «смысл» опущено.²²

Таким образом, предложение «седмьтисещень еси смысломъ» могло быть изобретено «иноком Фомой» без всякого влияния «Слова о полку Игореве», хотя оно, как и в первом случае, не исключается, тем более что в пользу «Слова» имеется еще один аргумент.

Если судить по выявленным до сих пор цитатам, то тверской книжник редко пользовался современными ему памятниками или хотя бы близкими по времени, например, произведениями Куликовского цикла, зато составленный им текст изобилует отрывками из памятников, созданных в Киевской Руси в XI—XII вв., как уже названное «Слово о Законе и Благодати» Илариона, «Повесть временных лет», «Слова» Кирилла Туровского, «Хождение» игумена Даниила, Повесть об убиении Андрея Боголюбского, «Моление» Даниила Заточника, Речь Моисея Выдубицкого.²³ Такое частое обращение к литературе Киевской Руси со стороны «инока Фомы» придает заимствованиям из «Слова о полку Игореве» некоторую веротатность.

Но даже если отрицать прямые заимствования из «Слова о полку Игореве», приведенные Д. Чижевским места из «Слова похвального» нарушают, в какой-то мере, «изолированность» «Слова о полку Игореве», например, отпадают в любом случае выводы, сделанные А. Мазоном из сопоставления

¹⁴ См. Никольская А. Б. «Слово» митрополита киевского Илариона в позднейшей литературной традиции // *Slavia Praha*, 1928 Roč 7 S 560, 858—860, Poljakov F, Vodoff V Un auteur tverien P 416—417

¹⁵ Слово инока Фомы С 13

¹⁶ Ироническая Пѣснь С 30

¹⁷ См. примеч. 4

¹⁸ Булычев П. В. Что значит эпитет «Осмомысл» в «Слове о полку Игореве»? // Русский исторический журнал Пг, 1922 Т 8 С 1—7, см. также статью Р. О. Якобсона в сборнике «La Geste du Prince Igor, epopée russe du XIIe siècle» (Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves New York, 1948 Т 8 Р 306—307)

¹⁹ См. примеч. 15

²⁰ См. Повесть временных лет М, Л., 1950 Ч 1 С 10, Ч 2 С 212 (Сер «Лит. памятники»)

²¹ См. примеч. 5

²² См. Poljakov F, Vodoff V Un auteur tverien P 416, note 20. Цитата из Илариона, с правильным чтением «смыслу», ускользнула от внимания Д. Чижевского, который перевел «мыслу мѣсто» как «a reservoir of thought»

²³ См. Poljakov F, Vodoff V Un auteur tverien P 414, 417—421

прозвища «Осмомысл», засвидетельствованного исключительно в «Слове», с более поздними славянскими именами, как «Гостомысл».²⁴ Создание этого прозвища древнерусским книжником становится вполне вероятным.

Почти все вышесказанное принадлежит к области гипотез, но показывает, что тщательное исследование таких компилятивных памятников, как «Слово похвальное» о предпоследнем тверском князе, позволяет уточнить границы письменной культуры русских книжников конца средневековья и тем самым способствует разрешению некоторых вопросов, связанных с изучением древнейшей литературы восточных славян.

²⁴ См.: Mazon A. Le Slovo d'Igor. P. 154.

Г. Ю. ФИЛИППОВСКИЙ

К вопросу о художественной концепции «Слова о полку Игореве»

Характер героя «Слова» князя Игоря Святославича как *героя вызова*, дерзостно пренебрегшего знаменем черного Солнца, предварен в литературе Руси XI—XII вв. образами князя Олега Вещего в «Повести временных лет»¹ и молодого Андрея Боголюбского.² В летописных сказаниях 1149—1151 гг. речь идет о подвигах неистовой, дерзкой храбрости князя, рвущегося в бой, пренебрегая опасностью.³ Конечно, тема героя вызова встречается еще в библейской притче о блудном сыне,⁴ но важно указать параллели образу Игоря Святославича именно в воинских батальных сценах древнерусской летописи середины XII в., непосредственно примыкающей ко времени событий 1185 г., эпохе создания «Слова о полку Игореве». В самом «Слове» имеется галерея образов героев вызова — князя Олега Святославича (Гориславича), князя Всеслава Полоцкого, бросившего в эпизоде поэмы вызов ночному Солнцу-Хорсу,⁵ князя Ростислава, вместе со своими дружинниками шутки ради дерзко утопившего монаха.

В художественном контексте «Слова» дерзость героя столь же порицается, сколь и восхваляется, а в целом примыкает, в сущности, к оценке исторического князя Игоря Святославича летописной повестью о его походе в Лаврентьевской летописи под 1185 г. — «не воздержавше уности».⁶ Генетически тип героя вызова восходит не только к библейскому, но еще в большей степени к образу героя архаического эпоса и богатырской сказки, который совершает свои подвиги в мифологическом двоemiрии, бросая вызов чудовищам и стихиям, жизни и смерти.⁷ Отсюда эпико-архаические и мифологические реминисценции авторского сознания в «Слове о полку Игореве».

¹ ПЛДР XI—нач XII в. М., 1978 С. 52—54. См. Филипповский Г. Ю. Столетие дерзаний (Владимирская Русь в литературе XII в.) М., 1991 С. 16, 66—67, 126, Робинсон А. Н. О закономерностях развития восточнославянского и европейского эпоса в раннефеодальный период // Славянские литературы VII Международный съезд славистов М., 1973 С. 189.

² ПСРЛ М., 1962 Т. 1 С. 323—325, 332—334, 338—339.

³ См. Воронин Н. Н. Существовал ли «Летописец Андрея Боголюбского»? // Памятники истории и культуры Ярославль, 1976 Вып. 1 С. 28—43.

⁴ Сюжет героя вызова использован также в «Повести о Горе-Злочастии», где строптивость Молодца (как и строптивость рода человеческого от Адама до Евы) привела его к Горю.

⁵ См. Сапунов Б. В. Всеслав Полоцкий в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ М., Л., 1961 Т. 17 С. 75—84.

⁶ ПЛДР XII век М., 1980 С. 358. Текст «Слова о полку Игореве» цитируется по данному изданию.

⁷ См. об этом Филипповский Г. Ю. Мотив движения в «Слове о полку Игореве» и литературе Руси XII века // Исследования «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. Д. С. Лихачев Л., 1986 С. 58—64.

Примечательно, что Жак ле Гофф в своей недавней работе рассматривает категорию вызова как ключевую для культуры XII в.: «Идея состоит в том, что среди всех возможных культурных осмыслений того вызова (*défi*), которым является для традиционной системы ценностей раннего средневековья великий подъем, начавшийся около 1100 г., центральным оказалось именно обращение к земному миру и его ценностям». ⁸ В рамки того же феномена, который обозначен словом «вызов», включается и ускорение культурного развития в XII в. Напомним, что об этом говорят многие исследователи (отечественные и зарубежные). ⁹ Д. С. Лихачев характеризует этот литературный стиль Руси XII в. как «динамический монументализм». ¹⁰ Сюда же примыкает и сюжетная тема *quest* — похода, дерзости, вызова, которая нашла отражение в средневековой литературе Руси и Европы (*chansons de geste*) и Грузии, по большей части восходящая к эпическим жанрам. ¹¹

На фоне развития героического былинного эпоса на Руси в XII в., распространения идеала героического поведения — «храбрства» «Слово» выступило на рубеже XIII в. с известным предостережением о неких теневых сторонах, которые несло в себе увлечение героичностью рыцарского поведения, уходящей корнями в эпическую архаику и пренебрегающей насущными реальностями Руси. ¹² Храбрость ради храбрости (славы), азарт, «буеть», молодечество и неумная игра сил — все эти качества эпического героя скорее архаического типа способны были вызвать в новую историческую эпоху феодальной Руси массу негативных последствий.

Что же противопоставляет автор в системе оппозиций «Слова» молодецкой, рыцарской «усобице», подвигам неумной храбрости героя? Мудрость, «старость» как зрелость ума, опыта и силы духовной, скорее, чем «старшинство», обычно усматриваемое в образе Святослава Киевского в поэме. ¹³ Все старое мудро, положительно и высокоумно — и времена, и нравы, и люди. И примерными иллюстрациями подобного идеала наполнена поэма — от Бояна до Святослава Киевского. Можно думать, что здесь отразилась та же тенденция поэтического менталитета Руси XII—XIII вв., которая сделала главного былинного богатыря Илью Муромца «старым казакom», «старым богатырем» (конец XII в., эпоха «Слова» — время складывания былинных циклов вокруг эпического образа Киева). ¹⁴ Финальные, прославляющие эпизоды трех важнейших произведений литературы Руси второй половины XII в. («Слова о полку Игореве», «Сказания о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» и «Повести об убиении Андрея Боголюбского») фиксируют связь книжности с мотивами эпической циклизации и эпического образа Киева. ¹⁵ Примечательно, авторская поэма «Слово о полку Игореве» обнаруживает черты сходства поэтики с сугубо книжными «Сказанием» и «Повестью», что безусловно свидетельствует в пользу также книжности, а не фольклорности «Слова». ¹⁶

⁸ Гофф Жак, ле С небес на землю (перемена в системе ценностной ориентации на христианском Западе в XII—XIII вв.) // Одиссей 1991 Человек в истории М, 1991 С 29

⁹ См., например Sanford Eva M The twelfth century — renaissance or protorenaissance? // Speculum 1951 Vol 26 P 635—641 статью А Д Михайлова в кн Гальфрид Монмутский История бриттов Жизнь Мерлина М 1984 С 206

¹⁰ Лихачев Д С «Слово о полку Игореве» и эстетические представления его времени // РЛ 1976 № 2 С 27, Филипповский Г Ю Мотив движения С 58—64

¹¹ Робинсон А Н О закономерностях развития С 189—190

¹² Это обстоятельство почувствовал в свое время К Маркс подчеркнувший в «Слове» скорее не политический а пророческий момент

¹³ Робинсон А Н О закономерностях развития С 189—190

¹⁴ Филипповский Г Ю Столетие дерзаний С 103—104

¹⁵ Там же С 116

¹⁶ Там же С 114—116

С идеалами «старой мудрости» в «Слове» безусловно взаимосвязаны и «старые словеса», в манере которых с самого начала объявляет автор свое желание вести повествование, «старый» менталитет, шкала ценностей, которыми автор постоянно поверяет и своих героев, и их деяния, вообще все эпизоды поэмы.¹⁷ Характерно показывают ключевую авторскую идею и начало поэмы и ее концовка, где очевидно подчеркнут эпитет «старый»: «начати старыми словесы трудныхъ повѣстий...», «пѣснь пояше старому Ярославу», «Почнемъ же, братие, повѣсть сию от стараго Владимера», «О Бояне, соловию стараго времени», в концовке: «Пѣвшѣ пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти». Старое учит, автор «Слова» преподает урок молодым князьям. Учит опытом (как ранее Владимир Мономах в своем «Поучении») и памятью отцов и дедов, слава которых противопоставлена военным авантюрам молодых князей, прежде всего Игоря Святославича.

В «Слове» героическое повествование постоянно, на каждом шагу нагнетается на рефлексию, обсуждение, оценку и анализ его, делая произведение своего рода «антибылиной». Жанровые интонации такого рода ощутил в «Слове» современный медиевист А. Д. Михайлов, приведший в юбилейном сборнике «Слова» 1986 г. параллели к нему из пародийного французского средневекового эпоса XII—XIII вв.¹⁸ Автор «Слова» был поэт, и поэт средневековый, никак не политик, каким его сделала идеология XX в. Какой бы общественный резонанс ни имело его произведение (нам трудно сейчас об этом судить за отсутствием данных), сам автор безусловно вкладывал в свою поэму некое пророческое предупреждение о гибельности авантюры индивидуальной княжеской отваги. Автор «Слова» говорит о походе Игоря Святославича в степь как об «усобице», т. е. в его понятии — аванюре, выходе храбрецов более смелых, чем предусмотрительных, более отчаянных и дерзких, чем разумных. Причем и эта «усобица»-авантюра вставлена автором поэмы в систему множественных во времени и пространстве подобного типа авантур, «усобиц» старого времени, походов, приключений личной храбрости русских князей.

Безусловно, следует по мере возможности встать на авторскую точку зрения, постараться взглянуть на текст его глазами, не поправляя и не модернизировав его позицию. Оценки авторские, как уже говорилось, неоднозначны: он далек от только одобрения или только порицания боевых княжеских авантур (ведь речь идет не только о походах в степь, но и князя на князя, когда очень часто они приводили с собой союзных половцев). Следуя светской, княжеской, поэтической теме, автор «Слова» как художник в избранном жанре строит не христианское назидание. Урок неудачного похода вместе с тем рисует картину бедствий Руси в пору княжеских авантур, где содрогается вся толща народной жизни, поэзии и мифологии. Мифологизм «Слова» органичен его драматическому высокому пафосу, его поэтическому космосу, его устремленности к истокам жизни народа Руси, ее народной культуры.

Автор «Слова» не может и не хочет снижать героизм княжеской храбрости и дерзости, несмотря на интонации пророческого предупреждения о возможных бедах от них Руси, не хочет (как во французском пародийном эпическом тексте) снижения и пародии, гротеска. Мифологизм «Слова» выступает как поэтический выбор автора, как альтернатива популярному сре-

¹⁷ Смолицкий В. Г. Вступление в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ М., Л., 1956 Т. 12 С. 17 Те же черты менталитета можно усмотреть, например, в позиции вел. кн. Константина Всеволодовича (начало XIII в.), который хотел «нового» Владимира к «старому» Ростову, а не наоборот.

¹⁸ Михайлов А. Д. Об одной старофранцузской параллели «Слову о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. Д. С. Лихачев Л., 1986 С. 87—90

дневековому варианту «вывороченного мира».¹⁹ В своих работах Д. С. Лихачев хорошо чувствует двоемирие «Слова».²⁰ Космос «Слова», его поэтический мир в русле многочисленных оппозиций и метаморфоз не мог не быть мифологичен, не мог не быть двоемирен.

Там, где антигерои (Олег Гориславич, Всеслав), антиявления (Карна и Жля), там и мир антивремени («иные времена», «свивая <...> оба полы сего времени», «наниче ся годины обратиша»), там и антимир.²¹ Все это существенная черта поэтики «Слова», не учитывать и не понимать которую, — значит не понимать истинную сущность поэмы. «Вывороченное» время «Слова», его антигерои, антиявления часто рядятся в одежды хтоники, подземного мира, мира тьмы как поэтической альтернативы свету, Солнцу. Мир степи, половецких орд — антимир для поэта, «страна незнаемая».

Поэтическая мифология «Слова» не случайна, не навязана, но внутренне органична авторскому замыслу поэмы. Это поэтическая мифология самого автора, только переключаясь с мифологической системой древних славян и индоевропейского мира. Однако эта переключка, параллели и мифологические экскурсы так интригуют всегда исследователей, ибо они уникальны и подлинны, органичны. Безусловно, речь идет не о каком-то «язычестве» «Слова», а о его поэтической мифологии, мифопоэтическом космосе поэмы.²² Двоемирие «Слова» ближе всего к двоемирию архаического эпоса, богатырской сказки, в категориях которых по сути и развернут литературный сюжет о походе Игоря Святославича в Степь.²³

Двойная структура повествования в поэме отражает не только сложность, двойственность авторского отношения к герою, но и сложность авторского мировидения, которое в конце XII в. не могло не быть христианско-средневековым, т. е. дуальным в своей нравственной системе координат (добро — зло). Хотя «Слово» бесспорно несет жанровые черты Урока, но нравственно-христианские его стороны даны как бы в снятом виде. Авторская система координат близка к категориям народной культуры. Вместе с тем автор «Слова», кто бы он ни был в конце XII в., — безусловно христианин, и его художественное создание не могло существовать в принципиальном отрыве от средневеково-христианского мировидения. Здесь ключевой представляется выдвинутая Д. С. Лихачевым концепция диалогичности «Слова».²⁴ Эта важнейшая структурная черта художественной поэтики «Слова» примакает к концепции литературной динамики Руси XII в.²⁵

Авторская оппозиция в «Слове» опирается прежде всего на образ альтернативного поэта — Бояна, которого автор «Слова» берет как бы в «соавторы». Художественная концепция «Слова» не может быть выявлена вне учета образа Бояна и его «замышления».²⁶ Образ Бояна и его «замышление» витают над «Словом». Христианская дуальность мировоззрения — удвоение

¹⁹ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 4—5, 13—15.

²⁰ Лихачев Д. С. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1986. С. 9—28.

²¹ См. Филипповский Г. Ю. Столетие дерзаний. С. 22.

²² Слово о полку Игореве / Составление, пер., статьи и коммент. Д. С. Лихачева. М., 1984. С. 167—199.

²³ См. Филипповский Г. Ю. Мотив движения. С. 62. См. также Jakobson R., Szeftel M. The Vseslav Epos // Russian epic studies. Philadelphia, 1949.

²⁴ Лихачев Д. С. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» С. 9—28.

²⁵ См. вступ. статью Д. С. Лихачева ПЛДР XII век. М., 1980, см. также Филипповский Г. Ю. Мотив движения. С. 58—64.

²⁶ См. Соколова Л. В. Зачин в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1986. С. 65—74. Шарыпкин Д. М. Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 14—22.

миров — земное и небесное, тьма и свет — подтолкнули автора «Слова» — христианина к появлению альтернативной творческой фигуры (alter ego) — «вещего» певца-провидца из прошлого Руси, а также в целом — альтернативной позиции в плане эпического словотворчества (славы и «антиславы» Олега Гориславича, Всеслава, да и самого Игоря).

Альтернативный, как бы «вывороченный» мир «Слова» — это и дань европейской литературной моде конца XII в., широко обратившейся к мотивам народной культуры средневековья.²⁷ Двоемирие поэтического космоса «Слова» особенно подчеркнуто введением образа «черного Солнца» Игоря-ва похода, знаменующего его неудачу. Этот смысловой образ смыкается в «Слове» с образом ночного Солнца-Хорса в легенде о Всеславе-волке-оборотне, пересекающем, перебегающем великому Хорсу-Солнцу путь «до курь Тмуророканя». Более того, в поэме отмечен целый слой «темных», хтонических явлений и образов, действующих на фоне неудач, поражения, драмы Игоря-ва похода. Хтонические символы неотделимы от поэтической природы «замышления» — ведовства, оборотничества, волхования (прорицания, предсказания), пересечения границы времен, миров. Двоемирие «Слова», его образов, символов и представлений как бы задано, обусловлено уже изначальным введением альтернативного авторскому образу Бояна — поэта-волхва, оборотня, ведуна с его «замышлением» (такие черты ему приданы автором в пророческом контексте поэмы). Мы имеем дело с глубоко обоснованным авторским приемом, определившим сразу художественную концепцию «Слова», поэтическую альтернативную структуру и природу его поэтического двоемирия, возможности и диапазон поэтического маневра, которыми автор блестяще распорядился.

²⁷ См. серию монографий А. Я. Гуревича, посвященную народной культуре европейского средневековья, по следам работ М. Блока и Ж. ле Гоффа.

Л. И. ЖУРОВА

Румянцевское собрание сочинений Максима Грека (К вопросу о соотношении собраний сочинений Максима Грека)

Одной из задач изучения рукописного наследия Максима Грека является «установление взаимоотношений: 1) между собраниями сочинений писателя; 2) между списками (т. е. отдельными сборниками сочинений) внутри каждого собрания».¹

Место Румянцевского сборника сочинений афонского монаха² среди других собраний писателя определяется на основе текстологического анализа его сочинений, вошедших в состав как прижизненных, так и поздних собраний. Целый ряд памятников из Р, не представленных в Иоасафовском и Хлудовском собраниях, известен сводом трудов писателя, сформированным во второй половине XVI—XVII в. Не все эти сочинения оказались одинаково популярными в рукописной традиции: одни из них встретились только в составе какого-то одного собрания или даже одного сборника собрания,³ другие получили распространение в некоторых собраниях,⁴ третьи стали составной частью буквально всех поздних собраний Максима Грека.⁵

Среди сборников, привлеченных для текстологического анализа сочинений, вошедших в состав Р и поздних собраний, чаще всего встречаются рукописи, представляющие собрание сочинений писателя в единственном списке: РНБ, Q.I.219; ИРЛИ, собр. Першина, 14, — и собрания Синодаль-

¹ Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека Л., 1984 С. 135

² Румянцевское собрание сочинений Максима Грека представлено единственной рукописью РГБ, ф. 256, Рум. 264, в. 4^о, 322 л., 1551—1555 гг. (далее Р), одно из прижизненных собраний сочинений Максима Грека, имеет авторскую правку, чрезвычайно разнообразно по своему составу. Полное описание сборника Рум. 264 и исследование Румянцевского собрания сделано Н. В. Симициной Симициной Н. В. Максим Грек в России М., 1977 С. 175—186, 248—261. Изучению переводов Максима Грека и публикации ряда уникальных текстов из этого сборника посвящена монография Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека

³ «Сказание отчасти 3 песни Анны пророчицы» и «Послание неизвестному, сопровождающее одно из сочинений против астрологии» — статьи из сборника РГИА, ф. 834, оп. 4, № 1622, нач. XVII в., представляющего собрание Архивное-2 (Буланин Д. М. 1) Лексикон Свиды в творчестве Максима Грека // ГОДРЛ Л., 1979 Т. 34 С. 275—279, 2) Переводы и послания Максима Грека С. 236—238), другой сборник из этого собрания (РГБ, ф. 310, собр. Унд. 338, перв. треть XVIII в.) не содержит этих текстов

⁴ Например, «Сказание сея речи Ступайте, люди моя и прочая» (РГБ, ф. 256, Рум. 264, л. 277—279, Синод. 491, л. 28—30, РНБ, Q.I.219, л. 460—460 об. и 453—456, Троицк. 201, л. 100 об.—102 и др.), «Сказание, яко достоин нам делом исполнити наши обеты» (РГБ, ф. 256, Рум. 264, л. 205—207 об., Синод. 491, л. 103—105, Троицк. 200, л. 408 об.—409 об., Троицк. 201, л. 103—105, Сол. 497/516 л. 330 об.—332, РНБ, Q.I.219, л. 465 об.—468 об. и др.), «Послание неизвестной госпоже о посте» (РГБ, ф. 256, Рум. 264, л. 208—208 об., Синод. 491 л. 106 об.—107 РНБ, Q.I.219 л. 456 об.—457), «Слово о поклонении святых икон прогнву явльшагося в немцах иконоборца Лютора» (РГБ, ф. 256 Рум. 264, л. 241—245 об., собр. Овчинникова, 131, л. 745—749), «О поставлении иерарха на орлеце» (Рум. 264, л. 82, РГИА, ф. 834, оп. 4, № 1622, л. 91—91 об., РНБ, F.I.250, л. 65—65 об.) и другие сочинения

⁵ «Сказание о рукописании греховнем» (РГБ, ф. 256, Рум. 264, л. 73 об.—78)

ное, Троицкое, собрание в 151 главу, Поморское, реже — собрание до 1587 г., собрание Ионы Думина.

Многочисленными текстологическими разночтениями в этих списках являются мелкие пропуски, чаще всего механического характера, небольшие, но иногда многозначительные добавления, перестановки слов внутри одной фразы, различия в употреблении числа и падежа существительных, лица глагола и т. п. Во всех названных собраниях большая часть проанализированных текстов представлена в одной редакции — в редакции Р, причем не всегда Румянцевский сборник дает абсолютно верный текст, но других редакций в разных собраниях не существует.

В то же время литературная история некоторых памятников из Р позволяет представить особенности творческой работы Максима Грека, описать картину бытования его сочинений в книжной культуре втор пол. XVI—нач. XVIII вв. Среди таких произведений — «Сказание о рукописании греховнем», самое популярное сочинение из рукописного наследия Максима Грека, оно вошло в состав всех собраний, кроме Иоасафовского и Хлудовского. Изучение истории текста «Сказания» показало, что существуют два его варианта, оба, видимо, авторских: один известен только в Р и ни в каких других сборниках не обнаружен, другой составил содержание всех остальных собраний.⁶ Принципиальное различие между ними заключается, во-первых, в том, что в варианте Р текст оборван на полуслове,⁷ во-вторых, в том, что оба варианта сделаны в разном стилистическом изложении.⁸ Вариант Р, вероятно, первичен, он более полный и исправный по своим чтениям, несмотря на свою незавершенность. Есть основания для предположения, что протограф второго варианта тоже находился в сборнике Рум 264, исчез оттуда вместе с утраченными тетрадами и стал источником для многочисленных списков «Сказания» в сборниках Максима Грека, сложившихся во втор. пол. XVI—нач. XVII в.

Изучение «Сказания о толковании имен и географических названий в Слове Григория Богослова» показало существование двух редакций этого широко известного в рукописной традиции просветительского сочинения афонца: Основная (О), представленная в Румянцевском собрании, Архивном-2, Синодальном собрании, собрании в 151 главу и др. — и Троицкая (Т), известная только в Троицком собрании и Поморском.⁹ Редакции отличаются разным композиционным строем сочинения, разной архитектурной и одной существенной вставкой с толкованием имени Орфей.¹⁰ Что же касается разночтений между списками внутри самих редакций, а значит и между списками, относящимися к разным собраниям, и между списками разных редакций, то надо отметить, что они небезынтересны, но не играют сколько-нибудь существенной роли в интерпретации книжниками сочинений Максима Грека.

Сравнительно-текстологический анализ сочинений Максима Грека, общих для Румянцевского сборника и для собраний втор пол. XVI—

⁶ Основной список РНБ Сол 494/513 л 743—748 об

⁷ Недописанной оказалась заключительная часть трактата объемом в полтора листа рукописи Сол 494/513

⁸ Журова Л И «Сказание о рукописании грехов» в составе рукописных собраний Максима Грека // Гуманитарные науки в Сибири 1995 № 1 С 49—54 (Сер Отечественная история)

⁹ Журова Л И «Сказание о толковании имен и географических названий в Слове Григория Богослова» Максима Грека в рукописных собраниях XVI—XVIII вв. (опыт текстологического анализа) // Сургут Сибирь, Россия Междунар научно практическая конференция по священной 400 летию города Сургута Доклады и сообщения Екатеринбург 1995 С 249—259

¹⁰ Этот комментарий не был включен автором в Основную редакцию т е в Румянцевскую рукопись потому что именно он завершает предыдущее сочинение на эту же тему «Послание об античных мифах»

XVIII вв. показал, что рукописная история большинства из них не так сложна, как история складывания самих собраний. В большинстве своем книжники XVI—XVII вв. не создали собственных редакций, а тщательно переписали уже известные, видимо, по прижизненным сборникам сочинения писателя, авторитет которого значительно возрос в новой историко-культурной ситуации России конца XVI—начала XVII в.

Изучение двух списков одного и того же сочинения внутри самого Р дает иногда более сложную картину, чем сопоставление текстов одного и того же сочинения по разным собраниям. Установлено, что несколько статей в Р помещены дважды (№ 5 и 69, 68 и 102, 78 и 113, 94 и 116),¹¹ к этому ряду следует отнести еще «Послание царю и великому князю Ивану IV» (л. 292—294 об. и л. 302—304).¹² Известно, что Румянцевский сборник был переплетен в конце XVI в. и составлен из нескольких тетрадей, часть которых утрачена.¹³ Эти двойные списки находятся в разных тетрадях, причем один из них — либо в начале тетради, либо в конце.¹⁴

Такое расположение можно объяснить тем, что Румянцевский сборник представлял собой подготовительный этап в работе Максима Грека над собранием своих сочинений, составлялся в течение какого-то времени, довольно продолжительного, писатель вносил правку в текст, так, он сделал разные заголовки некоторым сочинениям, в том числе указанному выше посланию митрополиту Даниилу. Возможно, книжник переписывал сочинения писателя из разных авторских источников, поэтому он повторил их в разных частях сборника. Эти тексты не являются копиями, а представляют собой самостоятельные списки. Они — свидетельство того, как шла творческая работа писателя по отбору текстов в систематизированные собрания. Если один и тот же книжник один и тот же текст переписывает дважды и допускает при этом существенные разночтения, то это может означать, что он пользовался двумя авторскими источниками. Но как можно объяснить, что в одном из этих источников сохранились верные чтения, а в другом допущены явные ошибки? И вообще можно ли объяснить, почему Максим Грек, редактируя Румянцевскую рукопись, не исправлял явных ошибок?¹⁵

Списки «Послания царю Ивану IV» в Р, оба незаконченные, один из них с неточными чтениями, могут восходить к одному источнику.¹⁶ Выявленные разночтения указывают на то, что текст «Послания» на л. 292—294 об., идущий вслед за «Ответом к Священному събору», правленным рукой Максима Грека, видимо, более близок к оригиналу, чем список, опубликованный В. Ф. Ржигой (л. 302—304). Сравнительно-текстологическое

¹¹ Номера статей указаны по описанию состава Рум 264 Н В Синицыной Синицына Н В Максим Грек в России С 249—261

¹² Опубликовано В Ф Ржигой по одному списку (л 302—304) Ржиг В Ф Опыты по истории русской публицистики Максим Грек как публицист // ТОДРЛ Л, 1934 Т 1 С 76—78 117—119

¹³ Синицына Н В Максим Грек в России С 176—179

¹⁴ Например, «К Данилу митрополиту » (л 18 об — 22 — середина тетради, заголовок написан Максимом), «Того же Максима Грека послание примирительно к бывшему митрополиту всея Руси Даниилу» (л 127—131 об — начало тетради, заголовок написан Максимом), «Молитва преподобных матери нашей Марии Египтянины» (л 66 об — 67 об, конец тетради, текст не закончен, л 219 об — 221 — середина тетради), Послание неизвестному (л 202 об — 203 — середина тетради, л 273—273 об — конец тетради), Послание Ивану IV (л 292—294 об — середина тетради, л 302—304 — конец тетради)

¹⁵ Например в «Сказании о толковании имен Григория Богослова» в Р читается ошибочное «Фиве же Ертакимы еже есть седмвратный », во всех остальных списках «Фиве же Ептаилы »

¹⁶ Журова Л И «Послание Ивану IV» Максима Грека в составе Румянцевского собрания // Русское общество и литература позднего феодализма Новосибирск, 1995 С 6—12 Н В Синицына считает, что оба варианта самостоятельно восходят к двум авторским источникам послания

изучение списков «Послания митрополиту Даниилу» тоже показывает, что повторившиеся тексты не являются копиями, а представляют собой отражение определенных (скорее всего, подготовительных) этапов в работе писателя над своими сочинениями.

Вопрос о соотношении прижизненных собраний Максима Грека: Иоасафовского, Хлудовского (X) и Румянцевского — давно поставлен в отечественной науке: «Можно выдвинуть предположение, что Румянцевское собрание создавалось тогда, когда Иоасафовский тип уже существовал; взаимоотношение Румянцевского собрания с Хлудовским требует дополнительного исследования».¹⁷

Сравнительно-текстологическое изучение 16 сочинений, общих для Р и X,¹⁸ показывает:

— основная их масса помещена в заключительной части X¹⁹ и разбросана в неопределенном порядке в Р;

— некоторые из этих сочинений практически не имеют принципиальных различий;²⁰

— остальная часть этого корпуса сочинений представлена более исправными и полными текстами в Р.

Результаты текстологического анализа, которые невозможно представить в данной статье, позволяют утверждать, что авторское редактирование Румянцевского сборника и сборника Больш. 285, представляющего Хлудовское собрание, происходило не одновременно, не параллельно. Очень похоже на то, что Румянцевская рукопись содержит первоначальные тексты, а Хлудовское собрание включает в свой состав их новые переработанные списки, демонстрирующие, в частности, тенденцию превращения «послания, направленного конкретному лицу, в полемический или нравоучительный трактат».²¹

¹⁷ Сеницына Н. В. Максим Грек в России. С. 186.

¹⁸ Там же. С. 182.

¹⁹ Там же. С. 219.

²⁰ «Слово о неизглаголаном Божиим промысле, благодати же и человеколюбии, в то же и на лихоимствующих» [вторично на л. 262—265 конец текста], Р—78, X—70, «Слово на хульники Пречистья Божия Матери» Р—79, X—65, «Слово на потопляемых и погибаемых без ума бо-гомерзским гнусным содомских грехом в муках вечных» Р—83, X—64 и др.

²¹ Сеницына Н. В. Максим Грек в России. С. 53; Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. С. 122.

Т. Я. МОРОЗОВА

О якобы «утраченном» сборнике слов, сказаний и посланий Максима Грека 1584 г.

В конце 1870-х—начале 1880-х гг. А. Е. Викторов, описывая рукописи монастырских собраний Северной России, отметил в стенах Новоторжского Борисоглебского монастыря сборник, содержащий «Слова и главизны Максима Грека». Сборник был датирован по почерку первой половиной XVI в.¹ Вскоре этот же Сборник привлек внимание С. А. Белокурова, предполагавшего, что рукопись «по почерку <...> относится скорее к XVII в., чем к XVI».² Затем почти на столетие рукопись выпала из поля зрения ученых и после закрытия Борисоглебского монастыря числилась среди «необнаруженных».³ Между тем она хранилась в фондах красаведческого музея Торжка и даже неоднократно попадала в витрины выставок и в постоянную экспозицию.⁴ В настоящее время Сборник сочинений Максима Грека является самым замечательным памятником собрания редких книг и рукописей Всероссийского историко-этнографического музея в г. Торжке.

Составление нового научного описания рукописи позволило приоткрыть некоторые тайны новоторжского сборника. Прежде всего стало очевидно, что рукопись принадлежит к числу древнейших списков сочинений Максима Грека. Можно почти с уверенностью сказать, что данный сборник был составлен менее чем через 30 лет после кончины «Максима инока из Святых горы». Споры о его датировке разрешаются не только благодаря филигранологическому анализу, но и упущенной из внимания предшествующими исследователями записи писца, вставленной мельчайшими буквицами в заставку «балканского плетения»: «1584 месяца марта 4 дня» (именно 1584 г. — дата от Рождества Христова). Вероятно, в той же заставке в литерах «ВБСДП» может быть скрыто и имя писца, однако нам его пока расшифровать не удается.

Новоторжский сборник Максима Грека — книга весьма примечательной судьбы, и сохранившиеся на ее листах записи — надежный источник по истории бытования в России сочинений выдающегося писателя XVI столетия.

¹ Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России СПб., 1890 С. 330

² Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии М., 1898 С. ССLXXXIV—ССLXXXVI

³ Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека Л., 1984 С. 220, 227

⁴ В 1994 г. рукопись была включена в экспозицию «Новоторжский Борисоглебский монастырь», где датировалась XVIII в. В августе 1994 г. наше внимание на неточность датировки обратила научный сотрудник Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ Елена Борисовна Смилянская, ею же была проведена идентификация филиграней сборника. Пользуясь случаем выразить Е. Б. Смилянкой свою признательность за консультации и благодарнось сотрудникам ОРКиР НБ МГУ за доброжелательную помощь и поддержку

Самая ранняя запись на книге датируется серединой XVII в.: «Зосима Прокопович епископ Черниговский рукою властною», далее следует росчерк руки Зосимы.⁵

Вскоре в 1661/62 г. рукопись получает нового владельца. Им становится житель города Севска воздвиженский поп Марк (запись по л. 9—21). Следующая запись, сделанная уже другим почерком, повествует о том, что рукопись куплена «в Севску у попа Марка, а ныне дана в церковь Воздвижения честнаго Креста Господня, что в Новоторжском уезде, в Жалинской волости подаяния дьяка Бориса Иванова сына Остолопова...» (л. 21—339). В каком году сделан этот вклад, неизвестно. Однако можно предположить, что дьяк Патриаршего двора Борис Остолопов мог купить эту книгу у попа Марка, когда служил в Севске с 1674/75 по 1676 г.⁶ Известно также, что ранее, в 1672 г., по приказу святейшего патриарха московского и всея Руси Иоасафа Борисом Остолоповым были привезены в Торжок в Борисоглебский монастырь 10 разных книг.⁷ Вполне возможно, что в Торжке патриарший дьяк был не однажды и в следующий приезд сделал уже свой личный вклад в церковь Воздвижения Жалинской волости.

Как и когда могла далее попасть книга в Борисоглебский монастырь? Вероятно, около 1690 г., когда монастырю по грамоте новгородского митрополита Корнилия было приписано большое количество земель в Жалинской волости.⁸

О принадлежности Сборника сочинений Максима Грека монастырю в Торжке свидетельствуют две записи на рукописи. Первая, подписанная архимандритом Варлаамом, была сделана в 1768 г., содержит опасения о том, чтобы книгу «не украли враги церкви Божией и противники Христу Спасителю раскольники» (л. 341). Вторая, по-видимому, сделанная позже скорописью XVIII в., как бы подтверждая опасения архимандрита, говорит о том, что книгу действительно неоднократно крали старообрядцы и «для того никому ее не давать читать» (л. 11).

Известно о широком распространении старообрядчества в Тверской губернии, центром раскола в которой был г. Ржев. Однако по количеству староверов Торжок занимал видное место. Здесь в 3 верстах от города еще до 1799 г. существовал мужской раскольнический скит, который затем по ходатайству большинства новоторжских старообрядцев был обращен в единоверческую церковь. В 1823 г. была освящена еще одна единоверческая церковь — Покровская, с 1862 г. она становится центром единоверия Тверской епархии.⁹ Вполне возможно, что старообрядцы, которые на самом деле проявляли большой интерес и особое уважение к творениям Максима Грека, пошли на кражу рукописи из монастыря, чтобы скопировать ее. Во всяком случае известный список сочинений Максима Грека из собрания Г. М. Прянишникова¹⁰ был сделан старообрядцами в 1795—1796 гг. «с книги древней монастырской отца нашего Ефрема архимандрита новоторжского».¹¹

⁵ Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви СПб., 1877 С. 508

⁶ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975 С. 391

⁷ Монастыри и приходские церкви г. Торжка и их достопримечательности Тверь, 1903 С. 23

⁸ Грамоты Новоторжского мужского Борисоглебского монастыря / Сост. Е. А. Веригин Тверь, 1903 С. 1—3

⁹ Монастыри и приходские церкви г. Торжка и их достопримечательности С. 55—57

¹⁰ РГБ, собр. Прянишникова, № 136. Об этой рукописи писал А. Т. Шашков Поморский кодекс сочинений Максима Грека // Источниковедение и археография Сибири Новосибирск, 1977 С. 105 (примеч. 62)

¹¹ РГБ, собр. Прянишникова, № 136, л. 371 об.

Рукописная книга сочинений Максима Грека, очевидно, занимала почетное место в монастырской библиотеке. И хотя монастырских описей XVII—XIX вв. пока не обнаружено, в 1890 г. вслед за А. Е. Викторовым «сочинение Максима Грека в лист» выделил, описывая монастырь, священник И. Колосов.¹² В начале же XX в. (1903 г.?) опись древних церковных предметов и библиотеки Новоторжского Борисоглебского монастыря, выполненная Тверской ученой архивной комиссией, называет Сборник Максима Грека одним из первых.¹³

После 1917 г., возможно, еще до закрытия монастыря в 1927 г. рукописная книга Максима Грека оказывается в фондах музея Местного края. В описи, очевидно, она значилась под № 157, о чем свидетельствует запись на рукописи (л. 11).¹⁴

В период Великой Отечественной войны во время бомбардировок Торжка фашистской авиацией музей Местного края был почти полностью разграблен. Где и кем сохранялась рукопись сочинений Максима Грека во время войны и после, остается загадкой, удивительно и то, что рукопись вернулась в фонды краеведческого музея, а с включением последнего в состав ВИЭМ вновь оказалась в стенах Новоторжского Борисоглебского монастыря.

ОПИСАНИЕ

ВИЭМ, КОФ—1204. Слова, сказания и послания Максима Грека, 1584 г., 1° (28,0 × 18,5), I—II л. + 1 — 341 л. + 3 л. = 344 л. Полуустав, несколько почерков.

Бумага с широкими (ок. 30 мм) понтюзо. Филигрانی четырех типов: подкова, внутри крест, типа Лауц.¹⁵ № 2676—2681 — 1584—1585 гг.; герб топор, типа Лауц. № 1663 — 1573 г., Брике, № 1864 — 1551 г., 1556 г., Лихачев, Вод. зн., № 1834—1835 — 1558 г.; герб Елита, типа Лауц. № 1534 — 1584—1588 гг., Литва № 92 — 1600 г.; лебедь, типа Брике, № 12241 — 1581 г., близко Лауц. № 1007 — 1590 г.

Переплет XIX в., картон в коже. На корешке следы тисненого орнамента, а также надпись — «Творения Максима Грека», следы бумажной наклейки. Переплетные листы бумаги без филиграний и штампелей.

Украшения: на л. 5 — заставка балканского типа в два цвета (зеленый и коричневый), внутри которой вписано: «ВБССДП», ниже — «1584 месяца марта 4 дня»; на л. 4 об. — концовка-колофон; заголовки и инициалы кинноварью, в заголовке (л. 5) вязь; инициалы с орнаментальными отроутками.

Записи: На л. 11 синими чернилами скорописью XX в.: «Новоторжский музей местного края. № 157»; скорописью XVIII в.: «№ 1-й», «Сия книга обители Преподобного и Богоносного Ефрема Архимандрита Новоторжского чудотворца, а ежели кто ее похитит, того душу Бог на суд восхитит. А раскольники... [зачеркнуто два слова] крали, для того никому ее не давать читать». «Книга... [затерто 3—4 слова] Максима инока Грека Святые горы». «В сей книге первый лист за подписанием Преосвященнаго Зосимы Епископа Черниговскаго Прокоповича».

¹² Колосов И. Новоторжский Борисоглебский монастырь СПб, 1890 С 77

¹³ Государственный архив Тверской области (далее ГАТО), ф 103 оп 1, д 279

¹⁴ Всероссийский историко-этнографический музей в г Торжке (далее ВИЭМ), Коф 390/2026 Данная опись старого музея, к сожалению, сохранилась не полностью (только № 704—2502, сборника сочинений Максима Грека среди них не обнаружено), однако позволяет делать вывод о богатом книжном фонде музея. По всей видимости, опись была начата в 1924 г. после слияния функционировавших тогда в Торжке Музея местного края с художественно историческим

¹⁵ Лавцвявичюс Э. Бумага в Литве XV—XVIII вв Вильнюс 1967 (далее Лауц)

На л. 2 об. рисунок карандашом старца Максима Грека (?) XIX в. (?).

На л. 1 скорописью XVII в.: «Зосима Прокопович епископ Чер[ни-го]вский рукою властною [росчерк]», ниже — «7226» (?).

На л. 4 об.: «Арсений Кролицын (?) законник монастыря Печерского».

По л. 4—339 скорописью XVII в.: «Сия книга Воздвиженского попа; сия книга Воздвиженского попа Марка, а писал церковный дьячек [затерто л. 19] ... аярко (?) сто семьдесятю году». Далее другим почерком: «Книга сия глаголемая Максима Грека письменная в десть, что куплена в Севску у попа Марка, а ныне дана в церковь Воздвижения честнаго Креста Господня, что в Новоторжском уезде, в Жалинской волости, подаяния дьяка Бориса Иванова сына Остолопова, быти ей вечно в сей церкви без выносу и никому не похитит от дому Божия».

На л. 341 мелкой скорописью XVIII в. (?): «Молитвами священного инока Максима совершил: ... [росчерк затерт]».

На л. 341 об. скорописью XVII—нач. XVIII в. (?): «В сей книге по счету 342 листа», ниже скорописью XVIII в.: «Сия книга Новоторжского Борисоглебского монастыря и преподобного отца нашего Ефрема Архимандрита Новоторжского чудотворца и чтоб ее не украли враги церкви Божией и противники Христу Спасителю раскольники, подписал Архимандрит Варлаам Новоторжский своею рукою в 1768 году».

Состав: л. 1 — «Предисловие сказующе вкратце силу книжки сеа».

Л. 2—4 об. — «Сказание известно главам, яже суть в книге сей». Названия глав в краткой редакции соответствуют главам текста, оглавление написано одним почерком.

Л. 5—12 об. — гл. 1 «Исповедание православнаго веры Максима инока из Святыя горы, им же извещает о Христе Иисусе всякаго православнаго священника же и князя, что по всему истиннейши есть православен инок, всю православную веру съблюдаа целу и непременну и непорочну» (нач.: «Не преткновенни бывайте и еллином и иудеом и церкви Божией»).

Л. 12 об.—16 об. — гл. 2 «Максима инока Грека святогорска молитва ко пречистой Богородици, в той же отчясти винословие о страсти Спасове» (нач.: «Тебе превосходящую бесплотных божественных чинов неприкладно чистотою»).

Л. 16 об.—18 об. — гл. 3 «Того же инока Максима Грека песнь благодарствена к пресвятей Троици глаголема в всю светлую неделю святыя Пасхы» (нач.: «Слава тебе, преблагый Боже, Отче Вседръжителю»).

Л. 18 об.—19 об. — гл. 4 «Того же инока Максима сказание, какаа слова рекл бы Петр, отверглься Христа и плакася горко» (нач.: «Горе мне океанному, горе мне, увы мне, увы»).

Л. 19 об.—24 об. — гл. 5 «Того же инока Максима Грека слово о Рождестве Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в том же и на иудея» (нач.: «Сей вертеп и ясли и новорожен младенець в них»).

Л. 25—32 — гл. 6 «Того же инока Максима Грека слово обличительно на еллинскую прелесть» (нач.: «Понеже убо божественою помощию обличихом уже»).

Л. 32—47 — гл. 7 «Того же инока Максима Грека слово похвалное к святым апостолом Петру и Павлу, в том же обличение и на латыньския три большиа ереси» (нач.: «Въспой душе божественых апостол Петра и Павла»).

Л. 47—71 — гл. 8 «Того же инока Максима Грека слово обличительно на агаряньскую прелесть и умыслившего са сквернаго пса Моамефа» (нач.: «Иудейское убо зловерие и еллинское нечестие...»).

Л. 71 об.—79 об. — гл. 9 «Того же инока Максима Грека слово о том же к благоверным на богоборца пса Моамефа, в нем же сказание и отписти

о кончине века сего» (нач.: «Но елика убо Божиа благодать свыше наставляющи»).

Л. 80—92 — гл. 10 «Того же инока Максима Грека святогорьска слово обличително вкупе и развращателно лживаго писания Афродитиана персянина зломудренаго» (нач.: «Начало, глаголет, словес твоих истинна»).

Л. 92—101 об. — гл. 11 «Того же инока Максима Грека слово отвещателно о исправлении книг руських, в нем же и на глаголющих яко плоть Господня по вськресении из мрътвых не описана бысть. Чтущей внимайте прилежно и разсужайте богоугодно вкупе и человеколлобно» (нач.: «Бог иже всех Съдетель и Господь един ведый сердца человеческа»).

Л. 101 об.—108 — гл. 12 «Словцо отвещателно о книжном исправлении, списано хоудоумным иноком Максимом из Святыя горы» (нач.: «Свидетеля вам господам моим предлагаю»).

Л. 108 об.—118 об. — гл. 13 «Того же инока Максима Грека слово о том, яко промыслом Божиим, а не звездами и колесом счастья вся человеческаа устроятся» (нач.: «Многа и сам и различна прчет писаниа»).

Л. 118 об.—134 об. — гл. 14 «Того же инока Максима Грека беседа души и уму по вопросу и ответу о еже откуда страсти ражаются в них, в том же и о божественном промысле и на звездочетцех, душа» (нач.: «Уме любезне ми, к тебе бо в настоаше беседую сице обычне»).

Л. 134 об.—155 об. — гл. 15 «Того же инока Максима Грека словеса душеполезна зело внимающим их, беседует ум к души своей, в том же и на лихоимство» (нач.: «Чесо ради о любезна ми душе»).

Л. 155 об.—157 об. — гл. 16 «Того же инока Максима Грека слово о покаании» (нач.: «Неленостно пребываем, душе, ниже беспечялно»).

Л. 157 об.—158 — гл. 17 «Того же инока Максима Грека на несытное чрево безчисленных зол виновно иночьствующим» (нач.: «О чрево безстыдно и николи же насыщаемо»).

Л. 158—159 — гл. 18 «Того же инока Максима Грека на обыщую прелесть мечтаемых во сне сонних» (нач.: «Вьскую о злейший и губителный душам человечеським»).

Л. 159 об.—161 об. — гл. 19 «Того же инока Максима съвет к собору православному на Исака жидовина, вльхва и чародея и прелестника» (нач.: «Кроткое и тихое и еже к злобам человечеським тръпеливое»).

Л. 161 об.—174 — гл. 20 «Того же инока Максима Грека слово о покаании велми душеполезно верою и любовию нелицемерною внимающим его и с разумом трезвеным прочитающим его» (нач.: «Се душе моа окааннаа и в сем лете»).

Л. 174—187 — гл. 21 «Того же инока Максима Грека стязание о известном иночьском жительстве, лица же стязующихся Филоктимон да Актимон сиречь любостязателный да нестяжателный. Начинает же любостязателный» (нач.: «Рци ми ты, иже нестяжанию убо хвалитель»).

Л. 187—194 — гл. 22 «Какыя речи рекл бы убо к Съдетелю всем епископ тферьский съжжену бывшу събрьному храму и всему двору его и всем имению и самому граду и множайшим иным и храмом и двором и людем погоревшим гневом Божиим в лете 45-м осмыа тысящи нулиа 22, и какыи и отвещает ему боголепне всех Господь, им же и внимати подобает с страхом и верою нелицемерною, съставлено Максимом Греком иноком Святыя горы. Епископ» (нач.: «Прости мя, милосерд ми буди, владыко»).

Л. 194—200 — гл. 23 «Слово благодарственно к Господу нашему Иисусу Христу о бывшей преславней победе на крымскаго пса предстательством владычиди наше пресвятыя Богородицы при благоверном великом князе Иване Васильевиче всея Руси в лето 49 осмыа тысящи, съставлено Максимом Греком» (нач.: «Кто възглаголет силы Господня, слышаны сътворит вся хвалы его»).

Л. 200—205 — гл. 24 «Благовернейшему и боголюбивому царю и самодержавцу всеа Руси преславному государю великому князю Иоанну Василиевичу ниший его государев богомolec Максим инок из Святый горы, смея не смея низко челом биет» (нач.: «Многа убо и ина суть уподобляющая небесному владыще»).

Л. 205—218 — гл. 25 «Того же инока Максима Грека главы поучительны к начальствующим правоверно» (нач.: «Мужество убо телесное телеса низлагати весть»).

Л. 218—226 об. — гл. 26 «Того же инока Максима Грека слово страннее излагающе с жалостию нестроения и бесчиния царей и властелех последняго века сего» (нач.: «Шествуя по пути жестоце»).

Л. 226 об.—230 — гл. 27 «Того же инока Максима Грека словцо к смеющим трижды глаголати аллилуйа чрез предания церковнаго, а четвертое, слава тебе Боже» (нач.: «Предание апостольское и отеческое изначала приахом»).

Л. 230 об.—231 об. — гл. 28 «Того же инока сказание от Евангелиа еже от Иоанна» (нач.: «Недоумеются мнози, суть же иже и неверно мнят»).

Л. 232—234 — гл. 29 «Того же инока Максима Грека сказание противу глаголющих, яко плотским совокуплением и рождьством хотяше множитися человеческий род, аще и не согрешили праотцы» (нач.: «Ельма ж неких слышах глаголющих»).

Л. 234—236 об. — гл. 30 «Того же инока Максима Грека сказание о иже свыше мире и о спасении душ наших Господу помолимся» (нач.: «Ельма же по твоему апостолодражателному смиреномудрию»).

Л. 236 об.—237 — гл. 31 «Того же инока сказание о птици неясыти» (нач.: «Неясыть птица подобна есть жеравлю»).

Л. 237—239 — гл. 32 «Того же инока Максима сказание о Иуде предатели на Аполинария» (нач.: «Понеже убо многажды услыпах»).

Л. 239 — гл. 33 «Того же сказание, который убо в человеческом естестве первый грех» (нач.: «Первый грех есть по Святому Писанию»).

Л. 239—240 — гл. 34 «Того же ответ к вопросившему, к кому, рече, прежде всех с небесе грамота съслана бысть» (нач.: «А с небесе грамота несть сослана николи же никому же»).

Л. 239 об. — гл. 35 «Того же сказание о венцех свадебных» (нач.: «А венцы ими же венчаются»).

Л. 239 об.—240 об. — гл. 36 «Того же инока сказание к отрицающимся на поставлении и кленущимся своим рукописанием рускому митрополиту и всему священному събору еже не примати поставления на митрополию и на владычества от римскаго папы латинския веры и от цареградскаго патриарха, акы в области безбожных турков поганаго царя и поставленаго от них примати» (нач.: «Римскаго убо папы акы отпадшаго лика православных архиереев»).

Л. 240 об.—245 — гл. 37 «Того же инока Максима словцо к хотящим оставляти жены своя без вины законныя и ити во иноческое житие» (нач.: «Понеже изволил еси дружитися по Бозе с мною»).

Л. 245—247 об. — гл. 38 «Того же инока Максима сложение въкратце о бывшем пожаре тферском, такоже и похвала о обновлении церковнаго

украшения бывшего боголюбивым епископом тферским Акакием» (нач.: «Обновление почитати древний закон есть»).

Л. 247 об. — гл. 39 «Речи акы от амвона к восходящим на нем попом и диаконом» (нач.: «Амвон аз преухищрен дело доброхвално»).

Л. 247 об.—250 — гл. 40 «Того же инока Максима сказание како знаменоватися крестным знамением» (нач.: «О нем же предварив, въпросит мя еси раскрыти тебе силу»).

Л. 250—251 об. — гл. 41 «Того же инока Максима Грека словеса акы от лица пресчистыа Богородицы к лихоимцом и скверным всякия злобы исполненным, а каноны всякими и различными песными угрожати чающим» (нач.: «Тогда мне еже от тебе певаемое»).

Л. 251 об.—252 об. — гл. 42 «Того же инока Максима Грека повесть самовидца бывша мучению некоего новоявлена мученика во гречестей земли» (нач.: «Воистину уповающей о Господе пребывают недвижимы»).

Л. 253—254 об. — гл. 43 «Того же инока Максима сказание о освящении воде на заутрия святых богоявлений» (нач.: «О нем же спрашовав мене твое благовоиство»).

Л. 254 об.—257 — гл. 44 «Того же инока Максима словеса възставлятелна к покаанию» (нач.: «Огонь и присно изнуря, червь и плач непрестанен»).

Л. 257—257 об. — гл. 45 «Сия словеса сътворил есть инок в темницы затворен и скръбя ими же себе утешаше и утврѣжаше в трѣпении в 7000 и 40-ное лето» (нач.: «Не тужи ни скорби ниже тоскуй о них же лобезна ми душе стражешу»).

Л. 257 об.—258 об. — гл. 46 «Того же инока Максима о том, како подобает входить в святыя храмы Божия» (нач.: «Егда же в божественый сей храм входишь, о иже рачитель благоверишо неблазненому»).

Л. 258 об.—263 — гл. 47 «Того же инока Максима, толкование именам по алфавиту» (нач.: «Аггел — вестник»).

Л. 263—264 — гл. 48 «Того же инока Максима сказание о венце Спасове» (нач.: «О сем он еже пишут иконники в венце Спасове»).

Л. 264—267 об. — гл. 49 «Того же инока Максима яко не подобает отнюдь внимати глаголющим, не быти прочее им божественей литургии, не поспешивши приити к чтению божественаго Евангелия» (нач.: «Оно же неких суемудренных им же недугують злочестивым мудрованием»).

Л. 267 об.—276 об. — гл. 50 «Максима инока Грека святогорскаго слово восминателно о исправлении иноческаго жития к неким честным инокиням и яко исполнение евангельскихъ заповедей сѣи есть в истину страх Божий» (нач.: «Просят у меня убогаго и нищаго елико в добродетелех и в разуме книжном»).

Л. 276 об.—277 — гл. 51 «Иеремия милостию Божиею архиепископ Коньстянтинаграда новаго Рима и вселенский патриарх» (нач.: «Смирение наше от благодати и дара»).

Л. 277—285 — гл. 52 «Того же инока Максима Грека послание к некоему другу его, в нем же толкование неких речений, неудобь разумеваемых в божественном писании» (нач.: «Вемь, яко велми желаешъ приимати от мене малыми ученнаго»).

Л. 285 - 291 — гл. 53 «Того же инока Максима Грека послание к иному некоему другу, в нем же сказание триех неких възсканий, нужных всякому рачителю книжному» (нач.: «Понеже твое благородие велело мне»).

Л. 291—292 — гл. 54 «Того же инока Максима Грека послание к некоему князю, просившему у него, с чего пошло не ясти скоромно в понедель-

ник день» (нач.: «Понеже слышал есмь, что твое благородие прилежне възскует глаголя»).

Л. 292—293 — гл. 55 «Того же инока Максима Грека послание к некоему другу его, сидящу в темницы и просившу у него, како избыти от искушения сатанина бываему истицианию скверному во сне и от скоктаний стужаему и помыслов блудных и от малодушиа» (нач.: «Понеже прошение твоему удивихся, что в таковой скорби обдръжим, просишь с прилежанием»).

Л. 293—298 — гл. 56 «Того же инока Максима Грека послание к некоему князю, слово поучительно, вкупе же и обличительно прелести звездочетстей и утешительно живущим в скорбех» (нач.: «Яко в тленном сем телеси многи и различны недужи бывают нам»).

Л. 298 об.—300 об. — гл. 57 «Того же инока Максима Грека сказание к глаголющим, яко в всю светлую неделю солнце не заходя стояло, и того ради глаголють: един день всю светлую неделю» (нач.: «Велие в истину и спасительно благо есть»).

Л. 301—305 — гл. 58 «Максима инока Грека послание к некоему иноку бывшему в игуменех о немецкой прелести, глаголемей фортуне и о колесе ея» (нач.: «Многым сущим считаемым от божественаго апостола свойством и действием»).

Л. 305—309 — гл. 59 «Того же инока Максима Грека послание о смирении к бывшему митрополиту Даниилу, уже извержену» (нач.: «Заповедь и завещание крепко имама»).

Л. 309—310 — гл. 60 «Того же инока Максима толкование от псалма 102-го, строка: обновится яко орлу юность твоя» (нач.: «Блаженный царь и пророк Давыд в 102 псалме въздвизая душу свою на хвалу»).

Л. 310—311 об. — гл. 61 «Того же инока Максима послание к некоему желающу отвращая мира и ити в иноческое житие, коснящу же, а уже нужею ни единою обдръжим, и еще просяшу у него притчи и ганания и словесе темна» (нач.: «От премудрых и разумных бысть и он всехвалный муж, иже паче многих»).

Л. 311 об.—312 — гл. 62 «Того же инока Максима Грека сказание о священном образе Спаса Христа, его же называет уньнии» (нач.: «Священное образование священныя и поклоняемыя иконы»).

Л. 312—316 — гл. 63 «Того же инока Максима Грека слово на безумную и богомръзкую прелесть мудръствующих, яко погребения дия утопленнаго и убитаго бывают плодотпительни стужи земных прозябений» (нач.: «Некий еллинский мудрец глаголет: видех тело утопленнаго»).

Л. 316—319 об. — гл. 64 «Того же инока Максима Грека сказание о том, яко не оскверняются святая николи же, аще и многа лета обладаемы суть градове от поганных» (нач.: «О нем же изволил и глагола еси со мною»).

Л. 319 об.—323 — гл. 65 «Того же инока сказание отчасти на 18 псалме к тому же иноку» (нач.: «О них же по многу твоему смиренномудрию изволил и спросил мя еси»).

Л. 323—323 об. — гл. 66 «Сказание о том, что под крестом на церкви, в нем же водружен акы месяц млад» (нач.: «О сем в нем же кресты вдружены суть на церквах, веждь, яко сие»).

Л. 323 об.—324 — гл. 67 «Того же сказание притчею сада о младом отрочищи, яко же глаголют: родивый сына не умре» (нач.: «Четырми некыми потребными силами всяко плодовиито древо»).

Л. 324—324 об. — гл. 68 «Сказание о струфокамиле и яйце его» (нач.: «Струфокамиль животное обретаемо во странах ливийских»).

Л. 324 об.—329 об. — гл. 69 «Того же инока Максима Грека слово на потопляемых и погыбаемых без ума богомерзским гнусным содомским грехом в муках вечных» (нач.: «Начало премудрости страх Господень»).

Далее следуют тексты без обозначения глав:

Л. 328 об.—329 — «Притча» (нач.: «Некто родися на лицы поля и ноши тмою»).

Л. 329--339 — «Кирила архиепископа Александрийскаго слово о исходе души от тела и о втором припестъвии, переведен от греческаго языка на рускый Максимом иноком греком в лете 50-м осмыа тысящи» (нач.: «Боюся смерти яко гръками, боюся гиены»).

Л. 339—341 — «Иванна Златаустаго о исходе души от тела» (нач.: «Попечемся братие умом о том часе»).

Н. С. ДЕМКОВА

Грамоты Ивана Грозного шведским королям Эрику XIV и Иоганну III

(По рукописям Шведского государственного архива)

Несколько грамот Ивана Грозного шведским королям — Эрику XIV (1560—1568) и Иоганну III (1568—1592), хранящихся в Шведском государственном архиве, относятся к разряду малоизвестных: их русские оригиналы, как и дьяческие копии, отсутствуют, по-видимому, в русских посольских архивах: они не вошли в издания дипломатической переписки Ивана Грозного со Швецией (их нет ни в издании Н. Н. Новикова, ни в издании П. Пекарского, ни в издании В. В. Майкова¹). Между тем эти грамоты Ивана IV, написанные в один период времени и весьма тесно связанные между собой по содержанию, представляют несомненный исторический и историко-литературный интерес: они ярко характеризуют — дополняя известные материалы новыми данными — и сложный узел русско-шведских отношений 1568—1571 гг., и своеобразную писательскую манеру коронованного самодержавного литератора XVI в., так полно и увлекательно рассмотренную во многих исследованиях Д. С. Лихачева. Речь прежде всего идет о четырех грамотах Ивана Грозного, сохранившихся в шведских копиях. Одна из них (1) — послание Иоганну III из Москвы, датированное февралем 1569 г. (это одно из первых, если не первое послание Грозного новому шведскому королю, ответ на полученную грамоту Иоганна, содержащую известие об его интронизации в 1568 г. в результате свержения им с престола старшего брата Эрика XIV); три другие — грамоты 1571 г.:

(2) тайное послание королю Эрику, находящемуся в заточении в замке крепости Або, перехваченное, по-видимому, агентами Иоганна (написано до 1 сентября 1571 г.);

(3) послание Иоганну III из Александровской слободы, написанное примерно в то же время — в конце лета 1571 г.;

(4) послание Иоганну III из «Тфери», датированное декабрем 1571 г.

Эти послания Грозного в Стокгольмском архиве, как оказалось, практически неизвестны русским исследователям и не введены полностью в библиографию.

¹ См. Древняя российская вивлиофика, издаваемая Н. Новиковым СПб, 1790 Ч 15 (издана «Грамота государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, писанная к Ягану, королю шведскому, в 7084 (1572 г) 11 августа «в Великом Новѳграде»), ЛЗАК СПб, 1871 Вып 5 Отд II С 30—47 (П. Пекарским изданы две «Грамоты царя Ивана Васильевича к Иоанну, королю шведскому 1572—1573 гг.» от 11 августа 1572 г и от «6 генваря» 1573 г) Сб Русского исторического общества СПб, 1910 Т 129 (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством Т 1 (1556—1586 гг)) (далее Сб РИО)

лиографию сочинений царя Ивана. Шведская публикация этих грамот, сделанная Н. Нjarne в 1880 г.,² малоизвестна в России: упоминание о ней и частичное использование встретилось лишь в комментариях Я. С. Лурье к двум посланиям Грозного к шведскому королю Иоганну более позднего времени (1572 и 1573 гг.),³ однако в перечне изданных грамот Ивана IV в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» эти послания 1569—1571 гг. вновь отсутствуют.⁴ Не упоминаются эти грамоты, как и в целом переписка шведских королей с Иваном IV и московскими царями XVII в., и в специальном обзоре Л. В. Черепнина «Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции»⁵ (исследователь сосредоточил свое внимание на столбцах Новгородского архива, привезенных в Швецию Я. Делагарди в начале XVII в. и сохранивших сведения о деятельности дьяка Ивана Тимофеева).

Возможность краткосрочной работы в Стокгольмском архиве в августе 1993 г. позволила познакомиться с рукописями этих грамот. За любезное разрешение использовать эти материалы и за помощь в работе искренне благодарю сотрудников архива.

Четыре послания Ивана Грозного в списке конца XVI в. находятся в составе рукописной книги копий дипломатической переписки шведского короля Иоганна III и русского царя Ивана Васильевича, хранящейся в Стокгольмском архиве (Riksarkivet), раздел Muscovitica VII. Miscellaneous documents concerning relations between Sweden and Russia 1323—1806. Vol. 671: Copy-book of the correspondence between Johan III and Ivan IV, 1568—1577.

Книга копий переписки Иоганна III и Ивана IV представляет собой рукопись большого формата (в 1°), переплетенную в картонный переплет; она содержит 190 л., написанных аккуратной писарской скорописью XVI в., черными, чуть коричневатыми чернилами, на бумаге с водяным знаком «медведь» и «почтовый рожок» (филигрань двух типов, близка к водяным знакам из альбома Брикe, № 12362 — 1577 г. и № 12364 — 1580 г.).

Первая часть книги (л. 1—97 об., № 1—44) — на шведском языке — содержит послания Иоганна III Ивану Грозному (начиная с послания от 6 октября 1568 г.), его инструкции послам, переводы грамот Ивана Грозного, адресованных шведскому королю (копии переписки кончаются 1577 г. л. 98—138 рукописи чистые. Вторая часть книги (л. 139—186 об.) содержит копии грамот Ивана Грозного — его посланий и охранных («опасных») грамот шведским послам; л. 187—190 — чистые.

Все скопированные грамоты Ивана Грозного (за исключением тайного письма к Эрику, находящемуся в заключении) адресованы Иоганну III, причем имя его в самих копиях и в заглавиях к ним передается по-разному («Ивану», «Иоганю», «Ягану» и др.), в ряде же заглавий оно вовсе отсутствует (сохраняется только титулатура шведского короля).

Состав русской части рукописи (л. 139—186 об., отметим, что почти все тексты пронумерованы арабскими цифрами — с 1 по 28):

1. Л. 139—140 — грамота «писана на Москвы <...> 7077-го, февраля месяца».

² Ur Brefvexlingen emellan konung Johan III och tsar Ivan Vasilevitz Meddeladt at N. Njarne // Historiskt Bibliotek Ut af Carl Siefverstolpe Stockholm, 1880 Vol 7 S 533—554 приложение на русском языке — с 1—8

³ Послания Ивана Грозного / Подгот текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, Пер и коммент. Я. С. Лурье М. Л., 1951 (с. 617—618, 625 (Сер. «Лит. памятники»))

⁴ Словарь книжников Вып. 2, ч. 1 С. 371—384, авторы статьи — Я. С. Лурье, О. А. Роменская (библиография)

⁵ См. ТОДРЛ М., Л., 1961 Т. 17 С. 454—481

2. Л. 140 об. — Охранная («опасная») грамота шведским послам Павлу, епископу абовскому, «с товарищи», «писана на Москвы <...> 7077-го, февраля месяца».
3. Л. 140 об.—142 — грамота «писана на Москвы <...> 7070 девятого месяца апрѣля», «пришла с Петромъ Шавривом (так! — Н. Д.) и со Юнсом толмачомъ».
4. Л. 142 об. — «Опасная грамота» шведскому послу Ивану Лаврентьеву, «пришла с Петромъ <...> Савридовимъ и со Янсомъ толмачомъ, писана на Москвы <...> 7070 девятого месяца апрѣля».
5. Л. 143—143 об. — грамота «к Иркию-королю, бывчи в турмѣ, дана на Москвы <...> 7070 девятого».
6. Л. 143 об.—146 — грамота «писано есть на Русии въ селех града Слободы <...> 7079-го».
[Л. 147—148 — текста нет]
7. Л. 149—159 — грамота «писано есть на Москвы <...> 7080-го октября месяца».
8. Л. 159—159 об. — «Опасная грамота» шведским «великим» послам (без указания имени), «писана на Москвы лѣта <...> 7080-го, октября месяца, а то есть по нашему 71».
9. Л. 160—160 об. — грамота, «писано есть в Твери лѣта <...> 7080-го, декабря (исправлено, было: октября. — Н. Д.) месяца, индикта 15» (приписка скорописью по-латыни: «...1571...»).
10. Л. 161—161 об. — грамота «дана есть в Новѣгороде лѣта <...> 1571-го, декабря месяца 28-го».
11. Л. 161 об. — в окончании страницы — текст скорописью по-шведски.
12. Л. 162—163 — грамота «дана в Великомъ Новѣгороде, лѣта 1572-го, генваря месяца».
[Л. 163 об. — текста нет]
13. Л. 164—165 — грамота «писана во Твери, лѣта <...> 1572-го, майя месяца».
14. Л. 165—165 об. — грамота «дана есть в Великом Новѣгороде, лѣта <...> 1572-го, июня в 8 день».
15. Л. 166—167 об. — грамота «писана есть в Великом Новѣгороде, лѣта 1572-го, месяца августа в 11 день».
16. Л. 168—168 об. — грамота «дана в Великом Новѣгороде, лѣта 7081-го, марта месяца».
17. Л. 168 об.—169 — «Опасная грамота» шведским послам «писана в Великом Новѣгороде, лѣта <...> 7081-го, марта месяца».
18. Л. 169—171 — грамота «писана <...> в Великом Новѣгороде, лѣта <...> 7082-го, сентября в 5 день».
19. Л. 171—171 об. — грамота «писана во Твери, лѣта <...> 7082-го, августа месяца въ 9 день».
20. Л. 172—176 об. — грамота, «писана въ Твери, лѣта <...> 7082-го, августа месяца въ 9 день».
21. Л. 176 об.—177 об. — грамота «дана на Москвѣ лѣта <...> 7083-го, декабря въ 20 день, индикта 3».
[Л. 178 — текста нет]
22. Л. 178 об.—180 — «Грамота великого князя Рускаго великих пословъ (Можайского наместника князя Василья Андреевича Сидского-Ярославского, Пронского наместника князя Ивана Ивановича Борятинского и царского дьяка Терентия Григорьевича Лихачева) о мирном постанов[л]ении меж великого государя нашего Иогана <...> и великого князя Руского земель. Писана у реки Сестрыни на берегу, лѣта 7083-го, июля въ 13 день».

23. Л. 180—181 — грамота «с Ываном с Кальмом пришла, дана на Мос[к]вы лѣта <...> 7084-го, июня месяца» (без окончания, грамота не дописана; см. ниже № 25).
24. Л. 181—181 об. — «Опасная грамота» шведским послам от «7083-го, июня месяца».
25. Л. 181 об.—182 об. — грамота «с Ываном с Кальмом пришла, писана на Москвы, лѣта <...> 7082-го, июня месяца» (содержит окончание № 23).
26. Л. 182 об.—184 — грамота, «писана на Москвы, лѣта <...> 7085-го, ноября месяца, индикта 4...».
27. Л. 184 об. — «Опасная грамота» шведским послам, «писана на Москвы, лѣта <...> 7085-го, ноября месяца».
28. Л. 184 об.—186 об. — грамота, «писана въ Новѣгороде Великом лѣта <...> 7085-го, июня месяца».

Специфика копирования грамот Ивана Грозного для шведского читателя сказалась на оформлении начал текста и его концовок. Тексту грамоты предшествует, как правило, извещение писца-копииста, от кого и кому направлена эта грамота с сохранением года, части оригинального текста обращения и части титула адресата, а также с сохранением части финальной формулы документа, указывающей, где и когда данный текст был написан. Иногда финальная формула в конце грамоты полностью сохраняется, иногда же ее текст, перенесенный в начало копии, произвольно сокращается писцом и лапидарно им пересказывается: «Писано <...> как изверху писано есть» (л. 140) или «Писано как преже» (л. 143 об.). Кроме того, в писцовые заглавия грамот вкраплены написанные тем же почерком латинские формулы обозначения лет от Рождества Христова («Anno Christi 1569», и др.), а при сокращении русского текста титулования используется форма латинского сокращения etc. Анализ написаний и грамматических ошибок, имеющих в издаваемых текстах, не оставляет сомнений в том, что копиист имел дело со скорописным оригиналом. Отсюда характерные пропуски выносных букв и слогов (см., например, «попамятуал» вместо «попамятувал», «дворяну» вместо «дворянину» и др.). Кроме того, основная масса ошибок приходится на окончания слов: копиист ошибался в чтении скорописных окончаний оригинала, путая у и ъ («в сердце» вместо «в сердѣ»), ы и ъ («нѣдружбѣ» вместо «нѣдружбы»), а и ю («мирю» вместо «мира»), ю и у («Ирико», «мирю»). В ряде случаев писец привнес в язык грамот свою фонетику: мену свистящих и шипящих («вышкородному», «проишишь» вместо «просишь», и наоборот: «писецъ» вместо «пишешь», «Мозайскому» вместо «Можайскому», и др.), цоканье («Лихацев» вместо «Лихачев»), и др. Все эти особенности письма позволяют предположить, что переписчиком этих русских грамот при шведском дворе был выходец из Северо-Западной Руси, или поляк: кроме отмеченной «шпелявости» в некоторых написаниях зафиксировано твердое «л», или же швед, учившийся у них (отметим характерные выражения писца: «по-нашему», «государя нашего Иогана»).

Издаваемые грамоты Ивана Грозного посвящены одному из центральных направлений его внешней политики 1560—1570-х гг. — отношениям Московского государства со Шведским королевством. Однако к проблемам сложного дипломатического давления на Швецию в борьбе за Ливонию (война с Ливонией началась в 1558 г.), к трудному соперничеству с «недругом» Руси — польским королем Сигизмундом II Августом, контролировавшим часть Ливонии, присоединилась личная интрига: воображением Ивана Грозного глубоко завладела мысль о том, чтобы ему была отдана сестра Сигизмунда II Августа — Екатерина (Катарина Ягеллонка), находившаяся в это время в Швеции. Королевна Екатерина (1523—1583) — дочь Сигизмунда I и итальянки королевы

Боны, была одной из нескольких сестер польского короля, на нее как на невесту в свое время пал выбор Грозного: он сватался к ней в 1561 г., после смерти Анастасии, но получил отказ. 4 октября 1562 г. на Екатерине женился — вопреки воле короля Эрика XIV — его младший брат Иоганн, герцог Финляндский, будущий шведский король Иоганн III. Когда же полубезумный Эрик заточил брата в Грипсхольмском замке (1566 г.), а Екатерина добровольно последовала за мужем в заточение, изворотливый ум Грозного, уже женившегося к этому времени на Марии Темрюковне (1561—1569), подсказал ему возможность политической «рокировки»: обмен Екатерины — если он ее получит от Эрика — на часть территории Ливонии, контролируемой Сигизмундом II Августом. Желая досадить брату-сопернику, Эрик согласился на выдачу невестки. Из документов этой поры неясно, что писал Эрик о судьбе брата, но Грозный делал вид, что до Руси дошли известия о смерти Иоганна: «...слух нас дошелъ, что тебя в поиманье у Ирика-короля в животь не стало, а дѣтей намъ в тебя не сказали; а короля Полского сестра Катарына также сидит у него в поиманье безлебъ» (т. е. безлѣп, напрасно), — так писал Грозный Иоганну уже позже, в 1569 г., объясняя ему свои домогательства (см. ниже публикацию письма, л. 140). В феврале 1567 г. замысел Ивана Грозного стал осуществляться: шведские послы принесли Ивану Грозному согласие Эрика XIV на выдачу Екатерины и раздел Ливонии, в Александровской слободе был подписан соответствующий договор, было составлено русское посольство для «утверждения» договора в Стокгольме (главой посольства был назначен боярин И. М. Воронцов), для почетной встречи королевы («на рубеже») была назначена делегация из московских бояр и высших сановников.⁶

Однако судьбе угодно было повернуть «колесо Фортуны»: 25 сентября 1568 г. Иоганн, освободившись из заключения, сверг Эрика XIV, заключил его в тюрьму в крепости г. Або, столице своего Финляндского герцогства, и, поддержанный феодальной знатью, занял шведский трон. Возможно, что не последнее место в решительных действиях Иоганна играла судьба его жены, участь, уготованная ей Эриком. В одном из более поздних посланий Иоганну (1572) Иван Грозный укоряет его, что тот «одного для слова жены своей крови много пролил напрасно».⁷ Во время государственного переворота пострадало русское посольство И. М. Воронцова, находившееся в это время в Стокгольме: посольский двор был разграблен, послы высланы в Або и только весной 1569 г. вернулись в Москву.⁸

⁶ В «Дополнениях к Никоновской летописи» (ПСРЛ, СПб, 1906 Т 13, вторая половина С 407) сообщается под 1567 (7075) г

«Того же месяца февраля въ 17 день приходили ко царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси отъ Ирика, короля Свѣйского, послы князь Нилъшъ Гуденъстернь да Магнущъ Ивановъ да Ирикъ Гоконовъ да Матфей Скубертъ да Пантелѣй Юрьевъ, а людей съ ними было 80 человекъ < > И были у царя и великого князя Свѣйские послы въ новой Александровской слободѣ, а стояли въ слободѣ въ старой

А биша челомъ Свѣйские послы царю и великому князю отъ Ирика-короля о томъ, чтобы царь и великий князь Ирика-короля пожаловалъ, учинилъ себѣ въ братствѣ, а Ирик-король царю и великому князю за то его жалование пришьлетъ Польсково короля сестру Катерину которая была за его Ириковымъ братомъ за Яганомъ И царь и великий князь Ирика-короля пожаловалъ, въ братствѣ его себѣ на томъ учинилъ, что Ирику-король Полсково короля сестру Катерину прислати, и Свѣйскихъ пословъ х королю отпустить

А того дѣла утвердити отпустилъ царь и великий князь къ Свѣйскому королю пословъ своихъ, боярина Ивана Михайловича Воронцова да Василия Ивановича Наумова да дьяка Ивана Кургана Васильева, сына Лапина

А встрѣчи королевны Катерины посылалъ царь и великий князь къ рубежу бояръ Михаила Яковлича Морозова да Ивана Яковлича Чеботова да Бориса Ивановича Сукина да дьяка Ондрѣя Щелкалова

А нѣчто король Полсково короля сестры Катерины ко царю и великому князю не пришьлетъ, и та докончалная грамота — не въ грамоту и братство — не въ братство»

⁷ Послания Ивана Грозного С 151

⁸ См комментарий Я С Лурье Там же С 623—624

Эта личная ситуация внесла большие осложнения во внешнеполитические дела Грозного. На протяжении ряда лет во всех посланиях Грозного шведскому королю обсуждается правомочность его притязаний на Екатерину, подбираются доказательства, оправдывающие действия московского самодержца в духе полемической практики «благохитростных коварств» Иосифа Волоцкого: Грозный утверждал, что договор с Эриком был задуман как орудие мира, для того чтобы у Эрика Катерина «напрасно не сидѣла, а отдал бы еѣ намъ, а мы бы еѣ отдали брату еѣ, Полскому королю, а через неѣ бы с братомъ еѣ, Полскимъ королемъ, миръ учинити» (см. ниже публикацию, л. 140). Эта тема упущенной возможности бескровного, мирного овладения Ливонией многократно повторяется, варьируется Иваном Грозным во всех последующих посланиях Иоганну. Упеченный в тайной переписке с Эриком, находящимся в заточении, Иван Грозный в раздражении на непонятливость, строптивость своего корреспондента, не желающего принять его «правды», грозит войной Швеции и всю вину за разгоревшийся конфликт в 1572 г. возлагает на Эрика и... Иоганна: «А как брат твой Ирик оманкою нам хотел дати жену твою Катерину да и с королевства его сослал, а тебя посадили. А осенесь сказали тебя мертва, а веснусь сказали, что тебя збили со государства брат твой Карло да зять твой арцог Маамус. А опосле того учинилось про послов твоих, будто идут, а ты будто на своем государстве. А ныне про послов твоих слуху нет, а ты, сказывают, сидишь в Стеколье в осаде, а брат твой Ирик к тебе приступает. И то уже ваше воровство все наруже: опрометываетесь, как бы гад, разными видами».⁹ Переполюющее Грозного чувство досады, даже обиды, игрока, проигравшего прекрасно задуманную партию, самодержавный властитель переводит в «подсмеятельный» план, утверждая целокупную нелепость поведения избранных на шведский престол неведомо кем и как, с точки зрения Грозного, шведских королей. «Высмеять означало для Грозного уничтожить противника духовно. Вот почему в его сочинениях так часто противник опровергается тем, что его положение объявляется смешным», — пишет Д. С. Лихачев.¹⁰ Так поступил Грозный и в этом случае своего проигранного спора. Сохранившиеся документы помогают восстановить цепь событий и трансформацию аргументов самоуверенного и коварного полемиста. Для изучения полемической и политической деятельности Ивана Грозного, по-видимому, была бы полезна полная публикация всех его грамот Иоганну III, сохранившихся в рукописных копиях Шведского государственного архива.¹¹

Наряду с этой книгой копий XVI в. в Шведском государственном архиве хранятся также подлинники 12 грамот русских царей шведским королям (1560—1649),¹² среди них — грамоты Ивана Грозного Густаву Вазе от 5 июля 1560 г. (издана по русским архивным материалам¹³) и его же грамота Эрику XIV от 4 сентября 1567 г., не упомянутая в Библиографии посланий Ивана Грозного.¹⁴ Публикация этой грамоты Эрику XIV дополняет

⁹ Там же С. 146

¹⁰ Лихачев Д. С. Лицедейство Грозного. К вопросу о смеховом стиле его произведений // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 33.

¹¹ Проблема русско-шведских отношений этих лет, характеристика деятельности Посольского приказа и личных действий Грозного интересно освещается в богатой материалами диссертации И. Граля, изданной в России. Граля И. Иван Михайлов Висковатыи М., 1994. К сожалению, мне оказалась недоступной шведская публикация Navdal-Iarson В. Erk XIV, Ivan Groznyi og Katarina Jagellonica. Uppsala, 1983.

¹² Riksrarkivet. Muscovitica 4. Ryska tsarers och ryska kejsarhusets brev till svenske kungahusen. Vol. 616. Tsarens originalbrev år 1560—1649 (brev N 1—12).

¹³ См. сб. РИО СПб., 1910. Т. 129. С. 79.

¹⁴ См. Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 371—384.

материалы напряженных переговоров Ивана Грозного со шведским королем в 1567 г.; уклончивое обозначение «дела», по поводу которого Грозный сообщает только, что это то самое дело, «о котором <...> приказывали к тебѣ с твоим посланником с Ъваном Лаврентьевымъ», позволяет предположить, что речь идет о затягивающемся выполнении все того же весьма щекотливого пункта договора, уже подписанного со шведским королем в феврале 1567 г., — о присылке Ивану Грозному Екатерины Ягеллонки.

Ниже публикуется текст четырех грамот из книги копий № 1, 5, 6 и 9 (см. с. 489—490) и грамота Эрику XIV 1567 г. (оригинал).

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

л 139

// Великого князя грамота пришла к великому и высокородному^а государю Ивану, Божию милостию Свѣскому и Готскому и Вендинскому королю,^б etc.;^в писана^г на Москвы лѣта от создания миру 7077-го февраля мѣсяца. Anno Christi 1569.

Милосердия ради милости Бога нашего, в них же посѣти нас восток^д свыше, во еже направити ноги наша на путь мирень, въ Троецы славимаго Бога нашего милостию, мы, великий государь царь и великий князь Иванъ Василевич всея Руссии, Владимирский,^е etc.,* Иогану Свѣскому, Готскому и Вендинскому избранному королю, честные заповѣди наши слово то.

Что еси прислал к нашему царскому величеству своего гонца Петра Иванова з грамотою, а в грамоты своей писалъ еси, что братъ твой Ирик-король нѣкоторые^а лѣта владѣние держалъ во отца своего королевстве Свѣскомъ, и держал некрестиянски и неподѣлно, и того для все кралевство Свѣйское от мала и до велика не могли его тяжелого некрестиянского владѣния терпѣти, а покорно тебѣ всѣ во единачестве били челом, чтобы ты имъ от такие великие нужи и терпѣния милостивно пособилъ и избавилъ, и тебѣ бы у них государемъ и королемъ быти, что ты ближней вочич и правитель Свѣйские короны. И даешь намъ вѣдати, что учинили тебя королемъ во отца твоего королевствѣ Свѣскомъ, и брата своего Ирика в себя имѣешь в оберегание, также имѣешь при себѣ в городе в Стеколне наших послов, которых мы к Ирику-ко/ролю послали. Что Ирик нѣкоторые^а оприченые^к суленья наудачю чинилъ для твоеѣ любовные жены княжны Катарины, такие неподѣльные и некрестиянские дѣла тебѣ велми в сердцу^л вступили. А оприченно лутче хочешь миру и единенья и доброго сусѣдства с нашими вочынами^м да и с ьными околними государи, королѣи и князми И от своеѣ стороны некоторые причины и недружбѣ к войнѣ дѣлати не хочешь, какъ король Ирикъ чинилъ, того и нашимъ посломъ никакова лиха дѣла не мышлишь, но хочешь их честно держати^н в своемъ королевстве, доколе наш^о отвѣтъ к тебѣ будетъ: того для и от нас хочешь надѣятись, похотим ли мы, как отецъ твой Густав-король и братъ свой Ирикъ-король с нашими вочынами в миру были и крестнымъ челованиемъ утвердили И проишишь,^п чтобы мы с твоимъ гонцомъ на то дали единъ истинненъ и надѣжень отвѣтъ наборже, и как тебѣ от нас отвѣтъ будетъ, что мы похо-

^аВ ркп испр., было вышкорродному ^бИспр в ркп королю ^вВ ркп сокращенное обозначение etc ^гВ ркп испр было пишана ^дТак в ркп ^еИспр в ркп Владимирскому ^жВ ркп сокращенное обозначение etc ^зИспр в ркп писалъ ^иИспр в ркп не дописана буква ы нѣкоторые ^кТак в ркп ^лТак в ркп ^мИспр в ркп вочынамъи ^нВ ркп држати под титлом ^оВ ркп ншь под титлом (далее подобные написания не отмечаются) ^пТак в ркп

тим с своими вочинами миръ с вами держати, так хочешъ ты послати своихъ пословъ с полнымъ приказомъ на рубеж, чтобы они тѣ дѣла между насъ в добромъ přátелстве здѣлати и крестнымъ целованиемъ укрепили; а намъ бы своихъ пословъ также велѣти послати на рубеж, и день бы тому учинити, на которой день на рубежѣ быти. А на обе бы стороны поданныхъ болши двусотъ не было.

И мы твою грамоту выслушали и вразумѣли гораздо, и от нашего царьского величества слово то.

Что тебя Свѣйская Земля излюбили и посадили^р на королевство, // а Ирика-короля^с в твои руки дали, и то намъ вѣдамо. А что еси писалъ о нашихъ послѣхъ, ино наши послы зашли тѣмъ обычаемъ тамъ, что слухъ насъ дошелъ, что тебя в поиманье у Ирика-короля в животѣ не стало, а дѣтей намъ в тебя не сказали; а короля Полского сестра Катарына также сидитъ у него в поиманье безлѣбъ.^т И мы о томъ ссылались с Ырикомъ-королемъ, чтобы у него Полского короля сестра напрасно не сидѣла, а отдать бы еѣ намъ, а мы бы еѣ отдали брату еѣ, Полскому королю, а черезъ неѣ бы с братомъ еѣ, Полскимъ королемъ, миръ учинити. И Ирик-король то с нами хотѣлъ дѣлати и здѣлать быль. И ты бы нашихъ пословъ отпустил, занеже послы в томъ не виноваты: с чѣмъ они посланы, с тѣмъ они и ходили, и имъ в томъ страдати неповинно непригоже, занеже то не от нихъ стало. И ты бы ихъ не задерживалъ. А что писалъ еси о своихъ послѣхъ и о нашихъ, чтобы имъ съѣхатись на рубежѣ, и тому такъ быти непригоже. А похочъ миру потому же, какъ отцу твоему Густаву-королю быть миръ с нашими вочинами, и ты бы пословъ своихъ прислалъ к намъ наборзе, а мы на пословъ своихъ и опасною свою грамоту послали с твоимъ челоуѣкомъ Петромъ Ивановымъ. И ты бы нашихъ пословъ к намъ отпустилъ наборзе, да и своихъ пословъ к намъ посыпалъ не замочавъ.^у

Писано в нашего царства степені дворѣ града Москвы, лѣта от создания миру какъ изверху писано естъ.

5

// Грамота великого князя к Ирику^а — королю писана, бывши в турмѣ. Дана на Москвы лѣта от создания миру^б 7070 девятого. а 143

Божиею милостию, мы, великий государь, царь и великий князь Иванъ Василевичъ всея Руссии etc.,^в королю Ирику.

Учинилось нашему царскому величеству вѣдамо, что на тебя братъ твой король Яганъ со всею землею всталъ, и тебя, Свѣйского государства согнавъ, в заточение тебя з женою и детми держит. А ныне братъ твой Яганъ к нашему царскому величеству прислалъ своихъ людей, Петра Шавридова и толмача Анса с своею грамотою. А ты к намъ приказывалъ с толмачомъ с Янсомъ, что было твое хотѣнье великое нашему царскому величеству служити и во всякомъ повиновенье быти. А ныне Божимъ судомъ от брата своего с своего государства изгнанъ, в заточенье в городе въ Абовѣ сидишь, и нашему царскому величеству за тебя вступитись, прислати бы намъ въ Финскую землю к Абову, хотя и немногую, рать свою, а тебѣ бы намъ в твоей нуже пособствовати.

А мы, памятуя твою службу к себѣ, тебя хотимъ жаловати своимъ великимъ жалованьемъ. А за брата твоего, за Яганово непослушанье, и которое онъ безчестие учинилъ нашимъ великимъ посломъ, боярину нашему Ивану Ми-

^рИспр в ркп посадили ^сИспр в ркп короля ^тТак в ркп ^уИспр в ркп замочав
^аИспр в ркп Ирику ^бИспр в ркп миру ^вВ ркп сокращенное обозначение etc

н 143 об хаселовичу Воронцову // с товарищы, за тѣ за всѣ дѣла з Божию помощю хотим, оже дастъ Богъ на брата на твоего, на^г Ягана, подвиг свой з болшою ратью учинив, на всю Свѣскую землю меч свой послати. А тебя хотим жаловати, какъ будетъ по-пригожу, и за тебя стояти. И ты бы то вѣдал тайно, а собою промышлял^д какъ лутчи и смотря по тамошному дѣлу. А дѣлал бы еси дѣло тайно себѣ, чтобы свиским людемъ то было не явно.

С сею грамотою послали есмя к тебѣ толмача Анса, и о всѣх дѣлах к тебѣ словомъ приказали есмя. И ты бы к нашему царьскому величеству о тѣх о всѣх дѣлах со Янсомъ вѣдамо учинил, чтобы нашему царьскому величеству про тѣ дѣла было вѣдамо,^е какъ намъ тебя пожаловати, тебѣ помочь учинити. И мы по тому к тебе свое жалование учнемъ деръжати.

Писана какъ преже.

6

н 143 об Великого князя грамота к великому нашему государю Ягану, королю Свѣскому, пришла, иже писано есть на Руссии,^а в селех града Слободы, лѣта от созданиа миру 7079-го.

н 144 Милосердия ради милости Бога нашего, в них же посѣти нас восток^б свѣше, во еже направити ноги наша на путь мирен, // иже подасть намъ скифетры держати Росийскаго царьствиа, сего убо Бога нашего в Троицы славимаго милостию удержажомъ скифетры Росийскаго царьствиа браздо-держателства, иже особъ намъ благоволи ко прослутию, иже се челоуѣко-любиемъ и благостию, мы, великий государь, царь и великий князь Иванъ Василевичъ, вся^в Руссии самодержец и обладатель Владимирский, Московский, Новогородский, царь Казанский и царь Астороханский, etc.,^г Ягану третьему, королю Свѣскому, Готскому и Вендинскому, от нашего царьского седалища степеня величества честные наши заповѣди слово наше то.

н 144 об Что преже сего присылалъ еси к нашего порога величеству в марте мѣсяце людей своих бити челом, Петра Шеттрика да толмача Гришу Анса, чтобы нам пожаловати тебѣ известити, за что твои послы, Павелъ бископъ Абовский с товарищы, у нас сидят, и на их дѣла никоторого отвѣту не учинят. А того ты не помятувал,^а какъ мы, жалючи брата твоего Ирика-короля, посылали своего посланника Третяка Ондрѣевича Пушечникова; что в давных лѣтах от нашего лица в Свѣской^с землѣ наши посланники не бывали, и твоего брата радные паны с своего смердѣво обичея, не вѣдамо, которымъ обычаемъ, посланника нашего уморили. А то наше жалованье, что есмя приказывали с своим посланником с Третяком Ондрѣевичем Пушечниковым, и то // до брата твоего не дошло. И после того брат твой присылал к намъ своего челоуѣка Ивана Лаврентѣва бити челом и спрашивати о томъ слове, чтобы мы пожаловали, известили его челоуѣку, с нѣмъ мы послали посланника своего к брату твоему. И мы посылали ближнего своего дворянина и намѣстника Козельского Петра Василевича Зайцова да печатника своего Ивана Михаелова да дьяка своего Ондрѣя Василевича, а велили брата твоего челоуѣку Ивану Лаврентѣву сказати, с чѣмъ мы к брату твоему, Ирику-королю, посланника своего Третяка Ондрѣевича Пушечникова посылали, и известити велѣли подлинно. А мы посылали посланника своего Третяка Ондрѣевича Пушечникова с тѣмъ, что намъ вѣдамо учинилось, что ты у брата своего сидишь в поиманье, *ин уж^з ты брату твоему не годень. А се нам и тѣ слухи дошли, что будио тебѣ не стало, и коли уж тебѣ не стало, и брату твоему недруга нашего сестра

^гИспр. в ркп над ^дИспр в ркп промышлял ^еИспр в ркп вѣдаму

^аТак в ркп ^бТак в ркп ^вТак в ркп ^гВ ркп сокращенное обозначение etc ^дИспр в ркп помятувал ^еИспр в ркп Свѣйском * ^зВ ркп инуж

держати х коей потреби? А в то время недругъ нашъ, Литовский король, в нашу отчину въ Вифлянскую землю уступился и о том меж нас многие пролились. А как мы у него Полотцкъ взяли, и то и вамъ вѣдамо. А преже того отецъ ваш Густаюс-король нерозсуднымъ обычаемъ хотѣл нашего жалованья, и то бы ему ссылатися с нами мимо наших новгородских намѣстников, и что толды прибыл//ток своей землѣ учинил, а ныне вамъ о том писати не потреба. И мы, помятуя то отца твоего хотѣнье и для своей потребности хотячи, у Бога милости прося, над своим недругомъ, над Литовскимъ королемъ, повышение, и с сестрою его, а твоею женою, хотячи, в которую землю недруг наш, въ Вифлянскую, уступился, и за себя тоѣ свою отчину взял, недруга нашего сестрою" Вифлянскую землю очистить, а к брату твоему Ирику-королю и ко всей* Свѣской землѣ свое жалование держати, и хотѣли есмь пожаловати, ссылатися с собою, а не и с новгородскими намѣстники, и с тѣмъ есмь посылали посланника своего Третяка Ондрѣевича Пушечникова. А как в нас был брата твоего посланник Иванъ Лаврентѣев, и мы ему повелѣли вестити своему ближному дворяну" и намѣстнику Козелскому Петру Василичю Заецову с товарищы, чего для мы прошим недруга нашего сестры, а не для того, как малоумные люди скверну блядословили. А посланник твой Иван Лаврентѣев о твоём здоровье никоторого намъ слова явно прямо не известил, а сказал, про тебя допльна не вѣдаеть, жив ли ты или не жив. А Ирик-король то наше хотѣнье учинит и послов о томъ к намъ пришлет наборже. И после Ивана Лаврентѣева лѣто и осень, и зиму всю брат твой послов своих к намъ не присылвалъ, // а прислал уже под весну послов своих князя Нилша Гулденстерна да Магнуса Иванова да Ирика Гоконова да Матфѣя Скуберта да Пантелѣя Юрьева. И послы брата" твоего князь Нилшъ с товарищы на том з бояры нашими договоръ учинили, что брату твоему Ирику-королю намъ отдати недруга нашего, Литовского короля, сестра Катарина, а намъ его пожаловати, с собою въ братстве учинити, а про тебя и тогды никоторого слова учинили, что ты жив. И мы тѣмъ вашимъ свѣйскимъ людемъ повѣрили, велѣли свою жаловальную грамоту написати, какове наше жаловальное грамоте пригоже быти, къ брату твоему Ирику-королю, у той своей жаловальной грамоте велѣли есмь печать свою золотою привѣсити.

А каковъ грамоте пригоже брата твоего быти, и такову грамоту написали брата твоего послы, князь Нилшъ с товарищы. И на тѣх есмь грамотах сами крестъ целовали передъ послы брата твоего, хотячи жаловати брата твоего и всю Свѣскою землю. И послов брата твоего к нему отпустили. А к брату твоему послали от своего царьского седалища степени величества того дѣла подтвердити боярина своего и намѣстника Смоленского Ивана Михаеловича Воронцова с товарищы.

А тот нашъ бояринъ великой человекъ: отецъ его, Михаело Симянович, быть от нашего величства бояринъ и намѣстник въ Великом Новѣгородѣ "и с твоимъ отцемъ, з Густаусомъ, в ровной ссылке был."

И какъ тотъ боярин и намѣстник нашъ Смоленской Иванъ Михаелович Воронцов с товарищы пришли въ вашу Свѣскою землю, и то дѣло по тому не учинилось; а ты учинился на Свѣйскомъ королевствѣ, а брата своего изымал еси, а нашего величества боярина и намѣстника Смоленского Ивана Михаеловича Воронцова и наших дворян и дьяка обесчестили, и грабили, и в одной сорочке поставили, и наших дворян и дѣтей боярских ограбили. Ино ваши люди солгали? А нашего величества боярин и намѣстник Смоленской Иван Михаелович Воронцов, и наши дворяне, и дьякъ, и дѣти"

"Испр в ркп сестрою *Испр в ркп все "Так в ркп *В ркп повторено дважды
 н—о Эта часть фразы подчеркнута теми же чернилами "Испр в ркп дѣтей

боярские про что ограблены и обезчестены, и отпустил еси их не вѣдомо которымъ обычаемъ, очей своих не да видети, и обезчестивъ, кабы с поло- ну. А животов их не сыскал, а о хто ихъ ограбил и обезчестилъ и от тѣх их не оборонил.

А после того прислал еси к нам послов своих — бископа Абовского Павла с товарищи. А наше царское^р величество въ то время былъ для правленья в своей отчине въ Великом Новѣгородѣ, и намъ то известили бояры нашего царского величества, что твои послы приѣхали в Новгород. И мы боярину своему и намѣстнику Великого Новагорода князю Петрю Даниеловичю Пронскому да и боярину своему и намѣстнику Вологодскому князю Офанасью Ивановичю Веземскому твоих // послов велѣди роспросити. И послы твои, пришед к нашимъ бояромъ, уродственнымъ обычаемъ стали, что болваны, а сказали, что с ними к бояромъ некоторого приказу нѣтъ. А прежнего обычае позабывши, ино над ними по их уродству по тому так и сталося.

И то тебѣ известили есмя, за что нашъ такой гнѣвъ на твою землѣ^с утвер- дился.

А по нынешнему твоему челомъбитью, что с Петромъ Шаврикомъ с товарищи послали есмя, и на другие твои послы, свою опасную грамоту; и про твоих послов по ся мѣста и слуху нѣтъ.

И ты бы ныне прислал своих послов наскорѣ, что бы послы твои были въ нашего порога величества октября въ первый день. И толко послы твои к тому сроку не будутъ, и мы, взяв твоих первых послов, хотимъ своего царского величества дворомъ в Свѣскихъ островѣхъ^т витати. О том и тебѣ от своих усть хотимъ въспрошити, которымъ обычаемъ такие непотребства в твоей землѣ учинилися? И ты бы, не хотя своей землѣ разоренья, на сей осени прислал послов своих наскоре, по первой нашей жаловальной опасной грамоте.

Писана в нашего царского двора селех, града Слободы, лѣта от созда- ния миру 7079-го. //

9

н 160 // Великого князя грамота к нашему велеможному государю, Божию милостию. Свѣйскому и Готскому и Вендинскому королю пришла, иже^а пи- сано естъ въ Твери, лѣта от создания миру^б 7080-го, декабря^в мѣсяца, ин- дикта 15-го. Нос est: Anno etc.^г 1571, in mense Decembri datum.

Богъ нашъ Троица, Отець, Сынъ и Святыи Духъ, иже царие царств- вуют и силнии пишутъ правду, иже подасть нам скифетры держати Росий- ского царствиа, и его милостию и хотѣнием удержажом скифетры Росий- ского царствиа браздодержательством крестоносные хоругви.

Сего убо Бога нашего, в Троицы славимаго, милостию, мы, великий государь, царь и великий князь Иван Василевич, всея Руссии самодержецъ и обладатель Владимирский, Московский, etc.^д Ягану Густавову сыну, по твоей грамоте третьему Свѣйскому и Готскому и Вендинскому^е королю, честные царские наши заповѣди слово то.

Писали есмя к тебѣ, и не одна, по твоему челомбитью, и опасную свою жаловальную грамоту на твои послы к тебѣ послали, а ты к нам и по ся мѣста своих послов к нашей царской степени величества не присылы- вать, а твои люди из Выбора пишутъ к нашего царского величества нашии

^рИспр в рки царского

^сТак в рки

^тИспр в рки островѣв

^аВ рки испр было ижи

^бТак в рки

^вВ рки испр было октября

^дВ рки сокра-

щенное обозначение etc

^еВ рки сокращенное обозначение etc

^еИспр в рки Вендинскомъ

отчины Великого Новагорода украинских городов к намѣстником в своих грамотах, а чают от нашего царского величества твоих послов отпуску. И мы ныне подвиг свой учинили есмя к твоей землѣ, и твои послы с^ж нами будут на рубеж и в твою землю уборже, и тобѣ известим своих из усть сами. А будетъ похощ³ нашъ гнѣвъ отовратити, а^н свою землю пусту видѣти не захочешь, и ты бы к нам прислал своих великих послов, которые бы могли наше царское величество умолиши и добити челом от твоего лица, как, которым дѣлом по пригожу статись мочно. И как в нас твои послы будут, и мы послов твоих велим розслушати, и видя^к твое челомбитие^н с покореньемъ^и и послов твоих моление и прошение, тебя пожалуемъ, как пригоже будет, смотря по дѣлу, и твоих послов,^н новых и старых вмѣсте, к тебѣ опустим. А прислал бы еси своих послов к нам не мешкая, вскорѣ, покамѣста болшое розлитие крови не сталось. И били челом нашей степени царского величества порогу твои^о послы, Павел бискуп с товарищи, чтобы нашему царскому величеству пожаловати одного из них к тебѣ отпустить, а ты к нашей царского величества степени послов своих великих о своем неизправлении^н бити челом приплешь. И наше царское величество по послов твоих челобитию одного из них — Онтон Алавѣва — к тебѣ отпустиши велѣши. А срок учинили твоим послом к нашему царскому величеству честные заповѣди порога быти, хоть^р мы и в твоей землѣ с своими силами будем, Сретениевъ^с день.

л. 160 об.

С сею нашею грамотою с чесною от нашего царского величества степени отпущен твой человекъ Онтон Алавѣвъ да Ирик.

Писана в нашей отчины великого княженья града Тфери^т в походѣ, лѣта от создания миру 7080-го декабря, индикта 15-го, государства нашего 38-го, а царствъ нашихъ — Российского 24-го, Казанского 20-го, Астороханского 17-го.

Грамота Эрику XIV (4 сентября 1567 г.)

Милосердия ради милости Бога нашего, а^в них же^б посети нас восток свыше, во еже нам правити ноги наша на путь^в мирень въ Троецѣг^т слави-маго Бога нашего милостно. Мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, Владимирский, Московский, Ноугородцкый, царь Казанский, царь Астороханский, государь Псковский, великий князь Смоленский, Тферский, Югорский, Пермский, Вятцкый, Болгарский, и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полотцкый, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Казанский, и всея Сибирские земли и Северные страны повелитель, и государь земли Вилянские, и иных, Ирику, королю Свѣйскому и Готцкому, и Вендинскому, и иных.

Писал к нашего царского величества Орѣховскому намѣстнику ко князю Василью Михайловичю Троекурову твой Выборской намѣстник Пантелѣй Юрьевъ с немчином с Тумашком. А чинит вѣдомо, что по нашему царского

^жИспр., в ркп.: к. ³Так в ркп. ^нВ ркп. испр. был юс малый ^кИспр., в ркп. ввидя. ^нИспр., в ркп.: челомбити. ^н—^нЭти строчки текста отмечены вертикальной жирной линией, сделанной теми же чернилами, по середине листа. ^оИспр., в ркп. слово повторено дважды.

^нИспр., в ркп.: неизправление. ^рИспр., в ркп.: хоты. ^сИспр., в ркп.: Стрениевъ. ^тВ ркп. над строкой — над буквой "фита" — поставлена буква "в" теми же чернилами.

^а—^бИз-за дефекта ркп. отсутствуют одно-два слова, восстановлено по тексту других грамот ^в—^гВосстановлено по тексту других грамот, в ркп.: мире; далее пропуск из-за дефекта ркп.

величества приказу, о котором емя дѣле приказывали к тебѣ с твоим посланником с Бваном Лаврентьевымъ. И ты по тому нашему царского величества приказу к нашему царскому величеству хочешь часа того отпустити своих великих послов. И нам бы тебя пожаловати, на твои послы прислати к тебѣ свой полной опас, чтобы твоим послом к нашему царскому величеству притти и назад отоити добровольно безо всякие зацѣпки. И мы тебя пожаловали, на твои послы опасную свою грамоту к тебѣ послали. И ты бы по сей нашей опасной грамоте послов своих к нам прислал. А тѣм твоим послом и их людем, которые будут с ними, приѣхати к нам и назад отѣхати добровольно безо всякого задержанья со всѣми животы.

Да тот же немчин Тумашко сказывал, которого присылал з грамотою твой Выборской намѣстник Пантелей Юрьевъ, что в Кольвани повѣтрее великое. И ты бы послом своим заказал накрѣпко, чтобы они кольванских людей и товаров кольванских никаких да и свѣйских людей, которые сего лѣта были в Кольвани, однолично с собою не имали, тѣм бы себѣ в нашей отчине задержанья не чинили.

Писана во государьства нашего дворѣ града Москвы, лѣта 7075-го, сентября месяца 4 день, индикта 10, государьствия нашего 33-го, а царствѣ нашихъ — Російскаго 20-го, Казанскаго — 15-го, Астороханскаго — 13-го.

Т. Ф. ВОЛКОВА

Записи первых Романовых и княжеско-боярской знати XVII в. на книгах, собранных на Усть-Цилемском Севере

Исследования последних десятилетий убедительно показали, что записи, оставленные на полях древнерусских рукописных и старопечатных книг их владельцами и читателями, являются важным дополнительным источником для изучения отечественной истории и культуры.¹ К числу таких источников относится и комплекс записей, сохранившихся на старопечатных книгах, бывавших в среде крестьян-старообрядцев одного из уникальных заповедников традиционной и книжной культуры, охватывающего территорию по нижнему течению Печоры и ее притоков,² сейчас составляющую Усть-Цилемский район республики Коми.

Коллекция эта, сложившаяся в 60—70-е гг. в Научной библиотеки СПбГУ в результате поездки на Нижнюю Печору петербургских археографов, была исследована сотрудником библиотеки А. А. Савельевым, подготовившим к печати ее научное описание.³ Собрание включает 76 книг, из них 49 представляют собой издания XVII в. Большая их часть начинается свою историю в центральных русских городах — Москве, Можайске, Суздале, Переяславле Рязанском. На Печору они попадают только в XVIII—XIX вв., получая второе рождение в библиотеках местных старообрядческих скитов, на что указывает и сам репертуар их: это прежде всего литургические книги — Минея, Октоих, Триодь и т. п., и следы реставраций XVIII—нач. XIX в., и большое количество выскобленных и заклеенных первоначальных вкладных и владельческих записей.⁴

Однако такая судьба постигла все же далеко не все записи XVII в. При изучении описания, сделанного А. А. Савельевым, наше внимание привлекли несколько вкладных и владельческих записей, связанных с именами первых Романовых — Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, а также представителей княжеско-боярской знати времени их правления.

Изучение этих новых источников облегчается тем, что в последние десятилетия проделана большая работа по публикации научных описаний книжных коллекций и самих записей, у истоков которой находятся иссле-

¹ Бакланова Н. А. Значение владельческих записей на древнерусских книгах как источник для истории русской культуры // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 197—205.

² См. всестороннюю характеристику этого района как книжного культурного центра. Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960

³ Савельев А. А. Книги кириллической печати с берегов Печоры в собрании Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета (в печати).

⁴ Здесь мы приводим наблюдения А. А. Савельева из вышеуказанной статьи.

дования М. Н. Тихомирова конца 50-х гг.⁵ К настоящему времени уже выявлен значительный комплекс книг XVII в., сохранивших вкладные записи первых представителей династии Романовых. География из вкладов обширна и простирается от кремлевских соборов к самым окраинам Руси.

Причины, по которым и Михаил Федорович, и Алексей Михайлович столь последовательно занимались отправкой изданий Московского печатного двора по различным, порой весьма удаленным уголкам своей державы, лежали в сфере политики: тот высокий идеал самодержца, который формировали эти издания в сознании русских читателей, должен был получить как можно более широкое распространение через центры духовной жизни, какими были во все века на Руси монастыри и храмы.⁶

Вкладные записи первых Романовых на усть-цилемских находках петербургских археографов подтверждают эти наблюдения. Среди них особый интерес представляют две вкладные записи царя Михаила Федоровича. Изучение их в сопоставлении с другими известными записями о книжных вкладах Михаила Романова сразу же позволяет ввести их в определенный историко-культурный контекст.

Первая запись, датированная 20 апреля 1635 г., сделана на первом листе Устава (М., 1633). В ней сообщается о передаче книги царем в Суздальский уезд, в Куксинский девич монастырь при игуменье Улье.⁷ В дальнейшем, судя по другим записям, Устав попадает в Архангельскую духовную консисторию, оттуда в сентябре 1862 г. он был передан в Кемскую единоверческую церковь, а из нее — в единоверческую церковь села Усть-Цильмы.⁸ В 1949 г. книга попала в руки В. И. Мальшеву, о чем он сделал свою помету на последнем листе книги. В библиотеку СПбГУ она поступила в 1967 г.

Вторая запись сделана на Октоихе (М., 1631. Ч. 1). Запись дефектна и сохранила только дату вклада — 13 июня 1638 г., имя вкладчика — царя Михаила Федоровича и указание на Можайск, куда была отправлена книга.⁹ Позднейшая запись зафиксировала принадлежность книги в XIX в. крестьянину деревни Боровской на р. Пижме (притоке Печоры) «Федору Иванову сыну» (л. 477 об.).

Обе вкладные записи XVII в. сделаны подьячим Приказа Большого Дворца Любимом Асмановым.¹⁰ Автографы этого человека сохранились,

⁵ Тихомиров М. Н. Записи XIV—XVII вв на рукописях Чудова монастыря // АЕ за 1958 г М., 1960 С 11—36, Костюхина Л. М. Записи XIII—XVIII вв на рукописях Воскресенского монастыря // АЕ за 1960 г М., 1962 С 273—290, Асафов К. М., Протасьева Т. Н., Тихомиров М. Н. Записи на книгах старой печати XVI—XVII вв // АЕ за 1961 г М., 1962 С 276—344, Сметанина С. И. Записи XVI—XVII вв на рукописях собрания Егорова Е. Е. // АЕ за 1963 г М., 1964 С 358—396, Бакланова Н. А. Русский читатель XVII в // Древнерусская литература и ее связь с новым временем М., 1967 С 156—193, Гузнер Н. А. Записи XV—XVII вв на книгах и рукописях собрания ГПНТБ СО АН СССР // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока Новосибирск, 1973 С 84—94, Апанович Е. М. Записи на рукописных книгах ЦНБ АН УССР // Проблемы рукописной и печатной книги М., 1976 С 70—86

⁶ Роль изданий Московского печатного двора в формировании такого идеала была освещена И. В. Поздеевой в научном докладе, прочитанном в Перми на конференции «Рюриковичи и Романовы в русской культуре» (апрель 1994 г.)

⁷ НБ СПбГУ, инв ОРК 5641, запись на л 20—24 2-го счета

⁸ «Св книга сия Кемской единоверческой церкви Иоанна Предтечи и Крестителя Господня Книга сия получена из Архангельской духовной консистории в сентябре месяце 1862 г Священник Александр Алексеевский» (нижн форз), «Устьцилемской единоверческой церкви» (л 1)

⁹ НБ СПбГУ, инв ОРК 5734, запись на л 3 -21

¹⁰ « книгу пожаловал государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси в Суздальский уезд в Куксинский девич монастырь при игуменье Улье с сестрами лета 7143 году апреля в 20 день а подписал сию книгу Приказу Большого Дворца подьячей Любим Асманов» (Устав) « царь кий князь Михаил Федорович всея Руси в Можаск < > лета 7146-го году в 13 день а подписал сию книгу приказу подьячей Любим Асманов» (Октоих)

как свидетельствуют научные публикации последних лет,¹¹ на целом ряде старопечатных книг первой половины XVII в., представляющих собой вклады Михаила Федоровича в монастырские и церковные библиотеки, находившиеся в самых разных уголках России — в Вяземском и Суздальском уездах, в Можайске, в Юрьеве-Польском, в Псковской земле. Книги эти имели впоследствии самые разные судьбы. Одни из них попали на север — в Беломорье, на Печору, другие — на Каму, третьи — в Поволжье, четвертые — в Молдавию и на Украину. Сейчас книги с автографами Любима Асманова хранятся в составе разных книжных собраний. Большая их часть в настоящее время сосредоточена в НБ МГУ в составе разных территориальных коллекций. И. В. Поздеева, которая впервые ввела материалы этих записей в научный оборот и обратила внимание на фигуру подьячего Асманова, указывает на 11 его автографов, относящихся к 1623—1641 гг., причем 8 из них читаются на книгах, привезенных в последние годы из старообрядческих районов экспедициями МГУ.¹² Одна из записей Любима Асманова зафиксирована в недавно изданном каталоге записей на старопечатных книгах БАН России: она читается на Службной Минее (май, 4.XII.1626) и датируется 1637 г.¹³

Из дошедших до нас документов о Любиме Асманове известно, что его христианское имя было Георгий. Он был достаточно состоятельным человеком: в 1638 г. имел в Москве два двора, в декабре 1640 г. его оклад подьячего Приказа Большого Дворца составлял 200 четей и 22 р. В декабре 1648 г. он совершил вместе с дьяконом Никифором Демидовым служебную поездку в Рязань для раздачи жалованья служилым людям.¹⁴ Умер Любим Асманов около 1652 г. На одной из книг Верхнекамского собрания НБ МГУ — Учительном Евангелии (М., печатник Василий Федорович Бурцев, 1652) сохранилась вкладная запись его вдовы, датированная этим годом.¹⁵

Рассмотрение этих записей в комплексе позволяет не только точнее представить географию царских книжных вкладов, но и восстановить в ряде случаев дефектные места некоторых автографов Любима Асманова. Например, сопоставление дефектной записи 1638 г. на усть-цилемском Октоихе, отправленном Михаилом Федоровичем в Можайск, с записями 1637 и 1638 гг. на Службных Минеех из фондов НБ МГУ и БАН, фиксирующими вклад Михаила Федоровича в можайскую церковь Николая Чудотворца,¹⁶

¹¹ Поздеева И. В., Кашкарова И. Д., Леренман М. М. Каталог книг кириллической печати XV—XVII вв. Научной библиотеки МГУ М., 1980 (№ 127, 191, 235), Выставка рукописных и старопечатных книг, собранных археографическими экспедициями в 1976—1986 гг. Каталог М., 1987 (№ 84, 89—90), Поздеева И. В. Царь Михаил Федорович, псковский помещик Василий Спякин и другие (Судьбы книжные) // Книга Исследования и материалы М., 1987 Сб. 55 С. 200—203

¹² Поздеева И. В. Записи на старопечатных книгах кириллического шрифта как исторический источник // Федоровские чтения Читатель и книга 1976 М., 1978 С. 49. За последние годы И. В. Поздеевой были выявлены новые автографы Любима Асманова, которых к настоящему времени известно согласно любезно предоставленной мне исследовательницей информации, более 20

¹³ Корпус записей на старопечатных книгах / Сост. Л. И. Киселева СПб., 1992 Вып. 1 Записи на книгах кириллического шрифта, напечатанных в Москве в XVI—XVII вв. (№ 110)

¹⁴ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975 С. 34

¹⁵ Выставка рукописных и старопечатных книг № 88

¹⁶ Приведем запись на Минее Службной БАН 6379 СП (л. 1—25) «Сию книгу пожаловал государь царь великий князь Михаил Федорович Всея Руси в Можайск, в соборную церковь Николая чудотворца Можайского в 7145 (1637) году февраля в 14 день, а подписал сию книгу Приказу Большого Дворца подьячий Георгий, а прозвище Любимый Асманов», ср. Выставка рукописных и старопечатных книг № 89 запись 1636 г. на Минее Службной (сентябрь) М. печатник Василий Федорович Бурцев, 1636) из Поволжской коллекции МГУ

позволяет предположить, что и дефектная запись называла тот же храм как адрес вклада царя.

Наряду с приведенными записями Михаила Федоровича на одной из усть-цилемских книг сохранилась вкладная запись царя Алексея Михайловича. Это Трефологион на сентябрь — ноябрь (М., 1637).¹⁷ Согласно записи на л. 1—28, книга была 11 июля 1671 г. по распоряжению царя отправлена из Приказа Тайных дел на Вятку в Преображенский девич монастырь, находившийся в г. Хльнове «на посаде». Впоследствии (согласно другой записи на л. 29—41) Трефологион попал в Выгорецкое общежительство, где принадлежал Екиму Сколкову «с товарищи». С Выга книга и перекочевала на Печору, как и многие другие рукописные и старопечатные книги Выголексинского общежительства, пополнявшие библиотеки пижемского и цилемского старообрядческих скитов.¹⁸

Несколько владельческих и вкладных записей, сохранившихся на усть-цилемских старопечатных книгах, связаны с именами представителей княжеско-боярской знати XVII—XVIII вв. Две подобные записи XVII в. сохранились на Трефологионе за июнь — август (М., 1638).¹⁹ Первая, краткая, свидетельствует о принадлежности книги князю Петру Ивановичу Пронскому. Вторая, датированная 17 декабря 1658 г., сообщает о передаче книги его сыном — боярином Иваном Пронским в Преображенскую церковь села Молчанова — его виленского поместья.²⁰

Отец и сын Пронские, упомянутые в этих записях, — достаточно известные исторические лица, биографии которых вполне отчетливо вырисовываются из сохранившихся документов.

Князь Петр Иванович Пронский впервые упоминается в 1608 г. в числе лиц, принимавших участие в брачной церемонии на свадьбе царя Василия Ивановича Шуйского. В 1613 г. при венчании на царство Михаила Романова он был одним из десяти стольников, шедших перед царем из царских палат в соборную церковь.²¹ В одной из повестей XVII в., недавно открытой учеными, в рассказе о земском соборе 1613 г., на котором состоялись выборы царя, П. И. Пронский упоминается в числе претендентов на российский престол.²² В 1613—1616 гг. он воеводствовал в Холмогорах, отражая нападения польско-литовских отрядов и регулярно информируя царя на основе допросов пленных черкасов о численности и планах неприятеля. В 1616 г. он становится стольником. Далее следует самая драматическая страница в биографии князя Петра: во время польско-литовской войны в конце 1617 г. он попадает в опалу за бегство из Вязьмы, способствовавшее ее взятию королевичем Владиславом. В Москве Пронский был высечен кнутом и сослан в Сибирь в Туринский острог с конфискацией всей недвижимости. Однако ссылка его была недолгой, и в 1624—1625 гг. мы его уже находим воеводой в Брянске. В последующие годы военная служба в качестве вое-

¹⁷ НБ СПбГУ инв ОРК 5645

¹⁸ О роли Выголексинского общежительства в формировании библиотеки Великопоженского скита см. Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. С. 10—11

¹⁹ НБ СПбГУ, инв ОРК 5724

²⁰ «Князя Петра Ивановича Пронского» (л. 1—3), «Лета 7167 году декабря 17 дал сию книгу Трефолой а в нем три месяца июнь, июль и август боярин князь Иван Петрович Пронской в Виленское свое поместье в село Молчаново к церкви Преображения Господа нашего Иисуса Христа да в предел преподобного отца нашего Михаила Маленна при священнике Иване Ивановне сыне, а подписывал сию книгу по приказу государя своего боярина князя Ивана Петровича человек его Стефан Романов сын» (л. 381—431)

²¹ Корсакова В. Пронский князь Петр Иванович // Русский биографический словарь СПб., 1910 Т. 15 С. 58

²² Морозов Б. Н. Казаки избирают царя Михаила Романова // Слово Санкт-Петербургская еженедельная газета 1993 22 28 апреля № 14 С. 4 см также Повести о земском соборе 1613 г. / Подгот. текста А. Л. Станиславского // ВИ 1985 № 5

воды забрасывает его в самые разные места России — из Путивля в Томск, затем в Вязьму, Псков, Тобольск. В 1647 г. Петр Иванович был пожалован в бояре и на свадьбе царя Алексея Михайловича с Марией Милославской в 1648 г. шел за царем.²³

После смерти князя Петра в 1652 г. принадлежавший ему Трефологион перешел к его сыну — боярину Ивану Петровичу Пронскому-Рыбину. Еще при жизни отца в 30—40-е гг. Иван Петрович находился на дипломатической службе, затем служил воеводой в Вязьме, а потом — в Белгороде. В 1652 г. он становится боярином и уезжает воеводой в Астрахань. Во время войны царя Алексея Михайловича с польским королем Яном Казимиром в 1657 г. князь Иван Петрович Пронский был воеводой в Полоцке. Служба эта, судя по всему, вполне удовлетворила царя, так как 5 мая 1658 г. Алексей Михайлович пожаловал его «в комнату», затем назначил ему быть в дядьках у наследника престола — царевича Алексея Алексеевича, которому шел тогда пятый год. После внезапной смерти в 1670 г. царевича Алексея, едва достигшего шестнадцати лет, Иван Петрович возвращается к военной службе.²⁴

Виленское поместье Молчаново, упомянутое в записи 1658 г. на усть-цилемском Трефологионе, было получено Иваном Петровичем, вероятно, когда он находился на посту полоцкого воеводы. Отражение этого факта в документах нам пока неизвестно. Возможно, он получил его в дар от царя в связи с назначением его воспитателем наследника Алексея. Особое историко-культурное значение этой вкладной записи состоит в том, что она относится к тому непродолжительному времени, когда в ходе русско-польской войны 1654—1667 гг. Виленское воеводство перешло под власть Москвы, утраченную уже к 1660 г.²⁵ Таким образом, запись на печорской книге, относящаяся к 1658 г., косвенно отразила процесс распределения только что завоеванных русскими земель между княжеско-боярской знатью, сопровождавшийся обычно такими актами культурно-просветительского характера, как книжные вклады в местные церкви и монастыри.

Еще две записи на усть-цилемских книгах связаны с представителями черниговского княжеского рода Долгоруковых, берущего свое начало от князя Ивана Андреевича Оболенского, который получил за свою мстительность прозвище Долгоруков. Из рода князей Долгоруковых вышли видные государственные деятели, полководцы и литераторы. Одна из записей сделана на Минее Общей (М., 1650).²⁶ Запись не имеет точной даты, но может быть отнесена в соответствии с датой смерти владельца книги — князя Федора Федоровича Долгорукова ко времени не позднее 1644 г.

Князь Федор был потомком одной из четырех ветвей рода Долгоруковых, восходящих к четырем внукам родоначальника рода — Семену, Федору, Тимофею и Михаилу Владимировичам, а именно — потомком Семена Владимировича. Ф. Ф. Долгоруков был стольником с 1625 г., в 1655 г. упоминается в документах как окольничий. С 40-х гг. находился на воеводской службе сначала в Великих Луках, позднее — в Витебске, а незадолго

²³ Корсакова В Пронский, князь Петр Иванович С 58—59, Голицын Н Н Указатель имен личных, упоминаемых в дворцовых разрядах СПб, 1912 С 207

²⁴ Корсакова В Пронский-Рыбин, князь Иван Петрович // Русский биографический словарь СПб, 1910 Т 15 С 56—57, Голицын Н Н Указатель имен личных С 207

²⁵ На этот факт обратил мое внимание Б Н Морозов, пользуясь случаем, хочу поблагодарить Б Н Морозова за помощь оказанную мне в библиографических разысканиях при подготовке данной статьи

²⁶ НБ СПбГУ, инв ОРК 6297 Запись Ф Ф Долгорукова на л 631 об

до смерти — во Пскове. В 1654 г. во время похода на Польшу князь Федор был головой у дворян в государевом полку.²⁷

Владельческая запись князя Федора на усть-цилемской Минее содержит краткую, но весьма выразительную «формулу проклятья», которой обычно заканчивались вкладные, реже владельческие записи: «Кто тое сию книгу акрадет, а тоего человека Бог покарает — отсушит тому правую руку да левую ногу». В 1687 г. уже после смерти князя Федора Долгорукова его Минея, согласно другой сохранившейся записи на книге (л. 2—44), была куплена в Москве неким Владимиром Петровичем и передана в церковь Николая Чудотворца (скорее всего, имеется в виду усть-цилемская церковь, также посвященная Николаю Чудотворцу). В последние годы перед приобретением ее петербургскими археографами Минея находилась, по-видимому, в составе библиотеки печорского книжника Василия Игнатьевича Лагеева, о чем свидетельствует поздняя запись, упоминающая его имя и отчество.²⁸

Другая усть-цилемская книга — Жития святых за сентябрь — ноябрь Дмитрия Ростовского (Киев, 1689. Т. 1),²⁹ сохранившая читательскую запись от 23 апреля 1915 г. известного печорского книжника, владельца большой библиотеки, книги которой были помечены владельческим штампом, — Клеона Мартыновича Носова,³⁰ в начале XVIII в. принадлежала потомку другой ветви князей Долгоруковых, восходящей к Федору Владимировичу Большому, — князю Петру Михайловичу Долгорукову, комнатному стольнику Петра I, в 90-х гг. XVII в. участвовавшему в Азовских походах.³¹

Согласно этой записи, 25 июля 1704 г. дьячок суздальской Воскресенской церкви «Илья Артемьев сын Киприяновых» продал этот том Житий «человеку князя Петра Михайловича Василию Володимирову сыну Татариннову» «зачисто» (л. 1—31). Запись эта свидетельствует о читательских интересах князя Петра Долгорукова, который с целью пополнения своей библиотеки, по-видимому, поручал своим слугам покупку книг не только в Москве, но и в провинциальных городах.

В этом ряду следует упомянуть и о вкладной записи стольника Алексея Дмитриевича Плещеева, потомка некогда знатного и влиятельного рода.³² Она сделана на Остроихе (М., 1638. Ч. 2),³³ привезенном из Усть-Цильмы в 1989 г. Запись была утрачена от реставрации XIX в. Дата ее не сохранилась, но из текста ее явствует, что книгу Алексей Дмитриевич использовал как вклад «по своим родителям»,³⁴ завершив запись традиционной формулой,

²⁷ Иванов П. И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в первом отделении Московского архива Министерства юстиции. М., 1853. С. 118; Голицын Н. Н. Указатель имен личных. С. 76; Дворянские роды Российской империи. Т. 1. Князья. СПб., 1993. С. 188.

²⁸ «Сия Общая минея Василия Игнатьевича» (подклейка нижней крышки переплета).

²⁹ НБ СПбГУ, инв. ОРК 5646.

³⁰ «1915 года месяца апреля 23 дня читал Клеон Мартынов Носов» (л. 76), см. о нем Малышев В. И. 1) Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. С. 22, 23, 25, 102, 2) Пижемская рукописная старина (Отчет о командировке 1955 г.) // ТОДРЛ. М., Л., 1956. Т. 12. С. 473.

³¹ Иванов П. И. Алфавитный указатель. С. 118; Дворянские роды Российской империи. Т. 1. Князья. С. 197.

³² Как стольник А. Д. Плещеев неоднократно упоминается в дворцовых разрядах (см. Голицын Н. Н. Указатель имен личных. С. 192).

³³ НБ СПбГУ, инв. ОРК 5735.

³⁴ На Минее Служебной (сентябрь. М., печатник Василий Федорович Бурцов 1636) из фондов Нижегородской областной библиотеки (Ц. 5295.2) сохранилась вкладная запись отца Алексея Дмитриевича — стольника Дмитрия Ивановича Плещеева, датируемая 1636/7 г. «сию книгу Минеею месяц сентябрь положил в дому пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Успения и святаго праведнаго блаженнаго Василия Христа ради уродиваго московскаго чюдотворца и преподобных отец Зосима и Саватия Соловецких чюдотворцов в Луховском уезде в вотчине своей во храмах в с. Проскурникове положил государев стольник Дмитрий Иванович Плещеев, а потписал Дмитрия Ивановича человек его Тимофей Сергеев сын Михайлов месяца

устрашающей потенциального похитителя книги (л. 1—21), что, впрочем не помешало в 1670 г. попу церкви евангелиста Марка «что на рву» Василию кому-то продать ее, засвидетельствовав это соответствующей записью (л. 15 об. 3-го счета).

Подводя итог нашему краткому обзору, следует отметить, что рассмотренные записи на усть-цилемских старопечатных книгах представляют интерес в нескольких отношениях. Во-первых, они дают дополнительный материал о книжных вкладах представителей новой династии в различные периферийные монастыри и храмы, что в свою очередь может косвенно характеризовать не только их культурно-просветительские, но и политические интересы. Во-вторых, этот материал позволяет объединить — через личности вкладчиков и оформителей вкладов — книги, оказавшиеся по воле дарителей в разных регионах Руси, проследить их книжные судьбы вплоть до сегодняшнего дня. В-третьих, записи эти позволяют выявить причастность к книжной культуре ряда ранее не рассматривавшихся в этой связи представителей княжеско-боярской знати XVII—нач. XVIII в. Наконец, работа по изучению записей на коллекции усть-цилемских старопечатных книг НБ СПбГУ позволила внести уточнения и в само научное описание данной коллекции.

ноября в 17 день» (цит по Книги кириллической печати XVI—XVII вв в фондах Нижегородской областной библиотеки Каталог /Сост И Л Грицевская Нижний Новгород, 1992 С 60 № 98)

И. А. КОЧЕТКОВ, Е. В. КРУШЕЛЬНИЦКАЯ

Малоизвестные памятники литературы Архангельска XVII в.

XVII век — это время сосуществования и взаимодействия старой традиционной литературной системы и новых явлений и в литературном творчестве, и в восприятии произведений читательской средой. Развитие личностного начала и утверждение права автора на вымысел приводило к появлению новых, собственно литературных, освобожденных от деловых функций жанров. Однако не менее важны и интересны явления, наблюдающиеся в развитии старых, традиционных жанров, которые не только не утрачивают своего значения в XVII в., но, приобретая новые функции, играют все более важную роль в становлении местных литературных школ. Именно в XVII в. появляется множество житийных текстов, особенности которых позволяют, воспользовавшись определением Д. С. Лихачева, назвать их «народными житиями».¹ XVII век является также временем расцвета жанра сказания о местных святых — монастырях, чудотворных иконах, чудесах от мощей местночтимых святых. Новейшие исследования позволяют говорить о возникновении и развитии местных традиций повествования такого, если так можно выразиться, «краеведческого» характера в Великом Устюге, Сольвычегодске, Муроме, Пскове.² В русле такой местной традиции находятся и малоизвестные произведения XVII в. о святых Архангельска.

«Чудо Пресвятыя Богородицы Успения» известно нам по двум спискам XVIII в.: в сборнике НБ МГУ № 10536-7-71; 1^о,³ и в сборнике РНБ, собр. Ти-

¹ Лихачев Д. С. Семнадцатый век в русской литературе // Великий путь. Становление русской литературы XI—XVII веков. М., 1987. С. 212.

² Кириллин В. М. Новые материалы для истории книжно-литературных традиций средневекового Пскова. Сятогорская повесть // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 140—162; Руди Т. Р. Муромский цикл повестей в рукописной традиции XVII—XVIII вв. // Там же. С. 207—214; Власов А. Н. Сказания о чудотворных иконах Устюжского края XVI—XVII вв. // Там же. С. 215—227.

³ Сборник-конвюльт кон XVII—нач. XVIII в., 1^о, 853 л., полуустав нескольких почерков. Филигрань (на л. 368—370, вклеенных в рукопись и содержащих тексты двух чудес от архангельской иконы Успения Богородицы) Герб Амстердама — типа Клепиков. С. А. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама» // Зап. отдела рукописей ГБЛ М., 1958. Вып. 20. С. 315—352. № 112, 114 (1708—1730 гг.). Переплет — доски в коже. В сборнике много акварельных миниатюр. Сборник найден в 1971 г. в деревне Перевоз Новозыбковского района Брянской области, в районе известных старообрядческих поселений Ветки и Стародуба (см. Поздеева И. В. Археографические работы Московского университета в районе древней Ветки и Стародуба. 1970—1972 гг. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975. М., 1976. С. 59—60). Сборник содержит несколько циклов рассказов о чудесах Богородицы. Чудеса Богородицы в 29 главах, являющиеся полным текстом книги Иоанникия Голятовского «Небо новое», впервые напечатанной во Львове в 1665 г. (л. 1—116 в ркп без заглавия) текст книги «Звезда Пресвятая» (переведена, по свидетельству некоторых списков, с белорусского в 1668 г.) заканчивающийся первым чудом 14-й главы (обычно в этой главе три чуда, а затем

това, № 4192.⁴

Текст повествует об удивительном происшествии, случившемся в Архангельске в 1631 г. Некий Ермола, родом из Ярославля, оказавшись в Архангельске по дороге на богомолье в Соловецкий монастырь, шел однажды вечером мимо стоявшей в слободе Успенской церкви, направляясь к лесу, чтобы наломать там веников и продать их. Однако, «дияволом научен», он вдруг решил иным способом заработать на жизнь — залезть в церковь и присвоить себе церковные ценности. Влезая в узкое алтарное окно, Ермола застрял в нем так, что не мог освободиться. Пришедший ранним утром в церковь священник Ксенофонт, потрясенный увиденным, выслушал вора и попытался помочь ему, но безуспешно. Не смогли освободить несчастного похитителя и присланные архангельским воеводой люди. Только после общего молебна «невидимую силою опростася человекъ той, рекомый тать, сам о себѣ изыде из окна».

Это повествование замечательно тем самым сочетанием традиционных и новых черт, которое так характерно для XVII в. Рассказ относится к жанру чудес, жанру, веками существовавшему в древнерусской литературе и представленному сотнями текстов. Произведения этого жанра всегда отличались особого рода документальностью, точностью и «наглядностью» описаний, бытовыми подробностями. Все эти явления наблюдаются и в рассматриваемом тексте, однако, на наш взгляд, здесь они приобретают особые, хотя, может быть, и не столь явно выраженные, черты.

Уже самое начало рассказа настраивает на повествовательный лад: «Близъ студенаго моря, рекомаго окіяна, окрестъ Архангелова града...». Следующее далее повествование оказывается не только обстоятельным свидетельством о чуде, но и занимательным рассказом. Структура повествования соответствует традиции рассказа о чуде, но здесь автор не просто фиксирует последовательность и детали события, а предлагает читателю свое авторское видение происшедшего. Никто не был свидетелем того, как Ермола пытался проникнуть в церковь. Но рассказ дает читателю зримую картину происходившего: Ермола зашел за стену храма и «обозрѣ же ся сюду и обоуду, мысляше в себѣ, да не узрил бы его инь кто», положил под куст верхнюю одежду, которую он снял, чтобы ему было удобнее залезать в окно. Такая же изобразительность свойственна и описанию того, как священник Ксенофонт ходит в полусумраке церкви и, испуганный увиденным, успокаивает себя мыслью, что все это ему только мерещится во тьме. Таким образом, автор интерпретировал устные рассказы участников события в системе своего собственного представления о происшедшем, причем рассказ его приобрел тот самый «авторский» оттенок, сюжетность повествования, которые свойственны новым, беллетристическим жанрам. Примечательно и то, как в повествовании передан рассказ самого Ермолы. Злую мысль о краже

прибавляются еще несколько глав, включающих рассказы о чудесах, заимствованные из других сборников), 30 сказаний об иконах Богородицы, преимущественно русских, многие из этих сказаний датированы (наиболее позднюю дату — 1681 г — содержит Чудо от иконы Богородицы Югоской) Таким образом, составитель сборника располагал самыми последними известиями о чудесах, происходивших в разных краях России

⁴ Сборник, 4°, 279 л., полуустав и скоропись нескольких почерков Филигрань (на листах с текстом «Чуда») Буквы ВФ и СТ — типа Клепиков Филигр и штемп, № 151 (1765—1776 гг.) Переплет — картон, обтянутый зеленой мраморной бумагой, корешок из коричневой кожи Кроме «Чуда» (л 256—259 об.) сборник содержит Жития Прокопия Устюжского, Трифона Печенгского (фрагменты), Прокопия Гродненского, Марии Египетской, муч Адриана и Натальи, Слова из Киево-Печерского патерика, Повесть о посаднице Щиле, Слово Палладия мниха о Страшном суде, несколько слов нравоучительного и уставного характера Записи на л 237 (после Жития Марии Египетской) рукой писца — «Сие Житие писанием окончано иуния в 14 день 1767 года», на свободном листе при переплете рукой А. А. Титова — «Куплена в Ростове 3 мая 1892 г за 8 р.»

ему внушает некто «яко человекъ чернь видением», который говорит Ермоле: «Почто тебѣ, человеце, бродити много? <...> Иди в сию церковь, и тамо приобретаеши себѣ богатства». «Нечистая сила», которая предстает во многих рассказах о чудесах в виде бесов, «черных ефиопов» и даже принимает иногда обманчивый облик монаха, здесь получает новое обличье — сам искуситель вдруг возникает перед Ермолой, являясь как бы персонификацией его злого помысла, и соблазняет человека, ставя его перед извечным выбором. Эта небольшая сцена по характеру изображения и проблематике оказывается созвучна мотивам беллетристической прозы XVII в.

Сюжетная интерпретация всегда была в той или иной степени свойственна жанру чудес. Многие рассказы о чудесах читаются как занимательные повести. Примером может служить «Чудо св. пророка Ильи» — произведение XV в., рассказывающее о чудесном событии, случившемся в Нижнем Новгороде в 1418 г.⁵ Основой повествования является рассказ некоего Григория Оксентьева о том, как он решился искупаться в Волге в день пророка Ильи, поскольку день тот выдался жарким. Переплывая реку, он вдруг почувствовал, что не может двигаться и тонет. Очутившись на дне реки, Григорий увидел самого пророка Илью, который, вняв мольбам грешника, спас его. В тексте можно найти целый ряд сюжетных элементов повествования, множество реальных деталей и бытовых подробностей. Однако рассказ неоднократно прерывается обширными отступлениями, основанными на цитатах из Писания и текстах молитв. Таким образом, динамичное сюжетное начало в этом рассказе XV в. постоянно «пробивается» сквозь ограничивающие рамки этих статичных отступлений, тормозящих действие. В рассматриваемом же произведении XVII в. совсем нет подобных отступлений, осталось только характерное для рассказов о чудесах краткое заключение.

Повествование о случившемся в Архангельске происшествии, несмотря на литературную тенденцию, содержит целый ряд интересных исторически точных деталей. Действие происходит в 1631 г. в Архангельске в церкви Успения Богородицы. Эта деревянная церковь была построена в стороне от гостиных дворов на так называемом «Жабинском наволоке», «на борках» или «на дальнем бору» в 1626 г., т. е. всего за пять лет до описанного случая. Грамота патриарха Филарета на строительство церкви, датированная мартом 1626 г., была дана попу Ксенофонту Козмину.⁶ Таким образом, герой рассказа священник Ксенофонт является строителем этой церкви. Соответствует исторической действительности и сообщение рассказа о том, что воеводой в Архангельске в то время был князь Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский.⁷ Что касается упомянутого в рассказе дьяка Никифора Демидова, то он прибыл в Архангельск только в 1632 г.⁸ Следовательно, в

⁵ Текст издан Соболевский А И Материалы и заметки по древнерусской литературе // ИОРЯС СПб, 1915 Т 20, кн 1 С 277—284, Бегунов Ю К Нижегородская повесть XV века о спасении утопающего // Литература Древней Руси М, 1981 С 64—68 Ю К Бегунов указывает 12 списков текста XV—XIX вв. Добавим к ним еще три списка XVII в. БАН, 16 16 34, РНБ, собр. Погодина, № 861 РНБ, собр. Титова, № 2152

⁶ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии Архангельск, 1894 Вып 1 Уезды Архангельский и Холмогорский С 49

⁷ Это соответствует данным, имеющимся в Двинском летописце (см ПСРЛ Л, 1977 Т 33 С 172) Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский — стольник, затем окольный, служил воеводой во многих походах при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче, был воеводой на Двине с февраля 1630 г по 19 июля 1632 г (см Барсуков А Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия СПб, 1902 С 64, 592)

⁸ Имя Никифора Демидова встречается в связанных с Архангельском документах не ранее 1632 г (см РИБ СПб, 1875 Т 2 № 151 Стб 518—520) До 17 июня 1632 г он являлся справным подьячим Устюжской чети, после чего был назначен дьяком в Архангельск (см Веселовский С Б Дьяки и подьячие XV—XVII веков М 1975 С 146—147)

тексте рассказа допущена неточность, которая свидетельствует о том, что повествование было составлено спустя некоторое время после самого события. Рассказ был записан в Памятной книге Успенской церкви, в этой книге имелись и копии с грамот, касающихся строительства и истории храма.⁹ Местонахождение рукописи в настоящее время неизвестно.¹⁰

Несомненно, из той же храмовой книги происходит и рассказ о чуде, случившемся в архангельской Успенской церкви в апреле 1663 г. Текст читается в сборнике НБ МГУ № 10536-7-71; 1°, и известен пока лишь по одному этому списку. То, что рассказ о чуде был записан в храмовую книгу Успенской церкви, следует из первой фразы текста: «В пятокъ великий бысть чюдо преславно в настоящем семь храмъ Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения».

В небольшом по объему тексте рассказывается, как ночью, когда храм был закрыт, загорелась завеса у царских врат, однако пожара не произошло, поскольку огонь сам собою затух, повредив лишь немного. Вошедшие утром в церковь иерей Димитрий и дьякон Тимофей увидели густой дым и пепел от сгоревшей завесы. Этот случай действительно был чудом на фоне частых пожаров в деревянном городе.¹¹

Рассказ о чудесном предотвращении пожара более традиционен и не имеет столь ярко выраженных сюжетных элементов, как рассказ об ограблении церкви. Однако несомненно, что эти рассказы образуют тематическое единство. Это подтверждается заголовком второго рассказа: в заголовке не указано местонахождение храма, поскольку об этом уже сказано в начале первого рассказа.

По наблюдениям одного из авторов данной статьи, И. А. Кочеткова, рассказы отличаются единством стиля. Сходны не только начальные и заключительные фразы рассказов, что можно объяснить влиянием традиционных формул повествования о чудесах. Сходство распространяется на синтаксические конструкции, лексику, что иногда приводит к совпадению целых фраз. Например, в первом рассказе: «Бывшу же тогда иерею церкви тоя именем Ксенефонту <...> пришел в церковь, по обычаю...»; во втором рассказе: «Бывшу же тогда иерею церкви тоя именем Димитрию <...> Приидоша же они по обычаю к церкви Пресвятыя Богородицы...». Рассказы сближает сам характер повествования, где каждая фраза движет сюжет, почти не оставляя места для риторики и назидательности. В обоих текстах использован один и тот же прием, позволяющий избежать повтора повествования. В обоих случаях этот прием следует после прямой речи. В первом тексте рассказ Ермолы о происшедшем с ним прерывается фразой автора: «И прочая повѣда ему вся, яже выше писанна о немъ». Во втором тексте сходная по содержанию фраза следует после вопроса пономаря Симеона,

⁹ Сибирцев И Исторические сведения из церковно-религиозного быта г Архангельска в XVII и первой половине XVIII века Архангельск, 1894 С 8—9 И Сибирцев цитирует по этой церковной книге отдельные фрагменты текста «Чуда»

¹⁰ На хранение в Государственный архив Архангельской области рукопись не поступала Благодарим за исчерпывающую справку директора архива Л И Рогатых и сотрудников Т А Санакину и Л А Малахову

¹¹ От пожара уже успела пострадать и Успенская церковь Известно, что в 1632 г, через год после чудесного происшествия с ярославцем Ермолы, Успенская церковь сгорела дотла, но в том же году усилиями священника Ксенофонта была отстроена вновь Новую церковь поставили рядом с пепелищем Место, где был старый престол, патриарх Филарет в своей благословенной грамоте велел «огородить < > и землю осыпав покрыть, и крест поставить, чтобы тут никто не ходил и нечистоты никакие не прикасались» (см Сибирцев И Исторические сведения С 8) В 1640 г к Успенской церкви был пристроен придел Симеона Столпника В 1643 г по челобитью Ксенофонта царь Михаил Федорович пожаловал ему на пропитание участок земли вокруг церкви (см Подробное историческое описание Архангельской епархии Б м, 6 г С 135—140)

вошедшего в церковь вслед за Димитрием и Тимофеем: «„Чесо ради сей дымь бысть?“. Они же повѣдаша ему все еже от начала сие преславное Божия Матере чудо». Во втором рассказе не менее точно, чем в первом, переданы все детали происшедшего: указано, что от сгоревшей пелены остались гвозди в двери, что на полу лежал пепел, что пришедшие открыли окна и двери, чтобы выгнать дым.

Отмеченное сходство двух рассказов делает, по мнению И. А. Кочеткова, возможным предположение о том, что они принадлежат перу одного автора. Им мог быть Ксенофонт Козмин, выстроивший Успенскую церковь и служивший в ней священником до самой своей смерти, которая последовала 31 марта 1671 г.¹² Ксенофонт был свидетелем обоих событий и, что особенно важно, заинтересованным свидетелем. Вся жизнь Ксенофонта была связана с Успенской церковью, причем помимо обязанностей священника Ксенофонту приходилось заниматься крестьянским трудом, заключать торговые сделки, сочинять хозяйственные бумаги.¹³ Отсюда та наблюдательность, знание народного быта, интерес к подробностям, которые отличают его рассказ. В его речи сочетаются лаконизм и точность делового документа, слова и выражения церковной книжной речи («отверсти» наряду с «открыти»; «похищать», «восхищать чуждая» наряду с «покрасти»; «чресла, сиречь пуп», «богопопущенная казнь» и т. п.) и местные простонародные выражения («гюлянты», «блазнитися»).

Приход Ксенофонта находился на окраине Архангельска, в котором функционировали монастырь с двумя деревянными церквями и четыре приходские церкви. Населения же в Архангельске было немного — город насчитывал 153 двора. Существование храма зависело от числа прихожан.¹⁴ Случай с неудавшимся ограблением, несомненно, привлек в Успенскую церковь многих прихожан, а вместе с тем и пожертвования (это способствовало быстрому восстановлению храма после пожара 1632 г.). Естественно, что настоятель храма сам мог составить рассказ о чудесном событии 1631 г. и занести его в памятную церковную книгу. Рассказ о чуде 1663 г. написан по следам события: в тексте указано, что последствие возгорания «якоже ныне зрится». Автором второго рассказа также мог быть сам Ксенофонт, несмотря на то что в тексте в качестве иерея Успенской церкви назван Димитрий. Среди архангелогородских священников середины XVII в., упоминаемых в письменных источниках, встречается только один с таким именем: вдовый священник Воскресенской церкви Димитрий Козмин. Возможно, он был братом Ксенофонта Козмина и помогал ему служить (к тому времени Ксенофонт уже 37 лет священствовал в Успенской церкви и, следовательно, был в почтенном возрасте).

Так это или иначе, но Ксенофонт должен был иметь отношение к составлению этих рассказов (по крайней мере в качестве заказчика), которые заду-

¹² Краткое историческое описание С 49—55

¹³ Об этом красноречиво свидетельствует челобитная прихожан Успенской церкви царю Петру Алексеевичу « по челобитью попа Ксенофонта пожаловано к храму Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения в строение и ему на прокормление дано на оброк пустое и лесное место круг того Успенского храма — Васильевская полянка и Борки, подли Двины берег < > лесные борки по обе стороны от Двины реки на распахъ < > И тот поп Ксенофонт с причетники и по нем будущие священники с причетники < > около того Успенского храма даньи — Васильевскою полянкою и борками подле Двины — в вышелесанных межах владели, леса расчищали и чары и болота гамью под пашню и под сennie покосы проча себе и к тому храму на строение наемными людьми гамили и, учиня в пашню хлеб сеяли и сена ставили, и под скот поскотины из найму держали, и от того храм Успения Пресвятыя Богородицы и придел преподобнаго Симеона Столпника строили и церковные потребы по вся годы покупали » (см Сибирцев И Исторические сведения С 37—38)

¹⁴ Неудивительно что другой священник, Герасим Андреев построивший в Архангельске в 1661 г деревянную Воздвиженскую церковь, через 10 лет за неимением прихожан вынужден был продать ее вместе с двором и всем имуществом

маны как начало цикла чудес от местной чудотворной иконы. Судьба самой этой иконы неизвестна, не сохранилась до наших дней и Успенская церковь.¹⁵

Если в рассмотренных рассказах, в одном — в большей, в другом — в меньшей степени, наблюдаются элементы литературной интерпретации действительности, то другой памятник архангельского происхождения является текстом предельно документальным и по форме, и по содержанию. Это Сказание о чудесах Евфимия Архангелогородского, мощи которого были обретыны в Архангельске в 1647 г.

Текст Сказания исследован и опубликован по рукописи РНБ, собр. Погодина, № 810.¹⁶ Поэтому здесь мы ограничимся лишь краткой характеристикой особенностей этого памятника.

Обнаруженные списки Сказания свидетельствуют о двух редакциях произведения. Самый ранний список Первой редакции — Погодинский — датируется 70-ми гг. XVII в. Текст в этом списке имеет следующее заглавие: «Сказание о явлении и чудесъх преподобнаго, иже во Архангельском градѣ обрѣтены мощи его во 155-м (1647) годѣ, егоже по обрѣтении положиша в томъ же градѣ у церкви Произъхождения честнаго и животворящаго креста Господня, имя же его Богъ въсть». Другой список находится в рукописи первой половины XIX в. БАН, Архангельское собр., Д 509. Текст этого списка представляет собой стилистический вариант Первой редакции и имеет другое заглавие: «Описание явлению преподобнаго Еуфимия и чуде-сем его въ Архангельском граде въ лѣто от мироздания 7155-го (1647) года. Пренесень и положень у церкви Происхождения честнаго и животворящаго креста Господня, якоже об немъ напоследок сего явлено будетъ».

Вторая редакция Сказания представлена тремя списками: ГИМ, Музейское собр., № 1510, первой половины XVIII в.; собр. Уварова, № 911, 4°, XVIII в.; БАН, собр. Дружинина, № 249, сер. XIX в. Текст озаглавлен: «Повестъ собраная вкратце о обретении мошей преподобнаго Евфимия Архангелоградского, нового чудотворца, и о чудесах его».

Сказание представляет собой компиляцию текстов «расспросных речей», записанных вскоре после обретения мощей, в 1647—1648 гг.; эта компиляция дополнена рассказами о различных чудесах новоявленного святого, случившихся вплоть до 1665 г. Характерной особенностью изложения является то, что переписаны не только тексты «свидетельских показаний» разных людей, но и содержащиеся в документах сведения о том, при каких обстоятельствах происходил опрос, кто присутствовал при этом и оставил свою подпись на обороте документа. Такая форма изложения сближает Сказание о Евфимии Архангелогородском с текстом Первой редакции Сказания о Иоанне и Логгине Яренских.¹⁷

Практическое назначение записей, являвшихся документальным основанием для канонизации, требовало точной фиксации всех обстоятельств и деталей происшедшего. Обилие в повествовании реальных деталей и обстоятельное описание действия приводит к воссозданию подлинной картины

¹⁵ При преемнике Ксенофонта, священнике Иване Исакове, в 1684 г была построена третья деревянная церковь Успения вместо обветшавшей 18 октября 1742 г на этом месте заложили каменную одноэтажную одноглавую церковь, строительство которой завершилось в 1753 г Храм имел два придела, трапезную и колокольню над папертью в два яруса звона Здание разобрано в XX в (см Краткое историческое описание С 49—55, Овсянников О В Средневековые города Архангельского севера Люди События Даты Архангельск, 1992 С 197—198) Последние сведения о чудотворной храмовой иконе Успения относятся к концу XIX в (см Краткое историческое описание С 55)

¹⁶ Крушельницкая Е В Сказание о Евфимии Архангелогородском // Рукописные памятники Вып 4 (РНБ) (в печати)

¹⁷ РНБ, Соловецкое собр., № 963/1073 XVII в., № 182/182, XVIII в Текст исследован Л А Дмитриевым, см. Дмитриев Л А Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв Л, 1973 С 213—234

жизни и быта строящегося города, картины, отражающей определенный исторический этап существования Архангельска.

Приведем здесь лишь фрагмент записи «расспросной речи» кузнеца Евстафия Трофимова, который и обнаружил гроб с неплennыми останками неизвестного человека: «155-го (1647) года мѣсяца иулиа въ 11 день во Архаггельскомъ градѣ въ съѣжжей избѣ боярину и воеводамъ, князю Юрию Петровичю Буйносову Ростовьскому да Илии Космичю Безобразову, да диаку Калистрату Жехову въ роспросѣ сказаль колмогорець посадьской человекъ кузнецъ Евстафейко Трофимовъ. Быль, де, онъ, Осташко, у боярина у князя Юрья Петровича Буйносова Ростовскаго на дворе и дело во 155-м (1647) году иулиа въ 7 день учал он на дворе — для кузнечнаго дела горнь ставити и стулу с наковань<л>ни, ему где быти, учал копати яму. И взкопал ямы в глубину какъ с локотъ единый, и показался ему въ ямѣ гробъ. И он того гроба с конца окопал немнога да и перестал копать, и выговорил невежливо, спрѣта: „Вставай, пособиай копать!“. И руку свою под доску во гроб совал немного, потому что рука боле не пошла, и во гробъ ничего не ощупал. И тут стул въ яму спустил и выговорил такожде невежливо: „То, — де, — тебѣ барыш. Пособиай копать!“. И взговоря то слово и прочь пошел от того места в поварню. И стал он, Осташко, быть вне ума и ослабѣл весь. И ис поварни вышел и пришел в чуланъ. И в чуланѣ его учало трясти болезню при смерти издыхания, и руки у него отняло. И то увидели боярина князя Юрья Петровича Буйносова Ростовского люди — казначей Иван Григорьев да Яковъ Максимовъ, токаръ, — и учили ему, Осташку, в той болезни спрашивать...».¹⁸

Рассказ исторически точен. В 1647 г. в Архангельске действительно воеводой был князь Юрий Петрович Буйносов-Ростовский, а в канцелярии воеводы — указанные в повествовании люди.¹⁹ Съезжая изба в то время находилась на месте, где прежде, до большого пожара 1636 г., стоял Архангельский монастырь. После этого пожара, уничтожившего и монастырь, все строения которого были деревянные, и образовавшийся рядом посад, Архангельский монастырь был устроен в отдалении от города. На старом же месте была поставлена деревянная церковь во имя Происхождения креста Господня. Неподалеку построили двор архангельского воеводы, так что двор находился на бывшей монастырской территории. Поэтому здесь и обнаружили 7 июля 1647 г. погребение человека, захороненного когда-то в монастыре. 9 июля 1647 г. гроб перенесли к церкви Происхождения креста Господня; над мощами была построена деревянная гробница. Об этом событии повествует «речь» самого воеводы Буйносова-Ростовского, записанная в том же 1647 г. «человеком его» Марком Булатовым.

Включенные в Сказание «расспросные речи» и записи о чудесах дают ценные сведения о социальном составе населения Архангельска того времени и исторической топографии города. В Сказании упоминаются торговые люди — «государевы гости», монастырские работники, промышленные морского зверя, служащие царской администрации, духовенство.²⁰

¹⁸ РНБ, собр Погодина, № 810, л 269 об — 271 об

¹⁹ Сведения соответствуют сообщениям Двинского летописца, см Титов А А Летопись Двинская М, 1889 С 22 Юрий Петрович Буйносов-Ростовский — стольник, потом боярин, был воеводой на Двине с июня 1646 г по 1648 г, см Барсуков А Списки городовых воевод С 65, 557

²⁰ Любопытно, что одним из рассказчиков является «воскресенский поп вдовый Димитрий», по-видимому, тот самый, который стал свидетелем чудесного предотвращения пожара в Успенской церкви Димитрий страдал болезню ног После того как он отстоял обедню в церкви Происхождения креста Господня и помолился у гроба Евфимия одна нога его исцелилась Рассказ Димитрия об этом был записан 20 июля 1648 г В этом же году «расспросные речи» других людей подписали «воскресенский поп Июда Козмин» и «спасский дьякон Яков Козмин» Очевидно, что в Архангельске проживала целая династия церковнослужителей Козминых

Факт тщательного собирания сведений о чудесах говорит о том, что обретение негленных мощей стало важным событием в жизни города. Новоявленный чудотворец был признан за бывшего игумена Архангельского монастыря Евфимия, настоятельствовавшего в 1585—1589 гг.²¹ Из текста Сказания можно заключить, что в 1550 г. мощи были перенесены внутрь церкви Происхождения креста Господня. Видимо, тогда же было совершено освидетельствование мощей и канонизация.

В 1683 г. канонизация Евфимия Архангелогородского была отменена холмогорским архиепископом Афанасием.²² Официальное почитание культа преподобного Евфимия длилось всего 33 года. Погодинский список Сказания, точно, без какой-либо стилистической обработки передающий тексты «расспросных речей» и записей чудес, относится как раз к этому времени. И хотя было предпринято все возможное для того, чтобы память о святом изгладилась в народе,²³ Сказание о чудесах Евфимия Архангелогородского продолжало переписываться. Таким образом, документальный текст, содержание которого вызывало читательский интерес, приобрел новые функции, стал восприниматься как литературное произведение.

Итак, мы рассмотрели произведения, появившиеся в Архангельске в середине XVII в. Они близки по теме повествования и тяготеют к одному жанру древнерусской литературы — жанру агиографии, но отличаются друг от друга типом повествования и способом отражения действительности. Рассказы о чудесах от храмовой иконы Успенской церкви продолжают древнюю традицию, при этом в первом рассказе явно прослеживаются новые черты: автор предлагает читателю литературную интерпретацию событий, т. е. придает сюжетную основу своему повествованию. Это произведение характерно именно для XVII в., который является «веком постепенного перехода от древней литературы к новой, от средневековой культуры — к культуре нового времени».²⁴ Можно заметить поразительное сходство между этим рассказом и ярославскими стенными росписями XVII в.: то же появление новых элементов внутри старой структуры, тот же интерес к бытовой детали, обновленный изобразительный язык, большая независимость по отношению к традиции. Составитель Первой редакции Сказания о Евфимии Архангелогородском не заботился о литературной обработке текста и ограничился лишь буквальным переписыванием документальных источников. Однако, включая компиляцию документов в четкий сборник, составитель сделал текст объектом читательского восприятия, а значит, и фактором литературного процесса. При очевидной разнице всем этим произведениям свойственна точность в передаче исторических и реальных обстоятельств и принципиальное отсутствие литературного вымысла

²¹ Н Барсуков отождествляет этого Евфимия с основателем Николо-Корельского монастыря на Двине Евфимием Корельским (см Барсуков Н Источники русской агиографии СПб, 1882 Стб 185—186) Однако Евфимий Корельский, умерший ок 1435 г, был погребен не в Архангельском, а в Николо-Корельском монастыре (см Зверинский В В Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи СПб, 1892 Т 2 С 228)

²² Подробнее об этом см Крушельницкая Е В Сказание о Евфимии Архангелогородском

²³ Церковь Происхождения креста Господня, до того принадлежавшая Архангельскому монастырю была изъята из его ведения и приписана к городской церкви, а вскоре перестроена и наименована уже в честь Чуда архангела Михаила в Хонех При этом место погребения Евфимия было скрыто В дальнейшем деревянная церковь перестраивалась несколько раз, а в 1773 г был возведен каменный Михаило-Архангельский собор Местное предание рассказывает о том что когда в 60-х гг XIX в в этом храме ремонтировали церковный помост, под левым приделом нашли гроб, не подверженный тлению, который и оставили в земле (см Сибирицев И К истории Михаило-Архангельской церкви в г Архангельске Архангельск, 1896 С 8) Здание собора до наших дней не сохранилось

²⁴ Пихачев Д С Семнадцатый век в русской литературе С 202

в повествовании. Важно и то, что эти произведения явились откликом на необычные, ставшие знаменательными события в жизни молодого города. Эти события нашли отражение в письменных памятниках, поскольку именно так новый город обретал свои святыни, свой «исторический контекст». Складывалась и местная литературная традиция, имевшая общерусскую основу и в то же время отражавшая местные события и проблемы, отвечавшая потребностям растущей читательской среды.

Публикуем два рассказа о чудесах от иконы Успения Богородицы по рукописи НБ МГУ № 10536-7-71; 1°. Текст первого рассказа дан с лексическими и основными грамматическими разночтениями, приведенными по рукописи РНБ, собр. Титова, № 4192.

ПРИЛОЖЕНИЕ

л 368 ЛѢТА 7139 (1631) ЧЮДО ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ УСПЕНИЯ, ЧУДОТВОРНЫЯ ЕЯ¹
ИКОНЫ, КАКО ИЗБАВИ ЦЕРКОВЬ СВОЮ ОТ ПОХИЩЕНИЯ ТАТЬСКОГО²
МЕСЯЦА³ ИЮНЯ В 27 ДЕНЬ

Близъ студенаго моря, рекомаго окяна, окрестъ Архангелова града, на мѣстѣ, глаголемом Высоком Бору, с вечера настоящия ноци бѣ нѣкто, дьяволомъ наученъ, прииде покрасти храма Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения. Соглядая же себѣ утлаго мѣста, ежебы влести внутрюду и злое свое исполнити желание, зайде же с лѣтнюю страну храма, ⁴обозрѣ⁵ же ся сюду и обоюду, мысляше в себѣ, да не узрил бы его инь кто. И снем с себе порты,⁶ яже⁷ ношаше, ⁸и в срачицу,⁹ и обнажыся, но токмо ошашася на немъ рубища¹⁰ едины, имиже покровены¹¹ быша¹² странныя уды, и толяны¹³ по плесну его, сшыты от кожъ говяжьихъ, — прочая же близ церкви¹⁴ положи под кустъ. И приступь, возлѣзе¹⁵ по углу церковному и по стенѣ святаго олтаря до окна олтарнаго и влѣзе в него даже до пояса.

И в том часе преславно¹⁶ чудо предстательством Пресвятыя¹⁷ Богородицы, ибо долготерпѣливый¹⁸ и всещедрый¹⁹ Христось Богъ нашъ, не хотяй смерти грѣшному, но обратитися и живу быти ему, судай²⁰ праведно всѣм — не восхотѣ обнаженѣ быти святаго трапезы своея, не попусти сего, ниже пограбити дому Матере своея Пречистыя. И да будет той²¹ во образ и²² прочим²³ хищником, яже суть восхищаютъ чюдая.

А той злонравный не токмо желаемое получи, но и²⁴ наведе на ся богопоупущенную казнь, даже и плоти его прильпнутися низу окне²⁵ чреслы, сирѣчь пупом. И понуждашеся влѣсти внутрюду, и не дадеса. И заграбив злонравный он со святаго трапезы // покровъ, лѣзущы,²⁶ и порину вся²⁷ суцая под нимъ, святое евангелие и честный крестъ, долѣ. ²⁸Хотяше и ²⁹вонь излѣсти и не можаше, прилпѣ бо бяше крѣпко плоть его в окнѣ; и обѣсився лежа³⁰ в нем до заутриа³¹: глава же его и руцѣ с плечыи внутрь олгаря, нозѣ же³² его — внѣуду.

Бывшу же тогда иерею церкви тоя именем Ксенефонту. Заутра же воставъ, иерей и³³ по благовести³⁴ ко утреннему славословию пришед в церковь, по обычаю ³⁵пред образом Божия Матере поклонися, и видѣ, яко тма бысть во олтарѣ. И ужасенъ бывъ, помышляше в себѣ, что «Блазнит ми ся тмою», глаголя: «Вчера не быхъ³⁶ заложить ставнем окна». Инако же помысли³⁷ «³⁸Или

¹сея ²татьяска ³Нет ⁴Доб и ⁵обозрев ⁶одежду ⁷юже ⁸ ⁹Нет ¹⁰порты ¹¹сокровены
¹²были ¹³поятыни ¹⁴Нет ¹⁵возлѣзе ¹⁶преславное ¹⁷Доб Владычицы наша ¹⁸ ¹⁹Нет ²⁰суды
²¹то ²²Нет ²³другимъ ²⁴Нет ²⁵окна ²⁶Нет ²⁷Нет ²⁸ ²⁹И хотѣ же ³⁰лежаше ³¹утриа ³²Нет
³³Нет ³⁴благовѣстиво ³⁵Доб и ³⁶бы ³⁷помышляше в себѣ, что ³⁸Доб Блазнит ми ся

нѣ како³⁹ померкнуша ми очи». Пребысть же тако и помалу устрабися от страха, и хотяше видѣти истину. И вниде во святыи олтарь и обыде⁴⁰ окресть престола на десную страну, хотяше открыти окно, и ятса за главу нага⁴¹ телесе человека,⁴² виснуца⁴³ в окнѣ. И ужасеся от таковаго видѣнннн наипаче⁴⁴ первого —⁴⁵ видеся тма во олтарѣ,⁴⁶ ⁴⁷ныне же⁴⁸ како мертваго⁴⁹ ⁵⁰тѣлеси влѣзшу в окно, — мысляще⁵¹ мертвому быти ту. И обращайся, бежати хотя ⁵²вонь изъ церкви.⁵³

Человекъ же той, иже в окнѣ, в той часъ проглагола тихим⁵⁴ гласом: «Отче, не бойся, живъ человекъ⁵⁵ есмь и⁵⁶ грѣшенъ».⁵⁷ И моляше его, да изыять будет отдуу, и повинование⁵⁸ принося ему: «Отче, да сподоблен буду азъ от тебе прощения, яко научи мя дияволь на сие злое дѣло». И первее⁵⁹ сказа ему о себѣ: «⁶⁰Идушу ми по блату от⁶¹ градския стѣны⁶² для вениковъ, ежебы, уломавъ,⁶³ продалъ⁶⁴ их на потребу себѣ, ⁶⁵и бывшу ми противъ церкви сея,⁶⁶ ⁶⁷блудя⁶⁸ же⁶⁹ в мысли моей⁷⁰ ⁷¹о земныхъ. И се внезапно⁷² усрѣте мя яко человекъ чернѣ видением, и рече ми: «⁷³Почто тебѣ, человеце,⁷⁴ бродити много?»). Яко сказа ми: «Иди в⁷⁵ сиво церковь,⁷⁶ и тамо приобрящеши // себѣ богатства».

л 369

Азъ же с радостию прием туоу⁷⁷ злую мысль и приидох, и се обрѣтохся здѣ». И прочая повѣда ему вся, яже выше писанна о немъ.⁷⁸ Иерей же покушашеся изыяти его и⁷⁹ не можаше,⁸⁰ ⁸¹отыде тощъ.

Во время же то⁸² на Двинѣ в Архангеловѣ градѣ бысть⁸³ воеводоу князь Васиий Петровичъ Ахамашуковъ⁸⁴ Черкаской, ⁸⁵дьяк Никифоръ Демидовъ. И⁸⁶ тогда священник той шед⁸⁷ ко князю и возвѣсти ему⁸⁸ вся, яже видѣ, рек⁸⁹: «Княже Василе, повели, да что сотворимъ о немъ». Князь же, слышнн⁹⁰ сия, и дьякъ и⁹¹ дивившася⁹² о преславном том чудеси, и прославиша Бога и Пречистую его Матерь. И повелѣша пушкарю взяти⁹³ с собою⁹⁴ стрельца⁹⁵ и изыати⁹⁶ того вышереченнаго татя⁹⁷ из окна. Поидоша же тии.⁹⁸ Тогда же⁹⁹ слышавше народи о чудеси Пресвятыя Богородицы, и отвсяду всего града грядуще¹¹, ¹¹едини по единому,² мужие³ и жены, и множество народа собращася видѣти то преславное⁴ чудо Божия Матере.⁵

Придоша же посланнии от князя⁶ и повелѣша изыати⁷ того из окна. Человецы же нѣщии от народа приступиша и подмостишася под окно, инии же на лѣствицах, и яша⁸ онаго человека за нозѣ, егоже⁹ хотяше¹⁰ извлещи вонь,¹¹ ¹²и не возмогаша.¹³ Человека же того егда влечаху, едва и внутренняя его не отторгашася¹⁴ тогда¹⁵ ¹⁶за прилѣпшую¹⁷ ¹⁸его плотъ.¹⁹ Оному же кричащу велегласно безпрестани, донелѣже²⁰ Божиим повелѣнием²¹ удержанъ бысть. И абие начаша тогда всенародное множество молити Пречистую²² Богородицу и молебная совершати. Милостивая же заступница²³ не презрѣ²⁴ моления рабъ своихъ,²⁵ ²⁵ослаби²⁶ оному ходатайством своим — и²⁷ невидимоу силоу опростася человекъ²⁸ той, ²⁹рекомый татъ,³⁰ ³¹сам о себѣ³² изыде из окна.

Послании же от князя емше его, онъ же показа имъ кусть,³³ идѣже³⁴ ³⁵порты его положены суть,³⁶ иде и облечеся. Тии же ведоша его ко князю. Князь же³⁷ и дьякъ³⁸ ³⁹представити повелѣша,⁴⁰ ⁴¹и представиша⁴²

³⁹Нет ⁴⁰обыдоша ⁴¹—⁴²человека тѣлесе ⁴³висяща ⁴⁴паче ⁴⁵Доб первое ⁴⁶окнѣ ⁴⁷—⁴⁸и глагола ⁴⁹мертвому ⁵⁰Доб в ⁵¹мысляше ⁵²—⁵³из церкви вонь ⁵⁴тихо ⁵⁵—⁵⁶Нет ⁵⁷грѣшникъ ⁵⁸повинну ⁵⁹сперво ⁶⁰Доб И бывшу ми в церкви сея ⁶¹Нет ⁶²слободы ⁶³умомъ ⁶⁴продати ⁶⁵—⁶⁶Нет ⁶⁷Доб паче же ⁶⁸блудяхъ ⁶⁹Нет ⁷⁰своей ⁷¹Доб и ⁷²внезапу ⁷³—⁷⁴Человече почто тебѣ ⁷⁵—⁷⁶церковь сию ⁷⁷ту ⁷⁸семь ⁷⁹но ⁸⁰возмогоста ⁸¹Доб и ⁸²оно ⁸³сдѣль ⁸⁴Ахамашуковъ ⁸⁵Доб да ⁸⁶Нет ⁸⁷пришедъ ⁸⁸Доб рекъ ⁸⁹Нет ⁹⁰слышавъ ⁹¹Нет ⁹²удивившася ⁹³—⁹⁴Нет ⁹⁵стрельцовъ ⁹⁶Нет ⁹⁷Доб взяти ⁹⁸послании ⁹⁹Нет ¹¹—²Нет ³мужи ⁴—⁵Божия Матере чудо ⁶—¹Нет ⁸ястася ⁹его ¹⁰хотѣша ¹¹Доб из окна ¹²—¹³Нет ¹⁴отторгоша ¹⁵Нет доб но крѣпко бо ¹⁶—¹⁷прилпнушася ¹⁸—¹⁹плотъ его ²⁰доколѣ же ²¹изволением ²²Пресвятую ²³предстателница ²⁴презри ²⁵Доб и ²⁶Нет ²Нет ²⁸Нет ²⁹—³⁰Нет ³¹Доб и ³²Доб и ³³Нет ³⁴где ³⁵Доб одежда и ³⁶Доб и ³⁷—³⁸Нет ³⁹—⁴⁰повелѣ представи его ⁴¹ ⁴²Нет

пред ня.⁴³ Они⁴⁴ же вопросиша⁴⁵ его, ⁴⁶кто есть и откуда,⁴⁷ и⁴⁸ коея ради вины здѣ суть.⁴⁹ Отвещава же той: «Имя ми⁵⁰ Ермола, родом ярославецъ, и⁵¹ по обѣщанию ходити к соловецким чудотворцам помолитися». Сказа же по ряду⁵² и прочая⁵³ вся ⁵⁴о себѣ,⁵⁵ яже здѣ⁵⁶ ⁵⁷выше писана⁵⁸ суть. И⁵⁹ по роспросе князь повелѣ⁶⁰ вести его, ⁶¹бити⁶² бичьми от съѣзжей избѣ⁶³ и до церкви тоя, идѣже лазитъ красти, и от церкви такоже⁶⁴ до съѣзжей избѣ.⁶⁵ ⁶⁶Се же дождѣ, лаки на первое возвратимся.⁶⁷

⁶⁸Слышавше⁶⁹ же⁷⁰ страннии людие о том⁷¹ преславном чудеси Пресвятыя Богородицы и дивившася. И воздаша хвалу Христу Богу, сотворшему преславная,⁷² молитвами и заступлением⁷³ ⁷⁴Пречистыя Богоматере молением⁷⁵ и насъ избави от таковаго похищения, ⁷⁶и помилуй насъ,⁷⁷ нынѣ и присно и во вѣки вѣком.⁷⁸ Аминь.

169 об

ЛѢТА 7171 (1663) АПРѢЛЯ ВЪ 17 ДЕНЬ ЧУДО ВТОРОЕ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ,
КАКО СПАСЕ ЦЕРКОВЬ СВОЮ ОТ ОГНЕННАГО ВОЗГОРНІЯ

В пятокъ великий бысть чудо преславно в настоящем семъ храмѣ Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения. По совершении часовъ с вечериею и по изшествии иерея и служащихъ с нимъ из церкви волею Божию нѣкоему времени минувшу загорѣся завѣса, яже пред святою трапезою у дверей царскихъ, или нѣкако за небрежение служащихъ. Завѣсе же зѣло сусѣ толста холста бывшей. Згорѣ же завѣса та вся пламенемъ зѣльнымъ. Быти же пламени тому долѣ под двери, згорѣ же и пелена у двери единая же от лѣвой страны, но токмо гвозди едины останася в ней. А от правой страны у другой двери пелена цѣла. И от того же пламени изгорѣша обе двери тыя нѣколько от нижайшаго конца и до верха по мѣстомъ никкимъ же и я 370глубоцемъ сущемъ, // якоже ныне зрится. Обхвати же огонь той и на заборѣ одесную дверей царскихъ, на нижайшемъ брусѣ забора выгорело же. Заступлениемъ же Пресвятыя Богородицы пламени тому самому о себѣ угасшу. И не сущу ту никомуже, но токмо той самый чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы и прочія иконы.

Бывшу же тогда иерею церкви тоя именемъ Димитрию, прилучи же ся ему позднее того полудни итѣти во святую церковь ту исповѣдати сына своего духовнаго, священнодиякона именемъ Тимофея, иже тогда бывый Архангелова града у церкви Иисусъ Христова Рожества, — воистину и той свидѣтельствуеть о семъ. Приидоша же они по обычаю к церкви Пресвятыя Богородицы, отверзшимъ двери притвора церковнаго, и зинувшу въ двери дыму зѣльному. И ужасни бывше, мнѣвшимъ ту быти пламени огнену. Возрѣвше же видѣша, яко нѣсть пламене помощію Всесвятыя и Пречистыя Богородицы, завѣсе же и пелены згорѣвшимъ, и дверемъ такоже бывшимъ, якоже предрекохомъ, но токмо пепелу низу лежащу. Отверзающимъ имъ окна и двери во испущение дыма онаго, прииде же к нимъ в церковь пономарь тоя же церкви, именемъ Симеонъ, того жъ Архангельскаго града житель, и той вопроси ихъ: «Чесо ради сей дымъ бысть?». Они же повѣдаша ему все еже от начала сие преславно Божия Матере чудо. Слышавъ же сия той, и возрадовашася вкупѣ вси, и похвалиша Бога и Пречистую его Матерь, яко тому подобаеть слава, всяка честь и поклонение со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

⁴³ся ⁴⁴Онѣ ⁴⁵вопроси ⁴⁶⁻⁴⁷от коея страны ⁴⁸Нет ⁴⁹бысть ⁵⁰Доб есть ⁵¹Нет ⁵² ⁵³Нет ⁵⁴ ⁵⁵Нет ⁵⁶Нет, доб быша ⁵⁷⁻⁵⁸писана выше о немъ ⁵⁹Нет ⁶⁰приказаль ⁶¹Доб и ⁶²Доб его ⁶³избы ⁶⁴также; доб назать ⁶⁵избы ⁶⁶⁻⁶⁷Нет ⁶⁸Доб В то же время ⁶⁹слышавшии ⁷⁰и ⁷¹таковомъ. доб и ⁷²Доб таковая чюдеса от таковаго образа своя Пресвятыя Богоматере, еже ⁷³моженемъ ⁷⁴⁻⁷⁵Нет ⁷⁶⁻⁷⁷Нет ⁷⁸вѣковъ

Гравированный лист с виршами Сильвестра Медведева

Поводом к этой работе послужила икона «Древо Страстей Христовых», увиденная автором в Архангельском художественном музее-заповеднике. В центре иконы изображено Распятие, под ним голова Адама. Под перекладиной креста по обе стороны находятся восемь медальонов, представляющих «цветы Страстей Христовых». Над крестом изображены Бог-Отец и Святой Дух. В левой нижней части иконы схематически изображен пятиглавый храм, в котором находятся четыре евангелиста, и воскресение мертвых. Еще более сложное изображение помещено в правой нижней части — здесь смерть, представленная в виде скелета на коне, и скованный сатана. Рука с ключом, отходящая от ветвей «Древа Страстей Христовых», открывает двери рая. Другая, с мечом, занесена над побежденной смертью. Эта сложная аллегорическая барочная композиция поясняется виршами.

Последние вызвали только одну ассоциацию — стихотворное «Сказание о Страстях Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа», принадлежащее перу Сильвестра Медведева (27.01.1641—11.02.1691).¹ Подобное сопоставление подкрепляется и временем написания иконы — в левом нижнем углу на ней имеется надпись о том, что она написана «в святой чудотворной лавре Соловецкаго монастыря при архимандрите Фирсь в лѣто 7198 [1689] месяца ноевриа».

Сама по себе эта надпись давала возможность для двоякого толкования: к 1689 г. могла относиться как сама икона, так и ее графический прототип (рисунок из иконописного подлинника или гравюра). Последнее предположение подтвердила рукопись самих виршей, написанная Сильвестром Медведевым и находящаяся в сборнике, принадлежавшем Евфимию Чудовскому в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук (БАН 16.14.24).² Надпись

¹ Панченко А. М. Декламация Сильвестра Медведева на тему страстей Христовых // Древнерусское рукописное наследие: По материалам Пушкинского дома. Л., 1972. С. 115—135. См. также: Панченко А. М. Придворные вирши 80-х годов XVII столетия // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 65—73.

² Описание этой рукописи, представляющей собой литературный архив Евфимия Чудовского, см.: Копанев А. И., Кукушкина М. В., Покровская В. Ф. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3, вып. 2. Исторические сборники XV—XVII вв. М.; Л., 1965. С. 263—269. По этому сборнику было опубликовано А. И. Копаневым письмо Медведева Симеону Полоцкому: Копанев А. И. Письмо Сильвестра Медведева к Симеону Полоцкому // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961. С. 281—283. В последнее время из этого же сборника были изданы стихотворные произведения Евфимия и его же письмо Афанасию Холмогорскому 1694 г. (Сазонова Л. И. Евфимий Чудовский — новое имя в русской поэзии XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 300—324; Панич Т. В. Письмо Евфимия Чудовского Афанасию Холмогорскому: (К вопросу об участии Афанасия в переводах конца XVII века) // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 155—161).

рукой самого Сильвестра — «На доскъ мѣднѣй вырѣзати в клеймахъ» — не вызывала никакого сомнения в том, что текст виршей предназначался не для иконописной мастерской, а для станка гравера.

Промежуточный этап между черновиком Сильвестра Медведева и иконой из Архангельского музея-заповедника — гравюра — описана в справочнике Д. А. Ровинского. Ровинский подробно описал гравюру по ее повторению, происходящему из Олсуфьевского собрания и принадлежащему гравюру Василию Андрееву. В результате в опубликованные им подписи попали искаженные чтения («тернящимъ» вместо «терпящимъ»), одна строка из виршей просто была опущена («в жизни пребудеть с Христомъ не прелестный»), в результате чего искажен был смысл и нарушилась ритмика стиха. При этом в собрании самого Ровинского находился оригинал гравюры, опубликованный в Соловецком монастыре в 1689 г. По утверждению Ровинского, медная доска, с которой она была напечатана, «находится в казначейской палате Соловецкого монастыря».³ Еще один экземпляр последней гравюры удалось найти в Рукописном отделе БАН, собр. текущих поступлений, № 602.⁴

Вирши Сильвестра Медведева не полностью попали на гравюру и отразившую ее икону. Понятно, что и без того перегруженная гравюра не могла включить вирши на образ Богородицы и «стихи молительные» к Христу и Богородице, следующие за виршами о Страстях Христовых. Очевидно, они были замыслены как подписи к другим гравированным листам. Ниже мы печатаем все тексты подписей к гравюрам Сильвестра Медведева — как к описанной выше, так и к оставшимся неосуществленными — по рукописи БАН 16.14.24.

Центральное место в этих текстах занимают, конечно, вирши о Страстях Христовых. Это второе произведение Медведева, посвященное этой теме, получившей распространение в русской придворной культуре 80-х гг. XVII в. В целом эстетизация страданий Спасителя не была свойственна древнерусской культуре. Согласно А. М. Панченко, древнерусская литература «не обращала чрезмерного внимания на человеческую ипостась Христа <...> Православие не знало преклонения перед нежным, слабым, страдающим телом Спасителя, которое на Западе породило образ „сладчайшего Иисуса...“».⁵ Как уже было упомянуто, в 1681 г. Сильвестром Медведевым была написана на эту тему стихотворная декламация. «Живописным писмом Страстей Господних» предполагалось украсить в 1684 г. одну из двух «комнат каменных средних» царевны Софьи Алексеевны.⁶ В гравюре с подписями Сильвестра Медведева впервые достигается единство изобразительного и текстового ряда, причем последний иногда помогает объяснить предельно усложненную композицию.

Нельзя не отметить, что перед нами не просто забытый памятник древнерусского искусства. Это последнее произведение Сильвестра Медведева (если исключить вынужденное Покаяние) и, кажется, его единственная при-

³ Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Кн. 3. Притчи и листы духовные. СПб., 1881. № 932—933. С. 361—363.

⁴ В рукописной описи гравюра описана следующим образом: «Рисунок печатный, изображающий распятого Иисуса Христа с надписями в стихах, раскрашенный, изготовлен в Соловецком мон-ре, в 1690 г., на бумаге, наклеенной на холст, в деревянной рамке. XVII в. F^o. I л.».

⁵ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 18.

⁶ Брюсова В. Г. Федор Зубов. М., 1985. С. 197. Согласно В. Г. Брюсовой, выбор сюжетов, связанных с предательством Иуды, был сделан «не без участия <...> Натальи Кирилловны» (Там же. С. 145). Очевидно, исследовательница считает, что это был намек на поведение Софьи, выдавшей Ивана Нарышкина восставшим стрельцам. Однако само предположение о том, что отстраненная от дел вдовья царица могла в годы регентства Софьи влиять на программу росписи ее покоев, представляется невероятным.

жизненная публикация: 11 февраля 1691 г. Медведев будет казнен, а его литературный архив достанется тем, кто при жизни были его оппонентами.

Как уже отмечалось, публикуемые вирши сохранились в составе сборника Евфимия Чудовского. По этому же сборнику БАН 16.14.24 в свое время было издано А. И. Копаневым письмо Сильвестра Медведева его учителю Симеону Полоцкому от 26 августа 1672 г. Имеются автографы Сильвестра и в другом сборнике Евфимия Чудовского, хранящемся в РНБ (Погод. № 1963). Описывавший сборник РНБ И. А. Бычков по почерку обнаружил в нем автографы Медведева — черновики его личных писем (впоследствии эти письма легли в основу публикации С. Браиловского⁷). Открытие Быčkova было высоко оценено его современниками: дело в том, что Сильвестр Медведев владел как бы двумя почерками — небрежной скорописью, казалось бы, унаследованной им из опыта приказной службы, и вычурной, с раздельными написаниями всех знаков скорописью, в которой сказалось монашеское отношение к тексту.⁸

Если второй почерк широко известен как медведевский, то первый трудно выделим. Как это ни парадоксально, труднее всего атрибутировать «первый» почерк в конволютах, в которых присутствуют автографы Медведева, написанные «вторым». Так и случилось с вышеупомянутым сборником БАН. Описывавший его А. И. Копанев выделил в нем как автографы Сильвестра Медведева уже упомянутое письмо Симеону Полоцкому (последнее подписано «грешный Симеон Медведев») и наши вирши.⁹ И то, и другое написано «вторым» почерком. Однако в том же сборнике находятся и другие автографы Медведева, написанные «первым» почерком. Это черновики двух писем, составленных Медведевым по просьбе лиц, оставшихся неизвестными (подобные просьбы о составлении того или иного письма Медведеву приходилось выполнять довольно часто. Несколько подобных писем опубликованы С. Браиловским по рукописи РГБ¹⁰). И то, и другое письмо публикуется ниже, поскольку представляют особый интерес для биографии Сильвестра Медведева (см. Приложение 2).

Адресат одного из писем — «Афанасий Лаврентьевич» — не вызывает никаких сомнений. Это Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, дипломат, руководитель Посольского приказа. Очевидно, письмо может быть связано с поездкой Сильвестра, еще в бытность его подьячим Тайного приказа Семеном Медведевым, в Курляндию в составе посольства А. Л. Ордина-Нащокина в 1668—1669 гг.¹¹ Раньше в литературе считалось, что «Медведев нигде в своих сочинениях и письмах не упоминает об этом путешествии».¹² Теперь такое упоминание выявляется в автографе Медведева.

⁷ Бычков И. А. Описание церковнославянских и русских рукописей императорской Публичной библиотеки. Ч. I. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882; Письма Сильвестра Медведева / Сообщение С. Н. Браиловского. СПб., 1901. (ПДПИ. Т. 144).

⁸ Одновременное письмо двумя почерками — не исключительная черта Медведева. Изучение автографов его современника Кариона Истомина показывает, что он был «профессиональным писцом» и работал, «мастерски варьируя почерки: скоропись, круглящийся полуустав и полуустав со старопечатной основой» (Иванова Ж. Н. Автографы Кариона Истомина в списках первого русского иллюстрированного букваря // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики. М., 1987. С. 45).

⁹ Копанев А. И., Кукушкина М. В., Покровская В. Ф. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. С. 263—269.

¹⁰ Письма Сильвестра Медведева. СПб., 1901. С. 45—65.

¹¹ См. о ней: Козловский И. Сильвестр Медведев: Очерк из истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII века. Киев, 1895. С. 6; Прозоровский А. Сильвестр Медведев: (Его жизнь и деятельность). Опыт церковно-исторического исследования. [М., 1896]. С. 90—92; Долгова С. Р. Виленские издания в библиотеке Сильвестра Медведева // Федоровские чтения 1982. М., 1987. С. 141.

¹² Козловский И. Сильвестр Медведев. С. 6.

Выявленные автографы возвращают нас к старому вопросу — о том, как эти автографы Медведева попали в состав обоих авторских сборников Евфимия Чудовского — хранящихся в РНБ и в БАН. Авторы фундаментальных биографий Сильвестра Медведева, вышедших в 1895—1896 гг., П. Прозоровский и И. Козловский, не дают ответа на этот вопрос. Очевидно, это связано с тем, что публикация писем С. Медведева из сборника РНБ, подготовленная С. Н. Браиловским, вышла из печати только в 1902 г. и не могла быть использована ими. Мимо этого вопроса не могли пройти исследователи творчества Евфимия — тот же С. Н. Браиловский и А. В. Флоровский.¹³ Не давая прямого ответа на возникший вопрос, они указывают на то, что некоторые из интересующих нас писем Сильвестра Медведева адресованы Евфимию Чудовскому, а в других он упомянут.¹⁴ Однако это противоречит утверждению самого С. Н. Браиловского о том, что «печатаемые письма <...> заключают много поправок, вставок и дополнений, так что никоим образом нельзя допустить, чтоб они могли быть отправлены по назначению в таком виде».¹⁵

После дворцового переворота, произошедшего в августе—сентябре 1689 г., который привел к отстранению от власти царевны Софьи Алексеевны, Медведев вынужден был бежать из Москвы. Пока Медведева искали, его бумаги, оставшиеся в Заиконоспасском монастыре, были конфискованы и описаны. Последовавший за этим церковный собор в январе 1690 г. осудил богословские взгляды Медведева, а вместе с ними — и сочинения его учителя Симеона Полоцкого. Активное участие в этом, несмотря на кратковременную опалу, принял и Евфимий Чудовский. Для составления полемических статей в «Остене» и «Щите веры» Евфимию необходим был справочный материал, который и был ему предоставлен — в виде конфискованного архива Сильвестра Медведева. Среди его бумаг был черновик одного из последних произведений Сильвестра — виршей, гравюра с которыми была издана уже после переворота, в ноябре 1689 г.¹⁶ Остается только гадать, почему власти Соловецкого монастыря дерзнули издать опальную гравюру в то время, когда Сильвестр Медведев, которому принадлежал ее замысел, ожидал своей участи в заключении.

¹³ Браиловский С. Н. Отношение чудовского инока Евфимия к Симеону Полоцкому и Сильвестру Медведеву: (Страничка из истории просвещения в XVII ст.) // Русский филологический вестник. 1889. Т. 22, № 4. С. 262—290; Флоровский А. В. Чудовский инок Евфимий: Один из последних поборников «греческого учения» в Москве в конце XVII в. // Slavia. Praha, 1949. Roč. 19. S. 100—152.

¹⁴ «Отцам Тихону и Евфимию» адресовано письмо Сильвестра Медведева, написанное в мае 1672 г., и записка, приложенная им к другому письму Симеону Полоцкому (от 25 декабря того же года). «Отцу и кормителю Евфимию» адресовано письмо, написанное Медведевым от имени иноков Курского Пресвятой Богородицы Пустынного монастыря. «Отец Евфимий» упомянут в письме иноков того же монастыря к митрополиту Павлу Сарскому и Подонскому и к чудовскому архимандриту Иоакиму, будущему патриарху (Письма Сильвестра Медведева. С. 4—6, 54—56, 57—60, 60—62). Сомнение в тождестве этого Евфимия с Евфимием Чудовским полностью рассеивает близость корреспондента Сильвестра Медведева к церковным иерархам, его книжные интересы (Медведев просит его прислать книги Аристотеля) и прямое упоминание в записке некоему Андрею Обакумовичу от 25 декабря 1672 г. об «отце Евфимии, что въ Чудовъ монастырь» (Там же. С. 9).

¹⁵ Письма Сильвестра Медведева. С. III. Это не касается письма Симеону Полоцкому, изданного А. И. Копаневым, — оно является беловиком и, очевидно, вернулось в архив к Сильвестру Медведеву вместе с унаследованными им бумагами Симеона Полоцкого.

¹⁶ Есть еще одна сторона в полемике Евфимия Чудовского с Сильвестром Медведевым, также находящая продолжение в исследуемой гравюре. Речь идет о выступлениях Евфимия Чудовского об изображении на иконах Бога-Отца. Подобное изображение как раз присутствует на гравюре. Необходимо отметить, что эта тема заслуживает специального исследования.

На доскѣ мѣднѣй вырѣзати в клеймахъ¹⁷

1

Богъ отецъ премилосердый
залогъ даде людемъ твердый.
В любви посла в миръ намъ сына
Христа за благость едина.
На крестѣ сынъ терпѣ страсти,
свободи миръ сей напасти.¹⁸

2

Сынъ Исусъ истощися,
Богъ человекъ намъ явися,
В любви его всякъ спасется,
вѣрный в небо вознесется.
Христосъ отверзе рай собою,
идите в онъ правотою.¹⁹

На рукѣ к ключю:

Древо двери неба отверзаеъ²⁰

Под цвѣтами страстей изображенными:

Честныя страсти Бога Исуса Всемъ человекомъ,
во спасеніе благоутробнѣ, процвѣтоша.²¹

Ниже рукъ по странамъ:

Не судихъ бо видети что в васъ, точно Исуса Христа
и сего распята.

1 Коринф. 2

из рукъ в свиткахъ

1

Из ранъ лѣтается
от грѣховъ мыеть

кровь и яко рѣки,
вѣрны человекѣки.

2

Руки распростре
Народы верны

к себѣ призываетъ,
в милости спасаетъ.

в стороннихъ клеймахъ

1

Из древа крестна
терпящимъ в церкви

венецъ израстаетъ,
онѣй подаваетъ.

¹⁷ Здесь и далее полужирным шрифтом выделяется киноарный текст.

¹⁸ На гравюре изображено в левом верхнем углу.

¹⁹ На гравюре изображено в правом верхнем углу.

²⁰ На полях приписан вариант: «Древо небо отверзаеъ».

²¹ Подписано под «цветами Страстей Христовых», которые поддерживают восемь ангелов.

еще мощно

И кто здѣ в страсти
в жизни пребудеть
размышляетъ крѣстней
с Христомъ²² не прелестнѣй²³

2

Грѣховная смерть
прозябшимъ древомъ
нынѣ упразднися,
в конецъ погубися.

еще мощно

Добродѣтели
злбный бо вамъ грехъ
тщитесь творити,
не имать вредити.²⁴

внизу под крестнымъ древомъ:

1

Древо израсте
на Краніевѣ
На немъ Христось плодъ
с народомъ Адамъ
мірови спасенно,
мѣсте утвержденно.
распятъ умертвися,
онимъ оживися.

под церковію

2

Благовестуесть
Христова бо кровь
В ней спасошася
пріяша всюду
церковь веселяся,
на ню изліяся.
премногои народы,
блаженныя свободы.

3

От древа крестна
лота и злоба
Древомъ челюсти
человѣкомъ бысть
дѣволъ связася,
и прелестъ попрося.
сомкнушася ада,
нехнщна отрада.

на рукѣ со млатомъ

В силѣ древа сіи два крушатся

высота
широта + долгота
глубина

На доскѣ мѣдной образъ Богородицы с Иисусомъ младенцемъ
у него в рукѣ держава, а у Богородицы в лѣвой скипетръ

сверху вырезатъ стіхи²⁵

Преизбранная Марія невѣста, молящимся ей даетъ в ползу мѣсто.
Мати съ Иисусомъ о томъ беседуетъ, да всякій в небѣ царство наследуетъ.

²² В рукописи «пребудеть с Христомъ» вычеркнуто одной киноварной чертой.

²³ На гравюре все это слева от креста.

²⁴ На гравюре все это справа от креста.

²⁵ В рукописи зачеркнуто черной чертой.

внизу стіхи увѣщательніи²⁶

Здѣ дву мать с сыномъ созерцайте,
Зане Христосъ Богъ от насъ то жаляетъ,
В Христѣ мыслити чувство есть свершенно,
Тѣмъ же служити о нѣмъ всякъ потщися,

Умы, сердца к нимъ, люди, обращайтесь.
Марія дева в томъ намъ помогаетъ,
Надѣяться на мать блаженню,
Кланяющися сице помолися.

СТІХИ МОЛИТЕЛНІИ ІИСУСУ²⁷

О пресладчайшій Христе мой Спаситель,
Содержай всю тварь твоею рукою,

даждь мнѣ да буду присно твой любитель.
держи мя в чистотѣ къ небесну покою.

СТІХИ ДЕВЪ МАТЕРИ²⁸

Богородице дево пресвятая,
Скипетромъ началство имати повсюду,

спаси мя от бѣдъ даждь везде благаа,
управляй мною да при тебѣ буду.

на 4 на угольниках

- 1 С сыномъ мати, в благодати.
- 2 Люди сохраняй, в небо управляй.
- 3 Красна яки луна, ДѢВА
- 4 Доброгласна струна, МАРІА

(БАН 16.14.24, л. 603—604 об.)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Государь Афанасій Лавр[ентьевич]:

благодѣтелю мои премногомилостивый, желаю от Господа Бога твоему благородію многолѣтнаго здравія и душевнаго спасенія, а прошу со слезами твоего благоутробія — умилосердися надо мною, бѣдною, и над дѣтушками моими, напиши до моего мужа писание свое, чтобъ онъ не ехаль к матери своей в далекую страну, где велми от воровскихъ людей небесечно, да чтобъ скорѣе возвратиться на Москву, помня свою присягу и обѣщание, которое сотворилъ во первыхъ Господу Богу, а потомъ великому государю,²⁹ и я за твое премное милосердіе должна Господа Бога молити о твоемъ многолѣтнемъ здравіи и всячески обслуговати.

Государь Петръ Петрович

благодѣтелю мои премилостивый, буди тебѣ от Христа Господа миръ, здравіе и долгоденствіе со всемъ благодатнымъ домомъ твоимъ, пожалуй мене, благодѣтелю мои милостивый, вели по государеву указу противъ памяти подволь дати³⁰ и привести сѣно, аще дастъ Господь Богъ дня утрешнего бездождіе. А я за твою добродѣтель долженъ буду Господа молить о твоемъ многолѣтнемъ здравіи и душевномъ спасеніи. Его же ти сем усердныи желатель.³¹

(БАН 16.14.24, л. 732)

²⁶ В рукописи зачеркнуто черной чертой.

²⁷ Вся строка вычеркнута киноварной чертой. Весь последующий текст до конца никак не отражен на гравюре.

²⁸ Вся строка вычеркнута киноварной чертой.

²⁹ Далее зачеркнуто «а мнѣ».

³⁰ «по государеву указу противъ памяти подволь дати» написано над строкой.

³¹ По краю листа приписано «под твою милость», ниже приписано другим почерком «тучна еляя изобилство даст».

Сказание о римском попе Аврааме — неизвестная повесть о сношениях человека с дьяволом

«Большинство древнерусских литературных произведений, — писал Д. С. Лихачев, — дошло до нас в составе сборников <...> Связь, которая существует между дошедшими до нас литературными произведениями и составом включивших их в себя сборников, может быть очень различна». Но «изучение исторически сложившихся сборников <...> открывает новый, дополнительный источник для восстановления истории текста входящих в них литературных произведений, а также для суждения о литературных вкусах читателей и переписчиков, для выяснения того, как понимался древнерусскими читателями и переписчиками жанр произведений, его идейный смысл и пр.»¹

В справедливости приведенных слов академика Лихачева, а также своевременности его призывов к изучению литературного «конвоя» памятников древней письменности мне приходилось не раз убеждаться. Так было, например, тогда, когда я стала изучать сборники, содержащие фацеции, и неожиданно для себя обнаружила, что в некоторых из них сохранилась весьма интересная редакция текстов переводных и оригинальных повестей, получившая название Книга, нарицаемая жарты,² чего не заметили те из исследователей, которые искали в них только тексты фацеций.³

Перечитывая осенью прошлого года хранящийся в РНБ сборник № 1627 из коллекции А. А. Титова, я снова убедилась в необходимости неторопливого, постатейного ознакомления с составом не только новонайденных, но и давно известных и, казалось бы, достаточно хорошо изученных рукописей.

Сборник половины XVIII в. № 1627 из Титовского собрания РНБ с его пестрым составом неоднократно привлекал внимание исследователей русского театра (в нем сохранился уникальный цикл интермедий), стихотворных жарт, фацеций и т. п. Не один раз описывался состав сборника, но никто из исследователей, как ни странно, не обратил внимания на небольшой, не известный по другим рукописям текст, помещенный на л. 67 об.—69 об. среди стихотворных жарт и прозаических фацеций и озаглавленный «Сказание о римском попе Аврааме».⁴ А между тем Сказание представляет не-

¹ Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1983. С. 245—246.

² Ср. Małek E. Z obserwacji nad recepcją nowelistyki przekładowej w Rosji początku XVIII wieku // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria 18. Łódź, 1987. S. 295—304.

³ Ср. Державина О. А. Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962.

⁴ Так, например, Сказание не упоминается ни в описании сборника, выполненном О. А. Державиной (ср. Державина О. А. Фацеции. С. 95, 101), ни в описании составленном В. Д. Кузьминой и В. П. Гребенюком (ср. Ранняя русская драматургия (XVII—первая половина XVIII в.) Пьесы любительских театров / Под ред. А. Н. Робинсона. М. 1976. С. 814).

сомненный интерес уже хотя бы потому, что расширяет список столь популярных в России второй пол. XVII—нач. XVIII в. произведений, рассказывающих о сношениях человека с дьяволом.⁵

Сказание открывается довольно традиционной экспозицией, из которой узнаем, что «бысть в Риме некто царь Василей, имея у себя жену вельми благочестиву и дочь Феодору, которая была возрастом лет от 5, и имел также у себя при дворе своем церковь во имя Святыя Троицы, и для службы Божии был у него поп Авраам, которой службу Божию совершал искусно. Он же того царя и духовник, имелся у царя в великой чести и богат весма».⁶ За экспозицией следует завязка действия, которая определяет дальнейший ход сюжетных перипетий и судьбу героев. Поп Авраам, увидев, что «на северских дверях написан дьявол», «возложил великую злобу и всегда стал на него плевать и сморкать, которому весма неприятно стало» (л. 67 об.)

Вначале дьявол прибегает к простейшей форме самозащиты: он, как читаем в повести, приходит «к попу во сновидении» и говорит, «чтобы он от того плеванья престал». Поскольку, однако, поп не только «того делать никак не покинул, но и более стал на него плевать», дьявол был вынужден *сделать другую попытку защитить свою позицию.*

Обесчещенный дьявол решает обесчестить своего противника и придумывает хитрую месть. Поскольку поп пользовался уважением самого царя Василея, его семейства и его сановников, то дьявол задумывает опозорить его публично, на виду у всех, воздавая ему бесчестьем за бесчестье.

Заступаясь за свою честь, дьявол, естественно, использует все доступные ему методы, т. е. пускает в ход обман и перевоплощение. Во время пира по случаю тезоименитства царской дочери Феодоры, на который «съехались все министры и сенаторы <...> и тот поп Авраам» (л. 67 об.), дьявол крадет любимую драгоценную чару царя и за то, «что он на него всегда плевал», кладет ее в карман попа Авраама (разумеется, без его ведома). После обеда царь приказывает обыскать всех присутствующих, но «ни у кого той чары, у сенаторов и у министров, и у протчих чиновных людей не отыскали, а нашли ту чару у попа Авраама в кармане, ис чего царь Василей великою злобою на него наполнился и всем навел великой стыд» (л. 68). Царь повелевает заковать его в кандалы, бросить в темницу, а потом казнить. Поп приходит в полное отчаяние, но «по полуночи в первом часу приде к нему тот дьявол во образе поповском» и предлагает ему освобождение, ставя единственное условие — отказ от надругательств над его образом. Поп Авраам вынужден принять поставленные условия, чтобы спасти свою жизнь. Он дает клятву «того впредь не чинить», и дьявол, согласно договору, снимает с ног попа кандалы и с рук железо и приказывает ему вернуться домой, а утром идти в церковь, отслужить службу и никому не признаваться в том, что он был на пиру у царя.

Авраам идет утром в церковь отслужить заутреню, чем приводит в недоумение всех придворных и самого царя. Не понимая, каким образом поп вышел из темницы, царь дважды посылает своих «кавалеров» разузнать, кто осмелился выпустить опального священника из заключения. Но оба послан-

⁵ См., например Журавель О Д Сюжет о договоре человека с дьяволом в русских повестях конца XVII—начала XVIII вв Автореф дис канд филол наук СПб, 1994, Пигин А В Беспокойность и мифологические представления о смерти (на древнерусском материале) // Проблемы изучения традиционной культуры Севера (К 500-летию г Сольвычегодска) (сыктывкар 1992 С 106—114, Ромодановская Е К Русская литература на пороге нового времени Пути формирования русской беллетристики переходного периода Новосибирск, 1994 С 112—127, 149—154

⁶ Цит по списку РНБ, собр Титова, № 1627, л 67 об Далее ссылки на эту рукопись в тексте с указанием соответствующего листа

ца клянутся, что поп Авраам сидит в темнице под стражей, что наводит царя на мысль, «не дьявол ли служит» заутреню. Подумав, «что дьяволу у престола Божия быть невозможно», царь все же не рассеивает всех своих сомнений и после заутрени обращается с вопросами к своему духовнику, но тот (согласно клятве, данной дьяволу) «всякими отговорками отговаривался», что на пиру не бывал и не понимает, за что царь на него гневается. Тогда царь со всеми своими приближенными пошел в темницу и убедился, что там сидит дьявол, принявший вид попа Авраама.

Интересны последние слова рассказчика, комментирующего поведение царского духовника: «И тако от смерти поп тем незапным случаем отбыл, и на дьявола плевати престал, и стал так жить, как надлежит» (л. 69 об.).

Как видно из беглого пересказа Сказания, все или почти все в нем необычно. Необычен дьявол, который не похож на образ врага рода человеческого, известного по многим памятникам древнерусской письменности, необычна форма обличения дьявола и еще более необычна авторская оценка действий противников. Читателям житий, патериков и повестей о договоре человека с дьяволом бес из «Сказания о попе Аврааме» мог показаться по меньшей мере странным.

Если сопоставить его с образом беса из переводной и оригинальной духовной письменности XI—XVII вв., то поражает в нем отсутствие активности, природного желания нанести вред человеку, ввести его в заблуждение, оболгать. Если же сравнивать дьявола из Сказания с образом, известным по повестям о договоре человека с дьяволом, то удивляет нежелание противника попа Авраама использовать заключенный с ним договор для завладения его душой (ведь характерной чертой сюжета о договоре человека с дьяволом является, как показала О. Д. Горелкина-Журавель, отречение человека от Бога. Только тогда дьявол соглашается оказать человеку некоторые услуги⁷). Но дьявол из «Сказания о римском попе Аврааме» лишь добивается более приличной трактовки своей персоны, требуя отказа плевать и сморкаться на его образ, т. е. заступает за свою ущемленную честь и незыблемое право иметь свое изображение на северных дверях римского храма Святой Троицы. Видимо, поп Авраам своим поведением нарушил какое-то равновесие, какое-то привычное для всех остальных состояние. Знаменательно и то, что никто другой не обращал внимания на изображение демона на церковных дверях, никому другому оно почему-то не мешало, а также факт, что сам дьявол не заходит в церковь, не мешает попу вести службу, как бы соблюдая неписанный закон, согласно которому внутреннее пространство церкви принадлежит ее служителю — попу, а ее периферия — дьяволу. Такую именно мысль вкладывает автор повести в уста царя Василия, который говорит, «что дьяволу у престола Божия быть невозможно». Такой же концепции «мирного сосуществования» двух миров — божественного и дьявольского придерживается рассказчик, и на такую позицию переходит наученный горьким опытом поп Авраам, который после освобождения из темницы «стал так жить, как надлежит». Необычно также поведение попа Авраама, который в борьбе с дьяволом ни разу не прибегает к крестному знаменю, молитве, не призывает на помощь небесные силы, что не совсем сходно с поведением положительного героя древнерусских произведений.

Составитель Титовского сборника, по-видимому, понимал своеобразие Сказания и, как бы предвидя недоумение реальных или потенциальных читателей, решил поместить рядом с ним еще одно произведение, во многом

⁷ Ср.: Горелкина О. Д. Русские повести конца XVII—начала XVIII в. о договоре человека с дьяволом в связи с мифологическими представлениями позднего русского средневековья // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 41–54.

близкое рассказу о римском попе. Так рядом со «Сказанием о попе Аврааме» оказалась забавная фацеция «О шпыне и демоне» (л. 69 об.—71). Переписанные одним и тем же почерком, Сказание и фацеция составляют своего рода литературный диптих: фацеция «О шпыне и демоне», следующая за «Сказанием о римском попе Аврааме», подобрана составителем сборника по принципу со- и противопоставления. Рассказ о споре попа Авраама с дьяволом выдержан, как мы видели, в серьезном духе, фацеция же, согласно поэтике жанра, исполнена юмора. При бросающемся в глаза сходстве в построении сюжета Сказания и фацеции несходство манеры повествования (относительно объективного повествования от 3-го лица в первом случае и явно иронического — во втором) подчеркивает нарочитость, неслучайность соседства обоих рассказов.

И в первом, и во втором произведении герой сталкивается с демоном (дьяволом) через посредство живописного изображения (поп Авраам заметил «образ» дьявола на «сиверских дверях» своей церкви, а фронт «узре в углу храма в месте темне написана демона, на яловичной коже нечто пишуща»). Реакция попа (который, как и подобает служителю церкви, решает над ним надругаться) и шпыня (который, кривляясь и иронизируя над бедным демоном, ставит перед его образом свечку, приговаривая: «Ах, милой, кто тя ту в таковом темном куте написа, ибо не видеть и писать ти! И се аз ти поставлю свещу, пиши, бедной, пиши» — с. 110) кладут начало завязке действия.

Сходство в конструкции сюжета обоих произведений этим не исчерпывается. Следующий ход в Сказании и в фацеции принадлежит демону и в обоих случаях принимает форму сонного видения. Демон является герою во сне. В Сказании, как мы уже говорили, он требует от попа отказа от надругательства, в фацеции — обещает фронту награду за поставленную свечку. Но за шуточное почтение демон придумывает шуточную награду, действуя по принципу: за шутку «отшутка». Перенимая манеру шпыня, дьявол, явившись ему во сне, говорит: «Вчера ты добре ми сотворил еси <...> Подобае убо и мне воздати тебе за твое ко мне добро» (Там же). Шпынь же, не подозревая, что антагонист собирается его одурачить, принимает за чистую монету его обещание и соглашается отметить с помощью экскрементов местонахождение мнимого сокровища. «Шпыню, — читаем в фацеции, — возмнеся, яко делом глаголет (а уже в нем скареду древний враг приготовил), мя во сне на оном месте призначити, нача из себе гнусу премного испущати и опакости всю постелю, и жену, и дети. Жена вскочи, вопиаше: „Упысал, упысал!“». А шпынь не опамятуется и отвещает, яко клад намечает» (С. 111). Фацеция завершается после первой реакции демона, в Сказании дьявол делает еще один ход, что на некоторое время откладывает развязку, но результат его действий сходен с результатом действий демона: он берет верх над своим антагонистом.

Кроме сходства в построении сюжета Сказание и фацецию сближает амбивалентность образа демона (дьявола). Это еще не «добрый злой дух», образ которого встречался в западноевропейских литературах эпохи средневековья,⁹ но он уже не тот злой дух, единственной и постоянной заботой которого является желание столкнуть душу праведника с истинного пути на путь, ведущий в вечную геенну. Он не столько олицетворяет силы зла, сколько приобретает черты индифферентного в этическом отношении литературного персонажа. Его антагонист, что само собой разумеется, тоже не

⁸ Цит по: ПЛДР XVII век Кн 2. М., 1989. С. 110. Далее ссылки на это издание фацеции «О шпыне и демоне» в тексте с указанием соответствующей страницы.

⁹ Ср. Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 295-297.

может быть назван праведником, к нему также неприложима христианская аксиология. Стихотворный комментарий автора фацеции «О шпыне и демоне»: «Никто же коли приобретает, / Иже з дьяволом торг свой слагает» — в контексте рассказа о веселом соперничестве шпыня с демоном указывает лишь на своеобразное остроумие этого персонажа, а призыв дьявола из Сказания установить мир между ним и попом Авраамом можно понимать на чисто бытовом уровне, так как он не имеет последствий высшего (духовного) порядка.

Амбивалентность образа нечистой силы в Сказании и фацеции «О шпыне и демоне» находит выражение и на стилистическом уровне произведений. Бросается в глаза почти полное отсутствие традиционного набора эпитетов, сопровождающих появление образа беса в древнерусских произведениях, благодаря чему бес не может больше восприниматься как «универсальный носитель зла».¹⁰

В настоящее время трудно ответить на вопрос, является ли Сказание оригинальным русским сочинением или это умелая переделка какого-то иностранного источника. В языке памятника не удалось обнаружить следов иностранного текста, а некоторые культурные реалии (тезоименитство царской дочери, употребление чары, которую царь подносит гостям; факт, что поп Авраам назван царским духовником; название утренней мессы заутренней, упоминание благовеста; обращение к царю «великий царь и государь», характерное для эпистолярного этикета еще в царствование Алексея Михайловича; наличие слов «банкет», «кавалер», «генерал», вошедших в активный словарный запас русского языка в петровскую эпоху) позволяют думать, что автором Сказания мог быть русский книжник петровского времени, хорошо знакомый с оригинальной и переводной демонологической литературой.¹¹

Привязка действия Сказания к Риму могла бы быть единственным, и то весьма слабым, аргументом в пользу иностранного происхождения текста. Не исключено, однако, что автор Сказания выбрал местом действия Рим лишь потому, что место это казалось ему экзотичным и в какой-то степени более подходящим для данного сюжета.¹²

Окончательное решение этих вопросов на данной стадии изучения памятника не представляется возможным. Настоящая статья должна, однако, стать импульсом для дальнейших разысканий, которые, возможно, приведут к лучшему пониманию не только данного текста, но и целого комплекса произведений с демонологическими мотивами.

¹⁰ См.: Волкова Т. Ф. Художественная структура и функции образа беса в Киево-Печерском патерике // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 234.

¹¹ Если наше предположение верно, то «Сказание о попе Аврааме» должно пополнить список оригинальных русских повестей с демонологическим сюжетом.

¹² Стоит напомнить, что как одну из особенностей русских повестей переходного периода исследователи отмечают склонность авторов к локализации действия своих произведений в дальних странах. Ср., например: Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени. С. 141—147.

С. А. СЕМЯЧКО

Круг агиографических памятников, посвященных Анне Кашинской

1. Сказание об обретении и перенесении мощей

Весьма драматичная история канонизации Анны Кашинской достаточно хорошо известна, ей посвящена обширная литература.¹ Позволю себе коротко напомнить, что же произошло в XVII в.

Мощи Анны Кашинской были открыты в 1649 г., в 1650 г. мощи были перенесены в присутствии царя Алексея Михайловича и при его непосредственном участии из полуразвалившейся Успенской церкви в кашинский Воскресенский собор, и было установлено празднование. В 1677 г., уже при царе Федоре Алексеевиче и при патриархе Иоакиме (Савелове), состоялись сначала следствие, а потом и собор, на котором был рассмотрен вопрос о житии и мощах Анны Кашинской. Вслед за этим в 1678—1679 гг. состоялся еще один собор, на котором празднование Анне Кашинской было отменено, а инициаторы прославления святой были сурово наказаны.

Основным аргументом следственной комиссии в пользу отмены празднования Анне Кашинской была недостоверность ее «жития». Говоря о «житии», комиссия имела в виду агиографический цикл, включающий в себя собственно житие, повесть о явлении Анны Кашинской пономарю Герасиму, статью об обретении мощей, слово на перенесение мощей, повесть о чудесах и сами чудеса (в распоряжении комиссии была рукопись, хранящаяся ныне в ГИМ — Синодальное собр., № 622). К этому же циклу обращались и исследователи. Однако существует еще один текст, предшествовавший циклу, не фигурировавший на следствии и оставшийся практически неизвестным исследователям. Это памятник, озаглавленный в рукописи «Обрѣтение и пренесение честныхъ мощей новоявленной великия княгини иноки Анны, иже бѣ во градѣ Кашинѣ явльшейся, вкупѣ же от малѣйшия части и похвала святѣй» (далее: Сказание об обретении и перенесении мощей). Текст этот известен в единственном списке XVII в., в рукописи БАН, П.1.А.30 (старый шифр: 31.6.34). Он был опубликован в начале XX в.² и после того всеми забыт. Прежде чем ставить вопрос о времени написания и авторе известного агиографического цикла, целесообразно рассмотреть Сказание об обретении и перенесении мощей, сопоставив его с материалами следственного дела.³

¹ Обзор основной литературы см. в статье: Белоброва О. А. Житие Анны Кашинской // Словарь книжников. Вып. 3, ч. 1. С. 330—331.

² По аким, иеромонах. Житие святой благоверной княгини Анны Кашинской (по рукописи XVII в. из библиотеки Императорской Академии Наук № 31.6.34). М., 1909.

³ Материалы собора 1677 г. мы приводим по рукописи: РНБ, собр. Погодина, № 1608, принадлежавшей одному из участников этого собора архимандриту Чудова монастыря Павлу. Эти материалы неоднократно публиковались. Издание по указанной рукописи см., напр.: Труды

Автор Сказания об обретении и перенесении мощей Анны Кашинской обнаруживает явное литературное мастерство. Текст Сказания имеет строгую трехчастную композицию: 1) ритмически организованное, построенное на цитате из Священного Писания вступление, 2) основная часть — красочный и живой рассказ об обретении и перенесении мощей и 3) исполненная чувства похвала святой, организующим стилистическим принципом которой является анафора.

Раннее происхождение этого памятника явствует из его текста. Вот как начинается основная часть Сказания: «Сия убо блаженная великая княгиня инока Анна родися от благочестиву и велику родителю, глаголют же, яко от великих князей тверскихъ произыти ей. Рождышао ея и рождышиа, и супруга, и самая мирскаго звания *не вѣмы*, угаи бо ся и замедлѣ от многих лѣтъ, и писания сему *не обрѣтеса*, но токмо снайдеса иноческое имя ея, яко великая княгиня инока Анна. И живши ей нѣколко лѣтъ, и восхотѣ взяти на ся яремь Христовъ и послѣдовати ему, и облечеса во иноческое одѣяние. И *не вѣмы же*, в коей обители сущи и в коемъ граде...».⁴ Все это полностью согласуется с тем, что говорил на допросе один из наиболее активных инициаторов прославления Анны Кашинской дьякон Никифор.⁵ «А житие ея слогаи и писал Соловецкаго монастыря старец Игнатей, по велѣнию того ж монастыря уставщика старца Никодима, по ево, Никифорову, челобитью, для того что приезжают, де, во град Кашин ко гробу благовѣрные великие княгини Анны многие богомолцы, а жития ея у них в Кашине нѣтъ и показать нечѣго. А сказывал ему житие ея он, Никифор, про што вѣдал и слышал. А он, де, сыскал и у себя в Степенной книге, что она благовѣрного великого князя Михаила Тверскаго супружница великая княгиня Анна»⁶ Т е Никифор утверждает, будто голько в Соловецком монастыре он выяснил, что Анной звали жену великого князя Михаила Ярославича Тверского. Благодаря Сказанию об обретении и перенесении мощей видно, что Никифор не солгал, говоря, что поначалу, кроме имени святой, ничего о ней известно не было. Неудивительно, что Сказание об обретении и перенесении мощей возникает до жития: для создания жития нет никаких сведений, дающих хотя бы малейшую зацепку, в то время как непосредственное участие царя в церемонии перенесения мощей предоставляет прекрасный материал для Сказания. На Соловках Никифор был в 1652 г.⁷ Совершенно очевидно, что Сказание об обретении и перенесении мощей было создано до 1652 г. Скорее всего, написано оно было вскоре после перенесения мощей Анны Кашинской, состоявшегося 12 июня 1650 г.⁸

второго областного Тверского археологического съезда Тверь 1903 С 110—126 ЧОИДР М 1905 Кн 3 С 53—67, по рукописи из собрания В М Ундольского ЧОИДР М, 1871 Кн 4 Отд 1 С 45—62

⁴ БАН, П I А 30 л 232 об Все цитаты из Сказания приводятся по рукописи поскольку в издании ряд чтений передан с ошибками

⁵ Инициаторами прославления Анны Кашинской была семья кашинских священнослужителей «В Кашинѣ городе старец Варлаамъ что был в мирѣ в Кашине в соборной церкви Успения пресвятыя Богородицы попь Василей сказал по евангелской заповѣди Господни вправду служил де, онъ в той соборной церкви лѣтъ с тритцать а отецъ ево Варламовъ попь Василей же у тое ж церкви служил преж ево лѣт с пятьдесятъ, а нынѣ де, у тое церкви служит сынъ ево Варламовъ попь Василей же» (РНБ собр Погодина, № 1608, л 9 об—10) Никифор также был сыном Василия-Варлаама

⁶ РНБ собр Погодина, № 1608 л 16—16 об

⁷ «А вынес, де он Никифор то житие с собою ис Соловецкаго монастыря в то время какъ переносили мощи Филипа митрополита ис того Соловецкаго монастыря в царствующий град Москву» (РНБ собр Погодина № 1608 л 16 об—17) Процессия с мощами прибыла в Москву 9 июля 1652 г

⁸ Дворцовые разряды СПб 1852 Т 3 (с 1645 по 1676 г.) Стб 178 См также БАН П I А 30 л 238

Автор Сказания об обретении и перенесении мощей Анны Кашинской обнаруживает явное литературное мастерство. Текст Сказания имеет строгую трехчастную композицию: 1) ритмически организованное, построенное на цитате из Священного Писания вступление, 2) основная часть — красочный и живой рассказ об обретении и перенесении мощей и 3) исполненная чувства похвала святой, организующим стилистическим принципом которой является анафора.

Раннее происхождение этого памятника явствует из его текста. Вот как начинается основная часть Сказания: «Сия убо блаженная великая княгиня инока Анна родися от благочестиву и велику родителю, глаголют же, яко от великихъ князей тверскихъ произыти ей. Рождшаго ея и рождшаго, и супруга, и самыя мирскаго званя *не вѣмы*, утай бо ся и замедлѣ от многихъ лѣтъ, и писаня *сему не обрѣтеса*, но токмо снайдеса иноческое имя ея, яко великая княгиня инока Анна. И живши сѣ нѣколько лѣтъ, и восхотѣ взяти на ся яремь Христовъ и послѣдовати ему, и облечеса во иноческое одѣяние. И *не вѣмы же*, в коей обители сущи и в коемъ граде...».⁴ Все это полностью согласуется с тем, что говорил на допросе один из наиболее активных инициаторов прославления Анны Кашинской дьякон Никифор:⁵ «А житие ея слогаи и писал Соловецкаго монастыря старец Игнатей, по велѣнию того ж монастыря уставщика старца Никодима, по ево, Никифорову, челобитюю, дѣя того что приезжают, де, во град Кашин ко гробу благовѣрныхъ великие княгини Анны многие богомолцы, а жития ея у них в Кашине нѣтъ и показать нечѣго. А сказывал ему житие ея он, Никифор, про што вѣдал и слышал. А он, де, сыскал и у себя в Степенной книге, что она благовѣрнаго великого князя Михаила Тверскаго супружница великая княгиня Анна».⁶ Т. е. Никифор утверждает, будто голько в Соловецком монастыре он выяснил, что Анной звали жену великого князя Михаила Ярославича Тверского. Благодаря Сказанию об обретении и перенесении мощей видно, что Никифор не солгал, говоря, что поначалу, кроме имени святой, ничего о ней известно не было. Неудивительно, что Сказание об обретении и перенесении мощей возникает до жития: для создания жития нет никаких сведений, дающих хотя бы малейшую зацепку, в то время как непосредственное участие царя в церемонии перенесения мощей предоставляет прекрасный материал для Сказания. На Соловках Никифор был в 1652 г.⁷ Совершенно очевидно, что Сказание об обретении и перенесении мощей было создано до 1652 г. Скорее всего, написано оно было вскоре после перенесения мощей Анны Кашинской, состоявшегося 12 июня 1650 г.⁸

второго областного Тверского археологического съезда Тверь, 1903 С 110—126, ЧОИДР М., 1905 Кн 3 С 53—67, по рукописи из собрания В М Ундольского. ЧОИДР М., 1871. Кн 4 Стд 1 С. 45—62

⁴ БАН, ПИА 30, л 232 об Все цитаты из Сказания приводятся по рукописи, поскольку в издании ряд чтений передан с ошибками.

⁵ Инициаторами прославления Анны Кашинской была семья кашинских священнослужителей «В Кашинѣ городе старецъ Варлаамъ, что был в мирѣ в Кашине в соборной церкви Успения пресвятыя Богородицы попь Василей, сказал по евангелской заповѣди Господни вправду, служил де, онъ в той соборной церкви лѣтъ с тритцать, а отецъ ево, Варламовъ, попь Василей же, у тое ж церкви служил преж ево лѣтъ с пятьдесятъ, а нынѣ, де, у тое церкви служит сынъ ево, Варламовъ, попь Василей же» (РНБ, собр. Погодина, № 1608, л 9 об—10) Никифор также был сыном Василя-Варлаама

⁶ РНБ, собр Погодина, № 1608, л 16—16 об

⁷ «А вынес, де, он, Никифор, то житие с собою ис Соловецкаго монастыря в то время, какъ переносили мощи Филипа митрополита ис того Соловецкаго монастыря в царствующий град Москву» (РНБ, собр Погодина, № 1608, л 16 об—17) Процессия с мощами прибыла в Москву 9 июля 1652 г

⁸ Дворцовые разряды СПб., 1852 Т 3 (с 1645 по 1676 г.) Стб 178 См также БАН ПИА 30, л 238

Из текста Сказания можно извлечь и некоторые данные о его авторе. Он хорошо осведомлен в том, что происходило в Кашине во время приезда туда царя Алексея Михайловича. Но о кашинских событиях, предшествующих приезду государя, автор знает понаслышке. Вот как описано в Сказании явление гроба Анны Кашинской: «Глаголют же нѣщци, живуужи (так! — С С.) человецы во градъ Кашинѣ, и еще инии, нивесма в далекости жителство имѣющи от Кашина града, яко же честная обитель преподобнаго отца нашего Макария Калязиньскаго чудотворца, того маностыря сказуютъ мниси, яко не абие гробъ святыя из земли изыде, но косно и медленно идяше и человеком видим бываше, яко сокровище драго, казашеся, но из давныхъ убо лѣтъ от земную боку вполы бѣ». ⁹ Ссылка на кашинских жителей в устах кашинца была бы нелепа. И в то же время автор подробно описывает, как в Москве стало известно о чудесах от гроба Анны Кашинской, как была отправлена в Кашин комиссия, как царь и патриарх получили из Кашина «епистолии», как эти послания были прочтены и как, наконец, царь со своими ближними отправился на поклонение новоявленной святой. Все это позволяет с большой долей уверенности предположить, что Сказание об обретении и перенесении мощей Анны Кашинской — это произведение московского автора, который сопровождал царя Алексея Михайловича в его поездке в Кашин. И создан этот текст был, вероятнее всего, вскоре после описываемых событий, в том же 1650 г.

Сборник, в котором находится исследуемый памятник, кроме него содержит жития преподобной Феодоры Александрийской первомученицы Феклы, преподобной Евфросинии Суздальской, великомученицы Екатерины, Евфросинии Александрийской, преподобной Евдокии, мученицы Ирины и преподобной Евпраксии. Издатель этого памятника иеромонах Иоаким высказывает такое предположение: «Судя по красивому письму и переплету, а также и главным образом потому, что содержанием сборника являются жития святых, соименных членам царской семьи половины XVII века, можно предполагать о происхождении последнего из царской библиотеки, — он мог быть на женской половине дворца». ¹⁰ Иеромонах Иоаким даже допускает, что украшать сборник могла царевна Ирина Михайловна.

Предположение Иоакима о том, что сборник принадлежал женской части царской семьи, не кажется мне безосновательным. Более того, вполне вероятно, что Сказание об обретении и перенесении мощей Анны Кашинской было написано специально для царских сестер, участниц поездки в Кашин. Об этом свидетельствует фрагмент, в котором описан состав царской свиты, причем сестры царя названы иносказательно, в то время как все остальные поименованы впрямую: «...и подвижеса из своего царьскаго пребывания из царьсвующаго града Москвы, и с своею благовѣрною и христоробливою царицею и великою княгинею Мариєю Иличною, и с своими единоутробными тремя сестрами, с благовѣрными царевнами и великими княжнами, единой убо звание мирь толкуется, вторѣй же — благодать, третей же — повелителница, и с своею царьскою дщерию, с благородною царевною и великою княжною Евдокѣю, и со всѣмъ своимъ царьскимъ синклитомъ, и с прочими людьми двора своего царьска. Еще же бысть с нимъ, самодержцем, и от святителскаго чина митрополитъ града Ростова и Ерославля, емуже звание Варламъ, и от прочаго священнаго чина архимарити и игумени». ¹¹

⁹ БАН, П I А 30, л. 234—234 об.

¹⁰ Иоаким, иеромонах. Житие святой благоверной княгини Анны Кашинской С. 1

¹¹ БАН, П I А 30, л. 236. Имена царских сестер — Ирина, Анна, Татьяна

Таким образом, можно заключить, что перед нами наиболее ранний (если не считать записи некоторых чудес) из всех известных нелитургических текстов, посвященных Анне Кашинской. Поэтому интересно сопоставить данные этого Сказания с тем, что сообщили на следствии почти два десятилетия спустя Василий-Варлаам и его сыновья Василий и Никифор.

Уже одно совпадение этого раннего текста и показаний Никифора в утверждении, что о новоявленной святой ничего не было известно, кроме ее имени и княжеского достоинства, не позволяет считать слова Никифора «баснями» и полностью их игнорировать.¹²

Одним из наиболее принципиальных моментов для решения вопроса о характере почитания Анны Кашинской была сохранность ее мощей. Вот как говорится об этом в Соборном определении: «В житии в трех мѣстех написано: мощи никакоже тлѣнию причастны. А по осмотру¹³ и свидѣтельству преосвященнаго Иосифа, митрополита рязанского и муромскаго, и преосвященнаго Симеона, архиепископа тферскаго и кашинскаго, и архимандрита и протопopa мощи в разных мѣстех истлѣша и разрушишася».¹⁴ И далее: «В житии в двохъ мѣстех написано: тлѣнию не токмо мощи, но и ризы непричастны быша. А по досмотру нѣмѣшнему архиерейскому, ризы, во что была skutана, и схи́ма истлѣли, толко во остатке части креста, что был вышитъ на куколѣ шолкомѣ, да часть плетей схимнических, и то истлѣло же, лежить на персехъ толко знакъ, а принятися не мощно. А на бедрахъ свивалникъ, какъ пояс, да нить лежать истлѣли, принятися не мощно. Калиги обѣ по швамъ распоролися, а кожа не развалишася, а истлѣла».¹⁵

Напомним, что, говоря о «житии», комиссия имела в виду тексты агиографического цикла, входящего в состав рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 622. Житие же писалось, как утверждал Никифор, «по своему разуму, и Степенной книги, и по его, Никифоровым, словам».¹⁶ Т. е. опять возникает проблема правдивости Никифора, вне зависимости от того, было ли это «житие» написано самим Никифором, как полагали некоторые исследователи,¹⁷ или писалось с его слов. Комиссия утверждала, что Никифору верить нельзя. Однако в материалах следствия есть также показания попа Василия младшего об освидетельствовании мощей 1649 г.: «А тѣло, де, ея, благовѣрныя княгини, нетлѣнно, токмо тлѣнием разрушилсѣ нос да пласна у ноги, а у которые, того не упомнит. А при том, де, свидѣтельствъ он, поп Василей, был самъ, будучи дьячком»,¹⁸ — и его отца Василия-Варлаама: «И преосвященны, де, Иона архиепископъ с архимандритом и с игуменомъ гроб открывали и мощей досматривали. А онъ, де, старецъ Варлаамъ, был тут же и видел, что мощи благовѣрныя великие княгини Анны нетлѣнны, токмо тлѣнию предалася часть малая носа да у ног плеснѣ (а у обѣихъ ли или у одной ноги, и он того не помнит)».¹⁹ Если мы обратимся к более раннему Сказанию, то увидим, что оно вполне согласно с оспариваемым «житием» и показаниями Василия и Варлаама: «...мощи ея цѣлы и нетлѣнны обрѣтошася, токмо малы части взяты быша землею, свойствено убо есть земли еже своя взимати. Прочая же уды ея, яко бисерие драгое, в земли пребыша цѣлы и нетлѣнны, и не токмо же едины мощи не истлѣша, но и

¹² При выяснении истории создания жития Анны Кашинской во время следствия решающей стала фраза, закрепленная Соборным определением « а его, Никифоровымъ, баснемъ вѣрити нѣчему» (РНБ, собр. Погодина, № 1608, л. 4 об.)

¹³ Имеется в виду осмотр, проводившийся перед собором 1677 г.

¹⁴ РНБ, собр. Погодина, № 1608, л. 3 об.

¹⁵ Там же, л. 4.

¹⁶ Там же, л. 16 об.

¹⁷ См. об этом Белоброва О. А. Житие Анны Кашинской С. 330.

¹⁸ РНБ, собр. Погодина, № 1608, л. 9 об.

¹⁹ Там же т. 13 об.

одѣяние иноческое, в няже оболчена и положена бысть, цѣло же и не истлѣ, всѣмъ зримо и видимо, и совершенное покрытие грѣховъ всѣмъ человеком, еже есть схи́ма, цѣла же и неразуши́ма».²⁰

Несмотря на то что Сказание дает нам очень общее, этикетное описание мощей и одѣяния, все же оно недвусмысленно говорит об их целостности. Можно предположить, что мощи и одѣяние пострадали в результате разгерметизации гроба и комиссия 1677 г. видела далеко не то, что видели кашинские священнослужители и автор Сказания в 1649—1650 гг.

Большую проблему для официальной церкви в 70-е гг., в разгар борьбы со старообрядцами, представляло чудо с правой рукой Анны Кашинской. Не случайно следственная комиссия уделила этому вопросу особое внимание. Вот как это отражено в материалах следственного дела. Читаем в Соборном определении: «По скаске попа Василиа и отца его старца Варлама написано: рука правая лежит на персехъ согбенна, яко благословящая. А по нынешнему архиерейскому досмотру, правая рука в завитии погнулася, а длань и персты прямо, а не благословящими. <...> В допросныхъ рѣчахъ попа Василиа написано: андроньевской архимандритъ Силвестръ, взявъ благовѣрныя княгини руку, распростиралъ персты ея и паки сгибалъ. А старецъ Варламъ, отецъ его, сказал: архимандритъ, де, Силверстръ княгини Анны руки персты разгибалъ, а какъ отпустилъ, и они такожде согбенны учинилися по-прежнему. И то свидѣтельство и досмотръ на Москвѣ не сысканъ. А нынешняго 185-го году в досмотрѣ архиереевъ написано: согнути длани и перстовъ или разгнути ни у которыя руки невозможно для того, что задохли накрѣпко, толко кости сухия, да к нимъ присохла кожа».²¹ Соборное определение в первом случае пересказывает один из наиболее ярких и живых эпизодов, зафиксированных в материалах следственного дела. Рассказал о нем поп Василий младший: «А как, де, в прошлом, во 157-м году <...> свидѣтельствовали мощи благовѣрной великие княгини Анны преосвященной Иона архиепископъ тверской и кашинский, да Андрониева монастыря архимандрит Селивестръ, да Данилова монастыря, что за Москвою рекою, игумен Иоан, и при том, де, свидѣтельствъ мощей ея осматривали, а при осмотре, де, преосвященному архиепископу Ионе андрониевскому²² архимандритъ Селивестръ говорилъ, чтобъ свидѣтельствовать поподлиннѣе, со испытывством, было б, де, что объявить великому государю. И взял, де, он, архимандрит Селивестръ, ея, благовѣрные княгини, руку и простиралъ персты ея и паки згибалъ. <...> И как, де, благовѣрные княгини руку архимандрит осязал, то он неподалеку видел».²³ Отец попа Василия старец Варлаам описывает эту ситуацию несколько иначе: «А рука, де, правая лежит на персехъ согбенна яко благословящая. И андрониевской архимандрит Селивестръ тое руки персты розгибалъ, а какъ отпустилъ, и онѣ такожде согбенны учинились по-прежнему».²⁴

Этот вопрос был настолько принципиален, что именно приведенные показания Василия-Варлаама, его свидетельство о чуде с десницей новоявленной святой и послужили непосредственным поводом для его сурового наказания.²⁵

²⁰ БАН П I А 30 л 233 об

²¹ РНБ, собр Погодина, № 1608, л 3 об —4

²² Описка в тексте, должно быть «андрониевской»

²³ РНБ собр Погодина, № 1608, л 8 об —9

²⁴ Там же, л 13 об —14

²⁵ «Отцу же попа Василия старцу Варламу за лживыя же его повѣствованія и яко при архимандритѣ Селивестрѣ разгбенныя персты сами согнулись по прежнему судихомъ въ немъ же монастыри живеть неисходну быти ему оттуду до смерти его и о грѣсѣхъ своихъ ему каются а о лживыхъ своихъ реченіяхъ исповѣдатыся и прошения у архиерея тоя епархїи просити» Соборное определение 1678 г цитируем по публикации в статье Колосов В И Благоверная княгиня Анна Кашинская // Тр второго областного Тверского археологического съезда Тверь, 1903 С 106

Руки Анны Кашинской описаны и в раннем Сказании об обретении и перенесении мощей: «Еще же рещи чюдо дивно и преславно, яко у живы сущи десница ея, преподобная, стоитъ прямо во гробѣ, опершися лактемъ во дно гроба. Лъвица же по обычаю пребываетъ на персѣхъ».²⁶ Т. е. Сказание отмечает лишь необычное положение правой руки, ни слова не говоря о том, что это рука благословляющая. О благословении не говорится и в известном агиографическом цикле. Таким образом, это утверждение содержится лишь в показаниях кашинского священника, зафиксированных в материалах следствия. Вопрос, что явилось источником подобного утверждения, требует специального рассмотрения.

Сказание об обретении и перенесении мощей Анны Кашинской, написанное некашинцем, в большинстве случаев, как показало проведенное сопоставление, совпадает с показаниями кашинских священнослужителей Василия-Варлаама и его сыновей Василия и Никифора во время следствия 1677 г., некоторые разногласия есть лишь в описании десницы святой. И потому у нас нет оснований полностью принимать на веру результаты, к которым пришла следственная комиссия, и игнорировать показания кашинских священников. Следует заново поставить вопрос об авторах и времени создания агиографического цикла, что и будет материалом следующих статей.

²⁶ БАН, П.І.А.30, л. 234.

М. А. ФЕДОТОВА

О двух автографах Димитрия Ростовского

Подлинных автографов Димитрия Туптало, митрополита Ростовского и Ярославского, — рукописей, целиком написанных его рукой, почти не встречается. Как известно, Димитрий приказал положить черновики своих сочинений вместе с собою в гроб при погребении. Так, в одном из самых ранних сборников проповедей Димитрия Ростовского (1713 г.) есть запись: «1709, октября 28 пресвятыи и преосвященный Димитрий, митрополит ростовский и ярославский, в 1 час дни (скончался. — М Ф.), а тѣло ево погребли в монастырь свягаго Иакова, епископа ростовского, во углу у западно[й] стен[ы] рукъ (так'). По повелене (так') ево, в раке тѣло оклали черными ево руки книгами и казанами. Смерти всегда себѣ ожидал около своего имяни, с другими о том говорил; погребал преосвященный Стефанъ, митрополит рязанский и муромский». ¹ Возможно, это запись очевидца, современника митрополита. По сообщению «Актв вскрытия мощей св. Димитрия Ростовского», положенные рукописи оказались полностью истлевшими («Да под главою оного покойнаго преосвященнаго Димитрия митрополита положенныя трудов его писанья, писаные на бумаге, истлели же»). ² К счастью, достаточно хорошо сохранилась библиотека Ростовского митрополита, насчитывающая «при раскрытии сочинений, переплетенных в сборники-конволоты, приблизительно 528 рукописей и изданий». ³ Печатные книги из библиотеки Димитрия Ростовского с его личными пометами в большинстве своем находятся в РГАДА (ф. 1251 — старопечатные книги Московской Синодальной типографии), рукописные книги — в ГИМ (Синодальное собр.) и частично в РГАДА. Рукописи из библиотеки Димитрия Ростовского — это, прежде всего, списки его сочинений, выполненные в скриптории митрополита с его собственноручными поправками. ⁴ Среди автографов Димитрия Ростовского встречаются письма (отметим, что в руко-

¹ БАН, собр. Археографической комиссии, № 81 1713 г., 4°, л. 250—251 об. Пользуясь случаем, благодарим Е. В. Синицыну, указавшую нам эту рукопись.

² [Фл. Морев] Обстоятельства обретения и открытия мощей святителя Димитрия Ростовского // Ярославские епархиальные ведомости 1879 Ч неоф. № 51 С. 404

³ Янковская Л. А. Литературно-богословское наследие святителя Димитрия Ростовского восприятие иезуитской науки XVI—XVII вв. Автореф. дисс. д-ра филол. наук М., 1994 С. 31

⁴ О некоторых автографах Димитрия Ростовского см. статью Круминг А. А. Подлинные рукописи святого Димитрия Ростовского в собраниях Ростова // История и культура Ростовской земли 1993 Ростов, 1994 С. 18—24. Классификация «подлинных» (термин А. А. Круминга) рукописей Димитрия Ростовского, данная в статье А. А. Круминга, на наш взгляд, научно обоснованна. До нас дошли самые разнообразные рукописи митрополита: черновики, правленные беловые списки, одни утеряны, другие доступны и сейчас, третьи известны только по фотокопиям или факсимильным воспроизведениям сделанным в XIX в. как например, некоторые снимки выполненные Амфилохием Угличским (см. Летописец, списанный св. Димитрием в Украине с готового 2-й редакции до 1617 года, с его примечаниями по полям и с 25 ю

писной традиции чаще встречаются письма самого Димитрия Ростовского, чем письма, адресованные ему)⁵ и документы митрополита, ставленнические и разрешительные грамоты, подписанные его рукой. К таким автографам относится Разрешительная благословенная грамота Димитрия Ростовского, данная им в 1704 г. священнику Преображенской церкви в селе Лупце Пошехонского уезда Иоанну.

Вот текст грамоты:⁶

«Смиренный Димитрий, Божию милостию митрополить Ростовский и Ярославский. В нынѣшнемъ 1704-м году ноабриа въ 28 день бить челомъ нам, преосвященному митрополиту, епархии нашей Пошехонского уѣзду села Лупца Преображенской попь Иоаннь Іаковлевъ. А в челобитной ево написано: поставлен де онъ в попы братомъ нашимъ блаженныя памяти преосвященнымъ Іоасафом, митрополитомъ ростовскимъ и ярославскимъ (такъ), в прошломъ 7204-м году маиа въ 14 день, и ставленаа грамота у него есть, и в нынѣшнемъ 704-м году ноабриа въ 29 день Божиимъ изволениемъ онъ овдовѣль и без нашего благословения у того храма ерейская дѣйствовать не смѣеть, и намъ бы ево благословить ерейская дѣйствовать, и о томъ дать наша грамота. А живет де онъ попъ послѣ подружия своего в чистотѣ под паствою отца духовного, да и впредь онъ обѣщался чистоту хранить и благоговѣнно жить, и в дому у себя задорныхъ лицъ не держать кромѣ матери и сестры, и тетки. И мы, преосвященнии Димитрии, митрополить ростовский и ярославский, слушавъ ево попова Іоаннова челобитья и дозриа ставленую ево Грамоту, и исвѣсти о немъ отцемъ ево духовнымъ жеромонахом Герасимом, благословили его у того вышеписанного храма ерейская дѣйствовать нынѣшняго 1704 года ноабриа съ 28 числа два года, и о томъ дать ему нашу грамоту, и онъ, попъ Іванъ, у того храма по уставу и по правиломъ святыхъ апостоль и богоносныхъ отецъ, и по нашему благословению вса ерейская дѣйствуетъ невозбранно, а какъ отидуть годы, и ему сия наша грамота положить предъ нами. Дана ему сия наша грамота на утверждение его въ богоспасаемомъ граде Ростовѣ в нашемъ митрополичѣ домѣ лѣта 1704 году ноабриа въ 30 день». Далее следует подпись — автограф митрополита: «Смиренный Димитрий митрополить Ростовский и Ярославский».

Этот автограф нам удалось обнаружить в коллекции Н. П. Дурова (кол. 53), хранящейся в Санкт-Петербургском филиале Института россий-

нумерами снимков его почерка из 30 рукописей и печатных книг, ему принадлежавших, и диплома, ему преподнесенного Московской Духовною Академіею Издание Амфилохия Епископа Углического М, 1892 Экземпляры этой книги, имеющие снимки почерка Димитрия Ростовского, стали библиографической редкостью Нам известен только один такой экземпляр он хранится в Москве в РГБ) Автографами Димитрия Ростовского в настоящее время интересуются многие ученые Особенно много рукописей, писанных писцами и правленными Ростовским митрополитом, было перечислено в исследовании Л А Янковской (см вышеозначенную работу) Хотелось бы отметить и некоторые автографы митрополита найденные недавно И Н Лебедева обнаружила в составе библиотеки Петра I экземпляр рукописных Четыхъ Миней Димитрия на месяцы сентябрь— октябрь, октябрьские жития имеют приписки и поправки Димитрия (БАН библиотека Петра I, разд I—А, № 32 см также Круминг А А Четыхъ Миней святого Димитрия Ростовского очерк истории издания // Филевские чтения Вып 9 Святой Димитрий митрополит Ростовский Исследования и материалы М 1994 С 9—11) В Нижегородской государственной библиотеке И М Грицевской найден автограф проповеди Димитрия Ростовского «Поучения в неделю 9 по сошествии Святого Духа» произнесенной в Москве в 1701 г (Нижегородская областная библиотека, инв № Ц 8191 П)

⁵ О переписке Димитрия Ростовского см Круминг А А Федотова М А Святой Димитрий Ростовский и его переписка с монахом Феологом Чудовским справщиком Печатного Двора // Филевские чтения Вып 9 Святой Димитрий митрополит Ростовский Исследования и материалы М 1994 С 108—136 Федотова М А К вопросу об эпистолярном наследии Димитрия Ростовского // ТОДРЛ СПб 1996 Т 49 С 388—399

⁶ Текст грамоты печатается с сохранением орфографии автографа пунктуация современная титлы раскрываются выносные буквы вносятся в строку

ской истории. В «Описании» коллекции сказано: «Благословенная грамота митрополита ростовского и ярославского Димитрия священнику Иоанну церкви Преображенской в селе Лупце Пошехонского уезда (1704 г.)».⁷

Рукопись датируется 1704 г., на бумаге филигрань — шуг с двумя бубенцами, типа: Дианова, Костюхина, № 427 (1658 г.); № 456 (1665—1676); № 458 (1673—1676); № 508 (1673—1674); имеющиеся литеры не просматриваются. Текст грамоты написан на половине листа (in folio), лист, по-видимому, был запечатан и сложен. Бумага грамоты гербовая, в верхнем левом углу печать с двуглавым орлом.

Ценность обнаруженного текста заключается еще и в том, что грамота это не зафиксирована у И. А. Шляпкина в описании административной деятельности митрополита Димитрия в Ростове, перечислившего все известные ему благословенные и ставленнические грамоты. Под 1704 г. числится только «Ставленная грамота священнику Ростовского уезда села Погорелова Афанасию Михайлову от 30 января 1704 г.».⁸ Текст грамоты из собр. Дурова типичен, схож с другими документами подобного рода, почти слово в слово она повторяется в «Разрешительной грамоте 1706 г. попу Василию» тоже Пошехонского уезда Согорской волости села Туталова (нач.: «Божиею милостию преосвященный Димитрий, митрополит Ростовский и Ярославский...»)⁹

На грамоте сохранились остатки красной восковой печати с изображением благословляющей руки, находящейся в круговой подписи митрополического титула. Это печать принадлежала, вероятно, митрополитам Ростовской и Ярославской епархии. Вот, например, описание копий некоторых грамот других ростовских иерархов: «Копия благословенной грамоты митрополита ростовского и ярославского Иоанна попу Ярославской Никольской церкви Анисиму на построение каменной теплой церкви (по челобитью гостей Семена и Клима Евстафьевых детей Лузиных и ярославца торгового человека Прокофея Дехтерева). 16 июля 1678 г. На л. 23 — приписка: „На подлинной приложена красного воску печать с благословляющею рукою“. Сей список сделан из книги рукописной, представленной 22 генваря из Николо-Мокровской церкви, в которую книга и обращена». Копия грамоты была выполнена Ярославским архиепископом Антонием Знаменским. Или здесь же: «Копия благословенной грамоты митрополита Ростовского и Ярославского Иоасафа попу Ярославской Пятницкой церкви Иоанну на строительство новой теплой церкви. 23 февраля 1692 г. На л. 35 об. имеется запись: „К сей грамоте привешена печать красного воску величиною в грош, на коей благословляющая рука с над-

⁷ См. Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории М., Л. 1958 С. 397 Ср. «Из коллекции Н. П. Дурова 4 1704 г., ноября 30 Благословенная грамота митрополита Ростовского и Ярославского Димитрия, данная вдовому священнику церкви Преображенской в селе Лупце, Пошехонского уезда, Иоанну на совершение богослужения в той же церкви Подлинник на гербовой бумаге В конце собственноручная подпись митрополита с изображением благословляющей руки в круговой подписи митрополического титула» (см. ЛЗАК за 1918 год Пг., 1923 Вып. 31 С. 154)

⁸ Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 г.) СПб., 1891 С. 320 Сейчас эта грамота хранится в РГБ, ф. 256, № 316 8 Грамота печатная (что характерно для ставленных грамот), а не рукописная, образцы их печатались на Московском Печатном дворе, имена попа (Афанасия Михайлова), его духовного отца (иеромонаха Герасима), названия церкви и села («Покрова пресвятыя Богородицы Ростовского уѣзду в село Погорѣлово»), число и место, где выдана грамота, вписаны от руки На грамоте сверху имеется автограф Димитрия Ростовского «Божиею милостию смиренный Димитрий митрополит Ростовский и Ярославский»

⁹ Данная грамота напечатана Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время С. 320 321

писью вокруг¹⁰. Писана на столбце простой белой бумаги довольно порядочно скорописью. Представлена из кладбищенской Пятницкой, что на Туговой горе, 1818 генваря 22, с сим списком сличена и обращена в церковь». ¹⁰ Печать, скрепляющая эти грамоты, действительно могла принадлежать Ростовским митрополитам.

У Димитрия же была и другая печать, видимо, находящаяся в его личном пользовании, которую он употреблял, еще не будучи Ростовским митрополитом.¹¹ Образец ее мы видим в подлинном письме Димитрия Ростовского патриарху Адриану с благодарственной о заочном поставлении в Елецкие Черниговские архимандриты. Автограф письма хранится в собрании Синодальных грамот № 1517 (ГИМ).

Приведем текст письма:¹²

«Божею милостию святѣйшому и всеблагочестивѣйшему великому Господину кир Адриану, архиепископу Московскому и всеа России, и всѣхъ сѣверныхъ странъ патриарху, отцу отцевъ и пастиру пастирей, моему же в Духу Святомъ премилостивѣйшему отцу и архипастиру, нижайшее мое къ стопамъ святыхъ ногъ припадая, творю поклонение.

Подобаше мнѣ прежде поставлена моего искати благословенна вашего архипастирскаго, колми паче по поставлении самому лицеизрително бить челомъ архипастирству вашему, и благословляющую мя святѣйшества вашего десницу усты любезно лобзати, но препятемъ ми бысть ово далекое мѣста расстояние, ово же врученное мнѣ от святѣйшества вашего послушание списанна трети тримѣсячной книги Жити Святыхъ, имже присѣдѣти нуждате (такъ) скорого ради в типъ уготована. Убо худо сею хартею, стопамъ ногъ вашихъ святыхъ касааяся, архипастирскаго прошу благословенна, утверждающаго мя на степени и поспѣшествующаго ми въ предлежащемъ мнѣ дѣлѣ книжномъ, къ коему дѣлу, по благословенно вашего святѣйшества, а по любви преосвященного Иоанна, архиепископа Чернѣговскаго, егоже архиерейскихъ рукъ возложеномъ поставленъ есмь, удобное, безмятежное бо аще и скудное получихъ мѣсто, имѣа его архиерейскую ко мнѣ любовь. Найпаче же у вашего святѣйшества милости отеческия и архипастирския всемирно ишу и до лица земли челомъ бию.

Писая въ обители Пресвятой Богородицы Елецка Чернѣговския, въ лѣто воплощенна Бога Слово 1697 декавря 29. Вашего святѣйшества, моего въ Духу Святомъ премилостивѣйшаго отца архипастира и благодѣтеля великаго нижайший рабъ и подножие.

Недостойный архимандритъ Димитрій».

Лист письма был сложен и запечатан. На обороте надписан адресат: «Божею милостию святѣйшому и всеблагочестивѣйшему великому господину кир Адриану, архиепископу московскому и всеа Роси, и всѣхъ сѣверныхъ странъ патриарху, отцу отцевъ и архипастиру пастирей, моему же в Духу Святомъ премилостивѣйшему отцу и архипастиру. Честнѣ вручити»

В письме идет речь о новой должности Димитрия: пробыв менес пяти месяцев Киевским Кирилловским игуменом, Димитрій 10 июня 1697 г. избирается архимандритом Черниговского Елецкаго монастыря («Юня 10, на память св. священномученика Тимофея, епископа прусскаго, въ четвергъ,

¹⁰ См. Синицына Е. В. Описание рукописных книг исторического содержания из библиотеки Ярославского архиепископа Антония Знаменского // Проблемы истории и культуры Ростов 1993 С. 112, 114 Копии этих грамот находятся в рукописном сборнике РНБ ф. 522 (Новгородская духовная семинария), № 6836, XIX в. (ок. 1819 г.), ф. 126 л. (скоропись Переплет

¹¹ «Савва Тупгало (отец Димитрия Ростовского — М. Ф.) прислал пишет И. А. Шляпкину, — из шляхетской фамилии Савичей» (см. Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время С. 1) Возможно это и давало Димитрию право иметь личную печать

¹² Благодарим А. А. Круминга, указавшего нам шифр этой рукописи. Насколько нам известно автограф письма нигде не издавался

благословенемъ Божиимъ и волею старшихъ, принялъ монастырь Елецкой, архимандрито издревле честную Черниговскую; а 20 июня, на святого священномученика Мефодя, епископа Патарскаго, въ день недѣльный (недѣля бѣ четвертая по Святѣмъ Дусѣ) освященя архимандрическаго сподобихся въ церквѣ Успеня Пресвятыя Богородицы Елецкой священнодействиемъ преосвященнѣйшаго архиепископа Черниговскаго Іоанна Максимовича, въ славу Бога, Богородицы и всѣхъ святыхъ. Аминь».¹³ Димитрій, какъ видно из послания, былъ поставленъ на эту должность и посвященъ в архимандриты Іоанномъ Максимовичемъ (впоследствии митрополитъ Сибирскій и Тобольскій), который также былъ незадолго передъ темъ (10 января 1697 г.) заочно благословленъ патриархомъ Адрианомъ в Черниговские епископы.

В посланіи говорится и о благословеніи патриархомъ Адрианомъ работы Димитрія Ростовскаго надъ 3-й книгой (на мѣсяцы мартъ—май) Четыхъ Миней. 4 марта 1695 г. Димитрій, в то время игуменъ Глуховскаго Петропавловскаго монастыря, послалъ патриарху Адриану личное письмо по поводу передачи последнему второй части Житий святыхъ (на мѣсяцы декабрь—февраль), вышедшей в свѣтъ в февралѣ 1695 г.¹⁴ Адрианъ отвѣтилъ особой благодарственной грамотой, которая датируется мѣсяцемъ 1695 г., и послалъ в Кіево-Печерскую лавру для передачи Димитрію Успенскій списокъ Четыхъ Миней митрополита Макарія на мѣсяцы мартъ, апрѣль и май.¹⁵ В этой грамотѣ патриархъ Адрианъ и благословлялъ Димитрія на дальнѣйшую работу по составленію Четыхъ Миней: «Молимъ же Господа да и прочее шестимѣсячье пособствитъ всѣмъ ваша любви сыновской въ каковомъ либо образѣ труждаяся благосмотрѣнемъ совершити и въ конецъ Богоугодное и церкви полезное дѣло сіе привести, тѣмъ же и благословленіе на то паки и паки даемъ».¹⁶

Приведенное и цитируемое выше благодарственное письмо Димитрія (отъ 29 декабря 1697 г.) было доставлено в Москву 24 января 1698 г. иеромонахомъ Іовомъ и крестьяниномъ Афанасіемъ, о чемъ сообщается на оборотѣ конверта, в который было запечатано письмо («7206 января 23 позада (такъ) иеромонахъ Іовъ да крестьянинъ Афанасій Черниговскаго владыки»). Уже 1 февраля 1698 г. Адрианъ далъ отвѣтъ на это письмо Димитрія, в немъ патриархъ еще разъ благословилъ трудъ Димитрія и утвердилъ его в должности («Возмогай убо о Господѣ въ преданномъ тебѣ пасомствѣ брати, возмогай въ словѣ учения, возмогай в дѣлани списанія святыхъ Божіихъ угодниковъ житія <...> Писаніе намъ твое пряхомъ, и въ чинодостоинствѣ твоемъ семъ ко благодущію всѣхъ благословляемъ»)¹⁷.

¹³ Дневныя записки святого Димитрія, митрополита Ростовскаго, с собственноручно писанной книги, къ Кіевопечерской книгохранилицѣ принадлежащей, списанныя // Сочиненія святого Димитрія митрополита ростовскаго М., 1857 Ч 1 С 492

¹⁴ Письмо напечатано в кн. Архивъ Юго-Западной Россіи Кіевъ, 1872 Ч 1 Т 5 С 421—423 № С XXXV

¹⁵ Грамота Адриана в рукописной копіи хранится в сб. РГАДА, ф 381, № 420, л 1 2 См. подробнѣе Шляпкинъ И А Св Димитрій Ростовскій и его время С 252—261 Круминъ Г А А Четгы Миней святого Димитрія Ростовскаго С 26—27

¹⁶ Цит. по Шляпкинъ И А Св Димитрій Ростовскій и его время С 255

¹⁷ Письмо сохранилось среди рукописей-автографовъ Кариона Истомина, который былъ личнымъ секретаремъ патриарха Адриана, писалъ для него проповѣди и велъ переписку (см. ГИМ Чудовское собр. № 300, л 167, письмо опубликовано Браиловскій С Н Одинъ изъ пестрыхъ XVII столѣтія СПб 1902 С 129) В этомъ отношеніи рукописныя сборники Кариона Истомина представляютъ большой интересъ среди произведеній принадлежащихъ самому Кариону Истомину, имеются списки документовъ и посланій которые болѣе нигдѣ не встречаются И А Шляпкинъ опубликовавшій данное письмо патриарха Адриана также по рукописи Чудовскаго собр., не связывалъ его с комментируемымъ посланіемъ Димитрія (отъ 29 декабря 1697 г.) видимо, оно не было известно исследователю (см. Шляпкинъ И А Св Димитрій Ростовскій и его время С 260 261)

На письме Димитрия Ростовского осталась красная сургучная печать, отличающаяся от печати на «Разрешительной грамоте» Димитрия. Здесь уже мы видим в круглой рамке, в виде веток, литеры «Д» и «С» (причем буква «С» вписана внутрь литеры «Д», над буквой «Д» изображен крестик). Литеры явно обозначают инициалы имени Ростовского митрополита — Димитрий Саввич.

Нам пока неизвестно каких-либо других писем и грамот митрополита Димитрия Ростовского, которые также имели бы приложенные к ним печати как первого, так и второго образца.¹⁸

¹⁸ Подписи к некоторым ставленным грамотам приведены Амфилохием, епископом Угличским. См. Летописец, списанный св. Димитрием в Украине. Вклейка 34 «Подписи имени св. Димитрия, снятые с ставленных грамот священнических, хранящихся в монастырской Яковлевской ризнице и в Ростовском музее»

М. В. МЕЛИХОВ

«Гистория о короле Брунцвике»

(По вычегодскому списку XVIII в.)

«Повесть о Брунцвике» (далее: ПБ) известна в России с конца XVII в. История текста этого произведения, соотношение с источниками (чешскими повестями о короле Штильфриде и его сыне Бруншвике), бытование в России в рукописном виде изучались М. Петровским,¹ В. В. Сиповским,² В. Д. Кузьминой,³ А. М. Панченко.⁴ В. В. Сиповский назвал ее «сказкой о Брунцвике», а ее популярность объяснил обилием сказочной фантастики: «...русский читатель имел в ней дело с пестрой массой самых разнообразных „общих мест“ волшебного-рыцарского характера: здесь и звери-помощники, и бой со змеем, и магнитная гора, птица-ног, бой льва со змеем, причем герой помогает ослабевшему льву...».⁵

В. Д. Кузьмина, составившая классификацию рыцарских романов, относит Повесть к группе «куртуазных романов», наряду с «Повестью о Петре Златых Ключей». В таких романах, как замечает исследовательница, «элементы придворного эпоса (история герба) причудливо сплетены с комплексом разнообразных сказочных приключений героя».⁶

Подвел итоги изучению ПБ А. М. Панченко, рассмотревший это произведение по 35 спискам и показавший, что перевод ПБ сделан, скорее всего, не с одного из многочисленных печатных изданий, а с рукописи, архаичный язык которой указывает на то, что она может быть отнесена к XV в.⁷ Одной из главных особенностей Брунцвика он считает его «антигероизм», из-за которого Брунцвик «не мог стать образцом для подражания, не мог служить нравоучительным целям, ибо не был рыцарем „без страха и упрека“».⁸

Основу сюжета русской версии ПБ составляет мотив «муж на свадьбе своей жены». Этот мотив часто встречается не только в рыцарских романах, таких как «Повесть о Бове Королевиче», но и в былинах (см., например, былину «Добрыня в отъезде», где рассказывается о неудачной женитьбе Алеши Поповича). Этот мотив вытеснил, по всей вероятности, непонятный и неинтересный русскому читателю мотив «добывания герба» источника.

¹ История о славном короле Брунцвике / Сообщил М. Петровский СПб, 1888 (ПДП № 75)

² Русские повести XVII—XVIII вв. / Под ред. В. В. Сиповского СПб, 1905

³ Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси М. 1964

⁴ Панченко А. М. Чешско-русские литературные связи XVII в. Л. 1969

⁵ Русские повести XVII—XVIII вв. С. 73

⁶ Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси С. 11—12

⁷ Панченко А. М. Чешско-русские литературные связи С. 273

⁸ Там же С. 126

По обилию необыкновенных приключений главного героя произведения, подобного ПБ, в русской литературе XVII в. не было, исключая только «Александрю». Как и «Александря», ПБ повествует о приключениях героя в загадочных и таинственных странах в окружении фантастических существ. Именно обилие фантастики и волшебства и отличает ПБ от других рыцарских романов.

В собрании рукописей библиотеки Сыктывкарского университета в сборнике из Вычегодского собрания (Вычегодск. р. 1) находится текст повести, являющейся переделкой ПБ.⁹ Текст без начала, нижняя часть первого листа рукописи оторвана, на нем множество темных пятен. Несмотря на то что сборник датирован 1725 г., филигранные на бумаге позволяют отнести время его написания к 80-м гг. XVIII в. Название произведения неизвестно, но в читательской записи, помещенной на последней странице текста, оно названо «гисторией».¹⁰ Мы предлагаем в дальнейшем называть его «Гисторией о Брунцвике» (ГБ).¹¹

Социальное положение писца, а возможно, и автора ГБ, чердынского мещанина Федора Оболенского, одного из владельцев сборника — усть-куломского крестьянина Григория Липина позволяет сделать вывод о том, что и читателями сборника были также крестьяне и мещане, а сама Гистория является одним из многочисленных произведений посадской литературы. О литературе посада Д. С. Лихачев писал, что «она и пишется демократическими авторами, и читается массовым читателем, и по содержанию своему отражает интересы демократической среды. Она близка к фольклору, близка разговорному и деловому языку».¹²

Как показали наблюдения над текстом ГБ, со своим источником — «Повестью о Брунцвике» — она очень мало связана. Из ПБ в Гистории сохранился только один мотив: мотив верной дружбы Брунцвика со львом. Имена немногочисленных героев ГБ также изменены: если имя отца героя в ПБ Штильфрид, то в ГБ ему дано имя римского императора Тиверия (Тиберия), имя жены Брунцвика в ПБ Неомения, в ГБ — Цвенетрия. Центральный сюжетный мотив ГБ — традиционный для рыцарского романа мотив сватовства и удачной женитьбы главного героя, на нем и строится повествование в сохранившейся части Гистории. Можно предположить, что в утраченной части ГБ рассказывалось о многочисленных приключениях Брунцвика до его женитьбы. Повествование в ГБ начинается с описания

⁹ Сборник из Вычегодского собрания рукописей библиотеки Сыктывкарского университета (Вычегодск. р. 1), в 4-ку, 71 л. Переплет картонный, плохой сохранности. На верхней крышке переплета скорописью «Сия книга „Ксинопсис“ устькуломского крестьянина Григорья Софронова Липина» Ниже — владельческий штамп овальной формы: «Иван Алексеев Бронников в Яренске» Филигранные нечеткие из-за сильной загрязненности бумаги: 1780, 1783. Скоропись одного почерка Писец оставил автограф: «Конец сей книге. Писал сию Федор Иванов Оболенской своеручно 1725 года месяца декабря 20 числа». На нижней крышке переплета нарисован круг, в круге: «Сия книга глаголемая „Синописис“ города Чердыни мещанина Федора Иванова Оболенскаго Писал и переплетал сам своєю рукою 1725 года месяца декабря 21 числа» На л. 6 — читательская записка: «Читал Григорей Софронов. Читал Григорей Софронов Липин Липин Григорей Липин. Конец сея гисторие Славно Славно»

В рукописи два текста на л. 1—6 об — неизвестная повесть, написанная по мотивам «Повести о Брунцвике», на л. 7—71 — «Синописис» «Синописис» переписан с печатного издания 1680 г., но писец сократил текст — он исключил 11 глав, посвященных Куликовской битве, и еще две главы «О церкви Пресвятыя Богородицы десятиной в Киеве» и «О походе Владимирове к Суздалью, Ростку и Великому Новгороду», внес незначительные изменения в текст некоторых глав

¹⁰ См. примеч. 8

¹¹ Далее текст ГБ цитируется по рукописи Вычегодск. р. 1, листы указаны в скобках после цитаты

¹² Лихачев Д. С. Зарождение и развитие древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 91

возвращения Брунцвика из путешествия с пленниками и богатой добычей (это две «княженецкие дочери», «разбойники», «б человек завулонских людей», «страшная глава» неведомого чудовища, лев, «друг и брат и хранитель живота» Брунцвика, богатырский конь и богатства, которые «невозможно никому умножить счетом оценить»).

По возвращении Брунцвик приказывает «делати великую и чудную церковь, среди дворца своего состроить богатый престол и на пристани высочайшу башню». Начав строительство, он просит у родителей, «отца своего Тиверия и матери, благословения <...> ехать ему в венгерское королевство» свататься к «дщери» короля. Получив благословение, Брунцвик берет льва, коня, «завулонских людей», «главу зверину» и отплывает на двух кораблях. В венгерском королевстве он, надев маску и венгерское платье, тайно сошел на берег, увидел принцессу, «уязвился любовью» к ней. Затем Брунцвик решительно приступает к сватовству и объявляет «ковалеру» венгерского короля о цели приезда: «...приехав до вашего короля для понятия в законный брак королевской дщери вашей. Аще же король ваш не отдаст ее, то королевство его все погублю».

Устрашенный король, посоветовавшись со своим «ситклитом», высылает против Брунцвика поединщика — богатыря Флагона (Флегона), который пред тем семь лет просидел в «темнице затворен». Флегон, с большим трудом отыскавший себе коня, выезжает против Брунцвика и сдается ему. Победитель входит в крепость, и венгерский король отдает ему свою дочь Цвенстрию. Но Брунцвика как настоящего рыцаря не устраивает бескровная победа. Он просит «привести от зверей каких угодно, хотя и великаго и срашнаго (*так!*) дракона». Приводят «великого ариуда (видимо, аркуда, т. е. медведя. — М. М.), на которого страшно и зрети». Брунцвик доблестно побеждает его, и после этого подвига сомнений в богатырской мощи героя ни у кого не остается. Через три дня жених и невеста отплывают на родину Брунцвика, где и устраивают пышную свадьбу. Вскоре после свадьбы родители Брунцвика умирают, он становится королем и 15 лет счастливо и мудро правит процветающим государством. Почувствовав приближение смерти, Брунцвик завещает своей жене «два за одним столом кормити по смерти» и умирает, оставив «наследников королевству своему». Узнавший о смерти Брунцвика лев настаивает похоронную процессию в церкви, «припаде ко гробу <...> поднявся высоко над гробом и ударися о мраморной пол и тако умре». Похоронен был Брунцвик в церкви, «друга же его льва вне церкви закопаша».

Образ Брунцвика в ГБ значительно отличается от Брунцвика в ПБ: неизвестный автор (возможно, им и на самом деле был Федор Оболонский) создал в своем произведении образ героя, во многом напоминающего Петра I. Он не бесхарактерный и робкий «человек вообще», авантюрист поневоле. Герой ГБ отличается целеустремленностью, хладнокровной расчетливостью, он человек дела и решительно преодолевает препятствия, если они возникают на пути. Введен в ГБ и мотив гуманности героя, который может великодушно простить своего врага (например, Брунцвик назначает своего недавнего противника на поединке Флегона «фелтмаршалом в венгерское королевство»).

На связь ГБ с петровской эпохой указывает множество деталей. Это прежде всего язык произведения, в котором наряду с традиционной для рыцарских романов устаревшей лексикой и архаическими глагольными формами (*дщерь, дска, выспрь, дивляхуся, устроиша, семо, сице, похвалях, рамены* и др.) встречается и множество новых слов (*фонарь, кирка, маски, шпиль, штандарт, ковалер, комплимент, манифесты, «феверки»* и т. п.).

Демократический автор (мещанин или купец) воплотил в своем герое черты идеального (в соответствии с представлениями своего сословия) мо-

нарха — мудрого короля, покровителя торговли, строителя. Цель своей государственной деятельности Брунцвик видит в укреплении экономики государства. Важнейшим мероприятием Брунцвика становится предоставление беспощадной торговли иностранцам. В результате мирных реформ Брунцвика «такое государство ево обогатится, что уже и мрамором улицы высланы» (Л. 5 об.). Мудрая внутренняя политика Брунцвика настолько подняла его международный авторитет, что соседние государства стали добровольно платить ему дань: «В таком изрядном порядке процветаше и <...> многие окресные кради и рыцари начаша ему дань давать и его во всем слушати и в своих градах славно величати» (Там же). Далее сообщается о том, что в королевство Брунцвика «от всех стран начаша съезжаться, многое число купецких кораблей, по 400 в лето» (Там же). Возможно, что в данном случае автор ГБ отталкивался от исторической действительности: как известно, торговля с иностранными государствами в петербургскую эпоху процветала, и если в 1724 г. в русские порты на Балтийском море прибыло 240 кораблей, то в 1725 г. — уже 914.¹³

С петровской эпохой связан и другой мотив Гистории — мотив строительства башни-маяка высотой «200 сажень, под нею же врата зело высоки, чтоб можно в гавань корабли заводить», на башне он «повеле учредить великий фонарь, в котором по вся нощи засвещати свечи, вокруг же того фонаря семь сажень» (Л. 2).

Возможно, что в рассказе о башне, построенной Брунцвиком, нашли отражение многочисленные начинания Петра I, к концу правления которого на Балтийском море было построено пять маяков. По одному из проектов в Кронштадте предполагалось строительство именно такого, как в ГБ, маяка. На рисунке архитектора И. Ф. Браунштейна (1722 г.) есть изображение многоярусной башни-маяка в конце одного из каналов Кронштадта, который должен был разделить Военную гавань на две части. В этой башне предусматривалась арка для прохождения кораблей. Был составлен проект башни, подготовлены чертежи, построена модель, в 1722 г. заложен фундамент, но затем строительство прекращено.¹⁴

Есть в ГБ еще два фрагмента, которые, по всей вероятности, также самым непосредственным образом связаны с петровской эпохой. Это описания свадебной церемонии Брунцвика и его похорон. Автор показал себя большим знатоком придворных церемониалов и подробно перечислил множество деталей торжественных шествий. Так, в «брачной церемонии» следовали «напреди 6 скороходов арапских, 6 же камор-пажей, 6 камор-юнкер, 2 полковника...» (далее перечислено еще 12 групп участников различных придворных и воинских чинов). Кроме того, по случаю свадьбы Брунцвика «бысть всякому рангу повышение от нижнаго даже до вышнаго»: богатыря Флегона — «фелтмаршалом в венгерское кралевство», «двоих же стражей» (завупонских воинов) — бригадирами, «разбойников же в разные полки капитанами, выше помянутых двоих княженецких дочерей выдал замуж за своих министров» (Л. 5). Несколько менее подробно описание похоронной процессии. Указано, что в ней принимали участие войска («500 000 по обе стороны стояли с черньми флерами»), что были представители от иностранных держав и что «от 1-го часа и даже до 12-го летняго дни следовали чин за чином и класс за классом» (Л. 6), перечислены должности и звания участников, указано их количество, порядок следования и т. п. детали.

¹³ Соловьев С. М. Соч. Т. 18. История России с древнейших времен. М., 1993. С. 461—462.

¹⁴ Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. Л., 1983. С. 48—49.

Возможно, что автор ГБ видел одну из многочисленных гравюр петровской эпохи, на которых изображались торжественные шествия, и именно на них ориентировался при работе над своим текстом. Примером такой гравюры может послужить «Торжественное вступление русских войск в Москву 21 декабря 1709 года после Полтавской битвы» Ф. Зубова (1711 г.), на которой перечислены все участники торжественного марша, причем некоторые из них (Петр I, А. Д. Меншиков) названы по именам, остальные — только по званиям.¹⁵

ГБ имеет ряд деталей, сближающих ее с рыцарскими романами, но не с ПБ, а с «Александрией», «Повестью о Бове королевиче», «Повестью о Петре Златых Ключей», «Повестью о Еруслане Лазаревиче» и др. Однако автор ГБ редко заимствует фрагменты текста, чаще всего он использует ключевые слова, образы, импровизируя по мере своих скромных способностей на заданную тему.

«Александрия» стала источником двух фрагментов ГБ. В первом фрагменте — описании престола Брунцвика — совпадают практически все ключевые слова, и лишь одно словосочетание «слоновыми костями» заменено другим — «каменными драгими»:

«Александрия»

Престол его украшенъ зело искусным златомъ и зеленымъ каменнемъ и златомъ и зеленымъ каменнемъ и слоновыми костями¹⁶

ГБ

Соделаша престол, зело предивно весь украшен златом, серебром и каменями драгоценными (Л. 2).

Безусловно, из «Александрии» в ГБ пришел и один из элементов ритуала приема королем Брунцвиком иностранных послов: король помещает перед своим престолом надпись, предупреждающую о том, что к переговорам будут допущены лишь те, кто преклонится перед его престолом, шлемом, мечом и копьем. Из «Александрии» заимствуется не весь фрагмент, а только две детали военной экипировки (шлем и копье) из рассказа о приеме Александром Македонским послов царя Дария. Перед тем как послов допускают к Александру, их заставляют поклониться его шлему, вынесенному на копье Антиохом. Посол Дария Кандаркус вначале отказывается, видя в этом ритуале унижение достоинства своего повелителя, но потом смиряется со своей участью и поклоняется атрибутам военной экипировки и царской власти будущего царя-завоевателя. Но если в «Александрии» данный эпизод дан как частный случай унижения Александром послов царя Дария, то в ГБ он вставлен в другой контекст: Брунцвик ввел преклонение перед атрибутами своей рыцарской доблести в придворный ритуал:

«Александрия»

Антиох же сих (послов — М М) сrete, гельм Александров против ихъ изнесе и поклонитися имъ повеле Кандаркус рече к нему «Аще копию Александрову поклонюся, то несте подручни царю Дарию и аз не смею очию Дариевыхъ видети»¹⁷

ГБ

Аще котораго государства сильный посол се нашему престолу, мечу, шелому копию не поклонятся, то не узрите нашего лица (Л. 2)

¹⁵ Калязина Н В, Комелова Г И Русское искусство Петровской эпохи Л 1990 № 162

¹⁶ Александрия / Подгот текста, пер и коммент Е И Ванеевой // ПЛДР Вторая половина XV века / Вступ статья Д С Лихачева, Сост и общая ред Л А Дмитриева и Д С Тихачева М, 1982 С 42

¹⁷ Там же

Один из фрагментов ГБ — описание красоты венгерской королевы Цвететрии — сходен с фрагментом «Повести о Петре Златых Ключей», в котором рассказывается о красоте Магилены. Совпадают, как и в предыдущих случаях, ключевые слова, причем в ГБ в характеристику героини введена дополнительная деталь: она не только прекрасна, но и мудра:

«Повесть о Петре Златых Ключей»

есть у него (неаполитанского короля — М М) дщерь, именем Магилена, вельми прекрасна и на свете несть краше¹⁸

ГБ

Ибо у того венгерского короля есть дщерь зело прекрасна, против которой немало во всем свете находилось (Л 2)

Очевидно, что из рыцарского романа в ГБ пришел и мотив богатыря, заточенного в подземелье и в последний момент выручающего государя и выезжающего сразиться с непобедимым врагом. В ГБ против Брунцвика, приехавшего свататься за Цвететрию, ее отец, венгерский король, посылает богатыря Флегона (Флагеона), который был семь лет в «темнице затворен», обещая ему «дщерь свою в жены» (Л. 3 об.). Флегон на поединок выехал, но сдался Брунцвику без боя.

Аналогичная ситуация имеется в «Повести о Бове Королевиче», где сразиться с Бовой король Маркобрун посылает богатыря Полкана. В эпизодах ГБ и «Повести о Бове Королевиче» совпадают и последовательность изложения событий, и, как и в предыдущих случаях, ключевые детали. В обоих произведениях решение об отправке на поединок с неведомым могучим богатырем (Бовой и Брунцвиком) принимают короли со своими приближенными (в одном случае это «юноши», в другом — «людие»):

«Повесть о Бове Королевиче»

юноши почели говорить «Государь наш король Маркобрун! Что намъ за Бовою ити? Бовы нам не взять, только нам головами своими наложить. Есть, государь, у тебя сильный богатырь, а имя ему Полкан < > Тотъ может Бову сугнати и поимать» И король Маркобрун велел Полкана ис темницы выпустити и послал за Бовою¹⁹

ГБ

людие отвещаше кралю «Аще таковая вся имеет, то не надлежит и спорить с ними и напрасно людей тратить» Потом же разсудивше вси свободити вышеобъявленного богатыря Флагеона и послати его ко Брунцвику Слышав же король совет их и тако скоро посла по богатыря того, приказа его свободити (Л 3 об)

Реплика, с которой Брунцвик обращается к богатырю Флегону, также практически дословно воспроизводит реплику Бовы в эпизоде единоборства последнего с Ивашкой Белая Епанча:

«Повесть о Бове Королевиче»

Брате Ивашко! Смерти хочешь или живота?²⁰

ГБ

Что желаша — живота или скорой смерти? (Л 3 об)

С рыцарскими романами связан и эпизод, в котором рассказывается о поиске богатырем Флегоном коня и вооружения перед выездом его на бой с Брунцвиком. В былинах и романах этот мотив всегда разрабатывается подробно. богатырь (например, Бова Королевич) перед сражением находит не простого коня, а богатырского, ему и предназначенного, который может стоять «на 12 цепях, по колени в землю вкопан и за 12 дверьми». Здесь же может быть и богатырское оружие — «30 доспехов старых богатырей и меч-кладенец».²¹

¹⁸ Повесть о Петре Златых Ключей / Подгот текста и коммент М В Рождественской // ПЛДР XVII век Кн I М, 1988 С 324

¹⁹ Повесть о Бове Королевиче / Подгот текста и коммент А М Панченко // Там же С 294

²⁰ Там же С 311

²¹ Там же С 284

О сборах Флегона на поединок с Брунцвиком повествуется намного проще, о его доспехах и оружии в ГБ вообще ничего не сообщается, нет и описания достоинств найденного Флегоном коня, словом, данный эпизод оформлен весьма прозаично: «Флегон же, служа о сем, что коня у него нет, однако нашед коня, который пойдет ему сослужить может» (Л. 3 об.).

Есть в ГБ и мотивы, построенные с ориентацией одновременно и на былины, и на рыцарские романы. Установить источник этих фрагментов невозможно — все они трансформированы. Так, мотив строительства героем церкви после совершения им особо выдающегося подвига или спасения от неминуемой гибели нередко встречается в былинах. Например, в былине «Три поездки Ильи Муромца» церковь строит Илья Муромец.²² В былине «Михайла Потык» Илья Муромец, Добрыня Никитич и Михайла Потык строят часовню Николе Можайскому.²³ После счастливого возвращения от царя морского строит церковь во имя Николы Можайского Садко в былине «Садко».²⁴ Реже мотив строительства церкви встречается в рыцарском романе, но «малую церковь во имя святых апостол Петра и Павла, и больничью» построила Магилена в «Повести о Петре Златых Ключей».²⁵

В группе эпизодов о сватовстве Брунцвика к дочери венгерского короля повествование ведется по плану, по которому в былинах рассказывается о приезде богатыря к месту назначения: сообщается о месте, на котором он раскинул свой шатер (это может быть «поле», «чистое поле», «крутой ясен бережок», «распушь» и т. п.), затем сообщается о том, что он расставил свою «палату», или «шатер» и отпустил коней на выпас. В ГБ Брунцвик, приплыв на корабле к городу, в котором живет Цвенетрия, «повеле на прибрежном лугу поставить светлую полату <...> и коня своего пусти у шатра» (Л. 2 об.).

*«С каких пор перевелись витязи
на святой Руси»*

Становились витязи на распутин,
Разбивали бел полотнян шатер,
Отпускали коней гулять по
чистому полю²⁶

Повесть о Еруслане Лазаревиче

[Еруслан Лазаревич] наехал в чистъ полъ
шатер стоит, а у бела шатра доброй конь
стреножен < > и Еруслон Лазаревич при
пустил добра коня Араша въшаго к тому же
корму²⁷

Подведем итоги нашим наблюдениям. «Гистория о Брунцвике» — произведение, появившееся, по всей вероятности, в петровскую эпоху или вскоре после смерти Петра I в посадской среде. В ней соединились, с одной стороны, черты рыцарского романа и былины, с другой — исторического документа, самой действительности первой трети XVIII в. ГБ можно посчитать в один ряд с такими произведениями, как сочиненная юнкером Петром Орловым в 1750 г. «Гистория о королевиче Архибалоне» (оригинальная переделка русского перевода «Истории о Париже и Вене», в которую введены эпизоды из «Повести о Петре Златых Ключей») или «История о Ярополе царевиче». Как специфическую черту ГБ можно отметить особый тип освоения художественного материала, не свойственный ни былинам, ни рыцарским романам, ни даже повестям петровской эпохи, который проявился в смелом включении в повествование фактического материала, связующего произведение с современной автору действительностью

²² Три поездки Ильи Муромца // Былины / Сост. вступ. статья, подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М., 1988. С. 207.

²³ Михайло Потык // Там же. С. 348.

²⁴ Садко // Там же. С. 445.

²⁵ Повесть о Петре Златых Ключей. С. 365.

²⁶ С каких пор перевелись витязи на святой Руси // Былины. С. 310.

²⁷ Повесть о Еруслане Лазаревиче / Подгот. текста и коммент. Н. С. Демковой // ПЛДР. XVII век. Кн. 1. С. 305.

А. В. ПИГИН

Видения потустороннего мира в рукописной традиции XVIII—XX вв.

В рукописных сборниках и отдельных списках XVIII—XX вв. нередко встречаются тексты, рассказывающие о видениях потустороннего мира и представляющие определенный интерес для исследователей древнерусской литературы, фольклора и истории старообрядчества. Видения — один из тех средневековых жанров, которые не умирают вместе с древнерусской литературой. Во второй половине XVII—XVIII в. преимущественно среди старообрядцев становятся чрезвычайно популярны древние видения, создаются лицевые эсхатологические сборники, включающие большое число видений,¹ появляются новые произведения этого жанра. Немало видений было записано и позднее — в XIX—XX вв. Просмотр только некоторых рукописных собраний Москвы, С.-Петербурга и Нижнего Новгорода позволил выявить около 15 видений, созданных в XVIII—XX вв., некоторые из них — в нескольких списках. Видения потустороннего мира до сих пор охотно читаются в крестьянской среде, особенно там, где была сильна церковная или старообрядческая идеология. Школьная тетрадка с записями религиозных стихов, молитв и видений — не такая уж редкая находка в современной археографической работе.

Настоящая статья из-за небольшого объема неизбежно представляет собой лишь самый общий обзор некоторых видений XVIII—XX вв.² Ее

¹ См., например РНБ, собр ОЛДП, Q № 25, XVIII в В составе Житие Василия Нового (видения о Феодоре и о Страшном суде), эсхатологические повести из Великого Зеркала, Слово Палладия мниха о втором пришествии, Повесть о видении Козмы игумена, Видение некоего человека именем Иоанна, и др

² В статье рассматриваются следующие видения 1) Видение некоей старухи 1748 г (далее С) РГБ, собр Барсова, № 332, л 62—63 об XVIII в, РНБ, О 1369, л 18—22, XIX в См Пигин А В Юхименко Е М К истории жанра видений в выговской литературной школе («Видение некоей старухи» в 1748 г) // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России Петрозаводск (в печати), 2) «Повесть о душеполезном видении» Андрея Данилова Иконникова 1785 г (далее А) см Приложение, 3) «Сказание о дивном видении» девицы Маргариты 1804 г (далее М) БАН, собр Лукьянова, № 33, XIX в, 4) Видение иеросхимонаха Нижегородского Печерского монастыря Мардария 1845 г (далее Мр) ОРК Нижегородской обл библиотеки P/239 л 1—16, XIX в 5) Видение девицы Пелагеи 1850—60-е гг (далее П) ОРК Нижегородской обл библиотеки P/175, XIX в См Грицевская И М, Пигин А В К изучению народных легенд об «обмирании» (Видение девицы Пелагеи) // Фольклористика Карелии Петрозаводск 1993 С 48—68, 6) «Чудесное сновидение» Феклы 1902 г (далее Ф) 7) Видение Иоанна Кронштадтского 1907 г (далее И), 8) «Сон Домнушки-христианки» 1914 г (далее Д), 9) «Видение рабы Веры» 1962 г (далее В), 10) Видение Клавдии 1964 г (далее К) Списки текстов № 5—8 10 были привезены фольклорными экспедициями Петрозаводского университета из Каргопольского р-на Архангельской обл в 1993—1994 гг Текст № 9 любезно сообщен нам О А Савельевой которая обнаружила его в Богородском р-не Нижегородской обл Принишу также благодарности О Р Николаеву, познакомившему нас с видениями XX в списки которых обращаются среди деревенских жителей Тверской и Брянской области (По видимому некоторые видения XX в пришли в рукописную традицию из каких то религиозных печатных изданий)

цель заключается в том, чтобы привлечь внимание исследователей к этому интересному и совершенно не изученному материалу.

Видения потустороннего мира имеют давнюю традицию в восточной, западноевропейской, византийской и древнерусской литературах.³ Большой интерес у древнерусского читателя вызывали такие переводные и оригинальные произведения этого жанра, как Видение Макария, видения из житий Василия Нового, Андрея Цареградского, Видение Козмы игумена (из Пролога), Видение Антония Галичанина, видения из различных патериков и т. д. К видениям примыкают сказания о «хождении» в загробный мир: Хождение Богородицы по мукам, Хождение апостола Павла, Сказание отца нашего Агапия и др. Видения XVIII—XX вв. в целом сохраняют жанровый канон и эсхатологическую топику древнерусских сочинений, однако добавляют к ним и ряд новых черт. В частности, здесь появляется обилие фольклорных элементов, происходит дальнейшая беллетризация жанра, поэтичность и глубина христианского содержания часто уступают место внешним эффектам, натурализму, «сценам ужаса» (особенно в текстах XX в.). Заметное влияние на видения оказали также Пролог, Великое Зерцало и Синодик. Авторы видений черпали из этих сборников отдельные образы и сюжеты, не обязательно эсхатологического характера. С Синодиком, кроме того, видения роднит тема поминовения усопших, являющаяся одной из основных в анализируемых текстах.

Другая традиция, которая должна быть указана в связи с видениями XVIII—XX вв., — это фольклорные рассказы об «обмирании». По народным представлениям, «во время обмирания (летаргического сна) душа человека, руководимая Николаем Угодником, странствует на том свете по аду и раю, видит там своих родных и знакомых, обреченных на муку и страдание или блаженствующих в райских садах. Обмиравшая душа может передавать повесть своего странствия в назидание живущим; запрещается ей скзывать только три какие-то таинственные слова».⁴ Многие видения представляют собой не что иное, как письменные фиксации таких устных рассказов. В некоторых из них сохраняется даже указание на саму ситуацию обмирания: «...старуха <...> обумирала в полнощ» (С), «мнит быти себе в то время обмирающа» (А). Наконец, общие мотивы сближают видения с духовными стихами и сказочно-легендарными текстами о пребывании человека на том свете («Крестник Бога (Христа)», «Божий пастушок»⁵ и др.).

Видения XVIII—XX вв. достаточно разнообразны по своему происхождению, содержанию, объему и литературным достоинствам. Визионерами являются здесь старообрядцы разных согласий (С, М), православные монахи и монахини (Мр, Ф), крестьяне (П), горожане (В, К). Почти обязательные указания на место, где произошло видение, свидетельствуют об очень широком географическом распространении произведений этого жанра: Корела (С), Бердюковская пустынь под Москвой (А), Нижегородский Печерский

³ См Сахаров В Эсхатологического сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи Тула, 1879, Батюшков Ф Спор души с телом в памятниках средневековой литературы СПб, 1891, Гуревич А Я Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» Средних веков // Тр по знаковым системам Тарту, 1977 Т 8 С 3—27, Ярхо Б И Из книги «Средневековые латинские видения» // Восток — Запад Исследования Переводы Публикации М, 1989 Вып 4 С 18—55

⁴ Афанасьев А Н Народные русские легенды М, 1859 С 129 См также Голстые Н И и С М О жанре «обмирания» (посещения того света) // Вторичные моделирующие системы Тарту, 1979 С 63 65, Лурье М Л, Тарабукина А В Странствия души по тому свету в русских обмираниях // Живая старина 1994 № 2 С 22 26

⁵ См Сравнительный указатель сюжетов Восточнославянская сказка Л 1979 С 139 (471—471**)

монастырь (Мр), Вологодская губерния (П), Тихвинский Введенский монастырь (Ф), Одесская область (В), Барнаул (К).

Видения, как писал Б. И. Ярхо, «принадлежат к дидактическим жанрам, ибо цель их — открыть читателю истины, недоступные непосредственному человеческому познанию».⁶ Не случайно жанр видений использовался в средние века в полемических — религиозных и политических — целях. Многие видения XVIII—XX вв. сохраняют эту важнейшую жанровую функцию. Среди рассматриваемых сочинений есть видения, написанные выговцами против филипповцев (С), старообрядцами поповского толка — против беспоповцев и «щепотников» (православных) (М), православными — против старообрядцев (А), христианами — против «безбожников» и революционеров (И). Визионером в этих полемических сочинениях часто оказывается человек, сомневающийся в каком-либо религиозном вопросе, стоящий перед выбором. Во время загробного откровения он постигает истину и освобождается от своих сомнений (А, М). В другой группе видений полемика по религиозно-обрядовым вопросам уступает место проповеди морального закона. Предметом осуждения являются здесь немилосердие к нищим, небрежение постом и молитвой, лечение у «чародеев», пьянство, блуд и т. п. Таких видений удостаиваются, как правило, грешники, которые должны по возвращении души в тело покаяться (П) или даже стать проповедниками христианской веры (К).

Некоторые сочинения, по-видимому, недалеко отстоят от первоначального устного рассказа и по времени и по степени литературной обработанности. Такие тексты, как правило, невелики по объему, написаны простым языком, эсхатологические сюжеты в них лишь намечены, но детально не разработаны. В этих видениях сохраняется неподдельная эмоциональность воспоминаний визионера о недавно пережитом (С, А, П).

В других видениях заметна очень сильная, порой неумелая обработка. Исконный устный текст восстановить здесь невозможно даже предположительно из-за многочисленных наслоений. Часто повествование разрастается за счет включения в него небольших «прикладов» назидательного характера. Встретив на том свете кого-либо из своих знакомых, ясновидец (в большинстве случаев, скорее всего, редактор) рассказывает связанную с ним историю, сюжет которой восходит к древнерусским памятникам или народным легендам. Нередко приводится рассказ о том, как визионер безуспешно пытается вытащить из адской бездны своего знакомого или родственника, за ноги которого хватаются другие грешники⁷ (В). Старец Мардарий встречает в местах мучений женщину, на которую «вопиют» лежащие рядом три младенца. В небесной церкви он видит своего знакомого, одетого в простой кафтан. Смысл увиденного становится ясен Мардарию только после воскресения, когда он находит эту женщину (она была жива и пребывала как бы в двух мирах одновременно) и родственников праведника и расспрашивает их. Три младенца — это незаконнорожденные дети, которых мать убила с помощью чародейства.⁸ Кафтан — это та милостыня, которой однажды праведник оделил чудесного нищего (Христа).⁹ Оба «приклада» выделены отдельно и помещены в рукописи на нижнем поле как своеобразные комментарии к тексту. Видение Мардария наглядно демонстрирует один из пугей беллетризации жанра. В других сочинениях подобные «маргинальные» сюжеты читаются в самом тексте, особенно много их в видениях XX в. На-

⁶ Ярхо Б. И. Из книги «Средневековые латинские видения» С. 21

⁷ Ср. Сравнительный указатель сюжетов С. 202 (804)

⁸ Ср. Там же С. 194 (765 А*)

⁹ Ср. Пономарев А. И. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 4. Славяно-русский Пролог. Ч. 2. Январь—апрель. СПб. 1898. С. 163—164, 176

пример, видение Домнушки-христианки включает эпизоды о чудесном омоложении в небесной воде, о полете над землей, о споре ангелов и бесов из-за души умершей женщины и т. д. Все они воспринимаются как отдельные самостоятельные рассказы, объединенные мотивом путешествия и образом ясновидца. Сама структура жанра — череда загробных встреч — позволяла редакторам дополнять первоначальный устный рассказ все новыми и новыми эпизодами, благодаря чему некоторые поздние тексты превратились в своего рода «эсхатологические энциклопедии».

Почти все анализируемые видения имеют точное календарное приурочение. Обычно это дата приходится на церковный праздник, на время поста, на начало одного и конец другого временного цикла: Успение (С), Чистый понедельник (П), первое января (И), Великая суббота (Д), Сорок мучеников (В) и др. Традиционная календарная семантика часто находит свое отражение в видениях. Так, уснув в Великую субботу, Домнушка-христианка становится участницей торжественного празднования Пасхи на небе.¹⁰ Девушка Пелагея, оказавшись на том свете в Чистый понедельник (П), после масленицы, ужасается тому, какие муки ожидают грешников за веселье, «смехотворные шутки», «песни и пляски на игрищах». Иногда видение происходит после причащения Святых Тайн (Ф, Д), во время паломничества к какому-либо святому месту (А, М). «Некая старуха» видит свое видение «в полночь» — именно полночные видения и сны почитались в народе самыми важными. Обязательным является указание и на продолжительность видения: 5 (С), 13 (А), 20 с половиной (Ф) часов, сутки (П), 14 суток (М), 24 дня (Д).

Нередко видению предшествует тяжелая болезнь визионера, во время которого он размышляет о своей посмертной участи (Мр), призывает смерть (В). В видении ясновидец получает ответ на эти размышления, убеждается в ничтожности земных страданий перед загробными, иногда узнает дату своей смерти. Один из самых устойчивых мотивов — невозможность излечиться от болезни у земных врачей, бессилие врачей перед тайнами Божьего промысла. К ясновидцу, находящемуся в состоянии обмирания, приглашают «фельдшера» (Ф), «лекаря» (М), которые никакими средствами не могут вернуть его к жизни. Особенно детально эта тема разработана в рассказе о видении Клавдии, где она решена в духе древнерусских патериковых легенд. «Безбожница» Клавдия была больна раком и «решила сделать операцию». Когда врач разрезал ей живот, он пришел к выводу, что больная жить не будет: «...ей жить нечем, у нее здорового нет ничего». Во время операции душа Клавдии побывала на том свете, очистилась от грехов и затем вернулась в тело, которое оказалось совершенно здоровым. Свое исцеление Клавдия получила от «небесного врача», а не от земного. Традиционные древнерусские мотивы, известные, например, по «Слову о святом Агапите из Киево-Печерского патерика»,¹¹ здесь хорошо узнаваемы: врач-«иноверец» («врач был еврей») предсказывает человеку смерть, но в результате совершившегося чуда обращается в христианина. Образ врача выполняет в видениях и еще одну функцию: осмотр ясновидца врачом и те свидетельские показания, которые при этом приводятся, должны убедить читателя в истинности чуда. Так в видениях поздней традиции осуществляется столь характерная для этого жанра установка на достоверность.

По загробному миру душа не может путешествовать без проводника. Чаще всего ее сопровождают ангелы (С, А, П), «рабу Божью» Веру водит

¹⁰ В день Пасхи оказывается на небе и Христов крестник народных легенд См. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева В 3 т М 1986 Г 3 с 288

¹¹ См. ПЛДР XII век М, 1980 С 522—530

по тому свету Богородица, Феклу — ее умершая сестра. Иногда спутником визионера является святой: Сергей Радонежский (М), Макарий Желтоводский (Мр), Серафим Саровский (И). Такие видения близки житийному жанру посмертных чудес: открыв визионеру сокровенные загробные тайны, святой исцеляет его от нравственного или физического недуга.

Потусторонний мир в видениях не имеет четкого строения. Обычно он предстает как цепочка никак не связанных между собой загробных областей, одни из которых являются местами блаженства, другие — местами мучений. Описание рая в сочинениях, испытавших влияние церковной книжности, очень традиционно. Рай — это большая церковь посреди «прекрасного града», окруженного со всех сторон стеной, а райская жизнь — вечная церковная служба (Мр). Согласно другим текстам, близким к народной прозе, души праведников живут на том свете в особях «храминах», стоящих в «зело красных» полях с «разными цветами» (С, П). Умершие имеют такой же облик, что и живые люди, носят земную одежду и обувь, ходят друг к другу в гости. Среди обитателей райских мест душа почти всегда встречает детей, умерших после крещения, солдат, погибших на войне, знакомого священника.

Гораздо более разнообразно и детально, нежели блаженство праведников, изображены муки грешников — во многих текстах именно им уделено основное внимание. Наряду с хорошо известными inferнальными картинами древнерусских апокрифов (бесы суют деньги в рот скупым, немилостивые кипят в огненном песке и т. п.) здесь появляются и некоторые новые мотивы, пришедшие из народной амартологии. Женщина, которая стригла и сжигала волосы, теперь осуждена вытаскивать их по одному из огня. Пьяницы сидят на том свете среди пустых бутылок «из-под вина и пива». Нарушение запрета есть яблоки до второго Спаса наказывается лишением их навсегда. Поминование водкой и вином на могиле оборачивается для умерших рыданием возле стола, заросшего мхом (В). Свою образную конкретизацию получают иногда наказания за грехи, которые в произведениях предшествующей традиции, как правило, лишь упоминаются в общем перечне. Так, девица Пелагея видит «смехотворца», святочного ряженого: он весь увешан «грязными онучами», которые волочатся за ним по земле «сажен на десять». Впрочем, эволюция жанра заключается не столько в изобретении новых образов и мотивов, сколько в «обновлении» старых.

Особенно интересно проследить, как старинные топосы визионерской литературы используются в целях полемики, главным образом в старообрядческих видениях. «Некая старуха» встречает на том свете трех попов в «худых и смердящих ризах», а возле них тех, «кои им каялись и причащались от них», — «и хоть оне каялись, и грехи-те от них не вышли». Изображение грешных иереев, мучающихся в аду, относится к числу общих мест эсхатологической литературы, однако в сочинении выговцев-беспоповцев этот образ приобретает новое полемическое значение. В свою очередь девица Маргарита видит в моленной старообрядцев-беспоповцев без голов: они лишают себя «главы самого Христа, Тела и Крови Христовой не приемлют» и тем самым обрекают себя на вечную смерть.¹² В «полуденной стране» на «весьма хорошем» поле с цветами, которое погружено во мрак и туман, Маргарита узнает своего дядошку, тоже беспоповца: «...стоит дядошка на восток лицом, в руках лестовки и молится Богу, а одежда на нем гнусная, яко бы смольная». Дядошка Мар-

¹² Подобное видение известно, в частности, по Житию Зосимы и Савватия Соловецких. Преподобный Зосима видит новгородских бояр без голов — им суждено быть казненными по повелению великого князя (см.: Дмитриева Р. П. Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы // Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 252—253).

гариты принадлежит к особому разряду грешников — к «безразличным и обоюдным», которые были подробно рассмотрены А. Н. Веселовским в связи с Видением Григория из Жития Василия Нового.¹³ При жизни эти грешники колебались «между заветами добра и зла»,¹⁴ а потому после смерти их место не в раю и не в аду, а посередине, на севере или на юге. От вечной муки дядохка избавлен по той же причине, что и обоюдные из Видения Григория: он был «милостив и странноприимец». Такая способность жанра постоянно приспосабливать свою топику к отражению новых коллизий — одна из причин его долголетия в русской рукописно-книжной традиции.

В приложении публикуется текст одного из наиболее типичных поздних образцов жанра видений (ГИМ, собр. Вострякова, № 978, л. 248—252 об., кон. XVIII—нач. XIX в. — сборник антистаробрядческих сочинений).¹⁵

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОВЕСТЬ О ДУШЕПОЛЕЗНОМ ВИДЕНИИ

л 248

Поведа нам о себе бывы прежде Нижняго Новаграда купец Андрей Данилов Иконников, которой с прошлаго 1782 года выступя ис того по усердию своему и по отречению от мира звания для монашества и странствоваше // Бога ради, но при том имея некое сомнение о святей церкви и склоняся мыслями своими к сожитию с расколниками. И бысть егда в 1785-м году пред масленицею идяше он по обещанию своему в Киев. И будучи под Москвою в Берлюковской пустыне, и изшед из нея, недалече во отстоящем месте близ деревни при часовне тоя ж пустыни расположися до пяти дней пребыти. И незадолго пред выходом его бывы тут монах отиде в монастырь. Он же Андрей остана в келлии един и, заперши двери, сидя ввечеру, нача делати дровенечки малинкие для везения котомки и имея помышление зайти к расколникам. И тогда вскоре не во сне, но наяве показася ему в той келлии на печи видение таковое.

л 248 об

л 249

Некий // отрок или юноша зело остроумен и добр разглаголюва со отцем своим в том, что отец ево говорит ему в защищении расколников, что, де, они живут добродетельно, постыятся и много Богу молятся, и прочая. Но напротив его оны остроумны отрок противореча отцу и доказывая все расколническия по притворству чинимыя с лестью дела и обличаше ясно, чего Андрей слушая с великим страхом и токмо сперва по первом на них взгляде более не мог уже глядети. А потом отец оправдая и в вере расколников. Но отрок от Святаго Писания на ево речи многия чиня доказательства о несправедливости и заблуждении расколническом, чего он Андрей подробно за объятием ево страхом пересказать не // может, но толко то знает и помнит, что отрок чрез долгое время во всем неправости расколническия ясно изобличил. А по таковом изобличении отрок и говорить к Андрею, что, де, «Сии разговоры к тебе и к твоему исправлению следуют».

л 249 об

И тогда паче Андрей, испугавшися, прииде в страх и ляже на лавку и как бы заснул и видит отрока к нему подошедша и ставша подле ево с левую сторону. Андрей же не могий проглаголати, но мысляше токмо: аще бы, де, сей отрок был ангел Божий, то бы, де, стал не по левую, а по правую сторону. То тогда ж оны отрок, переидя, ста по правую сторону, он же творяше молитву. И рече ему отрок: «Ты теперь уже не в теле, 10

¹³ Веселовский А. Н. Безразличные и обоюдные в Житии Василия Нового и народной эсхатологии // СОРЯС СПб., 1889. Т. 46, № 6 С 117–172.

¹⁴ Там же С. 142

¹⁵ Приношу благодарность Е. М. Кухиненко и Ю. А. Грибову за помощь в подготовке этого текста к изданию

пойде за мною». И тогда Андрей возчювствова в себе не//сказанную лег- л. 250
кость, не ощуща ни малейшей телесной тягости.

И поидоша со отроком в той легкости аки по воздуху. А потом на-
идоша на них множество ефиопов, которые крайне начали нападати и Анд-
рея от отрока к себе хватати, кричаще, что «Сей наш есть». И показоваше
тут все Андреевы дела греховныя, на хартиях написанныя толь выразитель-
но, что, когда и в кий день и час какой и где грех содеях, даже до самых
малейших грехов и от самых малых ево лет, аки бы от трех годов, каковых
грехов многих он и не помнит. И наступали велми крепко, хотя похватити
к себе Андрея. И тогда Андрей в толь велиий страх прииде, яко аще бы в
теле, то б до смерти устраши//лся и быть живу невозможно. Отрок же против л. 250 об.
тех ефиопов, елико можаше, показоваше им от добрых дел Андреевых, ска-
зоваше, что в том и в том грехе каяшешя, такие и другие добрыя дела
делал^а и поминал родители, и от всех добродетелей им представлявше. И
по множеству путешествии в разных местах многажды истязание таковое
бываше. И оныя ефиопы разными видами показывашешя, и толь страшны-
ми, что только от взору их умереть можно человеку. Оны же отрок Андрея
во всех тех испытаниях защищая, не даяше им его похитити.

Егда же много проидоша, рече отрок Андрею: «Теперь уже не бойся».
И идоша по гладким местам, видеша по сторонам некия оби//тели хорошие, л. 251
похожие на монастыри. И тогда рече ему отрок: «Проси со усердием Ма-
терь Божию, что она за тебя просит у Бога». И вопросы Андрей: «А где
я увижду?». Отрок же указаше ю не в близком от них расстоянии, по при-
меру аки бы во сте саженьях. И по указанию виде Андрей Матерь Божию
Пресвятую Богородицу в пресветлой одежде, аки бы в царской, и виде не
в лице, но аки бы идущую впереди их. И нача Андрей молитися к Пресвя-
тей Богородице о помиловании его, и потом невидима бысть. Отрок же
приведе Андрея аки к монастырским болшим вратам, повеле ждати, сам же
невидим бысть. Потом вскоре отверзоша врата, и вышли к нему множество
диаконов в диаконских одеяниях, производили пение. И взявше его, прове- л. 251 об.
до//ша врата, и слышал глагол сей: «Куды, Господи, повелиши раба сего?». А
напротив сего и бысть слышан глас таковы тихи и пресладки: «Поведите
его к дщери Авраамли или Адамли» — и по имени названъной. Только он
сего слово в слово сказать подлинно не упомнит. Тогда Андрей от сего
гласа превеликия и несказанныя наполнися радости. Потом отведоша его
во обитель к той дщери. И тут паки появишася оныя ефиопы, но оная
дщерь защищаше его, глаголя ему: «Не бойся», и прочая.

Потом же паки тут показася отрок той и оттоле поведе его чрез места
нехорошия, однако ж не мучительныя и не огненныя. Но между тем идоша
мимо такого места, которое велико показовашешя вниз под гору, и тут лес, // л. 252
мрак же и темнота, и смрад оттоле исхождаше. И слышашешя в том месте аки
бы шум. Тогда спроси Андрей об оном месте отрока. Он же сказаше ему, что
тут, де, находятся язычники, то есть неверные, а с ними, де, причтены и рас-
колники. Потом же, идущим им, показаше ему некако не в теле мать его,
выведеную не из выгоднаго места. А между теми видениями сказал ему отрок,
что «Бог прощает грехи твои за простодушие твое». Да еще сие: «Хотя, де,
ты к расколникам и зайдеш, но у них никак не оставайся».

Наконец приведе его к телу. Андрей же, не хотя лишитися прибывшей
ему от гласа радости, не хоте в тело ийти, однако ж нуждею вниде и про- л. 252 об.
буждся. Егда встав, бысть тогда дни уже часа три. // А всего ево спания
бысть часов до тринацати. И приходящия к нему люди не могоша досту-
каться, почему он и мнит быти себе в то время обмирающа.

^а Испр., в ркп. делам.

Г. М. ПРОХОРОВ

Житие и чудеса Нила Сорского в списке первой четверти XIX в.

Жития Нила Сорского, написанного знавшими его людьми или с их слов, мы не знаем. «Есть известие, — пишет А. С. Архангельский, — что в первое время после его смерти (ум. 1508) существовало какое-то „писание о святом житии его“; но в 7046 (1538) году было разорение от казанских людей: „тогда же и писание о святом житии его тамо же згорѣ <...> и тако писания не остася о немъ...“ <...> Действительно ли житие пр. Нила сгорело, или причина его уничтожения не была так случайна — отвечать довольно трудно», — комментирует ученый.¹

В этом разительный контраст Нила Сорского с его противником в вопросе нестяжания, Иосифом Волоцким, которому в XVI в. было посвящено по крайней мере три жития, и все они до наших дней сохранились.²

Но сочинения старца Нила с их духовно-целительной силой возбуждали, конечно, интерес к личности их автора, и в первую очередь — у обитателей им созданного скита. В XVII в. человек, хорошо знакомый с условиями и правилами жизни в ските, по-видимому, служивший там, написал «Повесть о преподобном отце нашем Ниле и о того честней обители...».³ В XVIII в. тоже, судя по всему, в самом ските были написаны статья «О пришествии преподобнаго отца нашего Нила Сорского чудотворца» и «Изложение отчасти чудес преподобнаго отца нашего Нила чудотворца» (по рукописи РНБ, собр. Погодина, F.I, № 260, XVIII в., их опубликовал А. С. Архангельский).⁴

Затем в 10—20-х гг. XIX в. в Нило-Сорском ските была полууставом написана и переплетена в кожаный переплет рукописная книга, хранящаяся теперь в Российской Национальной библиотеке (НСРК, Q. 98), содержащая целую подборку материалов, объединяемых именем Нила Сорского. Здесь находятся, как показывает ее оглавление, «Слова преподобного отца нашего Нила Сорского Чудотворца, 3 послания его, и Житие, и отчасти чудеса его».

Листая книгу, мы видим следующее:

л. 2 — «Важнейшия правила жизни христианской, преподобным Нилом Сорским из Слова Божия и писаний святых отцов извлеченные, зде для

¹ Архангельский А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев Их литературные труды и идеи в Древней Руси Ч. 1 Преподобный Нил Сорский СПб., 1882. С 1—2 (ПДП Т 16) со ссылкой на «Рукоп бывш библи Царского, XVIII в., № 138, стр 68 Некрасов Зарождение нац литер в северн Руси 1870, стр 50»

² См Житие Иосифа Волоцкого // Словарь книжников Вып 2, ч 1 С 273

³ См Прохоров Г. М. Повесть о Нило-Сорском ските // Памятники культуры Новые открытия Ежегодник 1976 М., 1977 С 12—20

⁴ Архангельский А. С. Нил Сорский Приложение 1 С 1 10

удобнаго понятия на Российском языке переведенныя». Это перевод «Устава» Нила Сорского на русский язык;

л. 49—59 об. — 3 послания, перед которыми на л. 45 об. мелко написано: «Сии три послания преп. Нила Сорского Чудотворца не переведены на Россиски языкъ, но на славянскомъ списаньи»;

л. 60 — «Месяца маиа въ 7 день. Житие преподобнаго отца нашего Нила Сорскаго Чудотворца, начальника и учредителя монашескаго скитскаго житиа въ России, по уставу и преданию святых отецъ»;

л. 71 об. — «О чудесах преподобнаго отца нашего Нила Чудотворца. Чудо первое»;

л. 77 — «Чудо второе»;

л. 78 об. — «Чудо третье»;

л. 81 об. — «Свидетельство грѣш<наго> і<еромонаха> Никона». Эта запись сделана темно-коричневыми чернилами скорописным почерком XIX в. со странной пунктуацией (мы далее ее воспроизводим).

Перед нами, таким образом, — большой труд, посвященный в первой четверти XIX в. преподобному Нилу Сорскому: кто-то из обитателей скита (в послесловии астор пишет: «...мы, здѣ живущи монаси...») сделал перевод «Устава» на современный ему русский язык, переписал послания Нила, составил его «Житие» и присоединил «Чудеса». Нетрудно заметить, что этот человек был знаком с тем, что до него в ските было написано о Ниле Сорском, — и с Повестью, и со статьей «О пришествии...», и с «Чудесами». Но эти сочинения, в отличие от посланий Нила, он не переписал, а так или иначе использовал (в «Житии») или отредактировал («Чудеса»).

Не называя себя, этот переводчик-автор-редактор пишет о себе в конце своей работы: «Азь же грѣшный, елико возмогохъ собрати, написахъ со многим опасениемъ и тщаниемъ, по силѣ моей, о всѣмъ житии преподобнаго отца, такожде и о чудесѣхъ его, — не яко разумъ в ведение имѣя въ сицевыхъ, грубъ сый весма и неразумия всякаго исполненъ, но любовию влекомъ къ любезному мне богоносному отцу и на его помощь надеяся...».

Предлагаю здесь вниманию читателей Житие и Чудеса Нила Сорского по этой рукописи, сохраняя квадратные скобки, используемые писцом для выделения некоторых мест, а свои необходимые вставки делая в угловых скобках.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МЕСЯЦА МАИА ВЪ 7 ДЕНЬ.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

НИЛА, СОРСКАГО ЧУДОТВОРЦА, НАЧАЛНИКА И УЧРЕДИТЕЛЯ МОНАШЕСКАГО СКИТСКАГО ЖИТИЯ ВЪ РОССИИ ПО УСТАВУ И ПРЕДАНИЮ СВЯТЫХ ОТЕЦЪ

Сию райскую вѣтвь израти Великая Россия и, якоже повѣствуется от нѣкихъ, царствующий градъ Москва тому отечество бяше. От книхъ же родителей рожденъ бѣ, сего увѣдѣти не возмогохомъ; точию сие несумненно есть, яко — от вѣрныхъ и благочестивыхъ и яко воспитанъ бѣ в добромъ наказани, и страху Божию, и к чтению книгъ прилѣжен.

Проходяше же первее, якоже повѣствуется, должность скорописца. Таже, разсмотревъ мира сего суету и вся оставивъ, пострижеса во обители преподобнаго Кирилла, иже на Бѣлѣзере.

И живяше богоугодно, проходя вся монастырская послушания усердно и со всякимъ опасствомъ и вниманиемъ. И различными труды плоть утомляше, молитвою же, и вниманиемъ, и чтениемъ Писаний душу, умъ и средце очищаше. И тако день от дне преуспѣвая, от ситы в силу идяше, степени во своемъ сердце полагая.

Удаляшеся же всячески от миролюбивыхъ и не внимающихъ своему спасению. Зане видяше многих, не по Бозѣ жительствоющихъ и в попечениихъ бесловесныхъ и о притяжании паче, нежели о своихъ душахъ, пекущихся и не внимающихъ божественному Писанию и преданиямъ святыхъ отецъ. Сицевыхъ ошаявашеся, внимающимъ же прилѣпляшеся и приемляше от такихъ ползу.

О семъ самъ о себѣ извяля [в Послании къ некоему любимому себѣ брату], написа сице: «Егда живяхъ въ началѣ во обители, или монастырѣ, всякихъ соплѣтений мирскихъ удаляхъ и творихъ дѣлание по божественному Писанию». Зѣло бо хранише опасно святыи Писания и предания древнихъ богодуховенныхъ и святыхъ отецъ и по сихъ житие свое поправляше.

Тако ему богоугодно жительствоующу во обители преподобнаго Кирилла, прииде ему желание видѣти и поклонитися сущимъ на Востоцѣ святымъ мѣстомъ, идѣже Господь нашъ наше спасение содѣла, и посетити жилища святыхъ тамо сущихъ отецъ и ползу от нихъ себе прияти. Примъ убо благословение, поиде.

И, обшедь святая мѣста, сущия в Палестинѣ, прииде и во Святую гору Афонскую, обыде тамо монастыри и уединенная жилища монашеския, такожде и въ скитѣхъ безмолвующия и уединяющияся святыя отцы обходя, многую от нихъ приемляше ползу. Ового бо посту и воздержанию чудяшеся, другаго совершенному нестяжанию и ницетѣ ревноваше, инаго терпѣливому подражати тѣшашеся, инаго же постоянному и мужественному терпѣнию во искушениихъ удивляшеся и ублажаше. От некихъ же и образу вниманія и умнаго трезвенія, или умныя молитвы, научашеся. И сице от всѣхъ, яко пчела любопремудрая и трудолюбивая, сладки добродѣтелей медь собираще, имже не точно себѣ, но по возвращении во отечество свое желающихъ быти подражател'ми добродѣтельнаго его житія изобилно питаше.

Сице убо и в сихъ упражняшеся преподобный во странствии своемъ, навыче добрѣ житию тамо сущихъ святыхъ отецъ, чиноположению и уставу и различнымъ иноческимъ добродѣтелямъ. По доволномъ времени пребывания своего во Святыи горѣ, такожде и во окрестностяхъ Царяграда, вся жилища иноческая обшедши и от всѣхъ ползу примши, во отечестве свое [яко добрый и искусный купецъ со многимъ прибыткомъ и духовнымъ обогащениемъ] возвратися. И паки во обитель преподобнаго Кирилла пришедь, сотвори себе келью внѣ монастыря и поживѣ ту нѣкое время въ постѣ и молитвахъ и во иныхъ постническихъ, иже навыче, подвигахъ.

Таже вожделевъ совершеннѣйшаго безмолвня и уединеннаго пребывания, изыде убо и обхождаше пустыню, ища себе угоднаго ко пребыванию мѣста. Таже прииде на речку, Сора именуемую. Мѣсто же оно ниско и блатисто, и неудобопроходимо быше. Ту убо возлюби жити преподобный.

Первое водрузи крестъ на мѣстѣ томъ и келийду созда пребывания ради. Таже ископа кладезь. По семъ уготова мѣсто построения ради церкви, поносивъ своими руками земли, понеже, якоже речеся, мѣсто ниско и блатисто бѣ.

Живяше же ту преподобный первее одинъ, токмо со единымъ ученикомъ своимъ, Иннокентиемъ именованъ, с нимъ в'купе пришедшимъ, иже въ трудехъ ему помогаше. Таже начаше приходити къ нему желающии жител'ствовати при немъ и имѣти его себѣ наставника и пастыря и ко спасению

руководителя. Он же первее много отрицаше и не приемляше, не хотя быти пресѣцаему безмолвию его и бѣгая тяготы началства. Вѣдѣше бо святѣй, колико тяжка есть вещь еже прияти на себе попечение о душах и носити имя пастырское, къ сему же и смиренномудръ сущи велми, глаголаше себе быти грѣшна и неразумна. Но обаче, елико онъ отрицаше, толико они стужаху ему и неотступно прошаху, да будетъ имъ пастырь и да приметъ ихъ в свое сожитие.

Разсмотревъ убо блаженный и видѣ, яко воля Божия есть на сие, да приемлетъ истинно спасатися желающихъ, начать убо приимати приходящихъ, и предаше имъ сия, да во всѣмъ постѣдуютъ преданіямъ святыхъ отецъ и да хранятъ заповѣди Божия: отнюдь не вносити извѣтовъ, глаголюще, яко нынѣ невозможно жити по Писанию и преданію святыхъ отецъ. «Но аще и немощни есмы, [глаголаше святѣй,] елика сила есть, должны подобитися и послѣдовати стопамъ святыхъ и приснопамятныхъ отецъ нашихъ, и тѣхъ преданія опасно хранити». Аще ли же бы кто не изволялъ в сихъ хранении пребывати, таковыхъ отнюдь не приимаше. Жалающихъ же тако жити приимаше съ любовию.

Написавъ же и Уставъ монашескаго скитскаго жителства, по образу и чиноположенію древнихъ великихъ святыхъ отецъ и якоже видѣ и навѣче во Святѣй горѣ Афонстѣй во время своего тамо пребыванія; тако предаде и во своемъ скитѣ.

Уставъ же бяше сицевой. Живяху кийждо особь во своей келии, рстоянимъ другъ от друга яко на вержение камене, такожде и от церкви. Созда бо блаженный храмъ во имя преподобный <!/> Ефрема Сирина, егоже и житію во всѣмъ подражаше.

Пребывающе же въ келліяхъ своихъ, упражняхуся в молитвѣ и рукодѣліи. От труда рукъ своихъ питахуся. Аще же недоставаше имъ на нужную потребу, то мало и милостыни приимаху от христороубцевъ.

Въ субботы же и недели, собирающесе в церковь, службы совершаху вкупѣ и паки по келліямъ расходяхуся. Такожде и егда праздникъ Господьскій, или Богородичный, или нѣкимъ святымъ, в'купѣ собирающесе въ церковь, службу совершаху и паки, якоже речеся, по келліямъ своимъ расходяхуся.

Аще же и раздѣльно живяху, кийждо бо еже творяше рукодѣліе, приношаше къ настоятелю. Пищу же и одежду от него приемляху.

Не попускашесе же отнюдь кому что творити по своей воли, или исходити камо без благословенія настоятеля. Аще ли же бы кто что сотворилъ самочинно по своеволю, таковой изгонимъ бываше от сопрѣбыванія. Такожде и стяжанія каковаго-либо кому имѣти отнюдь не позволяшесе.

Аще кому из братій случашесе в'пасти в нѣкое прегрѣшение, абие теще къ настоятелю, исповѣдая свое согрѣшение, и от него приемляше прощение. Такожде и помыслы своя вся исповѣдаху отцу своему, и от него приемляху в сихъ исцѣление, зѣло бо искусенъ бѣ преподобный во врачеваніи болезнований душевныхъ. И даръ разсужденія имѣаше болший паче иныхъ дарований и нужнейший, и симъ много ползоваше иже при немъ живущихъ братію, такожде и приходящихъ к нему ползы ради.

О самого же преподобнаго отца Нила житія устройства что речемъ? Не бо возможно словомъ изъясити и сказати того премногія подвиги. Создавый наединѣ сердца чловѣковъ Богъ нашъ, — Той единъ вѣсть яже творяше предъ Нимъ в тайнѣ блаженный и готовляше ему многое за сие воздаяніе. Намъ же зѣло малая от премногихъ его подвиговъ и изрядныхъ дѣяній и чудесъ в веденіе приидоша, <Около слова поставлена звездочка и над строкой следомъ за такой же звездочкой написано более черными чернилами другою, кажется, рукой: простотою оставлена быша без писанія>, или написана

суца, но нерадениемъ и небрежениемъ, или инымъ каковымъ образомъ уничтожена быша. Обаче свѣтъ добродѣтельныхъ его дѣяній и во тмѣ невѣдения свѣтло свѣтится. Не благоволилъ бо Господь таковому свѣтилнику под спудомъ неявления крыему быти. Тако бо рече: «Да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да, видяще ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего иже на небесѣхъ» <Мф. 5:16>.

Малая убо отъ многихъ, елика увѣдети возмогохомъ сего богоносного и святого мужа добродѣтельная дѣянія написашася. О жестокомъ же его житии и совершенномъ нестяжаніи и нищетѣ, еже есть корень и основание иночеству, нѣсть нужды много глаголати <вставка над строкой более черными чернилами: и писати>. Самое бо мѣсто, егоже избра себе ко пребыванію, скорбно и уныло суцо и не удобо проходимо мирскими челоуѣки и незнаемо, ясно свидѣтельствуеть о семъ. Такожде и о постѣ и о многомъ его воздѣржаніи: иже бо вся оставивъ — не токмо миръ и вся яже въ немъ мнящаяся быти слакая </>, но и сопребыванія со многими <вставка более черными чернилами: и> во обителѣхъ, бѣгая чревоустройства и неполѣзныхъ попеченій удалився, възвѣщеть ли сладкихъ и многихъ брашенъ? Явѣ убо есть, яко зѣло жестокое и постническое превоздаше святыи житие.

Свидѣтельствуеть о семъ власяница, яже доднесь видима есть, при гробѣ его висяща. Сими убо и болшими сихъ тѣлѣсными труды [ихже, якоже предърехомъ, невозможно свовомъ </> изъявити] дѣяніи <исправлено черными чернилами на: садѣянія> къ виденію достиже. Непрестанною бо молитвою и умнымъ трезвеніемъ толико в боговиденіи успѣ, яко ни помраченнымъ попеченіи житійскими умомъ постигнути, ни же словомъ изъявити или сказати есть мощно. Сиде убо преподобный и богоносный отецъ нашъ Ниль и чувственнѣ в тѣлѣсныхъ трудѣхъ, и мысленнѣ, очищая умъ отъ страстѣй, подвизася, сотворися домъ и жилище Божие.

Но уже время повѣдати и честную предъ Господемъ смерть преподобнаго отца. По доволныхъ убо богоугоднаго своего жителства лѣтѣхъ, приближися ко блаженному скончанію своему. Поувѣдевъ сие прежде нѣкоего времени </>, ученика своего Иннокентія призвавъ, прорече ему нѣкая хотящая быти по преставленіи его и посла его въ Вологодскій уѣзъ </> на реку Нурому, рекъ ему: «Богъ тя имать прославити тамо, и составиши общее житие. Здѣ же по-единому имуть жити братія в келліяхъ своихъ». Написа же и завѣтъ ученикомъ своимъ о погребеніи тѣла своего сичевый:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Завѣщаваю вамъ, моимъ при-
снѣымъ господиямъ и братиямъ, единомысленнымъ мне:

Молю вас, по скончаніи моемъ, тѣло мое грѣшное поверзите в пустыни, да изядятъ е зверие и птицы, понеже много согрѣшило есть и недостойно погребенія. Аще же сиде не восхоцетъ сотворити, то на мѣстѣ, идѣже живемъ, ископавше ровъ, со всякимъ безчестіемъ погребите мя. Бойтеся же словесе, еже великий Арсеній завѣща своимъ ученикомъ: „На судѣ стану с вами, аще дадите кому тѣло мое“. Тщание бо имѣхъ елико по силѣ моей, дабы никоеяже славы или чести сподобленъ быть вѣка сего, якоже в житии семъ, тако и по смерти моей. Молю же всѣхъ: помолитеся о души моей грѣшной. И отъ всѣхъ прошу прощенья, и отъ меня прощенье: Богъ да проститъ всѣхъ».

Сичевое завѣщаніе написавъ преподобный и собравшимся к нему ученикомъ его послѣднее отеческое наставленіе, благословеніе же и прощенье подавъ, и нѣкая быти имущая по преставленіи его прорекъ, мирно испусти душу свою в руцѣ Божии.

Ученицы же его, пѣвше надгробная, со многими слезами погребоша многотрудное и святое тѣло пастыря и учителя и отца своего на мѣстѣ, еже самъ уготова, якоже прежде речеся, на погребеніе себѣ, идѣже послѣди и

церковь создана бысть над гробомъ его во имя святаго Иоанна Предтечи и Крестителя Господня.

Прослави бо Богъ угодника своего, и подавахуся исцѣления от святаго его гроба съ вѣрою приходящимъ, и нынѣ подаются, во славу дивнаго во святыхъ Своихъ Бога нашего.

Преставися преподобный отецъ нашъ Ниль в лѣто от сотворения мира 7017, от Рожества же Христова 1508, месяца маиа въ 7 день, в 3-ю неделю по Пасцѣ, святыхъ женъ Мироносицъ. Всѣхъ же лѣтъ жития его бѣ, якоже глаголють, семьдесять и пять.

Такъ соверши богоугодное течение свое преподобный и богоносный отецъ нашъ Ниль, приять премногимъ своимъ постническимъ трудоволожнѣмъ подвигомъ конецъ, въкупѣ же и славы вѣнецъ от подвигоположника всѣхъ Бога, воздающаго достойную мзду противу трудовъ его. Намъ же остави яко нѣкий залогъ богодухновенная и спасительная своя премногия ползы исполненная словеса и писания, не потаивъ и не скривъ таланта, егоже и премногихъ своихъ подвиговъ и потовъ стяжа, но всемъ преподаде желающимъ спастися. Якоже бо самъ мужески подвизася на диавола и вся того ражженныя стрѣлы угаси и сокруши, и подѣди <?> того некрѣпкую силу, сице и насъ научаетъ вооружатися противу онаго богодухновенными своими словесы. Разумъ бо словесъ его обдержаніе имать сицево:

«Какъ подобаеть проходить дѣлание инокомъ, истинно желающимъ спастися в послѣдняя времена сия, чувственнѣ же и мысленнѣ, по божественнымъ Писаниямъ и преданіямъ святыхъ отецъ.

О различіи мысленной борьбы и победы, и како памитію <!> Божию и хранениемъ сердца побѣждати страсти.

Како и чѣмъ укреплятися при усиленіи борбы.

О храненіи своего духовнаго дѣлания.

О борбе со осмию помыслы и побѣдѣ над ними.

О смертной памяти.

О слезахъ, — како сѣя стяжати, и храненіи оныхъ.

О совершенной безпечительности и бестрастии.

О разсужденіи и молитвѣ».

И протчая.

В сихъ его писаніяхъ, ихже аще кто разумно и внимательно прочтеть, узрѣть весь таинственнаго иноческаго жителства законъ и не вострѣбуеть поистиннѣ многихъ книгъ для наученія сему. А яко сѣя истинна есть, здѣ мало нѣчто на средѣ принесемъ от премудрыхъ и премногия ползы исполненныхъ того словесъ и поученій, уверения ради невѣдущимъ, да от сихъ разумевають и от протчихъ. Пища бо о вниманіи и бореніи съ помыслы, сице глаголетъ:

«Понеже благимъ помысломъ послѣдующе, лукавыи [помыслы] входятъ въ насъ, то подобаеть покушатися молчати мыслию даже и от мнящихся благихъ помысловъ и зрети присно во глубину сердечную и глаголати умную, или Иисусову, молитву».

И паки: «Аще и блага разуменія явятся вещей нѣкихъ, не внемли тѣмъ, но держи воздыханіе, якоже мощно, и умъ в сердце затворяя. Вмѣсто оружія призывай Господа Иисуса часто и прилежно. И отбѣгнуть помыслы от тебе, яко огнемъ, палими невидимо божественнымъ именемъ».

О молитвѣ совершенныхъ сице рече: «Во время молитвы восхищаетъ умъ внѣ хотѣнія въ мысли безплотныхъ в то вре <так!> превыше всего чувственнаго. Кипит из сердца присно сладость нѣкая и привлечитъ человека всего из всего непостижно на время. Нападаетъ на все тѣло пища нѣкая и радование, якоже языкъ плотски не можетъ сѣя изрещи, дондеже вся земная пепель и умѣты вменитъ въ памяти своей. И егда наидеть человекъку

оная пища, тогда мнѣть сицевый во онъ часъ, яко нѣсть ино что Царствие небесное, точно сие». И протчая.

От сихъ убо явѣ есть, колико высокое имѣяше сей великий отецъ ума просвѣщение и духовную мудрость, и яко дѣлатель и во искусе бѣ, яже и совершенствомъ въ душѣ и видѣниемъ от святыхъ отецъ именовашеся.

Колико же великое имѣ смирение святой сей отецъ, нѣсть возможно словомъ изрещи. Толкихъ бо великихъ сподобленъ суши дарований, и во искусе, якоже речеся, и самодѣлатель и самозритель бывъ неизреченныхъ сихъ, «в' ня же, — по апостолу, — желаютъ и аггели приинкнути». Глаголаше себѣ быти грѣшна, преепроста и невѣжу, и ни же слышания о сихъ достойна.

О, глубокаго смиренномудрия божественнаго мужа! Что бо можетъ болши и выше сего достоинство быти, еже на высотѣ безстрастия стати, паче же всѣхъ послѣднейша и грѣшнейша себе вмѣнати!

Но на предлежащая да возвратимся и скажемъ поне мало нѣчто о чудесѣхъ сего богоноснаго и при<сн>опамятнаго отца.

О ЧУДЕСАХЪ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО НИЛА ЧУДОТВОРЦА

ЧУДО ПЕРВОЕ

Прешедшимъ бо нѣколикимъ лѣтомъ по преставлѣнии его, иже всегда прославляяй святыхъ Своя Богъ нашъ прослави и сего преподобнаго Своего чудодѣйствиемъ сицевымъ.

Купецъ нѣкий, царствующаго града Москвы житель, плѣненъ бысть безбожными агаряны, или турки, и пребысть в томъ плѣнении нѣколько лѣтъ <!/> в велицемъ озлоблении и теснотѣ. Моляшеся же о избавлении своемъ от плѣна ко Господу Богу и призывая на помощь угодниковъ Его. Бѣ бо благочестивъ и богобояливъ человекъ оный, к сему же и богатъ зѣло, имѣяй имения многа въ дому своемъ, жену же и чада. И о семь велми печаловаше, и от многия печали впаде в болѣзнь и страдалше от обою: от болезни и от печали.

Во едину же ночь, сномъ тонкимъ уснувшу ему, явися мужъ нѣкий свѣтель, монашески одѣянъ, и рече ему: «Человѣче, обѣщайся написати образъ преподобнаго Нила, и будещи в дому твоємъ». Той же ощутився от тонкаго сна, и хотѣ поклонитися явившемуся и просити его, но явивыйся претворися яко в молнию, и свѣтъ велий восия въ храминѣ той. Оный же человекъ бысть во ужасѣ и размышляше в себѣ, недоумѣвая, кто — Нил преподобный и гдѣ обрѣтается, и моляшеся со слезами Богу, призывая на помощь Нила преподобнаго.

Въ другую убо ночь паки явися ему преподобный, якоже и прежде, и рече ему: «В Бѣлозѣрскомъ уѣздѣ Ниль Сорскій, от Кирилова монастыря въ 12 вѣрстахъ». Абие же вскочивъ человекъ оный от одра своего скоро, хотя видѣти явѣ преподобнаго, и поклонитися ему, и подробно просити, но той паки преложися во свѣтъ, и многое благоухание бысть, якоже и первее. Той же ужасомъ, вкупѣ и радостию объять бысть, благодарственныя гласы на небо возсылаше, глаголя: «Воистинну, Господи, Ты послалъ еси угодника Своего на избавление мое!», — и плакася ночь оную и глаголаше <на поле вставка тою же, кажется, рукой: в себѣ>: «Какowym подобиемъ написати образъ твой, о святче Божий, не вѣмъ».

Явися убо ему третие преподобный Ниль и положи при возглавни его изображение свое, на листѣ начертано. и рече: «Человѣче Божий! Возьми

листь сей, иди во отечествие свое, в Российскую землю». И, сие рекъ, абие невидимъ бысть. Онъ же, скоро воставъ, обрете изображение преподобнаго Нила, на листъ начертанное, при возглавии его лежащо, сердце же свое неизреченныя радости исполненно, Богу и угоднику Его велие благодарение возсылаше.

Оле чудесе! Како прославляетъ Богъ угодника Своего!

Не вѣдяше же пути человекъ оный боголюбивый и не знаяше, камо итти, и о семъ в недоумѣнии бывъ, нача молитися со многими слезами ко Господу Богу и угоднику Его, преподобному Нилу Чудотворцу. И абие бысть к нему гласъ, глаголющий: «Человѣче, иди нощию в степь, и узриши звѣзду свѣтосиянную пред собою. Той послѣдуй, и сохраненъ будеши от безбожныхъ агарянь».

Слышавъ же сей гласъ боголюбивый той мужъ, укрепися в вѣрѣ и уповании на Бога и угодника Его. Воставъ, иде дерзновенно в степь нощию. И явися пред нимъ звезда свѣтлая, предидущая и путь ему показующая. Он же идяше по ней, моляся непрестанно мыслию к Богу и призывая на помощь угодника Его Нила Чудотворца.

Егда же бысть день, услыша гонящихъ за собою на конехъ агарянь со псы своими. Обозревся же, видѣ варваровъ со обнаженными мечи быстро текущихъ и хотящихъ посящи его. И абие от страха и ужаса того паде на землю, плача зело и моля Господа о избавлении своемъ от горкия тоя смерти.

Видѣ же Господь того моление, покры его невидимо всемогущею Своею силою. И прескочиша чрезъ его кони и пси ихъ. Варвари же вопяху: «Гдѣ есть онъ?! Како его видѣхомъ, и сие — нѣсть его нигдѣже?!». И, много поискавши, не обрѣтоша, и тако возвратишася.

Он же, воставъ и обозрѣвся, никого же видѣвъ, велие благодарение возсылаше Богу и угоднику Его Нилу Чудотворцу о избавлении своемъ от напрасныя смерти. И паки поиде, радуясь, в путь свой.

И пришедъ к нѣкоей рекѣ, яже быше быстра зѣло и чрезъ всю степь ону течаше, даже и до моря. Перевозу же или мосту чрезъ нее не бѣ нигдѣже.

Агаряне, вѣдяще сию реку и яко далее оныя никакоже бѣ мощно итти, погнаша паки во слѣдъ его. И, постигше его у оныя реки, устремишася со обнаженными мечи, хотяще на уды рассеци его. Он же, назнаменавъ себѣ крестнымъ знаменемъ, ввержеся въ страшную ону реку. И понесенъ бысть <ставка на поле: быстриною оныя реки>, лежащу ему на воде, яко на ладии.

Варвари же стреляху въ него съ берега, но не можаху вредити его. И много рыскавши по брѣгу реки оныя </>, и, мневше его уже утонувша, возвратишася во своя.

Многое же время тако несену ему бывшу, принесенъ ко берегу другия страны реки, и, хватився за брегъ, изыде на сухо, Богу и угоднику Его Нилу Чудотворцу хвалу воздая о избавлении своемъ.

Укрепився же пищею, поиде без боязни днемъ и нощию, питающися былиемъ и корениями, яже въ степи той растяху, и тако доиде Российскихъ градовъ, всѣмъ повѣдая яже о себѣ и како избави его Богъ от плѣнѣния агарянскаго чрезъ угодника Своего, преподобнаго Нила Чудотворца. И вси слышавши славику Бога и угодника Его и даяху ему проводники.

И сице достиже царствующаго града Москвы. И абие, не входя въ домъ свой, иде ко иконописцу, владѣ ему данный от преподобнаго Нила листъ со изображенемъ его и повелѣ написати образъ его тако, якоже бѣ на листу изображенъ. Бѣ бо подписано на листу ономъ и мера образа в длину и в ширину.

По семъ иде в домъ свой <к> чадомъ своимъ, и плакашеся вси вкукъ </> от радости. Таже созва освященный соборъ, и певше молебная, вси

вкупѣ воздаша хвалу и благодарение Богу, творящему дивная чудеса угодники Своими. Потом представи трапезу и уреди всѣхъ довольно. Созва же и нищихъ множество и удовли всѣхъ брашномъ и питиемъ, и милостынею всѣхъ одари щедро. И бѣ в дому его радость и веселие, всемъ бо повѣдаше величия Божия, яже сотвори с нимъ Господь, — како изыде из горкаго плѣнѣния. И все, слышаще, глаголаху: «Слава Тебе, Боже, творящему дивная чудеса рабы Своими!».

Иконописецъ же, написавъ образъ преподобнаго Нила, Сорскаго чудотворца, возвести оному христоробивому мужу. Той же со тщаниемъ прииде и, видевъ образъ преподобнаго, с радостными слезами и со страхомъ поклонися и облобыза его. Иконописца же одаривъ щедро за написание онаго. Сотвори же велие торжество, празднова праздникъ Нилу, преподобному чудотворцу, и, певше молебная, сотвори учреждение в дому своемъ.

По семь проводи образъ оный в Нилоть скитъ со многую церковною потребою. И положень бысть на гробнице преподобнаго Нила и даже доднесь всѣми видомъ <!/> есть, лежащъ и источающъ исцѣления с вѣрою приходящимъ, во славу Христа Бога и в прославление угодника Его, преподобнаго Нила Чудотворца.

ЧУДО ВТОРОЕ

Егда благовѣрный царь и великий князь Иоанъ Васильевичъ, нарицаемый Грозный, приходилъ на Бѣлоозеро во обитель преподобнаго Кирилла богомоления ради, тогда прииде и въ пустыню, или скитъ, къ преподобному Нилу, Сорскому чудотворцу. И, совершивъ молебное пение при гробѣ его, видѣ пустынное оное мѣсто уныло и вельми душеполезно, ко умилению же и слезамъ приводящо, прослави Бога и угодника Его житию почудився. Повелѣ же церковь каменную от своихъ царскихъ сокровищъ воздвигнути на мѣстѣ томъ. В то время явися ему преподобный Ниль и не повелѣ ставити церкви каменныя, ни же излишнему украшению быти в церквахъ. Проувѣде бо преподобный, якоже нѣщии реша, от разбойникъ грабление быти имущее. Азь же мню, яко не мнѣ и сего ради не благоволи Богъ и угодникъ его от царя сего построенный быти церкви, или храму, понеже сей, аще и благоверень бѣ, но премногия крови пролия и многия великия святыя мужи умучи и умертви, якоже история яже о немъ ясно являеть. И что дивно: аще пророку и богоотцу Давыду, о немже Самъ Богъ свидѣльствована, глаголя: «Обрѣтохъ Давыда, раба Моего, мужа по сердцу моему», — и егоже кротости и незлобию> вси святии дивляхуся, — аще сему, глаголю, не бѣ позволено создати дому имене Господня, речено бо бѣ к нему от Господа: «Не созиждеша ты дому Моего, понеже многия крови пролиять еси; но сынъ твой — той созиждетъ домъ имени Моему», — сице убо и zde бысть. Но на предлежащая да возвратимся.

Царь убо по явлѣнии томъ даде жалованную свою грамоту в скитъ преподобнаго Нила Чудотворца за подписаниемъ царския своя руки, дабы даваемо было ружное жалование, денежное и хлебное, повсегодно на пропитание жующей тамо братии. И та его грамота хранится в монастырской ризницѣ.

ЧУДО ТРЕТИЕ

Иерей нѣкий, Адамъ именовъ, живяше в скитѣ преподобнаго Нила съ сыномъ своимъ, отрокомъ Михаиломъ. И нѣкогда посла его к пономарю ради <правщикомъ приписано: потребности> церковныя. Идушу же отроку тому, по повѣлению отца своего, срете его нѣки <!/> дики <!/> челоуѣкъ и, похва-

тивъ онаго, понесе, аки вихремъ, и занесъ в непроходимыя мѣста и дебри, идѣже бѣше нѣкая храмина. Въ ту убо храмину внесъ, постави отрока посредь оныя. Бѣше же ту нѣки </> старый аки бы челоувѣкъ. Той рече къ ту сущей женѣ: «Корми отрока сего». И принесоша ему различныхъ зѣлий, и понуждаху его ясти. Онъ же никакоже хотяше, но, стоя на едином мѣстѣ неподвижно, плакаше горко.

Отець же его, видевъ, яко долго не возвращашеся къ нему, начать искати его всюду, но нигдѣже обрѣте. Созвавъ убо всю братию, иде с ними в часовню, яже недалече от скита стоитъ, идѣже <правщикомъ приписано: чудотворная> икона Пресвятыя Богородицы, честнаго ея Одититрия, бѣше, ту убо нача совершати молебная пѣнія и призывати в помощь преподобнаго Нила Чудотворца со слезами.

И в той часъ узрѣ отрокъ оный преподобнаго Нила, пришедша и ставша предъ окномъ оныя храмины, в нейже стояше, и ударивша жезломъ по оконцу, и потрясеея </> храмина. Сущии же ту ничистии души вси падоша ницъ на землю.

Отрокъ же стояше и плакаше, зря к преподобному Нилу, и слыша его глаголюща: «О, окаяннии! Почто дерзните на святыи мой скитъ <правщикомъ вставлено: и взясте> отрока сего? Но отнесите его скоро идеже взясте!». И дивий онъ, похвативъ отрока, понесе паки, аки вихремъ, и, донесъ до мельницы скитския, постави его на санныи стогъ, в скитъ бо не смеяше нести. Начятъ же отрокъ вопити на стогъ.

В то время идяше иерей оный от часовни съ братиею, и слышаху отрока вопиюща въ скитъ, и, дошедше, видеша его стояща на стогъ, прославиша Бога и угодника Его Нила Чудотворца. Начаша же отрока вопрошати о приключившихся ему, той же повѣда имъ вся бывшая. И от того времени бѣше отрокъ оный аки изумленъ и смиренъ зѣло. Иерей же оный от страха того изыде из скита с сыномъ своимъ.

Мы же, грѣшнии монаси скита сего, вся сия видѣхомъ и слышахомъ от отрока онаго, еже и написахомъ въ ползу чтущимъ и слушающимъ во славу же дивнаго во святыхъ Своихъ Христа Бога нашего и въ прославление угодника Его, преподобнаго Нила Чудотворца.

О прочихъ же многихъ чудесѣхъ преподобнаго отца нашего Нила не обрѣтохомъ писаниемъ положено. Но точию на многихъ мѣстѣхъ свидѣтельство таковое, и мы, здѣ живущии монаси, видѣхомъ премногия чудеса... </>

Азъ же грѣшный, елико возмогохъ собрати, написахъ со многимъ опасениемъ и тщаниемъ, по силѣ моей, о всѣмъ житии преподобнаго отца, такожде и о чудесѣхъ его, — не яко разумъ и ведение имѣя въ сицевыхъ, грубъ сый весьма и неразумия всякаго исполненъ, но любовию влекомъ къ любезному мне богоносному отцу и на его помощь надеяся. Дернухъ </> на сие, яко да поне малую получу милость, многимъ грѣхомъ повинемъ </> сущи, — того молитвами, благодатию же Господа нашего Иисуса Христа, Емуже подобаеъ скаякая </> слава со безначальнымъ Его Отцемъ и Пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ГРѢШ: </> I: </> НИКОНА

Во время моего в пустыни сей пребывания и я, грѣшный Никонъ, много — воистину — видель чудодѣйствий..! великаго нашего отца!.. Нила преподобнаго!..... Какъ — общественныя — такъ и относительно ко мне — недостойному. Что, свидетельствую — моею совестию... также и явления его... Но написать — подражая прднимъ </> — скита сего си: старцѣмъ не осмелюся.

Убоги — и грѣшныи с: i: Никонъ Сухий.

Н. Н. ПОКРОВСКИЙ

**«Повести чудесных событий»
из Урало-Сибирского патерика XX в.**

Литературное творчество урало-сибирских крестьянских писателей старообрядцев XVIII—XX вв. обратило на себя внимание участников археографических экспедиций Сибирского Отделения АН уже во второй половине 1960-х гг. Постепенно увеличивался массив выявленных памятников, представляющих несколько традиционных жанров этой литературы, становились известными имена все новых авторов, мы получали тексты сочинений, которые ранее знали лишь по названию, появлялись новые списки и редакции произведений. С 1972 г. к новосибирским археографам в этих поисках присоединились и екатеринбургские: сам предмет изучения объединяет Урал и Сибирь (с Дальним Востоком) — скитские центры этой народной литературы, многие авторы и читатели были охвачены трехвековым миграционным процессом. В этом непрерывном движении подальше от антихристовых властей не прерывалась преемственная нить, связывавшая учителя и ученика; привычные схемы средневековой книжности каждый раз наполнялись современными авторам новыми реалиями и новыми проблемами.¹ А в скитских библиотеках к услугам этих авторов, более всего озабоченных выявлением связи современности с прошлым, были рукописи, дониконовские издания и их старообрядческие перепечатки.

Нам уже приходилось перечислять основные книжные источники творчества сибирских крестьян-староверов XVIII в.² Это книги Священного Писания и священного предания, византийских и русских отцов церкви, украинских и белорусских антиуниатских полемистов конца XVI—начала XVII в. Это творения знаменитых старообрядческих писателей XVII в. и сочинения выговской школы XVIII в. В скитах и заводских общинах востока России на базе этой традиции уже в XVIII и XIX вв. стали создаваться оригинальные сочинения — исторические, агиографические, догматико-полемические, эпистолярные. В XIX и XX вв. книжные источники местного творчества расширятся за счет произведений самых разных «внешних» писателей — от авторов гимназических учебников и краеведческих трудов до советской прессы; понятно, что все подобные «внешние» тексты будут интересоваться старообрядческих авторов как резервуар фактов, а не оценок и идей.

Но с самого своего возникновения урало-сибирская старообрядческая литература наряду с книжными источниками имела и важнейшие устные.

¹ Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973

² Покровский Н. Н. Книги Тарского бунта 1722 г // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 155–190

Это рассказы окрестных жителей, местные исторические предания и легенды, духовные стихи и волшебные сказки, которые, наряду с воспоминаниями о различных событиях самих авторов, отражаются в сочинениях старообрядческих писателей, влияют на них.

Недавно архивные разыскания позволили проследить один из механизмов такого влияния. Это влияние проявилось в псевдодокументальном источнике специфического типа, давно уже, впрочем, имеющем прямое отношение к судьбам российской словесности. Речь идет о судебно-следственных материалах политической полиции, в данном случае — о делопроизводстве красноярских чекистов 1951 г., готовивших судебный процесс над обитателями того главного скита урало-сибирских часовенных, который тогда был основным центром старообрядческой книжности и литературы. Определяя состав преступления, следователи дотошно выясняли тогда, каким именно путем в скитах создавался обширный антисоветский труд, который со слов его создателей называется в материалах следствия «Уральским патериком» (мы писали о нем ранее, используя название «Урало-Сибирский патерик»).³ Оказалось, что авторитетный глава нижеенейских скитов о. Симеон предпринял в этой связи особую целенаправленную акцию, описанную в показаниях многих лиц и, главное, подтвержденную самим текстом патерика, который удалось тогда скрыть от карателей, закопав рукопись в сарае скита. О. Симеон предложил пустынножителям енисейских скитов и связанным с ними крестьянам собирать и передавать ему все доступные письменные свидетельства (на бумаге и на бересте), записывать или рассказывать ему воспоминания, связанные с историей старообрядчества, пустынножительства на Урале и в Сибири, с различными чудесными событиями. Все это собиралось в дубческом скиту о. Симеона и включалось после более или менее существенного редактирования в единую схему патерика. Труд этот в нынешнем виде имеет следующие самоназвания: 1) «История о отцах и пустынножителях, в последнее гонительное время подвизавшихся в северных краях Руския земли, в пределах Уральской и Сибирской пустыни»; 2) «Повести чудесных событий». В трех томах этого патерика содержатся сейчас 212 глав, из которых 8 были дописаны к первому тому в 1991 г. Первый том посвящен истории согласия часовенных в XVIII и XIX вв., а также биографиям, пустынножительным подвигам старцев согласия вплоть до наших дней, второй том содержит рассказы о старцах, а третий — несколько циклов рассказов о чудесах, преимущественно с урало-сибирскими реалиями.⁴ Исторические повести и другие сочинения часовенных более всего использовались в первых главах первого тома, в дальнейшем изложении преобладают собранные о. Симеоном письменные и устные свидетельства таких же, как он, крестьян, связавших свою судьбу со скитами.⁵

Ниже публикуются рассказы из первого и третьего томов патерика на популярный в древнерусской литературе и фольклоре сюжет о чудесно исчезнувших святых местах, о звучащем в лесу колокольном звоне давно разрушенного скита. В тексте о чудесном острове, где сохранилась истинная вера, есть и отзвуки легенды о Беловодье, распространенной в той же среде. Сразу после этого текста составители патерика приводят (в качестве 28-й главы третьего тома) текст из Пролога на 21 марта об исчезающем и чудесно появляющемся монастыре.

³ Покровский Н. Н. 1) За страницей «Архипелага ГУЛАГ» // Новый мир 1991 № 9 (77—92) 2) Скитские биографии // Там же 1992 № 8 С 194—210

⁴ Покровский Н. Н. Старообрядческий агиографический цикл XX века // Skupiska staroobrodcow w Europie, Azji i Ameryce Warszawa, 1994 S 33—41

⁵ Об о. Симеоне см. Зольникова Н. Д. Историко-эсхатологическое сочинение XX в. // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России Новосибирск 1992 С 160—190

В патерике каждый раз тщательно отмечается источник соответствующего рассказа или автор повествования. Обычно это пустынножители или их знакомые из числа окрестных селян. Многим из них в свою очередь посвящены отдельные главы патерика. Некоторые были захвачены властями во время разгрома скитов в 1951 г. и проходили по следствию. Таков, например, автор первого рассказа о Максиме, в миру Маркиан Алексеевич Русинов, из крестьян Сарапульского у. Вятской губ. (его отец и мать в 1927 г. ушли в скиты от коллективизации). Автор многих рассказов патерика м. Македония происходила из томских крестьян. Яркий самобытный писатель Афанасий Герасимович Мурачев — из алтайских крестьян; он был в 1951 г. захвачен в скиту, но с дороги сумел осуществить смелый побег.⁶

Публикуемые ниже главы Урало-Сибирского патерика написаны современным старообрядческим полууставом, рукой А. Г. Мурачева. Они находятся на л. 72 об.—77 третьего тома и на л. 62—63 первого тома.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О СОКРОВЕННЫХ СВЯТЫХ СТАРЦЕХ

л 72 об

Поведа нам отец Максим, глаголя:

Во отечествии, рече, моем, близ наша деревни Маракуши Пермской области живяше в келии отец Галактион. И еще юну ми сушу, хождах к нему молитвы ради. И бысть един от дний, пришедшу ми к нему по обычаю, придоша же ту и две некия жены пользы ради из деревни // Филиппы, отстоящей от нас верст 8. И по утренней молитве сии повествовали нам:

В нашей, рекоста, веси некая жена единою изыде в бор собирать грибы или ягоды, и улучи на некоего незнаема старца. И удивившись, нача приближаться к нему, хотящи уведати его, кто есть и откуда. Он же, видев ю приближающуюся, удаляшеся от нея. Сия же, последующи ему, не оставляше его. И доидоста некия сокровенныя ветхия и заросшия мохом келии, и вниде в ню старец. И жена по нем вниде и виде ту другога^а старца. И сия жена име у себе мало хлеба, и даяше старцем. Они же не прияша хлеб: «Пустынным, — рекоша, — питаемся растением, сущим в бору, и ягодами, и грибами, хлеба же и овочия не имамы». Она же, слышавши, удивляшеся о сем. И отиде от них, поведа о них людем. И уготовльше потребная, паки пойде ко оным пустынником, едина или со иными — неведомо. И много ищущи, не обрете их.

Отсюду яве есть, яко от Бога покрываемы бяху, зане ни прежде сего, ниже последи никто же их виде, и ни та самая жена, бывшая у // них, обрести возможе их. Быша же сия во время германския войны, наченшияся в лето 7422 (1914).

Подобно сему о сокровенных старцах повествовася выше, в сказании о матери Вере — часть 1, глава 23.

О МОРЕПЛАВАТЕЛЯХ, С РУКОПИСИ МАТЕРИ МАКЕДОНИИ

Сие бе, егда аз бых дитя. Человек поведал следующее:

Плыли москвичи по морю в корабли. Люди в нем были разноверы, точию два христианина. Корабль потянуло в пучину, все набоялись и молились, кто как умел — а пользы нет. Тогда разноверы велели помолиться

⁶ См о нем Зольникова Н. Д. Современный писатель-старообрядец с Енисея // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии, Америки Новосибирск, 1992 С 283—288

^а Испр, в рки дрогаго

двум христианом. Они помолились — и Господь услышал, корабль вышел на свет. Они поплыли и доплыли к земле. Берег крутой, невсходной. Но все-таки усилились, высадили двух человек на землю. Они шли и дошли до населения, яко бы мал градок. А люди тут до одинаго вси християне. Видят: иноки ходят в мантиях. И корабленники им говорят: мы-де москвичи, заблудились и более 40 дней плывем, ис[т]ь нечо — и плыть не знаем куда. Где Москва? Жители надавали хлеба им и прочаго и путь сказали. Они, недолго плыв, доехали домой. Да собрались с дарами // плыть к этому населению и много пытались тогда и после, не могли то население обрести.

Дозде повесть.

ЗАМЕЧАНИЕ МАТЕРИ МАКЕДОНИИ

Мы помышляем, Бог закрыл этих людей. Пишет в Гранографе, лист 557: Христофор мореплаватель в лето 6999 плыл по островам и морем, и 47 островов миновал, зане к ним невсходно.

Дозде Гранограф. Без сомнения, благодать Божия кроет боящихся его. До скончания века иноческий чин, быть ему предписано, как искра в пепле, и сему указы мнози в книгах.

ПИШЕТ В ПРОЛОГЕ, 21 МАРТА О СОКРОВЕННОМ МОНАСТЫРИ < > //

Тут нам надежда стоит упования ко спасению. Отцы соловецкие 30 лет жили во острове, человека не видя, а ловцы // по вся седмицы приезжали (Челобитная о отцех и страдальцех, глава 1). *Дозде мать Македония.*

О СЛЫШАНИИ ПЕНИЯ И ЗВОНА ЦЕРКОВНАГО С РУКОПИСИ АФАНАСИЯ

В пределах села Тасеева в Красноярском крае, от села Тасеева на восток по жиловатой дороге верст 12 в 7466-м году Анна Константиновна работала, живицу собирала со своей дочерью 13-летнею, с июня месяца и до осени. И в начале своей работы каждую субботу в полудни слышался им обоим церковный колокольный звон и как будто где-то вдали звучащий, от которого гул раздавался по лесной тишине, глубоко⁶ и тревожно печателелся в уме, от которого легко можно было взяться мыслию и поточить слезы человеку, скитающемуся в лесу. И вот сперва они обои слышали, но одна другой виду не подавали. А потом по долгом времени говорит Анна своей дочери: «Павла, мне кажется, что как будто церковный звон наносит, а ты слышишь, или нет, что?». Она ответила: «Слышу». И опять спросила: «Как тебе // кажется, то ли звон церковный, или гудок заводской?». Ответила дочь: «Нет, мама, не гудок, это как у нас в Киге в Хантахезе колокол звенел, и здесь так же».

И так время длилось месяца два и больше. И долго Анна боролась с мыслию, спрашивать или нет местных жителей о том, что слышат или нет они чего — но боялась осмеяния от них. И потом насмелилась, спросила одну жену именем Раю, много лет на этом месте работавшую, и говорит: «Рая, я давно уже хочу Вас спросить, мне что-то кажется, как будто церковный звон наносит, то ли здесь церковь где-то есть, или что такое?».

Она ответила: «Да, действительно, раньше этих случаев было часто, но теперь стало редко. Здесь недалеко есть светлый ключ и на нем жили люди, Богу молились. У них была часовня и еще другая хоромина, и у них был скот, пашни и покосы. А потом этих людей всех побили, а часовню со

⁶ Вписано тем же почерком над строкою

всеми людьми сожгли. И вот с тех пор на том месте стали получаться разные удивления: то звон церковный, то пение слышится, а то свечи горят. И многие другое многое // повествуют. А некоторые сильно боялись этого места, тем более в вечернее и ночное время. Некоторые из ружей стреляли в это место. Бывало прийдешь на то место, жутко кажется, слышишь пение вот тут, а не видно ничего, поют аллилуия и прочия молитвы». Дозде Раина повесть.

И говорит Анна Константиновна: «Как я объяснилась Рае, с тех пор больше ни разу не слыхивали звону. И даже пожалела, что лишилась слышания. А это место было от нас верст 7 по той же дороге вдаль, а всего от Тасеева 21 верста». И на том месте сейчас заметно завалины, что было жительство сгоревшее. А сама Анна на том месте не была. Только неведомо, от кого эти люди пострадали и когда.

л 61 об

О МАТЕРЕ ВЕРЕ

л 62 <...> О сей матери Вере поведана нам брат Александр Григорьевич, слышах, рече, от моего тестя Филиппа, иже поведана нам сице: мой, рече, дед Иоан по фамилии Гридин, бе богат и милостив, многую милостыню давая уральским пустынножителям. Сей не име единовверных соседей, умысли вопрошить мать Веру, благоволит или нет занимать ему должность наставника над домом своим, понеже не быше наставника у него. Поиде к ней и прииде в келию ея, идеже стояху две чудотворныя иконы: Господня и богородичная, точащая миро из очей своих. // И прежде вопрошения Иоаннова рече к нему мать Вера: пожди до утра и тогда отвечаю ти о потребе твоей, ныне же реку ти чудную повесть: прежде мала времени, прииде ми помысли итти во внутреннюю пустыню, да обрящу тамо некоего пустытника, и бех на мнозе боряся с помыслом, помышляюще, еда како от врага есть, последи же повинувшихся изыдох в пустыню; идушей ми по пустыни, и се узрех пень велик, и верху его изхождаше мало дыма, пред ним же трава бе попрапа, под корнем бе западна, и разумех, яко некто пребывает ту. Сотворих молитву и слышах глас отвечающий: аминь. Сидох в пещеру, оконца же в ней не бе, но некий чудный бысть пред иконами свет, аки клуб огненный, и той просвещаше во дни и в нощи, и видех ту два святолепна старца седяща и по обычном приветствии, вопросих: «Кто есте вы и како приидосте семо», — и отвещаста ми: «Мы свящаннаго чина есмы, бежавшии от никониян. Ныне же погибе священство от рода сего». И по до//вольней с ними беседе отпустиша мя восвоя. И по некоем времени паки поидох к ним, и бывши у пещеры их, сотворих по обычаю молитву, и не бе ответа. Сидох внутрь и видех оных старцев преставльщихся, чудный же оный свет светильник нача помалу оскудевать, дондеже вконец угасе, и бысть тма. И изыдох со скорбию оттуду, плача о разлучении святых старец, текох в монастырь назнаменная путь, и поведанах игумену вся бывшая. И поят братию и идохом на предреченное место, яко да преставльшимся сотворим погребение, и много трудихомся ищуще пещеру ону, и не обретох, возвратихомся бездельни. И о сих дозде. И яко сконча сию повесть мать Вера, отпусти Иоанна. Заутра же паки по повелению ея прииде к ней и благослови его настоятельством точною в дому своем и отпусти его восвояси, и отиде радуяся и славя Бога, яко таковая видети и слышати сподобися.

л 62 об

л 63

М. Д. ЭЛЬЗОН

Из разысканий в Архиве Российской национальной библиотеки

Архив Российской национальной библиотеки не пользуется столь широкой известностью, как ее Рукописный отдел. Между тем за два века существования Публичной библиотеки в нем накопилось огромное количество материалов, представляющих значительный интерес. Прежде всего это относится к переписке, отражающей комплектование фондов.

Публикуемые письма обнаружены мною при сплошном просмотре дел о дарах Публичной библиотеке за 1795—1917 гг.

I

К ИСТОРИИ БЫТОВАНИЯ МУСИН-ПУШКИНСКОГО СПИСКА «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

В начале 1864 г., разбирая бумаги Екатерины II, П. П. Пекарский обнаружил список «Слова о полку Игореве». Это была не единственная находка ученого, воспринятая как событие государственной важности, о чем свидетельствует следующее письмо:

22 февраля 1864 года
№ 333

В Императорскую Публичную библиотеку

При разборе старшим архивариусом Государственного архива адъюнктом Академии наук надворным советником Пекарским дел Тайного приказа оказался полуистлевший и сильно пострадавший от подмочки в прежние годы рисунок. В описи делам помянутого Приказа, составленной в 1713 году, рисунок этот обозначен так: «Чертеж изображения в лицах: отпуск стрельцов в судах водяным путем на Разина».

Пекарский открыл также в переплетенном фолианте с рукописями Государыни Императрицы Екатерины Второй список со «Слова о полку Игореве», очевидно снятый с подлинника прежде первого издания этого памятника древней Русской поэзии.

По доведению о том до сведения Государя Императора Его Высочеству благоугодно было Высочайше повелеть: передать в Императорскую Публичную библиотеку означенный рисунок и точную копию с помянутого списка.

Вследствие чего долгом считаю препроводить в Императорскую Публичную библиотеку как этот рисунок, так и засвидетельствованную копию со «Слова о полку Игореве». О получении же покорнейше прошу уведомить.

Товарищ министра

П. Муханов¹

¹ Арх. РНБ, ф. 1, оп. 1, 1864, № 9, л. 43—43а.

26 февраля директор библиотеки И. Д. Делянов известил Госархив о получении рисунка и «копии со списка со „Слова о полку Игореве“».²

Сведения об этих поступлениях получили отражения в годовом «Отчете...»: «По Высочайшему повелению переданы из Государственного архива вследствие доклада почетного члена, вице-канцлера князя А. М. Горчакова. а) точная копия с рукописи, заключающей в себе „Слово о полку Игореве“, найденной в фолданте с разными бумагами императрицы Екатерины II и переписанной с подлинника очевидно прежде первого издания этого памятника древнерусской поэзии; б) современный от руки рисунок, изображающий отпуск стрельцов в судах на Разина, отысканный между делами Тайного приказа. В этом рисунке, полуистлевшем и сильно пострадавшем от сырости, представлены насады, на палубе которых стоят стрелецкие сотни, в полном вооружении, с барабанами и знаменами. Изображения последних не были известны нашему археологу Висковатову».³

Обеим архивным находкам П. П. Пекарский посвятил специальные работы.⁴

II

В Ф ОДОЕВСКИЙ И «РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ» А И СУЛАКАДЗЕВА

Судьба «замечательной в своем роде» коллекции А. И. Сулакадзева идентична бесчисленному множеству других — она расплылась.⁵ Несколько рукописей в разное время пополнило собрание Публичной библиотеки. Между тем их могло быть больше, о чем свидетельствует черновик письма В. Ф. Одоевского, помощника директора Публичной библиотеки⁶ и одновременно заведующего Румянцевским музеем, к А. В. Философову:

Милостивый государь
Алексей Владимирович,

в прошлом 1848 году доставлены были ко мне Вашим Превосходительством описания рукописей и разных вещей, оставшихся после Соликадзева с тем, что не найду ли я возможным приобрести оные для Императорской Публичной библиотеки, но так как требуемая цена за рукописи вдовую покойного Соликадзева далеко превышает внутреннее их достоинство, то поэтому не нашел нужным приобрести их для библиотеки

Имея честь возвратить при сем к Вам, милостивый государь, упомянутые краткие записи о рукописях и вещах и подробные описания некоторых из рукописей, составленные протоиереем Григоровичем⁷ (всего 12 и две копии с мелких стихотворений), прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности

№ 93

10 марта 1849 г.⁸

² Там же, л 44 Копию списка см РНБ, F XIV, рисунок РО РНБ, ф 712 См также Фомичева З И Редкое произведение русского искусства XVII века // Древнерусское искусство XVII век М, 1964 С 316—326 Воспроизведение фрагмента рисунка в книге История русской литературы X—XVII веков / Под ред Д С Лихачева М, 1980 С 376

³ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1864 год СПб, 1865 С 51—52 Приведенный текст принадлежит А Ф Бычкову Последняя фраза подразумевает «Историческое описание одежды и вооружения Российских войск с древнейших времен до 1855 г» (СПб 1841—1862) военного историка А В Висковатова

⁴ «Слово о полку Игореве» по списку, найденному между бумагами Екатерины II СПб 1864, О старинном чертеже, изображающем выступление стрельцов в поход против Разина СПб, 1865

⁵ Сперанский М Н Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения М 1956 Вып 5 С 63

⁶ Перечень см Там же С 100

⁷ Имеется в виду историк придворный протоиерей И И Григорович (1792—1852)

⁸ Арх РНБ ф 1 оп 1 1849 № 13 л 1

В. Ф. Одоевского было трудно заподозрить в неискренности — библиотека не располагала тогда большими средствами. Но, скорее всего, причина отказа была иной: «Уже при жизни А. И. Сулакадзева <...> мистификаторский характер его деятельности не составлял секрета для большинства любителей славянских древностей».⁹

⁹ Смирнов И. П. О подделках А. И. Сулакадзевым древнерусских памятников: (место мистификации в истории культуры) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 200.

ПИСАТЕЛЬ И ЧИТАТЕЛЬ

Х. БИРНБАУМ, Р. РОМАНЧУК

Кем был загадочный Даниил Заточник?

(К вопросу о культуре чтения в Древней Руси)

Вопрос, как он поставлен в заглавии нашей статьи, написанной в честь академика Дмитрия Сергеевича Лихачева — крупного специалиста по древнерусской литературе (в том числе целого ряда не решенных до сих пор проблем, относящихся к «Слову» и «Молению Даниила Заточника»), не совсем точно сформулирован. Дело в том, что на поверхностном уровне ответ относительно прост: Даниил — это ссылка или на имя библейского пророка Даниила или, что кажется несколько более вероятным, на фольклорного «Данила несчастного дворянина» (см. ниже). Гораздо более сложным и спорным является вопрос о личности и среде автора (или авторов) первоначального текста интересующего нас памятника: в этой связи мы должны подчеркнуть, что разделяем мнение большинства ученых последнего времени (и не согласны в этом с Н. К. Гудзием) о том, что текст «Слова» представляет собой более ранний вариант, а текст «Моления», с существенными добавками, переделками и переменами порядка частных разделов, является более поздним. Как известно, самый древний список «Слова» датируется лишь первой половиной XVI в., а древнейший список «Моления» — второй половиной того же столетия.¹ Что же касается вопроса, где, т. е. в какой социальной среде, возникло «Слово», то академик Лихачев в нескольких своих работах высказал мнение, что, по всей вероятности, первоначальный текст этого памятника можно ассоциировать со скomorошьей средой, подерживая свою точку зрения рядом аргументов.² Надо отметить, однако, что Лихачев, сближая текст с таким окружением, делает определенные оговорки. По его мнению, Даниил «сблизился, конечно, не с теми скomorохами, которые развлекали народ и были подлинными представителями народного искусства, а с теми, которые развлекали князя и его приближенных, смешиваясь с толпой тех же княжеских „милостников“ при дворе князя. *Княжеские скomorохи принадлежали к княжеским „милостникам“, к ним принадлежал и Даниил*» (Курсив наш. — Х Б, Р Р.).³ Следовательно, автор выделяет особый подтип скomorохов, действующих, по его мнению, только при княжеском дворе. Это, несомненно, интересная гипотеза, но никаких

¹ См. Danil Zatočnik Slovo e Molenie / Ed M Colucci и A Danti Firenze, 1977 Р 11

² Ср. особенно Лихачев Д С Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника // ТОДРЛ М Л, 1954 Т 10 С 106 109 см далее Лихачев Д С, Панченко А М, Поньрко Н В Смех в Древней Руси Л, 1984 С 24—25, с другой стороны ср Гудзий Н К К какой социальной среде принадлежал Даниил Заточник? // Сб статей к 40-летию ученой деятельности А С Орлова Л 1934 С 481—482

³ См., в частности Лихачев Д С Великое наследие М 1979 С 241 258, особенно с 256—257

доказательств о существовании таких особого рода скоморохов в Древней Руси, насколько нам известно, нет. Скорее, функции, которые обычно приписываются скоморохам, при княжеском дворе исполняли гуслиры.⁴ При всем признании возможной вескости аргументов нашего юбиляра нам тем не менее хотелось бы здесь предложить другое решение, и даже если мы не ответим на более узкий вопрос о том, кем был на самом деле автор первоначального текста «Слова», то, по крайней мере, попытаемся определить среду, в которой он — и, как кажется, автор более позднего варианта, т. е. «Моления», — жил и действовал.

В статье «Каким был автор „Слова о полку Игореве“?», опубликованной в сборнике в честь — и (как, к сожалению, оказалось) в память — Льва Александровича Дмитриева, академик Лихачев отметил, что «очень многие жанры в древнерусской литературе в XI—XIII вв. представлены только по одному памятнику», указывая в качестве примеров на «Слово» и «Моление Даниила Заточника», «Слово о гибели Русской земли», «Жизнеописание Даниила Галицкого» и др.⁵ Нельзя, конечно, не согласиться с Дмитрием Сергеевичем относительно уникального жанрового характера «Слова» и «Моления Даниила Заточника», но только в дошедшем до нас виде. Подчеркнем эту оговорку (т. е. мнение нашего юбиляра справедливо по отношению к сохранившимся до наших дней спискам «Слова» и «Моления»), потому что в более широком смысле, как будет показано нами далее, этот памятник можно причислить к произведениям жанра назидательно-медитативной прозы — в чисто, правда, поверхностной форме «послания», т. е. произведения эпистолярного стиля. В некоторых более ранних работах один из нас пытался установить и поэтическую форму и жанровый тип (а также параллели и модели) этих двух тесно связанных друг с другом вариантов особенно ценного, на наш взгляд, памятника древнерусской словесности.⁶

Прежде чем мы представим нашу точку зрения, уместно сделать несколько предварительных замечаний. Большинство ученых, ранее исследовавших эти тексты, несмотря на их отношение к конкретной личности, названной «Даниилом Заточником» (или подобно), считало, что мы имеем дело с настоящей жалобой (т. е. именно «молением»). Таким образом, предполагалось существование жалующегося лица («милостника») и князя-адресата. Это предположение казалось обоснованным хотя бы из-за названия нашего текста (во втором, более позднем варианте). Если признать, что форма жалобы лежит в основе нашего сочинения, придется предположить, что оно на самом деле обращено (в письменной своей форме) к определенному лицу, которое в состоянии исправить сделанную «молящему» несправедливость. Следовательно, можно было бы ожидать, что даже сохранившиеся тексты имеют по крайней мере некоторые следы «послания» или, иначе говоря, эпистолярного стиля.

⁴ См. Zguta R. *Russian Minstrels A History of the Skomorokhi*. Philadelphia, 1978. P. 83—84.

⁵ См. Лихачев Д. С. «Каким был автор „Слова о полку Игореве“?» // ГОДРЛ СПб., 1993. Т. 48. С. 26—30, особенно с. 26.

⁶ Ср. Birnbaum H. 1) The 'Supplication of Daniel the Exile' and the Problem of Poetic Form in Old Russian Literature // *Essays in Early Slavic Civilization Studien zur Frühkultur der Slaven*. München, 1981. P. 246—268, 2) Мечта и тоска в период Высокого средневековья Даниила Заточника и Вальтер фон дер Фогельвейде (несколько предварительных соображений) // *Литература и искусство в системе культуры Сб. в честь Д. С. Лихачева*. М., 1988. С. 173—182, 3) Das «Molene Danila Zatocnika» und das Problem seiner Genrezugehörigkeit. Berlin Wiesbaden (в печати).

Нельзя в этой связи настаивать на формальной однородности, присущей различным разновидностям эпистолярного стиля. Ведь «послание» в Киевской Руси могло быть самой разной формы; следует также добавить, что лишь некоторые из них носят именно это заглавие в подлинниках (многие из них снабжены названием «послание» современными издателями). Ср., кстати сказать, употребление заглавия «слово» для самых разнородных текстов — от «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона до нашего «Слова Даниила Заточника», «Слова о полку Игореве» и «Слова о погибели Русской земли». Если предположить, что заглавие определенного древнерусского текста имеет хотя бы некоторую связь с жанром этого сочинения, то стоит отметить, что один список «Моления Даниила Заточника» как раз известен под заглавием «Послание». Следовательно, по крайней мере один средневековый переписчик позднего варианта нашего сочинения был уверен, судя по заглавию списываемого им текста, что оно является произведением эпистолярного типа. Для нашей цели полезно рассматривать место текста, связанного с именем «Даниила Заточника», в более широком контексте древнерусских посланий-писем.⁷

Надо сказать, что послания киевского периода, даже если они известны только в списках гораздо более позднего времени, обычно сохраняют некоторые особенности эпистолярного стиля. Хотя послание не характеризуется строгими «жанровыми» признаками (кроме, может быть, известной краткости), тем не менее оно отражает свойственную ему внутреннюю структуру. В традиции классического мира и средневекового Запада послание состояло из следующих частей: приветствие (лат. *salutatio*), введение (лат. *exordium*), повествование (лат. *narratio*), моление (или молитва, лат. *precatio*) и заключение (лат. *conclusio*);⁸ в известном смысле эта терминология применима и к посланиям киевской традиции. В приветствии (заглавии) имена автора (или авторов), а также адресата обычно указаны. Бывает, что малоизвестные имена появляются с ошибочной атрибуцией, т. е. с адресацией к некоей хорошо известной личности.⁹ Возможно, что примером ошибочной атрибуции является такой хорошо известный памятник, как «Послание о неделе» Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу (здесь сомнения вызывали и автор и адресат).¹⁰ Но всякий частный список посланий, как правило, обращен к одному определенному адресату (хотя надо иметь в виду, что во время средневековья даже личное письмо считалось как будто публичным владением:¹¹ имеются доказательства, что некоторые послания читались вслух при дворе;¹² по поводу чтения списков писем в монастырях ср. прибавление фразы «Благослови, отче» в посланиях митрополита Иоанна к папе Клименту III, а также в послании Климента Смолятича к пресвитеру Фоме¹³). Часто сам текст послания начинается (вслед за заглавием) с введения являющейся традиционной «самоуничижительной формулы» (лат. *sartatio benevolentiae*); эту явно монашескую черту (в некотором варианте) можно найти даже в светских посланиях, как, например, «Послание Владимира Мономаха князю Олегу Святославичу»¹⁴ Но самое

⁷ О выборе таких текстов см Поньрко Н В Эпистолярное наследие Древней Руси XI—XIII века Исследования, тексты, переводы / Ред Д С Лихачев СПб, 1992

⁸ Leclercq J The Love of Learning and the Desire for God / Ed by C Misrahi New York, 1982 P 176—179, особенно 178

⁹ Об атрибуции древнерусских произведений (кстати, не только эпистолярного типа) ср Franklin S [Пер и введение] Sermons and Rhetoric of Kievan Rus Cambridge, Mass 1991 P XXIX—XXXI XXXIII см далее введение А А Турилова в кн Veder W R [Пер] The Edificatory Prose of Kievan Rus Cambridge Mass 1994 P 1

¹⁰ См Поньрко Н В Эпистолярное наследие С 6—22, особенно с 10—11

¹¹ Ср Leclercq J The Love of Learning P 178

¹² Ср Franklin S Sermons and Rhetoric P LIX

¹³ См Поньрко Н В Эпистолярное наследие С 30 и 124

¹⁴ Там же С 41—48 особенно с 45

важное — это то, что повествование базируется на риторических средствах: центр тяжести — одна конкретная тема, так что текст «центростремителен». Как правило, данная тема (она часто названа уже в заглавии списка или списков, хотя это обычно вымысел позднейшего писца) проходит красной нитью через целый текст. Следовательно, тема развивается линейной аргументацией, в виде назидательного поучения (ср., например, «Послание о вере латинской» Феодосия Печерского к Изяславу) или последовательного списка (скажем, осуждение преступлений «латинов»; ср. «Послание Владимиру Мономаху о вере латинской» митрополита Никифора, не говоря о только что упомянутом послании митрополита Иоанна к папе Клименту III); часто автор использует параллели, взятые из священной истории. Цитаты из Библии, как правило, открываются ожидаемым повествовательным *incipit* (началом): «глаголеть (пророкъ)», «Апостоль рече», «тако бо и писано есть» и т. п. Есть, разумеется, исключения из этой стилистики. Так, например, последовательность аргументации прерывается в «Послании о вере латинской» Феодосия, где *гомилетическое incipit* повторяется: «Мнѣ же рече отецъ <...> Рече ми отецъ». Стоит отметить, что линейная структура не преобразуется переписчиками существенным образом даже в тех случаях, где они добавляют или снимают часть текстуального материала. Так, когда полный текст сохранен в весьма разных вариантах, как, например, в «Послании о неделе», эти разновидности тем не менее характеризуются особенностями внутренней связанности. Таким образом, писцы, работающие в разных средах (более конкретно: скрипториях) и в различные времена, ощущали и уважали связанность текстов эпистолярного стиля.

«Слово Даниила Заточника», несомненно восходит к структуре иного рода. Бросающееся в глаза отступление от формы послания — это наличие не одного, но нескольких адресатов. Так, кроме князя Ярослава Володимировича, к которому «Слово» обращено, в самом начале текста находим, в качестве вторичного адресата, гомилетическое выражение «братия» (или «братие», т. е. первоначальную форму звательного падежа от собирательного существительного женского рода) — это, по всей вероятности, ссылка на монашескую общность, членом которой являлся и сам автор.¹⁵ Такие ссылки можно найти в разделе XIV (в ред. Колуччи и Данти), т. е. в месте о «злых женах» (во всех списках, кроме Толст. и Арханг.), и в разделе I (т. е. во введении) двух рукописей (Толст., Арханг.), а также в обоих списках первоначального, т. е. непереработанного, «Моления» («Послания»).¹⁶ Тот факт, что автор на самом деле обращается к группе людей, к которой и сам принадлежит, ясно вытекает хотя бы из выражения «въструбимъ», где он употребляет первое лицо множественного числа.¹⁷

¹⁵ Здесь мы должны подчеркнуть, что подобное мнение в свое время высказал Е. Модестов, отмечая, что послание «вовсе не сочинено заточником и не назначено исключительно для какого-нибудь известного князя. Сочинитель начинает свое послание обращением не к князю, а к какой-то братии». Ср. его статью «О послании Даниила Заточника» (ЖМНП 1880 № 11. С. 165—196), цитированную здесь по: Миндалев П. «Моление Даниила Заточника» и связанные с ним памятники: Опыт историко-литературного исследования. Казань, 1914 С. 41

¹⁶ См. Daniil Zatočnik. Slovo e Molenie P. 129, 159, 167

¹⁷ Л. В. Соколова в работе «К характеристике „Слова“ Даниила Заточника: (Реконструкция и интерпретация первоначального текста)» (ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46 С. 229—255) принимает более раннюю гипотезу о том, что «Слово» является посланием, и разделяет текст по эпистолярным (риторическим) принципам. Так, например, автор различает *captatio benevolentiae* и *petitio* в «Слове» (С. 234 и 236). На наш взгляд, однако, трудно отличить эти фрагменты друг от друга. Правда, строчку типа «Азь бо есмь аки она смоковница проклятая» можно ожидать в *captatio benevolentiae*, но трудно представить себе, что «умоляющий», обладающий знанием эпистолярной риторики, повторял бы параллельный образ в начале *petitio* («Азь бо есмь княже господине, аки трава блещена»). Подобным образом «умоляющий» представляет свою *petitio* уже в *captatio benevolentiae* «И покры мя нищета, аки Чермное море фараона». Структура «Слова» просто не поддается риторике послания.

«Слово Даниила Заточника» начинается со слов: «Въструбимъ, яко во златокованья трубы, в разумъ ума своего и начнемъ бити в сребренья органы, [въ извиגיע] мудрости своеа, съпуще богодхновенья свирили, да въсплещем вас, душеполезныя помысль».¹⁸ Введение, использующее такой торжественный стиль, немислимо встретить в тексте, являющемся частью послания (эпистолярной формы); здесь, скорее, налицо не «самоуничижительная формула», но, наоборот, топос христианского прославления мудрости, вроде строчек в «Изборнике Святослава» 1076 г.: «...тѣмъ же и похоули не поучающа ся. гл[агол]я. прокляти оукланяюштеи ся отъ заповѣдди твоихъ. тѣмъ же и самъ ся похвали гл[агол]я: Коль сладька слова твоя паче меда оустомъ моимъ».¹⁹ В «Слове» мы имеем дело с переделкой фраз, взятых из псалмов 80:3—4, 107:3—4 (или 56:9—10) и 77:2. В результате получился единый текст, восхваляющий и самого автора, и его читателя (или группу читателей) за их мудрость. И самая структура этого места очень показательна: текстуальная ткань создана из цитат Св. Писания, и, более того, повествовательные инспир'ы (ожидаемые в послании) совсем отсутствуют. Заметим, что вообще в «Слове» такие повествовательные инспир'ы очень редки, и цитаты, как правило, введены в текст без всякого предупреждения. Это еще одно расхождение между стилями «Слова» и посланий (где автор просто излагает свою тему, пользуясь цитатами), указывающее на то, что по крайней мере некоторые читатели были в достаточной мере ознакомлены с Св. Писанием.

Добавочное и, может быть, самое важное отступление от стиля эпистолярных произведений состоит в нелинейной структуре «Слова» (как, впрочем, и «Моления»). В основном оба эти похожих друг на друга текста являются сборниками афоризмов, порой организованными по темам с такими инспир'ами, как «княже мои, господине». В этой связи следует отметить, что темы разных отделов текста часто не обнаруживают никакой внутренней связанности; в разных редакциях, а также в разных списках одной и той же редакции еще сильнее проявляется тенденция добавить, снять или переменить порядок отдельных частей текста. Повествовательный элемент, присущий эпистолярному стилю, здесь отсутствует. Таким образом, мы имеем дело с постоянно «децентрализованным» текстом — в нашем памятнике мы видим явно заметный «центробежный» принцип.

Вопрос, к которому нам теперь хотелось бы обратиться, это гипотеза С. Фрэнклина о том, что тексты, связанные с именем «Даниила Заточника», каким-то образом восходят к византийскому жанру, известному как «продромика» или «птохо-продромика».²⁰ Как известно, «птохо-продромическая»

¹⁸ Соколова Л. В. К характеристике «Слова» С. 129—130

¹⁹ См. Изборник 1076 года / Ред. С. И. Котков М., 1965 С. 155 Такая похвала самого себя никогда не является типичной для послания (как публичного жанра не позволяющего такого рода самопохвалы)

²⁰ См. Franklin S. Echoes of Byzantine Elite Culture in Twelfth-Century Russia? *Byzantium and Europe Athenai*, 1987 P. 177—187 Среди византологов нет согласия по поводу того, является ли Федор Продром — по всей вероятности, племянник первого греческого по происхождению смоленского епископа Мануила — автором также так называемых «птохо-продромических» произведений. Например, немецкий ученый Х. Г. Бек не отождествляет авторов продромических и «птохо-продромических» поэм, см. Beck H. G. 1) *Geschichte der byzantinischen Volksliteratur* Munchen, 1971 S. 8 101—109, 126 2) *Das byzantinische Jahrtausend* Munchen 1978 S. 122—152, М. Й. Кириакис также не отождествляет обоих поэтов, см. Kyriakidis M. J. *Satire and Slapstick in Seventh and Twelfth Century Byzantium // Byzantina Athenai* 1973 T. 5 P. 291—306 в частности 297 С другой стороны, известный византолог А. Каждан придерживается мнения что нет особых оснований для того чтобы расподоблять этих двух византиских поэтов см. *The Oxford Dictionary of Byzantium* New York Oxford 1991 T. 3 (статья

поэзия состоит из четырех сатирических поэм, адресатами которых являются византийский царь Иоанн Комнин, некий «севастократор» (предположительно Андроник Комнин) и царь Мануил Комнин. Стиль этих текстов характеризуется смесью сатирических и юмористических элементов, в то время как автор указывает на свою беду и выражает надежду, что его просьба будет выслушана. Кроме того, уместно отметить, что если язык древнерусских текстов, о которых идет речь, в основном церковнославянский восточного извода (особенно ввиду многих библейских цитат), хотя имеются в них и следы разговорной речи, то язык и стиль «птохо-продромических» стихов в подавляющем числе случаев принадлежит уже новому просторечию, причем преобразованному в литературно приемлемое.²¹ Тот факт, что «птохо-продромические» поэмы написаны просторечием, предполагает, что они были предназначены широким кругам общества, ср также их размер — так называемый политический (т. е. «гражданский», «общедоступный») стих.²² Рассматривая языковую основу «даниловских» текстов, можно заключить, что они были написаны для избранных читателей (и слушателей, ср фразу «Благослови, отче» вслед за заглавием в списке Барс), которые были ознакомлены с языком и текстами христианского ритуала. Опуская здесь нашу оценку теории «диглосии» в Древней Руси (представленную в наиболее обобщенном виде Б. А. Успенским), отметим, что «Слово» не было написано для широкой и главным образом светской публики.²³

Попытка связать тексты древнерусского «Слова» и «Моления» с «птохо-продромическими» стихотворениями если не генетически, то, по крайней мере, на типологическом уровне имеет довольно длинную предысторию. Насколько нам известно, первый ученый, который — еще в 1896 г. — предположил такую связь (хотя в данном случае не только в типологическом смысле, но непосредственно как влияние одного текста на другой), был В. Щурат.²⁴ Гипотеза Щурата включает, кстати сказать, не только «птохо-продромические» поэмы, но также стихи Михаила Глики — другого византийского автора XII в., написанные им в тюрьме и направленные, видимо,

«Prodromos Theodore» и «Ptochoprodromos», с 1726—1727 и 1756, написанные главным редактором словаря А. П. Кажданом, см также анализ четвертой продромической поэмы Alexiu M The Poverty of Ecriture and the Craft of Writing Towards a Reappraisal of the Prodromic Poems // Byzantine and Modern Greek Studies 1986 T 10 P 1—40 особенно p 32 35 ср также Franklin S Echoes (особенно с 180—181), который в своей интересной статье представляет однако открытым вопрос об идентичности авторов поэм о которых идет речь (о том кем был дядя Продрома см Franklin S Who was the Uncle of Theodore Prodromos? // Byzantinoslavica 1984 T 45 P 40—45 К общей дискуссии о «продромическом вопросе» см в последнее время особенно Horander W Autor oder Genus? Diskussionsbeiträge zur «Prodromischen Frage» aus gegebenem Anlaß // Ibid 1993 T 54 P 314—324 и указанная там литература

²¹ Относительно стиля интересующего нас памятника существуют противоположные точки зрения ср с одной стороны Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода М. Л. 1946 С. 81—131 с другой стороны Issatschenko A Geschichte der russischen Sprache Bd I Von den Anfängen bis zum Ende des 17 Jahrhunderts Heidelberg 1980 S 199—201 см далее Ševcenko I Imagery of the Igor Tale in the Light of Byzantine Slavic Poetic Theory [рец на кн К. Бешаровой] // Ševcenko I Byzantium and the Slavs in Letters and Culture Cambridge Mass Napoli 1991 P 151—158 (особенно 151) где автор указывает на византийские лексические и идиоматические клише в «даниловских» текстах. Что касается стиля Федора Продрома а также «Птохо-Продрома», ср особенно Beck H G Geschichte S 103—104 далее The Oxford Dictionary of Byzantium T 3 P 1756

²² См Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха М. 1989 С. 103

²³ Ср также встречающиеся в «Молении» гречизмы см Issatschenko A Geschichte S 201 где автор указывает на странность и книжный характер лексики «мирских притч» упоминая смоквы и «стафили»

²⁴ Ср его статью «Слово Даниила Заточника» опубликованную еще в 1896 г. в «Записках научного товариства им Т. Шевченка» (Т. 9 С. 1 28 ср также Миндалев П. «Моление» С. 58—60) где он подбуживает воззрения тогдашних ученых занимавшихся нашим памятником (или скорее его двумя вариантами)

тому же царю Мануилу Комнину. Подобно произведениям «Даниила Заточника», у Глики встречается изобилие пословиц, а сами стихи написаны просторечным языком. Мнение Щурата было в свое время решительно оспорено А. И. Лященко, который хотя и признал, что можно найти несколько примеров текстуального сходства между стихами Глики и произведениями «Даниила», тем не менее отрицал наличие подобных общих мест у «Птохо-Продрома» и «Даниила».²⁵

Как уже было указано, С. Фрэнклин в своем труде осторожно предполагает лишь типологические сходства между византийской моделью и ее древнерусским отражением. Он перечисляет черты в «Слове» и «Молении», напоминающие «птохо-продромические» стихи: общая тематика (убогий книжник, молящий своего правителя); похожий стиль (хвастливая демонстрация ума и мудрости рассказчика); совпадение тропов и приемов (дурная жена, суетные монахи, «горе от ума»); литературная личность одного и того же типа (полуфигурный рассказчик, стиль которого адаптирован разными авторами).²⁶ Но помимо указания на типологические сходства С. Фрэнклин также отмечает значительные расхождения между византийскими и древнерусскими текстами: с одной стороны, мы наблюдаем конкретное повествование, изобилующее анекдотическими деталями в «птохо-продромических» поэмах, с другой — «агломерирующий, эклектический» метод и коллажный характер общих мест (взятых из назидательной литературы) в «Слове» и «Молении». В результате Фрэнклин приходит к выводу, что определяющей характеристикой «Даниила», общей, кстати сказать, с Климом Смолятичем, а также с автором (или авторами) «птохо-продромических» поэм, является их яркое остроумие.

Даже имея в виду сходства, наблюдаемые между византийскими и интересующими нас древнерусскими текстами, мы тем не менее должны подчеркнуть и существенные различия, о которых говорит С. Фрэнклин. Более того, нам бы хотелось указать на некоторые другие расхождения между текстами, о которых здесь идет речь. Так, уместно отметить, что в произведениях «Даниила» отсутствует последовательная повествовательная структура. Нет в «Слове» почти никаких описаний событий, за исключением некоторых отзвуков библейской истории и сжатых повторений рассказов, характерных для назидательной литературы. Но именно остроумное повествование является ядром «птохо-продромических» стихотворений. Отметим далее, что у «Даниила» отсутствует не только повествовательная структура, но и четко определенная система риторических средств. Соответственно, всякая попытка навязать тексту повествовательную или хотя бы риторическую последовательность ведет к неудаче. Например, С. Фрэнклин утверждает, что намек на возможность жениться на богатой невесте мотивирует намерение оскорбить доминирующих жен.²⁷ Но в тексте «Слова»

²⁵ См. Лященко А. И. О «Молении» Даниила Заточника // *Jahresbericht der Reform Kirchenschule für 1895/96* SPb S 3—46, ср. также Миндалев П. «Моление» С. 62. В последнем отношении Лященко кажется, не был прав. В вводной части третьей «птохо-продромической» поэмы (приписываемой в двух ее вариантах некоему монаху Илариону) мы читаем в одном варианте похвалу византийскому царю состоящую из следующих строчек

και γαρ ἡ σαρκίξ ἡ λατὰ τῶν σὰν κаторθωμάτων
οὐκ ἠσυχάζειν ἐπεισε λοιπῶ εὐκωμάζειν

или в переводе «Ибо как ясная труба твоих успехов / не заставляла тишину пусть она воззвучит [твою] похвалу». В известном смысле эта похвала напоминает начало «Слова». См. Hesselung D.-C., Pernot H. [Ред.] *Poemes Prodromiques en grec vulgaire* // *Verhandelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam Afdeling Letterkunde n r Amsterdam 1910 T 11/1 S 48*

²⁶ Ср. Franklin S. *Echoes* P 178 181

²⁷ *Ibid* P 180

фраза «женися у богата тьстя» не только не открывает, а появляется *внутри* текстового раздела (XIV), оскорбляющего «злых жен». ²⁸ Доказательством того, что наш текст несистематичен и в повествовательном и риторическом отношении, можно считать тот факт, что более позднее писцы — а именно «Моления» (и его переделок) и переделки «Слова» — переставляли порядок многих разделов текста. ²⁹

Относительно самой формы моления (т. е. жалобы) надо заметить, что, несмотря на некоторые общие для «Слова» и «птохо-продромических» поэм черты, жалобный характер нашего текста настолько вторичен, что можно его считать вполне поверхностным, в то время как он является доминантой и мотивацией стихотворных повествований византийских текстов. В «Слове» жалоба ограничивается весьма абстрактной бедой, напоминающей Псалтырь, и даже не мотивирует большинство текстуальных разделов. Таким образом, мы можем только согласиться с мнением Н. К. Гудзия о том, что «Слово» — это «абстрактная жалоба неудачника, подкреплённая обильными цитатами, афоризмами и вставками». ³⁰ Другими словами, Гудзий был прав, когда подчеркивал отсутствие логических связей между отдельными отрывками нашего текста, особенно в его второй части. ³¹

Очевидно, далее, что можно сказать лишь очень мало касательно литературной личности «Даниила Заточника». Писцы и переписчики на самом деле легко приспосаблились к стилю этих текстов, т. е. адаптировали его (как полагает С. Фрэнклин), ³² подобно византийским писцам, которые скрывались под именем «Птохо-Продрома», однако с одной важной разницей: в то время как греческие редакторы работали над текстами и, может быть, перерабатывали их под маской известного поэта и сатирика того периода, русские переписчики лишь переставляли и добавляли апофегмы и афоризмы под именем «Даниила Заточника», идентификацию которого прояснить нелегко. Нам неизвестен никакой Даниил Заточник в древнерусской письменности XII—XIII вв. (вне пределов наших текстов; см., однако, далее), а также никакой выдающийся книжник типа Федора Продрома. ³³ Даже если Продром не был автором «птохо-продромических» текстов, то они тем не менее следовали средневековой традиции приписывания их известному писателю. Тексты же, связанные с «Даниилом Заточником», следуют противоположной тенденции. Некий Даниил упоминается — вне традиции связи с нашими текстами — в летописных статьях за 1378 г. (в Воскресенской летописи и в Московском летописном своде конца XV в.). ³⁴ Там мимоходом сообщается, что «Данило Заточеник» был на Лачем озере, куда

²⁸ Ранее этот факт был отмечен Н. К. Гудзием в его учебнике «История древней русской литературы» (М., 1938 С. 173)

²⁹ По этому поводу см., например Veder W. R. Literature as a Kaleidoscope. The Structure of Slavic «Cetu Sborniki» // Semantic Analysis of Literary Texts. Leiden, 1990. S. 599—697, особенно 606

³⁰ Ср. Гудзий Н. К. История. С. 173

³¹ Там же

³² Ср. Franklin S. Echoes. P. 181

³³ В этой связи стоит отметить, что в Древней Руси был, по мнению многих ученых, один большой анонимный поэт — автор «Слова о полку Игореве». Однако есть веские поводы для сомнений в том, что полный текст поэмы о североновгородском князе Игоре был составлен сразу после событий 1185 г., а не значительно позднее. Для беспристрастного подхода к этому весьма спорному вопросу (с точки зрения одного из авторов настоящей статьи) см. Birnbaum H. Toward an Unprejudiced Assessment of the Igor' Tale // Russian Language and Verse [Язык и стих в России. Сб. в честь Д. С. Уорпа / Ред. Х. Бирнбаум и М. С. Флайер]. М., 1995. P. 52—58. Как известно, некоторые ученые настаивают на том, что «Слово о полку Игореве» является фальсификатом, составленным в конце XVIII в. В настоящее время готовится к печати монография известного гарвардского ученого Э. Кинана, который предполагает, что автором «Слова» был не кто иной, как «отец славянской филологии» И. Добровский.

³⁴ См. ПСРЛ. СПб. 1859. Т. 8. С. 33. М., Л. 1949. Т. 25. С. 200

был послан в заточение и некий поп. Как заметил Л. А. Дмитриев, упоминание «Даниила Заточника» здесь, скорее, относится к текстуальной традиции, чем к некоторой исторической личности.³⁵ Черты конкретной «личности» нашего повествователя оказываются при более близком анализе весьма конвенциональными; здесь сочетаются «повествовательные голоса» из Псалтыри и других библейских книг и афоризмы, находящиеся в «Пчеле» и в схожих текстах. Стоит отметить, что текст «Слова» почти целиком состоит из цитат и отголосков, взятых из Библии и других раннехристианских произведений (св. отцов и др.), — это цитаты и литературные отражения, которые были идентифицированы учеными, работающими над этим текстом (от П. Миндалева вплоть до Колуччи и Данти). Если снять весь слой цитат (допускаем, что здесь есть и до сих пор неизвестные источники), возможно, что никакой «литературной личности» и не осталось бы.³⁶

Более того, основную «птохо-продромическую» тему, состоящую в том, что остроумный писатель, находясь в беде, обращается к своему правителю, нельзя найти, по крайней мере в последовательном виде, у древнерусских переписчиков «Слова».³⁷ В этой связи следует отметить, что некоторые списки «Слова» и «Моления» употреблению родительного падежа в заглавии предпочитают фразу «о Даниле (Заточнике)», в то время как его имя появляется в самом тексте (вслед за заглавием) лишь в первой переделке «Моления». С другой стороны, имя предполагаемого автора вообще исчезает в переделке «Слова». По поводу адресата мы уже упомянули обращение к «братьям» в одном списке (Толст.) «Слова» и в обоих списках (Унд. и Чуд.) «Моления». Значит, личность главного адресата — князя уже стала все более и более бледной и расплывчатой даже для сравнительно ранних переписчиков дошедшего до нас текста. Нет имени князя ни в переделке «Слова», ни во второй переделке «Моления»; в двух списках (из трех) первой переделки «Моления» адресатом является «князь Владимир», т. е. совсем условная, туманная фигура.³⁸ Подобным образом в рукописях «Слова» выражение «княже» иногда отсутствует в часто встречающихся обращениях (т. е. в *in spirit*'ах) «княже мои господине», так что остается лишь «мой господине» (или вариант этого).

Как было только что указано, наши тексты существенно отличаются на уровнях формальном, содержательном и текстуальном от известных примеров эпистолярного жанра в Киевской Руси. Кроме того, мы должны заключить, что сходства наших памятников с «птохо-продромическим» жанром могут быть случайные и несущественные. Сам «Даниил» по главным признакам отличается от личности автора византийских стихотворений. Основной «продромический» прием — обращение бедного книжника к известному правителю — не поддерживается всем пространством древнерусского текста (или группы древнерусских текстов). А «продромические» топосы и приемы, наличествующие в наших текстах (и особенно в «Слове»), являются универсальными гномическими темами — о поведении хороших и плохих князей, о бедном, но остроумном человеке, о богатом дураке, о злой жене. На Руси они были так же популярны, как и вообще в христианской культуре средневековой Европы.

³⁵ Ср. История русской литературы X—XVII веков / Ред. Д. С. Лихачев. М., 1980. С. 155.

³⁶ Относительно неоткрытых пока еще возможных источников «Слова (Моления) Даниила Заточника» см., например Issatschenko A. Geschichte S. 201.

³⁷ В этой связи следует отметить, что несколько вариантов третьей поэмы «Птохо-Продрома» являются обращениями остроумного монаха Илариона к багрянородному царю Мануилу Комнину, хотя автор остается как раз под маской «Птохо-Продрома».

³⁸ См. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Ред. Н. Н. Зарубин. Л., 1932. С. XI—XIII, особенно с. XII.

Однако был особый тип письменности, распространенный в Древней Руси, который соединяет темы — топосы и приемы, встречающиеся в «Слове». Произведения этого типа характеризуются и той же несвязанностью, и «центробежными» тенденциями (не говоря об истоках), как и наши «даниловские» тексты. Мы имеем в виду назидательные сочинения, как, например, «Изборники» Святослава 1073 и 1076 гг., «Пчелу», «Златоструй», «Мудрость Менаандра», «Измарагд», а также передельки «книг мудрости» Св. Писания. Как видно, в ряде этих текстов обнаруживаются как раз структурные признаки, известные нам по сочинениям «Даниила Заточника». Среди них есть демонстративное выставление напоказ общечеловеческой мудрости автора; ряд не особенно твердо связанных гномических тем, состоящих главным образом из цитат, но с известной примесью оригинальных композиционных элементов. Тексты такого рода обычно относят к категории четых сборников и «цветников», которые можно определить более общим термином *назидательные антологии*.

Здесь мы остановимся коротко для того, чтобы определить некоторые употребляемые нами понятия. Что касается почти синонимических терминов *антология* и *флорилегий* (оба буквально обозначают «собрание цветов»³⁹), то надо отметить, что западный, т. е. латинский, термин, когда он применяется к византийской литературе, обычно ограничивается богословскими, христианско-религиозными сборниками, в то время как греческое название употребляется главным образом для обозначения светских стихов, особенно гномических эпиграмм (поэтому также названных *гномологиями*, или *гномиями*).⁴⁰ В дискуссиях, касающихся антологий на средневековом Западе, ученые обычно отличают монашеские антологии от дидактических, употребляемых для учебы в школах. Монашеские антологии в свою очередь служили назиданию (в узком, буквальном смысле св. Павла: назидать — это создать Церковь, тело Христа⁴¹). У. Р. Федер, анализируя четые сборники и сочинения подобного рода, недавно ввел в научный обиход более широкое понятие «назидательная проза». Он специально не связывает эти тексты с монастырями, хотя и подчеркивает пристрастное отношение к монашеству древнерусской христианской культуры; стоит также отметить, что нет следов светского образования как альтернативы монашеской учебе.⁴² Далее, если уже терминология не совсем четкая, то не вполне ясна и функция средневековой антологии: почему она была составлена и как ее читали? Пониманием антологии в письменной культуре средневековой Европы мы во многом обязаны недавней книге М. Карразерс. В ее представлении средневековая культура главным образом базируется на памяти, аналогично тому как наша современная западная культура основана на документах. Для средневекового человека книга поэтому имеет функцию мнемотехнического устройства, помогающего ему запомнить большой текст, в особенности Св. Писание, хранящийся в уме грамотного человека; в православном славянстве таким человеком в первую очередь был монах. «Флорилегий», говорит

³⁹ Или, как предлагает Мэри Карразерс, «цветы чтения», см Carruthers M The Book of Memory A Study of Memory in Medieval Culture Cambridge, 1990 P 30 Ill 26

⁴⁰ Об антологиях в византийской литературе см Krumbacher K Geschichte der byzantinischen Litteratur 2 Aufl Munchen, 1897 (репринт New York, 1958) Bd 1 S 600—602 (с богатой, хотя теперь устарелой, разумеется, библиографией, включая славянские переводы и издания, а также — ошибочной — атрибуцией «Мелиссы» монаху Антонию), Bd 2 S 725—730 (о греческих антологиях и подобных текстах), The Oxford Dictionary of Byzantium T 1 P 110 (ст «Anthologies»), T 2 P 793—794 (ст «Florilegium»), 872—873 (ст «Greek Anthology») 1335 (ст «Melissa»)

⁴¹ Ср Leclercq J The Love of Learning P 158, 182

⁴² См Feder W R 1) Literature as a Kaleidoscope P 603—607, 2) The Edificatory Prose P XVII XXII, особенно XX

Карразерс, «в основном является содержанием памяти одного, изложенным в виде какого-то учебного руководства для образования памяти других». ⁴³ Антология, таким образом, является более чем лишь собранием или сборником, но своего рода синекдохой других рукописных книг. Возвращаясь к контексту нашего памятника, мы уверены, что антологии, о которых пойдет речь, в особенности «Изборник» 1076 г. и «Пчелу» (в частности, в первой ее редакции), можно считать назидательными, так как даже последний текст организован вокруг христианских тем и мотивов, т. е. этических «правд», и основан больше всего на христианских истоках.

Среди антологий, особенно значительных для славянского мира средневековья, можно назвать византийский сборник, который известен под названием «Μέλισσα» — или, по-славянски, «Пчела» — и, по всей вероятности, составлен в течение X или XI в. «Мелисса» состоит из двух книг и 176 «слов». В то время как источники цитат большинства «слов» удалось идентифицировать (Псевдо-Максим Исповедник и «Sacra Parallela» для религиозной христианской части и несколько гномологий для светских изречений), источник последних пяти «слов» до сих пор неизвестен. В рукописях — кстати сказать, неполных — этого произведения отдельные «слова» являются анонимными или ошибочно приписываются Иоанну Дамаскину, отголоски сочинений которого на самом деле здесь присутствуют. Сейчас уже доказано, что более ранняя атрибуция этого памятника некоему монаху Антонию, якобы названному Мелисса, а также самое заглавие памятника были позднейшими выдумками, так как название «Пчела» употреблялось в качестве широко распространенного для анонимных антологий. «Трудолюбивая пчела», собирающая нектар из цветов, для того чтобы наполнить кельи своего улья медом, являлась, как можно и ожидать, весьма обычной метафорой для чтения, писания и запоминания. ⁴⁴ Ввиду того, что «Мелисса» была переведена на славянский (или, точнее, на церковнославянский восточнославянского извода), по всей вероятности, не позже раннего XIII в., ее воздействие на «Слово Даниила Заточника» и впоследствии на «Моление» могло быть значительным. ⁴⁵ Во всяком случае, нам кажется более плодотворным рассмотреть наши тексты на фоне такого типа литературы, а не искать в ней конкретные источники. Несомненно, первоначальный автор «Слова» мог пользоваться обоими «Изборниками» Святослава. При том,

⁴³ См Carruthers M The Book of Memory P 8, 174 Ср схожую, но все-таки немного отличную интерпретацию существа средневековой культуры Запада в работах А Я Гуревича, в частности, его книгах «Категории средневековой культуры» (2-е изд М, 1984) и «Средневековый мир Культура безмолвствующего большинства» (М, 1990)

⁴⁴ См Krumbacher K Geschichte Bd I S 600—602, см также Melissa Ein byzantinisches Florilegium Griechisch und altrussisch / Red D Tschizewskij Munchen, 1968, в особенности, с IX—XXIX (введение и библиография редактора), ср с XI (и сн 5) где «Пчела» сравнивается с нашим памятником Риторическая фигура пчелы и меда встречается раньше всего у Платона (ср его диалог «Ион»), где утверждается, что поэты составляют свои сочинения не силой своего искусства, но благодаря божественному вдохновению Греческий философ играет словами μέλος («песня»), μέλιρροτος («медотекущий») и μέλιττα (или μέλισσα «пчела»), сравнивая поэта с пчелой, собирающей сладость из медотекущих истоков в садах Муз для своей песни (Мы обязаны нашему коллеге Р Коропецкому за указание на то что эту метафору можно возвести к Платону) Образ пчелы, употребляемый в этом смысле, был очень распространен среди поэтов Возрождения, которые определяли свое творчество на фоне «невдохновенного» средневекового мира Ср в противоположность этому средневековый смысл этой риторической фигуры, где «трудолюбивая пчела» представляет монаха или ученого читающего разные книги с целью наполнения «кельи» своей памяти сладостью См Carruthers M The Book of Memory P 36—39, 191—192 Подробности ср далее

⁴⁵ Ср Миндалев П «Моление» С 255—279 Таким образом, Миндалев (с 276) подытоживает свои наблюдения, подчеркивая что «[и]з 16 мест, общих обоим изводам (1 е «Слово» и «Молению» — X Б Р Р) влияние Пчелы, как источника, можно видеть только в 4-х < > причем несомненным заимствованием для извода XII века (т е «Слова» — X Б Р Р) является только в двух случаях»

что литературный генезис «Слова» давно известен и подробно обсужден исследователями прошлого века (М. Н. Сперанским, П. Миндалевым и др.), последние предполагали, что в своей первичной редакции «Слово» было связано с посланием, написанным каким-то настоящим «Даниилом» или «Заточником». На наш взгляд, текст, о котором идет речь, в своей основе был на самом деле некоторой антологией, имея в виду при этом, что некоторые его «молебные» черты могли быть вставлены позднее, как подразумевает и самая текстуальная история нашего памятника.

Сближение этих текстов с назидательными антологиями позднесредневекового периода ясно вытекает из их заглавий и так называемых конвоев. Таким образом, Кир.-Бел. список (XVII столетия) «Слова» носит заглавие «От книги глаголаемая Пчелы, написание Даниила Заточника, къ своему великому князю Ярославу Владимировичю вельми поле[з]но» и сохранился в сборнике вместе с другими произведениями подобного рода, как «Пчела» и «Стословец» архиепископа Геннадия, и некоторыми другими.⁴⁶ Подобным образом список Унд. (начала XVI столетия) «Моления» в сборнике, в котором он находится, помещен непосредственно вслед за «Пчелой», являющейся первой частью этого сборника.⁴⁷ В своей переделке (в двух рукописях) «Слово» является частью сборников большого объема, соединяющих памятники назидательной прозы, среди которой наш памятник как будто потерял свою собственную идентичность. В этой переделке, которая носит заглавие «Слово о мирских притчах и о бытєйских вещех: подобно ест сему житие наше, и како ся в нем льстим (т. е. обманываем себя. — Х Б., Р Р.)», чисто афористические части «Слова» сведены вместе с добавочными изречениями из «Пчелы», а также из «Мудрости Менаандра».⁴⁸ Список переделки «Слова» в Погодинском сборнике (середины XVII в.) предшествует «Слову о злых женах», обычно приписываемому Иоанну Златоусту, вслед за которым в свою очередь имеются цитаты из «Пчелы».⁴⁹ Владимирский список (первой половины XVII в.) подобен Погодинскому в том смысле, что «Слово о злых женах» и там следует сразу после переделки, с той, однако, разницей, что здесь нет особого заглавия для «златоустного» текста. Таким образом, как указано еще Зарубиным, «[к]онец списка Слова о мирских притчах сливается с начальными словами Слова о злых женах в один сплошной текст без разделения».⁵⁰ Отождествление нашего памятника (по крайней мере в трех редакциях) с назидательными антологиями эпохи средневековья показывает, что некоторые писцы сознавали это сходство (и на композиционном и на тематическом уровнях) с литературой назидательного типа. Далее мы постараемся продемонстрировать самые важные примеры.

Что касается композиционных приемов, стоит отметить, что «Слово» имеет много совместных источников с антологиями — «Изборниками» 1073 и 1076 гг., а также «Пчелой», если даже не употребляет непосредственные цитаты из них. Автор, в частности, обращается к «книгам мудрости» Ветхого Завета (а также ссылается на евангельские изречения). Как известно, «книги мудрости» включают все части Ветхого Завета, кроме Пятикнижия, так называемых исторических книг и Пророков. Следовательно, сюда принадлежат Книга Иова, Псалтырь, Притчи Соломона, Книга Екклезиаста (или Проповедника), Песнь песней Соломона, Книга Премудрости Соломона и Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова. Среди них — Псалтырь,

⁴⁶ См. Тихомиров М. Н. Написание «Даниила Заточника» // ТОДРЛ М., Л., 1954 Т. 10. С. 270—272.

⁴⁷ Ср. Миндалев П. «Моление» С. 22 и сл. 3.

⁴⁸ Ср. Там же С. 78—80, далее Слово Даниила Заточника по редакциям С. VIII—IX.

⁴⁹ Ср. Миндалев П. «Моление» С. 78—80.

⁵⁰ Слово Даниила Заточника по редакциям С. VIII—IX.

хотя она очень часто цитируется или парафразируется в «даниилловских» памятниках, и Песнь песней (иногда также цитирована в наших древнерусских текстах), оба в сущности поэтические и поэтому не принадлежат, строго говоря, к «премудрой» литературе. Эта «премудрая» словесность древнего Израиля (первоначально являющаяся лишь одной частью «мудрости» Ближнего и Среднего Востока) не ограничивалась теми или иными народными или языковыми пределами. Ее характер в основном был не религиозен, так как она, скорее, трактовала о человеческих делах и о их решениях, но не так, как это делалось в греческой философии, а на прагматической основе ежедневного опыта. Она дает советы успешной и счастливой жизни и восхваляет хорошее образование. Такая литература, поэтому, учит читателя приспособляться к условиям и правилам сего света и, по крайней мере в теории, открывает тайны счастья и успеха.

Для лучшего понимания роли, которую сыграли ветхозаветные «премудрые» книги в качестве модели для назидательно-антологического жанра древнерусской письменности, уместно сделать здесь несколько замечаний об этой библейской литературе. Самая ранняя и простая форма «премудрой» словесности — это пословицы и изречения, т. е. максимы, первоначально употребляемые в устном поучении внутри семьи или рода с целью развития воображения. Древнейшее собрание в библейских притчах состоит как раз только из таких коротких сентенций. В Книгах Иова и Премудрости этот жанр достиг полного расцвета литературной композиции и художественного совершенства. Наиболее приближенной к группе мудрецов, считающихся авторами ветхозаветных «книг мудрости», является фигура царя Соломона (которому целый ряд из них ошибочно приписывался). Книга Иисуса, сына Сирахова, является частью греческой и латинской Библии, т. е. Септуагинты (70 толковников) и Вульгаты (св. Иеронима), но она осталась вне еврейского канона Ветхого Завета. Иисус, сын Сирахов, работал, кажется, ок. 190—180 гг. до н. э., когда греческое влияние стало более сильным в Палестине; он сделал все возможное для того, чтобы сохранить традицию пророков этих опасных, с его точки зрения, внешних инноваций. Интересно отметить, что кроме Псалтыри, Евангелия и Притч Соломона как раз Книга сына Сирахова особенно часто или прямо цитируется или косвенно отражается в древнерусских «даниилловских» произведениях.⁵¹

Таким образом, «книги мудрости» сыграли важную роль в качестве текстового материала для назидательных антологий. Например, в «Изборнике» 1076 г. вошла переделка Премудрости Иисуса, сына Сирахова; в первой главе того же «Изборника», в «Слове нѣкоего калюгера о чьтении книгъ», также находится переделка некоторых строк псалма 118. Подобным образом каждая глава первой редакции «Пчелы» начинается с цитат из Евангелия, Апостола, «Соломона» и «Сираха» — почти всегда в этом уже установленном порядке; здесь часто встречаются и другие цитаты из «Соломона» (порой неверно употребляемого вместо имени греческого мудреца-ритора Солон). Патристическим материалом «Слова», который также находится в антологиях, является, между прочим, адаптация (в «Изборнике» 1076 г.) известного текста константинопольского патриарха Геннадия I.⁵² Материал светской прозы назидательного характера (в виде апофегм), заимствованный из «Пчелы» и, возможно, из «Мудрости Менаандра», также можно найти в «Слове».

Заметим, что в переделке Премудрости сына Сирахова в «Изборнике» 1076 г. и в «Пчеле» изречения появляются в тематическом порядке, с за-

⁵¹ Подробности относительно ветхозаветных «книг мудрости» см. The New Jerusalem Bible Garden City, 1985 P 749—756, 804—815, 964—965, 1012—1013, 1027—1029, 1042—1044, 1076—1078

⁵² Ср. Daniil Zatočnik Slovo e Molenie P 142, 158

главиями отдельных глав, иногда в первом памятнике, но всегда в первой редакции последнего. Как было отмечено М. Карразерс, такое распределение по темам, являющимся на самом деле этическими «правдами», выражается «изобильно» и весьма типично для назидательных антологий средневековья.⁵³ Апофегмы «Слова» появляются более или менее в том же порядке, как самостоятельные единицы. Такими темами разных разделов (всего шестнадцать, по подсчетам Колуччи и Данти) являются: мудрость и «милостыня» (милосердие), страх, вера, дружба и «убожество и богатство», «убожество», печаль, «милостыня», власть и княжение, мудрость и «убожество», мудрость, «лжа и клевета», власть и княжение, жены, «самолубие» (и в этом разделе есть также топос собирания нектара пчелой), и — уже не совсем в антологическом контексте — похвала князю. Приходится, таким образом, констатировать, что все только что названные темы являются в то же время и популярными «правдами» (которые требуют дальнейшего подробного изучения) назидательной письменности и что каждой теме «Слова» соответствуют определенные главы «Пчелы» — в частности, главы 2, 6, 7, 9, 10, 12, 17, 18, 24, 28, 63, 68, но также и с многими другими сходствами. То же самое применимо и к переделанной версии Премудрости сына Сирахова в «Изборнике» 1076 г. Это относится, например, к главам «о звании сильных», о «словах притъчных», «о женах злых и добрых», «о женъ лоукавъ», о «пръмоудрости похвале», как и к метафоре собирания, которая находится в конце этой книги (а также в конце «Изборника» 1073 г. и в 17-й главе «Пчелы»).⁵⁴

Наше определение «Слова» как образца назидательной антологии, конечно, может вызвать возражения. На некоторые мы попытаемся ответить сразу, а на других более подробно остановимся далее. Одним из таких возражений могло бы являться то, что в «Слове» цитаты не определены по источникам (или авторам) и не идентифицированы в смысле определенных заглавий, так как мы бы этого ожидали в обыкновенной антологии. Однако, изучая текстуальную историю «Пчелы», мы видим, что четкие границы отдельных участков здесь исчезают. Таким образом, в разных списках первой редакции этого памятника названия источников порой отсутствуют, а во второй редакции их, как правило, вообще нет.⁵⁵ Что же касается отсутствия заглавий отдельных разделов, то мы можем сослаться на замечание У. Р. Федерера, что и у «Сына Сирахова» в «Изборнике» 1076 г. только известные — но далеко не все — тематические группы разделяются особыми заглавиями.⁵⁶ На наш взгляд, сама группа изречений как таковая ясно выделяла тему для четкого восприятия средневековым читателем; одновременно когда-то существующие в антологиях текстуальные границы, по ходу их копирования и переделки (от одного списка к другому), исчезали. Во всяком случае, никто из ученых, изучающих «данииловские» тексты, не сомневался, что эти тексты в том виде, в каком они дошли до нас, пережили многие изменения в сравнении с их первичной формой.

Второе возможное возражение — другого и более серьезного характера. Заключается оно в том, что автор (или составитель) «Слова» как будто манипулирует своими источниками, например, заменяя третье лицо оригинала первым лицом (т. е. употребляя «я» вместо первоначального «он») — скажем, в цитате из славянского перевода Геннадия⁵⁷ — и что начала

⁵³ См. Carruthers M. The Book of Memory. P. 26

⁵⁴ См. Melissa S. 167 (изречение, приписанное Исократу)

⁵⁵ Ср. Творогов О. В. «Пчела» // Словарь книжников. Вып. 1. С. 382—387, особенно

с. 384

⁵⁶ См. Veder W. R. Literature as a Kaleidoscope. P. 600

⁵⁷ Ср. Daniil Zatochnik Slovo e Molenie. P. 142

(incipit'ы) большинства глав обращены к князю (причем мы здесь не вдаемся в спорный вопрос, кто был исторической личностью-адресатом разных версий «Слова» и «Моления»). Это явление действительно необычно в средневековых антологиях (при том, что оно, конечно, является нормальным в «умоляющих» поэмах типа Михаила Глики или «Птохо-Продрома»; см. выше). Но и эти черты опять-таки могут объясняться поздним характером дошедших до нас списков. В особенности личный, лирический характер «голоса» Псалтыри, так часто цитируемой в «Слове», влиял, быть может, на более поздних переписчиков, которые пытались устранить возможные текстуальные границы в своих переделках. (Относительно же наименования князя см. далее.)

Раньше мы указали на факт, что «моление» и «умоляющий» характер фигуры «Даниила», обращенные к князю, являются доминантой только в многочисленных текстовых разделах «Слова», в то время как своего рода печаль и неудовольствие налицо и в других местах. Посмотрим теперь на эту проблему в свете тематической структуры антологий. Наиболее выразительно «умоляющие» разделы «Слова» встречаются в первой его части (что и сообщило тексту повествовательную структуру и чем объясняется тот факт, что ученых, которые считали наш памятник настоящим «молением», например Гудзия, смущала вторая часть текста). Здесь следует отметить, однако, что печаль «повествователя» является просто типичным христианским мотивом, отражающим один из членов в антиномическом сопоставлении печального и беспечального. Можно наблюдать, например, тематическую соотносимость между разделом VII «Слова» и словом 28 «Пчель» («О печали и беспечали»); в обоих текстах даже встречается одна и та же цитата из пророка Исаии (50:9, приписываемая «Соломону» в «Пчеле»). Подобным образом разделы IV и V в «Слове» являются иллюстрацией тематического противопоставления «убожьства» богатству с соответствующей параллелью в «Пчеле» (слово 18: «О богатствѣ и о убожьствѣ», и слово 12: «О богатствѣ и о убожьствѣ и о сребролюбьи»). Очень близкое соотношение можно наблюдать также в разделе IV «Слова» и в слове 18 «Пчель» (упоминание дружбы); см. также общую цитату в разделе V «Слова» и в слове 12 «Пчель», взятую из сына Сирахова (13:28—29). Что же касается самого «моления», то ядро одного из «умоляющих» разделов (VIII) является просто переделкой цитаты из Геннадия посредством «Изборника» 1076 г. Каждую тему, затронутую «Даниилом», можно найти также в «Пчеле»; эти темы трактуются обобщающим способом и морализирующим тоном в последней и часто являются цитатами и отголосками из Св. Писания. Это говорит не столько о зависимости составителя «Слова» от «Пчель», сколько о самом методе, которым этические «правды» определялись составителями двух антологий подобного типа. Эти сходства объясняют включение «Слова» в сборники, содержащие назидательные антологии. Кроме того, близкое отношение (или соотношение) этих двух текстов — или групп текстов — помогает нам понять, каким образом «Слово» в свою очередь могло стать истоком более поздней редакции «Пчель» (мнение, высказанное раньше М. Н. Сперанским⁵⁸).

На самом деле, анализируя наш памятник как антологию, мы в состоянии разрешить некоторые сложные загадки, относящиеся к его композиционной структуре. Во-первых, основное перераспределение текстуальных разделов «Слова», как мы его наблюдаем в (позднейшем) «Молении» и в переделках, становится понятным; во-вторых, структура отдельных текстовых разделов и соотношение изречений между собой также проясняется. Эти композиционные проблемы, конечно, связаны друг с другом. У. Р. Федер

⁵⁸ Ср. Миндалев П. «Моление» С 250—251

в своем исследовании о поэтике четких сборников и «назидательной прозы» заметил якобы произвольный способ, каким перерабатывались антологии, служащие медитации. По его мнению, в антологиях сразу бросается в глаза отсутствие связанности на разных уровнях: прагматическом, жанровом, тематическом, семантическом, синтаксическом и стилистическом. Вдобавок наблюдается распад выделяемости и структуры первичных источников; это касается, с одной стороны, переделки авторитетного материала (библейского, патристического и т. д.) и — с другой — перераспределения разделов внутри разных редакций.⁵⁹ Голландский ученый полагает, что эти рукописные книги составлены по новооткрытому им принципу — а именно в поэтике «калейдоскопа». Надо, однако, сразу отметить, что произвольное употребление источников в назидательных антологиях не слишком удивительно. Ведь если принять, что эти произведения были написаны в монастырях монахами и для их надобностей, тогда сам характер монашеского чтения и писания до известной степени объясняет этот произвол; см. относительно некоторых деталей более подробно далее. Здесь достаточно сказать, что Ж. Леклерк в своей книге 1957 г. показал, что структура медитативных антологий на Западе «столь свободная, сколь свободны самые пределы медитации <...> в этом самом способе выбора чужих текстов есть элемент фантазии, не поддающийся определению».⁶⁰ *Mutatis mutandis* — это относится в равной мере и к ситуации в Древней Руси.

В антологии включаются самые красивые цитаты, найденные в тех книгах, над которыми писец размышляет. Но если способ выбора до известной степени произволен и тематическая организация отражает личное предположение индивидуального монаха, следует ли предполагать, что и установление определенного порядка цитат также должно быть произвольным? По У. Р. Федеру, «ассоциативным и диссоциативным процессам, употребляемым в медитации, скорее способствует, чем препятствует, по-видимому, отсутствие систематичности текстуального материала».⁶¹ Наше предварительное исследование показывает, однако, что в антологиях цитаты внутри текстовых единиц даже в тех случаях, где они не кажутся тематически связанными, часто следуют одна за другой в порядке совпадения общего, совместного слова (или выражения) или в границах одного семантического поля. Это, иначе говоря, ожидаемое следствие запоминания текстов Св. Писания. Как утверждает Ж. Леклерк, библейское запоминание ассоциируется с «медитативным молением», соединяющим чтение, медитацию и молитву. «Это — полная насыщенность словами Св. Писания, которой объясняется чрезвычайно важное явление запоминания, благодаря чему словесные отголоски до такой степени стимулируют память, что один лишь намек спонтанно вызывает целый ряд цитат и в свою очередь библейская фраза совершенно естественно подсказывает другие отголоски Св. Писания. Каждое слово является как бы крючком; оно захватывает одно или несколько слов, которые связываются друг с другом и создают ткань изложения».⁶² И, как справедливо заметила М. Карразерс, поддерживать память лишь книгочтением — это неполный процесс, неполный без одновременного книгосоставления; составление является «пищеварительным» процессом, благодаря которому прочитанное оказывается освоенным.⁶³ Составление (или переделка) антологии — активное средство для организации и запоминания текстов — является совершенно другой писательской деятельностью, чем одно переписывание

⁵⁹ См. Veder W R *Literature as a Kaleidoscope* P 603—607

⁶⁰ Ср. Leclercq J *The Love of Learning* P 183

⁶¹ Ср. Veder W R *The Edificatory Prose* P XX

⁶² См. Leclercq J *The Love of Learning* P 73—74

⁶³ Ср. Carruthers M *The Book of Memory* P 192

сывание, как это последнее определялось Д. С. Лихачевым.⁶⁴ Как составитель антологии размышляет над подлинниками, которые он включает и перерабатывает, так и позднейшие переписчики той же антологии опять-таки переделывают текст, над которым теперь задумываются в свою очередь они. Естественно поэтому, что получается множество переделок одного и того же подлинного текста.

Это, казалось бы, произвольное сопоставление «несовместимых элементов» в «Слове» комментировалось У. Р. Федером в его программной статье о «калейдоскопической поэтике». Здесь он намекает на то, что наш текст является пародией на гомилетический жанр.⁶⁵ На самом же деле наблюдаемая «несовместимость» указывает на размышление над многими разнообразными книгами, как это отмечено и самим составителем в разделе XV: «...тако и азъ, по многим книгамъ исыбирая (*так!*) сладость словесную и разум». ⁶⁶ Посмотрим на одну такую «несовместимость», с которой П. Миндалев не мог разобраться. Ее можно найти в разделе IX, говорящем «о властях и о княжении» и соответствующем главе 9 в «Пчеле». Здесь, как и в других отрывках, наблюдается соотношение между текстовыми цитатами; в данном случае цитата не из Библии, а приписываемая «Апаминде» (т. е. дохристианскому политическому деятелю и генералу Эпаминондасу). В «Слове» читаем: «Видих: великъ звѣръ, а главы не имѣет; тако и многи полки без добра князя». ⁶⁷ Миндалев считал, что это место в тексте «нарушает ход мысли Заточника, взывающего к щедрости князя, и, вместе с предыдущим воспоминанием о князе Святославе и пословицей («дивиа за буюном кони паствити»), носит характер вставки одного из переделывателей-амплификаторов». ⁶⁸ Библейские цитаты (Сир. 4:35; Втор. 32:30; Пс. 124:1), отголоски (Ис. 39:1—2; 4 Цар. 20:12—13; Мф. 4:22; Пс. 103:10—11), светское изречение (Эпаминондас, взятое из «Пчелы») и разные другие апофегмы и афоризмы неизвестного происхождения (в том числе источник о походе Святослава против греков), за исключением заимствованных из Псалтыри, распределены вокруг темы княжеской власти, реализуя при этом моральную точку зрения. Мы согласны с мнениями М. Н. Сперанского и П. Миндалева, говорящих, с одной стороны, о «чисто механическом нанизывании цитат» здесь и в других местах и — с другой — о том, что «оба извода в данном месте представляют беспорядочную смесь отдельных, мало связанных мыслей и изречений». ⁶⁹ Конечно, отсутствие определенного порядка в последовательности апофегм удивило бы лишь того, кто без основания ожидал наличия как раз такого порядка и в рамках антологии. Строчка, взятая из Эпаминондаса, нарушает ход мысли «Слова» не более, чем та же строчка нарушает ход мысли «Пчелы»: это просто один «цветок чтения» в полном букете.

⁶⁴ Ср. Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. Л., 1983. С. 60—61.

⁶⁵ Ср. Veder W. R. Literature as a Kaleidoscope. P. 606.

⁶⁶ См. Daniil Zatočnik Slovo e Molene. P. 163.

⁶⁷ См. Ibid. P. 146, подобно также в «Пчеле», ср. Melissa S. 109.

⁶⁸ Ср. Миндалев П. «Моление» С. 266. Следуя за Миндалевым, Л. В. Соколова в статье «К характеристике...» предполагает авторское намерение, отступления от которого нужно исключить по ее мнению, «доказательством вторичности того или иного фрагмента < > является нарушение им *стройной тщательно продуманной структуры* реконструированного авторского текста» (С. 242. Курсив наш — Х Б Р Р). Там, где автор представляет текстологическое обоснование своих предположений, оно нам кажется или неубедительно («вставки» III и V) или несостоятельно («вставка» I, где автор не учитывает древнейшего списка «Слова» (т. е. Мальцева) восходящего к первой половине XVI в. где добавления «а жены на блядню» вообще нет так что этот вариант ближе всего «Пчеле»). Даже краткое рассмотрение «вставок» Соколовой показывает что участки нарушающие по ее мнению авторское намерение, в сущности находятся в тематическом согласии с окружающим их текстом.

⁶⁹ См. Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славянорусской письменности. Исследование и тексты. М., 1904. С. 313; Миндалев П. «Моление» С. 267—269. Цитата из книги Сперанского приводится здесь по Миндалеву.

Если, таким образом, можно сказать, что некоторые непосредственные источники «Слова Даниила Заточника», например «Пчела» и «Изборники» 1073 и 1076 гг., являлись настоящими антологиями, то равным образом справедливо то, что у «Слова» внешний вид напоминает форму и стиль эпистолярного, «умоляющего» послания. Хотя по своему существу и содержанию «Слово» также можно считать сочинением антологического жанра, но по внешней форме оно приняло вид послания, очень популярного в Древней Руси и, подобно антологиям-флорилегиям, имеющего корни в особенности в монашеско-церковной среде. Добавление адресата в виде наименования князя также является чертой, характерной для этой поверхностной трансформации от антологии нормального типа (как «Пчела» или «Изборники») к посланию. Спорные с исторической точки зрения князья — Ярослав Володимирович в «Слове», Ярослав Всеволодович в «Молении», «Владимир (Киевский)» в первой переделке «Моления» — сыграли тут роль адресата, и как раз это сходство с «умоляющими» поэмами и стихами почти современных византийских писателей — Федора Продрома (и, быть может, также «Птохо-Продрома») и Миханила Глики — считалось (едва ли с достаточным, на наш взгляд, основанием) возможной моделью для древнерусских «данииловских» текстов. В этой связи следует напомнить, что «умоляющие» поэмы были порой обращены к княжеским адресатам также и на Западе; наиболее, может быть, характерен пример Вальтера фон дер Фогельвейде, как это было раньше отмечено одним из авторов настоящей статьи.⁷⁰ Таким образом, появление богатого, естественно, и имеющего власть князя в противоположность «молящему», бедному писателю, как в нашем случае, «Даниилу» — соответствует (христианской) антиномии бедного и богатого, существенно расширенной в назидательных антологиях. В процессе превращения нашего текста в новую форму послания («моления») это противопоставление становится все более ярким. В этом свете можно уяснить и тот факт, что даже в «Слове» все участки, говорящие об этих противоположностях, находятся в самом начале текста и таким образом мотивируют его понимание как «моления».

Имя предполагаемого автора нашего памятника также можно истолковать в подобном смысле. Нет необходимости обсуждать существование исторического Даниила (хотя такую возможность нельзя полностью исключить, и в этом случае мы, по всей вероятности, должны идентифицировать сочинителя нашего текста с каким-то монахом или отшельником в Древней Руси, пожалуй, на ее севере⁷¹), скорее, это — фиктивное имя, метафорически намекающее или на библейского Даниила, ввиду его изолированной ситуации в беде, или на фольклорного «Данила несчастного дворянина».⁷² Таким образом, мы здесь наблюдаем слияние христианско-назидательных элементов, характерных для монашеских книг антологического типа, с фольклорными элементами, популярными в широких кругах народа. Соответственно, условная фигура князя-адресата принимает фольклорную окраску; ср. в особенности обращение к «Владимеру (Киевскому)» в первой переделке «Моления».

Нам удалось, думается, показать, что наш текст в древнейшем реконструированном его виде, т. е. первоначальное «Слово», указывает на мона-

⁷⁰ См. Бирнбаум Х. Мечта и тоска

⁷¹ Ср. в основном убедительные лингвистические аргументы С. П. Обнорского в его в остальном весьма спорном и справедливо критикованном труде *Очерки* С. 81—131, особенно с 129—130

⁷² Ср. сказки о «Даниле несчастном» и «о горе-горячине, Даниле-дворянине» Народные русские сказки А. Н. Афанасьева В 3 т. / Ред. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков 7-е изд. М. 1984—1985 Т. 2 С. 364—367 Т. 3 С. 278—282. Насколько нам известно, В. Шураг был первым ученым, который предполагал эту вставку, ср. его «Слово» Ср. также Миндалев П. «Моление» С. 59

пешскую среду. В пользу этого говорит и гомилетическое обращение к «братиям» в списке Толст., а также фраза «Господи благослови, отче» в списке Барс. Очевидно, что даже в переделанном виде писцы понимали духовно-назидательный характер «данииловских» текстов. Это вытекает из заглавия Кир.-Бел. списка («Написание <...> вельми поле[з]но») и из переделки «Слова» на весьма апофегматический лад («Слово; <...> подобно есть сему житие наше») — текст, названный Н. Н. Зарубиным сочинением духовного лица.⁷³ Если наш памятник первоначально составлен как назидательная антология — средство для (и результат) монашеского изучения текстов, т. е. «медитативного моления», и если он продолжал исполнять именно эту функцию в течение нескольких столетий, можно ожидать дополнительных показаний в пользу монашеского авторства.

Прежде чем обсуждать эти данные, будет уместным отметить, что Е. Модестов, писавший еще в 1880 г., предполагал возможность возникновения этого текста в «духовной» среде, но почти сразу сам ее и отверг: «Глубокое знакомство с Священным Писанием могло бы подать нам повод думать, что автор — лицо духовное. Но этому противоречит частое обращение автора к мирским притчам, то есть пословицам, и то важное значение, которое он им придает. Советы, которые автор дает князю, еще более доказывают, что это человек светский. Лицу духовному тогдашнего времени едва ли свойственно было придавать дружине столь важное значение, какое придает ей наш сочинитель <...> Важно, наконец, и то, что сочинитель в заглавиях называется просто „Даниилом Заточником“: это ясно доказывает, что сочинитель был лицо светское».⁷⁴ Но, на наш взгляд, ни одно из этих возражений не говорит убедительно против нашей теории. Что касается «мирских притч», то мы уже цитировали мнение А. Исаченко относительно их книжного характера; очень возможно, что найдутся параллели в византийских текстах. Далее надо отметить, что сам термин не обязательно означает «светские притчи» (в смысле примеров — *exempla* — из ежедневной, народной жизни), так как ясно, что более поздние писцы и переписчики не понимали этот термин как противоположный «церковным притчам»; например, переделка «Слова», состоящая преимущественно из несветского материала, тем не менее носит заглавие «Слово о мирских притчах», и в конце одного списка (Тих.) первой переделки «Моления» мы читаем: «О том бо царь Соломон глаголетъ въ мирских притчах». И наконец, вполне допустимо что даже если «мирские притчи» относятся к «светским параболом», то этот термин здесь мог бы означать на самом деле горизонт, несколько отдаленный от «сего мира» некоего монаха-составителя. Нами уже достаточно было сказано об условности княжеского лица; подобным образом и самое имя предполагаемого автора — «Даниил Заточник» — ничего существенного нам не говорит; по всей вероятности, оно настолько же условное, как и имя князя.

В статье, опубликованной в 1900 г., В. И. Гуссов предполагал, что «Слово» было написано духовным лицом, но с существенной оговоркой о том, что оно являлось вторичным текстом, т. е. переделкой «Моления». Так как этот последний текст содержит «критический» раздел по отношению к монашеской жизни, а также упоминает египетских и афинских мудрецов, оно, по Гуссову, не могло быть написанным такой личностью.⁷⁵ Однако и эти характерные черты, как известно, совсем не свидетельствуют против

⁷³ См. Слово Даниила Заточника по редакциям С VIII

⁷⁴ См. Модестов Е. О послании, Миндалев П. «Моление» С 42. Цитата приводится здесь по Миндалеву

⁷⁵ См. Гуссов В. И. К вопросу о редакциях «Моления» Даниила Заточника // Летопись Ист.-филол. об-ва при Новорос. ун-те Т 8 Визант.-слав. отд. Т 5 Одесса, 1900 С 1—34 ср. Миндалев П. «Моление» С 67

«духовного» авторства. «Критика» по отношению к суетным и грешным монахам, которая находится в этом тексте (раздел XXI), очень близка к нападкам против монахов с такими же слабостями и недостатками, которые мы встречаем, например, в «Сказании о черноризьчьстѣмъ чину» Кирилла Туровского; а ссылку на светских, т. е. поганских, философов мы можем найти и в «Послании митрополита Климента Смолятича пресвитеру Фоме», а также в «Пчеле». ⁷⁶ Фраза же «Аз бо не во Афинах растох, ни от философ научихся» является весьма типичной для средневековья «самоуничжительной формулой». ⁷⁷

Здесь стоит еще отметить, что известный специалист по богословской письменности Киевской Руси Г. Подскальский в своем основополагающем труде по этой теме упоминает «даниловские» тексты по крайней мере два раза: во-первых, в разделе об аскетической литературе, к которой он, правда, причисляет наш памятник лишь весьма условно и с существенными оговорками; и, во-вторых, в связи с древнерусскими сборниками (и изборниками), а также другими анонимными текстами. ⁷⁸ Немецкий ученый придерживается мнения, что наш памятник написан главным образом не для богослужебных целей (хотя в нем он нашел и некоторые намеки такого рода) и что духовные и народно-светские элементы можно считать здесь более или менее уравновешенными. На наш взгляд, однако, последнее мнение плохо соотносится с содержанием нашего текста ввиду его многочисленных библейских цитат и выдержек из назидательно-медитативной литературы. Таким образом, назидательная антология, составленная в ходе медитации над книгами богословского содержания, не обязательно служила исключительно богословским или богослужебным целям. Как бы то ни было, и Подскальский в своей книге не исключает возможности, что «Слово» или «Моление Даниила Заточника» могло быть составлено именно в монашеской среде.

Мастерство, с которым наш автор владеет религиозными текстами, и виртуозность, с которой он сопоставляет и сочетает библейские строчки в новые структуры, свободно текущие как будто новой струей, сразу бросается в глаза. Но мы не должны представлять себе нашего монаха, сидящего над книгами и разыскивающего самые лучшие, подходящие фразы для своего сочинения. Его произведение везде очень свободно, оно не следует прямой линии, отражает воспоминания библейского чтения, которые мы можем

⁷⁶ См. Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского. Беркли, 1989. С. 47—54, особенно с. 49, 50 (переиздание его статей см. ТОДРЛ. Т. 11—13, 15, 18), Понырко Н. В. Эпистолярное наследие. С. 124—137, особенно с. 124.

⁷⁷ См. Daniil Zatočnik Slovo e Molenie. P. 174. Ср. также почти ту же дословно риторическую фигуру в предисловии «Жития св. Стефана Пермского» написанного Епифанием Премудрым, где автор просит прощения у своих читателей за то, что он простой и необразованный человек и что он не был в Афинах и не изучал философов. Для стилистического и идеологического анализа этого произведения см. Voortnes J. Visions of Glory. Studies in Early Russian Hagiography. Oslo, Atlantic Highlands, 1988. P. 136—193. О «самоуничжительной формуле» в древнерусской агиографической литературе и в монашеских посланиях см. далее Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. Мюнхен, 1991. С. 242—245, в труде Буланина отмечено много примеров моделирующего влияния классической (античной) литературы на древнерусскую письменность, главным образом посредством византийской (и отчасти древнеболгарской) культуры. Здесь следует подчеркнуть, что стилистический прием скромности и самоуничжения автора никак не ограничен древнерусской (или византийской) литературой, он был широко распространен и на Западе, а его истоки даже не христианские, но дохристианские (восходящие к Цицерону, Квинтилиану и др.). Первоначально он, кажется, был употреблен в судебных делах. Ср. подробности (с ссылками на основную, правда, теперь несколько устаревшую литературу) в кн. Curtius E. R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. 3. Aufl. Bern, München 1961. S. 93—95, 410—415.

⁷⁸ См. Podskalsky G. Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988—1237). München 1982. S. 145, 263—265 (с библиографией).

считать результатом «медитативного моления»: одни слова подсказывают другие в памяти монаха — это акт осмысленного перераспределения мира книг, ставшего внутренним его сокровищем. Начало нашего текста, переделка частей Псалтыри (такого существенного компонента ежедневного богослужения в монастырях!) является блестящим примером медитативного сочинения. Наш автор начинает со строчки, напоминающей Пс. 80:4: «Вострубите въ новомесячи трубою, во благознаменитый день праздника вашего». Монах, по всей вероятности, запомнил отдельные псалмы в виде некоей решетки, что позволило ему с легкостью двигаться вперед и назад по рядам именно этой собственной решетки.⁷⁹ Таким образом, «псалтирь красень съ гуслими» предыдущей строчки (Пс. 80:3) легко его ведет к следующей строчке, которую он потом запишет на пергамене, Пс. 107:3—4 (или 56:9—10): «Востани, слава моя, востани, псалтирю и гусли: востану рано. Исповѣмся тебѣ въ лодехъ, Господи, пою тебѣ во языцѣхъ». Когда монах размышляет над этой строчкой, он тклет целые сетки цитат, и всякое слово служит «крючком» для других выражений и фраз. «Слава моя» и «псалтирь» предлагают, видимо, Пс. 48:5: «Приклоню въ притчу ухо мое, отверзу во псалтири гадание мое», за чем следует Пс. 77:2: «Отверзу въ притчахъ уста моя, провѣщаю гадания исперва». Эта строчка улавливается нашим автором, и, вместо «въ лодехъ, Господи, пою» (Пс. 107:4), он записывает на пергамене, как мы видим, первую часть Пс. 77:2. Следует более свободная секция, где «гадание», «притча» и «мудрость» — слова, раньше представленные нашим монахом, напоминают темы Притч. 1:2—6; однако они представляются в виде, более близком к Притч. 15:21. «Народъ» («во языцѣхъ») из Пс. 107:4 не забыты. Они в свою очередь ведут мысль к второй части Пс. 44:2 — «язык мой трость книжника скорописца», которая была потом записана; семантический прыжок, основанный на звуковом сходстве (языкъ, «народ» → языкъ, «орган речи» = рѣчь → рѣчный, «относящийся к реке»), напоминает начало Пс. 45:5 — «рѣчная устремления».⁸⁰ Первая часть Пс. 44:2 — «Отрыгну сердце мое слово благо, глаголю азъ дѣла моя цареви» — как будто скрытается в следующей строчке; быть может, что из этих нецитированных, слытых слов, но слов, которые сразу вспоминались все читающие и пишущие эту часть «Слова», появился и сам зачаток идеи княжеского адресата. Слово «благо» здесь подсказало, может быть, следующую ссылку на Пс. 136:9: «Блажень, иже иметь и разбить младенцы твоя о камень». Композиционное сочетание продолжается — каждая строчка этого раздела (I) — это отголосок или прямая цитата из Св. Писания. В «Житии» Феодосия Печерского (написанном Нестором) мы читаем о сочинительской деятельности монаха Илариона: «Бѣше бо и книгама хытръ псати, сий по вся дѣни и нощи писааше книги въ келии у блаженааго отьца нашего Феодосия, оному же псалтирь усты поющю тихо и рукама прядуша вълну, или кое ино дѣло дѣлающа»⁸¹ Вполне возможно представить себе, что книги, которые Иларион писал в келье Феодосия, были похожи на первую часть нашего текста.

В «Слове» есть два очень интересных места, которые, мы предполагаем, отражают монашескую среду; оба они — компоненты единой метафоры о

⁷⁹ См Carruthers M The Book of Memory P 80—107, особенно 81—85, 88, 94

⁸⁰ Стоит отметить, что в украшенных миниатюрами псалтырях языки часто показаны как будто вытекающие из уст реки, см, например, маргинальное украшение к псалму 45 (л 63) в (греческой) «Киевской Псалтыри 1397 года» (М, 1978) Маргинальные иллюстрации употреблялись как известно, в качестве мнемонического приема, см Carruthers M The Book of Memory P 136, 216, 244—248

⁸¹ См ПЛДР Начало русской литературы XI—начало XII века / Ред Л А Дмитриев и Д С Лихачев М, 1978 С 348

пчеле и меде. Рассуждение о сладости слова находится в разделе XI, который был нами идентифицирован как похвала мудрости: «Но постави сосуд сръдечный под поток капля языка моего, да накаплютъ ти слажше меду словеса усть моих. Якож Давидь рече: сладка сук словеса твоя, паче меда устомъ моимъ; ибо Соломонь рече: словеса добра сладостью напаяють душу, покрываеъ же печаль сердце безумному».⁸² Первая интересующая нас строчка взята из поучения духовному сыну, «Слово нѣкоего отця къ сыноу своему словеса душе пользная», раздела «Изборника» 1076 г., источником которого был, наверное, греческий оригинал.⁸³ В «Изборнике» строчка выглядит так: «Простъри ср[ь]д[ь]чньи съсоудъ. да накаплютъ ти словеса слажша меду могоушта оживити и бесъмъртна явити тя».⁸⁴ Это непосредственно напоминает Пс. 118:103: «Коль сладка гортани моему словеса твоя: паче меда устомъ моимъ», вслед за чем следует переделка цитаты из Притч. 16:24: «Сотове медовнии словеса добрая, сладость же ихъ изцѣление души». Здесь опускается и отголосок первой части Притч. 14:10: «Сердце мужа чувственно печаль души его», что в свою очередь напоминает фразу «ср[ь]д[ь]чньи съсоудъ» из текста «Изборника». Второй отрывок, напоминающий прежнюю метафору словесной сладости и вызывающей представление о собирающей нектар пчеле, встречается в разделе XV: «Азь бо, княже, ни за море ходилъ, ни от философы научихся, но бых аки пчела, падая по розным цвѣтом, совокупляя медвены сотъ; тако и азь, по многимъ книгамъ избирая сладость словесную и разум, и съвокупих аки в мѣх воды морския».⁸⁵ Этот отрывок текста близок мотивам «Изборника» 1073 г. и «Пчель», а также еще одному топосу собирания, взятому из Пс. 32:7. Все эти текстовые участки указывают на особый «монашеский» способ учебы и пользуются весьма условными (хотя и сложными) метафорами для этой цели. В основном сочинение здесь является комментарием, направленным на самого себя, в то время как автор размышляет (устно) над текстами Св. Писания, «Изборника» 1076 г. (или варианта этой книги), «Пчель» и др.⁸⁶

Главной целью учебы и чтения книг для монаха было правильное понимание Библии. Такое понимание прежде всего осуществлялось *толкованием*—«созвучием» (или «симфонией»), как это явление назвал Ж. Леклерк, — другими словами, объяснением одной строчки библейского текста посредством другой, где встречается такое же слово.⁸⁷ Запоминание Св. Писания нуждается как раз в таком толковании—«созвучии» и осуществлялось чтением («едой» слова) и писанием («пищеварением», которым текст передается хранению памяти); все эти процессы осуществлялись «медитативным молением» над книгой или известным участком книги. Следует подчеркнуть лишний раз, что «молитвенный» аспект чтения и запоминания был здесь чрезвычайно важным. Мы узнаем, как известный монах (и будущий епископ Новгорода) Никита Затворник был искушен дьяволом (в слове 25-м «Киево-

⁸² См Daniil Zatočnik Slovo e Molenie P 150—151

⁸³ Что касается «Изборника» 1076 г., то У Р Федер считает, что и первоначальный славянский перевод был сделан не на Руси, а еще в Болгарии, так же как в случае «Изборника» 1073 г. См аргументацию в его кн The Edificatory Prose P XXIII—XL

⁸⁴ См Изборник 1076 года С. 159—160

⁸⁵ См Daniil Zatočnik Slovo e Molenie P 163—164

⁸⁶ Здесь следует подчеркнуть, что употребление метафоры о пчеле и меде не является лишь механическим переписыванием из более ранних антологий, в Древней Руси топосы употреблялись в письменности главным образом с целью описания данного предмета или данной ситуации (в нашем случае медитативное чтение), и только вторично они являются и признаками определенного жанра. Ср Lenhoff G The Martyred Princes Boris and Gleb A Socio-Cultural Study of the Cult and the Texts Columbus, Ohio, 1989 P 11—31, в частности 21, ср далее Лихачев Д С Поэтика древнерусской литературы 3-е изд М, 1979 С 80—102, особенно с 90—91

⁸⁷ См Leclercq J The Love of Learning P 76—77

Печерского патерика»): «И глагола ему бѣсъ: „Ты убо не молися, но буди почитаа книги, и сими обрящещися съ Богом бѣсъдуя, да от них подаси слово полезно приходящим к тобѣ. Аз же присно буду моля о спасении твоёмъ творца своего“. Прельстив же ся, мних никакоже помолися, но прилежаще чтению и поучению...».⁸⁸ Мы далее узнаем, что монах знал все книги Ветхого Завета наизусть, но что он не был заинтересован в изучении Нового Завета и что после изгнания из него нечистых духов он не мог вспомнить ни одного слова этих книг. Как отмечено С. Фрэнклином, книжное знание Никиты являлось эксцентричным в том смысле, что оно отклонялось от самой сути христианской учебы и поэтому не было допустимым. Мы так же, как и С. Фрэнклин, уверены, что начиная с середины XII столетия, кажется, появляется новое, подозрительное отношение к книжникам, что как раз и показывает эта повесть.⁸⁹ Но ясно то, что, по Поликарпу, очень большим злом в образовании Никиты является обстоятельство, что он перестал молиться и только читал. Можно, пожалуй, полагать, что «медитативное моление» порой было основано даже на неканонических текстах, над которыми размышляли и которые равным образом запоминались. Климент Смолятич говорит о том, что он изучал письмо Фомы как раз таким способом. Он пишет: «Почет писание твоея любве, яже аще и медлено бысть, почтодихся и в чинъ въспомановенна приникъ, зѣло дивихся благоразумию твоему...».⁹⁰

Монашеское чтение — это не то безмолвное, непроизнесенное чтение, к которому мы привыкли сегодня. Как заметил Д. С. Лихачев, даже переписывая текст, монах запоминал свой источник участок за участком, используя «внутренний диктант», и что «обман слуха» мог привести к некоторым ошибкам ассимиляции и диссимиляции звуков в формирующемся тексте.⁹¹ Средневековый читатель «слушал» предложение, которое он читал, так как обычно он произносил слова вслух, хотя бы не слишком громким голосом. «Это повторяющееся жевание Божьих слов, — отмечает Ж. Леклерк, — иногда описывается темой духовной пищи», добавляя, что есть две обычные метафоры монашеского чтения: жвачное животное и пчела.⁹² Согласно таким метафорам, чтение и запоминание — это деятельность, сопровождаемая шепотом (блеянием или мычанием жвачного животного, жужжанием пчелы). В первую очередь они означают простое чтение текстовых материалов (глотание травы животным, питье пчелой нектара на цветах), сопровождаемое медитативным молением и иногда сочинением (отрыгиванием и жеванием жвачки, образованием меда). Таким образом, «пищеварение» было, кажется, основной метафорической моделью чтения и сочетания текстов, собирания и воспоминания.⁹³ У. Р. Федер приводит изречение из «Патерика Скитского», утверждающее, что чтение Св. Писания есть процесс подобный тому, как овца глотает траву без жевания. Монах, о котором идет речь, потом предполагает, что одинокая овца жует еду после того, как она отрыгнет ее изнутри.⁹⁴ Подобным образом та же метафора находится и у Климента Смолятича в его обсуждении чтения и учебы Св. Писания: «Или яже въ Ле-

⁸⁸ См ПЛДР XII век / Ред Л А Дмитриев и Д С Лихачев М, 1980 С 518

⁸⁹ Ср Franklin S Booklearning and Bookmen in Kievan Rus' A Survey of an Idea // Harvard Ukrainian Studies 1988/1989 Т 12/13 Р 830 848 особенно 835 -837

⁹⁰ См Поньрко Н В Эпистолярное наследие С 124 (сам факт что эти строчки отражают возможно, византийский троп эпистолярного стиля (ср Franklin S Sermons and Rhetoric Р LXXI), никак не означает что они употреблялись «автоматически», ср сн 86

⁹¹ Ср Лихачев Д С Текстология С 74 75

⁹² Ср Leclercq J The Love of Learning Р 72 73

⁹³ Ср Carruthers M The Book of Memory Р 164 169

⁹⁴ См Feder W R Literature as a Kaleidoscope Р 607

угитьских книгах о отрыгании ѣчь. Еда и то увѣдѣти тщеславие есть? Уча нас тѣх ради, како подобает быти чистымъ. На двое дѣлящаго ради живота учить нас, да творим рассуждение благых дѣяний от супротивнаго. Жюющаго ради — яко да будемъ боголюбиви. Якоже бо жююции пищу отрыгають, тако подобаетъ и нам день и ночь помышляти Божиа проповѣди».⁹⁵ Метафора о пчеле и меде, менее поразительная, но более приемлемая для вкуса современного читателя, в то же время является гораздо более сложной: она предлагает более широкое образование и изучение (так как пчела садится на многие разнородные цветы, что намекает на чтение многих и разных книг), она недвусмысленно относится к известному средневековому методу запоминания (пчела наполняет келью своих сот медом так же, как монах наполняет решетку своей памяти словами) и, одновременно, она включает в себе похожую метафору о медовой сладости (и пище) слов Св. Писания (ср. например, Пс. 118:103 и Притч. 16:24). Этой метафорой мы, таким образом, возвращаемся к отправной точке, т. е. к приятному аромату слова как функции его постоянного чтения вслух в монастырях, сознание вида или «вкуса», «жеваний» устами.⁹⁶ Более широкий, чем лишь тоπος собирания, этот «пучок» метафор относится к целому процессу медитативного чтения и запоминания текстов.

Здесь должно отметить, что отдельные компоненты метафоры о пчеле и меде — словесная сладость, собирание нектара трудолюбивой пчелой, т. е. ссылки на чтение или составление текстов, часто появляются раздельно, на пергамене они не обязательно связаны друг с другом. Тем не менее они образуют, хотя и в раздельности, одну целостную совокупность, сильно напоминающую способы и методы монашеской учебы. Каждый элемент здесь относится к целому семантическому «пучку» мнемоническим образом. Так, в памятниках южнославянского или киевского происхождения мы можем найти только тему словесной сладости (обычно с ссылкой на Пс. 118:103) в призывах к изучению Св. Писания. Например, в «Прогласе», приписываемом большинством ученых Константину Философу (св. Кириллу, но некоторыми другими специалистами — ученику Мефодия, Константину Пресвитеру), читаем: «...оуста бо яже сладка не чюють, яко камена твореть ч[е]л[о]вѣка. паче же сего д[у]ша безбоуковна. мртва являет се въ ч[е]л[о]вѣцѣхъ».⁹⁷ Подобным образом в «Слове нѣкоего калоугера о чтении книгъ», являющемся введением в «Изборник» 1076 г., мы читаем: «...тѣмъ же и похюли не поучяюштя ся. гл[агол]я. прокляти оукляюштеи ся отъ заповѣдии твоихъ. тѣмъ же и самъ ся похвали гл[агол]я: коль сладька словеса твоя паче меда оустомъ моимъ».⁹⁸ Также у Кирилла Туровского, в его «Повести... о бѣлоризцѣ человѣцѣ и о мнишьствѣ» встречается, правда, в несколько двусмысленном контексте, такой фрагмент: «Но вперите си разумнѣи криштѣ и възлетим от губящаго ны грѣха. Възмѣм от книгъ пищу и рыцѣм с Давыдом: Коль сладка гортани моему словеса твоя, паче меду устомъ моимъ».⁹⁹ Бывает, что мы встречаем лишь упоминание о пчелах, цветах и медовых сотах. Так, в записи «Изборника» 1073 г. мы читаем: «...яже акы бѣчела любодѣльна. съ всякого цвѣта псанию събравъ акы въ единъ сътъ. в вельмысльное ср[ѣд]це свое. проливаетъ акы сътъ сладькъ. изъ оустъ сво-

⁹⁵ См. Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие. С. 131

⁹⁶ Ср. Carruthers M. The Book of Memory. P. 38, Leclercq J. The Love of Learning

P. 73.

⁹⁷ См. Monumenta Serbocroatica. A Bilingual Anthology of Serbian and Croatian Texts from the 12th to the 19th Century / Ed. T. Butler. Ann Arbor 1980. P. 8

⁹⁸ См. Изборник 1076 года. С. 155

⁹⁹ См. Еремин И. П. Литературное наследие. С. 47

ихъ прѣдъ боляры <...> и събора дѣля многочъстьныхъ б[о]ж[ь]ствныхъ кнѣгъ всѣхъ».¹⁰⁰ Пример такого же рода находится в слове 17 «Пчель», «О любомудрии и о учении дѣтии» (не говоря даже о названии самой книги): «Якоже бчелоу видимъ по всѣмъ садомъ и зельемъ лѣтающе от ко-гождо ихъ полезная приемлюще, такоже и оу(но)ши оучащеса философи и на высоту м[оу]др[о]стью хотяще взити и отвсюдоу лоучыша сбирають».¹⁰¹ Этот фрагмент рекомендует метод изучения, который был в то время характерен для монастырей.

Имея в виду название книги Ж. Леклерка «Любовь к знанию и желание Бога», можно сказать, что учеба и духовность являлись двумя нераздельными ипостасями средневекового монаха.¹⁰² Неграмотная душа является мертвой в человеке, как и учеба без моления равняется передаче души дьяволу. Кирилл Туровский хорошо это понимал, когда он в своем «Слове... о арътусѣ» рассказывал о пчеле-монахе, которая одновременно может совершить и аскетические, и книжные подвиги: «Нынь мнишьскаго образа трудолюбивая бчела свою мудрость показавши вся удивляеть; яко же бо они в пустынях самокормимъ живуще аньгелы и челоувѣкы удивляють, и си на цвѣты възлѣтаючи медвены сты стваряють, да челоувѣком сладость и церкви потребная подастъ».¹⁰³

Обращаясь под конец к общему характеру рукописной книги и ее развитию как инструмента знания и учебы, заметим, что этот ее характер изменился в Западной и Центральной Европе, т. е. в католической ее части, в течение XIII в. в связи с возникновением там университетов. Часто тяжелые фолианты, хранящиеся, как правило, в монастырях (и церквях) и служащие главным образом целям медитации, изучению и запоминанию христианской веры при помощи цитат и отголосков из назидательной литературы, т. е. из Св. Писания и других церковных книг (особенно из сборников типа антологий), сменяются на Западе учебными пособиями более маленького формата, часто переписываемыми для нужд студентов (и профессоров) университетов.¹⁰⁴ Такие изменения, очевидно, не произошли в Древней Руси; мы должны, однако, также иметь в виду, что не все сборники обязательно были именно «тяжелыми фолиантами» в древнерусских монастырях. Так, например, «Изборник» Святослава 1076 г. был на самом деле совсем маленькой рукописью.¹⁰⁵

Из всего вышесказанного вытекает, по-нашему, что автора — или авторов (т. е. не только переписчиков) «данииловских» текстов, возникших на Руси в первой половине XIII столетия (если не раньше), надо искать не при княжеском дворе или в окружении какого-то князя или вельможи, включая

¹⁰⁰ См Симеонов сборник (по Светославия препис от 1073 г) Т 1 Изследвания и текст София, 1991 С 202 (ср также с 720—721) Новое болгарское издание «Изборника» Святослава 1073 г в трех томах является самым удовлетворительным с научной точки зрения

¹⁰¹ См Melissa S 167

¹⁰² Для невросемиотического подхода к проблеме двух монашеских гипостазов ср Ivanov V The Medieval Monastic Mind Right Versus Left Hemisphere // Elementa 1994 Т 1 Р 249—263 Интересные проблемы «диалога» между учебой и духовностью и «гетерографических» явлений, возникающие в связи с применением одного кода к описанию другого, нуждаются в дальнейшем исследовании

¹⁰³ См Еремин И П Литературное наследие С 63

¹⁰⁴ Относительно новой функции рукописной книги на Западе начиная с XIII в см Le Goff J Intellectuels au Moyen Âge 2-e ed Paris 1985 (англ пер — Oxford, 1993) Р 83—86 в частности 85

¹⁰⁵ Ср на Западе также обычно маленькие «книги часов» — livres des heures books of hours, Stundenbuecher, употребляемые в высших кругах общества в том числе и при дворах еще до XIII в

и его дружину, а также не среди низших слоев древнерусского общества, в том числе ремесленников, или — как это предполагал наш глубокоуважаемый юбиляр — в скоморошье среде. Вообще существование некоего «Даниила», с которым можно было бы отождествлять автора наших текстов, кажется довольно сомнительным. Скорее, эти тексты, хотя они до известной степени типологически похожи на (но не непосредственно связаны) приблизительно современные им византийские произведения, возникли, вопреки ранее сделанным оговоркам, в монашеской (или иначе: духовно-книжной) среде, и они более всего напоминают назидательные антологии типа «Изборников» Святослава и, в частности, «Пчелы». Лишь поверхностно они были переделаны на лад посланий (жанра, широко распространенного в Древней Руси) или «молений», как раз этим и напоминая названные только что византийские произведения (Федора Продрома или «Птохо-Продрома» и Михаила Глики). В этой связи следует, однако, отметить, что, в то время как греческие тексты — стихотворные, и «Слово» и «Моление Даниила Заточника» являются памятниками, написанными прозой, хотя и прозой частично весьма украшенной, что касается и ее звучания и ее значения. Таким образом, наши тексты не только изобилуют многими метафорами, метонимиями и другими риторическими фигурами (не чуждыми, кстати сказать, и назидательной прозе) но, хотя они и не рифмованы или строфически устроены, в них, как отмечено раньше, встречаются ассонансы и аллитерации, как, например, в известном участке: «...кому Переславль, а мнѣ гореславль; кому Боголюбиво, а мнѣ горе лютое; кому Бѣло озеро, а мнѣ чернѣ смолы; кому Лаче озеро, а мнѣ <...> плачь...». Тем не менее мы, видимо, не можем считать «Слово» и «Моление» поэтическими произведениями в узком, формальном понимании, поддающимися «изокольному» анализу (в смысле Р. Пиккио), как это пытались доказать их итальянские издатели (и ученики Пиккио), М. Колуччи и А. Данти, и против чего раньше высказался один из соавторов настоящей статьи.¹⁰⁶

Не может быть никакого сомнения, что «данииловские» тексты отражают высокую степень учения и образования в Древней Руси. В Западной и Центральной Европе средних веков, достигшей в этот период даже более высокого уровня культурного развития, такое образование можно было найти (и получить) лишь в двух средах: в монашеской (или, более широко говоря, духовной) и в университетских средах, но едва ли в больших городах как таковых (т. е. вне академических учреждений), как об этом недавно говорил известный французский медиевист Ж. Ле Гофф.¹⁰⁷ В домонгольской и раннемонгольской Руси вообще не было еще больших городов, кроме Киева, Новгорода и, может быть, Пскова, так что этот аргумент (французского ученого) попросту отпадает.¹⁰⁸ В этот период на Руси не было ника-

¹⁰⁶ Ср. Daniil Zatočnik Slovo e Molenie P 133—134, см. участок из «Моления» в более поэтическом виде, с 178. Аналогично можно заметить, что также в фольклорном тексте «о горе-горянине, Даниле-дворянине» есть некоторые строчки ритмизированной прозы: «Горе-горянин, Данило-дворянин — жил он у семи попов по семи годов, не выжил он ни слова гладкого, ни хлеба мягкого». Ср. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева Т. 3 С. 278. Это, конечно, чисто типологическая параллель без всяких генетических связей. Относительно предполагаемых «просодических скандирований» наших «данииловских» текстов ср. Daniil Zatočnik Slovo e Molenie P 195—243, см. также более раннюю работу Colucci M. Le strutture prosodiche dello «Slovo Daniila Zatočnika» // Ricerche Slavistiche 1973/74 Т. 20/21 P. 88—124. Возражения против этого подхода ср. Birnbaum H. Essays P. 267—268 и 272—274.

¹⁰⁷ Ср. Le Goff J. Intellectuals.

¹⁰⁸ По поводу городских центров Древней Руси в сравнительном плане см. в особенности Birnbaum H. Kiev, Novgorod, Moscow Three Varieties of Urban Society in East Slavic Territory // Urban Society of Eastern Europe in Premodern Times. Berkeley, Los Angeles, London, 1987 P. 1—62, особенно 1—3 и 6—7.

ких (светских) университетов или других учреждений высшего образования, в отличие (не выходя за пределы православного мира) от императорской высшей школы в Константинополе. Конечно, на Западе — в Италии (Салерно, Болонья, Падуа), Франции (Париж, Монпелье), Англии (Оксфорд, Кембридж) — такие университеты уже существовали или возникли в течение XII—XIII вв. В славянском мире первые университеты появились в XIV в. (Прага в 1347/48 г., Краков в 1364—1400 гг.). Остается поэтому только монашеская — или, шире, духовная — среда возникновения «Слова Даниила Заточника» (а также его переделки на основе одного или некоторых из вышеуказанных антологических истоков). Вот где мы должны искать и его автора — и ввиду таких более поздних переделок, как «Моление Даниила Заточника», их авторов и переписчиков.

Мы очень признательны нашему коллеге А. Л. Осповату за ряд стилистических предложений для усовершенствования текста настоящей статьи

Л. С. КОВТУН

О литературных источниках Азбуковников

(Книжный фонд Московской Руси
в представлении словарников этой эпохи)

В русской письменности XVI в. (в середине и на исходе его) были созданы три азбучных тезауруса. Тем самым возник новый словарный жанр, связанный в первую очередь с книгами переводной литературы XI—XV вв.¹ В заголовках созданные своды слов названы Алфавитами иностранных речей, реже Азбуковниками, Буквами.

Рассмотрение тезаурусов, т. е. словарных сокровищниц, где собраны с полей рукописей, извлечены из строк самих текстов глоссы шести веков, дает сведения о фонде читаемой в этот период литературы. Круг чтения предстает перед нами в том виде, в котором воспринимали его создатели упомянутых трудов древней лексикографии. Сказанное придаст данным, о которых идет речь, своего рода объемность, так как знакомит нас не только с книгами, ставшими литературными источниками Азбуковников, но и с теми, кто осуществил эту трудоемкую работу, а также и с теми, кто по этим книгам познавал веру и жизнь, словом, с ролью книг в обиходе человека Московской Руси.

В предисловиях к Азбуковникам подается совет, который теперь у иного может вызвать недоумение, а именно: при чтении книг Св. Писания усвоить и весь состав статей обширного свода глосс, чтобы непонятные слова не мешали верному пониманию мудрых мыслей библейских текстов. Ср.: «Но убо с прочими божественными писании от всякого чина, возраста и сана истини рачители, достоит вам и сии Алфавит навькнуги да возможете, яже во святых книгах иностранными глаголании положенныя рѣчи добръ навькнуги, да не вмѣсто свѣта тму и вмѣсто агньца волка примете» (текст старшего из трех тезаурусов по списку РНБ, О. XVI. 1. С. 136; в нем 2283 словарных статьи). Глагол «навькнуги» (с вин. пад.) применен в значении, известном древнеславянским трактатам ранней поры, а именно 'познать, изучить, проникнуть в суть чего-н.'. В Пандектах Антиоха XI в.: «Навькнуги вѣровъную тайну» (μαθεῖν) (Срезневский, Материалы. Т. 2. Стб. 271).

Создание в XVI в. обширных словарных сводов, таким образом, напрямую связано творцами нового жанра с библейской темой. Отсылки к Библии во всех трех Азбуковниках многократны. Тексты Св. Писания служат для составителей опорой, основанием тех или иных вариантов толкования. Глоссировка библейских книг вскрывает в них, причем с XI в., наличие различий, что находит в версиях богословов объяснение в неисчерпаемой

¹ См. Ковтун Л. С. Азбуковники XVI—XVII вв. (старшая разновидность) Л. 1989 (далее в тексте — Азб.-ки, 1989)

глубине текстов ветхозаветных и новозаветных книг. Библейские книги и образуют почвенную основу цельности и определенности всей системы литературных источников Азбуковников.

Отрывок из общего предисловия Азбуковников с трактовкой их главной функции был приведен здесь по тексту старшего из тезаурусов. Смысл этой выдержки предстанет еще и в ином свете, если к данному свидетельству добавить другое — из заголовка словарного свода. В новом языковом аспекте в нем опять-таки обозначена роль предлагаемого труда. Ср. «Книга глаголемая Алфавит, содержащая в себѣ толкование неудобь разумеваемых речей, иже обрѣтаются во святых книгах словенского языка иностранными глаголами положены» (Азб-ки, 1989. С. 141). Объектом филологических исканий лексикографов Московской Руси, как видим, был не язык оригиналов ветхозаветных и новозаветных книг, а язык их славянских переводов, именно этот язык (древнеславянский, церковнославянский) и был принят в ее письменной культуре в качестве языка высокой книжности, т. е. поставлен в ряд с древнееврейским, греческим и латинским. В текстах книг Св. Писания он обретал ореол святости. Цитаты из Библии в славянской передаче воспринимались как образцы, по которым следует сверять точность мысли и словоупотребления. Язык этот высок не особой стилистикой и поэтикой, хотя и та и другая присутствуют в нем, своеобразно проявляясь в разновидностях собранных в тезаурусах глосс, но прежде всего тем, что осознавался Св. Писанием, в котором воплощены божественная воля и разум.

Воздействие не только византийского православия, но и словарного опыта, воспринятого от греков, сказалось в самой структуре Азбуковников. Сходство материалов и приемов отработки яснее всего видно в старшем из трех тезаурусов. В части своих статей он представляет собой некий промежуточный тип. Труд, выполненный на Руси, концентрирует в своем составе показания глоссировки русских книг, но при этом не теряет связи с греческой ученостью, напротив, соотнобразится с ней. Данные по сопоставлению двух языков использованы в нем для трактовки особенностей того и другого. Таков характер статьи, сообщающей сведения и о самом слове «Библия», которое находим в звукобуквенном разделе, отведенном лексике с начальным «Б» (буки). Здесь этот термин приведен не с отсылкой к латинскому языку, а с объяснением, связанным с языком греческим. Хотя из всего явствует, что названный термин был освоен русскими в латинском обличии (библия из лат. *biblia*, от греч. βιβλίον), которое, по-видимому, и воспринималось исходным (впервые — в 1499 г., в записи об окончании работ по переводу ряда библейских книг с Вульгаты. См.: Срезневский, *Материалы*, Т. 3. Доп. Стб. 14.). Ср.: «Грецы глаголют вивлиос, — сказано в Азбуковнике, — понеже в греческой азбуцѣ словца, нарицаемаго буки нѣсть, и того ради вмѣсто буки полагают вита, еже есть вѣдѣ, и глаголют вивлия, еже бо вивли рѣчь есть греческа, по гречески бо вивлия, а по словенски книга» (статья 240). На поле — отсылка к статье 375: вивлия. книга (Азб-ки, 1989. С. 160, 168).

Указания на литературные источники в старшем тезаурусе, как и в двух других, даны на полях, отчасти в тексте статей. На боковом поле в нем приведены и соотносительные отсылки (от слова к слову или к ряду лексем). Те и другие — результат разработки сосредоточенных в тезаурусе материалов.

Указания нерегулярны. Так, из 54 статей раздела с начальной литерой «Б» лишь 8 снабжены справкой о тексте, с которым соотносимы их данные (истолкование понятия, описание реалии или вариант этимологии к библейской топонимике и ономастике, сообщаются те или иные подробности библейских сюжетов, сведения о иноверцах, сектах, язычниках и т. д.).

Справки об источниках предельно кратки, но очевидно, что они не вызвали никаких затруднений у лиц, начитанных в древней литературе. Тем же объясняется и краткость отрывков текста Св. Писания, приводимых в статьях тезауруса: достаточно было и фрагмента в несколько слов для того, чтобы в памяти возникал контекст, необходимый для понимания смысла сказанного. Ср. статьи с начальным «А» (аз): аггел — «вѣстник, вѣстницы аггели глаголются, понеже возвышают Божия хотѣния челоуѣком, наричет же писание и Христа-Бога аггелом, сириѣчь вѣстником, по реченному: и нарицается имя его велика совѣта аггел <...> возвѣсти бо нам божественая от Господа хотѣния» (статья 7) (Азб-ки, 1989. С. 141); архангел — «первыи вѣстником...». И далее: «земному бо миру обще имя челоуѣк <...> небесным силам — архангелом, и херувимом и серафимом — обще имя аггел, по реченному: хвалите его вси аггли его, рекше весь мир небесныи...». В конце пространной в этом случае статьи сказано: «яко же изъяснил о сем Дионисие ареопагит» (статья 9) (Азб-ки, 1989. С. 142).

Наряду с нерегулярностью справок об источниках в структуре старшего тезауруса просматривается еще одна, не менее характерная черта: справки такого рода в корпусе Свода размещены неравномерно. В одних буквенных разделах их больше, в других меньше, в третьих вовсе нет. Так, в литере «А» 232 глоссы, указания на источники даны в 55 статьях; в «Б»: 54 — 8; в «В»: 224 — 8; в «Г»: 94 — 27; в «Д»: 94 — 24; в «Е»: 137 — 3; в «Ж»: 7 — 2; в «С»: 2 — источника нет; в «З»: 23 — источника нет; в «И, І»: 100 — источника нет (отсутствуют на боковом поле, но изредка упомянуты в толкующей). Таковы показания Свода от начала до его середины. В завершающей части (К—Я) дело обстоит иначе, так как здесь представлены материалы, которые не подверглись редакции (Азб-ки, 1989. С. 81—105). В этой части вновь оказались справки об источниках, в то время как в срединной части Свода они крайне редки. К тому же общее число справок здесь заметно превышает число указаний в начальной части Свода. Данные относительно этого отсека словарного текста таковы: в литере «К» 260 глосс, указания на источники — в 114 статьях; в «Л»: 69 — 30; в «М»: 128 — 48; в «Н»: 66 — 24; в «О»: 68 — 32; в «П»: 179 — 69; в «Р»: 51 — 21; в «С»: 218 — 93; в «Т»: 99 — 47; в «У»: 40 — 15; в «Ф»: 80 — 21; в «Х»: 66 — 23; в «Ѡ» 10 — 4; в «Ц»: 7 — 2; в «Ч»: 19 — 7; в «Ш»: 10 — 3; в «Щ»: 7 — 2; в «Ъ, Ы, Ъ»: 3 — источника нет; в «Ю»: 7 — 4; в «Я»: 10 — 2.

Итак, завершающая часть Свода (К—Я) подробнее оснащена указателями литературных источников. При этом и глоссы в ней, как оказалось, сохранили свой первичный облик. В сочетании этих примет и в их взаимной связи различим изначальный смысл самого труда. Цель его, о чем говорилось, — устранить затруднения при восприятии текстов библейских книг. Сложности ощущались как при переводе их на славянский язык, так и в период длительного бытования в списках разных изводов (XI—XV вв.). К той же цели — облегчить понимание книг Св. Писания — направлены и приводимые в словаре соотнесения лексики книжнославянского языка. Отсылки от слова к слову в Своде — как в отношении текстов книг Ветхого и Нового Заветов, так и текстов памятников, оказавшихся в книжной культуре Московской Руси XV—XVI вв. своего рода спутниками Библии. Трагтя заложены в ней идеи, соприкасаясь с ее темами и сюжетами, они по-своему отразили духовный опыт, явления и события мирской и церковной жизни. Прямое воздействие на них библейской традиции тем не менее очевидно: при жанровых и стилиевых различиях им, как и другим памятникам древней (средневековой) литературы, свойственна общность миропонимания. Причина этой органической цельности в общей ориентации на Библию.

Текстовая лексикография в глоссах запечатлела историю словесной культуры древности. Библейские книги, особенно новозаветные, среди литературных источников Азбуковников занимают центральное место. Для решения (углубленной постановки) вопроса об источниках Азбуковников материалы Свода старшего из тезаурусов в его завершающей части наиболее показательны, но общие тенденции присущи всему тексту. Неоспоримы свидетельства пополнения состава статей Словаря при его копировании: новые поступления из числа глосс, найденных на полях рукописей, толкования, извлеченные из текстов сочинений при повторном их рассмотрении, тематические глоссарии и ономастиконы, доселе неизвестные составителям, этимологические разработки, объяснения символики, пословные переводы иноязычных реплик, а также и текстов молитв (писанных греком при обучении русских или при других обстоятельствах). Все это дописывалось в конце буквенных разделов (нередко и в начале их, если место, оставленное для добавок такого рода, было уже заполнено). Обновление состава Свода проводилось не раз и по всем признакам сопровождалось отработкой все более богатых фондов лексики. Осваивались смыслы и функции не только иноязычных слов, что необходимо подчеркнуть, так как славянские материалы Азбуковников все еще остаются в тени при более устойчивом интересе к их сугубо переводческой роли или их энциклопедизму. Между тем в Московской Руси сер. XVI—XVII в. славяно-русское направление лексикографии стало особенно оживленным и развивалось по преимуществу благодаря усилиям книжников, составляющих азбучные тезаурусы. В лексикографии восточных славян Азбуковники представляют собой специфически русское явление. Результаты деятельности словарников Московской Руси должны быть поставлены в ряд с признанными успехами в области славистики составителей Лексиконов Юго-Западной Руси Лаврентия Зизания (1596 г.) и Памвы Берынды (1627 г.), тем более, что в двух первых редакциях старшего Азбуковника, выполненных в середине XVI в., материалы из этих лексиконов еще отсутствуют.

Работы русских словарников несомненно содействовали развитию литературного языка славян. При отработке собранных толкований происходила оценка словоупотреблений, осмысление всего архаического и чуждого с нередкими заменами при раскрытии значения слов вариантами, освоенными в русской книжности к XV в. Славянский язык присутствует в Своде как в номенклатурной, так и в объяснительной части. Он представлен в глоссах и в типе древнеславянского (старославянского) и в типе церковнославянского языка русского извода. Есть среди глосс и включения народно-разговорного языка с чертами локального характера. Славянский язык проявил в толкованиях и свои функциональные типы. В значительной части глосс — это церковный язык специфической семантики и строгой регламентации рядов наименований. В других он проявляет свойства книжнославянского языка с более свободными значениями, иногда и противостоящими церковным. В Азбуковниках славянский язык выступает и в роли координатора, соотнося упоминаемые в текстах названия чужеземных реалий со словами, обозначающими нечто сходное в действительности, привычной для читателей Сводов глосс, составленных в Московской Руси. Тот же язык в азбучных тезаурусах, о которых идет речь, служит и языком науки. И не только текстовой лексикографии, к числу выдающихся созданий которой принадлежат и сами эти труды, но и ряда других, в первую очередь философии (богословия) и филологии (лексической семантики). В Азбуковниках находим: языковедческие наблюдения, сделанные при переводе с языка на язык; факты проявления у слов нескольких, иногда и несходных, не соотносимых друг с другом «разумов» (значений); «внешние» и скрытые смыслы слов и

оборотов речи (образность, подтексты, символика); вариантность средств выражения, так называемые «произвольники», дающие возможность выбора точного соответствия переводчику, редактору, справщику (семантика, стилистика, риторика); разнобой в языковых терминах и следы формирования системности и т. д. Все эти ресурсы появились в результате процесса глоссировки, характерного для рукописной традиции древности.

Функции славянского языка в Азбуковниках в этом обзоре далеко не исчерпаны, но важно отметить, что все его роли выступают в них не изолированно, а комплексно, так как глоссы служат объяснению не только отдельных слов и фрагментов текста, но и заложенных в книгах общих идей. Они соприкасаются при раскрытии, казалось бы, самых обычных «внешних» значений слов, при описании самых обыденных ситуаций.

В связи со сказанным понятна сложность (комплексность) и самого предназначения созданных в Московской Руси словарных сокровищниц. Цель тезаурусов на первом этапе (помимо изначальной — способствовать постижению текстов Св. Писания) — содействие пониманию многовекового фонда читаемой литературы, а также переводам книг и исправлению их (старший Азбуковник середины XVI в.) на новом этапе развития (труды, завершённые один вслед за другим в 1596 г.) — сохранение самой древней книжности как главного источника знаний и нравственного совершенствования (Азб-ки, 1989. С. 120). Составленные во второй половине XVI в., азбучные тезаурусы продолжали оставаться высшим типом древнерусской лексикографии и в XVII в. Азбуковники и появились в результате специфического осознания назначения русской книжной культуры, а также и роли литературного языка славян.

Библиографические данные старшего Азбуковника приведены в издании по списку первой редакции РНБ, О.XVI.1 (Азб-ки, 1989. С. 130—281). Ценной чертой другого из списков той же редакции (ГИМ, Увар., 311) является внимание копииста именно к этой стороне дела, что было замечено археографами. Подробный перечень литературных источников приведен в «Описании» собрания, в котором оказалась данная рукопись: «На полях киноварные ссылки, кроме книг Священного Писания Ветхого и Нового завета, на следующие книги: Максима Грека, Григория Богослова, Ефрема Сирина, Иоанна Екзарха, Иоанна Дамаскина, Дионисия Ареопажита, Иоанна Лествичника (Лествицу), Елифания Кипрского (Житие), Григория Акраганского, Григория Амиритского, Козьмы Индикоплова, Даниила (игумена), Евангелие Учительное, Матфей, Лука — толковые, Патерик, Патерик египетский, Палея, Пролог, Устав, Синоксарь, Постригален, Служебник, Чепь золотая, Житие Саввы сербского, мученика Георгия Средецкого, Дмитрий Селунский, Рождество Богородицы, Слово Пречистыя Владимирския, жития: Иоанна Милостивого, Антония Великого, Онуфрия Великого, Марии Египетския, Афанасия Афонского, Петра Афонского, Феодора Студита, Симеона уродивого, Василия великого, Василия нового, мученицы Фотинии, мученика Акепсима, из Хронографа: Царь Египетский, Царь Греческий, Царь Римский, Царь Русской, Апостольское хождение Иоанна Богослова (апокриф)»² (Азб-ки, 1989. С. 56). Ср. и перечень источников, проведенный по рукописи РНБ, О.XVI (раздел Свода с начальным «А»)³.

Анализ структуры Свода старшего тезауруса выявил, что обработка собранных ресурсов слов имела текстологический характер. Это и приводило нередко к указанию при словарных статьях двух или нескольких источни-

² Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания А. С. Уварова / Сост. архимандритом Леонидом М., 1894. Ч. IV

³ Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975. С. 248—250

ков, а также и к отсылкам к статьям, размещенным в других буквенных разделах. Ср.: «аруи ариси. звѣрь оряи, еже есть ноздророг, о сем сказано в букве, нарицаемей нать [на поле: ист. Козм. индик. ниж Н] [статья 96. С. 147]; ноздророг. ноздророг есть звѣрь, имат рога на губе и во всем приличен слону, имат же изсохши кожа его толщину 4 персты, от нея же ефиопи в желѣза мѣста влагают в плуги и орют землю, и того ради своим языком наричют звѣрь он аруи оариси, рекше звѣрь оряи; толико же силен звѣрь он, яко и слону противится [ист. Козм. индик.] [статья 1358. С. 230]; весь. деревня, а не село [ист. Мар. 25, 27, то есть Ев-ие от Марка, зачало 25 и 27] [статья 305. С. 165]; голгоѡа. лобное мѣсто, лобное же наричется, понеже ту глава Адамля погребена; наричет же ся голгоѡа и кранивом мѣстом, рекше мѣстом мучения, понеже ту Господь наш Исус Христос нас ради волею муку претерпѣ [ист. Мар. 68, Ion. 60, Мао. 113]» [статья 415. С. 170] и др. Несколько источников или ряд словоупотреблений в одном из них находим также в статьях 427, 432, 443, 467, 526, 557, 934, 970, 978, 984, 1000, 1024, 1030, 1034, 1035, 1036, 1044, 1057, 1063, 1074, 1144 и мн. др.

В Азбуковниках соблюдены некоторые из принципов, вполне обоснованно принятые в современных текстовых словарях (типа «Материалов» словаря древнерусского языка И. И. Срезневского). В стремлении сохранить активность любого из списков памятника лексикографы приводят отдельные статьи на каждый из вариантов написания лексемы. Читатель словаря мог найти глоссу в том самом виде, в котором она встретилась ему в рукописной книге.

Вернемся к совету, поданному в предисловиях к азбучным тезаурусам («Но убо с прочими божественными писании <...> достоит вам и сии Алфавит навькнути»), чтобы соотнести его не только со Словарем, но и с книгами, суть которых стремились постичь рачительные читатели. В чем состояло содействие лексикографического труда? Был ли плодотворным и сам метод собирания фонда глосс? Показательным примером могла бы стать любая из книг Писания. Остановимся на Апокалипсисе, так как это своего рода сгусток идеологии библейского цикла. По христианскому вероучению, автор книги Нового Завета Откровение (греч. ἀποκάλυψις) — апостол Иоанн Богослов. Помимо последнего из канонических Евангелий и Апокалипсиса ему принадлежат и три соборных послания.

Апокалипсис — произведение ранней греко-христианской литературы (I век н. э.). Текст его насыщен символами. В аллегорической форме в нем представлена борьба Христа и Антихриста, явившегося перед концом света. В книге говорится о людских грехах, о Страшном суде, о победе Христа над силами зла и о будущем, исполненном света и радости, — о Новом Иерусалиме. Все сочинения Иоанна Богослова — среди литературных источников Азбуковников. На Апокалипсисе сделаны отсылки в старшем из тезаурусов в семи случаях. Сокращение варьируется («апокали, апоксиа, апокалипс, апож»), даны разделы текста: 1 (статья 49), 1, 21, 22 (статья 50), 9, 116 (статья 191) (Азб-ки, 1989. С. 144, 145, 156, 265). В обилии тем выделены: Бог — слово — писание; свет веры, тьма и горечь неверия и идолопоклонства, светлое озеро (или река) и озеро огненное, объятые адским пламенем; неизреченное имя Божие (его раскрытие) и имена слуг дьявола. Эти глоссы уже многое раскрывают в тексте Откровения: «49. апокалепис, явление или откровение: 50. алфа и ѿ, начало и конец, по гречески бо азбучное слово начальное глаголется алфа, еже есть аз, а послѣдне словце в грѣческой азбукѣ большее ѡ (следует разъяснение формулы: первым азбучным словом прообразует Христа, первая суща божества ради, а последним словцем, еже ѿ, являет Христа

последняя человечества ради, ни начатка бо есть, ни Божию царствию будет кончина); 59. апсиноос, пельнок, рекше горесть пельни подобна; 143. авродитская, блудная: авродите есть на пятом поясе аерном звѣзда едина от седми звѣзд, нарицаемых планиты (*далее пространная статья, осуждающая астрологов, звѣздословцев*); 191. еврейски аввадон, а еллински аполион, латынски екстерминенс, толкуется аввадон по еврейски отец пагубѣ (*вслед дана статья 192. аполон. губителен*); 1145. река свѣтла, яко кристал, кристал есть камень видѣнием, аки лед усечен; 1975. титин, преисподний бѣс, нѣщии се имя мнят быти, еже пишет во апокалиписе число звѣрино, число человѣческо, и число его 666, и того ради полагают быти се имя титин, но о сем достоит с добрѣ вѣдущими совопрошатися» (Азб-ки, 1989. С. 144—265).

Приведенные глоссы легко дополнить теми, при которых назван иной источник, а также и глоссами, где нет указания на источник, но затронуты сюжеты, родственные Апокалипису. Ср., например, статьи 1093—1104, посвященные теме драгоценных камней, где в качестве источника упомянуто сочинение Епифания Кипрського (Слово о 12 камьку): «сардиос (сердолик), топазион, измарагд, анфракс, сапфир, аспис, иакинф, ахатис, фист (амеѠусии), хрусолитѣ (хрусник), верилион, анухион». Символы 12 родоначальников племен Израиля и в то же время символы 12 апостолов — благовестников Нового Завета.

В статье 1486 псалтырь («во евреох бѣ сосуд деревян и на нем бяху 10 струн...») трактуется, как и в Апокалиписе, тема духовного Израиля. Она завершена словами: «Давид богоотец Святым Духом направляем, вмѣсто еврейскаго деревянаго псалтыря состави духовный псалтырь. сиирѣчь святую книгу, еже ныне непрестанно поется от православных христиан, еже суть мыслени еврѣе, сиирѣчь пришельцы, пришедшие от нечестия и от тмы идолобѣсия во свет богоразумия, еврѣе бо толкуются пришельцы» (Азб-ки, 1989. С. 237); ср. в статье 2146 «христос, помазанник (христи глаголются царие, иерее, мазаху бо ся святым маслом, от рога на главу изливаему...») (Азб-ки, 1989. С. 273).

При соотношении с текстом Апокалиписиса особую рельефность и внутреннюю силу получают статьи, посвященные иконописи: 2242—2245. Словесные образы Откровения Иоанна Богослова и других книг Писания находят в символике икон свое изобразительное воплощение. Статьи даны в разделе с начальным «Ч» из-за их вопросно-ответной формы: «2242 в[опрос]: что ради пишется на иконах шествие Святого Духа: стоит человек старостию одержим в мѣсте темнѣ, и на нем риза червлена и венец царский на главѣ его, в руках своих имѣя убрус бѣл и в нем 12 свитков? От[вет]: человек есть весь мир, а еже старостию одержим, то суть престарѣлся Адамовым преступлением, а еже в мѣсте темнѣ, преже бяхе весь мир в неверии, риза же червлена — приношение к бесом кровных жертв, венец же царский на главѣ его, понеже царствоваше тогда грѣх в мире, а еже в руках своих имѣет убрус бѣл и в нем 12 свитков, то суть 12 апостол учения, ими же весь мир просветися» (Азб-ки, 1989. С. 277, 278).

Евангелие от Иоанна начинается с глубокомысленного: «Искони бѣ слово и слово бѣ от Бога и Бог бѣ слово», что имеет прямые связи и с текстом Апокалиписиса. В глоссах, которые почерпнуты из Евангелия от Иоанна, проходит тема предательства и смерти Иисуса. «ГавваѠа. мѣсто бѣ устроеное каменiem тесаным, еллински глаголемо лиоѠстротон [*статья 416*]; мнась, сребряник великий, талант именуется или златица, и имеет в себе мнас 100 драхм [*статья 1252*]; матизма, нешвенная Христова одежда, еже есть хитон, рекше срачица [*статья 1254*]; препруда, багряни-

ца, иже суть порфира [статья 1503]; сударь, саван или убрус, им же мертвых во гроб влагающе, лице закрывают [статья 1804]». В качестве литературного источника книга обозначена в статьях 247, 416, 1252, 1254, 1503, 1550, 1681, 1659, 1773, 1774, 1804, 1831, 1836, 1859, 1936, 2042, 2252. Иногда в сопровождении других книг Ветхого (статья 1252) и Нового Завета (статья 1254, 1503). В двух из статей очевидна связь с Апокалипсисом: «1550. пажить, по чювственному пажить толкуется поле злачно, рекше травное, потребно в пищу скотом, а по духовному пажить толкуется святая церковь, исполнена живоносного закона духовных словес; и паки пажить духовная, еже во царствии Божии праведных вѣчных благъ наслаждение» (Азб-ки, 1989. С. 240); «1859. снузницы, сопряженцы под един ярем» (Азб-ки, 1989. С. 259). В тексте Апокалипсиса с этимологически прозрачным значением по сей день применимы слова *сотрудники*, *сослуживцы*, *соучастники*. Отработка языка, как видим, шла не менее интенсивно, чем труды по усвоению богословских догм.

В. В. КАЛУГИН

Теории текста в русской литературе XVI в.

Традиционное обожение канонического текста получило наиболее полное теоретическое обоснование в грамматическом трактате XV в. Константина Костенческого. Д. С. Лихачев связал его учение с философией православного Возрождения исихазмом и вторым южнославянским влиянием на Руси: «Константин Костенческий исходит из убеждения, что каждая особенность графики, каждая особенность написания, произношения слова имеет свой смысл. Понять вещь — это правильно ее назвать. Познание для него, как и для многих богословов средневековья, — это выражение мира средствами языка. Слово и сущность для него неразрывны. Отсюда его чрезвычайное беспокойство о каждом случае расхождения между ними, которое может получиться от неправильного написания, от неправильной формы слова. Эти расхождения могут привести к ереси и, во всяком случае, к неправильным воззрениям. Отсюда главной задачей науки он считает создание правильного языка, правильной орфографии, правильного письма».¹

В эпоху православного Возрождения этот правильный язык был призван стать общим литературным языком *Slavia Orthodoxa*. Написанные на нем сочинения следовало передавать со всевозможной точностью. Иосиф Волоцкий приказывал, что, если кто-нибудь из братии «увидит, что в книзе погрешение, ино не переписать, ни вырезать, сказати настоятелю, и с иныя книги исправить».²

Традиционное отношение к тексту передают показания помощника Максима Грека Михаила Медоварцева на церковном соборе 1531 г. Редактируя рукопись, Максим велел ему стереть испорченное место — великий отпуст в Троицкую вечерню. Повинуясь приказу, Медоварцев соскоблил две строки, но, потрясенный содеянным, остановился, будучи не в силах продолжать дальше. «...дрожь мя великая поимала и ужас на меня напал», — свидетельствовал он на суде. Тогда святогорец собственноручно «загладил» оставшийся текст и, по мнению председательствовавшего на соборе митрополита Даниила, уничтожил «великий догмат премудрый».³

Максим Грек и люди его круга (Дмитрий Герасимов, Федор Карпов, старец Силуан, Нил Курлятев, Андрей Курбский и др.) — представители нового культурного сознания на Руси. Они высоко ценили гуманитарную ученость книжника и предъявляли к его труду требование филологической работанности текста. В их глазах древность рукописи не являлась неопро-

¹ Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе Л., 1986 С. 20

² ДАИ СПб., 1846 Т. 1 С. 359

³ Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / Изд. подгот. Н. Н. Покровский М., 1971 С. 106

вержимым доказательством ее истинности. Старинный перевод мог быть отвергнут, если противоречил законам грамматики и риторики. Новое, филологическое направление в литературе подрывало веру в непогрешимость книжно-славянских образцов, окруженных ореолом святой старины. Оно открывало возможность для усовершенствования старых и создания новых переводов. Оппоненты Максима Грека рассуждали иначе. Священное Писание было для них откровением и словом Божиим, которое могло существовать лишь в первоначальной, законченной и неизменяемой форме.⁴

Таковы были теоретические запреты. Но жизнь вносила в них свои коррективы. Как установила Л. П. Жуковская, древнерусские писцы делали лексические замены, вставки и пропуски даже в таких памятниках, как Евангелие.⁵ Далеко не каждая невольная ошибка рассматривалась как искажение религиозных догматов и смертный грех. Против таких представлений выступали сами традиционалисты. Один из вождей старообрядчества дьякон Федор Иванов относился к ученой когорте писателей. Он разработал солидную аргументацию в защиту древнеправославных обрядов, требуя критического отношения к тексту: «За опись бо кую в книге какой ни есть и погрешенное слово не подобает нам ни спиратися, ни стояти; а за превращение книг старых и догмат правых изменение подобает всякому христианину и страдати и умирати, обаче с разумом, испытав вещь всякую опасно писанием святых отец».⁶ Рационализм и ортодоксальность дьякона Федора сближают его с критически настроенными писателями XVI в. Нилом Сорским, Максимом Греком, старцем Артемием, князем Курбским.

Отношение к тексту в значительной степени зависело от его содержания и жанровой принадлежности. Дипломатические послания находились на границе литературы и деловой письменности. В них было возможно многое из того, что категорически запрещалось в церковнославянской книжности. В переписке с Иваном Грозным шведский король Юхан III обвинил его в тайных сношениях со своим противником, низложенным монархом Эриком XIV, и обещаниях помочь узнику. Признав факт обмена письмами, царь возразил, что слово без дела ничего не значит. Он отвечал, уверенный в своей правоте: «...коли дела не было, ино о чем говорити? А грамота что знает? Написано, да и минулося».⁷

В пылу спора Грозному случалось проговориться и высказать вслух сокровенные мысли. В данном случае они напоминают взгляды Никколо Макиавелли. В его трактате «Государь» одна из глав посвящена тому, как правители должны держать слово. Макиавелли был убежден, что в большой политике, жестокой и аморальной, властитель вправе нарушить любые обязательства, если это принесет пользу ему и его стране.⁸ Нет никакой необходимости предполагать знакомство царя Ивана с сочинениями флорентийского мыслителя, как это делал И. И. Полосин.⁹ «Макиавеллизм» Грозного проистекал из его опыта политической борьбы с противниками, не останавливавшимся ни перед чем для достижения своих целей. Во взглядах Макиавелли и Ивана IV отражены общие черты психологии самодержавной власти.

⁴ См. Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976. С. 20, 49.

⁵ См. Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.

⁶ Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботина. М., 1881. Т. 6. С. 127.

⁷ Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М., Л., 1951. С. 152.

⁸ Макиавелли Н. Избр. соч. М., 1982. С. 351.

⁹ Полосин И. И. О челобитных Пересветова // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та. Каф. истории СССР. М., 1946. Т. 35. С. 47—50.

Об относительности и мимолетности названий Грозный рассуждал в письме 1577 г. великому маршалу литовскому Яну Ходкевичу. Царь наотрез отказался признать его право называться администратором и гетманом Ливонии, считая ее вотчиной московских государей. Вместе с тем по политическим соображениям он хотел заручиться поддержкой влиятельного в Речи Посполитой магната. Монарх философски утешал лишенного им титулов Ходкевича тем, что «слово мимощественно, а не поостоятелно».¹⁰ Высказывания такого рода можно расценить как дипломатические уловки. Когда речь шла о царском титуле или важных документах, Иван IV требовал «бережи того, чтоб грамота была написана <...> слово в слово, а ни прибавки бы, ни убавки в той грамоте не было», и тщательно следить за тем, чтобы не допустить «опись словесную».¹¹ Но, как отмечает Д. С. Лихачев, стили поведения Грозного оставили неизгладимый след на его творчестве.¹² Иван свободно обращался с книжным языком и литературным этикетом, поступал так, как подсказывали ему обстоятельства, — короче говоря, действовал по правилу: «Написано, да и минулося». Конечный результат и польза дела были для него превыше всего.

Новое отношение к тексту отчетливо заметно у его противника Курбского. Он перенес требование абсолютной точности во внешней форме произведения на всю ученую книжность, в том числе и не входившую в традиционный корпус церковной литературы. В «Сказе о логике» князь Андрей просил тщательно копировать переведенные им «Диалектику» Иоанна Дамаскина и статью «О силлогизме» протестанта И. Спангенберга, ученика Мартина Лютера: «...прошу и молю, сбереже же яко зеницы ока тое вещи <...> аще лучится переписовати кому будет, Бога ради не давите неискусным философских писати, но нарочитым мужем, и искусным в писаниах, и смиреномудрием украшенных, а не ис полуписания умеющим, або презоривым и гордым, мнящимся быти мудрым и ничто же разумеющим. Бо аще премудрых мужей хто книги переписует, аще и мало в чом нарушит, уже ни во что же бывают, бо то не летописные книги або кроники прости без гаданей (без сокровенного смысла. — В К.) и без великих содержаней разума пишутся, а те не сице, но яко прилежне читаючи их лепей размотри-те».¹³

Летописи и хроники были отнесены к низшим литературным жанрам по той причине, что они не имеют философского подтекста, а их предметное значение лежит на поверхности и понятно каждому. Точка зрения Курбского отчасти объясняет, почему его постоянные требования пуристического отношения к слову уживались с регулярными нарушениями книжно-славянских традиций в «Истории о великом князе Московском». Она писалась не «философским обычаем», а потому ее форма допускала большую свободу в выборе языковых средств по сравнению с учеными трактатами.

Требование абсолютной точности в передаче текста касалось только «высокой» книжности — церковной литературы, богословия, философии, риторики. Эта установка повлекла за собой стремление к унификации внешней формы. Максим Грек критиковал нарушение законов правописания и декламации в «епистолии» — послесловии — к «Беседам на Евангелие от Матфея» Иоанна Златоуста: «Нам же ниже точку, ниже запятую съблюдающим,

¹⁰ Послания Ивана Грозного С 206

¹¹ Сборник императорского русского исторического общества СПб, 1887 Т 59 С 314, 1892 Т 71 С 797

¹² Лихачев Д С Великое наследие Классические произведения литературы Древней Руси М 1975 С 286—287

¹³ См Eismann W O silogizme vytkovano Eine Ubersetzung des Fursten Andrej M Kurbsky aus den Erotemata Trivu Johann Spangenbergs Wiesbaden, 1972 S 80

ниже ум прочитаемых, идеже подобает съвершити, попечение творим, но все вкупе смешающим же и сливающим безчинне...».¹⁴ Перевод «Бесед» был выполнен с греческого подлинника под наблюдением Максима его учеником старцем Силуаном в 1523/1524 г. Князь Андрей изучал этот труд во время работы над «Новым Маргаритом».

Придавая первостепенное значение филологической обработанности текста, Курбский сделал попытку упорядочить пунктуацию. Она была объявлена необходимой частью литературного языка. Боярин поместил в начале «Нового Маргарита» «Сказ о знаках книжных». Источник статьи не установлен, но в ней употребляются латинские термины *кома* «запятая» (*comma*), *колон* «двоеточие» (*colon*), *парентезис* «круглые скобки» (*parenthesis*).¹⁵ В «Сказе о знаках книжных» со ссылками на греческое и латинское правописание объясняется, где и почему нужно ставить знаки препинания. Их назначение — передавать смысловое членение речи и фразовую интонацию. Для Курбского достоинство текста заключалось не в его древности и застывшей форме, а в грамматической нормализации по примеру греческого и латинского языков. «Того ради молюся вам, — обращался он к читателям, — аще преписоватися будет от кого-либо книжка сия не пременияте знаков тех, бо и вам будет ко прочитанию полезно и аще узрят ученые во словенском языке с теми значками писану книгу, не точию пред ними будем не посрамлени, но и похвалены, понеже в греческих книгах таковые же знаки суть» (Курбский 1976, л. 8 об.).

Взгляды Курбского имеют отпечаток интеллектуального аристократизма. Грамматически обработанное и риторически украшенное слово было рассчитано на ученых книжников. Князь Андрей противопоставлял искусную декламацию в соответствии с пунктуационными законами грубому пению простолюдинов — калик перехожих, исполнявших духовные стихи: «...бо риторски або философски сложенные писма риторски читаемы быти хотять, а не варварски, ни калишки, яко строем у врат и под окны вспевати обычай...» (Курбский 1976, л. 8).

Иная концепция текста, отличная от точки зрения Максима Грека и Курбского, изложена в Толковой Псалтири епископа Брунона Вюрцбургского. Книгу перевел с латыни Дмитрий Герасимов по поручению архиепископа новгородского Макария в 1535—1536 гг. Среди ее начальных глав имеется полемическое сочинение, заимствованное из предисловия к Псалтири Кассиодора: «Еже сия Псалтырь ради различия точек и речения единых да не будет к образу иных исправляема, ниже иных к тоя образу исправляти».¹⁶ Статья начинается с осуждения книжника, который, увидев различия между списками Псалтири, «тщетныя славы желая, или кичением надмен, или неразумным и нерасмотреливым благоговением попечение имея, елика же чтет — преправляти спешит». Автор считает, что если слова имеют одно значение или даже «иныи разум, но не убо чюждь или неправ и истине несъгласен, но благоутробна», то не стоит исправлять их (л. 5). Он запрещает даже «народная слова, в иных псаломских книгах обретаемая <...> пременияти на наши, разве в толкованиих» (л. 5 об.).

Тем более, по его убеждению, не следует редактировать пунктуацию, перенося ее из одной Псалтири в другую, за исключением тех случаев, когда знаки препинания искажают смысл. Полемист не разрешает даже из хорошо

¹⁴ РГБ, собр. Е. Е. Егорова (ф. 98), № 920, л. 335 об., 20-е гг. XVI в.

¹⁵ Kurbskij A. M. Novyj Margarit Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbüteler Handschrift / Hrsg. von I. Auerbach. Giessen, 1976. Bd 1. Lfg 1. S. 8, 8 v (далее ссылки в тексте Курбский 1976).

¹⁶ РНБ, собр. Соловецкого монастыря, № 1039/1148, л. 5—7 об., сер. XVI в. (далее ссылки на листы в тексте).

исправленных Псалтирей заимствовать «слова и знаменья и точки», чтобы не причинить вреда. Ссылаясь на «Исповедь» епископа Августина Гиппонского, он доказывает возможность разной передачи текста в зависимости от его понимания: «Егда различная в тех же словесах разумеется могут, яже убо истинна суть, аще ли кто иное ощущает. <...> Ничто же зла есть, егда обое истинно есть, тем же ни супротивляется» (л. 6). В статье призывается подражать отцам церкви, которые «многа истинная в едином стисе видяще, и к коемуждо истинному пригожее, точки поставлюще» (л. 6 об.).¹⁷

Своеобразие этой теории в литературе Московской Руси, и в особенности противоположный господствовавшему пуристическому отношению к тексту запрет исправлять «народная словеса» на книжные, можно было бы объяснить переводным характером статьи. Но и в оригинальной русской литературе XVI в. имеются похожие суждения. Вынося свой труд на суд общественного мнения, средневековый писатель обращался к читателям с этикетной просьбой улучшить и украсить его несовершенное создание. В предисловии к «Новому Маргариту» Курбский извинился перед знатоками орнаментальной прозы и просил исправить его ошибки. Он откровенно признавался в том, что забыл некоторые «высокие» церковнославянизмы и был вынужден перейти на разговорный язык: «И аще где погреших в чом, то есть не памятаючи книжных пословиц словенских, лепотами украшенных, и вместо того где буде простую пословицу введох: пречитающими молюся с любовию и хриstopодобною кротостию да исправятся...» (Курбский 1976, л. 7).

Иначе считал новгородский монах Зиновий Отенский. Он предупредил переписчиков своего сочинения «Истины показание к вопросившим о новом учении»: «Иже аще волит кто коея ради потребы преписати что от книжиц сих: молю не пременять простых речей на краснейшая пословицы и точки и запятая; но тако преписовати, якоже лежат речи zde и точки и запятая. Аще ли же учнеш пременять ты, добрый мудрый писарю, пословицы и точки и запятая: будут убо книжицы сия ниже твоя, ниже предположившаго их; и твоя бо краснейшая пословицы изгибнут в грубых пословицах, и грубия твоим мудрованием смятутся, и будут книжицы вне истины. Того ради молю тя преписовати тако, якоже лежат речи и точки и запятая, да будут не вне истины книжицы сия».¹⁸ Выступая в литературных спорах с позиций языкового пуризма, Зиновий Отенский заявил о превосходстве содержания над формой, чтобы оправдывать свои нарушения книжно-славянской традиции: «Не о красоте бо слова бе чтимое, но о истине показание... И иже аще по лепоте произведется слово, Богови есть благодать; аще ли недостаточно обрящется в нем, отпущение грубны буди».¹⁹

Эта точка зрения близка взглядам полемиста в Толковой Псалтири, призывавшего отличать существенное от маловажного и утверждавшего, что дело не в точках и отдельных словах, а в смысле целого. Новым в воззрениях Зиновия Отенского является то, что он рассматривал произведение как результат индивидуального творчества. Он требовал точности в передаче текста в силу вполне осознанных представлений об авторской собственности. Отказываясь от помощи искусных книжников, он стремился сохранить авторскую редакцию, хотя и несовершенную, но точно передающую его замысел и особенности литературной манеры.

¹⁷ См также Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975. С. 43, сн. 140, 63.

¹⁸ Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863. С. XI—XII.

¹⁹ Там же. С. 1. Ср. Там же. С. 964—967.

Понятие авторского текста существовало и для других писателей XVI в. Максим Грек объяснял происхождение акростиха в византийской литургической поэзии борьбой с плагиатом: «...нещии творцы каноном, блodusея тех, иже по страсти тпеша славы чюжия труды присвояют к себе и о тех аки о своих хвалются, да онех убо избавят похвалы сея яже по страсти суетныя, себе же соблюдут еже от поущих духовныя труды их благословение и убажение, сего ради умыслиша сугубу глаголемую по-гречески акростихиду, еже есть по-русски краестрочие, или краеграние...».²⁰ Акростих является одним из старейших приемов тайнописи. Тайнопись была компромиссным решением. Она позволяла средневековому писателю заявить о себе без боязни показаться тщеславным и вместе с тем скрыть свое имя, как это предписывал литературный этикет. Однако Максим Грек понимал акростих как средство защиты авторской собственности. Его слова отражают наметившиеся перемены в отношении к тексту.

У древнерусских книжников, как и у их собратьев по перу в Византии, Болгарии, Сербии, был распространен обычай выдавать свои произведения за творения знаменитостей прошлого, отцов церкви. Это была своего рода ссылка на литературный образец, по модели которого создавалось новое сочинение.²¹ *Большой популярностью пользовалось имя Иоанна Златоуста.* Е. Э. Гранстрем исследовала в славяно-русских рукописях XI—XIV вв. 287 проповедей с именем этого ратора. Авторство 65 из них не установлено. Из остальных 222 памятников всего лишь 6 являются подлинными сочинениями Златоуста.²²

Курбский обличал еретиков, выдававших свои лжеучения за святоотеческие творения, еще в переписке с Вассианом Муромцевым. Это была одна из традиционных тем древнерусской литературы. К ней он вернулся много лет спустя в предисловии к «Новому Маргариту». В примечании к нему, однако, князь Андрей осудил не еретиков, а талантливых поэтов-риторов, скрывавших свои имена: «Некоторые поетове, складающе прекрасные словеса и полезные и таяще имяна свои, подписовалися Златаустовым титулом, что есть непохвално и тщеславно зрится чужим румянцем украшатися» (Курбский 1976, л. 6). Выступая против принятого обычая, Курбский видел в нем не проявление нравственного смирения, чего следовало бы ожидать от традиционалиста, а предосудительное желание украсить свой труд громким именем.²³

Несмотря на стремление официальной литературы XVI в. к монументальному обобщению и этикетности, у писателей того времени существовали разные, иногда прямо противоположные взгляды на текст. Зарождение «литературной теории» в Московской Руси происходило в борьбе идей и концепций. В теоретических установках книжников проявились новые представления об индивидуальном творчестве, авторской собственности и праве. Рост писательского самосознания, как показал Д. С. Лихачев, стал одной из основных тенденций в развитии русской литературы XVII в.²⁴

²⁰ Максим Грек. Соч. Казань, 1862. Ч. 3. С. 251—252.

²¹ См.: Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.) München, 1987 С. 56.

²² Гранстрем Е. Э. Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI—XIV вв.) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29 С. 187.

²³ Успенский Б. А. История... С. 57—58.

²⁴ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973 С. 144—146

О. С. СТАФЕЕВА-САПОЖНИКОВА

Новые сведения о соловецком книжнике Сергии Шелонине

Соловецкий книжник Сергей Шелонин, надолго забытый после разгрома Соловецкого восстания, когда прервалась духовная традиция монастыря, в последнее время все больше привлекает внимание исследователей. Вслед за казанским профессором П. В. Знаменским, который в XIX в. первым обнаружил рукописи Сергия в составе библиотеки Соловецкого монастыря, современные ученые, независимо друг от друга, находят все новые и новые факты деятельности книжника; их сопоставление позволяет сделать вывод об огромном вкладе Сергия в русскую культуру XVII в. Шелонин проявил себя как талантливый писатель¹ и трудолюбивый редактор.² По заданию патриарха Иосифа он подготовил к печати Лествицу Иоанна Синайского (М., 1647), очевидно, намеревался издать и другие им самим отредактированные книги, например, огромную по объему компиляцию — Патерик Алафавитный. Сергием был создан самый обширный в истории древнерусской лексикографии Азбуковник. В Соловецком собрании Российской национальной библиотеки находится более 20 рукописей, правленных рукой Сергия, еще около 10 рукописей хранится в других архивах.

Деятельность Сергия приходится на один из самых сложных моментов русской истории: это период восстановления российской государственности после Смуты, реформ патриарха Никона и последовавшего за ними раскола церкви. До сих пор не обнаружены документальные сведения об отношении выдающегося соловецкого книжника к реформам и об участии его в событиях, развернувшихся в монастыре в конце 1650-х—начале 1660-х гг. Имя Сергия не упоминается в известных челобитных, регулярно поступавших в этот период из Соловецкого монастыря в Москву от представителей обеих враждующих группировок. Только один раз противники архимандрита Ильи, который запретил пользоваться новыми Служебниками, в челобитной патриарху Никону в списке сторонников архимандрита, причем на первом месте, называют некоего келаря Сергия: «А советники ево архимаричьи: келарь Сергей, Саватей Обрютин, старец Евстратей, Макарей Бешеной, Герасим Фирсов <...> Тихон будильник...».³ Имеется ли здесь в виду Сергей Шелонин или кто-то другой, пока неизвестно.

¹ Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний Л., 1973 С. 225—234, 289—290

² Дмитриев Л. А., Стафеева О. С., Чумичева О. В. Сергей (Шелонин) // Словарь книжников. Вып. 3 ч. 3 (в печати)

³ Субботин Н. Материалы для истории раскола за первое время его существования М. 1878 Т. 3 С. 10

Конечно, столь важное событие, как реформы Никона, не могло не коснуться деятельности эрудированного и авторитетного книжника Сергия Шелонина. При отсутствии документальных сведений определить позицию Сергия в этот кульминационный момент поможет ранее не известная рукопись его библиотеки, дошедшая до нашего времени в составе собрания П. Д. Богданова (РНБ, Q. XVII.187, 4°, 272 л.). Исследователи неоднократно обращались к различным статьям этой рукописи, но в связи с книжной деятельностью Сергия или применительно к событиям раскола она никогда не упоминалась.

Над рукописью, судя по почеркам, работало 6 человек. Каждый переписчик выполнял свое задание, писал в своих тетрадах: это видно из того, что пустой лист, оставшийся после переписки какого-то сочинения в конце тетради, как правило, не использовался для переписки следующего текста. После того как готовые тетради были переплетены вместе, в составе рукописи оказалось много пустых листов в конце почти каждой тетради (22 об., 77 об., 104 об., 119 об., 136 об., 188 об., 206 об., 220—220 об., 245 об., 253 об.). Почерк Сергия нерегулярно вкрапляется в почерки писцов. Иногда им написан только заголовок и несколько строчек произведения (л. 77, 104, 206, 207), иногда несколько листов текста (л. 48—49 об., 51 об. — 53, 135—139 об., 156 об. — 158, 197 об. — 198 об.), иногда целая тетрадь (л. 104—119). Остальные почерки на протяжении одного сочинения не чередуются друг с другом. Из этого можно сделать вывод, что только Сергей имел право вмешиваться в работу переписчиков, а значит, он руководил ими.

Возможно, рукопись создавалась незадолго до смерти Сергия (ок. 1663 г.), так как почерк книжника во многих местах «дрожащий», нервный, распыляющийся, тогда как остальные — четкие (но, может быть, дефекты почерка свидетельствуют о болезни Сергия в это время). Сорта бумаги, использованные при создании книги, относятся приблизительно к этому времени: 1) герб Перевязя с литерами «ВВ» типа Гераклитов, № 255 — 1642 г.; 2) герб Перевязя типа Гераклитов, № 292 — 1649 г. (но контрамарка не просматривается); 3) голова шута с 5 бубенцами типа Дианова, Костюхина, № 326 — 1653 г.; 4) голова шута с 7 бубенцами типа Дианова, Костюхина, № 439, 436 — 1664, 1647 гг., типа Гераклитов, № 1395, 1396 — 1663 г.; 5) герб (лилия на щите под короной) — Дианова, Костюхина, № 923 — 1646—1654; 6) домик под крестом, обвитый змеей, — не отождествлен; 7) герб Глаубица типа Гераклитов, № 141, 142 — 1650, 1651 гг.; 8) крест лотарингский — не отождествлен. По равномерному распределению разных сортов бумаги в рукописи видно, что все переписчики работали одновременно.

Краткое содержание рукописи: л. 1 об.—2 — таблица употребления диакритических знаков; л. 3 — миниатюра, выполненная красной и черной красками, с изображением обряда крещения и литургии; пальцы участников действ (среди них — Василий Великий в архиерейском облачении) сложены в двуперстие, над символическими изображениями Спаса — дореформенное написание «ІС ХС»; л. 4—7 об. — «Чин, како подобает пети дванадцать псалмов»; л. 7 об.—119 — выписки из Пандектов Никона Черногорца, Синтагмы Матфея Властаря, правил Вселенских соборов, апостольских правил, поучений Григория Нисского, Номоканона Зонары, сочинений Иоанна Дамаскина, патериков, Бесед Григория Двоеслова, правил Василия Великого, поучений Илии, архиепископа новгородского, правил Иоанна, митрополита русского, ответов Нифонта, архиепископа новгородского, Кирику (темы выписок: правила перекрещивания еретиков, язычников, отрекшихся от веры, о крещеных не по правилам, о епитимиях за отречение добровольно или насильно от веры, о епитимиях за различные грехи, покаянное правило, о

правилах исповеди для мирян и чернецов, для женщин, о правилах причастия, о «убивственных гресех», об анафеме, антикатолические статьи и др.); л. 120—122 — «Победа на печенеги юношею едином» (поздняя редакция рассказа из «Повести временных лет»); л. 122—135 об. — продолжение выписок; л. 137—188 — Прение Арсения Суханова с греками; л. 189—189 об. — «Светися, светися, Иерусалиме...» (Ис. 60:1,2, 10—14; в этих стихах находятся пророческие слова о трехчастном кресте: «И слава Ливанова к тебе придет кипарисом, и певгом, и кедром...»); л. 189 об. — «Аще кто тя спросит, како знаменуешися крестным знамением...»; л. 189 об.—190 об. — «Вопрос. Что есть крест существом и что видом...»; л. 190 об.—195 — «О крестном знамении, имже ся знаменаемъся в сложении пяти перст, в ниже являеть догмат благочестия и сопротивных тому»; л. 195 об.—196 об. — «Повесть о преподобном Варламе Керетцком, изложена вкратце»; л. 197—198 об. — «Выписано из греческого печатного летописца в Мутьянской земли» (о пророческой надписи на покрывале гроба Константина Великого о падении турецкого царства, перевод неизвестного автора);⁴ л. 199—206 — «Инока Максима Грека словцо к смеющим 3-жды глаголати аллилуйя чрез предания церковнаго, а четвертое „Слава Тебе, Боже“. Слово 28»; л. 206 — выписка «от Алфавита» о значении слова «аллилуйя» (см. тот же текст в Азбуковнике Сергия: Солов. собр., № 18/18, л. 67 об.); л. 207—209 об. — «О том же от жития преподобнаго и богоносного отца нашего Ефросина, псковского чудотворца, о хождении его к Царьграду»; л. 209 об.—214 об. — «О списатели жития Преподобнаго Ефросина, како явися ему Пресвятая Богородица»; л. 214—219 об. — «О Йове протопопе, рекомом Столпе» (часть Жития Ефросина Псковского); л. 220—245 — «Предословие Сенадику. Списано в Великом Новеграде с Софейского переводу, у Николы Чюдотворца на Дворищах»; л. 246—253 — выписка из Патерика; л. 254—261 — слово 21-е Исаака Сирина; л. 262—272 — выписки из Русского Хронографа: «глава 141. Царство Маврикиево; глава 191. О сербских деспотех».

Как видно из содержания, значительное число статей сборника подобрано для полемики с реформой церковных обрядов, ориентированной на греческие образцы: это и Прение Арсения Суханова с греками, и 28-е слово Максима Грека, и Житие Ефросина Псковского (Ефросин, как известно, предпринял свое паломничество в Царьград для подтверждения сугубой аллилуйи). Намеком на методы борьбы с противниками реформ царя Алексея Михайловича звучат и заключительные выписки из Русского Хронографа, рассказывающие о наказании неблагочестивых и жестоких царей. Особенный интерес представляют три статьи на л. 189 об.—194, которые предваряются пророческими стихами Исаяи. Установить их авторство пока не удастся. Это раннестарообрядческие сочинения, скорее даже — компиляции, которые были первыми попытками собрать все авторитетные доказательства истинности двуперстного знамения и восьмиконечной формы креста. Первая статья в 13 строк «Аще кто тя спросит, како знаменуешися крестным знамением...» напоминает инструкцию или заметку на память о том, что отвечать на вопрос (вероятно, властей), «как крестишься». Двуперстие в статье обосновывается соединением в Иисусе Христе двух естеств — божественного и человеческого.

Вторая статья — «Что есть крест существом и что видом...» объясняет правильность восьмиконечной формы креста: «Существом убо есть животворящий крест, образ распятия Христа Бога нашего, видом же, якоже

⁴ Лебедева И. Н. Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы // ПСЛ, 1968 Вып. 18(81) С. 102—103

явился есть благодетивейшему и равноапостольному первому христианскому царю Константину. Святое же его начертание сугубо есть сложеное есть четвероконечно...». Автор ссылается для подтверждения своих слов на авторитетные имена: «Виды же суть святого его начертания или назнаменания, сиречь божественные догматы, сицевы суть, ихже предаша нам древние восточные богословцы, святии отцы наши и учителя: Афанасие Великий, Иоанн Златоуст и Петр Дамаскин и прочие...».

Третья статья — «О крестном знамении», самая полемически заостренная, посвящена доказательству истинности двуперстия и ложности разделения крестного знаменания на архиерейское (двуперстие при благословении) и обычное (троеперстие). Статья написана хорошим книжным языком и свидетельствует об эрудированности и догматической компетентности автора: «...яко же божественный апостол Павел глаголет: „Мы же проповедуем Христа распята“, — а не Троицу, яко же нынешнии мудрецы повелевают знаменатися точною трема персты. Иже бо трема персты знаменатися повелевают, сия указуют божество быти <нрзб>, понеже воплощение Сына Божия не имут воображено. Слово убо воплотися и пострада, а не Отец, ни Дух, яко же сложение се имать воображено. Глаголют же и се, яко подобает единым сложением перст, сиречь трема персты, знаменатися, а вторым знаменати, сиречь двема персты, и сия являет некое разделение во Христе Бозе. Христос же не розделился есть, но един, и той же есть прежде век со Отцем и со Святым Духом и напоследок от Приснодевы Марии родился есть неизреченно и в плоть оболкъся, недомысленно и существително. От Отца же и Святаго Духа никако же разлучися, ниже приложися, просвещается и освещает всякого человека грядущаго в мир благодатию своею. Нерозделно и знаменовал есть боящихся его едино, а не два, яко же и сам не розделен есть <нрзб> со Отцем и со Святым Духом, иже от Пресвятыя Девы Марии воплотися, но един и той же есть. Также и знамению крестному подобает быти единому, а не двема, еже бо знаменатися крестным знамением, ничто же ино прообразуют, точною Христову страсть, юже нас ради претерпе, пригвоздитися изволив на кресте плотию, а божество безстрастно пребысть, а еже Троицу сводити в крестное знамение, посему припишут божеству страсть» (л. 192 об.—193).

Автор статьи дает свою оценку реформам и реформаторам: «...а не два сына, сице знаменующеся, исповедуем, яко же блядут сего света мудрецы, паче жде слепцы» (л. 191); «Воистинну слепота и последнее безумие есть!» (л. 191).

Автор на протяжении всей статьи предостерегает читателей от современной прелести и искушений: «Чим убо искушати, аще не истинным крестным знамением: от него же не может постояти всяк неприязнен дух» (л. 191 об.); «Но убо, братие, блюдитесь, да никто же вас будет прелщая премудрая хитростию и тщетною лестию по преданию» (л. 191 об.). Статья многозначительно заканчивается цитатой из Нового Завета: «Прочая же помолчим, но на Бога вещь возложим, той Бог хочет всем спастися и вся может, елико хочет, но жития ради растленного человеци от правыя веры отпадают и отступницы бывают. Яко же апостол Павел пиша к Тимофею: „Повелеваем имети веру и благу совесть, еяже нещии отринувше, от веры отпадоша. Егда бо житие отчаянно будет, то и учение о вере родится, тако же и многих есть видети от сего во глубину злых впадших. Ты же, о человеце Божий, сих бегай“».⁵

Стоит отметить, что это сочинение неизвестного автора снабжено примитивными рисунками, предназначенными, скорее всего, для наглядного

⁵ Неточная цитата См 1 Тим 6 10—11 2 Тим 3 1 43 4

объяснения того, чему оно посвящено. Под заголовком на л. 190 об. в полукруге перечислены церковные писатели, которые оставили труды о крестном знамении: Максим Грек, Петр Дамаскин, Петр Могила, Лаврентий Зизаний, — а также печатная московская «Книга о вере» (М., 1648), в которой поднимался этот вопрос.

На л. 192 об. изображено примитивной схемой два типа перстосложения, принятые при Никоне.

На л. 194 об. в том месте статьи, где упоминается «латинский крж», помещен рисунок четвероконечного креста с подписью «кржъ». Крест изображен в круге, потому что автор рисунка передал новую, никонианскую печать на просфоре: вместо традиционного восьмиконечного креста — четырехконечный.

Составитель этой рукописи, вероятнее всего — Сергей Шелонин, явно полемизировал с реформой, пользуясь авторитетными сочинениями. Все построение книги напоминает композицию традиционных древнерусских полемических сборников, где в начале помещались выписки из канонических церковных правил (Матфей Властарь, Зонара и др.), затем статьи по основной проблеме, а в конце — выписки из слов и поучений и других сочинений на аналогичные темы.

Рукопись, созданная под руководством Сергия, содержит те статьи, которые будут популярны в старообрядческой среде с XVII по XX в.: Прение Арсения Суханова с греками, сочинение Максима Грека о сугубой аллилуйи, житие Ефросина Псковского и др. Возможно даже, что она послужила источником для многих других старообрядческих сборников.

Создание рукописи из собрания Богданова относится к тому периоду в истории раскола, который называют подготовительным. «В истории публицистической дуэли, развернувшейся между никонианами и старообрядцами, легко вычленяются два ее начальных этапа или периода. Если в первое десятилетие (1653—1663 гг.) шло накопление полемического материала и спор велся в сравнительно узком кругу церковных интеллигентов, то в последующий период (1664—1682 гг.) происходит разрастание конфликта вширь, что ведет к расколу всего общественного организма страны».⁶

Представляется, что Сергей относился к тому кругу образованных книжников, которые находились в оппозиции никоновской реформе. Эта внутренняя оппозиция еще недостаточно изучена именно потому, что она не была организованной сопротивлением, а воплотилась в отдельных полемических сборниках, которые разошлись по старообрядческим скитам и большей частью не сохранились. Эта оппозиция создала из авторитетных сочинений (выбрав их в рукописях монастырских библиотек) по догматическим и обрядовым вопросам ту платформу, на которой до сих пор ведется старообрядцами полемика.

Как известно, Сергей является автором нескольких сочинений: Сказания и Службы яренским чудотворцам, редакции Жития Филиппа митрополита (в Житие входит и написанное Сергием Слово похвальное на перенесение мощей Филиппа) и Слова похвального русским святым. Дополнить представление о Сергии-писателе позволяет недавно выявленная мною рукопись в собрании Псковского музея-заповедника. Найти ее помог «Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника» (Псков, 1991).⁷ На с. 47 каталога находится описание сборника XVII в., содержащего Жития и службы русским святым (фонд Никандровой пустыни, № 292), среди

⁶ Бубнов Н. Ю. Писатели-старообрядцы Соловецкого монастыря // Книга и книготорговля в России в XVI—XVIII вв. Л., 1984. С. 38.

⁷ Благодарю сотрудников отдела рукописей и редких книг Псковского музея-заповедника за оказанную мне помощь в работе над рукописью.

них — известные сочинения Сергия (кроме Слова похвального русским святым). Состав этой рукописи совпадает с содержанием сборника, который Сергий вложил в монастырскую библиотеку и о котором было известно только из вкладной книги монастыря: «Книга жития и службы с канонами митрополита Филиппа и преподобного Германа, да яренских чудотворцов, да Иосифа Волоцкого, да 2 канона новым святым Трифану Печенгскому да Варламу Керетцкому».⁸ Подробное изучение рукописи показало, что во вкладной книге монастыря была описана именно она. Сборник был составлен при жизни Сергия и при его участии: собственные сочинения Сергия им самим и правлены. Это стилистические пометы на полях рукописи, варианты к словам: вместо «терновии» — «смоквы», вместо «подруги» — «клеверты».

В этой же рукописи находятся два ранее не известных сочинения Сергия: канон Филиппу митрополиту и канон местночтимому неканонизированному святому Варлааму Керетцкому. Эти каноны вне сомнения принадлежат Сергию, так как: 1) каноны находятся в окружении уже известных произведений книжника, 2) Сергий зашифровал свое имя в акrostихах в каждом из канонов и даже предупредил об этом в предисловиях к канонам. Предисловие к канону Филиппу митрополиту гласит: «Святителю канон на 8 (песен). Пение молебно сложено по акrostихиде, амвикою в 9-я песни: „Похвалу пою Филиппу; новому чудотворцу“. А в 9-й песни совершено именем списавшаго» (л. 183 об.). Действительно, в девятой песне по первым буквам стихов (выделенным кинovarью) читается: «Серги» (л. 190 об.—191 об.). Подобное предисловие предвяет канон Варлааму Керетцкому: «Канон преподобному Варлааму Керетцкому, новому чудотворцу. Ему же краеграние: „Похвалу пою Варлааму, новому чудотворцу Керетцкому“. До 9 песни сложено мерою и амвикою по акrostихиде, а в девятой песни имя списавшего» (л. 413). В девятой песне также читается: «Серги» (л. 419 об.—420).⁹

Надо отметить, что каноны Сергия очень интересны и для изучения поэтического искусства Древней Руси, и для изучения народной культуры. Особенно стоит обратить внимание на канон Варлааму Керетцкому. Как известно, Варлаам убил свою жену и с ее телом странствовал вдоль побережья Кольского полуострова на лодке долгое время, пока не был прощен Богом, о чем ему было поведено чудесами. При описании подвигов, совершенных Варлаамом Керетцким во имя спасения души, Сергий опирается на текст Жития, созданного неизвестным автором примерно в то же время. Но при этом Сергий дает волю своей фантазии. Так, в его каноне Варлаам, странствуя по морю с телом жены, встречается с популярным на русском Севере святым — Трифоном Печенгским и даже пророчесствует тому о создании обители.

Как видно, Сергий сам составил собрание своих сочинений и поместил их на равных правах среди самых известных севернорусских житий. По неизвестным причинам сборник Сергия оказался в Тихвинском монастыре, а оттуда попал в Никандрову пустынь. Об этом говорится во вкладной записи на л. 1 об.: «192 (1684) года декабря в 10 день положил сию книгу в дом живоначальныя Троицы и Пречистыя Богородицы и преподобнаго отца

⁸ ФИРИ РАН, колл. акт. 2, № 152, л. 330. На эту запись впервые указала М. В. Кукушкина в кн.: Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977. С. 99.

⁹ В сборнике из Псковского музея-заповедника находится еще несколько неизвестных сочинений XVII в. — это каноны и стихиры, посвященные севернорусским святым. Их стиль и обязательное присутствие в канонах акrostихов позволяют предположить авторство Сергия. Но эта гипотеза будет подробно изложена в отдельной статье.

Никандра Тихфина монастыря архимандрит Макарий в помяновение родителей своих и во отпущение грехов своих».

Между двумя рассмотренными рукописями Сергия существует очень интересная связь. Тетрадь, занимающая в рукописи РНБ л. 189—196 об., и тетрадь, занимающая в рукописи Псковского музея л. 413—420 об., написаны одним почерком на одной и той же бумаге (герб Глаубица типа Гераклитов, № 141, 142 — 1650, 1651 гг.). Такой почерк и такая бумага больше нигде в этих рукописях не встречаются. Напомним, что на л. 189—196 об. в рукописи РНБ находятся выписка из Книги пророка Исаяи, три сочинения о крестном знамении и о форме креста, повесть о Варлааме Керетцком. Указанная тетрадь псковской рукописи содержит только канон Варлааму Керетцкому, причем очевидно, что тетрадь приплетена после того, как вся рукопись была готова и к ней было составлено оглавление. Оглавление написано тем же почерком, что и вся рукопись, и в нем не был указан канон Варлааму Керетцкому. Поэтому Сергей в конце оглавления приписал: «Канон преподобному Варлааму Керетцкому чудотворцу» (л. 2 об.). Очевидно, что две тетради составляли некогда единое целое (вполне логично, что за повестью о Варлааме Керетцком следовал канон ему), но Сергей распорядился разделить их и впести в разные сборники в соответствии с их тематикой, одну тетрадь — в полемический сборник, а другую — в агиографический. Агиографический сборник уже был готов, поэтому канон приплели в конце рукописи, а над полемическим еще велась работа, и тетрадь оказалась в середине рукописи. Повесть о Варлааме Керетцком попала в полемический сборник случайно: она оказалась написана на обороте листа с сочинением о кресте и крестном знамении, так что разделить два текста оказалось невозможным.

Изложенная гипотеза наводит на мысль, что столь разные сочинения (полемические статьи и сочинения о Варлааме Керетцком), в этих двух тетрадях не случайно были переписаны вместе. Возможно, Сергей составлял очередную подборку своих сочинений, а значит, полемические статьи-компиляции принадлежат его перу. Но если авторство канона Варлааму Керетцкому можно убедительно доказать ссылкой на акростих и на правку Сергия, то в случае с полемическими статьями это сделать трудно. Мне удалось найти только одну вставку соловецкого книжника на л. 192 об.: над строкою он вписал пропущенное переписчиком слово «благодатию» («...и освещает всякого человека грядущаго в мир благодатию своею»).

Б. Л. ФОНКИЧ

Сильвестр Медведев и «Дело патриарха Никона»

30 мая 1664 г. Мелетий Грек привез из Константинополя в Москву «Ответы четырех вселенских патриархов о власти царской и патриаршей» — важнейший документ для решения «Дела патриарха Никона». Этот документ был создан в недрах константинопольской патриархии в мае 1663 г.; его текст, написанный великим хартофилаксом Великой церкви Иоанном Кариофиллисом в двух экземплярах,¹ после подписания восточными патриархами и членами синода, был вручен посланцу царя Алексея Михайловича для доставки в Россию.²

«Ответы четырех вселенских патриархов...» существуют в виде двух отдельных переплетенных в красный бархатный переплет тетрадей большого формата,³ каждая из них состоит из кватерниона с греческим текстом, сопровождаемого более чем 20 листами каллиграфически написанного русского перевода. В обоих экземплярах документа этот перевод писан одним и тем же писцом, причем его работу следует отнести ко времени, ближайшему от момента привоза в Москву греческого текста «Ответов...». Такое заключение нам позволяют сделать документы Приказа тайных дел (РГАДА, ф. 27), относящиеся к «Делу патриарха Никона». Из них же мы узнаем и имя каллиграфа, писавшего русский перевод текста «Ответов...».

Прибытия Мелетия Грека из Константинополя с грамотами восточных патриархов в Москве ждали с нетерпением. Он появился в русской столице, как мы уже отметили, 30 мая 1664 г. «И того ж дни в вечеру» его принял Алексей Михайлович.⁴ Выслушав отчет греческого иеродиакона и рассмотрев привезенные им документы, царь распорядился немедленно создать комиссию для их перевода: «...и того ж числа великий государь те писма <...> отдал для переводу газскому митрополиту Паисею, а с ним у того переводу быть чорному дякону Мелетию да Посолского Приказу переводчику Семену Лаврецкому, а для писма Приказу Тайных дел подъячему Семену Медведеву».⁵ Таким образом, перевод «Ответов четырех вселенских патриархов...» был осуществлен, по-видимому, уже в июне 1664 г., причем не знавший русского языка Паисий Лигарид переводил (возможно, с помощью

¹ Об этом см. Фонкич Б. Л. Иоанн Кариофиллис и его роль в истории греческо-русских связей в середине XVII в. // Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. Тез. XIII конференции. М., 1994. С. 61.

² Подробно см. Фонкич Б. Л. Мелетий Грек // Россия и Христианский Восток. М. 1995. Т. 1 (в печати).

³ Их описание см. Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Опись документальных материалов фонда № 135 / Сост. В. Н. Шумилов. М., 1971. С. 137. № 322—323. См. также Фонкич Б. Л. Греческо-русские связи середины XVI—начала XVIII вв. Греческие документы московских хранилищ. Каталог выставки. М., 1991. С. 53. Рис. 25.

⁴ РГАДА, ф. 27, оп. 1, № 140, ч. 5, л. 312.

⁵ Там же, л. 316.

Гвѣнне нѣвноторы поцрво поцрѣбны . Ихъжо съпѣты .
 готпорены сѣтъ съпѣвнши и блжѣннѣиши дѣтврехъ
 поцтриахъсѣвъ . И насивнѣ сѣтъ уздотны соопидѣтель
 ипоцрны порцздрѣклннѣ и прѣвннѣ хрѣфодитннѣ нѣпѣтнѣ
 шнѣ поцвононѣ црѣсѣ . Цосъбрѣзѣтъ вопрошннѣ нѣсѣшнѣтѣ .
 Поцнтннѣно сооплощннѣя нѣвнѣо . АХХГ мѣдѣ моѣ

поц прѣ
 дрѣклннѣ
 поцнѣтѣ

Роцнѣ нѣродрѣннѣя нѣпѣтнѣпоцннѣ Оцѣ . Вѣдрѣннѣсѣ хрѣ
 и нѣпѣтнѣннѣо сѣтѣ . нѣпѣтнѣннѣ нѣсходѣннѣ съсѣдннѣсѣ
 Оцѣ сѣтѣ дрѣсѣ . прѣсѣтнѣ прѣсѣблослопннѣннѣ хрѣпѣтнѣ
 рѣцнѣ нѣрѣздрѣклннѣ нѣнѣсѣннѣннѣ нѣцрѣпннѣннѣннѣ нѣтрѣклннѣ
 дрѣдннѣ сѣтннѣннѣо сѣтннѣо блѣ . Снѣсѣрѣжо шѣно сѣ
 дрѣлннѣннѣ блѣ и шѣнѣ дрѣ сѣсѣшнѣ дрѣдрѣсѣтѣ нѣпѣтнѣ

оцннѣннѣ

Прѣдрѣсѣтнѣ

Сѣ блѣ нѣпѣтнѣ и дрѣзѣтѣ нѣпѣтнѣ сѣсѣсѣннѣ хрѣсѣтнѣ
 блѣ дрѣннѣ хрѣ . нѣжо нѣдрѣтѣ дрѣтннѣннѣннѣ вѣннѣннѣ

Автограф Семена Медведева. РГАДА, ф. 135, отд. III, рубрика 1, № 8, л. 10.

Мелетия Грека) с греческого на латынь, а перевод с латинского языка на русский делал Семен Лаврецкий, виднейший «латинист» Посольского приказа 60—80-х гг. XVII в. Писал же этот русский перевод подьячий Приказа тайных дел Семен Медведев — будущий монах Сильвестр, ученик и сподвижник Симеона Полоцкого, выдающийся представитель русской культуры предпетровской поры. Приведенный документ является одним из самых ранних свидетельств о деятельности Медведева в Москве.⁶

Итак, л. 8—30 об. «Ответов четырех вселенских патриархов...» в экземпляре РГАДА, ф. 135, отд. 3, рубрика 1, № 7 и л. 10—34 в экземпляре ф. 135, отд. 3, рубрика 1, № 8 — автограф Сильвестра Медведева, относящийся к июню 1664 г.

⁶ О раннем периоде жизни Семена Медведева в Москве см., например: Прозоровский А. Сильвестр Медведев: (Его жизнь и деятельность). М., 1896. С. 57—59; Богданов А. П. Сильвестр Медведев // ВИ. 1988. № 2. С. 86.

Е. М. ЮХИМЕНКО

Дни тезоименитства выговских наставников

Как каждая древнерусская обитель, Выговская старообрядческая пустынь чтит своих наставников. Торжественное празднование дней их тезоименитства — лишь одна из форм этого почитания. Однако известные ранее источники были столь немногочисленны,¹ что не позволяли не только конкретно охарактеризовать данную сторону внутренней жизни пустыни, но даже говорить о сколь-либо прочной традиции подобного празднования. Выявленный в последнее время материал (в составе выговских рукописей нам удалось обнаружить еще 26 слов на тезоименитство наставников киновии) дает возможность достаточно полно восстановить картину бытования названной традиции на Выгу.

Хорошо известно, что панегирическое восхваление отдельных людей, снискавших себе славу делами или подвигами, стало неотъемлемой частью народных празднеств Древней Греции. В почитании своих наставников выговцы сознательно отталкивались от этой античной традиции («Красна бяху и зело сладостна у премудрых афинеов совершаемая начальствующим именотворительная торжества...»), — начинал Семен Денисов одно из слов, посвященных брату Андрею.² В другом же он писал: «Не бо еллинския басни, не душевредныя кошуны <...> нашего христианскаго ликования позорище объявляет, но предивных небесных и спасительных красований всечюдная зрения показывает»³). Старообрядцы, по их собственным словам, следовали «древним предобрым обычаям» православных обителей.⁴

Новые источники позволяют утверждать, что день тезоименитства настоятеля⁵ отмечался всей пустынью, праздник был общим: все насельники

¹ В знаменитый указатель В Г Дружинина вошло лишь 5 слов на тезоименитство Андрея и Семена Денисовых (см Дружинин В Г Писания русских старообрядцев СПб, 1912 С 128, № 184, 185, 186, С 159, № 106, С 229, № 8) и несколько поздравительных вирш

² РГБ, Собр Егорова (ф 98), № 425, л 8

³ Там же, л 13 об

⁴ Там же, № 682, л 94 об —95

⁵ Андрей Денисов был наречен в честь Андрея Стратилата (19 августа), Семен Денисов — Симеона Столпника (24 мая), Даниил Викулин — пророка Даниила (17 декабря), Иван Филиппов — Иоанна Златоуста (30 января), Мануил Петров — мученика Мануила (17 июня), Даниил Матвеев — Даниила Столпника (11 декабря), Поликарп Яковлев — священномученика Поликарпа, епископа Смирнского (23 февраля), Федор Петров Бабушкин — Федора Стратилата (8 февраля) Некоторые выговские наставники при старообрядческом перекрещивании получили новые имена Трифон Петров — в честь Иоанна Предтечи (24 июня), Никифор Семенов — нового мученика Иоанна (14 апреля), Гавриил Семенов — пророка Илии (20 июля), Алексей Тимофеев Киселев — пророка Иереми (1 мая), Андрей Борисов — преподобного Федора Трихины (20 апреля), Кирилл Михайлов — евангелиста Матфея (16 ноября) По всей видимости, в ряде случаев дни тезоименитства при жизни отмечались и по первому крещению Так дает основания полагать поздравительное слово Андрею Борисову, которым жителя Чаженского скита приветствовали именинника «Здравствуй, милостивый отче, здравствуй в год новый,

«радовались сердцем» и «веселились духом».⁶ Так, Трифон Петров в поздравительной речи Семену Денисову отмечал, что день тезоименитства наставника «радость всеобщую нам сопринесе, веселие и ликование всебратственное сопривлече, стечение и совокупление всецерковное присовокупи, в онже все радуемся и веселимся, благодаряще Господа, яко здрава, благополучна и всеблагоизрядна в настоящий день представи».⁷ Тезоименитство, как упоминал Григорий Яковлев, праздновалось «с трезвоном, молебствованием крылошан и молением всенародным».⁸

Начиналось торжество со службы святому — небесному покровителю именинника. «Понеже настоящего ныне февраля 8-го числа, — писали лексинские насельники в своем поздравлении Федору Петрову Бабушкину в 1836 г., — настоит светлооблистательное торжество великаго в мученицех Феодора Стратилата, сего ради спраздновахом ему во псалмах и песнях духовных, ныне же произшествия ради тезоименитства <...> милостивейшаго нашего государя Феодора Петровича во всерадостное торжество рождения его предстоящи сообщники удостоенныя здесь совокупно предстоят и видят ангелозрачное подобличие...».⁹

Далее следовал соборный молебен за здравие именинника.¹⁰ «Стецгытесь во общественныя молитвенныя храмы, принесите усердную молитву всевышнему Творцу, молящися за труды полагаемья нашего предводителя, вопиюще за продолжительное здравие на множайшыя лета усерднаго нашего пастыря, зывающе за благоустроение и окормление правительствующее всего выголексинскаго корабля».¹¹

Молебен за здравие именинника пелся не только в мужском Богоявленском общежительстве, но также в других часовнях и скитах суземка: «Все же купно, стари и средовечни и болничнии сироты, в молитвенных храмах с сердечным усердием глас песней всюду воспеваем...» (Слово на тезоименитство Ф. П. Бабушкина 7 февраля 1840 г.).¹² В поздравительном слове Андрею Борисову жители Чаженги писали: «Мы же ныне, в премножестве собрания своего годищную круготечность в настоящий день преминуше, вси слученя различных недовольностей, годом бывающих, отлагаем и велегласно радость премногую повсюду днесь возглашаем, вину бо и течение нашего веселия обретохом — отеческое твое дражайшее тезоименитство..».¹³

здравствуй, великомученику Андрею тезоименитый и нашему всепревозлюбленному киновиархови (имеется в виду Андрей Денисов — Е Ю) соименный Сих бо днесь сочетовающе память и, прилично ону совершивше, трегубную дня сего пресветлость приобретаем» (РГБ, собр Барсова, № 415 3, л 1 об) В то же время дни памяти, отмечавшиеся после смерти наставников, приходились (без исключений) на дни тезоименитства по второму, старообрядческому крещению (см., например, составленную на Выгу в начале XIX в роспись панихидам — РГБ, собр Барсова, № 932)

⁶ РГБ, собр Братства св Петра митрополита (ф 579), № 17, л 94

⁷ РНБ, О XVII 50, л 463 об

⁸ Яковлев Г Извещение праведное о расколе беспоповщины // Братское слово 1888 № 6 С 410

⁹ РГБ, собр Барсова (ф 17), № 434 5, л 1

¹⁰ Согласно выговскому уставу, молебен (главным образом празднуемому святому) пелся перед часами (см Круг вселетного богослужения Поморского Выгорецкого монастыря Саратов, 1913 Л 17 об —18, 19 Молебен «ради тезоименитства» в некоторых случаях мог петься и после вечерни, указание на это находим в «Выговском летописце» под 1780 г, когда во время такого молебна в честь Семена Петрова упало и рассыпалось большое паникадило (Братское слово 1880 № 10 С 800)

¹¹ РГБ, собр Барсова, № 54, л 22 (Тимофей Андреев Поздравительное слово Андрею Борисову)

¹² БАН, архив В Г Дружинина (архив Ф П Бабушкина) Приношу искреннюю благодарность Н Ю Бубнову и Ф В Панченко за указание на документы этого архива и разрешение с ними ознакомиться

¹³ БАН, архив В Г Дружинина (архив Ф П Бабушкина), № 415 3, л 1

Так же в день тезоименитства настоятеля Архиппа Дементьевича собрались на молебен насельники Лексинской обители. «В тезоименитство ваше совокупившися, — писали они имениннику, — всеобще мы, выголексинския сироты, всерадостне Господа нашего прославляем».¹⁴ Позднее, в XIX в. в праздновании именин Ф. П. Бабушкина участвовали и женщины: «Сего ради ныне мы, всепоследнии сироты лексенския ограды, притекше к вам, великому патеру, яко высокому покровителю сирот...»;¹⁵ или: «Дерзнувше притещи пред праги светлейших ваших чертогов...».¹⁶

За молебном следовали поздравления: «...по таковом убо молитвоприношении <...> благодарность и поздравление тезоименитства возгласим всех честнейшему отцу».¹⁷ Поздравления общежителей начинались с зачитания и поднесения написанных по этому случаю слов и вириш. Сохранилось несколько подобных подносных листов, выполненных изящным поморским полууставом на отдельных листах размером в 1°, украшенных золотом, вишнетками и инициалами.¹⁸

После общих поздравлений, вполне возможно, шли частные. «Кто не подвижется всежелателно на радость, кто не притечет на всеусердное поздравление, кая уста не отверзутся на вседолжная благодарения вашему всемилостивому отечеству?»¹⁹ — за этими риторическими восклицаниями Семени Денисова в слове, написанном по случаю тезоименитства Андрея Денисова, можно увидеть и реальную картину общебратского праздника.

Вполне возможно, что после всех поздравлений именинник выступал с ответными словами благодарности, особо подчеркивая свое «убожество» и незаслуженность столь высоких похвал. Андрей Денисов, бывший в день своего тезоименитства в отъезде по делам пустыни, получил письменные поздравления и ответил на них «Посланием к приветствовавшим». «Что сотворю толикими предобръми одолжении преизобилно мя одолжившим, толикими молитвенными обогащения всебогатно одарившим мое поубожие (следовательно, соборные молебны за здравие именинника пелись в его отсутствие. — *Е Ю*), тако всежелательными приветствиями поздравляющим мое недостойнство? — начинал свое послание Андрей Денисов. — <...> Что убо содею тако день непотребнаго нашего кругообращения многомолитвенно украшающим?».²⁰ Завершается письмо смиренным благодарением: «Прочее малыми простословии за краткочасие многосуетнаго времени краткими литеросложении благодарственная воспосылаю, малыми за великия, убогими за богатыя воздающе. Благодарствую прилежность молитвенаго тцания, еже показасте. Благодарствую всеусердное молеб приношение, еже сотвористе. Благодарствую всежелательная молитворуковоздевания, еже возносисте, яко день мой, аще смею моим нареши, молитвами украсисте, молеными просветисте, песнословии позлатисте и всеми лепотами ублаголепотствовасте, за что всеблагодарственными благодарении всеблагодарственно благодарствую и, на предняя молитв и усердных богоприношений ваших желая, честному вашему и боголюбезному сочленению премножественно поклоняюся».²¹

¹⁴ РГБ, собр Братства св Петра митрополита, № 17 л 52

¹⁵ РГБ, собр Барсова, № 434 5, л 1

¹⁶ БАН, архив В Г Дружинина (архив Ф П Бабушкина)

¹⁷ РГБ, собр Барсова, № 54, л 22—22 об

¹⁸ Там же, № 388, л 123—125 (Слово на тезоименитство Андрея Борисова от Софьи Даниловой, Евдокии Артемьевой «с прочими»), № 81 17 («Эпиграмма» Андрея Ивановича Крылова на день тезоименитства Андрея Борисова) В подносных экземплярах известно 5 слов Ф П Бабушкину Там же, № 434 5 (1836 г.), 1199, 931 2, а также 2 слова, хранящихся в архиве В Г Дружинина (БАН)

¹⁹ РГБ, собр Егорова, № 682 л 95

²⁰ Там же № 1954 л 178 об—179 (см Дружинин В Г Писания С 469)

²¹ РГБ, собр Егорова, № 1954, л 179—179 об

Как явствует из сохранившегося выговского литературного наследия, жанр поздравительного слова был широко распространен на Выгу. Становление этой традиции следует отнести к 20-м гг. XVIII в., когда трудами первооснователей закладывались основы духовной жизни пустыни. Андрей Денисов, киновиарх этих лет, снискал исключительное внимание панегиристов: ему было посвящено 8 слов, 4 из которых принадлежат перу его брата Семена. Гораздо меньше сохранилось слов (по одному-два) с поздравлениями сподвижникам и ученикам Андрея — Даниилу Викулину, Семену Денисову, Трифону Петрову, Мануилу Петрову и Даниилу Матвееву. Тем не менее традиция вновь пышно расцвела при следующем поколении выговских наставников: сохранилось 5 слов, посвященных Андрею Борисову, и 6 — Ф. П. Бабушкину. Можно заметить, что в написании поздравительных панегириков подвизались многие выговские писатели: Андрей и Семен Денисовы, Трифон Петров, Даниил Матвеев, Василий Данилов Шапошников, Козма Иванов, Тимофей Андреев; известны также литературные опыты «лексинских сирот».

Из общего анализа произведений данного жанра очевидно, что традиция торжественного празднования дней тезоименитства наставников продолжала жить и питать творчество выговских писателей на протяжении всей истории пустыни. Эти торжества были своего рода официальными праздниками старообрядческого общежития. Как ранее церковью отмечались дни тезоименитства здравствующих царей и патриархов (в новообрядческой церкви это были так называемые «табельные дни»), так Выг приносил поздравления и молил Бога о здравии и долголетье своих наставников. Официальный характер выговских торжеств подтверждается также тем, что все поздравительные слова (не только датированные, но, судя по содержанию, и все остальные) обращены к выговским отцам именно в период их киновиаршества. Не составляют исключения и панегирики Даниилу Викулину, Трифону Петрову и Даниилу Матвееву, которые в силу своего непрекаемого авторитета осуществляли духовное руководство пустыней.

Поздравительные слова, как и предписывалось учебниками риторики, состояли из трех традиционных частей. Во вступлении кратко излагалась «вина» «слова сего», заключение содержало пространные пожелания здравия и благополучия. В основной части слова перечислялись добродетели настоятеля и его многочисленные заслуги перед общежитием. Как правило, в этой части слова, сильно формализованной, выговское «плетение словес» достигало наивысшей степени, хотя авторы слов непременно подчеркивали «убогость» своего сочинения: «Праздньственная, торжественная и ликовательная грубосложная немотования от убогих сокровищ вашему всебогатому учительству любезне приношаем», — писал Андрею Денисову не менее знаменитый на литературном поприще Семен Денисов.²²

Восхваление и прославление адресата предопределялось законами данного жанра, особенно популярного в литературе барокко. И все же можно заметить, что на Выгу наибольшего числа панегириков удостоились люди, более всего их заслужившие, — Андрей Денисов (годы киновиаршества — 1702—1730), которому общежитием обязано своим становлением и расцветом, Андрей Борисов (1780—1791), возродивший традиции духовной жизни пустыни после некоторого их упадка, и Ф. П. Бабушкин (1830—1842), при котором Выг мужественно и терпеливо переносил удары судьбы, являвшиеся следствием правительственной политики «искоренения раскола».

Пышность похвалы, порою чрезмерная, оправдывалась высокими назидательными целями, стоявшими перед авторами поздравительных слов. Об

²² Там же № 425 л 9 об

этом прямо говорится в слове на тезоименитство Даниила Викулина: «Но, о отче честнейший и полезнейший, мы, твоя богохранимая паствы смиреннейшии овцы, твоего богоумудремаго руководства покорнии раби, тебе, нашему пастырю, словесныя сия исплетаем хвалы, не яко тебе, кроткому, от нас таковых требующу (весть бо смиренномудрых нрав похвалных не искати), но понеже нам ведущым, каковая полезная от сих происходит и люди благонравныя на веселие и радость скланяют, по писанному у премудраго: „Похваленом бывающим праведным возвеселятся людие“. Сего ради сия тщимся приносить поздравления. Ты же не отрини, но усердно приими, якоже и Христос вдовья две лепты».²³

В словах 20—30-х гг. XVIII в. за обширными панегириками уже проглядывает собирательный образ выговского наставника: «вселобезнейшего отца чадом», мужественного защитника древлего благочестия, устроителя церковного благочиния, учителя паствы, подающего пример добродетельной и целомудренной жизни. В потоке славословий почти нет места упоминанию реальных фактов, поэтому в произведениях данного жанра не приходится искать биографических сведений об адресатах. По той же причине невозможна и точная датировка большинства слов. Исключение составляет слово, поднесенное Андрею Денисову в 1728 или 1729 г., после сильнейших пожаров на Лексе и Коровьем дворе в мае 1727 г. По горящим следам событий Семен Денисов описывает неустанные труды киновиарха по ликвидации последствий пожаров.²⁴

В связи с чрезвычайной скудостью источников о деятельности последних выговских наставников некоторые поздравительные слова, им посвященные, могут представлять определенный интерес. Конкретные сведения об обширных знаниях и эрудиции Андрея Борисова содержатся в слове Тимофея Андреева, по словам которого, Андрей Борисов «украши свое всерасное жителство якоже прочитанием глубочайших божественных писаний, тако последованием высочайших свободных наук. Коего не сокрышася грамматического правила, не потаися пиитическое словоплетение, не утече пространное риторическое позлащение. Не непричастен же и прочих многих учительных наставлений, якоже вещепознательныя всепремудрыя философии, такоже и глубокомысленныя и высокословныя феологии».²⁵ Неустанные труды на благо пустыни выговского наставника бывшего кузнеца Архиппа Дементьевича прославляли в поднесенном ему в 1808 г. поздравительном слове «выголехские сироты»: «...вами сие богонаселенное отеческое место к шестидесяти и вящше летом украшается, вашими отеческими трудами, ово до пастырского вашего предводительства тяжкими вашими работами, ово же для братского пропитания отъездными придобытия и ово паче неограниченными трудопастырственными всебдительными потщаниями...».²⁶

Почти нет свидетельств того, как воспринимали выговские наставники произносимые в их честь славословия. Некоторый свет на это проливает обнаруженный в фонде Е. В. Барсова интереснейший документ — относящееся к концу 80-х гг. XVIII в. «Благодарное возответствие за произносимыя приветствия» Андрея Борисова.²⁷

²³ РГБ, собр. Барсова, № 145, л. 99.

²⁴ РГБ, собр. Егорова, № 682, л. 91—93.

²⁵ РГБ, собр. Барсова, № 54, л. 22.

²⁶ РГБ, собр. Братства св. Петра митрополита, № 17, л. 51 об.

²⁷ РГБ, собр. Барсова, № 434.7, 1°, 2 л. Текст, содержащий правку самого автора, переписан рукой одной из ближайших его сотрудниц, скрывающейся под инициалами Е. А. (см. е письмо к Андрею Борисову 1788 г. — РГБ, собр. Братства св. Петра митрополита, № 17, л. 1—2). Этим же почерком переписано еще одно сочинение Андрея Борисова (РГБ, собр. Барсова № 81 16).

«Весма должно бы мне в сие время, — обращался выговский наставник к поздравляющей его пастве, — или отсколь отлучиться, или, пребывши здесь, заткнуть воском от похвал ваших ушеси мои и сомжить очи мои от сияющего во оных злата вашего, ибо происходимой случай не соответствует нисколько ни делам, ни словесам, ни помышлениям моим. И естли б я не уверен был в истинной простоте вашей, то б совершенно все производимое от вас в похвалу ныне мне по вас зачел за сущую риторскую иронию, то есть за ласкательное ми ваше посмеяние».²⁸ Андрей Борисов призывает возносить «всю честь и славу» не ему, грешному человеку, но Богу, благодаря помощи которого Выг в прямом смысле восстает из пепла (после страшных пожаров лета 1787 г.). К Богу же обращается и сам настоятель с просьбой «соблюсти» его «в час сей от <...> пустаго тщеславия и гордостнаго безумия» и простить «произносящим же в простоте сердечной мне, смертному, излишняя сии похвалы».²⁹

В то же время Андрей Борисов как настоятель испытывал радость и благодарность своей пастве: «...зря ваше благоговейное предстояние и учтливое ми общее ваше приветствие, умиляюсь духовно и радуюсь душевно, что не втуне аз посильняя мои труды о вас производил и произвожду, аще точию они могут нарецися трудами дельными, а не поделием. <...> И тако благодаря его, моего Создателя, что определена им жизнь моя посреде людей благодарных, ученых и благодарных. А посем предьявляю и вам всем должную мою благодарность за вси ваши мне произведенныя в витийственном красотословии и в златых написаних пребогатя почтительности».³⁰ В Андрее Борисове говорил писатель, польщенный литературными успехами своих учеников: «В конец же сего извещаю вам и о сем, что справедливо еще тяжких ми ваших похвал отревати не попускает врожденная почти сказать моя любовь к словесному лобомудрию, которое весма желательно мне здесь распространить в жительствующих умах и устах, то сего-то ради много весма и претерпеваю разных противностей, происходящих от разных голов и умов».³¹ Заключает же свое «Возответствие» Андрей Борисов указанием на благотворность почитания наставников: «Когда же вы самим Богом уставленное в человецех чиновначалие тако предпочитаете и чествуете, убо и начальнии и подначальнии ваши самех вас равно толико же имут предпочитати и чествовати в славу и честь всепремудраго сего законоположителя».³²

Для Древней Руси почитание настоятелей монастырей и духовных наставников было глубоко традиционным; в Выговской пустыни эта традиция продолжала жить и, получив собственное содержание, стала одной из существенных сторон духовной жизни старообрядческой обители. Торжественно отмечая дни тезоименитства своих наставников, выговцы осознавали себя единой семьей и, восхваляя заслуги своего киновиарха, чувствовали и свою ответственность за сохранение древлего благочестия. За пышным витийством выговских поздравительных слов, вполне укладывающихся в рамки «помпезного и официального» стиля барокко,³³ все же можно увидеть искренние чувства почтения и любви к своим пастырям и учителям. Особенно это ощущается в поздних сочинениях, где выражения этикетного характера все чаще уступают место высказываниям простодушным и бесхитростным и где приветствующие все чаще, обращаясь к имениннику, говорят о себе — «дети твои».

²⁸ РГБ, собр Барсова, № 434 7, л 1

²⁹ Там же, л 1 об

³⁰ Там же, л 2 Упоминание Андрея Борисова о «сняющем злате» похвал и «златых писаниях» подтверждает высказанное выше предположение, что поздравительные слова выполнялись в виде подносных листов, столь же богато орнаментированных, как и рукописные книги выговского скриггория

³¹ РГБ, собр Барсова, № 434 7, л 2

³² Там же, л 2 об

³³ Лихачев Д С Развитие русской литературы X—XVII веков Л, 1973 С 205

Б. Н. ПУТИЛОВ

Сказители русского Севера: к проблеме отношений «ученик» — «учитель»

Эпический певец-сказитель¹ становится в наши дни одной из ключевых тем мирового эпосоведения. К сожалению, со значительным запозданием: ведь во многих регионах очаги живой эпической традиции либо угасли, либо близки к полному угасанию; самый феномен эпического певца — слагателя, хранителя, исполнителя этой традиции необратимо становится явлением истории. Горький парадокс: именно в последние десятилетия наука не просто осознала всю значимость проблем, связанных со сказительством, но и предложила обширную исследовательскую программу, разработала подробную методику работы, вооружилась необходимой техникой, но... круг возможностей применения этой программы и современных методов сужается на глазах, желанный объект изучения перестает существовать.

Сказанное в полной мере относится к сказителям былин: на наших глазах живая сказительская культура исчезла вместе с последними ее носителями — «старинщиками» Карелии, Печоры, Зимнего Берега, Мезени, Пинеги...

Между тем именно в этих местах зародился и получил размах пристальный интерес фольклористов не просто к былинам как великому наследию народа, но и к тем, кто их хранил, передавал, сберегал для многих поколений. Именно так называемая «русская школа» фольклористики обратилась к изучению сказителей как особого класса фольклорных мастеров, не говоря уже о том, что собиратели былин оставили нам множество сведений об их биографиях, психологических и бытовых зарисовках, характеристик и проч. Десятки и сотни сказительских портретов сопровождают научные публикации текстов. Монографии и статьи выдающихся ученых посвящены анализу творчества сказителей, выяснению их личного вклада в былины, особенностей их мастерства.

Безусловным достижением «русской школы» было то, что она установила и на обширном материале показала *творческий характер* сказительства, который проявлялся в разнообразных формах. Заслуги «русской школы» безусловны. Но мы теперь видим и ее недоработки, упущения, преувеличения некоторых положений. Скажу здесь лишь о двух моментах. Первый — это беглость наблюдений в ходе полевой работы с певцами: собиратели ограничивались чаще всего краткими ответами, удовлетворялись поверхностной информацией;

¹ Термин «сказитель» вошел в употребление, применительно к былинным певцам, в России в 60—70-е гг. прошлого столетия. В российской науке он постепенно распространился и на певцов других этнических культур, а в наши дни стал термином типовым, относящимся к певцу эпоса — ср. перевод названия книги А. Лорда «The Singer of Tales» (1960) одним словом «Сказитель» (М., 1984).

в частности и в особенности это касалось вопросов, связанных с обучением певцов, их отношений со своими «учителями», техники усвоения новых текстов. Второй — это преимущественное внимание к *содержательной* стороне былин. Сравнительный анализ текстов «учеников» и «учителей», вариантов, записанных от разных певцов или от одного и того же певца, касался в основном сюжетики, мотивов, характеристик персонажей, «типических мест», употребления тропов и т. д. Отсюда — специфичность выводов относительно «личного» вклада того или другого певца в былинную традицию — преувеличение или, напротив, преуменьшение личного начала, степени изменений в текстах и т. д.²

Среди вопросов, которые особенно занимают современное эпосоведение, едва ли не первостепенный интерес представляют следующие: как происходила передача эпического знания от одного поколения певцов к другому (от «учителей» к «ученикам»)? Каким образом «ученики» усваивали немалое число крупных по объему произведений и как хранили их в своей памяти? Что представляли собою акты устного исполнения, т. е. воспроизведения известных певцу текстов?

«Русская школа» сосредоточилась преимущественно на выявлении и анализе разнообразных изменений, которым подвергались тексты в устах «учеников»; в зависимости от характера изменений определялись типы сказителей. Повторяю — выводы (подчас имевшие принципиальный характер для понимания сказительства вообще) делались на основе содержательных элементов, с некоторым «литературоведческим» уклоном в отношении к «творчеству» певцов, нередко — без проникновения в глубинную специфику сказительства как особого художественного феномена.

Этот недостаток стал очевидным после того, как широкую известность приобрели результаты полевой работы и последующих кабинетных исследований американских ученых М. Пэрри и А. Лорда. Принципиально новым в их полевой работе была установка на широкий, хорошо продуманный и технически подготовленный эксперимент, в ходе которого предусматривались подробные интервью с певцами (гуслеями Югославии), повторные записи, выявление «учителей» и «учеников» и записи одних и тех же песен от них и т. д. Материалы экспедиций частично опубликованы в серии изданий.³ М. Пэрри и А. Лорд отмечали, что в своем замысле они отталкивались от опыта российских ученых XIX в. (к сожалению, опыт советских ученых им был почти неизвестен). Но они пошли значительно дальше. Книга А. Лорда открыла в сказительском творчестве некоторые весьма существенные стороны, без понимания которых само это творчество оставалось во многом загадкой. Нельзя сказать, чтобы «русская школа» вовсе не замечала их, но она не сосредоточивала на них должного внимания, не углублялась в их рассмотрение. К тому же в советское время изучению сказительства повредила «идеологизация» подходов к сказителю как творческой личности. В центре внимания А. Лорда стала проблема: воспроизведение певцом песни в процессе ее исполнения и факторы, обеспечивающие этот процесс. Его наблюдения и выводы, сделанные первоначально на материалах югославских гуслеаров, получили затем подтверждение и на материалах эпической традиции других регионов.⁴ Коротко

² См., например Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере Петрозаводск, 1948, Чичеров В. И. Школы сказителей Заонежья М., 1982. Некоторые итоги работы ученых «русской школы» подведены в книге Астахова А. М. Былины. Итоги и проблемы изучения М. Л., 1966.

³ Характеристику полевой работы американских ученых и библиографию публикаций см в «Послесловии» к изданию книги А. Лорда «Сказитель», написанном автором этих строк.

⁴ На Западе сложилась школа А. Лорда. См., например, серийное изд. Oral Tradition Slavica Publishers, Ohio С 1986 г. вышло 17 выпусков с теоретическими статьями и материалами, относящимися к самым различным этническим традициям.

и слишком общо говоря, его теория сводится к тезису «Composition in Performance» (т. е. воссоздание в процессе исполнения) и пониманию решающего значения формульности в искусстве сказителя.⁵

Несомненно, что идеи М. Пэрри — А. Лорда дали стимул новым подходам и к исследованию былинных сказителей. Сейчас уже накопилась некоторая литература, свидетельствующая о плодотворности новых подходов и о правомерности применения идей американской школы к изучению сказителей русского Севера. В то же время работы эти возбуждают новые вопросы.⁶ Во всяком случае, можно говорить о некоторых закономерностях, связанных с проблемой отношения «ученика» и «учителя», как они сложились в русской былинной традиции.

Русский Север — в отличие от Средней Азии и некоторых регионов Сибири — не знал строго канонизированных приемов обучения сказительскому искусству через «школу», профессиональные и полупрофессиональные каналы. Обучение, а точнее сказать, овладение былинным знанием проходило внутри эпической среды (часто такой микросредой оказывалась семья) — по существу стихийно, во многом бессознательно. Это был естественный, незаметный для глаз процесс вхождения в эпический мир — с его сюжетикой, типовыми персонажами, набором локусов и предметов, с кругом представлений о природе, о людях и об истории, процесс усвоения эпического языка — с его словарем, грамматикой, формульностью, наконец, — процесс овладения искусством (и техникой) сказывания, т. е. самостоятельного пропевания больших текстов и свободным варьированием их по ходу исполнения.

Так складывалось эпическое знание — основа сказительского искусства. Способность реализовать это знание в реальный текст обуславливалась в значительной степени владением формульным языком. М. Пэрри и А. Лорду принадлежит важное для эпосоведения положение о формулах — не просто наборе «типических мест» и «выражений», которые употребимы в разных случаях, но «группах слов, которые регулярно применяются в одних и тех же метрических условиях для выражения данной существенной идеи».⁷ Другими словами, формульность эпического языка была поставлена в прямую связь с живым процессом воспроизведения эпического текста. Певец должен был владеть формульным языком, чтобы всякий раз пропевать былинку, а не просто для того, чтобы уметь передавать ее содержание. Как показали исследования последних лет, сказители владели этим искусством, умея вовремя найти подходящую формулу и придать ей нужное метрическое состояние. Понятие формулы было распространено на обширный круг традиционных эпических выражений — от больших тирад до двух-трех слов, имени персонажа или названия города. Кроме того, сказители могли превращать в формулы, т. е. придавать значение и использовать в определенных метрических условиях, словосочетания из обычной речи.⁸

⁵ Подробнее об этом см. в названном выше «Послесловии», а также в статье Путилов Б. Н. Школа Пэрри—Лорда в мировом эпосоведении // Живая старина Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре 1994 № 2

⁶ См., например Путилов Б. Н. Искусство былинного певца (из текстологических наблюдений над былинами) // Принципы текстологического изучения фольклора М., Л., 1966 С. 220—259, Черняева Н. Г. 1) К исследованию типологии искусства былинного сказителя // Сов. этнография 1976 № 5 С. 26—35, 2) «Обучение» севернорусского былинного сказителя как типологическая проблема // Вопросы поэтики литературы и фольклора Воронеж, 1976 С. 21—33, 3) Опыт изучения эпической памяти (на материале былин) // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР Поэтика и стилистика М., 1980 С. 101—134, Русские эпические песни Карелии / Изд. подгот. Н. Г. Черняева Петрозаводск, 1981, Гацак В. М. 1) Эпический певец и его текст // Текстологическое изучение эпоса М., 1971 С. 7—46, 2) Устная эпическая традиция во времени Историческое исследование поэтики М., 1989

⁷ Lord A. The Singer of Tales P. 4

⁸ Путилов Б. Н. Искусство былинного певца С. 232—242

В отношении к былинным сказителям оказалось справедливым и другое важное наблюдение М. Пэрри и А. Лорда: они, как правило, никогда не повторяли свои былины слово в слово, стих в стих. Российские ученые, собственно, вплотную подошли к такому же заключению, но все-таки не сделали окончательного вывода, так как, снова повторю, главное внимание уделяли содержательной стороне текстов. Конечно, большинство сказителей при новых исполнениях могло и не вносить каких-то перемен в изложение сюжета и отдельных эпизодов, следуя усвоенному содержанию. Но все равно — вновь исполненный текст не был простым и буквальным повторением прежних, а был как бы воссоздан заново. К этому выводу мы приходим на основании теперь уже довольно многочисленных и, главное, детальных, стих за стихом, слово за словом — сравнений вариантов одной и той же былины, записанных в разное время от одного и того же певца. Приходится пожалеть, что такие записи делались чаще всего случайно, а не целенаправленно, в порядке эксперимента, как это делали по своей программе М. Пэрри и А. Лорд. Можно на множестве примеров увидеть, как сказитель по-иному воспроизводит отдельные стихи и блоки, меняя их «грамматику», варьируя конкретное исполнение. Очевидно, что мы имеем дело с особой техникой исполнения, ничем не напоминающего, скажем, исполнение арии оперным артистом. Сказитель каждый раз должен словно бы заново выстроить длинный ряд былинных стихов, не пропуская и не меняя содержания. Этот процесс осуществляется с помощью текущих один за другим, цепляющихся за предыдущие и порождающих последующие формульных стихов. При этом могут происходить «сбои», что-то пропускается, что-то вставляется из того, что было пропущено прежде. Сам сказитель словно бы не замечает этой текущей работы, не видит изменений в стихах, поскольку главное содержание не претерпевает изменений. Отсюда — постоянные уверения певцов, что они поют, как их «учителя», как «надо», не допуская нарушений традиции.

Этот процесс и соответствует формуле А. Лорда: «Composition in Performance». Слово «Composition» может ввести в заблуждение. Конечно же, А. Лорд (и его учитель М. Пэрри) имел в виду не «сочинение» в общепринятом смысле слова, а «воссоздание», «воспроизведение», но обязательно — не передачу заученного наизусть. А. Лорд вообще отказывал певцам, склонным к тому, чтобы заучивать чужой текст, в праве называться сказителем, т. е. эпическим певцом. Такие исполнители могли встречаться и на русском Севере, но не они определяют тип севернорусского былинного сказителя.

Мы должны согласиться с тем, что любой сказительский текст — это вариант не только по отношению к текстам других певцов, но и по отношению к предшествующим и последующим текстам данного певца. Степень вариативности, конечно, разнится. На это обратила внимание в свое время А. М. Астахова, выделив среди известных русской науке сказителей тип импровизатора.⁹ Справедливо будет к этому типу относить тех, кто меняет так или иначе содержание текста, вносит новые оттенки в его композицию, меняет характеристики персонажей и проч., хотя, конечно же, импровизаторами их можно называть условно, поскольку действительно нового для эпоса они не вносят или вносят очень немного.

Все сказанное имеет самое непосредственное отношение к проблеме взаимоотношений «ученика» и «учителя», к вопросу о том, в частности, как

⁹ Былины Севера Т. I Мезень и Печора / Записи, вступ. статья и коммент. А. М. Астаховой М., Л., 1937 С. 82

«ученик» усваивает былинку и что он делает с нею в собственной исполнительской практике.

Прежде всего очевидно, что отсутствие постоянного, раз навсегда затвержденного текста — это универсальное качество сказительства, и им обладали те «учителя», от которых перенимали былины младшие поколения. Будущий сказитель формировался и вырастал в условиях не заучивания текстов (как он мог их заучить, если всякий раз слышал их по-другому?), а овладения искусством «воссоздания» в процессе исполнения, т. е. искусством варьирования, способности оперировать формулами не как застывшими сочетаниями, но как живыми единицами стиха. Это отнюдь не мешало ему вместе с тем впитывать понятие стабильности эпического содержания и эпической грамматики.

К счастью, собиратели эпоса оставили нам некоторое количество ценнейшего материала в виде записей, сделанных от «учеников» и «учителей». Здесь необходимы некоторые оговорки. Прежде всего, само понятие «учитель» относительно. Хотя сказители часто указывали, от кого именно они «поняли» былины, эти указания не всегда точны. К тому же надо иметь в виду, что в условиях живой эпической среды будущий сказитель не мог ограничиться одним или даже двумя «учителями», он слышал, конечно же, многих. Все-таки в ряде случаев признания певцов подтверждаются сравнением текстов, и здесь можно говорить о прямой преемственности. Другая оговорка касается качества записей. Например, очень трудно сравнивать на микроуровне тексты «учителя», записанные П. Н. Рыбниковым, — без соблюдения требований абсолютной точности, с записями от «учеников», сделанными экспедицией 1925—1926 гг. Приходится более или менее строго отбирать материал. И еще одно: к сожалению, мы редко располагаем несколькими записями от «учителя» и соответственно «от ученика». Чаще приходится сравнивать записи, сделанные однажды.

Все же, учитывая эти обстоятельства, можно рассчитывать на более или менее надежные наблюдения и выводы.

В работах последних лет (см. сноску 6) предложено несколько методических приемов, направленных на самые скрупулезные сопоставления текстов и на обнаружение в них общего и различного. Каждый из этих приемов имеет свои преимущества. Важно, что сопоставления, проводимые на их основе, не упускают деталей, охватывают всю совокупность текстовых факторов, позволяют представить наглядную картину.

Сопоставлялись тексты «учеников» и «учителей», находившихся в разного типа отношениях между собою: былины, передававшиеся из поколения в поколение в пределах семейной традиции (знаменитая династия Рябиных, Крюковы и др.), от отца к сыну, от матери к сыну, от сказителей к сказителям одной деревни или разных районов проживания и т. д.

Один из существенных выводов, какие можно сделать на основании сопоставлений, состоит в том, что «ученики», как правило, сохраняют сюжетные версии и редакции своих «учителей». Лишь небольшая часть их склонна к самостоятельным контаминациям и переменам в сюжетах, подсказываемым знанием других редакций. Именно к ним может быть с некоторыми оговорками применен термин «импровизаторы».

Другое дело, что певцы могут в рамках основной, усвоенной, версии вносить отдельные мотивы или эпизоды, которые они слышали от других певцов. Такие вставки не меняют основы текста. Но они свидетельствуют об относительно свободном обращении сказителя с известной ему традицией.

Изложение — вот та сфера, где разница между текстами «учеников» и «учителей» наиболее очевидна. Это касается, во-первых, полноты изложе-

ния. И в тех, и в других мы находим пропуски, сокращения, упущенные эпизоды или мелочи. Во многих случаях можно полагать, что если, скажем, в тексте «ученика» есть стихи, формулы, которых нет в тексте «учителя», но они как бы напрашиваются, то первый текст просто восполняет пропуск, допущенный «учителем» в данном исполнении, а не является какой-то новацией по отношению к последнему. Это наше наблюдение важно — оно должно предостеречь от поспешных выводов относительно степени переработки «учеником» версии «учителя». Если же, напротив, текст «учителя» содержит подробности, отсутствующие у «ученика», это нельзя сразу же относить к недостаткам усвоения последним: допущенные пробелы принадлежат данному исполнению и могут быть восполнены в следующий раз. Можно было бы привести многочисленные примеры возможных взаимных восполнений в текстах «ученика» и «учителя».

Более показательными для характеристики отношений между ними я считаю совпадения, разную степень близости или расхождений в стихах, т. е. в изложении былины на микроуровне. Именно здесь — в умении построить стих, пропеть его (т. е. соотносить стих с мелодическим отрезком), связать переходы от стиха к стиху, от блока к блоку, к месту употребить соответствующую формулу и наполнить ее поэтической материей — проявляется искусство эпического певца. Есть сказители, которые до минимума доводят варьирование в стихах и формулах: таковы потомки Г. Т. Рябинина (хотя и они вовсе не заученно повторяют тексты). Другая ступень — когда варьирование в значительной степени идет в рамках воспринятых структур. Для примера сошлюсь на тексты И. М. Калитина¹⁰ и его матери, И. Д. Калитиной.¹¹ В былине «Илья Муромец и сын» (около 150 стихов) 40, т. е. немногим более 25%, можно считать совпадающими, стихов с разночтениями в одно-два слова — примерно 30, т. е. 20%. Эти 30 — показатель того, что сын помнил стихи матери, но все-таки пропевал их несколько по-своему. Не буду здесь касаться пассажей, которых у матери вообще нет, а укажу на разночтения в параллельных стихах. У матери: «Да кинал палку вверх под облаки»; у сына: «Да и палицу мечет под облаки, Да за тую, палицу, подхватывают»; у матери: «Да ой же удалой доброй молодец!»; у сына: «Да ой же ты богатырь ты неверные!»; у матери: «Да стрепенулся Илья да под богатырем, Да ушиб-то богатыря во чисто поле»; у сына: «И встрепенулся Илья да под богатырем, Уфатил богатыря за желты кудри, Ушиб богатыря под облаки, Назад-то богатыря подхватывал».

В трех из приведенных случаев формулы дополнены и стихи параллельные не вполне совпадают, а то и вообще различаются. Случаев «дополнения», «распространения» далее еще несколько. Это означает, что либо запись от матери была не очень удачной и она пела с пропусками, либо сын восполнял пропущенное за счет знания других текстов. Последнее объяснение также вероятно: дело в том, что локальные традиции давали возможность сказителю варьировать, не выходя за рамки одной редакции.

На другом полюсе отношений находятся тексты Н. Прохорова¹² и Г. Якушова.¹³ О Прохорове известно, что он не держал в памяти единого текста былины, сохранял сюжетную канву, но при разных исполнениях варьировал эпизоды и детали, то сокращая, то расширяя повествование.

¹⁰ Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова, Подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В. И. Чичерова. М., 1948. № 247.

¹¹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М., Л., 1949. Т. 3. № 233.

¹² Онежские былины. 1948. № 4, 5, 8, 12, 16, 19, 20, 25.

¹³ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. М., Л., 1949. Г. 1. № 46, 48, 47, 49, 50, 53, 52, 54.

При этом план выражения подвергался наибольшему варьированию, это касалось формул и отдельных стихов, в которых он менял слова, их грамматическую форму, время и т. д. Г. Якушов унаследовал от учителя эти особенности. Если на уровне содержания он был относительно свободен, то на уровне изложения разночтения в их текстах буквально заполняют все пространство. Сопоставления дают примеры на самые разные типы варьирования: альтернативные формулы, переименования формул, перемены элементов, перестройка внутреннего порядка, усиление формульности отдельных стихов, внесение деталей с дополнительными значениями и, наконец, случаи совершенно другого, чем у Прохорова, изложения типовых ситуаций. В итоге текст Якушова по изложению в чем-то превосходит прохоровский, а в чем-то ему уступает, но перед нами — равноценные, словно бы независимые, но на самом деле преемственно связанные тексты. К тому же, очевидно, Якушов слушал — и внимательно — других певцов и набирался от них эпического знания.

Живое искусство былинных певцов угасло, и мы не можем уже проводить эксперименты, задавать вопросы, записывать новые и новые варианты. Тем более важно продолжать работу над зафиксированными некогда текстами с тем, чтобы извлечь из них максимум информации, нас ныне интересующей и касающейся коренных вопросов сказительства. Другой путь — это перенесение современных задач и методов на все еще остающиеся живыми иноэтнические сказительские традиции: изучение их дает ценнейшие результаты для выяснения типологии сказительства, и в частности для понимания сложных процессов обучения певцов и формирования их как мастеров самобытного, неповторимого искусства устного эпоса.

Н. Н. МОСТОВСКАЯ

П. В. Анненков — корреспондент И. С. Тургенева

Если П. В. Анненков известен в истории культуры как редкой достоверности мемуарист, первый исследователь Пушкина и его биограф, литературный критик, то Анненков — корреспондент Тургенева до сих пор в забвении.

Между тем среди многочисленных именитых современников России и Запада, близких его знакомцев, Тургенев занимает особое место.

Творческая дружба, соединявшая Тургенева и Анненкова на протяжении более 40 лет, основывалась на духовном родстве, общности культуры и воспитания, близости эстетических вкусов и литературных интересов. И проявилась она не только в интересных статьях Анненкова об авторе «Дворянского гнезда», «Дыма», не только в дружеских встречах. Но прежде всего в эпистолярном наследии критика, обширном по объему, многообразном по стилю и тональности. Не случайно Тургенев называл перо своего друга «энциклопедически-панорамическим». Анненков же свои письма к Тургеневу именовал «беседами».

Эпистолы, адресованные Тургеневу, — это увлекательные беседы о русской и европейской литературе, о писателях-современниках, о театре и журналистике, о событиях духовной и общественной жизни России и Запада. И все это окрашено неповторимой личностью автора.

Между тем письма Анненкова к Тургеневу до сих пор не собраны, многие из них не изданы (хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома) и не исследованы. (Старые разрозненные публикации не в счет, они давно стали библиографической редкостью.)

По той роли, которую письма Анненкова сыграли в общественно-литературной жизни России и Европы прошлого века, они могут быть сравнимы с перепиской Пушкина и Жуковского, созданной в эпоху подлинного расцвета эпистолярного жанра.

Замечу, Анненков вовсе не готовил свою корреспонденцию для потомства. Напротив, он тщательно оберегал ее неприкосновенность. Так, 22 февраля 1881 г. (письмо не опубликовано) он писал Тургеневу: «Письмо о Достоевском возвратите мне при свидании, да, кстати уж, сделайте одолжение привезите и другие, более или менее откровенные письма мои к Вам, для их сожжения, как Вы уже однажды сделали. Повторите, друг, эту проделку, которая оказалась бы совсем ненужной, если бы я писал их индифферентно, а то ведь я такой дурак, что лишь берусь за перо для письма к Вам, то сейчас и душу на стол и со всеми ее болячками. А зачем нужно это оставлять для любопытных после нас?»¹

¹ ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 13, л. 33. Далее ссылки на неопубликованные письма П. В. Анненкова к И. С. Тургеневу в тексте с указанием архивного источника.

Анненков вообще считал письма, «составляемые ввиду будущей публики», — «суть фальшивыми» (его слова по поводу опубликованных писем П. Мериме). «Истинные письма никогда не должны бы являться на свет, — продолжал он в том же письме, — ибо, во-первых, всегда глупы, а во-вторых, большею частью противны».

Это суждение, не лишенное парадоксальности, весьма характерно для стилистики и эмоционального настроения писем Анненкова.

В них он неизменно оставался самим собой, со своими оценками, раздумьями, тревогами и со своими удивительными словами, уникальным стилем. И потому его эпистолярной форме присущи и свойства исповедальной лирики, и безусловный эффект документа, даже публицистичности, что существенно.

Ведь за Анненковым довольно прочно (и не совсем резонно) закрепилась репутация чистого эстетика. А его письма ее сильно колеблют и опровергают.

И все-таки письма Анненкова становились литературным явлением еще при его жизни. Многие его эстетические высказывания обсуждались не только адресатом. Так, в частности, высокая оценка Гоголя (после прочтения некоторых глав II тома «Мертвых душ»): «Это Колокол Ивана Великого, заглушающий все наши почтовые колокольчики» — повторялась Тургеневым (хотя он не во всем был солидарен с критиком: не принимал примирительных ноток «Переписки», отзвуки которых почувствовал в отдельных эпизодах второго тома).

Отголосок ее встречается и в письмах критика «Отечественных записок» С. С. Дудышкина к Анненкову, М. М. Стасюлевичу и других литераторов круга «Вестника Европы».

Мнение Анненкова о «Призраках» Тургенева (суть его сводилась к тому, что критик проникательно почувствовал в этой повести свойственную Тургеневу элегическую тональность, назвав повесть «элегией», а не «фантазией») стало известным в литературных кругах также из писем Анненкова. В другом письме, посвященном «Запискам охотника», Анненков восхищался «сказочным лиризмом» тургеневских повестей.

Остановилось еще на одном наблюдении.

Сказанное в письмах Анненкова к Тургеневу о Некрасове было существенным не только для Тургенева. Известно, что этих художников связывали непростые отношения, которые можно было бы обозначить как диалог поэта и гражданина.

В одном из январских писем 1853 г. Анненков сравнивает возросшую известность Некрасова (после публикации стихотворения «Блажен незлобивый поэт», 1852, посвященного Гоголю, равно как и вызванную разговорами о его крупном картонном выигрыше в Английском клубе) с успехом П. Виардо в Петербурге. Он пишет Тургеневу о П. Виардо и Некрасове — «о двух личностях, которые, по моему мнению, наиболее занимательны теперь в столице».² И эта не лишенная иронии реплика послужила в известной мере импульсом для бытования широко распространенного тургеневского эпитета, примененного к Некрасову — «поэт Английского клуба», ставшего впоследствии и дурным клише.

Так будто бы мимолетные сентенции выходили за рамки частного письма, становились достоянием литературной общественности, создавали определенную репутацию, а иногда способствовали и мифотворчеству (как это было в случае с Некрасовым).

² Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 483.

В «энциклопедически-панорамическом» эпистолярном критике нелегко обозначить все темы и проблемы. Остановлюсь лишь на некоторых, на мой взгляд, наиболее значительных.

Громадный массив корреспонденций, адресованных Тургеневу, знаменателен прежде всего тем, что отражает малейшие подробности биографии и психологии творчества писателя, творческую историю почти всех его произведений, их журнальную и литературную судьбу, отголоски дискуссий и критических бурь вокруг имени писателя.

Одна из важнейших тем в них: Анненков — первый читатель и критик Тургенева. Так случилось (на зависть недоброжелателям из писательской братии), что Тургенев «все свои вещи до печатания показывал Анненкову. Я верю в его вкус — да и, к тому же, это у меня сделалось вроде суверенной приметы», — писал он в 1875 г. М. М. Стасюлевичу.³

Как объяснить это доверие? Причина, безусловно, не только в дружеских отношениях. Но прежде всего в особенностях личности критика.

Не обладая большими творческими возможностями (по словам Тургенева, «в нем собственно таланта немного — но он человек чрезвычайно умный, с тонким и верным вкусом» — Т, Письма, т. 2, с. 109), Анненков был щедро наделен интуицией художника, редким даром проникновения в замыслы писателя. При этом его критические суждения были начисто лишены какого-либо дидактизма и навязчивости. Напротив, он обладал способностью «искать истины на всех сторонах».⁴ Слова Анненкова из его речи на литературном вечере памяти Тургенева в Петербурге 28 сентября 1883 г. вполне применимы и к самому критику. И потому Тургенев, как известно, дорожил мнением друга, в той или иной мере по-своему учитывая его. Однако писатель не следовал его советам буквально и, даже соглашаясь с ним, сохранял независимость. Но это — особая тема. Так, например, работая над «Новью», он снял излишний памфлетический элемент в романе. У Анненкова есть специальное письмо о «Нови», в котором он рассуждает об «истине памфлетной» и «истине беллетристической», т. е. художественной, о границах допустимости в художественном произведении «полюемических выпадов».⁵ По сути, об этом же он писал и в известном письме об «Отцах и детях».

В письмах последних лет Анненков проявил себя как философ и психолог. Его эпистолярный отклик на повесть Тургенева «Клара Милич (После смерти)» представляет собой эквивалент философского эссе, до сих пор не оцененного по достоинству. Между тем здесь Анненков одним из первых заметил самое существенное в поэтике повести: внутреннее единство между необычностью предмета повествования и мастерством изложения.

Прочитав повесть Тургенева в рукописи, он защищает право писателя обращаться к теме, «открывающей позади реального мира еще какой-то другой, и весьма могущественный мир». Потому что художественно все оправданно («нет ни одной фальшивой черты», «никакого преувеличения или чересчур сильного размаха фантазии и выражения»). «И какое мастерство, — пишет Анненков в октябрьском письме 1882 г., — не впадая в супернатурализм и мистическое своеволие, держаться на границе, где они

³ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. В 28 т. Письма. В 13 т. М., Л., 1966. Т. 11. С. 161. Далее ссылки на это издание в тексте сокращенно Т, Письма, с указанием тома и страницы.

⁴ Литературные поминки Тургенева. Речь П. В. Анненкова // Неделя. 1883. 2 окт. № 40. Стб. 1320.

⁵ См. также Буданова Н. Ф. Роман И. С. Тургенева «Новь» и революционное народничество 1870-х годов. Л., 1983. С. 48—57. Žekulin N. G. Pavel Annenkov conseiller littéraire de Turgenev. Le Cas de «Terres vierges» // RES Paris, 1987. Т. 59/4. Р. 753—766.

именно начинаются, стоять на одной почти с ними почве и держать их в узде».⁶ По существу здесь речь идет о пушкинской гармонии и соразмерности, когда в художественном произведении все в меру, все на своем месте, нет ничего лишнего, ничего недостающего. Потому анненковский отзыв начинается и заключается словами, обращенными к автору «Клары Милич», — «Мастер чудный!».

Другое письмо Анненкова по глубине мысли и лирическому тону вполне может быть отнесено к своеобразному «стихотворению в прозе». Я бы назвала его «Автор».

После прочтения корректуры «Стихотворений в прозе», присланной специально в Баден-Баден, критик взволнованно писал Тургеневу 2 (14) октября 1882 г.: «Общий их характер просто ослепил меня: темные кружки пошли в глазах, а из этих кружков стал выделяться удивительно симпатичный образ автора — что за гуманность, что за теплое слово, при простоте и радужных красках, что за грусть, покорность судьбе и радость за человеческое свое существование. Вы написали себе панегирик, Иван Сергеевич, этими стихотворениями и очень ошиблись, думая, что в них нет ничего личного, субъективного. Личное-то в них и играет первую и самую блестящую роль. Личное и составляет их *raison d'être* и прелесть» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 13, л. 85—86). Отзыв большой, и главное в нем — пронизательное видение особенностей жанра. Личное, субъективное в нем (со времен А. Бертрана)⁷ неизменно преобладает, несмотря на то что по форме сами стихотворения напоминают и легенды, и притчи, и бессюжетные сценки.

Не все стихотворения равно понравились Анненкову. Например, «Соперник» и «Конец света» он назвал «бессодержательными», признаваясь, что, возможно, он их «не понял». Заметил он также, что Тургенев злоупотребляет подзаголовком «Сон» («извинительной надписью», как сказано в письме). Особенно кольнула Анненкова прибавка «сон» к стихотворению «Христос». «Какой же это сон, когда это лучезарное *видение*?» — писал он (Там же).

Отзыв обрадовал и успокоил Тургенева. Он очень дорожил последними стихотворениями и сильно сомневался, стоит ли их вообще печатать, стоит ли выставлять свое имя (Т, Письма, т. 13, кн. 2, с. 28). И все эти сомнения должен был разрешить Анненков — первый читатель.

Невольно возникает вопрос: не было ли со стороны критика и советчика «нажима» на писателя? (Число подзаголовков «сон» Тургенев поубавил — «отнял», как сказано в его письме к Стасюлевичу — 4 (16) октября 1882 г., учел и другие замечания.)

Думаю, что ни о воздействии одного, ни о «подслушании» другого не могло быть и речи. Взаимовлияние было, по-видимому, обоюдным и творческим. Ведь этих корреспондентов отличала истинная духовная независимость и вера в искусство как нетленную нравственную ценность. К тому же, как явствует из писем Анненкова, в литературных вопросах он выполнял роль не обычного критика и советчика, но подлинного *alter ego* Тургенева.

В связи с этим знаменательно, что писатель высоко ценил пушкинские штудии своего друга, понимая, что они-то и оказывали главенствующее влияние на его эстетические вкусы. Известно, что и сам Тургенев считал Пушкина своим учителем. И пушкинская тема в разных модификациях

⁶ Переписка И. С. Тургенева. Т. 1. С. 590—591.

⁷ Образцом нового жанра принято считать книгу А. Бертрана «Ночной Гаспар, фантазии в манере Рембрандта и Калло» (1827—1833, изд. 1842). Ш. Бодлеру принадлежит название этого жанра: «Стихотворение в прозе» («Парижский сплин», 1869).

мощно звучит в эпистолярной Анненкова. Но это предмет специального исследования.

В заключение назову еще один существенный мотив переписки, без которого представление о корреспонденте Тургенева было бы неполным. Это — современность, раздумья о судьбах родины.

С Тургеневым Анненков обсуждает не только литературные, но и самые большие, тревожные события времени. Вот что он пишет о русских народолюбцах, о «процессе 16-ти» (в неопубликованном письме от 19 ноября 1880 г.): «Привыкли говорить, что террористы наши недоучившиеся мальчишки, а тут крестьяне, мешане сами отливают трубы, тянут проволоки для мин, сами динамит готовят, подкопы ведут, как саперы, и опасный журнал издают. И все это будучи безграмотными и полуневеждами. Нет, надо взгляд переменить на этих людей и много, много подумать, прежде чем их определять. Огульным приговором от них не отделаешься: это люди сложные и загадочные, как и вся наша земля» (ИРЛИ, ф. 7, № 13, л. 13—17 об.). И просит прислать хоть один номер «Народной воли». «Я ни одно-го № „Народной воли“ не видал. А хотелось бы животом» (Там же).

«Письмо о Достоевском», которое Анненков просил Тургенева вернуть ему, примечательно вовсе не резкой оценкой личности писателя (как сказано, кстати, в комментарии к ответному письму Тургенева в академическом издании — Т, Письма, т. 13, кн. 1, с. 441), хотя Анненков действительно писал без обиняков то, что думал. Пафос его иронического и жесткого высказывания по поводу похорон Достоевского сводился к тому, что критик прощательно заметил, как в общественно-политической ситуации России 80-х гг. последний путь большого художника стал, в известной мере, символом официального «героического торжества». Не случайно почести, воздаваемые Достоевскому, он сравнивал с посмертной репутацией патриарха московского Никона и митрополита московского Филарета, сыгравших видную роль в общественной и государственной жизни России. Вот что писал Анненков Тургеневу 18 февраля 1881 г.: «А что скажете о похоронах Достоевского? Политически говоря — это событие важное, так как показывает градус, на котором стоит теперь административная атмосфера наша. Заслужил или не заслужил Достоевский такие героические похороны — это другой вопрос, но общество, устроившее такие похороны, и правительство, их выдержавшее терпеливо, одинаково сдают хороший экзамен успехам в науках, а это и радует. Как жаль, что Достоевский лично не мог видеть своих похорон — успокоилась бы его любящая и завидующая душа — христианское и злое сердце. Никому таких похорон уже не будет. Он единственный, которого так отдают гробу, да и прежде только патриарх Никон да митрополит Филарет Дроздов получили нечто подобное его отпеванию. Радуйся, милая тень. Добилась же, что причислили тебя к лику твоих предшественников святого, византийского пошиба» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 13, л. 31—32).

Тургеневский отклик на это письмо не сохранился, но, судя по его репликам в письме к М. М. Стасюлевичу (от 8 (20) февраля), писатель был солидарен со своим корреспондентом. «А знаменательны были эти похороны! — замечал он почти в анненковской тональности, но значительно приглушив ее. — С архиереями!! И сочувствие молодежи... Салтыкова бы так не хоронили. И дай Бог ему пожить. Но это урок и предмет размышления» (Т, Письма, т. 13, кн. 1, с. 58).

Искусством оживления и одухотворения документального материала отмечены многие эпистолярные суждения Анненкова, в том числе и по поводу возрождения славянофильства в 80-е гг. «Думал ли я, — писал он Тургеневу 5 (17) декабря 1880 г., — что через 30 лет опять услышу те же самые слова, которые сопровождали мою молодость. Этот сюрприз доставляет мне

„Русь“ Аксакова. Боже — да как же скучно» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 13, л. 16 об.). Неприятие однолинейности и известной узости славянофильства проявилось и в его оценке биографии Ф. И. Тютчева, написанной И. С. Аксаковым в 1874 г.: «Есть страницы превосходные, где характеристика Тютчева как человека. Что касается до раздувания его в славянофильский пузырь, то жалко становится» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 10, л. 27—28 об.).

Характерно письмо Анненкова от 5 (17) марта 1881 г., посвященное взволнованному обсуждению цареубийства Александра II в России. Как провидец будущих бурь (им был не только Достоевский) он пишет Тургеневу: «... на нашей почве политическая жизнь сводится на динамит, порох, кинжал и револьвер. Ответом на них будут, разумеется, новые убийства, новые виселицы и так в бесконечность. Нельзя думать, что эта масса трупов непременно даст благоухание свободы, порядка и развития, да и нельзя себе представить, чтобы такое можно было бы получить при подобных нравах и мерах. Ведь каждое дело имеет свою болячку, свою темную сторону, а если для устранения их потребуются опять новая бомба, то какой же выход? Какая история, какой конец, какая будущность у несчастной земли нашей...» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 13, л. 29—30).

И эти горькие мысли («они как заноза какая остаются в мозгу, от чего последний зудит и пухнет» — цитата из того же письма) переплетались в письмах Анненкова с исповедальной лирической нотой. Узнав о предсмертной болезни Тургенева, он признавался ему в письме от 4 марта 1883 г.: «Не думал я, что Вы, Иван Сергеевич, занимаете такое место в душе моей, хотя и знал, что, опорожнись оно, жутко мне будет на белом свете» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 13, л. 99—100).

Так даже беглая характеристика эпистолярного наследия Анненкова позволяет судить о нем как о своеобразном памятнике культуры, как о документе эпохи, эстетическое изучение которого углубляет «процесс открытия нового в старом».⁸

⁸ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 352.

Ю. Д. ЛЕВИН

Николай Гумилев и Федор Сологуб о дровах

В своем капитальном труде «Текстология» Д. С. Лихачев, определяя задачи этой области филологии, пишет: «...текстология ставит себе целью изучить историю текста памятника на всех этапах его существования в руках у автора и в руках его переписчиков, редакторов, компиляторов, т. е. на протяжении всего того времени, пока изменялся текст памятника». ¹ В более раннем кратком очерке на ту же тему Дмитрий Сергеевич особо отмечал: «В историю текста произведения входит его литературная история и внелитературная, творческая история памятника и все те нетворческие моменты, которые привели к изменению текста (случайные утраты и искажения, изменения под давлением цензуры, требований политических организаций, гонимых соображений и пр.)». ²

В настоящей заметке устанавливается история текста одного стихотворения Н. С. Гумилева, а также приводится неизвестное ранее стихотворение Ф. К. Сологуба, исторически с ним связанное.

В 1967 г. в очередном томе альманаха «Прометей», посвященном 50-летию Октябрьской революции, были опубликованы стихотворения из альбома, принадлежавшего моему отцу Давиду Самуиловичу Левину (1891—1928). ³ С 1918 по 1923 г. Д. С. Левин работал в организованном А. М. Горьким издательстве «Всемирная литература» в должности заведующего хозяйственно-техническим отделом.

Создавая издательство, Горький преследовал двоякую цель: сделать доступными широкому кругу российских читателей сокровища мировой литературы и в то же время дать работу и заработок виднейшим петроградским литераторам, оказавшимся лишенными в годы гражданской войны средств к существованию. В этой связи в обязанности заведующего хозяйственно-техническим отделом, помимо обеспечения производственного издательского процесса, входило и снабжение сотрудников по мере возможности жизненно необходимым. В частности, в морозную зиму 1919—1920 г. Д. С. Левину пришлось много заниматься добыванием дров и распределением их в издательстве. Соответственно в воспоминаниях К. И. Чуковского об Александре Блоке упоминается «Д. С. Левин, хозяйственник, работавший у нас во „Всемирной“, очень милый молодой человек, каким-то чудом добывавший для нас „всемирных литераторов“, дрова». ⁴ И тогда в заведенном Левиным альбоме, который стали заполнять эти литераторы, господствующей в помещен-

¹ Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1983. С. 27.

² Лихачев Д. С. Текстология. Краткий очерк. М.—Л., 1964. С. 6.

³ Левин Ю. Д. Поэты о дровах // Прометей. М., 1967. Т. 4. С. 414—421.

⁴ Чуковский К. Собр. соч. В 6 т. М., 1965. Т. 2. С. 299—300.

ных там стихотворениях стала «дровяная тема». Авторами стихотворений были работавшие во «Всемирной литературе» (перечислю их соответственно последовательности в альбоме): Н. О. Лернер, Н. С. Гумилев, А. А. Блок, К. И. Чуковский, Н. А. Оцуп, Ф. К. Сологуб, А. В. Амфитеатров, М. А. Кузмин, а также позднее два поэта-сатирика из журнала «Смехач», выпускавшегося издательством «Гудок», ленинградское отделение которого Д. С. Левин возглавил, уйдя в 1923 г. из «Всемирной литературы»: И. К. Прутков (псевдоним Б. В. Жирковича) и А. д'Актиль (псевдоним А. А. Френкеля). Эти стихотворения, за исключением стихотворения Сологуба (о чем ниже), содержались в публикации, представленной в редакцию «Прометей».

Собственно «дровяная тема» была поднята Гумилевым (в открывавшем альбом стихотворении Лернера она еще отсутствовала). Гумилев писал:

Левин, Левин, ты суров,
Мы без дров,
Ты ж высчитываешь триста
Мерзких ленинских рублей
С каталей
Виртуозней даже Листа

В пятисотенный альбом⁵
Я влеком
И пишу строфой Ронсара,
Но у бледных губ моих
Стынет стих
Серебристой стружкой пара

Ах, надежда все жива
На дрова
От финляндцев иль от чукчей,
А при градусах пяти,
Уж прости,
Сочинять нельзя мне лучше

Н Гумилев

20 XI 1919

Понимая, что дерзостная четвертая строка стихотворения («Мерзких ленинских рублей») в нашей печати невозможна, я взял на себя смелость заменить ее безобидным: «Обесцененных рублей». Однако замена не помогла, стихотворение было из публикации изъято. Изъятие, очевидно, было произведено цензором, поскольку имя и творчество Гумилева находились тогда под запретом. Но при этом лицо, изымавшее стихотворение, видимо, не заметило, что наличие его в альбоме Левина упоминается далее, и это могло быть понято внимательным читателем публикации. Так, приведенное в ней стихотворение К. И. Чуковского «О Розе (Васильевне)» имеет подзаголовок: «(По прочтении стихов Гумилева и Блока в этом альбоме)». Кроме того, в следующем за этим тексте составителя приведен другой стихотворный отклик Чуковского («За жалкие корявые поленья...»), уже опубликованный в его воспоминаниях о Блоке,⁶ и там кроме Блока был назван и «Гумилев, наследник Лаперуза».

⁵ Чистая книжка альбома в кожаном переплете с золотым обрезом была приобретена Д. С. Левиным за 500 р.

⁶ См. Чуковский К. Собр. соч. Т. 2. С. 300. Это стихотворение, содержавшее упрек Блоку и Гумилеву за то, что они «отдали восторги вдохновенья» дровам, вызвало ответное стихотворение Гумилева («Чуковский, ты не прав, обрушась на поленья»), в котором воспроизводились все рифмы Чуковского. Г. П. Струве опубликовал его, как сообщил в комментарии, «впервые по рукописи, полученной их хорошего источника» (Гумилев Н. Собр. соч. В 4 т. Вашингтон, 1964. Т. 2. С. 201—202, 332), в конце комментария говорилось «Экспромт Гумилева, написанный Д. С. Левиным, нам неизвестен и в печати как будто не появлялся».

Само же стихотворение Гумилева неожиданно для меня появилось в сборнике его неизданных произведений, выпущенном в издательстве «Ymsa-Press» в Париже, причем с придуманной мною четвертой строкой «Обесцененных рублей», из чего видно, что была использована рукопись, присланная в редакцию «Прометея». В примечании к публикации сказано: «Текст предоставлен нам анонимным русским собирателем...».⁷ Этот «анонимный собиратель», не потрудившийся поставить меня в известность и получить согласие, остается мне неизвестным.

В альбоме отца, как уже отмечалось, содержится также стихотворение Ф. К. Сологуба, которое не было включено в публикацию, предложенную «Прометею». Причина этого, полагаю, станет понятной читателям при ознакомлении с его текстом. Вот оно:

Не надо дров, — без них горюшь
От лихорадки и от холода
Уехать бы скорей в Париж,
Где бодро, весело и молодо

И без пайка по горло сыт
Порядками красноармейскими⁸
Душа моя в Париж летит
С его полями Елисейскими

Ах, Елисейские поля!
Как счастливы на них идущие!
Легка, легка для них земля,
Дни забываются гнетущие

Федор Сологуб

16 декабря 1919 г

Как известно, мечту об эмиграции, ясно выраженную в этом стихотворении, Сологубу так и не удалось осуществить.

⁷ Гумилев Н. Неизданное и несобранное / Сост., ред. и коммент. М. Баскер и Ш. Греем. Paris, 1986. С. 23—24, 215.

⁸ Эти строки являются откликом на окончание открывающего альбом стихотворения Лернера

Пусть Вас всегда спасает рок
От всякой клеветы злодейской
И полный Вам пошлет паек
Красноармейский

Красноармейский паек тогда, в 1919 г., превосходил по объему все другие продовольственные пайки

П. Р. ЗАБОРОВ

М. А. Волошин и А. А. Смирнов

В обширном кругу друзей и знакомых М. А. Волошина А. А. Смирнову принадлежит сравнительно скромное место. Жили они по преимуществу далеко друг от друга, виделись редко, переписывались не слишком интенсивно. Однако общение их продолжалось почти три десятилетия и было отнюдь не формальным: в основе его лежали духовная близость, искренняя симпатия и взаимный интерес. Правда, с полной уверенностью это можно утверждать лишь в отношении Смирнова, письма которого к Волошину, в основном, сохранились в архиве последнего в Пушкинском Доме; письмами же Волошина к Смирнову мы, к сожалению, не располагаем.

В историю русской культуры Александр Александрович Смирнов (1883—1962) вошел как видный филолог-западник, педагог и исследователь, практик и организатор переводческого дела. Ученик академика А. Н. Веселовского и его ближайших последователей и сподвижников, он был одним из самых крупных наших медиевистов, зачинателем отечественной кельтологии, авторитетнейшим испанистом и шекспироведом.¹ В последнее время получили известность его ранние поэтические и литературно-критические опыты, а также установлена его причастность к студенческому окружению Александра Блока.² Наконец, подлинным открытием явилась публикация цикла его писем к С. И. Терк, впоследствии знаменитой французской художнице Соне Делоне (1885—1979), свидетельствующих об удивительной широте культурных интересов Смирнова-студента, о напряженности его философских исканий, о глубине постижения им и понимания искусства.³

Часть этих писем была написана в Париже, куда Смирнов впервые попал в марте 1905 г. Город сразу очаровал его, а вскоре он уже почувствовал себя там как дома. «Итак, милая Соня, моя робкая надежда осуществилась самым блестящим образом, — писал он 12 марта 1905 г. — Я в Париже! За три дня, проведенные в этом „до ненормальности прекрасном городе“, я, кажется, успел совершенно натурализоваться. Перелом произошел сегодня: до сегодня я был убежден, что все это сон, что я никогда не покидал Петербурга и до сих пор там нахожусь. Но сегодня я смотрю на дело уже иначе: я хорошо знаю, что сон — это Петербург, а что сам я —

¹ См Жирмунский В М Памяти А А Смирнова (1883—1962) // ИЮЛЯ 1963 Т 22, вып 1 С 78—81, там же (с 82—85) см «Список основных научных трудов А А Смирнова», составленный З И Плавским

² См Иезуитова Л А, Скворцова Н В Новое об университетском окружении А Блока (А А Блок и А А Смирнов) // Вест ЛГУ № 14 История, язык, литература Вып 3 1981 С 49—58

³ Marcade Jean-Claude La correspondance d' A A Smirnov avec S I Terk (Sonia Delaunay) 16 septembre 1904—8 avril 1905 // Cahiers du Monde russe et soviétique Juillet—Septembre 1983 Vol 24(3) P 289—327 Общее число выявленных писем превышает 400

парижанин и всю жизнь провел в Париже».⁴ Время это он посвятил «восприятию Парижа в целом», «обозрению» его «художественных сокровищ» и научным занятиям. «Дела мои с Сорбонной устроились хорошо, — сообщал он в том же письме. — Я поражен любезностью и прямо-таки дружеским отношением здешних профессоров ко мне. В таких условиях приятно заниматься, и я гораздо менее, чем в Петербурге, испытываю обычное отвращение к науке. Вообще заниматься я собираюсь порядочно, и все к этому отлично приспособлено. Я предлагаю такую характеристику Парижа: город, в котором *все хорошо*».⁵

Весьма энергично входил Смирнов в художественную жизнь Парижа, посещая выставки, аукционы, антикварные лавки и т. п. Бывал он в Союзе русских художников (Union des artistes russes) и у некоторых членов многочисленной русской колонии. Тогда же он мог встретиться и с Максимилианом Волошиным, одним из самых ярких и деятельных ее представителей, игравшим с начала 1900-х гг. столь важную роль в сближении русской и французской культур. Впрочем, весьма вероятно, что знакомство их произошло все же годом позднее, да и в это время отношения их оставались еще довольно далекими. Вообще, поскольку первое из писем «волошинского цикла» Смирнов адресовал (в Коктебель) Маргарите Васильевне Сабашниковой-Волошиной, незадолго до того ставшей женой поэта, а самому Волошину лишь передал «сердечный привет», не исключено, что сначала он познакомился именно с ней.

Письмо это, а точнее, вторая из двух отправленных одновременно почтовых карточек (первая утрачена),⁶ датируется по штемпелю 8 августа 1906 г. и послано из бретонской деревушки Примель (Primel), где Смирнов изучал местный язык, потребность в котором ощущал в связи со своими кельтологическими штудиями. Это был тот самый «божественный Примель», еще в 1897 г. открытый А. Н. Бенуа, в 1905 г. вновь привлечший его, а вслед за ним постепенно и других «русских парижан» — К. Д. Бальмонта с семейством, А. К. Шервашидзе, С. П. Яремича, Н. Г. Платера, Е. С. Кругликову. По воспоминаниям Александра Бенуа, летом 1906 г. к ним присоединился и «милый студент-филолог „Саша“ Смирнов, приехавший изучать на месте древний язык Арморики».⁷

Позднее оживлению этих контактов способствовал приезд Смирнова в Париж на два года, в качестве оставленного при Петербургском университете для подготовки к профессорскому званию (октябрь 1911 г.). Едва устроившись, он «зашел» к Волошину на рю Буассонад, 17, но не застал дома и написал ему. Письмо это, помеченное 29 октября 1911 г. (почтовый штемпель — 28.10.1911), преследовало вполне конкретную цель: Смирнову был «крайне нужен» адрес переводчицы Е. К. Цветковской; но начальные его строки говорили сами за себя: «Милый Максимилиан Александрович. Я приехал в Париж, вероятно на 2 года. Был бы очень рад Вас повидать и вообще видать».⁸ «Деловым» было и другое парижское письмо, посланное 23 января 1912 г., как и предыдущее — пневматической почтой.⁹ Речь в нем шла о банкете по случаю 25-летия литературной деятельности Бальмонта, одним из главных организаторов которого был Волошин; Смирнов же выполнял его поручения, приглашая участвовать в банкете своих знакомых и коллег. Банкет этот состоялся 24 января 1912 г.

⁴ Ibid P 313

⁵ Ibid P 314

⁶ ИРЛИ, ф 562, оп 3, № 1117, л 1

⁷ Бенуа А. Мои воспоминания в пяти книгах М., 1990. Кн. четвертая, пятая С. 432

⁸ ИРЛИ, ф 562, оп 3, № 1117, л 2

⁹ Там же, л 3

Прошло почти семь лет, прежде чем переписка друзей возобновилась. Следующее письмо Смирнова пришло в Коктебель из Харькова, где он, после долгих «хождений по мукам», обосновался в надежде на сравнительно спокойную и обеспеченную жизнь. Приводим текст письма полностью:

4 дек 1918

Дорогой Максимилиан Александрович,

Вновь мы были долгое время на близком расстоянии друг от друга, и вновь не удалось с Вами свидеться на крымской почве, к чему я стремился несколько лет подряд. В этом году помешало то, что слишком был занят всякими своими печальми и заботами, чтобы думать о поездках да и трудно было нынче ездить — В декабре 1917 г я поехал из Пет^сербурга на месяц в Ялту, чтобы навестить там проводившую зиму жену (которая уже около 2 лет тяжело больна чем-то вроде суставного ревматизма и находится почти без движения)¹⁰ Там мы подверглись большевицкой бомбардировке, и притом в очень тяжелых для нас условиях, напр обстреливался дом, где мы жили, и т п А потом пошли всякие гонения, так что я почувствовал, что не в силах оставить жену, и не поехал в Пб вовсе. С 1-го марта мы переехали в Алушту на нашу дачу, я был учителем франц яз в местной гимназии. В сентябре мы все переехали сюда, в Харьков. Я зачислился пр-доц в здешнем унив, получил лекции в нескольких местах. Вот вкратце странные события моей жизни за последний год. Мало знаю о ком из друзей, оставшихся на севере. Что с Бальмонтами, Кругликовой, — не знаю. Об Ахматовой мне сообщили, что она вышла за Шилейко. Как жутко не знать о близких и не знать, что будет дальше.

А теперь я хочу поговорить с Вами о следующем. На днях начинает выходить большая газета, <название «Новая Россия»>, под редакцией (временной?) проф Маклецова (лидер здешних к-д)¹¹ Возможно, что его сменил потом Розенберг, бывший фактический редактор «Русских Ведомостей»¹² Программа приблиз — к-д, стремление приблизиться к типу «Русских Ведомостей». Участвуют многие из профессоров. Издает газету здешнее общество «Взаимокредит», так что средства есть большие. Заведывать литерат отделом предложили мне. Я считаю — и редактор согласен — что стихи *должны* иметь место в газете. И вот — первым делом обращаюсь к Вам с большой просьбой разрешить поставить Ваше имя в числе сотрудников (кроме Вас, из поэтов я обратился с такой просьбой лишь к двум здешним: Шенгели и Прокопенко), а затем — сообщите, пожалуйста, Ваши условия оплаты. Думаю, что в последнем отношении трудностей не возникнет, ибо у нас намечено 2 руб как минимум за строку стихов, след возможно и значительно больше, особенно за Ваши. Ввиду этого, быть может, Вы сразу бы прислали прилб 2 небольших стихотворения! <или больше!> Это меня очень порадовало бы. Кроме того, будем благодарны, если бы при случае дали и какую-нибудь статью <статья — от 50 к за строчку>. Не сомневайтесь, что я приложу все усилия, чтобы придать отделу нужный тон, и, след, Вы гарантированы от неприятных «соседей».

На днях выходит здесь Ваша книга стихов, кот хочу обстоятельно рецензировать я сам. Пока — всего доброго, дорогой Максимилиан Александрович. Жду ответа.

Ваш сердечно А А Смирнов (приват-доцент, парижский и т п в пояснение для избежания смешения с однофамильцами!) Харьков Бассейная, д 16, кв 5 Александру Александровичу Смирнову

Был слух, что Вы думали съездить в Харьков. Как был бы рад Вас увидеть!¹³

В Харьков Волошин тогда не приезжал, а предложение Смирнова, на которое он охотно откликнулся, вскоре потеряло смысл, поскольку эта харьковская «Новая Россия» если и выходила, то очень недолго, а скорее всего, вообще не состоялась. Соответственно не появилась и обещанная рецензия. Самый же сборник Волошина — «Демоны глухонемые» — увидел свет в местном издательстве «Камена» в апреле 1919 г.

В 1921 г. Смирнов встречался с Волошиным в Симферополе, где преподавал в Таврическом университете. После чего в их общении вновь наступил длительный перерыв. Волошин почти безвыездно жил в Коктебеле, а Смирнов в конце концов вернулся в Петроград, где возобновил педаго-

¹⁰ Первая жена А А Смирнова Елизавета Петровна Магденко (?—1923)

¹¹ Александр Васильевич Маклецов (1884—?)

¹² Владимир Александрович Розенберг (1860—1932)

¹³ ИРЛИ ф 562, оп 3 № 1117 л 4 5 Слова в угловых скобках вписаны на полях или над строкой

гическую деятельность¹⁴ и энергично включился в литературную работу, сотрудничая главным образом в издательствах «Всемирная литература» и «Academia». Волошина он, однако, не забывал, а когда ему стало известно (возможно, и от самого поэта) о его намерении выпустить сборник своих переводов из Анри де Ренье и статей о нем,¹⁵ с готовностью начал хлопоты и об их результатах сообщил Волошину в подробном и очень доброжелательном письме:

2.XII.1923

Дорогой Максимилиан Александрович,

Будучи человеком мало пишущим письма, по хлопотливости жизни своей, я всегда рад случаю, когда нечто толкает меня взяться за перо, чтоб написать кому-нибудь из хороших друзей. Много раз вспоминал я за это время о Вас, и в одиночестве, и вместе с общими друзьями. Радовался, когда узнавал что-нибудь о Вас от Е. Замятина или Чуковского. Но особенно был обрадован, когда узнал от Е. И. Васильевой (Ч. де Габриак),¹⁶ что Вы собираетесь сами приехать сюда в январе (кстати, я очень оценил ее и сдружился с ней). Вы должны приехать непременно, и тогда мы повидаемся по-хорошему и поговорим по душе, как старь, — правда?

А пока — об упомянутом деле, именно о Вашем Ренье. Во «Всемир. лит.» устроить его не удалось по той причине, что само это изд-во находится в неопределенном положении. Если даже оно и окрепнет (на что надеяться можно), все же в его работе должно произойти значит. сокращение программы, и этот томик Ренье по множеству причин (идущих из Москвы) сейчас никак не влезет.

Но есть другая возможность. Изд-во «Academia» предприняло полное собр. соч. Ренье в XVII тт. (по крайней мере, прозы его) под общей редакцией М. Кузмина, Ф. Сологуба и моей. Я уже неск. времени тому назад, сразу после того, как выяснилось положение с «Всемир. лит.», говорил с «Academia». Издатель тогда колебался, боясь срочности нового расхода, ибо он уже закупил много переводов др. вещей Ренье. Но после того, как я вторично поговорил с ним и указал, что иначе Ваш перевод может перейти в другое изд-во, он быстро и охотно согласился. При этом, однако, он готов был бы взять сейчас только *Амаркера*.¹⁷ Что касается стихов, то он хочет издать и их, но не сейчас, а когда дело окрепнет и рынок улучшится, поэтому сейчас боится брать на себя обязательство. Далее, что касается статей, то с этим делом обстоит труднее всего. Общая статья о Ренье им заказана уже М. Кузмину, и удаивать статью он затрудняется. Меня это очень огорчает, но в этой плоскости спорить с ним мне трудно. Вот и не знаю, как быть и что Вам посоветовать. Хотите, попробуем все же устроить всю Вашу книжку полностью (со стихами и статьями) в каком-нибудь др. издательстве, причем в этом деле еще больше моего может помочь Чуковский. Но, если говорить вполне откровенно, то, учитывая общую литературную обстановку наших дней, я особенно больших надежд на это не возлагаю. Тем не менее не смею советовать Вам решительным образом ни в том, ни в другом направлении.

Если бы Вы согласились сразу на комбинацию с одним д'Амаркером, единств. вопросом был бы размер гонорара. Издатель просил меня узнать Ваши условия. Я, со своей стороны, интимно спросил его, какие условия ему самому представляются возможными. Он отвечал, что не выше 15 зол. руб. за печатный лист в 40 000 знаков. Затем я советовался с Замятиным и Чуковским, они говорили, что можно попросить по 20 руб. Лично я не уверен, что такая цифра была бы принята. Материалы к вопросу таковы: Ф. Сологуб переводит ему сейчас «La double maîtresse» по 18 руб., поэт В. Рождественский что-то перевел по 10 или 12 р., одна «рядовая» переводчица — по 8 р. Заметьте при этом, что Ваш перевод уже был в печати, что понижает обычно гонорар на 50%. Издатель об этом не вспоминал, и я молчу, но он может вспомнить. Я бы, если позволите, советовал Вам попросить по 20 р., дав при этом мне частное указание, до каких пределов уступать (до 15 р.?) Жду Вашего ответа, который передам ему. Если хотите, напишите ему прямо — Александру Александровичу Кроленко, издательство

¹⁴ Именно в это время в Петроградском—Ленинградском университете у А. А. Смирнова занимался старофранцузским языком Д. С. Лихачев (см.: Лихачев Д. С. Прошлое—будущему Л., 1985 С. 24)

¹⁵ См. Максимилиан Волошин и Анри де Ренье (Неизданные материалы) // Публикация П. Р. Заборова // Максимилиан Волошин. Из литературного наследия СПб., 1991 С. 302–304

¹⁶ Елизавета Ивановна Дмитриева, в замужестве Васильева (1887—1928), поэтесса и переводчица (литературный псевдоним — Черубина де Габриак)

¹⁷ Под заглавием «Маркиз д'Амаркер» в 1914 г. в переводе Волошина вышло несколько фрагментов сборника Ренье «Яшмовая трость» («La sappe de jaspe», 1897), переиздано в 1925 г.

«Academia», Литейный просп., д. 40¹⁸ Или, для простоты, вложите записку ему в Ваше письмо ко мне, я передам Адрес мой Фуриштатская, д. 20, кв. 5

В ожидании ответа, а затем и свиданья, обнимаю Вас и с крепкой дружбой остаюсь Ваш
А А Смирнов¹⁹

В Ленинград Волошин приехал лишь 6 апреля 1924 г. Известие об этом Смирнов встретил с огромным воодушевлением. «Бесконечно обрадован Вашим приездом и жду как можно поскорее повидать и обнять Вас», — так начинается его первое письмо этого периода (собственного телефона у него тогда не было, отсюда переписка). Сожалея, что по различным причинам не может с ним встретиться немедленно у Е. И. Васильевой и М. М. Шкапской,²⁰ он от себя и от имени Ольги Георгиевны и Константина Евтихевича Костенко, с которыми, по его словам, жил «объединенно»,²¹ «ужасно» просил Волошина «прийти (совершенно запросто) в любой день к обеду, который у нас бывает в 5 1/2 часов», и далее рассказывал о своих ближайших планах.²²

Встреч таких было несколько: у Смирновых-Костенко, в издательстве, у общих знакомых. Смирнов пользовался для этого «всяким случаем» и даже приглашал Волошина в Институт истории искусств на доклад А. Таирова о путях развития Камерного театра. «Заседание закрытое, — пояснял он, — но Гвоздев, который там — хозяин, просит „хороших людей“ приходить. Если б ты с М. <арией> С. <тепановой> соблазнились, мы бы там встретились, ибо я там буду с Ольгой Георгиевной». (Очень выразителен этот переход на «ты»; ранее везде было «Вы».)²³ Впрочем, дружеское общение не исключало всевозможных дел: Смирнов выполнял некоторые просьбы Волошина, главное же — старался добиться выплаты ему гонорара за «Господина д'Амаркера» и обеспечить его работой на будущее; имелось в виду все то же издание сочинений Ренье.

Тема эта преобладает также в трех других письмах Смирнова к Волошину 1924 г. — от 14 октября, 10 ноября и 9 декабря, хотя в каждом из них содержатся и любопытные сведения биографического характера. «У меня жизнь по-прежнему очень пестрая. Читаю лекции по кельтологии и мн. др., перевожу, редактирую, пишу, — сообщает он, например, в первом из этих писем. — А ко всему прибавилась с осени еще новая должность — заведывающего художественной частью студии (учебной пока, но скоро из нее вырастет и театр) при Александринском театре.²⁴ Сейчас кончаю книгу „Красота в шахматной партии“ (!) — для Кроленки».²⁵ Наибольший же интерес представляет письмо от 9 декабря, значительная часть которого посвящена литературно-театральной жизни Ленинграда:

« ты спрашиваешь меня о литературной жизни у нас Но ее почти нет, до того она замерла Сологуб ничего не пишет, Кузмин пишет небольшие стихотворения, об Ахматовой ничего не слышно Поэтам и писателям, которые для меня ценны и дороги, не только негде

¹⁸ А А Кроленко (1879—1970) — руководитель издательства «Academia» (1921—1929)

¹⁹ ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 1117, л. 6, 7

²⁰ Мария Михайловна Шкапская (1891—1952) — поэтесса и переводчица

²¹ К Е Костенко (1879—1956) — художник, О Г Костенко (1888—1969) вскоре стала женой А А Смирнова

²² ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 1117, л. 11 об

²³ А А Гвоздев (1887—1939) — театровед и литературовед В Ленинграде Смирнов подарил Волошину два своих труда вышедших в 1923 г., — «Очерки по истории западноевропейского театра» и отгиск статьи «Пути и задачи науки о литературе» (оба они сохранились в Доме-музее М А Волошина в Коктебеле)

²⁴ Студию при Академическом театре драмы (б Александринском) организовал в 1923 г Ю М Юрьев, в театр-студию она была преобразована в марте 1925 г

²⁵ ИРЛИ ф. 562, оп. 3 № 1117 л. 12 об Книга эта в печати неизвестна но шахматами Смирнов продолжал интересоваться до конца жизни

печататься, но и оглашать свои произведения почти не приходится. А серапионы и др. при-
 мыкающие к ним молодые бесконечно мне не интересны, и я их не вижу. — Впрочем, и они
 сами как-то очень замерли. „Всемирная литература“, по-видимому, ликвидируется ввиду пере-
 мен в положении и деятельности Моск. Госиздата, во главе которого назначен Ионов, жесто-
 кий враг Тихонова,²⁶ — а еще больше из-за отсутствия средств. Из „Рус. современника“ я
 вышел, разойдясь с ним по причинам и идейным, и личным.²⁷ Сейчас внезапно оказалось
 резкое понижение культурности читателя, и идут только переводные бульварные романы.
 Вчера был суд над А. Толстым из-за „Бунта машин“ («плагиат»), окончившийся быстрым и
 блистательным его оправданием.²⁸ Сравнительно больше жизни в театрах, но особенно значи-
 тельного и здесь нет ничего. Шла „Лизистрата“ в постановке С. Раadlova,²⁹ но после 3-го
 представления была снята, по соображениям цензуры нравов, по-моему (т. е. имея в виду ха-
 рактер постановки) неосновательным.³⁰

Последнее из сохранившихся писем Смирнова к Волошину (от 23 мая 1925 г.) является ответом на «доброе, повторное приглашение» летом посе-
 литься с семьей у него в Коктебеле, принять которое Смирнов не счел для
 себя возможным. «Мне очень горестно, — писал он, — что не придется по-
 жить и в этом году под твоим милым кровом, но так уж складываются
 обстоятельства». Однако и в этом письме заключены признания, имеющие
 несомненную биографическую ценность: «У меня было все время невероятно
 много работы и, к сожалению, более „житейской“, заработочной, чем для
 души: переводы, редактуры, работа в студии, лекции, не всегда такие и для
 тех, как бы хотелось. Все же было кое-какое внешнее удовлетворение и
 внутренняя радость. Проредактировал для „Земли и Фабрики“ два рома-
 на — „La Révolte des Anges“ и „L'Île des Pingouins“ мало любимого мною
 А. Франса; приятнее было заниматься Ренье, который медленно подвигается
 вперед».³¹

Тогда же Смирнов отправил Волошину поздравительную телеграмму в
 связи с 30-летним юбилеем его литературной деятельности. Как отозвался
 он на смерть поэта, неизвестно. Во всяком случае, в архиве Волошина ма-
 териалов такого рода нет.³²

²⁶ Илья Ионович Ионов (1887—1942), Александр Николаевич Тихонов (1880—1956) заве-
 довал издательством «Всемирная литература»

²⁷ Журнал «Русский современник» издавался в 1924 г. в Ленинграде под редакцией
 М. Горького, Е. Замятина, А. Тихонова, К. Чуковского, вышло всего 4 книги

²⁸ Иск предъявил переводчик на русский язык пьесы К. Чапека «Вур», положенной
 А. Толстым в основу его «Бунта машин», резолюция суда гласила «В иске отказать»

²⁹ Премьера «Лизистраты» (по Аристофану, на музыку Н. Н. Стрельникова) состоялась в
 Малом оперном театре 4 октября 1924 г.

³⁰ ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 1117, л. 19 об.

³¹ Там же, л. 20 (пер. «Восстание ангелов», «Остров пингинов»)

³² Этими и некоторыми другими сведениями я обязан В. П. Купченко, за что приношу
 ему глубокую благодарность

К. ХАННИК

Неизвестная гомилия Петра пресвитера Антиохийского на Пятидесятницу в славянской традиции

В ряде южнославянских рукописей XIV—XVI вв., как, например, в списке Загреб, Повесни музей Р-72 (1538 г.),¹ встречается гомилия на Пятидесятницу, приписываемая некоему Петру пресвитеру Антиохийскому. В нашем исследовании о церковнославянской гомилетической литературе был дан предварительный перечень выявленных нами списков этой проповеди и указана типология сборников в группе гомилетических текстов, расположенных по литургическому году.² По сведениям, приведенным Т. В. Черторицкой, ареал распространения этой гомилии ограничивается среднеболгарской, сербской и молдавской традицией.³

В византийской богословской литературе личность Петра пресвитера Антиохийского не засвидетельствована. Наиболее ранние славянские рукописи с упоминанием этого имени (Афон, Хиланд. слав. 389 и 404) позволяют отнести *terminus post quem* гомилии ко второй половине XIV в. С другой стороны, необходимо учесть, что уже начиная со второй половины XI в. вследствие захвата сельджуками антиохийских территорий церковная жизнь там ослабевает и византийско-греческая культура постепенно сдает свои позиции арабоязычной.⁴

Как мы отмечали в вышеупомянутом исследовании о славянской гомилетике, славянский текст гомилии Петра содержит указания, на основании которых возможно определить как ее автора, так и время возникновения славянской версии. Гомилия начинается противопоставлением празднования Пятидесятницы у иудеев (*празникъ от Иудеи*) и христиан (*а иже от нас празникъ*, л. 4736).⁵ В этом контексте используются выражения, близкие, например, к трактату Евсевия Кесарийского «*De ecclesiastica theologia*»:⁶

«Пятидесятница убо празникъ от Иудеи имать закону (*νόμος*) даание работы нужду, дѣтскаго образа пѣстунства (*τῆς παιδικῆς εἰκόνας παιδαγωγία*),

¹ Moštin V. *Crilski rukopisi u Povijesnom Muzeju Hrvatske* — Kopitarjeva zbirka slovenskih rukopisa i Sojsov crilski odlomak u Ljubljani Beograd, 1971 P. 94

² Hannick Ch. *Maximos Holobolos in der kirchenslavischen homiletischen Literatur* Wien, 1981 S. 62—82, 281 (Wiener Byzantinistische Studien Bd 14) Ссылки на хиландарские списки (389, 404, 411) и на список БАН, 13320 остаются под вопросом ввиду недостаточно подробных указаний, содержащихся в использованных нами описаниях рукописей

³ *Čertoričková T. V. Vorläufiger Katalog kirchenslavischer Homilien des beweglichen Jahreszyklus aus Handschriften des 11—16 Jahrhunderts vorwiegend ostslavischer Provenienz* Opladen, 1994 (Patristica slavica Bd 1)

⁴ См. подробнее Nasrallah J. *Histoire du mouvement littéraire dans l'église melchite du V au XX siècle* Paris, 1983 T. 3, part 1

⁵ Здесь и далее неизданный славянский текст цитируется по списку Загреб, Повесни музей Р-72

⁶ *Clavis Patrum Graecorum* / Ed. M. Geerard Turnhour, 1974 T. 2 № 3478

томления (τιμωρία) воспоминание Моисеевѣх заповѣдей жесточѣство прѣступающую мучащее, от твари отятие (ἀλλο τῆς κτίσεως ἀποβολῆς) мысли наслаждением крадящя, а иже от нас празникъ тѣмже убо мѣрится (μετρεῖται) врѣменемъ и зваемь». ⁷

О церковной и литературно-полемической деятельности Петра патриарха Антиохийского сохранились указания в нескольких источниках. Петр возглавлял Антиохийский патриархат в период второго византийского владычества, с июня 1052 г. по август 1056 г., и поддерживал отношения с Константинопольским патриархом Михаилом Керуллиарием и патриархом североитальянского престола в Grado Домиником. ⁸ В догматических разногласиях между Константинополем и Римом, приведших к схизме 1054 г., Петр занимал православные позиции по вопросу об опресноках и церковной иерархии в системе пентархии. В посланиях к Доминику Градскому Петр, говоря об опресноках, подчеркивает иудейские корни, лежащие в основе этого обряда латинской церкви. Отметим, что в гомилии пресвитера Антиохийского Петра встречается возможный отклик на эту полемику, который касается авторитета апостола Петра: *прѣвствуяи духомъ и кыпяи благодатия* (л. 476б); ⁹ ср. здесь же выражение *краеградны апостолы* (л. 476а), которое, по нашему мнению, едва ли может восходить к ἀκροπολίτης и, скорее, относится к Римскому престолу. ¹⁰

Одним из важнейших источников о деятельности патриарха Петра является «Тактикон» Никона Черногорца. Никон был лично знаком с патриархом (гл. X, 7, л. 86б). ¹¹ Во второй части «Тактикона» особенно обильно цитируются послания патриарха Петра (гл. XIX, XXI, XXXI, XXXIV, XXXVIII). Оригиналы этих посланий могли быть известны Никону по архиву Антиохийского патриархата; сам Никон имел доступ к документам такого рода благодаря своей должности дидакакала, на которую он был назначен уже преемником Петра, патриархом Феодосием III Хрисовергом. Фрагменты сочинений патриарха Петра и патриарха Михаила Керуллиария, включенные Никонем в состав «Тактикона», собраны А. Н. Поповым. ¹² Славянский перевод послания Петра патриархам Михаилу и Доминику был издан М. В. Чельцовым. ¹³

Говорить о вкладе патриарха Петра в гомилетическую литературу пока лишь возможно на основании косвенных свидетельств: Никон Черногорец упоминает в «Тактиконе» (гл. XIX, л. 151б) его речь о посте (περὶ τῆς

⁷ Греческие эквиваленты даны по изд. Migne J Patrologia Graeca T 24 Col 932B

⁸ Fedalto G Hierarchia ecclesiastica orientalis Padova, 1988 T 2 P 685, Grume V Le patriarcat et les patriarches d'Antioche sous la seconde domination byzantine (969—1084) // Echos d'Orient 1934 T 33 P 129—147, Todt K-P // Lexikon des Mittelalters 1993 T 6 Sp 1953, Nasrallah J Histoire P 84—86, Bianchi G Il Patriarca di Grado Domenico Marango tra Roma e l'Oriente // Studi Veneziani 1966 Vol 8 P 19—125

⁹ Ср попытку реконструкции первоначальной греческой версии этого выражения в нашем исследовании Hannick Ch Maximos Holobolos S 282

¹⁰ См Словарь русского языка XI—XVII вв М, 1981 Вып 8 С 6 (со ссылкой на октябрьскую Минею 1096 г)

¹¹ Неизданный греческий текст приводится по рукописи Синайского монастыря, № 441, деление на главы дано в соответствии с приготавливаемым нами изданием памятника

¹² Попов А Н Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV в) М, 1875 С 286—296 Издатель привлекал славянский перевод «Тактикона», возникший, по-видимому, у южных славян в XIV в, и Почаевское издание этого текста 1795 г См подробнее Nasrallah J Histoire P 109—122, Буланин Д М // Словарь книжников Вып 1 С 292—294 Hannick Ch Nikon de la Montagne Noire et sa reception in Russie avant la redaction des menes du metropolite Macaire // Mille ans de christianisme russe 988—1988 Paris, 1989 P 123—131

¹³ Чельцов М В Polemica между греками и латинянами по вопросу об опресноках СПб, 1879 С 325—336, 370—378 См Kern C Les traductions russes des textes patristiques Guide bibliographique Chevetogne 1957 P 46

νηστείας), текст которой, однако, не сохранился. Отметим, что выражение в письме патриарха Петра к патриарху Доминику, цитируемое Никоном в главе XXXVIII «Тактикона» (л. 243б), тематически близко к вступительной части гомилии Петра пресвитера Антиохийского: Εἰ γὰρ ἔτι τῶν ἀζύμων μετέχομεν, πρόβηλον ὅτι ὑπὸ τὴν σκιάν ἔτι τοῦ μασαίκοῦ νόμου ἐσμέν. В повествовании о даре языков апостолам (Деян. 2: 9—11) перечень народов, встречающийся в гомилии, включает в себя упоминание «о готах» (л. 477а), которое, возможно, также имеет отношение к антилатинской полемике XI в.

Для реконструкции возможных путей проникновения посланий Петра патриарха Антиохийского и гомилии Петра пресвитера Антиохийского в славянскую письменность следует учесть то обстоятельство, что патриарх Антиохийский обладал правом проживания в константинопольском монастыре τῶν Ὀδηγῶν.¹⁴ По словам Никона Черногорца (гл. XXI, л. 174а; гл. XXXI, л. 221а), это право восходит к эпохе императора Иоанна Цимисхия; оно предшествует, таким образом, установлению императора Андроника II (1288 г.). Нам представляется вероятным, что именно в этом центре сочинения византийских церковных авторов могли привлечь к себе особое внимание славян и оказаться объектом собирания и переписывания.¹⁵ Дальнейшая миграция славянских переводов «Пандектов» и «Тактикона» Никона Черногорца на Балканы и на Русь связана с Константинополем. По всей вероятности, в связи с этими же памятниками стоит и славянский перевод посланий патриарха Антиохийского Петра. Что же касается нашей гипотезы о тождестве пресвитера Антиохийского Петра с патриархом Антиохийским Петром, то этот вопрос остается пока открытым; ясно во всяком случае, что пресвитер Петр, наряду с Иоанном Мавроподом и Константинопольским патриархом Иоанном Ксифилином, принадлежит к числу византийских полемистов XI в. Не исключено, что появление титула «пресвитер Антиохийский» представляет собой инновацию славянской традиции под влиянием круга памятников, связанных с именем Иоанна, пресвитера Дамаскина.¹⁶

¹⁴ Janin R. Les eglises et les monasteres Paris, 1969 P 201 (La geographie ecclesiastique de l'eglise byzantine T 3)

¹⁵ О роли этого монастыря в истории славянской письменности см Poljakov F B Zur slavischen Präsenz an den Konstantinopolitanern Skriptorien in der zweiten Hälfte des 14 Jahrhunderts // Die Welt der Slaven 1993 Bd 38 S 180—184

¹⁶ См например Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der kirchenslavischen Übersetzung / Hg von E. Weher Freiburg in Br, 1987 S 16 (Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris T 25)

Переводы «Богословия» Иоанна Дамаскина в русской и славянской филологии

Известно, что с самого начала славистики как науки исследователей занимали вопросы о жизни и деятельности Константина-Кирилла и Мефодия, о происхождении двух древнейших славянских графических систем и времени их создания, о диалектной основе языка первых славянских просветителей.¹ С выходом в 1824 г. труда русского слависта К. Ф. Калайдовича «Иоанн Экзарх Болгарский»² начинается новая фаза в истории славистических изысканий — изучение дальнейшего развития кирилло-мефодиевских традиций в православном славянском мире. Есть, может быть, логика в том, что эта знаменитая монография, заложившая основы русской славистической науки, посвящена именно Иоанну Экзарху, крупнейшему представителю староболгарской литературы старшей поры, лидеру культурного кружка просвещенного болгарского царя Симеона (893—927). Далекое не случайно, между прочим, что всего год спустя после выхода в свет книги Калайдовича в России были опубликованы еще два замечательных славистических труда: русский перевод классической книги Й. Добровского «Кирилл и Мефодий — славянские первоучители»³ с некоторыми существенными дополнениями переводчика М. Погодина (среди них — первая публикация известной «Азбучной молитвы» Константина Преславского) и Описание рукописного собрания графа Ф. А. Толстого.⁴

Значение труда К. Ф. Калайдовича можно обобщить в нескольких планах.⁵ Он дает развернутое представление о роли Иоанна Экзарха в становлении и развитии старославянских литератур. В книге напечатаны отрывки из главных переводных и оригинальных (вернее, компилятивных) трудов староболгарского книжника — перевода «Богословия» Иоанна Дамаскина («Небес»), «Шестоднева» и «Слова на Вознесение». Целиком были опубликованы и несколько других, более или менее связанных с именем Иоанна Экзарха: Предисловие (Пролог) Экзарха к его переводу «Богословия»,

¹ Ягич И. Вопрос о Кирилле и Мефодии в славянской филологии СПб, 1893

² Калайдович К. Ф. Иоанн, Экзарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю славянского языка и литературы IX и X столетий М, 1824

³ Добровский Й. Кирилл и Мефодий — славянские первоучители М, 1825

⁴ Калайдович К., Строев П. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей графа Ф. А. Толстого М, 1825

⁵ О значении труда Калайдовича для славистики Ягич с полным основанием писал, что «он был результатом < > его [Калайдовича] многолетних разысканий по рукописям Синодальной библиотеки < > он обогатил тогдашние довольно скромные сведения по церковнославянской письменности древнейшего южнославянского (болгарского) периода таким количеством новых данных, что даже знатоки вроде Добровского пришли в недоумение» (Ягич И. История славянской филологии СПб, 1910 С 167—169)

«Грамматика» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха («О восьми частях слова») и «О письменах» Черноризца Храбра.

Калайдовичем начато также сопоставительное изучение славянских переводов «Богословия» Иоанна Дамаскина. Известно, что «Богословие» является третьей частью компендиума Дамаскина «Источник знания». В частности, исследователь сопоставляет перевод Иоанна Экзарха с более поздними переводами этого сочинения Епифания Славинецкого (XVII в.) и Амвросия, архиепископа Московского (вторая половина XVIII в.), заключая при этом: «Перевод Иоаннов, несмотря на глубокую древность, чист и ясен; Епифаниев, по излишней буквальности, иногда темен».⁶ «Эта высокая оценка остается непоколебленной и в наши дни»,⁷ — обобщает современный медиевист-языковед, и это, на наш взгляд, весьма показательно. Другими словами, Калайдович дает в своей книге ясное представление об уровне языкового и переводческого умения староболгарского писателя (нельзя не отметить, что после длительных дискуссий и сомнений наука, в целом, снова вернулась к заключениям Калайдовича).

Русский славист указал и на отношение Иоанна Экзарха к текстам Священного Писания, отмечая при этом, что он их дает в своем собственном переводе. Это наблюдение послужило ориентиром для выявления переводческих принципов Экзарха; более того, он относится вообще к целокупному пафосу книги К. Ф. Калайдовича, направленному на выявление авторской специфики книжника.

Однако дальнейшее развитие идей Калайдовича произошло не так просто и далеко не сразу. Слависты продолжали заниматься наследием Константина-Кирилла и Мефодия и эпохой болгарского царя Симеона в целом, но не конкретно Иоанном Экзархом; общий подъем славистических исследований мало коснулся староболгарского писателя.⁸ По этой причине в 1855 г. О. М. Бодянский с неудовлетворением замечает: «...с тех пор (т. е. после выхода книги Калайдовича. — Х. Т.) доселе наши сведения об Иоанне Экзархе и знакомство с творениями его ни на волос не продвинулись вперед».⁹ Сам Бодянский, чувствуя потребность славистики в изданиях древних текстов, подготовил к печати крупнейшие труды Иоанна Экзарха — «Небеса» и «Шестоднев», которые по ряду причин были изданы только тридцать лет спустя. Долгожданный новый этап в изучении литературного наследия Иоанна Экзарха наступил с выходом в свет известного «Описания рукописей Московской Синодальной библиотеки», и в частности второго его тома.¹⁰ Авторы «Описания» сделали подробное палеографическое, языковое и литературно-историческое описание старейшего списка «Небес» — Синод. 108 (155) и вместе с этим подвергли глубокому научному анализу ряд проблем (что вообще характерно для их археографического метода). Горский и Невоструев перечислили главы, переведенные Экзархом (из всех 100 глав «Богословия» он перевел 48), и указали на их греческие источники. Они обратили также внимание на влияние одного отрывка из «Небес» на древнерусское «Слово о Борисе и Глебе». Исследователи тонко отметили и проанализировали отношение староболгарского книжника к греческому тексту Иоанна Дамаскина, указывая при этом на некоторые довольно самостоятельные фрагменты, принадлежащие Иоанну Экзарху. Следует специ-

⁶ Калайдович К Иоанн, Экзарх Болгарский С 37

⁷ Верещагин Е М К дальнейшему изучению переводческого искусства Кирилла и Мефодия и их последователей М, 1983 С 64

⁸ См, например Шафарик П И Расцвет славянской письменности в Болгарии М, 1848, Палаузов С Век болгарского царя Симеона СПб, 1852

⁹ Бодянский О М О времени происхождения славянских письмен М, 1855 С 50

¹⁰ Горский А В, Невоструев К И Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки М 1859 Отд II, ч 2 С 288—307

ально отметить весьма плодотворный разбор языка славянского перевода: Горский и Невоструев обратили внимание на ряд специфических для Экзарха слов и выражений: *добродавць, собьство, съставъ, творьць, доброчьстьнь, чиститель* (священник), *крады и требища идольская, чувство* (в значении силы чувствования и органа), *рѣзильник* (ножницы), *оусьмь* (кожа), *небонь* (ибо), *имъже, творитьва* и др. Эти многочисленные примеры доказали, что перевод Иоанна Экзарха во всей своей сложности «хорош, ясен и свободен». К этому надо добавить, что в труде Горского и Невоструева была описана и другая рукопись, содержащая текст «Небес», — Синод. 156 (442), XVI в. В этом списке перевод Иоанна Экзарха находится в окружении так называемой «Грамматики» («О восьми частях слова») и «Диалектики» Иоанна Дамаскина, перевод которых приписывается древнерусскими книжниками Экзарху. Очень существенны их наблюдения над текстом последних двух сочинений: согласно мнению авторов, они не являются подлинными переводами Экзарха. «Грамматика» была составлена, а «Диалектика» была переведена в XIII—XIV в. на славянском юге.¹¹

Таким образом были созданы необходимые предпосылки для издания самого текста «Небес» и дальнейшего его исследования на разных научных уровнях. Издание было осуществлено благодаря усилиям А. Н. Попова, который опубликовал уже подготовленный О. М. Бодянским текст старейшего списка «Небес» «буква в букву и слово в слово».¹² В своей работе по подготовке текста Попов столкнулся с некоторыми трудностями, сам он пишет по этому поводу: «В бумагах покойного (т. е. Бодянского. — Х Т.) не оказалось ни руководящего предисловия, ни указания на те списки, из коих приводились варианты, ни самих вариантов».¹³ Издатель полагал, что Бодянский приводил варианты из двух волоколамских списков, указанных Калайдовичем, — Синод. 156 (442) и МДА 145. Однако Попов ошибся: как позже выяснилось из материалов, попавших в библиотеку ОИДР (и оставшихся неизвестными Попову), Бодянский пользовался 10 списками «Небес».¹⁴ Исследователем была проделана большая работа по сравнению подготовленного Бодянским текста с рукописным подлинником; в результате он нашел около 200 неточностей в тексте Бодянского. А. Н. Попов исправил также много описок и неверно прочитанных писцами слов в самой рукописи.¹⁵

Заслуживает внимания и тот факт, что еще в своем описании библиотеки А. И. Хлудова (1872) Попов обратил внимание на находящийся в рукописи № 60 полный русский перевод «Богословия» Иоанна Дамаскина, сделанный князьями Курбским и Оболенским¹⁶ (как выяснилось потом, в период 1575—1579 гг.), и провел сопоставление его текста с текстом древнейшего славянского перевода Иоанна Экзарха. Это сопоставление Попов напечатал и в своем Предисловии к изданию О. М. Бодянского.¹⁷ Таким образом в науку не только был введен первый русский перевод «Богосло-

¹¹ Там же С 311—318

¹² Бодянский О М Богословие святого Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха Болгарского По харатейному списку Московской Синодальной библиотеки М, 1878 С 3 442

¹³ Попов А Н Предисловие // Бодянский О М Богословие Иоанна Дамаскина С 1

¹⁴ См подробнее Соколов Е И Библиотека Имп ОИДР Вып 2 Описание рукописей и бумаг, поступивших с 1846 по 1902 г включительно М, 1905 С 624—625

¹⁵ Попов А Н Предисловие С 5—20

¹⁶ На самом деле честь открытия «Богословия» в переводе Курбского принадлежит М Оболенскому Оболенский М О переводе князя Курбского сочинений Иоанна Дамаскина // Библиографические записки 1858 Т 1, № 12 С 355—366

¹⁷ Попов А 1) Описание рукописей и книг церковной печати библиотеки А И Хлудова М 1872 С 99—119 2) Предисловие С 25—69

вия» Иоанна Дамаскина, но и была начата серьезная работа по выяснению действительной новизны перевода Курбского. Эту работу продолжил А. С. Архангельский, который отметил все глоссы на полях перевода «Богословия» Курбского — уже по другому списку, № 193 из Румянцевского собр. По этой же рукописи Архангельский отыскал и опубликовал и глоссы к переводу «Диалектики» Андрея Курбского.¹⁸

Вторая половина XIX в. — это расцвет русских научных академических школ, в том числе и русской археографии, благодаря интенсивной работе по описанию важнейших русских рукописных собраний (Троице-Сергиевой лавры, Московской Духовной Академии, частных коллекций Хлудова, Уварова, Титова, Щукина, Вяземского, собраний Иосифо-Волоколамского, Воскресенского и Соловецкого монастырей, региональных собраний Северной Руси и др.), по изданию археографических ежегодников (например, Отчетов Императорской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге), по разысканию новых рукописей. В описаниях был отмечен ряд новых списков «Небес» — заметим, что только в описании рукописного собрания Соловецкого монастыря указаны 11 неизвестных списков сочинения.¹⁹ Эту констатацию можно отнести и ко многим другим оригинальным и переводным памятникам древнерусской литературы и старославянской письменности в целом. Нужно было бы обобщить эти разыскания, что действительно и произошло в конце века. В 1893 г. Е. Петуховым были указаны (с краткой археографической характеристикой) 21 список «Небес» и некоторые отрывки сочинения.²⁰ В своих «Рассуждениях...» (1896) В. Ягич издал и подробно прокомментировал ряд текстов из литературного окружения «Небес» в рукописной традиции: «О письменах» Черноризца Храбра, Предисловие Иоанна Экзарха к «Небесам», «О восьми частях слова», Определение философии Константина-Кирилла в его пространной редакции, различные грамматические сочинения («Простословие», «Донатус» и др.).²¹

Предисловие Экзарха к «Небесам» опубликовано по Синод. 108 (155) с разночтениями по МДА 145.²² При этом Ягич отмечает «удивительную простоту взглядов» староболгарского книжника, что — в свете новых исследований — мало обосновано. Исследователь отмечает также, что «Предисловие Иоанна Экзарха Болгарского сохранилось не только в разных списках „Богословия“, но также отдельно — как статья, важная в отношении грамматическом, содержащая напутствие для переводчиков старого времени». Издавая сочинение «О восьми частях слова» в его южнославянской (скорее всего, сербской) и русской редакции, он подробно остановился на вопросе о структуре грамматического изложения, происхождении источников и времени составления первоначального текста. Продолжая во многом наблюдения Горского и Невоструева, Ягич с некоторыми новыми аргументами присоединяется к их мнению о позднем составлении «О восьми частях слова» — где-то на славянском юге.²³

¹⁸ Архангельский А. С. Очерки из истории западно-русской литературы XVI—первой половины XVII вв. Борьба с католичеством и западно-русская литература конца XVI—первой половины XVII в. М., 1888. Приложения С 88—166.

¹⁹ [Порфирьев И. Я., Вадковский А. В., Красносельцев Н. Ф.] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881. Т. 1. С. 386—394.

²⁰ Петухов Е. Болгарские литературные деятели древнейшей эпохи на русской почве // ЖМНП. 1903. Ч. 286, апрель. С. 311, ср. Карпов А. Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1877. С. 24—26.

²¹ Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб. 1896. (Отт. из «Исследований по русскому языку» СПб. 1885—1895. Т. 1.)

²² Там же. С. 32—34.

²³ Там же. С. 40—77 (издание текста и анализ).

Интенсивные археографические поиски и особенно издание текстов «Небес» и «Шестоднева» (он издан почти параллельно с «Небесами») ²⁴ создали благоприятную основу для углубленного изучения языка Иоанна Экзарха. И действительно, в конце XIX—начале XX в. были опубликованы два весьма интересных (хотя и далеко не бесспорных) исследования языка староболгарского переводчика и писателя — работы В. Вондрака и А. Лескина.

В своем труде «О языке Иоанна Экзарха Болгарского» Вондрак проделал тщательную работу по описанию и анализу практически всех почти языковых особенностей Экзарха; их можно обобщить так:

— Лексика Иоанна Экзарха показывает ясно выраженную связь с языком древнейших славянских письменных памятников — Зографского и Мариинского евангелий (X в.) и Ключовского сборника (XI в.); с другой стороны, однако, она имеет и свои специфические восточноболгарские черты.

— Вондрак исследовал графические и синтаксические особенности «Небес» и «Шестоднева» в сопоставлении с другими сочинениями, рассмотрено также и склонение имен собственных.

— В работе проанализированы все различия между «Небесами» и «Шестодневом» в библейских цитатах.

— Впервые был подвергнут рассмотрению язык двух торжественных слов Иоанна Экзарха — «Слова на Вознесение» и «Слова на Преображение». ²⁵

Заслуживает самого пристального внимания и работа А. Лескина «Переводческое искусство Иоанна Экзарха». Приводя многочисленные примеры, исследователь заключает, что, по всей вероятности, Иоанн Экзарх не так хорошо знал греческий язык: особенно неудачно он переводит философские и богословские термины. Например, греч. ἀρετή (добродетель) он переводит разными славянскими словами: *добръ изборъ, доброта, изволение добро, благовольтво, благодѣство, благоволение, благодать* (в других случаях как «благодать» переводит греч. χάρις). Или прилагательное λογικός, которое Экзарх переводит как *разоумнь, мыслнь, словеснь*. ²⁶

Кстати, эти специфические черты переводов староболгарского книжника были отмечены еще Калайдовичем, Горским и Невоструевым, ²⁷ но они их объяснили реальными трудностями, с которыми столкнулся переводчик. Другими словами, исключения у Горского и Невоструева Лескин выдвигает на уровень правила. Благодаря ряду современных исследований, негативную оценку Лескина можно считать отвергнутой в науке. ²⁸ К сожалению, скептицизм Лескина остановил процесс исследований более чем на полвека.

Следует отметить и наблюдения А. И. Яцимирского, который обращает внимание на два списка с нового полного перевода «Богословия», сделанного в XVIII в. замечательным богословом, писателем и переводчиком Паисием Величковским. Списки находились в библиотеке румынского монастыря в Нямцу (вернее, один из них, другой только числился в описи монастырских книг). ²⁹ Однако как списки (нынешнее местонахождение которых

²⁴ Бодянский О. М. Шестоднев, составленный Иоанном екзархом болгарским по характернейшему списку Московской Синодальной библиотеки 1263 г. М., 1879

²⁵ Vondrak V. O mlúve Jana Exarha Bulgarskeho Praha, 1896

²⁶ Leskin A. Die Übersetzungskunst der Exarchen Johannes // Archiv für slavische Philologie Berlin, 1903 Bd 25 S. 48—66

²⁷ Калайдович К. Иоанн, Экзарх Болгарский С. 37, Горский А. В., Невоструев К. И. Описание С. 305—307

²⁸ См. например Hansak E. Der Übersetzungsstil des Exarchen Johannes // Palaeobulgarica 1977 Т. 1, ч. 3 С. 33—59

²⁹ Яцимирский А. И. Славянские и русские рукописи румынских библиотек СПб. 1905 С. 555—794

неизвестно), так и вообще деятельность Паисия Величковского, к сожалению, изучены крайне неудовлетворительно. Между тем исследования подобного рода пролили бы свет на роль православной духовно-аскетической оппозиции в Синодальный период истории русской церкви.

После этих поистине плодотворных исследований наступил длительный (полувековой) перерыв в изучении особенностей текста и рукописной традиции «Небес», что вообще прослеживается в истории существования этого памятника: за периодами оживления следуют периоды продолжительного затишья. Только в 1962 г. (если не считать содержательной работы А. Вайана, которая посвящена Предисловию Иоанна Экзарха к «Небесам»)³⁰ проблема жизни и писательской деятельности Иоанна Экзарха была вновь выдвинута Э. Георгиевым.³¹ По сути, Георгиев обобщает достижения славистики XIX—начала XX в., да и само заглавие его книги как бы воспроизводит заглавие и пафос уже упомянутого нами труда П. И. Шафарика «Расцвет славянской письменности в Болгарии». Значение книги Э. Георгиева (несмотря на целый ряд дискуссионных утверждений и постановок) состоит в том, что она возобновила научный интерес к такой крупной фигуре, как Иоанн Экзарх, и в том числе, конечно, к его переводу «Богословия». Однако для реализации новых, современных исследований не хватало критических изданий основных трудов Экзарха и приписываемых ему творений. Вместе с этим был поставлен и вопрос об издании полных славянских переводов «Богословия» Иоанна Дамаскина — уже известного перевода Андрея Курбского и новонайденного южнославянского перевода XIV в. В период 1963—1987 гг. критическое издание этих текстов (оно продолжается и по сей день) было в большой степени осуществлено. Результаты этого издательского оживления можно представить в систематическом виде примерно так:

1. Издания «Богословия» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха («Небес»).
2. Издания составных частей рукописного окружения «Небес».
3. Издания других (полных и частичных) славянских переводов «Богословия» Иоанна Дамаскина.
4. Издания других сочинений Иоанна Экзарха.

1. В период 1967—1983 г. австрийская исследовательница Линда Садник осуществила весьма полезное критическое издание текста «Небес».³² Издание основано на старейшем списке сочинения (Синод. 108 (155)) с разночтениями по 8 другим спискам; кроме того, оно сопровождается параллельным текстом греческого оригинала Иоанна Дамаскина и переводом на немецкий язык. В своем предисловии к изданию Л. Садник формулирует его принципы и дает (подчас поверхностное) описание используемых ею списков. Исследовательница говорит о 31 списке «Небес» в рукописных собраниях РГБ (причем не только в полном виде, но и в отрывках) и о 3 списках из фондов ГИМ. Она приводит конкретные, но не всегда полные данные только о 10 списках «Небес» и не отмечает ни одного из списков петербургских библиотек (между тем нами отмечено 38 списков).³³

³⁰ Vaillant A. La preface de l'Évangélaire vieux-slave // RÉS 1948 T 24, p 1—4 P 5—20

³¹ Георгиев Е. Разцветът на българската литература в IX—X в София, 1962 С 202—270

³² Sadnik L. Die heiligen Johannes von Damaskus «Εκθεσις ακριβης της ορθοδοξου πιστεως» in der Übersetzung des Exarchen Johannes Wiesbaden, Freiburg 1 Br, 1967—1983 T 1—4 (Monumenta linguæ slavicae dialecti veteris Fontes et dissertationes (далее MLS) T 5, 14, 16, 17)

³³ Sadnik L. Die heiligen Johannes von Damaskus S XIX—XXVII, Трендафилов Х Богословие Иоанна Дамаскина в литературе Древней Руси (в печати)

Кроме того, в издании Предисловия Иоанна Экзарха Л. Садник приводит разночтения по рукописи МДА 145. Указанные списки объединены в типы по общим признакам. Издание текста «Небес» дано в 1—3-м томах, в 4-м томе приложен словарь сочинения. Можно сказать, что издание в целом исполнено очень скурпулезно, добросовестно и долго будет первоклассным источником для различного рода исследований (языковедческих, текстологических, философских и собственно богословских). Однако оно дает мало возможностей (и не имеет такой цели) для изучения движения текста «Небес», его места в книжных центрах и в литературной традиции вообще.

2. Издание литературного окружения «Небес» вызвано тем обстоятельством, что — начиная с XIV в. — в славянской рукописной традиции его текст обычно сопровождается относительно постоянным комплексом сочинений аналогичной направленности: «Диалектикой», «О восьми частях слова», Житием Иоанна Дамаскина, Определением философии Кирилла. «Диалектика» вообще занимала особое место в богословской «трилогии» Иоанна Дамаскина «Источник знания»: она служила логическим ключом к дешифровке сложного догматического содержания «Богословия». Образцовое критическое издание «Диалектики» по древнейшему южнославянскому списку XIV в. из Крушедолского монастыря с разночтениями сделано Едкартом Вайером.³⁴ Появились два новых издания грамматического сочинения Дамаскина «О восьми частях слова», которое является постоянной частью литературного конвоя, сопровождающего «Небеса». Е. Вайер издал его старейший русский список XIV в., № 84 из собр. А. Гильфердинга, РНБ,³⁵ а в 1982 г. Л. П. Жуковской опубликован список № 90 из собр. Барсова. Этот список находится в ГИМ и кроме «О восьми частях слова» содержит «Диалектику» Иоанна Дамаскина и «Шестоднев» Иоанна Экзарха.³⁶

Издан был и старейший список пространной редакции Определения философии Кирилла, № 490 из собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, XVI в., РГБ с разночтениями по списку № 1830 из собр. Уварова.³⁷

3. Издания полных переводов «Богословия» и отрывков из его текста. В 60-х гг. был введен в науку (археографически) полный южнославянский перевод «Богословия», включающий все 100 глав Иоанна Дамаскина.³⁸ К этому надо добавить, что в тексте сербского Номоканона XIII в. был обнаружен другой, неизвестный южнославянский перевод 4 глав «Богословия» — «О небе», «О рае», «О человеке» и «О дьяволе и демонах». Публикация этих текстов опять же принадлежит Е. Вайеру. Сначала он опубликовал указанные главы «Богословия»,³⁹ а в 1987 г. вышел первый том критического издания полного южнославянского перевода этого сочинения с учетом 8 списков.⁴⁰ Вообще говоря, Вайером намечена грандиозная про-

³⁴ Weither E Die Dialektik des Johannes von Damaskus in kirchenslavischen Übersetzung Wiesbaden, 1969 (MLS T 8)

³⁵ Weither E Die älteste Handschrift des grammatischen Traktats «Über die acht Redeteile» // Anzeiger für slavische Philologie Graz, 1977 Bd 9 S 367—427

³⁶ Жуковская Л П Барсовский список грамматического сочинения «О восьми частях слова» // Східнослов'янські граматики XVI—XVII ст Київ, 1982 С 29—51

³⁷ Трендафилов X Кириловото определение на философията — кратка и пространна редакция // Език и литература 1982 Т 38, ч 1 С 51—52

³⁸ Sadnik L Eine zweite sudslavische Übersetzung des Johannes Damascenus // Beiträge zum V Internationalen Slawistenkongress Göttingen, 1963 S 281—284 (Opera Slavica Bd 4), Ангелов Б С Пълен южнославянски препис на съчинението «Небеса» // Литературна мисъл 1967 № 2 С 132—135

³⁹ Weither E Die Kapitel des Johannes Damascenus im Anfang einiger Slavischer Nomokanonhandschriften // Festschrift für Linda Sadnik zum 70 Geburtstag Freiburg in Br., 1981 S 262—297 (MLS T 15)

⁴⁰ Weither E Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der kirchenslavischen Übersetzung der 14 Jahrhunderte Freiburg in Br., 1987 (MLS T 25)

грамма издания всех русских переводов «Богословия»; для реализации этой научной «сверхзадачи» потребуется, конечно, немало времени.

Второй по времени полный славянский перевод «Богословия» — перевод князей Курбского и Оболенского — давно известен славистам. Давно появилась и идея издания его текста. Г. З. Кунцевич, готовя 4-е издание «Сочинений» Андрея Курбского, намеревался напечатать его переводные труды (в том числе и перевод «Богословия» и «Диалектики») во 2-м томе, но вышел в свет лишь 1-й том. В архиве С.-Петербургского филиала Института истории РАН сохранились только фрагменты 2-го, «переводного» тома, но и из них видно, что Кунцевичу были известны 10 списков перевода «Богословия» Курбского и Оболенского.⁴¹ Однако издание этого перевода уже подготавливается Юлианой Бестер-Дильгер⁴² и будет напечатано в очередном томе MLS.

4. Тенденция издавать славянские переводы «Богословия» Иоанна Дамаскина сопровождается стремлением издавать и другие, более или менее оригинальные труды Иоанна Экзарха. Здесь в первую очередь нужно отметить критическое издание капитального сочинения Экзарха — «Шестоднева», принадлежащее австрийскому слависту Р. Айцетмюллеру.⁴³ Общий интерес к произведениям Иоанна Экзарха коснулся и его торжественного красноречия, хотя ряд подлинных или спорных слов староболгарского писателя был издан еще русскими славистами в дореволюционное время.⁴⁴

Как видно из перечня изданий, славистика располагает всеми необходимыми предпосылками для изучения староболгарского и древнерусского переводов «Богословия» Иоанна Дамаскина как в синхронном, так и в диахронном, историко-типологическом плане. Однако прошло уже 28 лет после выхода 1-го тома издания Л. Садник, а мы располагаем лишь немногочисленными и эпизодическими исследованиями этих проблем. Об этом говорят и современные библиографические труды: в «Библиографии...» И. Можаявой (1980)⁴⁵ отмечено 7 исследований по «Шестодневу» и ни одного по «Небесам»; в «Библиографии...» Дуйчева, Кирмачевой и Пауновой (1983)⁴⁶ отмечено 11 исследований по «Шестодневу» и 4 по «Небесам». Эта тенденция нашла отражение и в докладах, прочитанных на Первом международном симпозиуме «Иоанн Экзарх Болгарский» в Болгарии (1979 г.). Здесь, наверное, сказывается и светский (как правило) менталитет современного медиависта.

Что же все-таки было сделано по изучению «Богословия», тем более что библиографические труды не всегда дают полное представление о характере и объеме исследований?

В первую очередь была обследована философская терминология в сопоставлении с греческими терминами.⁴⁷ Второе место в работах славистов за-

⁴¹ См. подробнее Беляева Н. П. Материалы к указателю переводных трудов А. М. Курбского // Древнерусская литература источниковедение Л., 1984 С. 118—136

⁴² Ю. Б. Дильгер является также автором исследования переводческой техники Курбского Dilger J. В. Andrej M. Kurbskij als Übersetzer Zur kirchenslavischen Übersetzungstechnik im 16. Jahrhundert Freiburg in Br., 1992 (MLS T 21)

⁴³ Aitzetmüller R. Das Hexameron des Exarchen Johannes Graz, 1958—1975 Bd 1—7

⁴⁴ Станчев К. Словата на Йоан Екзарх Български // Старобългарска литература 1991 № 25—26 С. 66—73

⁴⁵ Можаява И. Е. Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике М., 1980

⁴⁶ Дуйчев И., Кирмачева А., Паунова А. Кирилломефодиевска библиография 1940—1980 София, 1983

⁴⁷ Weither E. Studien zur philosophischen Terminologie des Kirchenslavischen // Die Welt der Slaven 1964 Bd 9 S. 147—175, Podskalsky G. Untersuchen zur emigen Zentralbegriffen der patristischen Personspekulation in der vom Exarchen Johannes geschaffenen slavischen Übersetzung der «Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως» des Johannes von Damaskus // Ibid 1970 Bd 15 S. 147—167

нимает изучение языка «Небес». Следует выделить особо работу Е. Вайера и Х. Микласа, в которой авторы подвергли сравнительному анализу три славянских перевода одной (14-й) главы «Богословия» — «О небеси». Эта глава переведена Экзархом и неизвестными южнославянскими переводчиками XIII и XIV вв.⁴⁸ После длительного лингвистического разбора Вайер и Миклас пришли к выводу, что полный южнославянский перевод XIV в. более близок к переводу Экзарха IX в., чем перевод XIII в. В последнее время некоторые положения в этих и других работах были критически рассмотрены заново в обширном исследовании Фр. Томсона.⁴⁹

Самое большое количество статей посвящено Предисловию Иоанна Экзарха к «Небесам». Интерес вызван не только переводческими взглядами Экзарха самими по себе, но и уже упомянутой работой А. Вайяна. Анализ так называемого Македонского кириллического листка (в котором, по Вайяну, содержатся некие рассуждения Константина-Кирилла о переводе священных текстов) привел французского слависта к заключению, что в своем Предисловии Иоанн Экзарх воспользовался его текстом. По Вайяну, указанное рассуждение славянского первоучителя было написано первоначально на греческом языке, а потом переведено на славянский язык (возможно, самим Кириллом) и использовано Экзархом при составлении Предисловия к «Небесам». Последовал целый ряд работ (Троста, Наумова, Матхаузеровой, Минчевой, Добрева, Ханзака), которые углубили и уточнили наблюдения А. Вайяна. Действительно, Иоанн Экзарх воспользовался опытом Кирилла, но отнюдь не следовал механически его переводческим принципам: он стремился учесть и звуковую, и семантическую специфику языка оригинала. Там, где это было невозможно, он выступал за превосходство смысла (содержания) над буквой. Однако изучение Предисловия Экзарха привело к исследованиям теоретических и практических принципов славянских переводов в целом, к переосмыслению некоторых устаревших взглядов и поискам новых интерпретаций. Специально надо выделить в этом отношении работы Е. Ханзака: Ханзак проанализировал переводческие принципы Иоанна Экзарха в контексте позднеантичных и раннехристианских теорий языка и перевода. Согласно его мнению, староболгарский книжник пользовался одновременно двумя теориями перевода, а именно — логической и смысловой, и это привело к богатому варьированию выразительных средств в его переводах.⁵⁰

Закончим наш обзор небольшой, но очень содержательной работой Е. М. Верещагина,⁵¹ касающейся переводческого мастерства Иоанна Экзарха. Предметом анализа исследователя является «Похвала Иоанну Богослову», в которой выявляются два особых приема терминотворчества — ментализация и калькирование слов. Таким образом, на материале другого жанра (похвального слова) подтвердились и теоретические взгляды Иоанна Экзарха, и переводческая техника, использованная им в «Небесах» и в «Шестоднев». Перевод «Богословия» Экзарха — в сопоставлении с переводом XIII слов Григория Богослова — касается и работа С. В. Дегтева.⁵²

⁴⁸ Вайер Е, Миклас Х Преводачески похвати в Богословието на Иоан Екзарх в сравнение с по-късни паралелни преводи // Старобългарска литература 1986 № 19 С 29—59

⁴⁹ Thomson F John the Exarch's theological education and proficiency in greek as revealed by his abridged translation of John of Damascus' «De fide orthodoxa» // Palaeobulgarica 1991 T 15, ч 1 С 35—58

⁵⁰ Hansack E 1) Die theoretischen Grundlagen des Übersetzungsstils des Exarchen Johannes // Die Welt der Slaven 1981 Bd 26 S 15—36, 2) Das kyrillisch-mazedonische Blatt und der Prolog zum Bogoslovie des Exarchen Johannes // Ibid 1986 Bd 31 S 336—414

⁵¹ Верещагин Е М К дальнейшему изучению С 64—85

⁵² Дегтев С В Замечания о двух переводах в составе сочинения Григория Назанзина «Тринадцать слов» // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян М, 1991 С 36—41

Настоящий обзор важнейших этапов изучения славянских переводов «Богословия» Иоанна Дамаскина позволяет наметить главные задачи, которые стоят перед славистами.

1. Необходимо уточнить отношение перевода «Богословия» к другим (древнейшим) переводам патристических сочинений, выявить текстологическую связь между ними. Ибо «Богословие» как патристический компендиум должно порождать (и порождало) другие переводы отцов церкви и служило им образцом.

2. Крайне неудовлетворительна археографическая характеристика — как самого перевода «Богословия» Иоанна Дамаскина, так и его Предисловия. Археографический перечень списков «Небес» в контексте его литературного конвоя важен для определения параметров «функционального поля» сочинения, т. е. где, когда, кем и как оно было использовано. Ведь, подобно Библии, текст «Богословия» в ключевые эпохи переводился заново или подвергался редакционной правке. Поэтому нужно уточнить характер и причины появления новых переводов, их распространение в отдельных культурных центрах и очагах Древней Руси и вообще православного славянского мира.

3. Из уже сказанного вытекает и задача уточнить место «Богословия» в историко-литературных и идейных процессах развития старославянских литератур. Это относится прежде всего к древнерусской литературе: именно она не только сохранила перевод (и Предисловие) Иоанна Экзарха, но и активно использовала его текст с точки зрения своих конкретных идеологических, литературных и образовательных задач. В той или иной степени это характерно и для других переводов «Богословия», хотя они и не получили большого распространения в древнерусской литературе. В первую очередь это относится к переводу «Богословия» Епифания Славинецкого (изданному в Москве в 1665 г. вместе с другими переводами отцов церкви), который совершенно не изучен.

Д. КЕНАНОВ

Симеон Метафраст и его славянские последователи*

К теме истории и теории метафрастовского стиля в древнеславянских литературах как исключительно важной меня подтолкнул акад. Дмитрий Лихачев в разговоре в его кабинете осенью 1980 г.¹ Мало сказать, что я признателен и благодарен за встречу и подсказанную идею. Думаю, что среди многого, что вносит Д. С. Лихачев в науку, стоит и эта неисследованная проблема в современных славистике и византистике.

С агиографической реформой Симеона Метафраста (X в.) окончательно устанавливается тенденция, когда жития святых становятся важной составляющей частью церковной богословской культуры, в которой художественная ценность текста зависит от точного следования правилам, канону, а не от их нарушения.² В этом смысле агиограф следует принципам «икнографического метода»,³ который приводит к «стремлению создавать из письменного произведения своеобразную икону, произведение для поклонения, превращать литературное произведение в молитвенный текст».⁴ Михаил Пселл в своей Похвале Метафрасту утверждает, что Симеон — это «светильник Вселенной» (τὸ πάσης τῆς οἰκουμένης λαμπρόν).⁵

Высокая оценка — это не только поэтическая гипербола, риторический топос, но она точно выражает заслуги знаменитого агиографа. Он убедительно демонстрирует непреходящее значение «агиографического канона» и «нормативной поэтики текста».⁶ Такое кодификаторское направление в православной агиографии поистине заслуживает названия *метафрастики*, потому что его движущим началом является искусство метафразы, парафразы как «пересказа» на более высоком художественном языке.

Симеон же получает почетное прозвище Метафраст (от греч. μεταφράζω — «перевожу, перелагаю, переставляю, претворяю») благодаря убедительному использованию метафразы⁸ в его житиях святых.

* Перевод с болгарского М В Рождественской при участии М Тиховой

¹ См Сляднева О Занятия ведет ученый из Болгарии // Ленинградский университет 1981 17 апр № 14 С 4

² Ср Лотман Ю Поэтика Типология на културата София, 1990 С 334 (из статьи «Каноничното изкуство като парадокс»)

³ Майоров Г Г Формиране на средновековната философия София, 1987 С 10

⁴ Лихачев Д С Некоторые задачи изучения Второго южнославянского влияния в России // Лихачев Д С Исследования по древнерусской литературе Л, 1986 С 23

⁵ Michaelis Pselli Scripta minora / Ed E Kurtz Milano, 1936 Vol 1 P 94

⁶ Буланин Д М Троянская тема в житии Михаила Клопского // ТОДРЛ СПб 1993 Т 48 С 214

⁷ Русев П Естетика и майсторство на писателите от Евтимиевата книжовна школа София 1983 С 28—29, Иванова Кл Метафрастова житийна редакция // Старобългарска литература Енциклопедичен речник / Съставител Д Петканова София 1992 С 267—268

⁸ Ср предпринятый Нонном Панополитанским (V в.) опыт парафразы (παράφρασις) Евангелия от Иоанна гекзаметрами и с использованием гомеризмов См Аверинцев С С Поз

* * *

Придворные софисты и «премудрые философы» эпохи Симеона не восприняли суровый и простой язык житий. Согласно Михаилу Пселлу, написанные таким языком, они высмеивали духовные борения и победы, чудеса Христовых служителей. «Высокомудрые» не желали читать и слушать тексты, которые своим невыразительным сочетанием слов, несвязанными по смыслу и низкими, некрасивыми образами вызывали насмешку и неодобрение: «Ἐνθεν τοῖς οἱ μὲν οὐδε ψιλὴν ἑκατέρου τὴν τῶν ὑπομνηματισθέντων ἀνάγνωσιν, τοῖς δὲ καὶ γέλωτος ἀφορμὴ τὰ λεγόμενα ἐγνωρίζετο· καὶ τὸ τῆς συνθήκης δὲ ἀκαλλῆς καὶ τὸ ἀνακόλουθον τῆς ἐννοίας καὶ τὸ τῆς λέξεως εὐτελεῖς ἀγλευκῆ τοῖς ἀκούουσιν ἦν καὶ ἀπληχθάνοντο μάλλον ἢ προσίεντου».⁹

К причинам, по которым появился литературный труд Симеона, Ефрем Мцире добавил сознательное искажение первоначальных письменных преданий: «Были искажены еретиками и злыми людьми, которые, примешав к безыскусственности их свои коварные слова, затемнили правду ложью и сделали ее сомнительною».¹⁰ Грузинский монах, соглашаясь с Пселлом, подтверждает характер Метафрастовых исправлений: «Он прежде всего украсил слог, притом так, что, удерживая смысл раньше написанного и не изменяя его, представил яснее,¹¹ вместе с этим он потрудился совершенно устранить слова сомнительные и еретиками привнесенные. Таким образом в „Мучениях“ святых он сделал два улучшения: очистил пшеницу от плевел и некрасивое сделал красивым».¹²

Заново составленные жития показывают душевную чистоту, которой пронизана земная жизнь святых. Художественная убедительность этих церковных сочинений достигается уместностью (πρέπον), размером (μέτρον) речи и соотнобразуется с соответствующим эстетическим сознанием воспринимающих.

Высокой небесной теме святости соответствует «небесный язык», подобающий и благопристойный стиль, как и писал Григорий Богослов: «Самое малое, что подобает нам, — это о мистическом говорить мистически, о святом — свято».¹³ Агиографическое речевое выражение должно быть возвышенным, а содержание — благочестивым, благообразным. Необходимо излагать его прекрасными словами, изображающими духовную красоту и совершенство христоролюбцев.

После Метафраста стремление к высокой культуре агиографического стиля становится гораздо более последовательным. Официальное житие — это уже «не биография, а назидательный панегирик в рамках биографии, как и образ святого в житии не портрет, а икона».¹⁴

тика ранневизантийской литературы М, 1977 С 145—147 Поэтика Метафраста до появления Симеона Метафраста — это предмет другого исследования

⁹ Michaelis Pselli Scripta P 100 Ср Любарский Я Н Михаил Пселл Личность и творчество М, 1978 С 150

¹⁰ См Кекелидзе К С Симеон Метафраст по грузинским источникам // Тр Киевской Духовной Академии Киев, 1910 Т 51, кн 2, февр С 188

¹¹ Ритор Иосиф Ракендит (XIII—XIV вв) относит Метафраста к числу представителей ясного и чистого стиля «Τῆς δὲ τελειότερας λέξεως ἡρουν τῆς καθαρᾶς παραδείγματα σοὶ ο Θεολόγος ο Χρυσόστομος, ο Μεταφραστῆς» (Rhetores graeci / Ed Chr Walz Stuttgartiae, 1834 Bd 3 S 526, Памятники византийской литературы IX—XIV вв М, 1969 С 345)

¹² См Кекелидзе К С Симеон Метафраст С 188

¹³ Григорий Назиански Пет богословски слова София, 1994 С 29 Слово XXXVII Против евномиан 17 А 5

¹⁴ Ключевский В О Курс русской истории Пг 1923 Ч 2 С 314—315 Цит по Лихачев Д С Избр работы Т 3 Человек в литературе Древней Руси (и др) Л 1987 С 11

Трудно точно установить, когда в православный славянский мир начали проникать сочинения Метафраста.¹⁵ На Руси в XII в. Кирилл Туровский испытывает воздействие метафрастовского Канона на Великую пятницу.¹⁶ В XI—XII вв. Болгария находится под византийским влиянием, когда там составляются пространные жития св. Климента Охридского и св. Ивана Рильского по изысканной Метафрастовой стилистике. Автором жизнеописания Климента является блаж. Феофилакт, архиепископ Болгарский, который в названии наречен «*φαιστόρος τῶν ῥητορῶν*». Стиль Метафраста распознается по риторическим «Введению» (*προοίμιος*) и «Заключению» (*ἐπίλογος*), в которых последователи Симеона часто увеличивают количество библейских цитат.

Вот как реализуется ключевая идея возникновения нового народа (на всей территории Византийской империи) через «монтаж» псалмических цитат в первой фразе: «*Δεῦτε, τέκνα, ἀκούσατέ μου (Пс. 33:12), δεῦτε καὶ διηγήσομαι ὑμῖν, πάντες οἱ φοβούμενοι τὸν Θεόν, ὅπως ἂν γινῶ (Пс. 65:16) γενεὰ ἑτέρα, υἱοὶ τεθησόμενοι (Пс. 77:6), καὶ ὁ λαὸς ὁ κτιζόμενος αἰνεσῆ τὸν Κύριον (Пс. 101:19)*».¹⁷

Похожие черты имеются и в Житии Ивана Рильского, написанном Георгием Скилицей, византийским управителем города Софии в эпоху Мануила Комнина.¹⁸

По своей сути православная славянская агиография до XIV в. — дометафрастовская. Это относится и к сербской агиографии XIII—XIV вв. Житие св. Савы Сербского Доментиана поражает непомерным объемом текста, где насчитывается около 270 явных библейских цитат,¹⁹ крайне подробные библейские сопоставления.

Уже только по этим внешним признакам выявляется преобладающий стиль периода XI—XIII вв. — стиль *монументального историзма*, наиболее полно выраженный в древнерусских летописях.²⁰

Тексты св. Писания (прямое или косвенное присутствие) придают более возвышенный, духовный характер житийному повествованию. Впрочем, авторитетом священных преданий нельзя злоупотреблять, если хочешь, чтобы речь была утонченной. Это напоминание Гермогена осознанно выражено патриархом Евфимием Тырновским и его последователями.²¹

Расточительность же Доментиана кажется одной из причин, которые заставили К. Ф. Радченко обобщить свои впечатления от агиографии XIV в. в определенном оценочном плане: «Евфимий со значительным искусством умеет пользоваться материалом Св. Писания, выбирая цитаты наиболее подходящие и употребляя их в умеренном количестве. В этом случае Евфи-

¹⁵ Ср. Златанова Р. Хрониката на Симеон Логотет и отношението и към реформата на търновските книжовници // Търновска книжовна школа. София, 1985. Т. 4. С. 204—222; Иванова-Мирчева Д. Йоан Екзарх Български. Слова. Т. 1. София, 1971. С. 123; Добрев Ив. Агиографската реформа на Симеон Метафраст и съставът на Супрасълския сборник // Старобългарска литература. София, 1981. № 10. С. 16—38.

¹⁶ Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987. С. 231.

¹⁷ Нихоритис К. Атонската книжовна традиция в разпространението на Кирило-Методиевските извори // Кирило-Методиевски студии. София, 1990. Кн. 7. С. 195; Милев Ал. Жития на св. Климент Охридски. София, 1961. С. 69.

¹⁸ Известна только версия текста на болгарском языке. Ср. Иванов Й. Жития на св. Ивана Рилски // Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. Кн. 32(13). София, 1936. С. 8.

¹⁹ Станојеввић Ст., Глумац Д. Св. Писмо у нашим старим споменицима. Београд, 1932. С. 136—213, № 378—646.

²⁰ Ср. Лихачев Д. С. 1) Развитие русской литературы X—XV вв. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 64—66, 2) Избр. работы. Т. 3. С. 26—77.

²¹ Ср. Кенанов Д. Патриарх Евфимий и каноните на ораторското изкуство // Литературна мисъл. София, 1989. № 2. С. 13—14.

мый является достойным учеником греческих агиографов и стоит неизмеримо выше сербских XIV века, в житиях которых текст лепится на текст, причем эти тексты плохо или совсем не связаны между собою и с общим повествованием».²²

Несоблюдение меры в библейских параллелях и цитатах Доментианом принимается за авторский недостаток и в более новых исследованиях,²³ но едва ли это самая точная оценка эстетического явления, которое сопутствовало началу сербской агиографии и посредством которого раскрывается монументальный образ св. Савы и выражается удивление и восхищение включением сербов в мир христианской святости.

Агиографический подход близок повествовательному стилю первых древнеболгарских и славянских житий Кирилла и Мефодия, авторскому почерку Иоанна Экзарха Болгарского и киевского митрополита Илариона. Вникая в книги Св. Писания, Доментиа́н восторгается первообразами библейского метатекста, в котором скрывается столь много предсказуемых аналогий земного пути сербского архиепископа Савы. Когда во «Введении» к «Шестодневу» Иоанн Экзарх обращается к Симеону Великому, к своим слушателям и читателям, умиленный писатель как будто поднимается над берегами Вселенной, удивляется красоте, гармонии и ритму, которые движут жизнь Мироздания. Так, в сущности, он «читает» книгу Бытие и прославляет Творца человека, мира и разума, видимого и невидимого света. Отголоски этой эпохи «радостного христианства» (Н. К. Никольский) звучат в *монументальном стиле* Доментиа́на, в рамки которого включается его «словесное вязание» («плетение словес»). Следующий этап, уже *экспрессивного, усложненного (πλεπλεμένους) метафрастического стиля* «плетения словес»²⁴ наступает в мире православного славянства в XIV в. Его первыми создателями были болгары — тогда начинается переводческая работа старца Иоанна на Афоне, великое музыкальное искусство Иоанна Кукузела Ангелогласного, и доходит до исихастского культа слова и души при Феодосии Тырновском, в Евфимиевской литературной школе и у ее последователей.

Различия начинают наслаиваться при отборе и упорядочивании слов, открытии их поэтической энергии, при разработке содержания житийных сюжетных рубрик с полным приложением принципа соответствия речевых структур их месту и роли при соединении композиционных частей текста (риторическое введение, повествовательное изложение, риторическое заключение), в соответствии с иерархическим единством тем, событий, героев, о которых рассказывается. Патриарх Евфимий жаждет дара небесноглаголанья, которым мог бы рассказать о блаженной полноте будущей жизни, приготовленной праведникам после Второго Христова пришествия, в будущем восьмом веке (αἰών): «Аще небесны имѣли вѣхумъ азыкь, въ лѣпотѣ вѣдѣща ина сказовали вѣхумъ съ вѣськожъ сладостѣхъ съѣлау оуслаждаещеж и проливаетеж въ житенскиа вещи».²⁵

По стопам иеромонаха Доментиа́на следуют Феодосий Хилендарец, архиепископ Даниил и его неизвестный ученик. Они очень хорошо усваивают накопленный творческий опыт своих славянских предшественников и учителей. Если мы взглянем в «Житие короля Милутина» Даниила,

²² Радченко К. Ф. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898. С. 287. Ср. Mulić M. Srpski izvori «Pletenija sloves» // Djela Knj. L. Odjel za književnost i umetnost. Knj. 2. Sarajevo, 1975. S. 52—54.

²³ Ђоровић Вл. Доментиа́ново књижевно дело // Српска књижевност у књижевној критици I. Стара књижевност Београд, 1965. С. 326.

²⁴ Ср. Фрайданк Д. К. сущности и предпосылкам стиля «плетения словес» // Тырновска книжовна школа. София, 1980. Т. 2. С. 89.

²⁵ Из предисловия к «Житию еп. Илариона Мегленского» Kałuzniacki E. Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius. Wien, 1901. London 1971. (Introd.—Iv. Dujčev) S. 27.

то заметим, что в риторическое приветствие — «ублажение» — золотой нитью вплетается слово Климента Охридского («Похвала св. Кириллу Философу»).²⁶

В XIV—XV вв. в Сербии подвизаются Григорий Цамблак и Константин Костенческий, чтобы преобразовать идеализирующее направление в агиографическом стиле Тырновской литературной школы. В творчестве Константина Костенческого для кодирования смысла до крайности развивается евфимиевский стилистический принцип высокого, синтаксически усложненного художественного языка. Вот почему понятно прозвание известного книжника Павлом Поповичем — «пришелец из тырновской земли»: «Никаде се ја не бих усудио да га преводим боејни се сваки час да не разумем какав се таман смисао кри е у његовим неразговетним речима и чудној конструкцији». ²⁷ («Никогда я не посмел бы переводить его, постоянно опасаясь, что не пойму, какой темный смысл скрывается в его строгих словах и удивительном построении»).

В литературе тырновской Болгарии создается высокая общеславянская православная метафрастика. В тырновские Великие Четьи Минеи вносятся метафрастовские жития Савы Освященного, Феодосия Великого, Стефана Нового Исповедника, Николая Мирликийского, Иоанна Златоуста, Иоанна Колебника, мучеников Никиты, Димитрия, Евстратия, Авксентия, Евгения, Мардария, Ореста и др. В конце XIV в. переводятся три молитвы Метафраста, полагающиеся в Чине исповедания и причащения.²⁸ Известности византийскому агиографу добавило и утверждение Иерусалимского устава, где под 1 сентября чтения объединяются общим заголовком: «Переводы Симеона Логофета». ²⁹ В борьбе с ересью Варлаама и Акиндина исихасты опираются на сочинения Метафраста: слово о св. Иоанне Богослове, житие св. Евдокима, переработанные слова св. Макария Египетского.³⁰

Кроме Григория Цамблака и Константина Костенческого метафрастовские традиции проявляются у Владислава Грамматика, Димитрия Кантакузина³¹ и других писателей XV в. Софийская литературная школа XVI в. также имела прямое отношение к метафрастике — достаточно указать на «Житие Николая Нового Софийского» Матвея Грамматика, где встречаются заимствования из житийных повестей о Стефане Новом Исповеднике и Николае Мирликийском.³²

В XIV—XV вв. Балканы попадают под турецкое иго. Разрушены почти все церковные и образовательные структуры. Обычный человек начинает отчуждаться от изящного литературного языка, который становится ему непонятен. Наступает время культа простонародного языка: «ἀπλή (κοινὴ) γλῶσσα, «простейший», «препростейший язык», «болгарский простой и краткий язык». К новой ситуации в разговорных языках балкан-

²⁶ Ср Кенанов Д За сръбската агиография от XIII—XIV в // Проглас Филологическо списание на Великотърновския университет «Св св Кирил и Методий» Велико Търново, 1994 № 2, с 46

²⁷ Поповић П Житије деспота Стефана Лазаревића Константина Философа // Српска књижевност у књижевној критици I Стара књижевност Београд, 1965 с 458

²⁸ Ср Кенанов Д Молитви на Симеон Метафраст в старобългарски превод // Старобългаристика София, 1991 Т 15, № 1 с 59—71

²⁹ Виноградов В П Уставные чтения Вып I Уставная регламентация чтений в греческой церкви Сергиев Посад, 1914 с 172

³⁰ Кенанов Д Симеон Метафраст и Търновската книжовна школа // Търновска книжовна школа София, 1985 Т 4 с 27—30

³¹ Кенанов Д Евтимиевото житие на св Иван Рилски в агиографската традиция // Старобългаристика 1992 Т 16, № 1 с 44—48

³² Райчинов С Софийският книжовен център и Рилският манастир през XVI вв // Старобългарска литература 1982 Кн II с 71—77

ской христианской общности приспособляются и адаптируются идейные богатства высокой литературы эпохи перед рабством. Уже в XVI в. в греческой литературе проявляется реформаторское движение за стилистическую и языковую доступность церковных проповедей, которое можно назвать *просторечной, народной метафрастикой*. Когда слова проповедника непонятны, ширина и глубина христианского знания закрыты для человека. К такому выводу, используя образную аналогию, приходит Дамаскин Студит в предисловии к известному сборнику *Ἐπιστολὴς* (Сокровище) 1557—1558 г.: «Если сад затворен и колодец запечатан, какая польза от обоих?» («Κῆπος κεκλεισμένου καὶ πηγῆς ἐσφραγισμένης τί ἐν ἀμφοτέροις ὄφελος»).³³

В этом сборнике метафрастовское житие св. Николая Мирликийского переложено (μεταφραστεις) простым (κοινῆν) греческим языком. Среди наиболее интересных особенностей переложения Дамаскина — языковое (подобное фуге) двухголосие при цитировании Библии. Боязнь языковой недоступности оригинального библейского текста, порчи стилистико-содержательной полноты и высоты Св. Писания заставляет Дамаскина Студита давать точный библейский текст, а затем после него близким или удаленным от оригинала переложением объяснять его на новогреческом языке.³⁴ По примеру Студита болгарские составители дамаскинов выполняют смелые переводы и очень сильно удаляются от переводимого текста (ср. явление «болгаризации» в возрожденческой литературе). В своих книгах «Παράδεισος» (1641) и «Νέος Παράδεισος» (1664) Агапий Ландос (Критский) перерабатывает на новогреческом языке метафрастовские жития.

Открытая социальная энергия разговорных языков положила начало духовному возрождению поработанных балканских народов, зажгла светильники на пути к свободному будущему в новое время.

* * *

Эстетический итог агиографической реформы Метафраста заключается в том, что первоначальные неукрашенные жития уже не оказывают столь сильного воздействия, даже если и написаны непосредственно очевидцами деяний святых и их «соратниками». Риторическое обновление таких текстов — довольно продолжительный этап, который рано или поздно осуществляется. Литературная обработка может производиться многократно, как в случае с житием Зосимы и Савватия, основателей Соловецкого монастыря. Ученик Зосимы, священноинок Досифей, положил начало соловецкой библиотеке. Из его «Слова о сотворении Жития Зосимы и Савватия» узнаем, что после смерти Зосимы он отправился в келью к старцу Герману и, основываясь на его свидетельстве, решил увековечить словом память о двух соловецких отцах. Однако записанный бесхитростный текст вызвал насмешку части монахов. Спустя время по настоянию новгородского архиепископа Геннадия Досифей по памяти восстановил житие, первоначальный текст которого он уничтожил. Помня о противоречивой читательской реакции, уединившийся в келье агиограф решает найти «художественного редактора» — переводчика, который украсил бы просто изложенные истины. На пути в Москву в Ферапонтовом монастыре Досифей встречает старца Спиридона, «бывшему митрополиту Киевскому»: «Показах ему свое грубое пи-

³³ Ἐπιστολὴς Διασκήτου τοῦ υποδιακονοῦ καὶ Στουδίτου τοῦ Θεσσαλονικεῶς Θεσσαλονίκη 1983, 2, 16

³⁴ Подробно ср. Кенанов Д. Метафрастово житие на св. Николай Мирликийски // Трудове на Великотърновския университет. Годишник на Православния Богословски факултет 1991/1992. Велико Търново, 1994. Т. 1. С. 76—110

сание, понеже бе муж мудр, измлада извыче и добре умея Божественная Писания новая и ветхая. И Божия ради имени не отрече ся понудити старость свою, изложи и написа добре, якоже подобно в общую ползу хотящим спасти ся и ревновати сих преподобных житию». ³⁵ Архиепископ Геннадий не скупится на похвалы достигнутого литературного успеха. «Се во истину добро». Однако, несмотря на безусловное одобрение святителя, житие подверглось новой переработке благодаря предисловию, приписываемому Максиму Греку. Оценка написанного Досифеем неувидительна («По тонку и неухищренно»), но стилистическое вмешательство Спиридона-Саввы неожиданно рассматривается как недостаточное: «Он же отчасти убо исправил и добрословием украсил, но не все». ³⁶

Житие св. Сергия Радонежского перерабатывается Пахомием Логофетом (Сербом), независимо от того что Епифаний Премудрый составил его в 1417—1418 г., наполнив риторикой: «По сравнению с изощренным в высшей степени экспрессивно-эмоциональным панегирическим стилем „плетения словес“ Епифания, стиль Пахомия, третьего (после митрополита Киприана и Епифания) видного представителя этого стилистического направления в агиографии, несколько более умерен и безлично официален. Пахомий значительно сократил пространное произведение Епифания, в том числе удалил места, позволяющие судить об антимосковском настроении автора, пополнил Житие цитатами из Священного Писания, из византийских агиографических произведений, а также из жития митрополита Петра, написанного митрополитом Киприаном». ³⁷

Великим систематизатором агиографической литературы в XVI в. был русский митрополит Макарий. Его огромные 12-томные Великие Четьи Минеи явились идеологическим выражением тенденции к объединению и централизации Московской Руси, к созданию единой литературы. Из сочинений Симеона Метафраста взяты болгарские переводы его житий Иоаннкия Великого (4 ноября), Стефана Нового Исповедника (28 ноября), Николая Мирликийского (6 декабря). В переводе Максима Грека читается слово Метафраста о чудесах Михаила Архистратига (6 сентября), а также и мучение Дионисия Ареопагита (3 октября). Наличие других метафрастовских житий не меняет впечатления, что все же преобладают дометафрастовские агиографические статьи. ³⁸ Независимо от этого митрополит Макарий является выдающимся русским переработчиком в той систематизаторской работе, которой обновляется идейно-художественное воздействие церковной литературы и утверждается единство веры. И не случайно он возглавил церковный собор в 1551 г., когда принимается законодательный сборник «Стоглав». В нем запрещается использование неисправных книг и устанавливается церковный надзор за переписчиками.

Потребность в исправленных книгах наиболее сильно чувствуется на западной и юго-западной окраинах России, где Реформация и Контрреформация ведут религиозную войну против православия, против церковнославянского (древнеболгарского в своей основе) языка богослужения и «высокой» литературы. ³⁹ На Украине распространяются протестантские «еретические катехизисы», печатанные в Германии на нелитературном славянском языке

³⁵ Дмитриева Р. П. «Слово о сотворении жития начадник соловецких Зосимы и Савватия» Досифея // Русская и армянская средневековые литературы Л, 1982 С. 134

³⁶ Дмитриева Р. П. Житие Зосимы и Савватия Соловецких // Словарь книжников Вып. 2, ч. 1 С. 265

³⁷ Прохоров Г. М. Пахомий Серб (Логофет) // Там же Вып. 2, ч. 2 С. 171

³⁸ Ср. Сперанский М. Н. Славянская Метафрастовская Минея-Четья // ИОРЯС С. Пб. 1904 Кн. 4 С. 202

³⁹ Лихачев Д. С. Литературы восточных славян и Литвы. Введение // История всемирной литературы М, 1985 Т. 3 С. 458

(Lingua Rutena).⁴⁰ Разноязычие отражается и в рукописной практике. Литературный церковнославянский язык соседствует с польским языком, как в случае с рукописью из собр. М. П. Погодина, № 780. В ней⁴¹ читаются молитвы при эпидемии, варварском нашествии и другие, из Службника патриарха Евфимия Тырновского, польскоязычные жития, приписываемые Симеону Метафрасту и Иерониму *Метафрасту*,⁴² поучение к православным христианам о последних днях и временах, житие св. Марии Египетской, поучение о церкви Христовой, слово о св. мученице Параскеве. Драматическим звучанием своего содержания сборник соответствует беспокойной дисгармоничной эпохе, которую переживает Украина в XVI—XVII вв. Чтобы найти спасительный путь в тогдашнем идеологическом противостоянии, ревнители православия обращаются к сохранным в народе источникам своей веры.

Среди необходимых велений времени — восстановление правдивых преданий. В этом ряду — св. Димитрий Ростовский и его подвиг книголюбия. В Киево-Печерской Лавре в 1689, 1695, 1700 и 1705 гг. печатаются на церковнославянском языке жития святых, почитаемых православной церковью.⁴³ В доступных синодальных изданиях в качестве главной мысли составителем выбран отрывок из метафрастовского жития преп. Ксении (24 января): «Житіа и похвалы сватыхъ подобат са свѣтлостію звѣздамъ: такоже бо звѣзды положеніемъ на небеси утверждены сѣтъ, всю же поднебесную просвѣщаютъ, тымаже и шт Індіанъ зрат са, ни сокрывають са шт скѣпелъ, землю wzараютъ, и морю свѣтатъ, и плавающихъ корабли управляютъ; нуже именъ аще и не вѣмы множества ради, обаче свѣтлон добротѣ ихъ чѣдимъ са. Сице и свѣтлостъ сватыхъ, аще и затворены сѣтъ мшци ихъ во гробѣхъ, но силы ихъ въ поднебесной земными предѣлы шпредѣлены: чѣдим са тѣхъ житію, и удивляем са славъ, еюже Бгъ угодившымъ емъ прославляеть».⁴⁴

Составительская работа Симеона Метафраста является наивысшей и основополагающей меркой, по которой Димитрий Ростовский соизмеряет свои многолетние писательские усилия. В «Предисловии к благочестивому читателю» архимандрит Варлаам свидетельствует, что иеромонах Димитрий, будущий митрополит ростовский и ярославский, руководствуется принципиальным разбором художественного языка метафрастовских житий: «И такъ тон видѣ нужднѣю церкви потребѣ, къ семъ же и послѣшамъ предложен-

⁴⁰ Согласно впечатлениям палского представителя Д. Коммендоне, который путешествовал по Украине в 1564 г. Ср. Яковенко С. Г. Римская курия и планы церковной унии на восточнославянских землях (60-е годы XVI в.) // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей. М., 1990. С. 255.

⁴¹ РНБ собр. М. П. Погодина, № 780, 4°, полуустав, XVII в., первая половина — согласно Копреева Т. Н. Собрание рукописной книги М. П. Погодина. Предварительное описание. Л., 1956—1977, № 780 (машинопись). Ср. Иванова Кл. Български, сръбски и молдоволахийски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София, 1981. С. 444. Здесь рукопись отнесена к второй четверти XVI в.

⁴² Подробно ср. Кенанов Д. Св. Димитрий Ростовски и неговите метафразирани «Жития сватыхъ» // Трудове на Великотърновския университет. Годишник на Православния Богословски факултет. 1992/1993. Велико Търново, 1995. Т. 2 (в печати).

⁴³ Феофан Прокопович определяет жития как «истории о святых и их чудесах». Он выступает против лживых исторических рассказов и суждений Петра Скарги, против изобретения лживых чудес. Ср. Курилов А. С. Литературоведение в России XVIII века. М., 1981. С. 78—79.

⁴⁴ Жития святых на месяц Септемвриий. Св. Киево-Печерская Успенская лавра, 1877. л. 1 б. Эпиграф сохранен и в русском переводе. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского с дополнениями, примеч. и изображениями святых. Кн. 1. Сентябрь. М., 1904, фототипно — М., 1991. В этом переводе цитаты из Библии сохраняют церковнославянскую форму, а духовное их значение дополнительно подчеркнuto тем, что они напечатаны негражданским шрифтом.

наγω емѹ тоγω, еже блаженныи ѿмевитъ Метафрастъ пишетъ (въ житїи святаго Автонома, септемврїа. VI.): такъ равное есть сло, и еже глаголати неподдающая и еже молчанїю предавати та, таже сѹть полезна и честна: такоже во вредитъ мысли слышащихъ глаголан нечестнаа, такъ сѹмолчевали двѣраа сватыхъ дѣланїа, лишаетъ благочестивыхъ пользы».⁴⁵

Очевидно сознательное стремление Димитрия Ростовского правильно усвоить творческие уроки Метафраста. Как и тот, он не перестает настаивать, что благочестивая земная жизнь святых — призыв к подражанию.

Жития представляют собой неисчерпаемый источник образцов личностного поведения, заслуженно называются «вторым Евангелием, духовным садом».⁴⁶ Многочисленные добродетели изображаются только достойным языком, приличествующим (подобающим) добродетелям. Не получив Божьего дара небесного слова, агиографы не могут исполнить своего духовного предназначения. Эти заветы Симеона Метафраста осуществляют все его последователи.

⁴⁵ Жития святых на месяц Септемврий, л. 2 а-б.

⁴⁶ Βίοι καὶ ἐγκόμια ἁγίων. Ἁγίου Ἀθανασίου τοῦ Μεγάλου. Πατῆρ Πατέρων (Ἁγιος Ἀντώνιος ὁ Μέγας). Ἐπιμέλεια· Μετάφρασις // Ἀρχιμ. Ἰωαννικίου. Δ' ἔκδ. Θεσσαλονίκη, 1993. Σ 04.

Е. Г. ВОДОЛАЗКИН

К вопросу об арабских наименованиях планет в древнерусской книжности

Любое заимствование — будь то литературный сюжет или лексика — интересно не только с точки зрения своего происхождения. Зачастую заимствования помогают создать более четкое представление о той историко-культурной ситуации, в которую они были включены. С этой точки зрения мы предлагаем некоторые наблюдения над двумя натурфилософскими фрагментами, содержащими арабские названия планет.

В 1862 г., публикуя «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки», А. В. Горский и К. И. Невоструев особо выделили следующий текст:

«А в звѣздахъ тако намъ повѣдаеть, яко звѣзды исподн сѣтъ подъ твердію, ниже двою частью высоты небесныхъ движими, вбращаеми w(т) слѣжвы чина невидимыхъ силъ, надъ нимиже есть седмъ плани(т), рекша и полси. Ѡѣ же звѣзды ходать предъ солнцамъ и по солнщи седмъ. Зѣгель ходать три лѣта а понлъ, мощиръ едно лѣто, емерихъ четыредесать пла(т) дни, въ шимесь м(е)с(а)цъ, Ѡзѣгра два лѣта и патъ дни, w оутен(Ѡ)ъ восьмъ дни, яко мамаръ два дни. Тѣ же ѡбо звѣзды не сѣтъ везъ лѣпоты, по всѣмъ ч(е)л(ов)ѣкомъ въ знамениа сѣтъ и птицамъ, и звѣремъ земнымъ».¹ Этот фрагмент был обнаружен в рукописи № 231, XVII в., определенной авторами описания как «Собрание слов на св. Четырдесятницу и на воскресные дни целого года». На л. 104 рукописи помещено: «В понедельникъ четвертыя недели святаго Поста слово от Шестодневца о небесныхъ силахъ», где объясняется фрагмент книги Бытия о первых четырех днях творения. В конце этого «Слова от Шестодневца» (далее: Слово) ими и был обнаружен приведенный текст. Описание, кроме того, указывает, что названия небесных тел заимствованы из арабского языка: *suhhel* — Сатурн, *muschtan* — Юпитер, *mirih* — Марс, *schems* — Солнце, *zuhara* — Венера, *katara* — Луна² (добавим: Меркурий — *utuarid*). Аналогичный отрывок А. В. Горским и К. И. Невоструевым был отмечен в рукописи XVII в. № 232 того же собрания.

Сразу отметим, что сборник, из которого взят фрагмент о планетах, — Златоуст. Интересующий нас текст содержат постные и годовые Златоусты в списках XV—XVII вв. В таких близких к Златоусту памятниках, как Торжественник или Измарагд, данного текста нет.

¹ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. 2. С. 91—92.

² Там же. С. 92.

лах указанных фрагментов сходство памятников дословное. Соответствия Слова ТП отмечаются от начала ее текста до таблицы лунных фаз.

В свое время, устанавливая источники ТП, В. М. Истрин привлек к анализу фрагмент Златой Матицы, озаглавленный «Слова избранныя от книги, глаголемыя от святых».⁸ Эта статья содержит ряд астрономических сведений, приведены в ней также описания зверей на основе Физиолога. Вся статья Златой Матицы, несомненно, связана с ТП. Описанный В. М. Истриным тип отношений ТП и Златой Матицы (а он считал, что ТП здесь вторична) соответствует отношениям ТП и Слова в рамках оппозиции сокращения—распространение—в зависимости от того, какой из текстов считать первичным (как известно, тезис В. М. Истрина об использовании Златой Матицей и ТП общего источника был поддержан не всеми исследователями).

Можно высказать догадку, что естественнонаучные тексты Златой Матицы и Златоуста являются двумя частями одного памятника, как бы ни решался вопрос об их отношении к ТП. В ТП указанные тексты следуют один за другим: открывает ее фрагмент, обнаруженный в Златоусте, а продолжает—текст, известный по Златой Матице. Разделены они в ТП лишь таблицей фаз луны, не вошедшей ни в Златоуст, ни в Златую Матицу. Исследование Слова, принципы составления которого соответствуют принципам текста в Златой Матице и которое предшествует тексту Златой Матицы, может дать материал для окончательного разрешения вопроса о первичности или вторичности ТП.

Вот все, что нам пока известно о Слове, в составе которого найдены арабские наименования планет. Какое же место занимают они в Слове? Обратимся к первичным источникам Слова, анализируя их в данном случае не с источниковедческой, а с содержательной точки зрения. Небезынтересен контекст, в котором оказались арабские заимствования. Контекст как в прямом смысле, так, пожалуй, и в переносном, историко-культурном. Не считая двух небольших фрагментов неизвестного происхождения, источники Слова совпадают с палеяными. Это сочинение Дионисия Ареопагита, Севериана Гевальского, Епифания Кипрского, Козьмы Индикоплова, Иоанна Дамаскина, Иоанна Экзарха. Фрагмент с арабизмами продолжает сообщение о местоположении звезд, состоящее из двух частей. Первая из них—«а о звѣздах тако <...> невидимыхъ силъ»—взята из 9-й главы Христианской Топографии Козьмы Индикоплова. Рассматриваемая выписка является кратким изложением космографических воззрений Козьмы, считавшего Землю плоским прямоугольником, над которым ангелы перемещают звезды (или планеты: ни то, ни другое не было термином, ибо подразумевало небесное тело вообще). Звезды находятся под небесной твердью, земная твердь лежит в океане, на севере земли возвышается гора, за которую в своем вращении заходят небесные тела. Выражение «ниже двою частью высоты небесныя» означает локализацию планет на втором небе. Дело в том, что в одном из иудейских преданий говорилось о существовании трех небес: облачного, звездного и высшего, на котором находится престол Божий. Иное иудейское предание говорило о семи небесах. Козьма принадлежал к традиции, ограниченной тремя небесами на основании 1—4-го стихов 2-го Послания к коринфянам апостола Павла, где рассказывается, как апостол (речь о нем идет в третьем лице) был поднят к третьему небу.

Вслед за заимствованием из Христианской Топографии следует упоминание о поясах неба, которое восходит к «Точному изложению православной

⁸ Истрин В. М. Замечания о составе Толковой палеи. Часть 5 // ИОРЯС. 1898. Т. 3, кн. 2. С. 477—478.

веры» Иоанна Дамаскина. В 6-й и 7-й главах второй книги с известной дистанцией («говорят») Дамаскин приводит элементы геоцентрической системы Птолемея. Он сообщает, что существует 7 поясов неба, один над другим. На каждом поясе находится планета, и движутся они в сторону, противоположную движению неба.⁹ Драматизм сосуществования описанных фрагментов состоит в том, что взяты они из двух взаимоисключающих учений. Иоанн Дамаскин, как следует полагать, не отрицал Птолемеевой системы, утверждавшей сферичность неба и Земли. Козьма Индикоплов, напротив, эту систему опровергал, гневно обличая мысль о существовании «антиподов» («противноходцев» в славянском переводе) — людей, ходящих по обратной стороне Земли вниз головой: «О противу ногама стоящих: ни рещи, ни слышати о сих кощонахъ».¹⁰ Мнение Козьмы отразилось и в Слове: «Молвять бо нѣии баснословци, яко под землею течеть солнце и луна и с прочими звѣздами. Иже бо првѣии здавше столпъ и на высотѣ бывше, и всеу ума своего блазнишися, видѣвша свѣтилна и звѣзды овы приходяща, овы отходяща и обращающася, мнѣша круглообразну быти небу».¹¹ Отстаивая точку зрения, согласно которой небо подобно шатру, Козьма апеллирует к 103-му псалму, где сказано: «...пропиная небо, яко кожу». Из предшественников Козьмы таких же космографических взглядов придерживался Иоанн Златоуст.

Соединение разных систем в тех их частях, где противоречие не столь очевидно, не редкость в древнерусской книжности. Можно, к примеру, указать список Христианской Топографии из РГБ, ф. 310, № 191, где на л. 155 об. читается фрагмент о небесных поясах по Дамаскину.

Такова структура текста, предваряющего перечисление планет. Само перечисление указывает время пребывания небесных тел в одном из 12 знаков зодиака. Периодами пребывания планет в «доме» (знаке зодиака) обычно оперировали астрологические сочинения, пытавшиеся по расположению планет в том или ином «доме» «указать» благоприятные и неблагоприятные времена. Непосредственного источника, сочетавшего бы подобную информацию с арабскими наименованиями, мы назвать не можем. Аналогичные описания сохранились в ряде астрологических сочинений, бытовавших на Руси позднее, в частности в «Великой и предивной науке Раймунда Лулия». Вместе с тем нам удалось найти сходное описание и в рукописи XV в. астрологического содержания (РНБ, Погодинское собр., № 1032). На л. 13 рукописи помещена статья «О планитах», где астрономические сведения сохранились в более исправном виде, чем в Златоусте. Вместо «три лѣта а понлъ» там читается «полтрет<аго> лѣта», вместо «два лѣта и пять дни» у Венеры читается «днии ке». Впрочем, ни в одном из текстов подобного типа арабизмы нам не встречались. Что касается арабских наименований в Слове, то к сказанному о них можно лишь добавить, что выделявшиеся исследователями особые сочетания «яко мамар» или «юмамар», восходящие к арабскому *qamar* (Луна), объясняются палеографически на основе ранних списков Слова. В более исправном тексте читается: «и днию мамарь», т. е. «дни» в творительном падеже, где «ю» (в других списках сходное с ним *га*) примыкало к последующему слову. В отношении данного фрагмента отметим также, что последнее предложение «Тѣ же чю звѣзды <...> и звѣрем земнымъ» несомненно связано с текстом ТП. В ТП этот текст распространен.

Помимо «Слова о небесных силах» арабские наименования планет нам удалось обнаружить еще в одном памятнике. Это Краткая хронографиче-

⁹ PG. Parisiis, 1860. Т. 94. Р. 881, 889.

¹⁰ Книга глаголемая Козьмы Индикоплова. СПб., 1886 С. 34. Здесь и далее орфография примеров упрощена.

¹¹ БАН, Беломорское собр., № 4, л. 84 об.

ская палея, представляющая, в сравнении с ТП, сокращенный текст.¹² Интересующий нас текст находится в части, посвященной четвертому дню творения:

«А звѣзды исподи сѹть под твердию, ниже двою частью высоты небесныа движими и обращаеми невидимыми чиньми аггелъ, над неюже есть ѿ планидъ. а планида нарицается Кроугъ Зугалъ сѹбота, идѣже есть престолъ Божин; б планида Зеусъ Мешетрѣи четвергъ; г планида Арнс Мехирь вторник; д планида Шемось Волнце, тѹ есть неделя; е планида Афродитъ Зугра пѹток, на сеи планиде зарѹница звѣзда; ѿ планида Гермисъ Одаридъ среда; з планида Каморъ, идѣже есть Лѹна понеделникъ, под сею планидою звѣзды ѹтвержены» (БАН, 24.5.8, л. 5).

Сравнивая этот отрывок с текстом, приведенным выше, отметим сходство названий планет по всем позициям, кроме Марса (араб. *miḡīh*). В Краткой палее: «мехирь». «Мехирь» или «мехейр» — это месяц александрийского календаря, в основном соответствующий февралю, и в данный перечень он попал случайно. Но «мехирь» упоминается в ТП. Эта ошибка по созвучию наводит на мысль, что арабские названия включались человеком, хорошо знавшим ТП, а именно — составителем Краткой палеи. О том, что арабизмы попали в Краткую палею уже в процессе создания памятника, а не позднее, говорит и наличие их во всех списках Краткой палеи. Символы планет арабские названия Краткой палеи, очевидно, не сопровождали. Из указанных особенностей арабской лексики в обоих текстах следует, что ни один из перечней планет не находится в зависимости от другого: в Краткой палее нет следов планетных символов, в Слове название Марса дано верно.

Оба фрагмента имеют сходное заимствование из Христианской Топографии об ангелах, вращающих звезды, что вызвано связью обоих памятников с ТП. Можно отметить, кстати, что есть еще один текст, в котором заимствование из Христианской Топографии дано в версии ТП, соединившей два фрагмента 9-й главы. Это славянский перевод самой Христианской Топографии, но только не в основном тексте, а в подписи к миниатюре, изображающей скрижали, трапезу, жезл Аарона и семисвечник.¹³ В греческой традиции подобная запись нам неизвестна. С нашей точки зрения, в данном случае имеет место вторичное заимствование из ТП.

Но вернемся к фрагменту Краткой палеи. Несмотря на сходство в части, восходящей к Христианской Топографии, перечисление планет в ней отличается от перечня Слова. На первой позиции Краткая палея дает обычное для древнерусской книжности греческое название планеты, на второй — арабское, а на третьей — название дня недели.

Название дней по планетам пришло во II в. н э.¹⁴ На основании свидетельства Диона Кассия происхождение планетарной недели принято связывать с эллинистическим Египтом. Вопрос о том, почему порядок следования дней не соответствует порядку планет, поднимался еще в древности. Ответ здесь связан с тем, что первоначально возникло представление о господстве планет над отдельными часами. Этим объясняется правило эллинистических астрологов считать господствующей планетой дня ту планету, которая господствует над первым его часом.¹⁵

¹² См. Истрин В. М. Исследования в области древнерусской литературы СПб 1906 Т. 1. С. 131–139.

¹³ Книга глаголемая Козмы Индикоплова С. 176.

¹⁴ Ginzler F. K. Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie Leipzig 1914 Bd. 3. S. 297.

¹⁵ Paulvs Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft Stuttgart 1950 Bd. 20 S. 2143–2144.

Легко заметить, что Краткая палея дает перечень планет в Птолемеевом порядке, и к астрологическим изысканиям данный текст не имеет отношения. Здесь, впрочем, следует оговориться, что современные полуса астронмия—астрология вряд ли применимы к средневековью, не знавшему такого четкого разделения. Проба на «астрологичность» не сводима к одному лишь порядку планет. Например, в «Точном изложении православной веры» Дамаскина один раз планеты перечислены в связи с днями недели (6-я глава второй книги). А рукописи РНБ Q.XVII.56 и приводимая А. И. Соболевским № 222 Виленской публичной библиотеки, передавая сходный текст астрологического содержания, придерживаются разного порядка перечисления планет.¹⁶

Все эти примеры соединений текстов и позднейших вставок лишний раз показывают, сколь относительной была «чистота идеи» в средневековье. В условиях отсутствия авторского сознания и иммунитета текста в отношении последующих добавлений относительную стабильность сохраняли лишь тексты, пребывавшие в так называемой «контролируемой текстологической традиции», — главным образом Священное Писание. Тексты натурфилософского содержания часто соединялись с другими, сходными (или не очень), пополнялись новыми сведениями. Так, некоторые рукописи сочинения Дамаскина, перечисляя планеты, указывают связанные с ними металлы.¹⁷

Завершая рассмотрение памятников с арабскими названиями планет, выскажем свою точку зрения относительно времени и пути проникновения этой лексики на Русь. Как считают исследователи Златоуста, формирование этого памятника на основе триодного четвѣго сборника относится к концу XV в.¹⁸ Формирование это происходит, в частности, за счет включения новых текстов для будних дней, к каковым относится и понедельник четвертой недели Великого поста. Составление Краткой палеи поддается датировке с трудом (2-я половина XIII—XV вв.¹⁹ По нашим наблюдениям, время создания Краткой палеи лежит ближе к XV в.). Ни один из источников обоих памятников арабских наименований не содержит. Из этого следует предположение, что появление этой лексики на Руси можно относить к XV в.

Основой для астрологических выкладок могли послужить расчеты Клавдия Птолемея. Это, кстати, объяснило бы и наличие арабизмов. Как известно, греческий текст сочинения Птолемея «Альмагест» (искаженное Μεγάλη δόρυξίς), написанного им в 150—160 гг., впоследствии затерялся и не был известен в Европе до XV в. Для средневековья это сочинение сохранил арабский перевод, выполненный в 825 г. С Альмагестом Европа знакома считалась через переводы с арабского. Важнейшим этапом такого знакомства считается 1252 г., когда по распоряжению кастильского правителя Альфонса X еврейскими и мавританскими учеными были составлены астрономические таблицы. Разумеется, без знания текста-посредника в нашем случае возможна лишь пунктирная линия. В качестве аналогии можно упомянуть такое энциклопедическое сочинение, как «Тайная Тайных», возникшее на арабском языке. Восточное влияние на Русь шло с Запада. Как отмечает Д. С. Лихачев, «среди всех остальных европейских литератур древнерусская литература имеет наименьшие связи с Востоком».²⁰

¹⁶ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков СПб. 1903 С. 425

¹⁷ РГ Т. 94 Р. 889

¹⁸ Творогов О. В., Черторицкая Т. В. Златоуст // Словарь книжников. Вып. 2 ч. 1 С. 359

¹⁹ См. Адрианова В. П. К литературной истории Толковой Палеи. Киев. 1910 С. 26

²⁰ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М. 1979 С. 12

Несомненно, в рассматриваемых фрагментах речь идет о письменной традиции. В дополнение к высказанному возражению против устного источника этой лексики заметим следующее. Историко-астрономическое исследование Д. О. Святского показывает, что, несмотря на упоминание планет в древнерусских рукописях, реально в Древней Руси были знакомы только с Венерой. Эмпирического знания о других планетах на Руси не было. «По крайней мере, нигде мы не нашли хотя бы отдаленных указаний на это: ни в фольклоре, ни в литературных памятниках, в том числе и в летописях», — отмечает Д. О. Святский.²¹ В таких условиях устная передача маловероятна. Характерно, что единственное восточное наименование, для которого можно предполагать устный путь, связано с Венерой. Это «чигирь», обозначающий у крымских и астраханских татар как планету, так и водоподъемный снаряд (очевидно, по признаку поднимания—опускания).²² Первоисточник слова Фасмер, вслед за Рамстедом, видит в персидском *zohre* (вопреки мнению А. И. Соболевского).²³ Слово «чигирь» в восточнославянских землях было довольно распространенным и отразилось даже в топониме: город Чигирин на Украине.

Подведем краткие итоги. Арабские наименования планет появились на Руси в XV в. На сегодняшний день они известны в двух авторитетных для Древней Руси памятниках — Златоусте и Краткой хронографической палее. Мнение о посредничестве османо-турецкого языка при попадании в язык староболгарский нам не представляется обоснованным, так как статья Златоуста на понедельник четвертой недели Великого поста формировалась на Руси, на Руси же была создана Краткая хронографическая палея. Нет также аргументов в пользу устного пути попадания этой лексики на Русь. Арабские названия попали письменным путем, вероятно, посредством какого-либо астрологического сочинения. Тексты, в которые были включены фрагменты с арабскими названиями, по составу своему традиционны и с астрологией не связаны. В этих контекстах роль арабизмов близка к декоративной.

Таковы некоторые наблюдения над двумя фрагментами XV в., своеобразным культурным срезом, отражающим особенности естественнонаучных представлений Древней Руси.

²¹ Святский Д. О. Очерки истории астрономии древней Руси // Историко-астрономические исследования М, 1962 Вып 8 С 38

²² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка СПб, М, 1882 Т 4 С 603

²³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка М 1987 Т 4 С 359

С. И. НИКОЛАЕВ

Кометы в переводной литературе XVII в.

Из множества комет, промелькнувших на русском небосклоне в средние века (а источники фиксируют их появление 37 раз),¹ наибольшее число слухов и толков вызвала комета, которую хорошо было видно в северной части неба с начала ноября 1680 до конца января 1681 г.² Современник так описывал свои впечатления от созерцания небесного явления: «Лета 7189-го году на Московском государстве бысть знамение велие: на небеси явися против самой Москвы на зимней запад звезда. Величиною она как и прочии звезды, светлостию ж тех звезд светлее, хвост у нее велик, стояще хвостом на Московское государство. И от самой же звезды той как пышет. И поиде от звезды хвост узок и от часу нача распространяться в ширину, яко на поприще. Людие ж вси, видя такое знамение, дивяся и недоумевахуся: „Что будет?“. Мудрые ж люди о той звезде растолковаху, что та звезда на Московское государство стоит хвостом не к доброму делу. Так и учинилась. О той звезде толкуется: как она стоит главою над которым государством, и в том государстве подает Бог вся благая и тишину и никаторого мятежу в том государстве не живет. А на кои государства она стоит хвостом, в тех же государствах бывает всякое нестроение и бывает кровное пролитие многое и междуособныя брани и войны великие меж ими. Тако же и збысться в Московском государстве: от стрельцов и от салдатов учинилося смятение великое, бояр порубили и невежеством своим в царские, и в царицыны, и в царевнины хоромы ходили, бояр обыскивали».³ Другой летописец отмечал, что «царю Феодору провозвестиша смерть звезда комета и кровопролитие в людех и еже последе бысть, иже многая радость великими печальми наполняет».⁴ Неизвестный поэт в стихах на смерть царя Федора Алексеевича (вероятно, это была стихотворная подпись под его портретом) также отмечал зловещее влияние кометы на судьбу монарха,

который в летех 21 цветы смертно паде,
в цветнем месяце цвет свой небу даде

¹ См Покровский К Кометы в русских летописях // Мир Божий 1903 № 4 С 235—256, Святский Д О 1) Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения // ИОРЯС 1915 Кн 2 С 197—242. 2) Очерки истории астрономии древней Руси // Историко-астрономические исследования М, 1962 Вып 8 С 41 60, Кузаков В К Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси в X—XVII вв М 1976 С 95—100

² См Святский Д Комета 1680 г в России // Мирозведение 1929 Г 18 № 6 С 350 353

³ Тихомиров М Н Записки приказных людей конца XVII в // ТОДРП М Л, 1956 Г 12 С 448

⁴ Святский Д Комета 1680 г в России С 352 353

День той 27 всезлобный комета принесе,
росийским царем во гроб тяжко потрясе⁵

О той же комете Евфимий Чудовский написал стихотворение «На звезду великую, явльшуюся 189 году декабря против 15-го числа»:

Комита егда в небе видена бывает,
никое благо быти на земли являет
токмо гнев Божий и казнь людем возвещает
Место пророка сие есть показание,
зовущаго грешники на покаяние,
да отвратит Бог свое негодование
Не презорно указу сему да внимаем,
неправд всяких и обид себе да ошаем,
благодаянми Бога щедра сотворяем
Еда како Господь Бог от нас умолится,
яко о ниневитех благ сый ушедрится,
о злых имущих на ны быти раскается
И показанный нам знак на многое злое,
превратит всеблагий сый на всяко благое,
токмо покажем деды покорство драгое⁶

Морализирование Евфимия в интерпретации появления кометы вполне типично для средневекового сознания, которое неизменно считало кометы бичом Божиим. При этом появление кометы предвещало не только «гнев Божий и казнь людем» за их прегрешения, но и носило характер политических предсказаний, как, впрочем, и другие небесные явления.⁷

Комета 1680 г., отмеченная многими летописцами, вызвала столь большой интерес, что вскоре на русский язык были переведены два сочинения, трактующие о кометах: «Поучение о комете» и ученый трактат.

«Поучение о комете» известно в одном списке 1680-х гг.⁸ А. И. Соболевский предположил, что оригинал сочинения «едва ли не на польском языке», и обратил внимание на следующие слова в тексте поучения: «И в лето 1577, в ней же аз родихся, комета огненная чрез немалое время видена бяше, после которой разорение земное всей земли чрез москвитина наступило» (Л. 78 об.).⁹ Д. О. Святский усвоил это сочинение Мелетию Смотрицкому, родившемуся в 1577 г.¹⁰ Между тем дата рождения Мелетия

⁵ Цит по Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973 С. 115. Ср. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX ст. / Собрал и приготовил к печати П. Симонов. СПб., 1899 С. 17.

⁶ Сазонова Л. И. Евфимий Чудовский — новое имя в русской поэзии XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 313—314.

⁷ См. Уо Д. К. Текст о небесном знаменнии 1672 г. (к истории европейских связей московской культуры последней трети XVII в.) // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985 С. 201—208.

⁸ См. РНБ, собр. Погодина, № 1584, л. 70—83 об. (Филигрань «голова шута» — Хивуд, № 1984 — 1688 г.) На л. 70—75 запись-скрепа «Marke» (по одной букве на листе). Рукопись описана в кн. Бычков А. Ф. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников императорской Публичной библиотеки СПб., 1882 Ч. 1 С. 19—22. В дальнейшем цитируется этот список с указанием в скобках листов. Из литературных деятелей последней трети XVII в. известен один Маркелл — писец Посольского приказа, однако данных для их отождествления нет. См. Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга. Исследования и материалы. М., 1963 Сб. 8 С. 189—190, 193. Словарь книжников. Вып. 3, ч. 2 С. 335—336.

⁹ См. Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Библиографические материалы. СПб., 1903 С. 213—214.

¹⁰ См. Святский Д. О. Очерки истории астрономии древней Руси С. 56—57. В комментариях к публикации этой работы (на с. 81) указывается, что в архиве Святского сохранилась неизданная статья «Трактат о кометах XVII в. и возможный автор его — Мелетий Смотрицкий».

Смотрицкого документально не подтверждена и 1577 г. выбран из ряда других (с 1572 по 1579) как наиболее вероятный.¹¹ Кроме того, среди сочинений Смотрицкого поучение о комете не фигурирует, поэтому атрибуцию Святого нельзя признать состоятельной.¹²

Оригинал поучения отыскивается другим способом. Поскольку его польское происхождение весьма правдоподобно, то его следует искать среди сочинений польских писателей, родившихся в 1577 г. И выясняется, что это поучение («Kazanie o komecie») принадлежит польскому проповеднику Самуэлю Дамбровскому (1577—1625) и было им написано после появления знаменитой кометы 1618 г.¹³

Мысли С. Дамбровского вполне традиционны. Сначала он констатирует, что «плодие учении тройственнo о кометах мудрствовати обыкоша: едини по математике, сиречь по звездной науке, друзии по физике, сиречь по естественной науке, третии по феологии, сиречь по богословию» (Л. 71 об.). Кратко изложив воззрения двух первых, он переходит к сути поучения: «Богословцы же имуг свои иншия прилоги и уже не из математики и не из физики, но из Писания Святаго и из слова Божия о кометах мудрствуют сице: яко комета есть особичное знамение Божие на небеси и изображение перста его святаго, учиненное того ради, дабы первее было знамением гнева Божия, потом знамением милости Божия. Знамение гнева Божия являет нам образ и подобие кометы. Комета имать в себе огонь и той проявляет гнев, не милосердие Божие грех ради людских» (Л. 74 об.—75). «Отселе комета нынешнейшая есть нам знамение гнева и казни Божия» (Л. 75 об.).

Однако удел человека отнюдь не безысходен, поскольку комета одновременно является и «знамением милосердия Божия». Бог обходится с людьми, «яко отец благосердый, иже егда видит непослушныя дети, бич или розгу в руках держит или ю на свещнице поставит, дабы чада на ню зряще вящще бы боялися. Сице подобно и сей благосердый и премилостивый Отец, видя нас зело злых и преступных, горé на тверди небесней метлу нам повеси, дабы мы его, на ню зряще, боялися и к покаянию святому целым и истинным сердцем устремилися» (Л. 76). Вместе с тем кометы — «Господа вышняго послы» и они «всегда ничесого добраго прознаменоваву. Кометы господином великим, кесарем, царем, князем претяг» (Л. 77 об.—78). Это положение С. Дамбровский обосновывает не только ссылками на Писание, но и на классических авторов, в частности «Светоний пишет о Веспасиане, яко пред его смертию видеша комету; подобно яко и пред смертию Владислава, краля угорскаго, комета видена бяше. Кометы сказуют войны и кровопролитие, мятежи, разорения, безпокойства, брани внутренния и общия» (Л. 78). Кометы предупреждают людей, «и яко же отец щедрит сыны, ущедрит Господь боящихся его, и тако еликожды зрираем на сие изображение перста Божия, да речем со пророком: „Милосердие то Господне содела, яко не погибохом!“ или со Людовиком, первым того имене кесарем римским, Карла Великаго сына, да глаголем: „Убойся сотворителя кометы, а не самыя кометы!“ <...> Имамы в сей комете возбуждение к покаянию, вопиет на нас та комета: „Горе людем согрешающим, людем злобою отягченным, семени неблагородному! Оставихом Господа, призвахом ко гневу святаго израилева и возвратихомся вспять“» (Л. 80).

¹¹ См. Короткий В. Г. 1) К биографии Мелетия Смотрицкого // РЛ 1982 № 2 С. 182—184, 2) Творческий путь Мелетия Смотрицкого Минск, 1987 С. 22—26

¹² Она напрасно была включена в библиографию см. Хромов О. Р. Астрономия и астрология в Древней Руси Материалы к библиографии // Естественнаучные представления Древней Руси М., 1988 С. 294

¹³ См. Dambrowski S. Postylla chrzescianska Torun, 1620 Cz. 5 S. 127—131

Любые трагические события — а бурный XVII в. изобиловал ими — можно было истолковать как предсказанные кометами. То обстоятельство, что царь Федор Алексеевич скончался лишь через год после кометы, не помешало русскому летописцу связать его кончину (правда, задним числом) с кометой; в данном случае действовало правило: *post hoc, ergo propter hoc*. Не играло никакой роли и то обстоятельство, что размышления С. Дамбровского были вызваны кометой 1618 г. Под «нынешнейшей» кометой русский читатель понимал комету 1680 г. — «знамение гнева и казни Божия».

Второе сочинение о кометах, переведенное с польского, посвящено как раз тому, о чем С. Дамбровский сказал кратко: научному истолкованию небесного явления. Это были «Кометы лета 1680 виденныя, о них же есть зде изъявление со извещением даже до лета 1686 последующим. Мафематиком Станиславом Невеским, наук свободных и философии доктором, и физики во Академии Замойской учителем, и астрономом описано. Напечатано в Замойстоу лета 1681, в месяце февруарии».¹⁴ Перевод сохранился в двух списках XVII в.,¹⁵ известно, что в XVIII в. еще один список принадлежал Д. М. Голицыну.¹⁶

В трех первых главах С. Невеский рассуждает о природе кометы (вернее, двух, так как он считал, что в 1680—1681 гг. на небе появилась две кометы), траекториях и проч. Последняя четвертая глава трактует «О действиях, чesого бы подобало из оных комет надеяться». Уже из первых слов видно, что автор полностью разделяет воззрение о влиянии комет на судьбы людей и государств: «Ни едина комета бе доселе, яже бы многими бедствы сему миру досадительства не сотворила» (Л. 134 об.). Однако влияние это неодинаково, «ибо на которое государство являет, сиречь лучшо свою простирает, или котораго государство в знамении бег свой совершает или над которым прямо обряцается, тому во первых великия и тяжкия прознаменует действия; егда же паки в противном знамении или в триугольном знамении котораго государства является, тому уже не тако много повреждает — древнее тако искусство являет» (Там же).

С. Невеский, хотя и является «наук свободных и философии доктором», полностью согласен с тем, что «все кометы (народне глаголюще) ничесого добра не знаменуют и того ради в народную вниде приповесть: никогда убо людие от виденных комет от страдания быша свободна. Тем же и нынешняя дабы всеу от Бога и естества (яже обои ничтоже творят всеу) были сочинени — да никто же имать быти таковаго разумения! Истинно не желал бы ни единаго кого опечалити, обаче же тяжко не писати, еже само естество сими народными знамении изъявляет: приближаются тяжкая и невеселая времена Услышит не един, но возчювствует разное наказание Божие, зане оная знамения проповедуют воистинну всего мира возмущение войнами, междоусобиями и смятении» (Л. 134 об.—135).

Не забыл С. Невеский и о политических предсказаниях, в частности, предрекая «пашам и иным оных (т е. под турецким владычеством. — С Н) государств началным внезапныя и ненадеемая смерти» (Л. 138 об.), пред-

¹⁴ См. Niewieski S Komety roku 1680 widziane < > z Prognostykiem Zamosc, 1681

¹⁵ БАН, Архангельское собр., С 198, л 126—144 (филигрань «голова шута» — Клепиков, Филлигр и штемп, № 1036 — 1675, 1680 гг., Дианова, Костюхина, № 388 — 1671 г., описание рукописи см в кн Исторические сборники XV—XVII вв / Сост А И Копанев, М В Кукушкина, В Ф Покровская М, Л, 1965 С 252—254), ГИМ, собр Ново-Иерусалимского монастыря, № 160, л 80—108 (описание рукописи см в кн Амфилохий, архимандрит Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки М 1875 С 183) См Соболевский А И Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв С 146 Далее перевод цитируется по списку БАН с указанием листов рукописи

¹⁶ См Градова Б А Клосс Б М, Корецкий В И К истории Архангельской библиотеки Д М Голицына // АЕ за 1978 г М, 1979 С 247 (№ 260 «Описание о кометах, виденных от 1680 по 1686 рукописная»)

усмотрительно заметив, что «обаче и нам zde подобает опасатися военных бедств, мороваго поветрия, неблагоплодия земнаго и междуарствий ради смертей начальствующих» (Там же),¹⁷ «изобилнейше в сия лета смерть иматъ жатву имети, да и начальицы о продолжении жития просят Господа Бога, ибо от оных знамений явно имеют в том деле устрашения» (Л. 141 об. — 142). Таким образом, оба автора, С. Дамбровский и С. Невеский, богослов и астроном, не противоречат друг другу в интерпретации влияния комет на судьбы человеческие, а по сути друг друга дополняют.

Воззрения С. Невеского нельзя назвать отсталыми: физическая природа комет была выяснена только к середине XVIII в. Но путь европейской науки к философскому осмыслению небесных явлений был начат как раз в связи с кометой 1680 г., когда французский мыслитель Пьер Бейль выступил с трактатом «Разные мысли, изложенные в письме к доктору Сорбонны, по случаю появления кометы в декабре 1680 г.»¹⁸ В нем он исходил из положения, что «воззрение, будто взгляд, переходящий из века в век, от поколения к поколению, не может быть всецело ложным, — чистейшая иллюзия. <...> Нет ничего менее разумного, чем воззрение, будто древние взгляды не могут быть ошибочными».¹⁹ Доказывая бесосновательность предрассудков, связанных с появлением комет, отделяя астрономию от теологии, Бейль расчищал пути для рационалистической науки. Для Московской Руси 80-х гг. XVII в. воззрения Невеского были, конечно, более предпочтительны. Читатели Бейля появились здесь позднее, в начале XVIII в., одним из первых был А. А. Матвеев.²⁰

Рационалистическое отношение к небесным знамениям было характерно для Петра I, вообще скептически относившегося к разным «чудесам». Узнав о полном солнечном затмении 1706 г., он писал Ф. А. Головину: «Господин адмирал! Будущаго месяца (мая. — С Н.) в первый день будет великое солнечное затмение. Того ради изволь сие поразгласить в наших людех, что когда оное будет, дабы за чудо не поставили. Понеже когда люди про то ведают прежде, то не есть уже чудо».²¹ И 10 апреля «Ведомости» подробно сообщали о ходе затмения.²² Трудно сказать, насколько это было убедительно, поскольку те же «Ведомости» в 1710 г. сообщали из Варшавы: «Весь город в смущении, понеже с новою луною некоторые знаки к мору объявились, и все готовятся на иные места отъезжать».²³ Несколько позднее, в 1744 г., в России впервые проводились научные наблюдения кометы и одновременно в народе ходили слухи: «И рассуждают философы, что Господь Бог Вседержатель готовил грешный день и час, что изначала века такого явления не было и что надобно стрещися всякий день и час».²⁴ В этих «философских рассуждениях», ставших составной частью фольклорной стихии, слышны и отзвуки идей, которые русский читатель черпал в переводных памятниках последней четверти XVII в.

¹⁷ Другой польский астроном, Станислав Словаковиц (1634—1701), хотя и критически относился к распространённым суждениям о кометах, тем не менее считал, что комета 1680 г предвещает поражение Турции в ближайшей войне, см. *Filozofia i mysl społeczna XVII w / Opr Z Ogonowski Warszawa, 1979 T 2 S 274—284*

¹⁸ См Бейль П Исторический и критический словарь В 2 т М, 1968 Т 2 С 195 264

¹⁹ Там же С 206 Об этом эпизоде из истории европейской мысли см Hazard P *The European Mind 1680—1715 London, 1953 Ch 2 § 2. Pomian K Komety, tolerancja i zlo // Pomian K Czlowiek posrod rzeczy Szkice historycznofilozoficzne Warszawa, 1973 S 38—67*

²⁰ См Библиотека А А Матвеева (1666—1728) Каталог М, 1985 С 61 (№ 210)

²¹ Цит по Святский Д О Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения // ИОРЯС 1915 Кн 1 С 145

²² См Пекарский П Наука и литература в России при Петре Великом СПб 1862 Г 1 С 282

²³ Ведомости времени Петра Великого М, 1906 Вып 2 1708 1719 С 31

²⁴ Цит по Святский Д О Астрономические явления в русских летописях Кн 2 С 241

Е. К. РОМОДАНОВСКАЯ

Русская версия Приклада о гордом цесаре Иовениане

Вопрос об освоении русской литературой заимствованных сюжетов — один из самых сложных. Менее всего он решен в отношении объемных переводных сборников XVII в., таких, как Великое Зерцало (ВЗ) или Римские деяния (РД). Исследователи, как правило, ограничиваются параллелями между отдельными прикладами и произведениями писателей-классиков (А. С. Пушкина, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого, А. С. Сумарокова и др.), не вскрывая предшествующего «механизма русификации» и не касаясь вопроса о сочинениях-посредниках, письменных или устных.¹ Между тем в ряде случаев можно обнаружить очень ранние русские обработки того или иного сюжета.

Одним из наиболее ярких примеров подобного типа представляется особая редакция Приклада о гордом цесаре Иовениане (РД), впервые обнаруженная Э. Малэк, которая указала три ее списка (все — XVIII в.) и отметила многочисленные дополнительные детали и вставки, представляющие собой своеобразный авторский дидактический комментарий ко всем описываемым событиям.²

В последнее время выявлены новые списки Приклада в той же редакции: РНБ, собр. Погодина, № 1384 (далее: Пог); ГПНТБ, собр. Тихомирова, № 316 (далее: Тих); РНБ, собр. Колобова, № 318. При этом два из них (Пог и Тих) датируются 1680—1690-ми гг., что сразу позволяет отнести создание редакции к концу XVII в.³ Русское происхождение текста подтверждается полным отсутствием полонизмов, столь частых в первом переводе РД.⁴ Так, вместо «на полац» здесь читается «во град», вместо «рыцари» — «боляре», вместо «цесарь, пан мой, давно уже в чертоге на полаце своем» — «царь же наш и самодержец многолетний пребывает в полате своей».

Особенно значительны структурные и сюжетные изменения текста, заключающиеся не только в дополнительных деталях, как писала Э. Малэк, но и в сокращении и изменении отдельных эпизодов. Так, здесь нет ряда посещений цесарем своих вассалов: он обращается только к одному из них, причем не сразу после купания, как в традиционном тексте, а после попытки прийти в город («на предградие») и просить милостыню; там многие люди бьют его, говоря, что он не должен называться царем, чтобы за это не казнили, и дают ему нищенскую одежду. Одежду царю дает не пустынь-

¹ См., например Державина О А «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве М 1965 С 132—153

² Małek E *Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII wieku* Łódź, 1988 S 132—135 Указаны списки БАН, 32 11 7, ГИМ, собр. Вострякова № 1011 и Музейское собр., № 431

³ Далее неогороверенные цитаты даются по Пог

⁴ Первый перевод см. Римские деяния (Gesta Romanorum) СПб., 1878 Вып. I С 69—89 Далее ссылки в тексте

ник, как в основном тексте, а некий купец. Иовениан не пытается до раскаяния вернуться на трон, что позволяет изъять сцены с царицей, псом и соколом; благодаря этому в особой редакции и ангел никак не участвует в наказании цесаря, который лишь по возвращении после своего раскаяния выслушивает его поучения.

Все эти изменения принципиальны и сближают особую редакцию Приклада с циклом русских повестей о гордом царе, что нашло отражение и в заглавии: «*Повесть о царе* Евноминиане Римстем, како он помысли во уме своем и вознесся сердцем, и по сем смирился и наказан от Бога, и покается» (ср. в первом переводе: «*Приклад, сии речь притча, о гордом цесаре* Евиняне и о его ниспадении, и как Господь Бог многожды гордым противитца, а смиренных возносит и дает благодать»).

Можно точно указать памятник, повлиявший на создателя новой редакции Приклада: это *Повесть о гордом царе Аггее*, поскольку только для нее характерна тема нищенства и милостыни, появляющаяся в рассматриваемом тексте; только в «Аггее» царь получает одежду перед городом от встречного купца; только там ангел никогда, ни в одной редакции не участвует в наказании царя.⁵

О непосредственном влиянии *Повести об Аггее* свидетельствует и тип кощунства царя. Как известно, в основной редакции Иовениан приравнивает себя Богу: «Несть бога имый сильнейший и можнейший паче мене» (С. 70); в особой редакции приравнивания царя Богу нет, герой говорит лишь о том, что он «ангелу подобен есмь всеми нравы» (Л. 297 об.). В тексте, которым пользовалась Э. Малэк, говорится о неверии в текст Евангелия, т. е. наблюдается и прямая перекличка с *Повестью о царе Аггее*: «...помысли в разуме своем, сице рекий: „Напрасно и неправедно во Евангелии написано, яко вкупе богат и убог. Како я ныне буду убог, и кто мне подобен обретается от человек, сущих на земли, богатством, и храбростию, и разумом?“...» (БАН, 32.11.7, л. 132) — ср.: «...чтушу <...> иерею святое Евангелие. Егда же дойде строка, в немь же бе написана: „Вкупе богат и убог“. Слышав же царь и рече иерею: „Како мне обнищати, а нищему обогатети?“...»⁶ Совпадение в обоих случаях «евангельской цитаты»⁷ свидетельствует о том, что писатель обращался к определенной редакции «Аггее», а именно к редакции «вкупе богат и убог», созданной в 80-х гг. XVII в.⁸

Таким образом, уже в конце XVII в. *Повесть о царе Аггее* оказывает определенное влияние на текст Приклада о цесаре Иовениане; обратное воздействие зафиксировано лишь в редакции с Римскими деяниями, сохранившейся в списке XIX в.;⁹ среди ранних версий знакомство с Прикладом можно отметить лишь в редакции Никифора Симеонова (1680-е гг.), оставшейся в стороне от последующей литературной истории «Аггее».¹⁰

Вместе с тем сборник Никифора Симеонова¹¹ выделяется среди других при анализе конвоя *Повести о царе Аггее*: только здесь *Повесть* переписана по соседству не только с прикладами из РД (что само по себе редкость¹²),

⁵ См Ромодановская Е К Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX вв. Новосибирск, 1985 С 79—84, 109—117, 286—361

⁶ Там же С 302

⁷ На самом деле цитируется Пс 48 3, отсылка в обоих случаях к Евангелию подкрепляет мнение о вторичности текста «Евноминиана»

⁸ См Ромодановская Е К Повести о гордом царе С 144

⁹ Там же С 158—161, 344—348

¹⁰ Там же С 195—198, 311—314

¹¹ ГИМ, Синодальное собр., № 294 Далее ссылки в тексте

¹² См Ромодановская Е К *Повесть о царе Аггее* в контексте рукописных сборников 1 *Повесть о царе Аггее* и Римские Деяния // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма Новосибирск 1991 С 75—79

но и с наиболее близким по тематике Прикладом о цесаре Иовениане. Это вообще единственный к настоящему времени зафиксированный случай переписки двух текстов о гордом царе в одном сборнике.

Внимательное рассмотрение текста Приклада в версии Никифора Симеонова показывает, что уже здесь сказались отдельные влияния Повести о царе Аггее: в завязке нет приравнивания царя Богу, его кощунство выражается в хвастовстве богатством и славой, «мышляша, яко вся благая от своего ему разуму приключипася» (Л. 104); ангел не наказывает Иовениана, а под стражей изгоняет его из города; необычайно близки «Аггею» заключительные поучения ангела: «И много поучи ангел Авениана, велеше быти ему богобоязливу, смиренну, нищелюбиву, милостиву к подданным, и о прочих добродетелех наказал его» (Л. 110 об.) — ср.: «И учив его довольно, и наказав, еже не хулити слово Божие, а ерейский чин почитати, и кротку быти ко всякому человеку, милостиву и тиху, и наказав его много...».¹³

Ряд более мелких деталей показывает, что Никифор Симеонов соотносил тексты «Аггея» и «Иовениана» в собственном сборнике, ср.:

Повесть о царе Аггее

Кто сей человек? Бес ли или каков злый человек волхв? (Л 118, речь царицы послечения письма Аггея)
отъя Бог зрак лица его (Л 117 об)

Повесть о цесаре Иовениане

Мню о сем человеце, или волхву ему сущу, или духу нечистому во образе человечеством (Л 108, ответ царицы ангелу)
отъят Бог лице от Авениана первое и всего телеси подобие (Л 105 об)

Текст в редакции Никифора Симеонова занимает промежуточное положение между первым переводом Приклада и особой его редакцией. Симеонов никак не меняет структуру памятника — здесь сохраняются два посещения вассалов, получение одежды от пустычника, две встречи с ангелом; читается даже сцена с псом, в то время как сцена с соколом уже отсутствует. Все это свидетельствует о непосредственной зависимости редакции Никифора Симеонова от первого перевода.

С особой редакцией текст Симеонова связывается не только отсутствием полонизмов, но и обширным введением о силе, богатстве и могуществе царя:

Сб Никифора Симеонова

Царствующу некогда в Риме цесарю Иавениану в велицей славе, имевше бо у себя бесчисленное богатство и премножество людей служащих ему, и велми ся о сем гордяху ему. Во едину ж ночь лежашу ему на ложи своем и размышляюшу, яже о себе глаголя в сердцы своем «Кто ми в началствующих подобен есть на земли? Вем, яко несть аз многим государем и великим государством владыко есмь и повелитель воинства тмачисленнаго и непобедим никоим. У себя имам такожде злата и сребра и каменных многоценнаго и бисера драгого и прочих предрагих вещей бесчисленное множество у себе имам яко ин никто же от сущих на земли над сими ж государей. И вся си аз себе приобретох моим крепким и премудрым и непоколебимым разумом и своим щастьем и храбрством и смыслом, яко никто же ин Вем бо яко несть мне подобна от сущих царей на земли во премудрости и разуме, и в вели-

Пог

Бысть во граде Риме некий царь Евноминиан, славен храбростию и кипя богатством, тако же и мудростию превозшед прежде его бывших кесарей, возрастом же и взором и всеми обычай украси его всесилный Бог, и просто реши во всей поднебесней ин не обреташеся подобен ему. И тако по всей земли славим и страшен сопротивным всем являшеся, обладая и побарая противящихся ему, и в подданство себе покаяря языки, и иноплеменики разоряя. Завидя же се ненавидий рода человека проклятый сатана, иже всегда с родом человеческим боряйся, вложи ему в разум сицевыя помысли, дабы его прежние добродетели посрамити и всех благих лишити от добродателя Бога, всецедраго владыки. Единою седяшу ему в полате своей, помысли в разуме своем, сице рекый «Кто мне подобен обретается от человек, сущих на земли, богатством и храбростию и разумом, яко же аз обретаюся? Но не толико, яко ж

¹³ Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе (289

цем шашти, и во множестве непроборимых воинств, и бесчисленном богатстве, и во всех Божних И его ж аще хошу погублю или жити сотворю, никто ми о том возбранити не может» — И тако лежа размышляше в сердца своем и велми гордящесе (Л 104)

человецы, но и ангелу подобен есмь всеми нравами, понеже не одолеет мне ни в чем» — Сице ему рекшу в себе сердцем своим (Л 297—297 об.)

Сравнение приведенных текстов не позволяет установить, какой из них первичен: оба варианта, не совпадая в словесном выражении, сходны лишь общим подходом к теме и смысловыми отличиями от первого перевода. Однако анализ конвоая обеих редакций позволяет подтвердить мысль о первичности редакции Никифора Симеонова.

Как уже говорилось, в сборнике Никифора Симеонова его рукой переписано четыре приклада из РД: «Повесть о некоем цесаре Иовениане, на него ж Господь разгневался гордости его ради, и паки помилова его покаяния ради» (Л. 104—110 об.); «Притча о преступлении душевном и о язвах, душу уязвляющих» (Л. 111—112 об.); «Притча о совершенстве» (Л. 113—115 об.); «Притча о памяти смертной, да не согрешает человек» (Л. 115 об.—116 об.). Эта подборка соответствует главам 3, 6, 4, 5 в первом переводе РД (см. с. 69—89, 107—116, 89—99, 100—107). Для всей выборки характерна переработка текста по сравнению с первоначальным: освобождение от полонизмов, облегчение и улучшение языковых конструкций. В дополнение к приводившимся примерам из «Иовениана» укажу еще несколько: вместо «посадил <...> купца подле своей паньи» — «повеле <...> купцу <...> сести со своею женою»: вместо «веден был он купец на некоторой полат на покой» — «веден бысть оный купец в некую полату спати»; вместо «подяковавше и челом удая ему» — «благодарение воздав». Редактирование всех четырех прикладов проводилось одним человеком; выборка текстов из РД, скорее всего, представляет индивидуальную работу самого Никифора Симеонова.

Однако тот же подбор повестей присутствует и в рукописи Пог, содержащей Великое Зерцало;¹⁴ сопоставление текстов показало, что все они, за исключением Повести о цесаре Иовениане, почти дословно совпадают с вариантом из сборника Никифора Симеонова. По-видимому, русифицированная версия трех прикладов удовлетворяла писца, дополнившего ими список Зеркала; текст же Приклада об Иовениане подвергся дальнейшей обработке, где влияние русской версии сюжета о гордом царе проявилось особенно отчетливо.

Хотелось бы думать, что источником для переписчика ВЗ послужил именно сборник Никифора Симеонова. Однако в его рукописи встречаются гаплографические ошибки, исправляемые по Пог, например: «Фока же кузнец своея ради мудрости бысть на царство Римское *выбран, иже и мудрое царство Римское правяще*» (Л. 114; ср. Пог, л. 339). В то же время список Пог является одним из самых ранних, где Приклад об Иовениане включен в состав ВЗ: вся подборка повестей из РД читается здесь еще в дополнениях к основному тексту, как часть пестрого сборника (Л. 291 об. 309 об., 332 об.—339). Однако уже в рукописи Тих, созданной не позднее середины 1690-х гг.,¹⁵ Приклад об Иовениане находится непосредственно в составе

¹⁴ Рукопись указана О А Державиной см Державина О А «Великое Зерцало» и его судьба С 166—167 здесь отмечены лишь два приклада из Римских деяний «(О кесаре Еви-ниане» и «О преступлении душевном и о язвах, душу уязвляющих»

¹⁵ Сборник переписан на бумаге разного типа, все виды филиграней встречаются в разных частях рукописи. Удалось идентифицировать следующие знаки голова шута // ИСО (Дианова, Костюхина, № 570, 1687 г), герб Амстердама с литерами МТГ (Клепиков Филлигнр и итемпл, № 1255, 1686—1708 гг), буква В под короной (Дианова Костюхина № 37 38 1683 1692 гг) рожок в гербовом щите (Тромонн № 1103 1697 г)

Зерцала, с учетом в общей нумерации глав («глава 112», л. 142 об.—152).¹⁶ Связь данной редакции Приклада с ВЗ подтверждается и тем, что в позднейших сборниках ее текст читается рядом с выборкой повестей из Зерцала (см., например, РНБ, собр. Колобова, № 318).

Эти наблюдения позволяют сделать вывод о том, что уже в конце XVII в. существовало две русских редакции переводного Приклада о гордом цесаре Иовениане: редакция Никифора Симеонова и редакция Великого Зерцала.

Установив, что повести из РД на русской почве входили в состав ВЗ, следует обратить внимание на особенности их списков. О. А. Державина отметила, что Пог включает второй перевод ВЗ, дополненный статьями из первого и из некоторых других источников.¹⁷ Внимательный просмотр рукописи показал, что как из первого, так и из второго переводов ВЗ в Пог включены далеко не все статьи, явно произведен отбор, принципы которого еще предстоит выяснить. Кроме того, текстуально Пог отличается от опубликованного О. А. Державиной варианта второго перевода: появляются новые заголовки, некоторые приклады сокращены, некоторые разделены на две части с разными названиями, имеются лексические разночтения.

Те же особенности присущи и списку Тих, с которым О. А. Державина не была знакома. Несмотря на его дефекты,¹⁸ он сохранил те же особенности, что и Пог, прежде всего те же дополнения и тот же подбор статей из двух переводов ВЗ.

Вопрос о русских статьях и русских редакциях, включающихся в переводные сборники, впервые был поднят Б. Вальчак-Срочиньской, которая выделила среди статей ВЗ девять текстов, не известных ни одному польскому варианту и, следовательно, внесенных в кодекс уже после перевода.¹⁹ Их анализ позволяет выделить две основные темы таких дополнений: о необходимости почитания книг и об отношении к царской и мирской власти. Последняя тема прямо соотносится с рассмотренными сочинениями о гордом царе — с Прикладом о цесаре Иовениане и Повестью о царе Аггее.

Таким образом, можно утверждать, что в 60—80-х гг. XVII в. шло активное освоение и приспособление к русским общественным нуждам повестей из переводных сборников. Именно в это время отмечается интерес к повестям из РД не только у Никифора Симеонова, но и у других известных книжников: свои подборки прикладов переписывали иеродиакон Чудова монастыря Феофан,²⁰ Т. Каменевич-Рвовский,²¹ Карион Истомирин.²² Думается, что, скорее всего, в кругах книжников, близких Печатному двору, и создавались новые русифицированные формы сборников. Однако эта тема еще ждет своего исследования.

¹⁶ Рукопись Тих не окончена перепиской, поэтому судьба других прикладов из РД здесь неясна

¹⁷ Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба. С. 157—158, 166—167

¹⁸ Помимо недописанного конца в рукописи нет начала, и нумерация первых семи прикладов исправлена позднее

¹⁹ W alczak-Sroczyńska B. Wielkie Zwierciadło Przykładów dzieje tekstologiczne // *Slavia Orientalis* 1976 N 4 S 493—508

²⁰ Филарет. Обзор русской духовной литературы // Учен зап 2-го Отд-ния Имп Академии наук 1856 Кн 3 Отд II С 252

²¹ Там же

²² Браиловский С. Н. Один из пестрых XVII столетия СПб., 1902 С. 210, 351—352

А. Х. ГОРФУНКЕЛЬ

Предисловие и «Рифмы» Андрея Белобоцкого к переводу трактата «О последовании Христу»

Публикуемые предисловие и «Рифмы» (истолкование анаграмм), предпосланные Андреем Белобоцким¹ его переводу знаменитого трактата «О подражании Христу» (в более удачном, чем принятый, переводе названия — «О последовании Христу»), написанного в XIV в., как полагают, Фомой Кемпийским (во всяком случае, автором из круга охватившего Нидерланды и Северную Германию движения «нового благочестия»), принадлежит к числу его первых литературных опытов в России. Перевод датируется 1684—1685 гг., так как уже в январе 1686 г. Белобоцкий был приписан в качестве переводчика к отправляющемуся в Китай Великому посольству Федора Головина. Это был не первый опыт перевода книги на русский язык (что справедливо предполагал и сам переводчик); он не был завершен: Белобоцкий говорит о подготовленном вчерне, но еще не обработанном переводе третьей книги (список ее до сих пор не обнаружен). Возможно, в связи с предстоящим отъездом из Москвы переводчик и решил включить в подносной экземпляр уже готовые две книги, не дожидаясь завершения всего труда. Перевод посвящен и поднесен игуменье Новодевичьего монастыря Антониде (январь 1683 г., ум. 6 декабря 1689 г.),² а вторая книга — наместнице Анастасии. Возможно, Белобоцкий, женатый на дочери священника церкви близ Новодевичьего монастыря, пользовался их покровительством и желал отблагодарить за бывшие и чаемые благодеяния.

Перевод дошел до нас в единственном списке (ГИМ, Синодальное собр., № 825, в 4-ю долю листа, 78 л.). Парадная подносная рукопись была выполнена, несомненно, под наблюдением и при участии автора; его рукой написан польский текст анаграмм, почерк которых совпадает с почерком Белобоцкого в деловых бумагах Посольского приказа.

Рукопись состоит из 78 нумерованных листов, которым предпослано два форзацных листа. На первом из них скорописью конца XVII в. написано: «О последовании Христу», а внизу киноварью добавлено: «Прислана с Патриарша двора в 205 году». На Патриарший двор рукопись могла попасть в связи с возобновившимися в 1690-х гг. обвинениями Белобоцкого в ереси. На втором нумерованном листе поздняя (XIX в.) надпись по-латыни: «Videtur scriptum seculo 16» («16» исправлено на «17»: «По-видимому, написана в 16 (17) веке»).

¹ Библиографию работ о Белобоцком, в том числе и автора данной публикации, см. Горфункель А. Х. Белобоцкий Ян (Андрей Христофорович) // Словарь книжников. Вып. 3, ч. 1 С. 128—131

² Строев П. Список иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви СПб., 1877 Стб. 224

Основной текст перевода имеет пагинацию: л. 7—49 об., т. е. первая книга, — с. 1—86; л. 54—78 (вторая книга) — с. 87—136. Листы с посвящениями и анаграммами, т. е. л. 1—6 и 50—53 (причем листы 6 и 53 — чистые), в этот счет не включены и, очевидно, были добавлены позднее, после завершения основной работы над переводом и перепиской текста.

Мы публикуем предисловие Андрея Белобоцкого к трактату, его анаграммы имен настоятельницы монастыря Антонида Даниловны и наместницы Анастасии Федоровны и «Рифмы» — истолкования анаграмм. В стихотворениях слова, взятые из анаграмм, написаны кинноварью (в нашей публикации выделены полужирным шрифтом).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Книга первая о последовании Христу. Написана и смиренно поднесена ^{л. 1} госпоже игумении Новодевичя монастыра недостойным рабом Христовым А. Х. Б. //

Предисловие к висоцей в Бозе пречестнейшей Антониде Данииловне ^{л. 2} игумении Новодевичя монастыра под царствующим градом Московю.

Всяцей твари (могущей разумети благодееяние) даде сие прирождение, да по силе своей благодарна благодетелеви своему является. Аз со благодарными благодееянии пречестности вашей проповедники сочислятися желаю, и на еже готовяся оусердно, приношу сия малыя труды моя, преведение на русский язык двух книжек о последовании Христу от некоего славнаго творца изданных, и неложно о сем свидетельство полагаю, множае нежели на тридесяти языках^а истолкованну обретох. //

Егда же не возмогах оуведети, аще есть и на русском языке, и яснейши ^{л. 2 об.} паче моего истолкованы, дерзнух на сидевый благий и спасеный труд, а за неведение аще и повторих, не в стыд мне, паки на свет показати, яже многим на пользу и сладость и прохладение будет. Тем же не толика мощныя труды моя, елико тщание и ревность по Бозе в сем начинании разумеваема да будет (о сем) смиренно молю. И аще сия малыя труды моя место и благодать обрящут оу пречестности вашей, готов и третью книжицу обоих сих вящшую о том же последовании Христу издати, от того же единого творца, тем же единым благочестия духом написанну, и от мене оуже переведенну, токмо еще на руском языке не совершенно оустроенну. Яко же и в сих дву книжках много словес грубых, а мало изрядных обрящете. Обал/че же оуповаю на мудрое разсуждение пречестности вашей, яко не слова голья, но самое дело духовное, не мирскою красотою удобренное, ^{л. 3} любовно прияти изволиши. А в чесом изьяснения или исправления требует, то сама исправиши можешши. Зане тоλικое множество лет во училищи Христове от цветущия бо юности даже до честныя седины изучившиися совершенно закону Господню, и того ради толику множеству душ святых, Христу жениху обрученных, посталена еси им предводительница. Надеюже ся яко при присном попечении пречестности твоя и непрестанных трудех о спасении их, и сия аще и малыя книжицы нечто читающим и слушающим помощи могут. Их же аз пречестности вашей повторяя приношу со смиренными труды моими.

^а На поле: вящше

ВЫСОЦЕЙ В БОЗЕ И ИЗБРАННОЙ ПРЕЧЕСТНОСТИ
ВАШЕЙ СМИРЕННЫЙ РАБ
А:Х:Б //

л 3 об Начинается во славу Богу во творце единому, читателю любезному в пользу духовную на явление высокия благодати и благословения Божия, яже заключаются в сем имени:

ПРЕЧЕСТНЕЙШАЯ АНТОНИДА ДАНИЛОВНА ИГУМЕНИЯ
PRZEWIELEBNA ANTONIDA DANILOWNA IHUMENI
НОВОДЕВИЧА МОНАСТИРА ПОД МОСКВОЮ
NOWODZIEWICZEGO MONASTERZA POD MOSKWA //

л 4 Анаграмма. Сиречь Сложение слов неких избранных от литер имени, его же zde видел еси, положено.

ДАР ОТ ДУХА СВЯТАГО ПОЛЕ СВЯТО ВОЖДЬ ДАНЫЙ
DAR Z DUCHA SWIETEGO POLE SWIETE WODZ DANY
ДЕВАМ ЗАКОННЫМ В НИЗИНЕ ЛОНО АВРААМОВО.
PANNOM ZAKONNYM W NIZYNIE LONO ABRAAMOWE //

л 4 об Исчисливши литеры во имени, отчестве и чине написанныя, яко же и преложении их, возможеши познати, яко анаграмма сия не прилучаем неким оустроися, но истинною составися, зане ни единыя несть литеры, лишния и измененныя, и оумаленныя, и изъята, но елико во имени литер, толико и во анаграмме. <...> Есть бо их число 70 (б). //

л 5 АНАГРАММЫ ИСТОЛКОВАНИЕ

Рифмы

Имена с делы много согласуют
Звание от дел людем приписуют.
Имя, звание, чин тобою взятый
Предобрази в тебе сам Дух Святой.
Ибо от литер имени твоего
Слагается **Дар от Духа Святаго**.
Дар седмичный премудрость от Бога,
В правлении твоём права выпрь дорога.
Бодр есть разум на мирскую суету.
Совет здрав даешь любящим чистоту.
К сим ведение закона вышняго
Крепость емшимся ига спасеннаго
Благочестие к сестрам любовное,
В страхе Божии житие присное
От дел и литер имени твоего
Бысть **поле свято** Бога превышняго.
На нем же скоро дела процветают,
Иже оусердно тебе последуют
Царствия ради вси себя нудяще,
Мзду обещанну прияти хотяще
Посреде всех ты на земле есть ныне,
Вождь даный девам законным в низине. //
л 5 об За ним же текут в жилище си ново
То бо им **лоно** бысть **Авраамово**.
На нем же главы оумно положиша
И от суетства мира ту почиша.
Дондеже с песньми своими приспеют
Иде же агнцу святому воспеют
В селех небесных радостно хваляще
Яко виновна чистоты славяще

На имя, его же на себе от безначального Божия преведения и от наре- л 50 об
чения благочестивых родителей, от дарования и благословения святых цер-
кве законно и преподобно носите.

ПРЕЧЕСТНЕЙШАЯ АНАСТАСИЯ ФЕОДОРОВНА НАМЕСТНИЦА
PRZEWIELEBNA ANASTASIA TEODOROWNA NAMIESNIZA
НОВОДЕВИЧА МОНАСТИРА ПОД МОСКВОЮ
NOWODZIEWICZEGO MONASTERZA POD MOSKWA //

Анаграмма или от литер предвоспомяненаго имени, инья слова или л 51
речи сложенны тако же великими литеры яко имя описано.

ДРЕВО КЕДРОВО В ЛИВАНЕ НАСАЖДЕНЕ СЕРАФИМ
DRZEWO CEDROWE W LIWANIE POSADZONE SERATIMI
С НЕБА ЗАКОННАГО И ВАМ СОПОСТАТИ МОЧ САМПСОНА
Z NIEBA ZAKONNEGO A WAM APOSTATY MOC SAMSONA //

Считание литер положенных в имени и анаграмме <...> всех числом 75 л 51 об
(ОЕ). //

АНАГРАММЫ ИСТОЛКОВАНИЕ

л 52

Рифмы

Кто чте святых книги, весть лесы Ливана
Слава их не покрют вечныя времена
От тех древес Соломон Богу храм водрузи,
Из таковых же киот Моисей изобрази
Иже сведения си Божия держаше,
Манну, жезл, заповедей десять сохранише
Среде иных древ лесу такова славнаго
Кедр древо достойно в них места начальнаго
Ибо не гниет, и ветвь его не свядает,
И вонюю си змиев лютых оубивает
В Ливане посаждено ты древо кедрово.
Ливан святыи закон ваш, ты древо Христово
Тамо праведни яко финик процветают,
И яко кедр в Ливане выпрь сый возрастают
Глаголю при финице округло ветвистым
Ты еси неувядаем кедр житнем чистым
Высок еси кедр, но твоя благодать не преходит
Зане же не на земли, в небе овощ плодит
Не динство бо **Серафим с неба законнаго**
Во плоти ты жития равноангельнаго
Тако убо в сердце храм Богу готовиши,
Киот и с серафимы ис кедра строиши
Вонь же спасенна манна с жезлом иеесея
С рождшего Христос вниде внутрь души твоея
Богу аггелом людем вина веселия
А вам сопостати мочь Сампсона ведия
Аще лестию яко лисы поулодите
Аще путь яко змии на небо браните
Сила Сампсонова весть вязать лисов лестных,
Воня кедра поражать змиев погибельных

Д. РЕВЕЛЛИ

Гораций и русская литература XVIII—нач. XIX в.

Великий латинский поэт Квинт Гораций Флакк (65—8 до н. э.) пользовался большим успехом и почтением среди русских литературных деятелей вплоть до наших дней. Но особенно высоко его поэтическое творчество ценилось в XVIII в., когда оно стало образцом для произведений самых разных литературных жанров.¹ Действительно, русские литераторы XVIII в. хорошо знали и внимательно изучали шедевры древнеримских классиков, и особенно основные поэтические принципы Горация Флакка, изложенные в «Послании к Пизонам» (*De arte poetica*) и в других произведениях (*Eprodi*, *Carmina*, *Satire*), которые вполне отвечали литературным требованиям классицизма, основанного на четком разделении жанров и стилей.² Говоря о своеобразии русского классицизма Д. С. Лихачев замечает, что «знание классических произведений, умение ценить их достоинства, чувствовать их внутреннюю красоту и совершенство — обязательное условие образованности».³

Благодаря высокоразвитой национальной литературной культуре, в России поэты-литераторы XVIII в. могли воспринимать древние и более поздние иноземные классические произведения и успешно их усваивать.⁴

Русские авторы, чтобы следить за новыми сюжетами и правилами разных литературных жанров классицизма, уже в первой половине XVIII в. обращались не только к французским моделям, к «*Art Poetique*» Буало, но расширяли кругозор своих литературных интересов, уделяя особое внимание древнеримской и древнегреческой поэтической традиции.⁵ В. К. Тредиаковский, первый русский «поэт-ученый», переводивший прозой на русский язык «Послание к Пизонам»⁶ Горация, которое сам он назвал «главнейшим анти-

¹ О значении Горация в русской литературе см. История русской литературы / Под ред. Д. С. Лихачева и Г. П. Макогоненко Л., 1980 Т. 1 С. 472, Busch W. Horaz in Russland Munchen, 1964

² Гукковский Г. А. О русском классицизме // Поэтика Сб. статей Л., 1929 Т. 5 С. 21—65, Морозова Г. В. Гораций в литературной теории и практике Феофана Прокоповича // Проблемы поэтики Алма-Ата, 1980

³ Лихачев Д. С. Великое наследие // Лихачев Д. С. Избр. произведения В. 3 т. Л., 1987 Т. 2 С. 3

⁴ Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова Прага, 1976 С. 59—122, Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века Л., 1980 С. 6—19, 186—233

⁵ Николаев С. И. Из литературной эстетики петровской эпохи // XVIII век СПб. 1993 Сб. 18 С. 218—229 Серман И. З. Литературно-эстетические интересы и литературная поэтика Петра // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века Л. 1974 С. 5—50

⁶ Тредиаковский В. К. Сочинения как стихами, так прозою СПб., 1752, здесь Тредиаковский опубликовал стихотворный перевод «Поэтики» Буало и прозаический перевод «Послания к Пизонам», см. История русской литературы Л. 1980 Т. 1 С. 511—512

чным трактатом о поэзии», подчеркивал зависимость «Поэтики» Буало от латинского первоисточника.⁷ В одическом жанре Тредиаковский считал Пиндара и Горация недостижимыми образцами.⁸

В ходе дискуссий об очень важной в то время проблеме создания русского литературного языка поэты-ученые проявляли значительный интерес к классической древности, расширяя круг своих поисков за счет изучения словесного состава произведений греческих и латинских авторов, особенно Горация.⁹

Если в литературной культуре XVIII в. Горация уважали как поэта, тем не менее особенно к концу этого века его открыто осуждали как человека. На самом деле латинского поэта называют «певцом» императора Августа и даже «Октавов льстец»;¹⁰ именно так прозвал Горация Капнист, несмотря на то что сам очень ценил его творчество и переводил тщательно и с большой аккуратностью его произведения. Но Гораций не заслуживает ни первого, ни второго эпитета в плохом смысле этого слова, потому что он был прежде всего искренним «певцом» доблести старой Римской республики (Сатира I, 6), точно так же как Ломоносов и Державин были певцами величия Российской империи. В распадающейся Римской республике латинский поэт видел бесспорное ограничение гражданских свобод, и в период междоусобных войн (40 лет до н. э.) он предвидел, что по этой причине иностранный завоеватель захватит римские стены (Erod. 16, 1—14). Эти тревожные мысли Горация о свободе вполне разделял А. С. Пушкин в последних стихах «Лицинию» («О Рим, о гордый край разврата, злодеянья! / Придет ужасный день, день мщенья, наказанья. / Предвижу грозного величия конец: / Падет, падет во прах вселенный венец. / Народы юные, сыны свирепой брани, / С мечами на тебя подымут мощны длани, <...> И путник <...> Воскликнет <...>: „Свободой Рим возрос, а рабством погублен“»).¹¹

Гораций стал реальным сторонником или «певцом» Августа только тогда, когда император начал коренное моральное и политическое обновление города и всей империи (Ода III, 22, 23, 24). Глубокие чувства искренней благодарности и уважения связывали Горация с Меценатом,¹² о котором М. В. Ломоносов писал: «Возможно ли внимать Горациевой пире, не склонясь духом к Меценату, равно как бы он нынешним наукам был по-

⁷ Тредиаковский В. К. Наука о стихотворении и поэзии с французских стихов Боало — Депревых стихами ж // Русская литературная критика XVIII века М, 1978 С 81, о заимствованиях Буало из Горация см Diderot D Correspondence medite Paris, 1931 Vol 1 P 304s Buck A Zur Einfuhrung // Boileau N L'art poetique Munchen, 1970 P 24, Bray R. Boileau L'homme et l'oeuvre Paris, 1962 P 74, Hervier M L'art poetique de Boileau Etude et analyse Paris 1949 P 23

⁸ Тредиаковский В. К. Рассуждение об оде вообще // Русская литературная критика XVIII века М, 1978 С 69, об этом см Drage C L Russian literature in the eighteenth century London, 1994 P 5—11

⁹ Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века М, 1985 С 158—199, на эту тему см Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против» М 1975 С 218—219, по этому поводу см Сумароков А. П. Наставление хотящим быть писателями 1748—1774 // Русская литературная критика М 1978 С 112—117 Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. В 10 т. Л, 1959 Т 7 С 13

¹⁰ Капнист В. В. Собр. соч. В 2 т. / Ред. вступ. статья и примеч. Д. С. Бабкина М. Л. 1960 Т 1 С 232, 211, Busch W Horaz in Russland S 99—105 мнение Капниста о Горации разделял и А. Н. Радищев, см Кочеткова Н. Д. Радищев и проблема красноречия в теории XVIII века // А. Н. Радищев и литература его времени Л, 1977 С 16

¹¹ Пушкин А. С. Собр. соч. М. 1974 Т 1 С 16

¹² Высокие чувства дружбы и благодарности Гораций выражает в оде II, 17, посвященной Меценату, чтобы праздновать его выздоровление. По этому образцу Г. Р. Державин написал «На выздоровление Мецената» в честь И. И. Шувалова и А. С. Пушкин сочинил ироническое стихотворение «На выздоровление Лукулла. Подражание латинскому». Об этом см Петрунина Н. Н. На выздоровление Лукулла // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов М. 1974 С 323—362

кровитель?».¹³ Но и перед этой особой он был «независим». В стихотворениях, которые он посвятил Меценату, Гораций твердо и откровенно утверждает свое право на личную свободу и независимость от него, как, например, в «Послании», где поэт предупреждает своего покровителя, что готов все ему вернуть, если он не согласится дать ему свободу: «Nec ego si compellor imagine, cuncta resigno» (Посл. I, 7 (34)).

Трудно поэтому считать Горация просто придворным поэтом, особенно если принять во внимание его очень сложный жизненный путь и лирический субъективизм его поэтического творчества, сильно отличавшегося от безличной поэзии классицизма.¹⁴

В отличие от поэтов-классицистов XVIII в. Гораций отказался писать восхваляющие эпические произведения (Ода II, 12),¹⁵ несмотря на наставления Мецената и великого латинского поэта Вергилия. Муза поэта, как он сам утверждает, не позволяет ему воспевать храбрые деяния великих людей и торжественные события, потому что он недостаточно одарен для таких важных тем и из-за недостатка ума может уменьшить даже славу великого Цезаря Октавиана (Ода I, 6 (9—12)). Муза Горация принуждает его, легкомысленного и влюбленного, воспевать только пиры, дев, любовь: «Nos convivia, nos proelia virginum / sectis in iuvenes unguibus acrum / cantamus, vacui sive quid urmur / non praeter solitum leves» (Ода I, 6 (17—20)). Как трудолюбивая пчела горы Матино¹⁶ собирает сладкий тимьян, так и он с большим старанием сочиняет стихи, написанные недалеко от леса, на берегу реки Тиволи (Ода, IV, 2 (27—32)).

В русской литературе XVIII в. этим жизнерадостным темам посвятил прекрасные стихотворения Г. Р. Державин. Подобно тому как Гораций прославлял *радостные пиры* Августова периода, великий русский поэт о великолепных *царских празднествах* писал оды, в которых воспевал роскошь приемов и пышность дворцовой жизни времен Екатерины II: «Эта поэзия довольства, поэзия сытости, пожалуй отгалкивала бы нас, не будь она абсолютно чистой от налета пресыщенности. Пресыщенности нет и в помине».¹⁷ Ни в одном из своих одических стихотворений русский поэт не упоминает Горация, но тем не менее «Державин ощущает близость „размыслительного“ типа оды к оде Горация или „Горацианской“ оде, что для него было в сущности одно и то же».¹⁸

В развитии горацианской темы восхваления деревенской жизни особенно выделяются стихотворения Капниста и Державина, последний сочинил две оды одна «О удовольствии», которая является вольным переводом оды III, 1 и сатиры II, 2 Горация, и другая «Похвала сельской жизни», бесспорное подражание горацианскому второму эподу.

Несмотря на то что Гораций считал себя только «лирическим стихотворцем», глубокая нравственность и воспитательная направленность проносили все его поэтическое творчество. Он утверждал, что назначение поэтов «принести пользу, или услаждать, или обоими этими способами

¹³ Ломоносов М В Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Соч М 1957 С 241

¹⁴ Вомперский В П Стилистическое учение М В Ломоносова и теория трех стилей М 1970 С 55—70, 153—155

¹⁵ Гораций утверждает свою неспособность к эпическим сочинениям во многих стихотворениях как например, в одах I, 6 II 12, IV, 2, IV, 15

¹⁶ Гора, которая находится в Пулье, на Гаргано, на юге Италии

¹⁷ Аверинцев С С Поэзия Державина // Державин Г Оды Л, 1985 С 10, Ripel lino A M Variazioni sulla poesia di Derzavin // Letteratura come itinerario del meraviglioso Torino 1968 P 29—37

¹⁸ Алексеева Н Ю Державинские оды (К вопросу о реформе оды) // XVIII век (Пб 1993 (6 18 С 90

оказывать людям помощь в жизни»: ¹⁹ «Aut prodesse volunt eut delectare poetae / aut simul et iucunda et idonea dicere vitae» (De arte Poetica, 335—336). Поэтический принцип Горация «мешать полезное с приятным» («docere et delectare») нашел широкое применение у авторов XVIII в., и особенно в России. ²⁰ Феофан Прокопович в трактате о поэтике, ²¹ написанном им на латинском языке, вполне воспринял гораціанское понятие о цели поэзии, а в другом — о риторике ²² значительно, в соответствии с античными риторическими принципами, ²³ добавил третий глагол: docere, delectare, *movere*, т. е. «учить», «восхищать», «возбуждать» — означают три разных стиля речи: «Если в предмете описания нет ничего выдающегося в своем роде, ты найдешь, что учить необходимо низким стилем, восхищать — средним, возбуждать — высоким». ²⁴

М. В. Ломоносов, принявший в первом издании своей «Риторики» (1744) принцип Цицерона «docere, delectare et *flectere*» («убеждать»), ²⁵ затем менял *flectere* с глаголом *movere*. Впоследствии он так уточнил свое мнение по этому поводу: «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем *преклонять других к своему мнению*». ²⁶ Определяя понятие красноречия, Ломоносов несомненно отдавал особое предпочтение эмоциям и восторгу, характерным для его литературного творчества, прежде всего для его одических сочинений, ибо ставил себе целью эмоционально влиять на слушателей, а не убеждать их подходящими разумными словами. Ю. Н. Тынянов в своей статье «Ода как ораторский жанр» перечисляет словесные и стилистические особенности ломоносовских одических сочинений, которые напоминают иногда словесное изобилие стиля барокко. ²⁷ В этом исследователе видит отличительную особенность одического стиля Ломоносова, нарушающую принцип гармонического равновесия классицизма в *повышении тона, восторге*. Но стилистический принцип *возбуждения* раньше уже употреблял и ясно определял Гораций, который в «Искусстве поэзии» утверждает, что литературные сочинения должны быть не только красивыми, но и впечатляющими, для того чтобы привлечь внимание слушателей к призыву, содержащемуся в этих произведениях: «Non satis est pulchra esse poemata: dulcia sunt / et quocumque volent animum auditoris agunt. / Ut ridentibus adrident, ita flentibus adsunt / humani voluntus...» (De arte poetica, 99—101). Кроме того, надо еще добавить, что этот гораціевский поэтический принцип был расширен к концу I в. н. э. в анонимном

¹⁹ Цит из перевода на русский язык трактата Ф Прокоповича Prokopowicz F De arte poetica libri III ad usum et institutionem studiosae juventutis roxolanae dictati Kioviae in Orthodoxa academia mohyleana anno domini 1705 Mohilowiae, 1786 P 342

²⁰ По этому поводу см Степанов В П К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте Л, 1983 С 105—120

²¹ Prokopowicz F De arte poetica P 234, 238

²² «De arte rethorica libri decem a Theophano Prokopowicz olim ex variis autoribus collecti in Mosquensi Imperiali Academia anno domini MDCCXLIX explicata» Этот трактат был издан Прокопович Ф Про риторичне мистецтво // Философські твори Київ, 1979 Т I С 103—433 см Кибальник С А О риторике Феофана Прокоповича // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте Л, 1983 С 193—206

²³ На эту тему см Barthes R L'ancienne rhetorique Paris, 1970 P 57—61

²⁴ Prokopowicz F De triplici dicendi genere seu stylo sublimi sive gravi, medio, seu floride, infimo, seu familiari (De arte rethorica libri X) // Вомперский В П Стилистическое учение М В Ломоносова и теория трех стилей С 197

²⁵ О значении Цицерона в творчестве Ломоносова см Стенник Ю В Теоретико-литературные взгляды М В Ломоносова // Ломоносов и русская литература М 1987 С 36—42

²⁶ Ломоносов М В Краткое руководство к красноречию // Михайло Ломоносов Жизнеописание Избр труды М 1989 С 228

²⁷ Об этом см Тынянов Ю Н Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю Н Поэтика История литературы Кино М 1977 С 227—252, Моисеева Г Н Поэтическое творчество М В Ломоносова // Ломоносов и русская литература М 1987 С 18—19

трактате по поэтике — «О возвышенном»,²⁸ написанном на греческом языке, возможно, в Риме и переведенном на французский язык в 1674 г. Н. Буало. Для совершенствования своего одического стиля М. В. Ломоносов мог использовать этот анонимный трактат, где подробно описываются стилистические принципы и приемы, позволяющие достичь возвышенного стиля в поэтическом творчестве, и объясняется, каким образом можно влиять на слушателей, вызывая у них *восторг* и *возбуждение души*.

Но поэзия Горация стремилась не только к *возвышенному*. Уже в первом периоде его творчества (до 30 г. до н. э.) в «Эподах» и «Сатирах»²⁹ можно заметить сочетание высокого нравоучения с развлечением, но эти произведения не стали образцами для русских авторов, предпочитавших следовать в подобных жанрах французским образцам.³⁰ Показательно, что А. Кантемир³¹ сделал стихотворный перевод на русский язык не «Сатир», а «Посланий» Горация.³² В творчестве Сумарокова можно заметить очевидные сходства с сатирой I, 10 Горация, в которой латинский поэт обращается к «худым» поэтам своего времени, в первую очередь к сатирику Луцилию, писавшему неровными стопами очень плохие стихи, неряшливо употребляя греческие слова.³³ Бездарным и невежественным поэтам и переводчикам 70-х гг. XVIII в., «засоряющим русский Парнас», Сумароков посвятил сатиру IV «О худых рифмоторцах»,³⁴ проникнутую острой полемической направленностью.

Кроме того, в сатире I, 10 Гораций излагает два стилистических принципа, приобретающих определяющее значение в литературной деятельности Сумарокова, особенно в его одических стихотворениях: *краткость изложения* — избыток слов мешает ушам (Satira I, 10, 9—11)³⁵ и *чистота языка* — не надо употреблять иностранные слова, особенно в поэзии; Гораций осуждает Луцилия за то, что он смешивал латинские и греческие слова (20—21).³⁶ В статье «К немисленным рифмоторцам» Сумароков спрашивает: «Что похвальной естественной простоты, искусством очищенной, и что глупее сих людей, которые вне естества хитрости ищут?». И далее, иронически обращаясь, возможно к Тредиаковскому: «...а что свойственно до порчи касается языка, немцы насыпали в него слов немецких, петиметры — французских, предки наши — татарских, педанты латинских <. > опасно, что Кирейки не умножили в нем и польских слов».³⁷ Таким образом, Сумароков

²⁸ «ΠΕΡΙ ΥΨΟΥΣ Η Sublime» a cura di G. Guidorizzi Milano, 1991

²⁹ И С Барков опубликовал сатиры Горация на русском языке в 1763 г. Квинта Горация Флакка сатиры или Беседы с примечаниями, с латинского языка предложенные российскими стихами Академии наук переводчиком Иваном Барковым СПб, 1763

³⁰ Французские просветители, особенно Д. Дидро, очень ценили сатиры Горация По этой теме см. Curtius E. R. Diderot e Orazio // Letteratura europea e medioevo latino Firenze 1992 P. 643—657

³¹ Западов А. В. Поэты XVIII века Литературные очерки М, 1984 С. 45

³² Кантемир А. Д. Собр. стихотворений Л, 1956, в предисловии он так мотивировал выбор для этого перевода « а из его сочинений выбрал я его „Письма“ для того что они больше всех его других сочинений обильны нравоучением Почти всякая строка содержит какое-либо правило, полезное к учреждению жития »

³³ В своих стихах Гораций часто упрекает плохих поэтов, ср. Посл. II 2 (100—125)

³⁴ Стенник Ю. В. Из истории литературной полемики 1770-х гг. (Сатира Сумарокова «О худых рифмоторцах») // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно культурном контексте Л, 1983 С. 251—260

³⁵ Этот стилистический принцип изложен Горацием и в «De arte poetica» (335—337) Феофан Прокопович, чтобы подтвердить убедительность этого понятия, цитировал именно эти стихи Prokhorovicz F. De arte poetica P. 230

³⁶ За второй принцип высказался и М. В. Ломоносов, см. Ломоносов М. В. Письмо о правилах российского стихотворства // Русская литературная критика XVIII века М. 1978 С. 25—30 «Российские стихи надлежит сочинять по природному нашему языка свойства, а того, что ему весьма несвойственно из других языков не вносить» (Там же С. 26)

³⁷ Сумароков А. П. К несмысленным рифмоторцам // Русская литературная критика XVIII века М. 1978 С. 119—121

пытается ответить на критику Тредиаковского, который, между прочим, обвинял соперника в плагиате из Буало³⁸ и в невежестве.³⁹ В статье «Об остроумном слове», вероятно выступая против *вздорного и надутого* стиля Ломоносова, Сумароков уточнил свое понятие о ясности и краткости в изложении, утверждая, что в поэтическом слове прежде всего почитаются безыскусность, краткость и ясность речи, в то время как говорливость свойственна бездарным людям.⁴⁰

К концу XVIII в. некоторые особенности поэтического творчества Сумарокова можно заметить и у Державина, не случайно названного современниками «русским Горацием». Часто ссылаясь на Горация и особенно на «Послание к Пизонам», в «Рассуждении о лирической поэзии или об оде»⁴¹ Державин излагает некоторые поэтические принципы классицизма как *единства страсти, нравоучения, разнообразия, краткости, правдоподобия, новости и изображения природы* через «блестящие живые картины, то есть с природою сходственные виды <...> Картины сии в лирической поэзии должны быть кратки, огненною кистью или одною чертою величественно, ужасно или приятно начертаны. Излишнее распространение у них отнимает цену».⁴² В этом утверждении кроме понятия *краткости* обращает на себя внимание еще один поэтический принцип Горация — это приближение поэзии к живописи: «*Ut pictura poesis: erit quae, si propius stes, / et quaedam, si longius abstes*» (De arte Poetica, 361—362). В барочной поэзии вообще и в поэзии начала XVIII в. в частности этот художественный принцип был воспринят Ф. Прокоповичем, который, говоря о поэтическом вымысле, писал: «Как я, по крайней мере, считаю, замысел у поэта и живописца совершенно один и тот же <...> поэзия есть говорящая живопись, а живопись — немая поэзия».⁴³

Однако в миропонимании Горация поэзия должна не только *развлекать и учить*, но приобретает более высокое значение. Несмотря на постоянное совершенствование своего поэтического творчества, Гораций исключил себя из числа поэтов (*exsegram numero*), ибо считал, что нельзя звать поэтом того, кто умеет лишь сочинять хорошие стихи, этого звания достоин только тот, у кого есть *остроумие, божественный ум* (*mens divinior*) и красноречие, необходимые для воспевания великих деяний (*Satura I, 4 (39—45)*).

Поклонник своей «легкой музыки», Гораций тем не менее был глубоко убежден в общественной и пророческой миссии поэзии, концепция которой восходила к платоновской теории божественного вдохновения поэта: «Поэты же — не что иное, как толкователи воли богов, одержимые каждый тем богом, который им владеет» (*Platon, Ion, 533—535 e*).⁴⁴ Гораций утверждает, что поэт, т. е. пророк (*vatis*), «передает точно исторические события, учит будущие поколения на славных примерах, утешает бедных и немощ-

³⁸ Клейн Й. Русский Буало? (Эпистола Сумарокова «О стихотворстве» в восприятии со временников) // XVIII век СПб., 1993 Сб 18 С 40—58, Песков А. М. Буало в русской литературе XVIII—первой трети XIX в. М., 1989

³⁹ Тредиаковский В. К. Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух епистол, писанное от приятеля к приятелю // Русская литературная критика XVIII века М., 1978 С 73 Опираясь на мнение Горация о взаимоотношении между природной одаренностью и образованностью (De arte poetica, 408—411) Тредиаковский утверждал «Признаваем, что есть в нем природная острота но сия острота в нем не обученная»

⁴⁰ Об этом см. Гуковский Г. А. Литературные взгляды Сумарокова // Сумароков А. П. Стихотворения / Под ред. акад. А. С. Орлова Л. 1935 С 340

⁴¹ Державин Г. Р. Рассуждение о лирической поэзии или об оде // Русская литературная критика XVIII века М. 1978 С 284—294

⁴² Там же С 289

⁴³ Прокопович Ф. De arte poetica P 405

⁴⁴ Платон Собр. соч. В 4 т. М. 1990 Т 1 С 377

ных. Кто научит молитвам деву и невинных детей, если Муза не даст им Пророка?» (Посл. II, 1 (130—133)).

Этот «пророческий» мотив в поэтике Горация, кажется, был замечен поэтами-литераторами, когда они приступили к созданию русской одической традиции и участвовали в литературных состязаниях,⁴⁵ но полностью его не восприняли. Русские поэты XVIII в., как например, Тредиаковский, Ломоносов,⁴⁶ Сумароков⁴⁷ и Державин,⁴⁸ активно действовали в литературной сфере, чувствовали себя гражданами и придавали своему поэтическому творчеству определенное общественное значение: сочиняли стихотворения, в основном одические, для того чтобы торжественно воспевать блестящие победы полководцев российской армии и торжественные случаи из жизни царей, иногда даже давали «властителям» добрые советы о том, как управлять государством, и провозглашали высокие гражданские идеалы.⁴⁹ Но никто из вышеупомянутых поэтов никогда не приписывал себе божественного вдохновения и не чувствовал себя прорицателем, голосом высших сил. Сам Державин признает, что в древности роль поэта была совершенно иной: «Пророк вдохновенный (vates), или древний лирик, был одно и то же. Он был герольд Неба, орган истины».⁵⁰ Концепция, согласно которой поэты являлись одновременно пророками-прорицателями, была совершенно чужда миропониманию просветителей XVIII в. Пророческое значение поэзии было осознано только в начале XIX в., когда по всей Европе распространились литературное романтическое движение и философские воззрения И. Г. Фихте. В России В. К. Кюхельбекер и А. С. Пушкин прекрасно изобразили роль поэта в соответствии с этими взглядами. В поэтическом творчестве этих двух русских авторов очень ясно проявляется романтическое понимание активной роли *поэта-пророка* в обществе, которая больше не позволяет ему мечтать и чуждаться «сего леностного мира». С этими идеями мы встречаемся уже в самом начале стихотворения Кюхельбекера «Пророчество»:⁵¹ «Глагол Господень был ко мне / За цепью гор на Курском бреге: / „Ты дни влачишь в ленивом сне, / В мертвящей душу, вялой неге! / На то ль тебе Я пламень дал / И силу воздвигать народы? / *Восстань, певец, пророк свободы! / Вспрянь! возвести, что Я вещал*“».

Бесспорно оригинальным и впечатляющим, без излишних литературных реминисценций, является «Пророк» Пушкина.⁵² Пользуясь евангельскими мотивами, в этом стихотворении Пушкин рассказывает о своей встрече с «шестикрылым серафимом», о том, как он одаривает поэта двумя качествами — мудростью и пылающим сердцем, обязательными *пророку* для ис-

⁴⁵ По этой теме см. Гуковский Г. А. К вопросу о русском классицизме: состязания и переводы // Поэтика. Сб. статей. Л., 1928. Т. 4. С. 126—148; Шишкин А. Б. Поэтическое состязание Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 232—243.

⁴⁶ О нем см. Западов А. В. Поэты XVIII века. С. 138—158; Михайло Ломоносов. Жизнеописание. Избр. труды.

⁴⁷ Луцевич Л. Ф. Торжественные оды А. П. Сумарокова // Из истории русской литературной критики. Кишинев, 1984. С. 81—91.

⁴⁸ Фоменко И. Ю. Автобиографическая проза Г. Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 143—165.

⁴⁹ Степанов В. П. К вопросу о репутации литературы. С. 105—121; Панченко А. М. О смене писательского типа в Петровскую эпоху // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 119.

⁵⁰ Державин Г. Р. Рассуждение о лирической поэзии или об оде // Сочинения Державина. СПб., 1872. Т. 7. С. 569, то же мнение раньше высказал Ф. Прокопович в «De arte poetica» «По старинному взгляду, некое божественное и небесное вдохновение побуждает поэтов писать стихи» (Р. 345).

⁵¹ Кюхельбекер В. К. Соч. Л., 1989. С. 65—67.

⁵² Пушкин А. С. Собр. соч. М., 1974. Т. I. С. 82—83.

полнения высшей миссии: «И вырвал грешный мой язык, / <...> И жало мудрая змеи / В уста замершие мои / Вложил десницею кровавой. / <...> И сердце трепетное вынул / И уголь, пылающий огнем, / Во грудь отверстую водвинул. / Как труп в пустыне я лежал, / И Бога глас ко мне воззвал: / „Восстань, пророк, и виждь, и внемли, / Исполнись волею моею, / И, обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей“». В этих стихах особенно видно, что *пророк* Пушкина, чтобы исполниться Божьей волей, забыв все суетное, мелкое, приземленное, должен двигаться по земле и *жечь* своими словами сердца людей. Следовательно, поэт является не только *пророком*, *голосом* высшей воли, как утверждается в теории Платона и в «Поэтике» Горация, но и *носителем* божественного пламени, *певцом* свободы, *глашатаем* высоких гражданских идеалов.⁵³

В теории Горация поэзия приобретает еще одну важную особенность — это *бессмертие поэтического творчества*, утверждаемое в одах II, 20; III, 30; IV, 8; IV, 9. На самом деле в оде IV, 8 он выражает убеждение, что не надписи, высеченные на могильных плитах для грядущих поколений, дают дуновение жизни и стимулы к подражанию доблестным вождям. Достойному человеку муза запрещает умереть (IV, 8 (10—28)). Ф. Прокопович⁵⁴ и затем М. В. Ломоносов⁵⁵ вполне разделяли мнение Горация о том, что лишь благодаря поэтическому творчеству великих поэтов древности в памяти народов навеки останутся подвиги и храбрые деяния, совершенные античными героями. До появления поэтического творчества исторические события и имена людей уходили в небытие и исчезали. Так, Ломоносов переложил Горация: «Бывали и там герои, бывали отменные дела в обществах, бывали чудные в натуре явления, но все в глубоком неведении погрузились:

Герои были до Атрида
Но древность скрывает их от нас,
Что дел их не оставил вида
Бессмертный стихотворцев глас»⁵⁶

С этим соглашается и Г. Р. Державин, который, излагая принцип правдоподобия, пишет: «...лира издревле посвящена на сохранение дел народа или, лучше, на расширение славы его».⁵⁷

Даже если в «Сатире» I, 4 Гораций исключил себя из числа поэтов, потому что не считал себя *поэтом-пророком*, способным воспевать подвиги античных героев и современных ему вождей, все-таки в произведениях второго периода становится все более явной идея о том, что поэзия, если она возвышенная, придает воспеваемой теме бессмертие.

Поэт предчувствует, что его стихи не исчезнут и что его имя будет известно повсюду, даже народам, живущим в самых отдаленных уголках Римской империи (Ода II, 20, 17—20). В оде IV, 9 (1—12) Гораций уточняет, что слова, им сочиненные, не погибнут, благодаря тому что он придумал стопы, раньше неизвестные, чтобы сопровождать звуками лиры свои стихи. И дальше поэт утверждает, что даже при том, что Гомер занимает первое

⁵³ На эту тему см. Ильин И. А. Одинокий художник. Пророческое призвание Пушкина. М., 1993. С. 40—69. О периоде создания этого стихотворения см. Томашевский Б. Пушкин. М., 1990. Т. 2. С. 277—302. Сурат И. «Кто из богов мне возвратил» // Пушкин, Пущин и Гораций // Новый мир. 1994. № 9. С. 209—226.

⁵⁴ Prokopowicz F. De arte poetica. P. 236, 345.

⁵⁵ Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных. С. 240.

⁵⁶ Переложение части оды IV, 9 Горация (IV, 9, 25—28). Об этом см. Стенник Ю. В. Теоретико-литературные взгляды М. В. Ломоносова. С. 37—38.

⁵⁷ Державин Г. Р. Рассуждение о лирической поэзии или об оде // Русская литературная критика. С. 288.

место, не забыты стихотворения ни Пиндара, ни Симонидеса, и время не смогло ослабить красоту од Анакреона.

Расширяя это понятие о бессмертии поэтической славы, в самой знаменитой оде (III, 30) «*Exegi monumentum*» Гораций подтверждает, что он воздвиг себе памятник *долговечнее меди* (*aere perennius*), ничем неистребимый вовеки (...*aut innumerabilis annorum series et fuga temporum*), его слава с веками будет все больше возрастать благодаря тому что, несмотря на низкое происхождение, он первым в Италии достиг совершенства греческой поэзии: «*Ex humili potens / princeps Aeolium carmen ad Italos / deduxisse modos*» (Ода III, 30, 11—13). Гораций, до такой степени ценивший греческую литературную культуру, что писал: «*Graecia capta ferum victorem cepit et artis / intulit agresti Latio*» (Посл. II, 156—157), для своих стихотворных сочинений придумал в латинском стихосложении новые стопы, чаще всего ямбические, уплотняя эольскую строфу Алкея и Сафо (*De arte poetica*, 79—90; 251—263).

Русские поэты и литераторы глубоко воспринимали это волнующее послание Горация к будущим временам. На самом деле начиная с XVIII в. почти до наших дней⁵⁸ в России оду «*Exegi monumentum*» переводили и ей подражали многие поэты, среди которых здесь упоминаются М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин и А. С. Пушкин.

М. В. Ломоносов первым перевел эту оду на русский язык.⁵⁹ Русский поэт мог вполне сочувствовать ее содержанию: как и Гораций, он происходил из незнатного рода и внес в родную литературу иностранные литературные темы и жанры, совершил коренные изменения в русском стихосложении, придумав новые тонические стопы, особенно ямбические: «Что мне беззнатный род препятством не был. / Чтобы внести в Италию стихи эольски / И первому звенеть Алцейской лирой» (Ода III, 30, 12—14).

Хотя Ломоносов передал текст оды почти без существенных изменений, нельзя утверждать, что он «не внес в него никаких оценок собственного творчества».⁶⁰ В отличие от Державина и Пушкина, которые переделали и русифицировали оду, Ломоносов замечательно передал смысл и сохранил верность авторскому тексту, что само по себе удивительно, если вспомнить, что в XVIII в. по всей Европе переводы бывали, как правило, «красивыми, но неверными». Тем не менее Ломоносов немного обновил и модернизировал текст. Передавая «*Monumentum*» словом «знак» «*signum*» («Я знак бессмертия себе воздвигнул»), русский поэт, видимо, хотел указать на новизну и актуальность Горациевой литературной деятельности и подчеркнуть, что то, что он совершил, принадлежит не только памяти, но стало действующим знаком. Модернизация текста заметна особенно там, где упоминаются языческие божества и обряды, как, например, в следующих стихах: «*Non omnis moriar, multaque pars mei / vitabit Libitinam*». Русский поэт передал внутренний смысл оды, пропустив упоминание о Либитине, богине смерти: «Не вовсе я умру, но смерть оставит / Велику часть мою, как жизнь скончаю», и затем: «...*usque ego postera / crescram laude recens, dum Capitolium / scandet cum tacita virgine pontifex*» (Ода III, 30, 6—9) — Ломоносов не воспроизводит языческий обряд, о котором говорит Гораций, но передает его смысловое значение: «Я буду возрастать повсюду славой, / Пока великий Рим владеет светом». Очевидно, Гораций отождествлял возрастание своей

⁵⁸ Об этом см. Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература Л. 1987. С. 236—266

⁵⁹ Ломоносов М. В. Соч. С. 212, на эту тему см. Нахов И. М. Ломоносов и античность // Вопросы классической филологии М., 1965. С. 16—19

⁶⁰ Западов А. В. Поэты XVIII века М. В. Ломоносов М., 1979. С. 109 ср. Busch W. Horaz in Russland S. 54—60

славы с существованием римской языческой религии, т. е. Римской империи, как уже было подчеркнуто.

Г. Р. Державин⁶¹ в своем подражании полностью переделал текст Горациевой оды, опустив все намеки на римский языческий мир и упоминая географические названия только Европейской части Российской империи: «Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный / <...> Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных, / Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал». Он признает себя достойным вечной памяти не только за поэтические заслуги, но и благодаря высоким принципам, которым следовал в своей общественной и политической деятельности: он был искренним певцом Екатерины II, но не «льстецом» властителей: «Что первый я дерзнул в забавном русском слоге / О добродетелях Фелицы возгласить, / В сердечной простоте беседовать о Боге / И истину царям с улыбкой говорить».

В подражании, сделанном А. С. Пушкиным,⁶² текст этой оды приобретает новые и высшие значения: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный / <...> И славен буду я, доколь в подлунном мире / Жив будет хоть один пиит». В отличие от Горация и Державина, Пушкин отождествляет свою поэтическую славу не с имперской державой или какой-либо могущественной особой, но с бессмертием поэтического творчества, с существованием даже только одного настоящего поэта. Подобно тому как Гораций предчувствовал, что имя его будут знать повсюду и его узнают даже далекие восточные народы, только что завоеванные римской державой, и Пушкин торжественно восклицает: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, / И назовет меня всяк сущий в ней язык, / И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий / Тунгус, и друг степей калмык». Аргументы, к которым прибегает Пушкин, утверждая право своего поэтического творчества на бессмертие, являются совершенно новыми и оригинальными: если Гораций писал свои произведения только для знатных и образованных людей (Сатира I, 10,75—96), если Державин старался быть особенно приятным «царям», Пушкин, наоборот, справедливо предвидел, что именно народ будет его любить, благодаря добрым чувствам, пробужденным его поэзией, и за то, что он как настоящий пророк в опасное время сумел прославить свободу: «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал, / Что в мой жестокий век восславил я свободу / И милость к падшим призывал».

Из всего сказанного можно заключить, что в России поэты-литераторы XVIII в., почитая и изучая произведения Горация, воспринимали его, в соответствии с литературными тенденциями своего времени, прежде всего как поэта-теоретика, поэта-классициста и плодотворно развивали его поэтические принципы, как, наверное, ни в какой другой стране. Но они совсем не поняли всей сложности внутреннего, лирического мира поэзии Горация, его волнующих и тревожных высказываний о судьбе и значении человеческой жизни. Все эти темы были развернуты и обогащены в начале XIX в. в поэтическом творчестве великого русского поэта А. С. Пушкина, наследника богатства русской литературы XVIII в.

⁶¹ Державин Г. Р. Стихотворения Л., 1981 С. 116—117

⁶² Пушкин А. С. *Ехegi monumentum* С. 385, об этом см. Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг» // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература С. 5—236

С. С. АВЕРИНЦЕВ

Британское зеркало для русского самопознания

Еще раз о «Сельском кладбище» Грея—Жуковского

Ничего не говорят о тишине английской, а она изумительнее шума Англии

А. С. Хомяков

Мы давно уже, слава Богу, научились ценить русскую поэзию XVIII в. Мы видим, насколько велик Державин; мы чувствуем также, до чего он самобытен. И все же в его облике, как и во всей панораме его столетия, явственно недостает каких-то необходимых признаков того, что стало потом соединяться с понятием русского лиризма. Его лирика не совсем «лирична», т. е. чересчур «витийственна», и это значит — чересчур принародна, публична, экстравертивна, недостаточно обращена к «душе»; и она как будто бы даже, при всей избыточности, острой и пряной «русскости», именно в силу своего громогласного мажора атмосферически не совсем «русская», как стали понимать «русское» чуть позже и понимают едва ли не по сие время: не совсем сродни «дрожащим огням печальных деревень», по Лермонтову, и не совсем созвучна заунывному русскому мелосу — песням, которые поют, подперши голову рукой.

Потом-то все очень быстро переменялось. Уже в 1830 г. Пушкин в шутовском тоне говорил, как говорят о самоочевидном: «...Поет уныло русская девица, / Как музы наши, грустная певица. / Фигурно иль буквально всей семьей, / От ямщика до первого поэта, / Мы все поем уныло Грустный вой / Песнь русская...». Кто понимает шутку, не примет ее чересчур буквально: у самого Пушкина, воистину «первого поэта», мино́р и lamento вовсе не так уж преобладают. Но все дело в том, что на правах шутки слова Пушкина понятны решительно каждому знатоку русской лирики, при любом несходстве вкусов: любителям Баратынского или Некрасова, Блока или Анненского, Ахматовой или Есенина, Заболоцкого в равной мере есть что вспомнить у своих любимцев.¹ (Конечно, есть среди нас и особые любители русского «осьмнадцатого века», без увлечения которым, в частности, невозможен был бы характерный облик русского авангарда; но как русский авангард, так и

¹ Подумать только, что у Блока в двух стихотворениях осени 1908 г., подряд следующих друг за другом в разделе III тома «Родина», предыдущее кончается словами «*Когда звенит тоской острожной / Глухая песня ямщика!*», — а следующее сейчас же подхватывает «*Вот он ветер, / Звонящий тоскою острожной*»¹ И за ними следует — «Осенний день» («*О чем звенит о чем о чем? / Что плач осенний значит?*») — такой концентрации плачущего звона и звонящего плача поискать да поискать в мировой поэзии. Но у Блока это выглядит как простое суммирование мотивов, которые уже стали привычными у его предшественников

прочие любители Державина или Тредиаковского стали возможны лишь после того, как русский лиризм давно уже был реальностью.) Нет, далее, никаких сомнений, с кого именно начинается «русский лиризм» в этом особом, самоуглубленно-лакриозном смысле. Пушкин сам все равно что назвал имя Жуковского, дважды повторив ключевое слово «уныло», донельзя характерное для лексики последнего. Все помнят также, с чего упомынутый феномен в 1802 г., на самом пороге XIX в., начинается: с того стихотворения Жуковского, которое озаменовало вступление девятнадцатилетнего юноши в большую литературу, — с перевода стихотворения Томаса Грея «Elegy Written in a Country Church-Yard».² При желании можно и пошутить: вот оно, рождение подлинно русского лиризма, — для него потребовалось, чтобы впечатлительный молодой человек засел читать и перелагать английские стихи! При разговоре серьезном для позабавленного удивления причин, конечно, не сыщется: ни один разумный человек давно уже не найдет странным, что такое сокровеннейшее русское явление, как творчество преп. Андрея Рублева, сформировано византийским примером, или, чтобы не казалось, будто это проблема локально российская, что Катулл и Вергилий выражали специфически римский строй чувства, перелагая порой весьма «близко к тексту» стихи греческих и эллинистических поэтов. Зато найдутся основания задуматься: почему именно английское, почему именно это английское стихотворение исполнило в русской, как говорят немцы, Geistesgeschichte (истории духа) такую майевтическую, по Сократу, функцию? Из десятилетия в десятилетие в России и ранее, и после читали больше французов да немцев — а потом, когда наступает поворотный час, сама собой подвертывается английская элегия? (Положим, в начале XIX в. это можно объяснить общеевропейской предромантической и раннеромантической конъюнктурой, которая только что была столь благоприятна для имитаций Макферсона, — но ведь вот и Пушкин, воспитанный на французах и еще в 1825 г., несмотря на весь свой байронизм, оставивший урну Байрона ради неоплаканной тени Андрея Шенье, в самый таинственный свой период вдохновился забытой с тех пор самими англичанами Вильсоновой трагедией, обеспечив ее памяти бессмертие в пределах русской культуры, и по примеру Барри Корнуэлла с истинно английской homeliness пил за здоровье Мери, а потом еще перелагал начало «Pilgrim's Progress»; тут, право, есть что-то повторяющееся.)

Так почему, в самом деле?

Приглядимся к стихотворению Томаса Грея (без коего и по сие время трудно обойтись антологии британской поэзии). Попробуем прочесть его так, как будто мы читаем его в первый раз; так, чтобы между ним и нами не стояло готовых слов — «сентиментализм», «предромантизм» и прочая. Текст английского стихотворения очень спокоен, сосредоточен и строг; он исключает декоративную избыточность образов, экзальтацию и погоню за оригинальностью ради оригинальности. Как очень точно отметил К. С. Льюис, это тот случай, когда поэт говорит то, что от него ждешь, (stock responses), — и это не слабость, а сила.³ Стихотворение, так сказать, и в самом своем сентиментализме классично.

Конечно, уже ландшафт, открывающий элегию, северный, туманный ландшафт, с ключевыми словами «darkness» и «stillness», «secret» и «solitary», представлял собой для русского поэта освободительную альтернативу слишком отчетливым линиям слишком солнечных пейзажей классицизма, это понятно без дальних слов. «В туманном сумраке окрестность

² См. Топоров В. Н. «Сельское кладбище» Жуковского к истокам русской поэзии // Russian Literature, 1981 T 10 P 3

³ Lewis C. S. Studies in Words 2nd ed (Cambridge, 1967 P 328

исчезает», — и душа наконец-то остается в своем собственном мире, наедине с собой. Очень скоро является то самое слово «унылый», которое станет обыгрывать Пушкин; но оно говорит не столько об «унынии», сколько о сосредоточенности и тишине. Та самая английская тишина, которую будет так хвалить Хомяков. Но дальше нам придется употребить опасное слово — «тайна». В литературе, и тем паче в литературе романтической поры, даже отличной, как у того же Жуковского, вполне обычна игра в таинственность. У Грея этой игры нет, или, скажем осторожнее, она сведена к абсолютному минимуму. Стихия тайны очень строго связана с существеннейшим смыслом стихотворения. Его тема — не просто кладбище, место, разумеется, само по себе таинственное, но кладбище сельское: а это дает два новых смысловых момента. Во-первых, тайна смерти соединена с тайной природы — как это будет у Пушкина: «*Стоит широко дуб над важными гробами, / Колебясь и шумя...*». Но во-вторых, что особенно важно для Грея, это место погребения безвестных, безымянных людей, которым обстоятельства не дали проявить себя иначе, как в узком, сугубо **приватном** кругу. А это уже делает глубинной темой стихотворения — тайну человеческого достоинства, **человеческое достоинство как тайну**. И вот это, по нашему мнению, хотя бы отчасти объясняет, почему именно Грей, именно английская культура так нужны были Жуковскому и в его лице — рождающемуся русскому самоощущению. Для «латинской» культурной традиции человеческое достоинство в своей сущности, в своем логическом пределе всегда «публично»: «права человека», провозглашенные Французской революцией, суть «права человека и **гражданина**». Это никоим образом не означает, будто во французской культуре трудно отыскать тему «безымянных героев»; каждый из нас без труда приведет из самых различных эпох примеры противного. Но французская разработка темы выглядит как возвращение этих безымянных героев в ту сферу публичности, которой они принадлежат по праву своего героизма. Безымянный солдат в войске Наполеона причастен публичности, воплощенной в фигуре Наполеона. И его безымянность воспринимается, в конечном счете, как простая несправедливость, — восстанавливаемая, однако, тем, что мы-то его восхваляем. Для Грея и его русского переводчика это не так. Прежде всего, они говорят не о «безымянных героях», а о безымянных **людях**, которым их жребий не дал шанса быть героями, хотя бы безымянными: всего-навсего люди, не более того — и не менее. Для чистоты мысли это важно. Нельзя сказать, чтобы Грей не ощущал проблемы социальной несправедливости: слова о погребенных бедняках в дни их жизни — «*chill penury repress'd their noble rage*» — достаточно выразительны. То же можно сказать, например, о строке Жуковского: «*Их genius строгою нуждою умерщвлен*». И все же вопрос не сводится к чисто негативному моменту несправедливости. Сокровенное человеческое достоинство предстает как ценность в себе, более того, как высшая ценность, онтологически и аксиологически имеющая приоритет перед всем, что публично, и являющаяся для него верховным мерилом. Оно — как скрытая драгоценность («*Full many a gem of purest ray serene, / The dark unfathom'd caves of Ocean bear...*»).

Как часто редкий перл волнами сокровенный,
В бездонной пропасти сияет красотой

Парадоксальным образом именно сокрытость от внешнего раскрывает внутреннее. Парадокс этот подчеркнут от противного: тот, кто пребывает в сфере публичности, как раз он платит за эту несокрытость своего су-

ществования, за отсутствие тайны тем, что принужден **таить и скрывать** лучшее в себе: «*The struggling pangs of conscios truth to hide, / To quench the blushes of ingenious shame*» («*Таить в душе своей глас совести и чести...*»). Но в **тайне** и тишине, «*far from the madding crowd's ignoble strife*», до конца раскрывается самое глубокое: равное себе свойство человека быть человеком.

Насколько важен был этот опыт именно для культуры Пушкина и Баратынского, Достоевского и Льва Толстого, Чехова и Пастернака, нет нужды говорить. Вопрос в другом: случайно ли, что урок, воспринятый Жуковским, — не личное на правах функции общественного, как у французов, не интеллектуальное понятие человека, как у немцев, но человеческое в глубинах своей конкретно-приватной обыденности, — был дан так внятно именно английской культурой?

Русский поэт и мыслитель символистской поры Вяч. Иванов случайным этого не счел.

Позволим себе в этой связи процитировать несколько фраз из его речи, написанной для заседания Петроградского Общества Английского Флага и впервые напечатанной в 1916 г.: «Англия дала Западу начала гражданского устройства; мы, славяне, почерпнули в недрах английского духа откровение о личности».⁴ По мнению Вяч. Иванова, идеология Французской революции была недостаточна постольку, поскольку, «освобождая гражданина, она порабощала в нем человека», поскольку «была рассчитана на общеобязательность одинаково при допущении и отрицании божественного, онтологического достоинства личности, и этот расчет отнимал у нее характер нравственной безусловности, обращал ее в чисто внешнее законодательное установление...».⁵ Всему этому русский символист противопоставлял — на примере Байрона — по его мнению, более персоналистическое, более ускоренное онтологически британское *свободолюбие*. В его перспективе человек, который не должен быть рабом чужой воли, «не может быть и рабом множества». Личное достоинство человека в этой перспективе — не функция общественного начала, но нечто первичное.

Мы не будем спешить ни безоговорочно соглашаться с этими утверждениями, ни возражать на них. По самому своему жанру они относятся к тому уровню эмфазы, на котором нет никакой возможности не только доказывать, но даже оставаться в бескомпромиссном ладу со всеми известными тебе же частными фактами. Решимся сказать о них самое скромное: на правах «мифа» об истории они, во всяком случае, стоят того, чтобы мы над ними поразмыслили.⁶ Интересен и сам факт их появления у поэта и мыслителя, казалось бы, воспитанного на немецкой культуре и много более связанного даже с культурой французской. Но ведь взгляд в сторону Англии является у деятелей нашей культуры подчас там, где его и не ждешь. И он так часто глубже, интимнее, чем ждешь. Как у Пушкина; как еще раньше у юноши Жуковского. Это ведь тоже само по себе о чем-то свидетельствует.

Если бы Вяч. Иванов был уж вовсе неправ, если бы русской культурой не было воспринято именно из английских рук *откровение о личности*, Хомяков, ревнитель свободной соборности, едва ли стал так энергично за-

⁴ См. Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель, 1986. Т. 4. С. 292 (Заглавие речи «Байронизм как событие в истории русского духа»)

⁵ Там же (С. 293)

⁶ Довольно резкий отзыв об ивановской речи в статье Р. Веллека (Wellek R. The Literary Criticism of Vyacheslav Ivanov. Vyacheslav Ivanov. Poet, Critic and Philosopher. New Haven 1986. P. 224) неубедителен, ибо недостаточно учитывает связь мыслей русского символиста

щищать от расхожих обвинений британскую привольность и приватность, homeliness, «тишину и улыбающуюся святыню домашнего круга».⁷

А теперь позволю себе личное воспоминание. Перед тем как первый раз (в 1989 г.) отправиться в британские края, мне случилось разговаривать с Дмитрием Сергеевичем: и он, напутствуя меня, много говорил об Англии, о Шотландии. Говорил как правомочный наследник, скажем, того же Алексея Степановича — и о традициях почитания Св. Андрея Первозванного, роднящих старину зеленого острова с нашей, и о курьезных обыкновениях оксфордских церемоний. Пересказать его слов я не берусь — слишком важна интонация, важен взгляд; скажу только, что с тех пор мне бросаются в глаза некоторые факты отечественной культуры, мимо которых я, может быть, и прошел бы. Сама справедливость требует, чтобы эта статья была посвящена ему.

⁷ Достаточно вспомнить статью А. С. Хомякова об Англии, навеянную его британскими впечатлениями 1847 г. Можно было бы, разумеется, без труда подобрать не менее красноречивые свидетельства с западной стороны (ср.: Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1987. С. 148), но свидетельство славянофила в некотором смысле особенно весомо.

Р. Ю. ДАНИЛЕВСКИЙ

Г. С. Сковорода и И. Г. Гердер

О, когда бы мне в дурни не пошиться,
Дабы вольности не мог лишиться

Г. Сковорода

И вольность в облике человеческом
принесла благородные плоды.

И. Г. Гердер

По всей вероятности, Григорий Саввич Сковорода и Иоганн Готфрид Гердер никогда не слышали друг о друге. Их разделяли расстояния и национальные культуры, но не время и не философские пристрастия. Разными путями придя к своим убеждениям, оба мыслителя оказались сотрудниками в деле утверждения просветительского гуманизма в Восточной Европе XVIII в.

Старше Гердера на двадцать с лишним лет, Сковорода достиг расцвета творчества в одно с ним время — в 1780-х гг., и Гердер только на девять лет пережил его. Не станем задерживаться на том значении, какое оба просветителя имели для своих стран, хотя, конечно, в этом есть различия: Гердер, скорее, завершил собой историю просветительской мысли в Германии, Сковорода, напротив, стоял у начала украинского Просвещения и у основ национальной культуры Украины; впрочем, он был духовным спутником русского Просвещения почти на всем его пути — от пребывания в Петербурге и Москве в 1740—1750-х гг. до посмертной публикации стихов в «Приятном и полезном препровождении времени» (1798, ч. 20).

Оба они — лютеранский пастор и выученик Киево-Могилянской академии были знатоками богословия и горячими поклонниками библейской поэзии, и оба энергично боролись против церковной схоластики, желая сделать христианскую мысль светской. Оба посвятили многие годы рационалистическому объяснению Библии, которая представлялась им сложнейшим иносказанием божественной мудрости; Гердер совершенствовал к тому же при этом свой историзм. Эта их работа вливалась в общий процесс освобождения литературы и философии от власти теологии, совершавшийся в Европе от Ренессанса до эпохи барокко и захвативший в России и на Украине часть эпохи Просвещения.¹ Но и Сковорода и Гердер соединяли обновление литературы с обновлением богословия, не отрывая отношения человека к миру от отношения его к Богу.

Обоим мыслителям был в высшей степени присущ идеалистический монизм — понимание мира как единого, целесообразного, до деталей проду-

¹ О секуляризации литературы см. Лихачев Д. С. Заключение // История русской литературы В 4 т. М., 1980. Т. 1. С. 458—459.

манного и хорошо организованного целого. Этот взгляд Гердер отстаивал в трактате «Бог» (1787), объединяя аргументацию Б. Спинозы с теодицеей Г. В. Лейбница и Хр. Вольфа: «В творении все — взаимосвязь, все — порядок».² Тогда же в сборнике «Сад божественных песен» (1753—1785) Скворода воспел систему Н. Коперника:

Бог есть лучший астроном,
Он наилучший агроном
Мать блаженная натура
Не творит ничто же сдура
(Песня 28-я)³

И Гердера и Сквороду одинаково обвиняли в спинозизме — и не без оснований. Третий из приведенных выше стихов автор комментировал совершенно в духе Спинозы: «Блаженная натура есть имя Господа Вседержителя» (1, 66). Имя Спинозы — вместе с именами Лейбница, Платона и Шафтсбери — назвал Гердер в трактате «Бог». Эти мыслители несомненно были известны Сквороде (о Шафтсбери можно говорить, однако, лишь предположительно). В Киеве философ прошел в 1730—1750-х гг. основательную школу старой и новой философии; в середине века преподаватели академии знакомили аудиторию с Хр. Вольфом.⁴ Один из излюбленных образов Вольфа — представление о Вселенной как о самой совершенной «машине» — появился в трактате Сквороды «Икона алкивиадская» (1776): «Взгляни теперь на всемирный мир сей как на увеселительный дом Вечного, как на прекрасный рай из бесчисленных садов, будто венец из веночков, или машинице из машинок составленный. А я вижу в нем единое начало, так, как один центр и один умный циркуль во множестве их» (2, 16). С подобной же картины Вселенной начинается известная книга Гердера «Идеи к философии истории человечества» (1784—1791): «Теперь я вижу: пространство, занимаемое Землею в храме Солнца, путь, который проходит она, вращаясь вокруг Солнца, масса Земли и все, что зависит от нее, — все это определено законами, действующими во всей безмерности вселенной, а потому я не буду бессмысленно яриться против бесконечности, но удовольствуюсь своим местом и буду радоваться, что вступил в такой гармоничный хор бесчисленных существ...»⁵

Этот труд Гердера вел читателя от картины солнечной системы через естественную историю Земли к истории рас, народов, государств и цивилизаций, все время сохраняя мысль о гармонии и единстве мира. Та же самая мысль вдохновляла Сквороду во всем его творчестве. «Сия невидимая натура, или Бог, всю тварь пронизывает и содержит...», — писал он в «Начальной двери к христианскому добронравию» (1766, новая редакция — 1780), настаивая на «плане» и «вечной симметрии» мира, в который включается человек как «маленький мирок», т. е. микрокосм. В идеале своем «истинный человек и Бог есть то же» (1, 113, 134, 135, 147). Из картины мира, разумно устроенного великим «машинистом», вытекало возвеличение человека, выходившее уже за рамки православной доктрины. Впрочем, и Гердер настроил протестантских теологов, когда в «Древнейшем памятнике челове-

² Herder J. G. *Samtliche Werke* / Hrsg. von B. Suphan. Berlin, 1877—1913. Bd 16. S. 557 (далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страницы, перевод автора статьи)

³ Скворода Г. С. Соч. В 2 т. М. 1973. Т. 1. С. 66 (далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страницы)

⁴ См. Чижевский Д. *Философия Г. С. Сквороды*. Варшава 1934. С. 207—208

⁵ Гердер И. Г. *Идеи к философии истории человечества* / Пер. и примеч. А. В. Миханова. М. 1977. С. 14

ского рода» (1774) заявил, что «мы едины сами в себе, с Богом и с Природой...» (7, 144).⁶

Человек, проблемы личности составляли одну из главных, если не самую главную, тему сочинений Сковороды. В «Начальной двери», прибегая к причудливой этимологии в стиле барокко, но в духе Просвещения, он писал о светоносности человеческого разума: «...у тевтонов человек нарицается менш, сиречь mens, то есть ум; у эллинов же нарицается муж — фос, сиречь свет, то есть ум» (1, 128). По-новому осмысливалась и полужитата из Евангелия от Луки (17:21) «Царствие Божие внутри нас», много раз повторенная в произведениях украинского философа как логическое следствие из понимания человека как микрокосма (1, 111; 2, 208, 265, 301, 313, 315). Как известно, эта идея стала через столетие излюбленной мыслью Льва Толстого. Следуя путем тех же самых умозаключений, к ней пришел и Гердер. Рай Божий «живет еще в сердцах наших» — парафразировал он эту мысль в «Древнейшем памятник», а в прибавлениях к этой работе шел еще дальше, заявляя, что «человек определенным образом есть собственный свой бог на земле: жребии судьбы, смерть и жизнь лежат перед ним на выбор; он не скот, но образ Божества» (6, 64). Из этих слов можно было делать и социальные выводы — о необходимости свободы для нормального развития человечества, как сделал это сам же Гердер в IV и VIII книгах своих «Идей», или как сделал это А. Радищев, один из русских читателей Гердера.⁷ Сковорода, ссорившийся с монахами и проведший четверть века в вольных странах, так же ценил независимость и свободу, прежде всего свободу личную. Особенно ясно эта жажда вольности выразилась в его поэзии («Ах, поля, поля зелены!», «De libertate» и т. п.). В философских же сочинениях подчеркивалась основа свободолюбия — внутренняя свобода личности, самопознание и «душевный мир» (например, в диалоге «Кольцо», 1773—1774). «Бренный кумир ограничен, заключаем теснотою. Духовный же человек свободен. В высоту, в глубину, в широту летает беспредельно. <...> Провидит отдаленное, прозирает сокровенное, заглядывает в прежде бывшее, проникает в будущее, шествует по лицу океана...» («Жена Лотова», 1780—1788) (2, 47).

В одном из писем 1779 г. Сковорода сжал свое мнение о ценности индивидуума в афоризм «Человек есть сердце» (2, 317). Это была существенная поправка к вольфианскому рационализму, сделанная, скорее, в традициях католического барокко и протестантского пиетизма и совпавшая во времени с нарастающим сентименталистских тенденций в немецкой и русской культуре.⁸ На таком понимании личности основывались и педагогические принципы Сковороды, его учение о «законе сродностей» как о необходимости естественного и свободного развития способностей человека. Взгляды Сковороды органически соединяли в себе педагогику рационализма (Ф. Бэкон, Хр. Вольф) и восторженное приятие естественных богатств души и ее интимного союза с Богом, свойственное так называемому немецкому

⁶ Ср. Werner A. Herder als Theologe. Ein Beitrag zur Geschichte der protestantischen Theologie. Berlin, 1871; Лебедев А. Г. С. Сковорода как богослов // Сб. Харьковского Историко-филол. об-ва. 1896. Т. 8. С. 37—42.

⁷ См. Bittner K. J. G. Herder und A. N. Raditscev // Zeitschrift für slavische Philologie. 1956. Bd. 25. H. 1. S. 8—53.

Напомним стихи, написанные Радищевым по дороге в ссылку (1791)

Я тот же, что и был и буду весь мой век
Не скот, не дерево, не раб, но человек!

(Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М. Л. 1938. Т. 1. С. 123)

⁸ Ср. в письме Сковороды 1767 г. «человеческая душа и друг вне всякого сомнения ценнее всех вещей» (2, 271)

«мистицизму» XVII в., предшественнику пиетизма и розенкрейцера (Я. Беме).⁹ У Сковороды сложился своего рода культ Личности, поставленной выше остальных земных ценностей. Это ставит украинского мыслителя и поэта в тот ряд российских писателей, которые отстаивали личностное начало, придерживались в литературе персоналистской линии, в общем мало свойственной тогда русской культуре.¹⁰ Из его современников это — Г. Р. Державин и А. Н. Радищев, и примечательно, что оба были внимательны к сочинениям Гердера. Однако от всех их Сковорода, не знавшего забот о национальном государстве, отличала высокая степень просветительского космополитизма: «Без Бога и за морем худо, а мудрому человеку весь мир есть отечество: везде ему и всегда добро. Он добро не собирает по местам, но внутри себя носит оное. Оно ему солнце во всех временах, а сокровище во всех сторонах», — писал он в примечании к одной из своих «басен харьковских» («Щука и Рак», 1774) (1, 98). Ранее: «Единый дух веры оправдает и племя, и страну, и время, и пол, и чин, и возраст, и разум» («Беседа, нареченная Двое, о том, что блаженным быть легко», беседа 2-я, 1772) (1, 293).¹¹

Подобные мысли встречаются в «Идеях» Гердера: в конце книги VIII человек противопоставлен государству. «Если мы люди, — считает Гердер, — давайте возблагодарим Провидение за то, что оно отнюдь не в государстве положило конечную цель человечества! <...> Если есть счастье на Земле, то оно в каждом чувствующем существе...».¹² Но в своей книге Гердер занимался главным образом другим — историей народов, формированием наций, формами государственного правления, словом, скорее человечеством, чем человеком. Эти вопросы мало занимали Сковороду. Он сосредоточился на Человеке.

Космополитизм украинского философа вовсе не исключал его нежной любви к родине, лежавшей по обоим берегам Днепра («мать моя, Малороссия и тетка моя, Украина») (2, 277). Его мировидение, его стихотворная и прозаическая речь были проникнуты духом рождающейся, формирующейся украинской культуры, в которой патриотизм стал звучной нотой. В притче «Убогий Жаворонок» (1787) Сковорода перенес на Украину мифологический сюжет о пришествии Астреи — олицетворения истины и справедливости. И именно в эти годы 1787—1791 Гердер работал над IV частью «Идей», в которую вошла известная глава (кн. 16, гл. 4), посвященная славянским народам. В ней Гердер предсказал восточным славянам в «прекрасных областях земли», расположенных «от Дона до Мульды», пробуждение от «долгого тяжелого сна»,¹³ чутко предчувствуя хозяйственный и культурный подъем родных мест Г. Сковороды. Раньше, в путевом дневнике 1769 г., он пожелал Украине расцвета Древней Греции.¹⁴ Les beaux esprits se rencontrent.¹⁵

⁹ См., в частности Č i ž e v s k i j D Jacob Boehme in Rußland // Č i ž e v s k i j D Aus zwei Welten 's-Gravenhage, 1956 S 207

¹⁰ О замедленном развитии личностного начала в русской литературе до середины XVIII в см Лихачев Д С Заключение С 462

¹¹ Ср « я исхожу из пользы для всего человеческого рода, ибо отечеством считаю небо а всех благомыслящих людей — его гражданами » (из письма Г В Лейбница к Петру I от 16 января 1712 г) (цит по Russen und Rußland aus deutscher Sicht 9 —17 Jahrhundert Munchen, 1985 S 413)

¹² Гердер И Г Идеи к философии истории человечества С 226, 227

¹³ См Там же С 470—472

¹⁴ См Гердер И Г Избр соч /Пер под ред В М Жирмунского и Н А Сигал М Л 1959 С 324

¹⁵ Проницательные умы сходятся (франц)

ИСКУССТВО И ЛИТЕРАТУРА

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

Новообнаруженный древнерусский подписной меч

Оказавшись в 1994 г. в Национальном музее истории Украины в Киеве, я обратил внимание на обломок меча, который был временно выставлен в витрине на месте увезенного на выставку в Данию. Мечи упомянутого музея были изучены мною в 1963—1964 гг., но тогда этого предмета не видел. Он находился в помещении фондов среди депаспортизированных вещей. Меч заметил археолог В. Н. Зоценко, разглядев, что на клинке уцелела старая этикетка с № 6430 Музея древностей и искусств Императорского университета Св. Владимира (современный шифр хранения В-329). Благодаря любезности сотрудников музея В. Павловой и М. Панченко удалось не только расчистить и сфотографировать клинок меча, но и получить сведения о его находке. Судя по записи в рукописном каталоге, предмет был найден в Киевском уезде Киевской губернии и 31 декабря 1894 г. передан Императорской археологической комиссией в Музей университета.¹ Можно предположить, что меч был обнаружен в дружинном погребении Киева или его округи в 1890-х гг. Именно в этот период в печати неоднократно отмечались находки древних клинков, поступавшие затем в различные собрания Киева.² К сожалению, не все из них описывались и публиковались.

Принадлежность меча захоронению устанавливается по ряду деталей. Навершие рукояти и нижняя половина клинка, по-видимому, были отломаны и не сохранились, а перекрестье сбито со своего первоначального места. На его нижней стороне сохранились отчетливые, сделанные в древности вмятины от ударов. Прием преднамеренной порчи оружия, в том числе и мечей, типичен для языческих захоронений дохристианской поры. В Киеве и его округе этот обычай вряд ли удержался позже третьей четверти X в.³ Соответственно этому наиболее вероятной датой погребения с мечом будет середина или третья четверть X в. Не противоречат такой дате типологические и морфологические признаки самой вещи.

Длина обломка меча 28 см, ширина клинка у перекрестья 5,3 см, длина перекрестья 9,3 см (рис. 1). На поверхности перекрестья различимы бороздки, частью заполненные нитями красномедной и серебряной проволоки. Серебро и медь замечены у краев крестовины, а в ее центральной части удалось разглядеть остатки перевитых полосок серебра и меди. Инкрустация

¹ Книга для записи вещей Музея древностей и искусств Императорского университета Св. Владимира Т 2 № 6430 Хранится в Национальном музее истории Украины В 1932 г меч был передан Всеукраинскому историческому музею

² Указатель выставки Киевского общества древностей и искусств Киев 1897 С 30 и 77 № 159 Кирпичников А Н Древнерусское оружие Вып 1 Мечи и сабли IX—XIII вв М Л 1966 С 91

³ Исключения до крайности редки Ср Кирпичников А Н Древнерусское оружие С 65

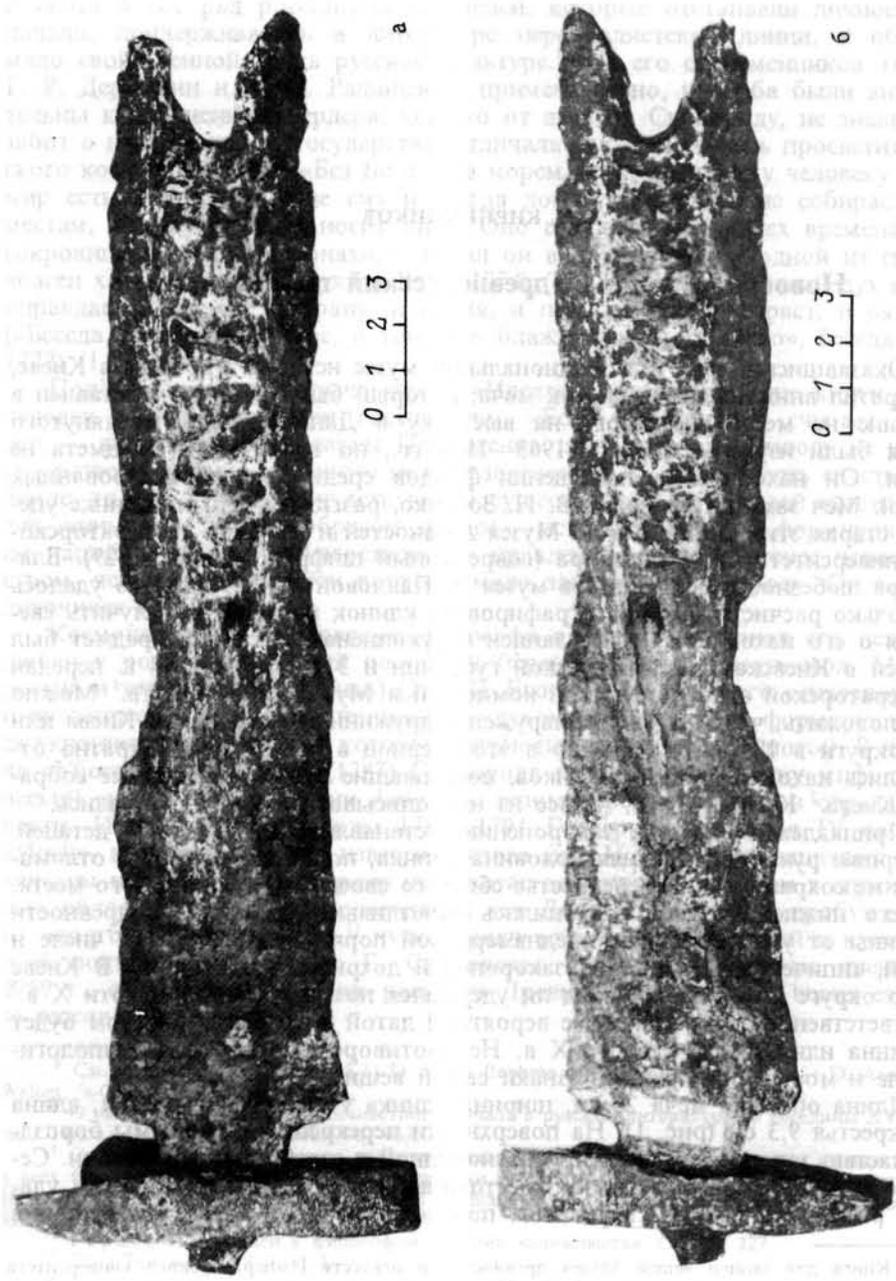

Рис. 1. Меч, Киевский уезд и Киевская губерния. Фотографии Национального музея истории Украины.
а. Сторона клинка с именной надписью. б. Сторона клинка с геометрическим знаком.

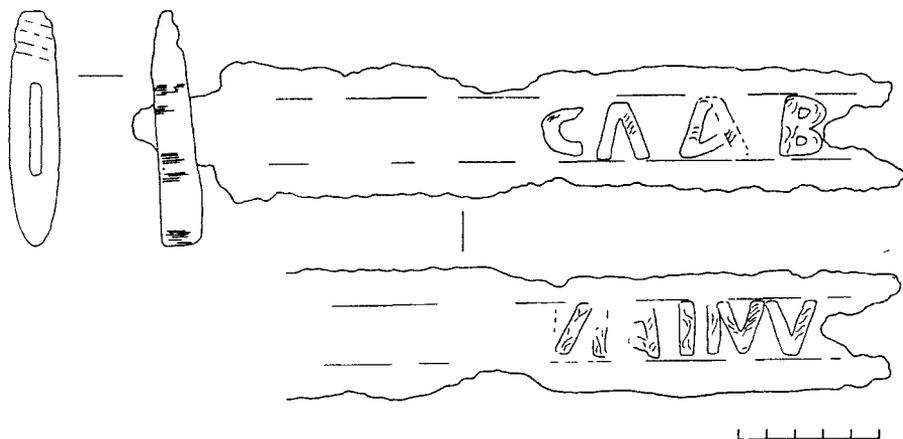

Рис. 2. Меч и его клейма. Киевский уезд и Киевская губерния. Рисунок А. Н. Кирпичникова.

выполнялась таким образом, что на поверхности шириной 1 мм вмещались две бороздки для укладки цветного металла. Можно подсчитать, что мастер для отделки перекрестья затратил в общей сложности не менее 5 м медной и серебряной проволоки. Подобная отделка типична для мечей X в. западноевропейского рейнского производства, к примеру, относящихся к типу V (по Я. Петерсену). Не исключено, что навершие нашего меча было трехчастным и относилось к упомянутому типу.

Описанная техника украшения имеет особенности. Судя по отделке рукояти, рассматриваемый меч хотя и напоминает образцы, изготовленные в Каролингском государстве, но не обязательно там был произведен. Для франкских мечей характерна более частая и плотная инкрустация рукояти: на поверхности шириной 1 мм продельвались 3 бороздки. Кузнецы в разных странах Европы, подражая этой технике, несколько упростили ее: вместо трех, они располагали две бороздки, что, как отмечалось, обнаружилось у киевского меча. Такая «вольность», как увидим далее, оказалась не случайной.

При всех особенностях внешний облик рассматриваемого клинка вполне сходен с общеевропейскими образцами. Между тем клеймо, выявленное на его лезвии, оказалось совершенно неожиданным и позволило по-особому охарактеризовать саму находку (рис. 2).

В процессе очистки клинка от коррозии, большая часть которой была уже когда-то ранее удалена, на поверхности дола с одной стороны выступили уставные кириллические буквы высотой до 2,5 см, т. е. равновеликие ширине дола, а на другой — столь же крупные геометрические знаки. Все эти начертания были в горячем виде наведены отрезками дамаскированной проволоки, которая на поверхности металла после шлифовки и протравки образует характерный, весьма нарядный муаровый узор. На одной стороне клинка, которую можно считать главной, на поверхности дола у перекрестья проступили буквы СЛАВ. Продолжение этой, безусловно именной, надписи утрачено.⁴

⁴ При лабораторной реставрации меча, которая планируется в Национальном музее истории Украины, могут более четко выявиться детали некоторых букв и знаков, но вряд ли это существенно изменит то, что уже удалось зафиксировать. Возможность существования начальных букв перед С полностью исключать нельзя. Мне, однако, это кажется маловероятным. Как бы глубоко в этом месте ни была коррозирована поверхность металла, хотя бы небольшие остатки букв или канавок для их укладки должны были бы сохраниться, но их нет.

Формы букв, расположенных нетесным уравновешенным образом, не противоречат стилю правописания древнейшей поры. Так, обе половины Л и В пропорциональны, верх В не сокращен и петли сферичны — все это признаки первоначальной кириллицы.⁵ При допущении, что букв перед С не было, надпись в полном виде можно представить в форме Славута, Славища (вариант — Словища⁶), Славомир и т. д. Подобные имена соотносимы с языческим именословом.⁷ При всех вариантах имя с корневой основой СЛАВ несомненно славяно-русское и связано не с владельцем оружия, а его изготовителем. Этот последний знал славянскую грамоту и, скорее всего, работал в каком-то из русских городов, вероятнее всего, в Киеве.

На обороте клинка оказались шесть геометрических знаков. Композиция явно оборвана из-за утраты нижней части клинка. В поврежденном виде предстали начальные знаки. У первого слева знака в виде буквы И уцелела бороздка от вертикального столбика (второй сохранился), таким образом он полностью восстанавливается. Загадочен второй знак, частично rozpoзнается его нижняя часть с остроугольным изгибом. Далее следуют удвоенные фигуры в виде вертикальных столбиков и римской цифры V. Выявленные начертания хотя и включают буквообразные знаки, но не читаются, возможно, что их смысл декоративно-маркировочный. У большинства именных раннесредневековых мечей на обороте клинка инкрустировались композиции из вертикальных и косых отрезков. В этом ряду фигуры рассматриваемого меча представляют оригинальный вариант клейма.

Особая маркировка меча и его «подражательная» геометрическая отделка рукояти, думаю, свидетельствует об одновременном изготовлении и лезвия и гарды в стенах одной мастерской.

Ближайший по клейму аналогией меча из Киевской округи является клинок с русской именной надписью ЛЮДОТА (вариант ЛЮДОША) КОВАЛЬ. Он найден у м. Фоцеватая б. Полтавской губернии и датируется концом X—первой половиной XI столетия.⁸ Техника наведения мет у обоих мечей одинакова. Различие же заключается в том, что мастер киевского меча поместил оборот полосы геометрическими знаками, а фоцеватовского — словом КОВАЛЬ, что является индивидуальной разработкой клейма, обе части которого сделаны читаемыми.⁹ При анализе меча из Фоцеватой высказывалась мысль, что следует ожидать новых находок с русскими словесными метами. Этот прогноз оправдался. Отныне с полным основанием можно говорить, что мечи со старорусскими метами не единичны и поэтому не случайны. Они свидетельствуют о существовании в Киевском государстве времен князей Игоря и Святослава собственного специализированного производства клинков. Этот факт примечателен в международном масштабе. После Каролингской империи Русь является второй страной в Европе, где выпускалась собственная столь престижная клинковая продукция, метившаяся не латынью, а по-славянски. Меч из Фоцеватой сигнализировал о том,

⁵ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография Л, 1928 С 182

⁶ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.) М., 1993 С 113

⁷ Любезное сообщение Т. В. Рождественской

⁸ Кирпичников А. Н. Древнейший русский подписной меч // СА 1965 № 3 С 196 сл 8

⁹ По мнению Т. В. Рождественской, надпись ЛЮДОТА КОВАЛЬ следует читать как ЛЮДОТА КОВАЛ (см. Рождественская Т. В. Древнерусская эпиграфика X—XV вв. СПб 1991 С 42) Как я писал в первопубликации о мече основания для такого прочтения не кажутся мне убедительными. Расположение на отдельной плоскости клинка гтагольной формы «ковал» в отрыве от существительного вряд ли было рациональным, так как затрудняло и дробило смысловое восприятие клейма и могло даже вызвать недоумение покупателя меча. Западноевропейские оружейники метившие мечи с применением слова fecit никогда не обособляли его от имени мастера, так сказать, писали одной строкой

что такое производство имело место в конце X в., новоизученный киевский эту дату удревяняет примерно на 50 лет. В тот период, в середине X в., в разных странах Европы множилось настойчивые попытки изготавливать собственные мечи, не довольствуясь их импортом из Западной Европы. В самом Каролингском государстве выдвинулись новые кузнецы-оружейники и мастерские, где клеймили свою продукцию различными латинскими именами. Этот процесс своеобразно, как можно установить, коснулся и Руси и привел к появлению мечедельных кузниц во главе с грамотными славянскими мастерами. Во внешней отделке мечей они придерживались общеевропейских форм, но, нарушив признанную традицию, прибегли к собственной оригинальной маркировке выпускаемых изделий. По-видимому, киево-русские мечедельцы считали свои изделия конкурентоспособными по отношению к рейнским кузнецам. Пока трудно судить о масштабах местного клинкового производства. Его существование начинает улавливаться для той поры, когда в связи с проникновением христианства меняется обряд погребения и мечи, равно как и другое оружие, перестают класть в могилы. Находки оружия, каковое было присуще языческим некрополям, сокращаются, приобретая все более случайный характер. Несмотря на оскудение наших источников, по отдельным, пусть разрозненным, фактам устанавливается, что во второй половине X—начале XI в. мечи существовали на Руси и дополняли привозные. Все вместе они удовлетворяли потребности в оснащении дорогостоящим клинковым оружием свободных членов общества: знати, дружинников, купцов, состоятельных горожан, чинов государственной администрации.

Славянский автограф на киевском мече предполагает определенный временной промежуток, прежде чем кузнец стал воспроизводить буквенную надпись, воспринятую из письменной культуры и перенесенную в ремесленную. Такое преобразование могло произойти в течение первой половины X в., когда на Руси ширилось использование кириллической грамоты. Вопрос о внедрении славянской письменности на Руси дискусионен, но ныне накапливается все больше данных для его положительного решения по отношению к событиям X столетия. Как известно, славяно-русские рукописи X в. не сохранились, и о первоначальном развитии письменности в Восточной Европе можно судить по памятникам эпиграфики. Их немного, достоверные — не старше последней четверти X в.¹⁰ Отметим корчагу с надписью ГОРОУХИЦА (предлагаются и другие варианты прочтения, датировка: первая половина и середина X в.), некоторые деревянные цилиндры-замки из Новгорода (970—980 гг.), сребреники и златники первоначального чекана великого князя Владимира Святославича (конец X—начало XI в.).¹¹

Кроме того, на изделиях X в. встречены отдельные кириллические буквы. В этой связи обращают внимание граффити на дирхемах, некоторые из которых представляют, по нашему мнению, кириллические буквы в их цифровом значении. На монетах процарапаны знаки З, И, К, Л, М, Н, У, Х и их комбинации. Эти знаки, если их сопоставить с цифровым, буквенным письмом, могут иметь счетный, измерительный или оценочный смысл.¹² Без цифровых обозначений масштабные торговые операции, которые имели место в Восточной Европе, были бы просто неосуществимы. О развитии письменности в городской среде свидетельствуют также стили-писала, самые

¹⁰ Рождественская Т. В. Древнерусские надписи на стенах храмов новые источники XI—XV вв. СПб., 1992 С. 24 и след.

¹¹ Там же С. 27, 30, Мединцева А. А. Новгородские находки и дохристианская письменность на Руси // СА. 1984. № 4. С. 49 и след.

¹² Кирпичников А. Н. Письмена на серебре // Славяно-русские древности. СПб., 1995. Вып. 2. С. 237—240.

древние из которых в Новгороде происходят из слоев 953—989 гг.¹³ Логичен вывод о том, что Русское государство, будучи созданным, не могло обойтись без собственной, в данном случае кириллической, деловой, фискальной, торговой и дипломатической письменности, что произошло задолго до официального принятия христианства. Этот факт не противоречит тому, что в начальный период освоения грамоты на Руси использовались рунические знаки, элементы глаголицы, греческий алфавит, арабское исчисление.¹⁴ Данные эпиграфики, в том числе клинковой, свидетельствуют о явном преобладании на Руси кириллицы.¹⁵

Меч из Киевской округи важен как оружие и как памятник письменной культуры. В нем воплотились общеевропейские (техника нанесения клейма, украшения рукояти в стиле геометрической инкрустации) и местные (славяно-русская надпись, оригинальная композиция на обороте клинка) признаки. Таким предстает это оружие, в котором с неожиданной выразительностью проявились международные искания русских ремесленников, внесших свой вклад в развитие материально-технической культуры европейского мира.

¹³ Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 94.

¹⁴ Носов Е. Н., Рождественская Т. В. Буквенные знаки на пряслице середины X в с «Рюрикова» городища // ВИД. Л., 1987. Т. 18. С. 45 и след.

¹⁵ Ср. Хабургаев Г. А. Первые столетия славянской письменности. М., 1994. С. 135 и след.

Л. Д. ЛИХАЧЕВА

Произведения шитья Софьи Палеолог из Кирилло-Белозерского монастыря

В состав шитья Русского музея, происходящего из Кирилло-Белозерского монастыря, входят произведения, переделанные в XVIII и особенно в XIX в. История некоторых из них еще не разгадана. Они имеют красные бархатные фоны и украшены кружевом, позументом, трунцалом, бахромой, кистями. Известно, что шелковые ткани, служившие фонами, ветшали от времени, шитье вырезали по контурам и прикрепляли к совершенно новым по назначению предметам. При этом разновременные изображения могли соединить на одном произведении, снабдить их новыми вышитыми деталями и надписями, не соответствующими первоначальному значению и смыслу.

Например, фрагмент с изображением «Успения Богоматери» был пришит к набедреннику. По монастырскому преданию, шитье с изображением «Успения Богоматери» считалось вкладом царя Бориса Годунова.¹

Известно по вкладным книгам Кирилло-Белозерского монастыря, что царь Михаил Федорович и царица Евдокия Лукьяновна сделали много вкладов в монастырь.² Красного бархата палица, в центр которой вставлено прекрасное изображение Богоматери Знамение, судя по всему художественному строю, является их вкладом. Фрагмент, очевидно, составлял один из трех покрывцов, которые одновременно используются в богослужении. Им покрывался потир во время литургии.³

К подобным произведениям относится и епитрахиль XIX в., в которую вставлено шесть фрагментов шитья с поясными изображениями святых, принадлежащих гораздо более древнему времени. Два нижних фрагмента выполнены в знаменитой мастерской Софьи Палеолог, второй жены великого князя Ивана III. На это интересное произведение исследователи до сих пор почти не обращали внимания.⁴

Епитрахиль — это предмет одеяния священников и епископов. Она соединяет в себе два основных символа: благодати Божией и благого священ-

¹ ГРМ, инв № 97, Щекотов Н. М. Древнерусское шитье // София 1914 № 1, вклейка между с 26 и 27 (ил.)

² Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря. Конец XVII в. // РО РНБ, КБ № 87/1325, л. 23

³ ГРМ, инв № ДРТ 109

⁴ ГРМ, инв № ДРТ 267, Маясова Н. А. Древнерусское лицевое шитье из собрания Кирилло-Белозерского монастыря // Древнерусское искусство. Художественные памятники русского Севера. М., 1989. С. 209, сноска 37. Хлебникова Н. А. Малоизвестные произведения мастерской Софьи Палеолог // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1976. М., 1976. С. 202, сноска 14.

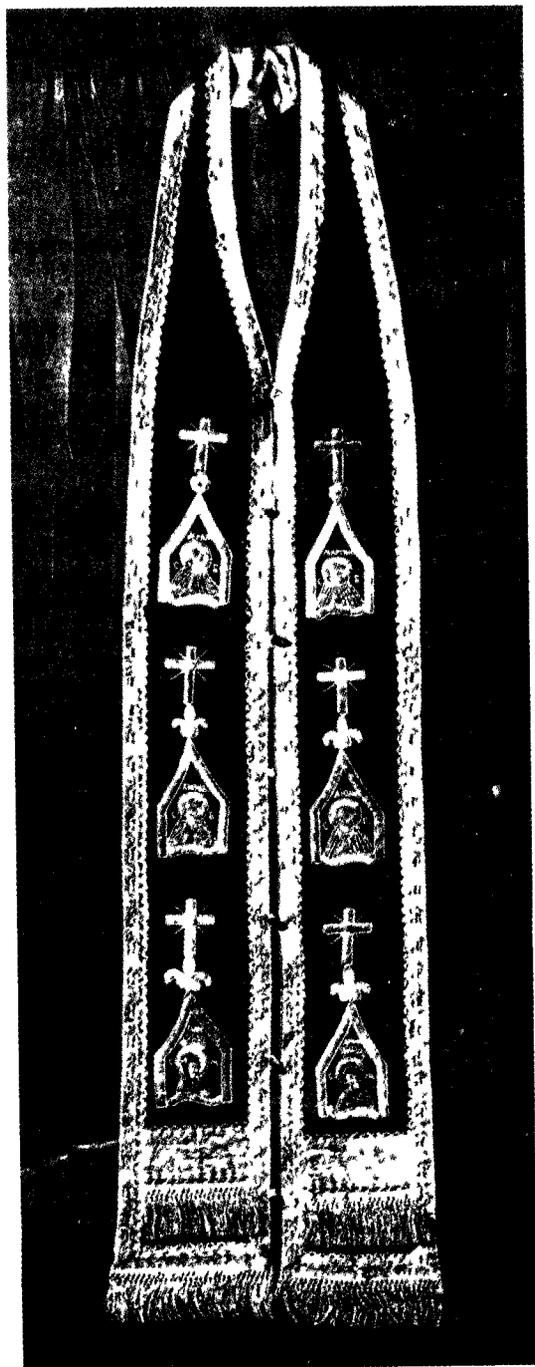

Рис 1 Епитрахиль XIX в с фрагментами шитья XV в ГРМ инв ДРТ 267

ства как крестной ноши, которую духовно несет священник, подражая Христу, несшему свой крест на Голгофу.⁵

Исследуемый памятник имеет две полосы, соединенные стеклянными пуговицами. Произведение украшено кружевом, бахромой, позументом. К красному бархату фона пришиты шесть поясных изображений святых. Судя по поздним надписям, одновременным созданию епитрахили, — это святые, особо почитавшиеся в Кирилло-Белозерском, Ферапонтовом и Горлицком монастырях.

Четыре святых в двух верхних рядах — преподобные. Они исполнены по алой камке, судя по их стилю, в московской художественной мастерской в конце XV—начале XVI в. Совершенно ясно, что фрагменты представляют собой остатки пелены, которая когда-то хранилась в Кирилло-Белозерском монастыре. Размер, стиль, техника шитья позволяют назвать еще несколько фрагментов этого произведения, которые вставлены в фелонь, поручи, воздух князя Ивана Андреевича Голицына 1645 г. (к углам последнего добавлены шитые изображения двух архангелов — Михаила и Гавриила, апостолов Петра и Павла).⁶

Шитье, использованное для епитрахили, испорчено шнуром, грубо положенным на одежды для того, чтобы прикрыть почти утраченное шитье на мантиях.

Интересно, что четыре преподобных сняты с сильно обветшавшей нижней каймы пелены, аналогичной целому ряду сохранившихся пелен. Это такие памятники, как «Богоматерь Неопалимая купина и избранные святые» (из Кирилло-Белозерского монастыря),⁷ «Явление Богоматери Сергию Радонежскому и избранные святые» (из Троице-Сергиевой лавры),⁸ две пелены с изображением «Успения Богоматери» (одна — в Эрмитаже,⁹ другая — в Третьяковской галерее.¹⁰) По аналогии с названными пеленами можно сказать, что на переделанной в XIX в. пелене тоже были изображены Антоний и Феодосий Печерские, Савва Освященный, Дмитрий Прилуцкий. Вышивальщицы, создававшие епитрахиль, старались использовать фрагменты так, чтобы они были правильны по иконографии. Они вырезали поясные изображения преподобных, вышив над ними новые надписи. Таким образом получились изображения: Ферапонта и Мартиниана, особо почитавшихся в Ферапонтовом монастыре, Кирилла Белозерского и Дионисия Глушицкого — основателя двух монастырей, иконописца, по монастырскому преданию, создавшего прижизненный портрет преподобного Кирилла. Эти святые особенно почитались в Кирилло-Белозерском монастыре.

При перенесении фрагментов обветшавшей пелены на епитрахиль для изображения Ферапонта было использовано шитье с изображением Антония Печерского; для Мартиниана — изображение Саввы Освященного; для Кирилла Белозерского — Феодосий Печерский; для Дионисия Глушицкого — Дмитрий Прилуцкий.

На особенно интересуют два нижних фрагмента, шитые яркими шелками «в раскол» и украшенные разноцветными крапинками, характерными для мастерской Софьи Палеолог.

⁵ Настольная книга священнослужителя. М., 1993 Т. 4. С. 134—135.

⁶ Лихачева Л. Д. Древнерусское шитье XV—начала XVIII века в собрании Государственного Русского музея: Каталог выставки Л., 1980 С. 7—8; Эрмитаж, инв. № 12237 (цт-1034), фелонь турецкого бархата происходит из Кирилло-Белозерского монастыря, ГРМ, инв № ДРТ 161, ДРТ 162, Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, инв № 34 цт

⁷ ГРМ, инв № ДРТ 31

⁸ Государственные музеи Московского Кремля, инв № 12663 оп

⁹ Эрмитаж, инв № ЭРТ-7976, поступила из коллекции И. А. Гальбека

¹⁰ ГТГ, инв № 20981, происходит из Успенского Княгинина монастыря города Владимира

Напомним, что Софья Палеолог — вторая жена (с 1473 г.) великого князя Ивана III, племянница последнего византийского императора. После падения Византии и захвата Константинополя турками отец Софьи Фома жил с семьей в Риме, и на Руси ее называли поэту римлянкой. Известны ее вклады в Троице-Сергиеву лавру. Это два покрывца на потир и дискос с изображениями композиций «Распятия» и «Се агнец»;¹¹ поручь с прекрасным шитьем с изображением Благовещения с Флором и Лавром по сторонам (в день Флора и Лавра Сергей Радонежский благословил Дмитрия Донского перед Куликовской битвой)¹² и знаменитая пелена 1499 г. «Избранные святые и праздники». Первоначально в среднике пелены был Голгофский крест, украшенный дробницами и жемчугом. Как пишет Т. В. Николаева: «Непосредственной причиной вклада явилось окончание в пользу сына Софьи Палеолог Василия III борьбы за престол с наследниками Ивана III от его первой жены тверской княгини Марии».¹³

В период княжения Ивана III произошло падение татарского ига на Руси. В 1480 г. перед наступлением хана Ахмата на Москву, окончившимся знаменитым «стоянием на реке Угре» и бегством хана, великий князь Иван III отправил свою жену на Белоозеро. Н. И. Костомаров отмечает, что Софья «выехала из Москвы в Дмитров и оттуда водяным путем отправилась на Белоозеро. Вместе с нею великий князь отправил свою казну. Народ с неудовольствием узнал об этом; народ не терпел Софии».¹⁴ Летописец пишет по поводу быстрого возвращения Софьи в Москву (она вернулась после бегства Ахмата): «Тое же зимы прииде великаа княгини София из бегов: бе бо бегала от татар на Белоозеро, а не гонял никтоже».¹⁵

Софья привезла с собой в Кириллов монастырь не только казну, но, как полагалось, должна была сделать вклады в Кирилло-Белозерский монастырь; среди ее вкладов могло быть и шитье.

У двух нижних фрагментов на епитрахили надписи: «Екатерина С. М.» (святая мученица) и «Дмитрий С. Ц.» (святой царевич). По этому поводу Ю. А. Лебедева,¹⁶ а вслед за ней Н. А. Маясова¹⁷ писали, что на епитрахили такие изображения потому, что мать Софьи Палеолог звали Екатериной, а одного из ее сыновей — Дмитрием. Но поздние надписи около изображений относятся ко времени создания епитрахили, т. е. к XIX в., а не ко времени Софьи Палеолог, так же как и короны над их головами (по иконографии и великомученица Екатерина, которая была знатного происхождения, и царевич Дмитрий как царский сын изображаются в коронах).

Тот факт, что, судя по поздним надписям, на епитрахили представлены Ферапонт и Мартиниан Белозерские, Кирилл Белозерский и Дионисий Глушицкий, а также мученица Екатерина и царевич Дмитрий, подтверждает правильность предположения, что многочисленные переделки обветшавшего шитья Кирилло-Белозерского монастыря происходили в близлежащем к

¹¹ Сергиево-Посадский музей, инв № 370, 369, Средневековое лицевое шитье Византия Балканы Русь Каталог выставки XVIII Международный конгресс византинистов М 1991 кат 14, кат 15, с 57, 58 (текст Н А Маясовой)

¹² Сергиево-Посадский музей, инв № 371 Николаева Т В Собрание древнерусского искусства в Загорском музее Л, 1968 С 128, 129 (ил)

¹³ Сергиево-Посадский музей, инв № 413 Николаева Т В Собрание древнерусского искусства С 122, 123, 124 (ил)

¹⁴ Костомаров Н И Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей М 1990 Кн 1, вып 1, 2, 3 С 273

¹⁵ Львовская летопись // ПСРЛ СПб, 1910 Т 20, ч 1 С 347

¹⁶ Лебедева Ю А Каталог древнерусского шитья собрания Государственного Русского музея 1957 (рукопись) // Архив отдела древнерусского прикладного искусства ГРМ

¹⁷ Маясова Н А Древнерусское лицевое шитье С 209 (автор отмечает, что Софья Палеолог могла вложить шитье в Кирилло-Белозерский монастырь в тот момент когда она бежала из Москвы)

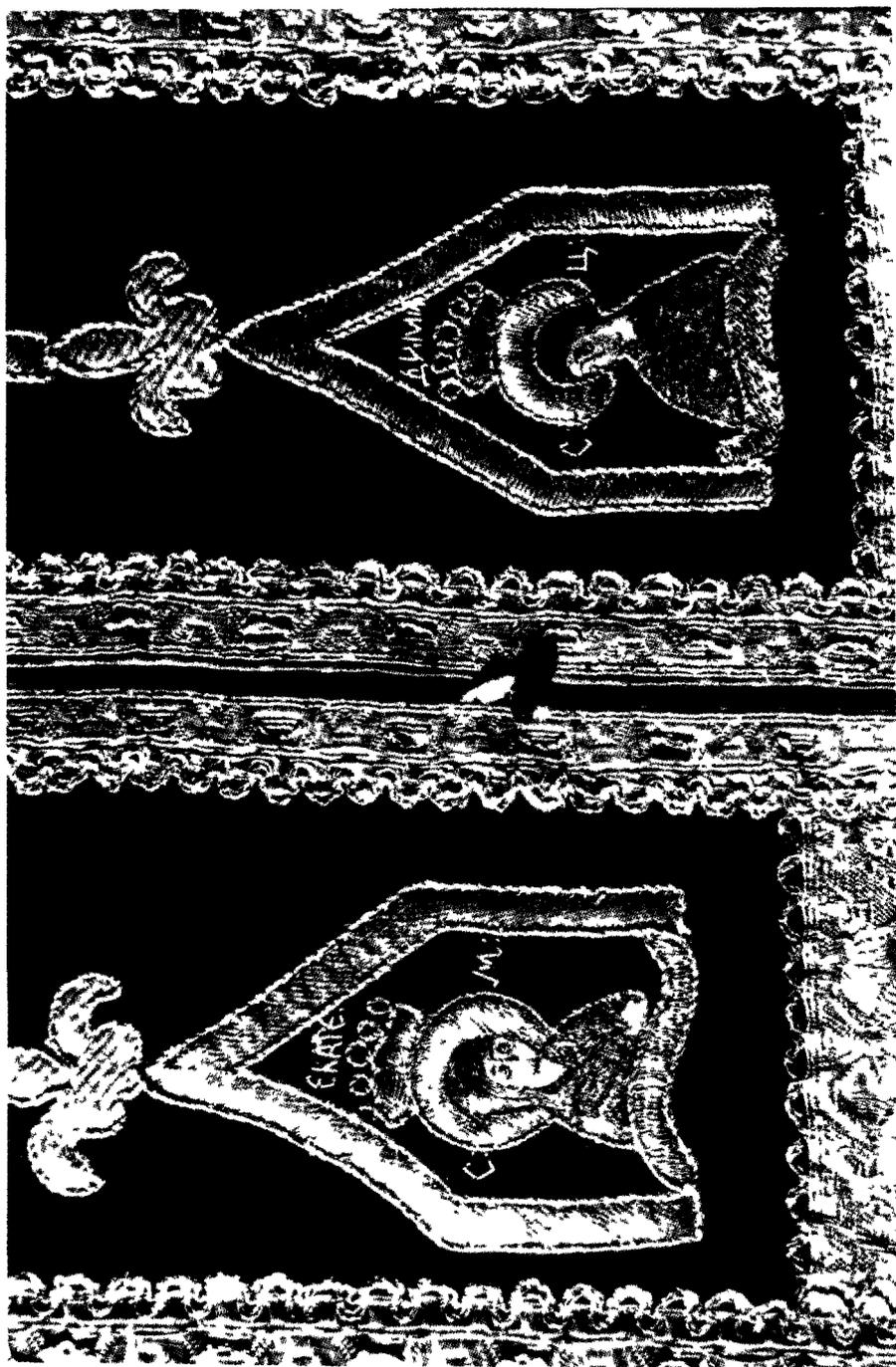

Рис. 2 Два фрагмента шитой пелены «Успение Богоматери» Москва 1480 г
Мастерская Софьи Палеолог ГРМ, инв. № ДРТ 267

нему Горицком женском монастыре, основанном в 1544 г. удельной княгиней Евфросинией Старицкой, постриженной в 1563 г. и сосланной туда. С ней поехали из Москвы и ее вышивальщицы. Она сделала много шитых вкладов в Кириллов монастырь (некоторые из них хранятся в Русском музее) и наладила в Горицах вышивальные мастерские.

В XIX в. (с 1810 г.) после упадка и обеднения монастыря он возрождается при настоятельнице Маврикии.¹⁸

В 1876 г. С. Шевырев восторженно писал о церковном шитье Горицкого монастыря.¹⁹ Именно при Маврикии происходят переделки обветшавшего кирилловского шитья, особенно в 1818 и около 1830 г. Скорее всего, в это время и была сшита епитрахиль.

Не случайно на полосах епитрахили монахини представили Екатерину и Дмитрия. В Горицком монастыре эти святые почитались особо. Центральный собор монастыря — Воскресенский. Он имел несколько приделов, и среди них придел мученицы Екатерины и царевича Дмитрия, строительство которого было закончено в 1611 г. Придел Екатерины и Дмитрия был построен на средства последней жены Ивана Грозного Марии Нагой, матери царевича Дмитрия. Мария Нагая, будучи в изгнании постриженной под именем Марфы в Никольском Выксинском монастыре, в 40 верстах от города Череповца, несколько раз приезжала в Горицы, жила там и делала вклады и в Горицкий, и в Кирилло-Белозерский монастыри. В Кирилловском музее сохранился покров 1592 г. с изображением Кирилла.²⁰ Она дала деньги и на строительство придела Екатерины и Дмитрия, законченного уже после ее смерти в 1608 г.²¹

Совершенно ясно, что когда в Горицком монастыре вышивальщицы переделывали шитье, то использовали обветшавшие древние произведения по своему усмотрению, хотя старались не только придерживаться правильной иконографии, но и посвятить вновь созданные произведения тем святым, которых они особо почитали.

Когда в 1480 г. Софья приехала на Белоозеро, скрываясь от хана Ахмата, она конечно же привезла с собой произведения шитья, выполненные в ее известной мастерской; среди них могла быть и специально шитая для Кирилло-Белозерского монастыря пелена.

Ни один из древнерусских вкладов не был сделан случайно, и его сюжет всегда связан с тем монастырем, куда дар предназначался. Фрагменты шитья Софьи Палеолог представляют собой святую в красном мафории и голубом чепче, приложившую руку к шее в скорбном жесте, и молодого безбородого святого с печальным ликом, в зеленой одежде. Оба повернуты к центру, навстречу друг другу.

По иконографии они подходят к композиции «Успение Богоматери». От нее и сохранились только эти два небольших фрагмента. Это одна из жен и молодой апостол Филипп, которые обычно изображаются в толпе стоящих вокруг ложа с телом Богоматери апостолов, святителей и жен и оплакивающих ее.

Без сомнения, Софья Палеолог могла вложить в Кирилло-Белозерский монастырь пелену «Успение Богоматери», так как центральный собор Ки-

¹⁸ Летопись Горицкого монастыря / Публикация, вступ. статья и коммент. Г. О. Ивановой // Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1994. Вып. 1. С. 311—314.

¹⁹ Шевырев С. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 году // Белозерье. Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1994. Вып. 1. С. 140—141.

²⁰ Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Инв. № 37. ит.

²¹ Летопись Горицкого монастыря, С. 300—301, Подьяпольский С. С. Собор Белозерского Горицкого монастыря // Древнерусское искусство. Художественные памятники русского Севера. М., 1989. С. 337.

рилло-Белозерского монастыря — Успенский. Пелена должна была висеть под храмовой иконой, находившейся в местном ряду иконостаса Успенского собора. Одно время в иконостасе было две иконы с этим сюжетом. Пелена Софьи Палеолог могла быть сделана для более древней иконы «Успение Богоматери» начала XV в., ныне хранящейся в Кирилловском музее.²² Это самое раннее произведение шитья Софьи Палеолог: остальные памятники ее мастерской датируются 90-ми гг. XV в.

Таким образом, стало ясным, что в 1480 г., приехав на Белоозеро, Софья Палеолог могла вложить в Кирилло-Белозерский монастырь подвесную пелену с изображением «Успения Богоматери» — храмового праздника центрального собора Кирилло-Белозерского монастыря. Епитрахиль создавалась в XIX в. в Горицком монастыре. Над шестью фрагментами шитья, вырезанными из двух обветшавших пелен конца XV в., монахини вышили надписи, не соответствующие первоначальному смыслу изображенных фигур, связав епитрахиль с тремя монастырями: Кирилло-Белозерским, Феррапонтовым и Горицким.

²² Смирнова Э. С. «Успение» из Кирилло-Белозерского монастыря и проблема традиции в русской живописи первой половины XV в. // Там же. С. 16–29.

В. Г. ПУЦКО

Гимн Юстиниана в русской иконописи XVI в.

В чине литургий св. Иоанна Златоустого и св. Василия Великого, как известно, вслед за вторым антифоном положено петь «Единородный Сыне» — гимн, появление которого церковная традиция прочно связывает с именем византийского императора Юстиниана I (527—565).¹ В сущности, это поэтическая парафраза растянутого и не вполне ясного богословского указа, изданного Юстинианом в 533 г. В специальной литературе достаточно обстоятельно освещены детали, касающиеся появления этого гимна.² Существует и пространное объяснение его текста.³ Последний интересовал богословов и искусствоведов и в связи со знаменитой четырехчастной иконой Благовещенского собора Московского Кремля.⁴ Нам представляется, что в этом аспекте могут быть сделаны новые наблюдения, способствующие более органичному включению гимна и иконы в общекультурный контекст XVI в.

Небезынтересно проследить эволюцию славянского перевода гимна Юстиниана в русской рукописной традиции XIV—XVI вв., указывающую на стремление добиться большей точности по отношению к греческому оригиналу. В Часослове XIV в. (РНБ, Q.п.1.8) интересный нас текст имеет следующий вид: *единочадый снъ слово вник, весмртнь сын изволи спсннн нашего ради. Воплотитиса ѿ стъиа вца, и приснодѣвица Мрѣа. Непреложно вчлчнитиса, распатиса Хе Бе смртью на смрть наступи. кдннъ сын ѿ стъиа трца. прославласа съ оцъ и съ стымъ дхмъ спси насъ* (Л. 89 об.). Здесь уже заменено выражение, которое в XIII в. имело форму: *до смърти са изволи* (РНБ, Q.п.1.57, л. 110). По-видимому, около 1500 г. греческому *Ὁ μονογενὴς υἱὸς* был найден новый эквивалент — *единородный снъ*. Именно с этого времени он, в частности, прослеживается по многочисленным спискам собрания Кирилло-Белозерского монастыря, в которых находим и иные изменения в тексте гимна: *вчлчнитиса, распеньжеса, прославляемъ шцоу и стмоу дхъ* (РНБ, Кир.-Белоз. 279/536, кон. XV—нач. XVI в., л. 140 об.); *вчлчнитиса, распатса, съпрославляемъ шцоу и стмоу дхбу* (РНБ, Кир.-Белоз. 268/525, 1504 г. (?), л. 102); *съпрославляе шца и стмоу дхъж* (РНБ, Кир.-Белоз. 282/539, XVI в., л. 49). Приведенные и различные иные примеры показывают не только неустойчивость этого доволь-

¹ Wellesz E A History of Byzantine Music and Hymnography 2-nd ed Oxford, 1961 P 178—179

² Grumel V L'auteur et la date de composition du tropaire «Ho Monogenēs» // Echos d'Orient 1923 № 1 P 398—413

³ Дмитревский И Историческое, догматическое и таинственное изъяснение на литургию 2-е изд М, 1818 3-я паг, § 41 С 48—50

⁴ Подробнее см Felmy K Chr Die Deutung der Gottlichen Liturgie in der russischen Theologie Wege und Wandlungen russischer Liturgie-Auslegung Berlin, New York, 1984 S 41 46 (Arbeiten zur Kirchengeschichte Bd 54)

но короткого текста, но и зависимость его видоизменений от локальных книгописных традиций. Подобная вариативность литургического песнопения в пределах хронологически ограниченного периода вряд ли может быть объяснена безразличием к отдельным выражениям, особенно в условиях Московского государства. Скорее, напротив: здесь сказались настойчивые попытки добиться грамматической и смысловой ясности. Текстологический анализ вариантов славянского перевода гимна в будущем может дать более определенный ответ на вопрос о причинах столь заметной редакторской работы, приходящейся в основном, похоже, на первую половину XVI в.

Естественно, все это приобретает важное значение в связи с появлением иконописной символической композиции, выражающей изобразительными средствами понятия, поэтически осмысленные в гимне. Иконографическая схема заинтересовала уже Ф. И. Буслаева, оставившего очень детальное ее описание, сопровождаемое существенными наблюдениями.⁵ В частности, он писал: «Этот сюжет имеет свою идею тоже искупление, но собственно с развитием мысли о победе над смертью, одержанной смертью Искупителя. Эпизоды приведены в архитектурную связь посредством зданий по обеим сторонам круга, в котором восседает Спаситель, и посредством симметрического помещения нижних эпизодов под срединным изображением „Не рыдай мене, Мати“. Христос изображен трижды. Во-первых, в юношеском типе, как Еммануил, в сказанном круге, несомом херувимами, с тетраморфом в деснице, то есть с группою четырех символов евангелистов в сокращении. Над Ним тоже в кругах Дух Святыи и Бог Отец, все вместе составляют св. Троицу; по сторонам по ангелу держат солнце и луну».⁶ От пытливого взгляда Ф. И. Буслаева не укрылись и иконографические новшества, наблюдаемые в начале XVII в., такие как Богородица «в одной хранине».⁷ Позже, описывая одну из икон с названным сюжетом, Н. В. Покровский уделил внимание сопроводительным текстам, отметив их вариативность.⁸

Сюжет «Единородный Сыне» Й. Мысливец, опираясь на иконы XVII—XVIII вв., с заметно адаптированной схемой, рассматривал в плане гимнографической тематики русской иконописи.⁹ А. Н. Грабар отмечал его как один из примеров проникновения русских иконописных образцов в искусство Молдовы и Валахии.¹⁰ Наконец, иконографическая схема «Единородный Сыне» заинтересовала историков искусства в сочетании с иными сюжетами в связи с написанной в середине XVI в. псковскими мастерами четырехчастной иконой Благовещенского собора Московского Кремля.¹¹ Она, как известно, наряду с другими тогда же созданными произведениями сделалась предметом критики эрудированного дьяка И. М. Висковатого, сильно задевшего амбиции тогдашней церковной иерархии.¹² Из четырех сюже-

⁵ Буслаев Ф. И. Сравнительный взгляд на историю искусства в России и на Западе // Буслаев Ф. И. Соч. СПб, 1908. Т. 1. С. 14—19.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ Там же. С. 18.

⁸ Покровский Н. В. Церковно-археологический музей С.-Петербургской духовной академии. СПб, 1909. С. 102—104. Табл. 17.

⁹ Myslivec J. Liturgicke hymny jako namety ruskych ikon // Byzantinoslavica. 1931. Т. 3(2). С. 470—472. Таб. I—II.

¹⁰ Grabar A. L'expansion de la peinture russe aux XVIe et XVIIe siecles // Grabar A. L'art de la fin de l'Antiquite et du Moyen Age. Paris, 1968. Vol. 2. P. 960. Pl. 222.

¹¹ Качалова И. Я., Маясова Н. А., Щенникова Л. А. Благовещенский собор Московского Кремля. М., 1990. С. 61—64. Табл. 178—186.

¹² Розыск или список о богохульных строках и о сумнении святых честных икон, дьяка Ивана Михайлова сына Висковатого, в лето 7062 // ЧОИДР. М., 1858. Кн. 2. Отд. 2. С. 1—42; Андреев Н. Е. О «деле дьяка Висковатого» // Semnarium Kondakovianum Praha, 1932. Т. 5. С. 191—242.

тов инспирированный гимном Юстиниана оказался самым популярным, о чем свидетельствуют сохранившиеся иконы XVI—XVII вв.

В связи с иконографической схемой «Единородный Сыне», дающей пример образного истолкования литургического гимна, возникает немало вопросов. Они касаются прежде всего изобразительных источников, лежащих в основе компонентов, которые использованы в иконе. Это в свою очередь подводит к проблеме творческого метода иконописцев. Н. Ю. Маркина содержание интересующей нас композиции воспринимает следующим образом: «Последняя, верхняя правая часть озаглавлена текстом литургического тропаря „Единородный Сыне и Слово Божие...“. В ней раскрывается принципиальная роль Сына как свершителя преобразования Космоса во Всеобщее Небесное Царство. Это преобразование происходит через Апокалипсис. Две нижние сцены представляют апокалиптическое уничтожение зла и второе пришествие Иисуса Христа на Землю в облике воина-правдоборца. Помещенная на границе между „дольными“ и „горными“ композициями иконография „Не рыдай мене, Мати“ или Воскресения Христа указывает на причастность божественному воскресению всего Космоса после Апокалипсиса».¹³ При таком понимании символики оказывается, что в живописи не совсем ясно отражены основные положения гимна, а именно: 1) Единородный Сын, Слово Божие, будучи бессмертным, ради нашего спасения принял плоть от Богородицы; 2) Будучи распятым, смертью разрушил смерть; 3) Христос — одно из лиц Святой Троицы, прославляемый с Отцом и Святым Духом. Все они могли быть переданы посредством вполне канонических иконописных сюжетов, таких как Отечество, Рождество Христово, Распятие, Сожество во ад. Однако автор композиции избрал иной путь, отказавшись от иллюстрирования гимна в буквальном смысле и отдав предпочтение широкому осмыслению Воплощения и Испытания в символических образах. Именно на них следует остановить внимание.

Сложная, но четкая по своему построению, на основе симметрии, композиция по схеме может быть соотнесена с представлениями Страшного суда в искусстве X—XI вв., а также более позднего времени, преимущественно византийской художественной традиции.¹⁴ Нет ничего удивительного и в том, что налицо некоторые иконографические параллели с Апокалипсисом:¹⁵ последний с представленными в нем событиями является преддверием Второго пришествия — Страшного суда. И все же невозможно схему «Единородный Сыне» трактовать лишь как упрощенный вариант композиций эсхатологического содержания. В ее основу положены образы, выкристаллизовавшиеся в христианской иконографии задолго до создания кремлевской иконы: это Теофания и Пьета.

Обе эти иконографические темы неоднократно притягивали внимание исследователей, благодаря чему их генезис и развитие можно считать достаточно выясненными. Изображение Христа Еммануила в круглом ореоле

¹³ Маркина Н. Ю. Художественный образ «четырёхчастной» иконы из Благовещенского собора Московского Кремля // Русское искусство позднего средневековья. Образ и смысл. М. 1993. С. 41.

¹⁴ См. Покровский Н. В. Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства. Одесса. 1887. Brenk В. Tradition und Neuerung in der christlichen Kunst des ersten Jahrtausends. Studien zur Geschichte des Weltgerichtsbildes. Wien. 1966 (Wiener Byzantinische Studien Bd 3), Skrobucha H. Zur Ikonographie der Jungsten Gerichts in der russischen Ikonmalerei. Stuttgart, 1962.

¹⁵ Delisle L., Meyer P. L'apocalypse en français au XIIIe siècle. Paris, 1901. James M. R. The Apocalypse in Art. London. 1931. Willoughby H. R. The Elizabeth Day McCormick Apocalypse. Chicago. 1940. Vol. 1—2. Ачпатов М. В. Памятник древнерусской живописи конца XV века. Икона «Апокалипсис» Успенского собора Московского Кремля. М. 1964.

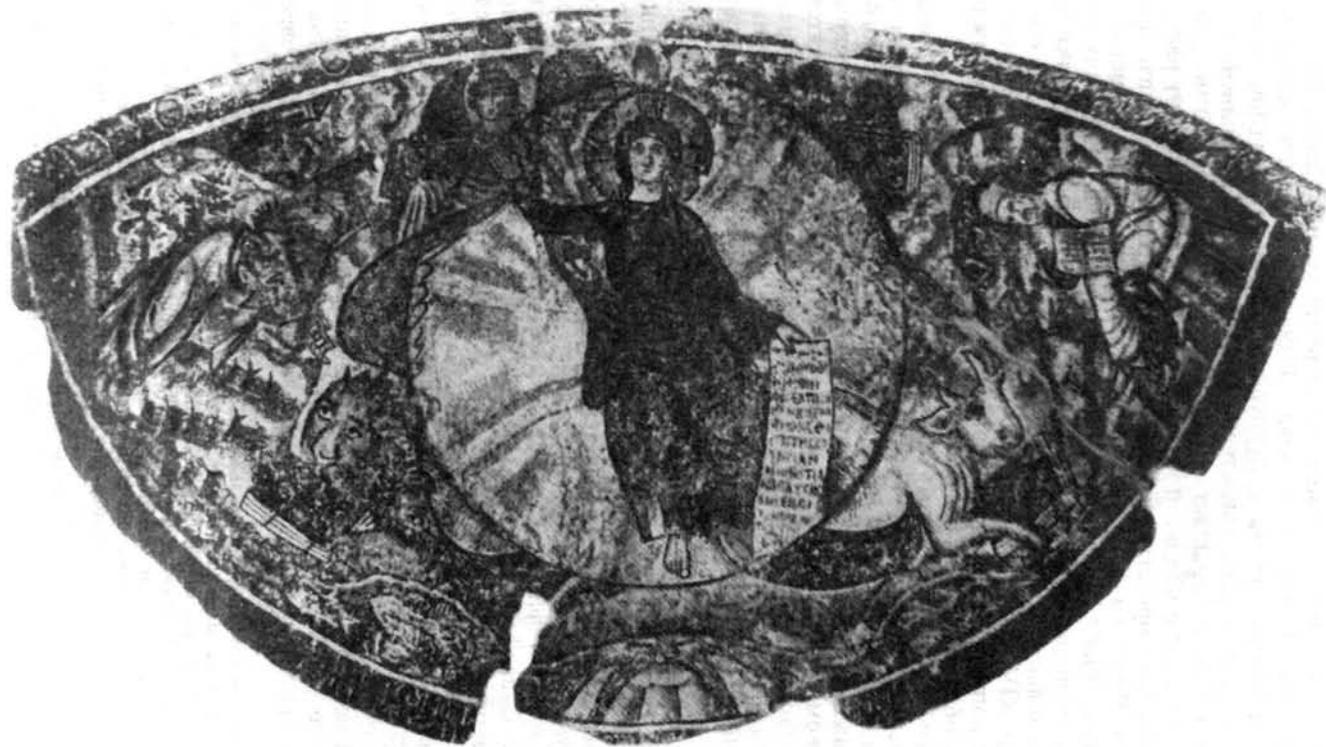

Рис. 1. Христос во славе.
Апсидальная мозаика церкви монастыря Хознос Давид в Салониках. V в.

славы, несомом ангелами, ведет свое происхождение от раннесредневековых апсидальных композиций, получивших распространение на христианском Востоке, возникнув под действием видений пророков (Исайи, Иезекииля и Даниила), а также Иоанна Богослова.¹⁶ Одна из древнейших композиций с изображением юного Христа в пурпурном одеянии, в круглом ореоле на радуге, несомого четырьмя таинственными животными, выполнена в технике мозаики в V в. и украшает апсиду церкви монастыря Хозиос Давид в Салониках; Христос с поднятой правой рукой, а в левой держит раскрытый свиток с текстом, представляющим парафраз цитаты из Книги пророка Исайи (25:9). Внизу на фоне панорамного пейзажа фигуры пророков Иезекииля и Исайи (рис. 1). Эта композиция имеет несколько поздних реплик, из которых наиболее существенны миниатюра в греческом кодексе Четвероангелия библиотеки Марциана в Венеции, XII в. (№ 540)¹⁷ и особенно икона конца XIV в. из Погановского монастыря.¹⁸ Их существование показывает, что копирование ранних образцов почти неизменно сопровождалось адаптацией образа, пусть и не всегда радикальной.

Для того чтобы продолжить обсуждение темы, необходимо предварительно выяснить, является ли композиция «Единородный Сыне» кремлевской иконы совершенно оригинальным произведением в плане иконографии или представляет вариацию уже существовавшей схемы. В Покровском старообрядческом соборе при Рогожском кладбище в Москве хранятся две иконы, иконография которых соответствует двум композициям четырехчастной. Однако видеть в них реплики последней трудно по той причине, что здесь налицо не только сходство, но и различия, причем не свойственные копиям¹⁹ (рис. 2). Несовпадения касаются и общего характера рисунка, и иного положения фигур, и различных деталей; «ненавистник добру и рачитель злу, износя смерть, исходя в ад погибельный», в правом нижнем углу, имеет облик, весьма отличающийся от навеянного ренессансными моделями. Рогожская икона выделяется более тектоничной компоновкой и более продуманным соотношением отдельных частей композиционной схемы. Глорию с хрупкой фигурой юного Христа, как и расположенную выше полуфигуру Саваофа, окружает облако; в четырехчастной оно заменено обычным обрамлением медальона. Голубь в руке Христа недвусмысленно говорит о среде возникновения образа, несмотря на попытку нейтрализовать эту деталь заменой ее тетраморфом и перемещением олицетворения Святого Духа в пространство над головой. Возносящие ореол ангелы — свидетельство триумфа Христа после уничтожения и крестной смерти, о чем напоминает воспроизведение композиции «Не рыдай мене, Мати», получившей широкую разработку в эпоху средневековья как в Византии, так и на Западе²⁰. В христианской иконографии тема Отечества имела ко времени

¹⁶ Из обширной литературы надо выделить Van Der Meer F. *Majestas Domini Theophanies de L'Apocalypse dans l'art chretien* Roma, Paris, 1938, Ihm Chr. *Die Programme der christlichen Apsismalerei vom vierten Jahrhundert bis zur Mitte des achten Jahrhunderts* Wiesbaden 1960, Dobrzeniecki T. *Majestas Domini w zabytkach polskich i oboych z Polską związanych* // *Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie* 1973—1975 T 17—19

¹⁷ Galavaris G. *The Illustrations of the Prefaces in Byzantine Gospels* Wien 1979 P 101
102 Fig 79 Nelson R. S. *The Iconography of Preface and Miniature in the Byzantine Gospel Book* New York, 1980 P 63 Fig 42

¹⁸ Gerasimov T. *L'icone bilaterale de Poganovo au Musee archeologique de Sophia* // *Cahiers archeologiques* Paris, 1959 T 10 P 279 288, Grabar A. A. *Propos d'une icone byzantine du XIVe siecle au Musee de Sophia* // *Ibid* P 289—304

¹⁹ Древние иконы старообрядческого кафедрального Покровского собора при Рогожском кладбище в Москве М., 1956 С 19—20 Табл 33 34

²⁰ Belting H. 1) *An Image and its function in the Liturgy. The Man of Sorrows in Byzantium* // *Dumbarton Oaks Papers* 1980 1981 № 34 34 P 1 16, 2) *Das Bild und sein Publikum im Mittelalter Form und Funktion fruher Bildtafeln der Passion* 2. Aufl Berlin 1995

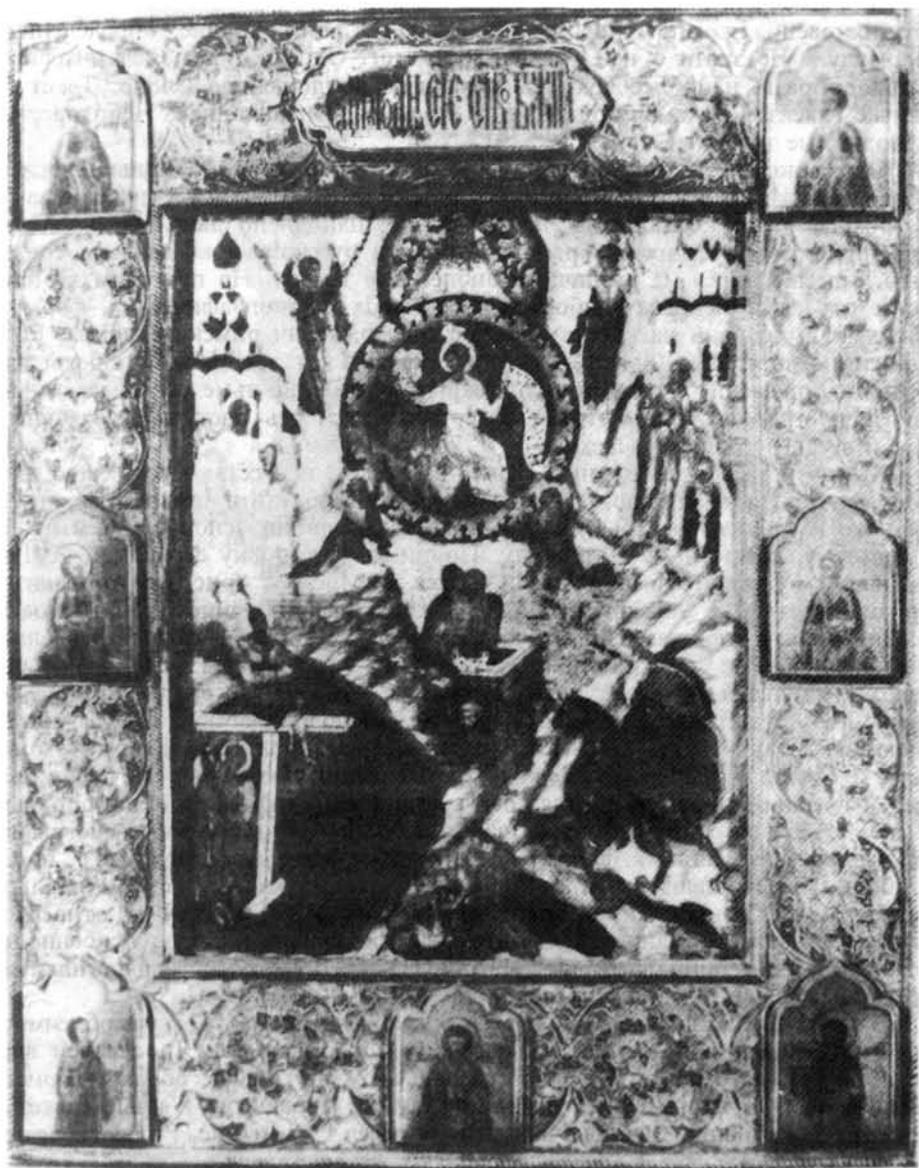

Рис. 2. Единородный Сыне. Икона середины XVI в.
Москва, Покровский старообрядческий собор при Рогожском кладбище.

возникновения композиции «Единородный Сыне» вполне определенную формулу.²¹ Не знать о ней художник не мог. Однако предпочел интерпретацию образа, наиболее ярко выразившего воплощенное Слово. Текст на свитке гласит: «Духа Благодати, Дух Премудрости наполняя. Небо престол и подножие ногами Его».

Окружающие Троицу ангелы, двое из которых несут небесные светила, а двое иных — атрибуты священства и царства, — спокойные и величавые. В нижней части композиции, напротив, все наполнено движением. Истолкование символических изображений имеет в русской науке давнюю традицию, опирающуюся на различные библейские тексты. Но при этом все еще остается невыясненным выбор определенных иконографических формул, таких, как сидящий на кресте Христос в снаряжении римского воина. Если это символ триумфа (крест из орудия смерти сделался знаком победы над ней), то поражение сатаны и толпа скрывающихся во тьме бесов, несомненно, иллюстрируют слова гимна «смертию на смерть наступи», созвучные, как известно, тропарю Пасхи.

Композиция «Единородный Сыне» в русском искусстве имеет свою иконографическую традицию, давно заслуживающую стать предметом специального изучения, хотя бы уже по причине эволюции основной схемы. Обратимся к конкретному материалу. Принимая датировку серединой XVI в. иконы в собрании Исторического музея в Москве²² (рис. 3), приходится признать, что и в указанное время в иконографии налицо вариативность, соединенная с упрощенностью. Заметно увеличиваются масштабы ореола с фигурой Христа, а возносящие его ангелы оказываются перемещенными вверх. Изменены архитектурные кулисы, с явной утратой понимания их символики. В пятистворчатом складне второй половины XVI в. этот сюжет соединен с такими, как Отечество, Спас Недреманное Око, Собор Богоматери и София Премудрость Божия, что косвенно указывает на существование сочетаний, отличающихся от кремлевской иконы.²³ «Единородный Сыне» по стилю отчасти сближается с рогожской иконой, но в иконографии сказывается тенденция к фронтальности фигур, которые, кроме того, более свободно перемещаются в пространстве. Примерно то же, хотя с большей детализацией, в иконе из собрания Г. Д. Костаки.²⁴ К XVI в. относится также икона из собрания Н. П. Лихачева, иконографическую особенность которой (как и принадлежащей Историческому музею) составляет наличие лестницы, ведущей к храму.²⁵

В XVII в. иконографическая схема усложняется, часто в ущерб символизму композиции. В иконе из Толгского монастыря под Ярославлем введена фигура Богоматери Оранты с медальоном на груди с образом Христа Еммануила.²⁶ В иконе Музея в Реклингхаузене добавлены и иные сюжеты, заметно изменившие первоначальный замысел.²⁷ В иконе Русского музея

²¹ Onasch K. Ketzergeschichtliche Zusammenhänge bei der Entstehung des anthropomorphen Dreieinigkeitsbildes der byzantinisch-slavischen Orthodoxie // Byzantinoslavica 1970. Г 31(2) S. 229—243. Taf. I—VI.

²² Русские мастера живописи и гравюры XVI—XVIII вв. Каталог выставки ГИМ / Авторы-составители Н. Ф. Тругнева, М. М. Шведова. М., 1989. № 1. Разм. 31,0 × 25,0 см.

²³ Псковская икона XIII—XVI веков. Л., 1991. № 135. Антонова В. И. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М., 1966. № 63. Разм. створок 13,0 × 11,5 см.

²⁴ Древнерусская живопись. Новые открытия (из частных собраний). Каталог выставки. Сост. А. Логинова. М., 1975. № 21. Разм. 28,0 × 21,5 см.

²⁵ ГРМ, ДРЖ 1081. Разм. 34,3 × 28,6 см. См. Лихачев Н. П. Материалы для истории русского иконописания. СПб., 1906. Ч. 1. № 172. С. 5. Табл. XC VIII.

²⁶ Ярославская иконопись XIII—XVIII веков. Каталог выставки / Сост. И. П. Болощева. Ярославль, 1981. № 21. Разм. 153,0 × 115,0 см.

²⁷ Felmy K. Chr. Die Deutung der Göttlichen Liturgie in der russischen Theologie. S. 43. Abb. 5. 6.

Рис. 3. Единородный Сыне. Икона XVI в. Москва, Гос. Исторический музей.

кроме Отечества — сферы с ангельскими чинами, Благовещение, Распятие и Божественная служба (с Христом-Агнцем на дискосе).²⁸ Отсюда оставался один шаг до нового, более понятного осмысления текста гимна Юстиниана, еще раз отредактированного справщиками патриарха Никона, и этот шаг сделали вскоре после 1668 г. мастера Оружейной палаты, поместив в центр композиции Распятие, по сторонам которого расположены изображения евангельских событий.²⁹ Но от XVII в. дошли и иконные списки «Единородный Сыне» традиционной схемы, хотя почти в каждом случае налицо какие-то особенности.³⁰ Все это было естественным для схемы, не принадлежавшей к числу унаследованных от Византии, но выработанной «самомышлением» (по выражению дьяка И. М. Висковатого). Иконы, включая и сюжет «Единородный Сыне», как известно, были предметом соборных суждений, оказавшихся на удивление противоречивыми.³¹ Спор фактически решила церковная практика, столетие спустя после попытки переосмысления исключившая сюжет из обихода, как, впрочем, и иные навеянные гимнами композиции.

Парафразы библейских цитат, сопровождающие изображения, говорят о том, что далеко не все было понятным современникам мастеров, создавших известную нам схему «Единородный Сыне». Отрицательно смотрел на подобные эксперименты и авторитетный Зиновий Отенский.³² Для современных исследователей такие произведения представляют в первую очередь исторический интерес как характеризующие русскую культурную жизнь XVI в. Весьма правдоподобным кажется, что их появление имело место не без воздействия Реформации, хотя и в скрытой форме и в соответствии с византийской художественной традицией.

²⁸ Myslivec J Liturgické hymny jako náměty ruských ikon S 470—471 Tab 1

²⁹ Антонова В И, Мнева Н Е Каталог древнерусской живописи Гос Третьяковской галереи М, 1963 Т 2 № 940 Разм 138,0 × 118,0 см (из церкви Григория Неокесарийского в Москве)

³⁰ Там же № 743 (разм 128,0 × 109,0 см), 870 (створка складня, разм 18,0 × 15,0 см) ГРМ, ДРЖ 231 (створка складня, разм 15,0 × 13,5 см), ДРЖ 1612 (разм 44,4 × 33,1 см), ДРЖ 2067 (разм 54,5 × 42,5 см), ДРЖ 1345 (разм 107,0 × 86,0 см)

³¹ Успенский Л А Богословие иконы Православной церкви Париж 1989 С 253—263

³² См Андреев Н Е Инок Зиновий Отенский об иконопочитании и иконописании // *Seminarium Kondakovianum Praha*, 1936 Т 8 С 259—277

В. И. ОХОТНИКОВА

История Мирожской иконы Богоматери и литературных текстов о ней (кон. XVI—XVII в.)

Икона Богоматери Мирожская — Мирожская Оранта, хранящаяся ныне в Псковском музее и поступившая туда в 1926 г. из Спасо-Мирожского монастыря, датируется искусствоведами второй половиной XVI в. Ф. А. Каликин, занимавшийся изучением и реставрацией иконы, считает ее копией второй половины—конца XVI в. с не дошедшего до нас образа XIII в. Один из аргументов древности оригинала Мирожской Оранты — изображение князя Довмонта и его жены Марии, которое, по мнению Ф. А. Каликина, является портретным: князь и княгиня изображены без нимбов, предстоящими в молении перед Богородицей.¹ Датировка Мирожской Оранты концом XVI в., сделанная Ф. А. Каликиным на основе искусствоведческого анализа, находит подтверждение в одном из литературных произведений о Мирожской иконе, которое привлекло мое внимание.

В истории литературных текстов о Мирожской иконе, как и в истории самой Мирожской иконы, есть много неясных вопросов.² В сборниках XVI—XIX вв. довольно часто встречается служба Знамению Богоматери Мирожской³ и «Сказание о Мирожской иконе», написанное Варлаамом,⁴ в котором большинство исследователей видят Василия-Варлаама, автора многих произведений о псковских святых и святыхнях. Ни текст службы, ни текст «Сказания» не были предметом специального исследования.

Публикуемый мною текст не привлекал внимания ученых, между тем он содержит целый ряд известий, проясняющих историю Мирожской иконы в конце XVI—XVII в.

Сборник из рукописного отдела РГБ, ф. 209, собр. Овчинникова, № 300, XVII в., состоит в основном из произведений, имеющих отношение к Псковской земле.⁵ В нем читаются служба и житие Нифонта, архиеписко-

¹ Каликин Ф. А. Портретное изображение псковского князя Довмонта // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 272—276; См. также: Родникова И. С. Каталог // Псковская икона XIII—XVI веков. Л., 1990. С. 293.

² Что касается истории Мирожской иконы, то до сих пор существуют разноречивые свидетельства и мнения о том, когда началось почитание иконы как чудотворной, сколько знамений было от нее и когда они совершились.

³ РГБ, ф. 256, № 397, XVI в.; ф. 209, № 300, XVII в.; ф. 310, № 596, XVII в., ф. 299, № 266, XVII в., ф. 17, № 743, XVIII в.; Древлехранилище Псковского музея, ф. Никандровой пустыни, № 16, XVII в., и др.

⁴ РГБ, ф. 209, № 300, XVII в., ф. 299, № 271, XVII в., ГИМ, собр. Уварова, № 332, XVII в., и др. Текст «Сказания» по рукописи XVIII в. из Мирожского монастыря (ныне нахождение списка неизвестно) был издан Ляпустин А. Тексты сказаний о псковских чудотворных иконах Божией Матери // Тр. псковского церковного историко-археологического комитета. Псков, 1910. Т. 1. С. 97—101.

⁵ Описание рукописи см. Охотникова В. И. Повесть о Довмонте. Л., 1985. С. 172.

па Новгородского и Псковского, летописи называют его создателем Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря; служба и житие Довмонта Распространенной редакции; тропарь Николе, псковскому юродивому; житие Евфросина Псковского в оригинальной редакции проложного типа, Повесть о Петре и Февронии; житие Михаила Клопского. Начинается сборник с подборки произведений о Мирожской иконе. Л. 1—17 об. — служба «Месяца сентября в 24 день празднуем по Бозе пречудное знамение пресвятей Богородицы, иже есть над Мирожю рекою, во обители боголепнаго Преображения Христа Бога нашего». Нач.: «Ныне наста день радостен и веселья исполнен, днесь от скорбей всех пременение...». Отметим, что обычно в сборниках читается иной текст службы — «Палата одушевленная Христови едина бысть», она идентична службе Знамению Богоматери Чирской⁶

Л. 18—39 об. — цикл произведений о Мирожской иконе Варлаама. «Месяца сентеврия в 24 день. Слово похвально пресвятыя владычица наша Богородица и приснодевы Мария сложено от божественых писаний; Сказание како и коим образом бысть знамение от образа матере Господня, святыя иконы честнаго ея Воплощения. бывша слеза, яко струя, течаше из обою очю в приснословущей обители у боголепнаго Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иуса Христа, иже есть над Мирожю рекою».

Л. 40—45 об.: «Месяца сентября в 24 день. Воспоминание знамени, являшагося от иконы пресвятыя владычицы наша Богородицы и приснодевы Марии во обители, иже над Мирожю рекою, и Повесть о исшествии триех икон во граде Пскове из соборныя церкви и паки о пришествии единыя иконы по триех летех. Благослови, отче». Условно будем называть этот текст «Воспоминанием о знамени».

Начинается «Воспоминание» с описания знамени от иконы. Рассказ о слезном знамени не содержит новых сведений по сравнению со «Сказанием» Варлаама, в обоих произведениях описываются одни и те же события. В Спасо-Мирожском монастыре была икона Богородицы, «местная на злате», от нее совершилось знамение — «из обою оку <...> слезы течаху, яко струя». Игумен возвестил о том собору святой Троицы, князю и посадникам, все крестным ходом пошли в Мирожский монастырь, увидели истечение слез, совершили молебен, после чего перенесли икону в Троицкий собор и поставили возле алтаря южных дверей. В «Воспоминании» рассказ заканчивается сообщением об установлении праздника в честь иконы. В «Сказании» Варлаама нет этого текста, после слов о том, что икона поставлена возле южных дверей алтаря, следует фраза об исцелениях, которые начались с этого времени, и пять риторических оборотов с анафорой «Дивно чудо, яко...». Тексты «Сказания» и «Воспоминания» совпадают в общей последовательности событий, но стиль повествования настолько различен, что сходство наблюдается только в отдельных выражениях. Рассказ Варлаама более риторичен, пространен, описание событий прерывается восклицианиями, рассуждениями, молитвами обращениями. Сравнение текстов убеждает, что «Воспоминание» не является сокращением текста «Сказания». Скорее всего, наоборот, Варлаам воспользовался каким-то кратким описанием знамени, отредактировав, распространив его в своиственной ему манере.

Рассказ о знамени, аналогичный тому, что читается в «Воспоминании», встречается в рукописных сборниках и как самостоятельный текст, мне известен один его список РНБ, собр Софийское, № 1305, кон XVII в.,

⁶ В сборнике РГБ, ф. 256, № 397, середина XVI в. служба «Палата одушевленная» читается и под 16 июля в день памяти знамени иконы Богоматери Чирской (Л. 288—299) и под 24 сентября (Л. 14 об. 25). Этот же текст издается и в современных минеях. Минья Сент-Гябри М. Издво Московской патриархии 1978 (с. 614—626).

л. 67 об.—68 об.: «Месяца сентября в 24 день. Поспоминания знамения, явльшагося от иконы пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии во обители, иже над Мирожью рекою».⁷ Рассказы о знамении в Софийском и Овчинниковском списках почти полностью совпадают, в Софийском списке есть незначительный пропуск в тексте (чтение 7), однако в нем полнее описание иконы: «В той же церкви бе икона пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии Воплощение местная на злате». Чтения «Воплощение» нет в Овчинниковском списке «Воспоминания», следовательно, Софийский и Овчинниковский списки имеют общий протограф, который в данном случае (чтение «Воплощение») полнее передает Софийский список. Таким образом, есть основание предполагать, что краткий рассказ о знамении, заканчивающийся известием об установлении праздника в честь иконы, существовал как самостоятельный текст. В середине XVII в. к краткому рассказу обратился составитель «Воспоминания», он просто переписал его, позаимствовав и название — «Воспоминание». Возможно, что «Воспоминание о знамении» в его кратком виде было известно и Варлааму, который использовал его при написании «Сказания о Мирожской иконе», существенным образом переработав краткий текст.

На рассказе о знамении завершается сходство в содержании между «Сказанием» Варлаама и «Воспоминанием о знамении» по Овчинниковскому списку, дальнейший текст «Воспоминания» представляет собою свод известий разного времени о Мирожской иконе. Изложим основные сведения, содержащиеся в «Воспоминании».

1. 24 сентября 1583 (7091) г. для Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря с чудотворной иконы была написана новая, «такова же подобием», ибо сама древняя икона оставалась в Троицком соборе. Объясняя причину написания новой иконы, обычно приводят легенду о том, что древняя Мирожская икона была вывезена в 1570 г. Иваном Грозным, а в Пскове оставлена ее копия.⁸ В «Воспоминании» дается иной вариант объяснения, и он кажется достоверным, хотя мне неизвестны другие источники, которые бы подтверждали эту достоверность. Многие факты, излагаемые в «Воспоминании», находят подтверждение, хотя бы отчасти, в летописных текстах, это дает основание с доверием относиться и к известию о том, что в 1583 г. с древней Мирожской иконы была сделана копия.

2. 15 мая 1609 (7117) г. в Пскове был сильный пожар, горел весь город и Троицкий собор. «И оттоле та чудотворная икона Мирожская не обретется». О пожаре 15 мая 1609 г. сообщается и в Псковской III летописи: «Во 117-м <...> Того же году мая в 15 день загорелось на Полонищи в Успенья Богородицы, кисель варили. И погоре град весь и живоначальныя Троицы дом и Крем, и зелием вырвало обе стене на Великую реку и на Пскову реку».⁹

3. Далее в «Воспоминании» следует рассказ о том, как перед пожаром из Троицкого собора «три иконы пядницы изыдоша из киота от мечь своих», а через три года одна из них вновь появилась на своем месте. Кажется, этот сюжет не имеет прямого отношения к Мирожской иконе, но он включен в «Воспоминание» не случайно. Рассказ об исхождении трех икон дает возможность предположить, что Мирожская икона не сгорела (в тексте

⁷ Рукопись РНБ, собр. Софийское, № 1305, 4^о. 169 л., представляет собой сборник-конволют конца XVII—XVIII в. Часть сборника (л. 61—74 об.), в которой читаются «Воспоминание о знамении», описание осады Пскова и Псково-Печерского монастыря из Повести о Псково-Печерском монастыре, рассказы о Чирской, Устюжской, Казанской иконах и житие Авраамия Галицкого, может быть датирована концом XVII в.

⁸ Калинин Ф. А. Портретное изображение псковского князя Довмонта. С. 276.

⁹ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 270—271.

и не говорится, что она сгорела, она «не обретется»), а подобно трем иконам ушла из собора перед пожаром.

В рукописи БАН, собр. Плюшкина, № 165, кон. XVII в., л. 199—202 об., читается «Повесть о исшествии триех икон во граде Пскове из соборныя церкви и паки о пришествии единыя иконы пресвятыя Богородицы по триех летех в тое же соборную церковь».¹⁰ Рассказы об исхождении трех икон в «Повести» по списку Плюшкина и в «Воспоминании» не восходят друг к другу, хотя очень близки не только в описании самого исхождения икон, но и в последующем тексте — обращении к псковичам прийти и убедиться в чудесном возвращении иконы, удивиться и прославить великое чудо. Таким образом, устанавливается еще один источник, к которому обращался составитель «Воспоминания» в середине XVII в., — «Повесть об исшествии триех икон».¹¹

4. В 1642 (7150) г. игумен Арсений построил в монастыре деревянную теплую церковь во имя Знамения Богородицы. «Того же лета написана местная икона пресвятыя Богородицы в новую церковь». 19 февраля новая икона прославилась чудесным возгоранием свечи, что было засвидетельствовано братией монастыря, псковскими священниками и архиепископом Левкием. О возгорании свечи в Мирожском монастыре имеется известие в Псковской III летописи: «Во 150-м году <...> В том же году у Спаса на Мирожии свеча загорелася...».¹²

5. В 1653 (7161) г. игумен Арсений¹³ перенес деревянную церковь в Псков и икону, «пред нею же свеча загореся», поставил в той церкви. В Мирожском монастыре установили новое празднование в честь иконы — 19 февраля.

Вполне возможно, что составление «Воспоминания о знамении», подробно излагающее историю Мирожской иконы, было связано именно с последними событиями — чудом от иконы Богородицы Знамение 19 февраля 1642 г. и установлением еще одного праздника. Составитель «Воспоминания» собрал и свел воедино известные ему сведения и тексты о Мирожской иконе. Краткая редакция «Воспоминания о знамении» и «Повести об исшествии триех икон» были положены в основу нового произведения, стали его центром, что отражено и в названии. При описании случившегося 19 февраля 1642 г. псковский книжник мог обратиться к «писанию», которое «заруками истиннаго свидетельства о томъ чудеси» принесли архиепископу

¹⁰ Рукопись описана: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР / Сост. А. П. Конусов, В. Ф. Покровская. М., Л., 1951. Т. 4, вып. 1. С. 193—198. Составитель сборника, а в него входят 23 части, проявляет большой интерес к чудесам от икон в Псковской земле, подбирая и включая в сборник и краткие заметки летописного характера, и самостоятельные литературные произведения. Здесь читаются «воспоминания», «повести» о чудесах от икон в 1633 г. «в дому некоего подъячего Иоанна Леонтиева сына» (Л. 124—125 об.), в 1650 г. «в дому некоего человека посадского Иоанна Давыдова сына, прозванием Краснородца» (Л. 126—127 об.), в 1693 г. от Псково-Печерской иконы Богородицы с помещиком Б. И. Бестужевым (Л. 128—129 об.), в 1650 г. в монастыре Сергия с Залужья (Л. 139—144 об.), в 1396 г. в Пантелеймоновском монастыре и в Зряковицах (Л. 234—237), «Повесть о явлении икон на Синичьей горе» (Л. 170—194), «Повесть о явлении Каменной иконы» (Л. 237—238) и др. Многие из псковских текстов неизвестны по другим спискам.

¹¹ «Повесть об исшествии триех икон» читалась и в сборнике РНБ, собр. Погодина, № 903, XVII в., об этом свидетельствует «Сказание главам в настоящей сей книге» (Л. 1) Третья глава, согласно «Сказанию главам», называлась «Повесть об исшествии триех икон во граде Пскове из соборныя церкви». Ныне в сборнике нет «Повести об исшествии» и еще двух глав — 4 и 5, ими должны быть «Повесть о чудеси от образа Спасова во обители святого Иоанна Предтечи на Завеличьи» и «Повесть о Печерском монастыре».

¹² Псковские летописи. Вып. 2. С. 285.

¹³ В списке игуменов Мирожского монастыря в словаре П. Строева значатся Арсений — 1641 г., Иона — 1648 г., Митрофан — в 1650 г. был переведен в Печерский монастырь (Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. С. 389).

Левкию посланные им в Мирожский монастырь священники. В принципах работы составителя «Воспоминания о знамении» видится прежде всего собиратель, краевед середины XVII в., стремящийся ясно и достоверно описать историю почитаемой в Пскове иконы, он меньше внимания обращает на литературную сторону своего произведения, его в большей степени интересуют факты.

Публикуются тексты двух произведений:

1. «Воспоминание о знамении от Мирожской иконы» по списку РГБ, ф. 209, собр. Овчинникова, № 300, XVII в. При переплете были срезаны поля рукописи, поэтому некоторые буквы и слова не читаются, при издании они ставятся в скобки. Разночтения приводятся по списку РНБ, собр. Софийское, № 1305, кон. XVII в., л. 67 об.—68 об.

2. «Повесть об исшествии триех икон» по списку БАН, собр. Плешкина, № 165, кон. XVII в.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МЕСЯЦА СЕНТЯ(БР)Я ВЪ 24 (ДЕНЬ). ВОСПОМИНАНИЕ¹ ЗНАМЕНИЯ, ЯВЛЯШАГОСЯ ОТ ИКОНЫ ПРЕСВЯТЫЯ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЯ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ ВО ОБИТЕЛИ, ИЖЕ НАД МИРОЖЕЮ РЕКОЮ,² И ПОВЕСТЬ О ИСШЕСТВИИ ТРИЕХЪ ИКОН ВО ГРАДЕ ПСКОВЕ ИЗ СОБОРНЫЯ ЦЕРКВИ И ПАКИ О ПРИШЕСТВИИ ЕДИНЫЯ ИКОНЫ ПО ТРИЕХЪ ЛЕТЕХЪ. л 40

Благослови, отче².

Бысть убо близ града Пскова обитель между дву рек — Великия реки и Мирожя малья. В то(й) же обители бе соборная церковь святое боголепное Преображение Господа Бог(а) и Спаса нашего Исуса Христа. В той же церкви³ икона пресвятыя владычицы нашея Богородиц(ы) и приснодевы Марии⁴ местная на зла(те). От того же образа бысть знамение // страшно и ужаса л 40 об исполнено: показася из обою оку слезы текуще⁵, яко струи. Игумень же честныя тоя обители и со всеми мнихи, видевше сие изрядное чюдо, вскоре возвестиша во граде Пскове соборным священником, и князю, и посадником. Посем же священный собор, взявше святаыя иконы и честныя кресты, и со свещами, и с фимияном, и со множеством арамат духовныхъ, с радостию душевною приидоша в честную ону обитель Мирожскую. И абие внидоша в церковь боголепнаго Преображения, идеже чюдотворная она икона стояще пресвятыя Богородицы, и видевше же священный соборъ и весь народъ, ⁶мужи и жены с чады⁶ таковое предивное знамение от образа // пречистыя Богоматере — из обою оку слезы, яко струи, исходящи, вси л 41 страха исполнившеся, с плачем молящеся, взирающе к чюдотворному образу. Священный же собор, певше молебная и со страхомъ и великою честию ⁷взвемше честную⁷ икону Богоматере, на рамахъ понесоша ю во градъ Псковъ. И весь народъ вследъ идяху, молящеся со страхом пресвятей Богородицы. И внесоша честную ону икону во святую соборную и апостольску(ю)⁸ церковь святаыя, и единосущныя, и животворящия, и неразделимыя Троицы, и певше молебная, и поставиша чюдотворную ону икону возле олтаря⁹ южныхъ дверей честно. И тако разыдошася каждо восвояся, славяще и благодаряще Бога и пресвятую Богородицу. // И оттоле уставиша¹⁰ тако- л 41 об вый праздникъ праздновати пресвятыя Богородицы месяца сентября в 24 день.¹¹

¹Воспоминания ²⁻²Нет. ³церкви ^{бе} ⁴Доб ^{Воплощение} ⁵текуща ⁶⁻⁶мужие с чады и жены ⁷⁻⁷Нет. ⁸постольскую ⁹Доб. у ¹⁰устави ¹¹Конец текста

Посем же написан бысть образ пречистыя Богоматере с превечнымь младенцем в честную ону обитель Мирожскую вместо чудотворныя иконы, такову же подобиемь, в лета 7091-го месяца сентября в 24 день. И поставлена бысть в той обители в церкви у Боголепнаго Преображения, идеже и доньне стоить. А чудотворная она икона стояше во граде Пскове в соборней церкви. Посем же времени немало прешедшу, бысть во граде Пскове пожар в лета 7117 месяца мая в 15 день, погоре весь град Псковь и святая соборная и апостольская церковь. // И оттоле та чудотворная икона Миро(ж)ская не обретеса.

Пред тем же пожаром в той же во святей соборней и апостольстей церкви за правым клиросомь три иконы пядницы изыдоша из киота от мesty своих, не вемы камо. По трех же летех паки явился едина икона пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии Одигитри, яже толкуется крепкая помощница, с превечнымь младенцем ея Господемь нашимь Исусь Христомь, яже и доньне ест в соборней церкви стоить.

Но, о благовернии народи псковстии, приидите и в(и)дите божественное сокровище, приид(и)те, услышите, како прииде, воистин(у) дивно. Но, о земнороднии, како вы(ш)няго человеколюбие исповеми, еже на нас // показа всемогий, иже пречистый свой образ и Богоматере, яко небесный дарь премирно низпосла и всех просвети о преславных тайнь и дивных чудес. Кто не удивится о семь, и кто не прославит милосердаго Бога и того рождшую пресвятую деву. О, превеликое чудо, братие! Три лета бо пребысть чудотворная она икона неведомо камо — или в коемь граде, или во обители, или в веси, или в пустыни — и паки прииде во град Псков во святую соборную и апостольскую церковь.

Ликуй ныне и веселися, граде Пскове, яко восприяль еси паки таковое божественное сокровище, чудную икону Богоматере, ея же мы благолепие зряще и усердно поклоняющеся, целуем ю радостию и страхомь. Страхом убо греха ради, яко недостойни суще. Радостию же милости ради, юже подают ми/рови, яко милосерда пресвятая Богородица, пред(д)стательница наша, и помощница, и заступница роду христианскому ест. И аще убо кто от человекь матерь нечю стязавь ходатайчу сию молити прилежаниемь и честию и мольбы прилежныя творит к ней о единоплемennemь или друзе, тоя Сын не преслушает мольбы ея и моления. Превыщая же всякого рода и горних сих, чиста телом и духомь таковому сыну мати бывши, колико моление и дерзновение, ко иже из нея воплощемуся имать, ибо нессуждено и непос(ты)дно имать, еже помогати. И свидетельс(тв)уют притекающи ныне под кровь, яко скоро заступница и помощниц(а) намь во всякой беде и недугохь ест. //

Потре(б)но же ест намь, братие, и ино чудо поведати, еже содеяся во обители, иже над Мирожью рекою. Достойну убо мноу и сие на среду изнести и яве изглаголати. Бысть убо в той обители некий игумень именовь Арсений. Той постави в той обители церковь деревяную теплую во имя пречистыя Богородицы честнаго славнаго ея Знамения. Совершена же бысть та церковь в лета 7150. Того же лета написана местная икона пресвятыя Богородицы в новую церковь. Тогда тоя зимы теплоты ради, иже в теплой церкви поставлена бысть та новописанная икона в соборней церкви боголепнаго Преображения, а ис тоя церкви икона пречистыя Богородицы, иже написана вме//сто чудотворныя иконы, поставиша в новой церкви.

Того же лета месяца февраля в 19 день, на память святаго апостола Архиппа, вь 8 час ноци стражь обители тоя виде в церкви огнь, он же поведат игумену обители тоя Арсению. Он же возьмь с собою священноинюка Митрофана и инехь от братии, и пришед в церковь боголепнаго Преображения Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, и видена свену горящу.

ником же не возжена, сама о себе загореся пред образомъ пречистыя Богородицы, иже новописана. Игумен же, того же часа певъ молебная и шед во градъ, возвести о томъ чудеси преосвященному архиепископу Левкию. Он же, слышав сие, посла в честную // ону обитель Мирожскую для свидетельства соборныя церкви протопопа Антония, да Николы чудотворца Песецкого монастыря игумена Иосифа, да соборныя же церкви иерея Дионисия ключаря, да протодиякона Иоанна. Они же пришедше в честную обитель Мирожскую и уведевше истинну, яко сама свеща загореся, никим же не возжена, и возвратишася паки во град, и принесоша писание заруками истиннаго свидетельства о томъ чудеси ко архиепископу Левкию. Он же нимало не умедшивъ, но того же дни в субботу сыропустную, месяца февраля въ 19 день приеха в честную ону обитель Мирожскую и, вшедъ в церковь боголепнаго Преображения, певъ // молебная, и воду святи, и святую божественную литургию совершивъ, славя и благодаря Бога и пресвятую Богородицу, и отиде во градъ.

Посем же та чудотворная икона пресвятыя Богородицы новописаная поставлена бысть в новой церкви в древяной, а старую икону паки поставиша в соборной церкви у боголепнаго Преображения, идеже и доньне стоит.

Посем же в лета 7161-го той же игумень Арсений пренесе древяную ону церковь во град Псковъ и чудотворную икону пречистыя Богородицы, пред нею же свеща загореся, поставиша в той церкви во граде, ид(е) же и доньне стоит. Уставиша же в той обители Мирожской праздновати праздникъ пресвятыя Богородицы месяца февраля // въ 19 (день), на память святаго апостола Архиппа. Тем же, возлюбленная братия, убедимся на молитву всегда с чистотою к церкви ити на всякий праздникъ Господа нашего Исуса Христа и пречистыя его Матере, владычицы нашея Богородицы, да сподобимся слышати гласа его: «Приидите, благословении отца моего, наследуйте уготованное вам царство», ему же слава ныне и присно и вовеки векомъ. Аминь.

ПОВЕСТЬ О ИСШЕСТВИИ ТРИЕХ ИКОН ВО ГРАДЕ ПСКОВЕ ИЗ СОБОРНЫЯ ЦЕРКВИ И ПАКИ О ПРИШЕСТВИИ ЕДИНЫЯ ИКОНЫ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ ВО ТРИЕХ ЛЕТЕХ В ТОЕ ЖЕ СОБОРНУЮ ЦЕРКОВЬ

Во граде Пскове во святей соборней и апостольстей церкви святыя и единосущныя и животворящия и неразделимыя Троицы за правым крилосом, идеже гроб святаго благовернаго князя Тимофея, стояху иконы пядницы в киоте. Ис того же киота изыдоша три иконы от мест своих, не вемы камо. Бысть же сие изхождение триех оных икон пред пожаром, иже бысть в лета 7117, месяца майя в 15 // день, погоре весь град Псков и святая соборная и апостольская церковь. Во всем же граде Пскове токмо две обители не горели: в Песках да на Гремячей горе; да во иных церквах не во многих в середине иконы останахся, а в соборней церкви токмо за правым клиросом от огия невредимо бысть, идеже киот той стояше и гроб святаго благовернаго князя Тимофея. По отхождении же триех оных икон по триех летех паки явися една икона пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии Одигитрии, яже толкуется крепкая помощница, с пречестным младенцем ся, Господем нашим Исус Христом, // яже и доньне есть та икона в соборней церкви стоит.

Но, о благовернии народи псковстии, приидите и видите божественное сокровище, приидите, услышите, како прииде, воистинну дивно. Но, о земнороднии, како вышняго человеколюбие исповемы, еже на нас показа все-

могии, иже пречистый свой образ и Богоматере, яко небесный дар, премирно низпосла и всех просвети о преславных тайн и дивных чудес. Кто не удивится о сем, и кто не прославит милосердаго Бога и того рождышую пресвятую деву! О превеликое чудо, братие, три лета бо пребысть чудотворная она икона // неведомо камо, или в коем месте граде, или в обители, или в веси, или в пустыни, и паки прииде во град Псков, во святую соборную и апостольскую церковь.

Ликуй ныне и веселися, граде Пскове, яко восприял еси паки таковое божественое сокровище, чудную икону Богоматере, ее же мы благолепие зряще и усердно поклоняющеся, целуем ю радостию и страхом. Страхом убо, греха ради, яко не достойни суще, радостию же милости ради, юже подаст миру, яко милосерда пресвятая Богородица, предстательница наша, и помощница, и заступница роду христианскому есть.

Мы же, братие, // православнии народи псковстии, мужи и жены с чады, не забудем благодеяния ея, яже и в Печерской обители, и на Святей горе Синичьи от образа ея пресвятая Богородица быша многая, и преславная, предивная чудеса и исцеления всякими болезнями одержимыми, с верою приришущим от всех стран Росийскаго царства, исцеление неоскудно приемлющим, яко от приснотекущаго источника нежаждущия воды. Не токмо бо во обителях тех исцеления бывають, но и егда по вся лета носят ис тех обителей во град Псков чудотворныя иконы пречистыя Богородицы всенароднаго ради моления, и тогда многая чудеса и и//сцеления бывають с верою приходящим. Множество бо тогда народа православных христиан приходят молитися, мужи и жены с чады, свещи приносяще, и неоскудно приемлют исцеление и от всех бед совершенное спасение.

В том же граде Пскове во святых церквах и в домех христианских от образа пресвятыя Богородицы слезы изо очию бывають, понеже бо пресвятая Богородица молящися сыну своему, истинному Богу нашему, за град сей Псков и за вся христианы. Воистинну убо, братие, и сие чудо преславно, о нем же повесть сия предлежит, еже изыдоша из соборныя церкви три иконы, паки же по триех летех едина икона пресвятыя Богородицы прииде // в той же град Псков в соборную церковь. Подобаше нам, братие, добрыми делы благодарение принести Божию матери, яко не забы града сего Пскова, спасающа, и покрывающа, и сохраняюща, от бед свобождающа и от напастей пременяюща. Мы же сих ради благодарим и проповедаем благодарять, не таим благодеяние, поем велегласно тоя чудеса, соблюдаем заповеди Божия, да не паки образ той чудотворный пречистыя Богородицы изыдет из града сего, якоже прежде. Но приидите, благочестивии народи псковстии, мужи и жены с чады, во святую церковь, со слезами молящися, взирающе к чудотворному образу пресвятыя Богородицы, // ея же молитвами да сподобит нас Господь Бог получитьи милость свою ныне и присно и вовеки веком. Аминь.

Л. В. СЛАВГОРОДСКАЯ

Образ романтического парка в немецкой литературе начала XIX в.

Более десяти лет прошло с момента выхода в свет книги Д. С. Лихачева «Поэзия садов»¹ — период достаточный, чтобы можно было говорить не просто о резонансе, но и о научном осмыслении выдвинутых в ней идей. Действительно, мысль о тесной связи садово-паркового искусства как со всеми изменениями философского миропонимания, так и непосредственно с поэтическим творчеством вошла за это время в наши литературоведческие и культурно-исторические представления. И все же многие явления европейской культуры, наглядно подтверждающие это положение, остаются пока вне поля зрения исследователей. Это относится и к культуре немецкого романтизма, дающей весьма богатый материал для изучения взаимодействия литературы с садово-парковым искусством.

Немецкий романтизм отличается от других национальных вариантов этого литературного движения углубленной разработкой натурфилософских проблем. В. М. Жирмунский определяет романтизм прежде всего как особую форму сознания, подчеркивая, что тем самым он перестает быть только литературным фактом и становится способом мышления, способом видения, способом чувствования и переживания жизни². Это новое мироощущение характеризуется «живым чувством присутствия бесконечного в конечном»³ и отличается особым универсализмом, стирающим грань между эмоционально-эстетическим восприятием природы и интеллектуальным ее постижением.

Каждое впечатление от окружающей реальности ощущается романтиком как соприкосновение с ее бесконечной, всепроникающей сущностью. Это чувство духовного прозрения является для подлинного художника источником поэтического вдохновения, смысл которого — приобщение к «великой тайне природы — священной гармонии всего сущего».⁴ «Разве произведение искусства не рождается лишь в то мгновение, когда я чувствую мою связь с универсумом!» — восклицает живописец О. Рунге.⁵ А другой художник — К. Г. Карус определяет кредо романтической пейзажной живописи как «убежденность в единстве и бесконечности вселенной».⁶

В свете подобных высказываний становится понятным, почему А. Гумбольдт — естествоиспытатель, который видит цель научного познания в рас-

¹ Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982.

² Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1914. С. 13.

³ Там же. С. 12.

⁴ Hoffmann E. T. A. Poetische Werke. Berlin, 1963. Bd 1. S. 374.

⁵ Kustanschauung der Jüngerer Romantik / Hrsg. von A. Müller. Leipzig, 1934. S. 167.

⁶ Carus C. G. Neun Briefe über Landschaftsmalerei // Caspar David Friedrich in Briefen und Bekenntnissen. Berlin, 1968. S. 209.

крытии «взаимодействия сил природы как целого»,⁷ — придает столь большое значение художественному воспроизведению природы всеми видами искусства: «Понятие единства природы, гармонического созвучия в космосе тем живее находит отклик в умах людей, чем разнообразнее становятся способности представить всю совокупность природных явлений в наглядных художественных картинах».⁸ Одним из самых убедительных способов представить природу в «наглядных картинах», без сомнения, было для людей 10-го времени искусство разбивки пейзажного парка, основанное, по словам Гумбольдта, на умении «компоновать садовый ландшафт», используя «индивидуальную форму растений и их контрастное сопоставление».⁹

Свободно сочетая элементы естественного ландшафта, пейзажный парк позволял воплотить в своеобразной модели мира представления художника-творца о природе и человеке в ней. Неудивительно, что писатели-романтики, стремившиеся ввести в свое повествование обобщенную картину природы, зачастую уделяли парку гораздо больше места, чем естественному ландшафту. Изображение парка включают в себя наиболее значительные, этапные произведения немецкого романтизма начала XIX в.: «Годви» К. Брентано (1802), «Графиня Долорес» А. Арнима (1810), «Эликсиры сатань» (1815) и «Кот Мурр» (1822) Э. Т. А. Гофмана. Причем парк в этих романах — не просто место действия: с ним связаны ключевые сцены, поворотные моменты сюжета. А в романе И. Эйхендорфа «Предчувствие и действительность» (1815) почти столько же парков, сколько и героев: каждому типу романтического сознания соответствует свой парк, воссоздающий некий индивидуализированный образ природы. Эйхендорф при этом столь точно воспроизводит вкусы и художественные пристрастия своих современников, что порой может показаться, будто он пишет не роман, а энциклопедию садово-паркового искусства.

Так память главного героя — Фридриха — сохранила картину старинного парка, в котором прошло его раннее детство: подстриженные кусты и деревья, прямые лучи аллей, многочисленные фонтаны и клумбы. Этот образ регулярного французского парка, который к тому времени стал едва ли не анахронизмом, символизирует для Эйхендорфа и его героя навеки утраченную идиллию гармонического существования.

Появлению в романе второго романтического героя — столь близкого Фридриху и столь на него не похожего Леонтина — предшествует описание его готического замка и сада в стиле рококо, полного изысканной и причудливой экзотики, соответствующей его поэтически яркой, но несколько поверхностной натуре.

Пейзажный парк в английском духе, отвечающий потребностям «чувствительной души», принадлежит сестре Леонтина Розе, чувство которой к Фридриху оказалось не более чем романтической игрой. Как «дань современной моде» здесь трактуются атрибуты сентиментально-романтического пейзажа, характерные для многих знаменитых немецких парков конца XVIII в.: «Узкие, непрерывно извиляющиеся дорожки, густые заросли иноземных кустарников, белеющие между ними легкие мостки из березовых стволов — все это смотрелось очень мило».¹⁰

Подлинно романтическому чувству природы более созвучен несколько иной тип пейзажного парка, который именно в это время начинает завоевывать признание как садовников и архитекторов, так и владельцев усадеб.

⁷ Humboldt A. von Kosmos Stuttgart, Tubingen, 1845 Bd I S XIII

⁸ Humboldt A. von Ansichten der Natur Berlin, 1962 S 94

⁹ Ibid S 97–98

¹⁰ Eichendorff J. von Ahnung und Gegenwart // Eichendorffs Werke Berlin Leipzig Wien Stuttgart. [o J.] 2 Teil S 29

В романе Эйхендорфа он сопутствует образу второй героини — Юлии, любовь и верность которой выдерживают испытание временем: «Парк располагался на гряде холмов, подобно свежему венку над зеленой долиной, вид на которую широкой панорамой открывался с каждой его точки. Нигде не было заметно строгого соблюдения французских или английских правил, но все выглядело чрезвычайно привлекательно, как будто природа в радостном вдохновении захотела украсить себя самою».¹¹

Итак, искусство садовника призвано выявить эстетические качества, заложенные в естественном ландшафте самой природой. Именно так определяет задачи садово-паркового искусства и князь Г. фон Пюклер-Мускау — второстепенный писатель и едва ли не самый значительный паркоустроитель эпохи романтизма в Германии, автор руководства по ландшафтному садоводству: «Парк должен иметь исключительно характер свободной природы и естественного ландшафта, где рука человека заметна лишь в удачно проложенных дорожках и немногих целесообразно распределенных строениях».¹² Парк — это «идеализированная квинтэссенция природы».¹³

Именно на фоне такого парка разворачивается романтический сюжет в романе Э. Т. А. Гофмана «Жизненные воззрения кота Мурра». В отличие от Эйхендорфа, Гофман нигде не дает развернутого описания парка, но отдельные детали позволяют читателю воссоздать его полную картину. Живописные группы деревьев, обширный луг, извилистые дорожки и столь же причудливые изгибы ручья, гладь озера, отражающая и как бы удваивающая парк, — все это мы найдем и в реально существовавших парках той поры, например — Шарлоттенхоф в Потсдаме (архитектор Линне)¹⁴ или парк Мускау. Последний строится на тех же «опорных пунктах», что и вымышленный гофмановский: руины на холме, возвышающемся над парком, старинная готическая часовня в дальнем его конце, «рыбачья хижина» на берегу, небольшой городок поблизости. В обоих случаях княжеский дворец, городок и развалины средневекового замка составляют треугольник, обрисовывающий границы парка, не отделенного четко от окружающей местности. У Гофмана в парк можно забрести случайно и так же незаметно для себя покинуть его. Иногда его называют лесом, подчеркивая, однако, что это — самая живописная часть всего ландшафта.¹⁵ В то же время для Гофмана и его героев этот парк — «всего лишь частица необъятного сада, созданного природой».¹⁶ Задача создателей романтического парка — постоянно напоминать об этом посетителям, давая им понять, что они видят лишь часть целого. Так, Пюклер-Мускау советует, не отказываясь полностью от ограды, частично скрывать ее в гуще растительности, чтобы «не ставить предела фантазии»,¹⁷ ибо «красота выпрыгает от всего полускрытого, когда воображению есть, что угадывать».¹⁸ По этой причине, при всем пристрастии к панорамному пейзажу, раздвигающему границы видимого, практики ландшафтного садоводства предпочитают такое расположение дорожек и обзорных площадок, которое не позволяло бы зрителю охватить взглядом весь окружающий пейзаж и заставляло бы его самого дорисовывать скрытые от глаз очертания «Высокого стиля парк — это лишь картинная галерея».

¹¹ Ibid S 72

¹² Puckler-Muskau H., von Andeutungen uber Landschaftsgartnerei Stuttgart 1834 S 47

¹³ Ibid S 51

¹⁴ Kurth W Sanssouci Seine Schlosser und Garten Berlin 1967

¹⁵ Hoffmann E T A Lebensansichten des Katers Murr // Poetische Werke Berlin 1963 Bd 5 S 187

¹⁶ Ibid S 207

¹⁷ Puckler-Muskau H von Andeutungen S 30

¹⁸ Ibid S 37

рея, — говорит Пюклер-Мускау, — а картины требуют соответствующих рам». ¹⁹ У Гофмана эту же мысль высказывает одна из героинь романа о Крейслере, которая предпочитает наслаждаться видом вечернего парка из окна павильона, поскольку оттуда пейзаж открывается перед ней «не как панорама, а как композиция, т. е. подлинная картина». ²⁰

Двойственное ощущение — локальной ограниченности конкретной пейзажной экспозиции и скрытой за ней безмерности, бесконечности реальной природы — лейтмотив романтического парка. В нем человек не просто прикасается к природой, но и приобщается к пронизывающим ее таинственным связям, которые сочетают каждое явление с мировой гармонией. Ведь, по словам А. В. Шлегеля, «каждая часть универсума отражает целое». ²¹

Такой универсализм в восприятии природы проводит ощутимую грань между позднеромантическим пейзажным парком и садово-парковым искусством сентиментализма и предромантизма — «эпохи чувствительности», как ее принято называть в Германии. Прояснить эту грань помогают прежде всего «литературные парки», так как в парках реальных «между стилями <...> нет таких резких переходов, какие существуют в других искусствах: деревья растут медленно...». ²²

Парки, «сконструированные» писателями, не только не зависят от капризов природы, но и идеально соответствуют эстетической программе своих создателей, которые к тому же не упускают случая иронически отозваться о «чувствительном» парке. Эйхендорф даже заставляет одного из своих героев разбить посреди безлюдной чащи парк-карикатуру, в котором доведены до абсурда идеи английских паркоустроителей и их немецких подражателей: березовая изгородь, не имеющая калитки, окружает густые заросли, прорезанные запутанным серпантинном дорожек, снова и снова приводящих к одному и тому же месту; экзотические растения соседствуют с ивами и елками и сменяются затем карликовыми деревьями, обрамляющими игрушечный водопад. Венчает все некое миниатюрное архитектурное сооружение, которое странным образом соединяет в себе греческий храм, голландский коровник, эрмитаж, крепостную башню, искусственную руину и китайскую пагоду с колокольчиками. ²³

Невольно напрашивается опять параллель с рассуждениями Пюклера-Мускау: «Если пространство, охватываемое взглядом, достаточно велико, то на большом удалении оно может включать и разнородные предметы. Однако никакая перспектива не поможет объединить в одном пейзаже античный храм, готическую капеллу, голландскую ферму и китайскую пагоду». ²⁴ Существенным недостатком многих английских парков Пюклер-Мускау считает «искусственное преуменьшение размеров»: «Парк достаточно велик, а изобилие лиственных деревьев и естественных водоемов позволяли хозяину придавать местности неповторимое очарование. Но здесь все разменено на мелочи и тем испорчено». ²⁵

Подобная полемика отнюдь не была выражением субъективных пристрастий авторов. Она свидетельствует об изменениях ряда эстетических принципов садово-паркового искусства. Критике подвергаются, в основном, такие черты «утрированных английских садов», ²⁶ как измельченность форм и дробность в

¹⁹ Ibid S 35

²⁰ Hoffmann E T A Lebensansichten S 184

²¹ Schlegel A W Kritische Schriften und Briefe Stuttgart, 1963 Bd 2 S 251

²² Лихачев Д С Поэзия садов С 13

²³ Eichendorff J, von Ahnung S 229—230

²⁴ Puckler-Muskau H, von Andeutungen S 35

²⁵ Puckler-Muskau H, von Briefwechsel und Tagebuecher Hamburg, 1873 Bd 2 S 37

²⁶ Ibid S 39

членении пространства, с одной стороны, эклектизм и эстетически не оправданное совмещение разностильных и разномасштабных элементов — с другой. Замечания на эту тему находим у многих немецких романтиков. Гофмана, например, в парке, разбитом в соответствии со всеми «требованиями изящного вкуса», не удовлетворяет «некая мелочность», «рабское следование образцам», «античные и готические безделушки», «боязливо точное копирование деталей» — все это при отсутствии «того глубокого возвышенного чувства, которое одушевляло старых мастеров, позволяя им слить в единое осмысленное целое внешне столь разнообразные элементы».²⁷

Как известно, идея «единства в многообразии» изначально была ключевой в эстетике пейзажного парка. Но у немецких романтиков младшего поколения она обретает новое звучание: органическое единство природы противостоит внутренней разорванности романтического сознания. «Посмотрите на чудное строение столетних деревьев, на гигантские древние утесы и вечное небо над ними, — говорит герой Эйхендорфа. — Посмотрите, как стихии, эти смертельные враги друг другу, воссоединяются, склоня упрямые выи пред Господом, чтобы в мудром миропорядке поддерживать и хранить Вселенную».²⁸ В соответствии с этим целостность впечатления становится важнейшим принципом ландшафтного садоводства. «Большой пейзажный парк, как я его понимаю, должен строиться на одной основополагающей идее <...> чтобы не утратить единства», — говорит Пюклер-Мускау.²⁹ По его мнению, даже там, где местность не предоставляет паркоустроителю большого разнообразия, он может многого достичь за счет «спокойной гармонии целого».³⁰ Существенным фактором в этом случае становится величина территории. В созданных самим Пюклером-Мускау парках специалисты отмечают наряду с «живописными пейзажными видами» ощущение «монументальности природы».³¹

Нетрудно заметить, что романтики сближаются здесь с классическим идеалом Винкельмана: «благородная простота и спокойное величие». Это, однако, не мешает им считать важнейшим художественным элементом пейзажного парка контраст и «контрастное противопоставление масс», — но с одной весьма существенной оговоркой: «Контраст должен быть гармоничен».³² Эта парадоксальная, на первый взгляд, формулировка естественно вытекает из натурфилософских воззрений позднего немецкого романтизма. Вспомним, например, фантастическую аллегория, в которой одному из героев Гофмана открываются магические взаимосвязи бытия: «Он увидел вперемешку цветы, превращающиеся в людей, людей, растворяющихся в земле и возникающих вновь в виде камней и металлов... Ни одно явление не соответствовало другому, и в душераздирающих звуках неумолимой тоски <...> казалась ту глубокую основную гармонию, которая, торжествуя, перекрывала все и соединяла в невыразимом блаженстве то, что представлялось разделенным».³³

Итак, романтическая гармония — это гармония, рождающаяся из диссонанса. А значит, лишь тот диссонанс, за которым угадывается рождение

²⁷ Hoffmann E T A Die Elxiere des Teufels // Poetische Werke Berlin, 1958 Bd 2 S 151—152

²⁸ Eichendorff J, von Ahnung S 207

²⁹ Puckler-Muskau H, von Andeutungen S 13

³⁰ Ibid S 27

³¹ Стойчев Л И Парковое и ландшафтное искусство София, 1962 С 72 См также Keller H Kleine Geschichte der Gartenkunst Berlin, Hamburg, 1976, Ожегов С С История ландшафтной архитектуры М, 1993

³² Puckler Muskau H, von Andeutungen S 38

³³ Hoffmann E T A Poetische Werke Bd 6 S 101

гармонии, может стать источником эмоционально-эстетического переживания. Профессиональный музыкант Гофман находит подтверждение этому в музыке: «Резкие отклонения лишь тогда производят впечатление, когда то-нальности, несмотря на свою гетерогенность, все же таинственным образом связаны между собой».³⁴ В сфере зрительных впечатлений эту же мысль формулирует А. Шамиссо, описывая ощущения человека, впервые попавшего в тропики: «Думают, что путешественнику, попадающему из северного полушария в южное, переход этот должен показаться сказочным. Но это не так: ряд северных впечатлений завершен и остался далеко позади; начинается новый ряд впечатлений, совершенно обособленный от первого и ничем с ним не связанный. Не хватает промежуточного звена, которое соединило бы конечные звенья в единую цепь».³⁵

Связующее звено, способное соединить «конечные звенья в единую цепь», нужно и А. Гумбольдту, чтобы раскрыть секрет особой живописной выразительности итальянского пейзажа. Источник ее он видит в контрасте голых скал и пышной растительности, который трактует как наглядное свидетельство закономерной взаимосвязи сменяющихся друг друга растительных форм: «Ведь там, где ныне вздымают свои кроны высокие деревья, когда-то скудные лишайники покрывали голый камень. Мхи, травы, кустарники заполняют никем еще не измеренную пропасть».³⁶

Лишь будучи осмысленным в своей закономерности, своей «гармоничности», контраст обретает эстетическую ценность и художественную выразительность. А потому иноземные растения лишь тогда уместны в романтическом парке, когда, привлекая внимание своей необычностью, они тем не менее естественным образом вписаны в пейзаж и не выглядят в нем чужеродными. В романе Гофмана «Эликсиры сатаны» читаем по этому поводу: «Княгиня — блестящая художница-пейзажистка, а естествознание — ее любимая наука. Поэтому вы найдете у нас заморские растения, редкие деревья и цветы, но не выставленными напоказ, а сгруппированными столь непринужденно и с таким глубоким пониманием, как будто они без посторонней помощи сами собой произросли на родной почве».³⁷

Будучи зримым подтверждением многообразия и единства природного мира, экзотические растения выполняют в художественной системе романтического парка не только декоративную, но и смысловую функцию: они придают ему «вселенский» характер. «С каждой растительной формой наше воображение связывает чудеса далеких стран», — пишет А. Гумбольдт.³⁸

Новым содержанием наполняют романтики и извечную мечту о саде — «рае земном»: «Где найти цветущий сад, в котором все растения соединены и распределены по их любви друг к другу!..»,³⁹ — восклицает Ю. Кернер. В своих «Путевых тенях» он вкладывает в уста молодого священника, ухаживающего за садом, своеобразную теорию «духовной сочетаемости» растений: «Каждое растение, когда оно начинает увядать, можно оживить, если посадить рядом некое иное, ему дружественное... Каждое растение стремится найти своего партнера, а разлука или невозможность соединения несет ему смерть. Многие из тех, что растут в наших краях, не могут обрести в этих широтах свою пару, которая, быть может, цветет где-то в земле обетованной или на дне морском».⁴⁰

³⁴ Ibid Bd 1 S 454

³⁵ Chamisso A Reise um die Welt // Werke Berlin, [o J] Bd 4 S 42 43

³⁶ Humboldt A von Ansichten S 99

³⁷ Hoffmann E T A Die Elixiere S 155

³⁸ Humboldt A von Ansichten S 98

³⁹ Kerner J Die Reiseschatten // Die Dichtungen Stuttgart, 1834 Bd 2 S 142

⁴⁰ Ibid

Трудно удержаться от предположения, что именно этот фрагмент подсказал Г. Гейне идею тоскующих друг о друге Сосны и Пальмы. Впрочем, это сочетание, казалось бы, несовместимых растительных форм упоминается и у А. Гумбольдта как вполне реальное для той переходной зоны, где встречаются Север и Юг. Но каков бы ни был источник этого образа в лирике Гейне, он, несомненно, является еще одним свидетельством романтического видения, романтического прочтения природы и явственно перекликается с семантикой романтического парка, лишней раз подтверждая таким образом мысль Д. С. Лихачева: «Из всех искусств садово-парковое искусство, пожалуй, теснее и постояннее всего связано именно с поэзией».⁴¹

⁴¹ Лихачев Д. С. Поэзия садов. С. 22.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Ф. ВИГЗЕЛЛ

Блудные сыновья или блуждающие души: «Повесть о Горе-Злочастии» и «Очарованный странник» Лескова

Лесков-художник органически связан со всей историей отечественной литературы от древности до нового времени, в его творчестве прослеживаются многообразные отношения с самыми различными историческими пластами русской словесности

Д. С. Лихачев

Когда в 1856 г. была найдена единственная существующая рукопись «Повести о Горе-Злочастии», событие это взбудоражило любителей и знатоков древнерусской словесности. В течение последующих пятнадцати лет текст «Повести» переиздавался не менее пяти раз. Одновременно с этим такие маститые ученые, как Н. И. Костомаров, Ф. И. Буслаев, А. Н. Пыпин, А. Н. Афанасьев и А. А. Потебня, вели оживленные дискуссии о том, считать ли «Повесть» произведением народного или литературного искусства и в какой степени она является выражением старых русских нравственных норм поведения.¹ Будучи писателем, живо интересовавшимся русскими народными и литературными традициями, Лесков наверняка был хорошо осведомлен о сути критических оценок «Повести о Горе-Злочастии» к тому времени, когда осенью 1872 г. он сам задумал написать свою повесть «Очарованный странник».² Но вряд ли он мог предположить, что когда-нибудь и его собственное произведение будет подвергнуто детальному рассмотрению с точки зрения его взаимоотношения с произведениями народной и древнерусской словесности и возбудит споры по поводу его композиции и интерпретации.

Цель данной статьи — проследить цепь литературных и фольклорных аллюзий в произведении Лескова и одновременно продолжить толкование и «Очарованного странника», и «Повести о Горе-Злочастии».³ С моей точки зрения, помимо невольной проведенной выше параллели эти два произведения теснее связаны между собой, чем может показаться на первый взгляд. Некоторые связи могут быть прослежены путем сравнения их с притчей о

¹ См. Виноградова В. Л. Повесть о Горе-Злочастии (библиография) // ТОДРЛ. М., Л., 1956. Т. 12. С. 622—641.

² То, что Лесков хорошо знал «Повесть о Горе-Злочастии» видно из его рассказа «Грабеж» (1887). См. Прокофьев Н. И. Традиции древнерусской литературы в творчестве Лескова // Лесков и русская литература. М., 1988. С. 132.

³ Здесь имеются в виду работы М. П. Чередниковой, Н. Г. Михайловой, Б. С. Дыхановой и в особенности А. А. Горелова.

блудном сыне (Лк. 15:11—32), с которой перекликается не только «Повесть», но также и «Очарованный странник».⁴ Связи эти в целом проливают свет на данные произведения, но помимо этого также раскрывают для нас многое в авторских намерениях.

Наиболее очевидны здесь совпадения в сюжете: во всех трех историях главный герой — молодой человек, покидающий дом с целью начать новую жизнь, но обнаруживающий вскоре, что достижение цели труднее, чем он себе дотоле представлял. Здесь сюжеты расходятся, ибо в притче блудный сын, покинув дом, затем возвращается к простившему его отцу, в то время как «молодец» в «Повести» и Флягин в «Очарованном страннике», взбунтовавшись, оставляют родительский дом и в конце концов уходят в монастырь, в котором видят единственный путь к преодолению вставших перед ними препятствий. Другие очевидно схожие сюжетные элементы прослеживаются в притче и в «Повести», но не в «Очарованном страннике»: молодые герои, покинув состоятельный и уютный дом, далее ведут себя практически идентично, что в Евангелии от Луки (15:13) выражено словами: «...пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно», релевантными в обоих случаях. До сих пор поверхностные сходства подтверждают мнение, из которого следует, что «Повесть» заимствует многое из притчи, в то время как произведение Лескова опирается лишь на «Повесть».

Но подобное заключение должно быть пересмотрено в свете композиционных закономерностей. На первый взгляд, композиционные особенности трех текстов, в отличие от сюжетов, имеют между собой мало общего. Указывая на то, что по внутренней структуре «Повесть» напоминает «волшебную сказку», А. Ю. Федоров замечает, что если бы, как притча о блудном сыне, «Повесть» завершалась благополучным исходом, «то в основании ее хронотопа лежал бы круг».⁵ Вместо этого он предлагает по существу круговую модель как основу «Повести», в которой преследование «молодца» Горем и его уход в монастырь являются неспособностью завершить круг. Композиция «Очарованного странника», напротив, была описана Н. К. Михайловским часто цитируемой и широко употребляемой фразой — «целый ряд фабул, нанизанных, как бусы, на нитку». Если все три произведения считать нравоучительными историями или же, в случае «Очарованного странника», историей с ярко выраженным нравственным элементом, то за разрозненными построениями начинают вырисовываться определенные сходства. Уподобление притчи кругу основано исключительно на том, что герой возвращается к месту, которое он покинул, в то время как в сюжете прослеживается моральный и физический путь — как прямой, так и обратный, без каких бы то ни было вставных эпизодов. Моральная аллегория этого пути заключается в том, что молодой бездумный грешник спускается в некий земной ад, из которого христианское учение позволяет ему смиренно вернуться назад к любящему отцу. С этической точки зрения путь представляет собой не столько круг, сколько падение и взлет. Что же касается «Повести», она тоже не представляется мне замкнутым кругом. Хотя Федоров говорил о замкнутых *временных* структурах, по сути дела его рассуждения касаются морфологии произведения, частью которых является уподобление «Повести» кругу. И несмотря на то что в его мнении о том, что автор подсознательно опирался на морфологию «волшебной сказки», возможно, есть доля правды, Федоров не принимает должным образом во внимание наставительный элемент, присутствующий в рассказе. Я предпо-

⁴ О генетическом восхождении «Повести о Горе-Злочастии» к притче писал Андре Мазон. См. Mazon A. «Горе-Злочастие Malheur-mauvais destin» // RES Paris, 1951 T 28 P 26—34

⁵ Федоров А. Ю. «Повесть о Горе и Злочастии» в ее отношении к волшебной сказке // ЮДРЛ Л, 1990 T 44 C 286

читаю видеть в композиции «Повести» серию зигзагов, намеченных уже в поучительной вводной части, в которой подчеркивается контраст между блаженным состоянием человека в раю и его последующим жалким земным существованием. «Молодец» начинает независимую жизнь, следуя родительским наставлениям. За первоначальным взлетом следует падение (через кабак) к стыду и бедности (первое падение). Откровенное признание своих слабостей позволяет «молодцу» преодолеть состояние упадка и встать на «праведный» путь (второй взлет). Его хвастовство тем временем делает его потенциальной жертвой Горя. Подстрекаемый горем, он переживает второе падение, после которого, из-за решения покориться Горю, дабы не умереть с голоду, он не в силах последовать доброму совету перевозчиков и вернуться в отцовский дом. Его бегство в монастырь — третий подъем представляет собой единственную возможность вырваться из бездны несчастий, но оно — не более чем приют, доступный слабому человеку в этом мире. Таким образом, композиция «Повести» основана на серии восходящих и нисходящих зигзагов, представляющих собой моральные взлеты и падения на жизненном пути молодого человека, с незавершенным последним отрезком пути. Следуя фольклорному образцу, юному герою даются три возможности, а не одна, присутствующая в притче, но по существу «Повесть» обрисовывает тот же самый конфликт между внешним воплощением нравственности и моральным распадом.

Лесков же, напротив, избрав ожерельное построение как основу композиции «Очарованного странника», хотел отдать должное традиции эпической поэзии, Фенелону и Сервантесу, напоминая вместе с тем читателю, что, как и Гоголь с его поисками путей возрождения национального элемента в российской жизни, сам он тоже хотел сосредоточить внимание на России, на сути русского духа и на идее нравственности в настоящем и будущем своего отечества. Как замечает А. А. Горелов, «предметом изображения стал характер, символизовавший народ в его движении от прошлого к будущему».⁶ Дальнейшие исследования подтвердили взгляд Михайловского на композицию повести, на принципы повествовательного метода Лескова, порой настаивая, что «анекдотизм», как называет это Л. Гроссман, или был уместен в контексте своего времени, или же отражал соотношение между «случайностью» в судьбе героя и отсутствием последовательности между различными сторонами его характера.⁷ Другие исследователи ставили своей задачей выявление тематического, композиционного единства произведения, указывая на то, что нить, на которую «нанизаны бусы», соткана не только лишь из аспектов личности героя.⁸

Определенное число связующих звеньев указывает на взаимоотношение между зигзагами «Повести» и «бусами» Лескова. На простейшем уровне жизнь Флягина состоит из эпизодов, от которых он старается уйти, так же как и «молодец», бежит от последствий своего запоя; затем, подстрекаемый Горем, бежит от своей невесты и от внешне благопристойной жизни лишь с тем, чтобы обнаружить, что от Горя ему не уйти и что придется искать себе убежище в монастыре. В «Очарованном страннике» Иван Северьянович бежит от жестокого наказания, наложенного на него за то, что мучил кошку, бежит от работы нянькой, потом после того, как забил насмерть татарина розгами; бежит из степи, бежит, убив Грушу. Лишь после убий-

⁶ Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура Л. 1988. С. 200.

⁷ Гроссман Л. Н. С. Лесков Жизнь, творчество, поэтика М. 1945. С. 261, 262. Громов П., Эйхенбаум Б. Н. С. Лесков (Очерк творчества) // Лесков Н. С. Собр. соч. В 11 т. М., 1956—1958. Т. 1. С. XXIX (далее ссылки на это издание в тексте).

⁸ Столярова И. В. В поисках идеала (Творчество Н. С. Лескова) Л. 1978. С. 118, 153. Горелов А. А. Н. С. Лесков. С. 182, 215.

ства Груши в результате некоего процесса внутреннего роста бегство перестает быть его единственной реакцией на кризисную ситуацию, и постепенно он начинает приближаться к моральной позиции принятия на себя чужих грехов. В этом смысле он является противоположностью «молодца», который имеет возможность исправиться, но не использует ее.

Помимо перемежения периодов относительно устойчивой жизни и бегства главным композиционным принципом в «Очарованном страннике» является антитезис, хотя порой он скрыт за общим живым тоном произведения.⁹ Сменяющиеся картины в «Очарованном страннике» не являются собой простой контраст между праведной и неправедной жизнью, какими они предстают в «Повести». Будучи частью общего образного строя произведения, они представляются более тонкими и разнообразными, ибо в конечном счете идут от противоречивых свойств характера Ивана Северьяновича. Например, во второй главе описываются два противоположенных по сути несчастных случая, в одном из которых Флягин убивает монаха, а в другом спасает жизнь своих господ. Эти два эпизода, помимо того, что они представляют из себя моральный антитезис, отражают две коренные черты характера Флягина: предрасположенность к беспричинной жестокости и истинную храбрость и человечность. Тот же контраст проявляется в его любви к паре голубей, с одной стороны, и в его жестоком обращении с кошкой — с другой, в доброте, когда он выступает в роли няньки, и беспощадности, когда он избивает татарина. Все эти композиционные приемы отражают неспособность странника руководствоваться не чем иным, кроме как своим порывом, будь то из благих или дурных побуждений. Антитезис заложен в его характере, так же как он есть выражение цепи противоречий, которыми представлялось Лескову его отечество.

Заложена во Флягине тяга к благодеяниям — основа еще одного тематического контраста: противопоставления принятых правил поведения и нравственного инстинкта героя. Так, например, он действует по правилам, отказываясь вернуть матери ее ребенка, но когда дилемма предстает в форме контраста между нелюбящим отцом и заботливой матерью, его позиция меняется. Эпизод, в котором православные миссионеры отказываются помочь Ивану Северьяновичу убежать из плена, несмотря на то что он их единоведец, противопоставляется христианскому милосердию тех, кто готов откликнуться на страдания человеческие, будь то священник, молящийся за самоубийцу, или же Иван Северьянович, убивающий Грушу, дабы спасти ее душу. Лесков осуждает отсутствие милосердия в позиции официальной церкви и раскрывает противоречия между государственными / церковными законами и принятыми нравственными нормами поведения.

Но в «Очарованном страннике» присутствует еще один антитезис — между свободой и ее ограничением. Его тоже можно рассматривать на уровне сюжета или темы. Свобода Игоря Северьяновича ограничена физически, когда его наказывают за мучение кошки и когда он становится татарским пленником, за чем в обоих случаях следуют побег и свобода. Периоды ограничения, когда он работает «конэсером», перемежаются с безумными запоями и отражают тем самым его собственную зачарованность, которая не позволяет ему посвятить свои непревзойденные качества, физические и моральные, служению на благо людям и своему отечеству. Хотя в произведении присутствуют и другие связующие звенья, кроме антитезиса в различных его формах, контраст является одним из самых значительных композиционных приемов в «Очарованном страннике».

⁹ См. Wehrle A. J. Paradigmatic aspects of Leskov's «The Enchanted Pilgrim» // *Slavic and East European Journal* 1976. T. 20. P. 371—378.

Если оба обсуждаемых нами произведения русской литературы рассматривать как нравоучительные притчи, то сходство с ними строения притчи о блудном сыне представляется дополнением к их общей интерпретации. «Повесть» часто считают выражением конфликта между отцами и детьми, а на вводную часть смотрят как на попытку оправдать авторитет старшего поколения или даже как на позднее добавление. Тем не менее ее связь с нравственной аллегорией притчи наводит на мысль о необходимости более широкого толкования «Повести», нежели уподобление ее «отцам и детям» XVII в. Идеальный образ жизни, намеченный в ней, — в основе своей образ мирской, что, впрочем, не является противоречием для «добрых людей», считающих себя благоверными православными и посвятивших всю жизнь стараниям избежать несчастий, обрушившихся на человека после грехопадения. И хотя, несмотря на всю обобщенность содержания, действие «Повести» происходит в купеческой среде, в которую, по-видимому, произведение и уходит корнями, выражаемые в ней ценности должны были быть близки и понятны широкому кругу российской общности того времени, если судить по описанию Н. А. Миненко крестьянских нравов в Сибири в XVIII и в первой половине XIX в.¹⁰ Их сходство с купеческими нравами в «Повести о Горе-Злочастии» поразительно. Н. А. Миненко упоминает ловкость, бережливость, трезвенность, уважение к частной собственности, честность и прямоту (кроме как по отношению к помещикам и чиновникам), гостеприимство и уважительное отношение к гостям, уместность поведения, оказание поддержки членам общины и признание права окружающих на сохранение чувства собственного достоинства. Молодежь не должна приобретать дурные привычки: Миненко отмечает, что, когда молодого Николая Чукмальдина послали в город работать на богатого родственника в середине прошлого века, его тетка наставляла его не пить и не курить. Миненко также замечает, что честь семьи и всей общины зависела от поведения каждого из ее членов, что наверняка осознавал «молодец» и из-за чего так не хотел, чтобы родители узнали о его неудачах. Еще в большей степени поражает история, приведенная Миненко и характеризующая отношение сибирского крестьянина к монастырям и к праведной православной жизни. В ней описан монах, двадцать лет моливший Господа Бога о спасении, который вдруг узнаёт, к великому своему разочарованию, что мужику и его жене спасение было даровано за простую трудовую жизнь. В «Повести» отражена идея, что честный благонамеренный труженик так же праведен, как и представитель духовенства. В этом свете стирается присутствующий, на первый взгляд, во вступлении контраст между мирскими установками родителей / «добрых людей» (и их поведением) и церковным учением. Родители наставляют молодого сына, чтобы он был праведным христианином. Таким образом изначальное описание грехопадения не есть оправдание мирского настояния на послушании и смиреннии, но, напротив, намечает параллель с отвержением праведной жизни юнцом, который предпочел ей растление и горькую участь. «Повесть о Горе-Злочастии» следует считать отображением мирской православной традиции и вопросов, занимавших тех, кто жил в XVII и начале XVIII в.¹¹

¹⁰ Миненко Н. А. Живая старина Будни и праздники сибирской деревни в XVIII— первой половине XIX в. Новосибирск, 1989. С. 90—99.

¹¹ Таким образом, мое мнение отличается и от традиционной точки зрения, подтвержденной еще А. А. Назаревским в 1969 г. (см. Назаревский А. А. К изучению «Повести о Горе-Злочастии» // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 199—204) что «Повесть» отражает конфликт отцов и детей и также не совпадает полностью с мнением Д. С. Лихачева, который считает, что главная тема «Повести» — доля всего человеческого рода. Не могу согласиться и с мнением И. Збилута. Zbilut J. P. The Tale of Misery and Ill Fortune as allegory // Slavic and East European Journal. 1976. T. 20, № 3. P. 217—223.

В «Очарованном страннике» прямая связь с притчей о блудном сыне гораздо слабее. Прежде всего ни герой, ни место действия не безымянны, ибо время и намерения Лескова требовали другого подхода. Так же как Гоголь сделал попытку охватить всю Россию в «Мертвых душах», и Лесков в своем стремлении раскрыть разнообразие и яркость проявлений российской жизни решил поместить своего героя в самые разнообразные ситуации. Воплощение в нем всего того, что, по мнению Лескова, заложено в русском народе, требовало как можно более детального изображения. При этом писатель подчеркивает типичность героя, избрав для него имя «Иван Северьянович». «Иван» — как типично русское мужское имя, отчество, отражающее его происхождение, и фамилию, указывающую на его безнадежное пристрастие к бутылке.¹² Множество фольклорных и литературных ассоциаций превращает Ивана Северьяновича в символ русского человека, связывающий его с отличными, на первый взгляд, безымянными героями притчи и «Повести».

Очарованный странник может поначалу показаться непохожим на двух других героев. Родом из крестьянской семьи, он неимущ, и ему нечего терять. И от своих родителей ему не довелось получить доброго совета: мать умерла, а отец заботится лишь о том, как сделать из сына форейтора, за погрешности же бьет его нещадно. Но, с другой стороны, символические связи между «Очарованным странником» и притчей, возможно, даже сильнее, чем между притчей и «Повестью». Покойная мать Флягина дала обет, что сын ее посвятит жизнь служению Богу. Об этом ему напоминает его видение, обычно являющееся лишь Божиим избранникам, т. е. святым. Иван Северьянович и вправду в этом мире ничем не владеет, но он наделен определенными личными качествами, т. е. даром Божиим. Он разбирается в лошадях так, как не дано выучиться и князю («С Божьею помощью-с, потому что я к этому дар имею» (IV, 391)); обладает удивительной физической силой, которой, к сожалению, слишком часто злоупотребляет; чувством сострадания и добродетелью, которые в нем, скорее, врожденные, чем воспитанные; и, наконец, четким осознанием правды и неправды, порой доводимым до абсурда отсутствием гибкости. Своим расточительным отношением к дарованному ему Богом Иван Северьянович выказывает неповиновение. Его отказ покориться предписанной судьбе, которая, если бы он последовал ей, привела бы его в монастырь в начале, а не в конце повести, является актом неповиновения Господу. Он даже сам называет себя потерянной душой и блудным сыном, вспоминая о том, как вылез из пьанства: «...блуждал, потому этот... магнетизёр, он пьяного беса от меня свел, а блудного при мне поставил...» (IV, 504). В этом отношении он уподобляется блудному сыну, и по композиции рассказ ближе к точке отсчета (как и притча), чем «Повесть о Горе-Злочастии» с ее идеей праведной жизни в соответствии с законом отцовским и Законом Божиим.

Лесков не идеализирует монастырскую среду. В этом смысле «Очарованный странник» заимствует из текста «Повести» и только символически — из притчи. И Флягин, и «молодец» ищут убежища в монастыре, но ни для того, ни для другого этот выбор не является целиком положительным. «Молодец» не видит другого способа уйти от преследования Горем до самой его смерти и, будучи человеком слабым, вынужден принять отшельническую жизнь вдали от мирских соблазнов, а в то же время и диктуемые жизнью условия и ценности. Несмотря на то что трижды он получал наставления от старших о пользе «разума», герой не способен вести себя как человек

¹² См. McLean Hugh Nikolai Leskov: The Man and his Art Cambridge, Mass., London, 1977 P 243

взрослый, и монастырь поэтому символизирует его неспособность стать взрослым. Иван Северьянович же, напротив, считает монастыри и церкви неотъемлемой частью русского пейзажа; он лежит посреди степи пленником, и перед глазами у него возникают миражи: «Зришь сам не знаешь куда, и вдруг перед тобой отколь ни возьмется обозначится монастырь или храм, и вспомнишь крещеную землю и заплачешь» (IV, 434). Действительная же монастырская жизнь отличается от ее символического значения. Во-первых, зло (в форме иллюзорных соблазнов) не остается за воротами, в отличие от того, как это происходит с Горем и «молодцем». Во-вторых, монастырские власти не могут справиться с Флягиным, особенно с его развивающимся даром предсказания, идущим от его любви к отечеству, и отправляют его в паломничество. Лесков, относившийся к России пессимистически, не позволяет повести завершиться благополучным исходом, т. е. не замыкает нить бус — ожерелье. Его «странник», как и «молодец», обращается к монастырю как к средству уйти от тревог, как замечает сам Флягин, «здесь покойно, все равно как в полку, много сходственного, все тебе готовое: и одет, и обут, и накормлен, и начальство смотрит и повиновения спрашивает» (IV, 504). Но в то время как для «молодца» уход в монастырь является шагом вынужденным, Флягину, несмотря на несовершенство церковной общины, монастырская жизнь позволяет исполнить материнский завет, по которому его собственная жизнь предназначена Богу, что само по себе символизирует акт служения России. Он не только старше «молодца» по возрасту, но и приобрел «разума». Приведет ли его дар «пророчества» и готовность служить России к продолжению его скоморошества и дурачества в стране, в которой, по мнению Лескова, «народ» — младенец, а действительность «неразумна»,¹³ трудно сказать, но пока он по-своему стремится исполнить свое призвание.

Нельзя забывать, при каких обстоятельствах Иисус рассказывает притчу о блудном сыне. То, что его собрались слушать завсегдатаи таверны и грешники, дает повод книжникам и фарисеям, известным своим ревностным отношением к соблюдению Закона и моральным лицемерием, обвинить его в оправдании грешников. Христос же излагает три притчи — о потерянной овце, о потерянной драхме и о блудном сыне. Мораль выносится в особые слова: «Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк. 15:7). Недостатки Флягина в сочетании с его скрытыми добродетелями и положительными чертами характера, в глазах Лескова, являются символами простого русского человека и делают из него грешника, заслуживающего прощения, в отличие от «фарисеев» православной церкви, миссионеры которой отказываются помочь Флягину уйти из татарского плена. Монастырь — это небольшой шаг на пути к прощению. По моему мнению, вполне вероятно, что в своем произведении Лесков, которого волновал вопрос фарисейства официальной церкви, отталкивался от новозаветной притчи о прощении в той же мере, что и от «Повести о Горе-Злочастии».

«Повесть о Горе-Злочастии» и «Очарованного странника» связывают и другие общие темы, например тема пьянства. В то время как в притче о блудном сыне не описывается в деталях, какую именно форму приняла его бурная жизнь, и «Повесть о Горе-Злочастии», и «Очарованный странник» предостерегают от последствий пьянства. В «Повести» осуждается непослушание человека, но особо подчеркивается, как грешно пьянство. Из всех

¹³ Горелов А. А. Н. С. Лесков... С. 210—212; Столярова И. В. В поисках идеала. С. 124—125.

грехов, о которых предупреждают «молодца» родители и «добрые люди», его можно обвинить лишь в двух — в дружбе с сомнительными людьми («не дружися, чадо, з глупыми, немудрыми») и в хвастовстве (хотя некоторые другие, как, например, азартные игры, тоже подразумеваются). Прежде всего, в соответствии с библейским поверьем, Бог изгнал Адама и Еву из рая за то, что они вкусили плода виноградного, что означает, что хмельной напиток становится последствием человеческого непослушания. Затем за родительскими наставлениями следует первое нарушение, когда «молодец» решает пойти в кабак с ложным другом, где потом и напивается. «Добрый людям» он так и объясняет, что питье, и не что иное, привело ко всем его несчастьям. Потом, когда Горе решает наказать его за хвастовство, оно во сне подговаривает молодого героя опять пропить все свое состояние. В «Очарованном страннике» пьянство не играет центральной роли, но представлено тем не менее как важное препятствие на жизненном пути Ивана Северьяновича. После долгих недель воздержания он уходит в многочисленные запои, в результате чего впадает в отчаяние. Он относит свою «запойную страсть» к обстоятельствам, перед которыми сам бессилен, объясняя ее тем, что находится под властью «пьяного беса» (V, 474). Как замечает М. П. Чередникова, пьянство, по мнению Лескова, было страшной трагедией русского народа.¹⁴ Писатель был глубоко поражен тем, насколько важной эта тема являлась в версии сказания о блудном сыне в XVII в.

Покуда Иван Северьянович верит, что не властен над своей собственной жизнью, у него нет надежды контролировать свои порывы, будь они благие или дурные. Но заключить, что он, следовательно, пассивен как личность, было бы неверно. Флягин постоянно попадает в ситуации, которые являются следствием его собственных действий и принятых им самим решений. Но тем не менее его духовное рабство, его «очарованность» не позволяют ему поступать мудро. Как отмечает А. А. Горелов, «действительно, словно бы вся традиционная сюжетика древнерусской житийной литературы и фольклора, отражающая хождение человека по мукам жизни, вошла в повесть одной судьбы».¹⁵ Этот путь жизненных мук и испытаний указывает и на «Повесть о Горе-Злочастии» в той мере, в какой она связана с житийной литературой. Хотя идея Горя не использована Лесковым в его произведении, можно предположить, что муки и испытания, которым подвергается Иван Северьянович, принимаемые им как нечто неизбежное, приносят ему «горе и злочастие». Он настаивает: «Я многое даже не по своей воле делал» (IV, 395), намекая, что обет и предсказание матери обрекли его на все его жизненные перипетии и преопределили его судьбу. Образ Горя, являясь сочетанием народных представлений о зле и отражением христианской идеи дьявола в его роли мучителя и соблазнителя, имеет много общего с «пьяным бесом» и с лесковским героем, которого не покидает ощущение неизбежности судьбы. Когда Иван Северьянович бежит от места, на котором погибает Груша, он чувствует, что его преследует глумящийся бес, подобный Горю в своей разрушительной силе: «...помню только, что за мною все будто кто-то гнался, ужасно какой большой и длинный и бесстыжий, обнагощенный, а тело все черное, а голова малая, как луковочка, а сам весь обросенный, в волосах, и я догадался, что это если не Каин, то сам губитель-бес...» (IV, 498). Но есть здесь и важное различие: если лесковский герой ощущает, что на свою трудную судьбу он обречен с рождения, то «молодец» поначалу считает себя свободным (включая и свободу поступать бездумно) и только позже начинает понимать, что это не так.

¹⁴ Чередникова М. П. О сюжетных мотивировках в повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» // РЛ. 1971. № 3. С. 123.

¹⁵ Горелов А. А. Н. С. Лесков... С. 204.

Еще одна связующая тема в «Очарованном страннике» и в «Повести о Горе-Злочастии» — это тема самоубийства. В «Повести» «молодец» помышляет о самоубийстве в состоянии ужаса перед голодной смертью, несмотря на то что это крайняя мера, которая исключает надежду на спасение (отсюда и угроза мучений, исходящая от Гора, которым оно подвергает своих жертв даже после того, как сводит их в могилу). В «Очарованном страннике» тема эта более развернута, но для нашего рассуждения важны лишь две попытки Ивана Северьяновича покончить с собой. В начале повествования, будучи не в состоянии вынести унижительное наказание за мучение кошки, он предпринимает попытку самоубийства из чувства униженной гордости, но его спасает случай — появление цыгана (IV, 405). В конце же, замученный суетностью чиновничьей службы, он помышляет о самоубийстве, но на этот раз настаивает, что он «благодаря Бога и с отчаянности до себя этого не допустил» (IV, 502). Таким образом, тема самоубийства подчеркивает медленное продвижение паломника по направлению к «разуму» и его становлению на праведный путь.

* * *

«Очарованный странник» — произведение, полное народных и литературных отголосков, в наибольшей степени, по-видимому, идущих от былин. Тем не менее связи его с «Повестью о Горе-Злочастии» часто не учитываются. На молодого неопытного героя «Повести», который покидает дом, чтобы вступить на путь жизненных испытаний: ударяется в пьянство, помышляет о самоубийстве, мучимый дурными силами извне до тех пор, покуда он не избрал монастырь как неизбежную замену праведной мирской православной жизни, — Лесков смотрел как на прототип своего странника. Различия проистекают от задач Лескова, которые обусловили гораздо более богатый «подтекст» с народными и литературными ассоциациями и неизмеримо более широкую пространственную и временную палитру. Таким способом он стремится охватить российский дух, воплощенный в «народе» и собранный в образе его героя. В «Повести о Горе-Злочастии» Лесков встретился со сложным нравоучительным произведением, защищающим ценности православных мирян того времени, построенным по принципу колебаний между добром и злом. Оно подтверждало его собственное представление о России как стране, состоящей из драматических контрастов: в своих путевых записках о поездке на Ладожское озеро летом 1872 г., совсем незадолго до того, как он начал писать «Очарованного странника», опубликованного годом позже, Лесков восклицает: «Боже мой! Боже мой! Что мы за необыкновенный народ! И кто, какой чужеземец может нас знать и отводить нам место и значение? Куда стремишься, куда плывешь ты, о святая родина, на своем углу корабле со своими пьяными матросами? Как варит твой желудок эту смесь гороха с капустой, богомолья с пьянством, спиритских бредней с мечтательным безверием, невежества с сомнением? <...> О крепись, моя родина, крепись — ты необходима».¹⁶ Контрасты, которые он видел в России, вместе с моральными контрастами «Повести», он переработал и включил в образ своего героя и в композицию «Очарованного странника». Хотя образы «богатырей» «ответственны» за многие героические аспекты личности лесковского странника, его скитания в облике грешного сына православной России опирались, по крайней мере в той же степени, на образ «молодца», повлекший за собой дальнейшие символические связи с притчей о блудном сыне.

¹⁶ Лесков Н. С. Запечатленный ангел рождественский рассказ, Монашеские острова на Ладожском озере. Путевые заметки СПб, 1874 С 219 Цит по Горелов А. А. Н. С. Лесков С 194—195

Л. И. САЗОНОВА, М. А. РОБИНСОН

Миф о дьяволе в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Всеобъемлющий миф о Христе и о дьяволе, лежащий в основании великого романа XX в. «Мастер и Маргарита» Булгакова, размывает границы художественного мира произведения, соединяя его с простирающимся на всю глубину многовековых традиций пространством мировой культуры.

Присутствие мифа и связанных с ним архетипических представлений и мотивов влияет на внутреннее устройство романа таким образом, что почти в каждой точке его повествования образуются дополнительные, множасьщие смыслы и значения, проступают исходные контексты. Слово у Булгакова как будто возвращается к древней ученой риторической традиции, согласно которой оно не только предстает в своей непосредственной данности, но и оказывается центром пересечения опосредованных смыслов. Такое *ассоциативное слово*, возникающее при обращении к мифу, или, иначе, слово «мифориторическое» (по терминологии А. В. Михайлова), несущее в себе накопленные веками наследие культуры, образует многоуровневый текст, порождающий местами то, что принято называть «тайной», «загадкой», «криптографией» романа «Мастер и Маргарита».¹

В своем стремлении к постижению глубинной сущности булгаковского творения исследователи закономерно занялись поиском источников, способных объяснить текст романа, и к настоящему времени привели такое обилие параллелей и аналогий, далеких и близких, главным образом из литературы, начиная от евангельских текстов, вплоть до И. Эренбурга и А. Грина,² что один только их перечень способен вызвать рефлексию относительно ре-

¹ Показательны в этом отношении названия исследовательских работ Галинская И. Л. Криптография романа «Мастер и Маргарита» Булгакова // Галинская И. Л. Загадки известных книг М., 1986 С. 65—125, Яновская Л. Треугольник Воланда и фиолетовый рыцарь о тайнах романа «Мастер и Маргарита» // Таллин 1987 № 4 С. 101—113, Паршин Л. Чертовщина в Американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова М., 1991, Кораблев А. Тайнодействие в «Мастере и Маргарите» // ВЛ 1991 № 5 С. 35—54, и т. д.

² Назовем некоторые из основных работ Чудакова М. О 1) Архив М. А. Булгакова. Материалы для творческой биографии писателя // Зап. Отдела рукописей Гос. библиотеки им. Ленина М., 1976 Вып. 37 С. 25—151 2) Жизнеописание Михаила Булгакова М., 1988, 3) Библиотека М. Булгакова и круг его чтения // Встречи с книгой М., 1979 С. 244—300, Бэлза И. Ф. Генеалогия «Мастера и Маргариты» // Контекст-1978 М., 1978 С. 156—248, Утехин Н. П. «Мастер и Маргарита» Булгакова (Об источниках действительных и мнимых) // РЛ 1979 № 4, Яновская Л. Творческий путь Михаила Булгакова М., 1983, Зеркалов А. Евангелие Михаила Булгакова Ann Arbor, 1984, Булгаков М. А. 1) Мастер и Маргарита М. Высшая школа, 1989 (коммент. Б. В. Соколова) 2) Собр. соч. В 5 т. М., 1990 Т. 5 С. 607—664 (коммент. Г. А. Лескиса), Гаспаров Б. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Даугава 1988 № 10—12, 1989 № 1 Соколов Б. В. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» М., 1991, Михаил Булгаков. Современные толкования. К 100-летию со дня рождения 1891—1991 М. 1991 Золото-

альной возможности усвоения писателем невероятно огромного объема материала в период создания романа. Часть из названных материалов, несомненно, была Булгакову известна, но безусловно не все.

Когда мы имеем дело с произведением, опирающимся на слово мифа, проблема изучения источников крайне усложняется. Миф устойчив, погружен в культуру и отражается во многих произведениях литературы и искусства. Поэтому параллели, проводимые между романом Булгакова и широким кругом литературных произведений, далеко не всегда могут свидетельствовать о зависимости одного от другого. Часто то, что у Булгакова возводят к некоторому литературному источнику, на самом деле восходит к мифу. Совпадают не разные художественные произведения, а общий для них «мировой поэтический универсум» (В. Н. Топоров). Другой зависимости между романом Булгакова и произведением, определяемым как его источник, нет. Число параллелей при желании можно даже умножить, однако все они будут отражением лишь того же самого мифа.

Проблема источников романа остается насущной исследовательской задачей: с одной стороны, как уже сказано, их указано, вероятно, даже больше, чем это имело место в творческой практике Булгакова, а с другой, безусловно, далеко не полностью учтены порождающие литературные и культурные контексты, т. е. те, которые в том или ином виде участвовали в создании романа. Дальнейшее исследование названной проблемы имеет значение для понимания романа Булгакова во всем объеме его значений и смыслов, а также для уяснения генезиса его стиля. На этом пути перспективные возможности предоставляет научный подход, который Д. С. Лихачев определил как «конкретное литературоведение». Основывающееся на методике «медленного чтения», оно предстает как выражение «конкретного в анализе стиля, конкретного в интерпретации произведений, конкретного в комментировании отдельных мест». ³ Есть случаи, когда именно данный подход оказывается исключительно плодотворным. Такие невероятно сложные произведения, как «Мастер и Маргарита», с изначально заложенным в сердцевину романа полисемантизмом мифа, с бесконечным переплетением мотивов и образов, игрой разными временными планами, не сразу поддаются всестороннему раскрытию. Они требуют к себе пристального внимания — «медленного чтения», позволяющего слой за слоем открывать многомерный текст.

Христианский миф, являющийся основой современной европейской цивилизации, включает в себя два неразрывно связанных между собой и предполагающих друг друга мифа, как с точки зрения богословской, так и историко-культурной. Без Бога нет дьявола так же, как без дьявола нет Бога, что в философском плане выражается в проблеме сосуществования и взаимодействия таких понятий, как добро и зло. Вне учения о дьяволе нет теодиицы — «оправдания Бога». Оба мифа отразились в романе «Мастер и Маргарита». Объектом нашего внимания является мифологический комплекс, связанный с демонологической линией произведения. Если миф о Христе, выделенный в четыре отдельные главы (2, 15, 25, 26), распознается читателем без труда, то миф о дьяволе, органично вплетенный в ткань романного повествования о московской жизни 20-х гг., как некое *относительно законченное нарративное целое* для читателя не столь очевиден и булгаковедами еще не выявлен, хотя о чертовщине в романе написано немало

носков М «Сатана в нестерпимом блеске» // некоторых новых контекстах изучения «Мастера и Маргариты» // Литературное обозрение 1991 № 5 С 100-107 Гаврюшин Н. Титостроп или Мастер без Маргариты // ВЛ 1991 № 8 С 75-88 Левина Л. «Черная литургия» в «Мастере и Маргарите» // Начало М 1995 Вып 3 С 174-186

³ Лихачев Д. С. Литература — реальность литературы П 1981 С 8

Завораживающая музыка начальных строк романа Мастера отвлекает внимание на восприятие прежде всего евангельского мифа о Христе. Произведение, задуманное как роман «О Боге» и «О Дьяволе», продолжало оставаться для самого Булгакова почти до самых последних этапов работы прежде всего «романом о Дьяволе». Все первоначальные варианты заглавия имеют в виду именно этого героя: «Великий канцлер», «Сатана», «Вот и я», «Шляпа с пером», «Черный богослов», «Он появился», «Подкова иностранца», «Князь тьмы», «Черный маг», «Гастроль Воланда», «Консультант с копытом», «Копыто инженера».⁴ Заглавие, как известно, «списывает тему и высказывание своей книги», «облегчает текст и смысл», «книга и есть — развернутое до конца заглавие, заглавие же — стянутая до объема двух-трех слов книга».⁵

Роман Булгакова воспроизводит глубинную структуру мифа о дьяволе. Воланд присутствует здесь с первой страницы вплоть до эпилога. Сразу же следует сказать, что оба мифа — о Христе и о дьяволе — отражены в романе не целиком, за скобки вынесена их «неземная» часть, т. е. полностью отсутствует все, что связано с описанием небесного Иерусалима, а тема ада лишь намечена. Существенно также, что, сохраняя структурные признаки мифа о дьяволе, Булгаков дал собственное оригинальное прочтение, кардинально изменив идеологию мифа, устранив присущее тому воинственное хуление Христа, и, так сказать, дедемонизировал миф, сняв в основном мрачно-мистические черты.

Миф о дьяволе, «князе мира сего» и одновременно «враге рода человеческого», в своих определяющих чертах оформился в культуре средневековья. Творцами его первоначально выступали представители церкви от ее отцов до инквизиторов XV—XVII вв., сатанология составила специальную область богословия.⁶ Великими систематизаторами представлений о дьяволе и его слугах заявили о себе в конце XV в. монахи-инквизиторы Я. Шпренгер и Г. Инститорис, авторы мрачно знаменитого труда «Молот ведьм» (1487). Сложившийся в недрах религиозно-церковной литературы миф о дьяволе вышел в художественное пространство, отразившись в разных видах искусства. В живой реальности культуры этот миф как особая жанровая конструкция, как целостный повествовательный текст отсутствует, миф растворен в культуре. Целое мифа реализует себя в сумме своих конкретизаций, в совокупности своих вариантов и версий, каждый из текстов (устный или письменный), фиксирующих обращение к мифу, является осколочным отражением мифа и предстает как его пересказ, инвариант. По словам В. Н. Топорова, «миф для его носителей был результатом такой же реконструкции целого в форме пучка вариантов, какая производится исследователем-реконструктором».⁷ Миф о дьяволе поддается реконструкции на уровне общего содержания, лежащей в его основании идеи, сюжетной схемы, мотивов, персонажных образов, инвентаря поэтических клише типа формул. Присутствие мифа о дьяволе в «Мастере и Маргарите» образует поле исследовательского интереса медиевиста. Работа с такого рода глубинными структурами, которые реализуют себя в виде инвариантов, требует определенной методики: посылочного переключения исследования из синтагматического в парадигматический план в поисках архетипов, формообразующих

⁴ См. Чудакова М. О. Творческая история романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // ВЛ 1976 № 1 С. 218—253.

⁵ Кржижановский С. Поэтика заглавий М., 1931 С. 7, 3.

⁶ См., например Маутнер Ф. История чорта на Западе // Атеист 1926 № 8 С. 1—2.

⁷ Топоров В. Н. Праславянская устная словесность (Опыт реконструкции) // История литературы южных и западных славян М. Т. 1 (в печати).

констант, аллюзий, т. е. воссоздания того «второго плана», который стоит за романом.

Содержание мифа о дьяволе неоднократно подвергалось реконструкции на основании многочисленных средневековых источников — от устных и письменных до изобразительных — в западноевропейской и русской литературе по истории демонологии. Миф о дьяволе включает в себя комплекс представлений о способах, какими дьявол пытается отвратить христиан от веры. Прежде всего он и подвластная ему многочисленная рать демонов стремятся навредить человеку, искушают его, морочат, строят козни. Ядро сюжетной схемы мифа составляет описание завлечения дьяволом в свои сети новых приверженцев — заключение с ними договора, привлечение их на шабаш и черную мессу как апофеоз поклонения и служения сатане.⁸ Оставаясь структурно устойчивым, миф обрстал новыми подробностями и интерпретациями. Уже на исходе европейского средневековья он стал предметом художественного осмысления в «Божественной комедии» Данте, а в постренессанскую эпоху — в поэмах «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо и «Потерянный рай» Дж. Мильтона, в цикле легенд о докторе Фаусте и т. д.

В новое время миф органично вошел в художественные системы, ориентировавшиеся на мифологический символизм, а именно — романтизм рубежа XVIII—XIX и неоромантизм конца XIX—начала XX вв. «Восемнадцатый век, погасивший костры ведьм и обративший Дьявола в философскую идею, увенчанную, после многих второстепенных немецких „Фаустов“, гениальным синтезом в „Фаусте“ Гете, окончательно очеловечил Сатану». По справедливому наблюдению А. В. Амфитеатрова, сложилось «эстетическое отношение к Дьяволу как олицетворению прекрасной и гордой мысли...».⁹ Конец XIX—начало XX в. иногда называют периодом «окультистского возрождения».¹⁰ «Поэтический неоромантизм», широко открывший «недра свои всем мистическим настроениям», особенно наглядно проявился «в литературных бреднях 1895—1909 гг.».¹¹ Пронизавшая настроение эпохи демонomanия манифестирована литературным сборником «Сатанизм» (1913). Тогда же в России появились научные эссе с многосторонним освещением мифа о дьяволе от его возникновения до современности, в частности книга М. А. Орлова «История сношений человека с дьяволом» (1904), ставшая, как установлено, одним из источников романа «Мастер и Маргарита»,¹² уже цитированный труд А. В. Амфитеатрова

⁸ Разным аспектам мифа о дьяволе посвящена обширная литература, см., например, фундаментальный труд австрийского профессора, протестантского богослова Roskoff G. *Geschichte des Teufels* Leipzig, 1869 Bd 1—2, см также Сумцов Н Ф Очерк истории колдовства в Западной Европе Харьков, 1878, Канторович Я Средневековые процессы о ведьмах СПб, 1899, Леманн А Иллюстрированная история суеверий и волшебства от древности до наших дней М, 1900, Орлов М А История сношений человека с дьяволом СПб 1904, Амфитеатров А В Дьявол // Собр соч СПб, 1913 Т 18, Пшибышевский Ст Из книги «Синагога сатаны» // Сатанизм М, 1913 С 83—92, Маутнер Ф Ведовская религия // Атенст 1926 № 9 С 23—43, Мишле Ж Ведьма М, 1929, Геннинг М Дьявол, его миф и история в христианской религии М, 1930, Шпренгер Я, Инститорис Г Молот ведьм М, 1932 (перизд М, 1990, см здесь библиографию во вступительной статье С Лозинского «Роковая книга средневековья»), Парнов Е И Трон Люцифера М, 1985

⁹ Амфитеатров А В Дьявол, Орлов М Н История сношений человека с дьяволом М, 1992 С 52, 161

¹⁰ Черняк Е Б Тайные общества старого и нового времени на Западе М, 1987 С 166

¹¹ Амфитеатров А В Дьявол С 162

¹² См Чудакова М О Архив М А Булгакова С 73—74 Другой источник сведений Булгакова по демонологии, как установлено тем же исследователем, — энциклопедический словарь Брокгауза — Ефрона, неверно, однако, замечание, что писатель «сделал выписки» из статей «Демонология», «Демонomanия», «Колдовство» и «Сатана» (Там же С 72), поскольку названные статьи в данном справочнике не содержат информации, а являются отсылочными Отдельные эпизоды «Мастера и Маргариты» связываются также «с тематическим кругом романа» В Брюсова «Огненный ангел» см Чудакова М О Библиотека М Булгакова С 296

«Дьявол» (1913), основанный, по собственному признанию автора, на работе итальянского профессора Артуро Графа «Il Diavolo»; в ней Амфитеатров отмечал «превосходное изучение средневековой теологической литературы» (см. вступление «От автора»). Анализ образа дьявола в литературе и культуре от средневековья до нового времени посвящено специальное исследование В. М. Фриче,¹³ и т. д. Общий интерес к демонологии отражает и журнал «Изида», посвященный оккультным наукам (СПб., 1909—1916).

Когда Булгаков начал писать свой «последний закатный роман» (1928), вышел перевод труда известнейшего французского историка Ж. Мишле «Ведьма» (1929), в 1930 г. появился перевод научно-популярной работы немецкого автора рубежа XIX—XX вв. М. Геннинга «Дьявол, его миф и история в христианской религии», а в 1932 г. — «Молот ведьм» в русском переводе и с предисловием С. Лозинского, где на основании средневековых «документов» излагалась краткая история общения человека с дьяволом. Таким образом, перед Булгаковым открывался богатейший круг исторических источников и литературных материалов, в которых в разной степени отразился многовековой миф. Стоит, однако, отметить, что публикация трех последних названных произведений должна была отвечать целям разvernущейся в 20-е гг. погромной антирелигиозной пропаганды. В таких условиях роман, основанный на христианской мифологии и не содержащий «развенчивающего» пафоса, был изначально обречен. Так, романы известного писателя «новокрестьянской» школы С. Клычкова «Чертухинский балакирь» (1926) и «Князь мира» (1928; где один из героев — князь *Копыто*) обнаруживали, по мнению марксистской критики, «непосредственную преемственность между самыми нелепыми идеями христианской сатанологии и мракобесием наших дней».¹⁴

Мифологический комплекс романа «Мастер и Маргарита» включает в себя уже упоминавшиеся нами составляющие мифа о дьяволе. Знаки присутствия мотивов, топики, образов и реалий, восходящих к этому мифу, расставлены на всем пространстве текста, они предельно сконцентрированы во второй части романа, где миф о дьяволе выступает в качестве основного структурообразующего элемента.¹⁵ Начнем с договора человека с дьяволом, выполняющего одновременно функцию мотивировки и сюжетной рамки для изображения в романе шабаша и черной мессы. Венцом развития названного сюжета в западноевропейской литературе и культуре стал, как известно, «Фауст» Гете. Сюжет этот оказался не чужд и древнерусской литературе, которая на своей завершающей стадии предоставляет достаточно репрезентативный материал, позволяющий выделить внутри данного сюжета хорошо распознаваемый структурный комплекс, свойственный всей общеевропейской традиции сюжета о договоре человека с дьяволом. Он состоит «из пяти основных блоков мотивов» в разных его вариантах. (I блок включает мотивы, объясняющие обращение героя к дьяволу («мотивировка обращения»). II блок обозначается как путь к заключению договора, поиск героем контакта с дьяволом. Важную роль в этом блоке играют мотивы, определяемые действиями персонажа-посредника, в качестве которого в одних сюжетах выступает чародей, в других — бес». III блок — центральный, реализующий условия поведения героя, необходимые для получения

¹³ См. Фриче В. Поэзия кошмаров и ужаса. Несколько глав из истории литературы и искусства на Западе. М., 1912.

¹⁴ Геннинг М. Дьявол. С. 4 (предисловие от редакции).

¹⁵ Поэтому предлагаемый комментатором романа подход, ставящий изображение «потусторонней реальности» во второй части романа в зависимость от «литературных источников» представляется, на наш взгляд, ограниченным, ср. Соколов Б. В. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». С. 118.

обещанной дьяволом награды, в частности устное или письменное отречение персонажа от Бога. Добавим, что в случае с женщиной предполагался плотский союз ее с дьяволом, который выступает как инкуб. «IV и V блоки выражают религиозно-нравственное осмысление и оценку сюжета, характерную для его бытования в рамках средневековой литературы». Дополнительный VI блок содержит «описание дальнейшей судьбы героя (уход в монастырь, благочестивая смерть, святость и др.)».¹⁶

Булгаков предложил свою версию названного сюжета в рамках собственной трактовки мифа о дьяволе. В романе нашла отражение описанная схема целиком. Но если первые три блока во многом следуют структуре мифа, то остальные кардинально преобразованы — IV и V блоки сведены фактически к религиозно-нравственной сентенции: «Он не заслужил света, но заслужил покой»,¹⁷ поэтому VI содержит нетрадиционную развязку: не обретая рая (мотивы покаяния и благочестия отсутствуют), герои не провалятся и в ад. В договор с дьяволом вступает героиня романа — Маргарита. Томимая неизвестностью о судьбе Мастера, она предчувствует близость неизбежных и таинственных перемен: «Я верую! — шептала Маргарита торжественно. — Я верую! Что-то произойдет! Не может не произойти, потому что за что же, в самом деле, мне послана пожизненная мука?» (С. 633—634). Обратим внимание на «верую» Маргариты: это не бытовая, а сакральная формула, ею начинается христианский «Символ веры». Булгаков стирает реминисцентный оттенок цитаты, размывает ее границы,¹⁸ дополняя местоимением «я». Описание дальнейшего хода событий сообщает формуле «верую», звучащей в устах Маргариты как заклинание, дополнительные коннотации. Вера ее беспредельна, ради любви к Мастеру с религиозным экстазом она готова принять любые перемены. Любовь Маргариты к Мастеру выходит на уровень высшей, почти мистической ценности. «Ах, право, дьяволу бы я заложила душу, чтобы только узнать, жив он или нет!» (С. 639). Ее пожелание не осталось без ответа. Тут же, как и предполагается структурой мифа о дьяволе, возник бес-посредник — Азazelло. Раскручивается цепь мотивов II блока сюжета: оговариваются условия сделки. Почти сразу же становится очевидным, какие силы предлагают свою помощь Маргарите. На ее непроизвольное «Боже!» последовало: «Пожалуйста, без волнений и выкрикиваний, — нахмурясь, сказал Азazelло» (С. 642). Ясно, что в данной ситуации, когда перед Маргаритой явился представитель дьявола — антипод того, к кому она воззвала, ее восклицание неуместно. Здесь отразился еще один структурный мотив мифа о дьяволе: упоминание как Бога, так и черта имело сакрально-магический смысл.

При обсуждении условий сделки к сюжету о договоре с дьяволом присоединяется следующий структурный комплекс, связанный уже с темой шабаша, и с этого момента договор Маргариты с дьяволом образует сюжетную рамку для дальнейшего повествования. Все, что отныне происходит с героиней, обусловлено исполнением ее обязательств по договору. «Я знаю,

¹⁶ Журавель О. Д. Сюжет о договоре человека с дьяволом в русских повестях конца XVII—начала XVIII в. Автореф. дисс. канд. филол. наук (Пб, 1994) с. 10, 11.

¹⁷ Цит. по Булгаков М. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. Л. 1978. С. 776. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием страниц в скобках.

¹⁸ Если Булгаков затушевывает сакральную формулу, то В. Шукшин, например, напротив намеренно обнажает ее в целях пародийного использования. В рассказе «Верую!» о современном попе-«материалисте», излагающем свое жизненное кредо («бог — есть. Имя ему — Жизнь. В этого бога я верую»), он вкладывает тому в уста текст построенный на синтаксической конструкции «Символа веры»: «Верую-ю-у!» — заблажили вместе. Дальше по одному привычной скороговоркой зачастил — в авиацию, в химиацию, в механизацию сельского хозяйства, в научную революцию-у! В космос и невесомость! — ибо это объективно-о!» (Шукшин В. Собр. соч. В 6 т. М. 1992. Г. 2. С. 538—546).

на что иду. Но иду на все из-за него, потому что ни на что в мире больше надежды у меня нет <...> Я погибаю из-за любви» (С. 644). Условием договора в романе предполагается превращение героини в ведьму, а одним из главных требований, предъявляемых к ведьмам, являлось участие в шабаше, куда они слетались для встречи с сатаной. Азazelло не сразу посвящает Маргариту в тайну грядущих событий, для начала он стремится заручиться ее твердым согласием посетить «иностранца». Явно обозначая здесь присутствующий и в договоре женщины с дьяволом, и в шабаше ведьм, и в черной мессе структурный элемент мифа — плотский союз женщины с дьяволом, Булгаков его обыгрывает («Понимаю... Я должна ему отдаться» С. 642). Таким образом, мотив о дьяволе-инкубе в романе не упущен, но ответом Азazelло («...я разочарую вас, этого не будет». Там же) он фактически снят.

Образ шабаша, как и сюжет о договоре человека с дьяволом, Булгаков воспроизводит, ориентируясь на предлагаемые мифом стереотипы поведения участников и устойчивую структуру обязательных магических действий. В стереотип шабаша входят такие элементы, как волшебная мазь, мотив отречения, полет, превращение в животных, участие в ночном сборище вокруг костра обычно на горе ведьм и дьявола, осквернение плоти и святых таинств. Теме шабаша и подготовки к нему, ритуал которых описан в десятках книг, посвящены тесно связанные между собой главы романа «Крем Азazelло» (20-я) и «Полет» (21-я). Сохраняя внешнюю канву ритуальных действий, Булгаков вносит в них новое содержание и принципиальные коррективы в поведение ведьмы. Азazelло вручает Маргарите «крем» и инструктирует: «Сегодня вечером, ровно в половине десятого, потрудитесь, раздевшись донага, натереть этой мазью лицо и тело» (С. 644). Еще не ведающая о свойствах «крема» Маргарита в отчаянии вновь подтверждает верность заключенному договору: «...согласна на все, согласна проделать эту комедию с натиранием мазью, согласна идти к черту на кулички» (Там же). Мазь — обязательный атрибут ведьмы, без которого ведьма не ведьма. Не воспользовавшись мазью, она не обретет способности лететь на шабаш. В демонологической литературе описаны многочисленные рецепты с жуткими подробностями приготовления ведьмовских мазей.¹⁹ Наиболее типичный состав волшебной мази приводит «Молот ведьм»: «Ведьмы готовят мази из сваренных частей детского тела, особенно тех детей, которых они убивали до крещения».²⁰ Участие нечистой силы в изготовлении «крема Азazelло» Булгаковым обозначено («он пахнет болотной тиной», «запахло болотными травами и лесом». С. 645) — и не более: мотив детских жертвоприношений полностью отсутствует.

Натеревшись мазью, Маргарита изменилась внутренне, стала «свободной от всего», покидает «прежнюю свою жизнь навсегда» (С. 646). Важным внешним признаком внутренней перемены стали ее вдруг зазеленевшие глаза.²¹ Обретению Маргаритой очевидной для нее ее новой природы сопутствует в полном согласии с сюжетом о договоре дьявола с человеком

¹⁹ Шпренгер Я, Инститорис Г. Молот ведьм С 182, 184. Часто описывается мазь изготовленная из печени некрещеных младенцев, редкий случай растительного состава снадобя дает Папюс, автор оккультных сочинений рубежа XIX—XX вв., наполненных «практическими» рекомендациями что, естественно, исключало элемент жертвоприношения, см. Папюс. Практическая магия М., 1992. Т. 2. С. 358—359.

²⁰ Шпренгер Я. Инститорис Г. Молот ведьм С. 193.

²¹ В контексте демонологических описаний зеленый цвет — дьявольский знак присутствия нечистой силы у Воланда левый глаз «зеленый», у Гелды — глаза «с зеленью», «фосфорические» «зеленые пальцы», афиши о выступлении «профессора Воланда» в Варьете напечатаны «на зеленых листах» (красными буквами — цвет адского огня), у Пилата под веками «вспыхнул зеленый огонь от него разгорелся мозг» перед тем как он объявил о казни Га-Ноцири у Ивана Бездомного «бойкие зеленые глаза» и т. д.

отказ от прежней жизни. В классической формуле следовало отречение от христианской веры. Булгаков воплощает этот структурный элемент мифа о дьяволе в форме письменного признания Маргариты — записки, оставленной мужу: «Я тебя покидаю навеки <...> Я стала ведьмой...» (С. 646).²² Чудодейственный эффект крема проявился и в охватившем Маргариту ощущении влекущего ее парения, «необыкновенного, тянущего ее наверх, в воздух» (Там же), в чем можно заметить реминисценцию предполетного ведьмовского заговора. Заклинание «Невидима!», произносимое Маргаритой по наущению Азazelло, — вариант поэтического клише — формул, восходящих к языку мифа: «Взвейся вверх и никуда!» или «Вверх, наружу!».²³ К мифологической топике образа шабаша относятся и средство передвижения (в романе «щетка»), и нагота Маргариты, и ее распущенные волосы во время полета. Воспользовавшись мазью с тем же успехом, что и Маргарита, ее домработница Наташа не только сама стала ведьмой, но и превратила «мазком» крема соседа Николая Ивановича в борова и в своего перевозчика на место шабаша. Способность к превращению человека в животное относится к магическим свойствам волшебной мази,²⁴ а свинья как одно из транспортных средств достаточно часто встречается в литературе.²⁵

Главное призвание ведьмы — служить дьяволу орудием для причинения людям вреда. Ведьмы могут наносить урон имуществу, действуя при этом, в частности, и «по чувству мщения за обиды».²⁶ Погром, учиненный Маргаритой в Доме Драмлита, полностью проецируется на эту схему. Испытывая «жгучее наслаждение», она подвергла особенно жестокому разорению квартиру критика Латунского, автора разгромной рецензии на роман Мастера. В мифологический образ ведьмы в качестве обязательного элемента входит преследование детей с тем, чтобы, как уже упоминалось, изготавливать из них волшебную мазь и доставлять их как живой трофей на шабаш и черную мессу для сатанинских ритуальных жертвоприношений. Маргарита, «ставшая ведьмой», тоже встречает во время своего полета на шабаш ребенка, но булгаковская героиня — не ведьма средневековых кошмаров. Автор романа, сохраняя структурный элемент ведьма / дети, воплощает его в форме антитезы мифологическому образу. Именно встреча с «маленьким мальчиком» кладет конец «дикому разгрому» писательских квартир. «Невидимая» Маргарита успокаивает испуганного мальчика и даже рассказывает ему «сказку» о себе.

И самый шабаш, на который она попала, предстает как пастораль, напоминающая русалочные купания, а не как безобразная, разгузданная оргия. Лишь по составу участников можно догадаться, что у Булгакова речь идет о шабаше: вокруг костра пляшут «нагие ведьмы», лягушки играют «на деревянных дудочках бравурный марш»,²⁷ ночным весельем распрямляется некто «козлоногий», а значит, слуга сатаны. Образ шабаша в со-

²² Герой повести XVII в Савва Грудцын пишет под диктовку беса «богоотметное письмо»

²³ «Когда настает время отъезда, ведьма натирается мазью, берет предмет, на котором хочет ехать, и тихо говорит следующие слова „Взвейся вверх и никуда!“» (Леманн А Иллюстрированная история суеверий и волшебства С 10) «Отправляясь на шабаш, ведьма приказывает „Вверх, наружу!“ и в то же мгновение, скрываемая мазью от всех человеческих глаз вылетает» (Геннинг М Дьявол С 40) Усматривать в данном контексте в словах Маргариты некую «освобожденность ее сознания» как свойство ее деятельной природы значит допускать натяжку (см. Кораблев А Тайнодействие С 37)

²⁴ См., например Канторович Я Средневековые процессы о ведьмах С 5

²⁵ Брокгауз Ф А, Ефрон И А Энциклопедический словарь СПб, 1903 Т 77 С 82–84, статья «Шабаш ведьм», известно, что Булгаков делал из этой статьи выписки см Чудакова М О Архив М А Булгакова С 72

²⁶ Сумцов Н Ф Очерк истории колдовства в Западной Европе С 16

²⁷ «Земноводных и пресмыкающихся относили к магическим принадлежностям ведьм-демоносудительниц (протоколы церковных судов)» (Даркевич В П Народная культура средневековья М, 1988 С 198)

ставе мифа соединен с черной мессой — торжественной службой сатане как божеству. По своей внутренней сущности шабаш и черная месса / обедня в рамках мифа функционально близки: и то, и другое — обряд поклонения дьяволу. Их соотношение между собой может быть различно. Иногда в описаниях демонологов черная месса и шабаш идут рядом, тесно переплетаясь друг с другом (как в книге М. А. Орлова²⁸), в других случаях черная месса либо предшествует шабашу, либо следует за ним, или же совершается независимо от него.

Заметим, что в первоначальном замысле у Булгакова черная месса и шабаш выступают как понятия синонимические. В планах промежуточной редакции название одной из глав «Черная месса» заменено на «Шабаш»,²⁹ причем, судя по наброскам, это та глава (или ее эпизод), которая в окончательном тексте преобразовалась в «Великий бал у сатаны». Пасторальный шабаш и черная месса не только оказались разведены в романе по месту действия (шабаш на лужайке на берегу реки, бал — в «нехорошей квартире»), но стало также совершенно ясно, что, введя самого сатану в роли «хозяина» праздничного собрания, автор перенес акцент с шабаша на изображение бала у Воланда, который и есть не что иное, как черная месса. Использование ее отдельных элементов «в качестве одного из художественных приемов романа» в булгаковедении отмечалось.³⁰ Нам представляется, однако, что черная месса у Булгакова является не просто «одним из художественных» или «стилистических приемов» и что признаки ее отнюдь не рассеяны по всему тексту романа; они сконцентрированы в главах «При свечах» и «Великий бал у сатаны», где черная месса предстает как структурное единство. Попутно заметим: не исключено, что последнее название навеяно Булгакову выражением «сатанинский бал» из книги М. А. Орлова, который позаимствовал его у итальянского автора XVII в., применившего данное определение к описанию шабаша.³¹

Черная месса как часть мифа о дьяволе использует «простой и великий сатанинский принцип, гласящий, что все должно совершаться „наоборот“»,³² а именно: обряд строится на богохульном пародировании церковной службы. Обедня дьявола «подражает католической до мелочей — ведь сатана — „обезьяна Бога“». ³³ Сатанический ритуал черной мессы представляет собой обряд поклонения дьяволу и осквернения креста и святых таинств. При наличии общего принципа и выработанной веками общей схемы черная месса, с одной стороны, обладает достаточной устойчивостью, подтверждение чего можно найти в трудах по демонологии от Сумцова до Парнова (см. примеч. 8), с другой — устойчивость обряда не исключала значительной вариативности, при которой схема обростала множеством разнообразных подробностей, о чем свидетельствуют те же труды.

Булгаков не воспроизводит изображения фантастических черных месс средневековых авторов и не занимается описанием обряда практикующих сатанистов, он творит собственную художественную версию черной мессы, отталкиваясь от предоставленного традицией культурного стереотипа анти-мессы и дополняя его соответствующим образом обработанными мотивами

²⁸ См. Орлов М. А. История сношений человека с дьяволом С 616—617

²⁹ См.: Чудакова М. О Творческая история романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» С 235.

³⁰ См. Кушлина О. Смирнов Ю 1) Магия слова. (Заметки на полях романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». К 95-летию со дня рождения автора) // Памир. 1986 № 5 С 156—159, 2) Некоторые вопросы поэтики романа «Мастер и Маргарита» // М. А. Булгаков — драматург и художественная культура его времени М., 1988 С 287—290

³¹ См. Орлов М. А. История сношений человека с дьяволом С 376

³² Мишле Ж. Ведьма С 79

³³ Гейнинг М. Дьявол С 40

из канона литургии. Его версия черной мессы, как миф о дьяволе в целом в романе, свободна от обязательной для описаний классической сатанологии воинствующей богопротивной сущности и дьявольской эротики. Автор намеренно отвлекает ассоциации от мрачно-мистического действия черной мессы, направляя генерирование художественных смыслов в иное семантическое поле, образуемое великолепным описанием пышного «бала ста королей».

Поэтому в окончательном тексте романа он убрал не только планировавшиеся им ранее заглавия «Шабаш», «Черная месса» как понятия, несущие в своих архетипических основах глубокий негативный смысл, но и более тщательно замаскировал явные атрибуты культового предназначения, сопутствовавшие отправлению антимессы. В главе «Неудачливые визитеры» из первой части романа в сцене посещения буфетчиком Варьете «нехорошей квартиры», где впоследствии состоится «сатанинский» бал-месса, из одеяния Воланда исчезла «католическая сутана», а с «возвышения», на котором он сидел, — «золотая парча» с вышитыми на ней «кверху ногами» крестами, определение «золотой чаши» (потира) как «чаши для святых даров». ³⁴ Последние явления были отмечены ранее вместе со справедливым суждением: «...в окончательном же тексте романа элементы „черной мессы“ выражены неявно, замаскированно». ³⁵ Следует, однако, заметить, что в пределах того же описания визита буфетчика к Воланду в окончательном тексте устранена лишь нарочитая, подчеркнутая определенность в обозначении предметов культа: вместо «золотой чаши для святых даров» появилось никак не определенное по функции блюдо «из чистого золота», в котором, однако, узнается дискос — блюдо для святых даров; в столе, накрытом «церковной парчой», угадывается церковный престол. Священные предметы переведены из своего изначального контекста в сферу действия нечистой силы: стол-престол, на котором, согласно православному катехизису, таинственно присутствует как царь сам Иисус Христос и который служил в первоначальном варианте «возвышением» — тронем для Воланда, заставлен «заплесневевшими бутылками», на «золотой тарелке» (дискосе) подается жареное мясо. Такое использование священных предметов для человека верующего — богохульство, и недаром вздрогнул «богобоязненный буфетчик».

Булгаков использует здесь свой излюбленный игровой прием, совмещая два плана, две реальности — сакральное с откровенно бытовым. Намекая на церковную символику и одновременно отвлекая от нее, автор предоставляет читателю возможность по крайней мере двойного прочтения — кроме прямого, буквального, при котором церковные предметы остаются в тексте не опознанными (просто стол, накрытый парчовой скатертью и заставленный бутылками), еще и символическое, позволяющее извлечь из текста дополнительный смысл: церковная утварь превращена в атрибуты службы сатане. Введены и другие знаки, характеризующие место действия не только как сакральное пространство храма сатаны, но и как преддверие ада: «В старинном громадном камине, несмотря на жаркий весенний день, пылали дрова. А жарко между тем нисколько не было в комнате, и даже наоборот, входящего охватывала какая-то погребная сырость» (С. 621). Здесь отразилось архетипическое представление об аде. Мотив соединения взаимоисключающих начал — жары и холода — встречается еще в популярном в период

³⁴ Булгаков М. Якобы деньги. Из черновых тетрадей романа «Мастер и Маргарита» (Публикация Л. Яновской) // Даугава 1983 № 10 С. 120

³⁵ Кушлина О. Смирнов К. Некоторые вопросы поэтики романа «Мастер и Маргарита» С. 288

средневековья богословском сочинении рубежа XI—XII вв. Гонория Августодунского «Светильник».³⁶

Продолжая повествование в игровой поэтике двоящегося образа, Булгаков выстраивает цепочку взаимоперетекающих символов, значений и смыслов. Присутствие сатанинской символики он тут же маскирует, отвлекая от нее ассоциации читателя введением церковных реалий в их прямом, предельном значении: в квартире покойного пахло «ладаном» (в первоначальном варианте, напротив, — «воняет <...> не то жжеными перьями, не то какой-то химической мерзостью» — определения, прямо соответствующие обиталищу нечистой силы), что, естественно, навело буфетчика на мысль о том, «уж не служили ли, чего доброго, по Берлиозу церковную панихиду» (Там же).

Вновь атрибутика, а потом и само действие черной мессы возникают в главах, посвященных описанию подготовки и проведения бала и представляющих собой кульминационную вершину второй части романа, в высшей степени насыщенных символическим подтекстом. Как нами уже неоднократно отмечалось, Булгаков изымает из шабаша и черной мессы ту часть их содержательной сущности, которая связана с откровенным поруганием христианских святынь и богомерзким поведением (убийство детей, оргия, блуд). События в главах «При свечах» и «Великий бал у сатаны» происходят в ночь со Страстной пятницы на Великую субботу. В пятницу на Страстной неделе литургию, как известно, не служат, поскольку в жертву приносит себя сам божественный Агнец. Между моментами распятия и воскресения Христа, когда мир скорбит о его крестных муках, для дьявола наступает короткий миг торжества. Именно к этому моменту Воланд приурочил свой «ежегодный» бал с воскрешением мертвых грешников. Таким образом, время мессы Воланда — антитеза литургии.

Место ее отправления — «нехорошая квартира», принадлежавшая ранее, по беглому упоминанию Булгакова, исчезнувшей куда-то «ювелирше». Конечно, это не случайное, но глубоко мотивированное указание: золотой телец — символ поклонения дьяволу и победы злых сил. Кроме того, возможно и историческое объяснение, труды по демонологии сообщают, например, следующий факт: в 1680 г. была казнена «величайшая отравительница всех времен», жена одного ювелира по фамилии Вуазен, устроившая у себя дома черные мессы, для которых покупали незаконнорожденных или беспризорных детей.³⁷ Квартира ювелирши, трансформирующаяся в нереальное пространство «вне мира» — «пятое измерение», имеет некоторые признаки ада. Один из них — густая тьма, ад — царство мрака.³⁸ В романе специально подчеркивается, что тьма, в которую попала Маргарита, — особая, «как в подземелье». В определении выражено архетипическое представление об аде как подземном мире, подвале, мрачной пропасти. «Хорошо ощущаемая бесконечная лестница» (С. 665) тоже входит в топку ада. Есть, к примеру, и у Ш. Бодлера «таинственная лестница», служащая адским силам для тайных сношений с людьми.³⁹ «В комнате пахло серой и смолой» (С. 668) — из набора тех же обязательных элементов, сопутствующих описанию ада. Сюда же относятся и «горящие адские топки» с «дьявольскими поварями».

На то, что месса происходит в загробном мире, Булгаков указал вначале при помощи своего постоянного приема — характеристики персонажа или ситуации через вещь-знак. Маргарита увидела на «груди Воланда искусно из

³⁶ См. Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 249.

³⁷ См. Геннинг М. Дьявол. С. 52.

³⁸ См. Амфитеатров А. В. Дьявол. С. 208.

³⁹ См. Сатанизм. М., 1913. С. 15.

темаго камня вырезанного жука на золотой цепочке и с какими-то письмами на спинке» (С. 669). В древнеегипетской «Книге мертвых» придается сакральное значение изображению жука-скарабея, вырезанного «из твердого камня» и оправленного «в золото». Особые заклинания и помазание елеем превращали его в амулет, полагаемый на сердце покойного, — он сопровождал его в царстве мертвых.⁴⁰ Жук-скарабей дополняет портрет Воланда как князя подземного мира. В том же ряду адских признаков — тропический лес с «банной духотой» (С. 677), «ледяной бассейн» (С. 679) и некоторые животные, выступающие в тексте как символы. Маргарита «увидела белых медведей, игравших на гармониках и пляшущих камаринского на эстраде. Фокусника-саламандру, не сгоравшего в камине...» (С. 688). Рядом помещены животные как реальные, символизирующие холод, лед, север, так и фантастическое, символизирующее огонь, юг. С древнейших времен саламандра представлялась как существо с ледяной кровью, живущее в огне. В «позднесредневековой и алхимической символичке саламандра становится символом одного из четырех элементов — огня».⁴¹ Церковь же «все стихийные сущности» отнесла к «демонам»,⁴² поэтому присутствие «фокусника-саламандры» на балу у Воланда приобретает дополнительный смысл.

Таким образом, бал-месса происходит в inferнальном пространстве, отмеченном всеми признаками принадлежности царству сатаны. Сакральность места обозначена соответствующими атрибутами, происходящими из церковного быта, одни из них используются не по назначению, другим придан пародийный вид. Среди крошечной тьмы Коровьев освещает Маргарите путь «лампадкой», «слабый свет ее язычка» вызывает ассоциацию со свечильником, зажигаемым перед иконами во время богослужения. В какой-то момент «коровьевская лампадка» преобразуется в «лампаду» («широко поведя лампадой по воздуху, пригласил Маргариту следовать за ним». С. 665) и напоминает теперь уже переносной подсвечник, в предшествии которого священник и дьякон предстают перед народом при малом и великом выходе на литургии.⁴³ Коровьев выступает здесь как великий лампадарий (служитель церкви, носивший главную лампаду во время литургии).

В обиталище Воланда Маргарита увидела два стола. На одном «помещался канделябр с гнездами в виде когтистых птичьих лап. В этих семи золотых лапах горели толстые восковые свечи». На другом стояла «какая-то золотая чаша» вместе с еще одним канделябром, оснащенным, как и первый подсвечник, той же символикой: ветви его «были сделаны в виде змей» (С. 668). Семисвечник и «золотая чаша» — дьявольские аналоги сакральных предметов, составляющих главную принадлежность алтаря христианского храма. Посредством соотношения этих реалий возникает ассоциация, ставящая в связь «небольшую комнату», где произошла встреча Маргариты с Воландом, с важнейшей частью христианского храма, однако, — в связь пародийную. Вместо фимиамы — кадыльного дыма, наполняющего алтарь, «в комнате пахло серой и смолой».⁴⁴ Присутствие здесь «широкой дубовой кровати» только усиливает эффект пародийности.

⁴⁰ Леманн А. Иллюстрированная история суеверий и волшебства. С. 154. Определив в жуке Воланда древнеегипетского скарабея, Н. К. Гаврюшин усматривает в нем на основании весьма спорного суждения о том, что «связь масонства с египетскими мистериями общезвестна», проявление «масонской символики и обрядности» (Гаврюшин Н. Литостротон. С. 83).

⁴¹ Средневековый bestiарий. М. 1984. С. 200.

⁴² Холл Мэнли П. Энциклопедическое изложение масонской герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск, 1992. Т. 2. С. 34-37.

⁴³ См. Потный православный богословский энциклопедический словарь. Репринт изд. М. 1992. Т. 2. Стб. 1510.

⁴⁴ Присутствие церковных реалий из алтарной части храма (престол, потир, жертвенник, семисвечник) отмечено ранее Гаврюшиным Н. Литостротон. С. 80.

Название главы «При свечах», если прочитать его в контексте церковной службы, отсылает или к великой вечерне, составляющей первую часть всенощного бдения, совершаемого вечером в канун особо чтимых праздничных дней, или к вечерне как одной из служб суточного богослужебного круга, предвещающих литургию. В храме возжигаются светильники, читаются так называемые «светильничные» молитвы (о даровании света невещественного и о просвещении душ человеческих), поются песнопения и совершаются священнодействия, подготавливающие христианина к главной службе — Божественной литургии. Описанные в главе «При свечах» события, связанные с подготовкой к балу, проецируясь на ту часть церковного богослужения, которая предшествует литургии, образуют антигетическую параллель к ней. Тем самым заглавие «При свечах» подтверждает правомерность выведенных ассоциаций, основанных на глубоко заложенных внутренних смысловых связях текста с церковным культурным слоем.

Глава «Великий бал у сатаны» прочитывается как пародийный эквивалент церковной службе — литургии.⁴⁵ В описании бала у Воланда к топике черной мессы относится омовение («окропление») Маргариты кровью (дважды),⁴⁶ совершение кровавой жертвы с мотивами собирания крови в чашу (убийство барона Майгеля) и питья вина из черепа. Сохраняя основной структурный элемент черной обедни — участие в ней наряду с дьяволом жрицы (на слете ведьм — это «царица шабаша»),⁴⁷ Булгаков существенно трансформировал его, исключив мотивы соития с дьяволом, о чем мы уже упоминали, и обращения женщины в алтарь в момент жертвоприношения.

Маргарите уготована роль не просто «хозяйки» бала, но и верховной жрицы. Она наделяется особыми сакральными знаками-регалиями: Коровьев «повесил на грудь Маргарите тяжелое в овальной раме изображение черного пуделя на тяжелой цепи» (С. 677); принимая гостей, она становится на «подушку с вышитым на ней золотым пуделем» (С. 679). Ранее, насколько нам известно, не обращалось внимания на достаточную прозрачную параллель: архиерей имеет отличительный нагрудный знак — панагию — небольшой круглый образ Христа или Божьей Матери и, отправляя службу, стоит на орлеце — круглом коврике с изображением орла, парящего над

⁴⁵ Отдельные литургические мотивы и реалии, вошедшие в состав бала — черной мессы, не остались без внимания исследователей (см., например, работы О Кушлиной и Ю Смирнова, А Кораблева, Н Гаврюшина, Л Левиной), однако они выявлены далеко не полностью, фрагментарно и рассмотрены вне той системы, частью которой являются.

⁴⁶ Желание увидеть в этом образе аллюзию «на иудейскую микву» безосновательно. Отметим, кстати, что для реального описания и символического объяснения миквы Н К Гаврюшин использует некий не раскрытый им источник очень определенной идеологической ориентации, ибо такие пассажи, как «надо еще иметь в виду, что именно *определенная* женская кровь, наполняющая микву» (Гаврюшин Н Литостротон С 82) и т д, к религиозному обряду омовения у иудеев не имеют никакого отношения. Обратившись к общедоступным энциклопедическим изданиям, легко узнать, что «микве» — водный резервуар с непроточной водой. Иудеям предписывается омовение перед участием в микве, например, когда Библия требует омыть тело водою (Лев 14 9, 15 5, 7, 16 4, 24 Числ 19 7—8 и др.), а также в случае нарушения ритуальной чистоты обряд тщательно описан и регламентирован. Заметим также, что при внимательном чтении романа мы не найдем там омовения «в бассейне с кровью» как полагает Н К Гаврюшин (Литостротон С 82), Гелла и Наташа «окатили» Маргариту кровью и розовым маслом в первом случае, во втором — «опяť повлекли ее под кровавый душ» (С 676, 686). Поиски источников в рассматриваемом нами случае достаточно прямо ведут нас к ритуалу вакханалий (обязательное омовение перед участием в мистерии, см., например Бодянский П Н Римские вакханалии и преследование их в VI веке от основания Рима Киев 1882), описания которых, скорее всего, служили образцом для инквизиторов при «конструировании» ими обрядов шабаша и черной мессы. Попытка Н К Гаврюшина доказать, что «иудаистические и кабалистические мотивы в романе вообще достаточно заметны» (Литостротон С 79), может быть признана вполне неудавшейся.

⁴⁷ В качестве примера, иллюстрирующего этот тезис, Е И Парнов привел пару — Воланд и Маргарита Парнов Е И Грон Люцифера С 248

городом. Маргарита несет на себе символическое изображение дьявола и стоит на таком, она приобрела сакральные символы власти, и не удивительно поэтому «та почитительность, с которой стали относиться к ней Королев и Бегемот» (С. 677).⁴⁸ Итак, Маргарита выступает не только как королева и хозяйка светского бала, но как представитель сатаны — его жрица, архиерей черной мессы, о чем свидетельствуют ее регалии. Светский галантный поцелуй участниками бала руки Маргариты как королевы и дамы сочетается с сакральным целованием ее колена, что является зеркальным отражением сакрального же прикосновения к руке священника в христианском богослужении. Особое «священство» Маргариты находит подтверждение и в ритуальном трепете со стороны ее окружения, сопровождающемся ритуальными действиями. Лишь только дирижер дьявольского «джаз-банда» «увидел Маргариту, он согнулся перед нею так, что руками коснулся пола, потом выпрямился и пронзительно вскричал: — Аллилуйя! Он хлопнул себя по коленке раз, потом накрест по другой — два...» (С. 679). Здесь воспроизведена с использованием принципа отражения ситуация из церковного ритуала: первое приветствие дирижера точно соответствует так называемому «малому» поклону;⁴⁹ Маргарите адресуется возгласение «Аллилуйя!» («Хвалите Господа!»), после чего дирижер оркестра делает пародирующий жест, зеркально повторяющий крестообразное сложение рук на груди при принятии христианами святого причастия. Описание поклонения Маргарите со стороны гостей предоставляет Булгакову возможность введения следующей церковной реалии. Распухшее и посиневшее правое колено Маргариты, которое целовали и которое доставляло ей «наихудшие страдания», Наташа обтирает «губкой и чем-то душистым» (С. 685). Применяемая во время литургии при приготовлении святых даров губка⁵⁰ знаменует ту, что, смоченная уксусом, была поднесена к устам страдающего на кресте Христа.

Образ Воланда как хозяина на черной мессе строится по законам жанра на антитезе образу священника. Он появляется в кульминационный момент бала в той же «грязной заплатанной сорочке», в какой встретил Маргариту. Источником рубахи Воланда является, как установлено,⁵¹ описание из книги М. А. Орлова, где «колдун» специально надевал «грязнейшую рубаху» при отправлении им черной мессы. Но Булгаков не просто заимствовал данный атрибут, он намеренно опустил важнейшую функцию этой реалии, предназначавшейся для возбуждения у вновь обращенных ведьм, которым она передавалась, «самых смрадных вожелений».⁵² Тем самым Булгаков ввел «грязную сорочку» Воланда в систему иных значений: ясно прочитывается ее сакральное обязательное облачение священника перед службой в белую рубаху — символ чистоты и непорочности Христа. Воланд был при шпаге,

⁴⁸ Черный пудель как образ сатаны перешел к Булгакову из «Фауста» Гете, что неоднократно отмечалось. Черная собака со времен средневековья — символ черта. Поэтому нам представляется неубедительной попытка Н. К. Гаврюшина интерпретировать изображение пуделя как «намек на образ льва — символ царской власти Князя Света (Люцифера)» (Гаврюшин Н. Литостротон. С. 83). В романе это не символ «царской власти» сатаны, а собственное его сакральное изображение.

⁴⁹ «Малым поклоном называется обыкновенное наклонение головы, при котором можно руку достать до земли» (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2. Стб. 1827).

⁵⁰ Антиминсная губка употребляется «для собирания воедино частиц, полагаемых на дискосе, и для отирания дискоса над чашею после опущения в нее св. агнца и частиц, лежащих на дискосе». Кроме нее «на литургии употребляется еще другая губка — истиральная ею иерей, по потреблении св. даров, омывает и отирает св. чашу» (Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М. 1900. С. 955).

⁵¹ См. Чудакова М. О. Архив М. А. Булгакова. С. 74.

⁵² См. Амфитеатров А. В. Дьявол, Орлов М. Н. История сношений человека с дьяволом. С. 381.

но пользовался ею «как тростью, опираясь на нее». В контексте черной мессы шпага Воланда — трансформированный образ архиерейского жезла.

Появление и все действия Воланда до конца бала выстроены Булгаковым по схеме, отталкивающейся от центрального момента церковной службы — евхаристического действия, которое составляет суть священной и духовной градезы и являет собой самый канон мессы с молитвами освящения даров и причащением. Для читателя поставлен соответствующий знак «Воланд вышел в этот последний великий выход...» (С. 688) — синтаксическая неустроенность фразы обнаруживает присутствие терминологии, указывающей на церемониальную ситуацию. В церковном обиходе существует понятие «великий вход»,⁵³ обозначающее торжественный ход священнослужителей со Святыми Дарами перед поставлением их на престол для совершения *бескровной жертвы* в таинстве евхаристии. По законам антимессы «великий вход» Булгаков преобразовал в «великий выход», сопровождаемый актом *кровавого жертвоприношения*. Определение «великого выхода» Воланда как «последнего», хотя речь идет о первом и единственном его появлении за все время бала, не случайность, а намеренный прием, призванный подчеркнуть этикетность употребленной автором формулы и значительность происходящего. Как и при литургии, внимание присутствующих переносится в данный момент на священные сосуды. При богослужении — это дискос и потир (чаша), в которых хлеб и вино мистически претворяются в тело и кровь Христа. И в романе, как и положено на черной мессе, причащение совершается под обоими видами — тела и крови: сначала Азazelло выносит блюдо с жертвенной головой Берлиоза,⁵⁴ превращающейся затем чудесным образом в чашу, наполняемую кровью жертвы — барона Майгеля. «Подняв чашу», Воланд «прикоснулся к ней губами» — в способе, каким он причастился, можно заметить соответствие церковному обряду и одновременно скрытую цитату из молитвы, читаемой священником во время причащения и после целования потира: «*Се прикоснуса устам моим, и отымет беззакония моя, и грехи моя очистит*».⁵⁵

В момент апофеоза демонических сил в тексте романа как бы неожиданно возникает слишком очевидный евхаристический символ. Когда чаша оказалась уже у губ Маргариты, «чьи-то голоса, а чьи — она не разобрала, шепнули в оба уха: — Не бойтесь, королева... Не бойтесь, королева, кровь давно ушла в землю. И там, где она пролилась, уже растут виноградные гроздья» (С. 691) Миф о дьяволе встречается в этой точке романа с мифом о Христе. Проступает явственная реминисценция из Евангелия, где сам Христос отождествляет себя с виноградной лозой: «Я есмь истинная виноградная лоза...» (Ин. 15: 1—8). Слова Булгакова о крови, пролившейся в землю, и проросшей из нее виноградной лозе относятся, конечно, к Христу, а не к доносчику Майгелю, как принято считать.⁵⁶ Наречием «давно» писатель специально выделил тот временной план, который противопоставлен всему происходящему в «нехорошей квартире» и репрезентирует собой еван-

⁵³ См. Гоголь Н. В. Размышления о божественной литургии СПб., 1894 Репринт изд. М. 1990 С. 66, см. также Слободский С. Закон Божий 4-е изд. М. 1991 С. 648. Мень А. Православное богослужение Таинство слово и образ М. 1991 С. 42 Встречается также не строго каноническое определение «великий выход» см. Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь С. 69

⁵⁴ Сопоставление жертвенной головы Берлиоза с головой Иоанна Предтечи представляется свободной ассоциацией, не имеющей опоры в романе (см. Гаспаров Б. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Даугава 1989 № 1 С. 85)

⁵⁵ Гоголь Н. В. Размышления о божественной литургии С. 110, Всенощное бдение Литургия СПб. 1993 С. 50

⁵⁶ См. например Кувшлина О. Смирнов Ю. Магия слова С. 159

гельский пласт событий. Поэтому если Воланд причащается кровью, то Маргарита из той же чаши пьет уже вино («сладкий ток пробежал по ее жилам». С. 691). Как нам представляется, Булгаков, введя столь ясно прочитываемый церковно-литургический символ, обозначил опорную точку для восприятия случившегося на балу, как бы бросил из нее свет на предыдущее, подчеркнув при этом пародийность сатанинской церемонии; подтвердил, еще раз дал читателю понять, что все предшествующее повествование, начиная с «последнего великого выхода» Воланда, спроецировано на евхаристическое действие с присущими ему церковными атрибутами, построено на его основе, однако литургический обряд переведен на язык черной мессы. Бал-месса у Воланда представляет собой идейную антитезу литургии. Символика виноградной лозы, связанная с темой страстей, с идеей страдания и милосердия, широко представленная в западноевропейском искусстве, несомненно, была известна Булгакову и по украинской иконописи, где эта символика особенно активно разрабатывалась в эпоху барокко — XVII—XVIII вв. и нашла выражение в богатстве и разнообразии иконографических типов в таких, например, символично-аллегорических композициях, как «Христос в виноградном точиле», «Христос в чаше», «Распятие с виноградной лозой», «Христос-виноградарь».⁵⁷ Виноградная лоза — постоянный мотив в украшении резных иконостасов и царских врат, исполненных украинскими и белорусскими мастерами-резчиками по дереву, которые широко ввели его в XVII в. и в декор русских церквей. Возможно, изображением литургического символа в виде объемной, скульптурно-рельефной виноградной лозы, вплетенной в декоративное убранство церковного интерьера, навеяно Булгакову описание в той же главе светильников, льющих ослепительный свет «из хрустальных *виноградных гроздьев*» (С. 679), рядом с которыми оказалось место, выделенное Маргарите для чествования гостей, что-то вроде амвона в храме сатаны.

Предшествующая причащению часть литургии состоит из молитв, песнопений, чтений Священного Писания и сопровождающих их символических действий. В романе ей соответствует изображение бала, где сакральное слово переведено в контекст адского веселья, а мелодии церковных песнопений, славословящих Творца, заменены танцевальной музыкой. Соотнесенность планов Булгаков ясно обозначил ключевым символом, заключенным в цитате-восклицании «Аллилуйя!».⁵⁸ Название песни в честь Троицкого Бога фигурирует в романе в качестве заглавия популярного в 20-е гг. фокстрота. Описание бала Булгаков заполнил музыкой, символическими знаками, жестами, позами. Гостям на балу прислуживали негры, за которыми со времен раннего христианства закрепилось представление как о слугах дьявола. Адские силы, как известно, «обожали музыку», «в западных трактатах по демонологии можно встретить рассказы о музыкантах, которые летали на шабаш ведьм для сопровождения их танцев».⁵⁹ И в оркестре, играющем на балу у Воланда, сплошь мировые знаменитости во главе с «королем

⁵⁷ Воспроизведение названных икон см Жолтовський П. М. Художні життя на Україні в XVI—XVIII ст. Київ, 1983. См также Сак Л. М. Українська ікона «Христос у точилі» (XVII ст.) та її нідерландський графічний прототип // Українське мистецтво у міжнародних зв'язках. Київ, 1983. С. 84—90.

⁵⁸ Тем не менее связь изображаемого в романе с церковной службой, заложенная в символическом подтексте главы «Великий бал у сатаны» часто не замечается и бал у Воланда воспринимается всего лишь как конкретное описание дипломатического приема, состоявшегося в апреле 1935 г. в американском посольстве, см Паршин Л. Чертовщина в Американском посольстве. С. 114—127.

⁵⁹ Даркевич В. П. Народная культура средневековья. С. 201. Здесь же «Даже в именах некоторых демонов повторялись названия музыкальных инструментов» — замечание, возможно объясняющее кличку Коровьева — *Фагот*.

вальса» Иоганном Штраусом. Изображением беснующегося на балу «обезьяньего джаза» обыгрывается идущая из средневековья тема музыкального ада и демонических музыкантов, ибо «музицирующие обезьяны — выходцы из демонического мира преисподней».⁶⁰ Обезьяна вообще имела дурную репутацию как инкарнация дьявола или других адских существей. В романе повторяется в новом варианте мотив, намеченный еще в сцене полночного веселья в ресторане дома писателей «у Грибоедова», одним из участников которого был неистово пляшущий некто *Павианов* вместе с другими обладателями значащих имен — Иоганном из Кронштадта и Богохульским. Имя известного церковного деятеля Иоанна Кронштадтского пародийно переиначено на немецкий лад, а фамилия Богохульский не требует комментария. Целенаправленно подобранные фамилии не только служат средством характеристики действующих лиц, но и возводят мотивы неумного, безудержно-го веселья и богохульства к дьяволиаде.

Главное действующее лицо в тайной мистерии — Маргарита. На балу-мессе она попадает в царство теней. Эти страницы романа приобщаются к идущей из глубинной древности традиции мировой литературы, связанной со сказаниями о странствиях по загробному миру, они в высшей степени насыщены архетипическими мотивами и образами. Подземное царство, представленное в сцене бала в образах ада, наделено также топикой, относящейся к пейзажу элизиума, той части царства Аида, где обитали души праведных. Топос подземного царства Персефоны⁶¹ — античный по своему происхождению — обнаруживает себя в том слое романа, где загробный мир предстает как лес, сад с цветами, фонтанами, источниками и пением птиц.

В inferнальном пространстве, имеющем сложную архитектуру одновременно подземного царства, ада, храма сатаны и дворцовой анфилады больших залов, разворачивается популярный в средневековье сюжет «хождения по мукам». Перед Маргаритой, сопровождаемой Коровьевым в роли «адского» гида, проходит, свидетельствуя почтение коленапреклонением, процессия грешных мертвецов. Булгаков использовал, трансформировал сюжетные мотивы «великого загробного эпоса», отразившегося во множестве христианских апокрифических преданий о схождении во ад, где посетителю, самыми знаменитыми из которых были Христос и Богородица, апостолы Иоанн Богослов и Павел, открывалась картина адских мучений.⁶² Древнейшая из легенд в Евангелии Никодима изображает Христа, который, спустившись в преисподнюю, освободил из власти сатаны праведников и ввел их в рай.⁶³ Широко распространенным в европейской средневековой литературе «Видением» апостола Павла, который снизошел ведомый архангелом Михаилом в царство вечной скорби, и другими подобными легендами была навеяна Данте идея загробного хождения в «Божественной комедии», где поэт, сопровождаемый Вергилием, также спускается к мученикам ада. На греко-славянском Востоке чрезвычайной популярностью пользовался апокриф «Хождение Богородицы по мукам», который Достоевский воспроизвел и истолковал в «Братьях Карамазовых» в главе «Великий инквизитор». Не зная этой легенды Булгаков не мог хотя бы потому, что этот роман, как полагают, стал одним из источников «Мастера и Маргариты».

⁶⁰ Даркевич В. П. Пародийные музыканты в миниатюрах готических рукописей // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 19.

⁶¹ О топосе сад подземного царства Персефоны см. Rymkiewicz J. W. Mysli rozne o ogrodach Dzieje jednego toposu. Warszawa, 1968. S. 135.

⁶² Обзор литературной истории загробных странствий см. Веселовский А. Данте и символическая поэзия католицизма // Вестник Европы. 1866. Т. 4. С. 152–209.

⁶³ См. Книга Никодима СПб., 1912 (Вега Апокрифические сказания о Христе I).

«Хождение» описывает путешествие Богородицы по аду, где путеводителем ей служит архангел Михаил. Среди грешников в аду названы и те, кто «удушают своих детей».⁶⁴ Потрясенная картиной страшных адских мук Богородица взывает ко всему священному ареопагу, моля о помиловании грешников. И Христос «ради молитв матери» своей освобождает грешников от истязаний на период «от Великого четверга до Троицына дня». «И все отвечали: „Слава милосердию твоему“». Идея милосердия — главная в «Хождении». В апокрифах, духовных стихах,⁶⁵ акафистах, заговорах сложился образ Богородицы как «всецарицы», защитницы «рода христианского», своим заступничеством и состраданием избавляющей от мук и скорбей, от тоски и печали, — «теплой ходатаицы», как сказано в одном из стихов.

«Милосердие» — именно то, о чем Маргарита просит Воланда, заступаясь за Фриду, несчастную грешницу, наказанную за удушение своего ребенка тем, что на протяжении многих лет камеристка «кладет ей на ночь на столик носовой платок» — орудие убийства. Но «милосердие», как отвечает Воланд, не по его «ведомству»: «Итак, я этого делать не буду, а вы сделайте сами». Образ Маргариты снова, как и в эпизоде с обласканным ею мальчиком, выходит за рамки предписанной ей роли ведьмы, верховной жрицы сатаны, и она, выступая заступницей и защитницей, исполняет то, что культурной традицией приписывается Богородице и Христу. Знаменательно, что отпущение греха Фриде совершается под знаком христианской символики: Фрида «упала на пол ничком *и простерлась крестом перед Маргаритой*» (С. 700). Время романа синхронизировано с событиями священной истории, случившимися на Страстной неделе, и прощение Фриды приходится на Великую субботу, когда Христос спустился душою в ад и освободил праведников.

Бал-месса позади. Маргарита выполнила условия договора с дьяволом, теперь настала очередь Воланда. Рассмотренный эпизод с Фридой восходит к совершенно иному архетипическому сюжету — к мифу о Христе и потому никак не укладывается в схему договора с дьяволом. На это обстоятельство Булгаков указал, резюмируя ситуацию словами Воланда: «Итак, это не в счет, я ведь ничего не делал. Что вы хотите для себя?» (Там же). Извлечением Мастера из больничного небытия, восстановлением рукописи его романа («рукописи не горят») и возвращением героев в подвальчик в переулке на Арбате завершается выполнение обязательств по договору с дьяволом («Ну-с, Маргарита Николаевна, все сделано». С. 709). Однако самый архетипический мотив договора еще неоднократно возникает в заключительных главах романа. Так, пытаясь развеять сомнения Мастера в «обрушившемся» на них счастье, Маргарита вновь напоминает, что из-за него она «потеряла свою природу и заменила ее новой» (С. 782). У нее нет и тени раскаяния в содеянном: «Как я счастлива, как я счастлива, как я счастлива, что вступила с ним в сделку! — говорит она Мастеру. — Придется вам, мой милый, жить с ведьмой» (С. 781).

В ткань романа и далее вплетаются скрытые цитаты из церковного богослужения, используемые Булгаковым в виде усеченных — вплоть до одного слова — сегментов текста. Восхищенное восклицание Маргариты «Всесилен, всесилен!», обращенное к Воланду, вступая в ингертекстуальные отношения с пасхальными церковными песнопениями, где определение «всесилен» лейтмотивом вплетается в прославление Христа, порождает игру и причудливую вязь смыслов: «Жизнь воздвигнул еси от сна и тления яко

⁶⁴ Цит по ПЛДР XII век М, 1980 С 167—183

⁶⁵ См Федотов Г Стихи духовные Русская народная вера по духовным стихам М 1991 С 49- 57

всесилен» (Канон во Святую и Великую субботу, песнь 5, ирмос); «Днесь спасение миру, яко воскрес Христос яко *всесилен*» (Канон во Святую и Великую неделю Пасхи, песнь 4, ирмос); Христос — «*Всесильнодетель*», совершающий все своим всемогуществом (Канон в Великую субботу, песнь 4, тропарь 3). Последнее слово в решении судьбы Мастера принадлежит Христу, который, передавая свою волю через Левия Матвея, просит Воланда, чтобы тот «взял с собою Мастера и наградил его покоем», ибо Мастер «не заслужил света, он заслужил покой» (С. 776). Истоки «вечного покоя», уготованного героям романа, надо искать, по-видимому, в сфере литургической поэтики. Вряд ли здесь можно видеть скрытую цитату из Пушкина,⁶⁶ учитывая контекст событий, которому значительно больше соответствует текст из церковной службы за умерших с обращением к Христу: «Ангел Божий, вземляй грехи мира, *даруй им покой!* Ангел Божий, вземляй грехи мира, *даруй им покой!* Ангел Божий, вземляй грехи мира, *даруй им вечный покой!*».⁶⁷ Возникает знаменательная переключка с названием последней главы романа «*Вечный приют*», а в ее тексте — «*вечный дом*».

Обращение к мифу о дьяволе может предоставить объяснение некоторым эпизодам финала романа, вызывающим предположения исследователей о незавершенности авторской работы над произведением. В частности, Б. Гаспаров пишет: «Отдельные мелкие стилистические погрешности и сюжетные неувязки второй части указывают как будто на отсутствие окончательной белой правки». К «наиболее значительным» из них исследователь относит следующие: «Смерть Маргариты инсценируется Азazelю в ее доме на Арбате, смерть Мастера — в комнате № 118 в клинике, то есть тем самым как бы аннулируются все события, связанные с превращением Маргариты в ведьму и участием в бале Сатаны, а уход в приют после смерти оказывается чисто духовным, без участия телесной оболочки; но в эпилоге фигурирует записка, оставленная Маргаритой мужу, и говорится о таинственном исчезновении Мастера. Судьба Наташи в связи с этим также „повисает“ в воздухе».⁶⁸ Те же эпизоды Г. А. Лескис характеризует как «противоречивые описания», в которых «обнаруживается некий трансграгический принцип эстетики».⁶⁹

Возможное решение отмеченных «сюжетных неувязок» находится, по нашему мнению, на пути изучения их в контексте той части мифа о дьяволе, которая касается взаимоотношений дьявола и ведьмы. Еще раз обратим внимание на то, что русский перевод «Молота ведьм» вышел в 1932 г. В предисловии, представляющем самостоятельное исследование, автор его, профессор С. Лозинский, уделяет специальное внимание феномену раздвоения ведьмы, представлявшего практический интерес для судей-инквизиторов. Признание ведьмы в «телесном» присутствии на шабаше служило важнейшим аргументом против нее на судебном процессе, где часто сталкивались противоположные свидетельские показания: с одной стороны, вырванные у ведьмы, с другой — утверждения ее мужа о том, что жена никуда из дому ночью не отлучалась. Проблема «раздвоения» была поднята церковными авторами еще в XIII в. С. Лозинский приводит свидетельство доминиканца

⁶⁶ «Судьба Мастера, как она определена в разговоре Воланда с Левием Матвеем, формулируется в виде скрытой цитаты из Пушкина „Он не заслужил света, он заслужил покой“ (ср. «На свете счастья нет, но есть покой и воля»); см. Гаспаров Б. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» С. 84

⁶⁷ Бобровницкий И. О происхождении и составе римско-католической литургии и отличии ее от православной Киев 1873 С. 55

⁶⁸ Гаспаров Б. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» С. 88

⁶⁹ Лескис Г. А. «Мастер и Маргарита» Булгакова (манера повествования жанр, макромотивация) // Изв. АН СССР (сер. лит.-ры и языка 1979 Т. 38 № 1 С. 54

Томаса из Шантемпрэ о том, что «женщины уносились из кровати дьяволом, заменявшим их другими „ложными телами“ (*figmenta*); последние умирали, их хоронили, а улетевшие женщины продолжали где-то спокойно жить, как ни в чем не бывало» (Курсив наш. — Л С, М. Р.). Также доминиканец, богослов XVI в. Варфоломей де Спино, автор известного сочинения «Исследование о ведьмах», поднимает тот же вопрос уже в период инквизиционных процессов. Он приводит ряд аксиом, относящихся к поведению ведьм, — превращение в животных, перелеты по воздуху, сожительство с дьяволом, убийство малых детей, а также факт телесного раздвоения ведьм: «...говоря о том, что мужья летающих ведьм не только не подтверждают этих полетов, но утверждают, что их жены мирно спят рядом в ночи своих мнимых полетов, замечает, что „тут-то и проявляется дьяволщина, обманывающая мужа, рядом с которым лежит «подобие тела», принявшего образ жены обманутого мужа“». ⁷⁰ Напомним также, что еще до появления русского перевода «Молота ведьм» те же положения были высказаны в общей форме в брошюре М. Геннинга: «Пока все это совершается, место ведьм в их домах, на их супружеских постелях занимают демоны-сукубы, таким образом, мужья ведьм могут и не подозревать о похождениях своих жен». ⁷¹

Раздвоение Мастера и Маргариты может быть интерпретировано в свете накопленных традиций представлений об одном из проявлений союза дьявола и ведьмы, когда дьявол при необходимости создает двойника. Умирающая у себя дома Маргарита и Мастер, скончавшийся в клинике, могут являться подобными «двойниками». В рамках той же демонологии дальнейшее исчезновение двойников в романе также не представляется нелогичным: они исчезают, как всякое дьявольское наваждение (деньги, документы, афиши). Обращение к традиции мифа открывает возможность непротиворечивого объяснения кажущейся незавершенности, интерпретации, в свете которой рассмотренные нами сюжетные ходы финала романа не выглядят «неувязкой», свидетельствующей о незавершенности авторской работы над его текстом. ⁷²

К мифу о дьяволе принадлежат и черные кони, на которых в финале романа улетают главные герои. В научной литературе уже существует указание на книгу М. А. Орлова как на источник данного образа у Булгакова. ⁷³ На наш взгляд, безусловной зависимости «коней» романа от названного труда нет: совпадение мотивов достаточно внешнее и служит проявлением общей мифологической топки. За сатанинскими силами со времен средневековья утвердился образ рыцарского воинства, на огромных черных конях уносит дьявол ведьм и грешников в ад (Вильгельм Мальмсберийский, XII в., Яков Пакаванти, XIV в.). Эти кони были широко представлены в литературе романтизма (см., например, рассказ В. Ирвинга «Дьявол и Том Уокер», поэзию Л. Уланда) и далее (например, в видении митрополита Филарета из «Очарованного странника» Лескова). Приведенные параллели исключают, на наш взгляд, достаточно распространенную трактовку коней из романа Булгакова как коней апокалиптических.

⁷⁰ Шпренгер Я., Инстититорис Г. Молот ведьм С 39, 49, 71

⁷¹ Геннинг М Дьявол. С 40

⁷² Что касается судьбы Наташи, то она отнюдь не «повисает в воздухе» Наташа совершенно «нормально» превратилась в ведьму, и, как вполне прозрачно намекает Булгаков на последних страницах романа, каждый год «в праздничное полнолуние» она невидимой является Николаю Ивановичу, еще не утратившему связь с миром нечистой силы Булгаков словами другого своего героя — Ивана Бездомного свидетельствует «Вовсе не воздух влечет его в сад, он что-то видит в это весеннее полнолуние на луне и в саду, в высоте < > какою такую Венеру он утратил и теперь бесплодно шарит руками в воздухе, ловит ее» (С 810)

⁷³ См Чудакова М О Архив М А Булгакова С 73, примеч 114

В эпилоге романа дает о себе знать еще одна сторона мифа о дьяволе. Средние века прославились многочисленными преследованиями различных животных и судебными процессами над ними. «Существовало убеждение, что дьявол охотнее и чаще всего принимает вид животного — сам принимает вид какого-нибудь животного, чтобы вредить, и также обращает в животных людей, в которых он поселился или которые вступили с ним в связь».⁷⁴ За животными признавались как за Божьими созданиями равные с людьми права, и потому они обязаны нести ответственность за свое поведение по всей строгости закона. Серьезное и одновременно исполненное иронии сообщение в романе об истреблении «в разных местах страны» сотни черных котов после учиненных свитой Волаанда в столице безобразий, и особенно описание случая с поимкой в Армавире черного кота, в котором заподозрили «господина гипнотизера», достаточно прозрачно возводит эти события к процессам над животными.

При судах над животными (случавшимися еще даже в XIX в.) тщательно соблюдались все процессуальные формальности: свидетели, допрос, обвинитель, защитник, приговор. В романе фактическим адвокатом кота, за свидетельствовавшим его абсолютную благонадежность, выступила его хозяйка — «старушка вдова»: «Она дала самые лестные рекомендации коту...» (С. 802). Весьма близкую аналогию этому замечательному происшествию обнаруживаем в материалах процесса над ослицей в 1750 г. во Франции (в век Вольтера!), обвинение ее в безнравственности было отклонено судом на основании письменного свидетельства местного священника, которым удостоверялась нравственность этой ослицы.⁷⁵ Эпизод с котом, который выглядит в романе как пародия на средневековые процессы против животных, не оставляет места для совершенно необоснованного, на наш взгляд, суждения, согласно которому привод кота в милицию является пародией на шествие Христа на Голгофу.⁷⁶

В романе в поле мифа о дьяволе находятся и некоторые другие эпизоды, реалии, характеристики, мотивы, оставшиеся за рамками нашего исследования: публичное разоблачение тайных грехов, превращение чертовых денег в ничего не стоящую бумагу (сцена в Варьете),⁷⁷ наказание дьяволом грешников еще при их жизни; астрология — классическая дьявольская наука; черт в образе черного кота (огромный черный кот-черт упоминается еще в булше 1233 г. папы римского Григория IX); буффонное поведение Коровьева и кота Бегемота; появление сатаны ровно в полночь в сцене бала; исчезновение нечистой силы после пения петухов, ее неуязвимость (перестрелка кота Бегемота с чекистами) и т. д.

⁷⁴ Канторович Я. Процессы против животных в средние века. СПб., 1897. С. 52

⁷⁵ Там же. С. 15

⁷⁶ См. Гаспаров Б. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Даугава. 1988. № 10. С. 98, № 11. С. 95—96

⁷⁷ В мотиве превращения денег, кстати, широко представленном в средневековой и новой литературе, а также в народных поверьях, литературный критик усматривает некую антиеврейскую тему на основе внешнего сходства с эпизодами из оккультного сочинения малоизвестного романиста начала XX в. (см. Золотоносов М. «Сатана в нестерпимом блеске» С. 100—107). Рассуждения того же критика об отражении в романе некоего «субстрата культуры русского антисемитизма» являются плодом недоразумения, отчасти объяснимого обращением к узкому кругу идеологически окрашенных источников. Заметим, кстати, что подробности относительно якобы «сатанизма иудеев» добывались на инквизиционных процессах М. А. Орлов описывает в частности дело о колдовстве XVI в. «прошумевшее на всю Европу», на котором одна из обвиняемых кроме признания личных встреч на шабашах Вельзевула (с подробным описанием его внешности) поведала и о том, что часть похищенных ею «младенцев поедалась на шабашах, а часть поступала в распоряжение жидов, которые употребляли их кровь для совершения своих обрядностей» (Орлов М. А. История сношений человека с дьяволом С. 692)

Мы стремились показать, что в своей глубинной структуре роман «Мастер и Маргарита» воспроизводит сюжет мифа о дьяволе, и потому произведение не может быть понято без реконструкции этого мифа, образующего второй план повествования. Булгаков свободно и оригинально использовал христианский миф, встроив его в контекст романа. Играя со своим сюжетом, он дал собственную интерпретацию мифа, гибкую, поливалентную, отчасти релятивистскую разработку. Булгаковская версия мифа о дьяволе выражается в том, что Воланд не абсолютный дьявол, а Маргарита не вполне «ведьма», шабаш — не шабаш, а черная месса есть одновременно пышный бал. Булгаков творит роман, опираясь не столько на семантику мифа, сколько на его структурные части. Миф о дьяволе интересует писателя как источник ресурсов определенного способа повествования и их возможной трансформации, он выполняет в его произведении структурообразующую роль, двигая сюжет.

С реконструкцией в романе мифа о дьяволе как нарративного целого стало возможным «прочитать» внутренний смысл эпизодов, в которых ранее не замечали их мифологической основы, или объяснение которых вызывало затруднения, либо же толкование уходило, на наш взгляд, далеко в сторону от лежащих в их основе архетипов. Совершенное знание Булгаковым символического языка средневековой демонологии сочеталось у него с таким же совершенным знанием языка церковной культуры. Внутренние связи текста романа с церковным культурным слоем являются достаточно очевидными. Все составляющие литургии — время, место, служители и участники, священные одежды и атрибуты, священные сосуды, обряды и действия, самый текст службы — все это выступает в контексте, прямо противоположном изначальному. Разные стороны христианского мифа преобразованы в романе богатством фантазии писателя, порождающей причудливые облики бесконечного смысла романа.

Сюжет «Старой были» П. А. Катенина

1

«Старая быль» П. А. Катенина — одно из высших поэтических достижений этого во многих отношениях замечательного «спутника Пушкина» — принадлежит к числу произведений, которым «повезло» в исследовательской литературе. Ему посвящен классический экскурс Ю. Н. Тынянова в «Архаистах и новаторах», во многом предопределивший его современное восприятие и толкование. Филигранный анализ скрытых в нем намеков на политическую ситуацию декабрьского времени, его образных мотивов, прототипов, наконец, сопутствующей ему переписки Катенина позволил Тынянову прочитать «Старую быль» как стихотворение декларативное и полемическое, осуждающее политический конформизм прежних катенинских друзей, в частности Пушкина, и обосновывающее гордое одиночество поэта — alter ego автора, отвергнутого властью и новоиспеченными «сервиллистами». Непосредственным продолжением начатого Катениным спора был его обмен посланиями с Пушкиным; внешне комплиментарные, послания эти были также полны саркастических намеков.¹ Все это хорошо известно, и мы напоминаем о толковании Тынянова лишь для того, чтобы обозначить доминирующую линию изучения. Другое возможное направление — анализ художественных в собственном смысле мотивов, жанровых и стилистических особенностей текста — в историографии «Старой были» представлено гораздо менее. Между тем оно может и несколько скорректировать ставшие традиционными выводы, и — что, может быть, еще важнее — прояснить некоторые черты художественного метода и мировоззрения писателя, которого Пушкин склонен был причислять к «романтикам», а многочисленные литературные оппоненты Катенина — к «классикам», в чем, кажется, и он сам был с ними согласен. Мы попытаемся хотя бы отчасти пополнить репертуар наблюдений над поэтикой «Старой были», сосредоточившись на тех чертах образной системы, которые всегда являлись предметом особой исследовательской заинтересованности Д. С. Лихачева. Мы имеем в виду не только прямую рецепцию и трансформацию в стихотворении древнерусских литературных мотивов, но и более широкую область поэтики жанров, их художественной семантики, где обнаруживается и «консерватизм формы», и ломка традиции.²

Катенин начал писать «Старую быль» весной 1827 г. в Петербурге и продолжал в Шаеве и Колотилове еще в следующем году. В феврале 1828 г.

¹ Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 160—177

² См. об этом, например, в книге Д. С. Лихачева «Литература — реальность — литература» (Л., 1981. С. 4 и след.)

он сообщает своему постоянному литературному confidentу Н. И. Бахтину, что стихотворение, начатое еще при нем, постепенно продвигается вперед и что произошло изменение художественного замысла. Об этом изменении мы будем говорить позже специально; сейчас заметим, что, судя по письму, сюжет «Старой были» с самого начала определился как история состязания греческого и русского певцов при дворе князя Владимира.³

2

Тема поэтического состязания в литературном сознании Катенина связывалась с совершенно определенной жанровой формой. Этой формой была идиллия. Она привлекала Катенина уже в начале его литературного пути: в числе его первых известных произведений мы находим перевод идиллии Биона, стихотворное переложение «Ночи» Геснера и «Эклогу» Вергилия. Но безусловно первым по достоинству идилликом в мировой литературе Катенин считал Феокрита, «гениального греческого поэта», «еще более неподражаемого, нежели сам отец стихов» — Гомер; «простота, жизнь и поэзия» его творений, писал он в «Размышлениях и разборах», сделала их недостижимыми для последующих писателей.⁴ Именно Феокрит дал буколической поэзии восходящий к фольклору тип состязания певцов, построенный по принципу «амебейного» пения; состязание заканчивается победой сильнейшего и вручением награды. В идиллии I — «Тирсис, или Песня» Тирсис получает кубок, как будет и в «Старой были», и здесь, по-видимому, не случайное совпадение: эта идиллия принадлежала к числу самых известных в наследии Феокрита;⁵ описание кубка, занимающее в ней всю первую часть, считалось классическим. Через три года после «Старой были» Катенин напишет «Идиллию» о состязании Аполлона и Эрмия (Гермеса), оспаривающих друг у друга лавровый венец и любовь наяды Кору.

Идиллическое построение составляло, таким образом, своего рода сюжетный архетип задуманного в 1827 г. стихотворения, но он был осложнен и другими ассоциациями. Возможно, одну из них подсказала баллада Гете «Певец», переведенная Катениным еще в 1814 г. Катенин русифицировал ее текст, перенес действие, как в «Старой были», ко двору князя Владимира и введя мотивы «Слова о полку Игореве» («Вещий перст живые струны / Всколебал; гремят перуны: / Зверем рыщет он в леса, / Вьется птицей в небеса». С. 78). Как и в «Старой были», певец отказывается от богатой награды и готов принять лишь «кубок светлого вина» — деталь, играющая столь важную роль в новом произведении. Вообще поэтика баллады, разработке которой Катенин отдал столько творческой энергии, очень ясно ощущается в «Старой были»: действие развивается стремительно, и самый эпизод состязания — кульминация сюжета, а не общая композиционная форма идиллического «амебейного» построения, как это будет, например, в «Идиллии».

Уже Ю. Н. Тынянов обратил внимание на то, что метрика «Старой были» аналогична пушкинской «Песни о вещем Олеге»: Катенин как бы напоминал Пушкину о его собственном стихотворении, в котором он писал: «Волхвы не бояться могучих владык, / А княжеский дар им не нужен»,

³ Сведения по творческой истории «Старой были» см. в примечаниях Г. В. Ермаковой-Битнер (Катенин П. А. Избр. произведения М., Л., 1965 С. 684–686). Далее ссылки на это издание в тексте.

⁴ Катенин П. А. Размышления и разборы М., 1981 С. 69

⁵ См. русское издание Феокрит. Мокх. Бион. Идиллии и эпиграммы / Пер. и коммент. М. Е. Грабарь-Пассек М., 1958 С. 9–14, 203 и след., 243 и след.

утверждая независимость прорицателя (и поэта) от власти.⁶ Это очень вероятно, но здесь нужно вспомнить и о другом возможном образце, именно — элегии К. Н. Батюшкова «Гезиод и Омир соперники», где есть строфоиды, предвосхищающие и пушкинскую, и катенинскую строфу:

Коней отрешите от тягостных уз
И в стойлы прохладны ведите,
Вы, пылью и потом покрыты бойцы,
При пламени светлом вздохните
Внемлите народы, Эллады сыны,
Высокие песни внемлите!⁷

Есть основание думать, что эта элегия Батюшкова (перевод из Мильвуа) имела особое значение в творческой истории «Старой были». Напомним, что в ней состязаются два поэта — великий и гениальный; первый — Гесиод — поет мирные сельские труды, второй слагает высокие песни о воинских подвигах. «Слабый царь, Халкиды властелин, / От самой юности воспитанный средь мира», отдает предпочтение Гесиоду; победитель получает «сосуды сребряны, треножник позлащенный / И черного овна»; сосуды он отдает в жертву музам. Победенный Гомер («Омир») обречен скитаться, не находя пристанища в Элладе, ибо — «где найдут его талант и нищета?». Он «скрывается от суетной толпы, / Снедая грусть свою в молчании глубоком», однако и здесь остается «духом царь, не раб разгневанной судьбы». Все это, вплоть до деталей, очень близко катенинскому сюжету.

Мы можем указать еще на одно стихотворение о состязании поэтов, непосредственно предшествовавшее «Старой были», — «Два певца соперники» А. А. Волкова, опубликованное в «Дамском журнале» в 1824 г. О знакомстве с ним Катенина нет никаких сведений, хотя, конечно, оно не исключается: текст его имеет со «Старой былью» несколько важных точек соприкосновения. Действие происходит в стане Александра Невского после победоносного сражения; князь устраивает пир и зовет певцов. Первый — Громслав — «восторгом окриленный, / Поет песнь ратную давно минувших дней» — о подвигах Святослава и героической его гибели в волнах «Бористена». «Про старые веки и роды» слагает свои песни и катенинский певец-воин, который «верно служил Святославу» «за светлым Дунаем, в Болгарской стране». Соперник Громслава Услад (излюбленное имя катенинских «певцов») поет о Владимире после возвращения из Корсуни, но не о победах, а о «таинственной тоске», овладевшей князем, и о ночном явлении ему «горного духа», открывшего ему пути к «вере и спасенью».

Владимир, веры полн, с восставшею зарею
Исходит к идолам, и мощною рукою
Мгновенно вержет их во прах!¹
И храмы Божии красосою воссияли,
И гимн торжественный хваленья загремел!
Свирепства дух исчез, и войны познали
Другий — священнейший для смертного удел

Услад побеждает Громслава, ибо прославляемые им идеалы «святой любви» выше воинских подвигов, а христианские начала выше языческих. Он получает награду. Эта награда — кубок.

⁶ Тынянов Ю. Архансты и новаторы С 166

⁷ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе М., 1977 С 245 Ср Сандомирская В. Б. К вопросу о датировке помет Пушкина во второй части «Опытов» Батюшкова // Временник Пушкинской комиссии 1972 Л., 1974 С 24—25

«Услад! ты одержал победу! —
 Герой воззвал к певцу — Прими сей кубок в дар!
 Ты в наше сердце влил святой любви жар
 И сладким пением восхитил всю беседу»⁸

«Старая быль» вырастает из этого «литературного фона» и вступает с ним в непосредственное взаимодействие.

3

Едва ли не основной формой этого взаимодействия, как это часто случалось у Катенина, были противостояние и полемика. Его симпатии принадлежат певцу «языческих» подвигов Святослава, получившему кубок не как награду за победу, а как компенсацию за поражение. Вольно или невольно «Старая быль» была полным отрицанием своего тематического аналога — во всем, вплоть до частных мотивов и художественных деталей.

Но этого мало. На фоне «Двух певцов соперников» особенно ясно выступает скептическая сдержанность Катенина во взгляде на эпоху Владимира и самую личность князя, канонизированного церковью. Еще ярче она скажется в «Рондо» 1830 г. («Владимир-князь, объят лжеверья тьмою...»), где речь как раз идет о женитьбе Владимира после похода на Корсунь: «греки / Спрягли его с их царскою княжной» (С. 206). Совершенно необычное в русской литературе этого времени вольнодумство в трактовке этого эпизода вызвало недоумение Ф. Булгарина относительно «цели» этой «пьесы»⁹ Осуждение Катенина вызывает, однако, не принятие христианства, а усвоение нравов, вкусов, политических привычек византийского двора, противоположных простоте, героичности и нравственной определенности «старого времени»; собственно, столкновение этих двух враждебных друг другу начал и составляет содержание «Старой были». Византиец в ней возносит хвалу не христианству, а земной власти.

Все это несколько не противоречило аллюзионному характеру катенинского стихотворения, напротив: печатью византизма для Катенина была отмечена и современная ему русская социальная жизнь. Но образы и поэтика «Старой были» не сводимы к простым политическим аллегориям автор ее стремится сохранить черты «того быта, тех поверий и лиц» «вокруг ласкового князя Владимира», за отсутствие которых он упрекал «Руслана и Людмилу» Пушкина.¹⁰

Местный и исторический колорит Катенин воссоздает, руководствуясь законами преромантического историзма. Нам уже приходилось указывать на значение для него культурно-исторических аналогий: так, характеризуя «рыцарский» период русского средневековья, он обращается к итальянской октаве в своем понимании.¹¹ Состязание при дворе Владимира для него — аналог поэтических турниров трубадуров. «...все почти трубадуры, — писал он в «Размышлениях и разборах», — знатный, воинственный, красавицкий народ; любовь и поэзия почитались у них необходимыми украшениями храбрых; победить соперника на *невчем поединке* (*tenzon*) и получить награду от прекрасной дамы, нередко королевы, председательницы *любвонной па-*

⁸ Дамский журнал 1824 Ч 6, № 7 С. 18—21 Об А. А. Волкове авторе стихотворения см. Гришкина Н. Ю. Волков Александр Абрамович // Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. М., 1989. С. 463—464.

⁹ См. об этом Ермакова-Битнер Г. В. П. А. Катенин // Катенин П. А. Избр. произведения. С. 46—47.

¹⁰ Катенин П. А. Размышления и разборы. С. 104.

¹¹ См. Вацуру В. Э. Записки комментатора (ПБ. 1994. С. 166—172).

латы (сoug d'amour), казалось им так же лестно, как вышибить противника из седла на турнире».¹² Может быть, эта ассоциация объясняет, почему форма рондо (с подзаголовком «Из французской старины») показалась ему уместной для стихотворения о женитьбе Владимира. Византийский певец, несомненно, играет роль трубадура: в его песнь вкраплена куртуазная формула, вполне соответствующая приведенной выше характеристике: «Почерпнет силу верный раб / В глазах владычицы прекрасной» (С. 179). Но как раз здесь и обнаруживается, что ролевая маска трубадура для византийца — пустая и бессодержательная форма. Он не может быть ни воином, ни любовником. Он скопец.

Блестящей и бессодержательной формой оказывается и его песнь.

Начиная с Тынянова, исследователи Катенина сосредоточивали особое внимание на песни византийца, и это избавляет нас от необходимости приводить полный ее анализ. Отметим лишь одно обстоятельство. В ее поэтике искали прежде всего аллегорического смысла, не учитывая в полной мере, что аллегория здесь могла быть лишь вторичной. Песнь византийца имеет источник — или источники — в подлинных византийских текстах, отразившихся и в древней, и в новой русской литературе.

В сочинении Константина Порфирородного «О церемониях византийского двора» («De ceremoniis aulae Byzantinae») мы находим описание рыцарских золотых львов у трона и сидящих вокруг на золотых деревьях гармонически поющих птиц («inscriunt aurei leones rugire avesque aureae tam in sacro throno, quam in aureis arboribus circumpositis sedentes harmonice cantilare»)¹³.

В «Слове о благочестивом царе Михаиле» (XVII в.) описывается двор византийского императора. «И бысть у него древо златое, и ветви у древа златые и серебряные, а на том древе птицы поют различными гласы». Подобные же описания есть в хронике Манассии.¹⁴

Это катенинское:

У ног твоих из звонкой меди,
Свою являющие власть,
Два льва, как алчущие снеди,
Лежат, разинув алчну пасть

Они встают навстречу дерзкому пришельцу, «очами гневными вращают, / Рычат и казнь угрожают» (С. 180).

Далее живописуется искусственное «неувядающее дерево», осеняющее престол, пленяющее взор «блеском листьев золотых»:

На сучьях серебряных древесных
Витают стадо птиц прелестных —
Зеленых, алых, голубых
И всех цветов, очам известных

Эти птицы также искусственные; они сделаны из драгоценных камней (С. 180—181).

Уже позднее Н. А. Полевой ввел подобную же сцену в свои «Византийские легенды» (1835; отд. изд. 1841) и в первом томе своей «Истории» крат-

¹² Катенин П. А. Размышления и разборы С. 88

¹³ Corpus scriptorum historiae Byzantinae Constantinus Porphyrogenitus Bonnae 1829 Vol 1, lib II cap 15 P 569 В оригинале «ἀρχονται βρυχᾶσθαι οἱ λέοντες καὶ τὰ ὄρνεα τὰ ἐν τῷ σεντῶνι θρόνῳ καὶ τὰ ἐν τοῖς δένδροις ἀεῖν ἐναρμονίως»

¹⁴ Сперанский М. Н. Эволюция русской повести в XVII в // ТОДРЛ. М., Л., 1934 Т. 1 С. 157-164

ко упомянул об этих символах власти византийских императоров; источником ему служила, видимо, «История разрушения и упадка Римской империи» Гиббона, откуда он черпал сведения по истории Византии.¹⁵ Над тронами, где восседали император Никифор, императрица и дети, рассказывал он в «Византийских легендах», возвышался балдахин в виде серебряного дерева «с серебряными, золотыми и из драгоценных камней сделанными листьями, плодами, птицами <...> Два золотых льва, с изумрудными глазами, видны были по обеим сторонам тронов, огромные, изумлявшие хитрым искусством ваятеля». Едва иностранные послы вступили в тронную залу, «Никифор протянул вперед руку со скипетром и мгновенно раздался странный звук и шум. Казалось, что трон императорский ожил: листья серебряного дерева, осенявшие его, зашевелились; птицы, сидевшие на нем, двигали головами и крыльями; львы подняли гривы, зашевелили глазами и с ревом подвинулись вперед, как будто хотели проглотить чужеземцев, приближавшихся к трону».¹⁶

Это-то описание и легло в основу песни грека, выдержанной в тонах придворной одической поэзии.

4

Катенин опасался, что его ученик и литературный конфиденд Бахтин осудит его за «некоторый род пародии» Ломоносова и «всех наших лириков вообще в песни грека», — но «пародией» он называл скорее пастиш, имитацию, не ставящую под сомнение художественные достоинства жанра. Песнь грека писалась «всерьез» и на предельном уровне творческих возможностей автора; это в самом деле очень хорошие стихи, и Катенин был ими доволен. «Грек <...> пропел и, по-моему, очень *comme il faut*, сообразно с целью всей вещи». Теперь поэту предстояло написать песнь русского певца.

Есть некоторые основания думать, что Катенин первоначально мыслил противопоставить похвальной оде песнь о воинских подвигах, т. е. пойти по тому пути, который был намечен Батюшковым в «Гезиоде и Омيره соперниках» и реализован в «Двух певцах соперниках» А. А. Волковым с обратным знаком. Совершенно несомненно, что победа предназначалась русскому певцу, — и почти несомненно, что князь Владимир, как это и произошло в окончательной редакции, должен был отдать предпочтение греку. И социальная, и эстетическая концепция Катенина предопределяла именно такой финал: великий поэт обречен на непонимание при дворах властителей; его победа осуществляется через поражение. Так это было и у Батюшкова. Теперь Катенину нужно было разрешить задачу чрезвычайной сложности: создать новый текст, который бы явно превосходил уже написанный «для грека».

Уже цитированное нами письмо к Бахтину от 11 февраля 1828 г. показывает, что решение пришло не сразу и для самого автора оказалось неожиданным. «...в расположении последовала перемена необходимая, то есть русской вовсе петь не будет». Это было художественное открытие, значение которого ему придется терпеливо растолковывать Бахтину, лишенному эстетического чутья и ожидавшему тривиальной развязки: русский певец превосходит соперника величественной наружностью, «огненным взором» и «силой членов». Катенин объяснял, что он стремился избежать «лишней ри-

¹⁵ Полевой Н. А. История русского народа. М., 1829. Т. 1. С. 88.

¹⁶ Полевой Н. А. Византийские легенды. М., 1841. Т. 1. С. 56—57, 74. Ср. Козмин Н. К. Очерки по истории русского романтизма СПб., 1903. С. 141—142, где указаны параллели и в историческом романе Запада.

совки» и создал своего рода «художественную лакуну» — эквивалент текста, возбуждающий напряженное читательское ожидание, и что поэтому-то он русского певца «и петь не заставил, а слегка только намекнул, о чем бы он мог петь». «Воображение лучше моих стихов представит его песенный дар».¹⁷ Поэтическая тема «состязания» получала, таким образом, новую глубину и целый спектр «точек зрения» при контрастном сопоставлении певцов: одическому тексту оказался противопоставленным не текст — иного содержания или поэтического уровня, а общественный и этический акт, ставивший самого певца-воина на более высокую ступень на шкале человеческих ценностей.

Катенин и на этот раз сумел преодолеть инерцию художественной традиции.

Он варьировал свою находку в упоминавшейся уже нами «Идиллии» 1831 г., где наяда Кора, которой добиваются в состязании Аполлон и Эрмий, отдаст Аполлону венок победителя, а побежденному Эрмию — свою любовь.

¹⁷ Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину СПб., 1911 С. 109, 113

ИСТОРИЯ НАУКИ

Г. И. ВЗДОРНОВ

Н. П. Кондаков в зеркале современной византистики

Жизнь Никодима Павловича Кондакова (1844—1925) пришлось на эпоху, когда гуманитарная наука в России находилась в стадии становления и лишь немногие ее отрасли, такие, как история и филология, пользовались относительно прочной государственной поддержкой. Говоря об их официальном признании, мы имеем в виду то, что обе эти дисциплины входили в систему университетского преподавания, а позже они стали предметом специального изучения и в Российской Академии наук. Но Н. П. Кондаков не «чистый» историк, а историк искусства, и не искусства вообще, а для XIX в. совершенно экзотического его раздела — византийской живописи и архитектуры и византийского прикладного искусства. Сделать ученую карьеру на столь узком предмете изучения было почти невозможно, но Н. П. Кондакову удалось добиться значительно большего: он самостоятельно выработал новую научную дисциплину и стал одновременно и основателем и наиболее выдающимся представителем византистики, причем с годами его авторитет не только не потускнел, но приобрел международное признание. И совсем не из уважения к возрасту ученого, а благодаря его неустанной и плодотворной деятельности.¹

К жизни Н. П. Кондакова менее всего приложимо понятие счастливой удачи, допускающее случайное стечение обстоятельств. Разумеется, родство семьи Кондаковых с московским митрополитом Филаретом Дроздовым открывало молодому ученому доступ к церковным сокровищам не только Москвы и Петербурга, но и всей России. Его тесное сотрудничество в Комитете попечительства русской иконописи с личным другом Николая II графом С. Д. Шереметевым давало издательские и прочие преимущества перед другими исследователями старины. Избрание в академики Российской Академии наук обеспечивало такие материальные условия, когда отпадала необходимость работать за кусок хлеба, как это было в юные годы Н. П. Кондакова. Но общественное и высокое ученое положение Н. П. Кондакова достигалось не в одночасье, а в течение долгих лет, заполненных каторжным трудом. Чтение его ранней книги о путешествии на Синай (1881) вызывает содрогание на тех страницах, где он описывает свое плавание от Суэца до западного побережья Аравии — плавание в каюте, в буквальном смысле шевелившейся от тысяч бытовых насекомых: при таких ужасающих условиях добывались научные материалы для исследований тридцатилетнего Н. П. Кондакова. Его личный опыт учит нас, ученых иной

¹ Литература о Н. П. Кондакове достаточно велика, но его полной научной биографии до сих пор нет. Предпринятый в этом направлении труд Ф. И. Шмита остался незавершенным из-за ареста и ссылки автора. См. Санкт-Петербург отделение Института археологии РАН, ф. 55, ед. хр. 40, л. 1—68.

эпохи, честному служению избранному делу, без которого все, даже, может показаться, легко достижимые цели останутся пустым звуком и бесплодным мечтанием. При крайней разбросанности византийских памятников по музеям Старого и Нового Света, а также Ближнего Востока представляется все же совершенно невероятной исследовательская практика чисто кабинетного характера с изучением искусства по альбомам, статьям, каталогам и монографиям, опубликованным другими учеными. Ничего, кроме субъективных суждений и вымыслов, такая работа не даст. Личное ознакомление с вещами в какой-то мере ограждает ученого от безудержных фантазий и словесного сора, поскольку мысль поневоле фокусируется на зрительных впечатлениях, в том числе и на материальных (неизобразительных) признаках произведения искусства. Вот почему трудоемкая и сопряженная с разного рода лишениями и неприятностями выездная работа представляется наиболее желательной формой общения с предметом исследования. Именно такой путь был выбран Н. П. Кондаковым в качестве средства ознакомления научной общественности с результатами своих исследований. Едва ли не ежегодно он собирался в дорогу, и все лучшие кондаковские работы являются не чем иным, как капитальными отчетами о путешествиях: на Синай и Афон, в Сирию и Палестину, в Константинополь, на Балканы, в классические страны Европы, по русским столичным и провинциальным городам и монастырям. Сытое, благополучное, глухое к окружающей действительности существование было до такой степени чуждо натуре Н. П. Кондакова, что он скорее умер бы, но не оставил своего ежедневного труда и ежегодного конного или вагонного ученого путешествия.

Н. П. Кондаков прожил долгую жизнь: он скончался в возрасте восьмидесяти лет, а его научное творчество охватывает — с момента первых публикаций в 1866 г. — без малого шесть десятилетий. Учитывая необыкновенную работоспособность, жажду находить и издавать сотни и тысячи памятников археологии, истории и искусства, кажется на удивление небольшим общее количество печатных трудов ученого: не считая двух фундаментальных посмертно изданных работ о русской иконе и искусстве народов Востока, это около ста публикаций! Средняя цифра для списка статей не совсем ленивого современного доктора наук. Но стоит припомнить, что именно Н. П. Кондаков напечатал в течение указанного шестидесятилетнего срока, как ясно обозначится гений нашего соотечественника. Основу списка его работ образуют фундаментальные монографии, в которых разработаны не только специальные темы, но и широко затронуты многие общие вопросы истории византийского искусства. Как правило, за предмет исследования берутся крупные историко-географические территории, центры своеобразных культур: Синай, Сирия, Палестина, Македония, Грузия, Афон, Россия. Столичная культура Царьграда дополняется таким образом творческим наследием ближневосточных, балканских и русских земель, где ключом была художественная жизнь, отстоявшаяся в конечном счете в совсем новые формы искусства и архитектуры восточнохристианского мира. Научная интуиция подсказывала Н. П. Кондакову, что цельное восприятие этой культуры дает в руки исследователя надежное средство ее настоящего понимания. И он никогда не отрывал историю одного региона от истории другого, справедливо утверждая, что художественное явление обладает способностью обнаруживать никак не предсказуемые общие признаки в самых, казалось бы, несходных географических и временных точках. В наше время византистика распалась на сотни обособленных тематических разделов, и мы не припомним ни одной сколько-либо фундаментальной научной работы, основанной на общности всей восточнохристианской культуры.

Византийская и славянская художественная культура средневековья была в глазах Н. П. Кондакова продолжающейся культурой. Менее всего он был склонен оценивать ее как мертвую, чисто археологическую дисциплину — предмет занятий ученых-медиевистов. Такое понимание прошлого в значительной мере стимулировалось политической ситуацией на Ближнем Востоке и на Балканах во второй половине XIX и в начале XX в. Русско-турецкая война, завершившаяся освобождением южных славян от турецкого владычества, нейтрализация Черного моря, вопрос о проливах, балканские войны начала текущего века и многие другие острые вопросы внешней политики Российской империи не могли не волновать Н. П. Кондакова, так как его научные интересы были сосредоточены как раз в этих географических пунктах. Приведем характерный пример. Путешествие в Македонию в 1900 г. было предпринято им по поручению президента Российской Академии наук великого князя Константина Константиновича при очевидной финансовой и организационной поддержке правительства, которое в этом случае воспользовалось Н. П. Кондаковым как ученым прикрытием для политической разведки на Балканах. Да и сам исполнитель этой деликатной миссии в своем изданном отчете о командировке не скрывал политического аспекта экспедиции, целью которой было добывание «таких научных историко-археологических и филологических оснований, которыми можно было бы воспользоваться в будущем при постановке крупного политического вопроса, образуемого как современным положением Македонии в Турецкой империи, так и отношениями к ней и ее племенному составу соседних стран и национальностей Балканского полуострова».²

Македония, три части которой оказались позже на территориях Греции, Болгарии и Сербии, с давних пор служила предметом политических притязаний разных стран, и любопытно, что при выяснении этнической принадлежности македонских славян Н. П. Кондаков пришел к твердому убеждению в их древнеболгарском происхождении. Учитывая взрывоопасную ситуацию на Балканах, такой вывод не мог лишний раз не накалить отношений как между славянами, так и между Турцией и Австрией, чьи интересы на Балканах были в указанное время определяющими. Ученые общества в Македонии и ее представители в эмиграции незамедлительно называли Н. П. Кондакова «защитником угнетенных национальностей», и даже спустя четверть века, в 1924 г., намереваясь ехать из Праги в Болгарию, Н. П. Кондаков не без шутки писал С. А. Жебелеву, что ехать ему придется не иначе как через Румынию, так как «Сербия не даст визь».³

Современная византистика мало связана с политической и текущей жизнью того или иного народа, находившегося ранее в сфере влияния Византийской империи. Отвлеченно-историческое отношение к действительности давно вытеснило из науки прежние волнения и страсти, как неожиданно дающие о себе знать при чтении статей и книг Н. П. Кондакова и его современников. Какую бы из работ Н. П. Кондакова мы ни взяли, мы легко улавливаем пульс современной ему жизни, чутко откликавшейся на самые злободневные события. В этом сказывалась гражданская ответственность ученого, обнаруживающая родство с той чисто русской «совестью», которая ярко окрашивает ученую мысль и художественное творчество наиболее известных русских писателей, художников и ученых: И. С. Аксакова, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. В. Стасова, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого и мн. др. Политическими соображениями (достаточно, впрочем, консервативными) была продиктована и эмиграция

² Кондаков Н. П. Македония. Археологическое путешествие СПб. 1909. С. 1

³ АРАН (С.-Петербург филиал), ф. 729, оп. 2, ед. хр. 168, л. 156 об.

Н. П. Кондакова из России в Болгарию и Чехословакию: он не мог примириться с коммунистическим режимом, душившим всякую самостоятельную инициативу и уже показавшим свою нетерпимость к инакомыслию. В бытность свою в Одессе в 1918—1920 г. Н. П. Кондаков активно сотрудничал с белогвардейскими газетами, и его отъезд в Константинополь вместе с И. А. Буниным был предопределен не прошлой, а как раз этой фазой его жизни.

Если мысленно представить себе всех сколько-либо заметных русских исследователей византийского искусства, истории и культуры, мы вряд ли найдем хотя бы одного ученого, интересы которого были бы сосредоточены только на византийской теме. Их постоянно занимала также и русская тематика. Причина заключается здесь в том, что русские ощущали себя живой ветвью тысячелетнего древа византийской цивилизации: по своей вере, литературе, архитектуре, иконописи да и во многом другом. Н. П. Кондаков не был исключением и, как никто другой, активно разрабатывал вопросы русского искусства. Далекий от крайностей внешнеполитического ведомства, мечтавшего временами о возвращении проливов и о православном кресте на Софии Константинопольской, он видел свою задачу в разработке исторических связей искусства России с искусством Византийской империи. Воспринимая русское наследие предыдущих эпох как специфический раздел греческого, он, однако, намеренно ставил акцент на его национальной особенности. Пользуясь лексикой Н. П. Кондакова, его главный тезис в этом вопросе звучал так: «искусство византийское, но мастерство русское». Равным образом эта проблематика решалась и в отношении сербского, болгарского и румынского искусства, а также и Кавказа, прежде всего Грузии, куда он совершил путешествие в 1889 г. Патриотическая направленность исследований Н. П. Кондакова в области славянских древностей в целом и русской старины в частности совсем не означает, конечно, сознательного сужения его науки, и он настойчиво стремился поставить предмет своего изучения в общую историю европейской и восточной культуры. Его научные изыскания выгодно отличались по широте постановки проблемы от изысканий ряда его современников, копавшихся исключительно в остатках отечественного прошлого и неизбежно впадавших в фактологическую пестроту и еще чаще в фактологические ошибки при истолковании того или иного художественного явления.

Н. П. Кондаков нередко обращался к таким формам деятельности, которая может быть квалифицирована как общественная, — качество, ныне поголовно утраченное учеными-византинистами. Что, в самом деле, заставляло его заниматься реформами Академии художеств или устройством учебных иконописных мастерских в Палехе, Мстере и Холуе? Что побуждало его заниматься составлением и изданием иконописного подлинника, затрачивая на такие труды долгие месяцы, а то и годы своей жизни? Легко сказать (и в этом будет значительная доля правды), что тут сыграло свою роль повышенное чувство личного долга. Состоя членом большого числа ученых обществ и комитетов, Н. П. Кондаков не считал возможным уклоняться от работы соответственно задачам каждого из таких учреждений и вносил в их деятельность свою долю труда, знаний и опыта. Комитет попечительства русской иконописи занимался обустройством сельских иконописных школ и изданием образцовых икон и рисунков, рекомендуемых для воспроизведения в названных школах. Несмотря на крайнюю сомнительность художественной ценности подобных вещей, они образуют огромный пласт поздней иконописной практики и, как показало время, органично входят в общую историю русского иконописания. Неоднократно выраженное Н. П. Кондако-

вым мнение, что со временем такие иконы будут изучаться наравне с древними, подтвердилось в наше время.

В наследии Н. П. Кондакова заметно не только постепенное преобладание русской темы, но и поразительное возрастание фундаментальных исследований ученого. В 1914—1915 гг. Академия наук печатает его двухтомную «Иконографию Богоматери», спустя несколько лет он заканчивает третий том, посвященный иконографии итальянской Мадонны, и продает его Ватикану; в годы первой мировой войны он работает над колоссальным по объему текста и количеству иллюстраций трудом о русской иконе и, наконец, уже в годы эмиграции заканчивает книгу о древностях кочевых народов Востока. Все названные книги написаны им в возрасте за семьдесят, и это научное долголетие ученого не может не изумить даже ко всему привычного человека. Мы не упоминаем о статьях, сообщениях и рецензиях, которые тоже выходят за рамки формального объема и содержания, подобно, например, статье о Иерусалиме для «Православной богословской энциклопедии» (1905) или менее обширной, но столь же содержательной статье о древностях Константинополя для журнала «Светильник» (1915).

Характер Н. П. Кондакова определился в годы его молодости. Выходец из социальных низов, он долгое время зарабатывал поденной преподавательской работой и возненавидел ее на всю оставшуюся жизнь. Но он был вынужден заниматься ею и позже: в Новороссийском и Петербургском университетах, снова в Одессе, в Софии и, наконец, в Праге, где ему, восьмидесятилетнему старцу, пришлось читать лекции дочери президента Масарика и сыну приютившего его на своей пражской квартире американца Крэна. Дослужившись по гражданскому ведомству до действительного тайного советника (что соответствовало полному генеральскому чину), будучи академиком Российской Академии наук и академиком или членом-корреспондентом доброго десятка зарубежных академий и ученых обществ, материально независимый и сознательно не стремившийся к какой-либо роскоши, Н. П. Кондаков тем не менее непрестанно возникавшими обстоятельствами вновь и вновь привлекался к преподаванию. Легко понять, что в таких условиях он мало заботился о формировании собственной научной школы, а если она и давала о себе знать, то как бы независимо от желания самого Н. П. Кондакова. Прямых учеников Н. П. Кондакова было не более трех: рано умерший Е. К. Редин (1863—1908), Д. В. Айналов (1862—1939) и еще один безвременно скончавшийся ученый — Я. И. Смирнов (1869—1918). В одном из немногих последних писем к своему, быть может, единственному близкому другу, С. А. Жебелеву, от 8 июня 1919 г. Н. П. Кондаков пишет буквально следующее: «Вы меня ошеломили сообщением о смерти Я. И. Смирнова: за день ранее Сережа (приемный сын Н. П. Кондакова. — Г. В.) в письме назвал его покойным, а от Вас я узнал, что он уже 10 октября умер и, по-видимому, от истощения. У меня не было ученика, так полно снабженного для науки и так любившего занятия». И прибавляет: «Неужели надо вновь читать в университете и искать учеников?».⁴ При крайней требовательности к научной оснащенности учеников Н. П. Кондакову было трудно найти подходящих кандидатов для собственной школы. Нескрываемую недоброжелательность он обнаруживает в своих отзывах даже о таких позже прославленных ученых, как А. Н. Грабар и Н. Л. Окунев. И даже в Праге, когда уже образовался семинарий Н. П. Кондакова, он сетует на неподготовленность своей аудитории и на бесполезность своих лекций, ценность которых мало соответствовала составу слушателей.

⁴ Там же л 137

Тем удивительнее, что Н. П. Кондакову все-таки удалось приобщить к серьезной науке целое поколение отечественных и зарубежных историков искусства и что семинарий в Праге со временем вырос в большую научную школу. Одиннадцать фундаментальных томов «Чтений по истории, археологии и искусству», более известных в их латинском наименовании («*Seminarium Kondakovianum*»), выходили в течение тринадцати лет и образовали — вкуче с другими изданиями семинария (в частности, с серией *Εσφραγικὰ*) — настоящий памятник великому русскому ученому. Он, создатель византистики как особого раздела мировой истории искусства и культуры, дожил до того момента, когда в активную деятельность по ее дальнейшей разработке включились десятки молодых ученых. Такое счастье выпадает не каждому. Более того, все нынешние византилисты косвенно также являются наследниками Н. П. Кондакова, сумевшего затронуть в своих работах все сколько-либо существенные вопросы византийской истории искусства и наметить главные пути в изучении художественной культуры Византии и славянских стран, находившихся в сфере влияния Византийской империи.

Е. К. ПИОТРОВСКАЯ

«Якорь надежд»

(Мысли И. В. Ягича о Российской Академии наук)

Среди европейских ученых-славистов конца XIX—начала XX в., поддерживавших тесные научные и дружеские контакты с русскими учеными, первое место по праву принадлежит В. Ягичу (1838—1923). И сам он считал, что связи эти оказали сильное влияние и на его научные интересы, и на дальнейшее развитие славистической науки. К сожалению, тема научных контактов В. Ягича с русскими учеными историко-филологической науки XIX—XX вв., его роль в истории становления отечественного славяноведения, источниковедения и многих других специальных областей гуманитарной науки до сих пор остается до конца нераскрытой. В то же время связи В. Ягича с болгарскими, немецкими, польскими, чешскими, хорватскими учеными изучены полнее. И многие научные вопросы этих взаимоотношений освещены в работах и публикациях М. Мурко, П. Орешкова, Г. Порта, Г. Резеля, П. Скока, Й. Хамма и др. Это связано в первую очередь с тем, что огромное количество писем В. Ягича, хранящееся в его архивах в Загребе и России, до сих пор не опубликовано. Число корреспондентов В. Ягича достигает нескольких тысяч. Это ученые из многих стран. Хронологически переписка может быть очерчена рамками 60-х гг. XIX в. и 20-х гг. XX в.¹

Обращение к эпистолярному наследию В. Ягича позволяет полнее представить картину развития историко-филологической науки второй половины XIX—начала XX в. и доказывает, что связи и взаимоотношения между специальными дисциплинами, с помощью которых изучались древние памятники письменности и культуры, были более тесными. Детали переписки В. Ягича с известными русскими учеными подчеркивают главенствующую роль ученого в формировании многих научных интересов русских исследователей. Первые научные контакты В. Ягича с отечественными учеными начались еще в 1868 г.

Именно тогда благодаря рекомендации И. И. Срезневского он был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. А позднее, в 1870 г., также по представлению И. И. Срезневского, Дж. Даничич и В. Ягич были избраны почетными докторами славянской филологии Петербургского университета. Позднее, в 1872—1874 гг., В. Ягич пре-

¹ См., например Переписка А. А. Шахматова с академиком И. В. Ягичем (1881—1894) / Публикация С. А. Шахматовой-Коплан и В. Р. Лейкиной-Свирской // А. А. Шахматов М., Л. 1947, Документы к истории славяноведения в России (1850—1912) / Под ред. акад. Б. Д. Грекова М., Л., 1947, Письма И. В. Ягича к русским ученым 1865—1886 М., Л., 1963. Более полную библиографию исследований и публикации о В. Ягиче см. в статье И. В. Арбузовой и И. Я. Айзенштока «И. В. Ягич» в кн. Славяноведение в дореволюционной России М., 1979 С. 380

подавал в Новороссийском университете. И можно было ожидать, что после выхода в отставку В. И. Григоровича В. Ягич возглавит кафедру славяноведения. Но сложные коллегиальные отношения преподавателей университета не позволили этому совершиться.² Несколько лет (1874—1880) В. Ягич пребывал в Берлинском университете, где его многогранный талант слависта раскрылся в полной мере, а научный авторитет снижал ему славу выдающегося ученого. В 1880—1886 гг. В. Ягич после смерти И. И. Срезневского по представлению В. И. Ламанского был приглашен в Петербургский университет как филолог-славист.³ Здесь же он организовал кружок молодых студентов-славистов, где его педагогические способности вновь обрели силу и широту.⁴ В 1880 г. В. Ягич избран академиком императорской Академии наук. В 1886 г. ученый переезжает в Вену и занимает кафедру славяноведения. И так же, как в Петербурге, он организывает научное собрание, славянский семинар, ставший вскоре центром европейского славяноведения. В семинаре наряду с европейскими исследователями принимали участие и слависты из России. Сам В. Ягич неоднократно указывал на преемственную связь между студенческим кружком славистов в Петербурге и Венским славянским семинаром.⁵ Связь ученого с Петербургом и Петербургской Академией наук никогда не прерывалась, он публиковал свои труды, писал отзывы на исследования коллег-славистов, участвовал в заседаниях Академии, работал над древними манускриптами, принял непосредственное участие в организации «Предварительного съезда русских филологов и историков» в апреле 1903 г. На этом съезде наряду с другими научными проблемами решился вопрос об издании «Энциклопедии славянской филологии».⁶ Это издание было делом почти всей жизни ученого. Много энергии и души потратил В. Ягич на организацию научных сил и опубликование этого грандиозного труда. Есть основания утверждать, что проект издания «Энциклопедии славянской филологии» зародился у ученого в Петербурге во время преподавательской деятельности в университете. Известно, что на заседании «Предварительного съезда русских филологов и историков» был утвержден план издания «Энциклопедии». Императорская Академия наук должна была обеспечить издание «Энциклопедии», а В. Ягич — руководить всем изданием.

Особую роль в подготовке проекта издания и обсуждении его на заседаниях съезда сыграл А. А. Шахматов.⁷ В. Ягич считал, что издание «Энциклопедии» — «самая важная из задач, поставленных II Отделением»⁸ (т. е. Отделением русского языка и словесности). Многократно В. Ягич и во время встреч, и в письмах просил А. Н. Веселовского, Ф. Е. Корша,

² Арбузова И В 1) Из первых лет научной деятельности В Ягича (И И Срезневский и В Ягич) // Учен зап ЛГУ № 316 Сер филол наук Вып 64 Л. 1962 С 164—179
2) В Ягич в Одессе (В Ягич и В И Григорович) // Славянская филология Л, 1964 С 52—60

³ См гл 3, написанную И В Арбузовой, в кн Русское языкознание в Петербургском—Ленинградском университете / Под ред проф Н А Мещерского Л, 1971 С 32—43

⁴ Интересные воспоминания о преподавательской деятельности В Ягича в Петербургском университете написал один из самых близких его учеников Б М Ляпунов (1862—1943) См Ляпунов Б М Краткий очерк ученой деятельности академика И В Ягича Одесса, 1901 С 15—25

⁵ Русское языкознание в Петербургском—Ленинградском университете С 37

⁶ См, например Арбузова И В Ватрослав Ягич и русская славистическая наука (Из истории создания «Энциклопедии славянской филологии») Автореф дисс канд филол наук Л, 1971 С 11—13

⁷ Предварительный съезд русских филологов (10—15 апреля 1903 года) Бюллетени СПб, 1903 С 9

⁸ Там же С 26

А. И. Соболевского, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова и других ученых публиковать историко-филологические материалы по различным проблемам славистики. Однако издание «Энциклопедии» продвигалось крайне медленно и сложно. Материальная поддержка издания осуществлялась II Отделением императорской Академии наук. Сохранились и частично опубликованы материалы переписки В. Ягича с академиками А. И. Соболевским, А. А. Шахматовым, членами Отделения, которым было поручено осуществлять различные деловые и финансовые контакты с органами бухгалтерского контроля Академии и проверять множественные финансовые отчеты. Затруднения в издании «Энциклопедии» были вызваны также тем, что многие славянские ученые учреждения слишком долго обсуждали вопросы принципиального участия в «Энциклопедии», которая изначально была задумана как общеславянское издание и с самых первых дней своей истории отмежевывалась от политических идей царского правительства в «славянском вопросе».⁹ Медлительность и задержки в издании «Энциклопедии» были связаны не только с преодолением трудностей государственных границ, но и с тем, что многие исследователи придерживались разных точек зрения на общеславянские вопросы о происхождении письменности и культуры. Однако В. Ягич старался соблюсти в издании принципы «чистой науки».¹⁰

Среди духовно близких В. Ягичу корреспондентов в России был и Н. П. Кондаков (1844—1925), известный византист, действительный член II Отделения императорской Академии наук, а также член-корреспондент и академик многих европейских академий. Знакомство ученых началось еще в Одессе, где они в середине 70-х гг. вели преподавательскую работу в Новороссийском университете. Сохранившиеся письма Н. П. Кондакова к В. Ягичу и В. Ягича к Н. П. Кондакову содержат много фактов по истории европейской и русской академической науки. И, вероятно, как и в письмах других славистов конца XIX—XX в., — размышления о судьбах народов и будущего мира.¹¹

Публикуемое ниже письмо В. Ягича — последнее из известных нам писем к Н. П. Кондакову, написанное из Вены в феврале 1909 г. в ответ на краткое письмо русского ученого. Оно полно тревоги за судьбу «Энциклопедии славянской филологии» и признательности В. Ягича за поддержку членами II Отделения императорской Академии наук Н. П. Кондаковым и А. И. Соболевским трудноосуществимого издания. Кроме того, в нем содержится много размышлений В. Ягича о судьбах европейской науки, о роли русской науки в истории славяноведения, завершается письмо ученого тревожными строками о судьбах Сербии. По простривии почти девяти де-

⁹ Арбузова И В Ватрослав Ягич и русская славистическая наука С 18—19

¹⁰ Там же С 18

¹¹ Анализ переписки В Ягича и Н П Кондакова заслуживает специального исследования Значительная часть переписки находится в архиве Ягича в Загребе (R 4610) Все сохранившиеся письма скопированы И В Арбузовой, преподавателем Санкт-Петербургского университета Осенью 1994 г Ирина Владимировна предоставила нам возможность ознакомиться с ними и таким образом ввести их в историко-культурный контекст европейской науки Меньшая часть писем сохранилась в Санкт-петербургском Архиве РАН Благодаря любезности И В Тункиной, подготавливающей научное описание архива Н П Кондакова, мы также смогли познать комиться с интересующими нас материалами Письма В Ягича к Н П Кондакову хранятся в ф № 115, оп 4, № 511, л 1—15 об (В научной литературе 80-х гг можно встретить ссылки на раннюю нумерацию описи фонда 2 См, например Кызласова И В История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф И Буслаяв, Н П Кондаков методы идеи, теории) М 1985 С 83) Частично содержание переписки В Ягича и Н П Кондакова рассмотрено нами в статье Арбузова И В, Пиотровская Е К Письма Н П Кондакова (1874—1909 гг) к В Ягичу, хранящиеся в Архиве В Ягича в Загребском университете // Сб статей по материалам конференции, посвященной памяти академика Никодима Павловича Кондакова (9— 11 ноября 1994) (в печати)

сятилетьи после его написания текст письма по-прежнему созвучен духовным исканиям ученых славистов.

Публикуемый текст письма приведен по правилам современной орфографии и пунктуации, с сохранением особенностей языка и стиля В. Ягича. Текст письма снабжен также отдельными фактическими комментариями.

Вена 5/18 фев<аля> 1909.

VIII 1g Kochgasse 15

Многоуважаемый Никодим Павлович!

Чрезвычайно Вы обрадовали меня Вашим <и> сердечным <и> строками, а их не мог и не смел ожидать, так как возня с Энциклопедией непосредственно Вас не касается. Но мне вдвойне приятно было убедиться из Вашего письма, что мое желание посвятить остаток дней главным образом известному предприятию Отделения встречает с Вашей стороны сочувственный отзыв, не только понимание, но и одобрение. Признаюсь откровенно, что, настроенный несколько грустно в силу сложившихся обстоятельств прошлого года, я стал несколько недоверчив и к самому себе и к другим. Даже в Вашем отчете о деятельности Отделения за 1908 г. мне казалось, что Отделение в пользу Энциклопедии, с которым^а эта идея была принята с самого начала, ушло на задний план, уступая место другим более симпатичным для Отделения предприятиям. Обвинял же я в этом конечно не Вас и не Отделение, а, скорее, самого себя, не успевшего до сих пор дать этому предприятию более гибкий ход. Чувствовал я также всю сложность дела, происходящую от того, что Отделение в Петербурге, а я в — Вене. Хотя, правду сказать, я^б помышле^в тем скорее у вас, чем в окружающей меня здесь среде, которая ко всем интересам славянской науки относится с полнейшим равнодушием. Вы, т. е. Отделение, для меня якорь надежд.¹ Поэтому Вы легко можете представить себе овладевшее мною уныние, когда я стал побаиваться, что сочувствие Отделения к Энциклопедии остывает. Я очень доволен заявлением Вашим и Алексея Ивановича,² убедившего меня в неосновательности моих опасений. Вам, как давнишнему знакомому и сослуживцу по университету, большое спасибо за выраженное мне сочувствие. Я им всегда очень дорожил.

С большим нетерпением буду ждать появления Вашего труда, в котором Вы коснетесь гипотезы Стржиговского.³ Если позволите, я сделаю даже извлечение из Вашего отзыва для моего журнала. Давно я уже ничего не слышал о нем, что он делает в Граце. Говорят, что в среде говарищей не пользуется особой популярностью. Мне же из переписки с ним по изданию Псалтыри он порядочно надоел. К моему семидесятилетию⁴ он ни гу-гу, хотя от многих профессоров из Граца все же я получал поздравления.

Мы переживаем здесь дни, полные волнения и тревог: быть или не быть войне. Бедная Сербия в отчаянном положении, все надежды ее на роль сербского Пьемонта рухнули. Если дойдет когда-либо до объединения, то уже не в той форме, как мечтали об этом в Белграде. Впрочем, рискованно загадывать в будущее.

Желаю Вам, как и всегда, всего лучшего, прошу передать мой и моей жены поклон Вашей супруге.

Ваш И. В. Ягич

^аТак в ркп ^б В Т е по образ, мысли

¹ Выражение «якорь надежд», по-видимому, вариант значения, отмеченного В И Далем «Якорь, надежда Вера мой якорь Бог якорь мой» (см · Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка М, 1980 Т 4 С 678)

² Речь идет об академике Алексее Ивановиче Соболевском (1856—1929), на долю которого выпали хлопоты, связанные с бухгалтерско-финансовой отчетностью

³ Имеется в виду издание труда Н П Кондакова «Македония Археологическое путешествие» (СПб, 1909), в котором были опубликованы материалы историко-этнографической экспедиции 1900 г Йозеф Стржиговский (Стшиговский) (1862—1941) — известный австрийский искусствовед Многие годы тесно сотрудничал с В Ягичем в издании древних памятников письменности

⁴ 9 (22) мая 1908 г В Ягичу исполнилось 70 лет По этому случаю на заседании Отделения русского языка и словесности был принят адрес и дано поручение члену-корреспонденту М Н Сперанскому передать его В Ягичу В поздравительном тексте, в частности, говорилось «Глубокоуважаемый Игнатий Викентьевич! В торжественный день Вашего юбилея, который будет отпразднован всем славянским научным миром, Вы получите немало поздравлений и из России Здесь, в России, Вы имеете много почитающих Вас друзей, здесь много благодарных Вам учеников Ваших, здесь живы яркие следы Вашей деятельности России принадлежит и то ученое учреждение, которое давно уже, пожалуй, с самого вступления Вашего на широкий путь, Вами избранный, следило с неустанным вниманием за Вашими успехами и с решительным упорством стремилось к сближению с Вами < >

Мы счастливы тем, что, со времени съезда русских филологов, общение нашего учреждения с Вами стало теснее и оживленнее Под Вашей редакцией стала выходить «Энциклопедия славянской филологии», которая должна подвести итоги работам в области славяноведения

На Вас выпала трудная и сложная задача Вам, инициатору и руководителю общеславянского предприятия, пришлось соединить разрозненные силы славян на общую работу Но мы верим в Вас, и вера наша оправдывается казавшееся невозможным и недостижимым уже осуществляется Славянский мир не остался глух к Вашему призыву он дружно взялся за работу, и это его объединение вокруг Вашей личности пусть служит лучшею наградой за Ваши великие заслуги перед славянской наукой» (см Документы к истории славяноведения в России (1850—1912) С 284—285)

И. П. МЕДВЕДЕВ

Письма В. М. Ундольского к А. А. Кунику в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН

Вукол Михайлович Ундольский (1816—1864) — фигура, безусловно, столь же яркая в истории отечественной археографии, сколь и загадочная. Страстный собиратель, умудрившийся при своих более чем скромных средствах создать уникальную, почти полуторатысячную коллекцию древних памятников славяно-русской письменности (ныне хранится в Российской Государственной библиотеке, ф. 310),¹ не менее страстный библиограф, известный своими публикациями ценнейших описей книжных собраний, составленных в XVII в.,² описанием славянских рукописей Московской патриаршей библиотеки, а также значительной части рукописей своего собрания,³ Вукол Михайлович был и талантливым исследователем, хотя именно эта последняя его «ипостась» остается наименее известной в современной науке.

Конечно, такие «вещи», как открытие В. М. Ундольским в Синодальной библиотеке Ефремовской кормчей XII в. с полными правилами и без толкований, давшее новый ценный материал для истории Кормчей на Руси до XIII в., не прошли незамеченными (хотя бы и посмертно),⁴ но, скажем, наиболее значительная его работа — «Исследование о церковнославянских хронографах. Том 1. О Временнике Амартола в отношении к Несторовой летописи» — до сих пор остается ненапечатанной (хранится в РГБ, ф. 704, 1. 13—18; 2. 1—3), а имя автора, если не ошибаюсь, «блистает» своим почти полным отсутствием в богатой, правда, на сегодняшний день специальной литературе по истории древних славяно-русских хронографов.⁵ Желая способствовать хотя бы в незначительной мере заполнению этой лакуны, я и

¹ См. Рукописные собрания Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина М., 1983. Т. 1, вып. 1. С. 84—97 (здесь же указана вся необходимая литература о В. М. Ундольском. Автор раздела — Л. П. Саенко-Грязина).

² См., например Ундольский В. [М.] 1) Оглавление книг, кто их сложил Составил Сильвестр Медведев // ЧОИДР 1846 Кн. 4, 2) Опись книгам, поступившим в 1675 году в Патриаршую ризную казну, составленная справщиком монахом Евфимием М., 1847, 3) Опись книгам, в степенных монастырях находившимся, составленная в XVII веке // ЧОИДР 1848 Кн. 6. См. также Ундольский В. М. Очерк славяно-русской библиографии, с дополнениями А. Ф. Бычкова и А. [Е.] Викторова М. 1871.

³ Ундольский В. М. Описание славянских рукописей Московской патриаршей библиотеки // ЧОИДР 1867 Кн. 2. Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания М., 1870.

⁴ См., например Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978 (см. Указатель имен).

⁵ См., например Мешерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV веков Л., 1978, Творогов О. В. Древнерусские хронографы Л., 1975. См. также статьи О. В. Творогова «Хроника Георгия Амартола», «Хроника Георгия Синкелла», «Хроника Иоанна Малалы», «Хроника Симеона Логофета» и другие в кн. Словарь книжников. Вып. 1. С. 467—478. О ряде исключений мы скажем немного позднее.

предлагаю вниманию ученой публики настоящий архивный материал, еще не попадавший, как кажется, в поле зрения специалистов.

Речь идет о десяти подлинных письмах В. М. Ундольского, писанных в 1855—1864 гг. (одно недатированное), адресованных академику Аристу Аристовичу Кунику (1814—1899) и хранящихся ныне в фонде последнего в С.-Петербургском филиале Архива РАН.⁶ Вкупе с уже известными письмами В. М. Ундольского к его другу, академику Петру Спиридоновичу Билярскому (1817—1867),⁷ они являются весьма красноречивыми свидетельствами непростой подвижнической жизни автора и, в частности, проливают некоторый свет на обстоятельства, помешавшие завершению исследования В. М. Ундольского в области переводных славяно-русских хронографов. Кроме того, только «наши» письма содержат, если не ошибаюсь, нигде больше не зафиксированную информацию о том, что опубликованная в свое время кн. Михаилом Андреевичем Оболенским (1805—1873) статья о синодальном греческом списке Георгия Амартола и о славянских переводах хроники,⁸ вызвавшая оживленную дискуссию и снискавшая князю ученое звание члена-корреспондента Академии наук, написана в значительной своей части В. М. Ундольским, служившим под начальством М. А. Оболенского в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел (директором его был Оболенский) и даже жившим в доме своего патрона на Арбате «у Николы Явленного».

В. М. Истрин, подробно рассмотрев статью М. А. Оболенского и не подозревая о том, что действительным автором хвалимых им разделов и выводов статьи является В. М. Ундольский, а критикуемых им и самим Ундольским положений — решивший проявить свою ученость Оболенский, пишет, между прочим, следующее: «В этой статье Оболенский (читай: Ундольский. — *И М.*), во-первых, устанавливал наличность двух переводов хроники Амартола — сербского и болгарского, и во-вторых, — указывал на нахождение в Синодальной библиотеке греческого списка Амартола, XII в., в редакции, с которой, по его словам, буквально сходен славянский перевод сербской редакции <...> Для определения дополнений хроники Оболенский (читай: Ундольский. — *И М.*) рассмотрел одну греческую рукопись в Синодальной библиотеке (№ 251—264), значившуюся в каталоге Маттеи под именем хроники Симеона Логофета, и открыл, что „в ней находится не хроника Симеона Логофета, а летопись Георгия Амартола, с которою буквально сходен славянский перевод сербской редакции...“. Статья Оболенского (читай: Ундольского. — *И М.*) впервые решительно устанавливала тот факт, что все известные до того времени списки хроники подразделяются на два перевода — болгарский и сербский, положение, в настоящее время ставшее общеизвестным и неопровержимым фактом. Но Оболенский в своей статье не привел текстуальных доказательств своего положения, и потому последнее не было признано всеми, и в науке еще долго после того высказывалось мнение, что сербский текст есть простая переделка старого болгарского перевода. Открытие же Оболенским (читай: Ундольским. — *И М.*) греческого кодекса имело ближайшим последствием то, что этот кодекс и был тотчас взят Муравьем для издания. Оболенский (читай: Ундольский. — *И М.*) был прав, что открытый им греческий кодекс заключал не Хронику Симеона Логофета, а Хронику Георгия

⁶ АРАН (С.-Петерб. филиал), ф 95 оп 2 д 868

⁷ Истрин В. М. Письма к академику Петру Спиридоновичу Билярскому хранящиеся в Имп. Новороссийском университете Одесса, 1906 С 20—34 (Летописи историко-филологического общества при Имп. Новороссийском университете Одесса, 1907 Т 14)

⁸ Оболенский М. [А] О греческом кодексе Георгия Амартола, хранящемся в Московской Синодальной библиотеке, и о сербском и болгарском переводах его Хроники // ЧОИИДР 1846 Кн 4 Отд 4 С 73—102 (отд изд. М., 1847)

Амартола, но дополненную; прав он оказался и в том, что на греческом существовала не одна редакция хроники Амартола, а по крайней мере две (теперь их известно три), и что открытый им кодекс представляет одну из таких редакций <...> Мнение же Оболенского (на сей раз действительно Оболенского¹ — *И М.*) о двух редакциях Хроники Георгия Амартола вызвало сильное возражение со стороны Ундольского, признававшего двух различных греческих хронистов, называвшихся оба Георгиями, и в насмешку именовавшего Оболенского „Открывателем Амартола“.⁹

Любопытно отметить, что, излагая результаты своего ознакомления с вышеназванной работой В. М. Ундольского о Хронике Георгия Амартола (он отмечает, что это исследование Ундольского осталось ненапечатанным, но автор представил его в Академию наук на соискание Демидовской премии, и о его выводах стало известным из рецензии А. А. Куника¹⁰) и подчеркивая важность вывода Ундольского о том, что сербский и болгарский переводы сделаны с разных греческих списков, которые были не списками двух редакций одной и той же хроники Георгия, но списками двух различных хроник, В. М. Истрин пишет: «По существу Ундольский сходил в этом случае с Оболенским (еще бы ему с ним не сходить! — *И М.*). Но в отличие от решительного утверждения последнего о буквальном сходстве сербского перевода с греческой синодальной рукописью № 251, Ундольский столь же решительно утверждал, что „сербский Летовник Георгиев во многом не сходен с московским синодальным греческим кодексом, особенно во второй его половине: целые царствования иногда в нем подробнее греческого, иногда наоборот“.

Последующее изучение показало, что в данном случае был прав Ундольский. Наконец, на вопрос об отношении Нестора к хронике Георгия Ундольский отвечал решительно, что Нестор пользовался болгарской редакцией хроники, как оно в действительности и было».¹¹

Надеемся, что после сказанного читателю будут яснее и содержание публикуемых писем, и обстоятельства их появления. Как принято, орфографию и пунктуацию приводим в соответствие с современными (у Ундольского, в частности, почти нет запятых); письма публикуются целиком, без изъятий (отточия в тексте исходят от самого автора); раскрытые сокращения, которых у Ундольского немало, даны в угловых скобках. Приводим текст писем.

I (л. 1—2). Москва. 25 августа 1855 г.

М. Г. Арист Аристович!

Давным давно собирался я писать к Вам, но все не осмеливался беспокоить человека мне неизвестного. Теперь, когда дело, о котором хочу говорить с Вами, принимает вид окончательный, — не смею и далее считаю непристительным откладывать это далее. Дело вот в чем: согласно Вашим предложениям и предначертаниям слышу: Академия решила издать греческий кодекс Амартола здешней Синодальной библи. № 251;¹² а г. Срезневский (вероятно, по этому же поводу) хочет напечатать славянский перевод его. Какие прекрас-

⁹ Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе Пг 1922 Т 2 С 119—121

¹⁰ Куник А. А. Разбор рукописного сочинения г. Ундольского под заглавием Исследования о церковнославянских хронографах Т. I О современнике Георгия Амартола в отношении к Несторовой летописи // Двадцать пятое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград 1856 С 10—15 73—84 (извлечение из рецензии А. А. Куника на труд Ундольского напечатано ЖМНП 1856 Ч 91)

¹¹ Истрин В. М. Книги временныя С 122—123

¹² Ундольский дает шифр рукописи по каталогу Маттеи который соответствует № 264 каталога Саввы и № 406 каталога архим. Владимира Библиографию рукописи см. Фонкич Б. Л., Поляков Ф. Б. Греческие рукописи Синодальной библиотеки М 1993 С 133 (без указания статьи М. А. Оболенского и неопубликованного труда В. М. Ундольского)

ные намерения!! Какие благие начинания!!! Верно, никто из москвичей так не сочувствует этому, как я. И не без причины. Живя у издателя статьи о греческом код<ексе> Амартола (не знающего доселе ни альфы ни виты по-гречески и даже по-латыни),¹³ я работал над этой статьею в 1847 г. Не моя вина, если она вышла не в том виде, как мне хотелось. Однако же Академия почла издателя званием корреспондента. Разошедшись с ним вскоре,¹⁴ я не оставлял занятий по этому предмету. Разбирая Временник Георгия Амартола в отношении к летописи Нестора, я пришел к несомненному заключению, что упомянутый синодальный кодекс не есть хроника Амартола, равно и сербский перевод или редакция, напеч<атанная> в 1 т<оме> Собр<ания> Лет<описей> en regard с Амартолом,¹⁵ тоже никак не может принадлежать ему. Исследование вышло довольно многосложное и несомненно полезное для издателя подлинника и перевода Амартоловой хроники. Так как Академия обратила внимание на мой труд (в 1847 г.) под чужим именем и так как ей, а не иному другому сословию, принадлежит честь разработки византийской хронографии, то и последний свой труд я решаюсь (по общему совету г. г. Погодина, Бодянского, Строева, Беляева¹⁶ и других) представить на благоусмотрение Академии, посвящая его памяти незабвенного Круга,¹⁷ которого я не имел чести лично знать.

Вам известен недостаток в ученых пособиях у нас в Москве. Долговременно следивши за моим предметом и встречая множество препятствий, несмотря на ограниченность моих средств, я успел приобрести в собственность Corpus Scr. Hist. Byzant. ed. Regiam¹⁸ со всеми приложениями, 3 и 4 изд<ания> Фабрициевой библи<отеки>.¹⁹ Не упоминаю об отд<ельных> библи<отеках>: Ламбеция, Гардта, о каталогах Королевской Парижской библи<отеки>, Маттеевом²⁰ и многих других. Ко всему этому я имею более тысячи славяно-русских рукописей и более трехсот книг церковной печати. При всем том недостает гораздо большего!!! Но кто же все имеет? Ваше радушие и сообщительность известны мне от многих и, между прочим, от г. Билярского, моего товарища по Академии²¹ и (некогда) доброго и верного друга. Не откажитесь же для общего блага ссудить меня на некоторое время Тафелем,²² каталогом испанских рук<описей> Миллера²³ и новым

¹³ Имеется в виду М А Оболенский О статье см примеч 8

¹⁴ «В мае 1848 г разстался с Принцем Куявским (постоянное прозвище М А Оболенского в устах В М Ундольского — *И М*), уехав от него в 3 часа утра, и, разумеется, подпал его опале Я весь польсёл и к пушему удовольствию в половине ноемвриа был представлен великодушным открывателем Амартола (М А Оболенским — *И М*) в отставку с тем, чтобы и впредь никуда не определять!» — пишет Ундольский П С Билярскому 5 сентября 1855 г (Истрин В М Письма С 22)

¹⁵ См ПСРЛ СПб, 1846 Т 1 Приложение С 239—248

¹⁶ Имеются в виду акад М П Погодин (1800—1875), проф О М Бодянский (1808—1877), акад П М Строев (1796—1876) и секретарь ОИДР И Д Беляев (1810—1873)

¹⁷ Филипп Круг (1764—1844), автор работ по византийской хронологии

¹⁸ Имеется в виду основанная в 1828 г Нибуром (В G Niebour, 1776—1831) боннская серия Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae (Corpus Bonnense)

¹⁹ Третье издание Bibliotheca graeca Фабрициуса (Fabricius Alb, 1667—1736) вышло в 1718—1728 гг в 14 томах, четвертое — в 1790—1811 гг в 12 томах

²⁰ Имеются в виду каталоги Lambectius P Commentariorum de Augustissima Bibliotheca Caesarea Vindobonensi libri I—VIII Vindobonae, 1665- 1679, Hard I Catalogus codicum manuscriptorum graecorum Bibliothecae Regiae Bavaricae Munchen, 1806 -1812 Bd 1- 5, Matthaei Chr Fr Accurata codicum graecorum manuscriptorum bibliothecarum Mosquensium notitia Leipzig, 1823

²¹ В М Ундольский окончил Московскую духовную академию в 1840 г, П С Билярский — в 1838

²² Речь идет о каком-то издании немецкого историка Г Л Ф Тафела (1787— 1860), скорее всего, об Tafel G L F Theophanis Chronographie Probe einer kritisch-exegetischen Ausgabe // Sitzungsberichte der philos-hist Cl der Akademie der Wiss Wien, 1852 Bd 9 S 21— 172

²³ Речь, по видимому идет о Miller E Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliotheque de l'Escurial Paris, 1848

трудом Муралята о византийской хронографии.²⁴ Книги можете выслать или прямо на мое имя: на Пятницкую в дом Давыдова, или в Общество истории и древностей российских, библиотекарю.

Примите уверения в совершенном почтении и преданности, с которыми имею честь быть, М. Г.,

Вашим покорнейшим слугою

Вукол Ундольский.

1855 г. авг. 25.

Р. С. Наш почтенный археограф П. М. Строев свидетельствует Вам усердное почтение. Не знаю, получили ли Вы от него Тверской Летописец, он хотел послать его к Вам чрез г. Коркунова.²⁵ Если не получили, пожалуйста, я отправлю чрез общество. Нельзя ли Вам сообщить мне адрес г. Билярского, кого ни спрашивал из его знакомых, никто не мог мне доставить.

II (л. 3—4 об.). Москва, 7 сентября 1855.

М. Г. Арист Аристович,

Обязательное письмо Ваше от 1 текущего сентября я имел честь и удовольствие получить. Благодарю Вас за участие к моему труду давнему, многосложному и, кажется, не бесполезному.

В настоящее время мое исследование еще не окончено за недостатком некоторых рукописных и печатных книг. Из числа первых особенно мне нужны синодальный названный греческий кодекс Амарт<ола> и из славянских тоже синодальный названный Амартол сербской редакции, другой список коего у Вас в Румянцевском музее — более списков из этой категории мне неизвестно в России. При всем моем желании не могу их получить,²⁶ равно и перевода лже-Малалы от кн. Оболенского... Не удалось ли каким чудом копии выписок Круга из Амартола,²⁷ сообщенных г. Бодянскому, — он не может их найти или не желает сообщить мне их. Последнего на нем не предполагаю. Таким образом, составилось бы нечто вроде Дюканжевых *Selecta ad illustrationem Chr. Pasch.*²⁸ На днях с этой целью отправлюсь в Лавру за Алляцием, Гретсером de Cruce и т. д.²⁹

²⁴ См Muralt E *Essai de Chronographie Byzantine pour servir a l'examen des Annales du Bas-Empire et particulièrement des chronographes slavons de 395 a 1057* St-Petersbourg, Leipzig, 1855 В письме к П С Билярскому от 6 октября 1855 г Ундольский пишет «Поблагодарите г Куника за доставление мне каталога Миллера и Хронографии г Муралята То и другое доставило мне истинное утешение Последний труд, слишком, быть может, обыкновенный в Европе, для нас подвиг исполина» (Истрин В М Письма С 26)

²⁵ Имеется в виду археолог Михаил Андреевич Коркунов (1806—1858)

²⁶ Речь идет о вышеупомянутой греческой рукописи ГИМ, № 406, находившейся в то время в Петербурге у Эд Муралята, о сербской рукописи ГИМ, Синод, № 148, находившейся тогда в Троице-Сергиевой лавре у А В Горского (« на днях нарочно еду туда за ней», — пишет Ундольский Билярскому 6 октября 1855 г), и по-видимому, об утраченном ныне сербском списке Хроники Георгия Амартола № 62 Румянцевского музея (о нем см Мещерский Н А Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV веков С 73) Письмом от 14 декабря 1855 г Ундольский уже уведомляет Билярского о том, что греческая рукопись «почти на месяц была возвращена мне в Москву С ней я ездил в Лавру и сличил тщательнее вторую половину греч синод кодекса с сербским пер Летовника Георгиева по рук Моск Син библи 1386 г, гостившей около 3-х лет у нашего общего наставника А В Горского» (см Истрин В М Письма С 28)

²⁷ См сообщение о них А А Куника *Probe einer neuen Ausgabe der byz Chronologie von Philipp Krug // Bull hist-phil de l'Ac de St-Pet 1852 T 9 P 379—384*

²⁸ Имеется в виду издание Дюканжем (C Du Cange, 1610—1688) Пасхальной (или иначе Александрийской) хроники в *Corpus Byzantinae Historiae Parisus, 1688*

²⁹ Leo Allatius (1586—1669), J Gretser (1562—1625) Речь идет о самом известном, 4-томном труде Гретсера «De Cruce»

Желал бы я знать: можно ли представить мое исследование в Академию (на Демидовский конкурс. — *И М.*) в *недоконченном* виде, с тем, чтоб по рассмотрении можно было опять его пополнить и исправить по замечаниям Вашим и издать здесь, и не лучше ли представить его Вам *прямо*? Иначе это дело пойдет в дальний ящик — на год; а может и более. Предосторожность взята след<ующая>: все что ни писано, писано на одной стороне, оборот оставлен белый, чтоб с одной стороны рецензент мог свободнее делать свои ремарки; с другой, чтоб легче можно было дополнять и изменять каждый отдел, не переписывая без надобности. Понятно, что при такой работе и при таком приеме неказиста на взгляд рук<опись> или оригинал моего исследования. Но я надеюсь, что ее оценят не по внешнему виду, а по внутреннему достоинству. Если исследование о годе изв<естного?> события имеет полный интерес для специалиста, то, надеюсь, не лишено его будет и мое грешное марање³⁰ для *русских*, поелику я выведу их из заблуждения об источнике Нестора, доказав положительно, что *не одна* хроника Амартола была в двух *редакциях* — Болгарской и Сербской, а, напротив, *два* было летописателя Георгия, оба монахи, грешные и писавшие от С. М., один *сост<авил>* *Временник* — с оглавлением — *криницею* и Прологом впереди, до 867 г.; другой тоже писал от С. М. по 839 год без оглавления и предисловия и в самом тексте весьма отлично от первого — без разделения на книги и главы, как у Амарт<ола>.³¹ Как текст, так и продолжение у них разные, — различны и переводы — первого на болгар<ское>, 2-го на сербское нар<ечие?>. Узнают и то, что первым одним пользовался наш летописатель, а не 2-м при составлении повести временных лет.

Едва ли не больший интерес будет иметь мое разыскание для филологов — византинистов, когда кроме неизд<анной> вполне лет<описи> Амартола они узнают о существовании *другого* летописца Георгия, которого смешивали они с Ам<артолом> до посл<еднего> времени. Академия, издав его Хронику по Синод<альной> рук<описи> в формате Боннского изд<ания> Визан<ийцев>, окажет верную услугу, и это будет очень кстати доперчь гордой Вене, что ее многоученые богословы не избегали ошибок, замеченных нашею Академиею. Как Гр. Н. П. Румянцев<ов> изд<анием> Льва Диакона сделал вклад в (историю? — *И. М.*),³² так Академия, издав Летопись Георгия по Синод<альной>

³⁰ О своем «грешном марање» В М Ундольский говорит и в письме к Билярскому от 6 октября 1855 г., которое он «по совету некоторых из наших ученых берет смелость представить на Демидовский конкурс» (*Истрин В М Письма С 24*)

³¹ Представление В М Ундольского о двух разных Георгиях, оставленное, как мы видели выше, без комментария В М Истриным, встретило возражение со стороны Эд Муральта (*Georgii Monachi, dicti Namartoli / Ed E de Muralto Petropolis, 1859 P XXX*), а позднее — со стороны С П Шестакова и М Вейнгарта См Шестаков С О происхождении и составе хроники Георгия Монаха (Амартола) Казань, 1891 С 1, примеч 1, Weingart M *Byzanske kroniky v literatufe cirkevneslovanske Bratislava, 1923 С 2 S 6* Но если двое первых (Муральт и Шестаков) делают это на основании личного знакомства с неопубликованным трудом Ундольского, то М Вейнгарт — со ссылкой на С Шестакова

³² Речь идет об издании Leonis Diaconi Caloensis Historia, Scriptoresque alii ad res Byzantinas pertinentes E Bibliotheca regia nunc primum in lucem edidit, versione latina et notis illustravit С В Насе Parisns, 1819 (повторено в рамках боннского корпуса Bonnai, 1828) Действительно, издание Льва Диакона было выполнено по заказу и на средства графа Н П Румянцева, а издатель К Б Газе был удостоен за это избрания членом-корреспондентом в Имп Академию наук и награждения орденом св Владимира 4-и степени, получив к тому же изрядный гонорар в 16 тыс р Как известно, обещание всех этих почестей и богатого материального вознаграждения толкнуло К Б Газе на достаточно бесчестный поступок — изготовление фальсификата, так называемой «Записки Готского или Греческого топарха», введшей в заблуждение несколько поколений историков См об этом Ševčenko I *The Date and Author of the so-called Fragments of Toparcha Gothicus // DOP 1971 Vol 25 P 155–188*

рук<описи>, примет участие в посл<еднем?> Боннском изд<ании> Византийцев. Пусть Ср<е>зн<евский> издает (?)³³ Амартола в болгарском пер<еводе>,³⁴ а Вы можете издать *Летовник Грузии*, довольно сходный с греч<еским> код<ексом> лже-Амартола в сербском пер<еводе>. Я что-то мало уповаю на успехи 2-го отд<еления>. Печатаю исследования подобные, оно уже уронило себя окончательно в глазах любит<елей> и знатоков отечественных древностей. Фразы не могут всех удовлетворить. Пора бы оставить пустословие — первенств<ующему> ученому сословию!.. Скажите откровенно, согласны ли Вы в этом.

Теперь о своем деле. Мне кажется, сам<а> Академия снисходительно судила 2 и 3 <нрзб.> русских достоп<амятностей> и даже лже-хронол<огические> набл<юдения> неугомонного Хавского³⁵ и некоторые другие: неужели мой почти десятилетний труд, проливающий, если не ошибаюсь, новый свет на такой д<ействительно?> важный предмет, не удостоится некоторого снисхождения. Тут ничего нет фантастич<ного>, ни Куявы (кн. М. А. Оболенского. — *И М.*), ничего подобного. Так или иначе я ничего не щадил для издания истины; сполна истрачено денег на приобр<етение> книг от изд<ания> Париж<ских> Визант<инистов>³⁶ до Фабр<ициевой> Библ<иотеки>³⁷ — преимущественно для этой цели. Куда как хотелось бы поскорее двинуть это дело. И мне крайне прискорбно было бы, если бы наша достопочт<енная> Академия ошиблась в Амартоле; смешает с ним, подобно Обол<енскому>, другого Георгия. Напрасно Вы оговариваетесь о скромности и добросовестности. Не выдавши Вас, я давно знал Вас очень хорошо от П. С. Бил<я>р<ского> — поклонитесь ему от меня. Я напишу ему при первом случае. П. М. Строеву передам о Тверской летописи.

Поручая себя и мой труд благосклонному вниманию Вашему, честь имею быть, М. Г., Вашим покорным слугою

В. Ундольский.

P. S. Если вы свободно владеете франц<узским> яз<ыком>, я желал бы получать от Вас письма на этом яз<ыке>, не потому чтобы я вовсе не знал по-немецки, но что франц<узский> яз<ык> мне известнее немецкого... В следующем письме, по получении от Вас ответа, можно сообщить более подробностей; а это и без того длинно. Есть ли у Вас Бандини, Пазини, Цанетти, Ириарта??³⁸ Этих каталогов нет у меня.

³³ Знак вопроса принадлежит В. М. Ундольскому.

³⁴ Измаил Иванович Срезневский (1812–1880) не осуществил такого издания, отказавшись от своего намерения под воздействием В. М. Ундольского (см. далее)

³⁵ Речь идет об исследователе русской хронологии П. В. Хавском. Ср. из письма Ундольского к Билярскому от 14 декабря 1855 г.: «Почему я и не хотел бы никого иметь своим рецензентом, кроме г. Куника, отвергнувшего генеалогический вздор Хавского и протестовавшего торжественно против его хронологических бредней. Это подвиг истинный: восстать против такого наглого человека и до nec plus ultra упрямого. А надобно же было вразумить его» (Истрин В. М. Письма... С. 29).

³⁶ Имеется в виду парижская (луврская) серия *Corpus Byzantinae Historiae*, основанная Ф. Лаббе (Ph. Labbe) в 1645 г. под покровительством короля Людовика XIV.

³⁷ См. примеч. 19

³⁸ Имеются в виду: Bandini A. M. *Catalogus codicum mss Bibliothecae Mediceae Laurentianae Florentinae*, 1764–1778. Vol. 1–5, Pasinus Jos., Rivautella A., Berta Fr. *Codices manuscriptorum Bibliothecae Regiae Taurinensis Athenaei*. Turin, 1749, Zanetti A. M., Bongiovanni A. *Graeca D. Marci Bibliotheca codicum manuscriptorum per titulos digesta*. Venetus, 1740; Iriarte J. *Regiae Bibliothecae Matritensis codices graeci*. Matriti, 1769. Vol. 1

III (л. 8—8 об.). Москва. 1 мая 1856 г.

М. Г. Арист Аристович,

Посылаю 1 том Стебельского,³⁹ другие пришлю в скором времени. С самого приезда был нездоров, почему и не выполнил своего слова. Летовника Георгиева списана одна последняя половина, и то не вполне, так говорил мне г. Бодянский. Свое сочинение я начал печатанием. Только раньше 15 мая едва ли успею доставить два 1-х листа. Нельзя ли доставить мне Wiener Jahrbücher, где говорится о шафариковском списке? Летовника,⁴⁰ у нас во всей Москве нет сего журнала.

Поклонитесь от меня достоуважаемому П. С. Билярскому и поблагодарите за всерадушье, которым он меня удостоивал. Не найдете ли какой возможности исхититься у г. Срезневского? Летовник Синодальный? На днях отправим мы прошение в Румянцевский музей о высылке в Общество тамошнего.

Во вчерашнем заседании г. Муральт по моему предложению избран в Действительные Члены нашего общества.⁴¹

При следующих томах напишу подробнее обо всем и, между прочим, о своих книгах, какие желал бы выписать из-за границы.

Будьте благополучны и по-прежнему благосклонны
к Вашему покорному слуге.

В. Ундольский.

Мая 1 дня 1856 г.

IV (л. 5—6 об.). Москва. 5 мая 1856 г.

М. Г. Арист Аристович,

Wiener Jahrbücher, где статья Шафарика об Амартоле, мне не нужны: я достал ее от О. М. Бодянского. Взамен сего потрудитесь при случае переслать мне выписки из Бандини об Амартоле⁴² и те дополнения, которые доставлены Вам после, — они писаны на одной странице без оборота — четверток в 12-ть. Они теперь Вам, конечно, не нужны, а для меня необходимы. Но вот главная моя просьба теперь в чем. Потрудитесь поскорее отнестись к книгопродавцу за Боннским изданием Византийцев.⁴³ Теперь я согласен дать и более пятидесяти рублей серебром. Если не дороже 70 р, выписывайте поскорее. Припомните, что у меня есть Leo grammaticus et Attahota — два тома. Кстати, препроводите и записку о каталогах для меня нужных: не отыщется ли что-нибудь из них. Я готов бы купить все их сразу, если бы цена не превышала Брюнетовскую.

Нет ли в библиотеке Вашей Nicephori patr. Breviarium Historicum, ed. Petavi Parisus 1616, 8°. Из сего издания нужно выписать стр. 339—407.

Allatu de aetate et interstitus ordinum apud Graecos P. 108.

Scaligeri epistolae pag. 677 ep. 391. В публикации? видел я только другое издание.

³⁹ Здесь и далее речь идет о переводе трехтомного исследования Стебельского о св. Евфросинии, оставшемся неопубликованным «по причине неприязненности церкви нашей» Об этом деле мы узнаем лишь из слухов (даже инициалы автора отсутствуют) упоминания в кн. Козлов в П. Колумбы российских древностей 2-е изд., доп. М. 1985 С. 143

⁴⁰ Имеется, по-видимому, в виду латинская статья Шафарика о пражской рукописи Летовника (Notitia de Georgio Hamartolo), выходных данных которой нам, к сожалению, не удалось установить (см. о ней Weingart M. Byzanske kroniky S. 6)

⁴¹ Эдуард Муральт (1808—1895) — действительный член Общества истории и древностей российских при Московском университете с 1856 г.

⁴² Речь, по-видимому, идет об описании греческого лаврентцианского списка Георгия Амартола XI в. (Laurent LXX 11) из упомянутого каталога Бандини (см. примеч. 38)

⁴³ См. примеч. 18

Schoell о церковных писателях, на французском языке. Кстати, нет ли из приложенного реестра каких-либо книг в Акад<емической> библиотек<е>, в таком случае (кроме Несселя и Боннск<ого> изд<аний>) я желал бы иметь их у себя на некоторое время. Нельзя ли переслать их в Общество Ист<ории> и Древн<остей> Росс<ийских>.

Теперь о Сербском Летовнике. Бодянский успел списать из него не более четвертой части. Так скоро его выпребовали. Устройте, сделайте одолжение, чтоб лаврский пергамент и Моск<овский> синод<альный> Летовник препроводили или к нам в Общество, или же, по крайней мере, на свои места. Мне И. И. Срезневский говорил неоднократно, что до издания моего исследования он не думает приступать к изданию пер<евода> Амартола, след<овательно>, до того времени они будут у него лежать даром. Да и где ему при своих разнообразных занятиях приняться за это дело. Всего бы лучше передать его к нам в Москву, хотя г. Бодянский теперь всецело занят печ<атанием> Изборника Святослава.⁴⁴

Писал я гр. Уварову⁴⁵ о доставлении своего списка Амартола, ответа не имею, в мое время он был у г. Срезневского.

Повторяю просьбу о Боннском изд<ании> Византийцев. Не отлагайте выписку даже на неделю. Я имею вернейшее сведение, что у самого Вебера уже недостает некоторых томов, он просил наших книготорговцев скупать и пересылать ему. Будьте так добры, не откажитесь помочь мне в этом. А я московских книг готов доставать, какие Вам понадобятся.

Ваш преданный и покорный слуга

В. Ундольский.

Р. S. Мне нужны собственно греческие рук<описи>, след<ующие> из упом<янутых> в реестре каталогов; если придется купить их отдельно, еще было бы для меня лучше; только едва ли, приобретая в розбив, можно обойтись экономно.

П. С. Билярскому мой пренизкий поклон.

Москва,

Мая 5 дня 1856 г.

<л. 7: «Реестр» запрошенных В. М. Ундольским изданий, приложенный к предыдущему письму>.⁴⁶

J. Alb. Fabricii Bibl Graecae ed Harlesii t X, XI et XII cum indice // *Corpus Scriptorum*

Historiae byzantinae, ed Bonnae

Mittarelli bibl MSS monasterii s Michaelis, Venetus 1779, f°

Mingarelli Graeci codices apud Nanius asservati Bononiae 1784, 4

Muccioli Catal Codd Bibl Malatestianae, Caesnae 1781—4, 2 vol f°

Morelli Bibl s Marci graeca et latina, Bassani 1802, 2 vol 8°

Zanetti Graeca D Marci bibl Cod MSS Venetus, 1740, f°

Kollarii ad Lambecii Commentariorum libros octo supplementorum liber postumus Vindob 1790, f°

Nessel Dan Breviarum et supplementum commentariorum bibl caes vindobonensis Vindobonae 1690, 6 part in 2 vol f°

Iriarte Regiae bibl matritensis codices graeci mss Matruti 1769, f°

V (л. 15—16 об.). Москва. 7 июня 1856 г.

М. Г. Арист Аристович,

Наши типографии, в том числе и университетская, завалены работою. Весь май мес<яц> оригинал мой лежал в сей последней, и не набрано ни

⁴⁴ Подготовленное О М Бодянским издание «Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г.» вышло в свет уже после его смерти (СПб., 1880)

⁴⁵ Имеется в виду граф А С Уваров (1828—1884), известный археолог

⁴⁶ Все заглавия каталогов приводятся Ундольским в сокращенном варианте, которые мы из соображений экономии места не сочли нужным раскрывать

слова. Только теперь 7-го июня дождался я 1-го полулиста, и это для меня истинное торжество по той достаточной причине, что семь номеров Русского Вестника надо перепечатать 2-м изданием слово в слово, и ни одна типография не берется за такую легкую и сходную работу. Теперь начало сделано, авось когда-нибудь дождемся и конца. Что ж делать нашей старушке Москве, когда у нее теперь два новых журнала,⁴⁷ да и других книг прибавилось с послаблением цензуры чуть не вдвое.

Амартола от Уварова не получил, да и из Румянцевского музея тоже; кажется, еще и требование не отправлено туда из Общества. Не теряю надежды иметь в своих руках и самый подлинный синодальный сербский 1386 г., равно и пергаментный академический список с изображениями, если только возвратит их И. И. Срезневский, как обещался он это сделать еще в начале мая.

На досуге я не оставлял своего Амартола — продолжал сличение греческого текста с болгарским переводом из слова в слово. Много труда, но не без пользы эта работа. Результат и здесь все тот же: московский кодекс содержит хронику если не другого Георгия, то и не чистую Амартолову — ибо он с нею во многом не сходен. Но пусть издадут его под каким бы то ни было именем. Это издание необходимо, жаль только, что идет оно так медленно.

Извините, что доселе не доставляю 2 и 3 части Стебельского,⁴⁸ сам доселе не имею в руках. Как получу, доставлю. Позвольте снова напомнить Вам о Византийцах, как хотелось бы мне поскорее иметь их, равно и все прочие книги, упомянутые в моем реестре. Помогите мне, добрый и почтенный Арист Аристович. Больше не на кого надеяться в этой нужде

Поклонитесь от меня П. С. Биллярскому. Что его Манассиева летопись?⁴⁹

Поручая себя и мои труды благосклонному вниманию Вашему, честь имею быть Вашим покорным слугою.

В. Ундольский.

Четверг
7 июня 1856 г.

P. S. Мои заметки из Бандини и других каталогов при случае препроводите ко мне, пожалуйста.

VI (л. 9—9 об.). Москва. 23 марта 1857 г.

М. Г. Арист Аристович,

Поздравляю Вас с наступающим праздником и желаю всего лучшего. Печатание моего сочинения идет очень медленно, несмотря на предписание г. Министра Народного Просвещения и Президента Академии. Это крайне огорчает меня, а пособить нечем. С другой стороны, эта работа услаждает меня как нельзя более. Я напал на следы церковнославянского перевода хроники Евсевия Памфила, греческий подлинник которой, как известно, утрачен.⁴⁹ Мое открытие уже вне догадок и предположений,

⁴⁷ Ср из письма В. М. Ундольского к П. С. Биллярскому от 14 декабря 1855 г. «У нас теперь литературное движение, затеялись два журнала Русский Вестник и Русская беседа. Посмотрим со стороны, что будет. Полюбится ли это Вашим ветеранам?» (Истрин В. М. Письма С. 30)

⁴⁸ См примеч. 39

⁴⁹ Не ошибка ли? Никакими данными о существовании сербского перевода известной хроники Евсевия Кесарийского (Памфила), греческий оригинал которой был действительно утрачен, а текст сохранился лишь в армянском переводе, наука, если не ошибаемся, не располагает. (Хроника см. Eusebius Werke, Fünfter Band Die Chronik aus dem armenischen übersetzt mit textkritischem Commentar / Hrsg. von Josef Karst Leipzig, 1911, Huxley G. L. Problems in the Chronography of Eusebius // Proceedings of the Royal Irish Academy 1982 Vol. 82 Number 7 P. 183)

но, не оглашая его, мне хотелось бы воспользоваться след<ующими> сочинениями:

- 1) J. Scaligeri Thesaurus Temporum ed. 2, Amst. 1658 f°.
- 2) Hieronimi operu(m) ed. Vallarsu t. VIII, Vermae 1740.
- 3) Man Scriptorum veterum nova collectio T. 1. ps. 1 et 2, Romae 1827.
- 4) Eusebi Chron. bipartitum lat. et armenice ed. J. P. Anchor. Venet. 1818, II vol. f°.

Покуда довольно и этого. Не мешало бы взглянуть, что говорят Рауль-Рошет и Нибур, первый в Journal des Savants, 1819 p. 549;⁵⁰ посл<едний> in der Abh. der Berl. Acad. d. Wiss. hist. phil. Kl. 1820/21 p. 37—114, und in s. Klein. Schr. p. 179 sqq.⁵¹

Нельзя ли сообщить этих книг в наше истор<ическое> общество, равно распорядиться высылкою денег на мое имя для покрытия издержек печатания?⁹⁹

Ваш покорный слуга В. Ундольский.

23 марта 1857 г.

Р. С. Петру Спиридоновичу мое почтение.

VII (л. 10—11). Москва. 17 марта 1859 г.

М. Г. Арист Аристович,

Г. Лерх⁵² объяснит Вам лично, что я не откладываю издания Амартола, но по случаю перемены университетских властей типография дремлет. А возбудить ее я не в состоянии.

Я предлагаю Комиссии археографической на 48 р. сер. книг церковной печати, нужных при издании летописей и актов: Библию Киевского изд<ателя?> Симфония, жития святых и т. д. На эту сумму мне хочется получить Ваших, т. е. комических, изданий. Вы всегда покровительствовали мне и моему собранию, из коего на днях в Сенатской типографии сгорело несколько печатных книг и одна *рукопись*. Поддержите мое предложение, доставьте возможность пользоваться Вашими трудами. Если Комиссия одобрит мое предложение, я вышлю список нужных мне книг. Это тем более возможно и удобно, что она имеет уже свою библиотечку, для которой не будут лишни мои книги.

С истинным почтением и преданностью

честь имею быть Вашим покорным слугою

17 марта 1859 г.

В. Ундольский.

⁵⁰ Ошибка! Данная страница указанного органа приходится на рецензию на французское издание «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (Journal des Savants 1820 Janvier decembre P. 543—553), подписанную редактором журнала г-ном Даупоу, в то время как Raoul-Rochette публикует здесь же (P. 732—750) рецензию на французское издание «Географии» Страбона, вряд ли интересовавшее В. М. Ундольского. На с. 549 своей рецензии Дону касается вопроса о «Похвальном слове князю Димитрию» — памятнике, «который, как нас уверяют, исполнен силы и чувства, чему с трудом приходится верить, судя по тем отрывкам, которые цитируются»

⁵¹ Имеется в виду статья Niebuhr [B. G.] Historischer Gewinn aus der armenischen Uebersetzung der Chronik des Eusebius // Abhandlungen der historisch-philologischen Klasse der Königlich-Preussischen Akademie der Wissenschaften aus den Jahren 1820—1821 Berlin 1822 S. 37—114 (Idem Kleine historische und philologische Schriften Bonn, 1828 Bd I S. 179—304)

⁵² Лерх Петр Иванович (1827—1884) — востоковед, библиотекарь С.-Петербургского уни-верситета

VIII (л. 12—12 об.). Москва. 24 декабря 1860 г.

М. Г. Арист Аристович,

Чсть имею поздравить Вас с праздником Рождества Христова и с Новым 1861-м годом. При этом желаю Вам прежде всего доброго здоровья и потом успеха в Ваших делах.

Мое здоровье с начала октября весьма плохо. Правая рука поражена сильнейшим ревматизмом, и вот уже около трех месяцев, как сижу дома. Как бы в утешение и некоторое облегчение болезненных припадков в это время мне удалось сделать открытие и именно на том поприще, по которому я иду так медленно. Доселе Хроника Зонары в переводе славянском была известна в извлечении, теперь послал мне Бог ее вполне (?)⁵³ в прекрасном сербском списке начала XVII столетия.⁵⁴ Эта находка совершенно перемениет взгляд на это дело. Изданный г. Бодянским Паралипомен⁵⁵ не только не с подлинника, но и с плохого списка. Там вместо *Крум* — воевода болгарский — читаем *кроме* и т. д. Жаль только, что первых двух листов моей рукописи недостает, а вместе с сим и подлинного ее заглавия. Во что бы то ни стало постараюсь окончить своего Амартола к Пасхе; знаю, что Академия (согласно данному обещанию) может лишитъ меня и премии и даже суммы на издание: но неужели она решится добывать лежачего и вдобавок больного? Дело, думаю, не в форме, а в содержании — это не таблицы Хавского, изданные в срок и все-таки нелепые.⁵⁶ Как бы то ни было, считаю непременною обязанностью просить у Вас извинения в медленности и защиты. Каково бы то ни было Ваше решение, покорюсь безропотно. Если ж Академия будет несколько снисходительна, то и мое последнее открытие Зонары обнародовано будет от ее имени...

Еще позвольте Вас спросить как библиотекаря: в новых голландских заветах вполне ли припечатан текст славянский или нет? Есть ли в Академии аннинская, не выпущенная в свет Библия 1739 года (Сопик. № 111) и если есть, то на скольких она листах??

Поручая себя и мои труды благосклонному вниманию Вашему, с совершенною преданностию имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

24 дек. 1860 г.

В. Ундольский.

Его высококор. А. А. Кунику.

Р. С. М. П. Погодин избран 22 дек<абр> в Председатели Общества Любителей Росс<ийской> Словесности, на место Хомякова, а Ив. Аксаков вместо его (Погодина) во временные Председатели.⁵⁷ Правда ли, что Румянц<евский> Музей переведут к нам⁵⁸ и что Кортаев продал свое собрание в Англию?⁵⁹

⁵³ Знак вопроса принадлежит В М Ундольскому

⁵⁴ По-видимому, речь идет о нынешней рукописи РГБ, собр Ундольского, № 1191, которая датируется Н А Мещерским XVI в (Мещерский Н А Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности XI—XV веков С 88)

⁵⁵ См Бодянский О М Паралипоменон Зонары // ЧОИДР 1847 Кн 2 С 86—119

⁵⁶ См примеч 35

⁵⁷ Алексей Степанович Хомяков (1804—1860) был председателем ОЛРС с 1859 г до своей смерти М П Погодин — с 1860 по 1866 г, Иван Сергеевич Аксаков (1823—1886) — с 1860 г — временный председатель ОЛРС

⁵⁸ Собрание Н П Румянцева было перевезено из Петербурга в Москву в 1861 г составив основу «Румянцевского публичного музеума»

⁵⁹ Имеется в виду собиратель старопечатных книг и старинных гравюр Иван Прокофьевич (Петрович) Каратаев (1817—1886), коллекция которого в 1858 г была передана Имп Публичной библиотеке См о нем Сотрудники Российской Национальной библиотеки — деятели науки и культуры Биографический словарь СПб, 1995 Т 1 С 641

IX (л. 17—18). Москва. Без даты (декабрь 1862?).

Мил<остивый> Государь Арист Аристович,

С сею же почтою препровождено к г. Непременному Секретарю И<мператорской> А<кадемии> н<аук> два последних отпечатанных полулиста сочинения моего об Амартоле, с покорною просьбою на имя Конференции Академической о последней отсрочке печатания еще на год, с тем неременным условием, что если в течение сего времени не успею окончить печатание, то добровольно, независимо от решения Академии, сам лишаю себя права на получение премии и даже возвращаю сумму, употребленную на издание. Оправдываться нечего: теа culpa, теа maxima culpa. Прошу такой продолжительный срок не потому, чтоб не сумел скорее окончить или стал откладывать, но чтоб при неблагоприятных обстоятельствах не связать самому себе руки. Теперь же у нас сильно хлопочут о Публичной библиотеке; в таком случае, конечно, дело коснется и меня. Во всяком случае, как чрез посредство Ваше, достопочтеннейший Арист Аристович, удостоен я премии, то, поставляя Вас о сем в известность, покорнейше прошу в последний раз употребить свое содействие в этом (бесспорно неприятном для Вас) деле. Надобно же было, приехавши в С.-Петербург в октябре, захворать: это лишило меня возможности рассмотреть Хронику Симеона Логофета, судя по отчетам, хранящуюся в Публ<ичной> библ<иотеке>. Этому явлению я плохо верую (sic!), вытребовать рук<опись> в Обществе нет возможности, почему на Страстной придется снова съездить в Питер; а обойти это обстоятельство в своем исследовании я не могу и не хочу. Мне крайне желательно, чтоб Академия наук (наше первое и единственное ученое сословие) по окончании моего труда — только вполвину напечатанного — осталась довольною и совершенно забыла неприятности медленного печатания. В предисловии, перечисляя открытия других византийских хроник в славянских переводах, нужно же будет сказать несколько слов и об этой находке, для меня покуда непонятной. Не лучше ли будет в этом случае обратиться к гр. С. Г. Строганову?⁶⁰ Об этом снесусь с г. Соловьевым.⁶¹ Он до 29 декабря будет в Москве...

Не хотелось бы нарочно ездить в Питер и снова делать издержки, ни в каком случае не вознаградимые. Но дело и не в трате денежной. Главное: опять в это время будет дрянная погода и, значит, плохое здоровье — приедешь и по-прежнему ничего не успеешь сделать.

Покорно прошу передать от меня почтение г. Лерху;⁶² я получил от него письмо и жалею, что адрес его мне неизвестен, напрасно он думает, что я сержусь на него. Вот доказательство: пусть не в службу, а в дружбу справятся они в акад<емической> библ<иотеке>, какие есть библии полиглоты и какие изд<ания> Библии и Ветхого Завета на языке греческом. Это мне крайне нужно.

Поздравляя Вас с наступающим праздником Р. Христова и с Новым годом, желаю Вам успеха в делах и доброго здоровья: оно нужнее всего. Затем, поручая себя и мое дело благосклонному расположению Вашему, с истинным почтением и преданностью имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

В. Ундольский.

Его Высокородию Ар. Ар. Кунику.

Р. S. Поклонитесь от меня П. С. Билярскому и попросите выслать его Гумбольта, хоть чрез Секретаря Публ<ичной> б<иблиотеки> г. Лапшина.⁶³

⁶⁰ Граф Сергей Григорьевич Строганов (1794—1882), меценат и коллекционер.

⁶¹ Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), знаменитый историк.

⁶² См. примеч. 52.

⁶³ Имеется в виду Сергей Иванович Лапшин (1827—1883), библиотекарь Имп. Публичной библиотеки.

Х (л. 13—14). Москва. 31 декабря 1863—19 августа 1864 г.

Милостивый Государь Арист Аристович,

Очень сожалею, что обстоятельства не позволили в последний раз видеться с Вами и многоуважаемым товарищем П. С. Билярским. Это было 15—20 <его> августа. Главное, признаюсь Вам откровенно, робел за выписки Гедеонова.⁶⁴ Теперь они отысканы, и, как видите, в совершенной целости. Простите великодушно собирателя, которого книги и бумаги выжидают из дому. Если б не переезд с квартиры в 10-х числах септемврия, не знаю, когда отыскалась бы эта мнимая пропажа. Теперь около месяца идет разборка, книг много, места мало. М. П. Погодин хочет пособить моему горю — уступает мне свои шкафы, которые стоят у него в сарае без всякого употребления. Дай ему Бог многолетнего здоровья и душевного спасения, купно и с молодою супругою (которой я еще не видал).

В последнее заседание Общества Любителей Российской Словесности, между прочим, он, как председатель, предложил издать сборник статей в память тысячелетия изобретения кириллицы. Судя по оглавлению статей, должна быть вещь очень хорошая.⁶⁵

Письмо это было написано давно, в половине октября, когда сделался я жестоко болен. Катарр сильнейший купно с одышкой пошибли меня окончательно и ко всему сему хлопоты на похоронах Большакова⁶⁶ раздражили гемморой до самой последней степени.

Поздравляя Вас, многоуважаемый Арист Аристович, с Новым годом и желая всех возможных благ, снова приношу извинение о задержании рукописи и во всем прочем Ваш искренний почитатель и покорный слуга

В. Ундольский.

31 декабря 1863 г.

Р. S. Увы, надежда на шкафы обманула меня, хозяин большую часть перетащил из сараев в комнаты и кое-чем занял их. Любезнейшему Петру Спиридоновичу Билярскому мое душевное почтение и пренизкий поклон.

Вот, достопочтеннейший Арист Аристович, Ваша греческая рукопись.⁶⁷ Из приложенной записки видите, что еще в декабре готовил я ее для отправки в С.-Петербург. Из письма Вашего вижу, что Вы считаете за мной каталог Миллера,⁶⁸ который возвратил я Вам лично. Поищите его у себя, а если не найдете, то добавлю Вам свой экз<емпляр>, купл<енный> у Джустиниани⁶⁹ лет 8 тому. Я не хочу, чтобы на москвичей пала худая слава, что они все теряют...

С декабря доселе никуда не выхожу по болезни, когда выздоровею, Богу известно, а всего вернее, совсем не выздоровею.⁷⁰ Благодарю Вас душевно.

Поручая себя Вашему доброму расположению, честь имею быть навсегда Вашим покорнейшим слугою

В. Ундольский.

19 авг<уста> 1864 г.

⁶⁴ Речь идет, по-видимому, о материалах С. А. Гедеонова (1815—1878) к его известной монографии «Варяги и Русь», которые в рукописи находились у В. М. Ундольского и готовились А. А. Куником к опубликованию

⁶⁵ Если не ошибаюсь, такого сборника никогда не было опубликовано

⁶⁶ Речь идет об известном торговце старопечатными книгами и рукописями Тихоне Федоровиче Большакове (1794—1863), с которым В. М. Ундольского связывали давние деловые и дружеские отношения и которого он, как мы видим, проводил в последний путь

⁶⁷ Имеется в виду, конечно, синодальный греческий список Хроники Амартола № 251 (ГИМ, греч 406), возвращенный А. А. Кунику в Петербург

⁶⁸ См примеч 23

⁶⁹ По-видимому, имеется в виду Иван Антонович Джустиниани (Giustiniани, 1810—1866) итальянский литератор и поэт, с 1840 г осевший в России и в 1851 г избранный «лектором» Петербургского университета, где преподавал итальянский язык, библиофил, собиратель инкунабулов См о нем Сотрудники Российской Национальной библиотеки С 640

⁷⁰ Напомним, что В. М. Ундольский умер 1 ноября 1864 г

Н. И. НИКОЛАЕВ

Печатный Пролог с записями А. А. Ухтомского из собрания М. С. Лесмана¹

Деятельность каждого крупного коллекционера подчинена своей внутренней, только этому коллекционеру присущей задаче. Однако проходят десятилетия, и эти коллекции становятся фактом культуры, а собранные в них материалы оказываются неотделимыми от имени собирателя. В наше время деятельность таких коллекционеров уже почти не представима для обыденного сознания. М. С. Лесман (1902—1985) и был представителем теперь уже навсегда уходящего последнего поколения коллекционеров, ясно осознававших цели своего собирательства. Его коллекция получила наибольшую известность из-за собранных в ней рукописей и книг, относящихся к истории русской культуры первой трети XX в. В приобретении этих материалов заключался главный интерес собирателя. Однако, не без оснований считая себя наследником великой русской библиофильской традиции, он также с особой тщательностью подбирал традиционные библиофильские редкости, прежде всего русские издания XIX и отчасти XVIII вв. Как настоящий собиратель он мог оценить редкость и значение для русской культуры материалов, вроде бы далеких от его основных пристрастий. Так, у него появилось несколько десятков старопечатных западноевропейских изданий, среди них — и инкунабулы, несколько десятков славяно-русских рукописей и кириллических книг. Среди последних выделяется том Пролога, содержащий сентябрьскую половину, который был выпущен Синодальной типографией в Петербурге в 1895 г. Его ценность и интерес для собирателя заключались в том, что он принадлежал выдающемуся русскому ученому-физиологу и мыслителю академику Алексею Алексеевичу Ухтомскому.² На верхнем переплетном листе книги имеются записи красными чернилами: «Г. I. X С. Б. П. Н. А.» и «Кн. Алексея Ухтомского. С. Петербург. 1912 г.». Именно с 1912 г. до смерти во время блокады, в августе 1942 г. (Ухтомский отказался эвакуироваться), в течение тридцати лет А. А. Ухтомский постоянно читал этот том Пролога. Почти на каждом листе книги имеются его пометы и подчеркивания в тексте, вписанные им параллельные места и собственные рассуждения, поминальные записи. Последние по времени подчеркивания и записи о смерти близких людей сделаны им химическим карандашом в блокадную зиму 1941—42 г. Пролог был послан коллекционером на выставку

¹ За возможность ознакомиться с материалами собрания М. С. Лесмана приносим глубокую благодарность Н. Г. Князевой

² Пролог Кн 1, сентябрь — февраль [СПб] Синод тип., 1895 495, [1] л., 2° См Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана Аннотированный каталог Публикации М., 1989 С 23, № 25

«Книга сражается», устроенную в Москве к 40-летию Победы. На выставке Пролог был раскрыт на тех листах, где находились поминальные записи февраля 1942 г.³

Как известно, библиотека А. А. Ухтомского хранится в Физиологическом институте Петербургского университета. К сожалению, сохранилась она не полностью.⁴ Какая-то часть книг была утрачена, и, возможно, еще до 1944 г., когда библиотека была принята в институт, носящий имя его основателя. Поэтому так важно, что этот том Пролога был сохранен коллекционером, осознававшим его значение для русской культуры и, отметим, не отказывавшим ученикам Ухтомского в возможности знакомиться с книгой, в которой запечатлелись следы духовного труда их учителя.⁵ Местонахождение второго тома Пролога, содержащего мартовскую половину, а он, судя по отсылкам в первом томе, несомненно имелся, пока неизвестно. Однако и записи первого тома позволяют получить представление об общем характере помет А. А. Ухтомского при чтении Пролога.

Жизненный путь А. А. Ухтомского со стороны может представиться крайне противоречивым. Почти всю жизнь его сопровождали кризисные духовные ситуации, от разрешения которых всякий раз зависел выбор дальнейшего жизненного пути. Вместе с тем он никогда не отказывался от пройденного и прежде обдуманного. Например, в дневниках 1930-х гг. он мог ссылаться на свои записи 1890-х гг. и продолжать их, как будто только за минуту до этого от них оторвался. Его жизнь отличает необычайное согласие внутреннего мира и поступков.

Родился А. А. Ухтомский в 1875 г. в Ярославской губернии. Происходил он из древнего княжеского рода. Детство его протекало в Рыбинске. После 5-го класса гимназии он был отдан в Нижегородский кадетский корпус (по традиции все Ухтомские были военными). После окончания корпуса — в разрыв с семейными традициями — он поступает в 1894 г. в Московскую духовную академию. Правда, несколько ранее туда поступил его старший брат Александр (позже — уфимский епископ Андрей). В самом этом факте еще не было ничего необычного. Можно назвать целый ряд имен представителей дворянской молодежи из числа поступивших в духовные академии в 80-е, 90-е, 900-е гг., ставших впоследствии видными деятелями церкви или выдающимися богословами. Необычен был следующий шаг Ухтомского — обращение к науке. Этот выбор был сделан в 1898 г. после окончания Духовной академии и написания кандидатского сочинения «Космологическое доказательство бытия Божия».

Уже в последние годы обучения в кадетском корпусе А. А. Ухтомский стал усиленно заниматься философией. Продолжил он эти занятия и в академии при написании кандидатского сочинения. Результатом этих занятий стало признание им схоластического характера современного богословия, его оторванности от живой религиозной жизни, и не менее важное утверждение неспособности современного европейского философского логицизма выйти за пределы абстрактных схем к живой реальности. Дорогу к реальности А. А. Ухтомский увидел в науке. Возможно, одним из мотивов его

³ Поздеева И В Книга сражается Каталог выставки книг, плакатов, графики времени Великой Отечественной войны из личных собраний коллекционеров Москвы, Подмосковья и Ленинграда М, 1987 С 333 № 1282 На с 332 приводится изображение Пролога, раскрытого на листах с поминальными записями

⁴ В апреле 1944 г 13 славяно-русских рукописей, принадлежавших А А Ухтомскому поступили в Рукописный отдел Библиотеки Академии наук (Тек пост № 327—339) См Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук М Л, 1958 Вып 2 XIX—XX века С 55

⁵ Мы имеем в виду Ф П Некрылова, посвятившего многие годы жизни изучению творчества А А Ухтомского и много времени отдавшего систематизации его помет в Прологе

обращения к науке было возникшее под влиянием чтения У. Джемса желание выявить биологические механизмы религиозного опыта. В дневнике 1921 г. А. А. Ухтомский записал, что это желание, приведшее его в университет, философски несостоятельно, ибо нельзя найти единого биологического механизма для всякого религиозного опыта ввиду глубоких различий, присущих разным его типам.⁶

По правилам того времени окончивших духовные семинарии и академии было запрещено принимать на естественнонаучные факультеты. Поэтому А. А. Ухтомский поступил сначала на восточный факультет (сеμιто-арабское отделение) Петербургского университета, а затем благодаря хлопотам и связям отца перешел на физико-математический факультет. Почти сразу он стал заниматься физиологией у проф. Н. Е. Введенского, чьи труды и идеи в 1920—1930-е гг. он горячо распространял и пропагандировал.

Годы университетских занятий А. А. Ухтомского сопровождалась напряженной внутренней жизнью. Именно в это время он приходит к крайнему неприятию окружающего его уклада: сословного, бытового, политического, церковного. Он обращается к старообрядчеству, но по сути для него это было обращение к народу, к его традициям. Его настроения тех лет хорошо передает заметка 1909 г.: «Отщепление от народа, крайняя чуждость народу со стороны правящей знати началась давно; давно эта знать пошла своею колеєю прочь от народной души... Эти гвардейские лоботрясы, „гвардейская тля“, с глупыми нарядами и „чувствами чести“; эти подражатели Версалю — представители древних русских родов; эти цари немецкого происхождения, немецких чувств и идеалов... Наконец, эти „преданные“ правительственные и <нрзб> попы, любящие воскрылья и предвозлежания... Далеко, далеко от всего этого скрывалась душа русского народа с его чаяниями, верою, чувствами, вкусами и его будущим».⁷

В автобиографической записи, относящейся к концу его обучения в университете, А. А. Ухтомский охарактеризовал свою внутреннюю жизнь как ряд кризисов, связанных с выбором жизненного пути. В 1900 г. он думал о том, чтобы принять монашество. В начале 1903 г. ему предложили занять в Духовной академии кафедру апологетики (необходимо отметить, что в том же 1903 г. выявилась первая работа А. А. Ухтомского по физиологии). В академии его помнили, помнили и его работу, напечатанную в 1899 г. в июньском номере «Богословского вестника» журнала Московской духовной академии.⁸ А. А. Ухтомский отказался. В 1905 г. петербургская единоверческая община предложила ему стать единоверческим священником. А. А. Ухтомский отказался и от этого предложения, полагая, что за ним стоит умысел использовать его имя.⁹

В 1911 г. А. А. Ухтомский защитил магистерскую диссертацию, в которой уже были заложены основы его будущего учения о доминанте, и приступил к педагогической деятельности. В 1919 г. он стал профессором, а в 1922 г. после смерти Н. Е. Введенского принял на себя руководство кафедрой, во главе которой находился до последних дней жизни. В 1935 г. А. А. Ухтомский был избран академиком.

В 1920-е гг. А. А. Ухтомский сформулировал принцип деятельности нервных центров — принцип доминанты, смысл которого состоит в том, что в каждый момент своего существования организм избирательно реагирует на внешние воздействия, призывающие его к той или иной деятельности,

⁶ АРАН (СПб), ф. 749, оп. 1, № 148, л. 23 об.

⁷ Там же, № 147/6, л. 22 об.—23 об.

⁸ Ухтомский А. А. Национальное обособление христианских народов и историческая задача церкви // Богословский вестник 1899 № 6 С. 194—208

⁹ АРАН (СПб), ф. 749, оп. 1, № 93, л. 30—31

при этом другие, менее важные в данный момент виды деятельности тор-мозятся. В работах А. А. Ухтомского, посвященных принципу доминанты, начиная с первой статьи «Доминанта как рабочий принцип нервных центров» (1923 г.), постоянно указывается на то, что доминанты являются физиологической основой поведения и мышления. Однако после появления в начале 1970-х гг. в печати части эпистолярного наследия ученого, писем к Е. И. Бронштейн-Шур 1927—1941 гг., а также статей верного ученика и биографа Ухтомского В. Л. Меркулова, основанных на тщательном изучении материалов его архива, и, наконец, публикаций, подготовленных в самые последние годы, стало ясно, что в процессе создания нового учения о деятельности нервных центров А. А. Ухтомский выступил не только выдающимся физиологом, но и оригинальным мыслителем.¹⁰ Из этих публикаций, появившихся за последнюю четверть века, следует, что закон доминанты рассматривался ученым в неразрывной связи с законом заслуженного собеседника, законом возмездия и законом милосердия.

Закон заслуженного собеседника А. А. Ухтомский формулирует следующим образом: «...принцип доминанты в социальном аспекте превращается в закон заслуженного собеседника <...> мы видим во встречном человеке преимущественно то, что по поводу встречи с ним поднимается в нас, но не то, что он есть. А то, как мы толкуем себе встречного человека (на свой аршин), предопределяет наше поведение в отношении его, а значит, и его поведение в отношении нас».¹¹

В размышлениях о законах доминанты и заслуженного собеседника А. А. Ухтомский постоянно ссылается на произведения Ф. М. Достоевского, особенно часто на повесть «Двойник» и роман «Братья Карамазовы». И это было совершенно естественно для ученого, который полагал, что в искусстве дается нам «постановка проблем, указание незамеченных вопросов и новых задач».¹² Столь же важную роль в обдумывании этих законов сыграли и проложные повествования и поучения. О значении той традиции, которая воплощена в корпусе проложных текстов, А. А. Ухтомский писал в 1924 г.: «Необходимо развить и продолжить святоотеческий эмпиризм и физиологизм в учении о путях и нормах человеческого познания и благоволения (спасения) при свете современных данных физиологии, психоанализа и гносеологии».¹³ Примеры такого эмпиризма и физиологизма и отмечает А. А. Ухтомский в Прологе. Причем поясняет эти примеры он и на языке Пролога, и на языке своих научных текстов. Недаром и в дневниках начала 1920-х гг. записи по физиологии, ведущие к принципу доминанты, перемежаются заметками, содержащими ссылки на Пролог. Именно в эти годы

¹⁰ Ухтомский А. А. 1) Письма / Публикация, вступ. статья и примеч. Е. И. Бронштейн-Шур // Пути в неизвестное М., 1973 Сб. 10 С. 371—435, 2) «И свет во тьме светит» // Из философского наследия ученого / Публикация и предисл. Л. Соколовой // Свободная мысль 1992 № 2 С. 25—35, 3) Из неопубликованного наследия / Вступ. заметка, публикация и примеч. Л. Соколовой // Знамя 1993 № 10 С. 126—139, 4) Из неопубликованного наследия / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Л. В. Соколовой // Психол. журнал 1994 Т. 15, № 2 С. 135—152, № 3 С. 158—168, А. А. Ухтомский [К 100-летию со дня рождения] // Природа 1975 № 9 С. 18—35, А. А. Ухтомский в воспоминаниях и письмах (Сб. статей) / Сост. Ф. П. Некрылов СПб., 1992, Цурикова Г., Кузьмичев И. Писатель которого не было // Нева 1988 № 4 С. 162—172, Кузьмичев И. «День ожидаемого огня» // А. А. Ухтомский в переписке с В. А. Платоновой // Звезда 1994 № 4 С. 138—169

¹¹ Ухтомский А. А. Запись на полях поэмы А. Блока «Возмездие» // Природа 1975 № 9 С. 34

¹² Ухтомский А. А. Доминанта Л., 1966 С. 250, Меркулов В. Л. Счастье искателя истины // Природа 1975 № 9 С. 28

¹³ См. Меркулов В. Л. О влиянии Ф. М. Достоевского на творческие искания А. А. Ухтомского // Вопросы философии 1971 № 11 С. 119. Цитата приводится по статье В. Л. Меркулова в восполнениями по тексту рукописи АРАН (СПб.), ф. 749, оп. 1 № 92/6 л. 104

ученый постоянно обращался к Прологу, о чем и свидетельствуют записи в сохранившемся томе. Все они носят маргинальный характер, сделаны попутно, при чтении. Тема каждой записи много подробней раскрыта в дневниках и письмах ученого, к которым и приходится обращаться для понимания смысла записей. Однако почти невозможно установить, данное ли место привело к запечатленной мысли или, наоборот, некая ранее сформулированная мысль нашла затем свое подтверждение в тексте Пролога.

«Блаженный Еварест, по некоему смотрению получив пресвитера, постническое житие провождающа, и любимое си получи, и власы остриг, и вожде-ленно к Господню ярму совниде» (23 декабря; память преподобного и богоносного отца нашего Евареста).¹⁴ К этому месту относится находящаяся на том же листе запись А. А. Ухтомского: «Будущие излагатели наукоучения о человеческих идеалах и религии должны обратить внимание на то, что все это особенность именно человеческого рода, и именно высших типов его, — крайнее ограничение себя, отвержение пищи и самосохранения, пренебрежение ближайшими инстинктами — ради торжества, хотя и мысленного, великих идеалов». Эта необходимость постоянного труда и самоограничения при изменении своих доминант также подчеркивается А. А. Ухтомским в заметке о Достоевском в лекционных тетрадах 1927—1929 гг.: «Моя исходная, первая и последняя задача — понять, как создается склад восприятия *старца Зосимы*. Я узнал, что он создается большим физическим подвигом, преданием от других и отношением к миру, как к любимому, почитаемому, интимно-близкому собеседнику. Этот очень трудный, постоянно напряженный склад восприятия воспитывается и удерживается с большим трудом, с постоянной самодисциплиной и осторожным хранением совести».¹⁵

«Вопроси брат старца: что, отче, доброе дело, и еже злое хотение? И отвеща отец: брате, всяк покой плотский мерзок есть Богу... И еже по плоти есть всяк покой, и во всем его любити, пакостно есть, и на велий вред души» (3 февраля; слово о добром хотении и злом. Л. 358 об.). На том же листе напротив подчеркнутых строк А. А. Ухтомский записывает: «Путь эктропического напряжения, принципиального удаления от покоя, от самоудовлетворения, от энтропического самоутверждения». О людях, вставших на путь эктропического напряжения, А. А. Ухтомский в своих размышлениях по поводу «Братьев Карамазовых» (в лекционных тетрадах 1927—1929 гг.) отмечает: «Им (людям, подобным Зосиме. — *Н. Н.*) свойственна *доминанта на лица других...* Для Зосимы этот метод исходный и основной с самого начала... и он является делом постоянного напряжения и труда целой жизни *изо дня в день*. Усредненный и спокойный „интеллигент“, ценящий более всего комфорт самодовольства, вряд ли решится встать на этот путь! Он всегда будет стараться замкнуться ради своего покоя на утешительной и экономной теории».¹⁶

«Егда от тела отлучимся, тогда предстанут нам ангели и бесове, показующе сотворенная нами на сем свете... яже сотворихом словом, или делом, или помышлением: вся бо написана суть на обличение наше. И образы поставят около нас, аки гораздии иконницы. Бесове убо преобразятся в наши дела, якоже бо ходихом на блуд или татьбу, или на разбой, или на иныя грехи, тако и обличат ны. И невозможно будет отврещися, видяще пред собою дела своя, аще ныне покаянием и теплыми слезами не загладим тех

¹⁴ Пролог Кн 1, сентябрь—февраль, т. 280 об. Далее ссылки на это издание Пролога в тексте с указанием листов. Все подчеркивания в текстах из Пролога принадлежат А. А. Ухтомскому.

¹⁵ Меркулов В. Л. О влиянии Ф. М. Достоевского на творческие искания А. А. Ухтомского. С. 118.

¹⁶ Там же. С. 119.

написаний образа» (27 февраля; поучение Иоанна Златоустаго о смерти. Л. 407). Подчеркнутое место сопровождается следующей пометой А. А. Ухтомского: «Воплощение, осуществление и открытие тех тайных зачатков, которые носились в душах. Заслуженные интегральные образы, заслуженные собеседники, объективировавшие то, что зачалось внутри». Речь здесь идет о тех неосознанных доминантах, которым подчинено человеческое поведение до тех пор, пока они не будут преобразованы путем сознательного обращения на лица других. Однако и совесть А. А. Ухтомский рассматривал в ряду таких доминант. В 1924 г., рассуждая о совести и интуиции как досознательной опытности, он писал: «Совесть и есть в нас интуиция, всего труднее воплощаемая и формулируемая в словах!»¹⁷

«Слово святого Антиоха о прекословии» (29 декабря) стало для А. А. Ухтомского поводом для определения причин несостоятельности современной интеллигентской культуры. К этому слову на л. 285 об. он сделал помету: «Духом прекословия проникнута вся „интеллигентская“ культура, отсюда все ее болезни и немощи». А затем продолжил свое рассуждение: «Прекословие, как дух и настроение, противоположность Послушанию, как духу и настроению. Особая постановка жизни, особая доминанта. Если она началась, ждать более нечего — она все расточит и разрушит» (Л. 286).

В качестве одного из проявлений интеллигентского самоутверждения в 1910-е гг. А. А. Ухтомский рассматривал сочинения В. В. Розанова. В Прологе к словам «недостойно есть христианом поклоняться твари» (20 сентября; убиение святых мученик от Батыея царя, великаго князя Михаила Черниговскаго и боярина его Феодора. Л. 38) он сделал приписку: «Ср. Мельникова-Печерского, В. Розанова и прочих российских интеллигентов, сожалеющих о том, что поклонение твари (солнцу, огню, блюду) миновало!».

Интеллигентская культура сопровождается соответствующей педагогикой. Именно о педагогике идет речь в записях к 19 ноября. В повествовании о Варлааме и Иоасафе А. А. Ухтомский пометой «Педагогика» выделяет следующее место: «Пестуны же и слуги пристави к нему юны и красны, запретив им ничесоже явити ему от жития сего скорбных и печальных, ни о смерти, ни о старости, ни о болезни, ни о нищете, да не возмутит его печаль; но вся возлюбленная и веселая являти ему: мо- нашеский же чин за три дни повеле изогнати от земли своея... И запрети им, да не видит стара, ни ниша, ни глуха, ни слепа, но вся отгоняти» (19 ноября; память преподобнаго отца нашего Иоасафа Пустынника, сына Авенира царя индийского. Л. 184). После того как, согласно повествованию, Варлаам, «сотворився купцем, прииде к палате сына царева, и глагола пестуну: повеждь мя сыну цареву, аз емь купец, имею камык честен и многоценен, и светится от него вся земля», он приводится к Иоасафу и отвечает на его просьбу: «покажи ми многоценнаго того камыка». Ответ Варлаама А. А. Ухтомский сопровождает пометой «А се другая педагогика!»: «Варлаам же рече: не имееши еще здрава зрака, ни очищенна тела, не можеши вилети его; но прежде умягчи ниву сердца твоего и всей словеса моя глаголанная к тебе» (Там же). На том же листе А. А. Ухтомский сформулировал общее заключение: «Жалкое желание сделать человека счастливым, изолировав его от действительной печали жизни: не увиди несчастного, не знай о горе человеческом, не встреть иночества, — изолируй себя только для постоянного праздника и радости». В дневниковых записях 1924 г. А. А. Ухтомский, отметив, что

¹⁷ АРАН (СПб.), ф. 749, оп. 1, № 91/17, л. 23.

в стяжании Духа, а не в «счастьи» цель работы мозга, пишет, что в отличие от христианской педагогики обычная педагогика, вместо воспитания, основанного на любви к личности, посредством сложившейся системы ведет к «расстройству души».¹⁸

Упадок церковных традиций, обусловленный современным состоянием общества, А. А. Ухтомский также обозревает сквозь призму повествований из Пролога. Ученик Памвы отправляется в Александрию, где видит церковную службу, и, возвратившись смущенным, на вопрос Памвы о причине смущения отвечает: «Естеством, отче, в небрежении кончаем дни своя в пустыне сей, да ни каноном учимся, ни тропарем... Глагола старец ему: горе нам, чадо, яко приспекют дни, егда оставят монаси твердую пишу, реченную святым духом, и возследуют пением и гласом... Се убо глаголю, чадо: яко приидут дни, и расказят монаси книги, загладят отеческая жития, и преподобных мужей предания, пишущие тропари, и еллинская писания» (16 ноября; слово святого отца Памвы, поучение ко ученику своему. Л. 179—179 об.). К последним подчеркнутым словам имеется пояснение А. А. Ухтомского: «Не даром же одним из выпуклых признаков этого грядущего падения подчеркивается извращение церковного искусства в „эллинические писания“: состояние искусства самым интимным образом отражает общее духовное состояние человека и общества». Эту маргинальную запись А. А. Ухтомский конкретизирует в заметке 1922 г., в которой он отмечает, что если староверская моленная, староверский иконостас и староверское пение говорят о трагическом понимании христианства, то этому противостоят новообрядческий обиход, иконография, вокальное искусство, или, по Джемсу, легкомысленное мороженое, что внесено в современные беседы о Христе.¹⁹

Более подробно о следствиях упадка церковного искусства А. А. Ухтомский рассуждает в статье «О церковном пении», напечатанной в «Санктпетербургских ведомостях» 10 июня 1910 г.²⁰ В статье он пишет о том, что «церковное пение на Руси находится в упадке», хотя и есть еще островки: Валаам, Оптина, Гефсиманский скит у Троицы Сергия, старообрядцы, «благоговейно сохранившие сокровищницу церковного чина и знаменного распева от варварских нашествий, которыми они подвергаются». Вместе с тем, отмечает А. А. Ухтомский, «церковное пение» отходит в сторону по пути «искусства для искусства», основным принципом которого является как можно более острое возбуждение ощущений. Отсюда появление чисто оперной музыки, сокращение церковной службы, якобы за счет не очень важных частей, превращение ее в концерт. Приветствуя образование «хора любителей древнего церковного пения» при Петербургском единоверческом братстве, А. А. Ухтомский предостерегает его участников от уклона в ложно понятую прогрессивность и приводит пример того, как такая прогрессивность ведет к гибели произведений древней живописи: в Иосифовом Волоколамском монастыре дубликат рублевской св. Троицы был записан, «для написания новых ликов был призван местный живописец, он же и маляр».

«А сколько раз, — восклицает затем А. А. Ухтомский, — таким же образом в разных углах России стремление быть на высоте требований и похвальная прогрессивность довели до усердия привлекать маляра к исправлению древней художества! <...> Исповедывать словесно великую идею

¹⁸ Там же, л. 2 об., 16—16 об.

¹⁹ Там же № 148, л. 23

²⁰ Ср. Ухтомский А. А. О церковном пении. Доклад СПб. Синод. тип., 1912. 21 с. (Из материалов 1-го Всерос. съезда православных старообрядцев) Отд. отт. из кн. Первый Всерос. съезд старообрядцев (единоверцев)

прогресса нетрудно! Усвоить себе стремление не отставать от вкусов времени — нет ничего легче! Ремесленники искусства и даже без дарования всегда найдутся! Но ведь Андрей-то Рублев один, памятников его искусства очень мало и их очень легко извести совсем! Из того, что мы их не понимаем, или не понимают их наши современники, не значит, что не придут люди, которые будут их понимать и будут искать, а не найдя их, скажут о нас, мнившими себя прогрессивными: прости их, Господи, ибо не знали, что делали».

Приведенные примеры, можно надеяться, показывают, что для А. А. Ухтомского Пролог в течение трех десятилетий был не просто душеполезным чтением, а являлся своеобразным духовным инструментом, способствовавшим выработке основных мировоззренческих и научных концепций. И в этом А. А. Ухтомский наследовал таким знаменитым читателям Пролога, какими были Л. Н. Толстой и Н. С. Лесков.

В. М. ПАНЕЯХ

«Люди и нравы древней Руси» Бориса Александровича Романова: судьба книги

Книги, как и люди, имеют свою судьбу, связанную с судьбами их авторов. Но наступает момент, когда книга как бы отделяется от автора и обретает собственную, нередко неожиданную и странную жизнь. Это в полной мере относится к исследованию Бориса Александровича Романова (1889—1957) «Люди и нравы древней Руси». Оно не писалось как книга, а вышло в свет в виде монографии. Автор работал над ним в необычных условиях, вдали от дома, архивов и библиотек. Издание стало возможным вопреки препятствиям, чинимым различными силами — и находящимися внутри академической науки и внеакадемическими. Уже в момент появления книги стало ясно, что она не имеет аналогов ни в отечественной, ни в зарубежной науке. Ничего удивительного поэтому нет в том, что ее путь к читателю был тернист, а официальная наука тоталитарного режима встретила ее как посягательство на свои, казалось бы, незыблемые основы — ожесточенной травлей и поношением, правда почему-то не сразу, а спустя полтора года после издания. При этом странным образом рецензии на нее, написанные и отправленные в журналы, так и не были напечатаны.

Книга «Люди и нравы древней Руси», пожалуй, в наиболее концентрированном виде отразила своеобразие творческого облика и его неразрывность с характерологическими особенностями личности автора. Неповторимость профессиональной техники исследования, изящный литературный стиль, позволявший воссоздавать черты прошлого в зримых образах, парадоксальность, темперамент, интуиция, оригинальность мышления, новаторство, взгляды на прошлое своей страны и его связь с настоящим — все это проявилось исключительно рельефно в книге, сочетающей черты исследования и популярного показа тонкого и трудно уловимого процесса, который и составляет существо научного анализа и синтеза.

Эти особенности книги впервые были отмечены Д. С. Лихачевым в ряде его выступлений. Последний раз — в докладе «Книга Б. А. Романова „Люди и нравы древней Руси“», прочитанном 16 ноября 1957 г. на совместном заседании Ленинградского отделения Института истории АН СССР и Сектора древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), посвященном памяти Б. А. Романова, скончавшегося 18 июля того же года.¹ Затем последовала статья Д. С. Лихачева «Борис Александрович Романов и его книга „Люди и нравы древней Руси“»,² в которой автор

¹ См. Ананьич Б. В., Панеях В. М. Заседание, посвященное памяти Б. А. Романова // Изв. 1958. Т. 62. С. 285–287.

² ТОДРЛ. М. Л. 1958. Т. 15.

вышел за рамки характеристики только этой работы покойного ученого и подробно обрисовал его жизненный и творческий путь. В еще одной статье Д. С. Лихачев проанализировал методический прием, на котором держится вся конструкция книги Б. А. Романова: введение в качестве посредствующего звена между собой и читателем своеобразного «гида» — Даниила Заточника.³

Мемориальный доклад и статьи Д. С. Лихачева, посвященные памяти Б. А. Романова, не были случайными. В послевоенный период их связывали общие научные интересы, деловые и личные отношения. Они совместно перевели на современный русский язык (хотя каждый свою часть и основываясь на разных принципах) «Повесть временных лет» для издания в «Литературных памятниках». Б. А. Романов был одним из официальных оппонентов на докторском диспуте Д. С. Лихачева и опубликовал рецензию, высоко оценив его книгу «Русские летописи и их культурно-историческое значение».⁴

Сам Б. А. Романов считал небольшую книгу (14 а. л.) «Люди и нравы древней Руси» едва ли не лучшим своим творением и уж во всяком случае наиболее любимым и сокровенным,⁵ как никакая другая отвечающим заветам, воспринятым от великих предшественников, у которых ему посчастливилось учиться в Петербургском университете. Через год после выхода ее в свет Б. А. Романов говорил, «что продолжает сближаться с нею» и все больше убеждается, «какая она моя».⁶ Не случайно, что эта книга посвящена памяти учителя Б. А. Романова, ставшего впоследствии его близким другом, А. Е. Преснякова, и что именно она знаменовала возврат автора к истокам пути в науку — к истории Древней Руси, от которой он, в силу ряда причин, оторвался более чем на два десятилетия: исследовательские интересы Б. А. Романова сместились на много веков вперед, на историю России конца XIX—начала XX в.

Еще одна странность в судьбе книги: заслуженное, хотя и формальное, признание она впервые получила сразу же, но на короткий срок, затем — через десять лет, вскоре после кончины ее автора, но только теперь, спустя столетия, ее значение начинает осознаваться в более широких аспектах, хотя, как мне представляется, еще не в полном объеме.

О том, как возникла книга «Люди и нравы древней Руси», опубликованная в 1947 г. издательством ЛГУ,⁷ Б. А. Романов сам написал в предисловии («От автора») к ней.⁸ Он был приглашен в качестве автора главы для задуманного в 1939—1940 гг. в Институте истории материальной культуры им. Н. Я. Марра (ИИМК) коллективного труда по истории культуры Древней Руси. Посвященная быту русского общества домонгольского периода, она в процессе работы переросла допустимый для этого издания размер и превратилась в самостоятельную книгу — историко-бытовые очерки о людях и нравах Древней Руси. Не рассказал, однако, Б. А. Романов, да и не мог в то время этого сделать, в каких условиях он тогда жил. Б. А. Ро-

³ Лихачев Д. С. Б. А. Романов и его «гид» Даниил Заточник // Исследования по социально-политической истории России. Сб. статей памяти Бориса Александровича Романова. Л., 1971.

⁴ Вест ЛГУ 1948, № 6.

⁵ Д. С. Лихачев сформулировал эту мысль более осторожно книгу «Люди и нравы древней Руси» «из всех своих работ» Б. А. Романов «наиболее ценил» (Лихачев Д. С. Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы древней Руси» С. 495).

⁶ См. Валк С. Н. Борис Александрович Романов // Исследования по социально-политической истории России. Сб. статей памяти Бориса Александровича Романова. Л. 1971. С. 31.

⁷ Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси (Историко-бытовые очерки XI—XIII вв.) Л., 1947, 2-е изд. М., Л. 1966. Книга перепечатывалась со второго издания и третий раз — в составе сборника вместе с историческим романом, под общим заглавием «От Корсуни до Калки» (М. 1990). Далее — ссылки по второму изданию.

⁸ Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси. С. 14.

манов лишь глухо написал о тяжелых месяцах, совпадавших с работой над текстом очерков.⁹

В действительности же, в начале финской («зимней») войны, в 1939 г., Б. А. Романов был выслан из Ленинграда на 101 км. Очевидно, это стало следствием «Академического дела» 1929—1931 гг., в результате которого он был приговорен «тройкой» Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе к 5 годам заключения в концлагерь.¹⁰ Возвратившись в августе 1933 г. (досрочно «по зачету рабочих дней») в Ленинград, Б. А. Романов до 1941 г. жил здесь по одномесечным, двухмесечным, максимум трехмесечным пропискам, не имея работы и перебиваясь случайными заработками. Одним из них и был договор на написание главы для коллективного труда. Обосновавшись в Окуловке Тверской губ., Б. А. Романов завершил там работу над ней и убедился, что глава переросла в книгу.

Возвращение в Ленинград стало возможным только благодаря настойчивым хлопотам сотрудников ИИМКА, которые ходатайствовали в соответствующих организациях, ссылаясь на важность государственного задания, выполняемого Б. А. Романовым. Но тут же снова возникли препятствия. Иезуитство властей проявилось в том, что милиция затребовала от жены Б. А. Романова согласия на прописку мужа на якобы ее площадь и опять всего на 2 месяца, хотя это была квартира еще отца Б. А. Романова.

Сам ученый, возвратившись в Ленинград, в январе 1941 г. в письме Н. Л. Рубинштейну так описывал ситуацию, в которой он оказался: «Что касается меня, то пока вновь в Ленинграде. Работал этот тревожный год очень много и не без интереса — для 1-го тома истории русской культуры. А из этой статьи-главы <...> вышла целая книжечка о том же. Ласкают надеждой, что напечатают и ее. В результате со всей этой работой кончено и в наследство осталось тягостное переутомление мозгов и нервной системы. Кочевой тарантас — неподходящая площадка для литературных упражнений и исследовательских инвенций. Тема была не тема, а вопль: дайте живых людей, чтоб камни заговорили. Теперь находят, что люди зажили и что камни говорят. Но, очевидно, это удалось мне ценой внутреннего перенапряжения, и к старту 1941-го года я пришел без сил для дальнейшего бега».¹¹

В предисловии к книге Б. А. Романов отметил, что ее выходу в свет помешала война.¹² Но была и еще одна причина, о которой автор поведал в конце мая 1941 г. в другом письме к Н. Л. Рубинштейну: «Моя книга „Люди и нравы...“ натолкнулась на такой византийский отзыв Б. Д. (Грекова. — В П.), который рискует похоронить ее. Впечатление такое, что он хочет оградить свою опришнину, „ать нихто не вступается в нее“. А отзыв такой: книга „оригинальна и интересна“, но есть выводы, с которыми я согласиться не могу (мало ли что!) и „формулировки“, которые требуют „замены“. А какой замены и какие формулировки — не пишет. Издательство и вернуло мою рукопись с просьбой — вступить лично в переговоры с Б. Д.! Но что бы осталось от „оригинальности“ книги, если бы выводы и формулировки обратились в „Грековские“ <...> Таковы тернистые пути современной нам историографии! Вы думаете, что Б. Д. делает вывод, что книгу не надо печатать? Ничуть. Наоборот: ее „следует напечатать“. Вот

⁹ Там же

¹⁰ См. Академическое дело 1929—1931 гг. Документы и материалы следственного дела сфабрикованного ОГПУ Вып. 1 Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова СПб. 1993

¹¹ Б. А. Романов — Н. Л. Рубинштейну, 10 января 1941 г. // РГБ. Отдел рукописей. ф. 521 картон 26, ед. хр. 39, л. 15

¹² Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси С. 14

уж легкость движений, которой могла бы позавидовать любая Лепешинская—Уланова!».¹³ Конечно, без одобрения акад. Б. Д. Грекова, ставшего фактически главой советской исторической науки и издавшего к этому времени книгу «Киевская Русь», которая официально была признана классическим марксистским трудом, нечего было и думать о публикации работы, во многом концепционно расходящейся с его воззрениями. Так издание «Людей и нравов...» было отложено на неопределенный срок.

Эвакуированный из блокадного Ленинграда в ноябре 1941 г. и добравшийся в Ташкент лишь к середине января 1942 г., Б. А. Романов тяжело переживал то обстоятельство, что не смог привезти рукописи своих неопубликованных работ, в том числе этой книги, судьба которых долго оставалась непроясненной. 3 июня 1942 г. он отправил в Ленинград А. И. Андрееву письмо, полное горечи: «...в нашем положении наши работы — наши дети, и есть между нами и ими неистребимая, физиологическая связь, разрыв которой сопровождается настоящей болью <...> По мере того, как у меня нарастает чувство одиночества, я испытываю почти физическую тоску, сосущую тоску по своим работам — и что они не со мной».¹⁴

После возвращения в 1944 г. в Ленинград первоочередной задачей Б. А. Романова стала подготовка к печати трех написанных еще до войны работ: комментариев к Русской Правде и «Очерков дипломатической истории русско-японской войны» — для Издательства Академии наук, а книги о «Людах и нравах...» — для университетского издательства, которое по рекомендации ректора ЛГУ А. А. Вознесенского согласилось ее печатать.

Комментарии к Русской Правде, как они были задуманы Б. Д. Грековым, носили несколько специфический характер. Необходимо было собрать и расположить в хронологическом порядке мнения исследователей о каждой статье этого древнейшего памятника русского права. Работа требовала не только досконального знания исторической и историко-правовой литературы, но и тончайшего понимания самого кодекса, его внутренней структуры, социальных, политических и бытовых реалий, отражаемых в нем, знания письменной среды его бытования и т. д. Этим критериям Б. А. Романов как комментатор отвечал в полной мере. Но его творческая натура не могла ограничиться теми редакционными требованиями, которые исключали бы возможность излагать собственные мнения. Поэтому по настоянию Б. А. Романова комментаторам было в исключительных случаях разрешено это делать, имея в виду не попавшие еще в печать работы.

Б. А. Романов сполна воспользовался представившейся возможностью и включил в историографические комментарии свои собственные толкования, изложенные им ранее как в учебном пособии по Русской Правде, так и в еще не изданных историко-бытовых очерках «Люди и нравы древней Руси». В результате он сумел создать ряд цельных критико-историографических очерков о различных статьях Краткой и Пространной редакций Русской Правды и их комплексах. При этом ученый выбрал для себя не только наибольшее, по сравнению с другими участниками издания, число статей для комментирования, но и наиболее важные, составляющие циклы и отражающие характер общественных отношений: устав о закупках, устав о холопах, устав о населении княжеского домена, устав об обиходах и увечьях.

Книга «Люди и нравы древней Руси» вплотную примыкает к комментариям к Русской Правде и по времени написания, и по времени выхода в свет, и, отчасти, поскольку речь в них идет о Руси домонгольского периода,

¹³ Б. А. Романов — Н. Л. Рубинштейну. 31 мая 1941 гг. // РГБ, Отдел рукописей, ф. 521, картон 26, ед. хр. 39, л. 7.

¹⁴ АРАН (С.-Петербург. филиал), ф. 934, оп. 5, ед. хр. 296.

по проблематике. Перед изданием Б. А. Романов из специального исследования преобразовал ее в научно-популярную книгу, в рассказ «о тех „злых днях“, какими заполнялись будни и думы русских людей, не испытавших еще хмары монгольского ига».¹⁵ Научное построение, сложившееся в результате частных исследований автора, облекается им в такую форму, чтобы читатель мог «почувствовать и понять далекую, хоть и родную ему эпоху через знакомство с ее людьми».¹⁶ Вот эта двоякая задача — воздействовать и на чувства читателей, и на сферу их логического, рационального восприятия — новая для Б. А. Романова и вообще новаторская в контексте отечественной историографии. Двоякая она и по отношению к объекту изучения и изображения — человеку Древней Руси, которого Б. А. Романов задумал показать не только в его бытовых, в том числе интимных, но и общественных связях и в постоянной динамике. Или, как сам автор написал, его задача состояла в том, чтобы «собрать и расположить в одной раме разбросанные в древнерусских письменных памятниках (хотя бы и мельчайшие) следы бытовых черт, житейских положений и эпизодов из жизни русских людей XI—XIII вв., с тем, чтобы дать живое и конкретное представление о процессе классового образования в древнерусском феодальном обществе, сделав предметом наблюдения многообразные отражения этого процесса в будничной жизни этих людей».¹⁷ Иными словами: «...как люди жили на Руси в это время (и чем кто дышал сообразно своей социальной принадлежности и тому капризу своей судьбы, какой удастся подметить в памятнике, если пристально в него всмотреться)».¹⁸

Д. С. Лихачев обратил внимание на то, что Б. А. Романов, используя хорошо известные источники, ставит им «такие вопросы, которые им еще не предлагались»,¹⁹ а потому сумел получить на эти вопросы такие ответы, которые оказались неожиданными для читателя — и непрофессионала, и историка или филолога. В этом смысле выделяется рисуемый Б. А. Романовым портрет князя Владимира Мономаха, основанный на по-новому прочитанном его «Поучении» и резко отличающийся от того, что писали о знаменитом князе другие историки. По справедливому замечанию Д. С. Лихачева, фигура Мономаха у Б. А. Романова не вознесена над эпохой, «а плотно к ней пригнана, объяснена ею и введена в историческую перспективу».²⁰

Следует отметить и необычный, ранее никогда не применяемый прием, подробно описанный Б. А. Романовым в авторском предисловии, — реконструкцию им культурно-исторического типа эпохи на основе образа Даниила Заточника, который предстает в книге, по удачному определению Д. С. Лихачева, в качестве своеобразного «тида», скрывающего в единую цепь все «круги жизни» Древней Руси.²¹

Это предисловие вообще имеет принципиальное методическое и методологическое значение, которое дало представление читателю о труде историка вообще, Б. А. Романова — в частности, его, так сказать, творческой мастерской. Оно было написано в последний момент и, по словам самого Б. А. Романова, имело «теоретическо-автобиографический» характер, «нечто вроде авто-историографической исповеди (credo)».²²

¹⁵ Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси. С. 15.

¹⁶ Там же. С. 15—16.

¹⁷ Там же. С. 8.

¹⁸ Там же. С. 9.

¹⁹ Лихачев Д. С. Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы древней Руси». С. 489.

²⁰ Там же. С. 493.

²¹ Лихачев Д. С. Б. А. Романов и его «гид» Даниил Заточник. С. 39—43.

²² Б. А. Романов — И. В. Егорову 10 апреля 1947 г. // РНБ. Рукописный отдел, ф. 273, ед.

Б. А. Романова с самого начала его научного творчества интересовал человек как субъект истории и объект изучения. Этим объясняется его стремление давать социально-психологические портреты персонажей истории, выяснять движущие силы их поступков и побуждений. Как это ни покажется странным, Б. А. Романов получал в данной связи упреки с обоих флангов: если С. А. Жебелев говорил в связи с изданием первой его книги «Россия в Маньчжурии» (Л., 1928), что паровозы и вагоны — не история, то другие ее критики были недовольны преувеличением роли личностей.²³ Но так или иначе, а книга «Люди и нравы древней Руси» проявила именно ту тенденцию в творчестве Б. А. Романова, которая позволила объективный процесс поступательного движения общества показать через судьбы индивидуальных личностей, воссозданных равным образом в результате анализа источников и силой художественного воображения и исторического чутья. Д. С. Лихачев в этой связи отметил особенность творческого лица самого Б. А. Романова — сочетание в нем ученого с художником, научного анализа с художественным воображением (но не с фантазией исторического беллетриста).²⁴

Эти особенности позволили Б. А. Романову ярко и зримо показать различные социальные типы древнерусского общества — челядь, смердов, светских феодалов, отцов духовных, выявить коллективную психологию этих общностей, описать жизнь человека от рождения до смерти, холостого и в лоне семьи, его бракосочетание и развод, единобрачие, многоженство, параллельную семью, обряды и обычаи, соблюдение и несоблюдение церковных обрядов, вопросы пола, имущественные отношения в семье, наконец, семью как основную ячейку древнерусского общества.

За всем тем книга «Люди и нравы древней Руси» выходит за рамки изображения людей и их быта. Реконструкция образа человека раннего средневековья служит и средством уяснения механизма и динамики социально-экономических процессов. В книге дается характеристика в оригинальной и отличной от принятой до того интерпретации как совокупности общественных отношений киевского периода истории Руси и политического устройства государства, так и основных категорий древнерусского социума. Не отвергая феодальную природу общественного строя Киевской Руси, Б. А. Романов вместе с тем показал существенную роль в ее социальной структуре и в процессе генезиса феодализма холопства-рабства, выявил в то же время близость в положении феодально-зависимых людей и рабов, детально исследовал проблему перехода от свободы к несвободному состоянию в ходе нарастающего процесса сложения феодальных отношений, по-новому определил социальный статус смердов как «свободных» людей, определенным образом связанных с государством в лице князя.²⁵ Таким образом, по сравнению с господствовавшими в конце 30-х и в 40-х гг. воззрениями, формировавшимися главным образом под влиянием работ Б. Д. Грекова, древнерусское общество в «Людах и нравах древней Руси» предстает как более архаическое, находившееся на начальном этапе вызревания феодальных отношений и складывания классов, характерных для феодализма.

²³ См.: Панеях В. М. Борис Александрович Романов (1889—1957): Трудная судьба ученого // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 179.

²⁴ Лихачев Д. С. Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы древней Руси». С. 489.

²⁵ Подробно о воззрениях Б. А. Романова на социально-экономический строй Древней Руси см.: Панеях В. М. Проблемы истории России эпохи феодализма в научном наследии Б. А. Романова // История СССР. 1989. № 1.

Именно эти особенности концепции Б. А. Романова вызвали отрицательную реакцию Б. Д. Грекова, который и после войны, как и до нее, пытался помешать изданию книги. В. В. Мавродин в беседе со мной рассказывал, что Б. Д. Греков, узнав о намечаемой ее публикации, специально приехал из Москвы в Ленинград и уговаривал его воспрепятствовать этому. Более того, Б. Д. Греков в беседе с В. В. Мавродиным заявил, что книга Б. Романова — не исследование, а художественное произведение, подобное «Декамерону».²⁶ Но все же она пошла в печать, так как Ленинградский университет по ряду причин оказался на некоторое время вне орбиты влияния Б. Д. Грекова. Более того, ее автора досрочно, еще до издания книги, Ученый совет университета наградил второй премией (10 000 р.), присуждаемой «за лучшие научно-исследовательские работы».²⁷ Только через 7 месяцев было опубликовано сообщение, что «выходит в свет <...> монография Б. А. Романова „Люди и нравы древней Руси“, дающая представление о процессе классообразования русского феодального общества в XI—XIII веках».²⁸

Б. А. Романов был горд этим своим успехом. Он писал своему товарищу еще студенческих университетских лет: «Во-первых, я первый доставил эту победу историческому факультету (который раньше премий не видел). Во-вторых, факультет поймал премию на парадоксально малого „червячка“: а) книга моя почти брошюра <...>; б) книга на неактуальную и захолустную тему; в) на тему из такой эпохи, по которой в советской историографии написана уйма работ. Значит, победу я могу приписывать только себе, то есть качествам исполнения, работавшим, так сказать, против ветра и против течения и одолевшим обе эти стихии. Чего же мне больше?!».²⁹

Ничто, казалось бы, не предвещало неприятностей. Но с весны 1948 г. ситуация начала изменяться. Была развязана кампания по борьбе с буржуазным объективизмом и антипатриотизмом (а несколько позднее — и с космополитизмом), объектом которой в Ленинградском университете стали профессора старшего и среднего поколений филологического и исторического факультетов.

В передовой статье, опубликованной университетской многотиражкой 7 апреля 1948 г., о работе С. Н. Валка «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет»³⁰ говорилось, что она «преисполнена духом низкопоклонства перед старой буржуазной наукой в лице ее реакционных представителей».³¹ 20 апреля на заседании Ученого совета исторического факультета состоялось погромное обсуждение этой работы С. Н. Валка. Показательно, что на то же заседание было назначено обсуждение и книги Б. А. Романова «Люди и нравы древней Руси». По-видимому, предполагалось подвергнуть автора подобной же экзекуции.

Но задуманному воспрепятствовал Д. С. Лихачев (работавший на историческом факультете в качестве профессора-совместителя), который выступил первым и тем самым задал тон всему ходу обсуждения. Передавая «те разговоры, которые ведутся об этой книге», Д. С. Лихачев упомянул о трех упреках, которые делаются автору: отсутствие «показа людей, оборонявших нашу Родину»; мрачность нарисованной Б. А. Романовым картины быта и

²⁶ Благодарю за эту информацию И Я Фроянова

²⁷ В Ученом совете // Ленинградский университет 1947 3 марта

²⁸ Ошин Ю Научные издания университета // Ленинградский университет 1947 12 окт

²⁹ Б А Романов — И В Егорову 1947 г // РНБ, Рукописный отдел, ф 273, ед хр 126

л 61
³⁰ Тр Юбилейной научной сессии (Ленинградского гос университета) Секция ист наук Л, 1948 С 3—79

³¹ Ленинградский университет 1948 7 апр

нравов; неопределенность, незаостренность формы самой книги, колеблющейся «между художественной и научной».

Основное внимание Д. С. Лихачев уделил наиболее опасным для автора книги пока еще анонимным обвинениям. Он обратил внимание присутствующих на то, что показ в книге тех людей Древней Руси, «которые обороняли русскую землю», выходит за рамки ее темы, поскольку автор поставил перед собой задачу изобразить людей Древней Руси в процессе классового образования, «в мирной обстановке», и «это художественно <...> исключает возможность показывать людей и нравы Руси в военной обстановке». Д. С. Лихачев сопоставил книгу Б. А. Романова с произведением «совершенно иного жанра» — комедией А. С. Грибоедова «Горе от ума», в которой русское общество также показано «не в военной обстановке», а русская армия олицетворяется «аракчеевским христуном» Скалозубом, хотя он и был героем Отечественной войны 1812 г.

В «аспекте <...> социальной структуры» «человеческое общество прошлого» с неизбежностью предстает «в известной мере <...> мрачным», будет ли это Древняя Русь, «грибоедовская Москва или городок Окуров, русская провинция „Мертвых душ“ или социальная действительность Ассирии-Вавилонии, или Китай в первое тысячелетие до нашей эры — это закономерность. Не будь этой известной мрачности нашей жизни, не надо было бы двигаться вперед в социальном отношении». Конечно, говорил далее Д. С. Лихачев, «жизнь древней Руси представилась» в книге Б. А. Романова «далеко не так, как она изображалась во многих работах, в том числе и моих, что было с моей стороны некоторой ошибкой». «Культура Киевской Руси открылась для нас не с фасадной стороны», с которой «мы привыкли рассматривать эту культуру <...>, подняв голову, глядя на фасад, фрески и мозаики», и которой «мы вправе гордиться», а «с другой, внутренней», и то, «что показал нам Борис Александрович, оказалось очень сложным: сложны людские взаимоотношения, сложна пестрота социального состава, сложен процесс классового образования». Поэтому «обрисовка тяжелых сторон [жизни] древней Руси очень правильна <...> Эпоха ведь была жестокая, нравы были не только домостроевскими, но додомостроевскими». Не следует смешивать два различных вопроса — «вопрос о высоте культуры» и то, «всем ли легко было жить при этой высоте культуры». Вместе с тем именно «сложность социальной жизни в древней Руси», «сложность социальных взаимоотношений <...>, сложность и продвинутость процесса классового образования и сложность умственной жизни», «которые Борис Александрович великолепно показал», «позволяет поставить вопрос о высоте культуры древней Руси как о стадийной высоте», исторической высоте, а не высоте самой по себе, поскольку «развитие культуры не идет имманентно», «культура народа не может быть отрываемая от социального строя, от <...> общественной организации, от исторического развития народа».

Защищая книгу Б. А. Романова от всевозможных обвинений в антипатриотизме, Д. С. Лихачев задал «прямой вопрос», на который сразу же ответил: «...патриотична ли такая обрисовка жизни древней Руси? Патриотично ли в древней Руси подчеркивать <...> тяжелые стороны жизни? Не лучше ли об этом было помолчать? Я самым решительным образом возражаю против этого. Это было бы идеализацией прошлого, и советский патриотизм несовместим с этим. Советский патриотизм требует критического отношения к прошлому и он историчен, потому что только критическое отношение к прошлому и позволяет двигаться вперед. Это верно и в отношении русской историографии. Это верно и в отношении освещения вопросов культуры древней Руси. Если мы будем <...> видеть только светлые стороны в древней Руси, то не проще ли нам было бы возвратиться к

старому, а этим грешат очень многие работы по культуре древней Руси <...> Надо сказать, что в книге Бориса Александровича есть своеобразный патриотизм <...> Дело в том, что читатель книги <...> воспринимает прошлое Руси как свое прошлое. Отношение к древней Руси у читателя (и у Бориса Александровича) лирическое, это — грусть о родном человеке, и в этом отношении у Бориса Александровича есть патриотизм, но патриотизм молчаливый».

В заключение Д. С. Лихачев коснулся вопроса о жанре книги, колеблемся между научным и научно-популярным, о непрямолинейности формы — то ли «художественно-литературной», то ли «литературно-научной». Именно это обстоятельство, по мнению Д. С. Лихачева, помешало Б. А. Романову «в пределах избранного им жанра» сказать то, о чем договаривает в своем выступлении сам Д. С. Лихачев.³²

В речи доцента кафедры истории СССР Д. И. Петрикеева выход в свет книги «Люди и нравы древней Руси» оценивался как значительное событие для историков: «Она является несомненно полезной, и как бы мы ни критиковали взгляды Бориса Александровича по отдельным вопросам <...>, отмечая многие ее недостатки, в целом эта книга <...> представляет огромный интерес» и «заслуживает несомненно положительной оценки». С другой стороны, Д. И. Петрикеев не согласился с характеристикой исторического периода как времени, когда происходил процесс классового разложения: «При таком определении не остается различий между дофеодальным периодом и периодом раннего феодализма в истории древней Руси», тогда как «после замечаний Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебника по истории СССР прочно установлено», что процесс «образования классов, т. е. процесс возникновения феодализма, относится нами к дофеодальному периоду». По мнению Д. И. Петрикеева, в книге имеет место и «известное преувеличение значения холопства»; не согласился он также с признанием Б. А. Романовым одного только способа — экономического — закабаления смердов.³³

Профессор В. Н. Бернадский, являвшийся издательским редактором обсуждаемой книги, отметил прежде всего привлекательные стороны книги — «суровый, справедливый и глубокий социальный анализ отношений, существовавших в древней Руси». По его мнению, «нет в советской литературе <...> ни одного исторического исследования, в котором бы с такой убедительностью были показаны во всей жизненной правде и сложности процессы похолопления и кабаления людей в XI—XIII вв. <...>, с такой тонкостью и тщательностью подвергнут анализу вопрос о смердах и прослежена борьба внутри господствовавших классов вокруг смердов». При этом В. Н. Бернадский не исключал, что «Б. Д. Греков <...> не со всеми <...> соображениями» автора книги «будет согласен». Выступавшего привлекло также «мастерство анализа источников, ювелирная работа», не сравнимая по глубине «с той нередко топорной работой с источниками, которую обнаруживают у нас некоторые историки, подходящие к источнику как примитивные потребители».

Вместе с тем В. Н. Бернадский предъявил ряд претензий автору книги. Он считал, что в ней нашли отражение лишь отдельные стороны древнерусской жизни. В частности, в книге отсутствует не только «характеристика боевых подвигов людей», но и их «напряженной трудовой деятельности <...>, которой сопровождалось освоение ими территории Восточной Евро-

³² Протокол заседания Ученого совета исторического факультета Ленинградского гос университета (20 апреля 1948 г.) // Архив ФИРИ РАН, ф 294, оп 1, д 44, л 48—54

³³ Там же, л 57 63

пы». В книге, по мнению В. Н. Бернадского, «несколько больше, чем требует тема, выдвинуты проблемы пола», «вопросы семейной жизни в ее альковных тайнах». В. Н. Бернадскому казалось, что «следовало занавес алькова опустить». Наконец, выступающий указал на то, что суровому содержанию книги «несколько не соответствует слишком изысканный стиль автора», который порой «затрудняет понимание». Та «малая вертящаяся сцена, на которой Борис Александрович хочет показать читателю подводные камни, подстерегавшие человека <...> эпохи, слишком быстро вертится, она развлекает своим блеском читателя, и не всегда у него находится достаточной апперцептивности мысли, чтобы подойти к глубокому содержанию этой интересной книги».³⁴

Отвечая своим критикам, Б. А. Романов прежде всего обратил внимание присутствующих «на свое историографическое положение»: «...я, когда писал эту книгу, ясно сознавал, чувствовал, переживал это своими нервами, что я, как-никак, являюсь учеником <...> А. Е. Преснякова, без которого «я <...> этой книги не написал бы». «Если я проявил некоторую остроту критического отношения к источникам, — говорил далее Б. А. Романов, — то это сделано под воздействием тени Александра Евгеньевича». В то же время, если бы «он был жив и прочитал бы эту книгу, он бы, вероятно <...> сказал<...>: „Ну и фантазер же Вы, Борис Александрович“».

Б. А. Романов особо подчеркнул, что его «пытливо интересовали те крупные и мелкие недостатки, а тем более ошибки, которые могли бы закрасться в <...> работу», потому что ему «интересно знать, нет ли каких-нибудь течей, мелких щелей, которые сейчас еще не текут, но которые дадут течь в том углу челноке», в котором едет автор и «который может опрокинуться от любой волны». Более того, Б. А. Романов заявил, что не считает «суждения, высказанные оппонентами, решающими судьбу книги», поскольку «еще возможны крупные недоумения и недоразумения, а может быть даже удары». Это предположение оказалось пророческим.

Сделав ряд разъясняющих замысел книги расширительных, по сравнению с авторским предисловием, замечаний, Б. А. Романов ответил на отдельные упреки. В частности, он обратился с вопросом к участникам заседания: «Производит ли <...> книжка такое впечатление, что перед вами выступают толпы бездельников?». Не согласился Б. А. Романов и с утверждением, что в XI—XIII вв. прекратился процесс классового образования: «...я никогда в истории не видел, чтобы что-нибудь в историческом процессе кончалось так аккуратно, в обрест <...> Во всяком случае, известная инерция от процесса классового образования должна была оставить какую-то рябь и дальше. Или же в этом смысле на поверхности русской жизни остался полный штиль? — Конечно, нет».

Коснувшись упрека в том, что в книге «больше чем надо <...> выдвинута проблема пола», Б. А. Романов решительно отвел его, имея, безусловно, в виду и отсутствовавшего на обсуждении Б. Д. Грекова. Он объяснил, почему уделил столь большое внимание проблемам интимной жизни людей Древней Руси: «Я никогда не мечтал о славе Боккаччо. Но здесь есть две виновницы. Одна — православная церковь, а другая — Великая Октябрьская социалистическая революция, ибо в лице своего читателя я неизбежно должен предполагать человека, который, собственно, в православной церкви ничего не понимает, потому что он ее не знает, не видел, не соприкасался с нею. Я укажу на такой поразительный пример: наши основоположные труды по древнерусской части, та же „Киевская Русь“ Б. Д. Грекова, — она идет совершенно мимо церкви, выпадает такое звено! <...> Это такое опус-

³⁴ Там же, л. 64—68.

тошение реального исторического представления об историческом процессе того времени, которое не может меня не поражать <...> Мне нужно было показать, в чем была сила этой христианской церкви, в чем ее сущность, какими приводными ремнями захватывала церковь жизнь. Если устранить вопросы пола, то церковь у меня будет болтать ногами и махать руками, и ей не за что будет ухватиться. Это будет зрелище, которое ни к чему решительно не приведет <...> Я решил задуматься над тем, какими экскаваторами вытаскивала церковь питательные соки для себя из русского народа, какими приводными ремнями она вращала жизнь».³⁵

Несомненно, обсуждение книги Б. А. Романова пошло не по задуманному организаторами пути. О том свидетельствуют гневные инвективы в опубликованной многотиражной статье преподавателя кафедры истории партии Н. Зегжды, адресованные главным образом не самому автору книги, а Д. С. Лихачеву, который был обвинен в том, что не оправдал ожидания многочисленной аудитории «научных работников, аспирантов, студентов, собравшихся в этот день на заседание Совета истфака» и якобы ждавших «от проф. Д. С. Лихачева строгого и объективного разбора книги, которая, несмотря на свои несомненные достоинства, страдает всеми <...> недостатками, поданными проф. Лихачевым как объективистский перечень неизвестно чьих и откуда взявшихся суждений». Автора статьи возмутило выступление не только Д. С. Лихачева, но и Д. И. Петрикеева, который, будучи заместителем секретаря партбюро истфака, полемизировал с Б. А. Романовым только «по отдельным частным проблемам его книги <...>, не дал партийной оценки квазиобъективистскому выступлению проф. Д. С. Лихачева».

В статье ничего не сообщается о содержании выступления самого Б. А. Романова, а только выражено сожаление, что он «обошел стороной вопрос о недостатках своей работы», и это было «вполне естественно», поскольку «ему не с кем и не о чем было спорить». Зато в заключительном пассаже статьи говорится о том, о чем Б. А. Романов не сказал. А «не сказал он главного: ставил ли он в своей книге задачу показа не только одного из периодов эпохи становления феодальных отношений на Руси, но и задачу такого показа истории нашей Родины, который должен рождать чувство национальной гордости за великий русский народ».³⁶

Эта статья в газете «Ленинградский университет» свидетельствовала, что книга Б. А. Романова «Люди и нравы древней Руси» попала в зону внимания тех сил, которые начали вести борьбу с так называемым антипатриотизмом и его носителями.

Приближение этой угрозы Б. А. Романов ощутил еще до обсуждения книги на Ученом совете истфака и до статьи в многотиражке. 19 мая 1948 г., через неделю после ее публикации, он писал А. И. Андрееву: «Я более полугода уже живу под потенциальными ударами молота (судьба-индейка)».³⁷ А в ноябре 1948 г., как рассказывал мне сам Б. А. Романов, ему стало известно, что ответственный работник аппарата ЦК ВКП(б) Удальцов решительно осудил книгу, спросив заведующего Ленинградским отделением Института истории АН СССР (ЛОИИ) С. И. Аввакумова: «Что это у вас там за Романов, который написал порнографическую книгу?». Не слова ли Б. Д. Грекова, произносимые, по-видимому, не только в беседе с

³⁵ Там же, л. 74—84

³⁶ Зегжда Н. Покончить с объективизмом в исторической науке (с заседания Ученого совета) // Ленинградский университет 1948 12 мая

³⁷ Б. А. Романов — А. И. Андрееву // АРАН (С.-Петербург филиал), ф. 934, оп. 5, ед. хр. 296

В. В. Мавродиным, получили такую странную трансформацию в устах крупного партийного функционера?

Сразу вслед за тем было назначено новое обсуждение книги, теперь уже в ЛОИИ. Сам Б. А. Романов питал еще слабые надежды на благоприятный исход, но и осознавал, что возможен погром. Он писал 30 ноября 1948 г. в Москву Е. Н. Кушевой, с которой вел систематическую переписку: «К сожалению, в нашей профессии нет таких обсуждений, которые могут быть интересны автору, как работнику любящему и болеющему о своем деле. Хотя и могут быть исключения. Возможно, что такое исключение будет иметь место здесь <...>; поручено доложить о моей книжке Ивану Ивановичу.³⁸ Я очень соболезную ему, но с интересом жду, что он скажет по существу и как он выйдет из положения. Мы с ним никогда не касались книжки при свидетелях, а он — человек умный, и его замечания должны быть метки, а это всегда интересно <...> Будут ли еще выступления — неизвестно <...> Так как наши ЛОИИсты поголовно все читали книжечку, то, может быть, кое-кто и выйдет из заговора молчания <...> Я усердно коллекционирую читателей на эту книжечку. Мною в ней действительно руководило „чувство нового“, и это серьезный эксперимент не только над собой, а и над читателем. Это вовсе не шалость пера. Из этого эксперимента я уже извлек для себя великую пользу. Но я видел примеры эффективности его и на ряде читателей, то есть и с этой стороны он оказался полезен. Но для иных может быть и вреден. Я с величайшим интересом 1) почитал бы читателей, поврежденных им, и 2) выслушал бы точный комментарий врачей к заболеванию этих читателей. Но это требует обстановки поближе к асептически операционной, а не к охотнорядской потасовке».³⁹

Явная тревога по поводу ожидаемого обсуждения его книги была связана у Б. А. Романова с резким обострением обстановки в стране, в науке, в Институте истории, в ЛОИИ в частности. В печати получила дальнейшее развитие кампания по дискредитации старшего поколения историков. Объектом разносторонней критики стала не только статья однокурсника Б. А. Романова по учебе в Петербургском университете и коллеги по работе в ЛОИИ и ЛГУ С. Н. Валка «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет», но и его книга «Советская археография» (М.; Л., 1948). Б. А. Романов писал в этой связи в одном из частных писем: «...думаю, что историческое чутье мне не изменяет, когда я угадываю во всем происходящем такой новый этап, который подразумевает наш досрочный конец. Хоть и мало нас осталось, но мы явно мешаем и нам приписывается смертный приговор. Будут отдельные людские попытки смягчить эту операцию, но суть дела от этого не изменится. Вот уже не сумели вовремя помереть! <...> На некоторое время <...> я предпочту быть осторожным в суждениях о „Людах и нравах“. Я верю в прогресс, но в чем тут прогресс в веках, надо еще разобраться».⁴⁰

Обсуждение «Людей и нравов...» между тем приближалось и состоялось 21 апреля 1949 г. в отсутствие (по болезни) самого Б. А. Романова. Вопреки его ожиданиям, основной удар по книге был нанесен именно И. И. Смирновым. Последний вел критику с позиций, зафиксированных в «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР» И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова о «закрепощении смердов» и в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Он справедливо отметил, что схема про-

³⁸ Иван Иванович Смирнов (1909—1965) — доктор исторических наук, профессор, коллега Б. А. Романова по ЛОИИ

³⁹ Б. А. Романов — Е. Н. Кушевой 30 ноября 1948 г // Архив ФИРИ РАН, ф. 298, оп. 1, л. 173

⁴⁰ Б. А. Романов — Е. Н. Кушевой 11 ноября 1949 г // Там же

цесса классового образования Б. А. Романова «в корне меняет наше представление о путях и методах развития крепостнической зависимости крестьянства, о природе законодательства Киевской Руси, о политике государственной власти и о роли церкви киевской эпохи».

Казалось бы, новаторская концепция автора должна была стать объектом квалифицированного разбора и профессиональной полемики. Однако именно отход от официально освященной концепции, разработанной Б. Д. Грековым и признанной марксистской, стал причиной резких выпадов против книги и ее автора. В докладе И. И. Смирнова содержались обвинения в «мизантропическом», мрачном характере книги, в чрезмерном внимании к сексуальным, интимным моментам, в том, что «картина, которую рисует Б. А. Романов, никак не отражает <...> высокого уровня культуры Киевской Руси и не показывает прогрессивного характера исторических деятелей эпохи Киевского государства», которые в изображении Б. А. Романова рисуются «чертами и красками, которые никак не способствуют утверждению значения Киевской Руси как важнейшей эпохи в истории нашей Родины, а скорее могут вызвать обратный эффект». Отсюда И. И. Смирнов делал вывод, согласно которому Б. А. Романов «объективно оказался на ложных позициях», стоящих «в прямом противоречии» с задачами воспитания «чувства национальной гордости нашей великой Родины, чувства советского патриотизма». Именно потому, заключал свой доклад И. И. Смирнов, «книга Б. А. Романова является книгой, не могущей нас удовлетворить ни в какой мере».⁴¹ Как видим, труд Б. А. Романова получил резко отрицательную оценку, опирающуюся не на научные, а сугубо идеологические критерии.

Извращенное представление о природе патриотизма и его связи с наукой о прошлом привело к тому, что и в университете во время очередной аттестации Б. А. Романов был обвинен в «национальном нигилизме, извращающем подлинную историю древней Руси».⁴² Наконец, и Л. В. Черепнин выдвинул против ученого обвинения идеологического характера: «Б. А. Романов <...> возвращается к методам психологической и типизирующей интерпретации источников», развитым «буржуазным историком и источниковедом А. С. Лаппо-Данилевским», и этой интерпретацией «подменяется» «классовый анализ источника».⁴³

Лишь после кончины Б. А. Романова начиная с 1958 г., благодаря выступлениям и статьям прежде всего Д. С. Лихачева, С. Н. Валка и В. Н. Бернадского, начался процесс «реабилитации» книги «Люди и нравы древней Руси», в результате чего и стало возможным ее второе издание, подготовленное к печати учениками Б. А. Романова (1966), а затем и третье (1990).

Так, Д. С. Лихачев считал необходимым в 1958 г. снова отвести брошенные Б. А. Романову обвинения в антипатриотизме, основанные на том, что в его книге обрисованы тяжелые стороны жизни Древней Руси: эти люди «примитивно понимали патриотизм историка, как один лишь долг восхвалять прошлое своей родины». Б. А. Романов, писал Д. С. Лихачев, «пошел

⁴¹ Архив ФИРИ РАН ф 298, оп 1, д 284 Впоследствии, через шесть лет после кончины автора книги И. И. Смирнов, отметив, что он «коренным образом расходится с Б. А. Романовым в понимании процесса социально-экономического развития древней Руси», отказался от крайне негативных оценок его книги в целом, указал на «сильное воздействие», оказанное на него исследованиями Б. А. Романова о Русской Правде и Древней Руси, признал, что его труды «представляют собой новое слово в изучении» этой проблематики, и подчеркнул что, «полемизируя с Б. А. Романовым» он «вместе с тем учился у него искусству исторического исследования» (Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков М., Л. 1963 С. 4)

⁴² Личное дело Б. А. Романова // Архив СПбГУ, ф 1, оп 46 связка 17

⁴³ Черепнин Л. В. А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед // ВИ 1949 № 8 С. 51

по правильному пути, показав нам высоту домонгольской культуры в самой сложности социальных отношений того времени, в сложности процесса классообразования, свидетельствующего об определенной стадийной высоте русской культуры, показав нам многообразие умственной жизни того времени, не затушевывая вместе с тем трудностей и горечи древнерусской жизни, не модернизируя ее и не принимая тона барственной к ней снисходительности <...> Читатель воспринимает прошлое Руси как свое прошлое, и в этом, надо прямо сказать, поразительный художественный эффект книги, а вместе с тем ее подлинный патриотизм».⁴⁴

Впрочем, сам Б. А. Романов никогда и нигде — ни в книгах и статьях, ни в личной переписке, ни, наконец, в беседах с учениками — не затрагивал тему патриотизма вообще, своего собственного в частности, не отвечал на дикие обвинения в антипатриотизме. Ему был отвратителен агрессивный патриотизм, замешанный на шовинизме, он никогда не замыкался, по его словам, в рамках национального пошехонья,⁴⁵ не страдал синдромом национальной озабоченности. Б. А. Романов прекрасно осознавал происхождение, природу и возможные последствия развязанной истерии, особенно в полиэтнической стране. Он был ее гражданином, много и напряженно думавшим о прошлом, настоящем и непредсказуемом тогда будущем России, ученым, внесшим громадный вклад в дело изучения ее прошлого, которое он никогда не склонен был идеализировать, человеком, сполна вкусившим, как и персонаж его книги, «попынной горечи» невзгод в своей собственной стране, но продолжавшим работать во славу исторической науки (и ее петербургской школы) и тем самым — своего отечества.

В письме 1955 г. Н. Л. Рубинштейну Б. А. Романов, имея в виду книгу «Люди и нравы древней Руси», согласился с тем, что не смотрит «на жизнь (в прошлом) сквозь розовые очки», и тут же отметил: «...откуда, как не из прошлого, идет то, что вгоняет тебя в мрак при <...> гримасах жизни» современной.⁴⁶ Эта трезво осознаваемая Б. А. Романовым связь между столь отдаленными друг от друга временами в их негативных аспектах делала его самого и его книгу уязвимыми для нападок в условиях нарастающей волны истерического и агрессивного имперского патриотизма, кульминация которого припала на последние годы жизни Сталина — 1948—1953 гг.

Прошло полвека со дня выхода в свет первого издания книги «Люди и нравы древней Руси» и еще больше лет со времени ее написания. Безнадёжно устарели многие работы, изданные в 30—50-х гг. нашего века, преданы забвению концепции, создававшиеся в условиях меняющейся конъюнктуры в качестве комментариев к цитатам из «основоположников». Но книга, появившаяся сразу же после издания «Краткого курса истории ВКП(б)» и появившаяся в разгар идеологических проработок, не разделила их участи, а и сейчас воспринимается как новаторская и созвучная современным направлениям исторической науки.

В историографических трудах она характеризуется теперь как «пионерское исследование», «первый шаг полидисциплинарного исследования и одновременно первая попытка историко-культурного синтеза в смысле „тотальной истории“».⁴⁷ Более того, констатируется, что в мировой науке

⁴⁴ Лихачев Д. С. Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы древней Руси», С. 490—491.

⁴⁵ См. Панях В. М. Борис Александрович Романов: Письма друзьям и коллегам // Отечественная история. 1993. № 3. С. 135.

⁴⁶ Б. А. Романов — Н. Л. Рубинштейну 19 января 1955 г. // Архив ФИРИ РАН, ф. 298, д. 191

⁴⁷ Ястребицкая А. Л. Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике // Одиссей Человек в истории Культурно-антропологическая история сегодня 1991 М., 1991 С. 94

долго еще не появлялись исследования, подобные книге Б. А. Романова. Лишь через 35 лет во Франции вышла в свет работа Э. Леруа Ладюри,⁴⁸ посвященная провансальской средневековой деревне и сходная по методике и по оригинальности постановки проблем с книгой Б. А. Романова.⁴⁹ Но это лишь частный пример. В целом же теперь, когда в западной, особенно французской, исторической науке интенсивно развивается мощное направление, определяемое как история ментальности, книга Б. А. Романова приобретает особое значение и новое звучание. Ментальность стала усиленно изучаться в историческом аспекте тогда, когда социальная история, оперирующая количественными показателями, обнаружила свои естественные пределы, и поэтому возникла необходимость искать другие способы и методы объяснения, чтобы понять феномен коллективного поведения. В результате экономическая и социальная история оказались в известной мере потесненными новым направлением. Проявилась даже тенденция рассматривать историю ментальности в отрыве от экономических и социальных проблем. Между тем, как теперь стало ясно, еще до всех этих сдвигов в западноевропейской историографии и связанных с ними спорами Б. А. Романов в книге «Люди и нравы древней Руси» дал развернутую характеристику ментальности различных слоев древнерусского общества и всего социума в целом, но не автономно, а в органической связи с социальной историей, с выявлением механизма действия социально-экономических процессов. Таким образом значение книги Б. А. Романова как одного из пионерских исследований по истории ментальности, а в отечественной науке — вообще первой работы в этой области начинает постепенно осознаваться.⁵⁰

⁴⁸ Le Roy Ladurie E. Montaillou, village occitan, de 1294 a 1324. Paris, 1982

⁴⁹ Ястребицкая А. Л. Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике. С. 95

⁵⁰ В то же время концепция социального развития Древней Руси, в скрытом виде содержащаяся в ней, с опозданием войдя в нормальный историографический контекст, оказалась на периферии нашей науки, хотя многие частные выводы исследователя, прежде всего связанные с анализом норм Русской Правды, стали ее признанным достоянием. В новой историографической ситуации, возникшей у нас в конце 50-х гг., когда выяснилось, что выстроенная Б. Д. Грековым история складывания феодализма в России не во всем оказалась достаточно аргументированной, и, в частности, был поставлен под сомнение ее основополагающий тезис о раннем возникновении крупной феодальной вотчины, логично было бы обратиться к книге Б. А. Романова (а также работам С. В. Юшкова, С. В. Бахрушина, В. А. Пархоменко, М. Д. Приселкова, К. В. Базилиевича, А. Н. Насонова, А. А. Зимина) и попытаться продолжить разработку концепции более позднего генезиса русского феодализма. Однако этого не произошло. Сыграло, по-видимому, свою роль стремление сохранить вывод Б. Д. Грекова о раннем вызревании русского феодализма. Так, в работах Б. А. Рыбакова генезис русского феодализма удревняется без достаточных, на мой взгляд, оснований еще в большей степени, чем у Б. Д. Грекова. Л. В. Черепнин выдвинул и обосновал концепцию государственной феодальной собственности и государственного феодализма в условиях Древней Руси, получившую интенсивную поддержку и широкое распространение (см. труды А. Д. Горского, С. М. Каштанова, В. И. Корецкого, В. Д. Назарова, М. Б. Свердловца), хотя вызвавшую также и критику (см. труды И. И. Смирнова, Г. Е. Кочина, А. И. Копанева, Ю. Г. Алексеева, Н. Е. Носова, А. Л. Шапиро, И. Я. Фроянова, Д. И. Раскина). В рамках этой концепции ранний генезис феодализма не связывался с возникновением крупной феодальной вотчины. В таких условиях книга Б. А. Романова, не отрицавшего ее наличия, но разработавшего концепцию позднего складывания феодальных отношений, в этом ее качестве пока востребована не в полном объеме. Но, может быть, это произошло из-за того, что она так же опережала свое время, как и изучение Б. А. Романовым ментальности людей Древней Руси?

Указатель статей и материалов, напечатанных в тт. XLI—L «Трудов Отдела древнерусской литературы» (1988—1996 гг.)¹

- Аверинцев С С Британское зеркало для русского самопознания. Еще раз о «Сельском кладбище» Грея—Жуковского L С 708—712
- Адрианова Л Н, Адрианова О Н Воспоминания о Варваре Павловне Адриановой-Перетц XLV С 9—11
- Адрианова О Н, Адрианова Л Н Воспоминания о Варваре Павловне Адриановой-Перетц XLV С 9—11
- Адрианова-Перетц В П (см Адрианова Л Н, Адрианова О Н Воспоминания о Варваре Павловне Адриановой-Перетц, Гусев В Е О Варваре Павловне, Дмитриева Р П Значение исследований В П Адриановой-Перетц, посвященных «Задонщине», Дробленкова Н Ф, В П Адрианова-Перетц о средневековых «энциклопедических» сборниках и поэтике, Лихачев Д С Вступительное слово, Материалы конференции к 100-летию со дня рождения чл-кор АН СССР Варвары Павловны Адриановой-Перетц, Покровская В Ф К столетию В П Адриановой-Перетц, Рождественская М В Переписка В П Адриановой-Перетц и Н К Гудзия (по архивным материалам), Рождественская М В, Николаева Е П Об архивном наследии В П Адриановой-Перетц, Серова И Ю Новые списки Повести о М В Скопине-Шуйском, Чистов К В Встречи и переписка с В П Адриановой-Перетц, Шмидт С О Письма В П Адриановой-Перетц М Н Тихомирову)
- Айвазян К В «Слово о полку Игореве» в армянских переводах и критике XI VIII С 74—80
- Алексеев А А К истории русской переводческой школы XII в XLI С 154—196
- Алексеев А А Кое-что о переводах в Древней Руси (по поводу статьи Фр Дж Томсона «Made in Russia») XLIX С 278—396
- Алексеев А А Молитва Иуды XLVIII С 238—241
- Алексеев А А «Невѣглась», или Похвала невежеству L С 83—91
- Алексеев А А Никита Александрович Мещерский (1/14 I 1906—3 III 1987) (Некролог) XLI С 453—456
- Альшиц Д Н И свеча не погасла! К вопросу о масштабе и значении научного подвига Д С Лихачева в историко-культурной жизни эпохи L С 21—26
- Альшиц Д Н Публицистические выступления Сильвестра в эпоху реформ «Избранной рады» XLII С 92—106
- Амосов А А К семантике цвета в миниатюрах древнерусских рукописей XLVIII С 248—253
- Багно В Е «Коэффициент узнавания» мировых литературных образов L С 234—241
- Бахтина О Н См Исследовательские материалы XLI
- Бегунов Ю К Ян Гус и восточное славянство (По материалам новонайденного источника) XLIX С 356—375
- Белоброва О А Александр Иванович Мазунин (1924—1986) XLIII С 427—430
- Белоброва О А Вирши Мардария Хонькова к гравюрам Библии Пискатора XLVI С 334—435
- Белоброва О А Две редакции Жития Антония Дымского L С 281—292
- Белоброва О А Древнерусские вирши к гравюрам Маттиаса Мерриана XLIV С 443—479
- Белоброва О А Елеазар Анзерский в русской гравюре начала XIX в XLVIII С 407—412
- Белоброва О А Икона Богоматерь Иверская в России XLIX С 237—253
- Белоброва О А О древнерусских подписях к некоторым нидерландским целногравированным изданиям XVII в XI III С 70—81
- Белоброва О А Об иллюстрациях Н С Гончаровой к немецкому переводу «Слова о полку Игореве» XLVII С 370—396

¹ Составитель В А Романов Указатель к т I X см ТОДРЛ Т X С 500—505 к т XI XX ТОДРЛ Т XX С 432—448 к т XXI XXX ТОДРЛ Т XXX С 369—382 к т XXXI XL ТОДРЛ Т XI С 456—466

- Белоброва О А Об источниках миниатюр к сочинениям Николая Спафария 1670-х гг XLV С 414—434
- Белоброва О А Симеон Полоцкий — автор вирш к гравюрам Библии Маттиаса Мериана XLIX С 526—528
- Белоброва О А См Исследовательские материалы XLI, XLIV, XLV
- Белоброва О А (см Хронологический список трудов Ольги Андреевны Белобровой)
- Белоброва О А, Рождественская М В Георгий Карлович Вагнер XLIX С 532—534
- Беловолова (Украинская) Т Н Валаамское собрание рукописей в Финляндии XLVIII С 396—402
- Беловолова (Украинская) Т Н Ранняя редакция Жития преподобного Дмитрия Прилуцкого, вологодского чудотворца XLV С 249—258
- Белякова М М «Повесть о Петре, царевиче ордынском» в историко-литературном контексте (к вопросу о датировке произведения) XLVI С 74—87
- Библиографические дополнения к статьям в разделе Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» XLI С 477—478
- Библиографические дополнения к статьям в разделе Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» XLV С 467—468
- Бишенкин В «Чтение» преп Нестора как памятник «глеборисовского» культа XLVII С 54—64
- Бирнбаум Х, Романчук Р Кем был загадочный Даниил Заточник? (К вопросу о культуре чтения в Древней Руси) L С 576—602
- Бобков А Е, Бобков Е А Певческие рукописи с Ветки и Стародубья XLII С 448—451
- Бобков Е А, Бобков А Е Певческие рукописи с Ветки и Стародубья XLII С 448—451
- Бобров А Г Из истории летописания первой половины XV в XLVI С 3—20
- Бобров А Г «Мирские притчи» в древнерусской рукописи XV в XLVI С 294—302
- Бобров А Г Новгородское летописание 20 х гг XV в XLVIII С 187—191
- Бобров А Г Новгородско-псковские отношения и Флорентийская Уния L С 359—373
- Бобров А Г Экспедиция на Северную Двину 1988 г XLV С 445—455
- Бобров А Г Экспедиция на Северную Двину 1988 г XLVI С 476—490
- Бобров А Г См Исследовательские материалы XLIV
- Бобров А Г, Черторицкая Т В К проблеме Златой матрицы XLIII С 341—358
- Бобров А Г Шухтина Н В Пинежская экспедиция 1985 г XLII С 439—447
- Богданов А П «Хронографец» Боголепа Адамова XLI С 381—399
- Богданов А П См Исследовательские материалы XLI XLIV XLV
- Братчикова Е К Парсуна «Димитрий, митрополит Ростовский и Ярославский» XLVI С 436—440
- Брещинский Д Н (см Список отпечаток к статье Д Н Брещинского «Житие Корнилия Выговского Пахомиевской редакции (тексты)», напечатанной в книге «Древнерусская книжность По материалам Пушкинского Дома» (Л Наука, 1985 С 62—107)
- Бройтман С Н К вопросу о субъективно-образной структуре «Слова о полку Игореве» XLIV С 363—369
- Бубнов Н Ю См Исследовательские материалы XLI, XLIV XLV
- Бубнов Н Ю, Власов А Н Александр Вятский — писатель и книжник XVII в XLI С 375—380
- Бударагин В П Владимир Васильевич Лукьянов — собиратель и исследователь русской старины XLIII С 431—433
- Бударагин В П Древнерусские рукописи Кабинета редкой книги Научной библиотеки Эрмитажа XLI С 420—423
- Бударагин В П К истории северодвинской крестьянской библиотеки В М Амосова XLIX С 471—479
- Бударагин В П Мезенские находки XLI С 411—414
- Бударагин В П Некоторые итоги археографической работы Древлехранилища (80-е гг) XLVI С 474—475
- Бударагин В П Северодвинские находки 1986 г XLIII С 389—393
- Бударагин В П Фрагменты утраченного безвыходного издания Триоди цветной в рукописи XVI в XLVIII С 271—276
- Буланин Д М Неизвестный источник Изборника 1076 г XLIV С 161—178
- Буланин Д М Троянская тема в житии Михаила Клопского XLVIII С 214—228
- Буланин Д М См Исследовательские материалы XLI, XLIV, XLV
- Буланин Д М (см Максим Грек «Слово о покаянии» и «Слово обличительно на еллинскую прелесть» (перевод Д М Буланина))
- Буланина Т В См Исследовательские материалы XLIV, XLV
- Бушкович П Максим Грек — поэт-«гиперборец» XLVII С 215—228
- Вагнер Г К (см Георгий Карлович Вагнер (О А Белоброва М В Рождественская))
- Вацура В Э Сюжет «Старой были» П А Катенина L С 785—791
- Вздорнов Г И Еще один не известный ранее экземпляр первого издания «Слова о полку Игореве» XLIX С 319—322
- Вздорнов Г И Н П Кондаков в зеркале современной византистики L С 792—797
- Виксзедл Ф Блудные сыновья или блуждающие души «Повесть о Горе-Злочастии» и «Очарованный странник» Лескова L С 754—762
- Винокурова Э П Рукописное наследие В Г Дружинина Поморское медное литье XLIX С 254—277

- Винокурова Э П Рукопись о поморском литве В Г Дружинина XLI С 405—410
- Власов А Н Археографическая работа Сыктывкарского университета на Верхней Печоре XLIII С 404—406
- Власов А Н Незученные историко-литературные памятники Устюжского края XVII в XLI С 400—404
- Власов А Н Сказание о грамоте и пермской азбуке в истории книжной культуры Древней Руси (некоторые аспекты изучения) L С 208—214
- Власов А Н, Бубнов Н Ю Александр Вятский — писатель и книжник XVII в XLI С 375—380
- Власова З И Ерш Ершович Возможные истоки образа и мотивов XLVII С 250—268
- Водов В А Пьер Паскаль XLIII С 434—436
- Водов В А Следы «Слова о полку Игореве» в памятнике XV в ? L С 466—469
- Водолазкин Е Г К вопросу об арабских наименованиях планет в древнерусской книжности L С 677—683
- Водолазкин Е Г К вопросу об источниках Русского хронографа XLVII С 200—214
- Водолазкин Е Г Монастырский быт в агриграфическом изображении («поварня» древнерусских житий) XLVIII С 229—231
- Водолазкин Е Г Первый год без Льва Александровича Дмитриева XLIX С 5—9
- Водолазкин Е Г Хроника Амартола в новонайденных списках XLV С 322—332
- Водолазкин Е Г Хронология русской хронографии Часть I XLIX С 22—35
- Вознесенский А В Канонник как тип книги у старообрядцев XLVIII С 355—368
- Вознесенский А В Служебная Псалтирь в восточнославянском книгопечатании XVI—XVIII вв L С 215—219
- Вознесенский А В, Савельев А А Археографическая экспедиция на Северную Двину 1987 г XLIV С 489—492
- Волкова Т Ф Записи первых Романовых и княжеско-боярской знати XVII в на книгах, собранных на Усть-Цилемском Севере L С 501—508
- Гаврюшин Н К Митрополит Даниил — редактор «Диалектики» XLI С 357—363
- Галицкая Е В, Пудалов Б М Археографические экспедиции в Уренский и Тонкинский районы Горьковской области XLIII С 401—403
- Галишев С А Сочинения и переводы Николая Спафария в рукописном собрании Уральского университета XLVI С 518—524
- Георгий Карлович Вагнер (О А Белоброва М В Рождественская) XLIX С 532—534
- Герасимова Н М О поэтике цитат в «Житии» протопопа Аввакума XLVIII С 314—318
- Горелов А А Из наблюдений над текстами Сборника Кириши Данилова XLVIII С 369—381
- Горина Н Л Опыт оценки текстологической значимости разночтений (на материале списков славянского Евангелия XI—XV вв) XLIX С 323—338
- Горский А А Проблемы изучения «Слова о погибели Рускыя земли» (К 750-летию со времени написания) XLIII С 18—38
- Горфункель А Х Гуманистические источники легенды об «ангичной» библиотеке московских государей XLVIII С 242—247
- Горфункель А Х Предисловие и «Рифмы» Андрея Белобожко к переводу трактата «О последовании Христу» L С 694—697
- Горфункель А Х См Исследовательские материалы XLIV
- Гранин Д А Постоянство L С 17—20
- Грачева А М Из истории контактов А М Ремизова с медиевистами начала XX века (Илья Александрович Шляпкин) XLVI С 158—169
- Гребенюк В П Свяtitель и князь К вопросу о роли митрополита Киприана и великого московского князя Василия Дмитриевича в событиях 1395 г L С 340—346
- Григоренко А Ю «Лаодикийское послание» и его литературное окружение XLIII С 324—329
- Грицевская И М Индекс истинных книг в составе «Кирилловой книги» XLVI С 125—133
- Гродецкая А Г Агиографические прообразы в «Анне Карениной» (житие блудниц и лободоец и сюжетная линия главной героини романа) XLVIII С 433—445
- Громов М Н К истолкованию апокрифа о сотворении Адама XLII С 255—261
- Гудзий Н К (см Дмитриев Л А Н К Гудзий — исследователь «Слова о полку Игореве», Кусков В В Н К Гудзий — создатель первого советского вузовского учебника по истории древнерусской литературы, Маркелов Г В Письма Н К Гудзия к В И Малышеву, Рождественская М В Переписка В П Адриановой-Перетц и Н К Гудзия (по архивным материалам))
- Гусев В Е О Варваре Павловне XLV С 19—20
- Гусева А А См Исследовательские материалы XLIV
- Гусева А Н См Исследовательские материалы XLV
- Гухман С Н «Въезд ис службы ис Персии стольника Василья Александровича Даудова» — литературный памятник конца XVII в XII С 374—388
- Гухман С Н Повесть о трех иконах шеманских XLVII С 109—124
- Давыдова С А Патериковые чтения в составе древнерусского Пролога XLIII С 263—281
- Давыдова С А Черторицкая Т В К истории синаксаря XLVII С 151—163
- Данильевский Р Ю Г С Скворода и Н Г Гердер L С 713—716
- Данчев Г За някои особености на житието на свети Иван Рилски от Димитър Кантакунин XLVIII С 147—150

- Демин А С Изображение животных в «Слове о полку Игореве» XLVIII С 59—63
- Демин А С Отголоски «Слова о полку Игореве» в «Казанской истории» (Гипотеза о промежуточном источнике) XLIII С 124—130
- Демкова Н С Грамоты Ивана Грозного шведским королям Эрику XIV и Иоганну III (По рукописям Шведского государственного архива) L С 488—500
- Демкова Н С Драматизация повествования в сочинениях протопопа Аввакума XLI С 302—316
- Демкова Н С Из истории русской повести XVII в Об одной древнерусской параллели к повести Н В Гоголя «Вий» («Повесть о некоем убогом отроце») XLII С 404—409
- Демкова Н С Из комментариев к тексту «Слова о полку Игореве» XLIII С 114—123
- Демкова Н С Из комментария к «Книге толкований» Аввакума (тема пророка в ранней старообрядческой публицистике) XLVII С 308—311
- Демкова Н С Краткий отчет об археографической практике студентов ЛГУ в Пермской областной библиотеке им А М Горького и Чердынском краеведческом музее им А С Пушкина XLI С 449—450
- Демкова Н С Новый текст «второй» челобитной Аввакума царю Алексею Михайловичу XLVIII С 306—313
- Демкова Н С Сергей Александрович Зеньковский (1907—1990) XLVII С 443—446
- Демкова Н С Исследовательские материалы XLIV, XLV
- Демкова Н С, Якунина С А Древнерусские рукописи и старопечатные книги в собрании Пермского педагогического института им А А Ушинского (Краткий обзор) XLIII С 412—418
- Демкова Н С, Якунина С А Кормчая XV в из собрания Пермского педагогического института XLIII С 330—337
- Дмитриев Л А Н К Гудзий — исследователь «Слова о полку Игореве» XLVI С 176—185
- Дмитриев Л А См Исследовательские материалы XLI, XLV
- Дмитриев Л А (см Водолазкин Е Г Первый год без Льва Александровича Дмитриева, Лихачев Д С Лев Александрович Дмитриев (опыт портрета), Маймин Е А Лев Александрович Дмитриев, Список трудов Льва Александровича Дмитриева за 1982—1992 гг Юбилейная дата в жизни Л А Дмитриева)
- Дмитриев Л А, Дробленкова Н Ф, Лурье Я С Наталия Александровна Казакова (17/30 XII 1915—23 XI 1984) (Некролог) XLI С 451—452
- Дмитриева Р П Агиографическая школа митрополита Макария (на материале некоторых житий) XLVIII С 208—213
- Дмитриева Р П Житие новгородского архиепископа Серапиона как публицистическое произведение XVI в XLI С 364—374
- Дмитриева Р П Значение исследований В П Адриановой-Перетц, посвященных «Задонщине» XLV С 39—43
- Дмитриева Р П О раннем периоде истории Соловецкого монастыря в Житиях Зосимы и Савватия и в списках Соловецкого летописца XLIX С 89—98
- Дмитриева Р П Отражение в творчестве Ермолая-Еразма его псковских связей XLII С 280—286
- Дмитриева Р П См Исследовательские материалы XLI, XLIV
- Дмитриева Р П (см Хронологический список трудов Руфины Петровны Дмитриевой)
- Дмитриева Р П, Салмина М А Дмитрий Сергеевич Лихачев — преподаватель исторического факультета Ленинградского университета (1946—1953) L С 27—31
- Дробленкова Н Ф В П Адрианова-Перетц о средневековых «энциклопедических» сборниках и поэтике XLV С 34—38
- Дробленкова Н Ф «Сказание» о Вавилоне Минейной редакцией и «опыт свода» А Н Веселовского L С 261—269
- Дробленкова Н Ф См Исследовательские материалы XLI, XLIV, XLV
- Дробленкова Н Ф (см Хронологический список трудов Надежды Феоктистовны Дробленковой) XLII С 456—460
- Дробленкова Н Ф, Дмитриев Л А, Лурье Я С Наталия Александровна Казакова (17/30 XII 1915—23 XI 1984) (Некролог) XLI С 451—452
- Дылевский Н М Прочтение и перевод выражения «а злата и сребра ни мало того потрепати» в публикациях «Слова о полку Игореве» нынешнего столетия L С 444—453
- Дылевский Н М Фраза «Бориса же Вячеславича слава на судь приведе, и на канину зелену палолому постла за обиду Олгову, храбра и млада Князя» в тексте «Слова о полку Игореве» XLVIII С 52—56
- Евсеева-Лобакова И А «Стрелцкая» (Псковская) редакция «Повести о разорении Рязни Батыеом» (К вопросу о времени и принципах переработки текста источника) XLIV С 370—377
- Евсеева И А, Шухтина Н В, Якунина С А Северодвинская экспедиция 1984 г XLI С 414—419
- Егоров Б Ф Об элементах диалогизма и толерантности в древнерусской культуре XLVIII С 205—207
- Егоров Б Ф Понимание народности в окружении Николая I L С 426—429
- Енин Г П См Исследовательские материалы XLI, XLIV, XLV
- Жоанне Ж Некоторые неизданные или забытые тексты — источники Изборника 1076 г и Кормчей книги XI VI С 199—228
- Жуковская Л П Еще о текстологии месяце слова Евангелия (по датированным древне-

- русским апракосам XI—XII вв.) XLVIII С 81—87
- Журова Л И Румянцевское собрание сочинений Максима Грека (К вопросу о соотношении собраний сочинений Максима Грека) L С 475—478
- Жучкова И Л См Исследовательские материалы XLI
- Заборов П Р М А Волошин и А А Смирнов L С 649—654
- Загребин В. М Владимир Алексеевич Мошин (1894—1987) Некролог XLII С 452—455
- Зарубин Н Н (см Тимофеев А Г Новые материалы к научной биографии Н Н Зарубина)
- Зеemann К Д Приемы аллегорической экзегезы в литературе Киевской Руси XLVIII С 105—120
- Зеньковская Б Хронологический список трудов С А Зеньковского XLVII С 447—455
- Зеньковский С А (см Демкова Н С Сергей Александрович Зеньковский (1907—1990), Зеньковская Б Хронологический список трудов С А Зеньковского)
- Зибров В К См Исследовательские материалы XLIV, XLV
- Золотов Ю М Символика в камне XLVI С 527—528
- Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси»**
 Бахтина О Н (Повесть о Меркурии Смоленском), Белоброва О А (Повесть душеполезна Никодима типикарися Соловецкого о некоем брате, Повесть известна и удивлению достойна о мощах неведомаго святого , Повесть о Борисоглебском монастыре близ Ростова, Повесть о королевиче кипрском Велиаме, Повесть о поминании князя Андрея Ивановича Старицкого, Сказание о богатом купце, Сказание «О Кипрском острове и подножье креста Христова», Сказание «О победе Кипрской », Сказание о построении храма святой Софии), Богданов А П (Повесть о Московском восстании 1682 г (Баровская), Повесть о Московском восстании 1682 г (Ундольского)), Бубнов Н Ю (Сказания и повести о патриархе Никоне), Буланин Д М, Шашков А Т (Сказания о Максиме Греке), Дмитриев Л А (Видение хутынского пономаря Тарасия—Прохора, Повесть о варяжской божнице), Дмитриев Р П (Сказание о князьях владимирских), Дробленкова Н Ф (Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском, Повесть о Валтасаре кралевичи, како служа некоему царю , Повесть о видении во Владимире в 1611 г, Повесть о царе Василии Константиновиче, Сказание о Вавилоне), Енин Г П (О изведении царского семени, и о смятении земли, и о прелести некоторога растриги черныца, еретика и богоотметника православныя веры християнския, отступника ангельскаго образа, Гришки Богданова сына Отрепьева, О рожении воеводы князя Михаила Васильевича Шуйского Скопина, Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина, Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства, Плач о пленении Московского государства, како наведе на ны, грешныя, господь бог праведный гнев свой, Повесть 1606 г , Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов, Повесть некоего боголюбива мужа списана при Макарье митрополите царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, Повесть о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском, Повесть о победах Московского государства, Повесть о разорении Московского государства, Сказания и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве, и о разстриге Гришке Отрепьеве, и о походеждении его, Сказание о поставлении на патриаршество Филарета Никитича, Сказание о царстве царя Федора Иоанновича, Сказание об осаде Тихвинского монастыря шведами в 1613 г), Жучкова И Л (Сказание о Владимирской иконе богоматери), Каган М Д (Повесть об Азове историческая, Повесть о взятии Петром I Азова в 1696 г, Повесть о двух посольствах, Повесть о Карпе Сутулове, Повесть о Скандербеге, князе Албанском, Повесть об Азове особая, Повесть об Азовском взятии и осадном сидении сказочная, Повесть об Азовском осадном сидении документальная, Повесть об Азовском осадном сидении поэтическая), Климова М Н (Повесть о папе Григории, Повесть об Андрее Критском), Лурье Я С (Повесть о Дмитрии Басарге и его сыне Борзомысле, Повесть о старце, проснувшем руки царской дочери, Сказание о Петре, воеводе Волосском, Стефаний и Ихнилат), Николаев С И (История о Мелзозине), Панченко А М (Повесть о Горе-Злочастии, Повесть о Фроле Скобееве), Поньрко Н В (История о первом Иове, патриархе московском и всея России), Романдовская Е К (Великое Зерцало, Повесть о городах Таре и Тюмени, Повесть о купце Григории), Руди Т Р (Повесть об Ульянии Осорыиной), Сазонова Л И (Апофегматы), Салмина М А (Повесть о Бовс, Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным, Повесть о начале Москвы, Повесть о избавлении града Устога Великаго, Повесть о Никифоре Фоке, Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епископии Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы, Слово о некоем мужи именем Тимофей), Соколова Л В (Повесть о графине Альгдорфской Повесть о цесаре Оттоне и Олунде Повесть об Аполлонии Тирском), Солодкин Я Г (Иное сказание, Повесть о видении человеку благочестивому в Нижнем Новгороде в 1611 г Григория) Творогов О В (Повесть о взятии Константинополя турками в 1453 г

Повесть о Евстратии, Повесть о златом руне волшебного овна, Повесть о создании и поглении тройском, Повесть о царе Казарине и о жене его, Слово о ветхом Александре), Титова Л В (Повесть об увозе Соломоновой жены), Троицкая Т С (Повесть о царнице Динаре), Шашков А Т, Буланин Д М (Сказания о Максиме Греке) ХLI С 3—153 См также в этом томе Библиографические дополнения к статьям в разделе Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» (с 477—478)

Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» Белоброва О А (Адриан, Александр, Алексей, Алманзенов Иван Фомин, Андрей Савинов Пос[т]ников, Архипов Федор, Байков Федор Исаакович, Бегичев Иван Иванович, Богданов Федор Григорьевич, Василий Гагара, Василий Тюменец, Венюков Никифор Данилович, Верещагин Иван Васильев, Возницын Прокофий Богданович, Гадзаловский (Гадзяловский) Стахий, Гивнер (Гибнер) Юрий Михайлович, Головин Николай Семенов, Даудов Василий Александрович, Джемс Ричард, Дикенсон Андрей, Дионисий Зобниновский, Долгов (Долгово) Петр Васильевич, Долгоруков Владимир Михайлович, Дорн Иван, Дорохин Федор Феоктистов, Досифей Дохтуров Герасим Семенович, Дуров Александр Степанович, Иван Спиридонов Соболев Могилевец, Игнатий, Иевлев Алексей Иванович, Илья Федоров, Иоанникий Грек, Иоасаф, Иоасаф Константиновский, Иоасаф Тумской, Иона Маленький, Иосиф, Иосиф Афанасьев Иосиф Владимиров, Котов Федот Афанасьевич, Кропоткин Михаил), Бобров А Г, Дробленкова Н Ф, Салмина М А (Золотарев Петр Алексеевич), Богданов А П (Аверкий, Боголеп Адамов, Кичигин Иван Несторович), Бубнов Н Ю (Александр, Герасим Фирсов, Игнатий), Буланин Д М (Александр, Викентий, Иона Сысоевич, Иосиф), Буланина Т В (Козырев Иван), Горфункель А Х (Белобоцкий Ян), Гусева А А, Сазонова Л И (Бурцов Василий Федоров), Демкова Н С (Епифаний Пельшемский), Дмитриева Р П (Иоасаф Луковниковский), Дробленкова Н Ф (Болотников Иван Исаевич, Кровкова Агафья Григорьевна), Дробленкова Н Ф, Бобров А Г, Салмина М А (Золотарев Петр Алексеевич), Енин Г П (Евстратий), Зиборов В К (Арсений Грек, Грамотин Иван Тарасьевич, Иннокентий Гизель, Иоаким, Иоанн Васильевич Шевелев-Наседжа), Зиборов В К, Лобачев С В (Алексей Михайлович), Каган М Д (Арсений Белоус Леонтий Петрович, Крючков Исидор), Лавров А С (Годицын Василий Васильевич), Лобачев С В, Зиборов В К (Алексей Михайлович), Манькова И Л, Шашков А Т (Исаак), Панич Т В (Афанасий) Панченко А М (Акундинов Тимо-

фей Демидович, Герман, Голосов Лукьян Тимофеевич, Горчак Стефан Стефанович, Злобин Михаил), Панченко А М, Салмина М А (Василий Титов, Корнев Иоанникий Трофимович), Панченко А М, Шухтина Н В (Авраамий), Парфентьев Н П (Александр Мезенец, Александр Печерский), Пигин А В (Иаков), Поньирко Н В (Александр, Антоний, Афанасий, Варлаам Ясинский, Григорий Яковлев, Даниил Викулин, Даниил Матвеев, Дмитрий Ерофеев, Ефросим, Иван Философ, Игнатий Трофимов, Иерофей Андреев, Иларион, Иоанн Лукьянов, Иоасаф I, Иона Филиппов Суворцын), Прохоров Г М (Иван Иванов Плещков, Иоанн (первая половина XVII в), Иоанн (третья четверть XVII в), Иоанн (середина или вторая половина XVII в), Иоанн (вторая половина XVII в)), Ромодановская Е К (Агафоник), Сазонова Л И, Гусева А А (Бурцов Василий Федоров), Салмина М А, Бобров А Г, Дробленкова Н Ф (Золотарев Петр Алексеевич), Салмина М А, Панченко А М (Василий Титов, Корнев Иоанникий Трофимович), Соколова Л В (Александр), Соколова Л В, Солоджин Я Г (Куракин Иван Семенович), Солоджин Я Г (Алферьев-Безин Семен, Иван Слободской, Иосиф, Исидор), Солоджин Я Г, Соколова Л В (Куракин Иван Семенович), Тарковский Р Б (Виниус Андрей Андреевич, Гозвинский Федор Касьянович, Кашинский Петр), Творогов О В (Злобин Федор Иванович), Шашков А Т (Авраамий (в миру Алексей Иванович Венгерский), Авраамий (в миру Андрей Карамышев) Бархатов Иван, Гумбертов Менадир), Шашков А Т, Манькова И Л (Исаак), Шухтина Н В, Панченко А М (Авраамий) XLIV С 3—160

Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» Белоброва О А (Лихачев, Матвеев, Матюшкин, Микулин, Михаил Юрьев, Морозов, Никодим, Образцов, Ордин-Нащекин, Пазухин, Петлин, Посников (Постников), Постников (Посников), Потемкин, Сергей Симон, Станкевич Аркадий, Толочанов, Тяжкогорский, Ушаков, Феодосий (ум X 1671), Феодосий (1614—1687), Феолог, Фомин, Шаховской), Богданов А П (Сназин, Шатуровы), Бубнов Н Ю (Никон Феоктист Шушерин), Буланин Д М (Моховиков, Никифор Евдокимов, Тихон, Филофей) Буланина Т В (Потап Прокофьев Игольнищников, Федор Афанасьев) Гусева А Н, Сазонова Л И (Радишевский) Демкова Н С (Леонтьева), Дмитриева Л А (Сергий Шелонин Торокан) Дробленкова Н Ф (Ляпунов, Митрофан, Пожарский Ржевская) Енин Г П (Терентий) Зибаров В К (Павел (в миру Моравский) Павел (ум 4 II 1692)), Поликарпов-Орлов Серапим) Каган М Д (Марфа, Найденов Иван Половецкий, Савва Долгий Савватий Станкевич Хованский

- Иван, Лавров А С (Хованский Петр), Николаев С И (Лаврецкий, Онуфриев, Спарвенфельд), Панченко А М (Лазарь, Малевинский, Митрофан, Неронов, Романчук, Самсонов), Парфентьев Н П (Фаддей Никитин Субботин, Феодор Константинов, Шестак (Шестой) Мартемьянов), Парфентьев Н П, Шашков А Т (Федор Трофимов), Поньырко Н В (Лихачев, Лысенин Матвей Андреев, Милютин, Михаил Вышатиин, Михаил Федорович, Патрикий Патрикеевич, Пафнутий Петр Прокопьев, Питирим, Спиридон Иванов, Феодосий), Сазонова Л И (Фофанов), Сазонова Л И, Гусева А Н (Радишевский), Салмина М А (Никанор), Семенова Е И (Хворостинин, Шаховской), Солонкин Я Г (Сергий, Суков), Федотова М А (Туптало), Шашков А Т, Парфентьев Н П (Федор Трофимов) XLV С 47—177 См также в этом томе Библиографические дополнения к статьям в разделе Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» (с 467—468)
- К 90-летию академика Дмитрия Сергеевича Лихачева L С 3—6
- Каган М Д См Исследовательские материалы XLI, XLIV, XLV
- Каган-Тарковская М Д Древнерусские врачевательные молитвы от укуса змей XLVI С 287—293
- Каган-Тарковская М Д Легендарные списки «Слова о полку Игореве» XLVIII С 68—73
- Каган-Тарковская М Д «Посольская книга Шарап-Веригина» — литературно-документальное сочинение второй половины XVII века XLII С 128—142
- Каган-Тарковская М Д Развитие житийно-биографического жанра в XVII веке (жития Адриана и Фералонта Мозенских, Трифона Вятского, Симона Воломского Серапиона Кожеозерского, Арсения Новгородского Никандра Псковского) XLIX С 122—132
- Каган-Тарковская М Д (см Марианна Давидовна Каган-Тарковская)
- Казакова Н А Рассказы освобожденных русских полоняников XLV С 407—410
- Казакова Н А Статейные списки русских послов в Италию как памятники литературы путешествий (середина XVII в) XLI С 268—288
- Казакова Н А (см Дмитриев Л А Дробленкова Н Ф Лурье Я С Наталия Александровна Казакова (17/30 XII 1915 — 23 XI 1984) Некролог))
- Калугин В В Теории текста в русской литературе XVI в L С 611—616
- Карманова О Я Об одном из источников выговского Жития инока Елифангия XLIX С 410—415
- Кенанов Д Кириин и творческое дело уа патриарх Евтимий и Климент Охридски XI VIII С 143—146
- Кенанов Д Симсон Метафраст и его славянские последователи L С 668—676
- Кириичников А Н Новообнаруженный древнерусский подписной меч L С 717—722
- Клаутова О Ю Восприятие отечественной архитектуры в Древней Руси по данным литературы XI—XIII вв XLIX С 416—426
- Клаутова О Ю Жест в древнерусской литературе и иконописи XI—XIII вв К постановке вопроса XLVI С 256—269
- Клаутова О Ю Западноевропейское искусство во глазиа русских путешественников XV—XVII вв XLIX С 427—439
- Климова М Н См Исследовательские материалы XLI
- Ковтун Л С О литературных источниках Азбуковников (Книжный фонд Московской Руси в представлении словариков этой эпохи) L С 603—610
- Ковтун Л С Язык высокой книжности в трактовке лексикографов восточных славян XVI в XLVIII С 254—257
- Кизляков В Н Обзор памятников деловой письменности XVI—XVII вв в фондах Государственного архива Ярославской области (собрание Ярославской губернской учетной архивной комиссии) XLIII С 407—411
- Колесов В В Древнерусский святой XLVIII С 96—99
- Колесов В В Средневековый текст как единство поэтических средств языка L С 92—98
- Колуччи М Первоначальная редакция «Жития Александра Невского» заметки по истории текста L С 252—260
- Костерина Л А Первое печатное издание «Слова о полку Игореве», неизвестный экземпляр, приобретенный Ярославским музеем-заповедником XLVII С 367—369
- Кочетков И А, Крушельницкая Е В Малоизвестные памятники литературы Архангельска XVII в L С 509—518
- Кочеткова Н Д Библейский мотив «милость и суд» в русской литературе XVIII в L С 155—159
- Кочеткова Н Д Н М Карамзин — читатель «Древней российской вивлиофики» Н И Новикова XLVIII С 413—415
- Крушельницкая Е В Житие Филиппа Ирапского и записка инока Германа о Филиппе XLIX С 112—121
- Крушельницкая Е В Завещание-устав Герасима Болдинского XLVIII С 264—270
- Крушельницкая Е В Записки о Макарии Казанском XLVI С 308—314
- Крушельницкая Е В Повесть Мартирия Зеленецкого и автобиографическое повествование в памятниках русской литературы XIV—XVI вв XLVI С 21 35
- Крушельницкая Е В Кочетков И А Малоизвестные памятники литературы Архангельска XVII в L С 509 518
- Крысько В Б Глагол *подълитися* в «Слове о полку Игореве» XLIII С 139 142

- Кучушкина М В К вопросу о месте происхождения Радзивилловской летописи в списке XV в L С 374—383
- Кулинич Д Д Тайна русских мастеров XII в (О слове *харалугъ*) XLIV С 493—495
- Кусков В В Н К Гудзий — создатель первого советского вузовского учебника по истории древнерусской литературы XLVI С 170—175
- Кусков В В Проблемы историзма древнерусской литературы XI—XII вв L С 303—309
- Кучкин В А О термине «дети боярские» в «Задонщине» L С 347—358
- Лавров А С Гравированный лист с виршами Сильвестра Медведея L С 519—525
- Лавров А С «Летописец» Кариона Истомина XLV С 411—413
- Лавров А С См Исследовательские материалы XLIV, XLV
- Левин Ю Д Николай Гумилев и Федор Сокологуб о дровах L С 646—648
- Левин Ю Д Родословная Буянова XLVIII С 416—420
- Левичкин А Н, Рыжова Е А Археографическая экспедиция 1990 г на Северную Двину XLVII С 437—440
- Ленхофф Г Д, Мартин Дж Б Торгово-хозяйственный и культурный контекст «Хождения за три моря» Афанасия Никитина XLVII С 95—120
- Лесур Ф Труды Д С Лихачева во французском восприятии L С 32—39
- Литература о жизни и трудах академика Д С Лихачева за 1988—1996 гг L С 71—82
- Лихачев Д С Вступительное слово XLV С 5—8
- Лихачев Д С Каким был автор «Слова о полку Игореве»? XLVIII С 26—30
- Лихачев Д С Лев Александрович Дмитриев (опыт портрета) XLIX С 3—4
- Лихачев Д С Назначение Изборника 1076 г XLIV С 179—184
- Лихачев Д С Судьба рукописи Изборника 1073 г в XIV в XLIX С 297—299
- Лихачев Д С (см Альшиц Д Н И свеча не погасла! К вопросу о масштабе и значении научного подвига Д С Лихачева в историко-культурной жизни эпохи, Гранин Д А Постоянство, Дмитриева Р П, Салмина М А Дмитрий Сергеевич Лихачев — преподаватель исторического факультета Ленинградского университета (1946—1953), К 90-летию академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, Лесур Ф Труды Д С Лихачева во французском восприятии, Литература о жизни и трудах академика Д С Лихачева за 1988—1996 г Паниев В М «Люди и нравы древней Руси» Бориса Александровича Романова судьба книги, Творогов О В Д С Лихачев и отечественная медиевистика Хронологический список трудов академика Д С Лихачева Юбилейная дата в жизни Д С Лихачева)
- Лихачева Л Д Произведения шитья Софьи Палеолог из Кирилло-Белозерского монастыря L С 723—729
- Лихачева О П Лев — лютый зверь XLVIII С 129—137
- Лихачева О П Яко бисер в кале L С 110—112
- Лобакова И А Воинское повествование и агнографическая традиция в литературе XVII в (на материале Распространенной редакции «Повести о разорении Рязани Батыем») XLVIII С 297—303
- Лобакова И А «Житие митрополита Филиппа» соотношение Краткой и Пространных редакций Жития L С 270—280
- Лобакова И А Проблема соотношения старших редакций «Повести о разорении Рязани Батыем» XLVI С 36—52
- Лобакова-Евсеева И А «Повесть о разорении Рязани Батыем» в новых редакциях XVII в XLV С 379—389
- Лобачев С В См Исследовательские материалы XLIV
- Лотман Л М Еще раз о «мнении народном» в «Борисе Годунове» А С Пушкина L С 160—170
- Лукьянов В В (См Бударагин В П Владимир Васильевич Лукьянов — собиратель и исследователь русской старины)
- Лурье Я С Джон Феннел (1918—1992) Некролог XLVI С 529—532
- Лурье Я С Ефросин — составитель сборников и Ефросин — игумен и писец XLI С 347—356
- Лурье Я С Еще раз о Первом послании Ивана Грозного к Курбскому XLII С 77—91
- Лурье Я С Житийные памятники как источники по истории присоединения Новгорода XLVIII С 192—195
- Лурье Я С Иван Грозный и древнерусская литература в творчестве М Булгакова XLV С 315—321
- Лурье Я С К изучению летописной традиции об Александре Невском L С 387—399
- Лурье Я С Когда была написана «Книга на новгородских еретиков»? XLIX С 78—88
- Лурье Я С Летописи первой половины XV в как литературные и исторические памятники XLIII С 39—57
- Лурье Я С Схема истории летописания А А Шахматова и М Д Приселкова и задачи дальнейшего исследования летописей XLIV С 185—195
- Лурье Я С Феодалная война в Москве и летописание первой половины XV в XLVII С 82—94
- Лурье Я С См Исследовательские материалы XLI
- Лурье Я С (см Хронологический список трудов Якова Соломоновича Лурье за 1981—1993 гг)
- Лурье Я С (см Яков Соломонович Лурье)
- Лурье Я С Дмитриев Л А Дробленкова Н Ф Наталия Александровна Казакова (17/30 XII 1915 - 23 XI 1984) (Некролог) XLI С 451—452

- Мазунин А И (см Белоброва О А Александр Иванович Мазунин (1924—1986))
- Маймин Е А Лев Александрович Дмитриев XLVII С 5—18
- Маймин Е А О второй волне русского сентиментализма L С 229—233
- Макарий, игумен (Веретенников) Новые материалы о Всероссийском митрополите Макарии XLVI С 303—307
- Максим Грек «Слово о покаянии» и «Слово обличительно на еллинскую прелесть» (перевод Д М Буланина) XLVII С 229—240
- Мальшев В И (см Маркелов Г В Письма Н К Гудзия к В И Мальшеву)
- Малэк Э Источники и литературная история «Повести об Аквитане» XLIII С 101—113
- Малэк Э «Повесть чудна есть, како жена избави мужа своего от смерти» — малоизвестный памятник переходной поры XLVIII С 339—342
- Малэк Э Сказание о римском попе Аврааме — неизвестная повесть о сношениях человека с дьяволом L С 526—530
- Манькова И Л См Исследовательские материалы XLIV
- Марианна Давидовна Каган-Тарковская (*О В Творогов*) XLIX С 534—535
- Маркасова Е В К вопросу о соотношении древнерусской литературной традиции и поэтики польского барокко в виршах Симеона Полоцкого L С 144—148
- Маркелов Г В Археографическая экспедиция в Латгалию в 1986 г XLIII С 371—388
- Маркелов Г В Жизнеописание пермогорского крестьянина И С Карпова XLVII С 423—429
- Маркелов Г В Иконные прориси и перевод в Древлехранилище Пушкинского Дома XLIX С 480—525
- Маркелов Г В Крестьянские архивы в Древлехранилище Пушкинского Дома XLVI С 495—502
- Маркелов Г В Латгальская рукописно-книжная традиция. Материалы к изучению XLII С 410—438
- Маркелов Г В Латгальская экспедиция 1988 г XLV С 461—466
- Маркелов Г В Письма Н К Гудзия к В И Мальшеву XLVI С 194—198
- Маркелов Г В Смеховые приписки в рукописях Древлехранилища Пушкинского Дома XLI С 444—446
- Маркелов Г В, Панченко Ф В О литургическом творчестве выговцев L С 220—228
- Мартин Дж Б Ленхофф Г Д Торгово-хозяйственный и культурный контекст «Хожения за три моря» Афанасия Никитина XLVII С 95—120
- Материалы конференции к 100-летию со дня рождения чл-кор АН СССР Варвары Павловны Адриановой-Перетц XLV С 5—46
- Матхаузерева С Барочный славизм L С 149—154
- Медведев И П Письма В М Ундольского к А А Кунику в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН L С 803—816
- Мелихов М В «Гистория о короле Брунцви ке» (По вычегодскому списку XVIII в) L С 544—550
- Мелихов М В «Сказание о Мамаеве воинстве» XLII С 389—403
- Мещерский Н А (см Алексеев А А Никита Александрович Мещерский (1/14 I 1906—3 III 1987) (Некролог), Хронологический список трудов Никиты Александровича Мещерского)
- Мильчик М И Строительная порядная запись 1642 года из архива пинежских крестьян XLVI С 509—517
- Милютенко Н И Владимирский великокняжеский свод 1205 года (Радзивилловская летопись) XLIX С 36—58
- Милютенко Н И Переяславское сказание о Борисе и Глебе в составе Летописца Переяславля-Суздальского XLVII С 65—81
- Милютенко Н И Рассказ о прозрении Ростиславичей на Смяднии (к истории Смоленской литературы XII в) XLVIII С 121—128
- Михайлов А Д О жанровом составе средневековой литературы и его эволюции (Предварительные замечания) L С 189—195
- Моисеева Г Н Ионил Быковский — составитель книги «Начальное учение хотящим учиться» XLVIII С 382—387
- Моисеева Г Н Об участии И Н Болтина в работе над рукописью «Слова о полку Игореве» XLV С 220—230
- Моисеева Г Н Судьба пергаменного Часослова, «уничтоженного» в 1788 г вместе со Спасо-Ярославским хронографом XLVI С 315—319
- Мамина М А Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг на Руси в XI в XLV С 200—219
- Мончева Л Н Апостолическое письмо в становлении художественно-эстетической традиции средневековой литературы XLII С 188—199
- Мончева Л Н О графической семантике стихотворений Симеона Полоцкого XLII С 363—368
- Морозов В В От Никоновской летописи к Лицевому летописному своду (Развитие жанра и эволюция концепции) XLIV С 246—268
- Морозова Т Я О якобы «утраченном» сборнике слов, сказаний и посланий Максима Грека 1584 г L С 479—487
- Мостовская Н Н П В Анненков корреспондент И С Тургенева L С 640—645
- Мошин В А Славянские рукописи в Македонии XLVII С 409—422
- Мошин В А (см Загребин В М Владимир Алексеевич Мошин (1894—1987) Некролог) XI II С 452—455
- Мюллер Л «Темное место» в договоре русских с греками от 2 сентября 911 г L С 331—339

- Muller L Eine weitere griechische Parallele zu Πασις «Слово о законе и благодати» XLVIII С 100—104
- Накамура Ё Японец в Московии Возможный источник легенды о Беловодье? L С 400—403
- Накамура Ё (см Список основных трудов Есикадзу Накамура)
- Николаев Н И Об источниках московского издания Лествицы 1647 г XLVII С 277—283
- Николаев Н И Печатный Пролог с записями А А Ухтомского из собрания М С Лесмана L С 817—824
- Николаев С И Библиографические заметки к истории ранней русской драматургии XLIII С 359—364
- Николаев С И Из истории польской сатирической литературы в России XVII — первая половина XVIII в) XLV С 305—314
- Николаев С И Из истории русских изданий «Апофеизм» Беняша Будного XLVIII С 388—390
- Николаев С И Кометы в переводной литературе XVII в L С 684—688
- Николаев С И Поэзия и дипломатия (Из литературной деятельности Посольского приказа в 1670-х гг) XLII С 143—173
- Николаев С И Стихотворение Якопоне да Тоди «О суете мира» в русских переводах XVII в XLIX С 224—236
- Николаев С И Три фразки Яна Кохановского в переводе XVII в XLI С 289—301
- Николаев С И См Исследовательские материалы XLI XLV
- Николаева Е П, Рождественская М В Об архивном наследии В П Адриановой-Перетц XLV С 21—29
- Николова С Влияние библейского текста на историю текста похвальных слов св Климента Охридского L С 99—103
- Никольский Н К (см Рождественская М В Академик Н К Никольский — организатор историко-библиографического Музея славяно-русской книжности (По архивным материалам))
- Новикова О Л К истории изучения Супрасльского летописного сборника в первой трети XIX в L С 384—386
- Носов С Н Проблемы истории русской культуры в трудах Н Е Андреева XLV С 439—444
- Овсянников О В, Рождественская М В «Сказание о постройке церкви в селе Маврино-Сергиевском» — малоизученный памятник XVIII в XLVII С 357—366
- Олмстед Х Кодецикологические заметки о рукописных сборниках Максима Грека XLV С 399—406
- Орлов А С (см Рождественская М В Научная деятельность академика Александра Сергеевича Орлова (1871—1947) (По архивным материалам))
- Орнатская Т И «Необыкновенная история» с «Обыкновенной историей И А Гончарова (К проблеме выбора источника основного текста) L С 293—302
- Орнатская Т И Николай Ставрогин в свете «некоторых легендарных воспоминаний» XLVIII С 429—432
- Охотина Н А «Сказание о Валаамском монастыре» — неизвестное сочинение второй половины XVI в XLVII С 121—147
- Охотина-Линд Н А I Рукописное наследие Валаамского монастыря XV — начала XVII вв XLIX С 440—470
- Охотникова В И История Мирожской иконы Богоматери и литературных текстов о ней (кон XVI — XVII в) L С 739—746
- Охотникова В И Новые материалы по литературной истории Повести о явлении икон на Синичьей горе XLIX С 376—387
- Охотникова В И Повесть о Псково-Печерском монастыре Редакции XVI в XLVIII С 258—263
- Панеях В М «Люди и нравы древней Руси» Бориса Александровича Романова судьбы книги L С 825—839
- Панич Т В См Исследовательские материалы XLIV
- Панченко А М См Исследовательские материалы XLI, XLIV, XLV
- Панченко Ф В, Маркелов Г В О литургическом творчестве выговцев L С 220—228
- Парфентьев Н П См Исследовательские материалы XLIV, XLI
- Парфентьева Н В Славник «О калико блага» усольского распевищика И Т Лукошкова XLVI С 320—333
- Паскаль П (см Водов В Пьер Паскаль)
- Перетц В Н (см Робинсон М А, Сазонова Л И О судьбе гуманитарной науки в 20-е годы по письмам В Н Перетца М Н Сперанскому, Соболев В С Отчет академика В Н Перетца о своей деятельности в первые годы революции (1918—1923))
- Пигин А В Видения потустороннего мира в рукописной традиции XVIII—XX вв L С 551—557
- Пигин А В Народная мифология в севернорусских житиях XLVIII С 331—334
- Пигин А В Рукописные и старопечатные книги Государственной публичной библиотеки Карелии XLVIII С 391—395
- Пигин А В См Исследовательские материалы XLIV
- Пиккино Р «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси L С 430—443
- Пиотровская Е К Древнерусская версия Христианской Топографии Козьмы Индикоплова и «Толковая Палая» XLVIII С 138—142
- Пиотровская Е К «Якорь надежд» (Мысли И В Ягича о Российской Академии наук) L С 798—802
- Пичхадзе А А К истории четьего текста славянского Восьмикижия XLIX С 10—21
- Плужников В И Симонов Р А Гороскоп Петра I XLIII С 82—100

- Покровская В Ф К столетию В П Адриановой-Перетц XLV С 12—14
- Покровский Н Н Гусли, патефоны и телевизоры XLVIII С 446—450
- Покровский Н Н «Повести чудесных событий» из Урало-Сибирского патерика XX в Л С 568—572
- Пономарева И Г О возможной исторической основе сюжета «Калязинской челобитной» XLVII С 269—275
- Поньрко Н В Новые материалы о протопопе Аввакуме (Два «дела» мезенской воеводской канцелярии о сыне Аввакума Афанасии) XLIV С 397—402
- Поньрко Н В Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в — ревнители благочестия XLIII С 58—69
- Поньрко Н В См Исследовательские материалы XLI, XLIV, XLV
- Поп Р Некоторые мысли по поводу издания средневековых славянских текстов Л С 242—251
- Попе-младший Н Заметка к текстологи алтайских заимствований в «Задонщине» и «Слове о полку Игореве» XLIX С 314—318
- Прохазка Е А О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей XLII С 228—240
- Прохоров Г М Глаголица среди миссионерских азбук XLV С 178—199
- Прохоров Г М Житие и чудеса Нила Сорского в списке первой четверти XIX в Л С 558—567
- Прохоров Г М Иоанн Кантакузин Диалог с иудеем Славянский XVI в и современный переводы Слово первое XLI С 331—346
- Прохоров Г М Иоанн Кантакузин Диалог с иудеем Слово восьмое (Славянский XIV в и современный переводы) XLVIII С 151—186
- Прохоров Г М Иоанн Кантакузин Диалог с иудеем Слово второе (Славянский XIV в и современный переводы) XLII С 200—227
- Прохоров Г М Иоанн Кантакузин Диалог с иудеем Слово девятое (Славянский XIV в и современный переводы) XLIX С 339—355
- Прохоров Г М Иоанн Кантакузин Диалог с иудеем Слово пятое (Славянский XIV в и современный переводы) XLV С 390—398
- Прохоров Г М Иоанн Кантакузин Диалог с иудеем Слово седьмое (Славянский XIV века и современный переводы) XLVII С 164—199
- Прохоров Г М Иоанн Кантакузин Диалог с иудеем Слово третье (Славянский XIV в и современный переводы) XLIII С 305—323
- Прохоров Г М Иоанн Кантакузин Диалог с иудеем Слово четвертое (Славянский XIV в и современный переводы) XLIV С 226—245
- Прохоров Г М Иоанн Кантакузин Диалог с иудеем Слово шестое (Славянский XIV в и современный переводы) XLVI С 270—286
- Прохоров Г М «Посторонние статьи» (в том числе Послание мудрого Феофана) в Погодинском № 27 Апостоле и «Слово о житии и о преставлении» Дмитрия Донского XLIX С 59—77
- Прохоров Г М Радзивилловский список Владимирской летописи по 1206 год и этапы владимирского летописания XLII С 53—76
- Прохоров Г М См Исследовательские материалы XLIV
- Пудалов Б М, Галицкая Е В Археографические экспедиции в Уренский и Тонкинский районы Горьковской области XLIII С 401—403
- Путилов Б Н Сказители русского Севера к проблеме отношений «ученик» — «учитель» Л С 633—639
- Пушко В Г Гимн Юстиниана в русской иконописи XVI в Л С 730—738
- Пятицкий Ю А Из истории Сийского Евангелия (миниатюра «Поклонение волхвов») XLIII С 365—370
- Ревелли Д Гораций и русская литература XVIII — нач XIX в Л С 698—707
- Робинсон М А Сазонова Л И Миф о дьяволе в романе М А Булгакова «Мастер и Маргарита» Л С 763—784
- Робинсон М А, Сазонова Л И О судьбе гуманитарной науки в 20-годы по письмам В Н Перетца М Н Сперанскому XLVIII С 458—471
- Рождественская М В Академик Н К Никольский — организатор историко-библиографического Музея славяно-русской книжности (По архивным материалам) XLVII С 397—408
- Рождественская М В К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932—1947 гг.) К 55-летию отдела XLII С 3—52
- Рождественская М В Князь («Всеволод в крещенье Гавриил») XLVII С 486—492
- Рождественская М В Научная деятельность академика Александра Сергеевича Орлова (1871—1947) (По архивным материалам) XLII С 3—17
- Рождественская М В Переписка В П Адриановой-Перетц и Н К Гудзия (по архивным материалам) XLVI С 186—193
- Рождественская М В Царь Давид, царь Симеон и вещей Боян Л С 104—109
- Рождественская М В Белоброва О А Георгий Карлович Вагнер XLIX С 532—534
- Рождественская М В, Николаева Е П Об архивном наследии В П Адриановой-Перетц XLV С 21 29
- Рождественская М В Овсянников О В «Сказание о построении церкви в селе Маврино-Сергиевском — малоизученный памятник XVII в XLVII С 357—366
- Рождественская М В Руди Т Р Шухти на Н В Экспедиция 1986 г на Пинегу XLIII С 394—400

- Розов Н Н «В начале было слово » XLVIII С 88—95
- Романик Т «Слово о полку Игореве» в английских переводах (Общий обзор) XLIII С 158—162
- Романов В А О датировке рукописи ИРЛИ, собр В Н Перетца, № 16 XLIV С 496
- Романчук Р, Бирнбаум Х Кем был загадочный Даниил Заточник? (К вопросу о культуре чтения в Древней Руси) L С 576—602
- Ромодановская Е К К истории сюжета о Поликратовом перстне в древнерусской литературе XLIX С 400—404
- Ромодановская Е К Об одной литературной параллели к Временнику Ивана Тимофеева XLVII С 291—296
- Ромодановская Е К Рассказы сибирских крестьян о видениях (К вопросу о специфике жанра видений) XLIX С 141—156
- Ромодановская Е К Русская версия Приклада о гордом цесаре Иовениане L С 689—693
- Ромодановская Е К См Исследовательские материалы XLI, XLIV
- Росовецкий С К Повесть о царе Иване и старце как памятник демократической «смеховой культуры» XVII в XLI С 241—267
- Росовецкий С К Современный путивльский и новгород-северский фольклор о героях «Слова о полку Игореве» Новые тексты XLVIII С 64—67
- Руди Т Р Краткая редакция «Повести об Ульянии Осорьинной» и «Обретении мощей преподобной Ульянии» (текстологический анализ) XLV С 286—304
- Руди Т Р О композиции и топике «Жития Юдиании Лазаревской» L С 133—143
- Руди Т Р О Тобольском списке «Повести об Ульянии Осорьинной» XLVIII С 335—338
- Руди Т Р См Исследовательские материалы XLI
- Руди Т Р, Рождественская М В, Шухтина Н В Экспедиция 1986 г на Пинегу XLIII С 394—400
- Рыжова Е А, Левичкин А Н Археографическая экспедиция 1990 г на Северную Двину XLVII С 437—440
- Савельев А А Переписка семьи пинежан Яковлевых XLVIII С 451—457
- Савельев П А Поездка на Пинегу в 1990 г XLVII С 441—442
- Савельев А А, Вознесенский А В Археографическая экспедиция на Северную Двину 1987 г XLIV С 489—492
- Савельев А А, Савельева Н В Пинежская экспедиция 1988 г XLV С 456—460
- Савельев А А, Шухтина Н В Экспедиция на Мезень 1989 г XLVI С 491—494
- Савельева Л В Светотень утверждения — отрицания в поэтике «Слова о полку Игореве» XLII С 148—152
- Савельева Н В Житийные памятники в пинежских рукописях XLVIII С 323—330
- Савельева Н В Сказание о чудесах иконы Спаса Нерукотворного в Кузнецовой слободе XLV С 259—272
- Савельева Н В, Савельева А А Пинежская экспедиция 1988 г XLV С 456—460
- Сазонова Л И Евфимий Чудовский — новое имя в русской поэзии XVII в XLIV С 300—324
- Сазонова Л И См Исследовательские материалы XLI, XLIV, XLV
- Сазонова Л И, Робинсон М А Миф о дьяволе в романе М А Булгакова «Мастер и Маргарита» L С 763—784
- Сазонова Л И, Робинсон М А О судьбе гуманитарной науки в 20-е годы по письмам В П Перетца М Н Сперанскому XLVIII С 458—471
- Салмина М А «Карна» в «Слове о полку Игореве» XLVI С 525—526
- Салмина М А «Луче жь бы потяту быти » в «Слове о полку Игореве» XLVII С 57—58
- Салмина М А См Исследовательские материалы XLI, XLIV, XLV
- Салмина М А (см Хронологический список трудов Марины Алексеевны Салминой)
- Салмина М А, Дмитриева Р П Дмитрий Сергеевич Лихачев — преподаватель исторического факультета Ленинградского университета (1946—1953) L С 27—31
- Свердлов М Б Феодализм на Руси X—XIII вв L С 322—330
- Седова Р А Служба митрополиту Петру XLV С 231—248
- Семенова Е И См Исследовательские материалы XLV
- Семенченко Г В Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского XII С С 241—254
- Семячко С А Из комментария к тексту «Летописца Воскресенского Солигалицкого монастыря» (К характеристике вымышленной летописи) XLVIII С 284—290
- Семячко С А К интерпретации «Повести о бражнике» XLIX С 405—409
- Семячко С А Круг агиографических памятников, посвященных Анне Кашинской I Сказание об обретении и перенесении мощей L С 531—536
- Семячко-Якунина С А «Повесть о Тверском Отроче монастыре» — древнерусский свадебный обряд XLI С 273—285
- Сендерович С В Владимир к мифопоэзису XLIX С 300—313
- Серебрякова М С Традиции исполнения Акафиста Богородице и стенопись Ферапонтова монастыря XLIV С 433—442
- Серегина Н С Из истории певческих циклов Борису и Глебу XLIII С 291—304
- Серова И Ю История текста «Летописной книги» XLIV С 269—283
- Серова И Ю К вопросу о влиянии Летописной книги на повести о Смуте С И Шаховского XLIII С 338—340
- Серова И Ю «Летописная книга» Катыврева Ростовского и «Троянская история» Гвидо де Колумна XLII С 107—114

- Серова И. Ю. Новые списки Повести о М. В. Сколине-Шуйском. XLV. С. 44—46.
- Сесейкина И. В., Цыпкин Д. О., Федоров А. В. Археографическая работа в Ленинградской области в 1988—1989 гг. XLVI. С. 503—508.
- Симонов Р. А., Плужников В. И. Гороскоп Петра I. XLIII. С. 82—100.
- Склярук В. И. К биографии Феодосия Печерского. XLI. С. 317—323.
- Склярук В. И., Солоджин Я. Г. Неизвестные рукописи курских собраний. XLI. С. 424—429.
- Скрьпников Р. Г. Исторический факт и летопись. L. С. 310—321.
- Славгородская Л. В. Образ романтического парка в немецкой литературе начала XIX в. L. С. 747—753.
- Смилянская Е. Б. К вопросу о народной смеховой культуре XVIII в. (Следственное дело о «Службе кабаку» в комплексе документов о богохульстве и кощунстве. XLV. С. 435—438.
- Смирнов И. П. Глухонемой демон (Об одном автошарже Б. Л. Пастернака в романе «Доктор Живаго»). L. С. 176—185.
- Соболев В. С. Из истории деятельности Академии наук по охране документальных памятников в первые годы революции. XLVI. С. 453—459.
- Соболев В. С. Отчет академика В. П. Перетца о своей деятельности в первые годы революции (1918—1923). XLV. С. 30—33.
- Соколова Л. В. Владимир Иванович Стеллецкий — переводчик и исследователь «Слова о полку Игореве». XLIII. С. 419—426.
- Соколова Л. В. К характеристике «Слова» Даниила Заточника. (Реконструкция и интерпретация первоначального текста). XLVI. С. 229—255.
- Соколова Л. В. Мотив живой и мертвой воды в «Слове о полку Игореве». XLVIII. С. 38—47.
- Соколова Л. В. «Соколы вь мытєхъ». L. С. 00.
- Соколова Л. В. Троян в «Слове о полку Игореве». (Обзор существующих точек зрения). XLIV. С. 325—362.
- Соколова Л. В. См.: Исследовательские материалы... XLI, XLIV.
- Соловьева И. Д. К истории иконописного собрания Александро-Свирского монастыря. XLVIII. С. 403—406.
- Соловьева И. Д. Книжник и иконописец Ефрем — современник Ефросина. XLII. С. 268—279.
- Солоджин Я. Г. К вопросу об источниках «Временника» Ивана Тимофеева. XLII. С. 115—127.
- Солоджин Я. Г. По поводу атрибуции Пискаревского летописца. XLIV. С. 387—396.
- Солоджин Я. Г. См.: Исследовательские материалы... XLI, XLIV, XLV.
- Солоджин Я. Г., Склярук В. И. Неизвестные рукописи курских собраний. XLI. С. 424—429.
- Сперанский М. Н. (см.: Робинсон М. А., Сазонова Л. И. О судьбе гуманитарной науки в 20-е годы по письмам В. Н. Перетца М. Н. Сперанскому).
- Спивак Д. Л. Матричные построения в стиле «плетения словес». XLIX. С. 99—111.
- Список опечаток к статье Д. Н. Брецинского «Житие Корнилия Выговского Пахомиевской редакции (текста)», напечатанный в книге «Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского дома» (Л.: Наука, 1985. С. 62—107). XLI. С. 479—480.
- Список основных трудов Ёсикадзу Накамура. XLIX. С. 529—531.
- Список трудов Льва Александровича Дмитриева за 1982—1992 гг. XLVIII. С. 19—25.
- Ставицкий В. И. Мироззрение автора «Слова о полку Игореве» и культура его времени. XLIII. С. 131—138.
- Ставицкий В. И. О двух датах штурма Киева в 1240 г. по русским летописям. XLIII. С. 282—290.
- Ставицкий В. И. Рассказ о нашествии Батяна на Русские земли по рукописи из Пскова. XLVII. С. 148—150.
- Стафеева О. С. Народная обрядовая символика и мифологические представления в поэтике «Службы кабаку». XLIX. С. 133—140.
- Стафеева О. С. Новые сведения о соловецком книжнике Сергии Шелонине. L. С. 617—623.
- Стафеева О. С. Проблема редакций «Службы кабаку». XLVII. С. 276—284.
- Стеллецкий В. И. (см.: Соколова Л. В. Владимир Иванович Стеллецкий — переводчик и исследователь «Слова о полку Игореве»).
- Тарковский Р. Б. Переводчик Эзопа Петр Кашинский. (Из Истории древнерусского перевода). XLVI. С. 134—157.
- Тарковский Р. Б. Три древнерусских перевода Эзопа (Идеологический очерк). XLIX. С. 187—223.
- Тарковский Р. Б. См.: Исследовательские материалы... XLIV.
- Тарланов З. К. Об одном способе объективизации повествования в «Слове о полку Игореве». XLIII. С. 143—147.
- Творогов О. В. «Влесова книга». XLIII. С. 170—254.
- Творогов О. В. Д. С. Лихачев и отечественная медиэвистика. L. С. 7—16.
- Творогов О. В. Древнерусская переводная гомилетика как предмет исследования. L. С. 186—188.
- Творогов О. В. Древнерусские четьи сборники XII—XIV вв. (Статья вторая: Памятники агнографии). XLIV. С. 196—225.
- Творогов О. В. Древнерусские четьи сборники XII—XIV вв. (Статья первая). XLI. С. 197—214.
- Творогов О. В. Древнерусские четьи сборники XII—XIV веков. (Статья третья: Сказания и гомилии на сюжеты священной и церковной истории). XLVII. С. 3—33.
- Творогов О. В. Марианна Давидовна Каган-Тарковская. XLIX. С. 534—535.
- Творогов О. В. Материалы к истории русских хронографов. 3. Троицкий хронограф. XLII. С. 287—343.

- Творогов О В На ком были женаты Игорь и Всеволод Святославичи? XLIII С 48—51
- Творогов О В Принципы публикации текста «Слова о полку Игореве» в изданиях XIX в XLV С 364—378
- Творогов О В Яков Соломонович Лурье XLIX С 535—536
- Творогов О В См Исследовательские материалы XLI, XLIV
- Творогов О В (см Хронологический список трудов Олега Викторовича Творогова)
- Телетова Н К Первый русский лирический поэт П А Квашнин-Самарин XLVII С 293—307
- Тимофеев А Г Новые материалы к научной биографии Н Н Зарубина XLVI С 460—473
- Титова Л В См Исследовательские материалы XLI
- Тихомиров М Н (см Шмидт С О Письма В П Адриановой-Перетц М Н Тихомирову)
- Трендафилов Х Переводы «Богословия» Иоанна Дамаскина в русской и славянской филологии L С 658—667
- Троицкая Т С Исследовательские материалы XLI
- Турцова Н М Литературные источники и политические идеи некоторых сюжетов ярославских икон второй половины XVII в XLII С 351—362
- Успенский Б А Свадьба Лже-Дмитрия L С 404—425
- Уханова Е В Житие св Иакова, епископа ростовского (источники и литература) XLVII С 241 249
- Фаль С, Харней Ю, Штурм Г Адресат и отправитель в древнерусских письмах L С 113—132
- Федоров А Ю «Повесть о Горе и Злосчастии» в ее отношении к волшебной сказке XLIV С 284—299
- Федоров А В, Цыпкин Д О, Сесекина И В Археографическая работа в Ленинградской области в 1988—1989 гг XLVI С 505—508
- Федотова М А К вопросу об эпистолярном наследии Дмитрия Ростовского XLIX С 388—399
- Федотова М А О двух автографах Дмитрия Ростовского L С 537—543
- Федотова М А О двух источниках украинских проповедей Дмитрия Ростовского (Фома Младзяновский и Корнелий а Липиде) XLVII С 343—350
- Федотова М А См Исследовательские материалы XLV
- Феннел Д (см Лурье Я С Джон Феннел (1918—1992) Некролог)
- Филатов Н Ф Иван Неронов Пора становления XLVIII С 319—322
- Филлиповский Г Ю В вопросу о художественной концепции «Слова о полку Игореве» L С 470—474
- Фомина М С Древнейшие списки сборника Златоуструй в ранней славянской письменности (XI—XII вв) К вопросу о редакции «Златоуструя А Ф Бычкова» XLVII С 34—53
- Фомичев С А Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве» А С Пушкина XLVIII С 421—428
- Фомичев С А Смеховой мир в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» L С 171—175
- Фонкич Б Л Греческие рукописи с пометкой Арсения Суханова в Кембридже XLVIII С 304—305
- Фонкич Б Л Сильвестр Медведев и «Дело патриарха Никона» L С 624—626
- Франклин С К вопросу о времени и месте перевода Хроники Георгия Амартола на славянский язык XLI С 324—330
- Фролов С В Новые аспекты изучения Стихираря 1380 г собрания Троице-Сергиевой лавры № 22 L С 196—207
- Фролов С В Певческие рукописи Карельского собрания Древлехранилища им В И Малышева (В контексте истории русской музыки) XLI С 430—443
- Фролов С В «Стих — старина» за монастырским «пивом» XLVIII С 196—204
- Ханник К Неизвестная гомилия Петра пресвитера Антиохийского на Пятидесятницу в славянской традиции L С 655—657
- Харней Ю, Штурм Г, Фаль С Адресат и отправитель в древнерусских письмах L С 113—132
- Хоулэтт Я Р Свидетельство архиепископа Геннадия о ереси «новгородских еретиков жидовская мудрствующих» XLVI С 53—73
- Хрипков В Ф Русские списки и редакции перевода Троянской истории» Гвидо де Колумна XLVI С 88—97
- Хрипков В Ф «Хроника Иоанна Малалы» в составе Тихоново-роковского хронографа XLV С 333—350
- Хронологический список трудов академика Д С Лихачева за 1988—1996 гг L С 40—70
- Хронологический список трудов Марины Алексеевны Салминой XLIII С 437—441
- Хронологический список трудов Надежды Феокистовны Дробленковой XLII С 456—460
- Хронологический список трудов Никиты Александровича Мещерского XLI С 457—467
- Хронологический список трудов Олега Викторовича Творогова XLIV С 497—506
- Хронологический список трудов Ольги Андреевны Белобровой XLI С 472—476
- Хронологический список трудов Руфимы Петровны Дмитриевой XLI С 468—471
- Хронологический список трудов Якова Соломоновича Лурье за 1981—1993 гг XLVII С 456—459
- Цыпкин Д О Археологическая работа в Ленинградской области в 1990 г XLII С 430—436

- Цыпкин Д О Сказание «О Молукитцких островах» и Повесть Лоретской Богоматери (Из сборника БАН, Архангельское собр., Д 193 XVI в.) XLIV С 378—386
- Цыпкин Д О Федоров А В, Сесекина И В Археографическая работа в Ленинградской области в 1988—1989 гг XLVI С 503—508
- Чакраворти Дж «Слово о полку Игореве» и «Раджатарангини» Кальханы XLIII С 153—157
- Черная Л А О понятии «чин» в русской культуре XVII С 343—356
- Чернецов А В Древнейшие события русской истории на миниатюрах XVI в XLIV С 422—432
- Чернецов А В Посох Стефана Пермского XLI С 215—240
- Чернов В А На каком языке писал Аввакум? XLII С 369—373
- Чернышева Т Н Композиция «Дигениса Акрита» и «Девгениево деяние» XLII С 344—350
- Черторицкая Т В Новый список жития Евфимия Суздальского (старые проблемы) XLVIII С 232—237
- Черторицкая Т В Четырь сборники в составе Великих Миней Четьих митрополита Макария XLVI С 98—108
- Черторицкая Т В, Бобров А Г К проблеме Золотой матицы XLIII С 341—358
- Черторицкая Т В, Давыдова С А К истории синаксаря XLVII С 151—163
- Чиккарини М Западные источники рускопольских фацияс XVII в XLII С 174—187
- Чистов К В Встречи и переписка с В П Адриановой-Перетц XLV С 15—18
- Чумичева О В Повесть о видении инока Ипатия и настроения в Соловецком монастыре накануне восстания 1667—1676 гг XLVII С 285—292
- Шашков А Т См Исследовательские материалы XLI XLIV XLV
- Шляпки И А (см Грачева А М Из истории контактов А М Ремизова с медиевистами начала XX века (Илья Александрович Шляпки))
- Шмидт С О Письма В П Адриановой-Перетц М Н Тихомирову XLVIII С 472—485
- Штро В А Дербент и Железные ворота в древнерусской литературе XLII С 262—267
- Штурм Г к истории переводов «Слово о полку Игореве» на немецкий язык XLIII С 163—169
- Штурм Г Фаль С, Харней Ю Адресат и от правитель в Древнерусских письмах L С 113—132
- Шухтина Н В Переработки «вопроса и ответа» и «Послания к некоему боголюбцу» инока Авраамия в рукописях XVIII XIX вв XLIV С 403—408
- Шухтина Н В Сочинения протопопа Аввакума в собрании рукописей Владимиро-Суздальского историко-архитектурного музея-заповедника XLI С 447—448
- Шухтина Н В См Исследовательские материалы XLIV
- Шухтина-Савельева Н В Пинежские находки 1987 г XLIV С 480—488
- Шухтина Н В, Бобров А Г Пинежская экспедиция 1985 г XLII С 439—447
- Шухтина Н В, Евсеева И А, Якунина С А Северодвинская экспедиция 1984 г XLI С 414—419
- Шухтина Н В, Рождественская М В Руди Т Р Экспедиция 1986 г на Пинегу XLIII С 394—400
- Шухтина Н В, Савельев А А Экспедиция на Мезень 1989 г XLVI С 491—494
- Эльзон М Д Из разысканий в Архиве Российской национальной библиотеки L С 573—575
- Юбилейная дата в жизни Д С Лихачева XLV С 3
- Юбилейная дата в жизни Л А Дмитриева XLVIII С 3
- Юрченко А И К проблеме идентификации «Написания о правой вере» XLIII С 255—262
- Юсим М А Книги из библиотек Симеона Полоцкого — Сильвестра Медведева XLVII С 312—327
- Юхименко Е М Вновь найденные письма Семена Денисова LXIV С 409—421
- Юхименко Е М Дни тавтоименитства выговских наставников I С 00
- Юхименко Е М Неизвестный выговский писатель XVIII в Василий Данилов Шапошников и «Сказание о преставлении Симеона Дионисевича» XLVI С 441—452
- Юхименко Е М Новые материалы о начале Выговской пустыни XLVII С 328—342
- Юхименко Е М Почитание Зосимы и Савватия Соловецких в Выговской старообрядческой пустыни XLVIII С 351—354
- Юхименко Е М Родственные связи на Выгу в первой половине XVIII в XIX С 157—186
- Яков Соломонович Лурье (О В Творогов) XLIX С 535—536
- Якунина С А, Демкова Н С Древнерусские рукописи и старопечатные книги в собрании Пермского педагогического института им А А Ушинского (Краткий обзор) XLIII С 413—418
- Якунина С А Демкова Н С Кормчая XV в из собрания Пермского педагогического института XLII С 330—337
- Якунина С А, Евсеева И А, Шухтина Н В Северодвинская экспедиция 1984 г XLI С 414—419
- Яценко Б И О некоторых особенностях рукописи «Слово о полку Игореве» XLV С 351—363
- Яценко Б И Об авторе «Слово о полку Игореве» (проблемы поиска) XLVIII С 31—37

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— Акты, собранные Археографической экспедицией
АЕ	— Археографический ежегодник
АИ	— Акты исторические
АРАН	— Архив Российской Академии наук
АСЭИ	— Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в
АФЗиХ	— Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв
БАН	— Библиотека Академии наук СССР (с 1992 г — БАН России С.-Петербурга)
Брикe	— Briquet C M Les filigranes Geneve, 1907
ВВ	— Византийский временник
ВИ	— Вопросы истории
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины
ВЛ	— Вопросы литературы
ВМЧ	— Великие Минеи Четии, изд Археографической комиссией
ВОИДР	— Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете
ГАКО	— Государственный архив Калининской области
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им В И Ленина (до 1992 г) См РГБ
Гераклитов	— Гераклитов А А Филиграния XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения М, 1963
ГИМ	— Государственный Исторический музей (Москва)
ГЛМ	— Государственный Литературный музей (Москва)
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека им М Е Салтыкова-Щедрина (до 1992 г) См РНБ
ГПНТБ СО АН СССР	Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Академии наук СССР (с 1992 г — СО РАН)
ГРМ	— Государственный Русский музей (С.-Петербург)
ГТГ	— Государственная Третьяковская галерея (Москва)
ДАИ	— Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией СПб, 1846—1875 Т 1—12
ДДГ	— Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв М, Л, 1950
Дианова, Костюхина	— Дианова Т В, Костюхина Л М Водяные знаки рукописей России XVII в М 1980
ЖМНО	— Журнал Министерства народного образования
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения

- ИА — Исторический архив
 ИВ — Исторический вестник
 ИЗ — Исторические записки
 ИМЛИ — Институт мировой литературы им А М Горького Российской Академии наук (Москва)
 ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Российской Академии наук
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
 ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (С-Петербург)
 КИХМ — Кирилловский историко-художественный музей-заповедник
 Клепиков, Филигр и штемп — Клепиков С А Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков М, 1959
 Клепиков, Шут — Клепиков С А Бумага с филигранью «голова шута» // Зап Отдела рукописей ГБЛ М, 1963 Вып 26
 КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия
 КСИИМК — Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР (до 1960 г)
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет (до 1992 г)
 ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии СПб, Пг, Л, 1862—1929 Т 1—35
 Лихачев, Вод зн — Лихачев Н П Палеографическое значение бумажных водяных знаков СПб, 1899
 МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел
 МГУ — Московский государственный университет
 МДА — Московская духовная академия
 НБ — Научная библиотека.
 НИЛ, НИЛ, НИЛЛ, НИВЛ, НВЛ — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи
 ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете
 ОЛДП — Общество любителей древней письменности
 ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР (с 1992 г — РАН)
 ОРРК — Отдел рукописной и редкой книги
 ПВЛ — Повесть временных лет
 ПДП — Памятники древней письменности
 ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства
 Пиккар — Piccard G Die Ochsenkopf-Wasserzeichen Findbuch II, 1, 2, 3 der Wasserzeichenkarteil Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart 1967
 ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
 ППС — Православный Палестинский сборник
 ПЛ, ПЛЛ, ПЛЛЛ — Псковская первая, вторая и третья летописи
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 РАН — Российская Академия наук
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва) См ЦГАДА

- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва) См ЦГАЛИ
- РГБ — Российская государственная библиотека (Москва) См ГБЛ
- РГИА — Российский государственный исторический архив (С -Петербург) См ЦГИА
- РИБ — Русская историческая библиотека
- РЛ — Русская литература
- РНБ — Российская национальная библиотека (С -Петербург) См ГПБ
- СА — Советская археология
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров М, 1813—1894 Ч 1—5
- СИЭ — Советская историческая энциклопедия
- Словарь книжников — Словарь книжников и книжности Древней Руси Вып 1 (XI—первая половина XIV в) Л, 1987 Вып 2 (вторая половина XIV—XVI в) Ч 1 А—К Л, 1988 Вып 2 (вторая половина XIV—XVI в) Ч 2 Л—Я Л, 1989 Вып 3 (XVII в) Ч 1 А—З СПб, 1992 Вып 3 (XVII в) Ч 2 И—О СПб, 1993 Вып 3 (XVII в) Ч 3 П—С (в печати)
- СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
- СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
- СПбДА — Санкт-Петербургская духовная академия
- СПЛ СПЛ — Софийская первая и вторая летописи
- Срезневский, Материалы — Срезневский И И Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам СПб, 1893—1912
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук
- Тромонин — Тромонин К Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге М, 1844
- ФИРИ РАН — Филиал Института российской истории РАН (С -Петербург)
- Хивуд — Heawood E Watermarks, mainly of the 17th and 18th Centuries Hilversum, The Paper Publications Society 1950
- ЦНБ АН УССР — Центральная научная библиотека Академии наук УССР (с 1992 г — Украины)
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (до 1992 г) См РГАДА
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (до 1992 г) См РГАЛИ
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (до 1992 г) См РГИА
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
- ЧОЛДП — Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения
- PG — Migne J -P Patrologiae Cursus Completus Series Graeca Paris, 1850—1887
- RES — Revue des Etudes slaves

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ, ПРИСЫЛАЮЩИХ СВОИ СТАТЬИ В «ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

1 Статьи принимаются в виде машинописи или компьютерного набора на дискете. Машинописный вариант печатается через два интервала (в том числе подстрочные примечания) и представляется в двух экземплярах.

2 Компьютерный вариант принимается в виде двух экземпляров распечатки или на двух дискетах вместе с двумя экземплярами распечатки. Недостающие в компьютерном наборе символы должны быть аккуратно вписаны в распечатки от руки.

Для представляющих статьи на дискетах принимаются дискеты 5" емкостью 360 Кб или 1,2 Мб или 3,5" емкостью 720 Кб или 1,44 Мб. Принимаются файлы в форматах 1) ASCII (текст), 2) Word для DOS, 3) WINWORD. Файлы в формате Chwnter и Wordperfect не принимаются. Текст набирается без отступа от левого края, длина строки — не более 78 символов. Не допускаются двойные пробелы, переносы, абзацные отступы. Выравнивание по правому краю не требуется. Абзацы отделяются один от другого пустой строкой.

3 Подстрочные примечания к статье даются постранично со сплошной нумерацией.

4 При библиографических ссылках в тексте и примечаниях необходимо сообщать следующие сведения: фамилия и инициалы автора, название работы, название и номер издания (для статьи), место издания (в том числе и для журналов), год издания, страницы.

5 При повторном упоминании работы в тексте и примечаниях дается сокращенное ее название. Сокращение «ук соч.» не допускается.

6 В тексте статей и примечаниях необходимо придерживаться сокращений, список которых публикуется в конце каждого тома «Трудов Отдела древнерусской литературы», начиная с т. 14.

7 Курсив, разрядка и полужирный шрифт используются только для выделения семантически значимых отрезков текста. Не допускается практикуемое при компьютерном наборе использование курсива вместо кавычек, обрамляющих цитируемый текст.

8 Древнерусские и древнеславянские тексты могут быть переданы буквами гражданской или церковнославянской графики. В том случае, если текст передается буквами гражданской графики, набор используемых букв ограничивается дореволюционным гражданским алфавитом (включая — при необходимости — *ѣ, ъ, ѿ, ѡ*) и не допускается воспроизведение титлов, надстрочных букв и знаков кириллической нумерации.

При этом авторам статей рекомендуется использовать следующие упрощения древней орфографии: *ѣ* передается через *и*, *ѣ* через *е* (для текстов с начала XVI в.), *ѡ* через *ф*, *ѡ* через *пс*, *ѡ* через *о*, *ѡ* и *ѡѡ* через *у*, *ѡ* и *ѡ* через *я*, *к* через *е*, *ж* через *у*, *ъ* в конце слова опускается, а в середине сохраняется. Титла раскрываются в соответствии с написанием подобных слов в данной рукописи. Выносные буквы вносятся в строку в соответствии с написанием подобных слов в данной рукописи. В том случае, если в рукописи нет соответствующих указаний, выносная буква вносится в слово в соответствии с теперешним написанием *князѣ* — князь. Выносное *ж* передается через *же*, выносное *с* в окончании возвратных глаголов через *ся* (если это согласуется с языком рукописи). Местоимение *и* (в отличие от союза) отмечается ударением. Кириллическая нумерация передается арабскими цифрами, цифры, написанные словами, сохраняют свое написание. К цифрам с падежным окончанием прибавляется дефис. Пунктуация представляется по современным правилам. Имена собственные, в том числе личные имена и географические названия, пишутся с прописной буквы, названия народов — со строчной, кроме тех случаев, когда название народа используется как название страны («и поиде в Половць»). Текст членится на абзацы соответственно его содержанию. Прямая речь берется в кавычки. Если в языке соответствующей рукописи имеется смешение косвенной и прямой речи и прямая речь вводится с помощью слов «что», «яко» и т. п., то эти последние слова в кавычки не заключаются: «глаголаше бо, яко „Преиду по Волхову пред всеми“».

9 Текст, который должен быть передан буквами церковнославянской графики, подчеркивается в машинописи (распечатке) красным карандашом. В тексте, который передается буквами церковнославянской графики, сохраняются все буквы древней кириллицы и — при необходимости — титла, надстрочные буквы и кириллическая нумерация. Надстрочные знаки сохраня-

ются лишь в том случае, если это мотивировано содержанием статьи. Курсивные выделения не используются.

10. Фотографии представляются в двух экземплярах, отпечатанных на глянцевой бумаге с накатом. Они должны быть подписаны на обороте грифельным карандашом и сопровождаться списком, в котором приводится подпись к каждой иллюстрации.

СОДЕРЖАНИЕ

К 90-летию академика Дмитрия Сергеевича Лихачева	3
<i>О В Творогов</i> (С -Петербург) Д С Лихачев и отечественная медиевистика	7
<i>Д А Гранин</i> (С -Петербург) Постоянство	17
<i>Д Н Альшиц</i> (С -Петербург) И свеча не погасла! К вопросу о масштабе и значении научного подвига Д С Лихачева в историко-культурной жизни эпохи	21
<i>Р П Дмитриева М А Салмина</i> (С -Петербург) Дмитрий Сергеевич Лихачев — преподаватель исторического факультета Ленинградского университета (1946—1953)	27
<i>Ф Лесур</i> (Париж) Труды Д С Лихачева во французском восприятии	32
<u>Хронологический список трудов академика Дмитрия Сергеевича Лихачева за 1988—1996 гг</u>	40
Литература о жизни и трудах академика Дмитрия Сергеевича Лихачева за 1988—1996 гг	71

ПОЭТИКА И СТИЛИСТИКА

<i>А А Алексеев</i> (С -Петербург) «Невѣглась», или Похвала невежеству	83
<i>В В Колесов</i> (С -Петербург) Средневековый текст как единство поэтических средств языка	92
<i>С Николова</i> (София) Влияние библейского текста на историю текста похвальных слов св Климента Охридского	99
<i>М В Рождественская</i> (С -Петербург) Царь Давид, царь Симеон и вещий Боян	104
<i>О П Лихачева</i> (С -Петербург) Яко бисер в кале	110
<i>С Фаль Ю Харней Г Штурм</i> (Берлин) Адресат и отправитель в древнерусских письмах	113
<i>Т Р Руди</i> (С -Петербург) О композиции и топике «Жития Юлиании Лазаревской»	133
<i>Е В Маркасова</i> (Петрозаводск) К вопросу о соотношении древнерусской литературной традиции и поэтики польского барокко в виршах Симеона Полоцкого	144
<i>С Матхаузерова</i> (Прага) Барочный славизм	149
<i>Н Д Кочеткова</i> (С -Петербург) Библейский мотив «милость и суд» в русской литературе XVIII в	155
<i>Л М Лотман</i> (С -Петербург) Еще раз о «мнении народном» в «Борисе Годунове» А С Пушкина	160
<i>С А Фомичев</i> (С -Петербург) Смеховой мир в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»	171
<i>И П Смирнов</i> (Констанц) Глухонемой демон (Об одном автошарже Б Л Пастернака в романе «Доктор Живаго»)	176

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЖАНРЫ И ФОРМЫ

<i>О В Творогов</i> (С -Петербург) Древнерусская переводная гомилетика как предмет исследования	186
<i>А Д Михайлов</i> (Москва) О жанровом составе средневековой литературы и его эволюции (Предварительные замечания)	189
<i>С В Фролов</i> (С -Петербург) Новые аспекты изучения Стихираря 1380 г собрания Троице-Сергиевой лавры № 22	196
<i>А Н Власов</i> (Сыктывкар) Сказание о грамоте и пермской азбуке в истории книжной культуры Древней Руси (Некоторые аспекты изучения)	208
<i>А В Вознесенский</i> (С -Петербург) Служебная Псалтирь в восточнославянском книгопечатании XVI—XVIII вв	215
<i>Г В Маркелов Ф В Панченко</i> (С -Петербург) О литургическом творчестве выговцев	220

Е А Маймин (Псков) О второй волне русского сентиментализма	229
В Е Багно (С -Петербург) «Коэффициент узнавания» мировых литературных образов	234

ТЕКСТОЛОГИЯ

Р Поп (Университет Йорк, Канада) Некоторые мысли по поводу издания средневековых славянских текстов	242
М Колуччи (Рим) Первоначальная редакция «Жития Александра Невского» заметки по истории текста	252
Н Ф Дробленкова (С -Петербург) «Сказание» о Вавилоне Минейной редакции и «опыт свода» А Н Веселовского	261
И А Лобакова (С -Петербург) «Житие митрополита Филиппа» 1 Соотношение Краткой и Пространных редакций Жития	270
О А Белоброва (С -Петербург) Две редакции жития Антония Дымского	281
Т И Орнатская (С -Петербург) «Необыкновенная история» с «Обыкновенной историей» И А Гончарова (К проблеме выбора источника основного текста)	293

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЗМ В ЛИТЕРАТУРЕ

В В Кусков (Москва) Проблемы историзма древнерусской литературы XI—XII вв	303
Р Г Скрынников (С -Петербург) Исторический факт и летопись	310
М Б Свердлов (С -Петербург) Феодализм на Руси X—XIII вв	322
Л Мюллер (Тюбинген) «Темное место» в договоре русских с греками от 2 сентября 911 г	331
В П Гребенюк (Москва) Святитель и князь К вопросу о роли митрополита Киприана и великого московского князя Василия Дмитриевича в событиях 1395 г	340
В А Кучкин (Москва) О термине «дети боярские» в Задонщине	347
А Г Бобров (С -Петербург) Новгородско-псковские отношения и Флорентийская Уния	359
М В Кукушкина (С -Петербург) К вопросу о месте происхождения Радзивилловской летописи в списке XV в	374
О Л Новикова (С -Петербург) К истории изучения Супрасльского летописного сборника в первой трети XIX в	384
Я С Лурье (С -Петербург) К изучению летописной традиции об Александре Невском	387
Е Накамура (Токио) Японец в Московии Возможный источник легенды о Беловоде?	400
Б А Успенский (Москва) Свадьба Лжедмитрия	404
Б Ф Егоров (С -Петербург) Понимание народности в окружении Николая I	426

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Р Пиккио (Рим) «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси	430
Н М Дылевский (София) Прочтение и перевод выражения «а злата и сребра ни мало того потрепати» в публикациях «Слова о полку Игореве» нынешнего столетия	444
Л В Соколова (С -Петербург) «Соколы в мытгах»	454
В А Водов (Париж) Следы «Слова о полку Игореве» в памятнике XV в ?	466
Г Ю Филипповский (Ярославль) К вопросу о художественной концепции «Слова о полку Игореве»	470

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Л И Журова (Новосибирск) Румянцевское собрание сочинений Максима Грека (К вопросу о соотношении собраний сочинений Максима Грека)	475
Т Я Морозова (Торжок) О якобы «утраченном» сборнике слов, сказаний и посланий Максима Грека 1584 г	479
Н С Демкова (С -Петербург) Грамоты Ивана Грозного шведским королям Эрику XIV и Йоганну III (По рукописям Шведского государственного архива)	488
Т Ф Волкова (Сыктывкар) Записи первых Романовых и княжеско-боярской знати XVII в на книгах собранных на Усть-Цилемском Севере	501
И А Кочетков (Москва), Е В Крушельницкая (С -Петербург) Малоизвестные памятники литературы Архангельска XVII в	509
А С Лавров (С -Петербург) Гравированный лист с виршами Сильвестра Медведея	519

Э Малэк (Лодзь) Сказание о римском попе Аврааме — неизвестная повесть о сношениях человека с дьяволом	526
С А Семячко (С.-Петербург) Круг агнографических памятников, посвященных Анне Кашинской I Сказание об обретении и перенесении мощей	531
М А Федотова (С.-Петербург) О двух автографах Дмитрия Ростовского	537
М В Мелихов (Сыктывкар) «История о короле Брунцвике» (По вычегодскому списку XVIII в)	544
А В Писин (Петрозаводск) Видения потустороннего мира в рукописной традиции XVIII—XX вв	551
Г М Прохоров (С.-Петербург) Житие и чудеса Нила Сорского в списке первой четверти XIX в	558
Н Н Покровский (Новосибирск) «Повести чудесных событий» из Урало-Сибирского патерика XX в	568
М Д Эльзон (С.-Петербург) Из разысканий в Архиве Российской национальной библиотеки	573

ПИСАТЕЛЬ И ЧИТАТЕЛЬ

Х Бирнбаум Р Романчук (Лос-Анджелес) Кем был загадочный Даниил Заточник? (К вопросу о культуре чтения в Древней Руси)	576
Л С Ковтун (С.-Петербург) О литературных источниках Азбуковников (Книжный фонд Московской Руси в представлении словарников этой эпохи)	603
В В Калугин (Москва) Теории текста в русской литературе XVI в	611
О С Стафеева-Сапожжникова (С.-Петербург) Новые сведения о словеском книжнике Сергии Шелонине	617
Б Л Фонкич (Москва) Сильвестр Медведев и «Дело патриарха Никона»	624
Е М Юхименко (Москва) Дни тезоименитства выговских наставников	627
Б Н Путилов (С.-Петербург) Сказители русского Севера к проблеме отношений «ученик» — «учитель»	633
Н Н Мостовская (С.-Петербург) П В Анненков — корреспондент И С Тургенева	640
Ю Д Левин (С.-Петербург) Николай Гумилев и Федор Сологуб о дровах	646
П Р Заборов (С.-Петербург) М А Волошин и А А Смирнов	649

КУЛЬТУРНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОНТАКТЫ

К Ханник (Вюрцбург) Неизвестная гомилия Петра пресвитера Антиохийского на Пятидесятницу в славянской традиции	655
Х Трендафилов (Шумен) Переводы «Богословия» Иоанна Дамаскина в русской и славянской филологии	658
Д Кенанов (Велико Тырново) Симеон Метафраст и его славянские последователи	668
Е Г Водолазкин (С.-Петербург) К вопросу об арабских наименованиях планет в древнерусской книжности	677
С И Николаев (С.-Петербург) Кометы в переводной литературе XVII в	684
Е К Ромодановская (Новосибирск) Русская версия Приклада о гордом цесаре Иовениане	689
А Х Горфункель (Олстон, США) Предисловие и «Рифмы» Андрея Белобочко к переводу трактата «О последовании Христу»	694
Д Ревелли (Генуя) Гораций и русская литература XVIII—нач XIX в	698
С С Аверинцев (Москва) Британское зеркало для русского самопознания. Еще раз о «Сельском кладбище» Грея—Жуковского	708
Р Ю Данилевский (С.-Петербург) Г С Сковорода и И Г Гердер	713

ИСКУССТВО И ЛИТЕРАТУРА

А Н Кирпичников (С.-Петербург) Новообнаруженный древнерусский подписной меч	717
Л Д Лилачева (С.-Петербург) Произведения шитья Софьи Палеолог из Кирилло-Белозерского монастыря	723
В Г Пуцко (Калуга) Гимн Юстиниана в русской иконописи XVI в	730
В И Охотникова (Псков) История Мирожской иконы Богоматери и литературных текстов о ней (кон XVI—XVII в)	739
Л В Славгородская (С.-Петербург) Образ романтического парка в немецкой литературе начала XIX в	747

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

<i>Ф Визгелл</i> (Лондон) Блудные сыновья или блуждающие души «Повесть о Горе-Злочастии» и «Очарованный странник» Лескова	754
<i>Л И Сазонова М А Робинсон</i> (Москва) Миф о дьяволе в романе М А Булгакова «Мастер и Маргарита»	763
<i>В Э Вацууро</i> (С -Петербург) Сюжет «Старой были» П А Катенина	785

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>Г И Вздорнов</i> (Москва) Н П Кондаков в зеркале современной византистики	792
<i>Е К Пиотровская</i> (С -Петербург) «Якорь надежд» (Мысли И В Ягича о Российской Академии наук)	798
<i>И П Медведев</i> (С -Петербург) Письма В М Ундольского к А А Кунику в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН	803
<i>Н И Николаев</i> (С -Петербург) Печатный Пролог с записями А А Ухтомского из собрания М С Лесмана	817
<i>В М Панеях</i> (С -Петербург) «Люди и нравы древней Руси» Бориса Александровича Романова судьба книги	825
Указатель статей и материалов, напечатанных в т ХLI—L «Трудов Отдела древнерусской литературы» (1988—1996 гг)	840
Список сокращений	855
К сведению авторов присылающих свои статьи в «Труды Отдела древнерусской литературы»	858